

French Journal of Scientific and Educational Research

No.2. (12), July-December, 2014

“Paris University Press”

French Journal of Scientific and Educational Research

No.2. (12), July-December, 2014

VOLUME II

“Paris University Press”

2014

French Journal of Scientific and Educational Research, 2014, No.2. (12), (July-December). Volume II. "Paris University Press". Paris, 2014. - 1075 p.

Proceedings of the Journal are located in the Databases Scopus.

Source Normalized Impact per Paper (SNIP): 3.248

SCImago Journal Rank (SJR): 3.345

Editor-in-Chief: Prof. Valerie Martin, D. S. Sc. (France)

Executive Editor: Prof. Claude Perrault, D. L. S. (France)

Technical Editors: Pierre Rene, Vanessa Marseille (France)

EDITORS:

Prof. Alexander Byusser, D. Sc. (France)

Prof. Jose Alvarez, D. S. Sc. (Spain)

Prof. François Mairesse, D. I. T. (France)

Prof. Michel Attal, D. C. S. (France)

Prof. Erin Robbins, Dr. P. H. (UK)

Prof. Jean-Marie Attalie, D. P. E. (France)

Prof. Paulo Rubio, D. M. Sc. (Italy)

Prof. Philip Gensac, D.Sc. (France)

Prof. Rayan Cooper, D. Sc. V. M. (UK)

Prof. Anna Maria Galba, D. M. (Spain)

Prof. Jean Lavanan, D. I. T. (France)

Prof. Philippe Moretti, D. Env. (France)

Prof. Jean-Claude Brim, D. E. Sc. (France)

Prof. Michelle Grim, D. C. S. (France)

Prof. Dominique Broonzy, D. Litt. (France)

Prof. Michelle Tirmon, D. B. A. (France)

Prof. Samuel Raymond, S. J. D. (USA)

Prof. Patrice Lande, D. S. Sc. (France)

Prof. Eva Galan, D.F.A. (France)

Prof. Katherine Lacy, EDM. (France)

Prof. Bertrand Giraud, D.Phil. (France)

Prof. Francois Marranos, D. Hum. Litt. (France)

Prof. Marie Carney, D. Litt. et Phil. (France)

Prof. Claude Riviere, D. Litt. (France)

Prof. Emma Allen, Ed.D. (Australia)

Prof. Roland Monnet, Ed.D. (France)

Prof. Leslie Bragg, Psy. D. (Canada)

Prof. Paul Bryant, Psy. D. (UK)

Prof. Gisele Aumont, Psy. D. (France)

ISSN: 0016-1125

© "Paris University Press", 2014

© Université Paris X - Nanterre, 2014

CONTENTS

Education

<i>Lane Perry, Krystina Stoner, Lee Stoner, Daniel Wadsworth, Rachel Page, Michael Tarrant</i> The Importance of Global Citizenship to Higher Education: The Role of Short-Term Study Abroad.....	9
<i>Pauline Ghenghesh</i> Job Satisfaction and Motivation • What Makes Teachers Tick?.....	23
<i>Chien-Heng Lin, Yu-Chiung Lou</i> A Framework of Multimedia Integration Based on Teacher's Perspectives.....	36
<i>Alexander Evsyukov</i> System of forming professional-pedagogical competence of the future teachers.....	52
<i>Alexander Ratsul</i> Essence of Future Social Pedagogists' Informational Culture.....	57
<i>A. Kabesheva</i> Statistically significant correlation features in the emotional sphere of mobile phone users.....	63
<i>A. Panfilova, E. Khachatouryan</i> Creation of a synergy of educational group by means of interactive technologies.....	69
<i>A. Anikeenko</i> The possibilities of integrated Foreign language, Fine art, Music and Literature disciplines in the process of moral aesthetic upbringing of young learners at primary school.....	78
<i>Anatoly Gerasimov</i> Features professional education of persons with disabilities.....	86
<i>Anastasiya Tikhomirova, Olga Bogatyreva, Andrey Bogatyrev</i> Elements of optimization of educational electronic resources in the context of the combined teaching of business communication in foreign language.....	93
<i>Irina Baeva</i> Particular qualities of interpersonal linguistic communication of students in linguistic higher education within corrective course of English language.....	104
<i>Tatiana Bukreeva</i> Importance of ecological education for implementation of sustainable development strategy.....	110
<i>Nyet Moi Siew, Sopiah Abdullah and Ngie King Kueh</i> Learning Probability in the Arts Stream Classes: Do Colour Balls with STAD-Cooperative Learning Help in Improving Students Performance?.....	115
<i>Vera Timofeycheva</i> To a question of research of the emotional and strong-willed sphere of athletes.....	136
<i>Viktor Duganets</i> International experience in training specialists in agricultural engineering.....	140
<i>V. Skvortsov</i> Present-day problems of quality in education systems.....	145
<i>Ekaterina Ignatova</i> Psycho-pedagogical support teachers and students in conflict: the results.....	150
<i>Elena Bortnikova, Elena Panova</i> Impact of the global economic crisis on adolescent aggression.....	170
<i>Elena Zaika, Aleksandr Dovzhenko</i> Concert and performing activity as the form of intending teachers artistic and creative abilities development.....	178
<i>Elena Serdyukova, Venera Minazova, Zarema Minazova</i> The study of value orientations of young people of the Chechen Republic as a factor in the prevention of addiction to extremism.....	184
<i>E. Suroedova, D. Dautov, M. Vasilchenko</i> Personality characteristics of students with different strategies of meaning-making.....	191

<i>Anselm Komla Abotsi</i> Expectations of School Feeding Programme: Impact on School Enrolment, Attendance and Academic Performance in Elementary Ghanaian Schools.....	197
<i>Zaliya Arskieva, Magomed Azhiev</i> Psychological factors contributing to the development of anxiety in children of primary school age.....	217
<i>Elena Serdyukova, Zarema Musaeva</i> Features of the intellectual sphere of human in involutinal period.....	221
<i>Z. Chervaneva</i> The Human capital as kernel of «New» pedagogical psychology.....	227
<i>Irina Lipatnikova</i> Improving the quality of preparation of teacher mathematics at the pedagogical University on the basis of reflexive approach's technology.....	234
<i>Olga Dautova, Irina Takushevich</i> Designing a new pattern for learning and cognitive activities in non-linear and open education.....	241
<i>Irina Fateeva</i> Subjects of Russian initiatives in the field of media education, media literacy and media security.....	253
<i>Catherine Loginov</i> Theories of prosocial behavior in philosophy.....	259
<i>L. Bobrova</i> Problems organizing group sessions for remote audience.....	265
<i>Lyudmyla Mishchuk</i> The children and youth features of leisure in social and educational activity in the rural areas.....	273
<i>Nyet Moi Siew</i> Exploring Primary Science Teachers Creativity and Attitudes through Responses to Creative Questions in University Physics Lessons.....	278
<i>Maryna Velushchak</i> Active learning strategies in business education in the USA.....	298
<i>Mariya Vyshkvyrkina, Oksana Barsukova, Natalia Mozgovaya</i> The Inner World of the Person and its Realization in the Outer World (by the Example of Ambition, Personal Space and Social Intelligence).....	304
<i>Maria Lezhneva</i> Training of specialists in the field of information technologies to interprofessional innovative activity.....	310
<i>Maria Polushkina</i> Mathematical model of the educational subject preparation process.....	317
<i>Bozorova Muborak</i> Business game in training in professional foreign-language communication.....	324
<i>Mykola L. Didukh</i> Psychological support of the process of the ethnic individuation.....	330
<i>Natalia Lisnevskaya</i> The creation of healthy environments in pre-school educational institution based on its components.....	338
<i>N. Cherepkova, M. Solovyeva, E. Filimonova, O. Viksninsh, I. Usacheva, Y. Kostinekova</i> Readiness for marriage – basis of family values of students.....	344
<i>Maie Kitsing, Kristi Ploom, Hasso Kukemelk</i> Evaluation of Teachers and PISA 2009 Results in Estonia.....	349
<i>Oksana Klochko</i> Some aspects of professional training future managers by means of information and communication technologies in higher education.....	361
<i>Irina Barteneva, Marina Levina, Olga Zheltkova</i> Media texts: effective means in FFL.....	368
<i>Peter Makarov, Egor Nikolaev, Maria Ruphova</i> The prior suicidal state of teenagers and its prevention in the schools with compact population of small indigenous people of Siberia and Far East.....	391
<i>Christine F. Clark, Daniel Shepherd, Shreena Natasha Hira</i> Predicting Intention to Complete and Learning Outcomes in a Sample of Adult Learners.....	399

<i>Svetlana Rimar</i> Self-development as a way to achieve the subjective well-being of the person.....	421
<i>Svitlana Titarenko, Halyna Barsukovska</i> Forthcoming and heredity in formation of health-serving competence pre-school and younger students...426	426
<i>Sergiy Nemchenko</i> Creating a reflexive environment of master course as a condition of effective training of a future head of an educational institution.....	436
<i>Heiki Krips, Piret Luik, Merle Taimalu, Hasso Kukemelk, Diana Saparniene, Gintaras Saparnis, Marjaana Soininen, Tuula Merisuo-Storm</i> The Value Priorities of Adolescents in Estonia, Lithuania and Finland: a Comparative Perspective.....	442
<i>Tatyana Bezusova</i> Forming of Educational Jurisdictions of Student at Decision Tasks with Failings and Surplus Information.....	458
<i>Albina Polyarush, Tatyana Korneyeva</i> Comprehension and adaptation of resources of John Amos Comenius' pedagogical system as a necessary condition for realization of new educational standards.....	470
<i>Tatyana Kriskovets, Lyudmila Merculova</i> The Idea of Scientific Professional Communication in Subject-Variative Career Extension.....	477
<i>Tetiana Lutaieva</i> Private Initiative in Education of Medical Scientists in Kharkiv Province (the second half of the 19th – early 20th cent.).....	484
<i>T. Miftachutdinova</i> Features of realization of didactic software the formation of professional intercultural competence in the process of studying Humanities disciplines.....	492
<i>Tetyana Tyulpa</i> The students' social up-bringing as a social and educational problem.....	499
<i>Shakhnoza Muradova, Kamol Shadmanbekova</i> The Basic Principles of Training in the Professional Focused Communication in the Foreign Language...503	503
<i>Julia Ovsienko</i> Peculiarity of using computer technologies during teaching higher mathematics for students of agrarian HEE.....	508
<i>Alla Belousova, Julia Tushnova</i> Representaciya of sphere «education» in the system of values of subject layer of appearance of the world of students of different nationalities.....	515
 History, Philosophy and Arts	
<i>Alexandra Taranova, Elena Antonova</i> The anthropological dimension of Russian statehood as a self-sufficient world-system.....	524
<i>Alexey Antonov</i> How much does a talent cost?!.....	535
<i>Anton Vertel</i> The concepts of consciousness in psychoanalytic tradition: philosophical analysis.....	541
<i>Daria Sukhovskaya</i> Interdependence and mutual influence of the individual, society and creative spaces as places of human beings' creative potential realization in the environment of modern urban settlements.....	548
<i>Yevgenya Levchenko</i> Extreme sports and extreme tourism in contemporary society: socio-philosophical analysis.....	556
<i>Igor Orlov</i> A New Classification of Religious Gothic Buildings of Southern France (Languedoc) in Context of Ideological and Artistic Programs as Their Basis.....	563
<i>Irina Sizova</i> Museums of Western Siberia on the Internet.....	569
<i>Marina Chursinova</i> Paroemic translation peculiarities of different linguocultural communities concerning ethnocultural component: the comparative analysis.....	575
<i>Marfua Khamidova</i> Old Italian singing tradition in written sources XVI – XVIII centuries.....	583

<i>Natalia Skljarenko</i> Self-organization phenomenon in biological design-systems of outdoor advertizing.....	589
<i>Natalja Shkurko, Anna Mihailova</i> Using a socio-cultural approach to the formation of the investment image of Yakutia.....	596
<i>Oxana Orekhova</i> Newspaper market in Germany in the 21st century: trends and perspectives.....	602
<i>Iryna Stadnyk, Oksana Yashan</i> The main Nazi propaganda's tasks on the occupied Ukraine's territory (1941–1944).....	607
<i>Polina Demchenko</i> The phenomenon of Tambov carnival: ontological aspects.....	613
<i>Svetlana Altukhova</i> Experience theoretical understanding and practical research of British Multiculturalism.....	617
<i>Svitlana Savchenko</i> Olena Apanovych activity in the Ukrainian Association for the Protection of Historical and Cultural Monuments aimed at preservation of Khortytsia monuments in 1960 – 1970 years.....	622
<i>Tamara Lukina, Natalja Shkurko, Anatoly Novikov</i> Options for the transformation of the Asian model of development of the information society in the context of socio-philosophical approach.....	628
<i>Tatiana Belozeroва</i> Key aspects of the provincial party leadership by the media in the 1970s and early 1980s. (on the example of the Kursk region).....	634
<i>Tatiana Zolotareva</i> The features and the main stages of creative work.....	645
<i>Yury Neduzhko</i> The Views of the President of Ukrainian National Republic in Emigration Mykola Livitsky (1907-1989) on the “Eastern Policy“ of the Chancellor West Germany Willy Brandt in a Context National Interests of Ukraine.....	652

Jurisprudence and Sociology

<i>A. Konyukhova</i> Features of mechanism settlement of tax disputes in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany (rather-legal analysis).....	661
<i>Andrey Bulygin, Anna Brovina,</i> Subjects of public control in Russian legislation (anti-corruption aspect).....	672
<i>Veronica Khizhnyak, Marina Lyadascheva-Ilicheva</i> The problems of study of the legal policy in Russia: history and nowadays.....	678
<i>Vladimir Ignatyev</i> On what bases it possible to construct of “information” methatheory of contemporary society?.....	687
<i>Vladimir Mayorov</i> The concept of road traffic offenses and its classification.....	702
<i>D. Karelin, A. Shesler</i> Confederacy in terms of the Russian Federation criminal legislation and its application to law practice...708	708
<i>Dmitriy Tumanov</i> The problems of securing the constitutional freedom of scientific creativity in the Soviet state and modern Russia.....	714
<i>Kateryna Apanasenko</i> Direct methods of the state regulation of prices on food-stuffs in Ukraine: legislation and judicial practice.....	719
<i>Ekaterina Sprygina</i> Ethical problems.....	725
<i>Irina Shulzhenko, Galina Belanova</i> International legal aspects of protection of interests of Russian children.....	731
<i>Maria Soldatchenko</i> Some of the issues of the private sector higher education in Russia.....	736
<i>Olga Bumazhnikova</i> Encumbrance as way of protection it is right also the interests of the owner protected by the law.....	740

<i>Olga Simson</i>	
Public-Private Partnership (PPP) as a key mechanism of the EU countries' innovation policy.....	746
<i>P. Sazonova</i>	
Methodological Approach to the Analysis of Transformation of Russian Contemporary Society in its Gender Dimension.....	753
<i>Svetlana Rimar</i>	
Social well-being of today's youth in the context of the social responsibility of the media.....	761
<i>Svetlana Rimar</i>	
Image of social work abroad and in Russia: key challenges.....	766
<i>Svetlana Rimar</i>	
The protection of workers as the current direction of social policy.....	771
<i>Svetlana Rimar</i>	
Professional development of staff as a way of organizing.....	776
<i>Svetlana Rimar</i>	
The main directions of a positive image of social work.....	781
<i>S. Kuznetsov</i>	
On the nature of local (municipal) authorities.....	786
<i>Stanislav Rozenko</i>	
Criminal liability for violations of the rights of freedom of conscience and religion in Russian and German criminal law: a comparative perspective.....	790
<i>Tatyana Drakokhrust</i>	
Legal basis of public administration in Ukraine.....	797
<i>Juriy Jakimovich</i>	
The election of judges and the collegiality of criminal cases in the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation.....	803

Philology and Linguistics

<i>A. Zabolotskaya</i>	
Imperative constructions as intertextual markers in American poetic discourse.....	814
<i>Anastasiya Ignatkina</i>	
Public relations: cognitive analysis of the etymological basis of the concept nomination.....	820
<i>Volodymyr Konkulovskyy</i>	
Translating strategies while transcoding movie text "The Addams Family".....	828
<i>Galina Bestolkova</i>	
The problem of intercultural communication during the era of globalization.....	834
<i>U. Panesh, G. Sokolova, S. Panesh, F. Kerasheva</i>	
Actual problems of holistic study of Soviet literature.....	843
<i>Lubsan Shagdarov, Darima Shagdarova</i>	
Lexical-semantic word groups and the problem of making ideoglossaries of the Mongolian languages...	852
<i>Evgeniya Zhukovskaya</i>	
The Church in the media sphere: information management.....	862
<i>K. Pokliatska</i>	
Diagnosing of the problem-thematic orientation of literary-art magazines.....	867
<i>Elena Abramovskikh</i>	
"Creative reception unfinished text: violation of tradition (based on the continuation of the outline of Alexander Pushkin" The guests gathered at the dacha ... "L.Shvabom).".....	876
<i>G. Baltabaeva, R. Bakbergenova</i>	
Semantics of neoformlennogo genitive case.....	883
<i>Irina Gerasimenko</i>	
Interpersonal deixis in American business correspondence.....	888
<i>Iryna Khomytska</i>	
Phonostatistical Peculiarities of Linguistic World Image in Poem Lara by G. G. Byron.....	894
<i>Mariya Levina, Valentina Grishunina</i>	
On the usage of demonstrative pronouns in the dialects of Moksha language.....	904

<i>M. Glavatskikh</i>	
Social representations about conflict of adolescents with different behavior types in conflict.....	911
<i>Gulnara Altaeva, Nursaule Kalymbetova</i>	
Method of parallelism in the Kazakh animalistic literature.....	921
<i>Oksana Ivasiuk</i>	
Word family with the top of polysemant.....	927
<i>O. Diakonova, M. Mordvinova</i>	
Strategic choices in rendering proper names.....	933
<i>Olga Rtishcheva</i>	
The Intermodal Variation of Constructions With Passive Analytical Verb-Nominal Combinations and the “Regular” Passive in the German Language.....	942
<i>Svetlana Bezus</i>	
Cliché formulas in medieval formal letters written in old Spanish.....	950
<i>Svetlana Bogatyreva, Svetlana Kaziakhmedova</i>	
Manipulation of mind by means of metaphor.....	956
<i>Svetlana Petrova</i>	
The Intermedial Analysis of V.Tsoy’s Rock-album “Blood Type”.....	966
<i>S. Doroshenko, A. Lysenko</i>	
Stages of formation and development of Ukrainian scientific terminology.....	973
<i>Tatyana Kozhelupenko</i>	
Rap as the language of conflict communication.....	979
<i>Yulia Bilous</i>	
Somatic phraseological units as a secondary way of knowing surrounding reality.....	985
<i>Yana Prosyannikova</i>	
Peculiarities of biomorphic code actualization in English-Canadian poetic texts.....	997
<i>Oksana Marunovich</i>	
Ethnic Myths in the Folklore of Eastern, Southern and Western Slavs as Ethnically Consolidating Factor of Historical Consciousness.....	1003
 Sport	
<i>Vladimir Aikin, Michail Baksheev, Aleksey Korichko, Galina Tarasevich</i>	
Developing swimming technique of sport movements with concern for age-related characteristics of motor development.....	1009
<i>Alexey Somkin</i>	
Technology of preparation of female gymnasts aged 10-12 years for compulsory exercise on uneven bars.....	1016
<i>Alexey Somkin, Lyudmila Manko</i>	
Improving the Choreography Preparation (Questionnaire Specialists in Artistic Gymnastics).....	1023
<i>V. Olin, A. Lychakov</i>	
Determination of resistance to the movement of a floor ball.....	1029
<i>Grygoriy Gryban, Sergiy Romanchuk, Victor Romanchuk, Oleksandr Boyarchuk</i>	
Preservation and promotion of Students’ health is an important component of modern pedagogical technologies of physical education.....	1035
<i>Olena Dyomina, Vasyl Busol</i>	
Objective predictors of Fencing in Ukraine (historical and institutional aspects).....	1041
<i>Irina Korelskaya, A. Kuznetsov</i>	
Tactics competitive activity skiers.....	1047
<i>Olga Khokhlova, Natalia Aleshina</i>	
Factors and circumstances of the individual student in the process of teaching practical lessons for Physical Culture.....	1054
<i>Valentina Kurilova, Sergey Redko</i>	
Pedestrian tourism as means of all-round development of student young people.....	1061
<i>Valentina Sosina, Iryna Ruda</i>	
The problem of the rational development of flexibility in rhythmic gymnastics and ways of its solution.....	1069

Tikhomirova Anastasiya Vladimirovna,

Tver state university, PhD student, Department of theology

Bogatyreva Olga Pavlovna,

Tver state university Associate professor, candidate of sciences

in linguistics, Modern languages chair

Bogatyrev Andrey Anatoljevich,

Tver state university Professor, higher doctorate in linguistics, Pedagogical faculty

Optimization elements for modern e-learning resource within frame of Blended Learning technology in teaching Foreign Language business communication

Abstract. An outline of key technological and pedagogical elements is provided, concerning modern e-learning resource construction within frame of an innovative Blended-Learning course, dedicated to acquisition of proper communicative skills and competencies for Russia – Germany intercultural vocational business communication interface.

Key words: German, communicative culture, intercultural business communication, communicative studies, linguodidactics.

Тихомирова Анастасия Владимировна,

Тверской государственный университет,

аспирант кафедры теологии, педагогический факультет

Богатырёва Ольга Павловна,

Тверской государственный университет, Кандидат филологических наук,

доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов

Богатырёв Андрей Анатольевич,

Тверской государственный университет,

Доктор филологических наук, профессор, педагогический факультет

Элементы оптимизации образовательных электронных ресурсов в контексте комбинированного обучения деловой коммуникации на иностранном языке

Аннотация. Описываются ключевые элементы организации и педагогического / методического сопровождения современного образовательного электронного ресурса и соответствующего практико-ориентированного комбинированного

курса обучения, посвященного формированию инокультурной и интеркультурной коммуникативной компетентности в сфере повседневного и профессионального делового общения на изучаемом иностранном языке.

Ключевые слова: немецкий язык, межкультурная деловая коммуникация, лингвокультурология, лингводидактика.

Насущным требованием современности является интеграция образовательных учреждений России в мировую образовательную среду, реализация условий Болонского соглашения [1] и переход на международные стандарты, в частности, в сфере языковой подготовки (как для студентов вузов, так и для представителей деловых кругов). В качестве продуктивного подхода в осуществлении означенной задачи на практике рассматривается *технология* комбинированного обучения (англ. *'Blended Learning'* [2]), положенная в основу создания инновационного Blended Learning-курса «Межкультурная деловая коммуникация: Россия – Германия», а также соответствующего электронного учебного комплекта, размещенного в открытом доступе в сети Интернет [3] и на CD-ROM [4].

В основе настоящей статьи лежит допущение, согласно которому электронные учебные ресурсы (англ. *e-learning resources*) в области преподавания иностранного языка и культуры получают наибольшую эффективность, когда выступают не изолированно, а в качестве компоненты более широкого и разнообразного по средствам педагогического взаимодействия и воздействия курса комбинированного обучения. В статье описываются ключевые элементы организации и педагогического / методического сопровождения современного образовательного электронного ресурса и соответствующего практико-ориентированного комбинированного курса обучения, посвященного формированию инокультурной и интеркультурной коммуникативной компетентности в сфере повседневного и профессионального делового общения на изучаемом иностранном (немецком) языке. В задачу статьи входит представление множества элементов повышения эффективности электронного образовательного ресурса, представленных в системе взаимосвязей задач, условий, мотивов, приемов и средств обучения. В основу представленной системы стимульных элементов легло использование методов понятийного анализа, кластеризации, классификации, элементов функционального и системного подхода.

Представленная в статье попытка систематизации элементов, потенциально выступающих источниками оптимизации комбинированного учебного процесса, базируется на опыте разработки и создания учебного курса международной группой ученых и педагогов России и Германии (2011-2013) в рамках реализации

Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы. Исполнителем работ по Государственному контракту № 16.740.12.0730 выступил Тверской государственный университет. Проект *«Разработка инновационного учебного комплекта по немецкому языку в сфере межкультурной деловой коммуникации»* реализован под руководством профессора Тверского государственного университета Н.А. Коминой. Иностраным партнером от научно-образовательных организаций Германии по Государственному контракту 16.740.12.0730 от 07 октября 2011 года выступил Институт межкультурной коммуникации – Institut für Interkulturelle Kommunikation (IIK e.V Berlin / Jena / Erfurt / Ansbach) [4; 5; 6]. В итоге международного академического сотрудничества были разработаны курс комбинированного обучения для российских учащихся и создан одноименный электронный образовательный ресурс «Межкультурная деловая коммуникация: Россия – Германия» [3; 4].

01. Основными целями работы и международного сотрудничества выступили:

- 1) Разработка и внедрение новых образовательных технологий в сфере обучения межкультурной деловой коммуникации на основе адресатоцентрического (в том числе регионоведческого) подхода к субъектам учебно-педагогического общения;
- 2) Разработка и обновление понятийно-терминологического аппарата лингводидактики в свете достижений современной лингвистической прагматики и функциональной семантики; конкретизация категорий лингвистической прагматики с учетом особенностей менталитета носителей различных языков и культур;
- 3) Установление культурных мостов между научными школами России и Германии; популяризация и интеграция достижений ученых двух стран.

02. Педагогу, приступающему к преподаванию инновационного курса «Межкультурная деловая коммуникация: Россия – Германия» следует помнить, что Blended-Learning-курсу соответствуют следующие педагогические установки и черты организации учебного процесса:

- (1) последовательный адресатоцентризм (в т.ч. изучение адресата с точки зрения его актуальных потребностей и возможностей, мотивов и готовности к обучению, а также с точки зрения его социокультурной самоидентификации, социально-символических кодов, подлежащих фиксации либо элиминации в стихии формируемой вторичной коммуникативной личности) [7 etc.];
- (2) широкий учет прагматических факторов, определяющих (а) мотивацию, (b) целенаправленность в изучении иностранного языка, (c) гибкость в выборе контента занятия, (d) возможность выбора студентом индивидуального

образовательного маршрута и траектории обучения, индивидуализации графика занятий, (е) ориентированность на результат, (f) жесткий контроль за освоением пройденного учебного материала и (g) подробный мониторинг учебных результатов учащегося по всем изучаемым разделам и на всех стадиях обучения.

03. В разработке и апробации экспериментальной модели курса комбинированного обучения выделяются следующие задачи:

(а) конкретизация и стандартизация представлений российских учащихся о *коммуникативных правилах* изучаемого континуума (второго) языка-культуры в сфере деловой *межкультурной* коммуникации [cf. 8];

Комментарий. Переключение культурных кодов заслуживает обособленного рассмотрения на правах одного из источников коррекции учащимся речи на целевом иностранном языке. Инокультурная интерпретанта задает горизонт регулирования, санкционирования речевых ходов / речевых поступков говорящего инофона. Один из продуктивных приемов изучения инокультурных правил и стандартов коммуникативного поведения предполагает переключение стандартов на родном языке учащегося, позволяющее сделать интеркультурные различия заметными и провоцирующими *мета-коммуникативную рефлексия* учащихся.

(b) конкретизация представлений российских учащихся о *языковых / речевых стандартах* изучаемого континуума (второго) языка-культуры в сфере деловой *межличностной* коммуникации;

Комментарий. Переключение языкового кода связано не только с реализацией принципа общеязыковой грамотности в построении грамматически корректного высказывания, но и с реализацией принципов узуальности, ситуативной уместности и коммуникативной целесообразности, стандартного сценария комплектации эпизодов общения и последовательности их смены во времени с учетом прагматических и социокультурных факторов [cf. 8].

(с) конкретизация и стандартизация представлений российских учащихся о правилах *перевода* делового сообщения с родного на изучаемый *язык культуры* (в сфере деловой межличностной коммуникации);

Комментарий. Поскольку перевод представляет собой сложную и многоаспектную деятельность, связанную с необходимостью усмотрения и донесения смысла сообщения из одной языковой и социокультурной среды в другую, необходимым элементом подготовки учащихся к переводческой деятельности выступает учет специфики нетождественных культурных сред.

(d) освоение предметных образцов аутентичного немецкого текстопостроения в сфере деловой *межличностной* коммуникации в рамках целевой коммуникативной культуры;

Комментарий. Поскольку аутентичность освоения аутентичных текстов,

порожденных носителями языка и культура в родной и естественной для них среде автохтонной коммуникации не гарантируется автоматически, следует иметь в виду, что комбинированный курс предполагает активную интервенцию преподавателя в процесс понимания и интерпретации учащимися инокультурных текстов. В частности, на когнитивном и интерактивном уровнях анализа иноязычное инокультурное текстообразование может рассматриваться: (1) как сфера актуализации дискурсивных знаний в продуктивном аспекте текстопроизводства (речевых шагов, коммуникативных ходов говорящего); (2) как сфера актуализации так называемых «фоновых» знаний в рецептивном аспекте; (3) как стратегия управления ожиданиями реципиента в рамках экспектационной модели коммуникации, (4) как актуализация требований бизнес-этикета и национальных институциональных стандартов текстообразования.

(е) прирост *активного лексического запаса* учащихся, расширение арсенала аутентичных изучаемому континууму языка-культуры коллокаций и коллигаций в сфере деловой межличностной коммуникации на изучаемом языке;

Комментарий. Рост грамотности речи (как компонента развития вторичной языковой личности учащегося) достигается не только при опоре на свод общих грамматических правил языка, но и при опоре на конкретные предметные образы иноязычной речи. Принцип активного научения 'learning by doing' выступает контрбалансом принципа теоретического обоснования адекватного выбора грамматической формы высказывания.

Структура образовательного ресурса дифференцирована по стандартным уровням овладения языком (от B1 до C1) [3]. Многие электронные задания не исключают техническую возможность получения верного решения поставленной задачи путем «последовательного подбора ключа». Педагогический аспект поддержки означенной опции принадлежит миру дискуссий, в то время как праксеологический аспект поддержки означенной опции на учебном материале искомого инновационного пособия приносит определенные положительные результаты в первую очередь среди т.н. «слабых» и «отстающих» студентов в составе контингента учащихся.

(f) разработка и использование в учебном процессе интерактивных и диалоговых форм обучения (в системах общения «человек – компьютер» и «человек – человек»);

Комментарий. Blended-Learning курс предполагает компьютеризацию обучения в определенных пределах, измеряемых с учетом процентного соотношения по времени использования компьютерных и Интернет-ресурсов и собственно аудиторных занятий [9]. К диалоговым методикам должны быть отнесены групповые дискуссии, использование элементов проектных методик обучения в малых группах, проведение конкурсов и т.д.

(g) формирование / актуализация *хронометрической компетенции* учащихся в учебном процессе как условия повышения результативности обучения и эффективности межличностной деловой коммуникации на целевом изучаемом языке;

Комментарий. Поскольку отношение ко времени, характер его структуризации и организации в различных культурах не совпадает, учет соответствующей культурной интерпретации представляется важным (в том числе в сфере деловой коммуникации).

(h) развитие *адресатоцентрической речи*, а также *речевой самопрезентации* на изучаемом языке в свете использования статусно-ролевых характеристик коммуникантов, учитываемых в рамках целевого делового институционального дискурса в стихии изучаемой культуры;

04. В качестве значимых **методических ориентиров** в разработке инновационного учебного комплекта ««Межкультурная деловая коммуникация: Россия – Германия»» выступают:

(a) реализация принципов компетентностного подхода в организации учебного процесса [cf. 1, Словарь.../К/Компетентностный подход];

(b) реализация принципов программируемого обучения (англ. instructional design) в организации учебного процесса;

(c) реализация блочно-модульного подхода в организации учебного процесса;

Обучающий оптический мультимедийный CD-ROM «**Межкультурная деловая коммуникация. Россия – Германия: Blended Learning course**» может использоваться как в режиме 'online', требующем подключения к интернету, так и в автономном режиме, позволяющем работать со всеми основными печатными и графическими ресурсами учебного комплекта и минимум аудио-сопровождения. Работа с выходом в интернет позволяет заметно расширить ресурсную базу курса за счет привлечения актуальных обновляемых (и загружаемых с сайта) компонентов аудио-сопровождения, использования активных ссылок на актуальные ресурсы 'YouTube.com' etc., а также участия в заполнении разделов Wiki, общении в блогах и пр.

Означенные обучающий CD-ROM и электронный online-ресурс могут использоваться как базовые компоненты учебного курса «современного немецкого языка как средства межкультурного делового общения» в рамках специализированных учебных курсов в составе утвержденной вузом программы, а также в качестве самостоятельных модулей подготовки в составе поликомпонентных модулей, оцениваемых в терминах зачетных единиц. Модуль представляет собой автономную организационно-методическую структуру учебной дисциплины, включающую в себя «дидактические цели, логически завершенную

единицу учебного материала, методическое руководство и систему контроля и предполагает четкую структуризацию содержания обучения» [10].

(d) совершенствование и внедрение квестовых технологий обучения в учебный комплект и учебный процесс [cf. 11 etc.];

(e) осуществление *перекрестного мониторинга* качества учебных материалов российскими и иностранными партнерами по разработке курса, а также студентами;

(f) внедрение принципов *поликультурного образования* в учебный процесс [12];

(g) актуализация педагогических принципов *толерантности, эффективности и аутентичности* как основополагающих детерминант инновационного учебного курса немецкого языка в сфере межкультурной деловой коммуникации;

(h) использование *комплексного подхода* как интегративной методологической платформы для диалога академических и дидактических традиций России и Германии с соблюдением *принципа комплементарности* реализуемых дидактических моделей и методик;

(i) актуализация методических приемов *компрессии времени на изучение материала* с использованием современных технических средств и педагогических технологий (e.g. использование электронного мониторинга успешности выполнения задания и выделения проблемных секторов; разработка и внедрение квестовых методик обучения решению коммуникативных задач [11 etc.]);

Комментарий. Компьютерная форма представления нового учебного материала и соответствующая интерактивная форма выполнения учащимися практических заданий обеспечивают simultaneity негативного и позитивного закрепления предметных образцов и паттернов аутентичного иноязычного / инокультурного текстообразования в решении заданий в электронном виде; обеспечивается единство и достижимость связей моментов знакомства, применения и закрепления полученных знаний и схем.

(j) «*валоризация*» учебных материалов педагогами и учащимися;

Комментарий. Процесс обучения группы учащихся рассматривается как целостный процесс. Оборот «знаний», языковых данных, тематических групп лексики (глоссарии по темам, блокам, модулям), грамматических правил, шаблонов, языковых и контекстуальных правил, сценариев стандартного культурного поведения в социальных контекстах, решений, клише и пр.

(k) интеграция разрабатываемого учебного ресурса в образовательную среду Евросоюза.

05. К *дополнительным параметрам* оценки методической обработки исходного аутентичного иноязычного материала следует отнести:

(a) релевантность итогового технологического продукта с точки зрения использования в рамках педагогики обучения в течение всей жизни;

(b) релевантность итогового технологического продукта с точки зрения использования в рамках педагогики инклюзивного образования;

(c) релевантность итогового технологического продукта с точки зрения возможностей использования / применения в рамках поддержки таких актуальных проектов и программ как «академическая мобильность» и «получение образования за рубежом» [1].

(d) потенциальную релевантность с точки зрения внедрения практики получения учащимися «совместных» дипломов (cf. [1]);

(e) релевантность итогового технологического продукта с точки зрения реализации принципов «открытого обучения» [13].

В настоящее время разработанный группой Тверских и Берлинских ученых инновационный образовательный онлайн-комплект по немецкому языку как средству межкультурной деловой коммуникации относится к открытым образовательным ресурсам (open educational resources, OER). В этой связи к *дополнительным возможностям использования* учебного комплекта на настоящий день также относится включение в систему пирингового (англ. P2P learning) образования в рамках MOOC – массовых открытых онлайн-курсов.

Следует отметить *полифункциональность* действующего сайта и итогового образовательного продукта (учебного комплекта). Сайт проекта содержит информацию о соответствующих принятым в Европейском Союзе уровням и критериям требованиям при аттестации меры овладения учащегося иностранным языком в актуальном для ЕС формате. В то же время сайт международного проекта «Межкультурная деловая коммуникация: Россия – Германия» предоставляет возможность совершенствования навыков общения на искомом иностранном языке с соблюдением *принципов уместности, вежливости, эффективности* и т.д. Сайт проекта *поддерживает возможность сертифицировать повышение квалификации по иностранному (немецкому) языку путем подготовки и сдачи экзамена ECL (European consortium for the certificate of attainment in modern languages* [14]). С 2012 года Тверь (в лице Тверского государственного университета) является одним из действующих на территории России (по состоянию на 2014 год уже *восьми*) центров подготовки к сдаче экзаменов означенного профиля и аттестации уровня овладения языком по действующим в ЕС стандартам [15].

06. Важным потребителем свойством образовательного продукта сегодня выступает контролируемость и управляемость процесса обучения со стороны учащегося, которая обеспечивается в данном случае за счет:

- (a) ясной и четкой структуризации учебного материала по темам и аспектам [3; 4; 5];
- (b) доступности режима навигации и поддержки по всем возникающим вопросам;
- (c) моментального адресного (открытого для учащегося) мониторинга успехов и неудач на каждом шаге освоения учебного материала;
- (d) возможности «переписать» тест и возобновить обучение в любой момент «от последнего обращения».

07. Дополнительными источниками мотивации учащихся к обучению выступают:

- (a) практико-ориентированный подбор соответствующего стандартным жизненным ситуациям учебного материала;
- (b) учет предпочтений студентов в рейтинге учебных материалов;
- (c) интеграция получаемых знаний в систему компетенций, востребованных при сдаче международного европейского языкового экзамена ECL;
- (d) организованная возможность сдать означенный экзамен по месту жительства.

Все перечисленные элементы организации электронного образовательного ресурса и учебного процесса на настоящий день составляют основу разработки и функционирования инновационного учебного комплекта как базы современного комбинированного учебного курса в рамках интерактивной технологии Blended Learning. Вместе с тем, вопрос о том, насколько методики экспресс-курса иностранного языка (в рамках программы дополнительного к специальности образования) подходят для обеспечения изучения языка в рамках основной лингвистической специальности, остается открытым и заслуживающим особого обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение. Болонский процесс / Болонский глоссарий. Glossary on the Bologna Process. English-German-Russian. – URL: <http://bologna.owwz.de/introduction.html?&L=3>
2. Богатырёва О.П. Blended Learning как инновационная технология и как ключ к педагогике интеграционного образования // Семантика и прагматика деловой межкультурной коммуникации в инновационной парадигме обучения: монография. – Тверь: ТвГУ, 2012. – С. 60-69.
- 3 Межкультурная деловая коммуникация: Blended-Learning-курс Россия – Германия. – URL: <http://gk-dru.tversu.ru/ru/default.html> > (29/10/2014).

4. Вацель Г., Хан М., Крестинский С.В. Учебный комплект «Межкультурная деловая коммуникация: Россия – Германия» / Под ред. Н.А. Коминой (ответственный редактор), А.А. Богатырёва (научный редактор) CD-ROM, Web-site (электронное издание) Коллектив авторов. – Тверь: ТвГУ; М.: Минобрнауки, 2013.

5. Вацель Г., д-р. Совместный проект Института межкультурной коммуникации и Тверского государственного университета // Семантика и прагматика деловой межкультурной коммуникации в инновационной парадигме обучения: монография / под ред. Н.А. Коминой. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – С. 16-30.

6. Хан М., д-р. Мультимедийная программа для обучения иностранному языку в сфере профессиональной коммуникации // Семантика и прагматика деловой межкультурной коммуникации в инновационной парадигме обучения: монография / под ред. Н.А. Коминой. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – С. 45-52.

7. Tikhomirova Anastasiya V., Bogatyrev Andrey A., Bogatyreva Olga P. (Tver state university). The addressee-centered and professional communicator-centered approaches within educational teaching discourse // “Applied Sciences and technologies in the United States and Europe: common challenges and scientific findings”: Papers of the 7th International Scientific Conference (June 25, 2014). Cibunet Publishing. New York, USA. 2014. – pp. 92-95.

8. Богатырёв А.А., Комина Н.А., Крестинский С.В., Тихомирова А.В. Методологические и методические аспекты разработки инновационного курса немецкого языка для делового интеркультурного общения // Международный сборник научных трудов, посвященный году Германии в России: Естественные и гуманитарные науки – устойчивому развитию общества /Московское общество испытателей природы (Россия) – Международный университет общественного развития (Германия). – М.: Альтекс, 2012. – С. 26-36.

9. Богатырёв А.А., Крестинский С.В. *Вебинар ‘Typisch deutsch?’ как элемент инновационного учебного курса немецкого языка в сфере межкультурной деловой коммуникации* // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тверь: ТвГУ, 2013. – Вып. 12. – Часть II. –С . 56-62.

10. Методологические основы системы модульного формирования содержания образовательных программ и совместимой с международной системой классификации учебных модулей: матер. науч. исслед., выполненных в МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках проекта ФПРО 2005 г. и национального проекта 2006 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <<http://www.msu.ru/innovation/nmo/metod.rtf>> (29/10/2014).

11. Тихомирова А.В. Коммуникативный квест как прообраз современной учебной программы по иностранному языку в неязыковом вузе // XL

Международная научно-практическая конференция "Проблемы современной педагогики в контексте развития международных образовательных стандартов". 30 января – 5 февраля 2013г. Одесса 2013г. -- URL: <gisap.eu/ru/node/18922> (29/10/2014).

12. Султанов К.В. Идея поликультурализма в образовательных стратегиях современной России (РГНФ) // Стратегии и модернизации образования в инновационном развитии России. СПб.:Изд-во Политех. ун-та, 2013. – С. 14-20.

13. Хуторской А.В., Дистанционное обучение и его технологии // Интернет-журнал "Эйдос", 2005. – 10 сентября 2005. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-18.htm>.

14. General information on the ECL. – URL: <http://www.ecl-test.com/pages/template2.aspx?id=5749> (29/10/2014).

15. Европейские экзамены ECL в России. – URL: <<http://www.ecl.ru/sertificate.html>> (29/10/2014).

Baeva Irina Vladimirovna,
Pskov State University, Graduate student, Chair of English Language.

Particular qualities of interpersonal linguistic communication of students in linguistic higher education within corrective course of English language

Abstract: This article describes the peculiarities of interpersonal linguistic communication of students in language high schools. The main components of linguistic identity are revealed. The examples of new technologies are shown in the development of secondary linguistic identity and the stages of its development are described. The brief analysis of the traditional forms of teaching foreign language in linguistic institutions was also given and characterized by the formation of specific cross-cultural competence at this stage.

Key words: linguistic communication, corrective course of English language, the secondary language personality, intercultural competence, "language world".

Баева Ирина Владимировна,
Псковский государственный университет,
аспирант кафедры английского языка.

Особенности межличностного языкового общения студентов-первокурсников лингвистических специальностей в рамках коррективно-корригирующего курса английского языка

Аннотация: В работе раскрываются особенности межличностного языкового общения студентов лингвистических специальностей в рамках коррекционно-корригирующего курса английского языка. В статье описывается необходимость использования коррекционно-корригирующего курса английского языка при обучении студентов – первокурсников языковых специальностей. Выявлены основные составляющие развития языковой личности. Также дан краткий анализ традиционных форм обучения иностранному языку в языковом вузе,

охарактеризована специфика формирования межкультурной компетенции на современном этапе.

Ключевые слова: межличностное языковое общение, коррективно-корректирующий курс английского языка, вторичная языковая личность, межкультурная компетенция, «языковая картина мира».

Межличностное языковое общение принято рассматривать как гармоничный и пропорциональный процесс коммуникации. Без коммуникации не может существовать современное общество. Различные психологические, коммуникативные и социально-обусловленные процессы происходят в обществе, и каждый из этих процессов изучается отдельными дисциплинами, в том числе и общение. Общаться на родном или иностранном языке является основной прерогативой современного общества. Обучить правильному общению на родном или иностранном языке задача общеобразовательных учебных заведений и высших образовательных учебных заведений. В нашей статье мы будем говорить о языковых высших учебных заведениях,

Дисциплина «Практика устной и письменной речи английского языка» в рамках рабочей программы требует от студентов наличия определенных компетенций, например коммуникативной. Известно, что коммуникативная компетенция отвечает за межличностное языковое общение, поэтому очень важно определить место общения в структуре межличностного взаимодействия и взаимодействия людей. У каждого человека навык общения формируется на основе усвоения данного языка участниками общения, не на врожденном, а на полученном знании. Сегодня каждому студенту важно осознать язык и речевое поведение людей как культурный феномен, влияющий не только на эффективность отдельных коммуникаций, но и на развитие, становление и объединение нации. Речь может идти не только о родном языке, но и об иностранном. Если больше приобщать студентов к культуре стран изучаемого языка с первого курса, то формирование умений представлять культуру своей страны в условиях межкультурного общения станет главным процессом [4, с.116].

Чтобы обучить студентов языковому общению, мы пользуемся различными опорами. Это могут быть опоры на тексты, диалоги, монологические высказывания и так далее. Текст – является основным компонентом при обучении иностранному языку. От студентов, особенно языковых Вузов требуется понять не только основное содержание текста, но и мотивы, цели поступков героев, особенности стилистического строения текста, а так же уметь анализировать и реферировать текст согласно требованиям ФГОС. Как известно, установки на такие задания формируют только в языковых заведениях. Чтобы обучать студентов в рамках ФГОС, подразумевается наличие у студентов конкретных знаний умений и

навыков в одинаковом объеме и очевидным является необходимость использования коррекционного курса в обучении практике устной и письменной речи английского языка на первом году.

Наблюдение за группой студентов-первокурсников показало, что существует достаточно большое количество пробелов в знаниях. Пробелы в области фонетики, лексики, грамматики, а также сложности в межличностном языковом общении между участниками группы, наталкивают преподавателя на разработку отдельных упражнений или комплекса упражнений для ликвидации неоднородности знаний в учебной группе. Отсутствие различных форм работы по выравниванию уровня языковых знаний, умений и навыков у студентов, может в серьезной степени затормозить процесс выполнения рабочих и учебных программ, создать некие проблемы в период обучения, как преподавателю, так и студенту. Отставание некоторых студентов может привести к серьезным последствиям, таким как разобщенность в учебной группе, отсутствие мотивации к обучению, потере интереса к развитию естественной межкультурной коммуникации.

Вследствие наличия данной проблемы преподавателям иностранного языка необходимо проводить коррекционную работу по выравниванию уровня владения иностранным языком у студентов первокурсников языковых специальностей. К тому же никто не может отвечать за желания учащихся сотрудничать друг с другом. Авторская позиция заключается в том что, коррективно-корригирующий курс, интегрируемый в учебный процесс, был разнонаправленным, комплексным и доступным каждому студенту первокурснику. Разнонаправленность заключается в отборе групп, отборе содержания, направленного на корректировку и на обучение с нуля. Следовательно, возникает модель коррекционно-корригирующего курса (ККК) работающая в трех направлениях – содержании, корректировки имеющихся знаний и обучении с нуля.

Обучая человека иностранному языку, мы воспитываем в нем вторичную языковую личность, она в свою очередь формируется под влиянием первичной языковой личности, сформированной родным языком человека [1, с. 83]. Как известно, уровень развития языковой личности и понимание на родном языке детерминируют готовности языковой личности на иностранном языке. Модель вторичной языковой личности - незамедлительное проявление коммуникативной готовности. Вторичная языковая личность есть совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне и предполагающая адекватное взаимодействие с представителями других культур. Она складывается из овладения вербально - семантическим кодом изучаемого языка, то есть "языковой картиной мира" носителей этого языка и глобальной концептуальной картиной мира, позволяющей человеку понять новую для него социальную

действительность [2, стр. 65]. Развитие у студента черт вторичной языковой личности, делающих его способным быть эффективным участником межкультурной коммуникации, и есть одна из целей обучения иностранному языку.

Компонентами формирования языковой личности является выработка нескольких компетенций: лингвистической - теоретические знания о языке, языковой - практическое владение языком, коммуникативной - использование языка в соответствии с ситуацией общения, навыки правильного речевого поведения и культурологической - вхождение в культуру изучаемого языка, преодоление культурного барьера в общении [3, с.60]. Современный человек, владеющий иностранным языком, оказывается вовлеченным в процесс общения с другими людьми, являющимися представителями своих культур. В связи с этим изучающим иностранный язык требуется не только иметь богатый лексический запас и идеальное произношение, хорошо знать иноязычную грамматику, но и формировать в себе межкультурную компетенцию. Данная компетенция предполагает достижение такого уровня владения языком, который позволит гибко реагировать на всевозможные непредвиденные повороты в ходе беседы, определять адекватную линию речевого поведения, безошибочно выбирать конкретные средства из обширного словарного запаса и употреблять эти средства сообразно предлагаемой ситуации.

Как известно, в лексике отражаются все процессы исторического развития общества. С появлением новых предметов, явлений возникают новые понятия, а вместе с ними – и слова для наименования этих понятий. Чтобы постичь новые иностранные наименования (слова) человек прибегает к различным способам и в первую очередь работает со словарем. Но зачастую внушительный процент новых слов может просто осесть в пассивном словарном запасе. Для закрепления слов в активном словарном запасе необходимо повторять их в различных ситуациях несколько раз. Технологии обучения в сотрудничестве или применение проектного метода, которые мы предлагаем использовать в рамках коррекционно-корректирующего курса английского языка, повлияют на способность студентов находить и употреблять только необходимую для каждой ситуации лексику.

Формирование межкультурной компетенции предполагает взаимодействие двух культур в нескольких направлениях: знакомство с культурой страны изучаемого языка посредством самого иностранного языка и усвоение модели поведения носителей иноязычной культуры, влияние иностранного языка и иноязычной культуры на развитие родного языка и модель поведения в рамках родной культуры, развитие личности под влиянием двух культур. Необходимо рассмотреть, как осуществляется формирование межкультурной компетенции студентов с учетом названных направлений. В процессе овладения иностранным языком студенты усваивают материал, который демонстрирует функционирование

языка в естественной среде, речевое и неречевое поведение носителей языка в разных ситуациях общения и раскрывает особенности поведения, связанные с народными обычаями, традициями, социальной структурой общества, этнической принадлежностью. Прежде всего, это происходит с помощью аутентичных материалов (оригинальных текстов, аудиозаписи, видеофильмов), которые являются нормативными с точки зрения языкового оформления и содержат лингвострановедческую информацию.

Вербальные средства являются наиболее мощными орудиями интеллекта и важнейшим условием осуществления высших психических функций человека. Чем больше данных орудий получает студент в процессе обучения, тем выше шанс его успешной реализации и профессиональной сфере и шанс самореализации преподавателя как профессионала.

Особенно важно выявить особенные черты общения студентов и дело преподавателя проявить умения помогать студентам в процессе взаимодействия. Итак, особенностью межличностного языкового общения в языковых Вузах нужно считать поликультурную языковую личность, которая может рассматриваться в условиях иноязычного межкультурного общения как личность, владеющая не только родным, но и иностранными языками и, соответственно, родной и иноязычной культурой. Она формируется в процессе обучения и воспитания, освоения языкового образования в целом. Её характеристики могут быть поделены на три аспекта - ценностный, познавательный и поведенческий. Ценностный аспект включает этические нормы поведения, отражающие историю и мировосприятие людей, объединенных культурой и языком; к познавательному или когнитивному аспекту относят свойственную данной личности картину мира, а к поведенческому - специфический набор речевых характеристик и паралингвистических средств общения. Следует отметить, что в последнем случае (поведенческий аспект) речь идёт о практическом владении речеповеденческими стратегиями и тактиками, способности вступать в контакт по поводу той или иной деятельности, в которую в качестве составного элемента входит и деятельность общения. С этой точки зрения поведенческий аспект в методическом плане логичнее назвать речеповеденческим. Исходя из того, что данные аспекты являются основой обучения иноязычному межкультурному общению, то они, по мнению автора, должны быть отражены в содержании обучения иностранному языку в специализированных языковых вузах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. — М.: АРКТИ, 2000. 165 с. 31 .Гез Н.И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. — М.: Высшая школа, 1982. 374 с.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: издательский центр «Академия», 2013. 336 с.
3. Гуткин О.В. Проблема соотношения понятий диалога культур и диалога в культуре // Человек. Диалог. Понимание. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов. 1996. - с. 58-63.
4. Зимняя И.А. Иноязычная речевая деятельность как объект обучения и психолингвистические проблемы обучения говорению на иностранном языке// Психологические основы обучения иностранным языкам в языковом вузе: Сборник научных трудов. — М., 1979. 251с.
5. Степанчук О. А. Гуманитарные знания в системе современного образовани / О. А. Степанчук // Педагогика: традиции и инновации: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2011 г.).Т. I. — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 24-27.
6. Ерёмин Ю.В. Теоретические основы профессионально-коммуникативной подготовки будущего учителя в условиях педагогического университета (предметная область:иностраннй язык): Автореф. дис. док. пед. наук.- Спб., 2001.

Bortnikova Elena Gennadyevna,
Herzen University, Phd,
Associate Professor of Clinical Psychology,
Panova Elena Valeryevna,
Saint Petersburg State University, graduate

Impact of the global economic crisis on adolescent aggression

Abstract: During the growth and welfare of the population in times of macroeconomic instability we conducted an experimental psychological studies of adolescents prone to aggression (325 subjects). The article describes the various periods 1998-1999, 2005 and 2010. The results showed the impact of financial crisis on the change in the level of hostility and autoaggression the younger generation and their relationships with their parents.

Key words: aggression, hostility, adolescents, economic crisis.

Бортникова Елена Геннадьевна,
Кандидат психологических наук, доцент кафедры
клинической психологии, Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена,
Панова Елена Валерьевна,
Выпускница кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-
Петербургского государственного университета

Влияние мирового экономического кризиса на агрессию подростков

Аннотация: В период роста благосостояния населения и в моменты макроэкономической нестабильности проводились экспериментально-психологические исследования подростков, склонных к агрессии (всего 325 человек). В статье рассмотрены различные периоды 1998-99 годы, 2005 год и 2010 год. Результаты показали влияние финансовых кризисов на изменение уровня враждебности и аутовраждебности молодого поколения и их взаимоотношений с родителями.

Ключевые слова: агрессия, враждебность, подростки, экономический кризис.

В 60-е гг основатель поведенческого направления в конфликтологии Арнольд Басс, исследуя агрессивное поведение, подразделял понятие агрессии на враждебную и инструментальную, цель первой заключается в причинении вреда, а второй – в достижении иной цели. Инструментальная агрессия служит лишь способом получить желаемое. А. Басс изучал агрессию как следствие фрустрации и пришел к выводу, что фрустрация снижает вероятность проявления инструментальной агрессии и вызывает слабую агрессивную реакцию, но усиливает враждебность.

Арнольд Басс разделил понятия враждебности и агрессии. Враждебность представляла собой негативные чувства, испытываемые по отношению к другому человеку, а агрессия являлась поведенческим актом, посредством которого наносился вред. Инструментальная агрессия представляла собой способ достижения какой-либо цели, а враждебная агрессия являлась следствием неприятных чувств. Таким образом, само понятие агрессии «очистилось» от сходных с ней по смыслу, но не абсолютно идентичных понятий, и превратилась в чистый поведенческий акт, причинами которого могут являться либо враждебность, либо цель, напрямую не связанная с этим поведенческим актом.

Понятие враждебности, отделенное в свою очередь от понятия гнева, приобрело у А. Басса, главным образом, когнитивную функцию, в то время как другие авторы рассматривали его с точки зрения совокупности поведенческих, эмоциональных и когнитивных составляющих [1].

Итак, враждебность представляет собой негативное отношение к чему-либо или к кому-либо, основанное на убеждении в высокой степени вероятности причинения вреда субъекту, и проявляемое в форме враждебных чувств, например, обиды и гнева [2]. А агрессия является результатом стимула, имеющего фрустрационный характер или связанного с фрустрацией, и представляет собой поведенческий акт, направленный на другое лицо с целью повредить ему.

В качестве препятствий или фрустрации могут выступать, например, ограничения какой-либо деятельности, несоответствие поведения окружающих ожидаемому, произвольное событие, неприятности, которых можно было избежать, намерения [1]. Примером может послужить экономический кризис.

Новообразования переходного периода влекут за собой напряжение приспособительных резервов и вкпе с психотравмирующими ситуациями различного характера приводят к нарушению социальной адаптации подростка и обострению расстройств, имеющих последствием агрессивное поведение [3]. Отечественные исследователи полагают причинами агрессивного поведения

подростков личностные особенности [4], родительское воспитание, межличностное общение в школе [5], агрессия рассматривается как адаптивный или неадаптивный способ достижения желаемого [6]. Наряду с этим в сегодняшней действительности под действием социальных трансформаций и фрустраций в форме нарастания экономических проблем происходит изменение в системе отношений личности [7].

Наряду с этим, для формирования личности ребенка одним из ключевых факторов является процесс воспитания [5]. Неправильный стиль формируется из поколения в поколение, чаще бывает, что манера воспитания является неадекватной с самого детства [8]. Кроме того, Исследования Федониной И.А. [9] показали, что в последнее время чаще других в стиле воспитания встречается жесткий контроль со стороны родителей.

В связи с требованиями социальной и экономической ситуации видоизменяются родительско-детские отношения.

В связи с чем, представляется актуальным исследование агрессии и враждебности у молодого поколения и родительско-детских отношений в периоды финансовых кризисов в стране.

В различные временные периоды было обследовано, по методике А.Басса и А. Дарки, три группы подростков, склонных к проявлению агрессии (14-17 лет). Первая группа - в период дефолта и его последствий 1998-99гг. – 149 подростков, из них мальчиков 75, девочек 74 (данные за этот период были взяты из кандидатской диссертации Е.В. Ольшанской) [10]. Вторая группа - в 2010 г. в разгар мирового финансового кризиса – 117 подростков, из них мальчиков 54, девочек 63. Третья группа - в 2005 г, во время относительной экономической стабильности в стране и постепенного роста благосостояния населения – 59 подростков, из них мальчиков 29, девочек 30.

Результаты исследования:

Были отмечены усиление враждебности и снижение по шкале «чувство вины». Результаты сравнения коэффициента враждебности следующие. В период дефолта: $\chi^2(0,01)=104$; $M=73,38$. В период мирового финансового кризиса отмечено нормальное распределение признака $\chi^2(0,01)=2,7$; $M=59,46$. В период относительной стабильности, нормального распределения не обозначилось $\chi^2(0,01)=3,77$; $M=50,42$.

Таким образом, отмечается рост враждебности, которая представляет собой негативное отношение к кому-либо, основанное на убеждении в высокой степени вероятности причинения вреда субъекту, и проявляемое в форме враждебных чувств, например, обиды и гнева. Гнев является основой для проявления агрессии, целью служит преодоление препятствия [1].

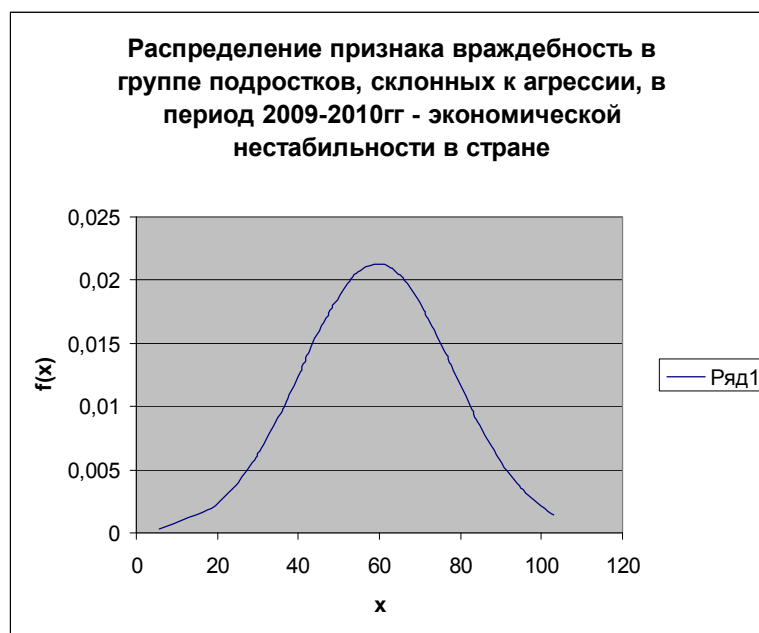

Рисунок 1. Распределение признака «враждебность» в группе подростков, склонных к агрессии, период с 2009 по 2010 гг.

Примечание: $\chi^2 (0,01;8)=2,7$; $M=59,46$; $n=117$; $A=-0,1$;
 $E=-0,03$

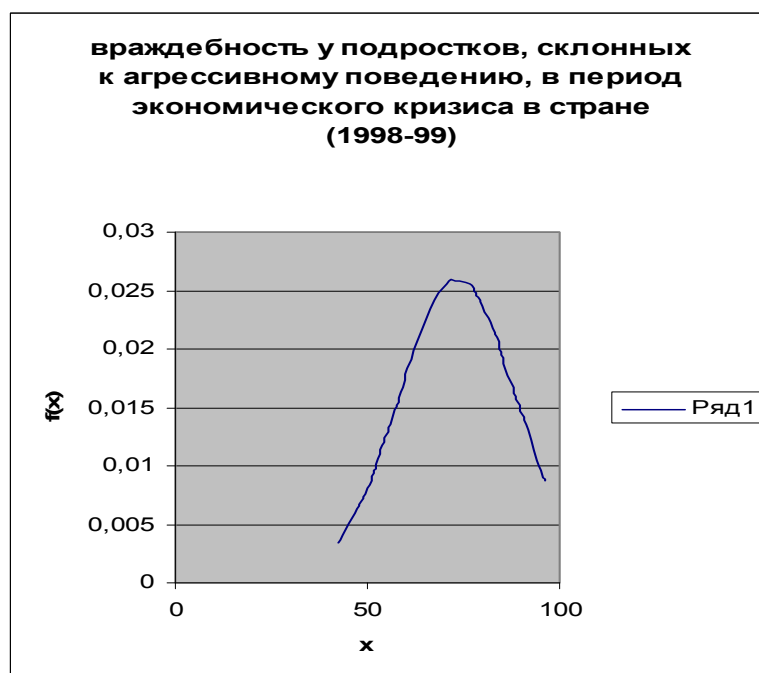

Рисунок 2. Распределение признака «враждебность» в группе подростков, склонных к агрессии в период с 1998 по 1999 гг.

Примечание: $\chi^2 (0,01;9)=104$; $M=73,38$; $n=149$; $A=-0,6$; $E=-1,24$.

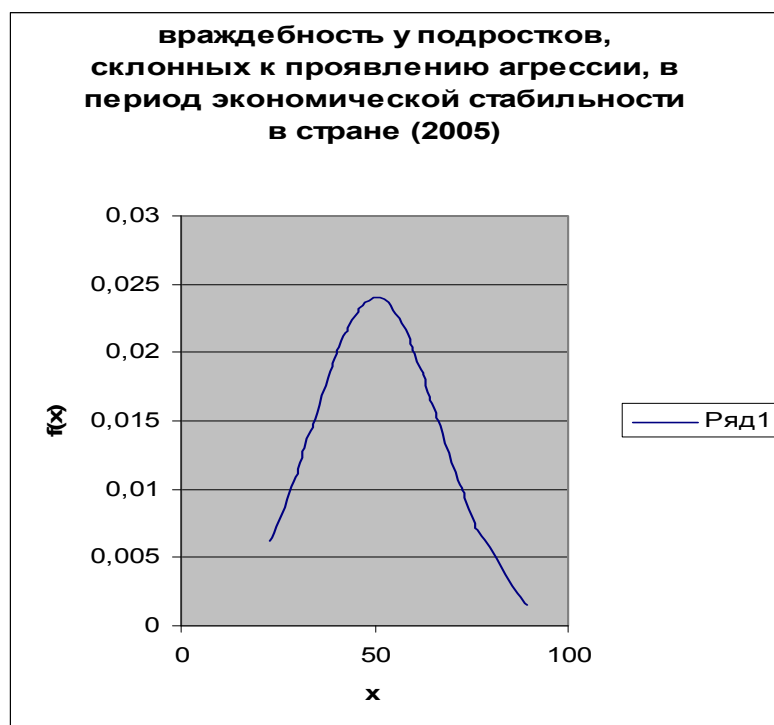

Рисунок 3. Распределение признака «враждебность» в группе подростков, склонных к агрессии в 2005 г

Примечание: $\chi^2(0,01;4)=3,77$; $M=50,42$; $n=59$; $A=0,4$; $E=-0,53$

Результаты сравнения по уровню аутовраждебности. В период дефолта: $\chi^2(0,01)=17,15$; $M=37,28$. В период мирового финансового кризиса: $M=59,09$, отмечено нормальное распределение признака. Период относительной стабильности $\chi^2(0,01)=86$; $M=63$.

Средств бюджета страны перед дефолтом 1998 г. было явно недостаточно для выполнения долговых обязательств перед банками и населением. Рост инфляции с 14 до 64%, обесценивание рубля в три раза и невыплаты зарплат работникам бюджетной сферы [11] не могли не сказаться на поведении людей в отношениях друг с другом. Возможно, ярко выраженные различия результатов 1999 г. в сравнении с 2010 г. объясняются тем, что критичность положения населения была много выше, чем в период мирового финансового кризиса.

Гендерные различия в особенностях эмоционального фона не определились. Подозрительное отношение к другим людям, чувство обиды, враждебности оказывались выше в период дефолта (при 0,01) и в 2010 году (при 0,05) как у мальчиков, так и у девочек (см. Табл.1, 2).

Таблица 1. Сравнение выраженности агрессивных проявлений у девочек подростков, склонных к агрессивному поведению в периоды экономической нестабильности в стране.

девочки	косвенная агрессия	подозрительность	обида	враждебность	чувство вины
2005	70	49	54	52	71
1998-99	87	68	78	73	39
t(0,01;100)	2,3	4,3	6	5,8	8
2009-10	83	61	58	59	58
t(0,05;88)	2,4	2,7	-	-	2,5

Таблица 2. Сравнение выраженности агрессивных проявлений у мальчиков подростков, склонных к агрессивному поведению в периоды экономической нестабильности в стране.

мальчики	подозрительность	обида	враждебность	чувство вины
2005	49	50	49	55
1998-99	71	77	74	36
t(0,001;102)	5	6	7	4,7
2009-10	59	61	60	60
t(0,05;81)	2,3	2,3	2,8	-

Для изучения стиля воспитания были взяты две группы подростков, не отличающихся повышенной агрессивностью в межличностных отношениях, это были подростки из средних общеобразовательных школ Санкт-Петербурга и пригородов. Стиль воспитания оценивался по методике «Подростки о родителях».

В стиле воспитания подростков в периоды экономической нестабильности в стране отмечается снижение уровня «позитивного интереса» со стороны матери. Таким образом, родительско-детские отношения характеризуются усилением «враждебности». Со стороны отца не отмечается статистически достоверных различий в стиле воспитания.

Подростки характеризуют свою мать как агрессивную и строгую в межличностных отношениях, она оценивает ребенка как соперника, которого необходимо подавить (см. Табл.3). При этом родители стремятся дать детям широкое образование, что может привести к непосильной нагрузке на подростковый организм. Возможно, родители стремятся в период нестабильности в стране дать своему ребенку больше возможностей для его дальнейшего развития, что должно помочь ему в момент повторения подобного кризиса, увеличивая возможности для

маневрирования, что и влечет за собой повышение требований, при избытке нагрузки.

Таблица 3. Сравнение типов воспитания со стороны матери у подростков в периоды экономического роста и нестабильности в стране.

Тип воспитания Матери	M		t st	p	Df
Позитивный интерес/враждебность	2005	2010	3,3	0,001	243
	2,78	1,76			

Наши исследования согласуются с результатами, полученными И.А. Федониной [9].

Вывод: Реакцией на ситуацию фрустрации, представленной в форме финансового кризиса, у подростков, склонных к агрессии, является усиление враждебности и снижение просоциальных чувств. Родительско-детские отношения характеризуются как враждебные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ениколопов С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения. // Прикладная юридическая психология., 2010., №2. С.37-47.
2. Мясищев В.Н. Психология отношений / Под ред.: А.А. Бодалева, - М.: издательство «Институт практической психологии», 1998. С. 48-49.
3. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков //Психология индивидуальных различий. Тексты / Под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 4-6, 28.
4. Горьковая И.А. Психические аномалии и противоправное поведение несовершеннолетних. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена., СПб.: 2009, №100. С.178-191.
- 5.Калин Н.И., Е.Е. Малкова Клинико-психологическая типология нарушений психической адаптации в подростковом возрасте. // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях., 2012, № 3. С. 92.
6. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А., Психология адаптации личности. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. С.48-54.

7. Алехин А.Н., Малкова Е.Е. Саморазрушающее поведение подростков как феномен и научная проблема. // Вестник Герценовского университета., 2012, №2. С.192-196.
8. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Семейная психотерапия. - СПб, 1998. С. 127-131.
9. Федонина И.А. Влияние семейной ситуации на развитие личности ребенка.// Журнал прикладной психологии. - Издательский дом «ЭКО», 2002, № 2. С. 63-64.
10. Ольшанская Е.В. Подростковая агрессия как фактор социальной адаптации. /Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М.: 2000г. С.49-51, 107-110, 115-120, 126-129.
11. Современная экономическая политика России: Учебник /СПбГУ, экон. факультет; Под ред. Г.Е. Алпатова. - М.: Экономика, 2011. С. 85-87.

Elena Zaika, Aleksandr Dovzhenko,
*Glukhov national pedagogical university pedagogical
sciences candidate, preschool education faculty*

Concert and performing activity as the form of intending teachers artistic and creative abilities development

Abstract: The article deals with the artistic and creative activity as the form of intending teachers artistic and creative abilities development. The research studies the dependence between the main parameters of intending teachers concert and performing activity and abilities which are actualized in the process of this activity.

Key words: artistic and creative abilities, concert and performing activity, intending teachers.

Заика Елена,
*Глуховский университет, кандидат педагогических наук,
факультет дошкольного образования*

Концертно-исполнительская деятельность как форма развития художественно-творческих способностей будущих педагогов

Аннотация: данная статья посвящена концертно-исполнительской деятельности как форме развития художественно-творческих способностей будущих педагогов. В публикации рассматривается зависимость между основными параметрами концертно-исполнительской деятельности и способностями, которые актуализируются у будущих педагогов в этой деятельности.

Ключевые слова: художественно-творческие способности, концертно-исполнительская деятельность, будущие педагоги.

Одним из стратегических направлений обновления современного образования является ориентация высшей педагогической школы на осуществление комплекса мероприятий по приобщению студенческой молодежи к художественно-эстетической культуре, созданию условий для формирования

творческой личности будущего педагога, реализации его природных задатков и возможностей в образовательном процессе ВУЗа.

Спецификой художественно-педагогического образования будущих педагогов является необходимость направленности учебного процесса в ВУЗе на овладение эстетическим содержанием искусства, использование в учебно-воспитательном процессе искусства слова, музыки, хореографии, театра, кино и др., что должно способствовать развитию художественно-творческих способностей будущих педагогов.

В процессе развития художественно-творческих способностей будущих специалистов имеют место противоречия между необходимостью развития творческих возможностей воспитанников и недостаточным уровнем подготовки к такой деятельности педагога; между потребностями общества в развитии творческой личности педагога и недостаточной разработанностью методики развития у него соответствующих художественно-творческих способностей.

Целью нашей статьи является исследование зависимости между основными параметрами концертно-исполнительской деятельности как формы развития художественно-творческих способностей будущих педагогов и способностями, которые актуализируются у них в этой деятельности.

Эстетическое воспитание студентов в высших учебных заведениях становится самостоятельной отраслью научных знаний, связанных с разнообразными вопросами, среди которых: восприятие эстетических ценностей (Г.Падалка, И.Полибина, О.Ростовский, О.Рудницкая, М.Семенова); формирование эстетического опыта будущего учителя (Л.Бабич, Т.Завадская, И.Зязюн, Г.Петрова, Т.Скорик, Л.Суходольская, О.Шевнюк); формирование эстетической культуры будущих учителей отдельными видами искусства и комплексом искусств (В.Абрамян, О.Бузова, Л.Гарбузенко, Л.Фирсова, Г.Шевченко, О.Щолокова и др.).

Однако авторы ряда работ отмечают, что эстетическая подготовка будущих учителей находится на очень низком уровне (Л.Кондрашова, Н.Крылова, А.Щербо и др.), вопросы развивающего потенциала художественной деятельности, специфики и педагогических условий его реализации в современных условиях функционирования художественного образования выучены недостаточно (Г.Падалка).

Вопрос эффективной самореализации личности в процессе концертной деятельности рассматривался в разных аспектах — философском (В. Библер, М. Каган, Е. Торшилова и др.); психологическом (Л.Баланчивадзе, Д.Богоявленская, Л. Выготский, Я.Пономарев и др.), педагогическом (В. Андреев, О.Бочкарев, В.Загвязинский, В.Кан-Калик, Н.Кузьмина, Б.Лихачев), художественном (Б.Неменский, З.Новлянская, и др.), в частности, музыкальном (А.Козырь, Н.Крылова, Г.Падалка, А.Ростовский, О.Рудницкая, В.Шульгина, О.Щолокова).

Освещению широкого круга вопросов, связанных с исследованием музыкально-исполнительской деятельности, отводили значительное место в своих трудах А.Ильченко, А.Козырь, Г.Падалка, А.Ростовский, О.Рудницкая, О.Щолокова. Исследователи рассматривают музыкальное исполнительство преимущественно как вид человеческой деятельности, художественно-творческий процесс, обусловленный стилевыми, жанровыми, художественно-выразительными, формообразующими или технико-исполнительскими факторами разных видов и форм вокального, инструментального и вокально-инструментального исполнительского искусства.

Между способностями и деятельностью существует двойная зависимость: с одной стороны, способности индивида выступают как результат его предыдущей деятельности, с другой — как предвидение и опережение его будущей деятельности, как деятельность в еще не развернутом виде [1; с.119].

Конечным результатом эстетичной деятельности в системе общественной практики в целом является развитие творческих сил и способностей человека независимо от какой-либо конкретной деятельности, то есть целостное развитие личности.

Специфическим ценностным признаком исполнительства, является наличие художественной интерпретации, которая в музыковедении определяется как художественное толкование музыкального произведения в процессе его исполнения.

Ценностным признаком исполнительской интерпретации является художественность. Художественная интерпретация предусматривает глубокое проникновение в содержание музыкального произведения, выявление ценностного отношения к музыке, воссозданию приобретенного опыта во всей его целостности.

Каждый исполнитель в зависимости от своего характера, темперамента, волевых качеств, интересов, художественного мастерства и индивидуального прочтения авторского замысла по-своему интерпретирует его.

В любительском музыкальном исполнительстве, как и в профессиональном, неотъемлемыми атрибутами интерпретации является целостность формы, правдивость чувств, эмоций, логическое сопоставление и соотношение рационального и эмоционального, целесообразное использование средств музыкальной выразительности [2; с.21].

Исполнительская деятельность развивается под воздействием педагогического действия, разных методов и подходов, игровой практики, допускает ежедневные самостоятельные занятия.

Проблемы в связи с воспитанием исполнителя – проблема готовности исполнителя к исполнению (личностная готовность, готовность его мотивационно-волевой сферы). Возможно, считает Л.Баланчивадзе, страх перед сценой должен

указать на отсутствие какого-либо мотива; деятельность исполнителя можно рассматривать как полимотивированную деятельность, а ее гомогенными мотивами следует считать мотивы самовыражения и общения. Исполнителя должно интересовать не только самовыражение, а и показ самого себя другим, оценка других, влияние на других [3, с.51].

Существует множество форм музыкального исполнительства. Наиболее традиционной из них является концертное исполнительство.

Концертно-исполнительская деятельность представляет собой одну из разновидностей художественной деятельности, выражает процесс и результат воссоздания художественных образов студентами в результате постижения их содержания и выражения собственного отношения к ним в процессе публичной демонстрации.

Восприятие музыки в условиях непосредственного (концерт) и опосредованного (телевидение, кино) общения с исполнителем отличается рядом специфических особенностей в сравнении со слушанием музыки по радио (в записи). Экспрессия исполнителя, его жесты, поведение, внешняя эмоциональная выразительность и заразительность интерпретации значительно может повлиять на процесс музыкальной коммуникации. В отличие от концерта телетрансляция музыки позволяет слушателям крупным планом увидеть экспрессию, руки дирижера, лицо исполнителя, максимально приближая музыкантов. Однако обратный негативный эффект такого восприятия — возможность переключения центра внимания из слухового на зрительный ряд [4; с.128].

В научных работах (Е.Рыбакина, В.Уколов и др.) подчеркивается, что дальнейшее развитие художественно-воспитательной работы нуждается в демократизации концертов, использовании их влияния для выявления и коррекции вкусов и потребностей молодежи, побуждения будущих специалистов к прямому общению. Во время выбора формы концерта нужно учитывать возможности взаимодействия музыки с другими видами искусства.

Исследуя методические основы подготовки будущих учителей музыки к концертно-образовательной деятельности среди детей и юношества, Т. Жигинас выделяет среди направлений концертного просветительства на современном этапе: выявление психологических основ художественных переживаний и музыкально-перцептивных способностей; выяснение особенностей подготовки студентов к музыкально-просветительской деятельности; разработка системы профессиональной подготовки студентов к художественно-эстетическому образованию школьников на культурологической основе [5].

Нерешенными, по мнению Т.Жигинас, остаются проблемы овладения студентами системой знаний, умений и навыков для проведения концертно-образовательной деятельности; недостаточно внимания уделено путям

сохранения творческого самочувствия учителя-исполнителя в условиях публичного выступления [5].

Исполнительство как вид деятельности в музыкальном искусстве развивает художественно-творческие способности личности, позитивные черты характера, помогает выработать собственные жизненные ориентиры через переживание и исполнительское сотворчество в ходе реализации авторского замысла. Это создает определенное напряжение духовной сферы субъекта учебного процесса, поскольку способствует передаче содержания музыкального произведения, его художественных образов, мыслей и чувств, нуждается в активности, творческой инициативе [6].

Содержание концертно-исполнительской деятельности студентов, согласно наших исследовательских поисков, должен составлять музыкальный, хореографический, литературно-поэтический и театральный материал, который, во-первых, отличается высокими художественными достоинствами, во-вторых, является доступным для исполнения студентов, которые не имеют специального художественного образования.

Среди ведущих способов целесообразной организации концертно-исполнительской деятельности студентов мы определяем такие, как оптимальный состав художественных коллективов и регулярность проведения занятий и выступлений, создание соответствующей среды для проведения лекционных, семинарских занятий, репетиций и самостоятельной художественно-творческой работы (соответствующее помещение, наличие музыкального инструментария, видео-, и аудио-аппаратуры и т. п.).

В процессе исследования разработаны оптимальные формы развития художественно-творческих способностей будущих педагогов, в частности, внеаудиторные, цель которых – закрепить полученные знания студентов об искусстве, активизировать творческие проявления студентов в искусстве, способствовать формированию установки на будущую профессиональную деятельность в художественном воспитании детей. Внеаудиторные формы работы со студентами включают подготовку различных жанров концертов (концерт-традиция, концерт-жанр, концерт-образ, концерт-интерпретация, концерт-презентация, концерт-наследие, концерт-настроение, концерт-дивертиссмент, концерт-путешествие и др.); проведение экскурсий с использованием выступлений студентов; привлечение студентов к выступлениям в рамках ежегодных художественно-воспитательных мероприятий (фестивалей, конкурсов, недель кафедр, календарных праздников и т. п.) и внеплановых мероприятий. Важное значение следует уделять исполнительству студентов перед детской аудиторией. Особенную роль в развитии художественно-творческих способностей студентов играет их привлечение к самостоятельному художественному творчеству

(написание стихотворений, песен, разработка сценариев праздников, театрализованных концертов и т. п.).

Итак, концертно-исполнительская деятельность является одним из эффективных форм развития художественно-творческих способностей будущих педагогов.

Концертно-исполнительская деятельность содержит мощный потенциал для развития личности, реализация которого зависит от ее содержания, способов организации. Основу методического обеспечения концертно-исполнительской деятельности составляет апробирование разработанной в процессе исследования методической модели, содержание которой является целью дальнейшего научного поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева Т. И. Методологический аспект проблемы способностей [Текст] / Т. И. Артемьева. – М. : Наука, 1977. - 183 с.
2. Ільченко О. О. Художні основи аматорського народно-оркестрового виконавства [Текст]: дис. ... док. мистецтвознавства : 17.00.03 / Ільченко Олександр Олександрович; Національна музична академія України ім. П.І.Чайковського. - К., 1996. - 389 с.
3. Баланчивадзе Л. В. Мотивация музыкально-исполнительской деятельности [Текст] / Л. В.Баланчивадзе // Вопросы психологии. - 1983. - № 6. - С.50-57.
4. Бочкарев Л. Л. Психология музыкальной деятельности [Текст] / Л.Л. Бочкарев. — М., Издательство «Институт психологии РАН», 1997. - 352 с.
5. Жигінас Т. В. Методичні засади підготовки майбутніх учителів музики до концертно-освітньої діяльності серед дітей та юнацтва [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Т. В. Жигінас ; НПУ ім. М.П. Драгоманова. — К., 2007. - 19 с.
6. Ліпська С. Л. Особливості музично-виконавської підготовки учнів в умовах позашкільної спеціалізованої освіти [Текст] / С. Л. Ліпська. — Режим доступа: <http://studentam.net.ua/content/view/7669/95/>

Serdyukova Elena Fedorovna,
*Chechen State University, a senior lecturer
of the Department of Pedagogy and Psychology*
Minazova Venera Magomedovna,
*Chechen State University, a senior lecturer
of the Department of Pedagogy and Psychology*
Minazova Zarema Magomedovna,
*Chechen State University, a senior lecturer
of the Department of Pedagogy and Psychology*

The study of value orientations of young people of the Chechen Republic as a factor in the prevention of addiction to extremism

Abstract: The article presents the results of a study of value orientations of young people living in the territory of the Chechen Republic. According to the authors, the analysis of the results makes it possible to organize prevention efforts aimed at preventing young people's propensity to extremist manifestations.

Keywords: value orientations of young people, prevention work, focus of interest, motivation, behavior, social activity

Сердюкова Елена Федоровна,
*Чеченский государственный университет,
старший преподаватель кафедры педагогики и психологии*
Миназова Венера Магомедовна,
*Чеченский государственный университет,
старший преподаватель кафедры педагогики и психологии*
Миназова Зарема Магомедовна,
*Чеченский государственный университет,
старший преподаватель кафедры педагогики и психологии*

Исследование ценностных ориентаций молодежи Чеченской республики как фактор профилактики склонности к экстремизму

Аннотация: В статье представлены результаты исследования ценностных ориентаций молодых людей, проживающих на территории Чеченской республики.

По мнению авторов статьи, анализ полученных результатов делает возможной организацию профилактической работы, направленной на предотвращение у молодых людей склонности к экстремистским проявлениям.

Ключевые слова: ценностные ориентации молодежи, профилактическая работа, направленность интересов, мотивация поведения, социальная активность

Ценностное отношение человека к миру пронизывает все сферы его жизнедеятельности, служит характеристикой его духовного состояния. Ценности личности являются важным критерием оценки материальной и духовной культуры, государственного и общественного уклада, поведения других людей и своего. Благодаря системе ценностей человек адаптируется к общественным отношениям, определяя свое место в них.

В науке предложено множество определений ценностей и ценностных ориентаций так или иначе подчеркивающих их содержание и смысл. В своем исследовании мы ориентируемся на понимание ценностных ориентаций как «элементов внутренней (диспозиционной) структуры личности, сформированных и закрепленных жизненным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации, отграничивающих значимое (существенное для данного человека) от незначимого (несущественного) через принятие / непринятие личностью определенных ценностей, осознаваемых в качестве рамки (горизонта) предельных смыслов и основополагающих целей жизни, а также определяющих приемлемые средства их реализации» [4].

В рамках темы исследования ценностные ориентации нас интересуют как «сознательный регулятор социального поведения личности» [1, с. 322]. Е.С. Волков считал, что ценностные ориентации играют мотивационную роль и определяют выбор деятельности » [1, с. 322].

Проблема изучения ценностей наиболее остро стоит в периоды общественных преобразований, глубоких перемен в материальных и духовных условиях жизни людей. Особое значение в подобных условиях приобретает изучение ценностных ориентаций молодежи с ее особой остротой и уязвимостью восприятия происходящего, поскольку система ценностей в этом возрасте находится на стадии формирования.

Изучение особенностей ценностного отношения к общественной жизни у молодых людей имеет особое значение, является актуальным, так как оно позволяет определить направленность их интересов и потребностей, мотивацию поведения, предпочитаемые сферы деятельности, духовный потенциал, понять тенденции изменения общественного молодежного сознания. Эти знания позволяют прогнозировать основные тенденции социальной активности молодежи.

Социальная активность может реализовываться как в приемлемых (или адекватных), так и в асоциальных, вычурных, извращенных формах, в числе которых можно назвать крайнюю выраженность радикальных взглядов молодежи (фанатизм, экстремизм и терроризм), при этом такие ценности как «красота природы и искусства», «развлечения», «творчество» будут признаваться как незначимые [2, с.35].

При организации исследования ценностных ориентаций молодежи следует учитывать, что они формируются в процессе реализации многих личностных потребностей, а именно, в потребности быть включенным в социальную группу, в безопасности, во взаимопонимании и поддержке, в межличностном общении, в самореализации, в признании взрослыми их «взрослости» и т.д. Все эти потребности в полной мере учитываются и удовлетворяются членами экстремистских группировок на этапе активного вовлечения молодого человека в свою контрсоциальную среду. Безусловный успех достигается ими в том случае, если указанные потребности молодого человека не реализованы в семье и другом ближайшем социально-ориентированном окружении. В таком случае эмоциональная и интеллектуальная пустота успешно заполняется ложными ценностями на фоне создания атмосферы псевдоподдержки и доверительности.

Именно ценностные ориентации оказывают существенное влияние на выбор значимых для молодого человека взаимоотношений, сфер жизнедеятельности. Несформированность системы ценностей, отсутствие в этой системе четкой иерархии, дефицит жизненного опыта, доверительных взаимоотношений с близкими, отсутствие знаний в области правовой культуры, ограниченность интересов делают молодых людей объектами манипуляции со стороны радикально настроенных группировок.

Авторами данной статьи проведено исследование, целью которого было изучение основных составляющих системы ценностных ориентаций современной молодежи на примере молодежи Чеченской республики. Не секрет, что в последние годы проблема экстремизма в России связывается в первую очередь с ростом экстремистской деятельности на Северном Кавказе, в частности в Чеченской республике. Поствоенная психологическая ситуация в регионе – благодатная почва для массированного воздействия на сознание молодежи, обремененной проблемами пережитых психотравмирующих ситуаций. «Анализ существующих в настоящее время психологических проблем детей и молодежи Чеченской республики, проводимый исследователями в области медицины, клинической психологии, педагогики и психологии, показывает, что «родом они из войны» [4, с.116]. Чеченская молодежь оказалась жертвой военных действий, оказавшись в условиях, угрожающих жизни, уровню образования, возможности самоактуализироваться. Состояние фрустрации молодежи усугубляет негативный

образ чеченца, целенаправленно созданный в общественном сознании и препятствующий налаживанию конструктивных межэтнических и межрелигиозных взаимоотношений.

Учитывая «слабые звенья» в психике и поведении молодых людей, в республике проводится целенаправленная работа по социально-психологической поддержке молодежи и профилактике девиантного поведения, в первую очередь, склонности к экстремизму.

Наше исследование явилось скромным вкладом в разработку профилактических мероприятий.

Исследование проводилось с помощью разработанной авторами анкеты, состоящей из 24-х вопросов, которые можно разделить на следующие блоки:

Блок «Правовая осведомленность» позволяет определить, насколько молодые люди ориентируются в законодательстве, знают ли они, какие поступки и действия допустимы, а какие – противозаконны.

Блок «Круг общения» направлен на изучение тех параметров, по которым молодые люди оценивают людей и выбирают друзей.

Блок «Ценностный компонент» даст возможность определить, что является наиболее значимым для молодых людей – карьера, деньги, слава, помощь людям, хорошие отношения с людьми и другое.

Блок «Временная перспектива будущего, картина мира» показывает отношение молодых людей к своему будущему, умение и желание планировать, достигать поставленных целей, оценивать результаты своей деятельности. Также этот блок показывает отношение молодых людей к тому, как они воспринимают окружающий мир, считают ли они его доброжелательным или враждебным по отношению к себе.

Блок «Культурный компонент» позволяет оценить общекультурное развитие молодых людей, определить предпочитаемые ими направления в литературе, музыке, выявить основные интересы.

Блок «Духовно-нравственный компонент» является ключевым в нашем исследовании, так как тесно связан со всеми другими блоками анкеты, которые рассматриваются только во взаимосвязи с духовно-нравственным содержанием структуры личности молодых людей.

Авторы считают, что в целом настоящая анкета позволила составить комплексный портрет современного молодого человека, определить сильные и слабые стороны молодежи, увидеть, с какими сторонами личности стоит работать, а на какие опираться при формировании гармоничного, ответственного и целеустремленного молодого поколения, а в частности – с большой долей вероятности определить склонность молодого человека к проявлениям экстремизма.

Как показало проведенное исследование, наиболее проблемным в некоторых районах является показатель «*Правовая осведомленность*». Самые низкие показатели имеют районы:

- Веденский район (12,7%)
- Ножай-Юртовский район (13,3%)
- Шаройский район (12,1%)
- Шатойский район (11,9%)
- Итум-Калинский район (11, 4%)
- Шелковской район (11,6%)

На наш взгляд, низкие показатели в этих районах обусловлены тем, что население горных районов изначально доброжелательно, гостеприимно; поэтому молодые люди не допускают и мысли о том, что знакомому человеку можно отказать в просьбе дать свой телефон для звонка или же в доставке пакета по назначению, если молодой человек едет куда-то по своим делам, а знакомый просит его передать что-то «по пути» кому-то в пункте его назначения. Это объясняется еще и тем, что жители этих районов редко покидают место постоянного проживания из-за отдаленности своих районов или из-за «привязанности» к домашнему хозяйству.

В данном случае мы рекомендуем следующие мероприятия:

1. Проведение лектория юристом (преподавателем, инспектором по делам несовершеннолетних, работником полиции), который разъяснит возможные намерения злоумышленников и последствия для того, кто не умеет отказывать в подобных просьбах.
2. Проведение тренингов на снятие тревожности, на отработку личной позиции, на умение отказывать в просьбах, которые вызывают удивление и настороженность. Также хорошие результаты может дать работа с проблемными ситуациями с использованием кейс-метода.

По совокупному показателю проблемным является блок «*Временная перспектива будущего*». Большинство молодых людей отметило, что окружающий мир для них нейтрален, довольно большая группа опрошенных считает, что окружающий мир враждебен; и только небольшое число испытуемых считает окружающий мир доброжелательным.

Практически поровну распределились голоса респондентов по отношению к показателям, обозначающим первостепенную важность «заповедей Ислама» и «финансовой независимости».

В этом направлении мы рекомендуем проведение тренингов «Построение временной перспективы будущего», в которых основным звеном считаем

профориентационную работу с целью раскрытия и развития творческого потенциала (интересов, навыков, умений); дискуссии о преимуществах и недостатках наиболее предпочитаемых профессий с детьми и молодежью, причем эти мероприятия могут проводиться работниками культуры, заместителями директоров школ по организационно-воспитательной работе, школьными психологами и социальными педагогами.

Хороший профилактический эффект в данном направлении способны дать тренинги по развитию толерантности, навыков межкультурного взаимодействия, развитию гуманных качеств личности.

Также рекомендуется организация тренингов по актуализации ресурсов и позитивному целеполаганию; на доверие и сближение школьников и молодежи, на обучение бесконфликтному поведению; не лишним было бы коллективное чтение небольших по объему рассказов или просмотр роликов воспитательного содержания с обязательным последующим обсуждением в непринужденной обстановке. Таким образом, ведущие получают возможность ненавязчиво влиять на систему ценностей участников мероприятия.

Результаты, полученные по другим показателям, не вызывают опасения, однако, в целях профилактики мы рекомендуем проведение следующих мероприятий:

- Беседы по духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи (религиозные деятели, духовные лидеры, специалисты по этнологии и т.д.).

- Проведение конкурсов на лучшее знание обычаев, традиций, Конституций Российской Федерации и Чеченской Республики (причем, желательно в сравнении; это будет способствовать лучшему усвоению основных положений документа); конкурсов и других интеллектуально-познавательных мероприятий.

- Проведение выставок изделий, которые дети и молодые люди сделали своими руками.

- Проведение тренингов по тайм-менеджменту, которые будут способствовать дисциплинированности, собранности, формированию уважительного отношения к расходованию времени, что, в свою очередь, способно повысить продуктивность труда, мотивацию к достижению цели.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить наиболее уязвимые позиции в системе ценностных ориентаций молодежи Чеченской Республики; определить основные направления профилактической работы, позволяющей своевременно и безболезненно повлиять на систему ценностей и общекультурный уровень развития молодых людей, что в конечном итоге позволит не допустить развития склонности к экстремистским проявлениям в молодежной среде.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Е.С. Зависимость ценностных ориентаций студентов от смены видов деятельности. - М. 1981. - 450 с.
2. Масаева З.В. Развитие психологических возможностей в образовательном пространстве постконфликтного региона. Северо-Кавказский психологический вестник. 2010. Т. 8. № 2. С. 33-37.
3. Миназова В.М., Миназова З.М. Психологические проблемы детей и подростков ЧР как следствие пережитых травмирующих ситуаций. Материалы I Ежегодной итоговой конференции профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета 29 декабря 2011 года, Грозный, 2012. С. 115-117.
4. Социология. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. 2003. - <http://voluntary.ru/dictionary/568/symbol/214>

Suroedova E.A.,
Don State technical University,
assistant prof., Candidate of Ps. Science.

Dautov D.F.,
Don State technical University,
assistant prof., Candidate of Ps. Science.

Vasilchenko M.V.,
Don State technical University,
assistant prof., Candidate of Ps. Science.

Personality characteristics of students with different strategies of meaning-making

Abstract: This article is devoted to the research of strategies of meaning-making and personality characteristics of students - future teachers with different strategies of meaning-making. The considered problem is relevant in the field of education and vocational training.

Keywords: strategy of sense, personality, pedagogical technology, meaning-making, values.

Суроедова Е.А.,
Донской государственный технический университет,
доцент, кандидат психологических наук

Даутов Д.Ф.,
Донской государственный технический университет,
доцент, кандидат психологических наук

Васильченко М.В.,
Донской государственный технический университет,
доцент, кандидат психологических наук

Личностные особенности студентов с разными стратегиями смыслопередачи

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию стратегий смыслопередачи и личностным особенностям студентов - будущих педагогов с

разными стратегиями смыслопередачи. Рассматриваемая проблема является актуальной в сфере образования и профессиональной подготовки специалистов.

Ключевые слова: стратегии смыслопередачи, личность, педагогические технологии, смыслообразование, ценности.

В последнее десятилетие в нашей стране проходит ряд реформ, которые затрагивают практически все сферы жизни и деятельности людей. Такие трансформации общества требуют от человека готовности к внешним социальным изменениям, к личностному и профессиональному развитию, и, как результат, адаптации к новым условиям. Поэтому одной из задач современного образования является подготовка молодого поколения к жизни и труду в быстро меняющихся условиях социума и профессиональной среды.

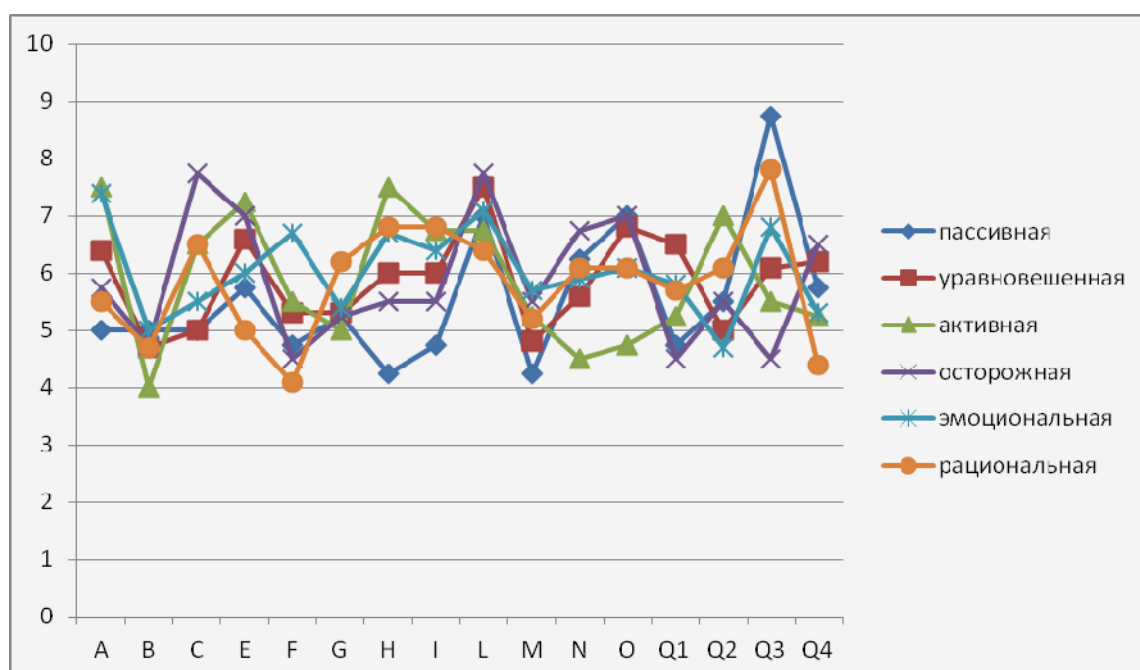
Для реализации данной задачи необходимо разрабатывать новые технологии учебного процесса, направленные не только на передачу-усвоение знаний, умений и навыков, формирования необходимых профессиональных качеств у студентов, но и развитие активной личности, ценностно-смысловых и мотивационных структур будущего педагога. Это означает, что при подготовке студентов к будущей профессионально - педагогической деятельности, необходимо их изначально ориентировать на смыслообразование учащихся как основной компонент мыслительной деятельности, и при этом сами студенты должны пройти через систему по формированию смысла деятельности и смыслов творчества, обучаясь в вузе.

Одной из активно разрабатываемой технологией педагогической деятельности можно считать технологию процесса смыслопередачи. Смыслопередачу определяют как процесс, протекающий в ходе общения, когда один из участников может передать другому смыслы и значения вербально-логическими или невербально-эмоциональными средствами[1]. В процессе смыслопередачи участвует несколько партнеров, которые отличаются друг от друга своим индивидуальным набором черт и свойств личности, жизненным опытом и знаниями, мотивационными установками и ценностно-смысловыми структурами, и другими особенностями. Все это накладывает отпечаток на сам процесс смыслопередачи и смыслопостижение, а также и на выбор субъектом деятельности стратегий смыслопередачи. Под стратегией смыслопередачи принято понимать способ решения задачи на смысл. Суроедовой Е.А. установлено шесть стратегий смыслопередачи, выделенных по признакам вербальной и невербальной активности: пассивная, уравновешенная, активная, осторожная, эмоциональная, рациональная [2].

В исследовании личностных особенностей студентов с разными стратегиями смыслопередачи приняли участие студенты – будущие педагоги, всего 61 человек. В ходе эксперимента испытуемые были распределены на шесть групп, соответствующих их стратегиям смыслопередачи. Далее, с целью выявления личностных особенностей студентов с разными стратегиями смыслопередачи был проведен опрос по методике Р.Кеттелла. В ходе анализа полученных данных и затем подсчета средних значений были получены результаты, которые представлены на диаграмме 1.

Диаграмма 1

Личностные особенности студентов с разными стратегиями смыслопередачи

На основе статистического (U-критерий Манна – Уитни и Крускала-Уоллиса) и качественного анализа данных, полученных по методике Р.Кеттелла, нами были составлены психологические портреты студентов с разными стратегиями смыслопередачи.

Студенты группы **«пассивные»** отличаются следующими чертами характера: скрытные, обособленные, замкнутые, необщительные, недоверчивые, скептические, холодные; они подозрительны, ревнивы, внутренне напряжены, догматичны, завистливы, фиксируют свое внимание на ошибках, их интересы обращены на самого себя, осторожны в своих поступках, эгоцентричны; в тоже время они полны страха, тревоги, неуверенности в себе, нерешительности, скрупулезны,

суетливы, сдержанны, развито сильное чувство долга; у них высокое самомнение, самолюбие, самоконтроль, действует по осознанному плану, контролирует свои эмоции и поведение, доводят дело до конца, целенаправленны; им свойственна практичность, эмоциональная стабильность, честность, приземленность стремлений, избегают всего необычного, следуют общепринятым нормам, беспокойные, добросовестные; отличаются зрелостью, уравновешенностью, здравомыслием, добросовестностью, в некоторых ситуациях им не хватает воображения, присутствует робость, неуверенность, медлительность, сдержанность в выражении своих чувств.

Студентам группы **«уравновешанные»** свойственны следующие черты: скрытные, обособленные, замкнутые, необщительные, недоверчивые, скептические, холодные; отличаются подозрительностью, ревнивостью, завистливостью, догматичностью, раздражительностью, эгоцентричностью и т.п.; они эмоционально неустойчивы, легко расстраиваются, переменчивы в отношениях, неустойчивы в интересах, уклоняются от ответственности, отличаются повышенной утомляемостью; в тоже время склонность к доминированию, властности, конфликтности, агрессивности и т.п.; имеют разнообразные интеллектуальные интересы, стремятся быть хорошо информированными по поводу научных и политических проблем, радикальны, легко воспринимают новые идеи, отличаются критичностью мышления; отличаются несамостоятельностью, нуждаются в групповой поддержке, следуют за общественным мнением, ориентируются на социальное одобрение, безынициативны; внешне энергичны, беспокойны, напряженные, раздражительны, у них слабое чувство порядка, активны, несмотря на быструю утомляемость.

Большинство студентов группы **«активные»** характеризуются следующими чертами: отличаются сердечностью, добротой, беспечностью, общительностью, открытостью, непринужденностью; они добродушны, внимательны к людям, доверчивые, веселые, небрежные; в характере присутствует склонность к доминированию и властности, самоуверенность, напористость, упрямство, конфликтность; активные, смелые, склонные к риску, общительные, импульсивные, расторможенные, беззаботные, эмоциональные, артистические интересы; самодостаточные, самостоятельные, независимые, ответственные, находчивые, не нуждаются в поддержке других людей; им характерна несобранность, эмоциональная дезорганизованность мышления, не могут решать абстрактные задачи.

У большинства студентов группы **«осторожные»** выявлены такие качества как: выдержанность, спокойствие, реалистично смотрят на вещи, работоспособность, эмоциональная зрелость, имеют постоянные интересы, избегают трудностей; имеют устоявшиеся взгляды, терпимы к традиционным

трудностям, подозрительны к новым людям, с сомнением относится к новым идеям, склонны к морализации и нравоучениям; они склонны к доминированию и властности, напористы, упрямы, конфликтны, своенравны; подозрительны, ревнивы, завистливы, отличаются большим самомнением, догматичны, раздражительны; их отличает небрежность, неточность, невнимательность, недисциплинированность, внутренняя конфликтность представлений о себе; полны страхов, тревоги, предчувствий, неуверенны в себе, подавлены, ранимы, скрупулезны, суетливы.

Большинство студентов группы **«эмоциональные»** обладают следующими чертами: сердечные, добродушные, беспечные, естественные, готовые к содружеству, внимательные к людям, мягкосердечные, доверчивые, небрежные, легко приспосабливаются, веселые, предпочитают работать с людьми, легко включается в группы, не боятся критики, хорошо запоминает лица, события, имена, фамилии; бодрые, активные, подвижные, импульсивные, разговорчивые, присутствует склонность к поверхностной общительности; смелые, решительные, присутствует тяга к острым ощущениям, склонность к активному общению, предпочитают вступать в контакт с лицами противоположного пола; в тоже время они чувствительные, мягкие, мечтательные, любят путешествовать, обладают богатым воображением, склонны к фантазерству, эксцентричны, они ревнивы, подозрительны, раздражительны, эгоцентричны, отличаются высоким самомнением.

Для студентов группы **«рациональные»** был составлен следующий психологический портрет: замкнутые, необщительные, недоверчивые, скептические, холодные, озабоченные, спокойные, молчаливые с самоанализом, задумчивые, благоразумные, рассудительные, осторожные, необщительные; конформные, мягкие, уступчивые, застенчивые, тактичные, демократичные, скромные; внешне расслабленные, сдержанные, невозмутимые, вялые, присутствует излишняя удовлетворенность; характеризуются эмоциональной устойчивостью и зрелостью, уверенностью в себе, постоянством в своих планах и привязанностях, на вещи смотрят реалистично, хорошо осознают требования действительности, способны следовать нормам и правилам поведения; отличаются высоким самолюбием, самоконтролем, действуют по осознанному плану, контролируют свои эмоции и поведение, доводят дело до конца, волевые, целеустремленные.

Таким образом, полученные данные показали, что студенты с разными стратегиями смыслопередачи отличаются по личностным характеристикам. Студенты со стратегиями «активная» и «эмоциональная» отличаются активностью и открытостью в общении, доброжелательностью, аффилиативностью, чувствительностью по отношению к партнеру. Необходимо отметить, что именно у испытуемых этой группы отмечен высокий уровень невербальной активности, при

высоком или среднем уровне вербальной активности. Студенты со средним уровнем невербальной активности (стратегии смыслопередачи «рациональная», «осторожная», «уравновешанная») отличаются рассудительностью, осторожностью, необщительностью, эмоциональной устойчивостью, и высоким самоконтролем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусова А.К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности [Текст] /А.К. Белоусова, Ростов н/Д: Изд-во РГПУ. 2002. 360 с.
2. Белоусова А.К., Суроедова Е.А. Стратегии смыслопередачи студентов в процессе общения [Текст] /А.К. Белоусова, Е.А. Суроедова //Известия ЮФУ. Педагогические науки. Ростов – на –Дону: Изд-во ПИ ЮФУ, 2010.. №10.
3. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека [Текст] /О.К. Тихомиров. М.: Педагогика, 1969.

Anselm Komla Abotsi^{1*}

¹*Social Science Department, University of Education, Winneba — Ghana.*

Expectations of School Feeding Programme: Impact on School Enrolment, Attendance and Academic Performance in Elementary Ghanaian Schools

ABSTRACT

Aims: The Ghana School Feeding Programme (GSFP) was conceptualized to provide pupils at the public basic schools with one hot nutritious meal per day. The objectives of GSFP included reduction of hunger and malnutrition, increase school enrolment, attendance and retention among others. There has been limited or insufficient research into the relationships between nutritional status, the participation in school feeding programs and school performance. The study therefore seeks to find out the impact of school feeding programme on school enrolment and attendance and on the academic performance of the pupils in the basic Schools.

Study Design: Longitudinal study design.

Place and Duration of Study: The study was carried out in sampled basic schools in the Asikuma-Odoben-Brakwa District in the Central Region of Ghana.

Methodology: The study was carried out in six basic schools that participated in the GSFP in the District, and six basic schools not included in the programme served as the control group. Descriptive statistics was the main method used in the analysis. Multivariate analysis of variance was also performed using SPSS. Within the selected schools, simple random sampling technique was adopted in the selection of 10 pupils from each school. In all 120 sampling units were included in the study, 60 each from schools with GSFP and 60 from schools without GSFP.

Results: Partial Eta Squared values of 0.735 and 0.752 shows relatively high magnitude of variances in pupil attentiveness in class and pupil school enrolment respectively explained by the GSFP. The Partial Eta Squared value of pupils attendance was 0.001 and was not statically significant which is indicative of no difference between schools with GSFP and schools without GSFP. The Partial Eta Squared values of 0.399 indicate a low impact on academic performance due to GSFP.

Conclusion: The national school feeding program implemented in Ghanaian basic schools included in this study showed positive effects on school enrolment and school academic performance, but less remarkable impact on attendance over an extended period of 3 years.

Keywords: School feeding programme; academic performance; school enrolment; school attendance; class attentiveness.

1. INTRODUCTION

1.1 Background to the Study

With the quest to achieve Universal Primary Education (MDG 2), the Government of Ghana has shown progressive and purposeful commitment through policy directives and interventions like the Education Strategy Plan (ESP) for 2003-2015, the Growth Poverty Reduction Strategy (GPRS) and the Free Compulsory Universal Basic Education Programme. Certain programmes including the abolition of school fees known as Capitation Grant, promotion of measures to improve Gender Parity in primary schools, expansion of Early Childhood Development services, and the introduction of Nutrition and School Feeding programmes are all strategies by government toward the achievement of Universal Primary Education.

The Ghana School Feeding Programme (GSFP) was conceptualized to provide pupils at the public basic schools particularly those in the poorest areas of the country with one hot nutritious meal per day. Ghana was one of the ten African countries to be selected by the New Partnership for Africa's Development (NEPAD) to implement domestically run school feeding programmes on pilot basis. The programme was aimed at achieving the first three objectives of the Millennium Development Goals (MDGs), i.e. eradicating extreme poverty and hunger, achieving universal basic education and promoting gender equality and women empowerment. The GSFP identified three key objectives: to reduce hunger and malnutrition; increase school enrollment, attendance and retention; and boost domestic food production.

The GSFP started on a pilot base in September 2005 with ten schools, one in each region of the country. By August 2006, it had been expanded to 200 schools covering 69000 pupils in all 138 districts of the country. The next phase of the GSFP began in 2007 with nationwide coverage in all the 170 districts. By the end of first quarter of the year 2011, the programme fed 713,590 children in all the beneficiary schools nationwide. The Central Region accounted for 44,248 children [10]. With the expansion of the GSFP, many stakeholders expectations have risen. These expectations encompass both increasing the number of beneficiary schools nationwide and improving the quality of students educational experiences. More especially, GPRS is expected to impact positively on school enrolment and attendance.

1.2 Targets Groups and Districts

School feeding programme targets the following groups among the Ghanaian communities,

- o Deprived districts by growth and poverty reduction strategy (GPRS)

classification

- o Poorest and the most food insecure districts
- o Low wealth level districts
- o Low school attendance rate (high absenteeism) districts
- o High school dropouts districts

1.3 Criteria for Selection

The following criteria informed the government of Ghana in selecting schools and communities to be on the GSFP;

- o Willingness of the community to put up basic infrastructure (example, kitchen, storerooms and latrines) and contributes in cash or kind
- o Commitment of the district assemblies toward the programme and the level of readiness and interest towards the programme as well as the level of readiness and interest towards sustaining the programme
- o Poverty status based on Ghana living standard survey (GLSS) data and national development planning commission (NDPC) poverty mapping
- o Low school enrolment and/or attendance rate and gender parity
- o High school dropout rate
- o Low literacy level
- o Presence of planned provision and expansion of health and nutrition

interventions

Ministry of Local Government and Rural Development (MLGRD) is the oversight Ministry for the GSFP. Collaborative ministries in Ghana that ensure the sustainability of the GSFP include the Ministry of Education/Ghana Education Service, Ministry of Health/Ghana Health Service, Ministry of Food and Agriculture and Ministry of Finance and Economic Planning. Other active partners of the GSFP include the Dutch Embassy, World Food Program (WFP), Plan International Ghana, School Feeding Initiative Ghana Netherlands (SIGN), Netherlands Development Organisation (SNV), Social Enterprise Development Organisation (SEND Foundation) among others.

The programme initially was providing thirty Ghana pesewas (16 cents) per pupil per day for an average of 65 days within any school year but now increased to forty Ghana pesewas (21 cents) pupil per day. The total budget for the first phase of the programme is estimated to cost US\$211.70 million. A larger percentage of this amount is being borne by the Ghana government and the Dutch Embassy being the principal donor to the GSFP.

Different studies on the impact of school feeding programme have shown an increase in both gross primary school enrolment ratio (GPSER) and net primary school attendance ratio (NPSE) and an increase in school attendance rates [2,6,7,18,23].

The fact that poorly nourished children benefit cognitively from GSFPs has also been demonstrated in several studies [3,11,15].

In these studies a significant improvement could be detected in school performance of undernourished children who received breakfast or lunch especially when compared with children in the control group who did not receive breakfast or lunch [19].

Though high school performance by the pupils is supposed to be an indirect impact of school feeding on pupils participating in the programme, there has been limited or insufficient research into the relationships between nutritional status, the participation in school feeding programs and school performance. Most of the evidence which shows improved school performance resulting from a school feeding programs is based on rather subjective evaluation. According to Osei et al. [16] though the school feeding programme together with the capitation grant in the early periods of implementation in Ghana have chalked some gains, their impact on the quality of education is not well defined because any increase in enrolment resulting from these education subsidies puts added pressure on existing school facilities with adverse implications for the quality of education provided.

The study therefore seeks not only to find out whether the school feeding programme has had any positive impact on school enrolment and attendance, but also on the academic performance of the pupils in the basic Schools with GSFP and compare the findings with schools without GSFP in Asikuma-Odoben-Brakwa District. It is important to state that most studies on GSFP are cross sectional studies which looked at different pupils at the same period but this study is a longitudinal study which looks at the same pupils over a period of six years. The differences observed in these pupils are less likely to be the result of cultural differences and because of this, any observable changes can be tracked easily and more accurate. This study monitors the school attendance and academic performance of selected pupils from class one through to class six and compared the scenario before the implementation of the GSFP to that after the implementation of the GSFP to find out the actual impact of school feeding programme on these pupils. The study continues to find out whether the increase in enrolment if any, has affected academic performance.

1.4 Literature Review

School feeding in general terms represent a more varied and comprehensive set of uses of food for the achievement of educational outcomes [24]. School feeding as it is practised in Ghana refers to the provision of hot meals at school during the school day.

This study proposes a conceptual framework that links school feeding programme to pupil enrolment and attendance as well as their academic performance. The

school feeding programme is aimed at increasing school enrolment because it is believed that because poor parents could not provide food for their wards in school, these parents do not enroll their wards into schools. Even the poor parents, who do enroll their children in schools, find it thorny to ensure that their wards attend and remain in school every day till the school closes because they cannot provide food for their children in school every day through the term. The GSFP thus motivate parents to enrol their children in school and to see that they attend school regularly. It is thus the expectation that pupils enrolment in schools with the GSFP show an increase as well as attendance and retention as this is supported by literature on school feeding programmes in various countries and contexts, including Ghana [2,6,7,18,23].

Tulane University Early Childhood Research Center in New Orleans did a more direct study of the learning ability of malnourished children in 1971 where learning ability was measured by practical learning tests, and a significant relationship was found between malnutrition and impaired learning ability and attributed this result to the difficulties of the malnourished children in maintaining attentiveness. Thus, early malnutrition was associated with abnormalities in brain development, behavioural disturbances, mental retardation (as measured by IQ tests or tests of intersensory integration), and impaired learning ability [4].

There are other persuasive evidence that poor nutrition in early childhood adversely affects cognitive development and learning potential [13]. The thought that the GSFP is supposed to reduce hunger and malnutrition among the pupils on the programme and as a result improve the pupils academic performance is very fragile. A study on the impact of the Ghana School feeding programme on Nutritional and Health status of Ghanaian pupils in the Central Region (where this research was conducted) by van den Berg [22] indicates that although the school lunch significantly contributed to the diet diversity among children at GSFP schools, no differences were found between the whole day food consumption of GSFP children as compared to non-SFP children. Also, the study did not show that the nutritional and health status of the children in the Ghana SFP schools improved by serving them with one hot meal on every school day.

This research rather posits that the GSFP is supposed to lead to an increase in school attendance and retention, attentiveness in class and thus enhance the pupils participation in the teaching and learning process which is latent and this is expected to have a positive impact on their academic performance. GSFP alleviate immediate short-term hunger and this is expected to increase pupil attentiveness in the class. Children who are not hungry are more attentive and have higher cognitive abilities [20]. Short-term hunger can adversely affect attention and interest of pupil [15].

Therefore school attendance and retention, attentiveness in class and enhancement of pupils participation in the teaching and learning process lends

credence to the expectation of improvement in academic performance. According to Adams and Hayes [1], academic performance really means three things: The ability to study and remember facts, being able to study effectively and see how facts fit together and form larger patterns of knowledge and being able to think for yourself in relation to facts and thirdly being able to communicate your knowledge verbally or down on paper.

The GSFP can thus be said to be a laudable programme in promoting education for all in all aspect since its target is not only quantity but quality as well. Ghana's Poverty Reduction Strategies (GPRS) paper named the capitation grant and the school feeding programme as strategies towards meeting the quality needs of basic education. It is based on this premise that the study seeks not only to find out whether the school feeding programme has had any positive impact on school enrolment, attendance and retention, but also on the academic performance of the pupils in the basic Schools in Asikuma-Odoben-Brakwa District.

2. METHODOLOGY

2.1 Study Area

Asikuma-Odoben-Brakwa District is one of the 138 districts in Ghana that benefits from the GSFP. The district was created from the former Breman-Ajumako-Enyan-Essiam District. Its administrative capital is Breman Asikuma. The district is located in the north-central part of the Central Region and covers a geographical area of 884.84 square kilometers. It is within the semi-equatorial climatic zone and is covered by tropical rainforest. The average household size is three to four and this varies in the individual communities. The more rural the community is, the larger the household size. There are more females in each household than males. The trend of migration in the district is basically rural-urban. This is primarily due to the rural nature of the district and the fact that attractive job opportunities are located mainly in the larger communities and the urban centres. Total population in the district is 89,395 (representing about 5.6% share of the regional population and 0.47% of the national population figure (2000 Population Census) with annual population growth rate of 2.1%. Infant dependent population i.e. between the age of 0 and 19 years is 52.2% of District population.

The major economic activities are agriculture and fishing. Small-scale manufacturing also takes place in food-processing, ceramic wares, as well as salt and soap industries. The region is classified among the four poorest in the country.

The district is endowed with 36 early childhood, care and development centers, 66 primary schools carrying 13,604 pupils, 50 junior high schools carrying 4,486 pupils and 2 senior high schools with a total student population of 724 [9]. There are also 3 vocational schools and a technical school in the district.

2.2 Sampling and Sample Size

The study was carried out in all the six basic schools that participated in the GSFP in the Asikuma-Odoben-Brakwa District, and six basic schools not included in the programme served as the control group. Each of the control schools were selected based on its proximity to the schools with the GSFP. Within the schools, simple random sampling technique was adopted in the selection of 10 pupils from each school. In all 120 sampling units were included in the study, 60 each from schools with GSFP and 60 from schools not with GSFP.

2.3 Data

Structured questionnaires were deployed in the collection of data. These questionnaires were administered to the school authorities of the selected pupils. Another questionnaire asked the selected pupils to rate how attentive they were in class during lessons, before and after the break on a scale of 1 to 10.

The data collected from the school authorities consist of the pupils scores (sample units) in the third term examinations in English language, Mathematics and Integrated science subjects from 2004/05 to 2009/10 academic years. The third term was chosen because pupils are promoted based on third term examinations results. The academic years, 2004/2005 to 2009/10 was considered to include two years prior to the implementation of the programme as well as the years after. Data collected also included the attendance records of the selected pupils in all the classes from 2004/05 to 2009/10 academic year. Other data collected was the yearly enrolment figures of pupils in the various schools over the years. Microsoft Excel and Statistical Product and Service Solutions (SPSS) were the statistical software deployed in the analysis of the data collected from the survey. The data collected was retrospective apart from data collected on how pupils rate their attentiveness in class during lesson.

2.4 Method of Analysis

Descriptive statistics was the main method used in the analysis. The average yearly scores in English language, Mathematics and Integrated science subjects obtained by each pupil in each school were calculated. These scores were plotted against the academic years to depict the trend in the performance of the pupils over the years. With attendance, the number of days each pupil attended school was divided by the total number of days opened for attendance by each school in the academic years. The attendance of each pupil per the total number of days opened for attendance in an academic year is plotted against the academic years. Using the year 2000 population of the district (89,395) and the growth rate (2.1), the population of the district over the years were estimated. This yearly population figures were then deployed in the estimation of enrolment per 10,000 populations in the district. The

enrolment per 10,000 populations was then plotted against the number the academic years.

3. RESULTS AND DISCUSSION

This section commences with results from schools that are participating in the Ghanaian school feeding programme followed by results from schools that are not participating in the programme and finally a comparison of trends is presented.

3.1 Schools with GSFP

3.1.1 Impact on enrolment in schools with GSFP

A look at all the schools under study in which the GSFP has been implemented reveals (Fig. 1) that enrolment per ten thousand population increased from 34.98 in 2004/05 to 35.34 in 2005/06 academic year. The figure fell in 2006/07 and there after begun to increase again. The school feeding program was introduced in the 2006/2007 and after its implementation; enrolment rate kept rising till in the 2008/09 academic year depicting the positive impact of GSFP on pupil s enrolment. However the enrolment per ten thousand populations decreased in 2009/10 academic year after which it went up again in 2010/11. The findings confirm earlier findings [2, 6, 7, 18, 19, 23] who attest to an increase in both gross primary school enrolment ratio (GPSER) and net primary school enrolment ratio (NPSE) and an increase in school attendance rates due to GSFP.

3.1.2 Impact on pupils attendance in schools with GSFP

Fig. 2 below shows the average total attendance by pupil per total days opened by schools to pupils. (Total number of days pupil attended school divided by the total school days in the term). The lowest attendance per school open days (0.70) was recorded in class one and the next lowest value (0.76) was recorded in class three. This was the academic year in which the school feeding programme was implemented.

After the implementation of the GSFP, the attendance per school open days increased to 0.85 in 2007/2008 when the pupils were in class four. This increase can be attributed to the introduction of the GSFP in the various schools in the previous academic year. This figure though plummeted in the following academic year (2008/2009) to 0.81 when the pupils were in class five but still higher than that of the year of implementation increased again to 0.83 in

2008/2009 academic year when the pupils were in class six. This illustrate that the attendance by pupil per open days for the schools improved significantly after the implementation of the program. The increase of attendance rate from 0.70 in

2004/2005 to 0.82 in 2005/2006 academic year when the pupils where in class two is quite amazing since the school feeding program had not yet been introduced.

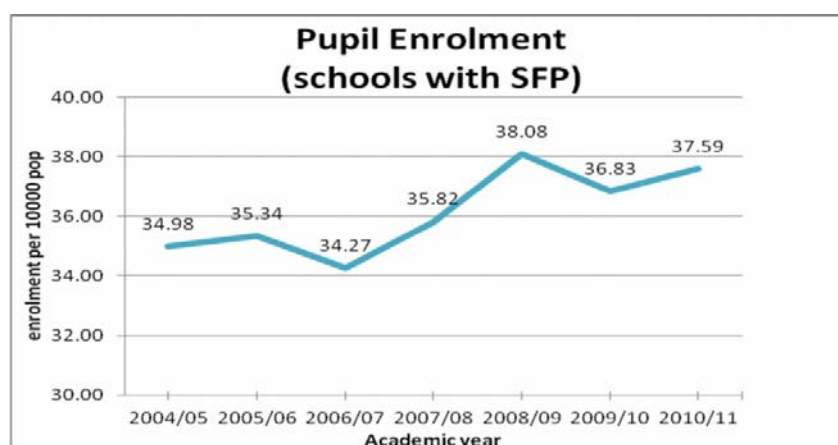

Fig. 1. Pupil Enrolment in schools with GSFP

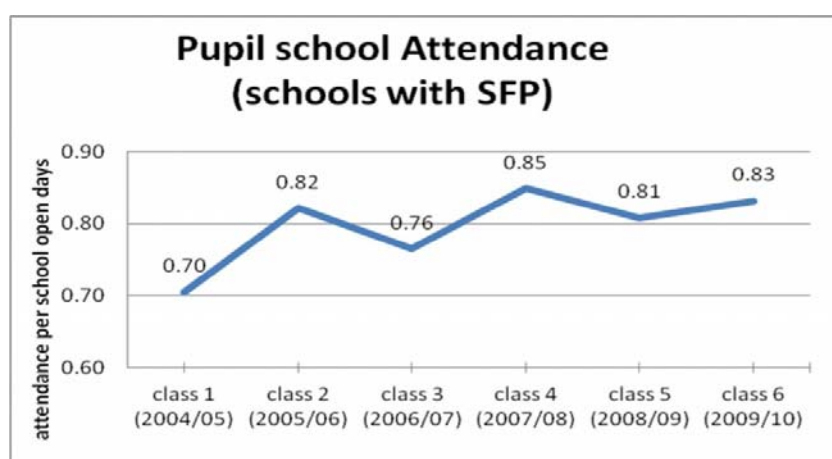

Fig. 2. Pupil school Attendance in schools with GSFP

3.1.3 Impact on academic performance in schools with GSFP

The academic performance of the pupils from schools with GSFP is shown in Fig. 3. In 2004/05 academic years when the pupils enrolled in class one, the average mark the pupil obtained in English, Mathematics and Integrated Science in the third term examinations was 57.3 percent and 2005/06 academic year when pupils were in class two, the average mark increased to 57.7 percent. In 2006/07 academic year (class three), the average marks increased significantly by 8.7% over the previous year to 62.7 percent. This was the year in which the school feeding programme was implemented. It is a reflection of the impact of the GSFP on the academic performance of the pupils. The rising trend continued in 2007/08 after which it started a downward

trend in the following years to 63.2 percent in 2009/10 but even that, the average mark was still higher than the year before its implementation.

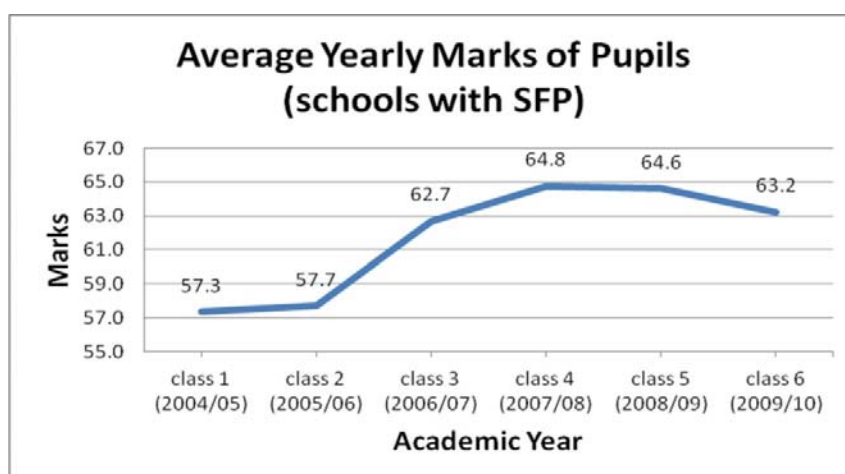

Fig. 3. Average Yearly Marks of Pupils in schools with GSFP

3.2 Schools without GSFP

3.2.1 Impact on enrolment in schools without GSFP

In order to establish the fact that GSFP has had positive effect on enrolment, attendance and performance, data from schools without the GSFP was also collected and analyzed to enhance a comparative study. Starting with the pupil enrolment, the enrolment per 1000 population was highest (12.9) in 2004/05 academic year and then started dwindling over the years to 8.45 in 2010/11 academic year. This is shown in Fig. 4.

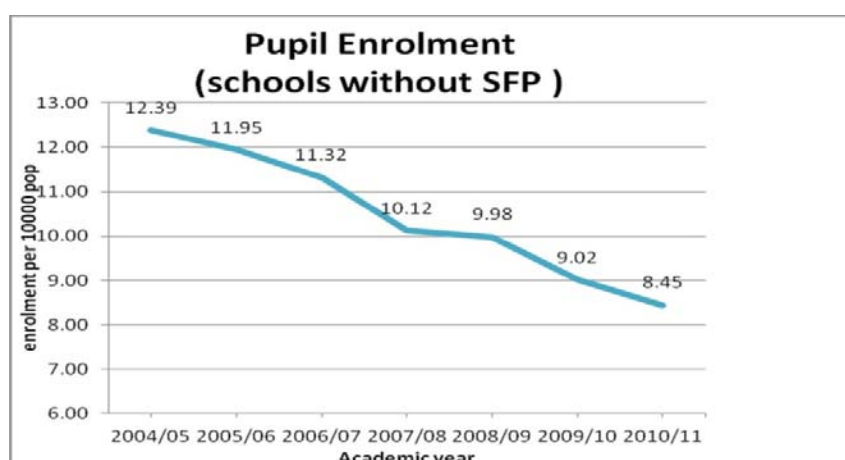

Fig. 4. Pupil Enrolment in schools without GSFP

3.2.2 Impact on pupils attendance in schools without GSFP

The attendance of pupil per school s open days (Fig. 5) was somehow stable within the period under review apart from the 2007/08 academic year. The attendance of pupil per school s open days was 0.80, 0.82 and 0.81 in 2004/05, 2005/06 and 2006/07 academic years respectively. In 2007/08 the attendance per open day increased piercingly under unexplained circumstances by almost 21% to 0.98 after which it plummeted to 0.77 in 2008/09 and ended at 0.79 in 2009/10 academic year.

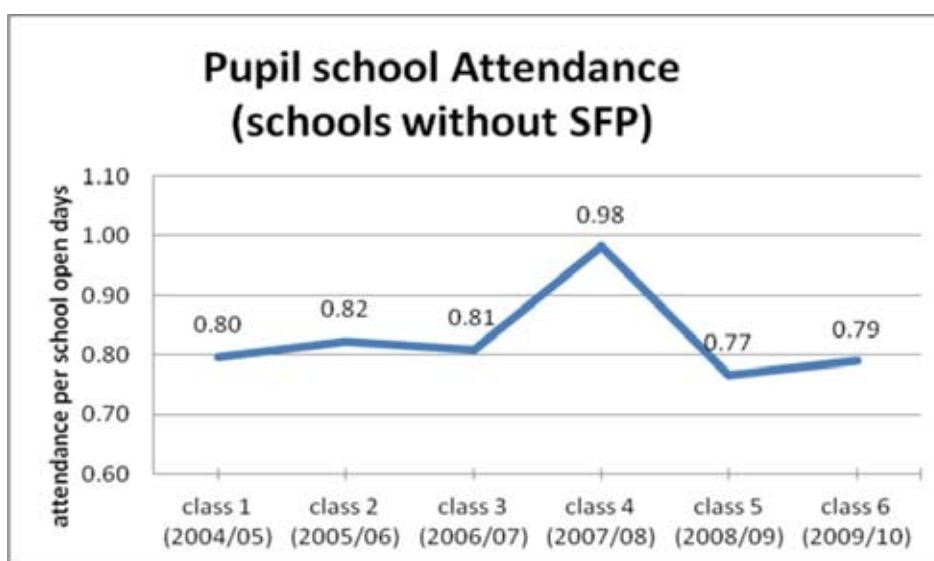

Fig. 5. Pupil school Attendance in schools without GSFP

3.2.3 Impact on academic performance in schools without GSFP

In 2004/05 academic year when the pupils enrolled in class one, the average mark the pupil obtained in English, Mathematics and Integrated Science in the third term examinations was 51.1 percent (Fig. 6). In class two, the average mark increased to 50.6 percent and then to 53.4 percent in 2006/07 academic year when pupils were in class three after which average mark was almost stable in class four, five and six.

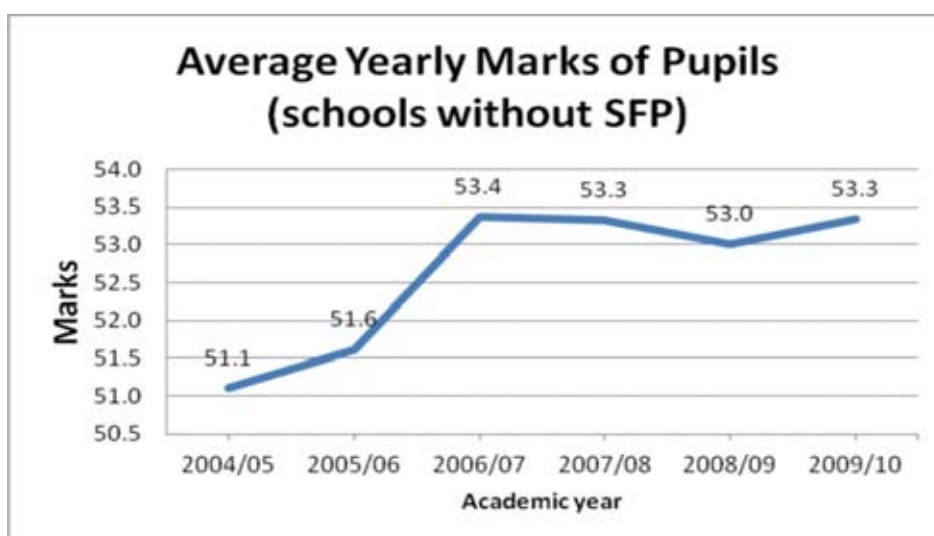

Fig. 6. Average Yearly Marks of Pupils in schools without GSFP

3.3 A Comparative Analysis

A comparative analysis between the schools participating in the GSFP and those not participating in the GSFP within the same district was done to envisage the substantial impact of the feeding program on enrolment, attendance, and academic performance.

3.3.1 Enrolment

Fig. 7 depicts the enrolment trends of both schools (those with the GSFP and those without) the two lines diverge gradually from 2001/02 academic year towards the 2010/11 academic year. As the enrolment per ten thousand populations in the schools with the GSFP programme increased over the years, that of the schools without GSFP programme decreased over the years.

The increase in the enrolment per ten thousand populations in the schools with the GSFP could be attributed to the GSFP. It could be concluded that the GSFP has had a positive impact on school enrolment. It must be emphasized that class-sizes have been identified as determinants of academic performance. The increase in enrolment without commensurate increase in infrastructure may have a negative effect on academic performance. Some studies have indicated that schools with smaller class sizes perform better academically than schools with larger class sizes. Kraft [14] in his research concludes that class sizes above 40 have negative effects on students achievement.

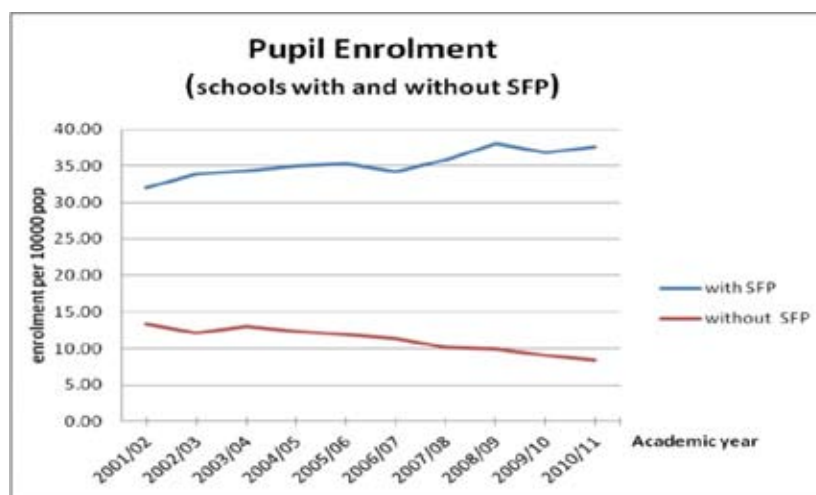

Fig. 7. Pupil Enrolment in schools with/without GSFP

Class supervision and control can only be effective when the population is minimal and this in turn promotes teaching and learning process. Fabunmi and Okore [8], suggest or propose that class size, pupil-teacher ratio and the school population are major factors of performance in most of the Ghanaian schools.

3.3.2 Attendance

The difference in pupils attendance within the 6 different academic years between GSFP- participating schools and non-GSFP schools is displayed in Fig. 8. In class one, the attendance of pupil in the schools without GSFP was 80% as against 70% attendance of by pupil in the schools without GSFP. In class three (2006/07 academic year), when the GSFP was implemented in the schools, the attendance in the school without GSFP was 81% which was still higher as compared to 76% of attendance in schools with GSFP. The picture became clearer in class four when attendance in schools without GSFP improved by almost 21% to 0.98 attendance per open day whilst schools with GSFP improved by only 12% 0.85. In class five, the attendance of pupils in both schools nosedived and improved again in class six. In class five and six, the attendance of pupil with GSFP was higher (0.81 and 0.83 respectively) than pupil with GSFP (0.77 and 0.79 respectively). The picture depicts that though GSFP have a positive impact on pupils school attendance which is the cases in class four, five and six since the attendance in these classes were higher than that of class three which was the year in which the GSFP was implemented, the case in class four of schools without GSFP shows that there is more to attendance than simply GSFP. Though the GSFP had a positive impact on attendance in schools on the programme, there are other compelling factors that positively influenced the attendance of pupils in schools not on the programme.

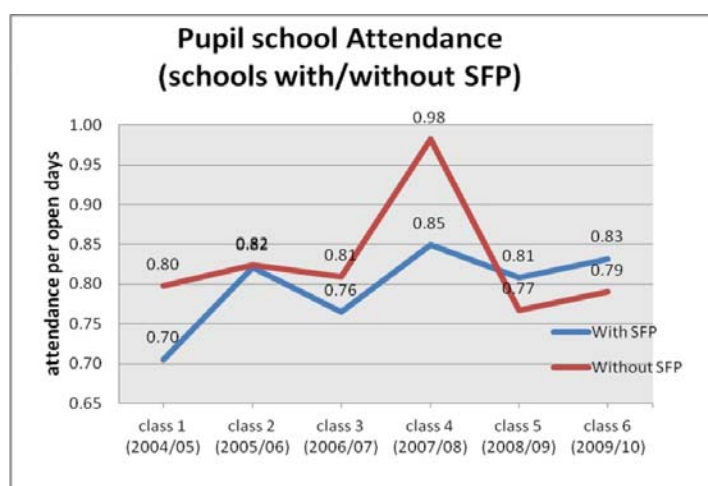

Fig. 8. Pupil school Attendance in schools with/without GSFP

The Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, categorised factors that contribute to truancy into school, family, economic and students factors. Under school, factors such as a school's size and the attitudes of administrators, teachers, and other students, as well as the degree to which a school is flexible in meeting the diverse cultural and learning styles of students were mentioned. The most important attribute being the approach to which a school tries to unravel the truancy problem among their students. Family factors included poverty, domestic violence, lack of familiarity with school attendance laws, varied education priorities and lack of parental supervision and/or guidance which is very important especially considering the age of pupils (Virginia Department of Education, 2005).

3.3.3 Academic performance

The average mark the pupil obtained in English, Mathematics and Integrated Science in the third term examinations of schools with and without GSFP is presented in Fig. 9. The trend line of marks over the years of schools with GSFP has a steeper gradient as compared with that of schools without GSFP indicating that academic performance of pupil in schools with GSFP was better than schools without GSFP. Though in class one, the average mark of pupil in schools with GSFP was higher (57.3) than schools without GSFP (51.1) indicating that perhaps pupils in the schools with GSFP were more brilliant than their counterparts in the schools without GSFP, but when the GSFP was implemented in class three, the improvement in academic performance in schools with GSFP was 8.7% over the previous year and this trend continued whilst that of schools without GSFP improved by only 3.5%. The improvement in academic performance of pupils in schools with GSFP attests to the fact that GSFP has had a positive impact on academic performance.

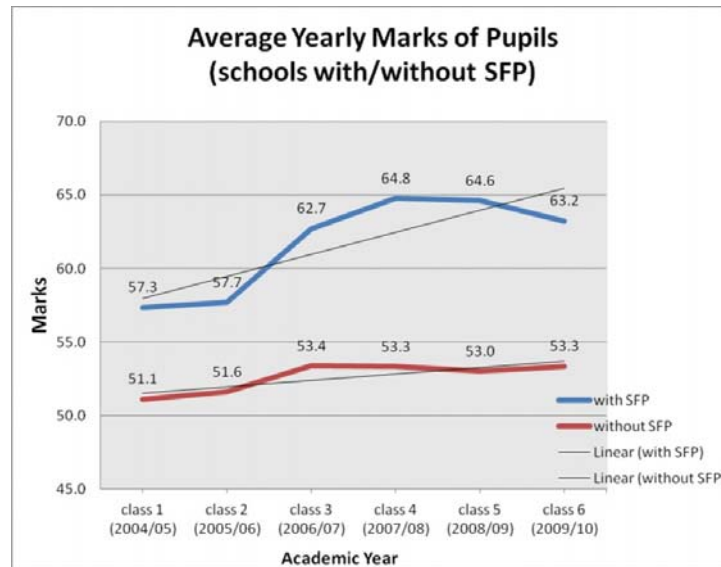

Fig. 9. Average Yearly Marks of Pupils in schools with/without GSFP

Aside GSFP, there are other factors that affect pupils academic performance. Sogbetun [21] established that different factors are capable of influencing the academic performance of students. Such factors may be the student's internal state (intelligence, state of health, motivation, anxiety among other factors.) and their environment (availability of suitable learning environment and adequacy of educational infrastructure and resources, such as textbooks). In the views of Hassan [12], low intellectual ability, poor study habit, lack of achievement motivation, lack of vocational goals, low self-concept, low socio-economic status of the family, poor family structure and anxiety are factors influencing academic performance. Ausubel [5] also states that young children are capable of understanding abstract ideas if they are provided with sufficient materials and concrete experience to understand the explained phenomena and concepts.

3.4 Multivariate Analysis of Variance (MANOVA)

Multivariate analysis of variance is an extension of analysis of variance used when there is more than one dependent variable. MANOVA compares the groups and tells whether the mean differences between the groups on the combination of dependent variables are likely to have occurred by chance. Multivariate analysis of variance was performed using SPSS to find out if there was a significant difference between the schools with GSFP and schools without the programme, i.e. the independent variable. Pupil academic performance, pupil attentiveness in class, pupil school attendance and pupil school enrolment were the dependent variables. Only the academic years in

which the GSFP was implemented were included in this part of the analysis. Correlations between the dependent variables were checked since MANOVA works best when the dependent variables are only moderately correlated. The highest correlation found (0.7) is between attendance of pupils and performance of pupils.

A Wilks Lambda value of 0.118 (significant at 1%, Table 1), shows that there was a statistically significant difference between schools with GSFP and schools without GSFP in terms of pupil academic performance, pupil attentiveness in class and pupil school enrolment. This is also confirmed in Table 2. The exception is pupils school attendance, which did not show any statistically significant difference between schools with GSFP and schools without GSFP.

Table 1. Multivariate Tests^b of school feeding programme

Effect	Value	F	Hypothesis	Error	Sig.	Partial eta
Status_Prog Wilks' Lambda	.118	2.154E2 ^a	4.000	115.000	.000	.882

a. Exact statistic; b. Design: Intercept + Status_Prog

Table 2. Tests of between-subjects effects

Source	Dependent variables	Type III sum of squares	df	Mean square	F	Sig.	Partial Eta Squared
Status of School Programme	Performance of pupils	3403.740	1	3403.740	78.267	.000	.399
	Attendance of pupils	109.061	1	109.061	.106	.746	.001
	pupils attentiveness in class	488.033	1	488.033	327.328	.000	.735
	Enrolment of pupils	17491.845	1	17491.845	357.875	.000	.752

a. R Squared = .399 (Adjusted R Squared = .394); b. R Squared = .001 (Adjusted R Squared = -.008);

c. R Squared = .735 (Adjusted R Squared = .733); d. R Squared = .752 (Adjusted R Squared = .750)

The importance of the impact of GSFP on and pupil academic performance, pupil attentiveness in class, pupil school attendance and pupil school enrolment was evaluated using the effect size statistic provided by SPSS. Partial Eta Squared represents the proportion of the variance in the dependent variables that can

be explained by the independent variable. The Partial Eta Squared values of 0.399, 0.735, and 0.752 according to the generally accepted criteria (Cohen, 1988), are large effects or relative high magnitude of variances in pupil academic performance, pupil attentiveness in class and pupil school enrolment respectively explained by the GSFP. The Partial Eta Squared value of pupils attendance was 0.001 and was not statically significant

4. CONCLUSION

Using a different perspective, this study confirms earlier findings on schools in which school feeding programmes has been implemented. The study found that GSFP impacted positively on school attendance and attentiveness in class which enhanced pupils participation in the teaching and learning process leading to improvement in their academic performance. Pupil s school attendance did not show any statistically significant difference between schools with GSFP and schools without GSFP and this call for more focused measures to ensure that pupils attend school regularly. The Partial Eta Squared values of 0.399 of pupil academic performance explained by the GSFP means that there is the need to consider other factors that positively influence the academic performance to augment GSFP in order to achieve better results. Pedomallu et al. [17] used system dynamics model to build up relationships between variables that affect academic performance of migrant students. The simulation results of the system dynamics model showed that the most effective policies on academic performance are infrastructure improvement of schools, economic aid to the poor and adult education for parents among others.

A 2010 Ghanaian government document titled “Coordinated Programme of Economic and Social Development Policies” pointed to indicators of education that showed that the effective demand for education has improved, especially at the basic school level. At the primary school level, gross and net enrolments have been quite impressive and stood at

95.2% and 83.4% respectively in 2008. The survival or completion rate in basic schools increased from 83.2% in 2004 to 85.4% in 2007. In spite of these successes, indicators further suggest that the quality of education is declining. The pupil teacher ratio increased from 30 in 1998 to 34.0 in 2008. In other words, the average teacher had an additional four pupils to teach. On the pupil to core textbook ratio, the number of pupils sharing one core textbook increased from 2 in 2002 to 3 in 2005. These trends suggest that while the number of people accessing education in Ghana may have increased over the years, the quality levels may not have improved. The relatively low effect (Partial Eta Squared of 0.399) of GSFP on performance of pupils attests to the fact that GSFP may not be the only solution to low academic performance.

In addition to the school feeding programme which is a laudable idea, policies which will ensure high quality of teaching and learning such as teacher motivation, good condition of service for the education sector as well as proper supervision and management will go a long way to improve not only quantity but quality of education as well. The government together with the schools authorities should provide suitable learning environment, adequacy of educational infrastructure like textbooks since these have been found to influence academic performance of students.

Few limitations of the study need to be highlighted. One of the limitations of this study is that it does not explore if there are differences according to gender with respect to school enrolment, attendance, and performance at schools. This issue can be further explored in Ghana to see if the GSFP is ensuring that girls and boys attend schools equally, and whether it has the same impact on performance and if not, what measures or programs need to be put in place to correct this since studies and SFPs supported by the WFP have shown that girls are less likely to attend schools in impoverished settings and communities which led to providing home-rations for families who send their girls to schools. Another limitation is the geographical scope of this study which was done in one district. Future work can be expanded to other districts and regions in the country to see if there are major differences with respect to the outcomes in comparison to geographic location. This would be useful for the national government and donors to focus on any underserved areas and schools.

ACKNOWLEDGEMENTS

I wish to express my sincere thanks to the authorities of the schools of the basic schools in the Asikuma-Odoben-Brakwa District included in the study. I also wish to thank Mr. Okwae Andrews and Ms. Dolly Yemeh and Ms. Harriet Ellenlaura Obeng for their contribution in the data collection and organization.

COMPETING INTERESTS

Author has declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Adams J, Hayes J. Understanding and managing personal change. Martin Robinson Publications. USA; 2001.
2. Ahmed A. Impact of feeding children in school: Evidence from Bangladesh. International Food Policy Research Institute; 2004.

3. Allen LH, Gillespie SR. What Works? A Review of the Efficacy and Effectiveness of Nutrition Interventions. ACC/SCN: Geneva in collaboration with the Asian Development Bank, Manilla; 2001.
4. Amcoff S. World nutrition and nutrition education. UNESCO/OXFORD University Press Publication: Oxford Medical Publications; 1980.
5. Ausubel DP. The Psychology of Meaningful Verbal Learning. New York, NY: Harvard University Press; 2000.
6. Bennett N, Crawford M, Cartwright M. Effective Educational Leadership. London: Paul Chapman Publishing; 2003.
7. Del Rosso J, Marek T. Class Action: Improving School Performance in the Developing World through Better Health and Nutrition. Directions in Development, World Bank; 1996.
8. Fabumni M, Okore A. Analysis of the relationship between average class size secondary school academic performance. African Journal of Educational Planning and Policy Studies (AJEPPS). 2000;1(2).
9. Ghana Education Service, Asikuma. 2009
10. Ghana School Feeding Programme. Annual Operating Plan 2011. Accessed 30 May 2012. Available: http://www.sign-schoolfeeding.org/_dynamic/downloads/AOP%202011%20final%20draft.pdf.
11. Grantham-McGregor SM, Chang S, Walker SP. Evaluation of school feeding programs: some Jamaican examples. American Journal of Clinical Nutrition. 1998;67:785s-789s.
12. Hassan T. Psychosocial predictors of academic achievement. Psychology for Everyday Living. 1983;2(2):155-169.
13. Jukes MC, Drake LJ, Bundy DA. School Health, Nutrition and Education for All: Levelling the Playing Field. Cambridge, MA: CABI Publishing; 2008.
14. Kraft RJ. Teaching and learning in Ghana. Boulder, CO: Mitchell Group; 1994.
15. Levitsky DA. The future of school feeding programmes. Food and Nutrition Bulletin. 2005;26:286-87.
16. Osei RD, Owusu GA, Asem FE, Afutu-Kotey RL. Effects of Capitation Grant On Education Outcomes in Ghana. Institute of Statistical Social and Economic Research, Legon-Accra, Ghana. 2009;18.
17. Pedomallu CS, Ozdamar L, Akar H, Weber GW, Ozsoy A. Investigating academic performance of migrant students: a system dynamics perspective with an application to Turkey. International Journal of Production Economics. 2012; 139:422-430.
18. Powell CA, Walker SP, Chang MC, Grantham-McGregor SM. Nutrition and education: a randomized trial of the effects of breakfast in rural primary school children. American Journal of Clinical Nutrition. 1998; 68:873-879.

19. Sabbi M, Amankwah JS, Boateng JD. Education for self-reliance in Ghana: rethinking the quality of pretertiary education. 2009. Accessed 14 August 2012. Available: <http://www.rocare.org/grants/2009/Education%20for%20self-reliance%20in%20Ghana.pdf>.
20. Simeon DT. School Feeding in Jamaica: A Review of its Evaluation. *American Journal of Clinical Nutrition*. 1998;67(4):790-794.
21. Sogbetun AA. Teachers and Students Opinion about the Causes of Poor Academic Performance in Secondary Schools. Unpublished M.Ed. Project. Ibadan: University of Ibadan; 1981.
22. Van den Berg I. Impact of the Ghana School feeding programme on Nutritional and Health status of Ghanaian pupils, Central Region. 2008. Accessed 10 July 2012. Available: http://www.signschoolfeeding.org/_dynamic/downloads/Berg200B.
23. Walingo MK, Musamali B. Nutrient Intake and Nutritional Status Indicators of Participant and Nonparticipant Pupils of a Parent supported School Lunch Program in Kenya. *Journal of Nutrition Education and Behavior*. 2008; 40(5):298-304.
24. WFP. *Global School Feeding Report*; 2004.

Zaliya Abasovna Arskieva,
*State Educational Institution of High Professional Education, Chechen State
University, Chechen Republic, Russia, Grozny*
Azhiev Magomed Vahaevich,
Chechen State University in Grozny, Ph.D., chair of "Pedagogy and Psychology"

Psychological factors contributing to the development of anxiety in children of primary school age

Abstract: The article has troubling children. The reasons and facts of anxiety in primary school children. Empirically identifies the causes of anxiety and ways of correction.

Keywords: anxiety, emotional state, exaggerated care, manipulation.

Арскиева Залия Абасовна,
*старший преподаватель
кафедры педагогики и психологии
Чеченского государственного университета, Грозный*
Ажиев Магомед Вахаевич,
*Чеченский государственный университет, Грозный, кандидат
педагогических наук, кафедра «Педагогика и психология»*

Психологические факторы способствующие развитию тревожности у детей младшего школьного возраста

Аннотация:

В статье говорится о тревожных детях. Рассматриваются причины и факты развития тревожности у детей младшего школьного возраста. Эмпирически выявляются причины тревожности и пути коррекции.

Ключевые слова: тревожность, эмоциональное состояние, гипертрофированная забота, манипуляции.

Тревожность является важной эмоцией, которая сигнализирует приближение опасности или внезапную перемену, предупреждая и подготавливая ответную реакцию человека.

На ряду с этим данное эмоциональное состояние может иметь более генерализированный характер, что способствует к повышенной тревожности, длящиеся не менее месяца. Эти тревожности и беспокойство сопровождаются по крайней мере четырьмя дополнительными симптомами, такими как неугомонность, легкая утомляемость, проблемы в концентрации внимания, раздражительность, мышечное напряжение и расстройства сна. Могут наблюдаться и такие явления, как дрожание, судороги, тряска и мышечная чувствительность. Многие дети с тревожными расстройствами также испытывают соматические симптомы.

Психологическое объяснение термина «Тревожность -это индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения. Рассматривается как личностное образование и/ или как свойство темперамента , обусловленное слабостью нервных процессов [Психологический словарь 1997, с 386]

Вопрос о причинах возникновения тревожности в настоящее время остаётся открытым. Однако многие авторы считают, что причиной повышенного уровня тревожности дошкольников и младших школьников является нарушение детско - родительских отношений.

Е. Ю. Брельв ходе исследования сделал вывод о том, что на тревожность детей могут повлиять такие факторы, как неудовлетворенность родителей своей работой, материальным положением и жилищными условиями. [3.] По мнению А.И. Захаровой у детей младшего школьного возраста тревожность не является устойчивой чертой характера и при проведении соответствующей психолого – педагогической коррекции относительно обратима [2].

И.Раншбург и П.Поппер выявили интересную закономерность: чем выше интеллект ребенка, тем больше он испытывает страх. [5.]

Тревожность входит в симптомкомплекс застенчивости. По мнению Е.К. Лютовой и Г.Б. Мониной, развитию тревожности может способствовать так же завышенные требования взрослых и желание поставить ребенка в зависимость от себя, отсутствием единой системы требований.

А также типология неправильного воспитания например в стиле «Золушки», способствует нарушению личностного взаимодействия между детьми и взрослыми (как родителями, так и педагогами) способствуют выработке у него психологической защиты, заключающейся в том, что ребенок перестает проявлять инициативу в общении и деятельности, ведет себя тихо и незаметно, не делает лишних движений, чтобы не «вызвать огонь на себя».

Личностная особенность тревожного ребенка заключается в том что он считает что все к нему относятся плохо нежеле он сам, будучи неуверенным в себе ребенок проверяет каждое свое действие через мнение других то есть как его действия оценивают взрослые.

Гипертрофированная забота и тревожность родителей по отношению к здоровью и жизни ребенка порождает у него переживание нестабильности окружающего мира, предчувствия надвигающейся опасности боязни жить и выйти за рамки привычных отношений. При ограничении социального опыта ребенка семья не обеспечивает ему радость в достижении успеха и защищенности. Все это порождает высокий уровень тревожности, чувство незащищенности и неуверенности в своих силах.

Тревожность может проявиться при отсутствии безусловной родительской любви, принятии ребенка таким, какой он есть на самом деле – некрасивым, не очень умным, слишком резвым или, наоборот, тихим и замкнутым. Но обычно тревожность резко повышается в период подготовки к школьному обучению. Родители, остро не реагирующие раньше на то, что делает ребенок, начинают предъявлять ему слишком высокие требования. Ожидая больших успехов, они нервничают и раздражаются по поводу их отсутствия.

С целью выявления причины тревожности и оказания психологической помощи мы провели исследование среди учащихся 2 класса. В исследовании участвовало 46 учащихся. В результате проведенного эмпирического исследования у 39% учащихся были обнаружены признаки тревожности, что привело нас к необходимости продолжения углубленного исследования возможных причин тревожности учащихся.

Повышенный уровень тревожности детей связан с детско - родительскими отношениями. В ходе эмпирического исследования выявлена, причина, связанная с боязнью получить плохую отметку и индивидуальным стилем общения педагога с воспитанниками, повышенной требовательностью родителей к результатам учебной деятельности ребенка, т.е. особенностями внутрисемейного общения.

Тревожные дети избегают и не берутся выполнять сложные и трудные задания. Они боятся критики, если прозвучит критика в их сторону, то воспринимают это очень болезненно. Такие дети часто подвергаются манипуляции со стороны своих сверстников для самоутверждения они любят критиковать других. В первую очередь таким детям необходимо помочь повысить самооценку положительно оценивая каждый их успех в учебе, делать это необходимо в присутствии всего класса, а так же можно поручать им престижные задания в классе, например, помогает учителю собрать и раздать тетради и иной раздаточный материал, написать что – либо на доске и т.д.

Опрос желательно проводить в середине урока, но при этом не следует торопить их с ответ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лютова Е.К., Моница Г. Б. Тренинг эффективного взаимодействия с детьми. СПб.,2000.- С. 20.
2. Захаров А.И. Предупреждение отклонений в поведении ребенка. СПб.,1997.
3. Брель Е.Ю. Социально – психологические факторы формирования тревожности у младших школьников и пути ее профилактики и коррекции. Аат.канд. дис. Томск, 1996.- С.53.
4. Широкова Г. А, Жадько Е. Г. Практикум для детского психолога. Ростов – на Дону «Феникс» 2005. - С. 90.
5. Раншбург Й., Поппер П. Секреты личности. М., 1983. – С. 15.

Serdyukova Elena Fedorovna,

Chechen State University,

a senior lecturer of the Department of Pedagogy and Psychology

Musaeva Zarema Lahaina,

Chechen state University, candidate of psychological Sciences, associate

Professor of the Department of pedagogy and psychology

Features of the intellectual sphere of human in involutional period

Abstract: The paper presents an analysis of results of studies of the intellectual sphere of human involutional period. Identified and described the relationship of active life position with the level of safety of human intelligence elderly.

Keywords: an elderly man, involutional period, intellectual sphere, vital position

Сердюкова Елена Федоровна,

Чеченский государственный университет,

старший преподаватель кафедры педагогики и психологии

Масаева Зарема Вахаевна,

Чеченский государственный университет, кандидат психологических наук,

доцент кафедры педагогики и психологии

Особенности интеллектуальной сферы человека в инволюционный период

Аннотация: В статье представлен анализ результатов исследования особенностей интеллектуальной сферы человека в инволюционный период. Выявлена и описана взаимосвязь активной жизненной позиции человека с уровнем сохранности интеллекта пожилых людей.

Ключевые слова: пожилой человек, инволюционный период, интеллектуальная сфера, жизненная позиция

Настоящее время характеризуется развитием высоких технологий во всех сферах жизнедеятельности человека. На этом фоне вполне обосновано повышается научный интерес к проблеме старения, который выражается в

попытке найти универсальные причины механизмов старения, нащупать пути управления этими механизмами.

В современной науке существуют разные подходы к изучению старости. Во многих работах анализируются процессы психологического старения, изменения в отношении пожилого человека к самому себе и во взаимоотношениях с окружающими. Но центральным звеном любого исследования, касающегося возрастных изменений психики человека является установление взаимосвязи между биологическими и психологическими факторами его развития на данном этапе.

Для эффективной профилактики негативных последствий старения, отражающихся на состоянии интеллектуальной сферы пожилых людей, можно создать успешную траекторию развития личности через построение безопасной образовательной среды уже в период обучения (3, с. 58), поскольку проведенное авторами статьи исследование выявило корреляцию жизненной позиции человека с сохранностью его интеллекта в инволюционный период.

Необходимость сохранения активной жизни в пожилом возрасте одна из актуальных тем современных научных исследований. В данном контексте снижение интеллектуальных возможностей человека рассматривается отечественными и зарубежными учеными (М.Д. Александрова, Л. И. Анциферова, Л. В. Бороздина, О. В. Краснова, С. Г.Максимова, Н. Н. Сачук, Н. П. Петрова Р. Кесслер, Дж. Д. Мак-Артуров, Д. Фезерман, Д.Б. Бромлей).

Авторами статьи было проведено исследование, которое заключалось в рассмотрении психологических проблем, связанных с адаптацией пожилых людей в посттрудовой период, их взаимоотношений с окружающими в связи с возрастными интеллектуальными изменениями.

Для исследования уровня общих способностей, проявляющихся в деятельности, направленной на приспособление к новым ситуациям, наиболее релевантной методикой, на наш взгляд, является так называемый "Культурно-свободный (culture-free) тест интеллекта", разработанный Р.Б. Кеттеллом и А.К. Кеттелл [4, с.24].

Как известно, существуют три теста CF: CF-1 предназначен для детей 4-8 лет. CF-2 рекомендуется для обследования детей старше 8 лет, а также обычного, недифференцированного взрослого населения. CF-3 преимущественно используется для обследования студентов вузов и особо одаренных взрослых.

Большую универсальность и несколько более широкую распространенность по сравнению с CF-1 и CF-3 имеет **тест CF-2**, который и был использован нами для исследования особенностей интеллектуальной сферы пожилых людей.

Этот вариант теста предназначен для определения уровня интеллектуального развития лиц, не знакомых даже с азбукой, что особенно важно при

обследовании респондентов выбранного нами возрастного диапазона (65-80 лет), поскольку изначально предполагалось наличие среди них неграмотных испытуемых.

Кроме указанной методики CF-2 с каждым испытуемым индивидуально проведена серия бесед, позволяющих определить общий социально-культурный статус респондента, особенности его жизни в период активной трудовой деятельности и в посттрудовой период, характерные особенности взаимоотношений с другими людьми, в частности, с близкими, знакомыми, сотрудниками, соседями, случайными попутчиками и собеседниками и т.д.

Проведенное исследование подтвердило существующее мнение о том, что пожилой возраст является сложным и неоднозначным для осмысления возрастным периодом, характеризующимся заметными изменениями в интеллектуальной, эмоциональной и нравственной сферах личности.

Важно помнить о том, что психическое развитие в инволюционный период связано с наложением двух факторов: изменение темпов развития и переориентация его механизмов совпадают по времени с критическим посттрудовым периодом, достаточно серьезным и эмоционально насыщенным. Важен и тот факт, что замедление темпа психического функционирования в этом возрасте совпадает с физическим угасанием, болезнями и соматическими отклонениями, что подтвердилось в ходе проведенного исследования (часть испытуемых не справилась с заданием именно из-за соматического состояния).

Очевидно, что между человеком и условиями его жизни существует неразрывная связь и чтобы адекватно понять поведение человека и оказать ему социально-психологическую помощь, необходимо учитывать особенности той жизненной ситуации, в которой осуществляется его бытие и развитие [7, 59].

Неожиданным в ходе анализа результатов явилось то, что испытуемые в возрасте 70-85 лет показали очень высокие результаты (130 баллов и выше). Как и предполагалось, это обусловлено тем, что данные испытуемые имеют довольно высокий социально-культурный статус, а также продолжают заниматься общественно-полезной и активной мыслительной деятельностью.

Представители данной категории респондентов очень любят читать, причем предпочитают литературу научного и научно-популярного характера, с удовольствием разгадывают кроссворды, решают головоломки и ребусы. Причем указанные респонденты активно привлекают к интеллектуальным разминкам членов своих семей и соседей. При всем вышеперечисленном указанная группа респондентов ориентирована преимущественно на себя, уделяя особое внимание самосовершенствованию и самообразованию.

Респонденты, показавшие высокий IQ (120-129) (13,4 %) характеризуются тем, что имеют среднее, средне-специальное и высшее образование, продолжают

заниматься активной мыслительной деятельностью, под которой мы понимаем общение не только со сверстниками, но и с представителями младших поколений; анализ и прогнозирование своих поступков, критическое осмысление результатов деятельности и общения.

Люди указанной группы увлекаются чтением детективов и женских романов, с удовольствием берутся за разгадывание кроссвордов, не особенно заботясь о правильности ответов и быстро теряя интерес к этому занятию. Некоторые из них продолжают активную жизнь, участвуют в школьной жизни своих внуков, посвящая им все свое свободное время, разучивая с ними стихи, стараясь приобщить их к чтению, рисованию, а также к другим видам продуктивной детской деятельности, имеющей важное развивающее значение для детей. Также эти люди с удовольствием участвуют в родительских собраниях и других школьных мероприятиях вместе со своими внуками.

16,7 % респондентов показали IQ, равный 110-119 баллов (хорошая норма). Это связано с тем, что люди на протяжении жизни занимались самообразованием. Им свойственна любовь к чтению газет и журналов, к просмотру интеллектуальных и познавательных телепрограмм и шоу. Кроме того, они принимают активное участие в жизни своих детей и внуков, стараясь помочь им материально, поддерживая с ними постоянный контакт, передавая им свой богатый жизненный опыт в плане семейных и общественных отношений. Общение с внуками происходит достаточно активно, но ограничивается формированием бытовых навыков и воспитательными воздействиями.

Средний уровень IQ (90-109) выявлен у 26,6 % испытуемых. Эти люди характеризуются отсутствием интереса к чтению какой бы то ни было литературы, но с удовольствием общаются со сверстниками и более молодыми людьми, в число которых входят дети и внуки. Критичность по отношению к себе и своим поступкам у них снижена, зато присутствует постоянное желание всех поучать, воспитывать, критиковать. Участия в школьной жизни своих внуков они, как правило, не принимают, ограничиваясь расспросами.

Низкую норму IQ (80-89) показали 36,7 % респондентов. Здесь уже – пожилые люди в возрасте 70-85 лет, которые совсем не имеют образования. Также они давно перестали принимать участие в активной общественной жизни либо по состоянию здоровья, либо из-за сложившихся в ходе жизни обстоятельств.

3,3 % респондентов не смогли окончить работу в связи с высокой утомляемостью и низкой работоспособностью. На наш взгляд, это может быть обусловлено отсутствием навыка подобной работы, низкой интеллектуальной активностью, отсутствием интереса к происходящему. Данная категория респондентов характеризуется преобладанием интереса к обустройству быта, к общению на бытовом, простонародном уровне. Для них намного интереснее, что

приготовила на обед соседка, кто за кого вышел замуж, нежели философские категории, рассуждения о смысле жизни, критическое осмысление своих действий, прогнозирование последствий своего поведения.

Тем не менее, общие показатели IQ по обследуемой выборке испытуемых можно оценить как хорошие, так как суммарный показатель составляет 60 % (поскольку хорошую норму и средние показатели можно отнести к положительным показателям).

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что сохранность интеллектуальной сферы пожилых людей в инволюционный период напрямую зависит от активности их продуктивной мыслительной деятельности, т.е. период относительной сохранности интеллекта можно продлить за счет активного взаимодействия пожилого человека с социальной средой, а также поддержания в активном состоянии мыслительных операций путем использования различных форм интеллектуальной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанян Н.А., Катков А.Ю. Резервы нашего организма. М. 1990.
2. Анцыферова Л.И. Психология старости: особенности развития личности в период поздней взрослости. //Психол. Журнал. Том 22 №3. 2001- с.3 – 15
3. Масаева З.В. Психолого-педагогические особенности безопасности образовательного пространства в условиях постконфликтного региона /диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2010.
4. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003.
5. Петрова Н.Н. Психо-социальная адаптация в кризисном периоде. //Журнал прикладной психологии. 1999. №4. с.17-20.
6. Реана А. Психология человека от рождения до смерти. Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева»; М.: Олма-пресс, 2002.
7. Сердюкова Е.Ф. Исследование стратегий выхода из тяжелых жизненных ситуаций с позиций системного подхода. Российский психологический журнал. 2010. Т. 7. № 4. С. 59-63.
8. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во Томского университета; М.: Барс, 1997.
9. Филд Д. Социальные связи в старости: результаты Боннского и Берлинского лонгитюдных исследований. //Иностранная психология. 1997. №8. с.52-63.
10. Шапиро В.Д. Социальная активность пожилых людей в СССР. М. 1983.

11. Яшин Г.А. Труд как формообразующий фактор человеческой деятельности. Ав-тореф. дисс. канд. филос. наук. М., 1996.
12. Pfeiffer D. & Davis G. The use of leisure time in middle life. *The Gerontologist*. 1971, 11
13. Sherman E. Meaning in mid-life transition. Albany: State University of New York Press, 1987.
14. Thomas L. E. Causes of mid-life change from high status careers. *Vocational Guidance Quarterly*. 1979, 27.
15. Willis S. L. Adult intelligence. In: S. Hunter & M. Sundel (Eds.), *Midlife myths: issues, findings, and practice implications*. Newbury Park, CA: Sage, 1989.

Chervaneva Z. A.,
Kharkov national technical university of «HPU»

HUMAN CAPITAL AS KERNEL OF «NEW» PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Черванева З.А.,
Харьковский национальный технический университет «ХПИ»

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ЯДРО «НОВОЙ» ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается качественно новый базис педагогической психологии, присущий постиндустриальному обществу – человеческий капитал. Сравнивается понятие человеческого капитала с традиционными формами материального капитала и показывается, что в современном обществе нужны совершенно новые ориентиры педагогической деятельности и психологические установки, которые бы поднимали на надлежащий уровень отношения в социуме к креативной личности, интеллектуальному творчеству, досугу как форме продолжения креативной деятельности и источникам креативного капитала – важнейшего достижения цивилизации.

Ключевые слова: человеческий капитал, креативная деятельность, педагогическая психология, социальная экономика, управление социальными системами.

Введение. В рейтинге научно-технического прогресса, проведённом в очередной раз известной корпорацией RAND, дан анализ глобальной технологической революции на 2020 г.¹ В этом документе, включающем 16 направлений научно-технического развития, установлен рейтинг стран. Не вызывает удивления, что в нём на первом месте стоят США. Удивительным и многообещающим является то, что Украине принадлежит неплохое (в сравнении с остальными показателями) 29 место, а России – и того выше. В то время как по индексу развития человеческого потенциала Россия занимает 57, а Украина 70-е место². Это свидетельствует о том, что, несмотря на невысокий уровень

¹ Global Technology Revolution 2020 / RAND Corporation.- 2005.

² Индексы человеческого развития. Интернет-ресурс. 2006.

экономических показателей и социального статуса стран, они располагают мощным потенциалом творческой деятельности, лежащей, наряду с экономической мощью, в основе научно-технического прогресса. Иными словами, *в странах Восточной Европы и названных стран в частности, высока креативная составляющая научно-технического прогресса, которая должна предопределить социально-экономическое развитие на ближайшее будущее.*

Теория постиндустриального общества позволяет сфокусировать исследования на перспективной форме общественного богатства – развитой личности, высветить происходящие изменения в ценностных ориентациях человека, где на фоне традиционных экономических начинают доминировать социокультурные и духовные потребности. Формируется новый тип работника: помимо его образования и квалификации в узком понимании, востребован уже более широкий спектр способностей и качеств человека, в частности способность к анализу, обработке и использованию стремительно растущего объема разнообразной информации. Возрастают потребности в производстве нового знания в условиях избыточности общей информации, к самостоятельному принятию решений и одновременно к слаженной работе в команде и сетевых организациях, к самоопределению и поиску путей самореализации через творческую деятельность и пр. Расширяется спектр качеств и способностей, входящих в человеческий капитал, за счёт растущего числа интеллектуальных, социальных и культурных составляющих человеческого потенциала.

Человеческий капитал – совершенно новая социально-экономическая категория, включающая в себя – как родовое понятие, несколько понятий видовых – креативный капитал, социальный капитал и др., и изучается в таком смысле социальной экономикой. Одним из постулатов этой относительно новой науки является утверждение, что на современном этапе (в постиндустриальном обществе) «...возникает новая тенденция развития содержания труда – тенденция постепенного превращения его в творческий труд. Это означает, что процесс труда становится одновременно не формальным, а реальным процессом развития человека» [И, с. 17]. «Человек является той целостностью, которая приходит на смену тотальному господству капитала, - пишет А.А. Гриценко, - точнее, человек сам превращается в основной капитал, который сам себя воспроизводит в расширенном масштабе» [12, с. 8]. Такой подход практически безгранично расширяет рамки включения в состав человеческого капитала всевозможных способностей, качеств и свойств личности, которые являются или могут быть основанием для расширенного воспроизводства и осознанной реализации на их основе человеческого потенциала.

Но, что не менее важно, социальная экономика, как «новая интегративная наука о человеко-культурной стороне хозяйственной деятельности в широком пони-

мании» [21, с. 121], по-новому поднимает проблемы ответственности человека и человечества за последствия их действий и бездействия, среди прочих ставит вопросы изменения мировоззрения каждого конкретного человека, культурных ценностей и соответствующих коренных перемен в его поведении, что должно стать объектом педагогической психологии в условиях постиндустриального общества.

Цель этой статьи – привлечение внимания коллег, чья креативная деятельность лежит в сфере образования, к вопросу: какие задачи должна решить страна транзитивной экономики для перехода к «обществу знаний», чтобы включить их в формирование творческого развития людей нового общества. Статья основывается на сравнительном анализе работ, принадлежащих украинским и российским ученым разного научного профиля.

Постановка задачи. В научной и особенно – в публицистической литературе все чаще говорят об экономике знаний. Именно знания (а не какой-либо иной из существующих двух других основополагающих факторов производства – земли и капитала) убыстряющимися темпами меняют облик современного мира, формируя, по выражению экономистов, интеллектономику (цивилизацию одухотворенного интеллекта) [2]. В связи с тем, что знания представляют собой высшую форму и одновременно – продукт интеллектуальной обработки информации (но не только поэтому), говорят об информационной эпохе [3,4] и информационной экономике [5].

Есть целые теории (иногда фантасмагории), посвященные этому феномену. В одной из работ известного российского экономиста А.В.Бузгалина утверждается следующее: *«Действительная победа в геоэкономическом и геополитическом соревновании в 21 веке может принадлежать только открытым сетям (миру, пространству-времени), в которых складываются неотчужденные отношения между людьми по поводу опредмечивания творческой деятельности рас-предмечивания ее результатов»* ([1]. с.29).

Таким образом, налицо две тенденции:

- превращение знания в фактор развития и одну из составляющих капитала («креативный капитал») современного постиндустриального общества;
- формирование новых социальных институтов (в форме сетевых структур, слагающих «сетевое общество», по М.Кастельсу) и новых социальных отношений (в виде добровольного сотворчества) в определенных социальных группах, имеющих тенденцию быстрого роста и укрепления.

Креативное благосостояние личности. Потребность в высшей (т.е. креативной) деятельности является абсолютной потребностью человека. Вторичные потребности лишь способствуют высшей деятельности, но сами по себе не удовлетворяют эту абсолютную потребность. *Креативное благосостояние индивида* складывается благодаря реализации его творческого потенциала, что, с одной стороны, создает моральное удовлетворение деятельностью. С другой –

обеспечивает условия расширенного воспроизводства знания и в-третьих – обеспечивает прогресс общества.

Структура индивидуальной креативной деятельности. В процессе высшей деятельности индивид потребляет, использует в целях саморазвития свои творческие способности, которые выступают одновременно и как средство творческого труда, и как предмет творческого потребления. Потребляя свои творческие способности, индивид в то же время воспроизводит их. Процесс потребления является в этом случае одновременно процессом труда, и наоборот. Таким образом, креативная деятельность индивида распадается на *рабочее время творческого труда-потребления* и *нерабочее время творческого труда-потребления*.

С точки зрения креативной концепции человека, увеличение производительности общественного труда есть не что иное, как освобождение человека от низших форм деятельности и создание условий для занятия высшей деятельностью.

Итак, увеличение общественного креативного благосостояния означает движение в направлении общественного прогресса.

Креативное благосостояние как ценностная норма. Потребности человека есть, по сути, институционализированные нормы общественной жизни, которые формируются под влиянием глобальной тенденции исторического развития (см. [2,3]). Поскольку общественный прогресс заключается в увеличении совокупного объема высшей деятельности, соответствующая ему норма общественного поведения трактует такую деятельность как наиболее полезную для человека и общества в целом. Глубокая институционализация этой этической нормы индивидом приводит к формированию у него осознанной потребности в высшей деятельности. Если же эта норма слабо институционализирована индивидом (например, по причине ненадлежащего воспитания), то он не испытывает такой потребности. У такого индивида абсолютная потребность проявляется неосознанно в различных формах: от пассивного просмотра телевизионных программ до употребления алкоголя и наркотиков, которые создают *иллюзию высшей деятельности*.

Основу креативного благосостояния составляют не столько внешние блага, традиционно исследуемые экономистами, сколько *внутренние качества личности*. В современном мире определяющим условием благосостояния индивида являются его воспитание и образование, а основными общественными институтами, формирующими будущее благосостояние, становятся семья и школа. ***Даже самый современный рыночный механизм не может обеспечить потребителя лучшей жизнью, чем он заслуживает по своим***

знаниям и культуре. Поэтому научить потребителя предъявлять запросы просвещенного человека так же важно, как просто удовлетворять его требования.

Креативное благосостояние как межличностное отношение. Межличностное взаимодействие является процессом передачи личностных качеств от одного индивида к другому. Чем более развит человек, тем больше степень его индивидуализации, тем больше его возможность обогащать своими личностными качествами других людей и самому изменяться в результате межличностных взаимодействий. Обретение индивидом новых личностных качеств требует от него творческих усилий. Поэтому в результате межличностного воздействия происходит развитие индивида, что создает предпосылки для увеличения его креативного благосостояния.

Способность индивида испытывать межличностные воздействия, т. е. изменяться в результате таких воздействий, тесно связана со способностью оказывать межличностные воздействия на других людей. Творческие способности человека закладываются в раннем возрасте и являются результатом межличностных воздействий со стороны родителей, учителей и пр. Если человек с детства невосприимчив к воспитанию и обучению, то уровень его творческого развития будет низок.

Свойственное каждому человеку стремление постоянно увеличивать свое влияние на общество посредством расширения и укрепления системы межличностных воздействий не всегда является осознанным. Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих разнообразие проявления этого сущностного стремления человека к персонификации окружающей его социальной среды.

Социальные измерения креативного благосостояния. Социальное взаимодействие между индивидами понималось классиками политэкономии исключительно как обмен товарами. В их модели общества межличностное взаимодействие не относилось к значимым экономическим явлениям и фактически не рассматривалось как существенный фактор прогресса.

В теории креативной ценности, наоборот, творческое взаимодействие индивидов составляет основу функционирования общества. Таким образом, в вопросе о сущности общественных отношений теории трудовой стоимости и креативной ценности принципиально расходятся.

У классиков важнейшим результатом социальных взаимодействий являлась экономия труда, достигнутая за счет разделения общественного труда. Из их рассуждений следует, что благосостояние индивида тождественно принадлежащему ему объему меновой ценности, или его материальному богатству. **В креативной теории ценности творческое межличностное воздействие одного индивида на другого имеет прямо противоположные последствия.**

Измерение креативного благосостояния человека за какой-либо период его жизни в объективных единицах времени творческого труда представляет собой сложную и пока не решённую задачу. Понятие **креативной ценности** лежит в основе теории информационной экономики (см. [5]). Если в классической теории экономической ценности в качестве базовой временной единицы рассматривается время жизни человека, то теория креативной ценности базируется на этическом постулате, который утверждает, в качестве абсолютной ценности, время высшей деятельности человека, а все прочие блага — в качестве ценностей вторичных. Таким образом, увеличение творческого досуга является приобретением и для человека, и для общества, средства повышения их благосостояния.

В креативной теории главным макроэкономическим показателем служит суммарное время творческой деятельности всех членов общества, или *общественное креативное благосостояние*.

Неэкономическая категория времени занимает в теории креативной ценности доминирующее положение по сравнению с экономической категорией продуктивности труда, что является следствием этической предпосылки об абсолютной ценности времени творческой деятельности безотносительно к внешним ее результатам. Если в классической экономической теории ценность предмета определяется затратами времени на его производство, то в креативной теории — его способностью сокращать затраты времени низшей деятельности в результате творческого потребления. Креативная теория ценности явно формулирует сущностное значение высшей деятельности, поэтому здесь не возникает вопроса о целевом показателе, подлежащем максимизации каждым индивидом. Этим показателем является креативное благосостояние.

Психолого-педагогическая сторона проблемы. Почему интеллектуалы, являясь носителями креативного капитала общества, - самого важного, самого динамичного и самовозобновляющегося, т.е. практически идеального капитала, — почему, спрашивает В.М.Куклин, они занимают сравнительно низкое социальное положение, о чем свидетельствуют их недостаточные личные доходы, да ещё и к тому же пренебрежительное отношение к ним в обществе? Это главная проблема воспитания нового человека. Сложилось так, что общество, уже в известной степени, стало информационным, а социальная мораль остаётся на приоритетах человека физического труда соответственно постулатам индустриального общества. Причем, не только в нашем, украинском (или российском) социуме. Эти отношения суть инвариантами по отношению к месту и времени. «Истинным интеллектуалам,- заключает Куклин,- приходится платить слишком высокую цену за свой жизненный выбор. Они тратят свои бесценные юность и молодость на овладение знаниями и навыками, а затем еще большую часть своей жизни — на

рутинную, поглощающую почти все их жизненные силы, малопонятную и плохо оцениваемую окружающими деятельность. Взамен, правда, они получают возможность приобщаться к тайнам природы и общества, причем результат их усилий проявляется в прогрессе человечества» ([6], с. 44). Видимо, наступит время, когда в широком общественном сознании в отношении к научным знаниям произойдет та революция, которую мы пока еще видим только в политикуме и социальных оценках.

Заключение. Более 10 лет автор работает на кафедре педагогики и психологии управления социальными системами Харьковского национального технического университета «ХПИ», которая специализируется на подготовке управленческой элиты. Принципы выявления, оценивания и использования креативного капитала технической интеллигенции, кратко изложенные здесь, составляют стержень того иновационного подхода к формированию специалистов, который отвечает задачам постиндустриального общества, что в техническом университете является и сложной, и важной задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугалин А.В. Новая Кастилия // Социальная экономика, 2005, № 3-4. С. 28-48.
2. Задорожный Г.В., Барвено О.В. Неоэкономика как интеллектономика (о цивилизации одухотворенного интеллекта) // Социальная экономика, 2001, № 2. С.23-32.
3. Иноземцев В.Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические последствия. М.: ЗАОИ «Экономика», 2003. – 776 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Корнейчук В.Б. Информационная экономика. СПб.: Питер, 2006. – 400 с.
6. Куклин В.М. Нищий интеллект // Университеты. Наука и просвещение. № 3/2006. С. 34-44.

Lipatnikova Irina,
*Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg),
Professor, Doctor of Pedagogical Sciences,
Institute of Mathematics, Informatics and Information Technologies*

Improving the quality of preparation of teacher mathematics at the pedagogical University on the basis of reflexive approach's technology

Abstract. This article is devoted to the problem of improvement of quality of preparation of future teachers of mathematics at the pedagogical University. In the article is proposed the technology of reflexive approach, which allows to solve this problem.

Keywords: the quality of education, the model of processes of preparation, technology of reflexive approach.

Липатникова Ирина,
*Уральский государственный
педагогический университет, профессор,
доктор педагогических наук, Институт математики,
информатики и информационных технологий*

Повышение качества подготовки учителя математики в педагогическом вузе на основе технологии рефлексивного подхода

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме повышения качества подготовки будущих учителей математики в педагогическом университете. В публикации предлагается технология рефлексивного подхода, которая позволяет решить эту проблему.

Ключевые слова: качество образования, модель процесса подготовки, технология рефлексивного подхода.

Присоединение России к Болонским соглашениям в 2003 г., официально закрепила свое участие подписанием Берлинского коммюнике Конференции Министров. В связи с этим российское образование, как и образовательные системы других стран, в настоящее время претерпевает серьезные изменения: меняются приоритеты, структура и содержание образования, вводятся новые стандарты, формируется независимая система оценки результатов обучения и качества образования в целом [1].

В последнее время качество образования определяет уровень развития страны и становится его основной стратегической целью. Вместе с тем качество образования признается как многоаспектная категория, интегральная характеристика системы образования, комплексный показатель, синтезирующий все этапы обучения, развития и становления личности, условия и результаты учебно-воспитательного процесса; это критерий эффективности деятельности образовательного учреждения, основной продукцией которого являются качественно подготовленные выпускники, а в педагогических вузах, в частности, будущие учителя математики.

Следует заметить, что основные свойства качественного образования невозможно измерить, сосчитать, проранжировать. Это связано с тем, что самое главное – это творческий потенциал и творческая самоотдача, с одной стороны учителя, в частности учителя математики, а с другой – ученика. Вместе с тем и содержание, и технологии, и творческая наполняемость учебного процесса зависят, прежде всего, от учителя. Новое качество образования переход, скачок к нему требует разработки стратегии качества, обеспечивающей его новое состояние, отвечающее потребностям личности, общества и производства с учетом требований и вызовов XXI века, личной, производственной и в целом жизненной траектории человека.

Это подтверждает проведенное международное исследование в 2010 году по изучению педагогического образования и оценке качества подготовки будущих учителей математики TEDS (Teacher Education Study in Mathematics). Исследование TEDS – М проводилось по двум уровням владения математикой AP₁ (anchor point 1) – базовый (пороговый) и AP₂ (anchor point 2) – повышенный, и один уровень владения методикой преподавания математики – AP. По мнению международных экспертов, достижение порогового уровня, как по математике, так и по методике преподавания математики свидетельствует о сформированности базовой профессиональной компетенции учителя и о его возможности преподавать математику в основной школе [2].

Анализ средних результатов по разделам математики (Арифметика, Алгебра (включая теорию вероятностей и статистику), Геометрия) показал, что подготовка российских студентов – выпускников педагогических вузов уступает подготовке

студентов только одной из стран – участниц (Тайваня). В сравнении результаты можно представить следующим образом: по алгебре российские студенты имеют 65,4 %, по геометрии – 69, 3 %, по арифметике – 69,1%, результаты студентов Тайваня по алгебре – 79,2 %, по геометрии– 76, 1%, по арифметики – 81,1 % [2]. Вместе с тем результаты международного исследования TEDS – М показали, что российские студенты, будущие учителя математики, достаточно успешно справляются с большинством количеством математических заданий, требующих воспроизведения изученного содержания (определения, теоремы, теоретического факта, алгоритма действий и т.д.), но испытывают затруднения при выполнении заданий, требующих самостоятельного вывода, анализа предложенной математической ситуации или решения поставленной проблемы.

Это свидетельствует о необходимости создания новой идеологии в содержании высшего педагогического образования, построения образовательного процесса, т.е. поиска принципиально новых подходов, новых ориентиров. Главные из них – новые технологии обучения, интерактивное взаимодействие преподавателя и обучаемых, новая образовательная среда, ориентированная на востребованные современным обществом образовательные результаты. Это должно стать методологической основой, смысловым ориентиром обновления и совершенствования педагогического высшего образования. Решение данной этой задачи предполагает глобальное изменение существующей системы подготовки будущих учителей математики. Одним из решений указанной проблемы является моделирование учебного процесса на основе технологии рефлексивного подхода к учебному процессу [3]. Целью и конечным результатом технологии рефлексивного подхода является овладение будущими учителями математике способами самого рефлексивного мышления, познавательными умениями, которые в дальнейшем могут входить в интеллектуальный аппарат личности и применяться в процессе обучения учащихся математике в метапредметном формате. Вследствие этого рефлексия в учебном процессе следует рассматривать в качестве системообразующего фактора и универсального метапредметного механизма управления учебным процессом, понимание и осознание которого поможет будущему учителю математики осуществлять целенаправленное формирование метапредметных результатов обучения, обеспечить развитие индивидуальных психологических способностей учащихся и раскрыть учащимся особенности процесса формирования математических понятий. Выше сказанное свидетельствует о практической значимости рефлексивного подхода в подготовке учителей математики, который следует рассматривать в качестве концептуальной, содержательной, аксеологической, методической, управленческой сфер учебной деятельности будущих учителей математики. Кроме того, рефлексивный подход

предполагает создание специально построенной методики и акмеологических условий для обучения студентов:

1) наличие одного проблемного поля, соотнесение с индивидуальным профессиональным опытом его участников;

2) снятие межличностных барьеров при организации коллективной мыследеятельности (постановка разноуровневых микроцелей деятельности, решение разноуровневых профессиональных ситуаций).

С позиции качества образования процесс подготовки будущих учителей математики должен организовываться с учетом следующих позиций, раскрывающих динамику этого процесса: генезиса развития профессиональных компетенций и методологических принципов синергетики.

При рассмотрении процесса подготовки будущих учителей математики во времени встает вопрос об определении его единицы, которая обладала бы свойством целостности самого объекта и движение которой приводило бы к реализации процесса подготовки будущих учителей математики. В качестве структурной единицы процесса подготовки будущих учителей математики предлагаем использовать макроцикл рефлексии, обладающий всеми его качественными характеристиками, выполняющий функцию максимально полной организации усвоения способов учебной деятельности в период обучения на конкретном курсе института математики, информатики и информационных технологий [4]. В связи с этим процесс подготовки будущих учителей математики во времени можно представить как поступательное движение его макроциклов рефлексии - витков.

Анализ психолого-педагогической и методической литературы позволил определить структурные элементы – звенья макроцикла рефлексии, реализующие общие и специальные дидактические задачи процесса подготовки будущих учителей математики:

- выход из индивидуальной деятельности, в которой возникло затруднение (осуществляется ситуационная рефлексия);
- выбор приоритетов индивидуальной деятельности, относительно которой будет корректироваться способ действия;
- построение концепции будущей индивидуальной деятельности на базе имеющегося аппарата категорий с учетом результатов ситуационного анализа;
- использование концепции для проблематизации прошлого опыта;
- использование проблемы для построения стратегии будущей индивидуальной деятельности;
- определение тактики индивидуальной деятельности;
- возврат в индивидуальную деятельность.

Процесс подготовки будущих учителей математики не статическая модель, а подвижная, видоизменяющаяся система. Единицей ее изменения служит макроцикл рефлексии. О результативности обучения можно судить по степени завершенности этого цикла. По завершению одного цикла начинается другой. Пронумеруем условно макроциклы рефлексии:

$$MP_1 \longrightarrow MP_2, \longrightarrow MP_3 \longrightarrow$$

Макроциклы носят восходящий характер (рис. 1), они заменяют друг друга последовательно, по восходящей спирали, последующий строится с учетом новоизменений в развитии студентов, полученных на предыдущем этапе (здесь учитываются не только информационный предметный запас, но и усложняются мыслительные операции, способы деятельности студентов).

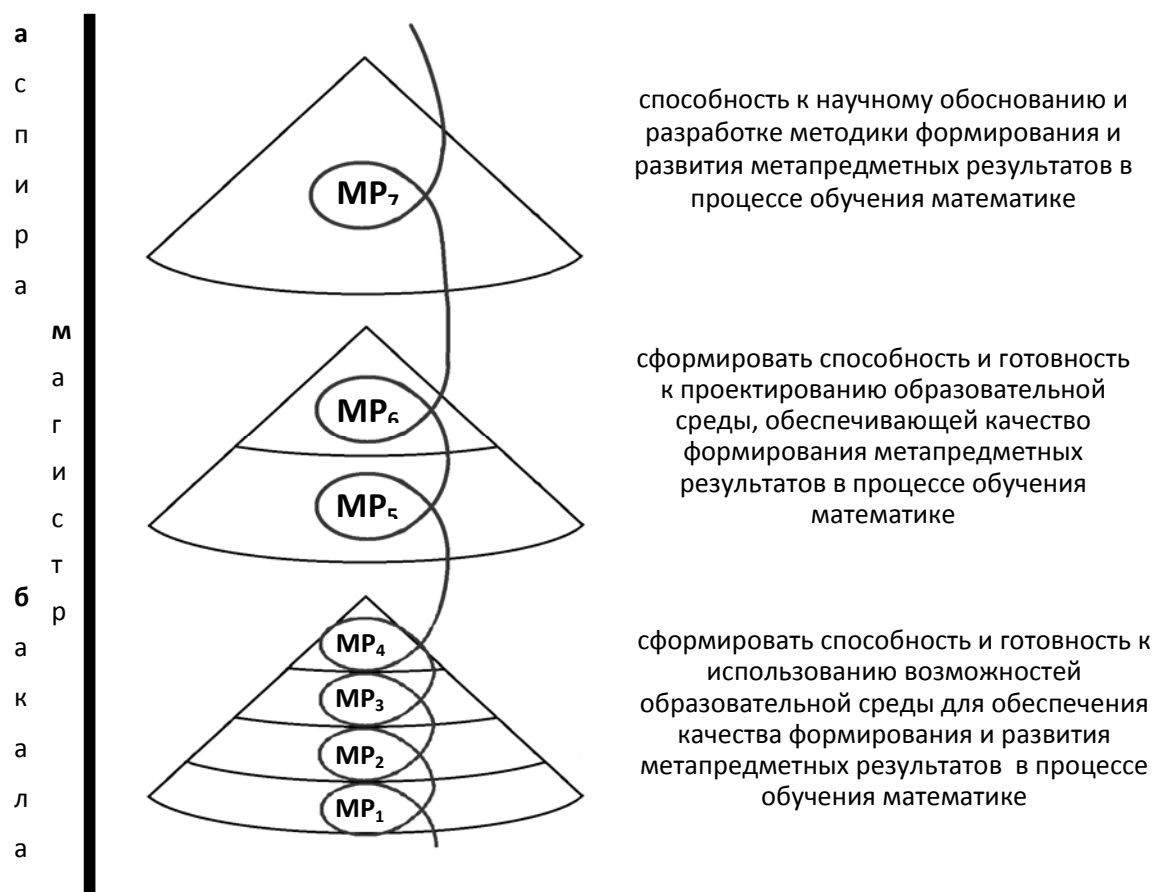

Рис. 1. Модель подготовки будущих учителей математики к формированию у учащихся универсальных учебных действий в контексте технологии рефлексивного подхода

Структурной единицей макроцикла рефлексии является микроцикл рефлексии, который позволяет описывать организацию учебного процесса в педагогическом вузе на конкретном занятии с учетом принципов синергетики.

Звенья микроцикла рефлексии [5]:

- выполнение индивидуальной деятельности по старому алгоритму;
- затруднение в индивидуальной деятельности, фиксация затруднения в индивидуальной деятельности;
- выход из индивидуальной деятельности;
- выявление места и причины затруднения;
- коррекция способа действия;
- построение проекта выхода из затруднения;
- реализация проекта;
- диагностика.

Опишем модель учебного процесса в контексте технологии рефлексивного подхода с учетом принципов синергетики.

Фактором, определяющим специфику механизмов функционирования системы, является цель. Архитектоника функциональной системы определяется как стратегическими целями, раскрывающими социальный заказ с позиции государственных нормативных документов, так и тактическими, в данном случае, направленными на развитие способности у будущих учителей математики к формированию универсальных учебных действий. Следует заметить, что цель – это элемент системы, находящийся в состоянии неустойчивого равновесия. От изменения целей зависит структура учебного процесса. Согласно теории самоорганизации, направление учебного процесса и развитие указанных целей носит в этом случае вероятностный характер [6]. В связи с этим преподаватель должен показать, что изучаемая информация личностно значима для студента, при этом должен учитываться его исходный опыт и качества личности. Состояние неустойчивости предполагает выбор стратегии обучения. Неустойчивость позволяет более активно воспринимать информацию. Значимость точек бифуркации состоит в том, что только в них можно информационным способом повлиять на выбор поведения системы [6]. При этом состояние неустойчивости ставит перед студентами задачу выбора стратегии обучения, к примеру, на репродуктивном, эвристическом или исследовательском уровнях, соответственно выбрав методы, средства и форму обучения. Выбрав стратегию обучения студент приступает к осуществлению индивидуальной деятельности, в результате действий возникает затруднение, происходит его фиксация. Студент не может выполнять дальнейшую деятельность по старому алгоритму, и он выходит из нее. Это позволяет ему выявить место и причины затруднения, скорректировать способ действия и построить проект выхода из-за затруднения. Далее студент

возвращается к тому месту в индивидуальной деятельности, где возникло затруднение и реализует построенный проект. Завершается микроцикл рефлексии. В процессе диагностики студент определяет достиг ли он цели или нет, если нет происходит коррекция его индивидуальной деятельности, и возвращение к цели обучения.

Такая архитектура учебного процесса направлена на самоизменение личности студента, которое, в свою очередь, становится в настоящее время вектором решения проблемы повышения качества высшего педагогического образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотов. В.А.Ефремова Н.Ф Система оценки качества российского образования <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=150>
2. Сайт отдела оценки качества образования Института содержания и методов обучения РАО <http://centeroko.ru/>
3. Липатникова И.Г. Создание индивидуальной образовательной траектории как один из способов обучения студентов приемам принятия решений / И.Г. Липатникова // Фундаментальные исследования – № 5 – М.: 2009. – С.108 -109.
4. Липатникова И.Г. Деятельностное модульное обучение студентов педагогических вузов в условиях рефлексивной деятельности / И.Г. Липатникова // Вестник Томского педагогического университета – № 3 – Томск, 2006.– С. 65- 69.
5. Липатникова И.Г. Технология рефлексивного подхода к учебно-познавательному процессу с использованием устных упражнений / И.Г. Липатникова // Вестник Томского педагогического университета – № 3 – Томск, 2006.– С. 19 - 22.
6. Федорова О.Н. Синергетическая модель образования. // Мир образования. – 1997. – №5. - С. 14-16.

Dautova Olga,
*Institute of Pedagogical and Adult
Education of the Russian Academy of Education,
Saint Petersburg, Docent, Doctor of Pedagogical Sciences*
Takushevich Irina,
*Institute of Pedagogical and Adult Education of the Russian
Academy of Education, Saint Petersburg*

Designing a new pattern for learning and cognitive activities in non-linear and open education

Abstract: This article is devoted to the issue of a learner and a teacher in today's world. One analyses the features of rapidly changing environment and comes up with a pattern to enhance efficiency of educational process and make it as affective as possible.

Keywords: learning and cognitive activities, non-linear education, open education, challenges in educational process.

All the fields of human activity have been dramatically altered in XXI century. These changes are directly bound to the necessity of enhancing and developing the current system of education. Extremely important factors that affect learning and teaching are computerisation, expanding learning field, intensified information flow, and complex technologies of data transfer. A totally different environment – which is virtual reality – provides a brand new design for mental space: we now have a generally available digital text (or e-text) which can be read in different directions and is almost unlimited (Umberto Eco calls it *an infinite scroll* [1]) – these turn a piece of work into an element of universal learning field (hypertext) [2]. In this context logical and structured types of thinking give a way to iconic thinking. A human being, who was shaped by the previous epoch, experiences communicational psychodrama, while there develop vivid forms of presenting knowledge in fragmentary and metaphorical way [3]. The new environment (see Table 1) and the new generation of students call for designing and implementing a new pattern for learning and cognitive activities in non-linear and open education.

The essence of current changes and values may be found in the philosophy of post-modernity. The culture of post-modernity is the value system of information-oriented society, where something new is the compilation of something old, where they mix styles, where there is an Internet-conscious mind and gamification, where

something that has been trendy is not fancy any more, etc. [4] Teaching is not about transferring information anymore. While information is generally accessible, most challenging issue turns to be the ability to combine data that did not go together before. As a result one can obtain a new framework of data and therefore – new information (*Jean-François Lyotard*) [5].

Education bears a key-function for adjusting a human-being to the social process and disclosing his or her personality. If the aim of pedagogical process is shaping a Person of Culture (the one who is sensible, thinking and productive), then educational environment is the context of culture and instructional environment fosters student's activity (which is independent, creative and constructive). If a learner gets involved into investigating and mastering personally significant knowledge during this process, then he or she will explore the universe of culture freely and consciously using his or her own personal experience.

Promoting information technologies in all walks of life and the emergence of the Internet both had a great impact on the process of intellectual, cognitive and communicational activities. As psychologists state it, computer networks lead to significant functional changes in human's mental activity that affects one's cognitive, communicative, and personal spheres. The changes are associated with the following features [6]:

- fragmentary nature and atomism of global information network systems lead to cognitive overload;
- the use of hypertext (html) supported by all www-networks requires a skill to find a way in complicated and perplexed system of cross links;
- interactive work on the Internet requires working out special mental procedures that allow to manage objects of different nature which are intermingled with complicated logical chains (strings of logic).
- a person is exposed to lasting and sustainable effect of "information noise" as in most cases useful and useless information on web-pages is mixed.

Thus, researchers (Leonid Babanin, Aleksandr Voyskunovsky, Oleg Tikhomirov, etc.) note the following psychological consequences of the Internet:

(1) *specific environment*: people from different parts of the world can communicate simultaneously, however there is a limited capacity of using non-verbal means in communication (often – sketches), hence the lack of emotional component in communication;

(2) *specific requirements*: the ability to pick out information from the enormous data stream; the ability to manage the overload and process the information fast;

(3) the study of psychological *regularities of human's behaviour* in non-linear IT environment has discovered such peculiarities as: rising enthusiasm for information during the process of hunting for it (the effect of hazard), drifting targets and aims of the

search process, slipping into the state of frustration when there is either no information or the abundance of information [7].

Modern civilization sets new dynamics, therefore it is essential to enhance efficiency of educational process and make it as affective as possible [6]. This can be achieved through meeting the challenges of the new world (see Table 1).

Table 1. Social and cultural factors (macro-factors) that have an impact on shifts in education, teaching, and learning

<i>Factors</i>	<i>Positive capacity</i>	<i>Applying/treatment strategies</i>	<i>Risks and hazards</i>	<i>Ways to overcome obstacles and risks</i>
1. Ambiguous future. Rapid changes in modern life.				
1.1. Dynamic changes in everyday life	Being ready to inner and outer changes; flexibility, mobility and openness of living systems	Implementing the concepts of innovation, reflection and modularity into education	Being unable to engage oneself in reflection or innovation; no self-control, no self-analysis; being unable to manage one's own time	Designing education as a factor of self-actualisation, turning learning activity into a creative process (on the basis of reflection)
1.2. Blurred and unstructured life goals	Urging self-identification, self-actualisation, and self-determination	Implementing the principles of design and self-determination	Being unable to identify or actualize oneself; no creative work	Designing a personal learning pattern and life journey; working out reflection practices (starting with goals and moving towards outcomes)
2. Culture on the whole. Cultures losing their exclusiveness, the abundance of life				
2.1. No standards of culture, art or behaviour; pluralism of styles	Being flexible and dynamic; freedom of opinion and freedom of self-presentation; denying stereotypes; pluralism and tolerance	Implementing openness in education	Mosaic education; denying all the rules, nonsense (absurd); the ugly in culture and behaviour; fragmentary thinking; malign identity	Implementing the freedom of choice; multiple identity; erudition; consistent worldview of a learner; integral thinking; constructing value-conscious context of education; implementing the process of understanding
2.2. Content-related	Having incomplete and imperfect knowledge and	Implementing the principles of life-long, open and	Acquiring out-dated knowledge	Developing learner's personal potential, motivation and

transformation of knowledge itself (restructuring knowledge)	education	non-linear education		understanding lifelong learning
3. New technologies and communication				
3.1. Intense development of information and communication technologies	Rapidly created and re-created networks	Managing communications in order to create new learning resources and systems	Acquiring dated work methods	Constructing innovative instructional environment as a means of building bridges and exchanging inter-generational experience
3.2. Developing technocracy	Pragmatism and rational thinking	Theory of Inventive Problem Solving	Sticking to technocracy and pragmatic thinking	Expanding humanities in modern society, which requires reflective methods of learning and self-actualisation
4. Integration in social processes. Shifts in mass media				
4.1. Social and cultural context of society	Pluralism and diversity of society; tolerance and sociability; civic consciousness	Implementing social partnership in education	Having low level of communication culture, tolerance, and social skills	Developing different types of identity within the system <i>Me vs. The World</i> (based on enhanced learner's experience)
4.2. Mass media revolution; the emergence of the "second reality", the Internet, postmodern aesthetics	Open information; being involved in society and the world; realising one's civic identity	Openness of education; developing multimedia in instructional process; a learner as a designer of multimedia	Non-linearity, interrupted sentences, stream of consciousness	Implementing the principles of open and non-linear education; linear education is substituted by a brand-new style and method

We believe that one of the most important features of modern education is its longing for **openness**, which implies creating an integrated educational environment, providing all the participants with even chances and facilities (like information and learning resources) and inclusion into society. We are of the opinion that open education acts through the following key-trends:

- *openness towards environment and openness of educational institution itself* (extension of contacts with environment and taking into account the diversity of its impact; learning is designed as interaction and mutual insight in social context);

- *openness of the instructional content* (unveiling social and cultural experience; increasing sources and means of education; a learner and his or her inner world become the core of educational process, while instructional content turns into the resource for self-actualisation and self-discovery; the function of a teacher is now designing and constructing a learning resource, backing up his or her students, assisting in the process of learning, etc.)

- *openness towards educational situation* (learning and cognitive activities¹ are designed in accordance with learner's demand and standards).

Open education is related to the development of non-linear forms of learning. After having analysed some researches on this issue L.O. Malenkova could distinguish three systems of education: linear, non-linear and linear system with non-linear features [8].

Non-linear system of education – which is represented by distance and out-of-the-class learning, as well as training in open studios – enables to design and implement personal educational pattern. It also implies a dynamic class timetable (syllabus) and physiologically accepted structure of an academic year. Furthermore, non-linear and learner-centred approach appears to be both the need and the result of technology progress: in modern computer technologies the information is structured in a non-linear way.

The main features of non-linearity are manifested through multiple choice, alternative ways, alternate arrangements and reverse directions of learning processes, emergent trends of a system [9]. Non-linear processes make it impossible to forecast or to extend results, while the whole process is randomised and the fortuity itself does not happen again. Consequently the pattern of the process at initial or interim stages may be completely different from that at developed or asymptotic stage. Finally there can be changes (forced or spontaneous) in non-linear environment; if the environment becomes different, it leads to qualitative changes in all its constituents (?systems) and co-evolution processes. At a deeper level there is rearrangement and restructuration of the selection field for evolution [9].

Non-linear education, which provides the flexibility of instructional content, form and mode, is considered to be the most advantageous form of education for learner's independent activity. It is based on the principles of the syllabus structural complexity, variety of representation forms, multi-tiered instruction, alternative ways of learner's support, and developing reflection through control and self-control.

Apparently, openness in education, the abundance of learning materials, recognising learner's right to his or her academic needs as well as the right to choose

¹ Учебно-познавательная деятельность – это система действий обучающегося, включающая целеполагание субъекта учения как согласование учебной и личностной задачи и выстраивание системы значимых отношений с целью присвоения содержания образования

personal pathway (or academic route) – all these move a learner to brand-new position. A learner becomes the subject (i.e. active participant) of educational process (see Table 2). Learning and cognitive development become the core elements in non-linear process: a learner independently sets goals for learning and cognitive activities (while adjusting one's personal concerns to the tasks of a school subject), a learner selects instructional content and materials using information resource, a learner also suggests methods of tracking progress and moreover he conducts the assessment himself. The subjects (or active participants) of interaction in non-linear pattern are the following: *a learner, a learner vs. a learner, a learner vs. a teacher*. Therefore, *a dialogue* becomes the mode of a lesson: learners work in pairs or groups (this reflects ideas of postmodernity – see Richard Rorty²). We can say that a teacher becomes a designer of learning environment and information resource (or - content). The teacher is now a consultant, an assistant, a moderator, and a facilitator. The unit of learning and cognitive activities is a learning objective that reflects personal and educational tasks; in order to achieve this objective a learner chooses (himself or with the help of a teacher) time, space and other resources. In such a manner one can work on the learning objective in libraries, classrooms, museums, laboratories, etc. And what is more, one may spend 45 or 450 minutes – whatever it takes a learner to complete the task. So, the learning environment is no longer limited by time, space, information resources or any other issues/strings.

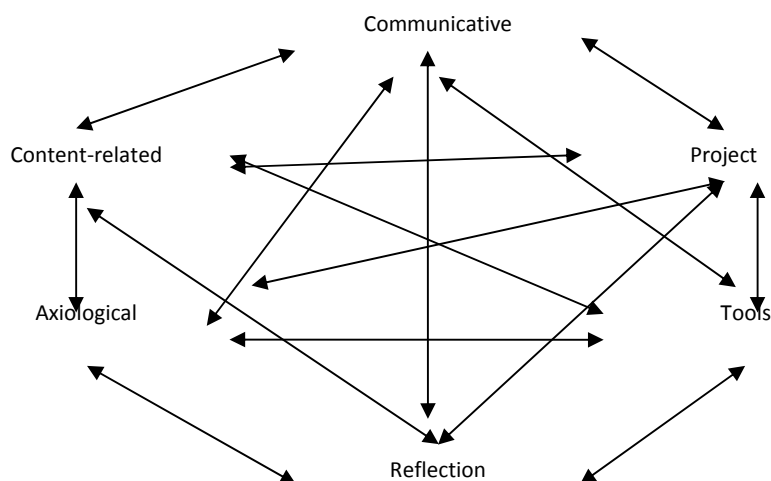
Table 2. *Features of linear and non-linear educational processes*

Elements	Linear educations	Non-linear education
Goals and objectives	those of school subjects	those of school subjects, personal goals
Anticipated learning outcomes	knowledge (in terms of facts), skills, personal development	educational knowledge, competences
Knowledge	transferred, transmitted	constructed, nurtured
Content	presented in textbooks and syllabus (a universal programme)	transformed and altered, (an elective syllabus or the absence of predetermined programme)
Information resource	tied down to classroom	no limits

² Richard Rorty introduced a new concept *edification* to define the process of shaping oneself through dialogue. Edification is a form hermeneutic discourse that builds bridges between our one's own culture and other cultures. Rorty suggests two types of education: enculturation (acquiring values and behaviours of a corresponding culture) and edification (when a person is introduced to various cultures due to his or her own efforts and reflection).

Process	includes explanation, mastery, control	includes familiarising with the content, understanding, design, communication and reflection
Environment	predetermined	constructed
The unit of learning and cognitive activities	a lesson	a learning objective or issue
Timing	a lesson, homework	no limits
Space	classroom	no limits
Interaction teacher vs. learner	non-congruent, asymmetrical	congruent, symmetrical, constructive, interpersonal
Communication	limited to the members of a class	no limits
Learner	the object/subject of management	the subject of activity, the subject of relevant relations, the subject of choice, the subject of personal development
Teacher	information transmitter	the environment designer, assistant

To picture the new pattern for learning and cognitive activities in modern world one has to understand, that education is a comprehensive phenomenon and absorbs all the contexts which are in turn interrelated and interdependent (they are separated just for the matter of the model) (see Picture 1).

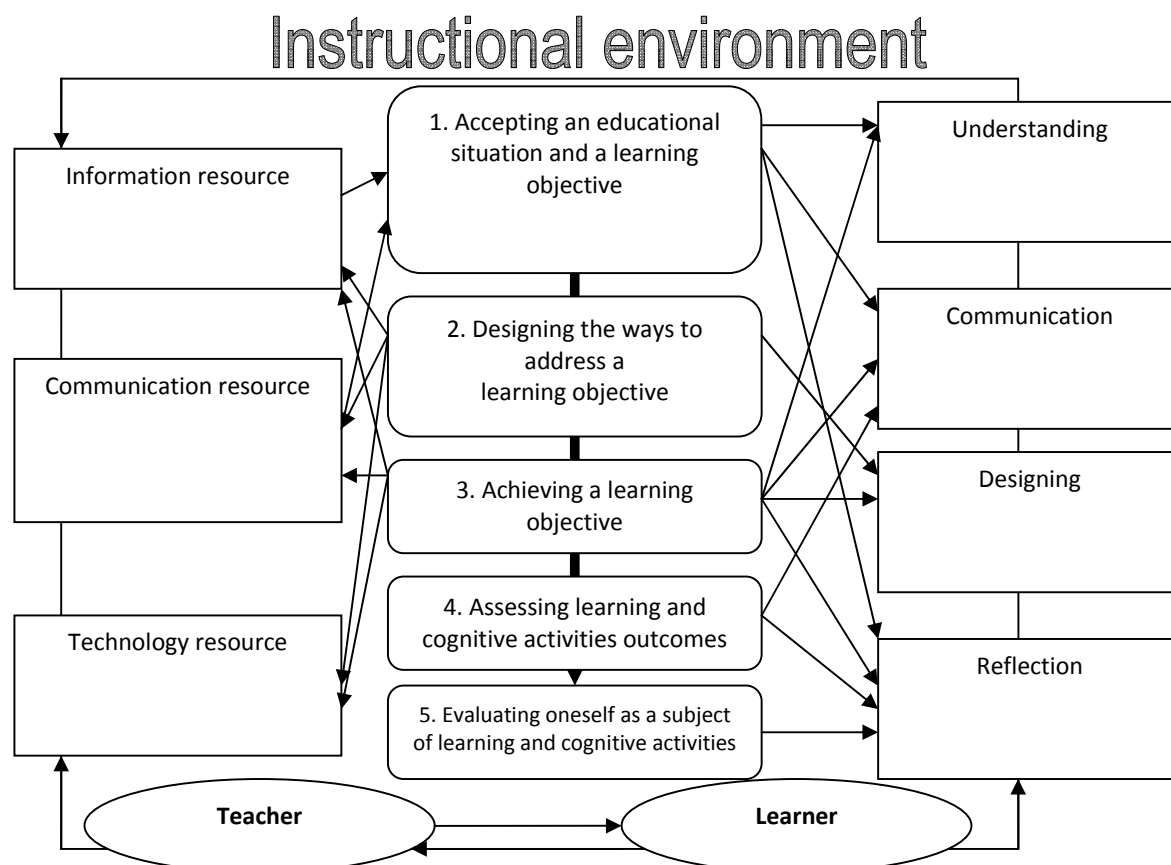
Picture 1. Correlation of educational contexts

We suggest that all the contexts of modern education define the new features of learning and cognitive activities (see Table 3).

Table 3. *Interrelation of educational contexts and features of learning and cognitive activities*

The context of education	The features of learning and cognitive activities
Content-related	open; incomplete; excessive; demonstrating interrelation of social, cultural, human-centred concepts; enabling a learner to make a choice in terms of syllabus
Axiological	recognising both teacher's and learner's active roles in educational process; acknowledging the right to different worldviews; feeling the necessity of understanding and investigating life-purpose "baselines"
Communicative	being communicative; increasing the number of channels and changing the message; environment-oriented; symmetrical communication
Reflection	metacognition as a major process of learning and cognitive activities
Projecting (designing)	designing as a basis of learning and cognitive activities; targeting learning activities (translating learning objectives into learner's targets); efficiency and fruitfulness that goes with creative work of both a learner and a teacher; directing learning activities at a certain outcome or product.
Tools	managing knowledge as a method of work or activities

The new model of learning and cognitive activities reports what has to be changed in order to meet the challenges of today's world, how to achieve learner's personal development through learning activities (which have to be meaning-making, experience-gaining, life-reflecting, self-sustaining, and demanding). All this becomes possible *if a learner is involved into designing his own learning (education)* which entitles him to an active position and building crucial interrelations in the frame *Me vs. The World*: my own self, me vs. the others, me vs. activities, me vs. cultures (see Table 4).

Learner's activity is triggered by accepting educational situation and translating it into learning objective. The educational situation may be viewed as an aspiration to harmonise one's own experience and to build educational knowledge. The latter is understood as the image of the world, coined in the process of individual activity and co-operation with other parties. In a structured educational situation learners practice to acquire knowledge (regarding certain content and its relation to real life); therefore, learning objectives are also determined by learner's internal motivation, inner world and personal value system.

Table № 4. *New actions and relationships in learning and cognitive activities*

<i>Relationship systems</i>	<i>Me vs. Culture</i>	<i>Me vs. My own self</i>	<i>Me vs. The Other</i>	<i>Me vs. Activities</i>
Processes				
Understanding	the ability to identify meanings, values, sense for oneself	the ability to understand oneself, one's emotions, feelings, needs, and interests	the ability to understand and decipher texts and actions of another person	the ability to recognize one's own motives and their conflict, to set a learning objective

Communication	the ability to understand the context of communication	the ability to understand oneself in communication	the ability to exchange meanings, information, experience	the ability to interact with another person
Design	the ability to understand the content of cultural educational situation	the ability to put forward tasks at the level of goal-planning	the ability to choose the means of communication	the ability to put forward tasks of a subject area
Reflection	the ability to interpret and explain texts	the ability to assess oneself	the ability to see and grade oneself in communication	the ability to evaluate the process and outcome of one's activities

What principles should be taken into consideration when designing instructional content of educational situations? We believe the following guidelines will partly answer the question:

- The content and its elements should provoke learning, stimulate the yen for finding new information and meeting learning objectives; thereby initial motivation for creative learning is emerging.

- The content should be designed in such a manner that a learner would have the freedom to suggest and check their own ideas, which provides heuristic learning.

- The content should be a part of learner's environment, which allows them to use the acquired knowledge and personal experience during practice.

- Learning and cognitive activities imply new learning strategies which get a learner involved in the processes of *understanding*, *design*, *communication*, and *reflection*:

- **The process of understanding** is implemented in such education, where one has given up the idea of encyclopaedism and sticks to axiological approach (learning is perceived as conscious existence). The process of understanding processes is arranged following the integrity of cognition and subject-oriented activities in the broad social and cultural context. This process takes place in communication and dialogue.

- **The process of design** suggests a shift toward learning as knowledge in action. It includes mastering ways and methods of different activity types (cognitive, axiological, transformative, investigative, projecting, self-cognitive, etc.), research practice, "social audition", and conditions for sharing one's work methods with other parties of educational process.

- **The process of communication** reflects the growing role of interaction in education; the necessity to involve learners into instructional communication; the new

understanding of education as efficient communication – this requires designing dialogue interaction.

• **The process of reflection** expects moving from instruction to conscious learning. It is based on embracing personally significant issues aimed at understanding the world, the others and oneself as an active party of living and learning.

To sum up, efficient learning and cognitive activities are aimed at developing a learner both as the subject of learning and the subject of living. This fact allows a learner to acquire the following competencies: (a) pursuit of life-long learning; (b) willingness to share experience, interact with other people in order to achieve understanding; (c) meeting the needs of cognition and creativity as well as being successful in rapidly changing world.

REFERENCES

1. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст // Отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20.05.1998. Интернет, 1999 №6-7. – С. 52.

2. Помпеев А.Ю. «Виртуальная реальность» в современной культуре. Эл. науч. изд-во «Аналитика культурологии», 2006. Электронный режим доступа: <http://www.analiculturolog.ru/> [Дата последнего обращения: 25.10.2014].

3. Нургалеева Л.В. Конфликт иконических и логических форм интеллекта в современной образовательной среде // Открытое и дистанционное образование. Томск, 2005. – №2. – С. 47.

4. Нуруллин Р.А. Система образования как отражение культуры и цивилизации // Четвертые Махмутовские чтения с международным участием. Казань, 2012. Режим электронного доступа: <http://vml.antat.ru/index.php/4echetiadocs>. [Дата последнего обращения: 25.10.2014].

5. Юркова Т.А. Самостоятельная образовательная деятельность школьников с использованием нелинейных учебных текстов / Автореферат дис. на соиск. ученой степ. канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2003 г. - С.9-10.

6. Акулова О.В. Проблема построения нелинейного процесса обучения в информационной среде // Человек и образование, №3. Санкт-Петербург, 2005. – С. 7-8.

7. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Психологические последствия информатизации // Психологический журнал. Москва, 1998. - №1. - с.89-100. Электронный режим доступа: <http://www.relarn.ru/human/ps-zh.html> [Дата последнего обращения: 25.10.2014].

8. Маленкова Л.О. Подготовка учителей к реализации новых форм организации образовательного процесса / Автореферат на соиск. учен. степ. к.п.н.

– Санкт-Петербург, 2006. Режим электронного доступа: <http://nauka-pedagogika.com/viewer/9677/a?#?Page=1> [Дата последнего обращения: 25.10.2014].

9. Кершенгольц Б.М., Чернобровкина Т.В., Шеин А.А., Хлебный Е.С., Аньшакова В.В. Нелинейная динамика (синергетика) в химических, биологических и биотехнологических системах / Учебное пособие по курсу «Синергетика – теория самоорганизации систем». Якутск, 2009 г. Режим электронного доступа: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2013/09/synvbio.pdf> [Дата последнего обращения: 25.10.2014].

Fateeva Irina,
Chelybinsk State University,
Head of Journalism & Media Education Department, Doctor of Philology

Subjects of Russian initiatives in the field of media education, media literacy and media security

Abstract: This article reviews the most significant Russian initiatives in the field of media education, media literacy and media security to identify the active actors of Russian media education. The author finds them among government authorities, public and international organizations, media companies and states that the most passive actor is an educational department of the country.

Key words: media education, media literacy, media security, mass media, information society

И.А. Фатеева,
Челябинский государственный университет,
заведующая кафедрой журналистики и медиаобразования,
доктор филологических наук

Субъекты российских инициатив в области медиаобразования, медиаграмотности и медиабезопасности

Аннотация: В статье дается обзор наиболее значительных российских инициатив в области медиаобразования, медиаграмотности и медиабезопасности с целью выявления активных акторов российского медиаобразования. Автор находит их среди правительственных учреждений, общественных и международных организаций, медиакомпаний и утверждает, что самым пассивным актором является образовательное ведомство страны.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаграмотность, медиабезопасность, массмедиа, информационное общество.

В последние десятилетия одним из приоритетных педагогических направлений в мире стало медиаобразование, то есть образование в области средств массовой информации и коммуникации, причем медиапедагогами осуществляется обучение как производству массмедиа (профессиональный вид),

так и пользованию ими (массовый вид). Наше представление об этом феномене вполне согласуется с позицией ЮНЕСКО, считающей, что медиаобразование «имеет дело со всеми средствами массовой информации (пресса, кинематограф, телевидение, видео, Интернет)» и «помогает людям понять медиакommunikацию, которая используется в обществе, а также овладеть и оперировать навыками, необходимыми для осуществления коммуникации с другими» [1]. Массовый вид медиаобразования, являющийся показателем демократичности и открытости того или иного общества, известен еще как движение за медиаграмотность. Особую актуальность оно приобрело в начале XXI века в связи с объявленным в 2002 году ЮНЕСКО десятилетием грамотности. Всеобщая медиа- и информационная грамотность, а также высокий уровень развития научного знания в области массмедиа и медиаобразования являются гарантией медиабезопасности населения страны, поскольку они «способны дать... понятийные конструкции, которые позволят не только выделить виды информационных угроз среди других явлений социальной реальности, но и выявить механизмы (средства) предотвращения и защиты от различного рода информационных угроз, опасностей, обусловленных неконтролируемыми информационными потоками» [2. С. 156-157].

Как известно, Россия членствует в ЮНЕСКО: в 1954 г. в эту организацию вступил СССР, а с 1991 года ее членом как правопреемница СССР стала Российская Федерация. Однако инициативы в области медиаобразования Россия поддерживает не так активно, как хотелось бы. По крайней мере, наша страна не объявила еще, что считает медиаобразование обязательным элементом обучения всех своих граждан, как это давно сделали Канада, Австралия, страны-члены Европейского Союза. Тем не менее, определенные проекты в этой сфере у нас реализуются. Есть смысл произвести их инвентаризацию, чтобы выяснить, кто именно в России берет на себя функцию инициаторов и субъектов медиаобразования.

В первую очередь назовем Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех». Он был создан в 2000 г., то есть в тот год, когда появилась сама программа «Information for All», председательствует в которой, кстати, Россия. Среди шести проектов Комитета числится «Продвижение медийно-информационной грамотности». Судя по странице этого проекта на сайте Комитета [3], основными направлениями его деятельности являются организация международных и всероссийских научно-практических конференций, посвященных медиа- и информационной грамотности, а также издательская деятельность. Например, за последние годы были опубликованы на русском языке такие издания, как сборник материалов состоявшейся в Москве 24–28 июня 2012 года Международной конференции «Медиа- и информационная грамотность в обществах знания» [4], подготовленный Фондом «Современная Польша» Каталог

навыков медиа- и информационной грамотности [5], книга «Информационная грамотность: международные перспективы» [6] и другие издания. В эпоху переформатирования российского медиаобразования, приближения его к зарубежным образцам эти книги, раскрывающие специфику медиаобразовательной деятельности на Западе, безусловно играют роль теоретического и практического ориентира для российских медиапедагогов.

Если же сосредоточиться на практических инициативах, то следует в первую очередь отметить активность в постановке проблемы обеспечения медиабезопасности детей Уполномоченного по делам ребенка при Президенте РФ П. Астахова. Именно он летом 2011 года предложил открыть очередной 2011/2012 учебный год уроками медиабезопасности во всех школах страны. Сам он провел такой урок в школе-интернате для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, № 15 циркового профиля имени Ю. В. Никулина в Москве. СМИ сообщили еще о нескольких таких уроках, проведенных детскими омбудсменами в регионах; один из них, в сельской школе в Ставропольском крае, посетил даже тогдашний Президент России Дмитрий Медведев. Не вина Уполномоченного по делам ребенка, что предложенная им акция не стала массовой: к ней осталось равнодушным министерство образования и науки, а без его активного участия это мероприятие было обречено на точечный формат.

Павел Астахов не раз высказывался публично и по поводу внедрения в российскую школьную практику регулярного медиаобразования. Так, выступая 30 мая всё того же 2011 года на совместном заседании президиума Государственного совета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике (оно было посвящено вопросам охраны здоровья детей и подростков), он произнес: «Считал бы необходимым предложить Министерству образования ввести специальный курс обучения детей, возможно, даже и родителей, так называемый "Медиабезопасность детей и подростков". Это вполне возможно предусмотреть в обычном курсе основ безопасности жизнедеятельности. Это будет связано непосредственно с выработкой навыков у детей безопасного использования интернета и профилактики интернет-зависимости, о которой так много говорится» [7]. Следует отметить, что педагоги в целом не очень прислушались и к этому предложению Астахова: курс ОБЖ в массовой школе практически не изменился с того времени, хотя в 2012 году в стране был принят новый Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования, при разработке которого была возможность учесть предложение омбудсмена, внеся впоследствии соответствующие изменения в примерную программу курса. Но ничего этого сделано не было, и в действующем ФГОС в отношении ОБЖ имеется только расплывчатая фраза про «понимание рисков и угроз современного мира» [8].

Еще раньше Астахова о массовом медиаобразовании заговорили на публику руководители Министерства связи и массовых коммуникаций. Так, в 2009 году, беседуя с репортерами газеты «Известия», тогдашний министр Игорь Щеголев произнес: «Мы считаем очень важно как раз сейчас ввести специальную дисциплину. Называется "медиаобразование". Суть – научиться вычислять для себя полезное и защищать себя от бесполезного». Понятно, что минкомсвязь не имеет практически никаких выходов на общеобразовательную школу. Если представители этого ведомства и могут хоть как-то влиять на педагогическую практику, то только в системе профессионального образования. Поэтому, отвечая на вопрос об очередности введения курса в образовательных учреждениях разных уровней, И. Щеголев заявил: «Мы хотим начать с вузов» [9].

Надо признать, что этот эпизод не остался единичным и случайным пересечением минсвязи с медиаобразовательным дискурсом. На сегодня именно это ведомство поддерживает и продвигает в стране идею медиаграмотности. Это и понятно, ведь оно отвечает в правительстве за реализацию государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)». В Отчете ведомства о ходе реализации и об оценке эффективности этой программы за 2013 год читаем: «Министерством была развернута активная работа по развитию медиаграмотности населения, которая является прививанием необходимых навыков жизни в информационном обществе, обеспечивающих безопасность гражданина и его детей... В 2013 году по заказу Минкомсвязи России была выполнено исследование на тему "Оценка текущего состояния и перспектив изменения уровня медиаграмотности населения Российской Федерации на основе национального мониторинга медиаповедения и актуальные задачи массового медиа образования". На основании полученных данных на конец 2013 года уровень медиаграмотности в стране составил 15%. Этот показатель за ближайшие годы надо будет увеличить в разы» [10]. Конкретнее планы министерства озвучил замминистра Алексей Волин; он сообщил, что за пять лет планируется показатель утроить.

Делать это министерство планирует совместно с медиаотраслью, интернет-сообществом и учебными заведениями. Что касается медиаотрасли, то министерство действительно включает эту тему в программу своих мероприятий для работников СМИ. Так, например, 10–13 ноября 2014 года в Екатеринбурге пройдет первое общероссийское совещание «Региональные СМИ на пути к эффективности и конкурентоспособности». Развитие медиаграмотности населения – один из вопросов повестки дня совещания, на которое съедутся более трехсот представителей всех регионов России в рангах вице-губернаторов, министров, руководителей департаментов, курирующих взаимодействие с прессой, редакторов местных СМИ. Сами же медиадееатели если занимаются медиаобразованием, то в основном профессиональным, заботясь о подготовке

своих завтрашних кадров. Хотя есть примеры и журналистской активности в сфере массового медиаобразования. Как на показательный пример укажем здесь на алтайский медиахолдинг «Алтапресс», проявивший себя на поприще международной медиаобразовательной инициативы «Газета в образовании», с помощью которой барнаульские журналисты, выстраивая тесные связи с местными школами, воспитывают для своих издательских проектов качественную читательскую аудиторию, а заодно повышают уровень медиаграмотности населения Алтайского края.

Интернет-сообщество наиболее активно проявило себя в деле обеспечения медиабезопасности подрастающего поколения. Речь идет о таких организациях, как Фонд развития Интернета, Фонд «Дружественный Рунет», Программа партнерства развития информационного общества на Северо-Западе России (ПРИОР Северо-Запад) «Чистый Интернет». Последняя, кстати, разработала-таки курс «Основы безопасности жизнедеятельности в сети Интернет» (ОБЖИ) и занималась его апробацией в школах Санкт-Петербурга.

Еще один инициатор медиаобразовательных инициатив в стране – Федеральное Собрание РФ. И в данном случае мы имеем в виду не столько Государственную думу, которая приняла не один законопроект, имеющий отношение к медиабезопасности несовершеннолетних, в том числе закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (от 29 декабря 2010 г., вступил в силу с 1 сентября 2012 г.), сколько верхнюю палату парламента – Совет Федерации. Ее нынешнему председателю Валентине Матвиенко, возглавляющей Координационный совет при Президенте РФ по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей, принадлежит идея проведения Единого урока безопасности в сети Интернет для российских школьников. Эту идею Матвиенко озвучила весной 2014 г. во время парламентских слушаний на тему «Актуальные вопросы обеспечения информационной безопасности детей при использовании ресурсов сети Интернет», а уже в сентябре в Совете Федерации состоялось заседание Временной комиссии СФ по развитию информационного общества, посвященное обсуждению проекта организации этой акции, запланированной на 30 октября [11]. Поскольку в совещании приняли участие представители Министерства образования и науки и решение принималось в высшем представительном и законодательном органе страны, на этот раз акция, аналогичная астаховской инициативе 2011 года, по всей видимости, будет наконец реализована.

Таким образом, рассмотрев различные медиаобразовательные инициативы в России, мы убедились, что они принадлежат и органам государственной власти (парламенту, Минкомсвязи), и общественности (различным фондам), и международным организациям, и медиабизнесу, но самым пассивным актором на

этом поле является то ведомство, которое должно бы в первую очередь двигать это направление деятельности, то есть Минобр. Степень его незаинтересованности и невовлеченности просто поражает. Однако есть надежда, что ситуация наконец изменится в лучшую сторону, и только в этом случае у России как у государства, стремящегося соответствовать трендам движения в сторону общества знаний, появится на это реальный шанс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рекомендации Севильской конференции «Медиаобразование молодежи» (ЮНЕСКО, 2002). – URL: <http://www.unesco.ru/rus/pages/bythemes/stasya26012005-152727.php>
2. Иванова Л.А. Еще раз о медиаобразовании: понятийно-терминологическое обеспечение в начале XXI века // *Magister Dixit*. Научно-педагогический журнал. 2012. №4. С. 157–170.
3. URL: <http://ifapcom.ru/projects/581/>
4. Медиа- и информационная грамотность в обществах знания / сост. Кузьмин Е. И., Паршакова А. В. – М.: МЦБС, 2013. – 384 с.
5. Цифровое будущее. Каталог навыков медиа- и информационной грамотности. – Москва, Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества (МЦБС), 2013. – 68 с.
6. Информационная грамотность: международные перспективы / под ред. Х. Лау. Перевод с английского – М.: МЦБС, 2010. – 240 с.
7. Стенографический отчет о совместном заседании президиума Государственного совета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, посвященном вопросам охраны здоровья детей и подростков, от 30 мая 2011 г. – URL: http://state.kremlin.ru/state_council/11396
8. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. N 413). – URL: <http://base.garant.ru/70188902/#ixzz3HFN9MPVn>
9. Савиных А. Министр связи и массовых коммуникаций Игорь Щеголев: «С информацией, как с едой, – надо быть осторожнее» // *Известия*. 2009. 15 июня.
10. Отчет о ходе реализации и об оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)». – URL: <http://minsvyaz.ru/common/upload/OTCHET.pdf>
11. Единый урок безопасности в сети Интернет для российских школьников состоится 30 октября. – URL: <http://www.pnp.ru/news/detail/67825>

Loginov Catherine,
MSU NP Ogareva Historical and Sociological Institute, Postgraduate

Theories of prosocial behavior in philosophy

Abstract: In this article author touches the points of view to the problem of prosocial behavior in philosophy. Scientific approaches and aspects of foreign and native philosophers to the problem of person's ethic and behavior in social are consistently expounded in this article, correlation of conceptions "behavior" and "activity" is considered, structural-containing aspects of behavior are described.

Keywords: Altruism, morality, religion, behavior, self-sacrifice, selfishness, prosocial behavior.

Логинова Екатерина,
МГУ им. Н.П. Огарева Историко-социологический институт, аспирант

Теории просоциального поведения в философии

Аннотация: В данной статье затрагиваются взгляды на проблему просоциального поведения в философии. В статье последовательно изложены научные подходы и взгляды, западных и отечественных философов, на проблемы морали и поведения человека в обществе. Рассматривается соотношение концепций поведения и деятельности. Описываются структурно-содержательные аспекты поведения. Проблематика просоциального поведения, в российской науке практически не изучена.

Ключевые слова: Альтруизм, мораль, религия, поведение, самопожертвование, эгоизм, просоциальное поведение, нравственность.

Просоциальное является одним из изначальных и фундаментальных видов социального поведения наравне с гендерным, агрессивным и т.д. В отношениях внутри группы, а также между группами оно является регулирующим и стабилизирующим фактором как для отдельной личности, так и для групп в целом. В религиозных доктринах, психологических и философских трудах можно обнаружить попытки обобщить нормы и постулаты в теоретическом и практическом аспектах. При этом христианская религия неразрывно связана с

просоциальным поведением: в заповедях и нормах религиозных учений явно прослеживается тесная связь между заповедями и просоциальным поведением личности.

Поиски философской проблемы просоциального поведения в западной философии изначально были направлены в большей степени на его мотивационные аспекты - психологический портрет просоциальной личности формировался в общем и целом в соответствии религиозными эталонами.

Т. Гоббс считал, что мотивировать людей к помощи другим может эгоизм, так как помогающее поведение, являясь элементом системы эталонных требований, предъявляемых к личности со стороны общества, защищает индивидуума от психический переживаний и негативных эмоций, связанных с несоответствием эталонным требованиям. Также он полагал, что страх перед внешними факторами может являться одним из немногих, стимулирующих к сотрудничеству с окружающими. Одним из таких внешних факторов может считаться государство, которое видоизменяет врожденный эгоизм личности, перенаправляя его в сторону альтруизма, создавая систему просоциальных норм, стимулирующих просоциальную направленность личности и общества в целом, включая систему санкций, формальных и неформальных, мотивирующих просоциальные ориентации.

Однако, если рассматривать государство или социальную группу как единственный фактор формирования просоциального поведения, то это приводит к пониманию просоциального поведения человека как к правового и вследствие этого, логическому осознанию нравственности [2, с 341].

В работе «Всеобщая мораль» П. Гольбах так же писал, что любое живое существо, обладающее разумом, по своей природе заботится только о себе, о своем благополучии и сохранении, но без посторонней помощи у него нет возможности достичь собственного благополучия. Такую помощь можно получить от других лиц в том случае, если индивид пожертвует частью своего благосостояния ради другого. [3 с, 120].

Ж.Ж. Руссо, наряду с другими философами, отошел от теории врожденного эгоизма, считая, что природа человека, по сути своей, является от рождения добродетельной, сочувствующей, стремящейся к помощи другим, даже несмотря на то, что социум и общество расшатывают морально-нравственную природу индивида. Он полагал, что любой человек способен развить в себе данное уже природой состояние благородства и сострадания [7, с 416].

И. Кант полагал, что просоциальное поведение представляет собой совокупность самоконтроля, воли, системой, обусловленной набором многогранных и нерушимых принципов бытия, которые оторваны от эмоций. В работе «Основы метафизики и морального закона» И. Кант уходит от концепции

эгоизма, считая, что если поступок является необходимым и должным, то невзирая на свои интересы и эмоции, индивид должен совершить его [4, с 45].

Однако Д. Юм, в своей работе «Исследования человеческого поведения» писал, что, наоборот, фундаментом просоциального поведения служат как раз таки сочувствие и милосердие, фундаментальные качества человеческого поведения.

Особенно яро была отвержена теория И. Канта о эмоциях и морали Л. Блюмом, который заявил, что эмпатия помогает в межличностном понимании другого индивидуума, закладываясь на основе идентификации, причем мышление заметно проигрывает эмоциям в мотивации просоциального поведения, рациональный процесс не всегда приводит к морали [14, 102 с].

Один из основоположников позитивизма О. Конт исходил из того, что возникновение просоциального поведения и альтруизма возможно лишь в обществе, где существует равенство прав и обязанностей. Если индивид не может пользоваться общими благами наравне с остальными, то для него теряется смысл жертвовать своими интересами для других. По мнению Конта, только наступление эпохи всеобщего позитивизма может привести к полной победе альтруизма в обществе, так как этот, по его мнению, апогей общественного развития, приведет к тому, что любой член общества сможет пользоваться его благами. Впрочем, по мнению автора, альтруизм не должен служить лишь одному человеку, а обществу в целом. Конт понимал альтруизм как другую полярность индивидуализма, близкую к коллективизму, но не являющуюся таковым [5, с 369].

В работе «Возможности альтруизма», Т. Нагель проводит параллели между альтруизмом и поведением, основанным на эмоциях, таких как сочувствие, сострадание, любовь. Он считал, что внедрение эмоций в процессе помощи недопустимо, так как оно искажает сам помысел о помощи [6, с 65].

А. Швейцер, философ, близкий к философии жизни, противопоставляя фактичности мысли фактичность жизни, исходя из своего базового критерия «благоговения перед жизнью», заявляет, что нравственность-это фундаментальная основа существования. Альберт Швейцер полагал, что «сами по себе люди не могут отрешиться от близорукого эгоизма, и поэтому не в состоянии достичь благополучия. Им не остается ничего другого, кроме как определить в своей среде некий авторитет, который будет силой побуждать их к альтруизму. Но государственное или, точнее сказать, правовое сознание опирается на здравый смысл и относится к самопожертвованию совсем не так, как это делает нравственность. Правовое сознание относится безразлично к героизму, к безрассудству отрицательно, а за неказание помощи преследует только тогда, когда человек не помог другому в беде, имея средства и возможности для помощи.

И для него совершенно безразлично, сделал ли он это из-за малодушия или намерению» [цит. 13, стр. 124].

Анализ философских взглядов на проблему просоциального поведения в русской философии отличается характерной содержательной направленностью, предопределяющей особенности философского рассмотрения того или иного социального явления.

Понимание природы человека для П.Я. Чаадаева берет начало с религиозно-нравственного мировоззрения, типичного для русской философии. Он считал, что человек представляет собой целостность духовного и физического начала, где главенствующую роль принадлежит именно духовности. Чаадаев верил, что человек как личность, хотя и выступает ядром мироздания, но несет в мир, скорее, разрушительные силы, нежели созидательные. «Все назначение человека состоит в разрушении своего отдельного существования и в замене его существованием совершенно социальным, или безличным» - пишет он [цит. 11, стр 45].

Концепция А.С. Хомякова представляет идею о существенном влиянии религии на самосознание как отдельного человека, так и народов в целом, так как деструктивность эгоцентрической природы индивида влияет не только на отдельного человека, но и на этнос. Для избегания разрушительных последствий человеческого эгоизма мотивы и цели воспитания и обучения, формирующие личность, с его точки зрения, должны быть тесно сплетены с религией [10, 79 с].

В трудах Н.Г. Чернышевского также содержатся определенные постулаты, позволяющие осмысливать просоциальное поведение. В рамках этики разумного эгоизма, детерминизма и рационализма, в своих философских размышлениях Н.Г. Чернышевский обосновывает, что человек любит прежде всего сам себя. Он эгоист, и эгоизм – это побуждение, управляющее действиями человека [12, с 69]. В тоже время, он считает, что эгоистический интерес «развитого» человека побуждает его к служению обществу, основанному на самопожертвовании. Основными факторами формирования личности Н.Г. Чернышевский считал просвещение.

Вл. Соловьев- один из ярких представителей русской религиозной философии, считал, что человек должен стремиться к царству Божьему на Земле, обществу, основанному на принципах нравственности, милосердия, справедливости. Идеалом выступает свободная теократия – социум, где нравственная власть принадлежит церкви, сила — царю, право живого совета с Богом — пророкам. Главная историческая миссия народа, таким образом, в том чтобы участвовать в жизни Вселенской церкви, в развитии христианской цивилизации, созданной посредством соединения положительных элементов западной и восточной культур и, прежде всего, на основе воссоединения церквей — восточного православия, с его богатым опытом мистического созерцания, и

западного католичества, с его наднациональной духовной властью, независимой от власти государства. Поэтому личность вступает у В.С. Соловьева вершиной творения, универсальным связующим звеном между миром и Богом. Он пишет: «Человек совмещает в себе всевозможные противоположности, которые все сводятся к одной великой противоположности между безусловным и условным, между абсолютно и вечною сущностью и преходящим явлением, или видимостью. Человек есть вместе и божество и ничтожество» [цит.10, стр. 113].

Но философ также замечает, что в реальной жизни личность жестко детерминирована «механической необходимостью», она не свободна в своих поступках от влияния эгоцентрического начала. Эмпирический человек, по мнению В.С. Соловьева, есть только основа для подлинного человека, поэтому задача каждой конкретной личности видится автором в обнаружении и следовании высшему мистическому состоянию подлинной цельности, подлинной любви, подлинной красоты. Таким онтологическим началом, преобразующим эмпирического человека в подлинного, выступает по мнению В. Соловьева существующее в мире бытийное Добро как некая идеальная сущность, предпосылка человеческой нравственности.

Для Н.А. Бердяева индивид – это категория натуралистическая, это – часть рода, общества, космоса, то есть в этой ипостаси он связан с материальным миром. Личность же означает независимость от природы и общества, которые предоставляют лишь материю для образования активной формы личности. Личность нельзя отождествлять с душой, это не биологическая или психологическая категория, а этическая и духовная. Личность не является частью общества или универсума. Напротив, общество – это часть личности, ее социальная сторона (качество), равно как и космос является частью личности, ее космической стороной. Этим объясняется, что в каждой личности есть и нечто общее, принадлежащее всему человеческому роду, тому или иному профессиональному типу людей и т. д. [цит.1, стр. 154].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н. А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики // Париж: YMCA-Press, s.d. 1939, 224 стр. (Клепинина, №36) 2-е изд. там же, 1972. Переиздано: Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 375 с.
2. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991.-639 с.
3. *Гольбах П.А.* Избранные произведения в двух томах. // П. А. Гольбах. Том 1.-Москва: Издательство «Мысль», 1963.-715 с.

4. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. 100 с.
5. *Конт О.* Общий обзор позитивизма. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 296 с.
6. *Нагель, Т.* Возможности альтруизма / Т. Нагель // Вопросы философии. — 001. — № 8. 113 с.
7. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: Трактаты. Пер с фр. М., 1998. 416с.
8. *Соловьев В.С.* Оправдание добра: Нравственная философия. - М.: Республика, 1996. - 479 с.
9. *Тарасова Л.Н.* Субъективная реальность в свете субъект-объектных отношений. Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2008.№7 130-134 с.
10. *Хомяков А.С.* Сочинения богословские. СПб: «Наука», 1995-480 с.
11. *Чаадаев П.Я.* Философские письма // Трасов Б.Н. Чаадаев. М:Мол Гвардия, 1990.-553 с.
12. *Чернышевский Н.Г.* Сочинения.-М.:Мысль, 1987,-268 с.
13. *Швейцер А.* Благоговение к жизни. — М.:«ПРОГРЕСС», 1973 // Феномен просоциального поведения в психологической наук (некоторые подходы в изучении просоциального поведения). Н.В. Кухтова// Белорусский психологический журнал, 2004, №1. 60-656 с.
14. *Юм Д.* Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. I. 733 с.

L.V. Bobrova,
*Professor Department of Informatics,
Northwest Open Technical University, St. Petersburg*

Problems organizing group sessions for remote audience

Abstract: The article examines the development of methodology for conducting classes for students studying remotely and organized into groups with branches universities. Based on studies using multivariate analysis is proposed to use the division of students into groups based on their level of training.

Keywords: individualization of higher education, distance learning, remote audience, online training, factor analysis.

Л.В. Боброва,
*профессор кафедры информатики, Северо-Западный открытый
технический университет, г. Санкт-Петербург*

Проблемы организации групповых занятий для удаленной аудитории

Аннотация: Автор анализирует методические проблемы проведения занятий для студентов, обучающихся дистанционно и организованных в группы на филиалах университетов. Излагается опыт использования многомерного анализа для разделения студентов на группы в зависимости от их уровня подготовки.

Ключевые слова: Индивидуализация обучения, дистанционное обучение, удаленная аудитория, факторный анализ

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) позволяет системе высшего образования перейти на качественно новый уровень обучения и преподавания. Активное применение в образовании ИКТ в сочетании с растущими возможностями Интернета приводит к эволюции преподавания и обучения. Однако, несмотря на все плюсы дистанционных обучающих технологий, они широко используются в основном для изучения либо теоретических, легко формализуемых курсов (экономика), либо для курсов, где организация диалога с

обучаемыми не требует работы с графиками, формулами и т.д. (иностранный язык).

На сегодняшний день в мировой образовательной системе существует два подхода к образованию. Относительно системы высшего образования мы можем суммировать их в трех позициях:

Во-первых, один подход к высшему образованию сфокусирован на групповом обучении; другой – ориентирован на индивидуальное изучение. Независимо от изобретённых терминов: очное, очно-заочное, распределенное, корреспондентное, гибкое, заочное (домашнее) обучение (home-study), обучение в отдаленной аудитории (remote-classroom teaching), телеобразование (tele-education), управляемое изучение или что-то подобное, - высшее образование все еще сводится к этим двум традициям: индивидуального изучения или группового обучения - и они очень различны.

Во-вторых, ключевое различие состоит в том, что подход, ориентированный на групповое обучение, основан на синхронной связи, независимо от ее вида. Преподаватели и студенты должны общаться в режиме реального времени. Подход, ориентированный на индивидуальное изучение, основан, как правило, на асинхронной связи. При этом образовательная среда учебного заведения должна быть доступна везде, где бы студенту ни приходилось быть: дома, в ближайшей библиотеке или на рабочем месте.

В-третьих, различны центры внимания. При групповом обучении преподаватель общается со студентами в аудитории (или в сети аудиторий) в режиме реального времени. Таким образом, это форма образования, в центре которой находится преподаватель. Подход, ориентированный на индивидуальное изучение, воссоздаёт учебное заведение в тысяче мест – поэтому в центре его оказывается обучающийся. Здесь эффективность обучения зависит от умения учебного заведения создать эффективную индивидуальную образовательную среду конкретного обучающегося.

Поэтому высшие учебные заведения, пытающиеся использовать современные дистанционные технологии в учебном процессе, постоянно сталкиваются с проблемами выбора как подходов к организации учебного процесса, так и технологий.

С одной стороны традиционные формы обучения уже не обеспечивают решения современных задач организации образовательного процесса (например, в электронном и дистанционном образовании), но, с другой стороны, неограниченны и возможности современных педагогических и информационных технологий.

В Северо-Западном открытом техническом университете (СЗТУ) необходимость использования дистанционных и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стоит очень остро, поскольку наш университет обеспечивает

непрерывное образование работающих людей на территории всего Северо-Западного региона, при этом большая часть студентов получают техническое образование.

В связи с этим в СЗТУ проводится большая работа по созданию методики проведения лабораторных и практических занятий при использовании ИКТ. Можно выделить два основных направления этой работы:

Первое. Проведение лабораторных и практических занятий со студентами, обучающимися с элементами дистанционных обучающих технологий (ДОТ) в индивидуальном порядке,

Второе. Проведение занятий с группами студентов, находящихся на территориально удаленном филиале университета.

Первое направление работы может реализоваться как в отложенном (off-line), так и в реальном (on-line) режимах времени. Основой проведения занятий в любом случае является разработка подробных методических указаний по выполнению лабораторной работы, которые размещаются на учебном сайте университета, в системе Moodle.

При работе в режиме off-line студенты, пользуясь подробными методическими указаниями, выполняют лабораторные работы на базе пакетов программ Microsoft Office: редактирование и форматирование электронных таблиц, создание баз данных и простейших экспертных систем, обработка статистического материала, разработка программ, создание диалоговых форм и так далее. После завершения работы результирующие файлы отправляются преподавателю на рецензирование. При необходимости преподаватель вносит в файлы исправления и возвращает студентам с соответствующими комментариями. Такая методика широко используется при проведении лабораторных и практических занятий по дисциплинам «Информатика», «Базы данных», «Прикладное программирование», «Методы и средства обработки экономической информации», «Теория вероятностей», «Информационные системы в экономике» и ряде других.

Успешной формой работы со студентами дистанционного обучения являются форумы. Преподаватель определяет тематику и время форума, размещает на сайте университета перечень вопросов и задач. Каждый участник занятия видит на экране монитора компьютера все тексты вопросов, а также ответы других активных участников семинара. В форумах есть возможность прикреплять файлы при передаче сообщений, что важно при необходимости использования рисунков, формул, готовых фрагментов текста. Опыт показывает, что лучше организовать свой тематический форум на каждую тему курса. Это позволит участникам учебного процесса лучше ориентироваться в пространстве и времени, что важно, поскольку занятия могут продолжаться несколько дней, и лучше контролировать вопросы и ответы.

В работе по успешному овладению приемами решения задач по конкретной тематике можно выделить три этапа.

На первом этапе необходимо предварительное ознакомление обучающихся с методикой решения задач с помощью электронных изданий по методике решения задач, материалов, содержащихся в базах данных, видео-лекций, компьютерных тренажеров. На этом этапе учащемуся предлагаются типовые задачи, решение которых позволяет отработать стереотипные приемы, использующиеся при решении задач, осознать связь между полученными теоретическими знаниями и конкретными проблемами, на решение которых они могут быть направлены. Это этап самостоятельной подготовки студента по рекомендациям преподавателя, которые публикуются в форуме не позднее, чем за две недели до даты назначенного занятия.

Для самоконтроля на этом этапе можно использовать тесты, которые не просто констатируют правильность ответа, но и дают подробные разъяснения, если выбран неверный ответ; в этом случае тесты выполняют не только контролирующую, но и обучающую функцию. Для ответа на возникающие вопросы проводятся консультации преподавателя, ведущего курс. Этот этап проводится с использованием режима off-line.

На втором этапе общение преподавателя с обучаемыми в основном ведется с использованием on-line технологий. Здесь рассматриваются задачи творческого характера. Лучше, если поставленная задача не будет громоздкой, либо будет содержать в себе несколько этапов. Это необходимо для того, чтобы студенты могли найти пути ее решения непосредственно во время проведения практического или лабораторного занятия. Такие занятия не только формируют творческое мышление, но и вырабатывают навыки делового обсуждения проблемы, дают возможность освоить язык профессионального общения.

На третьем этапе выполняются контрольные задания, позволяющие проверить навыки решения конкретных задач. Выполнение таких заданий может проводиться как в off-line, так и on-line режимах в зависимости от содержания, объема и степени его значимости. После каждого контрольного задания целесообразно провести консультацию с использованием сетевых средств или под руководством преподавателя по анализу наиболее типичных ошибок и выработке совместных рекомендаций по методике решения задач.

Проведение занятий в форумах успешно реализуется в СЗТУ при изучении таких дисциплин, как «Математика», «Инженерная графика», «Эконометрика», «Финансовая математика» «Методы оптимизации экономических задач».

Принципиально новым является разработка методики второго направления - проведение занятий с группами студентов, находящихся на территориально удаленном филиале университета. В СЗТУ реализовано проведение всех видов

занятий (лекций, лабораторных и практических занятий, контрольных мероприятий) с группами студентов, находящихся в городах Выборг, Великие Луки, Мурманск, Боровичи, Кировск, Удомля – пока что только для студентов первого курса.

Чтение лекций осуществляется путем трансляции презентаций через сети Интернета с использованием программы BigBlueButton. В этом случае преподаватель находится в специально оборудованной аудитории в Санкт-Петербурге, а студенты – в аудитории филиала, снабженной компьютером, проектором, экраном и микрофоном для организации обратной связи. При проведении занятий с небольшими группами и преподаватель, и студенты могут находиться у себя дома.

Методика проведения занятий для различных дисциплин в этом случае различна. Например, при проведении лабораторных работ по информатике студентам сначала предъявляется краткий теоретический материал (используются презентации и программа BigBlueButton), затем предлагается выполнить фрагменты самостоятельной работы. Студенты находятся в компьютерном классе, в котором имеются также проектор и экран. Они видят задание на экране и начинают его выполнять на своем компьютере. Преподаватель в это время переходит с программы BigBlueButton на программу Remote Office и получает возможность просмотра мониторов любого компьютера, расположенного в классе данной точки. При необходимости, используя функцию Controlle, преподаватель имеет возможность брать управление компьютером студента на себя.

При проведении практических занятий по математике использование компьютерного класса на филиале затруднено, так как далеко не все студенты имеют возможность быстро и безошибочно вводить формулы. Поэтому преподавателем используется цифровой планшет, а студенты вводят ответы с использованием документ-камеры. При проведении занятий по инженерной графике вместо дорогостоящей документ-камеры для отправки ответов студентов использовался сканер.

Результаты контрольных мероприятий (зачетов и экзаменов), проведенных с использованием аналогичной методики, продемонстрировали успеваемость такого же уровня, как при стационарной работе преподавателя на точке. Такая статистика позволяет говорить о перспективности предложенной методики проведения практических занятий и лабораторных работ для удаленной аудитории.

Естественно, что при реализации инновационных технологий возникает ряд существенных проблем [2]. Одна из самых существенных имеет корни в неоднородности студенческих групп. Практика показывает, что каждый опытный преподаватель, работая с аудиторией, объясняет материал так, чтобы было понятно каждому студенту. Такая ситуация имеет сразу несколько отрицательных

последствий: рассеивается внимание и теряется интерес к занятию у «сильных» студентов (в результате они опускаются до среднего уровня), а преподаватель вынужден ограничивать интенсивность образовательного процесса, рассматривать упрощенные задачи, что приводит к снижению полученного студентами уровня знаний по предмету. Радикальным решением проблемы видится разбиение потока на лабораторные группы не формально, а с учетом уровня подготовки студентов.

В связи с тем, что при таком формировании групп для практических занятий необходимо учитывать одновременно несколько факторов, имеет смысл провести исследования с использованием многофакторного анализа. Алгоритм выявления главных показателей при проведении социально-экономического анализа описан в [3,4]. Авторы при проведении исследования ограничились восемью показателями, достаточно просто вычлняемыми при тестировании и анкетировании: x_1 – начальный уровень теоретической подготовки к предмету; x_2 – уровень знаний по текущему материалу; x_3 – уровень владения персональным компьютером как рядовой пользователь; x_4 – способность использовать на практике знания, полученные на лекциях; x_5 – способность к адаптации; x_6 – способность к абстрагированию; x_7 – уровень мотивации получения знаний по предмету; x_8 – уровень мотивации получить высшее образование. Каждый показатель может принимать значения от 0 до 1. Для принятия решения исследовались три студенческие группы по 20 человек при изучении ими дисциплин «Информатика» и «Программирование» Для выделения наиболее важных, сильнее всего влияющих на ситуацию факторов, все показатели нормируются (приводятся к единой шкале) по формуле:

$$y_{ij} = \frac{(x_{ij} - \bar{x})}{S_i} \quad (1)$$

Здесь x_{ij} – значение j -го показателя для i -го студента ($j=1,2,\dots,8$; $i=1,2,\dots,60$). На основе анализа изучаемых показателей выделены четыре основных фактора, влияющих на ситуацию: показатель интеллекта (связан с первичными показателями x_2 и x_4), общий уровень подготовки (связан с x_1 и x_3), показатель адаптивности (x_5 и x_6) и уровень мотивации учебной деятельности (x_7 и x_8).

Вклад k -го фактора в общую дисперсию определяется по формуле:

$$V_k = \sum_{j=1}^8 a_{jk}^2 \quad (2)$$

В формуле (2) V_k – собственное значение k -го фактора,

a_{jk} – вес k -го фактор в j -м показателе.

Значения весовых коэффициентов a_{jk} определяются экспертным методом. Суммарный вклад факторов вычисляется следующим образом:

$$\gamma_k = \frac{1}{8} \sum_{j=1}^8 V_k \quad (3)$$

Предел этой суммы определяется обычно равным 0,8-0,95 и по этой величине определяется, сколько последних главных компонент (факторов) можно без особого ущерба для решаемой задачи изъять из рассмотрения, сократив тем самым размерность задачи. Методом главных компонент выделены последовательно главные факторы по принципу максимального вклада в дисперсию. Общий вклад первых двух выделенных факторов (показатель интеллекта и общий уровень подготовки) равен 72,59%. Этого достаточно, чтобы наиболее полно описать изучаемое явление.

Для формирования однородных групп удобно использовать нормированные значения отобранных (главных) факторов:

$$f_{ki} = \frac{1}{V_k} (a_{ik} y_{1i} + a_{2k} y_{2i} + \dots + a_{nk} y_{ni}) \quad (4)$$

Здесь k – номер фактора, i – номер студента.

Принято считать, что если

$f_k < 1$ – уровень по данному фактору ниже среднего;

$-1 < f_k \leq 1$ – средний уровень,

$f_k > 1$ – уровень выше среднего.

Проведенный анализ позволил установить, что из обследуемого потока в 60 человек 15 студентов имеют уровень выше среднего, 11 – ниже среднего и 34 человека – средний уровень. Отсюда можно сделать вывод, что для оптимальной организации учебного процесса необходимо исследуемый поток делить на практические занятия не формально не три группы по 20 человек, а по качественно однородному составу на четыре группы:

- одна группа с высоким уровнем подготовки (15 студентов);
- две группы со средним уровнем подготовки (по 17 студентов);
- одна группа с уровнем подготовки ниже среднего (11 студентов).

Такой подход к формированию групп позволит повысить интенсивность образовательного процесса, повысить заинтересованность студентов к изучаемому предмету, а следовательно, гарантирует более высокий уровень

знаний. Вооружая студентов владением современными технологиями и компетентностью, вузы гарантируют своим выпускникам высокий уровень образования и востребованности на рынке труда, повышая одновременно престиж и репутацию вуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. L. Bobrova. Technique of the Organization of on-line practical Training. *Science and World. International scientific journal*, №1 (5), 2014. – Publishing House “Scientific survey”, 2014, pp 275-278.
2. L. Bobrova. Problems in Creating the information educational Environment of the University. *Materials of the VI International Research and Practice Conference Vol.II*, Munich, Germany, 2013, pp.17-20.
3. Брагина, З.В. Квалиметрия способности к обучению на основе метода факторного анализа. / З.В. Брагина, О.Ю. Бороздина. Квалиметрия образования и науки. — 2001.- Вып. 3.
4. L. Bobrova, O. Marinova. Information Educational Environment-The Basis for Work with Remote Audience/ *World Applied Sciences Journal* 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication): 515-518, 2013.

Mishchuk Lyudmyla,
*Oleksandr Dovzhenko Hlukhiv National Pedagogical University,
Professor, Doctor of Pedagogical Sciences,
the Faculty of Pedagogic and Psychology,*

The children and youth features of leisure in social and educational activity in the rural areas

Abstract: This article is devoted to the children and youth features of leisure in social and educational activity in the rural areas; the main problems of implementation leisure activity in the rural areas are described.

Keywords: leisure, social-cultural activity, social-educational activity.

Міщук Людмила,
*Глухівський національний педагогічний університет
імені Олександра Довженка, професор, доктор педагогічних наук,
факультет педагогіки і психології*

Особливості організації дозвілля дітей та молоді в соціально-педагогічній діяльності на селі

Анотація: У статті розкрито особливості організації дозвілля дітей та молоді в соціально-педагогічній діяльності на селі; визначено основні проблеми реалізації дозвіллевої діяльності в сільській місцевості.

Ключові слова: дозвілля, соціокультурна діяльність, соціально-педагогічна діяльність.

У вирішенні проблеми стабільного розвитку українського суспільства одним із актуальних завдань є соціальне становлення молодого покоління, що включає формування світогляду, способу світосприймання і розвиток системи цінностей та ідеалів. Гарантією духовного і фізичного здоров'я учнівської молоді є створення можливостей для реалізації творчого потенціалу і зокрема, однієї з найважливіших його складових – потреби у творчій самореалізації. Якщо молодь з різних причин

немає можливості реалізувати свій творчий потенціал, вона втрачає здатність до активної взаємодії зі світом, а це сприяє зростанню духовної невиваженості, моральної спустошеності, підвищеної тривожності, агресивності молодих людей, прояву у певної частини молоді відхилень у поведінці, створенню неформальних об'єднань, норми яких суперечать загальноприйнятим. Тому перед вищими навчальними закладами нині постає завдання підготовки майбутніх соціальних педагогів, здатних здійснити підтримку творчої особистості у сучасних умовах соціокультурної сфери, що сприяє прояву ініціативи та самостійності, само-реалізації та самоствердження, прийняття молодого людиною позитивних соціальних орієнтирів.

Шляхи реалізації цього завдання знайшли своє висвітлення в державних документах, а саме: Державній національній програмі «Освіта (Україна ХХІ століття)», Національній доктрині розвитку освіти, Законах України «Про вищу освіту; «Про соціальну роботу з дітьми та молоддю» тощо.

Відомо, що соціокультурна діяльність – поняття багатопланове, яке у широкому значенні можна розглядати як суму всіх культурних, соціальних і політичних інтересів, у вузькому – культурно-політичні поняття як прямі звернення митців і мистецьких ініціатив до актуальних соціальних тем з включення на рівноправних засадах усіх зацікавлених у процесі творення.

У науковий обіг уперше це поняття введено Т.Г. Кисельовою та О.Д. Красильковим. На їхню думку, соціально-культурна діяльність – сфера соціальної діяльності, орієнтована на залучення людини до культури, самостійна складова загальної системи соціалізації особистості, соціального виховання та освіти. Ученими було розроблено концепцію «соціально-культурної діяльності» в широкому розумінні. Таким чином було покладено початок теоретично методологічному обґрунтуванню нового напрямку в педагогічній і культурогічних науках [1].

Соціально-культурній діяльності характерний соціалізуючий вплив, оскільки вона спрямована на створення умов найбільш повного розвитку, самоствердження і самореалізації особистості та групи (студії, гуртки аматорські об'єднання тощо) у сфері дозвілля. Соціальним педагогам доводиться брати участь у вирішенні проблем сім'ї, дітей, молоді в історико-культурній, дозвіллевій та інших сферах діяльності як у містах, так і в сільській місцевості.

Треба враховувати, що українська сільська місцевість має особливості в життєдіяльності молоді. За офіційним даними сільська молодь віком 18-28 років не вчиться і не працює. Провідним видом діяльності є індивідуальне господарство, постійні виїзди на заробітки як до міст, так і до інших країн. Наявність певного вільного часу в молоді нерідко приводить їх до таких негативних явищ як вживання алкоголю та наркотиків.

Дослідження Комарової Н. М., Пєши І. В. з цієї проблеми свідчать, що значний вплив на задоволення культурних потреб сільської молоді, на організацію дозвілля впливають соціально-економічні чинники: соціальний статус молодих людей та їхніх батьків, середньодушовий прибуток у родині, майно, наявність вільного часу. Проте визначальним є вирішення дозвіллевих культурних запитів соціальної сфери сільської місцевості. Зокрема, низькі темпи оновлення матеріально-технічної бази та слабку оснащеність соціально-культурних об'єктів.

Відомо, що соціокультурне середовище села має певні особливості. Аналіз літературних джерел свідчить про те, що сільська дитина має свою «нішу розвитку» у межах повсякденного життя. «Протягом віків в українському селі формувалася родовідна пам'ять – унікальне явище у традиційному українському побуті. Батьки намагалися передати в спадок своїм дітям не тільки варті уваги навички до праці та поведінки, але й захищати добру пам'ять про себе, здебільшого мали обов'язок дотримуватися родовідних звичаїв і далі розвивати їх. [2, с. 114.].

Як правило, сільські діти рано починають брати участь у веденні сільського господарства, тому важливим є зв'язок з природою, яка відіграє велику роль у розвитку їхньої чуттєво-емоційної сфери, морально-етичному вихованні. Дітям сільської місцевості притаманні такі основні риси характеру як працездатність, фізична витривалість, здатність до ризику, самостійність у прийнятті рішень, спостережливість за причинно-наслідковими зв'язками у природі, довгострокова пам'ять, просторове сприйняття, мислення за аналогією, розпізнання і розрізнення незначних станів і змін, які відбуваються у предметі праці (ґрунті, рослинах), вміння аналізувати інформацію про умови праці і стан предмета праці, організаційно-педагогічні здібності, вміння і навички [3].

Безумовно, сільська дитина, молода людина рано стають дорослими. Природа і праця створюють умови розвитку різних творчих розваг. Таким чином, праця, природа, сільський побут мають велике виховне значення.

Щодо організації соціокультурної дозвіллевої роботи на селі можна віднести наступні форми: *групові*: лекції, інформація, зустрічі, тренінги; *масові*: свята (державні, релігійні), гуляння, обговорення (проблем, ситуацій, випадків, конкурси, турніри); *індивідуальні*: бесіди, консультації, спілкування, консультації, відповіді на запитання.

Слід враховувати в організації соціально-дозвіллевої діяльності основні напрями:

- позашкільна;
- концертно-видовищна діяльність;
- науково-просвітницька (музеї, галереї, виставки);

- історичні факти села, районна (будинки пам'ятки героїв, вчених, педагогів);
- культурно-дозвіллева діяльність (клуби, концерти);
- інформаційна діяльність.

Окремо варто виділити соціокультурну анімаційну діяльність, одну з відносно молодих галузей соціальної педагогіки та соціальної психології, яку все частіше позначають як педагогіку соціально-культурної діяльності. Соціокультурна анімація – це особливий вид культурно-дозвіллевої діяльності суспільних груп та окремих індивідів, заснований на сучасних педагогічних, психологічних технологіях активації (пожвавлення) навколишнього соціального середовища та включених до неї суб'єктів [4].

Зазначимо, що в культурно-дозвіллевій але не в педагогічній діяльності, є посада соціокультурного аніматора. Зважаючи на специфіку роботи такого фахівця (обов'язки із задоволення потреб населення в галузі культури, спорту, розваг тощо), можна співвіднести її з досвідом діяльності соціального педагога.

Анімація свідчить про пожвавлення відносин між індивідуумами і соціальними групами, і у свою чергу утворює оптимальні умови для того, щоб вибір дозвіллевої діяльності найбільшою мірою відповідав запиту індивіда.

Таким чином, соціокультурна дозвіллева діяльність визнає особистість як унікальну цілісність, яка являє собою можливість соціальному педагогу в роботі з сільськими дітьми та молоддю визначити творчий потенціал можливість допомогти та самоактуалізоватись.

Розглянувши наведений матеріал, можна зробити висновок, що дозвілля є соціальним явищем, яке представлено, як: час, що молодь використовує за своїми інтересами, можливостями та потребами; сфера життя зі своїми нормами, правилами, умовами; діяльність, зміст котрої полягає у різниці між навчальною та суспільно-значимою діяльністю, і полягає у результаті, а не у самій діяльності.

Безперечним є той факт, що питання змістового наповнення дозвілля передусім полягає в тому, що сама інфраструктура культурно-розважальних закладів на селі сьогодні в Україні є нерозвиненою, а по-друге, молодь не завжди є фінансово спроможною, аби задовольнити свої потреби в такому дозвіллі. Як наслідок, провідним видом дозвілля стають негативні соціальні явища.

Таким чином, включення сільської молоді та дітей у дозвіллеву діяльність як соціальний простір, де суб'єктивно задаються безліч відносин і зв'язків, де здійснюється спеціальна діяльність різних систем з розвитку індивіда, є об'єктивно значущим.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Киселева Т.Г. Социально-культурная деятельность: основные тенденции развития / Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников, Ю.А. Стрельцов // Актуальные проблемы социально-культурной деятельности. – М. : МГУК. – 2006.
2. Тюття Т.Л. Соціальна робота : навч.посіб. / Тюття Л.Т., Іванова І.Б. – К. : ВМУРОЛ «Україна», 2004. – 590 с.
3. Соціальна робота [Електронний ресурс]: навчальні матеріали онлайн. Соціологія. – Режим доступу: http://pidruchniki.com/1806020_3/sotsiologiya/sferi_priznachennya_zastosuvannya_sotsialnoyi_roboti
4. Никитский М.В. Теоретические и исторические аспекты современной социокультурной анимационной деятельностью / М. В. Никитский // Весник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. IV: Педагогика. Психология. – 2008. – Вып. 3. – №10. – С.28 – 36.
5. Чернишенко О.І. Соціокультурна діяльність соціального педагога / О.І. Чернишенко ; Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова. – К., 2013. – С. 13.
6. Методичні рекомендації для соціальних педагогів сільських та селищних центрів. СССДМ / К.М. Комарова, О.В Вакуленко, Н.Г. Зінченко та ін. – К.: ДССС ДМ, 2005. – С.11.

Nyet Moi Siew^{1*}

¹*School of Education and Social Development,
Universiti Malaysia Sabah,
Kota Kinabalu, Sabah, Malaysia.*

Exploring Primary Science Teachers Creativity and Attitudes through Responses to Creative Questions in University Physics Lessons

ABSTRACT

Aims: 1. To investigate the levels of primary science teachers creativity through their responses in creative questions carried out in university physics lessons; 2. To find out the primary science teachers creative attitudes towards the use of creative questions in learning physics.

Study Design: Case study research design.

Place and Duration of Study: The study took place at the University of Malaysia Sabah for a period of two hours.

Methodology: The sample consisted of 74 in-service primary science teachers (age range 25-40 years) who took Mechanic, Matter and Heat as a core course towards Bachelor of Science Education. Simple creative questions were infused into normal Physics lessons. The tasks were content-oriented, and the goal was to yield a deeper understanding of what was being taught. The appropriate responses given to each creative question were evaluated as to their divergent thinking: fluency, flexibility and originality [32]. Questionnaires with closed and open-ended questions were administered to explore in what ways learners found their learning with creative questions was different from ordinary physics lessons.

Results: The results showed that a majority of primary science teachers attained different levels of creativity when assessed through creative questions - moderate level (65.8%), low level (31.5%) and only 2.7% were deemed to be at an acceptable level. Results also revealed that creative questions enable primary school teachers to develop an increased level of fluent and flexible thinking. Nevertheless the originality dimension of creative abilities of science teachers was at a low level.

Conclusion: The primary science teachers who participated in the study were mostly moderate creative and only a few of them were deemed to be creative. This study reveals that physics knowledge is a necessary condition for creativity

development. The findings of this study could imply that either primary science teachers are not so much impressed by the use of creative questioning as part of their classroom teaching practice, or teachers have not implemented the creativity elements of primary science curriculum effectively, or both. On the whole, primary school teachers have positive creative attitudes towards the use of creative questions in learning and teaching physics.

Keywords: Creativity; creative question; creative attitudes; divergent thinking; physics lesson; primary science teacher.

1. INTRODUCTION

A country's greatest asset in the 21st century no longer depends on tangible assets but on the creative minds of its people to produce innovative and useful solutions to complex problems facing society. As such, the cultivation of creativity in students is essential to prepare the generation to meet the challenges of this ever-changing society. Students need to be able to think creatively in order to apply a variety of approaches to solving problems. Creativity is one of the core skills for success; not just for an individual but also for a society.

Some profound scholars in creativity research, [12,32,34] consider divergent thinking skills as central to one's creative ability. Most of these scholars focus on three of the divergent thinking skills - "fluency", "flexibility", and "novelty". With regards to fluency, [12] states that those people who generate a great quantity of ideas were more likely to have significant ideas. For flexibility, he states that creative people should be able to generate ideas of different categories or approaches. For novelty, he states that creative people would have unusual or rare ideas but appropriate ideas.

In recent literature, these three divergent thinking abilities are widely accepted as a significant measure of one's scientific creativity [14,23,24]. However, [9] challenges this approach by suggesting that creativity development should be multi-faceted, taken into account the cognitive, affective, motivational, personal, and social factors, and should permeate the whole curriculum. In affective aspects, for example, William's Taxonomy of Creative Thought [35] suggested that curiosity, imagination, challenge-taking and risk-taking attitudes are conducive to creativity development. Meanwhile, Amabile's [1] study emphasizes that playful attitudes facilitate the emergence of creativity.

Sorgo [28] believed that creativity is something that can be learned. Creativity can be nurtured and enhanced through the use of strategies and appropriate methods [15]. To engage students in creative behaviour, a science teacher could think of a variety of approaches to foster their interest in science and get them thinking of how knowledge

from science is developed and contributes to the real-world. Classrooms with teachers who value creativity may use creative questions in which students may encounter appropriate stimulation, igniting their sense of wonder and inviting questions [16]. According to Burnett [5], good questions encourage children to think outside the square, to think and solve problems creatively. At the primary school level, questioning lays the basis for later science concepts and essential understandings. A science teacher as a role model for supporting creative performance therefore needs to experience how creative questions would help them to encourage creativity before they can translate this skill into action. Sternberg and Williams [31] also emphasize that role model is one of the most important factors for the development of creativity. They stress that, children develop creativity not when teachers tell them to, but when teachers show them. As Coelho [8] wrote *'What is a teacher? It isn't someone who teaches something, but someone who inspires the student to give of her best in order to discover what she already knows.* In other words, science teachers have to be creative in order to develop new classroom activities, or to adapt activities in the textbooks to special classroom environment that nurture creativity and innovation among pupils.

There are many strategies an individual can be nurtured for spurring creative effort. One of those strategies is problem finding. Identifying a problem to solve rather than solving a preset problem is called problem finding [28]. According to Starko [28], problem finding is an important component in adult creativity. Extending these processes into classroom situations can allow creative activities to occur naturally. Meanwhile, [13] recognized the importance of sensitivity to problems in generating and assessing creative ideas. A problem sensitive person, according to Guilford [13] has an ability to recognize problems where they exist, often before others become aware of them. On the other hand, metaphorical thinking can be used as a mechanism for divergent thinking because it can generate as many varied and unusual ideas as possible. According to Starko [28], the ability to think in metaphors allows individuals to find parallels between unlike ideas. The process of seeing or imagining how one thing might be like something else can allow new parallels to unfold, spurring transformation, syntheses, and perspectives. Still in the same vein, De Bono [10] suggested the use of "po" to provoke new patterns of thought. In many ways, "po" is parallel to children's use of "what if" or "suppose" question. "What if" questions could help stimulate creative thinking that engage learners to produce a range of ideas [3].

Infusing creativity elements into regular classroom is an important movement in recent Malaysian educational reforms. The newly-implemented Primary School Standard Curriculum (KSSR) which was introduced to Year One primary students in 2011 focused on a more fun way of learning science. The KSSR was an improvement as one of its purposes is to inculcate the interest and to promote student's

creativity via experience and investigation in order to master science knowledge, scientific skills, thinking skills and noble values [21]. Promoting creative thinking abilities is a value-added skill to be achieved in KSSR. As Dato Sri Mohd Najib, Prime Minister of Malaysia addressed in The Malaysia Education Blueprint 2013 - 2025, Malaysia needs creative and innovative workers to help steer the transformation of the country's economy as anticipated in the New Economic Model, Economic Transformation Plan and Government Transformation Plan (Ministry of Education Malaysia, 2012 [22]).

The Malaysian science curricula seek to develop creative thinking but the current research findings indicate that Malaysian university science student-teachers, including those science teachers who have served in secondary schools were mostly moderately creative and not creative [2,27]. This is in line with research findings (Lam KK, University of Houston; Hussein S, Hashim R, International Islamic University Malaysia, unpublished results) that reported that Malaysian teachers had little knowledge and the skills in the area of critical and creative thinking and the teaching strategies necessary to teach it. Teachers lacked training to prepare them for this aspect of teaching. Meanwhile, according to Han KL (National University of Malaysia, unpublished results), the level of infusion of critical and creative skills in the chemistry laboratory practical was below satisfactory. In another finding, Yong (Kuala Lumpur, unpublished results) discovered that Malaysian pre-service teachers lacked originality. These results could imply that the process of teaching and learning will be affected due to the lack of creativity amongst teachers. Hence, relevant efforts need to be taken to help teachers incorporate important aspects of creativity in the classroom.

As mentioned above, the low level of creativity among Malaysian science teachers and university science student-teachers have been highlighted by the result of recent researches. However, there is little information on the creativity of primary science teachers from both the cognitive and affective aspects, though the importance of these aspects is widely accepted by educators nowadays [25]. In an effort to include creativity as an important element in Malaysian primary science education, therefore, it is essential to investigate primary science teachers' level of creativity in terms of these two aspects mentioned.

1.1 Objective of the Study

The objective of this study is attempted to investigate whether the use of creative questions could help primary science teachers to develop their creative abilities and attitudes. This study examined teachers' creativity in the solutions or responses given to three different physics creative questions and its relation to fluency, flexibility and originality. In this study, creative thinking elements were purposely infused into normal Physics lessons to facilitate the creativity skills in teachers. The tasks were content-oriented, and the goal was to yield a deeper understanding of what was being taught.

Therefore, the present study would demonstrate how a set of simple creative questions can be infused into normal science classroom teaching in primary school levels. Infusing creativity-enhancing elements into Physics learning was assumed to have an influence on primary science teachers' creative abilities and attitudes.

This study embarked on the following objectives:

A. To investigate the levels of primary science teachers' creativity through their responses in creative questions carried out in university physics lessons;

B. To find out the primary science teachers' creative attitudes towards the use of creative questions in learning physics.

More specifically, this study addressed the following questions:

A. Which level of creativity do primary science teachers attain by the end of a physics lesson using creative questions?;

B. What are the primary science teachers' creative attitudes towards the use of creative questions in learning physics?

2. RESEARCH METHODOLOGY

The study took place in University of Malaysia Sabah. In this study the researcher followed the "convenience sampling procedure defined by McMillan [20], where a group of 74 in-service primary science teachers throughout Sabah and Sarawak, Malaysia, was selected because of its availability. They were 39 (52.7%) females and 35 (47.3%) males. They were pursuing a Bachelor of Science in Education, majoring in Primary Science. The age of the participants ranged from 25-40 years old. They have between 3-16 years of teaching experience in primary schools. 96% of the participants were married. The in-service primary science teachers were required to attend a physics course named Mechanic, Matter and Heat for a semester during the weekend and school holidays.

This study employed a mixed methods approach which involved the use of closed and open questions in a self-evaluation questionnaire and students' responses in creative answer sheets. Items of the questionnaire were modified from the studies by Cheng [7]. The students were required to evaluate the difference between physics learning activities and normal physics lectures using creative questions.

The questionnaire consisted of 20 items, covering creative attitudes on physics learning using creative questions. The creative attitudes favouring creativity development which were targeted at in this questionnaire included the interest and confidence in creative thinking, an appreciation and aspiration of creativity, being curious and imaginative, favouring challenges, and willing to take sensible risks. Items of the questionnaire used 5 Likert scale options i.e. 1 = strongly disagree (SD), 2 = disagree (D), 3 = unsure (U), 4 = agree (A) and 5 = strongly agree (SA). Students

were also asked to give some written feedback on the activities for the open questions included:- What is your feeling towards these exercises? What have you learnt in doing these exercises? Two experts comprising one physics lecturer and one Malay language expert reviewed the Malay version of the questionnaire and creative questions in terms of its language and content.

A pilot study was conducted in the form of a one hour workshop to refine the questionnaire and creative questions. A total of 30 Year Three undergraduate physics students took part in the pilot study. Prior to the pilot study, the students involved were briefed by the researchers in two sessions. They had learned the related physics concepts in Year One and Two. Once the session ended, the students were asked to complete a questionnaire asking their perceived creative attitudes towards the conducted activities. Students were also asked to comment and make suggestions regarding the items in questionnaire and creative questions. The students agreed that all items were relevant, thus should remain in the final questionnaire and creative questions. The index of reliability of the questionnaire is 0.88.

2.1 Learning Objectives

Based on the Guilford [12], Torrance [32] and Williams [35], and other literature reviewed in previous section, the following learning objectives were employed for infusing creativity in creative questions. They involved both cognitive and affective learning objectives. The first cognitive objective was to nurture the divergent thinking abilities of teacher which includes fluency, flexibility, and originality. To stimulate fluency, students were required to generate a large number of answers/examples at a time. For encouraging flexibility, students were asked to generate many different categories of ideas, and add or eliminate some well-accepted things. Besides divergent thinking abilities, the tasks employed by this study also aimed at imagination, problem finding and sensitivity, and metaphoric thinking. To encourage imagination, students were asked to answer 'suppose' or 'what if' questions. To encourage problem finding and sensitivity, students were asked to use their intuition to discover problems. To equip with some idea-generating heuristics, activities like comparing metaphors were used.

In affective aspects, the learning activities were aimed at cultivating teachers' motives in creative thinking. It was also meant to arouse their interest and to boost their confidence in creative thinking. Other positive attitudes to favour creativity development that includes appreciation and aspiration of creativity, being curious and imaginative, favouring challenges, willing to take sensible risks, were also targeted at in this study.

2.2 Selecting the Activities

Besides fulfilling the above learning objectives, the creative questions employed by this study need to suit the context of the learners. A set of rationales for selecting the creative questions was employed as below:-

a. First of all, to allow room for creative thinking, the tasks involved were open-ended, with large solution spans. They were of medium level of difficulties to provide acceptable challenges, and able to encourage student to take sensible risks. Playful, personal and daily-life elements were also induced into the tasks to make them interesting and appealing to science teachers, and, at the same time, elicit motivation to create answers.

b. To avoid inducing great changes to the common teaching activities, the creative activities were integrated into the knowledge content of the existing Physics lesson. Participating in these activities would not only enhance creative thinking but also knowledge understanding. At the same time, the activities were simple and flexible. The activities can be completed within 10 to 15 minutes in the classroom by teachers independently with only a simple worksheet. As far as possible, the possible answers were short and easy to understand or express. The tasks had the flexibility of allowing science teachers to express their ideas in written ways.

c. To elicit creative thinking, the tasks involved provided many possible solutions. Even though the creative tasks had to be so open-ended, yet, the solutions had to be specific and concrete so that teachers can have an easy feel to start and quick to finish. Moreover, the activities could give a surprise to teachers. These activities involved questions that teachers had never thought of, but when they began to think, most teachers could actually find a lot of amazing answers that were unexpected to them. An example of the activity was: - Give 5 similarities and 5 differences between force and love.

2.3 The Learning Process

The physics course served 74 science teachers at one time in a large lecture hall. The physics course covered areas in Mechanic, Matter and Heat. This study only focused on Mechanics which included three topics:-Measurement, Kinematics and Force. Each topic lasted for two hours and the process was as follows:-

2.3.1 Part 1 (1 hour and 20 minutes) – whole class lecture

The lectures for each physics topic were being delivered using visual support such as PowerPoint slides and video clips. At the same time, each teacher could refer to a provided learning module. Common teaching activities like questioning, giving examples, and explaining phenomenon were also employed.

2.3.2 Part 2 (25 minutes) – group activities

Firstly, the class was divided into 12 groups and each group consisted of six to seven group members. The group was then asked to answer creative questions related to each topic such as:-

- I. "Write down as many examples of friction as you can;
- II. "Suggest one measuring device in laboratory which you wish to add or eliminate.
Give your reasons; and
- III. "What is the difference between distance and displacement? Illustrate this with your daily route.

For each question, students were given five minutes to list out their answers on a piece of paper. Secondly, the group leader would invite each group member to take turns to share her/his answers that reflect her/his perspective. Each group member could then comment on each other's answers. Thirdly, the groups would have to share their answers with the rest of the class using 'one stay, the rest stray' cooperative learning structure [17]. In this learning structure, one member would stay back to explain the group's answers to the visiting group, while the rest of the group members would go to the table of the next groups. Group members then reported back and discussed the differences among the answers they had gained. This allowed an examination of different answers. Lastly, the lecturer would select randomly several groups to read out aloud to the class the interesting answers found from other groups.

2.3.3 Part 3 (15 minutes) – individual assessment

Primary science teachers' degree of creative thinking was measured using creativity answer sheets. The teachers answered the creative questions individually after each related group activity was being carried out. For the purpose of assessment, the researcher adopted three creative questions based on studies done by Hu and Adey [14] and Cheng [6] as follows:

1. After connecting to a bulb, the pointer of the ammeter does not move. Suggest 10 possible reasons (problem finding and sensitivity).
2. Suppose there is no gravity, describe how the world would be like? Give 10 possible happenings (imagination).
3. Give 5 similarities and 5 differences between force and love (metaphoric comparison).

The characteristics of the chosen creative questions were as follows: science teachers were prompted for being sensitive to the problems, having an ability to wonder, understanding the world around, seeking solutions, imagination and comparing the similarities and differences between two loosely-related concepts. Teachers were

encouraged to interpret the questions differently and to use their creativity to solve it from a different perspective.

At the end of the assessment, the science teachers were encouraged to exchange their answer sheets and discussed with their peers. The researcher/lecturer then chose several interesting science teacher responses and read out aloud to all the science teachers. This allowed science teachers to gain ideas on fostering creativity amongst primary school children in their schools. Science teachers answer sheets were then collected and evaluated to determine the levels of creativity.

The distribution of questionnaires was administered promptly at the end of the intervention for Mechanics, which lasted for 15 minutes.

3. DATA ANALYSIS

3.1 Analysis of Questionnaire Data

Data was collected from 74 students about their perceived creative attitudes towards the use of creative questions in learning physics. The questionnaire was analyzed according to Likert's five-point scale ranging from strongly disagree (1) to strongly agree (5), with a 3 representing a neutral response.

The qualitative data consisted of students' responses from open-ended questions that investigated their insights and experiences in learning by using creative questions. All qualitative data was analyzed by an interactive coding process [11]. The analysis began by reading each of the participant's responses to open-ended questions. Codes were generated during this initial review of the participants' responses. Relationships among the codes were explored in subsequent readings of participants' responses and broad themes emerged. This process continued until consistent themes were achieved. The validity of open-ended response was determined by agreement between a Physics lecturer as independent rater and the researcher.

3.2 Analysis of Students' Level of Creativity

3.2.1 Scoring procedures

The focus of this research was to measure the creativity traits of primary science teachers in terms of fluency, flexibility and originality. Measurement of creativity was based on criterion adapted from Torrance's Test of creative Thinking (TTCT) [32,14]. The Torrance's TTCT has its reliability coefficient ranges from 0.78 to 1.00, at different grade levels [33]. The criterion for the assessment of the creativity of a science teacher is shown in Table 1.

The research team classified the answers for each creative question into categories. Each category consisted of several response items. The response items

were then coded by the team, with numbers representing categories and letters of the English Alphabet representing response items under categories. The statistical functions in EXCEL of Microsoft were used as a platform to compute the scoring for creative answer sheets.

The scores of question 1 to 3 are the sums of fluency score, flexibility score, and originality score. The fluency score was obtained simply by counting all of the separate responses or different ideas given by the teachers (excluding the number of repetitive and irrelevant responses). The flexibility score for each question was obtained by counting the number of categories of ideas or areas that one produced. The originality score was obtained simply by counting the uniqueness of the ideas that one produced as compared to the whole sample. The originality score was developed from a tabulation of the frequency of all of the responses obtained. Frequencies and percentages of each response were computed. If the probability of a response was smaller than 5%, 2 points were awarded; if the probability was from 5 to 10%, 1 point was awarded; if the probability of a response was greater than 10%, then 0 point was awarded. For example, in response to question 2, responses like “no tall building can be constructed”, “no life”, “no daily activities”, “objects have no weight” were frequent; however responses which were considered to be original as “injuries caused by collision between living and non-living things”, “no water activity”, “earth stops at its orbit” had been given each by one student, therefore 2 points were awarded.

Table 1. Scoring criteria for creativity constructs (Adapted and adopted from Torrance [32]; Hu and Adey [14])

Creativity dimensions	Scoring criteria	Score awarded
Fluency (F) (10 marks)	The number of different ideas that one can produce	1 point for each idea
Flexibility (FX) (10 marks)	The number of categories of ideas that one produces	1 point for each category
Originality (O) (20 marks)	The uniqueness of the ideas that one produces as compared to the whole sample	< 5% - 2 points Between 5% and 10% - 1 point >10% - 0 point

3.2.2 Inter-scorer reliability

Since there was an element of subjectivity in interpreting the scoring rules, it was necessary to check that the scoring system could be interpreted reliably by someone who had not been involved in the questions development. Scores for 20 students were

obtained independently by two scorers from each question, one was not associated with the research, and the other was the researcher. Pearson product-moment correlation coefficients between the two sets of scores are presented in Table 2. The correlations between scores vary from 0.962 to

0.979. The results suggest that the scoring procedure is adequately objective.

Table 2. Scorer Agreement (n = 20 answer sheets for each question) Question Pearson product-moment

	correlation coefficients
1	0.979
2	0.916
3	0.962

4. RESEARCH FINDINGS

4.1 Participants Level of Creativity

Table 3 below summarises three levels of creativity attained by the teachers. The weightings from the creativity level scale were assigned by numerical scales graduated from 0 to 40. Scale 0-13 indicates less creative, Scale 14-26 indicates moderate creative, and Scale 27-40 indicates creative. Each creativity level was determined by averaging the values that measure each particular level. As shown in Table 3, 65.8% of the teachers attained moderate level of creativity and 31.5% of them belonged to the "Less creative level. However, only 2.7% of teachers belonged to "Creative level.

Table 3. Percentage of teachers attaining levels of creativity of each question

Question no.	Creative level (%)		
	Less creative	Moderate creative	Creative
	(0-13)	(14-26)	(27-40)
1	41.9	58.1	0
2	35.1	62.2	2.7
3	17.6	77	5.4
Average	31.5	65.8	2.7

Table 4 below summarises three levels of creativity dimension attained by the teachers. The results showed that half of the teachers had developed a high level of fluent (52.7%) and flexible (52.3%) thinking. Nevertheless, a majority (93.2%) of the teachers were at the low level of the originality dimension.

Table 4. Percentage of teachers attaining levels of creativity for each dimension

Creativity dimension	Level	Creative question no. (%)			Average (%)
		1	2	3	
Fluency	Low (" 3)	0	10.8	0	3.6
	Medium 4 " x " 6	18.9	41.9	70.3	43.7
	High (" 7)	81.1	47.3	29.7	52.7
Flexibility	Low (" 3)	0	10.8	1.4	4.0
	Medium 4 " x " 6	82.4	16.2	32.4	43.7
	High (" 7)	17.6	73	66.2	52.3
Originality	Low (" 6)	100	86.5	93.2	93.2
	Medium 7 " x " 13	0	13.5	6.8	6.8
	High (" 14)	0	0	0	0

4.2 Participants Creative Attitudes

The students response rates of all 20 items in the questionnaire were analyzed. For the purpose of discussion, Strongly Disagree (SD) and Disagree (D) were stated as “disagree”, Agree (A) and Strongly Agree (SA) as “agree”, while “unsure” was maintained. The items with most and least positive response rate were listed in Table 5.

Among them, most students agreed that they could freely explore new ideas that they were interested in (100%), and exchange ideas with their classmates and stimulate each other's thinking (100%), both of which were rather basic level elements in creativity learning. 98.7% of students agreed that this physics learning have enabled them to think in a broader sense, to learn more from multiple perspectives and challenge difficult questions. Meanwhile, 97.3% of students agreed that they had more opportunities to appreciate creative ideas of their classmates and creative questions. Whereas 96% of students agreed that they had more opportunities to generate creative answers from the given questions, being imaginative in generating new ideas, and participated in novel learning activities.

Table 5. Questionnaire s Items and percentage on each likert type item (n = 74)

Item No.	Compared with previous physics lessons in last semester, in recent ones, I have more opportunities to	Strongly disagreed or disagreed (%)	Unsure (%)	Strongly agreed or agreed (%)
9	Freely explore new idea that I am interested in.			100
8	Exchange ideas with my classmates, stimulating each other s thinking			100
4	Think broader and learn more from multiple perspectives	1.3		98.7
10	Challenge difficult questions.		1.3	98.7
2	Appreciate creative ideas of classmates.		2.7	97.3
3	Appreciate creative questions		2.7	97.3
1	Create creative answer from the given questions		4	96
6	Experience imagination in physics		4	96
7	Participate in novel learning activities		4	96
20	Seeing the world from someone else s perspective		4	96
18	Generate new ideas		4	96
13	Obtain support and encouragement, rebuild confidence in answering questions	1.3	4	94.7
19	Thinking outside the box	1.3	4	94.7
16	Question the viewpoints in the textbooks and those of peers		6.7	93.3
14	Tolerate making mistakes, uncertain answers or ambiguities		10.7	89.3
5	Learn in a relaxed and playful atmosphere		14.7	85.3
12	Express my ideas without being criticized.		20	80
17	Risk doing some tasks which have higher possibility of failure.		21.3	78.7
15	Gain others praise for my creativity		24	76
11	Tolerate day-dreaming and wild thinking occasionally.	1.3	24	74.7

Meanwhile, 93-93% of the teachers agreed that they have rebuilt their confidence in answering difficult questions, thinking outside the box, and question the viewpoints in the textbooks and those of peers.

On the other hand, less than 90% of students agreed that they have more opportunities to learn in a relax and playful atmosphere (85.3%), tolerate making mistakes, or uncertain answers (89.3%), express ideas without being criticized (80%). Less than 80% of students agreed that the lessons had given them more opportunities

to take risks (78.7%), to gain others praise for his/her creativity (76%), and to tolerate wild thinking occasionally (74.7%), all of which were high-order level elements in creative developments.

4.3 Findings from the Open-Ended Questions

Individual responses from open questions: What did you learn from the activity using creative questions? and What was your experience?

Almost all participants responded that the questions were challenging, but the relaxing and playful session had made them think and learn more effectively. Some of the related responses were: - I can learn in a relaxing and playful environment. I do not feel under pressure even though the questions are challenging and difficult.

Science teachers did perceive changes in their learning experience, and, their remarks about these changes were: - I now dare to give a variety of answers even though they are different from textbooks and those of peers; It is a way to stimulate me to think logically and imaginatively in physics, and I dare to give uncertain answers; These activities have taught me how to express my views freely and not to be too dependent on the schema and books. I have also learned to accept ideas from a wider perspective; I feel free to give unlimited ideas and explore creative ideas from friends; These activities have motivated me and I now have the courage to point out my point of views which I have not done before especially when dealing with difficult questions; and Sometimes, the ideas from friends shocked me as it can be accepted as a logical idea and that is a new experience for me .

Science teachers had also changed their perceptions on physics. Some common feedbacks are: "In the past, I thought physics is a scary subject and creates tension in learning it, but now I find physics interesting if we know how to use creative questions in learning; Physics is fun if we use creative questions. Sometimes we feel that the question is something unacceptable but it sounds rational. Responses in answer sheets further indicated that the teachers found new parallels to the mentioned unacceptable question difference between force and love. Some of their responses were: - Force can change the position/shape of an object whereas love can change the appearance of a person, Force can be calculated quantitatively using formula $F = ma$, whereas love can only be measured qualitatively, and Force may cause friction, whereas love may cause conflict .

Most of the science teachers responded that they would modify the questions, and try to make it more interesting or suitable to primary school students. They also pointed out that — I will encourage students to generate ideas and build up their confidence to defend their answers. At the same time they can learn from the creative ideas contributed by their friends.

Science teachers also felt that the creative question activities had encouraged them to think in a different way. Their feedbacks were: The activities have encouraged me to think in a different way after listening to the creative ideas from friends; Many new ideas come into my mind after hearing friend s answers; I have a chance to build up my confidence to produce answers based on logic, even though I realize that there is a possibility that I have given wrong answers; and I was given chances to produce something that is different from the text books.

Obviously, most teachers were successful in realizing the strength of creative questions. They mentioned that - I enjoy learning with the creative questions; it makes me think outside the box. All this while, most lessons had limited my thinking; , and the creative questions are medicines to cure stress in learning . Meanwhile, teachers also expressed that creative questions serve as an opportunity to realise their own personal potential to generate unusual ideas as reflected in their feedback: — This method has given me the confidence to give new ideas. I am not afraid to be criticized. Without realizing it, I am able to generate new ideas which I have never thought of before . No doubt those teachers had an opportunity to exercise creative thinking and experienced the joy and excitement of generating something genuinely new.

Teachers generally felt that they gained support from group creative activities. Related responses were: The Ideas given by friends during group activities have opened my mind to generate more creative answers; , Discussion with friends on creative questions enables me to gain a better understanding of physics concepts; , Checking peers answers enable me to realise how imaginative they are. This encourages me to explore my imagination from someone else s perspective; , and I learn to look at things from multiple perspectives.

More than half of the teachers expressed that the learning experience was interesting, playful, and gave them a lot of fun. Some had this feeling simply because they do not have to worry about the accuracy of their answer. Some others indicated that they especially enjoyed the relaxed atmosphere which gave them less pressure in thinking. On the whole, the findings in the open-ended questions aligned with those close questions in the questionnaire.

5. DISCUSSION

The results from this study found that a majority of the in-service primary science teachers have a moderate level of creative thinking skills and only a handful of them were creative. The results also revealed that the primary teachers were able to generate large numbers of ideas with different categories at one particular time, but their ideas were mostly neither unique nor novel. The creative question activities had provided students a chance, to some extent, to develop their own fluency and flexibility.

In evaluation, the effect of the present creative questions activities was found to be hindered by two factors. First, the science background of most teachers was very weak. The majority of them had only a Diploma level in science, and many of them received this education more than 3-16 years ago. As suggested by many scholars [1,30], domain-specific knowledge and skills are a very significant factor in creativity development. Therefore, the lack of physics knowledge and skills hinder the creativity development of these science teachers. The second limitation was due to a lack of time. The learning time for the related topics was only limited to two hours and this was insufficient to enable the science teachers to attain a higher level of creativity. According to Starko [29], students have to be provided with the necessary knowledge, skills and surroundings to enhance their creativity. Through this activity, a foundation has been laid for teachers to enable them to develop creative questions for their school context.

Science teachers categorized this creative learning as a kind of relax and playful learning which can encourage them to think in a broader and wider multiple perspectives, to explore and exchange new ideas, to appreciate creative ideas, and to develop their curiosity, interest and confidence in learning. This is supported by Bowkett [4] in his book, 100+ ideas for teaching creativity, who advocates 'keeping the stress low'. Though this classroom reform originally aimed at creativity development, teachers considered freedom of expression such as exploration and exchanging new ideas and stimulation of each thinking as their major gains. The creative activity shows that this highly abstract subject (physics) as perceived by science teachers is in fact interesting and fun. As Mayer [19] notes that students tend to engage more deeply and persist on challenging problems if they find them interesting. As such, a relaxed and playful learning environment can be effective in promoting creativity.

Teachers' high-order creative developments, such as attempting tasks which have higher possibility of failure, and the tolerance level of wild thinking, were found to be weak. These outcomes can be related to their low scores in their originality dimension and some typical characteristics of existing educational system. These two aspects have trained them to believe that questions have only either a right or a wrong answer. Nevertheless, on the whole, primary science teachers have positive creative attitudes towards learning physics using creative questions.

6. CONCLUSION AND RECOMMENDATION

Introducing creative questions to learning and teaching physics allowed for development of creativity in primary science teachers. Though teachers had developed an increased level of fluent and flexible thinking during lessons, the level of originality dimension of creative abilities of science teachers was still low. This study reveals that

physics knowledge is a necessary condition for creativity development of science teachers.

In addition, these findings can imply that primary science teachers are either not impressed by the use of creative questioning as part of their classroom teaching practice, or teachers have not implemented the creativity elements of primary science curriculum effectively, or both. This can also suggest that primary science teachers need to be encouraged to get into the habit of posing creative questions and framing answers during their in-service training. In addition, it should be the normal practice for science teachers to raise creative questions as part of their classroom teaching practice.

On the whole, primary science teachers have positive creative attitudes towards the use of creative questions in learning and teaching of physics. This activity was able to arouse the interest of teachers in exploring new ideas in physics. Through the activities, most teachers have changed their image in physics, from something very difficult, to something interesting and simple. They were found to have higher confidence and interests in generating unusual ideas. The affective objectives of the activities were, to a certain extent, achieved.

This study provides primary science teachers a framework to encourage creativity within the science classroom by asking thought-provoking questions. Teachers need to truly believe that there is 'no such thing as a 'silly question'. Primary science teachers should be encouraged to have creative thinking, a more flexible attitude, a higher self-confidence, a love in teaching creativity and a stronger aspiration in improving the science education. Science teachers should not look for answers for answers sake, but should look for questions for the sake of extending their students understanding and creativity. In order for the children to have a more meaningful science education in future, it is highly necessary for science educators in higher education to continue their effort in developing programs for enhancing science teachers' creativity.

This study was only a preliminary attempt exemplified by the researcher to the primary science teachers showing that one way of fostering creativity amongst primary school children is through the use of creative questions. There was no followed-up assessment on the creative pedagogical skills of the primary science teachers. In future, a session can be conducted to help primary science teachers in crafting out creative questions. The teacher can choose a topic that he/she is comfortable with and observe a lesson in a classroom. A teacher would probably gain best on how his/her students would react to the type of creative questions she/he constructs. Follow-up study is also necessary to understand teachers' classroom practice, i.e., whether the teachers have really self-developed creative questions in their school context. The capacity to ask creative questions is neither a natural talent nor an in-born trait. It is a learned competency based on motivation, know-how and

experience. Based on these evaluations, creative questions employed in this study can be revised and improved.

COMPETING INTERESTS

The author has declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Amabile TM. Creativity in context. Oxford: Westview Press; 1996.
2. Arshad MY, Alias SH. Creativity of science student-teachers. *Journal of Science & Mathematics Education*. 2011;4:1-7.
3. Ben W. How to be creative and improve creative thinking. 2012. Accessed 13 January 2012. Available: <http://www.warriorben.com/how-to-be-creative-and-improve-creative-thinking/>
4. Bowkett S. 100+ ideas for teaching creativity. London: Continuum; 2006.
5. Burnett C. Asking questions which encourage creative thinking. 2011; Accessed 03 November 2012. Available: <http://childhood101.com/2010/08/asking-questions-which-encouragecreative-thinking/>
6. Cheng MY. Developing physics learning activities for fostering student creativity in Hong Kong context. *Asia-Pacific Forum on Science Learning and Teaching*. 2004; 5(2):1-33.
7. Cheng MY. Infusing creativity into Eastern classrooms: Evaluations from student perspectives. *Thinking Skills and Creativity*. 2011;6:67-87.
8. Coelho P. *The witch of Portobello*. New York: HarperCollins; 2007.
9. Crophley AJ. Education. In: Runco MA, Pritzker SR (Ed.). *Encyclopedia of Creativity*. San Diego, Calif: Academic Press. 1999;1:629-642.
10. De Bono E. *Lateral thinking*. New York: Harper & Row; 1970.
11. Emerson R, Fretz R, Shaw L. *Writing ethnographic field-notes*. Chicago, University of Chicago, IL; 1995.
12. Guilford JP. Creativity. *American Psychologist*. 1950;5:444-454.
13. Guilford JP. Three faces of intellect. *American Psychologist*. 1959;14:469-479.
14. Hu W, Adey PA. Scientific creativity test for secondary school students. *International Journal of Science Education*. 2002;24(4):389-403.
15. Jang SJ. Exploration of secondary students' creativity by integrating web-based technology into an innovative science curriculum. *Computers and Education*. 2009;52(1):247-255.

16. Johnsen SK, Kendrick J. Science Education for gifted students. Waco, TX: Prufrock Press; 2005.
17. Kagan S. Cooperative learning. San Juan Capistrano. CA: Kagan Cooperative Learning; 1994.
18. Lubart TI. Creativity across cultures. In Sternberg, R.J. (Ed.), Handbook of Creativity. Cambridge: University Press; 1999.
19. Mayer RE. Cognitive, metacognitive, and motivational aspects of problem; 1998.
20. McMillan JH. Educational research. Fundamentals for the consumers. 3rd Ed. New York: Addison Wesley; 2000.
21. Ministry of Education Malaysia. Primary School Standard Curriculum: World of Science and Technology Year 1. Kuala Lumpur: Curriculum Development Division; 2011.
22. Ministry of Education Malaysia. Malaysia Education Blueprint 2013-2025. A preliminary Report. 2012. Accessed 30 Sept 2012. Available: <http://www.cpps.org.my/upload/105554958-Malaysia-Education-Blueprint-2013-2025-Preliminary-Report-Executive-Summary.pdf>.
23. Mohamed A. Investigating the scientific creativity of fifth-grade students. 2006. Accessed 02 January 2013; Available: arizona.openrepository.com/arizona/.../1/azu_etd_1565_sip1_m.pdf.
24. Pekmez ES, AktamiD H, TaDkin BC. Exploring scientific creativity of 7th Grade Students. Journal of Qafqaz University. 2009: 204-214. Accessed 02January 2013. Available: journal.qu.edu.az/article_pdf/1004_53.pdf.
25. Randi H, Corno L. Teachers as innovators. In Biddle BJ, Good TL, Goodson IF. International Handbook of Teachers and Teaching; 1997.
26. Runco MA, Nemiro J. Problem Finding, Creativity, and Giftedness. Roeper Review. 1994;16(4):235-241.
27. Saeed H. Creativity level of science teachers and practices in teaching. MPBL Journal of Research. 2004;5.
28. Dorgo A. Connecting biology and mathematics: first prepare the teachers. CBE Life Science Education. 2010;9(3):196-200.
29. Starko AJ. Creativity in the classroom: Schools of curious delight. 4th Ed. New York, NY: Routledge; 2010.
30. Sternberg RJ, Lubart TI. An investment theory of creativity and its development. Human Development. 1991;34:1-31.

31. Sternberg RJ, Williams WM. How to develop student s creativity. Alexandria, VA: Association for Supervision and Curriculum Development; 1996.
32. Torrance EP. Torrance tests of creative thinking. Lexington, MA: Personnel Press; 1974.
33. Torrance EP. Research review for the Torrance Tests of Creative Thinking figural and verbal forms A and B. Bensenville, IL: Scholastic Testing Services; 2000.
34. Wallach MA, Kogan N. Modes of thinking in young children: A study of the creativity- intelligence distinction. New York: Hort, Pinehart and Winston; 1965.
35. Williams FE. Creativity assessment packet. East Aurora. New York: DOK; 1980.

Maryna Velushchak,
Bukovyna State University of Finance and Economics, postgraduate student,
Department of Modern European Languages

Active learning strategies in business education in the USA

Abstract: This article is devoted to active learning strategies in business education in the USA. Active learning strategies in business education are highlighted. Main types of active learning in business education are researched

Key words: business education, active learning, business educators, learning strategy.

Business education in the 21st century has a set of common requirements. First, business education is indeed global in nature, reflecting the realities of commerce and organizations. Second, effective business education needs to simulate the demands of the business environment. But perhaps most importantly, business education needs to provide students with those skills demanded by the marketplace. By virtue of increasing competitive demands both in the business world and in the academic community, business educators endeavor to provide the most productive classroom experience for their students in order to prepare them for careers in the business world. To achieve this objective, business educators constantly search for new teaching methods. Increasingly these are becoming known as the "Four C's": Creativity, Collaboration, Communication, and Critical thinking. These skills are difficult enough to address in traditional educational settings and the methods of active learning are new challenges to old problems. While active learning as a concept dates back centuries, in modern times it was first researched by the English scholar R.W. Revans [1]. Briefly, Revans refers to active learning as reflection on experience and states that learning is achieved through focusing on problems in a social context [2], i.e. businessmen learning from each other and enhancing learning through interaction and shared experiences.

The purpose of this article is to describe active learning strategies in business education in the USA, giving an overview of the main advantages of active learning in business education, and describing the application of the main types of active learning.

Active learning is a broadly inclusive term, used to describe several models of instruction that hold learners responsible for their own learning. The leaders in the field of active learning, Bonwell and Eison have contributed heavily to its development and to

the acceptance of active learning as a viable approach. Proponents of active learning describe a process in which students engage in —doing things and thinking about what they are doing“ in the classroom [2]. Meyer and Jones state that active learning involves providing opportunities for students to meaningfully talk and listen, write, read, and reflect on the content, ideas, issues, and concerns of an academic subject [4].

Bonwell and Eison suggest that active learning provides the following benefits: students are more involved than in passive listening; students are engaged in activities such as reading, discussing, and writing; student motivation is increased; students can receive immediate feedback; and students may engage in higher order thinking, such as analysis, synthesis, and evaluation. In order to have a positive effect on students, the business educator must apply the principles of active learning to the practical setting of the classroom [4].

Auster and Wylie suggest that four dimensions are necessary to create a systematic approach to promote active learning in the classroom: context setting, class preparation, class delivery, and continuous improvement. Context setting refers to creating an open and relaxed atmosphere for learning in the classroom. Class preparation involves thought, planning, and creativity before the class session. Class delivery refers to the implementation of the planned lesson in the classroom. Continuous improvement entails seeking and using feedback concerning the teaching approach [5].

Active learning instructional strategies include a wide range of activities that share the common element of —involving students in doing things and thinking about the things they are doing [4].

Active learning instructional strategies can be created and used to engage students in (a) thinking critically or creatively, (b) speaking with a partner, in a small group, or with the entire class, (c) expressing ideas through writing, (d) exploring personal attitudes and values, (e) giving and receiving feedback, and (f) reflecting upon the learning process.

It should also be noted that active learning instructional strategies can (a) be completed by students either in-class or out-of-class, (b) be done by students working either as individuals or in group, and (c) be done either with or without the use of technology tools. Proponents of active learning describe a process in which students engage in “doing things and thinking about what they are doing” in the classroom [4].

In business education types of active learning include experiential learning [6], problem based learning [7], participative learning [8], and cooperative learning [9]. We will briefly describe active learning techniques that are used in business education in the USA.

Experiential learning is an associated concept in which students learn from relevant experiences provided in the course of instruction [6]. Business educators should be aware of two cautions. First, experiential exercises alone may not be sufficient

to induce learning and, secondly, students will need time to reflect on the experience [10]. Kolb [6] explains that learning is a process, not an outcome; that learning comes from experience; that learning requires resolution of dialectically opposed demands; that learning is holistic and integrative; that learning requires interplay between a person and an environment; and that learning results in knowledge creation. Business education involves studying applications of mathematics, economics and behavioral sciences to problems in the production and distribution of goods and services. That's why; the applied nature of business education might be a more appropriate discipline for the use of experiential learning pedagogies than one with a stronger theoretical orientation. Experiential learning can involve learning on the behavioral and affective dimensions as well as the cognitive dimension. Given the problem-solving orientation of most business education, there is a natural tendency among business faculty to emphasize the cognitive dimension. Given the importance of "people skills" and "technical skills" though, the broader horizons offered by experiential learning approaches as compared to more traditional teaching methods such as lectures and class discussion may be very beneficial.

Another approach is problem-based learning (PBL) which structures a course around the resolution of a real world problem. This approach traces its beginnings to the philosopher and educator, John Dewey, who claimed that problems are a stimulus to thinking [7]. To discover the solution to a problem, students must learn the basic principles of a subject. Having borrowed the concept of problem-based learning from service learning in which students learn by performing some service for the community, Miller applied the approach to organizational behavior classes in the business school. Problem-based learning (PBL) is an instructional approach that enables learners to conduct research, integrate theory and practice, and apply knowledge and skills in order to develop a solution to a defined problem [11]. According to Barrows the key components of PBL are (1) unresolved, ill-structured problems that will generate multiple thoughts about the cause and solution, (2) a student-centered approach in which students determine what they need to learn, (3) teachers serve as facilitators and tutors, and (4) problems are authentic and reflect professional practice [12].

Participative learning is defined as engaging the student in the learning process by giving them an opportunity to take part in selecting activities and/or assignments in the class [8]. The Participatory Learning Approach (PLA, pronounced "play") engages students as active participants in the full life cycle of homework, projects and examination. Participative learning's main idea is that students design the questions or projects, execute them, and then assess and grade their peers' solutions. Each stage can be performed by individuals or by teams. Students should be able to observe (read) everything their peers do so they can learn further from others' efforts. For example, students may be allowed to choose elements in the syllabus, to write exam questions, or

to participate in the grading of some class projects. By involving students in choosing some direction for the course, students should take on responsibility and become accountable for positive outcomes in the class. Participative learning is grounded in constructivist theories of learning [13], which suggest that knowledge is actively constructed by, rather than transmitted to learners. People learn by applying their knowledge to meaningful problems [14,15] actively building their own understanding. Participative learning forces students to view a subject from several new vantage points. Designing problems challenges students to analyze course materials in order to determine the most important aspects for critically assessing understanding of a subject by their peers. Evaluating solutions and arbitrating disputes challenge students to assess how fully a set of materials (the solution) fits their understanding of the field as well as the problem posed. Often solutions will be quite different from how the evaluator views the problem, forcing a rethinking of the material.

In cooperative learning, students are required to work together in small groups and class discussions. In order for small groups to develop cooperative learning, five basic elements are necessary: positive interdependence, face-to-face interaction (promote each other's success), individual and group accountability (no social loafing), social skills, and group processing or feedback [9]. In order to prepare students for the business world outside the classroom, then to work inside the business education classroom must come closer to mirroring that world. The interactions in the classroom must be similar to those done in the business offices, shops, and work places of the real world [16]. For instance, students must be given meaningful business-related academic challenges, tasks, and problems and must work together in designated places; take into account limitations, context, and available resources; delegate work within meaningful yet collaborative divisions of labor; share and combine data and ideas; generate and justify likely solutions in the context of consequences (i.e., the "bottom line"); and be individually and cooperatively accountable for many of the consequences, including successes and failures. In the workplace, public and private settings, and the classroom, people must become skilled in the information and abilities to function productively and with civility in interpersonal and group situations. In order to attain and master the abilities and attitudes needed to function well in these situations, students in business education classes must:

- engage in open communication during well-structured group tasks
- interact with other business students on matters and issues of business
- interact with others using concepts, skills and attitudes valued within the business community
- work in groups toward a common goal
- work together in a team as a team
- plan together in a team as a team

- work together to collect or locate relevant data
- work cooperatively to comprehend and learn to apply targeted information
- use others' ideas exchange ideas
- empathize with the perspectives and feelings of others in and outside their teams.

If students are to attain these abilities and attitudes, and to practice them in business education classes, they must have frequently opportunities to work in groups in structured situations where they can be occur. Cooperative learning can be used to set up the classroom conditions where these can take place and be learned. In effect, cooperative learning approaches and. strategies represent an alternative to existing instructional strategies—an alternative directly aligned with helping students attain the valued goals of business education. Cooperative learning is not just putting students in groups. Simply placing students in groups to complete projects does not ensure cooperation, learning, quality interaction, or the many positive results that emerge from well-structured cooperative learning strategies. While there are many group activities and strategies that teachers can use, many of these are not aligned with crucial elements needed to elevate the group activity as cooperative learning.

In conclusion, our study contributes to the business education literature with quantitative evidence that the active teaching approach may have a greater positive influence on student learning. It appears to be especially useful in courses where there is an emphasis on developing higher level thinking skillsand collaboration. Learning how to think critically and work among groups is a primary role of professionals and is a skill that is needed in the global workforce.

References

1. Revans, R.(1971). *Developing effective managers; a new approach to business education*: Praeger Publishers.
2. Revans, R. (1983). *Action Learning, Its Terms and Character*. *Management Decision*, 21(1).
3. Bonwell, C., & Eison, J. (1991). *Active learning: Creating excitement in the classroom*, ASHEERIC Higher Education Report No. 1. Washington, DC: The George Washington University,School of Education and Higher Education.
4. Meyer, C., & Jones, T. B. (1993). *Promoting active learning: Strategies for the college classroom*. San Francisco: Jossey-Bass.
5. Auster, E. R., & Wylie, K. K. 2006.*Creating active learning in the classroom: A systematic approach*.*Journal of Management Education*,30(2), 333-354.
6. Kolb, D. (1984). *Experiential learning*. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall.

7. Miller, J. S. (2004). Problem-based learning in organizational behavior class: Solving students' real problems. *Journal of Management Education*, 28, 578–590.
8. Mills-Jones, A. (1999). Active learning in IS education: Choosing effective strategies for teaching large classes in higher education. In *Proceedings of the 10th Australasian Conference on Information Systems*, Wellington, New Zealand, pp. 622–633.
9. Johnson, D., R., Johnson, and K. Smith, *Active Learning: Cooperation in the College Classroom*, 2nd ed., Interaction Book Co., Edina, MN, 1998.
10. Stewart-Wingfield, S., & Black, G. S. (2005). Active versus passive course designs: The impact on student outcomes. *Journal of Education for Business*, 81, 119–125.
11. Savery, J. R. (2006). Overview of problem-based learning: Definitions and distinctions. *Interdisciplinary Journal of Problem-based Learning*, 1(1), 9-20.
12. Barrows, H. S. (2002). Is it truly possible to have such a thing as dPBL? *Distance Education*, 23(1), 119-122.
13. Piaget, J. "Judgment and reasoning in the child," London: Routledge & Kegan Paul, 1928.
14. Brown, R., & Guilding, C. (1993). A survey of teaching methods employed in university business school accounting courses. *Accounting Education*, 2(3), 211-218.
15. Hawkins, J., & Pea, R. (1987). Tools for bridging everyday and scientific thinking. *Journal for Research in Science Teaching*, 24(4), 291-307.
16. Garcia, N. C., Gryder, R., and Lynch, D. (1989). Student feedback: Try it you'll like it. *Arizona Business Education Journal*, 8(1, Spring), 18-34.

Mariya Vyshkvyrkina,

PhD in Psychology, associate professor,

Oksana Barsukova,

PhD in Psychology, associate professor,

Natalia Mozgovaya,

PhD in Psychology, associate professor,

Southern Federal University, Academy of Psychology and Pedagogy,

Department of Educational Psychology (Russia, Rostov-on-Don)

THE INNER WORLD OF THE PERSON AND ITS REALIZATION IN THE OUTER WORLD (by the Example of Ambition, Personal Space and Social Intelligence)

Abstract: In the article the results of theoretical analysis of ambition, personal space and social intelligence are presented in the context of realization by the person of his inner world outside, consideration of the possibility of representation of these phenomena as criteria of formation of the typology of realization of the inner world in the outer one.

Key words: the inner world of the person, the outer world, ambition, psychological (personal) space of the person, social intelligence.

The inner world of the person includes the whole complex of psychological formations of the person. Such world is shown up and realized in actions, behavior, communication, activity of the person. The outer world of the person is multiform; it consists of physical, social world, etc. In this article we will turn our attention to realization of the content of the inner world of the person in the social world. And here the consideration of the concept of psychological (personal) space of the person is appropriate indeed, as both the external attributes of the person, and the acquired qualitative characteristics from the outer world, the society, are included into it. And, respectively, interaction of the person with other people taking into account the content of their personal spaces is impossible without the presence of social intelligence on formation of which the social environment has the significant impact, thereby, defining its double conditionality, i.e. the inner and the outer world.

Ambition is aspiration of the person to become a significant and recognized personality for others for the real achievements important both for the person himself, and for others [1].

The main function of ambition is motivational, it is revealed in the following aspects: energy, social achievements, self-realization, reflection and self-reflection, communication [1].

Ambition as aspiration is realized in various forms of social activity of the person. This realization occurs in cooperation with other people. The person cannot satisfy his ambitious aspirations without others as he wishes to gain recognition as a socially significant personality! Actions and behavior of the ambitious person are focused on other people, on the norms and the values recognized in the society. Here it is necessary to pay attention that the person can be guided by the norms of the subculture to which he belongs, for example, these norms can be both socially approved, and socially damnable (for example, the norms of the criminal subculture). The variant, when satisfaction of ambitious aspiration of the person promotes his personal development and development of others, will be the most favourable one. If ambitious expectations of the person are not proved, intrapersonal or interpersonal conflict arises.

If we consider the types of ambition then some variants depending on the criterion are possible:

- According to the degree of expressiveness – moderate, poorly expressed, highly expressed.
- According to the area of realization – family, professional, etc.
- According to the moral aspect of the purpose and the means of achievement – moral, immoral.

Professional ambition is the most obvious one [2]. Professional ambition is aspiration of the person to win recognition of the professional community or the wider social circle as the professional for the real achievements in the professional area. In this case this refers to that ambition is not connected with availability of inclinations and abilities; it is not connected with knowledge, etc. Ambition is necessary for achievement of professional and career heights as a peculiar energy center which makes the person to aspire to achievements in the chosen professional area and which is necessary for fight and victory in the competitive relations.

Personal space is subject formation having complex psychological structure formed by interaction of the components reflected by the person inasmuch as it is presented in his images and ideas reflecting the psychological essence of this phenomenon. By disturbance of personal space the person involuntarily turns on the mechanisms of psychological protection of his personal liberty, integrity and sovereignty. Designation and detection by the individual of the borders of "his" personal space indicates not only "closedness" of this or that part of the human personality, but also

sovereignty, integrity, individuality of the subject, presence of trust to other people, the society [3].

The functions which personal space has got, allow the person to feel psychologically comfortable, to keep some freedom and distance in physical contact, self-protection of the personal territory of body, mood, status, house, etc. The structure of personal space can be presented by the following components.

The types of personal space: spatial (psychological distance, location area of partners, personal space of everyone, etc.); physical (personal belongings, apartment, etc.); corporal; individual (mental qualities and peculiarities of the individual, personal style in the way of life); emotional and volitional (mood, desires, etc.); status and role (choice of profession, status, etc.); moral (personal liberty and human rights, values, world outlook); value and notional; cognitive (knowledge, etc.).

Consequently, personal space is integrated psychological formation which can be structured [3]: 1. according to the functions (identifying, representative, controlling and protective); 2. according to the components (individual, physical, spatial, etc.).

Thus, psychological space of the personality is formed in the social space, in relations with other people, is its part. Consequently, any violations of the personal space are perceived through the relations in the social space. On each stage of ontogenetic development, consciousness of personal space is specific, reflected inasmuch as it is available for understanding of its essence and psychological consequences by the life activity subject [3].

"Social intelligence is a global ability arising on the basis of a complex of intellectual, personal, communicative and behavioral traits including the level of energetic provision of the processes of self-adjustment; these traits provide forecasting of development of interpersonal situations, interpretation of information and behavior, readiness for social interaction and decision-making" [4].

Practical research of the peculiarities of social intelligence of V.N. Kunitsyna [5] allowed the author to make the following conclusions:

- the higher the level of social intelligence is, the more developed are self-adjustment, self-confidence, ability to influence;
- the lower the level of social intelligence is, the more shyness, reflexivity, aggressiveness, and others are presented in it, the more likely that the person suffers from loneliness, has got low self-esteem, conflictive, nervous, mentally and physically exhausted.

Excessively high social intelligence can have compensatory basis, according to V.N. Kunitsyna. As a result of the research the author has revealed the group of respondents the indicators of social intelligence of which were much higher than the medium group indicators. High indicators, first of all, referred to those properties which provide success of interaction: adaptability, partner style, influence, responsibility, ability

to understanding, communicative skills and abilities. The author assumes that in this case this refers to social intelligence, higher according to the number of important marks, but having peculiar features: increase of manipulative tendencies, decrease of level of personal dignity, empathy, increasing caution, dogmatism of thinking, inadequacy, inflated self-concept; reflexivity considerably increases [4, 5].

In M.A. Vyshkvyrkina's research it is revealed that students are well oriented in the peculiarities of nonverbal behavior of the conversation partner, correctly correlate verbal and nonverbal expressions, have a well-developed ability to forecast behavior consequences in simple, familiar situations of interpersonal interaction. However, in complex, non-standard, dynamically developing situations of interpersonal interaction students undergo difficulties not only in forecasting of development of the situation and further actions of other people, but also are badly oriented in behavior of the person at the current time. Thus, in potentially problem situation they more often show various destructive types of reactions, reactions of "escape" from the contradiction solution in the system of ideas of other person, in comparison with the frequency of expression of the constructive types causing appearance of thinking about other person [6].

It should be noted that the tendency to show various destructive reactions in potentially problem situations or in personal-conflict situations is peculiar to most of people. The similar tendency is formed in connection with the feature of the person in the course of interpersonal knowledge to operate with the stereotypes, the communication patterns, available for him. Therefore, if the available stereotype "falls" on the potentially problem situation as a variant of its decision, the need for the thinking itself disappears as the problem is resolved. It is confirmed by the results of M.A. Vyshkvyrkina's research [6]: significant distinctions in the frequency of expression of various constructive reactions among the students with different level of development of social intelligence are revealed. Thus, low level of social intelligence as a whole and underdeveloped ability to analyze complex situations of interaction of people, to understand logic of their development, to feel change of sense of the situation at communication starting of various participants, in particular, is the reason of reaction of "sense production" in potentially problem situation of interpersonal interaction. And the ability to distinguish correctly the nonverbal behavior of the participants of interpersonal interaction is the reason of the tendency to expression of "acting". Thus, the specific character of this tendency is revealed which consists in the fact that "acting" will be shown most often at the persons with the medium level of development of the ability to treatment of nonverbal behavior. At the same time both low and high indicators of development of this ability reduce the frequency of occurrence of "acting" at the solution of potentially problem situations of interpersonal interaction [6].

Relying on the above presented research, development of the typology of realization by the person of his inner world in the outer world seems to be promising (in

this case under the outer world we mean the social world). Ambition, personal space, social intelligence can serve as criteria:

- Ambition. Expression degree of ambition – moderate, high or even excessive, low. Realization area of ambition – family, profession and career, etc.
- Personal space. Functions – representation, control or protection. Components – individual, physical, etc.
- Social intelligence. Level – low, medium, high or excessively high.

It seems acceptable to us that realization of the personal internal content in the course of interaction with other people will be different at various combinations of the offered criteria. Thus, it is necessary to take into account also the role of other factors, as for instance, sex, age, cultural traditions, etc. Let's give two examples:

The first example. The person aspires to win recognition and to obtain the significant professional status – Dean of Faculty (ambition). Thus, control in interaction with colleagues and subordinates is important for him (personal space). He has got excessively high level of social intelligence accompanied by the tendency to manipulate. And if in this situation the protective, but not the controlling function of personal space dominates in the person, will the realization of his inner world change?

The second example. The person wants to win the Oscar statuette and by that to confirm his professional significance (ambition). In communication with others self-presentation (personal space) is high-priority for him. However his level of social intelligence is low. Or, on the contrary, the level of social intelligence will be high. Can he achieve the desired goal and realize himself?

By the analysis of these and similar examples many questions arise requiring further empirical testing. Are all other factors equal? Can be similarity in realization of their inner world at people with different combination of the offered criteria? What conditions of the outer and the inner world do expand the range of personal space?

REFERENCES

1. Барсукова О.В. Честолюбие: Представление о честолюбии в художественной литературе, религии и философии. Монография. – СПб.: Речь, 2010. – 184 с.
2. Barsukova O. Professional ambition: ambition as a motive of professional and career development of person // JPMNT International Volume 2 Issue 2. 2014. P. 95-98.
3. Мозговая Н.Н. Развитие представлений о личностном пространстве студентов педагогического вуза. Диссертация. кандидата психологических наук. Ставрополь, 2002.

4. Куницына В.Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношения. // Теоретические и прикладные аспекты психологии. СПб., 1995.
5. Куницына В.Н. и соавт. Межличностное общение. СПб., 2001.
6. Вышквыркина М.А. Конструктивные и деструктивные типы реакций на противоречие в системе представлений о другом человеке. Дисс. на соиск. степени канд. психол. наук, Ростов-на-Дону, 2009.
7. Mozgovaya N.N. Representation of psychological space of the personality in psychological sciences// XIV-th International conference "Cognitive modeling in linguistics". CMSCE-2013, Milano-Marittima (Italy).
8. Vyshkvyrkina M. Peculiarities of social intelligence of students in the 21st century// Међународна научно-стручна конференција «Методички дани 2013: КОМПЕТЕНЦИЈЕ ВАСПИТАЧА ЗА ДРУШТВО ЗНАЊА», Кикинда, 2014, pp 125-129.

Lezhneva Maria Sergeyevna,
Troitsk branch Chelyabinsk state university,
Candidate of pedagogical sciences, teacher

Training of specialists in the field of information technologies to interprofessional innovative activity

Abstract: This article is devoted to training of specialists in the field of information technologies to interprofessional interaction when performing the difficult innovative projects. In the publication concepts of research area are specified, the contents and technology of pedagogical assistance to development of readiness of future IT specialists for interprofessional interaction at their training locate in higher education institution.

Keywords: interprofessional interaction, innovative activity, preparation in higher education institution, experts in the field of information technologies.

Лежнева Мария Сергеевна,
Троицкий филиал Челябинского государственного университета,
кандидат педагогических наук, преподаватель

Подготовка специалистов в области информационных технологий к межпрофессиональной инновационной деятельности

Аннотация: Данная статья посвящена подготовке специалистов в области информационных технологий к межпрофессиональному взаимодействию при выполнении сложных инновационных проектов. В публикации уточняются понятия в области исследования, обосновываются содержание и технология педагогического содействия развитию готовности будущих ИТ-специалистов к межпрофессиональному взаимодействию при их обучении в вузе.

Ключевые слова: межпрофессиональное взаимодействие, инновационная деятельность, подготовка в вузе, специалисты в области информационных технологий.

Успешность выполнения сложных инновационных проектов часто зависит не только от квалификации специалистов в области информационных технологий (ИТ-специалистов), но и от их способности к межпрофессиональному взаимодействию.

Однако прежде чем говорить о способах и методах организации подготовки ИТ-специалистов в вузе, ориентированных на развитие их готовности к межпрофессиональному взаимодействию, уточним, что *готовность к меж профессиональному взаимодействию* определяется нами как качество личности ИТ-специалиста, способствующее продуктивной интеграции его деятельности с профессиональной деятельностью специалистов различных специальностей при выполнении инновационных проектов в междисциплинарных областях науки и производства.

При рассмотрении вопросов, связанных с подготовкой ИТ-специалистов к инновационной деятельности в междисциплинарном поле, важно учитывать особенности студентов, обучающихся по рассматриваемым специальностям, выделенные нами ранее [1]:

- высокий уровень интеллекта, в ряде случаев приводящий к осознанию собственной уникальности;
- погруженность в собственные интеллектуальные переживания, отношение «свысока» к «неумелым пользователям»;
- стремление создать свой мир в пределах компьютерной среды;
- высокая «погруженность» в профессию, создающая особую среду, для которой характерна специфическая терминология и юмор, определяющая стремление измерить все через компьютерные аналогии;
- недостаточно высокие профессиональные коммуникативные качества, «дополненные» такими характеристиками как: радикализм, низкая нормативность поведения, неконформизм определяют предпочтение общения с компьютером, а не с человеком;
- высокий уровень логического мышления, осознанной регуляции своей деятельности, внутренний локус контроля, позволяющие принимать обдуманные решения и последовательно их выполнять;
- высокий уровень дивергентного мышления, креативность, эмоциональная стабильность, сдержанность, доминантность, определяющие возможность успешного формирования готовности к межпрофессиональному взаимодействию.

Учитывая это, мы определили компоненты готовности к межпрофессиональному взаимодействию ИТ-специалистов: *установочный компонент* отражает намерения будущих ИТ-специалистов, их мотивационные установки, связанные с будущей межпрофессиональной деятельностью (мотивация профессионального взаимодействия, познавательная мотивация, профессиональная мотивация, мотивация достижения успеха); *когнитивный компонент* раскрывает содержательную основу профессионального взаимодействия, отражает интеллектуальные способности, позволяющие построить линию своего профессионального поведения при взаимодействии с представителями других специальностей (психолого-педагогические и технологические основы готовности личности к межпрофессиональному взаимодействию, познавательные способности, логическое, творческое и критическое мышление); *конативный компонент* является интегрирующим, так как связан с будущей профессиональной деятельностью. Он включает умения: целеполагания, планирования, самоконтроля профессиональной деятельности ИТ-специалистов при совместном (с представителями других специальностей) выполнении сложных инновационных проектов; опыт совместной профессиональной (квазипрофессиональной) деятельности по выполнению инновационных проектов. Кроме того, он включает качества личности, важные при работе в инновационном межпрофессиональном поле: флексибельность, рефлексивность, субъективный контроль, позитивное отношение к себе и другим.

В качестве принципов организации педагогического содействия развитию готовности к межпрофессиональному взаимодействию мы выделяем:

- принцип *ориентации на ценности межпрофессионального взаимодействия*, позволяет создать у студентов систему ценностей, которая, определяет внутреннюю мотивацию будущего ИТ-специалиста к профессиональному взаимодействию; содействует созданию стереотипа инновационного поведения, ориентированного на профессиональную мобильность. Большое значение имеют такие ценности как «новаторство», «совместное творчество», «инициатива», «самореализация», заставляющие искать новые точки взаимодействия ИТ-специалистов с представителями других специальностей;

- принцип *личностной направленности отбираемого материала*, ориентирует на подбор материала, связанного с проблемами, которые волнуют студентов в настоящее время, рождающего вопросы, затрагивающие эмоциональную сферу. При этом содержание должно опираться на субъективный опыт студента и предусматривать возможности его преобразования;

- выбор принципа *творческой активности* вытекает из самой деятельности по созданию сложных межпрофессиональных проектов, основанных на

новаторстве, инициативе, изобретательстве, принятии нестандартных решений. Испытав радость творчества еще в студенческие годы, будущий специалист, как правило, испытывает потребность в осуществлении её в различных жизненных ситуациях, в том числе и в межпрофессиональном взаимодействии;

-принцип *саморегуляции деятельности* позволяет сформировать у будущих ИТ-специалистов умения целеполагания, планирования, самоконтроля своей деятельности, в том числе в ситуациях профессионального взаимодействия.

Выделенные принципы определили выбор личностно-развивающей технологии их реализации. Данная технология ориентирована на развитие внутренней мотивации межпрофессионального взаимодействия при инновационной деятельности и позволяет осуществить поэтапное наращивание самоуправляющих функций студентов в сфере межпрофессионального взаимодействия.

Анализ научной литературы показывает [2; 3 и др.], что необходимо, прежде всего, помочь студенту спроектировать *индивидуальную траекторию* становления готовности к межпрофессиональному взаимодействию в инновационном поле. Построение такой траектории невозможно без обращения к *субъектному опыту* студентов. При этом, опираясь на работы А.К. Осницкого [4], мы рассматриваем: ценностный опыт, рефлексивный опыт, опыт привычной активизации, операциональный опыт, опыт сотрудничества.

Каждый из компонентов субъектного опыта играет важную роль при развитии готовности к межпрофессиональному взаимодействию. Однако особое внимание мы уделяем обогащению *рефлексивного* опыта как основы саморегуляции сферы межпрофессионального взаимодействия будущего ИТ-специалиста, так как именно рефлексивные способности позволяют найти существенные основания собственных действий.

Важно отметить, что рефлексия является развиваемым качеством личности, и наиболее эффективно это развитие происходит в условиях специально организованного образовательного процесса, характеризующегося наличием проблемного поля, актуализацией опыта деятельности, свободной и активной межличностной коммуникацией, опорой на процедурные элементы рефлексии, дискуссионностью. В связи с этим, эффективность формирования готовности к межпрофессиональному взаимодействию достигаются при использовании метода диалога, придающего образовательному процессу эмоциональную окраску, развивающей умение слушать и взаимодействовать, стимулирующей субъектную активность будущих ИТ-специалистов. Кроме того, в аспекте исследования важно, что в рамках этого метода достаточно удачны приемы обращения к субъектному, научному и производственному опыту.

Разработанная нами технология была дополнена игровыми методами. Использование игровых методов способствовало осознанию студентами целесообразности и продуктивности совместной деятельности с представителями других специальностей при выполнении сложных проектов; развивало внутреннюю мотивацию взаимодействия; стимулировала активный совместный творческий поиск. Рассмотрим, какие игры были наиболее эффективны:

- *по степени алгоритмизированности* игры мы использовали игры «с жестким алгоритмом» и «свободные» игры. В рамках первых присутствовала строгая последовательность действий участников. Содержание их деятельности было полностью регламентировано и ограничено во времени. При проведении «свободных» игр регламентировались лишь основные направления деятельности играющих;

- *по уровню проблемности* мы использовали игры первого, второго и третьего уровня. Для первого уровня главным является обнаружение и постановка проблем, требующих разрешения. Цель в данном случае состояла в том, чтобы научить будущих ИТ-специалистов правильно формулировать вопросы, подлежащие разрешению в игровых и реальных ситуациях; второй уровень проблемности характеризовался вовлечением студентов в соразмышление, в активный поиск путей и средств решения поставленных вопросов. Третий уровень проблемности предполагал самостоятельный выход будущих ИТ-специалистов в рефлексивную позицию и нахождение многовариантного решения;

- *по длительности игры* мы использовали блиц-игры, длящиеся несколько минут, деловые игры средней продолжительности длятся целое занятие, полные игры 2–3 занятия;

- *по характеру взаимодействия участников* деловой игры были использованы: бесконфликтные деловые игры; с конфликтными ситуациями с нестрогим соперничеством; с конфликтными ситуациями со строгим соперничеством;

- *по степени участия студентов в подготовке деловых игр* мы использовали блиц-игры без предварительной самоподготовки и деловые игры с предварительной самоподготовкой студентов.

Данные принципы и технологии реализовывались в течение всего процесса подготовки ИТ-специалистов в вузе. Однако на каждом этапе развития готовности к межпрофессиональному взаимодействию, они имели свои особенности:

- *цель ориентационного этапа* (первый курс обучения в вузе) заложить основу построения индивидуальной траектории развития готовности к

межпрофессиональному взаимодействию. В связи с этим он ориентирован на проведение диагностики и самодиагностики студентов и содействие формированию у студента на этой основе адекватных представлений о своих возможностях и способностях в рассматриваемой области, развитию ценностно-смысловой позиции в области межпрофессионального взаимодействия. Студент осознает существующие возможности в области совместной деятельности;

- цель *базового этапа* (второй, третий курс) сформировать теоретическую и инструментальную основу совместной деятельности, получить опыт совместной деятельности в рамках выполнения курсовых проектов и практик; сформировать основы саморегуляции деятельности при совместной работе; развить на рефлексивной основе флексибильность, субъективный контроль, позитивное отношение к себе и другим – качества, существенно влияющие на уровень готовности к межпрофессиональному взаимодействию. На этом этапе продолжает развиваться система ценностей, ориентированная на межпрофессиональное взаимодействие. К концу этого этапа большинство студентов приходит к выводу, о возможности продуктивного взаимодействия со специалистами в других областях;

- цель *рефлексивно-регулятивного этапа* (старшие курсы вуза) – содействие развитию способности студентов к осознанной саморегуляции своей деятельности на рефлексивной основе в процессе межпрофессионального общения. На этом этапе происходит укрепление ценностно-смысловой позиции в области межпрофессионального общения – студент приходит к выводу о необходимости тесного межпрофессионального, видит реальные пути повышения эффективности своей работы посредством использования потенциала такого взаимодействия.

Эффективность педагогического содействия была проверена в ходе эксперимента, проводимого с 2011 по 2014 гг. в Троицком филиале Челябинского государственного университета. При этом выделенные компоненты готовности не только ориентировали нас в процессе организации педагогического содействия становлению готовности будущих ИТ-специалистов к межпрофессиональному взаимодействию, но и послужили основой для разработки критериально-оценочного аппарата исследования. По всем выделенным критериям у студентов ИТ-специальностей в экспериментальных группах наблюдались значимые отличия в по сравнению с контрольной на 14–27 %. Исходя из этого, можно сделать вывод о правильности выдвинутых теоретических положений формирования у будущих ИТ-специалистов готовности к межпрофессиональному взаимодействию и эффективности их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лежнева М.С. Становление готовности к межпрофессиональному взаимодействию у будущих специалистов в области информационных технологий. Челябинск: Изд-во «ЧелГУ», 2013. – 230 с.
2. Зеер Э.Ф. Личностно-развивающее профессиональное образование – Екатеринбург: Изд-во ГОУВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2006. – 170 с.
3. Лежнева Н.В. Непрерывное профессиональное образование: проблемы и перспективы. Монография. Челябинск: Из-во Челябинского государственного университета, 2013. – 261 с.
4. Осницкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности. Москва; Обнинск : ИГ-СОЦИН, 2010. – 232 с.

Polushkina Maria,

Don state technical university, postgraduate student

Mathematical model of the educational subject preparation process

Abstract: This article is devoted to the systems approach usage in university educational process analysis. The publication focuses on the modeling of the educational subject.

Keywords: Education, systems approach, modeling, subject.

The systems approach to the design and analysis of educational process is the basis of the great majority of modern educational technology-related developments. The specialists' preparation process can be represented as the complex system in present-day conditions. The educational subject preparation process is an element of this complex system. Therefore this process modeling is urgent and original.

In general systems theory, a system is any collection of interrelated parts. Together these parts constitute a larger whole. Elements of the system are this component parts, and they are intimately linked with one another, either directly or indirectly. One of the main conceptions of systems approach is modeling [6].

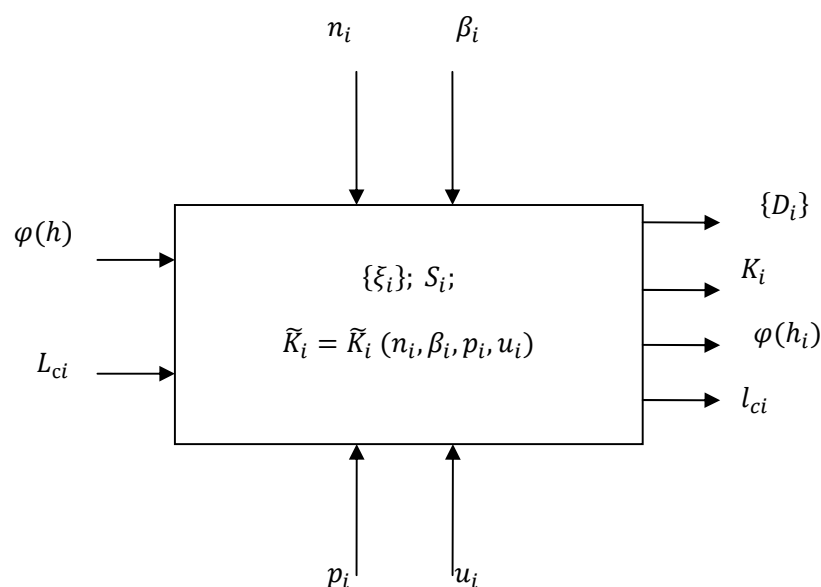

Figure 1. subject *i* preparation process quality model

Explanation to the figure 1:

- Input actions:

n_i - the number of academic subjects. The study of these subjects defines students' competences formed by subject under study. They include both this subject and all the subjects studied in the educational institution as a preparation basis for the concerned subject, ($n_i \geq 1$);

β_i - adequacy criteria for the subject under study preparation process supply of different resources (time, human, material and information) and their efficient use ($0 < \beta_i \leq 1$);

p_i - the number of professors, leading all kinds of study to prepare the subject ($p_i \geq 1$);

u_i - assessment criterion for the subject educational preparation process support of power resources. In systems engineering [10] these resources are meant by financial assets (in this case - the professors' salaries), necessary for the implementation process ($0 < u_i \leq 1$);

L_{ci} - the size of contingent beginning to study the subject.

The input actions mentioned above are determined by the techniques developed in DSTU [4]. The exception is $\varphi(h)$ - this is a quality function of contingent beginning to study the subject. This model's construction and study is provided below.

- Model eigen properties:

$\{\xi_i\}$ - column matrix whose elements evaluate the contribution of the subject in contingent educational preparation (professional special, professional fundamental, and nonspecialized);

S_i - model parameter that characterizes the subject perception complexity by the studying contingent. It is determined by a set of various basic properties and characteristics of the subject. Among them: novelty and abstractness of the concepts and categories introduced by the discipline, the complexity of laws relating these concepts, the number of subjects on which the concerned subject study is based;

\tilde{K}_i - operator which connects the input actions to a process quality characteristic of the subject preparation. The procedures and relations which define marked model eigen properties are developed in DSTU;

- Output model characteristics:

K_i - quantitative assessment of the subject preparation process quality ($0 < K_i \leq 1$);

$\{D_i\}$ - goals advance degree assessment of the subject studying. Expressions for determination of these characteristics are developed in DSTU. In addition there are some more factors dedicated to the outputs of the model.

$\varphi(h_i)$ - subject mastering quality function by the contingent.

l_{ci} - the size of contingent who mastered the concerned subject ($l_{ci} \leq L_{ci}$).

The curriculum subjects can be divided in the following way:

- The subjects of primary education. The preparation of these subjects is based on the knowledge obtained at school and evaluated during the competitive formation of the university admission;

- The subjects of further education. The preparation of these subjects is based on the knowledge obtained at university.

- The subjects of final educational phase, which include special professional subjects and also graduation thesis.

The subjects of primary education are described in this work. The subject preparation quality function by the contingent is built.

The description and characteristics of contingent quality functions at the input- $\varphi(h)$ and output - $\varphi(h_i)$ of the subject model preparation process would be changing due to the type of the subject. The same changes would be introduced to the form of the operator which connects these functions.

Making an admission quality assessment with the use of technique developed in DSTU [3], it becomes possible to evaluate the knowledge level of 1- year students using the following criteria

$$h_j = \frac{R_j}{R_{max}} \eta_c . \quad (1)$$

R_j - the sum of scores for all competitive disciplines received by applicant super j who entered university on a considered special subject;

R_{max} - the maximum possible total score for all introductory competitive special subject disciplines;

η_c - coefficient that takes into account the difficulty level of entrance test tasks.

In Russian educational system using the results of the exam the following data is supposed:

$$\eta_c = 1, R_{max} = 100n_0 ,$$

n_0 - the number of competitive subjects taken for the special subject.

The value of η_c , which is characterizing special subject prestige is defined as

$$\eta_c = 0,7 + 0,3 \frac{K_{sp}}{K_{rmax}}, \quad (2)$$

where K_{sp} - a special subject competition for the defined number of applicants, applying to one place;

K_{rmax} - maximum competition for the special subject super r among other special subjects n_r , $r=1... n_r$ of the university, admission to which requires passing the test on the same competitive disciplines.

Treating h as a random value taking values h_j for multiple L_{ci} dialed for specialty training contingent ($j = 1 \dots L_{ci}$), in [3] Maxwell's (Rayleigh) law is chosen as a distribution law [1] -

$$\varphi(h) = \frac{1}{\sigma_0^2} (h - h_{min}) \exp \left[-\frac{(h - h_{min})^2}{2\sigma_0^2} \right], \quad (3)$$

where h_{min} and σ_0 are law parameters, determined by the method presented in [3], based on special subject admission results.

At the output of the model a distinguished set of random values of quality characteristics h_i of the subject i trained contingent, distributed according to some law $\varphi(h_i)$. The form and parameters of this law depend on the parameters h_{min} and σ_0 of the law $\varphi(h)$, mentioned above, and on the values K_i , S_i , which characterize the preparation process resource potential and the complexity of perception of the subject i . With this in mind, we construct a law $\varphi(h_i)$ distribution estimates h_i quality development students contingent subject i model of the first type.

Solving the problem, one should believe that the subject i development quality level h_i by the contingent linearly depends on the quality h_i of the training set special subject. In accordance with the theory of probability [1] it determines the law $\varphi(h_i)$ Maxwell law (3) with parameters h_{mini} and σ_{0i} , different from h_{min} и σ_0 .

With the use of inductive method with consistent account of factors that determine the parameters of the law $\varphi(h_i)$, the following special cases are possible:

- A theoretically perfect case is when $K_i = 1$, $S_i = 1$ and the level of pre-university training special subject students characterized by the values $h_{min} = 1$, $\sigma_0 = 0$, we have the perfect level of the subject i of the entire contingent of students, and the law $\varphi(h_i)$ also seems δ -Dirac function with the characteristics $h_{mini} = 1$, $\sigma_{0i} = 0$. Flaw in the subject i preparation process is absent ($L_{ci} = l_{ci}$);

- if $K_i = 1$, $S_i = 1$ and the contingent has the following characteristics:
 $h_{min} < m(h) < \eta_c \leq 1$ и $\sigma_0 \neq 0$,

$$m(h) = \int_{h_{min}}^{\infty} h \varphi(h) dh = h_{min} + \sqrt{0,5\pi} \sigma_0 - \quad (4)$$

$m(h)$ is an average preparation quality of the special subject admission. The law $\varphi(h_i)$ features will be characterized by high quality with the parameters σ_{0i} and h_{mini} .

Their difference from h_{min} and σ_0 is the fact that special subject admission quality imperfect affects the level of perceived quality of the subject i initial training in high school, reducing the estimate of the minimum level of training ($h_{mini} < h_{min}$) heterogeneity and increasing the level of training contingent ($\sigma_{0i} > \sigma_0$), who studied the discipline.

Further analysis of this case is made with the use of the assumption that the average quality of pre-university preparation (4) and the average quality of the subject i mastering $m(h_i)$ are identical.

$$m(h_i) = m(h). \quad (5)$$

It is supposed that

$$\sigma_{0i} = \sigma_0 + \Delta\sigma_{0i}, \quad (6)$$

where $\Delta\sigma_{0i}$ - dispersion characteristic increment of contingent due to imperfections special subject admission. Therefore the dependence $\Delta\sigma_{0i} = f(\sigma_0, h_{min}, \eta_c, L_{ci})$ is made, which must meet the following requirements:

- The increase of σ_0 leads to $\Delta\sigma_{0i}$ value increase;
- The increase of h_{min} \cup η_c leads to $\Delta\sigma_{0i}$ value decrease;
- The increase of L_{ci} leads to $\Delta\sigma_{0i}$ value increase.

Based on these requirements, as well as restrictions on the values

$$0 < h_{min} < 1; \quad 0 \leq \sigma_0 \leq (0,5\pi)^{-0,5}(1 - h_{min}); \quad 0 < \eta_c \leq 1$$

the following model is constructed

$$\Delta\sigma_{0i} = \sigma_0 \frac{h_{min}}{1 - h_{min}} \cdot \frac{L_{ci}}{L_{ci} - 1} \left(1 - L_{ci}^{-\frac{1-h_{min}}{\eta_c}} \right). \quad (7)$$

The substitution of (7) to (6) leads to

$$\sigma_{0i} = \sigma_0 (1 + F); \quad F = \frac{h_{min}}{1 - h_{min}} \cdot \frac{L_{ci}}{L_{ci} - 1} \left(1 - L_{ci}^{-\frac{1-h_{min}}{\eta_c}} \right). \quad (8)$$

Condition (5) and Maxwell's law properties accounting allows to find the characteristic h_{mini} law displacement $\varphi(h_i)$:

$$m(h_i) = h_{mini} + \sqrt{0,5\pi} \sigma_{0i} = m(h); \quad h_{mini} = h_{min} - \sqrt{0,5\pi} \sigma_0 F. \quad (9)$$

Found values h_{mini} , σ_{0i} define completely Maxwell's law $\varphi(h_i)$ value h_i distribution, characterizing preparation quality of the contingent who studied the i -th discipline under specified conditions for the considered case $K_i = 1$, $S_i = 1$, $0 < h_{min} < m(h) < \eta_c \leq 1$. Considering the case of an ideal special subject admission ($\sigma_0 = 0$, $h_{min} = m(h) = 1$), the calculation according to (8), (9) gives $\sigma_{0i} = 0$, $h_{mini} = 1$. This indicates that the expression (8), (9) embrace this case as a limiting one.

In general, when $K_i < 1$, $S_i > 1$ and contingent quality characteristics meet the last case, each of the grounding students receives level, determined by the level of quality of the training process, considering the objective complexity of subject i perception, i.e.

$$h_i = \frac{K_i}{S_i} h.$$

In accordance with the laws of probability theory [1], the latter allows to prove that $\varphi(h_i)$ represents Maxwell law whose mathematical expectation $m(h_i)$ is defined as

$$m(h_i) = \frac{K_i}{S_i} m(h). \quad (10)$$

It is taken into account in (10) that the more subject i perception complexity S_i increases and the value K_i reduces the more the average contingent grounding quality value of $m(h_i)$ reduces. Condition (10) with Maxwell's law properties usage allows to determine in general case this law's parameters σ_{0i} and h_{mini} on the functioning of the model output process of training the subject i of elementary education in high school as

$$\sigma_{0i} = \frac{K_i}{S_i} \sigma_0 (1 + F); \quad h_{mini} = \frac{K_i}{S_i} (h_{min} - \sqrt{0,5\pi} \sigma_0 F). \quad (11)$$

This expression is common, as all the cases mentioned above flow out from it.

Definition of σ_{0i} and h_{mini} to (11) corresponds to the use as a model operator of the first type, which converts a random values h to a random value h_i , the following expression

$$h_i = \frac{K_i}{S_i} (1 + F)h - \frac{K_i}{S_i} F (h_{min} + \sqrt{0,5\pi} \sigma_0), \quad (12)$$

where F is disclosed in the second expression (8).

Thus, the output of the first type model is the statistical quality function in the form of Maxwell's law

$$\varphi(h_i) = \frac{1}{\sigma_{0i}^2} (h_i - h_{mini}) \exp \left[-\frac{(h_i - h_{mini})^2}{2\sigma_{0i}^2} \right] \quad (13)$$

with the parameters σ_{0i} and h_{mini} , determined by (11).

Built statistical management quality model $\varphi(h_i)$ of a curriculum subject gives a great opportunity to practical implementation of a systematic approach to the problems of quality control in processes analysis and synthesis for any specialty subjects grounding solution.

The usage of modeling, which, as noted above, is an attribute of systems engineering, helps to solve problems such as flaw share forecasting of any discipline grounding. It is possible when the contingent quality characteristics are given and the resources of discipline grounding process are available. The problems of limiting discipline identification, which gives the biggest flow (the underachieving students) and of reallocation of resources to reduce flow share on various subjects of the curriculum can also be solved. This modeling can settle all control actions on the grounding process with their effective implementation.

REFERENCES

1. Ventsel E. Probability theory. Moscow, 1962. P.576

2. Korn G. Korn T. Mathematics handbook (for researchers and engineers). Nauka, 1974. P. 832
3. Polushkin O. Generalized statistical evaluation and quality management specialty in high school // Methodological manual. - Rostov-on-Don, 2005. P.24
5. Polushkin O., Kanygin G., Polushkina M. Quantitative evaluation of the quality and process simulation training discipline. Sofia, 2011. P.12
6. Selezniova H. Quality of higher education as an object of systematic research. Moscow, 2001. P.79
7. Romiszowski A. Designing Instructional Systems: Decision Making in Course Planning and Curriculum Design. London, 1984. P.125

Bozorova Muborak,
senior teacher of English,
Tashkent Financial institution

BUSINESS GAME IN TRAINING IN PROFESSIONAL FOREIGN-LANGUAGE COMMUNICATION

Abstract. Educational process gives the chance for realization in it the typical situations of communication. The game technology – allows developing skills of consideration of a number of possible ways of the solution of problems, making active thinking of students and opening the personal potential of each pupil.

Key words: gaming technology, the conflict situation, speech material, problematic

Бозорова Муборак,
ст.преп.английского языка,
Ташкентский Финансовый институт

ДЕЛОВАЯ ИГРА В ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Аннотация: Учебный процесс дает возможность для реализации в нем типичных ситуаций общения. Игровая технология – позволяет развивать навыки рассмотрения ряда возможных способов решения проблем, активизируя мышление студентов и раскрывая личностный потенциал каждого учащегося.

Ключевые слова: игровая технология, конфликтная ситуация, речевой материал, проблемность.

Современный мир характеризуется усилением конкуренции, что ведет к изменению требований к подготовке выпускников высшей школы. Специфическими особенностями специалистов становится умение подходить творчески к своей деятельности, готовность к изменению профиля работы или полной переподготовке в соответствии с изменениями сферы труда и занятости.

Так как обучение иностранному языку будущих специалистов ориентировано на приобретение навыков и умений профессионального общения, то наиболее эффективной технологией обучения, позволяющим решать поставленные задачи, нам предоставляется деловая игра. Учебный процесс дает возможность для реализации в нем типичных ситуаций общения, максимально приближенных к реальным, с целью воссоздания профессиональной деятельности и профессионального взаимодействия между людьми.

Игровая технология – позволяет развивать навыки рассмотрения ряда возможных способов решения проблем, активизируя мышление студентов и раскрывая личностный потенциал каждого учащегося.

В отличие от других игр деловые игры имеют ряд индивидуальных, присущих только им особенностей:

- 1) моделирование условий профессиональной деятельности;
- 2) поэтапное развитие;
- 3) наличие конфликтной ситуации;
- 4) совместная деятельность участников игры, выполняющих определенные роли;
- 5) контроль игрового времени;
- 6) правила, регулирующие ход игры;
- 7) элемент соревнования.

Деловая игра характеризуется следующими общими чертами:

- жизненность и типичность конкретной ситуаций, рассматриваемых в деловых играх, наличие обстановки, в условиях которой необходимо проводить анализ проблемной ситуации и принимать решения;
- отсутствие полной информации, принятие решения в условиях неопределенности, риска или противодействия, невозможность полной формализации задачи;
- наличие конфликтности и скрытых резервов;
- динамичность процесса управления, возможность влияния принятых ранее решений на изменение обстановки в последующие моменты;
- наличие действующих лиц в системе управления: игроков, исполняющих роли должностных лиц, игроков-экспертов и игроков-организаторов, готовящих материалы для деловой игры, выдающих информацию и направляющих ход игры;
- наличие правил и регламентация игры.

Деловая игра предполагает совместную деятельность, поэтому в ней снимается противоречие между коллективным характером будущей профессиональной деятельности и индивидуальным характером усвоения знаний.

Технология деловых игр, направленная на обучение профессиональному общению, имеет ряд особенностей.

1. Деловая игра должна базироваться на реальном речевом материале, отражающем конкретную ситуацию общения в профессионально-трудовой сфере.

2. В деловой игре преобладает момент самообучения над обучением. Это происходит потому, что преподаватель иностранного языка некомпетентен в вопросах специальности обучаемых и не может без их помощи грамотно составить деловую игру и оценить ее коммуникативные (а не языковые) результаты. Поэтому обучаемые привлекаются как к составлению деловой игры, так и к оценке ее по параметру: достигнута коммуникативная цель или нет. Преподаватель может дать оценку лишь корректности речи с точки зрения норм языка. Участие обучаемых в организации и проведении деловой игры активизирует их мыслительную деятельность, повышает творческую активность, так как позволяет им на деле применить свои знания иностранного языка, стимулирует интерес к иностранному языку как учебному предмету, способствует возникновению желания расширить свои возможности в его использовании.

3. Существенный момент в деловой игре – ее проблемность. Конечно, и в профессионально-трудовой сфере есть ряд типичных ситуаций, однако здесь чаще, чем в какой-либо другой, возникают проблемные ситуации, требующие оперативного решения. Большую методическую ценность представляют деловые игры, стимулирующие возникновение все новых и новых ситуаций общения. Такие деловые игры позволят привлечь как можно большее число обучаемых к участию в ней.

4. В деловой игре одними из ведущих являются принципы совместной деятельности и диалогического общения участников, последовательная реализация которых обеспечивает активное развертывание содержания этой игры. В деловой игре участники самоутверждаются не только как личности, но и, прежде всего, как специалисты в своей области трудовой деятельности.

Анализируя принципы разработки и применения деловых игр в учебно-воспитательном процессе вузов, можно сделать вывод о том, что в них не только сохраняются, но и значительно дополняются и совершенствуются следующие характеристики ролевых игр: ситуативность; тематичность; моделирование естественного речевого общения; осуществление учебной деятельности посредством игровой; коллективная деятельность; реализация принципа воспитывающего обучения.

Успех проведения деловой игры зависит, в первую очередь, от четкого моделирования элементов, как плана содержания, так и плана выражения. При непосредственной подготовке деловой игры преподаватель обрабатывает материал плана содержания, которым его снабжают сами обучаемые, определяет тип игры, состав участников, планирует возможные пути их достижения, прогнозирует проблемные ситуации, которые могут возникнуть в процессе

решения поставленных задач, конкретизирует место общения, готовит необходимый реквизит.

При проведении деловой игры преподаватель выполняет роль «администратора»: направляет общение, выводит его из тупика, создает новые проблемы, изменяет направление игры посредством введения новых участников и т.д. При этом исправляются только те ошибки, которые затрудняют или нарушают коммуникацию. Исправление происходит путем подсказки правильного варианта.

На оценочном этапе преподаватель выслушивает мнение «группы экспертов», следивших за ходом игры, но не участвовавших в ней: достигнуты ли цели игры или нет, какие другие более эффективные пути достижения этих же целей возможны и др. Далее преподаватель сам подводит итог, завершив его оценкой корректности участников коммуникации.

Из вышеизложенного следует, что деловая игра опирается, прежде всего, на взаимодействие преподавателя и группы слушателей. А для создания атмосферы, необходимой для успешного обучения именно профессиональному общению на иностранном языке, преподаватель должен не только хорошо знать свой предмет, но и не бояться показать свою некомпетентность в вопросах специальности обучаемых, прислушиваться к их мнению, стараться при помощи собранных сведений усовершенствовать процесс обучения профессиональному общению на иностранном языке. Это поможет избежать такого положения, когда речь обучаемых корректна с точки зрения норм изучаемого языка, но абсолютно неприемлема с точки зрения социальных норм общения.

В процессе обучения языку методом деловой игры обеспечивается формирование коммуникативной компетенции студентов. Кроме знания иностранного языка, ограниченного рамками специальности, обучаемый получает возможность развивать свою личность, формировать необходимые не только для профессиональной работы, но и для повседневной жизни навыки общения с другими людьми.

Один из важнейших факторов успеха деловой игры — это руководство игрой, контроль за ее процессом. Руководитель выполняет в организации игры следующие функции:

- оценивает целесообразность проведения игры и формирует (лучше на основе добровольности) состав ее участников;
- знакомит с условиями и правилами игры, консультирует участников;
- готовит или адаптирует применительно к конкретным условиям базу данных для начального периода игры; устанавливает ее регламент;
- осуществляет текущий контроль за соблюдением правил игры;

- следит за соблюдением в процессе игры этических норм, защищает «меньшинство» от группового давления и предотвращает возможные личные обиды и конфликты;
- помогает выявлять и анализировать неэффективные способы действий и овладевать эффективными моделями поведения;
- следит за ориентацией игрового процесса на достижение поставленных целей, предотвращает возможные отклонения и «заносы» (например, переход участников ролевой игры к выяснению личных взаимоотношений);
- собирает по завершению игры ее рабочие документы (решения задач, отчеты и т.п.) и проверяет правильность их заполнения;
- оценивает результаты выполнения заданий, поведение участников и т.п., делает общие выводы, дает частные рекомендации конкретным участникам игры.

В полной мере удовлетворять этим и некоторым другим требованиям может лишь квалифицированный и опытный руководитель.

Очень важно определить время и место деловой игры в учебном процессе. В неподготовленной для игры в психологическом плане аудитории студентов новизна формы занятий может чрезвычайно отвлечь внимание обучаемых от сюжета игры и даже вызвать непонимание. Поэтому, на наш взгляд, на начальном этапе обучения студентов деловую игру следует проводить в конце изучаемой темы, предваряя поведение самой игры подготовительными мероприятиями: работой в парах, микрогруппах с постановкой конкретных небольших заданий, с использованием различных рода опор: схем, таблиц.

Наряду с обсуждением игры по вышеперечисленным критериям необходимо обратить внимание на деловой этикет в одежде и на соответствие одежды игроков исполняемым ролям.

Анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что на успешность деловой игры влияют следующие факторы: 1) лингвистические (общий уровень владения иностранным языком, владение лексическим материалом по теме); 2) дидактический фактор (подготовленность к игре всем ходом предшествующих занятий); 3) психологические факторы (проводится ли игра в первый раз, настроена ли учебная группа на продуктивное сотрудничество, активная позиция каждого студента по отношению к происходящему и к своей роли в деловой игре).

Таковы основные особенности метода деловых игр, обеспечивающие успешность его внедрения. Необходимо подчеркнуть, что, являясь воссозданием контекста труда в его предметном и социальном аспектах, процесс деловой игры остается процессом педагогическим, направленным на достижение целей

обучения и воспитания. Участвуя в этих формах учебной работы, обучаемый усваивает знания в реальном процессе подготовки и принятия решений, обеспечения соответствующих действий в контексте их регуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1991.
2. Платов В.Я. Деловые игры: разработка, организация и проведение: Учебник. – М.: Профиздат, 1991. – 156 с.
3. Эльконин Д.Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин. – М.: Просвещение, 1987. – 350 с.

Mykola L. Didukh,

Taras Shevchenko Kyiv National University,

Fellow, Post-Doctoral program, PhD in Psychology, the Faculty of Psychology

Psychological support of the process of the ethnic individuation

Abstract. In this study were developed methodological techniques of psychological support of the process of ethnic individuation. On the basis of the collected empirical material have been developed copyrights associative maps help to identify, realize and successful live-ethnic process of individuation.

Keywords: individuation, psychotherapy, associative card.

Микола Л. Дидух,

КНУ им. Тараса Шевченко, докторант,

кандидат психологических наук, факультет психологии

Психологическое сопровождение процесса этнической индивидуации

Аннотация. В ходе данного исследования были разработаны методические приёмы психологического сопровождения процесса этнической индивидуации. На основе собранного эмпирического материала были разработаны авторские ассоциативные карты, способствующих выявлению, осознанию и успешному проживанию процесса этнической индивидуации.

Ключевые слова: индивидуация, психотерапия, ассоциативные карточки.

Введение. В современном мире усиливаются тенденции как к интеграции различных культур, так и к росту национального самосознания. На уровне отдельной личности это сопровождается процессом этнической индивидуации, интеграции личности с поиском своего места в этно-культурном контексте.

Анализ предыдущих исследований. Дж. Хиллман [7] рассматривает проблему индивидуации в контексте множественной личности, и это приводит к

тому , что процесс индивидуации воспринимается не линейно , а как непрерывный диалог различных частей личности. Этот диалог направлен на достижение развития, прогресса и благоустройства. А. Гуггенбуль - Крайг [3,4] анализирует проявления индивидуации в межличностных и, в частности, в брачных отношениях. Эндрю Самуэлс [5] считает, что следующим шагом в развитии теории индивидуации будет ее сочетание с групповым и общественным функционированием.

Остановимся подробнее на концепции множественной личности и течения процесса индивидуации согласно методологии Дж. Хиллман. Он считает, что « сознание существует вместе с парциальными личностями. Вместо представления о них в виде фрагментов "Я " было бы целесообразнее соотнести их с душами, Даймон, гениями и другими имагинальный -мифическими фигурами» [6] . Личность представлена с позиции образности, как живая драма, в которой Я активно участвует, но не является единственным автором или даже главным героем. "Здоровая личность", по мнению Дж. Хиллмана, характеризуется прежде всего творчеством, артистизмом и непосредственностью реакций.

Множественность рядом с централизацией присуща человечеству в целом - она создает идеи политеизма, многообразие субкультур в рамках централизованного государства и т.д. Целью личностного роста, таким образом, является поддержание равновесия и конструктивного диалога между частями целого, а не стремление к обязательной интеграции и централизации.

Более подробно процесс индивидуации и самоактуализации в сочетании с идеей множественности личности раскрыто в работах Р. Ассаджиоли [1,2]. Структура личности, по Р. Ассаджиоли, имеет семь динамических составляющих. Нижнее бессознательное управляет базовой психической активностью и инстинктивными потребностями. Среднее бессознательное ассимилирует опыт, прежде чем он достигнет сознания. Сверхсознание является местонахождением высших чувств и способностей, таких как интуиция и вдохновение. Поле сознательного содержит понятные чувства, мысли и мотивы. Высшая самость - это тот аспект индивидуальности, существует отдельно от сознания ума и тела. Все эти составляющие входят в коллективного бессознательного. Важным элементом психосинтеза является понятие субличностей.

Субличность - это совокупность убеждений, поведенческих стереотипов, поездок, получают целостную форму в сознании человека. Каждая из них имеет свою энергию: стиль жизни, мотивацию, мысли, чувства, формы поведения. Некоторые из субличностей связанные с социальными ролями. Каждый человек пользуется собственным набором субличностей, таких, например, как авантюрист, критик, одиночка и т.п.. Субличности начинают нарушать нормальное течение жизни, если человек не осознает и не принимает мер для примирения

конфликтных частей личности или если какая-то из них начинает контролировать поведение в целом.

Согласно концепции психосинтеза процесс индивидуации включает четыре стадии:

- 1) глубокое познание своей личности;
- 2) установление контроля над различными элементами личности;
- 3) осознание своего истинного Я, выявление и создание соединяющего центра и эволюция от личного к высшему Я;
- 4) психосинтез - формирование и перестройка личности вокруг нового центра.

Некоторые субличности могут принадлежать не к индивидуальному, а к коллективному бессознательному и отражать древние национальные и расовые архетипические образы.

Целью данного исследования была разработка методических приемов психологического сопровождения процесса этнической индивидуации. Гипотеза исследования состояла в том, что применение авторских ассоциативных карт способствует успешной реализации процесса индивидуации.

Методы. На основе собранного эмпирического материала нами были разработаны авторские ассоциативные карты, способствующие выявлению, осознанию и успешному проживанию процесса этнической индивидуации. Изображение принадлежали к четырем основным группам: местности, архетипические образы, символы, мандалы.

В группу «Местности» были отнесены следующие изображения:

берег моря; река; Говерла; Каменная могила; Красная пещера; храм Богородицы; могила цадика Нахмана; мечеть в г. Евпатория; Хортица;

источник. В этот набор вошли как изображения, которые мы использовали при исследовании репрезентации сакрального, так и те, которые наши респонденты считали субъективно важными. Все изображения данного класса являются реалистичными цветными фотографиями соответствующего объекта. В группу архетипических образов вошли следующие: казак; дядя; Галя; ведьма; мавка; кобзарь; баба Яга; Василиса; Иван царевич; царь - батюшка; Машенька; Ивасик Телесик; хан; джигит; пери; ребе; идише мама; Рабинович. Эта категория изображений сформировалась под влиянием фольклорных произведений исследуемых нами этнических групп и опросов респондентов соответствующих групп. Она, безусловно, не охватывает весь массив исследованных архетипов, поскольку из них были выделены лишь те, которые имели достаточную эмоциональную насыщенность и значимость для наших респондентов. Изображения выполнены в примитивистского манере, которая позволяет сохранить характерные черты персонажей и одновременно предоставляет пространство активному воображению клиента.

В немногочисленную группу символов вошли изображения растений, животных, объектов: камень; ива; калина; береза; виноградная лоза; аист; свинья; козленок.

Изображения выполнены в той же манере, что и в предыдущей серии. Среди символов нами были отобраны те, что чаще всего встречались в ответах респондентов и могли иметь собственное содержание для представителей различных этнических групп. Именно этим объясняется, почему в выбранные нами группы не вошли символы бытуют на уровне этнического стереотипа (сало, водка, венок, медведь, балалайка и др.).

Мандалы - это аутентичные рисунки наших респондентов, в которых доминировали различные механизмы этнической индивидуации. Всего этих рисунков было использовано десять: семь из них связаны с доминирующими мотивами, три отражают интенсивность протекания внутриличностного конфликта.

Результаты. Применение данных ассоциативных карт было связано с психологическими целями клиентов на разных этапах процесса индивидуации.

Психологическая цель: осознание имеющегося эмоционального состояния и персоны.

1. Выберите мандалу, которая соответствует вашему настроению. Расскажите, что на ней изображено. Какое бы название вы могли дать этому изображению? Если бы оно было символом, то символом чего именно? Каким образом это название и этот смысл изображения связанные с вашей актуальной проблемой?

2. Если бы вы оказались в сказочном пространстве, где могли бы превратиться в кого-либо из героев, кого бы из них вы выбрали?

(Демонстрируются карточки с изображениями архетипических образов).

3. Анализ. Почему выбран именно этот персонаж? Как он себя ведет? Какие черты характера ему присущи? Если бы у него был лозунг, то какой? Как вы относитесь к этому лозунгу? Каким образом наличие такой жизненной установки влияет на ваши актуальные проблемы?

В качестве домашнего задания клиенту предлагалось самостоятельно нарисовать герб выбранного персонажа или создать развернутую сказку - рассказ о его бытии в современном мире. Это приведет к осознанию положительных и проблемных аспектов отождествления с образом персоны и сформировать критическое отношение к ней.

Ассоциативные карты следует использовать и при разработке и осознании проблематики, связанной с образом тени.

В начале и конце каждой консультативной встречи желательно предлагать клиенту подобрать из имеющихся изображений или нарисовать самостоятельно (при условии, что клиент имеет склонность к рисованию) мандалу, которая

отражает его актуальный душевное состояние. Этот шаг является важным для ощущения завершенности встречи и одновременно позволяет осуществить экспресс - оценку динамики процесса индивидуации клиента. Столкновение с тенью может вызвать как интенсивные переживания тревоги, так и состояние увлеченности, очарованности ранее неосознанным содержанием своей психики. Работа с этническим бессознательным может сделать этот процесс безопасным и менее эмоционально напряженным.

С помощью ассоциативных карт можно выполнить следующее упражнение, направленное на интеграцию теневого компонента бессознательного.

Клиенту предлагается:

- 1) из набора архитипичных образов выбрать персонажа, который ему больше всего не нравится;
- 2) описать его с помощью тех черт характера, которые вызывают именно эти негативные чувства;
- 3) проанализировать наличие у себя черт характера из этого перечня и вспомнить, в каких ситуациях, в каком контексте они могут оказаться полезными;
- 4) представить себе персонажа карточки во весь рост и найти подходящее место во внешнем пространстве, где можно расположить этого «советчика».

В качестве домашнего задания можно рекомендовать наблюдение за проявлениями этих черт в реальной жизнедеятельности.

В наборе ассоциативных карт представлены персонажи прежде народных сказок и фольклора различных этнических групп, поэтому у клиента появляется возможность приобщиться к этническому бессознательного собственного народа или использовать что-то менее знакомое в качестве ресурса. С процессом осознания тени можно работать и с использованием другого упражнения. Для этого понадобится весь набор ассоциативных карт.

1. Клиент сознательно выбирает местность и двух персонажей - одного, который ему нравится, и еще одного, который очень не нравится, и один из символов.
2. Клиент осуществляет случайный выбор еще двух карт: одной - из персонажей и одной - из символов.
3. Клиент создает историю (сказку), в котором должны быть задействованы все персонажи (объекты) из выбранных карт.
4. Анализ. Кто был героем этой истории? Чему он стремился? Удалось ли ему достичь своей цели? С помощью чего? Что (кто) противостояло (противостоял) герою? Каким может быть лозунг этого персонажа или силы? Какие чувства испытывали герои истории? Какие чувства испытывает клиент сейчас? Какова основная идея, смысл созданной истории?

5. Каким образом наличие данной идеи может повлиять на решение, в актуальной проблемной ситуации?

Если в ходе рассказа с использованием ассоциативных карт кто-то из персонажей умер, следует уделить больше внимания чувствам клиента по поводу гибели, реакции всего «сказочного биоценоза» на гибель данного персонажа. Своевременно обнаруженные саморазрушительные тенденции могут быть преодолены в ходе дальнейшей аналитической терапии.

Осознание проблем на уровне анимы и анимуса также облегчается при применении ассоциативных карт. При желании, осознать содержание мужского и женского в бессознательном клиента можно с использованием следующего упражнения:

1. Клиент сознательно выбирает три изображения из всего набора (таким образом, у него могут не только человеческие образы, но и изображение местности, животных и т.п.).

2. Клиент рассказывает, почему он выбрал именно эти изображения, и обращает внимание на собственные эмоции по этому поводу.

3. Консультант просит поочередно расположить попарно полученные образы и описать те варианты взаимодействия мужского и женского, которые сложились, обращая внимание на собственные эмоции и чувства.

Если в ходе выполнения данного упражнения проявляются интенсивные эмоциональные переживания (тревога, гнев, эйфория), на это следует обратить особое внимание, так как таким образом могут манифестировать проявления как процесса индивидуации, так и травматических переживаний, которые не позволяют личности применить механизмы индивидуации. В зависимости от хода событий конкретной консультативной встречи можно перейти или к обработке посттравматических переживаний, или обратить внимание клиента на дальнейшее развитие событий в той паре, вызвавшей такие интенсивные чувства.

Другим методом проработки проблем анимы и анимуса является оценка собственного отношения к появлению и проекций этого архетипа.

1. Из всего набора карточек клиент сознательно выбирает одно из изображений, ассоциируется у него с проявлениями мужского или женского.

2. Клиенту предлагают описать этот персонаж с помощью десяти глаголов.

3. Терапевт читает вслух каждый из этих глаголов, предлагая клиенту ярко представить, что с ним (или в его присутствии) делают именно это, обращая внимание на эмоциональные переживания по данному поводу.

4. Если имеют место яркие проявления эмоций, желательно обратить внимание на травматические переживания. В качестве домашнего задания можно дать рекомендацию проследить проявления выбранного персонажа в собственном поведении и действиях окружающих.

При работе с архетипом самости клиент свободно использует весь набор ассоциативных карт, исследуя степень их близости между собой и с его чувством собственного глубинного Я, осуществляя с их помощью путешествие к глубинному ядру в активном воображении.

По актуальности у клиента проблемы принятия решения символические и архетипические изображения можно применять как «советчиков» в процессе поиска оптимального решения.

Анализ результатов. Предложенные нами приемы консультативной помощи были проверены на 28 испытуемых, находившихся в условиях добровольного, кратковременного консультирования по поводу личной проблематики. Количество визитов варьировало в пределах от 4 до 10, что не характерно для аналитической психотерапии, но считается принятой нормой для украинских клиентов. По этническому составу распределение в исследуемой группе было таким: украинцев - 10 человек; русских - 8 человек; евреев - 8 человек, с неопределенной этнической идентификацией - 2 человека. К сожалению крымские татары не попали в эту группу, поскольку консультирование осуществлялось в г. Киеве и в г. Сумы, в структуре населения которых доля указанной этнической группы незначительна. В группе преобладали женщины: в исследовании принимали участие 21 женщина и 7 мужчин.

Учитывая широкий спектр проблем, по поводу которых исследуемые обратились за консультацией, и их личностные характеристики, достаточно сложно объективно оценить эффективность консультативного процесса. Поэтому нами был избран методики исследования механизмов этнической индивидуации и тест "Мандала" которые, в наибольшей степени соответствуют цели нашего исследования.

Бросается в глаза, что распределение типов изображений тестом совпадал с тем, который был получен в предыдущем исследовании случайных респондентов. При дисперсионном анализе по критерию χ^2 было обнаружено достоверные различия между первым и вторым распределением типов мандал на уровне 0,05. В начале консультирования большинство исследуемых находилась в состояниях, которым соответствовали такие типы мандал: «Расщепление», «Лабиринт», «Врата смерти» и «Фрагментация».

Это свидетельствует о высоком уровне внутриличностного конфликта и одновременно о готовности к трансперсональным переживаниям. и После завершения консультативного процесса с использованием ресурсов этнического бессознательного доминирующими изображениями стали «функционирующего эго», «Кристаллизация» и «Мишень». При исследовании динамики процесса этнической индивидуации под влиянием предложенной модели консультирования

было изучено также проявления механизмов этнической индивидуации в начале и после завершения процесса консультирования.

Индивидуальное консультирование не было направлено непосредственно на инициацию процесса этнической индивидуации, но у исследуемых отмечались достоверные сдвиги в уровне проявлений интернализации, творческой реализации, интеграции. Учитывая то, что психоэмоциональное состояние исследуемых при этом также улучшилось, а актуальные проблемы, которые служили поводом к обращению за консультацией, были решены, можно считать, что применение ресурсов этнического бессознательного при индивидуальном психологическом консультировании способствует решению проблем клиентов и одновременно повышает уровень интернализации, творческой реализации и интеграции.

Можно сделать **вывод**, что состояние наших исследуемых стало более стабильным, у них состоялся процесс личностной интеграции, и внимание устремилось из процесса поиска собственной самости на решение внешних проблем и достижения поставленной цели, что доказывает эффективность предложенных нами методов психологического сопровождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассаджиоли Р. Трансформация и сублимация сексуальной энергии. Психоаналитические очерки. М., 1996.
2. Ассаджиоли Р. Духовное развитие и нервные расстройства. //Урания, 1992, № 2.
3. Гуггенбюль-Крайг А. Благо Сатаны. СПб., Академический проект, 1997.
4. Гуггенбюль-Крайг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине. СПб., Академический проект, 1997.
5. Самуэлс Э. Юнг и постюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. М., 1997. - 416 с.
6. Хилман Дж. Архетипическая психология. СПб., 1996. - 157 с.
7. Хилман Дж. Сто лет одиночества: наступит ли то время, когда прекратится анализ души. // Московский психотерапевтический журнал, 1997, 3 1, с. 120-141.

Lisnevskia Natalia,
Pedagogical University of Glukhiv,
University teacher, the Faculty of pre-school education

The creation of healthy environments in pre-school educational institution based on its components

Abstract: In this article there are given a definition to healthy environment. Also there proved necessity of its creation in pre-school institution. Components which influence on successful creation of healthy environments are analyzed and separated.

Keywords: healthy environment, components, motivation, object environment, natural environment.

Лісневська Наталія,
Глухівський педагогічний університет,
викладач, факультет дошкільної освіти

Створення здоров'язберігаючого середовища в дошкільному навчальному закладі на основі його компонентів

Анотація: У статті подається визначення здоров'язберігаючому середовищу та обґрунтовується необхідність його створення в дошкільному навчальному закладі. Аналізуються та виокремлюються компоненти, від яких залежить успішність створення здоров'язберігаючого середовища.

Ключові слова: здоров'язберігаюче середовище, компоненти, мотивація, предметне оточення, природне оточення.

Стан здоров'я вихованців дошкільних навчальних закладів – важлива характеристика якості системи дошкільного виховання. Ураховуючи те, що воно в останні десятиліття значно погіршилось, перед системою освіти одним з найголовніших завдань є збереження та зміцнення здоров'я дітей дошкільного віку. Погіршення стану здоров'я дітей дошкільного віку за останні роки вимагає

пильнішої уваги з боку держави та науковців. Перед педагогами, психологами, фізіологами й медиками постає необхідність пошуку нових шляхів його зміцнення. У зв'язку з цим проблема створення здоров'язберігаючого середовища набуває актуальності впродовж останнього десятиліття. Вивчення наукових досліджень низки авторів (Н.Денисенко, К.Крутій, Т.Овчиннікової та ін..) з проблеми формування та збереження здоров'я дітей дошкільного віку засвідчило той факт, що останнім часом хоча й є спроби визначення компонентів здоров'язберігаючого середовища, проте, на наш погляд, це зроблено недостатньо широко.

Незадовільний стан здоров'я дітей дошкільного віку та всього населення загалом роблять найбільш актуальною потребу в превентивних заходах організації навчально-виховного процесу в дошкільному закладі. Поряд з навчанням і вихованням не менш важливим завданням для педагога має бути забезпечення здоров'я дітей, оскільки воно відіграє важливу роль у становленні особистості дитини, впливає на її розумовий, психічний і фізичний розвиток. Оскільки діти більше часу проводять саме в дошкільному навчальному закладі, ніж удома, необхідно створити середовище, яке сприятиме збереженню й покращенню їх здоров'я. У зв'язку з цим виникає важлива проблема – створення здоров'язберігаючого середовища в ДНЗ, яке б не тільки максимально розвивало фізичне тіло дитини, але й формувало його психіку, духовність, навички спілкування, тобто зміцнювало здоров'я як багатоскладову категорію, в яку входять фізична, психічна, духовна та соціальна складові. Нами здоров'язберігаюче середовище визначається як сукупність певних методів, прийомів, засобів, оздоровчих і здоров'язберігаючих освітніх технологій, що використовуються дошкільним навчальним закладом, спрямованих на збереження та зміцнення здоров'я дітей, покращення їх настрою й самопочуття, створення сприятливих умов для розвитку та саморозвитку, покращення функціонального стану організму, підвищення адаптаційних можливостей і формування потреби в здоровому способі життя – дітям у ньому комфортно перебувати протягом дня. Проте успішність створення такого середовища в дошкільному навчальному закладі залежить від реалізації його компонентів.

Вивчаючи питання здоров'язберігаючої діяльності в дошкільних навчальних закладах особливо цінними для нашого наукового пошуку є дослідження російської вченої Т.Овчиннікової та українських дослідниць Н.Денисенко, К.Крутій у спробі визначити компоненти здоров'язберігаючого середовища. Педагогами виокремлюються три компоненти здоров'язберігаючого середовища: предметне середовище, комунікативне середовище, оздоровче середовище. До предметного середовища автори відносять господарське та матеріальне забезпечення: правильне розташування приміщень, наявність санітарно-технічного, медичного, спортивного обладнання й оснащення, відповідність організації системи хар-

чування чинним санітарним правилам і нормам (К.Крутій, Т.Овчиннікова), розташування меблів у групових кімнатах, створення різних куточків для організації рухової, художньо-творчої та трудової діяльності дітей, освітлення приміщень і свіже повітря в них (Н.Денисенко). До комунікативного – міжособистісні взаємини між дітьми, педагогами та батьками: комплектування груп, їх наповнення, урахування індивідуальних і типологічних особливостей дітей, якість підготовки фахівців, які здійснюють корегувальний процес, стосунки батьків і педагогів та їх уявлення про здоровий спосіб життя (К.Крутій, Т.Овчиннікова), умови спілкування дітей між собою, педагогами й іншими людьми, що реалізується через різні види діяльності дітей: ігрову, навчальну, трудову та побутову – різні види ігор, занять, господарської, художньої праці й праці по догляду за природою, а також побутові дії та гігієнічне виховання (Н.Денисенко). До оздоровчого середовища або корекційно-розвивального – форми й принципи навчальної та оздоровчої діяльності [1; 2].

Отже, цілком погоджуємося з педагогами Т.Овчинніковою, Н.Денисенко та К.Крутій у тому, що створення здоров'язберігаючого середовища в ДНЗ залежить від предметного оточення дітей, санітарно-гігієнічних вимог до приміщень, гігієнічного виховання дітей, взаємостосунків між дітьми та педагогами, форм і засобів оздоровчої діяльності тощо. Уважаємо, що хоча автори й визначили в загальних рисах компоненти та складові здоров'язберігаючого середовища, проте для успішного створення такого середовища необхідне більш ширше їх визначення. Оскільки, на нашу думку, немає комплексного врахування всіх компонентів і його складових, які б характеризували середовище як здоров'язберігаюче, тобто яке сприяє формуванню, збереженню та зміцненню здоров'я дітей дошкільного віку. Саме тому, нами комплексно визначено компоненти, до складу яких входять знання, ціннісне ставлення, мотивація збереження власного здоров'я, практична діяльність і забезпечення розвитку дошкільників. На основі наукових досліджень педагогів (Н.Денисенко, К.Крутій, Т.Овчиннікової) і власного бачення проблеми, вважаємо, що компонентами здоров'язберігаючого середовища в ДНЗ слід уважати: комунікативно-знаннявий, аксіологічно-мотиваційний, оздоровчо-діяльнісний і ґносеологічно-розвивальний.

Аналізуючи дослідження педагогів Н.Денисенко, К.Крутій, Т.Овчиннікової стосовно визначення компонентів, цілком погоджуємося з тим, що одним із компонентів є комунікативний. Проте вважаємо, що не тільки важливі міжособистісні відносини між дітьми, педагогами та батьками, як зазначають дослідниці, але й велику роль відіграє якість підготовки педагогів: знання індивідуальних і типологічних особливостей дітей, важливості позитивного мікроклімату в групі, особливостей застосування оздоровчих процедур і технологій,

стану здоров'я вихованців (група здоров'я, фізкультурна група, наявність хронічних і застудних захворювань протягом року, алергійних проявів тощо).

Крім відповідних знань у вихователів, суттєве значення також відіграють наявність оздоровчих знань у дітей, що буде ефективніше сприяти формуванню у них ціннісного ставлення й мотивації до збереження власного здоров'я та здоров'я інших. Дошкільникам необхідно давати елементарні знання, що пов'язані з фізичним вихованням, зокрема, про вплив останнього на здоров'я. Отримана інформація дозволить дітям займатися фізичною культурою більш свідомо та повноцінно, самостійно використовуючи різні засоби фізичного виховання. Також дуже важливо, щоб діти знали про користь всіх форм і засобів фізичного виховання, про їх вплив на їх здоров'я, мали уявлення про правильну поставу та як її зберегти, правила догляду за тілом, одягом, взуттям тощо. Особливо варто відмітити знання важливості для збереження та зміцнення здоров'я дошкільників позитивного мікроклімату в групі, оскільки не всі діти можуть вільно почуватися в оточенні однолітків і вихователя, відчуваючи при цьому певний емоційний дискомфорт.

Отже, успішність створення здоров'язберігаючого середовища повинно базуватися на забезпеченні позитивного мікроклімату в групі й можливе при наявних відповідних знань у вихователів і дітей, що буде сприяти не тільки швидкій адаптації дошкільників, але й збереженню їх фізичного, психічного, соціального та духовного здоров'я. Також варто додати, що відповідні знання дітей про важливість здоров'я допомагають сформувати в них ціннісне ставлення та мотивацію до збереження власного здоров'я та здоров'я інших.

Таким чином, на основі зазначеного вище незаперечним є той факт, що першим компонентом здоров'язберігаючого середовища в ДНЗ слід уважати *комунікативно-знаннявий*, від якого залежить наступний компонент – *аксіологічно-мотиваційний*.

Відмітимо, що брак відповідних знань у педагогів і дітей стосовно важливості здоров'я приводить до відсутності ціннісного ставлення дошкільників до здоров'я, що в свою чергу ускладнює процес формування у вихованців мотивації до збереження власного здоров'я та здоров'я інших. Нам досить близькою є позиція Н.Денисенко, яка радила формувати в дошкільників ціннісне й свідоме ставлення до власного здоров'я за допомогою низки знань про нього та прищеплення їм відповідних навичок. Тобто уважаємо, щоб сформувати в дітей мотивацію до збереження здоров'я, спочатку їх слід навчити свідомо ставитися до власного здоров'я, до здоров'я близьких, сприймаючи його як цінність, що можливо лише при наявності відповідних знань. Тобто можна ствердно зазначити, що формування в дошкільників ціннісного ставлення до власного здоров'я й здоров'я інших і мотивації до ведення здорового способу життя, сприяє зміцненню та

збереженню їх здоров'я. Тому цілком закономірно, що другим компонентом здоров'язберігаючого середовища в ДНЗ слід уважати *аксіологічно-мотиваційний*.

Аналізуючи наукові доробки вітчизняних і російських педагогів (Н.Денисенко, К.Крутій, Т.Овчиннікової) у спробі визначити компоненти здоров'язберігаючого середовища ми дійшли висновку, що важливу роль у формуванні, збереженні та зміцненні здоров'я дошкільників також відіграє оздоровча діяльність, що здійснюється в ДНЗ. Аналіз наукових доробків когорти педагогів (О.Богініч, Л.Глазіріна та ін.), які ратують за використання традиційних засобів фізичного виховання та ряду педагогів (О.Богініч, Н.Денисенко, К.Крутій та ін.), які наголошують на важливості для здоров'я дітей використання оздоровчих технологій, дав змогу нам ствердно зазначити, що врахування традиційних і нетрадиційних засобів фізичного виховання й доцільне їх застосування в навчально-виховній та оздоровчій діяльності ефективно сприятиме збереженню й зміцненню всіх видів здоров'я дітей-дошкільників. Тому на основі аналізу наукових розвідок педагогів і власного бачення проблеми можна ствердно зазначити, що третім компонентом здоров'язберігаючого середовища в ДНЗ, від дотримання якого залежить збереження та зміцнення здоров'я дошкільників, слід уважати – *оздоровчо-діяльнісний*.

Навчання, виховання та розвиток дітей повинні відбуватися в атмосфері захищеності, психологічного комфорту, про що наголошується в комунікативно-знаннєвому компоненті. Це означає, що оточення дитини має бути безпечним як щодо гігієни, умов життєдіяльності загалом, так і в морально-психологічному аспекті. У контексті нашого дослідження важливим є твердження Т.Поніманської відносно того, що передусім навколишнє середовище повинно відповідати структурі когнітивної, тобто пізнавальної сфери дитини й передбачати можливості вільного розвитку ігрової та інших видів діяльності [3]. Уважаємо, що предметне розвивальне середовище є частиною розвивального середовища й трактується нами як сукупність усіх предметів, що оточують дітей у ДНЗ і сприяють їх навчання, пізнанню та розвитку – меблі, обладнання, інвентар, іграшки, книжки, картини тощо. Оскільки предмети оточують дітей як в приміщенні, так і на території ДНЗ, тому в контексті нашого дослідження ми акцентуємо увагу та виділяємо саме предметне оточення дітей, що, на нашу думку, є найбільш доцільним.

Варто зазначити, що крім предметного оточення дітей на їх розвиток, стан здоров'я впливає й природне оточення, або як воно ще трактується в педагогічній і науковій літературі – природне середовище. Певний інтерес для нашого наукового пошуку викликає дослідження М.Васильєвої, присвячене тому, що природне середовище у великій мірі може виступати в ролі педагогічного засобу, оскільки взаємодія між ним і дитиною характеризується мінімумом дистанції, злитністю, єднанням. Ми цілком погоджуємося з думкою педагога в тому, що під природнім

середовищем слід розуміти сукупність об'єктів й умов природи, в оточенні яких протікає діяльність людини та з яким вона встановлює відносини. Природне середовище охоплює сукупність живих об'єктів природи – рослини та тварини, що знаходяться в роздягальні, груповій кімнаті, на території ДНЗ тощо й впливають на пізнання дітей, їх розвиток і стан здоров'я.

Крім того, пізнання дітей, їх розвиток і здоров'я у великій мірі залежить також від естетичного оформлення роздягальні, групової кімнати, приміщень і території ДНЗ. Нам близька позиція М.Єфименка в тому, що естетичне оформлення різними кольорами інтер'єру групових кімнат, віталень, фізкультурної зали й кабінету ЛФК сприяє формуванню особистості дітей дошкільного віку, зміцненню їх психічних функцій і сприяє ефективному руховому розвитку дітей, що важливо для збереження й зміцнення їх здоров'я. Тобто ми цілком упевнені в тому, що предметне та природне оточення дітей дошкільного віку, естетичне оформлення роздягальні, групової кімнати, приміщень, де знаходяться діти, а також території ДНЗ, впливає на розвиток дошкільнят, сприяє їх пізнанню, збереженню й зміцненню їх здоров'я.

Отже, на основі аналізу наукових розвідок педагогів (М.Васильєвої, М.Єфименка, К.Крутий та ін.) та власного бачення проблеми можна ствердно зазначити, що четвертим компонентом здоров'язберігаючого середовища в ДНЗ, від дотримання якого залежить розвиток дітей, збереження й зміцнення їх здоров'я, слід уважати – *гносеологічно-розвивальний*.

Ґрунтуючись на здобутках науковців ми переконані в тому, що ефективність збереження та зміцнення здоров'я дітей дошкільного віку в дошкільному навчальному закладі можливе лише шляхом створення здоров'язберігаючого середовища з обов'язковим урахуванням його компонентів: комунікативно-знаннєвого, аксіологічно-мотиваційного, оздоровчо-діяльнісного, гносеологічно-розвивального.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Денисенко Н. Освітній процес має бути здоров'язберезувальним // Дошкільне виховання. – 2007. – № 7. – С. 8–10.
2. Крутий К. Феномен образовательного пространства дошкольного детства // Дошкільна освіта – 2011. – № 1 (31). – С. 10–27.
3. Поніманська Т. І. Дошкільна педагогіка : Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. – К.: «Академвидав», 2004. – 456 с.

Cherepkova N.V., Candidate of Psychological Sciences,
Solovyeva M. I., Candidate of Psychological Sciences,
Filimonova E. V., Candidate of Pedagogic Sciences,
Viksninsh O. V., Candidate of Pedagogic Sciences,
Usacheva I. A., senior teacher,
Kostinekova Y. N., senior teacher.

Readiness for marriage – basis of family values of students

Annotation: This research focuses upon categories and personal meanings of family values of students. Readiness for marriage is analyzed like a necessary foundation of successful family function.

Key words: value, readiness for marriage, family, students.

Modern family relationships demand of husband and wife high level of ethical and psychological-pedagogical culture of marriage. For this reason, learning family, like basis value, is an actual problem of our developing society.

Marriage has difficult orders to personal engagement of family members (Shnider L. B., Kovalyev S. S., Eidemiller Y. G., etc). Marriage is a task for husband and wife, which takes hard work, readiness and ability for doing this hard work. Decreasing marriage age and an increased length of social maturity lead to complicate tasks of family construction fall on less adult people in personal-social relationship of husband and wife. For this reason, adult and happy family is unusual occurrence in nowadays.

It's necessary and well-timed question about readiness of student for marriage and family and also about formation these values. In I. V. Grebennikov opinion, preparation of the younger generation for family life contains aspects like these:

1. Social. This aspect uncovers policy of state in family relationship and demography.
2. Ethical. This aspect contains breeding moral qualities, which determine the culture of family relationship.
3. Legal. This aspect concentrates on studying of marriage laws and their important statements.
4. Psychological. This aspect forms concepts of the personal enhancement, psychological basis of marriage and family life.

5. Physiological-hygienic. This aspect contains knowledge about physiological specifics of man and women body.

6. Pedagogical. This aspect contains a formation of ideas of family role in breeding, its pedagogical potential, specifics family breeding.

7. Business. This aspect allows getting knowledge in way of life and housekeeping[1].

When we talk about the marriage, we should remember that the wish to get married and the degree of readiness to it are different meanings. In scientists opinion, moral-psychological readiness of person for marriage means perception of whole complex of orders, charges and social standards of behavior, which regulate family life. In V.S. Torokxti opinion, lack of egoism, aggression concern to psychological maturity and opposite – presence ability to admit mistakes and to tend for developing in matrimony. Combination of factors providing person's maturity in family relationships and getting into preparation of young people to family life, include communicativeness, tolerance to drawbacks of spouse, skill to meet conflict situation, social activity of family members [2].

Extramarital educational-operational preparation of young people is a very actual problem. Young people should have knowledge, skill and experience, which are necessary for family life. Some of young people, being ready for marriage physiology and social-psychology, however, don't get readiness necessary for this level. Many modern juveniles and girls can't cook, do the laundry and repair clothes. At the same time dominate arrangement of young people in casting bases on principle of "justice".

There is another thing among the variety of aspects in problem of formation psychological readiness of young people to family life; it is a right understanding of family role in modern society and it connects with specifics of arrangement formation, focus on getting married. A big variety of aspects has a different meaning for person. Family provides whole psychological-physiological comfort; it has functions of "emotional cover". Person suffers feeling of his utility and value, gets capacity to feel his specialness, individuality.

Interlabial culture of husband and wife is an important thing in readiness for marriage. Specific feature of modern infosphere is information, which shows our world properly and deforms information, which reflects on formation of interlabial culture of husband and wife.

The main element in readiness for family life is an arrangement concentrating husband and wife on childbearing. The child gives his parents possibility to show love and self-actualization, makes parents increase their educational level, keep negative emotions, and control their speech, manners and behavior [3].

Our research let us determine the role of such values like a "family" and "marriage" among the rates of experimental (20 people) and control group (22 people).

In this research we could explore that 70% want to have a family in future, and 30% aren't sure they need a family.

Summative stage of research showed us the respondents' relation to question about readiness for family life. For this purpose we asked such questions:

1. How do you think is it necessary to ready young people for family life?
2. Who does read you for family life and who should it do?

Many of respondents asked the first question that it is necessary to ready young people for family life, but some of them don't trust results of such readiness: "One can cook, but can't respect other people", "Theory and practice have a big differences." When we asked "Who does cook in your family", young people answered: parents – 13%, nobody – 87%.

Statistics of our research showed there are more respondents respect family in control group. Many of them are sure it is necessary to have a family. Besides they think that husband or wife should have a good temper and should love children; experimental group thinks material security and pragmatism are more important. Therefore, the first group chooses spiritual qualities, the second – material.

The responders' answers concern to charge in family is more indicial. The girls are comfortable with housekeeping and motherhood in control group, and boys say they are ready for help about the house and for childrearing. In our opinion such differences connect with some factors:

1. Educational level of upper-form pupils. In the experimental group the pupils want to continue their study, so they think it isn't necessary to get marriage because it will be a barrier for good career. In the control group this tendency aren't so prominent, many of the girls think family is more important than career.

2. Family specifics. Sometimes girls choose that husband who has similarity with her father. For this reason, many girls want to marriage that man who will be able to replace father. Other girls choose that husband who is opposite to father. So the relation to the marriage of happy family and family without father is different.

Another methods of summative level of experiment is evaluation procedure oneself in role of family man. Results of this methods showed that the pupils of control and experimental group have average performances in main components of readiness: conative-axiological, intellectual-cognitive, active-practice and emotional-volitional.

Therefore the results of our experimental research helped us to draw some conclusion:

- family is first for young people, but often under the family they understand not marriage but that family where they were born;
- about 30% of responders have a negative illustration of marital relations;
- more than 45% of responders think that personal interests are more important than family interests;

- 90% of responders don't have enough scientific information about marriage and family;
- more than 80% of responders don't realize value of family relations for person and society;
- students underestimate role of culture in marriage;
- many of the responders have inflated requirements to future marriage;

The psychocorrective program named "Ethic and psychology of family life" realized in the formative level of experiment. The purpose of this program was a formation of family value; need to get marriage and readiness for it, skills to build interfamilial relations and breed future children. This program realized in experimental group and supposed solutions of some tasks:

- formation of theoretical instruction of family as a social institute;
- rise of legal competence in family laws;
- breeding moral interpersonal relation.

During the control level of experiment we had a control work. This work showed some changes in all components of readiness for marriage and family.

Analyze of the results showed differences in readiness for family life between students of experimental group and students of control group.

Intellectual-cognitive components had a lot of changes: increased the family value, realizing of correlation of family function, psychology basis of husband and wife's intimacies, knowledge of folk pedagogy and traditions of family breeding, increased the purpose in taking them.

Active-practice component had changes too. Knowledge getting in lecture and special literature helped the responders to model positive results of many life situations, come into line with parents, encourage and develop the best traditions of family breeding; organize holidays and leisure time in family ambience. Students' interest increased in creative trend of family man; they highly appreciate knowing psychology-pedagogical devices of family organization, building family in humanistic principle.

There are some positive changes in all components of readiness for family life and marriage as a result of our program.

Therefore, informative and psychology help is necessary for young people in developing of personal qualities, in understanding of human interface, their qualities and qualities of other people. That's why we have to pay attention to readiness of students for family life.

REFERENCES

1. Grebennikov, I. V. Basis of family life [Text] : student training manual of pedagogical institute / I. V. Grebennikov. – M.: Prosveshenie, 1991.

2. Schneider, L. B. Family psychology [Text] : study guide for universities / L. B. Schneider. – Second edition. – M.: Academic project, 2006.
3. Eidemiller, E., Yustitskis, V. Psychology and teletherapy of family [Text] / E. Eidemiller, V. Yustitskis. – Fourth edition, revised and enlarged. – St. Petersburg : Piter, 2008.
4. Виксниньш, О.В. Управление воспитательной работой в высшем учебном заведении [Текст] / О.В. Виксниньш. - автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ставропольский государственный университет. Ставрополь, 2005.
5. Костинекова Ю.Н. Формирование межкультурных компетенций [Текст] / Ю.Н. Костинекова. - в сборнике: иностранные языки в контексте культуры Межвузовский сборник статей по материалам конференций. Ответственный редактор Н.В. Шутёмова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2011. С. 291-294.
6. Соловьева, М.И. Ценности творчества в образовании современной молодежи [Текст] / М.И. Соловьева. - Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2014. № 1. С. 83-86.
7. Усачева, И.А., Медведева, Н.И. психологические причины, приводящие молодежь в различные субкультуры [Текст] / И.А. Усачева, Н.И. Медведева. - Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 4. С. 75.
8. Черепкова, Н.В. Кузнецова М.Ю. Формирование самоотношения в подростковом возрасте [Текст] / Н.В. Черепкова, М.Ю. Кузнецова. - Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2013. Т. 4. № 34. С. 2976-2980.

Maie Kitsing^{1*}, Kristi Ploom¹ and Hasso Kukemelk¹

¹Tartu University, Estonia

Evaluation of Teachers and PISA 2009 Results in Estonia

ABSTRACT

Aims: The aim of the study was to find out whether there is any difference in the opinions of teachers from high- and low-performing schools concerning the application of different aspects of the evaluation of teachers in determining performance-related pay. In addition, the study also aimed to find out whether the above-mentioned school groups use the evaluation of teachers in determining performance-related pay in the first place.

Study Design: An empirical cross-sectional study.

Place and Duration of Study: Educational Sciences, Tartu University, from September 2011 to March 2012.

Methodology: The sample of the survey consisted of Estonian schools that participated in two surveys: (1) the PISA 2009 survey and (2) the research project "Performance and analysis influencing drivers in public schools. The intersection of the two surveys consisted of 102 schools. In the survey conducted by the present authors, school performance was evaluated using an Ordinary Least Squares regression model as the "school effect" or value added based on school-level PISA data on student performance and student social background indices. Based on the estimated "school effect", the sample schools were divided into three groups: schools with high, moderate and low effect on student performance difference between teachers determining performance

Results: The results of the study expect to receive pay for schools, value high student school overall performance. Conclusion: Considering schools do not perceive it towards achieving good results. An ANOVA was used in order to test whether there is any evaluation in schools-performing related to the-performing teacher orientated teachers' opinions and the implementation of related pay in high and low-performing schools. The analysis indicated that teachers in low-performing each individual work process. Teachers in high results more or, in other words, aspects receive. The results, it can be argued that teachers in their work as a teacher as a whole and they are results among students.

Keywords: School management; human resources management; teacher evaluation; school effectiveness. performance-related pay; PISA.

1. INTRODUCTION

Successful school leadership and management predisposes students to learn and teachers to teach. The work of teachers is the most important factor contributing to student achievement in schools. School leadership and management comes second to this – school heads affect the results by determining the school's goals, developing human resources and organising the learning process [1,2,3,4]. School heads can have a great effect on student learning through motivating and evaluating teachers [5,6]. The survey focused on the comparison of the evaluation of teachers and their opinions of evaluation in low- and high- performing schools (based on student performance in PISA 2009 (Fig. 1). Teachers were asked if they consider it important that in the determination of performance-related pay several aspects are taken into account; for instance, the guiding of young teachers or extracurricular activities, student study results, and so on.

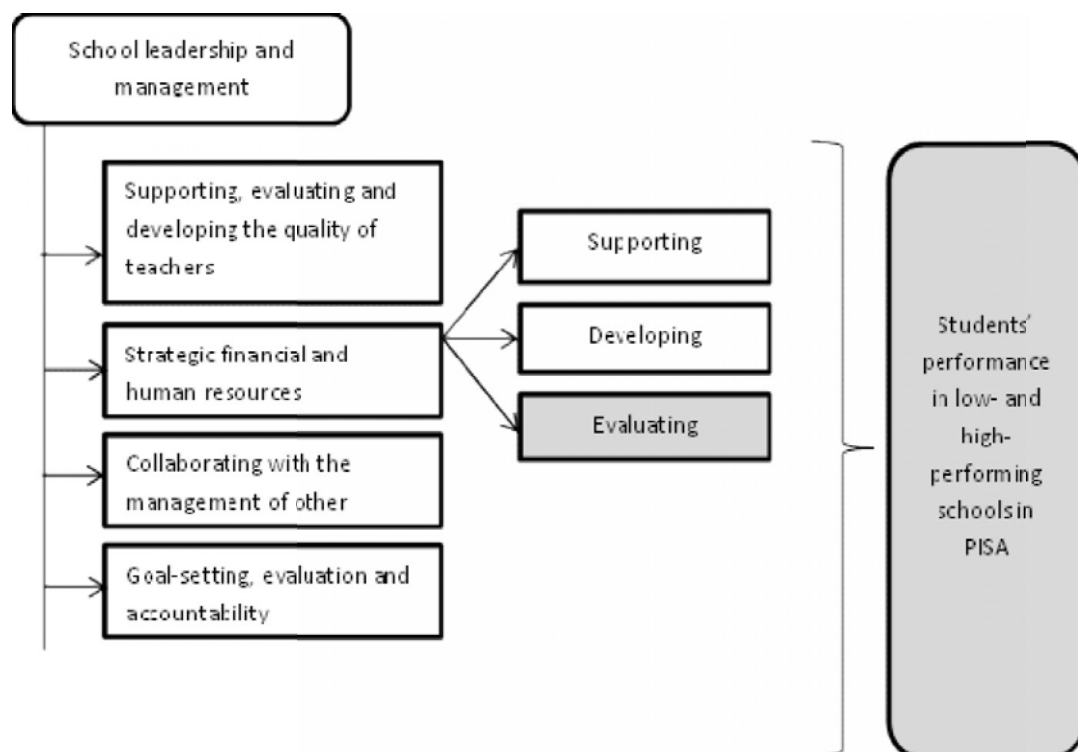

Fig. 1. The focus of the survey

The figure is based on the study "Improving School Leadership" [2]

There are a number of researchers who have emphasised that teachers need feedback and evaluation [7,8,9]. Sartain et al. [10] have argued that a successful evidence-based teacher evaluation system has to promote and support teacher development and improve their instructional practice and student outcomes. The results of evaluations allow teachers to discover areas for further development. Therefore, evaluations affect teachers directly and consequently increase their professionalism. As a result of evaluation they may take part in training programmes to learn new skills or they may take part in personal learning programmes to increase their general knowledge. Peterson referred to two types of evaluation. Summative evaluations are made in licensing, employing or in awarding tenure to teachers: these are critical career steps for the teachers and motivate them to address relevant areas of their training. Formative evaluation aims to enhance professional development in teachers [11]. Performance-related pay, which is based on the evaluation of teachers, is a potential motivating factor for teachers. Goodman and Turner [12] have argued that incentive pay had little impact on student performance in math and reading; however, Figlio and Kenny [13] have claimed a positive relationship between teacher performance-related pay and student performance in the United States. Linking teacher salaries to student performance may convince teachers to focus on raising student achievement and stimulate innovation in the school system as a whole [12]. Kimball et al. [14] have argued the same — the evaluation of teachers has a positive effect on student performance. The survey conducted by the present authors compared the results of the evaluation of teachers in Estonian high- and low-performing schools (groups based on PISA

2009). In conclusion, it would appear that evaluating teachers should provide real benefit for teachers, motivating them to improve their professional knowledge and skills. The outcome of this course of action should be the enhancement of educational provision for the students in their care.

The Programme for International Pupil Assessment (PISA), which measures the performance of students who have completed compulsory schooling [15], is carried out by the Organisation for Economic Cooperation and Development (hereafter OECD). Through participation in the PISA study, countries are given feedback on the effectiveness of their education systems as well as on the suitability of core curricula to societal needs [16,17]. Several countries have used the results of PISA for improving their own education systems [18,19,20].

Estonia took part in the PISA studies in 2006 and 2009. Estonian students achieved good results in both surveys. According to the mean scores in the international comparison in PISA 2009, Estonian results ranked 13th in the world, and 5th in Europe [21]. Based on the international comparison, the differences in the results between Estonian schools were small, but still noticeable. It is vital to find

and address the range of deficiencies in the system so that all students will achieve their potential. It is our belief that promoting the professionalism of head teachers and teachers is critical to this work.

In the OECD's Teaching and Learning International Survey (TALIS) it was noted that Estonian head teachers have the lowest average use of instructional and administrative styles of school leadership [22], and they pay less attention to administrative and educational management and leadership. The study poses the following hypotheses:

Hypothesis 1: *Students that perform better in the PISA survey attend schools where performance-related pay procedures, including evaluation, are implemented.*

Hypothesis 2: *Teachers' opinions of evaluation procedures are less positive in schools where there are less successful student outcomes.*

The aim of the study was to compare the opinions of teachers concerning evaluation in high- and low-performing schools in Estonia and to find out whether the above-mentioned school groups use the evaluation of teachers in determining performance-related pay.

2. MATERIAL AND METHODS

The sample of the survey consisted of Estonian comprehensive schools that participated in two surveys: (1) the PISA 2009 survey and (2) the research project "Performance and analysis influencing drivers in public schools". The intersection of the two surveys consisted of 102 schools.

In PISA 2009, the Estonian sample consisted of 4,727 students (2,297 girls and 2,430 boys;

3,841 students did the test in Estonian, 886 in Russian) which was a representative sample of more than 14,000 15-year-olds in Estonia. In PISA 2009, 175 schools participated in the survey out of which 138 were Estonian-speaking schools, 31 Russian-speaking schools and

6 mixed-language schools [23]. By analysing the data on school performance (based on the PISA test) and school personnel management patterns (based on the questionnaire survey), very different relationships and procedures were found when comparing schools according to their language of instruction (Russian and Estonian). As a result, schools that teach in Russian were excluded from the analysis and the study continued only with schools with Estonian as the language of instruction. Schools that have data on the PISA test for less than 10 students were also excluded from the analysis.

The second survey, the research project "Performance and analysis influence drivers in public schools" was a questionnaire survey based on the EFQM

Excellence Model theoretical framework. The questionnaire consisted of 103 questions having several underlying assertions and criteria to measure. In total there were 176 assertions in the questionnaire. The answers to the questions were given on a 5-point Likert scale (1 do not agree at all; 2 rather do not agree; 3 hard to evaluate; 4 rather agree; 5 totally agree). Respondents could also answer 0, which indicated having no information or having no opinion. The inquiry was carried out electronically and in written form from November 2009 until February 2010. There were more than 10,000 respondents altogether: 303 school head teachers, 2,165 teachers, 5,482 students, 1,922 parents and 546 school board members. The total number of target schools in the 2009/10 school year in Estonia was 209. Consequently, the responses were received and analysed from nearly 70% of the target schools [24].

The survey consisted of 102 schools divided into 3 groups according to PISA results in reading. The first 34 and the last 34 were compared against each other considering the teachers attitudes in reference to evaluation.

The survey evaluated school performance as “school effect or value added based on school-level PISA data about student performance and social background indices. The school effect was estimated as the residuals from the Ordinary Least Squares regression model $Y_j = DX_j + u_j$, where Y_j and X_j are school sample means of student performance and student social background indices, and the residual u_j is defined as school value added or school average effect on student performance.

Based on the estimated school effect, the sample schools were divided into three equal groups: schools with high, moderate and low effect on student performance. A Variation Analysis (ANOVA) was used in order to identify differences in implementing the evaluation of teachers and in teachers opinions of the different measures, which serve as basis for performance evaluation and performance-related pay in schools. In other words, potential differences between teachers opinions in two groups of schools were estimated: (1) schools that are highly effective, and (2) schools that are less effective. The study tested whether the difference in teachers opinions and implementing evaluation for performance-related pay in the two school groups are statistically significant or not. If the rate is $P=.05$, it could be alleged that the differences are statistically important, allowing for a margin of 5% error. In the results section of this paper, only the aspects introducing statistically significant differences between the defined groups (high and low) at the $P=.05$ level are presented.

3. RESULTS AND DISCUSSION

3.1 Results

First of all it is essential to re-iterate that the sample for the survey consisted of schools where the effect of the students' socio-economic background was

eliminated, and two groups were formed according to school effect. The hypotheses of the study were not confirmed entirely. Schools that performed well in PISA did not implement performance-related pay more than schools with lower student performance. However, the survey showed a statistical difference between teachers' opinions of evaluation and using evaluation results in low- and high-performing schools grouped according to PISA 2009 (Table 1 below). In low-performing schools, teachers consider it important to receive pay for each individual activity related to teaching (e.g. participating in school development, mentoring young teachers, guiding extracurricular activities). On the other hand, teachers do not expect additional pay for each detailed activity but consider it important that their performance be assessed according to the outcomes of their students in exhibitions and competitions.

Statistically significant differences also occurred when observing how these two school groups use the evaluation of teachers in determining performance-related pay. Low-performing schools evaluate teacher participation in undertakings outside the school, which support the development of the school. These undertakings include, for instance, European Union projects, seminars on cooperation between schools, and so on.

Table 1. The results of Anova tests: Average scores of teachers' opinions and the significance of the differences between the two groups of schools were: (1) schools that have a high effect, and (2) schools that have a low effect on student performance

Claim	Average score of teachers answers		Sig. from ANOVA test
	Low performing schools	High performing schools	
In my opinion it would be practical to proceed from the following indicators (performance, results) when deciding on teachers' performance-related pay in our school:			
Participating in school development (EU projects, inter-school events, performing in seminars, etc.)	4.18	3.97	.041
Supervising young teachers	4.23	4.00	.044
Guiding extra-curricula activities (hobby schools, etc.)	4.12	3.86	.047
Implemented in our school on assessing teacher performance:			
Participating in school development (EU projects, inter-school events, performing in seminars, etc.)	1.07	1.00	.006
In my opinion it would be practical to use the following to assess teacher performance:			
Student results in exhibitions and competitions	4.03	4.23	.044

3.2 Discussion

The results of the research indicate some discrepancy between teachers' opinions of evaluation and using evaluation results. Even though the questions were posed in relation to performance-based pay, the replies reflected the teachers' overall opinions of the criteria used in their evaluation. It could be argued that they reflect the respondents' opinion of teaching as a profession. Teachers from low-performing schools consider it important that each activity that is not directly connected to regular school lessons should involve additional payment. It probably escapes them that the evaluated activities are one part of being a teacher. Delivering regular lessons and preparing specific lessons are considered to be the only duties teachers must perform. Such opinions also indicate that the teachers do not comprehend how instructing young teachers or participating in the development of the school, including cooperation with different people or groups could benefit them. It could be argued that teachers from low-performing schools isolate themselves from the world outside regular school lessons and do not understand that communication and cooperation outside the school is beneficial for their students and their own progress.

The responses of teachers from high-performing schools indicate that they value student study results. Muralidharan and Sundararaman [25] have reached a similar conclusion. According to their survey, 80% of teachers had a favourable opinion about the idea of linking a component of pay to measures of performance. Low-performing schools (teachers), however, value processes. Relying on the survey, it can be argued that high-performing schools most probably have specific measures for evaluating teacher effectiveness. It could be claimed that teachers in these schools also consider various additional activities participating in the development of the school and cooperating with different interest groups, extracurricular activities with students, and instructing young teachers a natural part of their everyday work. They do not expect to be paid for each additional activity.

It could be claimed that it is either the presence or lack of strategic leadership skills that has an impact on the different approaches to the evaluation of teachers. The latter is conducted by school head teachers in order to make decisions about teacher efficiency and performance-related pay. The quantitative indicators the participants were questioned about in the survey belong to the data describing school effectiveness. The analysis of the internal evaluation of Estonian educational institutions has indicated that low-performing schools have difficulties setting up measurable strategic goals as well as deciding on specific indicators, and therefore, they do not implement such evaluation strategies [26]. The school efficiency indicators summarised here are influenced by the contribution of each teacher. Certainly, the presence of an evaluation culture can be seen as a promoting factor. Although the survey examined the evaluation

of teachers from the perspective of performance-related pay, the indicators are equally important for supporting teacher professionalism. Ensuring feedback for teachers on the efficiency of their work based on certain criteria indicates that the school has a clear system of goal setting and specific indicators to evaluate their achievement.

Teachers' opinions about evaluation also reflect the overall opinion of the school toward evaluation and using evaluation results; furthermore, it could be said that they reflect the school's evaluation culture. By analysing results, we can support teachers in their continuing development. In this way we show how we value on-going professional development. School heads have an important role to play here – they need to understand the aims, motives and values guiding the everyday work of teachers.

It was surprising that one of the criteria used to evaluate teachers in low-performing schools was their participation in undertakings that take place outside the school, yet are beneficial for the school's development. This suggests that the heads of low-performing schools understand the need for development and consequently encourage their teachers to participate in such undertakings.

The discrepancy between the opinions of teachers from low- and high-performing schools suggests that performance-based evaluation is not as desirable in low-performing schools as it is in high-performing schools. Another option would be to pay more attention to evaluating the results of the work instead of the process. Evaluating individual processes amplifies the value of these processes, yet it does not combine the work of teachers into an integral whole serving a specific purpose. In addition, teachers do not comprehend the outcome of different processes or their impact on the students or on themselves. The survey also suggested that the performance-based evaluation of teachers could be implemented when teachers have achieved a certain level of professionalism and have shown good results in their work.

School heads should pay attention to attitudes among teachers regarding evaluation and their understanding of the benefit of evaluation. The survey indicated that there is a discrepancy between opinions about evaluation held by teachers in high-performing and low-performing schools. This discrepancy was not very large but given that people's behaviour and actions depend on their values and attitudes, school heads should take this result into account when developing the school's evaluation culture and planning teachers' duties and in-service training. Opponents may argue that the evaluation of teachers plays only a small role in student study results and may not be worth paying attention to, but there is good reason to claim that evaluating the efficiency of the work of teachers on the basis of certain quantitative indicators is one part of consistent organisational management. The evaluation of teachers yields necessary feedback for the school head teacher about the efficiency of the institution. In addition, the opinions of teachers concerning evaluation reflect their values and motivating factors. In order to execute the goals set in an educational institution,

measurable indicators need to be employed, or at least a specific portion of the indicators should be measurable. The same requirements should apply to the teachers work. Therefore, the professionalism of school heads must be improved both in terms of knowledge and skills to help them evaluate the efficiency of the institution, including that of teachers, and make effective use the evaluation results. Implementing an evaluation process and gathering the results presupposes the existence of an evaluation culture in a school and the understanding that evaluation is above all in the service of progress, be it the progress of the teacher or the school as a whole. It is very likely that the school head s uncertainty about the evaluation process, developing evaluation indicators, conducting the evaluation of teachers or using evaluation results is transferred to teachers. Therefore, teachers may see the evaluation process as an unpleasant undertaking that reveals their weaknesses. On the other hand, it is vital for the teachers to know their weaknesses so they know how to increase their level of professionalism through lifelong learning. Otherwise the teacher may look to the socio-economic factors as the critical factors in poor student performance. Alongside the aforementioned evaluation culture, which supports progress, it is essential that teachers also have sufficient knowledge about evaluation to help them understand the need for evaluation. Therefore, it is important for teachers to be engaged in the process of developing the indicators which form the basis for the evaluation.

Summarising the results, it could be argued that the heads of low-performing schools should try to communicate with teachers so that they become more aware of teacher attitudes to their work. Constant collaborative dialogue will help each party to understand their responsibilities. Heads in schools that are under-performing must stress the need for continuous improvement in the standard and quality of the education the school offers. Furthermore, according to the OECD, in countries with comparatively low salaries for teachers, student performance tends to be better when performance-based pay systems are in place [27].

In further studies, it would be worth focusing on the teachers and head teachers of low- performing schools and studying some of the following issues:

- a) Why is performance-based evaluation not implemented in low-performing schools?
- b) Why do teachers of low-performing schools consider it important to receive a separate payment for each individual part of teaching?
- c) What are factors motivate teachers in low- and high-performing schools?
- d) To what extent are school heads aware of the factors that motivate teachers in their work?

Evaluation would provide essential feedback about areas in need of improvement and would enable school heads to support teacher professionalism and participation in lifelong learning. Teachers opinions of evaluation in turn communicate information

about the motivation factors and values they rely on in doing their job. It is crucial that the school head, who manages the educational institution and is responsible for its performance, acquires this information. Creating an evaluation culture in the institution that values and supports development is also the task of the school head. Schools must become self-evaluating so that all those involved become self-critical. This in turn will lead to collaborative reflection and school development activities.

4. CONCLUSION

Teachers' opinions of using evaluation results differ in low- and high-performing schools grouped according to their results in the PISA 2009 survey. In addition, there is a statistical difference when it comes to evaluation implemented as a basis for determining performance-related pay. It can be argued on the basis of the results of the survey that low-performing schools implement the evaluation of teachers by considering the participation of teachers in activities outside the school and which support the development of the school; however, they do not evaluate their teachers on the basis of criteria related to student results.

Teachers in low-performing schools find it important to receive pay for each individual work process, which suggests that they do not perceive the various elements of their work as a cohesive whole. It can also be argued that their payment expectations relate to performing certain duties irrespective of the results. Teachers in high-performing schools, on the other hand, do not expect additional pay for each activity. It can be assumed that they perceive their work as a teacher as a cohesive whole and they understand that every aspect of their work contributes to the development of students and to their own professionalism.

ACKNOWLEDGEMENTS

This research was supported by ESF EDUKO research grant No 30.2-10.2/876. We owe special thanks to the research team for the study Performance and analysis of school efficiency and its influencing drivers in public schools for providing the data used in this study.

COMPETING INTERESTS

The authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Leithwood K, Day Ch, Sammons P, Harris A, Hopkins D. Seven strong claims about successful school leadership. University of Nottingham. National College for

School Leadership; 2006. Available: <http://www.nationalcollege.org.uk/index/docinfo.htm?id=17387>

2. Pont B, Nusche D, Moorman H. Improving School Leadership. OECD Publishing; 2008. Available: <http://www.hm.ee/index.php?048181>.

3. Barber M, Mourshed M. How the world's best-performing school systems come out on top? OECD Publishing; 2007.

4. Barber M, Whelan F, Clark M. Capturing the leadership Premium. How the world's top school systems are building leadership capacity for the future. McKinsey & Company; 2007. Available: http://www.mckinsey.com/clientservice/Social_Sector/our_practices/Education/Knowledge_Highlights/Capturing%20the%20leadership%20premium.aspx

5. Horng E, Loeb S. New Thinking About Instructional Leadership. Phi Delta Kappan. 2010;92(3):66-69.

6. Louis KS, Leithwood K, Wahlstrom KL, Anderson SE. Investigating the Links to Improved Pupil Learning. Final report of Research Findings. Commissioned by the Wallace Foundation; 2010. Available: <http://www.wallacefoundation.org/knowledge-center/school-leadership/key-research/Documents/Investigating-the-Links-to-Improved-Pupil-Learning.pdf>

7. Johnson C, Kritsonis WA. National Implications for Urban School Systems: Strategic Planning in the Human Resource Management Department in a Large Urban School District. The Lamar University Electronic Journal of Pupil Research. 2007;19.

8. Kukemelk H, Lillemaa T, Tondi J. Teachers' professional involvement is creating a general learning environment in Estonian schools. Procedia Social and Behavioural Sciences. 2011; 11:47-51.

9. Odden A. Manage Human Capital Strategically. Phi Delta Kappan. 2011; 92(7):8-12.

10. Sartain L, Stoelinga SR, Brown ER. Rethinking teacher evaluation in Chicago: Lessons learned from classroom observations, Principal-Teacher Conferences, and District Implementation. Research Report. Consortium on Chicago School Research. 2011.

11. Peterson K. Teacher Evaluation: A comprehensive guide to new directions and practices. Corwin Press. Inc., 2455 Teller Road. Thousand Oaks, CA 91320; 1995.

12. Goodman S, Turner L. Teacher Incentive Pay and Educational Outcomes: Evidence from the NYC Bonus Program. Program on Education Policy and Governance. Harvard University. Paper prepared for the PEPG Conference "Merit Pay: Will It Work? Is It Politically Viable?" Harvard Kennedy School. Cambridge, MA. 2010; 3-4.(In press).

13. Figlio DN, Kenny LW. Individual teacher incentives and student performance. *Journal of Public Economics*. 2007; 91: 901-914.
14. Kimball S, White B, Milanowski AT, Borman G. Examining the relationship between teacher evaluation and student assessment results in Washoe County. *Peabody Journal of Education*. 2004;79(4):54-78.
15. Lingard B, Grek S. The OECD, indicators and PISA: an exploration of events and theoretical perspectives. Edinburgh, ESRC/ESF Research Project. 2007.(In press).
16. Mourshed M, Chijioke C, Barber M. How the world's most improved school systems keep getting better? 2010. Available: http://www.mckinsey.com/client-service/Social_Sector/our_practices/-Education/Knowledge_Highlights/How%20School%20Systems%20Get%20Better.aspx.
17. OECD. Pathways to Success How knowledge and skills at the age 15 shape future lives in Canada. OECD Publishing; 2010.
18. Grek S. School by numbers: the PISA 'effect' in Europe. *Journal of Education Policy*. 2009;24(1):23-37.
19. Bieber T, Martens K. The OECD PISA Study as a Soft Power in Education? Lessons from Switzerland and the US. *European Journal of Education*. 2011; 46(3):101-116.
20. OECD. Strong Performers and Successful Reformers in Education. Lessons from PISA for the United States. OECD Publishing; 2011.
21. Kitsing M. PISA 2009 Lessons for Estonia. Ministry of Education and Research, External Evaluation Department; 2011. Estonian.
22. OECD. Creating Effective Teaching and Learning Environments: First Results from TALIS. Executive Summary. OECD Publishing; 2009.
23. Tire G, Puksand H, Henno I, Lepmann T. PISA 2009 Eesti tulemused. PISA 2009 Estonian Results. Riiklik Eksami- ja Kvalifikatsioonikeskus; 2009. Estonian.
24. Turk K, Haldma T, Kukemelk H, Ploom K, Irs R, Pukkonen L. Oldharidus- ja kutse- koolide tulemuslikkus ja seda mojutavad tegurid. Tartu Olikool, Haridus- ja Teadus- ministeerium; 2011. Estonian.
25. Muralidharan K, Sundararaman V. Teacher Opinions on Performance Pay: Evidence from India. *Economics of Education Review*. 2011; 30: 394-403.
26. Kitsing M. Olevaade oppeasutuste sisehindamisest ja noustamisest. In: Olevaade haridussusteemi valishindamisest 2010/2011. oppeaastal. Haridus- ja Teadusministeerium; 2011. Estonian.
27. OECD. PISA in Focus 16. Does performance-based pay improve teaching? 2012.

Klochko Oksana,
*Vinnytsia National Agrarian University,
Docent, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor at the
Department of Mathematics, Informatics
and Mathematical Methods in Economics*

Some aspects of professional training future managers by means of information and communication technologies in higher education

Abstract: The article considers some aspects of professional training of future managers by means of information and communication technologies. The publication analyzes the modern tendencies, principles, features, directions of training future managers by means of information and communication technologies in higher education.

Keywords: Information and communication technology, higher education, professional training managers.

Клочко Оксана,
*Вінницький національний аграрний університет, доцент,
кандидат педагогічних наук, доцент кафедри Вищої математики,
інформатики та математичних методів в економіці*

Деякі аспекти професійної підготовки майбутніх менеджерів засобами інформаційно-комунікаційних технологій у вищих навчальних закладах

Аннотация: У статті розглянуто деякі аспекти професійної підготовки майбутніх менеджерів засобами інформаційно-комунікаційних технологій. У публікації проаналізовано сучасні тенденції, принципи, особливості, напрямки професійної підготовки майбутніх менеджерів засобами інформаційно-комунікаційних технологій у вищих навчальних закладах.

Ключевые слова: Інформаційно-комунікаційні технології, вища освіта, професійна підготовка менеджерів.

У процесі глобальної інформатизації суспільства вирішальну роль відіграють інформаційно-комунікаційні технології (ІКТ). Стрімкий прогрес розвитку ІКТ сприяє створенню розвиненої інфраструктури навчального процесу засобами інформаційно-комунікаційних технологій, забезпечує якісну підготовку фахівців різних галузей, створюючи підґрунтя інформаційної взаємодії у процесі навчання, – середовище швидкого інформаційного обміну, доступ до світових електронних наукових ресурсів, бібліотек, баз даних, дистанційної освіти, наукових та освітніх порталів. Підготовка менеджерів у сучасних умовах повинна здійснюватись у відповідності з вимогами інформаційного суспільства, ефективного використання усіх ресурсів, інформаційно-технологічного прогресу, сьогоднішніми і майбутніми потребами ринку праці.

У процесі глобальних трансформацій систем підготовки професійних кадрів управління повинні бути враховані загальноєвропейські принципи, такі як висока кваліфікація, компетентність, навчання протягом усього життя, мобільність на ринку праці, партнерство, особливості різних груп населення у регіональному та міжнародному вимірах.

Основними тенденціями, які повинні бути покладені в основу модернізації системи професійної освіти майбутніх менеджерів засобами інформаційно-комунікаційних технологій, є: формування інформаційного суспільства; глобалізація системи інформації на базі сучасних інформаційно-комунікаційних технологій; потреба вирішення глобальних проблем людства шляхом об'єднання сумісних зусиль та формуванням сучасного мислення громадянина світу; демократизація, гуманізація, толерантність, міжкультурний конструктивізм; готовність до здійснення вибору: професійного, соціального, політичного; прискорений темп розвитку суспільства, що потребує підготовки до професійної діяльності в умовах, які стрімко змінюються; швидкий темп розвитку економіки; підвищення вимог до підготовки кваліфікованих фахівців, посилення конкуренції на ринку праці, необхідність постійного підвищення кваліфікації, перепідготовки фахівців, реорганізація середовища зайнятості, скорочення потреби у некваліфікованих і малокваліфікованих працівниках; підвищення частки людського капіталу, як чинника економічного розвитку; тісна співпраця міжнародних організацій, прийняття ними концептуальних засад розвитку освітньої галузі. Концептуальні засади здійснення прогресивних перетворень в освіті задокументована у світових організаціях: ЮНЕСКО, Міжнародної організації праці, Організації економічного співробітництва, Ради Європи, Європейської комісії, Європейської асоціації педагогічної освіти і ін.

Питання підготовки фахівців до професійної діяльності в інформаційному суспільстві розглянули у своїх роботах А. Ракітов, Дж. Боуден [1], Е. Полат, Е. Тоффлер [2] і інші. Проблеми вивчення інформаційних технологій та їх

використання у навчальному процесі ВНЗ на сьогоднішній день широко досліджується українськими і закордонними ученими. Проблемам інформатизації вищої професійної освіти присвячені наукові роботи В. Ю. Бикова [3], Б.С. Гершунського, Р.С. Гуревича [4], В.С. Єремеєва, М.І. Жалдака, В.І. Клочка, Е.І. Кузнецов, Н.В. Морзе, С.А. Ракова, Ю.С. Рамського, О.М. Спіріна, А.В. Хуторського та інших. Серед зарубіжних авторів методика викладання інформаційних технологій вивчали Б. Хантер, Р. Вільямс, К. Маклін, Л. Кларк, І. Стар та інші. У своїх роботах вчені досліджують питання вивчення інформаційно-комунікаційних технологій та особливості їх використання у процесі підготовки фахівців, підкреслюють високий потенціал розвитку освіти у даному напрямку.

Концептуальні засади підготовки фахівців з використання інформаційних технологій у професійній діяльності вивчали дослідники: Н.В. Апатова, Л.І. Білоусова, А.Ф. Верлань, В.І. Воюш, В.М. Глушков, А.П. Єршов, М.І. Жалдак, М.П. Лапчик, Ю.І. Машбиць, В.М. Монахов, Н.В. Морзе, Ю.С. Рамський, О.В. Співаковський [5], А.І. Шакірін, М.І. Шкіль та інші.

Незважаючи на стрімкий розвиток напрямку досліджень застосування ІКТ в освіті, система їх використання у професійній підготовці майбутніх менеджерів ще недостатньо розроблена, та потребує коригування у відповідності з новітніми досягненнями та особливостями практичної реалізації.

Проаналізуємо стан, особливості та проблеми професійної підготовки майбутніх менеджерів засобами інформаційно-комунікаційних технологій у вищих навчальних закладах. Навчання студентів засобами ІКТ є системою сукупності взаємопов'язаних навчально-методичних, науково-технічних, організаційних компонентів, результатом функціонування якої є інформаційне, телекомунікаційне та обчислювальне забезпечення процесу освіти, яке передбачає забезпечення інформаційних зв'язків, дистанційної освіти, швидкий обмін інформацією, доступ до наукових. освітніх порталів, електронних бібліотек, баз даних, навчальних тренажерів. Розширення сфери знань, що у майбутньому будуть здобувати менеджери, в основному буде відбуватись у напрямку управління інформацією та інформаційними системами.

Тривалий час у професійній освіті в Україні, Росії, Білорусі використовувався «знаннєвий» підхід, основною задачею якого було формування системи знань. Пріоритетною метою розвитку освіти сьогодні є підготовка компетентного фахівця, як особистості, здатного до самовизначення, самоосвіти, самореалізації, самоактуалізації, високо освіченого, кваліфікованого, спроможного працювати творчо, професійно розвиватись, вивчати та впроваджувати наукові та інформаційні технології, бути мобільними та конкурентоспроможними на ринку праці. Професійна освіта менеджерів, спрямована на формування особистості, ґрунтується на підготовці фахівців, спроможних працювати в інформаційному

середовищі, здійснювати його розвиток відповідно до поставлених завдань, швидко адаптуватись до змін зовнішнього середовища, виявляти проблеми, виконувати постановку та розв'язування задач, вирішувати нестандартні ситуації.

Основними засадами професійної підготовки майбутніх менеджерів засобами інформаційно-комунікаційних технологій є: формування інформаційної, інформатичної, інформаційно-комунікаційної компетентностей; знання «сcurriculum»-у; неперервність навчання, на засадах забезпечення комунікацій, впровадження технічних інновацій, планування, управління, підтримки навчальними закладами; забезпечення рівного доступу до ресурсів; повага до інтелектуальної власності, охорони авторських прав; відповідність і розуміння різних культур та шляхів пізнання; релевантність документам та законодавчим актам.

Головними принципами ефективного впровадження інформаційно-комунікаційних технологій у процес професійної підготовки менеджерів повинні бути: використання засобів ІКТ у викладанні усіх курсів і освітніх програм; впровадження ІКТ в контексті навчального середовища з метою професійного розвитку, набуття досвіду використання отриманих знань; підготовка менеджерів до використання ІКТ як у рамках традиційних форм так і у інноваційному середовищі.

Професійна підготовка майбутніх менеджерів повинна відповідати потребам інформаційного суспільства, ґрунтуватись на виконанні менеджером професійних функцій, пов'язаних із інформаційними процесами. Тому у навчальні плани необхідно вводити дисципліни, пов'язані із управлінням інформацією, вивченням інформаційно-комунікаційних технологій, математичних методів обробки інформації, інформаційних систем, електронною комерцією, здійсненням моніторингу і контролю інформаційних можливостей, використанням можливостей Інтернету, хмарних технологій, віртуальних підприємств, вивченням психологічних проблем застосування інформаційно-комунікаційних технологій. Підготовка менеджерів із застосуванням ІКТ забезпечується вивченням сучасних автоматизованих систем менеджменту, систем стимулювання та підвищення ефективності роботи спеціалістів, маркетингових систем, систем бухгалтерського обліку, аналізу, аудиту тощо.

Інформаційні технології в освітній галузі переважно застосовуються у таких напрямках: створення комп'ютерно-орієнтованого навчального середовища, створення сучасних освітніх систем, дистанційному навчанні, створення навчальних ресурсів єдиного освітнього інформаційного простору, з метою розбудови інноваційного навчального середовища, створення ІКТ-орієнтованих педагогічних технологій, захисту інформації, розробки і впровадження освітніх програмно-технічних засобів, підтримки проведення наукових досліджень.

Проаналізуємо стан та перспективи використання програмних засобів у Республіці Білорусі, Україні та Російській Федерації. Програмне забезпечення у цих країнах застосовується у трьох основних напрямках: ПЗ підтримки навчального процесу (системне, додаткові програми, одиничні розробки ВНЗ); додаткове, для забезпечення самостійної роботи студентів (системне, офісні пакети, спеціалізоване, одиничні розробки ВНЗ); програмне забезпечення для використання в навчальних курсах (системи дистанційного навчання, спеціалізовані інформаційні системи, системи візуалізації, офісні пакети, системи комп'ютерної математики, відкриті засоби програмування, одиничні розробки).

Для підготовки менеджерів у вищих навчальних закладах освіти України використовується загальне та прикладне програмне забезпечення. З системного програмного забезпечення ВНЗ переважно обирають операційну систему (ОС) Microsoft Windows, менш розповсюдженою є ОС GNU/Linux. Для загального використання, а також з метою забезпечення розв'язування прикладних задач використовують Microsoft Office, який підтримується на платформі Microsoft Windows, а також OpenOffice, що підтримується на платформах GNU/Linux, Microsoft Windows, Mac OS X Intel/PowerPC. З системи дистанційного навчання на сьогоднішній день використовуються Learning Space, Courseinfo та WebCT (World Wide Web Course Tools), VLE (Venture Learning Environment), MOODLE, «Прометей». З систем забезпечення тестового контролю знань найбільш популярні – Moodle та iTest, та одиничні авторські розробки. Широко розповсюдженими спеціалізованими інформаційними системами забезпечення діяльності менеджера у ВНЗ України використовують програмні продукти фірм «Парус», «1С», аналітична система «Project Expert».

За даними звіту «Вимір інформаційного суспільства» Міжнародного Союзу Електрозв'язку (МСЕ – International Telecommunication Union, ITU) Україна посідає 68-е місце за індексом розвитку ІКТ. За останній рік цей показник покращився на одну позицію. Росія займає у рейтингу 40-е місце, але це є погіршенням показників, у минулому році вона посідала 38 місце. Білорусь посідає 41 позицію, розвиток ІКТ у цій країні Організація Об'єднаних Націй визнає одним з найбільш динамічних, у порівняння з попереднім роком результат покращився на 5 позицій [6].

Застосування дистанційного навчання до підготовки кадрів є однією з сучасних освітніх технологій, оскільки покликане якісно і ефективно забезпечувати потреби ринку праці відповідно до його динамічних вимог, задокументованих урядових і міжнародних положень. Метою дистанційної освіти у професійній підготовці менеджерів є здобуття базового освітнього рівня, підвищення кваліфікації для забезпечення потреб ринку праці у високо кваліфікованих кадрах. Використання засобів дистанційного навчання відіграє важливу роль у за без-

печенні навчального процесу на рівні інформаційних зв'язків між персоналом ВНЗ та студентами. Формування системного освітнього підходу на базі дистанційного навчання сприяє підвищенню якості освіти, забезпеченню доступності та відкритості освіти, характеризується випереджаючими рисами системи освіти, забезпеченню мобільності навчання, реалізації самоосвіти, індивідуалізації, диференціації навчання, забезпеченню розвиваючого навчання, ґрунтується на використанні сучасних інформаційних і телекомунікаційних технологій, сприяє творчому підходу у підготовці фахівців до діяльності у різних соціально-економічних середовищах.

У впровадженні інформаційно-комунікаційних технологій в освітній процес, надзвичайно важливою є державна політика та підтримка у цьому напрямку. Позитивною тенденцією використання програмного забезпечення у вищих навчальних закладах є збільшення частки програмного забезпечення з відкритим кодом, сприяння його впровадженню з боку держави, що дозволить зменшити витрати на розробку, впровадження та експлуатацію програмного забезпечення.

Слід відмітити позитивний досвід створення консорціумів та об'єднань університетів з метою спільного використання технологій та ресурсів єдиного інформаційного середовища, дистанційної освіти, У подальшій перспективі, позитивний світовий досвід формування таких об'єднань може покласти початок створення глобального освітнього середовища.

Таким чином, основними засадами використання ІКТ у професійній підготовці менеджерів, є контекстне впровадження ІКТ, реалізація дистанційної освіти, побудова інноваційного інформаційно-технологічного навчального середовища, урахування соціальних аспектів, сучасних тенденцій розбудови інформаційного суспільства.

Реальне проблемне коло питань освіти менеджерів вищих навчальних закладів є значно ширшим. Подальшого дослідження потребує більш детальне вивчення розглянутих питань та перспектив використання засобів інформаційно-комунікаційних технологій у професійній підготовці майбутніх менеджерів.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Bowden, John A. Competency-Based Education—Neither a Panacea nor a Pariah / J.A. Bowden // Royal Melbourne Institute of Technology, Australia- URL: <http://crm.hct.ac.ae/events/archive/tend/018bowden.html>
2. Тоффлер, Элвин. Третья волна / Э. Тоффлер // Переводчик: Андрей Евса, под редакцией Виктора Шовкуна. — 2000. — Киев: Издательский дом «Всесвіт». — 480 с.

3. Биков, В. Ю. Проблеми галузевої статистичної звітності та інформаційно-комунікаційні технології / В. Ю. Биков, В. В. Гапон, М. Я. Плєскач // Рідна школа. – 2005. – № 9-10. – С. 29-32.

4. Гуревич, Р.С. Информационно-коммуникационные технологии в профессиональном образовании будущих специалистов: монография / Р.С. Гуревич, М.Ю. Кадемия, М.М. Козяр; под ред чл.-кор. НАПН Украины Р.С. Гуревича. – Л.: изд. Сполом, 2012. – 380 с.

5. Співаковський, О. В. Управління інформаційними технологіями вищих навчальних закладів / О. В. Співаковський, Я. Б. Федорова, О. О. Глущенко та ін. – Херсон: Айлант, 2007. – 300 с.

6. За рівнем розвитку інформаційних технологій Україна – на рівні Молдови і Туреччини [Electronic resource] / - 2013. – Mode of access: <http://www.wz.lviv.ua/news/43200>

Barteneva Irina,

National Research University Higher School of Economics,
associate Professor of French language, PhD

Levina Marina,

National Research University Higher School of Economics,
associate Professor of French language

Zheltkova Olga,

National Research University Higher School of Economics,
associate Professor of French language, PhD

Media texts: effective means in FFL

Abstract: The article analyzes characteristic properties of mediatexts and their taking into consideration when teaching FFL. Practical part includes authentic texts from French media and Internet sites accompanied by a set of tasks aimed to develop language skills.

Key-words: cognitive tasks, language activities, discursive approach, intertextuality, motivation.

Barteneva Irina,

Université d'Etat Ecole des hautes études
en sciences économiques Maître de conférences, PhD

Levina Marina,

Université d'Etat Ecole des hautes études
en sciences économiques Maître de conférences

Zheltkova Olga,

Université d'Etat Ecole des hautes études
en sciences économiques Maître de conférences, PhD

Texte des médias: un outil efficace en FLE

Résumé: L'article analyse les propriétés caractéristiques des textes des médias et leur prise en considération dans l'enseignement de FLE. La partie pratique comprend des textes authentiques de français de médias et de sites Internet accompagnés par un ensemble de tâches visant à développer les compétences linguistiques.

Mots-clés: tâches cognitives, activités linguistiques, approche discursive, intertextualité, motivation.

L'étude des langues étrangères reflète l'état actuel de la société russe et tient aux changements qui s'y opèrent. De nos jours, l'intérêt pour l'apprentissage d'une langue étrangère a considérablement accru, ce qui est sans doute dû à l'élargissement de l'espace multiculturel dans les domaines de communication et de relations internationales, des échanges commerciaux, des sciences et des techniques. Évidemment, la bonne maîtrise d'une langue étrangère est devenue indispensable surtout pour les jeunes qui font tout leur possible pour être compétitifs dans le monde moderne. Par conséquent, la méthodologie de l'enseignement des langues étrangères est en train de repenser son rôle et de rechercher des approches nouvelles qui répondraient aux défis de la mobilité et de la mondialisation.

En Russie, l'approche traditionnelle à l'enseignement des langues est complétée de méthodes modernes, des techniques et des technologies élaborées par des universités nationales et étrangères. On vise non seulement la formation des connaissances et des compétences des étudiants, mais on cherche à développer certains traits de personnalité qui devrait leur permettre de mieux réaliser leur potentiel. Ce besoin reflète la présence de nouvelles tendances du développement social qui sont liées aux processus d'intégration et d'informatisation, au dialogue des civilisations, à l'amélioration de la structure et de la qualité de l'enseignement.

L'apparition de la société de l'information et l'introduction des technologies d'information enrichissent et modifient le processus éducatif, permettent de l'optimiser et de l'individualiser, c'est à dire de mettre en place un nouveau paradigme de l'apprentissage des langues étrangères.

La méthodologie d'enseignement des langues étrangères est étroitement liée à un certain nombre d'autres sciences, dont elle utilise les connaissances accumulées. L'essence même du processus d'apprentissage détermine la prise en compte des réalisations de la psychologie et de la linguistique dans l'enseignement des langues.

La différenciation et l'intégration de la connaissance humaine sont les caractéristiques essentielles de la science moderne. L'interpénétration et l'enrichissement mutuel des sciences conduisent à la formation de nouvelles connaissances (psycholinguistique, sociolinguistique, didactique linguistique).

C'est le texte qui est au centre des recherches de plusieurs sciences connexes: on analyse sa typologie, son fonctionnement selon les styles et les genres différents, les modèles de sa construction, son impact sur le lecteur. En Russie à l'origine de ces recherches étaient V. Vinogradov, G. Vinokur, V. Chklovski, Roman Jakobson.

Le texte est aussi un élément fondamental dans l'enseignement des langues étrangères car il permet de développer toutes les compétences requises.

Selon la définition donnée [8] un texte est toute séquence discursive (orale et/ou écrite) inscrite dans un domaine particulier et donnant lieu, comme objet ou comme visée, comme produit ou comme processus, à une activité langagière au cours de la réalisation d'une tâche.

Cependant, pour bien accomplir son rôle, un texte éducatif doit réunir plusieurs critères. En premier lieu, il faut que le texte corresponde à l'étape concrète des études. D'une part, les tâches cognitives auxquelles l'apprenant fait face ne doivent pas être trop complexes: l'étudiant ne doit pas déchiffrer le texte, mais le lire [5]. D'autre part, un texte trop simple sans nouvelles informations peut provoquer la perte d'intérêt cognitif, réduire la motivation des apprenants. Donc, l'optimisation des textes pédagogiques [4], leur bon choix est une composante indispensable d'un enseignement efficace.

Les études psycholinguistiques modernes s'intéressent au problème de la perception d'un texte [2] qui est considérée comme une image médiatisée de la réalité. Les chercheurs notent que lors de la perception de l'écrit, l'apprenant agit activement et va droit au but: il confronte le contenu du texte à la réalité, à ses connaissances préalablement acquises, à son expérience personnelle. Par conséquent, le texte éducatif doit être pertinent et contenir des informations significatives pour les étudiants, ce qui leur permettrait de faire des conjectures, d'avancer des hypothèses. En proposant aux apprenants de lire plusieurs textes, liés thématiquement, l'enseignant peut aborder le sujet progressivement, et assurer une compréhension plus détaillée. Le processus de la lecture en serait, donc, plus efficace.

Le texte a aussi une composante émotionnelle qui reflète l'attitude de l'auteur au problème traité. Naturellement, l'avis de l'auteur sur les événements décrits n'est pas nécessairement partagé par l'enseignant ou l'étudiant. Une telle diversité d'appréciation peut être considérée comme un facteur positif, car il permettra d'analyser la situation, d'identifier et de comparer les avantages et les faiblesses de chaque point de vue, de justifier la position de chacun. Cette stratégie est pleinement compatible avec une approche discursive: l'accent est mis sur la relation de ce texte avec d'autres publications sur le même sujet, la dépendance du contenu de la situation sociale dans le pays, l'interprétation des convictions politiques et de la personnalité de l'auteur [6].

Ce sont les textes des médias électroniques et ou de la presse écrite qui dans une large mesure peuvent satisfaire aux exigences mentionnées et se prêtent à une étude efficace selon les buts de chaque stade de l'apprentissage [3].

L'évolution logique de cette approche est l'apparition de la médialinguistique - qui est une science qui étudie le fonctionnement de la langue dans les médias.

Puisque les textes médiatiques occupent une place à part, il est extrêmement instructif et prometteur d'étudier leurs particularités. Notamment, I. Abanina met en valeur leur intertextualité et la présence des inclusions intertextuelles qui sont surtout propres aux articles analytiques des publications périodiques. Selon elle,

«l'intertextualité est importante pour la culture médiatique moderne, car à l'époque de la mondialisation et d'une société d'information, qui caractérisent le stade actuel du développement, on est témoin d'un processus évident de l'interaction des cultures grâce à l'interaction des textes, qu'elles ont générés. Le fait de faire découvrir aux lecteurs des liens intertextuels contribuerait à la compréhension adéquate de toute l'information des textes» [1].

Il est à noter que les «articles analytiques sont surtout chargés d'éléments intertextuels car ils doivent non seulement présenter les faits, mais les interpréter, faire valoir leurs interdépendances dans un large contexte socio-historique» [1]. Ces publications sont caractérisées par l'abondance de citations, d'emprunts, de termes internationaux. En plus, les inclusions intertextuelles permettent de relever des situations similaires dans le passé, de se référer aux avis des personnes influentes et à des sources fiables, elles servent à mieux formuler et justifier sa position.

Donc, tous ces facteurs doivent être pris en compte dans le choix des textes. Or, en pratique, les textes sont souvent sélectionnés sans aucune approche méthodique, à la base des connaissances et de l'expérience de l'enseignant. De toute évidence, cette stratégie n'est pas idéale et peut avoir un impact négatif sur l'efficacité du processus de l'étude de la langue. D'autre part, il n'y a pas d'outils pédagogiques explicites pour juger préalablement si le choix opéré est bon, on ne peut le comprendre qu'après avoir terminé le travail sur le texte en évaluant les compétences des apprenants.

En guise conclusion, on doit mettre en relief le rôle primordial des textes éducatifs comme des outils principaux dont le bon choix permet de motiver les apprenants et de rendre le processus pédagogique plus efficace.

On trouvera ci-dessous une sélection de textes portant sur les «Comportements, modes de vie» qui regroupe différents types d'activités qui sont souvent proposées aux candidats au cours des examens de français (TCF, TEF, DELF, DALF, CCIP) afin d'évaluer leur niveau de compétence dans la compréhension écrite.

1.

Fiche pédagogique

Activité: <i>Les jeunes et les médias</i>	Compréhension écrite
Objectifs communicatifs et/ou professionnels	<ul style="list-style-type: none"> • Comprendre des points de vue, des argumentations • Décrire des attitudes, des comportements
Objectifs linguistiques	<ul style="list-style-type: none"> • Lexique: recherche de l'information

Déroulement et/ou commentaires	<p>Travail sur le document</p> <p>1. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun activités 1,2, 3. Ces activités portent sur la compréhension du sens. Lors de la mise en commun, demander de justifier les réponses (indication des parties du texte qui contiennent les informations).</p> <p>2. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun: activité 4. Cette activité porte sur le lexique.</p> <p>Après le travail sur le document</p> <p>3. Travail individuel et mise en commun ou travail collectif (remue-méninges): activité 5. Prolongement lexical et communicatif: Imaginez, à partir des avis donnés dans l'article, les conséquences du comportement décrit. Cette activité porte sur la réalisation langagière d'actes de communication.</p>
Matériel et/ou support	Article de Christine Legrand, 16.03.2011 sur http://www.la-croix.com/

LES JEUNES ET LES MEDIAS

Les 15-25 ans font preuve, à l'égard des médias, d'un vif esprit critique. Ils utilisent de plus en plus Internet pour se forger leur propre point de vue. C'est ce que révèle une enquête sociologique réalisée pour La Poste, en partenariat avec «La Croix» et «Phosphore»

L'époque où leurs grands-parents lisaient un journal unique qui constituait souvent pour eux la seule source d'information, et en qui ils vouaient une confiance absolue («c'est écrit dans le journal», donc «c'est vrai») semble pour les 15-25 ans complètement révolue. Ces «digital natives» comme on les appelle sont équipés d'une panoplie d'outils technologiques (ordinateur, smartphone...). Alors, ils se tiennent en permanence en alerte sur l'actualité, picorent des informations sur un site Web ou une page Yahoo, jettent un œil sur la télé allumée en arrière-fond, captent un flash d'infos à la radio, retournent sur Internet glaner des avis, comparent les points de vue, et multiplient les sources, pour se forger leur propre opinion.

Les jeunes sont devenus des «êtres médiatiques». Quand ils décrivent simplement leur journée, ils se disent exposés à un flux permanent d'informations. «Le matin, la télé ou la radio sur la télé, j'écoute en même temps que je me prépare. Dans le métro, le journal gratuit ou le smartphone, le midi aussi le smartphone, Facebook ou les infos. Et quand je rentre le soir, j'allume deux ordinateurs, celui pour les études, celui pour moi, Facebook, et la télé aussi en bruit de fond. Il faut s'informer, se tenir au courant, se

divertir aussi et informer les autres, savoir ce qui se passe dans le monde autour de nous», dit l'un des sondés (18-20 ans, milieu populaire).

«On est sorti de l'univers de la connexion pour entrer dans celui de l'immersion, commente Alain Mergier, directeur de l'Institut Wei. Le flot d'informations dans lequel ils baignent est devenu aussi naturel pour eux que l'eau pour un poisson.» Et ils ont conscience qu'il va falloir nager le mieux possible.

Dans ce paysage, la presse imprimée sur du papier reste la grande absente.

Raisons de cette désaffection? Ils évoquent le prix, le décalage temporel... mais pas seulement. «Ils ne trouvent pas les journaux "neutres". Ils y voient une double signature: celle du titre et celle du journaliste. Prendre un journal, ce serait donc se glisser dans un point de vue surdéterminé, en contradiction avec leur logique de construction de leur propre point de vue.»

Autrement dit, ils ne veulent pas lire qu'un seul journal, mais comme ils ne peuvent pas en lire plusieurs, ils n'en lisent aucun.

Certains étudiants disent: «Il faudrait que je lise davantage» pour préparer un examen. Mais la plupart se contentent de visiter sur le Web les pages d'accueil des journaux, de jeter un œil sur les titres dans les kiosques, ou de parcourir un gratuit, quand ils sont citadins.

Activité 1: Dites si les affirmations sont vraies, fausses ou non mentionnées:

	vrai	faux	n/m
L'attitude des jeunes envers les médias est neutre.			
Les 15-25 ans ne font pas confiance à la seule source d'information.			
Leurs grands-parents avaient le comportement identique.			
Au cours de la journée les jeunes restent toujours connectés à un de leurs outils technologiques			
Cette immersion provoque le mécontentement de leurs proches.			
La presse écrite est délaissée car elle est très politisée, selon les jeunes.			
Les citadins lisent plus que les ruraux.			

Activité 2: Relevez dans le texte les verbes qui décrivent le processus de la recherche de l'information.

Activité 3: Trouvez les raisons de la désaffection pour la presse écrite.

Activité 4: Complétez le tableau:

nom	verbe
preuve	
	comparer
	se divertir
connexion	
	baigner
	nager
contradiction	
construction	
	se contenter

Activité 5: Formulez votre avis sur le sujet « L' immersion dans le flot d'information: pour et contre ».

pour	contre

2.**Fiche pédagogique**

Activité : Comment votre façon de regarder la télévision a changé	Compréhension écrite
Objectifs communicatifs et/ou professionnels	<ul style="list-style-type: none"> • Comprendre des points de vue, des jugements • Décrire des attitudes, des comportements, des sentiments
Objectifs linguistiques	<ul style="list-style-type: none"> • Lexique: façons de regarder la télé, genres des émissions • Pronoms relatifs

Déroulement et/ou commentaires	Travail sur le document 1. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun activités 1,2. Ces activités portent sur la compréhension du sens. Lors de la mise en commun, demander de justifier les réponses (indication des parties du texte qui contiennent les informations). 2. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun: activité 3. Cette activité porte sur la grammaire. 3. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun: activité 4. Cette activité porte sur le lexique. Après le travail sur le document 4. Travail individuel et mise en commun ou travail collectif (remue-méninges): activités 5, 6. Prolongement lexical et communicatif: Imaginez, à partir des avis donnés dans l'article, les questions que vous pourriez poser à vos amis ou à vos parents. Cette activité porte sur la réalisation langagière d'actes de communication.
Matériel et/ou support	Article d'après <i>Le Monde.fr</i> / 17.09.2014

COMMENT VOTRE FAÇON DE REGARDER LA TELEVISION A CHANGE

A l'occasion de l'arrivée de Netflix en France, nous avons interrogé les internautes du Monde.fr sur la façon dont leurs habitudes en matière de télévision ont changé ces dernières années. Emissions en différé, télévision de rattrapage, vidéo à la demande...: vous êtes nombreux à avoir adopté de nouvelles pratiques, en complément ou en remplacement de la télévision «classique». Voici une sélection des réponses recueillies.

«Je privilégie les programmes en replay» par Nadège Grudé, 37 ans, Caen

Je ne regarde que très peu la télévision en direct si ce n'est que pour les nouvelles du jour. Je privilégie les programmes en replay qui offrent une grande souplesse dans mon organisation quotidienne. A contrario, je n'ai jamais recours aux vidéos à la demande, qui restent trop chères à mon goût.

«La télé reste éteinte» par Mina, 33 ans, Angers

Je ne regarde plus la télé de façon « habituelle ». Trop de publicité, trop de télé-poubelle... Je suis restée fidèle à quelques émissions (JT et émissions d'information) que je regarde en streaming suivant mes disponibilités dans la semaine, sur mon ordinateur. Mon mari fait de même: il regarde le foot en streaming puisque les matchs de son équipe favorite ne sont pas retransmis sur les chaînes publiques. Résultat: la télé reste éteinte.

«Le programme télé sert tout au plus à suggérer» par Mathieu, 25 ans, Paris

Aujourd'hui je regarde les infos sur une appli, les rencontres sportives sur le site de Canal+ (mobile ou PC), les séries quand je veux et autant que je veux. Le programme télé sert tout au plus à suggérer ce que je regarderai sur mon ordinateur.

«Un grand portail de VOD serait le bienvenu» par Jean Manu, 45 ans, Fontenay-sous-Bois

Je regarde rarement la télé en direct, sauf pour les films sur les chaînes de cinéma (type TCM) et les grands événements sportifs en direct. Il y a des offres en replay qui sont très attrayantes, notamment Arte+7. Un grand portail internet qui regrouperait toutes les offres de VOD (comme cela existe aux USA) serait le bienvenu, mais ce n'est pas à l'ordre du jour en France.

«On ne regarde plus la télévision française» par Pierre L., 22 ans, Brest

Avec mes coloc, on ne regarde plus la télévision : en général ce qui est proposé ne nous intéresse pas. Pour les infos, on lit des journaux en ligne. Nous regardons régulièrement des films ou des séries, via un ordinateur branché à la télévision. Les séries américaines qui passent à la télévision française sont souvent très en retard, toujours les mêmes (NCIS, Les Experts) et diffusées dans un ordre idiot. Il y a également sur Internet beaucoup de web-séries géniales, en français avec *Le Visiteur du Futur* et surtout en anglais avec *Still*, *The power inside*, *One for ten*, etc. Ce qui m'intéresse à la télévision française, ce sont les documentaires d'histoire et de voyage qui sont en général sur France 5 ou Arte.

«Pour moi, rien n'a changé» par Sophie Milojevic, 39 ans, Aulnay-sous-Bois

Je continue de regarder les émissions à l'heure prévue par le programme et même si je sais qu'il existe le replay et autres, ce n'est pas pareil donc je ne suis pas adepte. Honnêtement, vu la grande qualité des programmes télévisés, on peut faire sans.

«Les chaînes pour les sujets spécialisés» par Vincent S, 20 ans, Marne-la-Vallée

Quand j'ai du temps de libre, je consomme énormément la télévision de rattrapage sur mon ordinateur ou même sur mon poste de télévision avec la « box tv » de mon opérateur. Le concept de chaîne me semble désormais absurde. Sur France 3, on peut regarder les *Questions au Gouvernement*, suivies par *Des Chiffres et des Lettres*. Quel rapport? Pour moi, le seul intérêt des chaînes telles qu'elles existent aujourd'hui est pour les sujets spécialisés : par exemple, il m'arrive d'allumer ma télé sur BFM Business, car je m'intéresse à l'économie.

Rattrapage- Service à la demande qui permet de voir ou de revoir un programme télévisé après sa première diffusion.

Activité 1: Dites si les affirmations sont vraies ou fausses:

	vrai	faux
Le sondage est fait par France 3.		

On a interrogé les internautes.		
Les habitants des petites villes n'ont pas pris part au sondage.		
La majorité des interviewés n'a pas changé ces habitudes.		
La télévision en direct n'est pas privilégiée.		

Activité 2: Complétez le tableau:

Nom du téléspectateur/ Façons de regarder la télé	Nadège	Mina	Mathieu	Jean	Pierre	Sophie	Vincent
garde l'habitude de regarder la télé							
ne regarde jamais la télé							
privilégie les programmes en replay							
a recours aux vidéos à la demande							
regarde des programmes sur son ordinateur							
les chaînes choisies							
les émissions en direct auxquelles on reste fidèle							

Activité 3: Relevez dans le texte les phrases avec les pronoms relatifs.**Activité 4: Complétez le tableau:**

Nom	Adjectif
habitude	
souplesse	
	fidèle
	attrayant
	honnête
qualité	
disponibilité	
	spécialisé
économie	

Activité 5: Imaginez un questionnaire sur les émissions préférées de vos amis/vos parents.

Activité 6: Formulez vos réponses au questionnaire. Justifiez votre avis.**3.****Fiche pédagogique**

Activité: <i>Vacances d'été.</i> <i>Les Français limitent leurs dépenses.</i>	Compréhension écrite
Objectifs communicatifs et/ou professionnels	<ul style="list-style-type: none"> • Comprendre des explications, des argumentations. • Décrire des comportements en vacances.
Objectifs linguistiques	<ul style="list-style-type: none"> • Lexique: loisirs, vacances • Grammaire: emploi des noms géographiques
Déroulement et/ou commentaires	<p><i>Travail sur le document</i></p> <p>1. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun activités 1. Cette activité porte sur la compréhension du sens. Lors de la mise en commun, demander de justifier les réponses (indication des parties du texte qui contiennent les informations).</p> <p>2. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun: activité 2. Cette activité porte sur la grammaire.</p> <p>3. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun: activité 3. Cette activité porte sur le lexique.</p> <p><i>Après le travail sur le document</i></p> <p>4. Travail individuel et mise en commun ou travail collectif (remue-méninges): activités 4, 5. Prolongement lexical et communicatif: Les choix des vacanciers. Expérience personnelle. Cette activité porte sur la réalisation langagière d'actes de communication.</p>
Matériel et/ou support	Vacances d'été. Les Français limitent leurs dépenses. http://www.lefigaro.fr/

VACANCES D'ETE. LES FRANÇAIS LIMITENT LEURS DEPENSES

Alors que nombre d'Italiens, d'Espagnols ou de Britanniques renoncent à des vacances faute d'argent, plus de la moitié des Français a prévu de partir entre juin et septembre, comme l'an dernier: deux semaines en moyenne, surtout en août, et surtout à la mer, selon les études et les réservations à mi-juin.

On fait attention aux dépenses

Mais l'heure est à la maîtrise des dépenses. « *On part moins loin, moins longtemps et on fait plus attention à son portefeuille* », selon une étude Ipsos/Declic France à paraître la semaine prochaine. Pour 58 % des sondés, le budget sera inférieur à 1 000 €. « Les gens ne puiseront pas tant que ça dans leurs économies pour leurs vacances », confirme Didier Arino, directeur du cabinet Protourisme.

On préfère les destinations proches

Conséquence: « une forte attractivité des destinations proches », relevée dans une enquête *VoyagerMoinsCher.com*, et plus que jamais en France. Sur *Abritel* (location de vacances entre particuliers), les demandes sur l'Hexagone ont augmenté de 15 % par rapport à l'été 2011.

« *La tendance France fait nos affaires. La saison se présente pas mal* », se réjouit Belambra, dont les clubs de vacances sont tous en France.

Vacances à la mer et au soleil

Les priorités sont la mer, puis la campagne, la montagne et enfin la ville.

La Côte d'Azur et le Languedoc-Roussillon séduisent massivement. La météo mauvaise du printemps y a contribué, « *les gens ont envie de soleil pour l'été* », estime Cyrille Coiffet, chez Abritel. La Corse, terroir spécifique et dépaysant, attire tel un aimant. « *Les demandes sont en hausse de 28 % sur un an et devancent l'Aquitaine* », souligne-t-il.

Les stations de montagne avec leurs animations pour la jeunesse, mais aussi l'Ardèche, l'Aquitaine ou la Bretagne devraient bien tirer leur épingle du jeu.

Camping «écolo-chic» et séjours chez la famille

L'une des grandes tendances de l'été restera le camping, en version de plus en plus « glamping » (glamour + camping), c'est-à-dire haut de gamme, écolo-chic conciliant nature et confort. « *Pour le prix d'une nuit d'hôtel 3 étoiles à deux, on a une nuit en mobile-home pour six* », souligne Stéphane Renard, du site *Travelzoo*.

Autres tendances: le « tout compris », pour éviter les mauvaises surprises, et surtout l'hébergement chez des proches. Selon Ipsos, les séjours de trois semaines ou plus se feront chez des amis ou de la famille.

« *On s'oriente vers un bon marché «non marchand». Les gens vont chez Tante Louise, ils dépensent peu. Ce qui ne fait pas les affaires des tour-opérateurs, ni des hôteliers* », dit le patron des tour-opérateurs français (Ceto), René-Marc Chikli.

Le Bassin méditerranéen a toujours la cote

À l'étranger, les destinations phares seront le Bassin méditerranéen, Maroc et Tunisie en tête de liste, mais aussi Espagne, Baléares, Turquie, Canaries, Malte et Sardaigne, plutôt que la Grèce en perte de vitesse.

Réservations tardives

Fait notoire, les Français ont énormément tardé à réserver leurs vacances. «*Le retard est de 6 % pour l'ensemble des opérateurs du tourisme français*», selon Protourisme.

En cause: les élections et surtout la crise économique, qui ont créé un phénomène d'attentisme constaté par tous les professionnels. *Du coup, nous avons repoussé nos actions marketing pour l'été*», souligne Gérard Brémond, le PDG du groupe Pierre et Vacances/Center Parcs.

62 % des réservations surviennent moins d'un mois avant le départ et 45 % à moins de 8 jours, selon une enquête des agents de voyage (Snav).

Bons plans de dernière minute

L'heure est plus que jamais à la recherche de bons plans de dernière minute, voire «d'ultra-dernière-minute». Le phénomène existe aussi sur le segment du haut de gamme, note Michel-Yves Labbé, le patron de Directours, qui affirme être le spécialiste des vacances «luxe à prix doux».

Début juin, 55 % des abonnés de *Travelzoo* n'avaient pas encore réservé leurs vacances. Un tiers espéraient dénicher des offres encore meilleures à J-7 voire J-4.

Activité 1: Choisissez la bonne réponse:

1. Les Français sont prêts à
 - suivre l'exemple des Britanniques;
 - partir entre juin et septembre;
 - renoncer au départ en vacances.
2. Le budget consacré aux vacances
 - augmentera considérablement;
 - restera le même;
 - sera inférieur à 1 000 €.
3. On choisit la Côte d'Azur et le Languedoc-Roussillon parce que
 - c'est moins cher;
 - il y a du soleil et du beau temps;
 - on y organise des animations pour la jeunesse.
4. Les séjours de trois semaines ou plus se feront
 - chez des proches;
 - en version «glamping»;
 - avec la formule «le tout compris».
5. À l'étranger, on va surtout
 - en Grèce;
 - au nord de l'Afrique;
 - en Espagne.
6. Cette année les Français

- font preuve d'un certain attentisme;
- ont réservé leurs voyages bien d'avance;
- choisissent de plus en plus «le luxe à prix doux».

Activité 2: Complétez le tableau:

nom géographique	nous allons	nous revenons
la France	en France	de France
la Côte d'Azur		
le Languedoc-Roussillon		
la Corse		
le Maroc		
la Tunisie		
l'Espagne		
les Baléares		
la Turquie		
les Canaries		
Malte		
la Sardaigne		
la Grèce		

Activité 3: Trouvez des antonymes:

renoncer	
limiter	
être inférieur	
être proche	
être en hausse	
dépenser	
un prix doux	
en tête de liste	

Activité 4: Faites le portrait d'un vacancier-type de cette année en France.

Activité 5: Parlez de vos choix et de vos préparatifs au voyage.

4.

Fiche pédagogique

Activité: <i>Les discriminations perçues à l'embauche persistent</i>	Compréhension écrite
Objectifs communicatifs et/ou professionnels	<ul style="list-style-type: none"> • Comprendre des points de vue, des argumentations. • Décrire les facteurs pris en compte par les recruteurs.
Objectifs linguistiques	<ul style="list-style-type: none"> • Lexique: recrutement • Grammaire: forme passive
Déroulement et/ou commentaires	<p>Travail sur le document</p> <p>1. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun activités 1,2. Ces activités portent sur la compréhension du sens. Lors de la mise en commun, demander de justifier les réponses (indication des parties du texte qui contiennent les informations).</p> <p>2. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun: activité 3. Cette activité porte sur la grammaire.</p> <p>3. Travail individuel (ou par 2) et mise en commun: activité 4. Cette activité porte sur le lexique.</p> <p>Après le travail sur le document</p> <p>4. Travail individuel et mise en commun ou travail collectif (remue-méninges): activité 5. Prolongement lexical et communicatif: Comparez, à partir des données de l'article, les facteurs pris en compte par les recruteurs en France et en Russie. Cette activité porte sur la réalisation langagière d'actes de communication.</p>
Matériel et/ou support	<i>Les discriminations perçues à l'embauche persistent</i> http://www.lefigaro.fr/

LES DISCRIMINATIONS PERÇUES A L'EMBAUCHE PERSISTENT

L'âge, la nationalité et l'apparence physique sont les discriminations les plus courantes, selon une étude de l'Apec. Mais les cadres peuvent aussi être écartés parce qu'ils n'ont pas de permis de conduire ou parce qu'ils font des fautes d'orthographe.

Malgré les textes réglementaires, les discriminations à l'embauche sont loin d'avoir disparu en France. Selon une étude de l'Apec (réalisée en avril et mai 2012

auprès de 1500 cadres et 600 entreprises, dont 200 recruteurs intermédiaires) publiée ce mercredi, «entre 2005 et 2012, la part des cadres ayant ressenti une discrimination lors d'un entretien de recrutement a progressé de 6 points, passant de 28% à 34%». Ils sont aussi partagés sur les évolutions au cours des dix dernières années, puisqu'ils sont 30% à penser que les discriminations ont reculé, soit une proportion identique à ceux qui pensent qu'elles ont progressé. Les recruteurs, eux, se montrent plus optimistes sur le sujet, 45% des entreprises et 58% des intermédiaires, affirmant que ces discriminations ont reculé sur la même période.

Quel est le top 3 des discriminations qui sont les plus fréquemment relevées lors d'un recrutement? Numéro 1 toutes catégories - chez les cadres, dans les entreprises et parmi les recruteurs -, l'âge. «Il a été cité par plus de 60% des recruteurs en entreprises et plus de 90% des recruteurs externes», relève l'Apec. La nationalité arrive en seconde position chez les entreprises et en numéro 3 parmi les recruteurs externes, alors que l'apparence physique se classe en troisième position chez les cadres et les entreprises. Parmi les autres critères avancés par les cadres, la grossesse est citée en seconde position, alors que le sexe arrive en seconde place chez les recruteurs intermédiaires.

D'autres critères - hors discriminations illicites - «apparaissent comme autant d'obstacles qui peuvent conduire à l'élimination d'un candidat» dans un processus d'embauche, rappelle l'Apec, dont certains ont peu de choses à voir avec les compétences professionnelles. Il s'agit par exemple de «ne pas avoir le permis de conduire» ou «d'avoir des temps de transports supérieurs à 2 heures par jour». Ce dernier critère arrive au troisième rang des obstacles cités par les entreprises.

Pour les cadres, les entreprises et les recruteurs, le premier obstacle «non illicite», mais rédhibitoire pour occuper un poste est «l'absence de maîtrise des outils informatiques», devant «la non maîtrise de l'orthographe».

Cette situation est sans doute liée à un engagement insuffisant des entreprises dans la lutte contre les discriminations. «Celles ayant mis en place des actions formelles de prévention des discriminations dans le recrutement restent minoritaires», indique l'Apec. Ainsi, «le recrutement via un questionnaire sans CV est utilisé par 9 % des entreprises et 19 % des recruteurs intermédiaires».

Activité 1: Dites si les affirmations sont vraies, fausses ou non mentionnées:

	vrai	faux	n/m
1. Il n'y a pas de lois antidiscriminatoires en France.			
2. Les candidats ont un avis moins optimiste que les recruteurs sur l'évolution positive quant aux discriminations.			
3. La discrimination porte, en premier lieu, sur l'expérience professionnelle du postulant.			
4. Ce type de discrimination est surtout répandu dans le secteur			

privé.			
5. Les recruteurs et les entreprises placent la nationalité au deuxième rang parmi les facteurs de discrimination.			
6. L'apparence physique du candidat ne joue aucun rôle.			
7. Le fait d'habiter trop loin peut devenir un facteur éliminatoire.			
8. Pour les recruteurs, la présence des fautes d'orthographe est le facteur le plus négatif.			
9. La mauvaise maîtrise de l'informatique est tolérée chez les candidats âgés.			
10. Les entreprises ne font pas d'efforts nécessaires pour lutter contre les discriminations.			

Activité 2: Dans cette liste de raisons pouvant expliquer qu'une candidature n'a pas été retenue, cochez celles qui sont évoquées dans l'article:

- Le candidat n'a pas de voiture.
- Le candidat est trop âgé.
- Le candidat demande un salaire trop élevé.
- Le candidat maîtrise mal l'ordinateur.
- Le candidat est prétentieux.
- Le candidat ne parle pas très bien les langues étrangères.
- Le candidat a des fautes d'orthographe .
- Le candidat n'est pas assez expérimenté.
- Le candidat habite trop loin du lieu de travail.
- L'apparence physique du candidat ne plaît pas au recruteur.

Activité 3: Relevez dans le texte les phrases avec le verbe au passif.

Activité 4: Complétez le tableau:

nom	verbe
entretien	
apparence	
permis	
	disparaître
	embaucher
	lier
prévention	
entreprise	
	avancer

Activité 5: Comparez les raisons des discriminations à l'embauche en France et en Russie. Comment peut-on lutter contre ces pratiques?

5.

Lisez les extraits des textes des médias (1-5) et faites-les correspondre aux titres proposés (A-F):

- A.** Génération Web.
- B.** La mode des jeunes.
- C.** Vos traces sur Internet.
- D.** L'ordinateur bat les humains.
- E.** Trouver un manager idéal.
- F.** Nouveaux comportements.

1. Aux États-Unis, l'État de Virginie s'apprête à prendre des mesures drastiques interdisant à ses enseignants de parler à leurs élèves sur Facebook, par SMS ou en messagerie instantanée. Des enseignants expliquent comment ils gèrent leurs relations avec leurs élèves sur les réseaux sociaux.

2. Il y a une quinzaine d'années encore, un quadragénaire ayant travaillé pour trois sociétés différentes pouvait se voir reprocher son instabilité. Maintenant, c'est l'inverse: les entreprises recherchent des managers ayant une forte capacité d'adaptation et elles en demandent pour preuve un passage réussi chez plusieurs employeurs.

3. Ces enfants habitent donc le virtuel. Les sciences cognitives montrent que l'usage de la toile, lecture ou écriture au pouce des messages, consultation de Wikipedia ou de Facebook, n'excitent pas les mêmes neurones ni les mêmes zones que l'usage du livre ou du cahier. Ils peuvent manipuler plusieurs informations à la fois. Ils ne connaissent ni n'intègrent ni ne synthétisent comme nous, leurs ascendants. Ils n'ont plus la même tête.

4. L'individu ne sait plus vivre en couple, il divorce ; ne sait plus se tenir en classe, il bouge et bavarde ; ne prie plus en paroisse ; l'été dernier, nos footballeurs n'ont pas su faire équipe ; nos politiques savent-ils encore construire un parti efficace ou un gouvernement stable ?

5. Après deux jours de compétition, la machine est venue à bout de ses adversaires humains : Watson, une intelligence artificielle, a battu deux champions américains du jeu télévisé Jeopardy! ("Danger !"). C'est un grand classique de la télévision américaine : le présentateur lit une réponse, et les concurrents doivent deviner la question qui s'y rapporte.

6.

Lisez les extraits des textes des médias (1-5) et faites- les correspondre aux titres proposés (A-F):

- A. Sports.
- B. Loisirs.
- C. Salon de l'auto.
- D. Lectures.
- E. Europe.
- F. Départements français.

1. L'Union européenne qui ne comptait que six membres dans les années 50, en compte vingt - neuf à présent. Elle a instauré un marché et une monnaie uniques, élargi son programme économique et social. Sa grande diversité culturelle et linguistique s'enrichit à chaque élargissement.

2. Cette édition 2006 était particulièrement riche en nouveautés: 70 premières mondiales! Selon les constructeurs, les commandes sont en augmentation par rapport à l'année passée. Plus de 11 mille journalistes venant de 100 pays et presque 1,5 millions de visiteurs étaient attirés par cette manifestation commerciale.

3. Le Parc Asterix est un complexe de loisirs à l'esprit gaulois situé dans l'Oise. Ouvert en 1989, c'est le deuxième parc d'attractions le plus fréquenté en France après Disney-land Paris. Le complexe comprend un parc à thèmes et un hôtel. Son budget prévu pour les trois années à venir est de 250 millions d'euros.

4. Le Territoire d'Outre-mer français Wallis-et-Futuna est situé à 22000 km de Paris. Il se distingue par ses traditions institutionnelles, notamment par le maintien de trois royaumes. Pour ses habitants dont les deux tiers vivent dans l'île de Wallis, le français demeure la langue officielle.

5. Pratiqué par tous les temps et par tout le monde, indépendamment de l'âge et du sexe, il reste néanmoins réservé à une élite en raison du coût des inscriptions et du matériel. Le golf exige de l'endurance, une bonne condition physique et une résistance nerveuse à toute épreuve.

7.

Lisez les résumés des films et des émissions de la semaine (A-G) et faites- les correspondre aux titres proposés (1-7):

- 1. Modifier le passé.
- 2. Souvenirs de jeunesse.
- 3. J'aime sens pas belle.
- 4. 25 degrés en hiver.

5. Le Fakir.
6. Les gaous.
7. Qui perd gagne.

A. Fanny, la trentaine, est toujours célibataire. Déçue par les hommes, elle se méfie de tout le monde. Un jour elle rencontre Paul, un collègue, qu'elle invite à dîner chez elle. Un sujet classique réalisé avec beaucoup de finesse et un grand sens du comique. Un duo épatant de deux jeunes comédiens.

B. Pas évident de vivre avec un joueur professionnel quand on est commissaire de police à la brigade des jeux. Angèle et son compagnon Jacques vont cependant mettre à profit leurs dons communs pour percer le mystère d'un professeur qui prétend avoir mis au point une formule mathématique permettant de gagner au Loto.

C. Deux jeunes provinciaux montent à Paris en quête de gloire, d'amour et de distractions. Le scénario enchaîne les gags pour célébrer la culture des cités. Le titre du film est une expression ivoirienne qui désigne des immigrants crédules, mais pleins d'espoir de réussite.

D. Incapable de se rappeler certains événements de sa vie, Evan note les souvenirs qui lui restent et s'aperçoit, par hasard, qu'il peut se transporter dans le passé. Il en profite pour effectuer quelques changements dangereux.

E. Lors d'un hommage qui lui est rendu à New-York, Assad, réalisateur égyptien, retrouve Ginger, son amour de jeunesse. Quarante ans après leur histoire, tout les sépare, mais il reste encore des mots à dire et à chanter. C'est un vibrant hommage plein de nostalgie, aux comédies musicales.

F. Ce 12 janvier, à Bruxelles, le baromètre affiche "soleil". Dans une voiture qui file sur l'autoroute, entre Miguel, sa mère, sa fille et Sonia, une clandestine venue d'Ukraine pour retrouver son mari, la température monte, les vérités éclatent, les amitiés se nouent, les amours se renouent. Un joli film fait de délicatesse et d'extravagance.

G. Deux jumeaux tentent d'empêcher les bandits de s'emparer d'un diamant. Dans leur course au trésor, ils sont aidés par un drôle de fantôme, retenu dans un encrier depuis plus de 50 ans. Un grand succès du film pour enfants qui met à profit des ressources du numérique.

8.

LES FRANÇAIS ET L'ANGLAIS

Complétez les phrases du texte avec une des formes proposées qui vous paraît exacte:

La stratégie linguistique de la France comprend ses diverses (1) _____ menées en matière linguistique. (2) _____, le

français est la langue (3) _____ et unique d'Etat, et aujourd'hui le monolinguisme est la (4) _____ principale de la politique linguistique française. (5) _____, avec la mondialisation, l'influence de l'anglais (6) _____ constamment dans les domaines de communication et de (7) _____ internationales, des (8) _____ commerciaux, des sciences et des techniques.

Evidemment, la bonne (9) _____ de cette langue mondiale est devenue indispensable surtout pour les jeunes qui (10) _____ tout leur possible pour être (24) _____ dans le monde moderne. Or, les sondages montrent que l'étude de l'anglais n'est pas (12) _____ et il est nécessaire d'élaborer un nouveau (13) _____ de l'enseignement des langues étrangères.

Selon les experts, ce sont les professeurs-porteurs de la langue qui doivent l'enseigner et l'accent dans le (14) _____ des études doit être mis non pas sur son aspect écrit, mais sur la (15) _____ parlée.

1.	1) moyens	2) politiques	3) emplois	4) procédés
2.	1) en revanche	2) quand même	3) évidemment	4) or
3.	1) paternelle	2) maternelle	3) natale	4) officielle
4.	1) direction	2) choix	3) chemin	4) trajet
5.	1) ensuite	2) cependant	3) finalement	4) d'une part
6.	1) diminue	2) augmente	3) baisse	4) stagne
7.	1) rapports	2) échanges	3) relations	4) contacts
8.	1) relations	2) échanges	3) évolutions	4) communications
9.	1) apprentissage	2) niveau	3) maîtrise	4) parler
10.	1) ont	2) prennent	3) sont	4) font
11.	1) accessibles	2) compétitifs	3) compétentes	4) compréhensible
12.	1) efficace	2) nécessaire	3) facultative	4) effective
13.	1) méthode	2) approche	3) système	4) formation
14.	1) procès	2) procédure	3) période	4) processus
15.	1) entraînement	2) pratique	3) enseignement	4) côté

9.

LES FRANÇAIS COMPTENT BIEN PROFITER DES SOLDES

Complétez le texte ci-dessous à l'aide des noms suivants: hausse, rayon, enquête, biens, durée, catégories, volonté, pays, crise, proportion, rapport, budget.

La situation économique du 1 _____ inquiète les Français. Selon une 2 _____ pour le Conseil national des centres commerciaux (CNCC), 56% des personnes interrogées estiment que le gros de la 3 _____ reste encore à venir. Pourtant, l'intention de profiter des des soldes - qui commencent le 9

janvier pour une 4 _____ de 5 semaines - est intacte: 76 % d'entre eux prévoient de faire les soldes cette année, exactement la même 5 _____ qu'en 2013.

Si la 6 _____ de bénéficier des bonnes affaires hivernales se maintient, les Français prévoient de réduire leur 7 _____. En raison de la crise, ils sont 45% à penser qu'ils «vont acheter moins, y compris en solde», une proportion en 8 _____ de six points par 9 _____ à 2013. Le budget moyen consacré est de 223 euros, alors qu'il était de 251 euros en 2013. La dynamique est moins favorable pour certains produits comme l'électroménager et les 10 _____ culturels. Toutes les 11 _____ ne sont pas concernées par cette restriction. Pour les vêtements, 12 _____ «star» des soldes, l'intention d'achat est légèrement plus forte qu'en 2013.

10.

Dans le texte suivant 6 phrases ont été supprimées. Vous devez retrouver chacune d'elles parmi les 7 phrases (A-G) proposées:

Les femmes travaillent et cela depuis longtemps. Pendant les dernières guerres, on leur a demandé de gros efforts. 1 _____. En 1918 il y avait autant de femmes au travail qu'aujourd'hui! Et au début du XXI-e siècle, les femmes continuent à vouloir travailler.

Toutes les filles d'aujourd'hui pensent à un métier, à une carrière et elles continuent leurs études comme les garçons. "Maintenant, toutes les professions sont ouvertes aux femmes», répètent beaucoup d'hommes. C'est vrai.

2 _____. C'est vrai, les journaux sont remplis d'articles à faire rêver les jeunes filles! Une femme chef d'une grande entreprise ou bien pilote de ligne.

3 _____. Ces femmes sont un peu "les arbres qui cachent la forêt».

Pour aider les jeunes à choisir un métier, on leur donne des conseils et des modèles à suivre. Pourtant, on offrira aux garçons le choix entre trois cents métiers différents. 4 _____.

D'abord quand une fille arrive sur le marché du travail, elle rencontre plus de problèmes qu'un homme pour trouver un emploi. 5 _____ pour le garder et arriver à un meilleur salaire ou à occuper un poste de responsabilité. 6 _____. Les ouvrières sont nombreuses, les P.D.G. au féminin (les Présidentes-directrices générales) ou les directrices d'usines sont très rares.

A. mais pour les filles, on ne pense pas à plus de trente métiers!

B. elles ont souvent remplacé dans leur travail les hommes partis se battre.

C. plus les postes (et les salaires) sont élevés, moins on rencontre de femmes.

- D. mais ces exemples de femmes qui ont réussi nous font oublier la réalité.
- E. selon la loi, hommes et femmes ont le droit de faire tous les métiers.
- F. ce travail exige la maîtrise des langues étrangères.
- G. ensuite elle doit faire plus d'efforts.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абанина, И.П. Специфика интертекстуальных связей в аналитическом жанре газеты: на материале аналитических статей англо-американских газет: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Абанина Ирина Леонидовна. – , 2009. – 212с.
2. Белянин, В.П. Психоллингвистика: Учебник. 6-е изд. / В.П. Белянин. – М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2009. – 420с.
3. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 264с.
4. Микк, Я.А. Оптимизация сложности учебного текста / Я.А. Микк. – М.: Просвещение, 1981. – 119с.
5. Пастухов, А.Г. К вопросу о медиа-компетенции: лингводидактический аспект // Известия Орловского государственного технического университета. Гуманитарные и социально-политические науки. – 2001. – № 5. – С. 134-139.
6. Чудинов, А.П., Будаев, Э.В. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 45. – С. 167-175.
7. <http://ecep.ecml.at/>
8. <http://ecep.ecml.at/Glossaire>
9. <http://www.cnrtl.fr>
10. <http://www.e-didactique.eu>
11. <http://www.francais.cci-paris-idf.fr/outils-de-preparation-au-tef/>
12. <http://www.ipsos.fr>

Makarov Peter, Nikolaev Egor, Ruphova Maria,
*Baikalo-Amurskii Institute
of Railway Transport – the branch Far Eastern State
Transport University in Tynda, Tynda, Russia*

The prior suicidal state of teenagers and its prevention in the schools with compact population of small indigenous people of Siberia and Far East

Abstract: The article includes a brief description of school`s programme activities in precaution of the adolescent suicide.

Keywords: suicide, adolescent suicide, prevention, correction, suicidal conduct, psychology-pedagogical accompaniment, preventional conversation.

Макаров Петр, Николаев Егор, Руфова Мария,
*Байкало-Амурский институт железнодорожного
транспорта филиал Дальневосточного
государственного университета путей сообщения
в г. Тынде, г. Тында, Российская Федерация*

Предсуицидальное состояние подростков и ее превенция в школах социумов с компактным проживанием коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока

Аннотация: Статья содержит краткое описание программы действий школы по профилактике подросткового суицида.

Ключевые слова: суицид, предсуицидальный синдром, подростковый возраст, подростковый суицид, профилактика, суицидальное поведение, аутоагрессия, профилактическая беседа.

Социальные катаклизмы и преобразования XX-XXI веков, непродуманная социально-экономическая политика государства, направленная на улучшение

жизни и быта (укрупнение сел, перевод на оседлость, ошибки в производственной сфере, маргинальное воспитание) и глобальное промышленное освоение (уничтожение природной среды, сокращение традиционных видов производства, массовая ассимиляция) привели к ухудшению сферы жизнедеятельности, нарушили традиционный уклад жизни, способствовали регрессу коренных малочисленных этносов и привели к дальнейшей деформации их нравственного сознания. В настоящее время продолжается отчуждение от земли, продуктов традиционного производства, наблюдается отход от обычаев, традиций и разрушение семьи. Одним из проявлений вышеназванных процессов наряду с алкоголизмом, криминальностью, безработицей и т.д., стал суицид.

В настоящее время является фактом то, что «сегодняшние социальные потрясения отзываются суицидом в среде малочисленных народов Севера. Чем продолжительнее, тем трагичнее судьба этих малочисленных и очень малочисленных народов..., обеспокоенность должна вызвать пропорция суицидов из числа народонаселения, если среди многочисленных народов 1 суицид приходится на 1000 человек, то среди малочисленных народов – 1 суицид на сотню человек. Таким образом, суицид приближает физическое вымирание малочисленных народов Севера» (А.И. Потапов, Б.В. Устюжанин, Т.С. Шушкова, 1994). Если данной социальной болезнью в последние годы было поражено почти все взрослое население, то теперь приходится констатировать такой страшный факт, что и подрастающее поколение тоже. По данным СМИ («Вечерний Якутск») Республика Саха (Якутия) в 2011 году заняло первое место по подростковому суициду в РФ, а сама Россия - в мире, только в одной из самых благополучных, передовых в учебно-методическом плане школ Якутии трое девочек покончили с собой в течение учебного года. А что происходит в самых отдаленных уголках тундры, тайги, где свирепствует сильнейший психологический стресс, сопровождаемый страшными социальными болезнями, стоит только догадываться. В таких сельских социумах здоровым звеном остаются пока только институты образования. Именно их деятельность, с опорой на здоровые семьи, на государственные и коммерческие структуры, на общественность, направленная на социализацию личности может не только возродить прогрессивные народные традиции, но приостановить такую страшную социальную патологию как суицид и воспитать здоровое поколение, которое будет началом подлинного возрождения этносов Севера.

Но как это сделать? Как определить, что молодой человек находится перед таким страшным шагом как суицид? Итак, предсуицидальное состояние или предсуицидальный синдром – это психологический симптомокомплекс, свидетельствующий о надвигающемся суицидальном акте, то есть этап суицидальной динамики, длительность которого составляет от нескольких минут

до нескольких недель и месяцев. Наблюдается чаще у старших подростков в случае наличия тенденции к суицидальным актам в сложных жизненных ситуациях.

«Если бы я только знал, что она замышляла самоубийство! Я просто не мог и подумать, что произойдет такое несчастье!» - восклицают близкие. И все же почти каждый, кто всерьез думает о самоубийстве, так или иначе, дает понять окружающим о своем намерении. Самоубийства, часто, не возникают внезапно, импульсивно, непредсказуемо или неизбежно. Они являются последней каплей в чаше постепенно ухудшающейся адаптации. Среди тех, кто намерился совершить суицид, от 70 до 75 % тем или иным образом раскрывают свои стремления. Иногда это будут едва уловимые намеки: часто же угрозы являются легко узнаваемыми. Очень важно, что $\frac{3}{4}$ тех, кто совершают самоубийства посещают врачей, психологов, педагогов, работников социальных служб, до этого по какому-либо поводу в течение ближайших недель и месяцев. Они ищут возможности высказаться и быть выслушанными. Однако, очень часто их не слушают.

Подростковый возраст – один из самых трудных в жизни человека, поскольку именно в этот период завершается формирование личности в целом, ее ценностных ориентаций и жизненных приоритетов. Кроме того, происходит активное половое развитие, которому свойственно изменение гормонального баланса. А вместе с гормонами «скачет» и настроение: появляется раздражительность, агрессия, плаксивость. Вчерашние дети становятся более впечатлительными, они остро реагируют на, казалось бы, заурядные вещи. Поэтому, когда они сталкиваются с проблемами, то зачастую попросту теряются, поскольку не имеют опыта разрешения сложных жизненных ситуаций. У особенно ранимых и чувствительных подростков в таких случаях могут возникнуть мысли о суициде. По статистике самоубийство совершают подростки в возрасте от 10 до 14 лет.

Суицидальными подростками, в целом, часто руководят амбивалентные чувства. Они испытывают безнадежность, и в то же самое время надеются на спасение. Часто желания «за» и «против» суицида настолько уравновешенны, что если близкие в эти минуты проявят теплоту, заботу и проницательность, то весы могут наклониться в сторону выбора жизни. Поэтому очень важно знать во время беседы с суицидальным человеком об особых ключах и предостерегающих признаках самоубийства.

Диагностика предсуицидального синдрома имеет важное профилактическое значение. Лица, находящиеся в предсуицидальном периоде, нуждаются в индивидуальной, групповой и (или) семейной психотерапии. Особую практическую значимость имеет анализ факторов, удерживающих детей от самоубийства. К их числу относят:

- отсутствие психических заболеваний, протекающих с депрессивными расстройствами;
- лучшая интегрированность в семью;
- когнитивное функционирование, не достигшее уровня конкретного или формального мышления;
- наличие культуральных и духовно-религиозных факторов, делающих суицид менее приемлемым или табуирующим его;
- проведение индивидуализированной терапии, направленной на купирование травматизации и избирательно адресующейся к слабым сторонам акцентуированной или психотической личности (сензитивность, склонность к депрессивным состояниям у шизоидов и циклоидов).

Слово «превенция» (профилактика происходит от латинского “*praevenire*” – «предшествовать, предвосхищать»). Знание социальных и психологических предвестников суицида может помочь нам понять и предотвратить его. «Почему он устремил свою силу и ум на разрушение этой силы и этого ума?». Этот вопрос задают почти все, кто был знаком с жертвой самоубийства.

Социологи рассматривают самоубийство как барометр социального напряжения, а психологи интерпретируют его как реакцию давления на личность. Однако, и те, и другие согласны, что самоубийство возникает, если у человека появляется чувство отсутствия приемлемого пути к достойному существованию. Вместе с тем далеко не каждый, у кого нарушены связи с обществом или возникают неудачи на работе, становится жертвой самоубийства. Не существует какой-либо одной причины, из-за которой человек лишает себя жизни. Предрасполагающие факторы также различаются от человека к человеку, и не выявлено какого-то единого причинного фактора суицида. Если же отмечена склонность подростка к суициду, следующие советы помогут изменить ситуацию:

- внимательно выслушайте решившегося на самоубийство подростка. В состоянии душевного кризиса любому из нас прежде всего необходим кто-нибудь, кто готов вас выслушать. Приложите максимум усилий, чтобы понять проблему скрытую за словами;
- оцените серьезность намерений и чувств подростка. Если он или она уже имеет конкретный план самоубийства, ситуация более острая, чем если эти планы расплывчаты и неопределенны;
- оцените глубину эмоционального кризиса. Подросток может испытывать серьезные трудности, но при этом не помышляет о самоубийстве. Часто человек, недавно находившийся в состоянии депрессии, вдруг начинает бурную, неустанную деятельность. Такое поведение также может служить основанием для тревоги;
- внимательно отнеситесь ко всем, даже незначительным обидам и жалобам.

Не пренебрегайте ничем из сказанного. Подросток может и не давать волю чувствам, скрывая свои проблемы, но и в то же время находится в состоянии глубокой депрессии;

- не бойтесь прямо спросить, не думает он или она о самоубийстве. Опыт показывает, что такой вопрос редко приносит вред. Часто подросток бывает рад открыто высказать свои проблемы.

- поддерживайте его и будьте настойчивы. Подростку в состоянии душевного кризиса нужны строгие утвердительные указания. Осознание вашей компетентности, заинтересованности в его судьбе и готовности помочь дадут ему эмоциональную опору;

- убедите его в том, что сделал верный шаг, приняв вашу помощь;

- оцените его внутренние резервы. Если ребенок сохранил способность анализировать и воспринимать советы окружающих, ему будет легче вернуть душевные силы и стабильность;

- попытайтесь убедить подростка обратиться к специалистам (психолог, врач). В противном случае обратитесь к ним сами, чтобы вместе разработать стратегию помощи;

- следует принять во внимание и другие возможные источники помощи: друзей, родственников, священников, к которым можно обратиться. Так, для дальнейшей профилактики, коррекции и реабилитации суицидального поведения в одной из поселковых школ Нерюнгринского района мы договорились о сотрудничестве с местным казачеством и духовенством.

Утверждения о том, что кризис уже миновал, не должны вас ввести в заблуждение. Часто ребенок может почувствовать облегчение после разговора о самоубийстве, но вскоре после разговора опять вернется к тем же мыслям. Поэтому так важно не оставлять его в одиночестве даже после успешной беседы. Причем, как правило, после 2-х месяцев попытки суицида у подростка случается повторный кризис, который может привести к летальному исходу. То есть индивидуальная комплексная работа с маленьким суицидентом должна продолжаться не менее 3-4-х месяцев. Суицид – заразная, инфекционная социальная болезнь. Как обычно, после завершеного суицида следует несколько, иногда до десяти попыток самоубийства. Так, в сельской школе, где за один год было три завершеного суицида, было зафиксировано восемь попыток, а в поселковой три. К этому следует добавить, что в каждой из школ, по итогам диагностики, было выявлено по 20-30 потенциальных суицидентов. Поэтому необходимо системная планомерная работа по искоренению данной социальной патологии. Нами для Золотинской средней общеобразовательной школы-интернат имени Г.М. Василевич была разработана специальная программа по профилактике, коррекции и реабилитации подросткового суицида, которая по

настоящий момент реализуется в данном учреждении (динамика попыток самоубийств: 2011 г. – 8, 2012 г. – 3, 2013 г. – 0). Данная программа была рекомендована к печати и опубликовано в издательстве ТИ - (ф) - ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» и разослано во все районные управления образования Республики Саха (Якутия). В предложенном нам и плане мероприятий по профилактике суицидального поведения среди обучающихся вышеназванной школы, мы обращаем внимание на следующие направления работ:

1. Работа с педагогическим коллективом.

По данному направлению проводятся: педагогические совещания, совещания при директоре, при заместителя директора по воспитательной работе о мерах профилактики суицида среди детей и подростков, о результатах работы по профилактике суицидального поведения детей и семейного неблагополучия; учебно-методические семинары для классных руководителей; лектории и семинары-тренинги для педагогического коллектива по профилактике суицидов; тренинги по профилактике профессионального выгорания. Кроме этого считаем важным административное обеспечение всей системы работы, которая включает соответствующие приказы директора.

2. Работа с родителями.

Основные мероприятия: общешкольные родительские собрания; психологический лекторий для родителей с девиантным поведением и, отдельно, для родителей одаренных детей; семинар-практикум для опекунов несовершеннолетних; организация работы с семьями учащихся совершивших попытку суицида и склонных суицидальному поведению; консультации для родителей учащихся, оказавшихся в кризисной ситуации; круглый стол; социологический опрос родителей по темам: «Я и мой ребенок», «Правильна ли ваша позиция по отношению к детям?».

3. Работа с учащимися.

Здесь проводятся следующий виды работ: выявление и учет детей склонных к суициду; разработка индивидуальной профилактической программы для каждого подростка, склонного к суициду; мониторинг среди учащихся 6-11 классов по выявлению детей, находящихся в кризисных ситуациях, посредством заполнения и последующего анализа «карты суицидального риска»; организация работы по психолого-педагогическому сопровождению учащихся, находящихся в кризисном состоянии и с высокой степенью суицидального риска; изучение межличностных взаимоотношений учащихся в классных коллективах (социометрия) и выявление

изолированных детей; изучение адаптации учащихся 1-х, 5-х и 10-х классов, в том числе самооценки и тревожности; комплексная психологическая диагностика учащихся с проблемами обучения, развития и воспитания; составление банка данных учащимися с высоким уровнем тревожности и депрессии; месячник профилактики суицидального поведения; рейды по выявлению детей, находящихся в социально опасном положении, проживающих в неблагополучных семьях, оказывать им необходимую помощь; консультативная психологическая помощь детям по профилактике нервно-психических расстройств (поддерживающие упражнения, пассивная и активная мышечная релаксация, ролевые игры и т.д.); психологические тренинги с учащимися 5-11 классов; круглый стол с учащимися 9-11 классов по теме «Формирование здорового образа жизни»; классные часы, формирующие в процессе воспитательной работы у учащихся такие понятия как «ценность человеческой жизни», а также индивидуальных приемов психологической защиты в сложных жизненных ситуациях; психореабилитационная работа (дебрифинг, реориентационный тренинг, индивидуальная работа (суггестия, релаксация и т.д.)).

Мы считаем, что необходимо сократить период свободного времяпровождения детей, привлекая их к таким положительно формирующим личность занятиям как: спорт, танцевальное искусство, музыка, художественные и трудовые виды деятельности и др. Здесь необходимо отметить, что у детей малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, как у всех представителей циркумполярной цивилизации мира, очень развито творческое начало, и занятие искусством, видами традиционной культуры очень для них привлекательно, и это обязательно надо использовать. Для более системной реализации программы мы адаптировали для своих условий план мероприятий по профилактике подросткового суицида Курганского С.М., успешно реализуемый в школах Ханты-Мансийского национального округа, и приносим Сергею Михайловичу нашу искреннюю благодарность за научно-методическую помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амбрумова, А.Г., Жезлова, Л.Я. Методические рекомендации по профилактике суицидальных действий в детском и подростковом возрасте [Текст] / А.Г. Амбрумова, Л.Я. Жезлова. – М., 1978.
2. Курганский, С.М. Когда страх перед жизнью сильнее страха перед смертью [Текст] / С.М. Курганский // Народное образование. – 2011. - № 5. – С. 243-250.

3. Макаров П.В. Профилактика, коррекция и реабилитация подросткового суицида: учебно-методическое пособие [Текст] / П.В. Макаров. – М.: НИИ школьных технологий, 2013. – 96 с.
4. Малкина-Пых, И.Г. Экстремальные ситуации: справочник практического психолога [Текст]. – М.: Эксмо, 2006. – 958 с.
5. Менингер, К. Война с самим собой [Текст] / К. Мненингер. – М.: ЭКСПМО-Пресс, 2001. – 480 с.
6. Шнейдман, Э. Душа самоубийцы [Текст] /Э. Шнейдман. – М.:Мысль, 2001. – 315 с.
7. Шнейдер, Л. Психотерапия депрессивных состояний при личностных кризисах детей и подростков [Текст] / Л. Шнейдер // Школьный психолог. – 2009. - № 22. – С. 37-47.
8. Юнаскевич, П.И., Гилинский, Я.И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: учебное пособие [Текст] / П.И. Юнаскевич, Я.И. Гилинский. – СПб: Наука, 1993. – 240 с.

Christine F. Clark^{1,2}, Daniel Shepherd^{2*} and Shreena Natasha Hira¹

¹Corporate Academy Group, Manukau City, Auckland, New Zealand.

²Department of Psychology, AUT University, Auckland, New Zealand.

Predicting Intention to Complete and Learning Outcomes in a Sample of Adult Learners

ABSTRACT

Aims: This research investigates the relationship between Self-Esteem and completion/non-completion of tertiary qualifications for a sample of New Zealand adults, and explores the factors that may predict intent and learner outcome for these students. **Study Design:** A descriptive and correlational research design.

Place and Duration of Study: Corporate Academy Group, a Private Training Establishment located in a low socio-economic area, Manukau City, New Zealand, between August 2009 and April 2010.

Methodology: The Theory of Planned Behavior was used to assess intent to achieve, and was extended to include the Rosenberg Self-Esteem Scale as a measure of Self-Esteem. Adult students ($n = 211$), 115 females and 96 males aged between 15 and 65, were assessed for intent to achieve and actual outcome (completers vs. non-completers). **Results and Discussion:** Participant's reports of attitude, perceived behavioral control and subjective norm, within the Theory of Planned Behavior, sufficiently predicted their intention to complete the course of study, and this prediction was significantly improved with the addition of their reported Self-Esteem level ($P < .05$). Furthermore, Rosenberg Self-Esteem Scale scores successfully predicted actual learner outcome, that is, completion or non-completion of the course, and was the only variable to do so ($P < .05$). Additionally, individual's Self-Esteem levels were found to increase across two measurement points ($t(205) = 4.59$, $p < .01$), upon first enrolment and at the terminus of the training program. **Conclusion:** Results indicate the value of using Theory of Planned Behavior and Self-Esteem measures to predict a student's intention to complete their course of study and potentially their successful completion of that course. These findings offer an opportunity for future research into the prediction of learner outcomes using the Theory of Planned Behavior and Self-Esteem, and the ability of learning establishments to mitigate risk of non-achievement for the adult learner.

Keywords: Learner outcomes; adult learner; tertiary education; private training establishment; theory of planned behavior; self-esteem.

1. INTRODUCTION

The present research focuses on the adult learner, defined as anyone over the age of 16 who has left secondary school and is now continuing onto some form of tertiary study, other than that provided by universities or technical institutions. Broadly, these adult learners can be defined as those with no or very low qualification, and who enroll in tertiary courses with a vocational focus on typically low-skill occupations. In the New Zealand context, adult learners are often directed to a Private Training Establishment (PTE), as they do not meet the criteria for enrolment with a polytechnic or university, and can be considered the equivalent of Education Learning Providers in the United Kingdom, Vocational Education and Training (VET) providers in Australia, and Community Colleges in the United States. Private Training Establishments teach a range of qualifications, from foundation numeracy and literacy to degrees, however predominantly their focus is foundation education. Unlike their university counterparts, PTEs cater to the learner who comes with few qualifications, from disadvantaged homes, often with criminal convictions and with a deep suspicion and even antagonism towards learning. The usual PTE has small class sizes, no more than 16 to a tutor, and as such can provide the intensive and often extensive knowledge and skills that the learner needs to progress into either employment or further education. However, many of these adult learners are at risk of not completing their qualification, an issue concerning educational and government agencies, and typifying a trend in education throughout New Zealand [1]. Therefore, recognising barriers to completion is the first step to assisting adult learners, benefiting the educational facilities where they are enrolled, and ultimately benefiting society as a whole.

When youth or adults are not in employment, education, or training, there are costs to both the individual and society [2]. In the United Kingdom, the reported cost of youth aged 16-18 not in employment, not in education and not in training, is on average almost £100,000 per person over their lifetime [3]. Furthermore, the number of youth falling into this category in the UK is estimated at 1.3 million individuals, at an annual cost of £3.65 billion [4]. Besides economic costs, there are 'human' costs associated with non-completion, including a reduction in the individual's ability to maintain employment, financially support themselves, maintain reasonable health, and to avoid criminal activity and substance abuse [5-6]. In addition, it has been suggested that individuals who fail to complete secondary education, and following this do not complete any tertiary qualification, are more likely to have relationship difficulties and raise children as single parents [2]. Though rarely documented, non-completion of courses incurs costs on the educational institutions themselves, negatively

impacting resources, staff allocation, educational effectiveness, and allocation of funding both within the institution and within the broader educational sector [7].

Failure to achieve in any educational contexts has, for obvious reasons, attracted much investigation. The major reasons for failure or non-completion can be grossly grouped into four categories: 1) Social pressure and related stressors; 2) Self-efficacy in relation to being able to achieve; 3) General attitude toward achieving (which is often influenced by past experiences of education) and 4) Self-Esteem levels sufficient to enhance achievement [1,2,8]. Each will now be discussed in turn.

Social pressures are thought to have two components which interact towards behavioural intention; beliefs about how other people, who are some in way important to the person, would like them to behave (normative beliefs) and positive or negative judgments about each belief (outcome evaluations) [9]. There is significant literature that confirms the importance of social pressures affecting behaviour, specifically, indicating that social and parental influence is a dominant factor influencing educational achievement and course completion [10-14].

Self-efficacy is conceived of two components, the first being the perceived ease or difficulty in performing a behaviour, and the second component being an individual's perception of controllability around the task [15-16]. There is evidence to suggest that self-efficacious students participate more readily, work harder, persist longer, and have fewer adverse emotional reactions when they encounter difficulties than do those who doubt their capabilities [17].

Attitude is said to be one of the most important determinants of behaviour [18], and can be defined as "the disposition to respond with some degree of favourableness or unfavourableness to a psychological object", and describe attitudes as being acquired rather than innate with a direct influence on behaviour [19]. A number of studies have confirmed the importance of attitude in educational outcomes [10,20,22].

The fourth major contributor to educational achievement has been identified as Self-Esteem, which describes an individual's sense of worth, and the level of value and appreciation they place upon themselves [23]. This has been supported by many studies [24-29] with the understanding that Self-Esteem is implicit in academic achievement and reciprocally that achievement increases Self-Esteem. Alongside this, it has been found that emotional and social factors including stress and low Self-Esteem, can predict intention to 'dropout' of education [30]. These findings support the basis of this current study; that low Self-Esteem, unless addressed, will contribute to a poor outcome for the student.

The ability to identify adult learners at risk of non-completion and predict educational outcome would greatly enhance the student's potential in other areas of their life, as well as the provider's results and credibility, funding and future endeavours. However, scant literature is available discussing the ability to predict learning outcomes

in this type of student, with the only similar study using the Theory of Planned Behavior to predict learning outcome in high school students [10]. The aforementioned influence of social pressures, the perception of being able to achieve, and attitude, on achievement, are *a priori* part of a theoretical framework known as the Theory of Planned Behavior (TPB) [31], which has previously been applied in the educational context [10,32,33]. The TPB provides a model that encompasses an individual's attitude towards, and intention to perform the behaviour, and also accounts for the social context of the individual and the pressures they may feel in performing the behaviour [31]. Self-efficacy, which research has shown to have a large effect on behavioural change is also incorporated within the TPB as perceived behavioural control [34].

Current literature reveals a multitude of studies conducted to explore why learners do not achieve educationally [1,8,10,26,27,35], some exploring the relationship between the TPB components, self-efficacy and achievement [17,31,33,36-39]. Thus the use of the TPB has been validated in previous educational research, for example, as a tool to predict intention and consequently attendance for both high school students and university students [10,16]. One particular study using the TPB to identify students that were at high risk to fail, and concluding that early communication of the consequences of non-completion, if used positively in a remedial manner, could facilitate an improved outcome [10]. Despite there being some focus on achievement in secondary level students, predicting learner outcomes of tertiary level students, specifically those studying through a PTE, have not been explored.

It has been stated that the TPB model could also include additional predictors within the model to increase the model's predictive ability [31], and this has also been supported by other authors, suggesting the addition of factors such as Self-Esteem [16,32]. Our study extends the TPB to include the variable of Self-Esteem as a dominant factor of prediction, given its previously established relevance to educational performance. While Self-Esteem and components of the TPB have individually been identified as being important to predicting achievement, intent and outcome in varying educational contexts [24,31,40-42], little research can be found combining the two methods into a single predictive model, and exploring its relevance for a tertiary institute such as a PTE. Thus the central objective of this study is to determine if Self-Esteem, in conjunction with the factors of the TPB, can predict behavioural intent and educational outcome for an adult learner. To this end the following hypotheses were considered: 1) the Theory of Planned Behavior components and Self-Esteem will predict intention to complete; 2) the components of the Theory of Planned Behavior and Self-Esteem will predict educational outcomes, and 3) Self-Esteem levels will improve over the duration of a programme.

2. METHODOLOGY

2.1 Participants

The sample comprised two hundred and eleven individuals (115 females and 96 males) who were students of a Private Training Establishment (PTE) targeting low or non-achieving individuals in the south of New Zealand's largest city, Auckland. Participants ranged from 15 to 65 years of age ($M = 28.49$, $SD = 13.15$), with males being significantly older ($M = 30.92$, $SD = 13.24$) than females ($M = 25.57$, $SD = 12.50$), ($t(205) = -3.01$, $p < .01$). The ethnic profile of the sample was 41.7% Pacifica, 38.4% Maori, 10.4% European, 8.5% Asian, and 1% other. Individuals in the sample ranged in their English language abilities, but all were required to have at least basic English skills to enrol in courses. The socio-economic status (SES) of individuals was not directly measured, but typically reflected the general SES of the enrolment catchment region (i.e., extreme deprivation, low SES).

2.2 Materials

In order to test the study's hypotheses, a questionnaire containing a Self-Esteem scale, and Theory of Planned Behavior scales, was developed. Demographic information (i.e., age, gender, ethnicity) was obtained from enrolment information contained in the PTE records. Additionally, final educational outcome (e.g., completed or non-completed) was obtained from the same source. Each will be described in turn.

2.2.1 Outcome classification

Participants were classified according to the Tertiary Education Commission's outcome requirements for Student Achievement Component Funding [43], where a positive outcome indicated participants completed the course, and a negative outcome indicated that they did not complete the course or withdrew.

2.2.2 Theory of planned behavior (TPB) questionnaire

To predict whether participants would complete their course of study, a questionnaire based on the Theory of Planned Behavior (TPB) was developed, based on the 'Theory of Planned Behavior manual' [9] providing stepwise methods to construct TPB questionnaires. The TPB is a model aimed at identifying an individual's intention to perform behaviours and relating this to likelihood that they will successfully engage in these actions [44]. In determining intention, the TPB captures three concepts: Perceived Behavioural Control, Subjective Norms and Attitudes [44].

The TPB questionnaire used in this study consisted of 26 Likert scale items grouped into four subscales. First, Behavioral Intention consisted of a single question encompassing motivation factors driving the behaviour [31], where participants selected a statement between 1 and 5, which best reflected their intention, for example, 1 = "I expect to complete this programme" and 5 = "I probably will not complete this programme". Second, the Perceived Behavioural Control subscale contained ten items relating to the volitional control of the behaviour and the perceived ease or difficulty of performing the behaviour. The scale asks questions such as, "Financial problems may mean that I will not complete this programme" (1 = *Agree* to 5 = *Disagree*). Third, the Subjective Norm subscale consisted of ten items indicating perceived social pressure to perform a behaviour, such as, "My friends think that I am doing the right thing" (1 = *Agree* to 5 = *Disagree*). Last, the Attitude subscale consisted of five items assessing the level of positive appraisal of a behaviour, such as, "I believe that I will enjoy this programme" (1 = *Agree* to 5 = *Disagree*).

2.2.3 Rosenberg self-esteem scale (RSES)

Self-Esteem was measured using the Rosenberg (1965) Self-Esteem Scale (RSES) [23], aimed at measuring an individual's general positive or negative attitude toward the self. The RSES assesses Self-Esteem using ten Likert scale items, with participants rating responses to items on a four point scale (1 = *Strongly Agree* to 4 = *Strongly Disagree*). Previous research has suggested a two factor structure to the RSES, reflecting either positive and negative weighted items, [45-46], and the two factor approach was adopted for this research due to the pitfalls associated with treating the RSES as a single structure [47]. Following a Principle Components Analysis, the RSES was found to contain two factors reflecting either positively worded items (items 1, 2, 4, 6, 7) or negatively worded items (items 3, 5, 8, 9, 10), and this result was used to create two subscales, RSES(pos) and RSES(neg), respectively.

2.3 Procedure

A research assistant was employed to distribute the questionnaires to ensure anonymity of responses, along with an information sheet outlining the purposes and procedures of the study. Students were informed that participation was voluntary, and that they could withdraw from the study at any time without reason. To assist the return of completed questionnaires, the research assistant requested the students to complete the questionnaire once given the materials, and to return them immediately after completion, which was approximately ten minutes. Data was then entered into a spreadsheet and demographic information included for each participant's data.

Following the entry of all data, participants' names were converted to participant numbers to ensure anonymity. The TPB questionnaire was administered once at the initiation of the course, and the RSES was administered twice; once at the initiation of the course (Time1), approximately 40 weeks duration, and at completion or point of withdrawal from the course (Time2).

2.4 Analysis

To test that Self-Esteem will predict Behavioural Intention above and beyond the components of the TPB, we created three models and then tested them using hierarchical linear regression analyses. The first model employed age and gender as co-variables (Model

1). Model 2 added the three TPB components (i.e., Subjective Norm, Perceived Behavioural Control and Attitude), while Model 3 included the two RSES subscales measured at the first time point. A comparison of R^2 - change across the three models, and an examination of

standardized regression coefficients, determined the relative contribution of each predictor. A further analysis was run to test the ability of the TPB and RSES scores to predict educational outcome. This analysis mirrored the first, but the use of a dichotomous outcome variable (i.e., completion vs. non-completion) necessitated the use of a binary logistic regression. Finally, paired samples *t*-test will be used to determine differences between mean RSES subscale scores at Time1 and Time2, in order to see if scores will improve over time, from initiation to termination of a course

3. RESULTS AND DISCUSSION

Prior to undertaking statistical testing, the data were assessed for their analytical fitness and explored to elucidate data structure. To this end, the psychometric properties of the data were obtained using conventional descriptive statistics (e.g., means and standard deviations), and internal consistency statistics (e.g., Cronbach's alpha) (Appendix A). Structure was tested for dimensionality using item-total correlations, and for some scales (e.g., RSES) structure was examined more rigorously using Principle Components Analysis (PCA) (Appendix B). Additionally, prior to regression analyses data were screened for normality, linearity, homoscedasticity, and independence of residuals graphically using residual analyses. Each of the major scales and subscales used in this study were found on all counts to be of sound psychometric character as gauged by current statistical criteria. All analyses were performed using the Statistical Package for the Social Sciences (SPSS v. 19).

3.1 Hypothesis 1: Self-Esteem Can Explain Additional Variance in Intention to Complete, Above and Beyond the Components in the Theory of Planned Behavior and Other Predictor Variables

Hierarchical Multiple Linear Regression analyses were undertaken in order to provide summary coefficients of the nature of the relationship between Behavioural Intention and: age and gender (Model 1); subjective norm, attitude, and perceived behavioral control (PBC) (Model 2), and between behavioural intention and Self-Esteem measured at the start of training (Model 3). The latter model, involving Self-Esteem as measured at the first time point (i.e., Time1), used the two summative scales consisting of positively and negatively worded items as extracted from a PCA. Note too that Model 1 is tested in Model 2, and Models 1 and 2 are both nested in Model 3 (see Table 2).

Table 1 presents statistics assessing the statistical fit of the three models. Note that the R values derived from Models 2 and 3 were significantly different from zero ($p < .05$), whilst Model 1 was not. This result indicates that the predictive power of Model 1 is no greater than using the mean of the behavioural intention scores, whilst Models 2 and 3 endowed greater predictive power than this average. The adjusted R^2 values contained in Table 1 show the three models explain between 1% and 17% of the variability in behavioural intention, and the change statistics (right-side, Table 1), show that while the change in adjusted R^2 from 0 to 0.01 (i.e., Model 1) is not significant, the changes between Model 1 and Model 2 ($\Delta R_{adj} = 0.12$) and between Model 2 and Model 3 ($\Delta R_{adj} = 0.05$) are significant. This result indicates that Self-Esteem predicts behavioural intention above-and-beyond the TPB.

Both un-standardised (B) and standardised (β) coefficients are reported, along with standard errors, the outcome of significance tests (*via* Students t -test), and regression equations in Table 2. Inspection of the t -values reveals that, for Model 1, age is a significant predictor of behavioural intention but gender is not. This negative association between age and behavioural intention is evident across all three models. For Model 2 all three predictors from the Theory of Planned Behavior have β coefficients significantly different from zero. As expected from theory, subjective norm had a negative correlation coefficient with behavioural intention, while PBC and attitude had positive correlations. These three predictors remain significant in Model 3, and are joined by an additional significant predictor, the negatively- worded RSES subscale. Additionally, an independent samples t -test was undertaken to probe for associations between behavioural intention and learner outcome (i.e., completion vs. non-

completion), and no significance difference was found between the two groups ($t(205) = -0.129, p = .90$).

Table 1. Summary of the MLR analyses when the ten-item RSES is decomposed into two five-item subscales representing positively and negatively worded items

Model	R	R^2	Change Statistics					
			Adjusted R^2	Std. Error of the Estimate	R^2 Change	F Change	df1	df2 Sig. F Change
1	0.17	0.03	0.01	0.17	0.03	1.88	2	180 .16
2	0.38**	0.15	0.11	0.16	0.12	6.08	3	177 .00**
3	0.45**	0.20	0.16	0.17	0.05	4.23	2	175 .02*

* $p < .05$ (2-tailed), ** $p < .01$ (2-tailed).

Table 2. Un-standardised and standardised coefficients for each of the hierarchical multiple linear regression analyses when the RSES is represented by its positive and negatively worded subscales

	B	Std	p	t
Model 1				
Constant	2.17	0.04	-	
Age	-0.00	0.00	-0.17	-
Gender	0.02	0.03	0.06	
Model 2				
Constant	1.33	0.23	-	
Age	-0.00	0.00	-0.17	-
Gender	0.01	0.03	0.03	
PBC	0.09	0.03	0.26	
Subjective Norm	-0.05	0.03	-0.21	-
Attitude	0.12	0.05	0.24	
Model 3				
Constant	1.34	0.23	-	
Age	-0.00	0.00	-0.18	-
Gender	0.01	0.03	0.02	
PBC	0.10	0.03	0.28	
Subjective Norm	-0.05	0.03	-0.21	-
Attitude	0.11	0.05	0.22	
RSES Positive	0.01	0.01	0.07	
RSES Negative	-0.01	0.01	0.25	-

Note: Behavioural Intention is the dependent variable. * $p < .05$ (2-tailed), ** $p < .01$ (2-tailed)

3.2 Hypothesis 2: Self-Esteem Can Predict Course Outcome after Controlling for TPB Components and Other Predictor Variables

Self-Esteem scores should also contribute to course outcome, that is, participants with lower initial Self-Esteem would also be more likely to produce a negative outcome. The analysis and prediction of dichotomous outcomes such as not completed ($N = 167$) or completed ($N = 44$) is best undertaken using logistic regression analyses. Our analyses again comprised of three models, with Model 1 (age and gender), Model 2 (PBC, Subjective Norm, and attitude) and Model 3 (Self-Esteem subscales at Time1) being identical to those employed in the linear regression analyses.

Table 3 displays the effectiveness of the three models in accounting for the data. A battery of Hosmer-Lemeshow (H-L) tests returned non-significant chi-square values for the three models, suggesting that each model constituted an adequate fit to the data. The relative goodness-of fit of the three models is assessed by computing best-fitting parameter estimates using Maximum Likelihood Estimation (MLE). By employing MLE, model selection criteria such as the Akaike Information Criterion (AIC) and the Bayesian Information Criterion (BIC) can be employed to adjust for model complexity (i.e., number of parameters). For all three models MLE was used to fit the logistic model (1) to data, and to provide maximum likelihood parameter estimates. The best-fitting parameters are found by minimizing the deviance, that is, the Log likelihood (LL) function multiplied by negative two [48]. The minimized deviance provides evidence in regards to which model most likely fits the data, but does so without respect to model complexity. Goodness-of-fit measures in themselves do not provide sufficient information with which to select a model, and an advantage of MLE is that it can be used with the AIC and BIC selection methods, both of which account for differences in the number of parameters among the models with the model with the lowest value of AIC or BIC being preferred, with the difference between the two being that the BIC penalizes free parameters more strongly than the AIC. It is evident from the final two columns of Table 3 that the three models are comparable in their ability to account for the data, though Model 3, the least parsimonious, has the lowest AIC and BIC values.

Table 3. Summary of the logistic regression analyses when the ten-item RSES is decomposed into two five-item subscales representing positively and negatively worded items

	-2 Log likelihood	H-L	p-	A	BI
Model 1	49.06	9.01	.25	5	5
Model 2	41.77	6.63	.58	5	5
Model 3	35.01	5.52	.70	5	5

Table 4. Un-standardised and standardised coefficients for each of the hierarchical multiple linear regression analyses when the RSES is represented by its positive and negatively worded subscales

	<i>B</i>	Std Error B	Wald	e^b	95% C.I. for e^b
Model 1					
Constant	3.45	1.15	8.92	3	
Age	-0.01	0.03	0.11	0.	0.93 -
Gender	-0.16	0.86	0.03	0.	0.16 -
Model 2					
Constant	-1.66	7.22	0.05	0.	
Age	0.01	0.03	0.17	1.	0.95 -
Gender	-0.31	0.93	0.11	0.	0.12 -
BI	3.41	2.66	1.65	3	0.17 -
PBC	-2.09	1.46	2.04	0.	0.01 -
Subjective Norm	-0.68	1.09	0.39	0.	0.06 -
Attitude	3.24	1.70	3.66	2	0.92 -
Model 3					
Constant	-1.24	7.18	0.03	0.	
Age	0.01	0.04	0.09	1.	0.94 -
Gender	-0.25	0.97	0.07	0.	0.12 -
BI	1.98	3.08	0.41	7.	0.02 -
PBC	-1.98	1.36	2.12	0.	0.01 -
Subjective Norm	-0.60	1.20	0.25	0.	0.05 -
Attitude	3.61	1.98	3.32	3	0.76 -
RSES Positive	-0.14	0.21	0.45	0.	0.58 -
RSES Negative	-0.33	0.15	4.58	0.	0.54 -

Note: Outcome (completed/uncompleted) is the dependent variable. * $p < .05$ (2-tailed)

Maximum likelihood parameter estimates are displayed in Table 4, both in raw form as logits (i.e., B) and as odds ratios (e^b), the latter accompanied by 95% confidence intervals. Positive values of B indicate that the predicted odds increase as the predictor value increases (i.e., a pass is more likely), while a negative coefficient means that the predicted odds decrease as the predictor decreases (i.e., completion is less likely). The odds ratios, which are conceptually easier to work with, are estimates of the change in the odds of membership to the target group (here completing) for a one-unit increase in the predictor. The maximum likelihood parameter estimates displayed in Table 4 show that the only significant predictor variable contained is the negatively-worded subscale of the RSES, where the odds of completing are 2.1 times greater for a student who has a negative RSES score one unit greater than another student.

3.3 Hypothesis Three: Self-Esteem Will Improve Over Time, From Initiation to Termination of a Course

It is suggested that Self-Esteem should increase over the period of the course; therefore initial RSES subscale scores should indicate lower Self-Esteem than final scores. When analysing the positive component of the RSES, mean scores at Time2 ($M = 12.35$, $SD = 2.31$) were significantly higher ($t(205) = 4.59$, $p < .01$) than mean scores measured at Time1 ($M = 11.52$, $SD = 2.17$). The negative component of the RSES also showed this effect as means scores at Time2 ($M = 10.04$, $SD = 3.39$) were significantly higher ($t(205) = 3.27$, $p < .01$) than at Time1 ($M = 9.25$, $SD = 2.99$).

3.4 Discussion

The ability of educational facilities to predict learner outcome would have a substantial impact on learning, especially in groups known for high rates of non-completion. Through this, the student would have the opportunity to be assessed for risk factors of non-completion and remedial steps could be put in place to mitigate these factors, improving the student's chance of achievement and leading to further employment or educational opportunities. The objective of this study was to identify those factors predicting both learner intention and educational outcome, and the results are now discussed with reference to those aims.

Findings supported the hypothesis that both the Theory of Planned Behavior (TPB) components and Self-Esteem predict intention to complete. After applying a hierarchical multiple linear regression analysis, the three components of TPB; Subjective Norm, Perceived Behavioural Control and Attitude had significant positive correlations to Behavioural Intent, above and beyond the covariates of age (also significant) and gender (not significant). Self-Esteem then proved itself an additional significant predictor, at least when the negative-worded subscale of the RSES was referenced.

In the TPB model, some have questioned the validity of the subjective norm component [16,19,31,49-50]. In the context of the current research, subjective norm, thought to be a major factor in these student's lives, was significant though not dominant. The attitude component is considered global in nature, and may be too general to predict specific intention [19]. However, in this study attitude was found to be a significant predictor of intent to complete education. Perceived Behavioural Control has been referred to as the most significant factor of the TPB for prediction of intent [10] and is confirmed as a dominant factor in this study.

Overall, the analysis showed Self-Esteem, combined with age, gender, and the TPB, provides predictive power above and beyond age and gender by itself, and age and gender combined with the TPB. These results justify the inclusion of Self-Esteem into the model of prediction of intent, and further support the work of Wang (2009), who

suggested that extending the TPB with a more specific variable would result in a more detailed behavioural prediction, the results of which outlined that the inclusion of Self-Esteem provided an improved model of intent to complete [42].

The hypothesis that the TPB and Self-Esteem would predict outcome was only partially supported, with only Self-Esteem predicting outcome. Using binary logistic regression the negatively phrased questions from the RSES emerged as significant predictors of outcome, although the positive RSES subscale did not. Those who responded strongly to the negatively worded questions of the RSES were 2.1 times more likely to achieve a positive outcome. Additionally, the inclusion of Self-Esteem into the variate produced a better model fit than when not included. Self-Esteem as a predictor of outcome has also been verified by Pepi et al. (2006), who found that Self-Esteem was influential in school achievement, especially significant in those groups of students who appeared to have consistently low Self-Esteem. They reported that Self-Esteem was related to socio-economic variables and correlated to academic achievement rate. Students in the study [27] faced similar social constraints and risks to those reported in the current study, thus offering convergent validity in relation to the importance of Self-Esteem and outcome in similar contexts.

Findings also supported the expectation that Self-Esteem will increase over the duration of the programme, with significant increases indicated by the ten item RSES scale and evidenced in both the negative and positively worded questions. Interestingly, individuals returned a clinically borderline level of Self-Esteem ($M=20.59$) when measured at the beginning of their programme, and a significantly higher level at completion ($M=22.36$), and we noted that there were no differences in Self-Esteem levels associated with age, gender or ethnicity. Results do, however, indicate a significantly low Self-Esteem overall with Self-Esteem at completion still only at a mean of 22.36. Indeed, the initial survey result indicated that 115 of the 211 learners had a score below the accepted clinical criteria (i.e., below 20) and at completion this had reduced to 104 learners. Further support of an overall low level of Self-Esteem has been established previously in first year university students in New Zealand, with these students producing the lowest mean score when comparing countries of similar independent cultural values [51]. This has been supported by other studies concluding that New Zealand, when compared to similar countries, has an overall low level of Self-Esteem [52]. The gratifying finding of this section of the study is that Self-Esteem did increase over the duration of the programmes, albeit a small but significant increase.

3.4.1 Limitations and future directions

All findings should be interpreted within the study's limitations. Statistically, the sample size of 211 students with only 37 failures may have elicited Type II errors due

to insufficient power, restricting the ability to successfully predict the influence of TPB components and the RSES on outcome. However, with reference to Cohen and Cohen (1983), our sample size can be considered adequate given the number of variables that were included [53]. Additionally, students were only allowed to choose one item from a grouping of five categories to indicate intent to complete, which may have restricted the variability of this measure. Although this measure was supported by a previous study [9], other studies have successfully enlarged this scale [54]. A further consideration involves generalisability, with only one cohort of homogenous students researched, predominantly coming from the same geographical region and therefore with similar demographics, though age and ethnicity did vary.

This study supports further research into the use of Self-Esteem to predict outcome in education. Scales such as the RSES may be used by an institution to investigate risk to completion, providing that facility with an opportunity of working with identified learners and assisting them to achieve their goal of a positive outcome from tertiary education. Future research could reveal other factors relevant to non-achievement in education and further directions to mitigate these issues. A concern would be that tools measuring Self-Esteem could be used as a screening mechanism prior to enrolment, reducing the risk to the institution of having poor outcome results. This would ultimately serve to limit the already challenged learner's options for advancement, and refusal of entry into a normally accepting institution may compound their already low Self-Esteem [51].

It is also interesting to note that the questions that were negatively phrased in the RSES have proved the most sensitive, which in itself is not a novel finding. Baranik (2008) suggested that collectivist cultures may respond more strongly to negatively worded questions [51], and this may be a factor in the current study. The ethnic groupings found in the catchment area of the PTE; the Pasifika, and Asian peoples can also be described as collectivist, therefore this explanation as to the dominance of the negative worded questions would be more than mere conjecture.

4. CONCLUSION

This research adds to the education literature by further exploring factors predicting both intent to complete training programmes and actual outcomes. Results showed that ratings on the components of the TPB; attitude, perceived behavioural control and subjective norm, were predictive of an individual's intention to complete their course of study. Our findings suggest that the use of a TPB based questionnaire could potentially be used by tertiary training institutes to anticipate a learner's intention to complete a programme, and may therefore prompt the identification and reduction of risk factors to non-completion. This research also identified that negatively worded

items in the RSES sufficiently predicted intent to complete and learner outcomes; that is, individuals that strongly disagreed with the RSES negatively worded items, were more likely to identify positive intent to complete and to complete their course of study. This indicates that the use of self-esteem measures by tertiary training institutes may provide further information around the barriers to completion for an individual and provide a platform for possible intervention. Further studies are encouraged, as the ability to predict outcome in the adult learner would be a significant contributor to the individual, to the learning establishment, as well as to society.

ACKNOWLEDGEMENTS

The authors wish to thank the staff and learners of Corporate Academy Group of Manukau, Auckland.

ETHICAL APPROVAL

All authors hereby declare that all experiments have been examined and approved by the appropriate ethics committee and have therefore been performed in accordance with the ethical standards laid down in the 1964 Declaration of Helsinki.

COMPETING INTERESTS

Authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Scott D. How does achievement at school affect achievement in tertiary education? (May). Wellington, NZ: Tertiary Sector Performance Analysis and Reporting, Ministry of Education; 2008.
2. Middleton S. Failure – the expensive option. The cost of young people who do not succeed in school. Manukau, NZ: Manukau Institute of Technology; 2009.
3. Godfrey CS, Hutton S, Bradshaw J, Coles B, Craig G, Johnson J. Estimating the cost of being "Not in education, employment or training" at age 16-18 (Research Report 346). York: Department for Education and Skill, Social Policy Research Unit, University of York, University of Hull; 2002.
4. Hayes J. The Shameful Growth of a Generation of "NEETS". Manchester: The Guardian; 2007.

5. Bridgeland JM, Dilulio JJ, Morison KB. The silent epidemic: perspectives of high school dropouts. Portland: Bill and Melinda Gates Foundation; 2006.
6. Snyder H, Sickmund M. Juvenile Offenders and Victims: 1999 National Report. Pittsburgh, PA: Office of Juvenile Justice and Delinquency; 1999. Accessed on 8 August 2009. Available: <http://www.ncjrs.org/html/ojjdp/nationalreport99/toc.html>
7. Fielding A, Belfield CR, Thomas HR. The consequences of drop-outs on the cost- effectiveness of 16-19 colleges. *Oxford Review of Education*. 1998;24(4):487-511.
8. Ussher S. Post-school Choices, Analysing the Influence of Academic Achievement on Tertiary Education Choices of School Leavers. Wellington, NZ: Ministry of Education; 2008.
9. Francis JJ, Eccles MP, Johnston M, Walker A, Grimshaw J, Foy R, et al. Constructing questionnaires based on the Theory of Planned Behavior: a manual for health services researchers. Newcastle: Centre for Health Services Research, University of Newcastle; 2004.
10. Davis L, Ajzen I, Saunders J, Williams T. The decision of African American students to complete high school: an application of the theory of planned behavior. *Journal of Educational Psychology*. 2002;94(4):810-819.
11. Martinez C, DeGarmo D, Eddy M. Martinez promoting academic success among Latino youths. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 2004;26(2):128-151.
12. Whitesell NR, Mitchell CM, Spicer P. A longitudinal study of Self-Esteem, cultural identity, and academic success among American Indian adolescents. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2009;15(1):38-50.
13. Rennison J, Maguire S, Middleton S, Ashworth K. Young people not in education, employment or training: evidence from the education maintenance allowance pilots database (RR628). Loughborough: Loughborough University Centre for Research in Social Policy, Department for Education and Skills; 2005.
14. Stinebrickner R, Stinebrickner T. Understanding educational outcomes of students from low income families. Evidence from a liberal arts college with a full tuition subsidy programme. *The Journal of Human Resources*. 2003;38(3):591-617.
15. Fazekas A, Senn CY, Ledgerwood DM. Predictors of intention to use condoms among university women: an application and extension of the Theory of Planned Behavior. *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2001;33(2): 103-117.
16. White KM, Thomas I, Johnston KL, Hyde MK. Predicting attendance at peer-assisted study sessions for statistics: role identity and the theory of planned behavior. *The Journal of Social Psychology*. 2008;148(4):473-491.

17. Zimmerman BJ, Bandura A. Impact of self-regulatory influences on writing course attainment. *American Educational Research Journal*. 1994;31(4):845-862.
18. Kraus SJ. Attitudes and the prediction of behaviour: a meta-analysis of the empirical literature. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1995;21(1):58-75.
19. Ajzen I, Cote NG. Attitudes and the Prediction of Behavior. In Crano, W.D. & Prislin, R. editors. *Attitudes and Attitude Change*. New York: Psychology Press; 2008.
20. Pooley JA, O'Connor M. Environmental education and attitudes: emotions and beliefs are what is needed. *Environment and Behavior*. 2000;32(5):711-723.
21. Meinhold JL, Malkus AJ. Adolescent environmental behaviors: can knowledge, attitudes, and self-efficacy make a difference? *Environment and Behavior*. 2005; 37(4):511-532.
22. Healey A, Knapp M, Farrington DP. Adult labour market implications of antisocial behaviour in childhood and adolescence: findings from a UK longitudinal study. *Applied Economics*. 2004; 36(2):93-105.
23. Rosenberg M. *Society and the adolescent self-image* (revised edition). Middletown, CT, England: Wesleyan University Press; 1965.
24. Baumeister RF, Campbell JD, Krueger JI, Vohs KD. Does high Self-Esteem cause better performance, interpersonal success, happiness, or healthier lifestyles? *Psychological Science in the Public Interest*. 2003; 4(1):1-44.
25. Petersen I, Louw J, Dumont K. Adjustment to university and academic performance among disadvantaged students in South Africa. *Educational Psychology*. 2009; 29(1):99-115.
26. Jaret C, Reitzes D. Currents in a stream: college student identities and ethnic identities and their relationship with Self-Esteem, efficacy, and grade point average in an urban university. *Social Science Quarterly*. 2009;90(2):345-367.
27. Pepi A, Faria L, Alesi M. Personal conceptions of intelligence, self esteem, and school achievement in Italian and Portuguese students. *Adolescence*. 2006; 41(164): 615-632.
28. Baumeister RF, Tice DM. Self-Esteem and responses to success and failure: subsequent performance and intrinsic motivation. *Journal of Personality*. 1986; 53(3): 450-467.
29. Lane J, Lane AM, Kyprianou A. Self-efficacy, Self-Esteem and their impact on academic performance. *Social Behavior and Personality*. 2004;32(3):247-256.
30. Pritchard M, Wilson G. Predicting academic success in undergraduates. *Academic Exchange Quarterly*. 2007;11(1):201-207.

31. Ajzen I. The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991;50:179-211.
32. Phillips P, Abraham C, Bond R. Personality, cognition, and university students examination performance. *European Journal of Personality*. 2003;17:435-448.
33. Cammock T, Carragher N, Prentice G. Undergraduate intentions to apply to the Northern Ireland civil service: the application of a Theory of Planned Behavior model. *European Journal of Social Psychology*. 2009;39:401-414.
34. Ajzen I. Perceived behavioral control, self-efficacy, locus of control, and the theory of planned behavior. *Journal of Applied Social Psychology*. 2002;32(4):665-68.
35. Tashakkori A. Gender, ethnicity, and the structure of the Self-Esteem: an attitude theory approach. *Journal of Social Psychology*. 1992;133(4):479-488.
36. Bandura A. Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist*. 1982;37(2):122-147.
37. Araujo-Soares V, McIntyre T, Sniehotta F. Predicting changes in physical activity among adolescents: the role of self-efficacy, intention, action planning and coping planning. *Health Education Research*. 2009;24(1):128-139.
38. Rodgers WM, Conner M, Murray TC. Distinguishing among perceived control, perceived difficulty, and self-efficacy as determinants of intentions and behaviours. *British Journal of Social Psychology*. 2008;47:607-630.
39. Wood ME. Theoretical framework to study exercise motivation for breast cancer risk reduction. *Oncology Nursing Forum*. 2008;35(1):89-95.
40. Wilkinson D, Abraham C. Constructing an integrated model of the antecedents of adolescent smoking. *British Journal of Health Psychology*. 2004;9:315-333.
41. Bryan A, Kagee A, Broaddus MR. Condom use among South African adolescents: developing and testing theoretical models of intentions and behavior. *AIDS Behavior*. 2006;10:387-397.
42. Wang X. Integrating the theory of planned behavior and attitude functions: implications for health campaign design. *Health Communication*. 2009;24(5):426-434.
43. Tertiary Education Commission. Tertiary Education in New Zealand. 2010. Accessed 20 July 2009. Available: <http://www.tec.govt.nz>
44. Ajzen I. *Attitudes, Personality, and Behavior*. Chicago: Dorsey Press; 1988.
45. Owens TJ. Accentuate the positive-and the negative: rethinking the use of Self-Esteem, self-deprecation, and self-confidence. *Social Psychology Quarterly*. 1993;56(4):288-299.

46. Gray-Little B, Williams VSL, Hancock TD. An item response theory analysis of the Rosenberg Self-Esteem scale. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997;23(5):443-451.
47. Tafarodi RW, Milne AB. Decomposing global Self-Esteem. *Journal of Personality*. 2002;70(4):443-484.
48. Myung IJ. Tutorial on maximum likelihood estimation. *Journal of Mathematical Psychology*. 2003;47:90-100.
49. Armitage CJ, Conner M. Efficacy of the Theory of Planned Behavior: a meta-analytic review. *British Journal of Social Psychology*. 2001;40:471-499.
50. Armitage CJ, Conner M. The Theory of Planned Behavior: assessment of predictive validity and 'perceived control'. *British Journal of Social Psychology*. 1999;38:35-54.
51. Baranik LE, Lakey CE, Lance CE, Hua W, Meade AW, Hu C, Michalos A. Examining the differential item functioning of the Rosenberg Self-Esteem scale across eight countries. *Journal of Applied Social Psychology*. 2008; 38(7): 1867-1904.
52. Rusticus SA, Hubley AM, Zumbo BD. Cross-national comparability of the Rosenberg Self-Esteem scale. Vancouver, BC, Canada: University of British Columbia; 2004.
53. Cohen J, Cohen P. Multiple Regression/Correlation Analysis for the Behavioral Sciences. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates; 1983.
54. Ajzen I, Driver BL. Contingent value measurement: On the nature and meaning of willingness to pay. *Journal of Consumer Psychology*. 1992;1(4):297-316.

Appendix A

Means, Standard Deviations, Corrected item-total correlation, and Cronbach's alpha (α_c) if-item-deleted, for the RSES data obtained at two distinct time points (Time1 and Time2)

Item	<i>N</i>	\bar{x}	<i>SD</i>	Corrected Item- Total Correlation	α_c if- Item- Deleted
Time1					
RSES 1	204	1.67	0.57	0.39	.75
RSES 2	209	1.68	0.56	0.40	.75
RSES 3	203	1.93	0.82	0.38	.75
RSES 4	209	1.83	0.68	0.33	.76
RSES 5	208	2.11	0.93	0.34	.76
RSES 6	210	1.60	0.60	0.50	.74
RSES 7	211	1.80	0.64	0.49	.74
RSES 8	209	2.54	0.98	0.38	.76
RSES 9	211	2.26	0.87	0.60	.72
RSES 10	210	1.99	0.88	0.57	.72
Time					
RSES 1	172	1.45	0.60	0.49	.79
RSES 2	173	1.49	0.60	0.43	.80
RSES 3	172	1.86	0.86	0.49	.79
RSES 4	173	1.61	0.60	0.40	.80
RSES 5	173	1.94	0.91	0.45	.80
RSES 6	173	1.53	0.60	0.46	.80
RSES 7	173	1.58	0.66	0.48	.80
RSES 8	173	2.21	0.97	0.54	.79
RSES 9	172	2.07	0.87	0.60	.78
RSES 10	173	1.89	0.88	0.60	.78

Means, Standard Deviations, Corrected item-total correlation, and Cronbach's alpha (α_c) if item deleted, for components of the Theory of Planned Behavior questionnaire

	N	\bar{x}	SD	Corrected Item- Total Correlation	α_c if Item Deleted
Perceived Behavioral Control					
TPB 1	197	4.06	1.17	.27	.67
TPB 2	197	3.82	1.14	.36	.66
TPB 3	197	3.86	1.20	.29	.67
TPB 4	197	4.31	1.05	.44	.65
TPB 5	197	3.96	1.24	.35	.66
TPB 6	197	4.19	1.07	.27	.67
TPB 7	197	3.94	1.31	.39	.65
TPB 8	197	4.26	1.32	.30	.67
TPB 9	197	4.08	1.24	.37	.65
TPB 10	197	4.13	1.14	.42	.65
Subjective Norm					
TPB 11	206	4.58	0.92	.75	.90
TPB 12	206	4.49	1.01	.72	.90
TPB 13	206	4.46	1.07	.73	.90
TPB 14	206	4.50	1.06	.69	.90
TPB 15	206	4.08	1.30	.52	.91
TPB 16	206	4.32	1.09	.71	.90
TPB 17	206	4.49	0.99	.71	.90
TPB 18	206	4.44	1.04	.73	.90
TPB 19	206	4.33	1.06	.75	.90
TPB 20	206	3.80	1.42	.55	.91
Attitude					
TPB 21	211	4.76	.72	.74	.84
TPB 22	211	4.75	.68	.70	.85
TPB 23	211	4.68	.83	.73	.84
TPB 24	211	4.57	.86	.69	.85
TPB 25	211	4.59	.84	.68	.86

Appendix B

Rosenberg (1965) Self-Esteem Scale (RSES) communalities and factor loadings for two measurement time points (Time1 and Time2)

Item	Time1		Time2	
	Communality	Component 1 ($\lambda = 34.124\%$)	Component 2 ($\lambda = 18.205\%$)	Component 1 ($\lambda = 37.879\%$) Component 2 ($\lambda = 18.894\%$)
RSES2	0.60	<u>0.77</u>	0.01	<u>0.72</u>
RSES1	0.56	<u>0.75</u>	0.03	<u>0.77</u>
RSES6	0.56	<u>0.72</u>	0.21	<u>0.77</u>
RSES4	0.45	<u>0.67</u>	0.00	<u>0.69</u>
RSES7	0.51	<u>0.67</u>	0.23	<u>0.75</u>
RSES8	0.59	0.06	<u>0.77</u>	0.04
RSES9	0.58	0.35	<u>0.68</u>	0.23
RSES3	0.46	0.02	<u>0.67</u>	0.09
RSES10	0.55	0.35	<u>0.66</u>	0.21
RSES5	0.38	0.01	<u>0.62</u>	0.09

Note: All loadings >0.40 are underlined.

Means, standard deviations, and Cronbach's alpha (c_e) for the RSES and its positive and negative subscales at Time1 and Time2

RSES	Time 2		Time 1	
	M	SD	M	SD
Ten-item	20.59	4.34	22.36	4.67
Positive	11.52	2.17	12.35	2.31
Negative	9.25	2.99	10.04	3.39

Rimar Svetlana Victorovna,
*Head of the department of social and humanities
Murom Institute (branch) Vladimir State University,
Candidate of Philology, docent*

Self-development as a way to achieve the subjective well-being of the person

Abstract: This paper deals with the problem of subjective well-being of the individual. The author concludes that the self-development can bring a man subjective well-being, manifesting itself in improving the quality of life on all levels (physical, social, spiritual), and achieves a high degree of self-realization.

Keywords: self-development, subjective well-being, person, people

Рымарь Светлана Викторовна,
*заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Муромского института (филиала) Владимирского государственного
университета, кандидат филологических наук, доцент*

Саморазвитие как способ достижения субъективного благополучия личности

Аннотация: Статья посвящена проблеме субъективного благополучия личности. Автор делает вывод, что саморазвитие может приносить человеку субъективное благополучие, проявляясь в улучшении качества жизни на всех уровнях (физическом, социальном, духовном), и позволяет достигать высокой степени самореализации.

Ключевые слова: саморазвитие, субъективное благополучие, личность, человек

В последние десятилетия проблема субъективного благополучия часто становится предметом исследования психологов. Данное положение вызвано необходимостью в определении того, что является основанием для внутреннего равновесия, а также развития личности, из чего оно складывается, как можно

помочь личности в решении проблемы благополучия, какие эмоционально-оценочные отношения существуют в его основе. Для более полного понимания процессов связанных с субъективным благополучием личности нам необходимо было уточнить понятие «саморазвития» как неотъемлемой составляющей личности.

Проблема саморазвития не менее актуальна, существует целая плеяда мыслителей, ученых, чьи идеи, работы посвящены проблеме саморазвития. К примеру, представитель итальянского Возрождения Колюччо Салютати [1], рассматривал проблему саморазвития человека, утверждая, что путь к нему открывает поэзия, античная мудрость, философия античности и мифология. Салютати принадлежит идея о том, что знание является не самоцелью, а средством совершенствования человека.

Иной представитель итальянского Возрождения Болоньи Леон Батиста Альберти полагал, что люди ответственны сами за свое моральное совершенствование [1]. Он считал, что человеку от рождения даны только потенции совершенства, которые человек должен раскрыть на протяжении всей своей жизни, где важная роль отводится стремлению и способности личности к самосовершенствованию, обеспечиваемые свободой воли, свободным моральным выбором.

Идеи самообразования и саморазвития развивают Марсилио Фичина, Кристофоро Ландино, Джованни Пико дела Мирандола и др.

В контексте анализа проблемы саморазвития личности значимое место занимают, для нашего исследования, труды педагогов нового времени, Я. А. Коменского, И.Г. Песталоцци, Ш. Фурье, А. Дистервега и др.

Раскрывая суть конструкта саморазвитие личности необходимо уточнить такие понятия, как развитие и личность.

Само понятие «развитие» начало складываться в античности, но существенное развитие получило лишь в XVIII веке.

Заметим, что большинство обобщенных справочных изданий рассматривают категорию «развитие» с двух позиций: как процесс и конечное состояние. Например, в словаре русского языка С.И. Ожегова развитие рассматривается: как степень сознательности, просвещенности, культурности; как процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное, перехода от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, от простого к сложному, от низшего к высшему.

При изучении психолого-педагогических аспектов понятия «развитие» выяснилось, что мнения ученых различаются. Например, в словаре практического психолога [2] дается несколько вариантов трактовки этого понятия: 1. Доведение до некоей степени духовной, умственной зрелости, сознательности, культурности

и пр. 2. Усиление, укрепление. 3. Развертывание чего-либо в широких пределах, с полной энергией.

В большинстве справочных изданий [3; 4] не дается обобщенная трактовка термина развития. Данное понятие конкретизируется исходя из конкретной области исследования и связан с категорией «личность». Именно обоснованный выбор одной из трактовок «личности» в конечном итоге определяет понятие «развитие личности».

В отечественной психологической науке существует многообразие подходов к определению понятия «личность»: психогенетическая концепция индивидуальности (Б. М. Теплов), концепция развивающейся личности (А.В. Петровский), историко-эволюционный подход (А.Г. Асмолов). В концепции личности В.Н. Мясищева ключевой категорией анализа данного понятия является категория «отношение». Опираясь на работы К.С. Абульхановой-Славской, Б.Ф. Ломова, В.Н. Мясищева, С.Л. Рубинштейна, мы рассматриваем личность как многоуровневую динамическую систему субъективно-личностных отношений к миру, к другим людям и к себе и сосредоточиваем свое внимание на интраиндивидуальной ее репрезентации.

В зарубежной психологии, также как и в отечественной определение понятия «личность» у разных авторов отличается [5; 7]. Большинство ученых (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Э. Эриксон, Д. Келли и др.) сходятся в том, что личностное развитие обусловлено множеством внешних и внутренних детерминантов. К внешним детерминантам они относят: социально-экономический строй, принадлежность индивидуума к определенной культуре. К внутренним детерминантам относят биологические, физиологические, генетические факторы. Однако на этом их «единодушие» заканчивается. Оживленные дискуссии по поводу значимости генетических и средовых факторов в процессе развития не закончились пониманием того, каким образом они должны взаимодействовать, чтобы это привело к появлению определенных характеристик поведения.

Опираясь на труды как отечественных, так и зарубежных авторов примем за основу данной работы положения субъектного подхода, мы выделяем субъектность как новый уровень интеграции личности, ее системное качество, определяющее способность быть творцом собственного жизненного пути, насыщая его духовными ценностями, новыми достижениями, позитивными событиями. Личность мы рассматриваем как:

- рациональное существо, способное управлять собственными действиями, преодолевать влияние среды, саморазвиваться, самосовершенствоваться;
- интегративную систему отношений, которая детерминирует направление ее активности на преобразование себя и достижение оптимальных условий жизни, благополучия.

В свете нашего исследования нам необходимо определить понятие «благополучие». Понятие «благополучие» давно и прочно вошло в наш повседневный обиход и научную литературу. Ему присваиваются в разных контекстах различные значения. Имеющиеся различия можно интерпретировать большой содержательной емкостью, многомерностью этого понятия. В качестве синонимов к понятию «благополучие» можно назвать такие слова, как счастье, благосостояние, богатство, достаточность, обеспеченность, преуспевание, процветание, состоятельность, другие.

Свидетельство того, что проблема благополучия, широко обсуждаемая и актуальная, является то, что в 1960-е гг. американские исследовательские организации начали задавать людям вопросы о счастье и удовлетворенности. Результатом явилось появление ранних классических работ, а именно: «Структура психологического благополучия», «Модель человеческих тревог» «Качество американской жизни». В 1974 г. основан журнал «Исследования социальных показателей», где появилось много материалов по вопросам счастья, благополучия и удовлетворения жизнью. В журнале «Личность и индивидуальные различия» публикуются статьи о индивидуальных различий в восприятии субъективного благополучия. В 1999 г. появился журнал «Исследования счастья». Психологии счастья и субъективного благополучия посвящены монографии Аргайла.

Изучая выделенную нами проблему, необходимо было определиться, хоть и в общих чертах, что есть субъективное благополучие. По мнению Р.М. Шамянова [6], субъективное благополучие - понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное значение для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде и характеризующееся ощущением удовлетворенности.

Изучив определения субъективного благополучия, содержащиеся в трудах различных авторов, можно выделить три группы схожие в своем определении:

1. Тесно связано с обыденным пониманием счастья.
2. Удовлетворенность жизнью связывается со стандартами респондента в отношении того, что является хорошей жизнью, подразумевая под собой, что благополучие - это гармоничное удовлетворение желаний и стремлений человека.
3. Нормативное благополучие, которое определяется по внешним критериям, таким как добродетельная «правильная» жизнь.

Именно субъективное отношение личности к жизни определяет душевное и моральное удовлетворение собственной жизнью.

Таким образом, рассмотрев все понятия, относящиеся к теме нашего исследования, можно утверждать, саморазвитие является одним из способов

достижения благополучия личности. Сам конструкт саморазвития личности мы определили как фундаментальную способность человека становиться и быть субъектом своей жизни, превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев). Как мы выяснили термин «благополучие» является интегральным понятием и вбирает в себя многообразие жизненных благ. Так как мы говорим о субъективном благополучии личности, оно непосредственно включает в себя физиологическое, психологическое и социальное благополучие. Отсюда делаем вывод, что саморазвитие личности положительно влияет в той или иной степени на каждый из компонентов субъективного благополучия.

Таким образом, можно сделать вывод, что саморазвитие может приносить человеку субъективное благополучие, проявляясь в улучшении качества жизни на всех уровнях (физическом, социальном, духовном), и позволяет достигать высокой степени самореализации. Значит, саморазвитие личности помогает приумножать благополучие личности, позволяет оценивать отношение человека к своей жизни и самому себе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брагина, Л.М.* История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. – М.: Высшая школа, 1999. – 479 с.
2. *Головин, С. Ю.* Словарь практического психолога. – Минск: Харвест, 2007. – 975 с.
3. *Корсини, Р.* Психологическая энциклопедия. – СПб.: Питер 2003. – 1096 с.
4. Психологический словарь / Под. Ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – М.: Педагогика-Пресс, 2001. – 440 с.
5. Психология личности в трудах зарубежных психологов / Под ред. А. А. Реана. – СПб.: Питер, 2000. – 320 с.
6. Психология субъективного благополучия / – М.: Мир Психологии. – 2002, № 2.
7. *Хьелл, Л.* Теории. – СПб.: Питер, 2001. – 608 с.

Titarenko Svitlana Anatoliivna,
Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences,
the Department of the Preschool education
Barsukovska Halyna Petrivna,
Senior teacher, the Department of the Preschool education
Alexander Dovzhenko Hlukhiv National Pedagogical University

FORTHCOMING AND HEREDITY IN FORMATION OF HEALTH-SERVING COMPETENCE PRE-SCHOOL AND YOUNGER STUDENTS

Annotation. There is inquiry's analyse devoted to the problem of the modeling the components' continuity of the healthy protecting environment for preschoolers and primary school pupils in this article; has made the comparison of the programs' «The child» and «Health Basics and Physical Education»; offered practical recommendations for the providing of the continuity and inheritance in the problem of the healthy protecting environment components and their modeling for the preschoolers and primary school pupils.

Keywords: continuity, inheritance, the components of the healthy protecting environment, preschoolers, primary school pupils.

Providing of with qualitative and affordable preschool education, upbringing of healthy and competent individuality is the key priorities of preschool education today. It is declared in the main public documents, the law «On pre-school education», «Comments on the base component of pre-school education», «Basic components of pre-school education» in the «Child» program.

Comparative analysis of preschool regulations and primary education leads to the conclusion about the unity of theoretical and methodological approaches on which they are based. In particular, the «state standard primary education» emphasizes the fact that primary school should continue the preschool development line, consolidate and develop the property of preschool childhood in the conditions of school-upbringing.

The principle of continuity in education has to begin from ensuring of forthcoming between its first steps in pre-school and primary links. Training and education of preschool children is closely connected with the problem of heredity in the learning process. In the explanatory dictionary inherit is defined as inheriting of something continuing of certain activities, affairs, certain traditions. Therefore, A. Bogush under

succession in preschools understands «school's inheritance of school activity and communicative aspects of child's life in the preschool age» [3, p. 477].

If you need to look for features of heredity in meaningful programs for primary school you should find the signs of long-time studying in the software of pre-school education problems.

In the basic components of pre-school education and State standard for elementary general education the priority of competency approach to the solving of the fundamental problems of preschool and primary education links is recognized. These documents are intended to ensure the gradual formation of child's personality its, physical, cognitive, social, aesthetic development, which it gains during some practical experience necessary for using in the future life.

Today close relationship between the health of people, their physical development and mastery of physical education as a whole is evident. Bases of physical and mental health of a person are laid in early childhood and a school education period for upbringing of a healthy, hardened, physically hardy person to form one's character. Everything is extremely important.

The earliest social environment, to which a child gets, is a pre-school educational establishment. The «Child» program estimates physical education as the foundation of a full harmonious development of the child. The main objectives of physical education are related to the implementation of student-centered approach to the individual child according to the formation of fundamental skills and motor skills (walking, running, jumping, crawling and climbing, throwing, exercises in balancing), for making children healthier in general.

If we compare the basic components of preschool education and State standard of primary education we can see that according to the first document competence in the field of physical education "I" includes in itself basic idea about their appearance, body, sexual differentiation and identification of the basic systems, age-related changes of the body, the dependence of the state of nutrition and lifestyle, acquired by a preschooler the ability to avoid harmful factors exposure, to orientate in terms of their health and illness, the development of motor activity [1].

State standard primary education indicates that the purpose of the educational sector «Health and Physical Education» is the formation of health-serving competence with the help of students skills, which they gain, strengthen, using care and respect to his health, the development of personal physical training [7, p. 5].

Health-serving competence in primary school children is formed by studying the educational subjects such as «health and physical education» and provides students' mastery of competences. Regarding purpose and objectives of the content of the educational sector the State standard primary education defines the following content line: health and physical education.

Thus both documents in pre-school and primary link determine the formation of the child health-serving competence. However health-serving competence includes in itself preschooler is basic knowledge and understanding of the work of major organs and systems, age-related changes of the body, the dependence of its state of nutrition and lifestyle, the ability to avoid to harmful factors exposure to focus in terms of their own health and illness, the development of physical activity. In the first class form a system of integrated scientific knowledge is formed, develop complicated skills of healthy lifestyle of useful leisure and recreation; are developed the knowledge and skills of disease prevention, injury prevention. The First-formers use exercise for the prevention of scoliosis, and to liquidate students' fatigue.

Let's compare key objectives of the program «Child» and «Fundamentals of Health and Physical Education» (Table. 1). The total combination of tasks, presented in the program «Child» can be divided into three groups: educational, recreational and developmental and an upbringing group.

Table 1.

Objectives of physical education programs «Child» and «Foundations of Health and Physical Education»

«Child»	«Foundations of Health and Physical Education»
<p><u>Educational objectives:</u> mastering of a variety movements (walking, running, jumping, throwing, climbing, exercise in balance); training in basic movements during outdoor games and sports character exercises using in various forms of work; formation of healthy lifestyle skills; forming imaginations about the benefit of physical exercise for their health and overall development; activation of athletic terminology dictionary, learning the necessary knowledge in the field of hygiene, medicine and physical education.</p> <p><u>Health-Training:</u> comprehensive development, health promotion, improving of physical development, hardening enhancing of body's functional abilities, improving</p>	<p><u>Educational aims are:</u> is to study students outdoor games; elements of sport games, individual kinds of sports, technique, doing general developing drill, gymnastics, acrobatic, athletics, games and dance exercises, artistic and rhythmic gymnastics, skater's exercises, skier's and swimmer's ones; in gaining knowledge and skills in observing daily time-table, hygiene, personal care, body hardening, healthy lifestyles and improving efficiency.</p> <p><u>Training and fitness goals</u> are to develop the basic physical qualities and motor abilities; skills of using physical exercises for the prevention of scoliosis, fatigue; to obtain basic knowledge's on physical culture, their own health as important components of human culture and identity formation; physical activity, which is the basis of the human body, its organs and systems; in obtaining basic knowledge's about mobile, national and sport games, gymnastics, acrobatics,</p>

<p>mental and physical ability to work; correct posture formation, flatfoot; prevention physical qualities development (agility, strength, speed, flexibility, endurance, development of motor skills (balance function, motor coordination), cognitive movements, development of the child's interests in the motor activity.</p> <p><u>Upbringing objectives:</u> moral traits upbringing (sociability, honesty, fairness, responsibility); volitional traits education (organization, patience, perseverance, ability to subordinate their actions to others); creating a positive attitude towards physical education; interest in the education of active motor activity; formation of needs in regular physical exercises.</p>	<p>athletics, artistic and rhythmic gymnastics, swimming, skating and skiing sport.</p> <p><u>Cognitive objectives are:</u> the development and expansion of outlook horizons, elementary students' ideas about physical culture, sport, tourism, health foundations and healthy lifestyles; in become acquaintance with Ukrainian folk physical culture, sports traditions, national games, amusements, outstanding sports figures, scientists, coaches, athletes, teams, and their participations in the Olympic Games, World Championships, European and other international competitions.</p> <p><u>Upbringing objectives are:</u> upbringing students' interest and habit to physical lessons; interest in Ukrainian folk games, ethnic, national and Olympic sports; careful attitude to their own health; formation of stable motivational attitudes for a healthy lifestyle as one of the main conditions to strengthen their health; formation conscious individual settings on the need to develop their physical qualities and motor abilities; raising moral and volitional qualities and psychological peculiarities of personality</p>
--	--

For solving these complex problems educators are recommended to use the full range means of physical education: hygiene factors, natural forces, physical exercise. Thus you have to considerate the age characteristics of children and their capabilities and needs.

When studying the subject «Bases of Health and Physical Education» in elementary school educational, developmental, health and upbringing tasks are realized. And cognitive ones are carried out as well [8, p. 4-5].

The development of students' habits to a healthy lifestyle is focused in the process of solving problems of physical education in schools on meet their needs in the knowledge of their motor capacities and physical self-improvement are satisfied. The attitude formed to negative habits; are formed the level of physical training of students is in creasing.

Physical readiness for school is the most important complex characteristic of the preschool age child, which facilitates the adaptation to school. The child is prepared for school if she has such skills in a sphere of physical development:

- It has basic fundamental movements: walking, running, jumping, throwing and cast, crawling and climbing exercises in balance;
- It shows physical qualities in the process of motor activity, flexibility, agility, speed, strength, endurance;
- Willingly and ably perform motor actions associated with different types of activities (work, self-service, expressive activity, hygiene procedures);
- It has technician of sport exercises, can ride a bike, sled, scooter, to skate, skiing and swim; knows the games rules and follows them, knows some tactical sport game methods (volleyball, basketball, football, hockey, skittles, badminton);
- It shows sufficient coordination, orients in space, and preserves the tie in a static position during displacement and during the performance of motor actions;
- It freely adapts to environmental conditions, can expediently apply its own motor experience according to the natural conditions and existing sports equipment, household items;
- Shows persistence in achieving certain results, seeks to improve their own mobility;
- Recognizes the importance of hardening, proper nutrition, doing physical exercise, hygiene, norms rules of safe behaviour;
- Willing to interact with peers, engages in joint moving actions, games; shows tolerance, respect, it is able to help a friend, to be happy from self-achievements peers' successes [2].

Just preschool educational institution must ensure the formation of the skills in children of preschool age, which we have pointed out above.

So, when we form basic knowledge and understanding about the benefits of physical training lessons and games; ability to perform basic motions; develop motor qualities in a child of preschool age, we speak about knowledge. In the lower grades, they are expanded, supplemented, complicated and are raised to a higher academic level. For example, students are required not only to perform movements with the help of verbal instruction, but also to have gymnastic terminology, to know the basics of physical exercises techniques as well as its details and so on.

The classes for physical training are the main organizational form of teaching children to do exercises. They are obligatory for all pupils and are held for a constant group of children according to the distinct schedule – daily throughout the whole calendar year. Ongoing classes in physical culture have educational and training objectives: strengthening the health of children, training of the body, developing abilities and skills and habits of basic movements (walking, running, jumping, throwing, etc.).

exercise of sports character (swimming, cycling, skiing, etc.), are more fully solved positive moral and volitional traits, the development of physical qualities and interest to affordable types of motor activity for preschoolers are brought up.

School uses the same means and forms of physical education as in a preschool educational establishment. But, unlike the pre-school on where fitness classes have a priority in the process of systematic, sequential formation, fixation and improvement of basic motor skills and habits in children, the development of their physical qualities, the basic form of at school is training lesson. Other organizational forms: national, traditional outdoor games; rhythmic exercises, rhythmic and athletic gymnastics; sports games (basketball, volleyball, handball, football); cross and ski training; tourism; are held athletics. In addition, school offers sports courses, clubs and sections, sport events and soon. Programmatic content of the lesson in Physical culture involves complications of some exercises and increase of requirements to performing of basic movements. Children's knowledge means of perform motor actions during games and sports character exercises are improved. Much attention is paid to the development of students' physical properties in the result of increasing physical activity while performing generally developing exercises, basic motions and mobile games. During sports and recreation activities for children the duration and dosage of movements, exercises, games, temper procedures are increased, and the requirements to clarity, accuracy and quality of movement are increased at the same time.

At school in the process of motor activity a teacher directs children to search for the most efficient way to do exercises. Often involved are the most trained children are often involved to demonstrate motions. When explaining exercises the based teacher relies on motor experience they have. For training motions the teacher uses verbal methods, comparison and analysis take more place in a pedagogical system while developing abilities and skills in primary school children in contrast to children of preschool age where visual methods of training movements dominated.

According to the program of education and training for children from two to seven years, «Child», in contrast to the usual orientation on quantitative measures of physical progress and quality of exercises, more attention is paid if a child is willingly doing exercises with desire, which the norm of is its individual, in accordance with its natural abilities. Everything allows you to feel satisfied, be able; attacks in those occasions the child feels itself to be uncomfortable, insecured, shows cowardice, and perhaps a real phobia. For any physical abuse can leave a negative mark in the soul, affect the child's personal development.

The main criterion in giving marks for doing motor actions in school is a complex knowledge assessment, technology implementation (under favourable conditions for the student) and the required rate. With the help of standard indicator the level of

competence is determined and then with the help of technical indicators of motor fulfilment and theoretical knowledge the final mark in points is put [4, p. 25].

The «Child» program built in such a way, that parents, preschool education specialists, orientating focusing on the interests, needs and capabilities of the child, create optimal conditions for acquiring child motor experience, guided motor activity of the child so that it can do experiments, practice and get pleasure from their own achievements in the motor sphere. The elementary school continues to use characteristic preschool forms and methods of work; uses motives, of game behavior, motor and spatial orientation, improve vital motor skills, develop motor qualities, providing optimal physical activity, self-regulation of behavior and so on.

A full physical development depends on an active vital position of a preschooler, a level and diversity of his motor activity. One of the effective means of physical education of the child is the physical exercises presented in the «Child» program. Having the natural need to moving, the child enjoys the process of doing exercise. It does not lose opportunities to run to, jump or to climb. Various physical exercises: basic motions, mobile games and game generally developing exercises, dance moves and fitness fun, which includes exercises with elements of sport, can satisfy child's needs in the moving. Positive emotions, interests and their satisfaction take place during regular exercise motor activity. Gradually the habit to daily physical training is formed. The process of acquiring motor experience is preschoolers is characterized with complexity of personality's development, social and emotional development and the development of cognitive sphere scope and creativity of children are held. And the school is improving and consolidating the basic movements and generally developing playing exercises, dance moves; development of motor skills and abilities.

The implementation of psychological and pedagogical principles which would ensure continuity in physical education between preschool and primary units of general education requires the consideration of two interrelated aspects: anatomical and physiological (which aims are to identify anatomical and physiological characteristics of preschool and primary school children for their consideration in developing the theoretical foundations of continuity between preschool and primary units of general education) and psycho-pedagogical (which is associated with learning of children's mental development patens' during transition from preschoolers to school children with the aim to considerate everything when developing objectives, content, methods, forms and of means continuity in children's physical education of preschool and primary school age).

The implementation of forthcoming and heredity problems in modern conditions considering prospective directions' of early childhood education and elementary education is possible only if the isolation, awareness and understanding of natural relationships which occur in the development of children, especially in the process of

physical education. Distinguishing patterns of mental development during the transition period, the construction of educational process on the basis of logical connections will be favourable for gradual evolution of the child without her painful passage of adjacent stages will give you to use the most valuable for the development of the child's opportunities typical to each age period.

We believe that the relationship between a kindergarten and school in solving the tasks of physical culture lies first of all in the fact that CCA provides the overall development of children (formation of vital movements, the development of physical qualities, upbringing the interest to motor activity), and school such development should use. It is to note that to teach how to study at school you should gradually, do not cancel the game form of physical education classes, reduce the time of playing activity and increase the training time that should have game character. Children should not feel sharp transition from one regime to another, which must be natural.

Primary school should accurately and fully take into account the achievement of pre-school age not only in context and methodological fields but also in the sphere of the formation of personal traits in children, and their volitional sphere.

Actual for elementary schools in the context of succession and continuity of preschool education are: integration and differentiation in the process of physical education of children; optimum motor performance of children; using of Ukrainian folk games in physical education; the combination of control training standards and requirements to the physical development of children; individualization of the learning process.

Therefore, basic knowledge of preschool children about physical culture and their own health, elementary motor skills, which make health-serving competence, form the basis a teacher has to use deciding the tasks «Fundamentals of Health and Physical Education» program clarifying, deepening and systematizing them.

To ensure forthcoming and heredity in the formation of health-serving competence in preschool age and younger students we recommend to the teachers:

- To learn the content of the program for secondary school «Fundamentals of Health and Physical Education» and manual by Vilchkovskyy ES, Kozlenko MP, Tsveyk SF The system of physical education in primary school children [for teachers and students of higher educational establishments for I-II levels of accreditation]: Textbook – K IZMN, 1998 [5].

- To attend physical culture classes in the first form;
- To form a vital important motions (walking, running, jumping, crawling, climbing, throwing, balance exercises), to provide children mastering how to perform a variety of exercises in basic motions and their rational use age in everyday life, depended on equipment, environmental conditions and their own needs;

- To make child's physical education, taking into account the natural and social environment, the objective environment and the various activities which are associated with the development of motor sphere;

- Do not substitute for specific types of pre-school children sports and recreation activities in to school ones; do not transferred artificially to preschool educational institution of physical education content in the first class;

- To bear in mind that every child acquires motor experience, characterized to her own pace, depending on the of mobility level, age, natural features, etc.;

- In the process of health-serving competence formation of preschoolers you have to use different organizational forms of physical training (fitness classes, outdoor and sports, gymnastics, and physical training minutes and pauses, temper procedures, etc.) that promote physical development and improve the health of children;

- To implement individual and differentiated approaches to preschool children during motor activity;

- To encourage motor manifestations of independence, initiative in doing physical exercise;

- Together with primary school teachers to carryout various sports and recreational activities (fitness fun, holidays, competitions, etc.). You have clearly dose burden for children according to their capabilities;

- To create health-serving environment in pre-school programs, which would satisfy the biological needs of the child in the movements and stimulate their motor activity, independence, initiative, willingness to do movements in natural conditions.

It is important to elementary school teachers':

- To continue logically the overall process of physical development in children provided in kindergartens;

- To improve the technique of vital important movements (walking, running, jumping, crawling, climbing, throwing, keeping balance) in the daily activities in the process of moving, sports, entertainment, competition, etc.;

- To continue acquainting to familiarize with mobile games; sports elements, individual kinds of sport;

- No expand children's knowledge about the adherence of the day, personal care, body hardening, healthy lifestyles and efficiency increasing;

- To continue developing the students' conscious individual installation on the need to develop their physical qualities and motor abilities;

- To expand children's knowledge about physical culture, their own health as important components of human culture; motor activity which is the basis of the human body, its organs and systems;

- To promote in bringing up of positive moral and volitional psychological and personality's traits;

- In physical education you should take into account existing needs and interests of students, the natural conditions of their habitat, health, physical development, motor training, material resources of school, regional features;

- To establish a close relationship with their parents for the joint efforts of the school and the family to organize moving mode, which corresponds to the age peculiarities and needs of the student?

- To build the process of learning on understanding and awareness of knowledge about the benefits of physical training sessions.

Physical education – teaching complex process, which effectiveness is determined by a comprehensive approach to solving all the problems and the usage of all forms of physical education in pre-school establishment and school and it depends on the efforts of the entire teaching staff in a kindergarten and school.

REFERENCES

1. Basic components of preschool education in Ukraine. – K.: Preschool Education, 1999. – 70 p.

2. Bohinich A.L. Nature and movement: a handbook by / A.L. Bohinich, G.V. Belenky. – K.: Kobza, 2003. – 192 p.

3. Bogush A.M. Preschool linguistics / A.M. Bogush, N.V. Gavrysh. – K.: High School, 2007. – 542 p.

4. Vashenko A.M. Sport and Recreation Activities in the routine of the academia day of younger student's academia day: teacher's guide by / O.M. Vashenko, V.M. Ermolova, L.I. Ivanov, S.I. Operaylo, L.V. Romanenko; by the Society. eds. E.V. Belkin. – Kamenets-Podolsk: ABC, 2003. – 192 p.

5. Vilchkovskyy E.S. The system of physical education for primary school children [for teachers and students of higher educational establishments of I-II levels of accreditation]: Textbook by / E.S. Vilchkovskyy, M.P. Kozlenko, S.F. Tsveik. – K IZMN, 1998. – 232 p.

6. Child: program of education and training of children from two to seven years – the 3rd edition, revised and added – Kyiv. Un-named after .. B.Grinenko, 2012. – 492 p.

7. State Standard of primary education // Elementary School. Scientific-methodical journal, 2011. – № 7. – S. 1-18.

8. Basis of Health and Physical Education. Program for secondary schools the 1-11 classes. – K.: Primary school. – 2001. – 112 p.

Nemchenko Sergiy,
*Berdyansk State Pedagogical University,
Associate Professor of pedagogy of higher education,
managing educational institutions and methods
of teaching world history*

CREATING A REFLEXIVE ENVIRONMENT OF MASTER COURSE AS A CONDITION OF EFFECTIVE TRAINING OF A FUTURE HEAD OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION

Abstract. The article "Creating a reflexive environment of master course as a condition of effective training of a future head of an educational institution" deals with the problems of transition of the training system of a future head of an institution in the master's course of Pedagogical University with a master's degree from the reflexive paradigm to the cognitive one. The features of the reflexive paradigm and its differences from the cognitive one are considered. The need for a master's degree reflexive environment is emphasized; its main indicators are described.

Keywords: Master course, reflexive paradigm, reflexive master course environment, conditions for effective training of future educational institution leaders.

Actuality. Transformation of the Ukrainian system of higher education in modern society requires a revision of views on the management of educational institutions, their development, organizing them in the educational process. As a consequence, in the course of the transformation there is a change of the traditional paradigm of the process of preparation of future school leaders, in which earlier the emphasis was on cognitive aspect. Contemporary pedagogical science has come to the conclusion that cognitive education is necessary for thinking skills training needed to perform educational activities. It is not enough to develop the skills of sound, reasoned, logically correct reasoning, the ability to think independently and critically, that is, reflectively and creatively. As a result, graduate students are not able to use the acquired knowledge effectively in practice.

This problem is reflected in the research of leading scholars and practitioners of the past and the present: Yu.Babanskiy, V.Bespalko, V. Bondar, L. Danilenko, G. Elnikova, B. Korotyaeva, V. Lugovoy, V.Maslova, V.Oliylyk, V. Pikeln, etc. Adaptive control theory was considered in the scientific works of domestic and foreign scientists: G. Elnikova, G. Polyakova, P. Tretyakov, T. Shamova, etc. Technologies of educational

process have been studied by the leading scientists such as V. Beshpal'ko, L. Danilenko, G. Elnikova, V. Evdokimov, T. Ilyina, I. Lerner, B. Monakhov, G. Selevko, T. Nazarova, etc. In scientific studies by V. Bondar', V. Grigorash, G. Elnikova, O. Kasyanov, B. Kobzar, Yu. Konarzhevskiy, M. Kondakov, O. Marmaz, V. Maslov, E. Pavlyutenkov, M. Portnov, N. Suntsov, P. Frolov, P. Khudominskiy and other scientists the theory and practice of school management are actualized. But, in spite of the fundamental nature of these works, the issues of transition from the cognitive paradigm to the reflective paradigm and success of its implementation in the preparation of future school leaders are not well studied yet. Therefore, the introduction of reflective paradigm in this process is a relevant and a timely issue.

The paradigm is understood as "the original conceptual diagram model of posing problems in the field of education and the ways of their solution, methods of research" [3, p. 323], in turn the reflective paradigm can be interpreted as the one focusing on the research [1, p. 10]. It primarily focuses on developing the skills of rational thinking and behavior, not the accumulation of knowledge, as it is inherent in the cognitive paradigm of education. In the process of preparing of future leaders the problem field should be indicated, the scientific research should be promoted and organized [1, p. 12]. Questions should be put before graduate students the answers to which do not exist yet, or they are still ambiguous, but only in this case, the searching and research mechanisms start to work.

The reflexive paradigm accompanies the educational process with reflexive awareness by the subjects of training of leaders of educational establishments, awareness of ways of activity; it shows its sense features. Reflection becomes the source of inner experience, a way of self-awareness and the necessary tool of thinking, allows reflecting the system of ideals, values and standards in social and humanitarian sciences [5, p. 23].

It is based on the following principles: the principle of priority of individuality, self-estimation of a graduate student as a subject of professional formation and development; the principle of the context of vocational training – the relation with the regularity of professional activity and professional formation; the principle of adequacy to the level of development of modern social, informational, process technologies and congruence of professional activity; orientation to self-organization, self-determination and personal self-development; the effectiveness of teaching and professional environment; the principle of advanced character which is achieved by formation of the socio-professional competence and development of extra-functional, suprasituational qualities of a specialist. This paradigm is best suited to the philosophy of an open education, it involves not only professional education, but also self-education, not only development, but also self-development, self-actualization of a graduate student, and therefore provides conditions for the continuous development of a competent manager

capable of solving complex problems of professional activities and professional and personal self-development.

One of the important terms in the reflexive paradigm of education is the term "reflexive environment" that characterizes the special conditions of successful personal and professional development of the individual. [2] Reflexive environment is understood by researchers as the system of conditions of personal development, which opens the opportunity for graduate students to self-exploration and self-correction of professional resources, the main function of which is to promote the emergence of the individual in the need of reflection – the basic mechanism of self-development. Reflexive environment is characterized by a system of relationships that develops and is developed. It is multi-layered and complex, especially for the inner world of a subject, it is a system which is uncontrollable outside, it goes through the operation of self-regulation, reflexive mechanisms. Its development can not be provided directly by external means, and can only take place through "strengthening – weakening" of reflexive functions and the creation of conditions for their actualization. All components of the structure of the system, their communication and interaction in the process of constant development, the relationships themselves are both a cause and a consequence of subjects, inter-subject relations.

Reflexive environment offers space for free, conscious choice of own values, forms and means of self-realization and self-development, allows to set individual way of professional being, test it and move it out of the learning situation into the sphere of real professional management.

The principles of creating the reflexive environment are:

1) The principle of uniqueness, which allows to regard every situation, the identity of a graduate student, space and time conditions, process and structure as unique, being beyond the traditional explanation, understanding, comprehension, definition;

2) The principle of paradox, according to which paradoxically is not only essential characteristic of being as a whole, but also the way of life of each individual human being in the culture.

3) The principle of openness – suggests meaningful incompleteness of professional training in space and time: from the past through the present to the future and vice versa.

4) The principle of redundancy, according to which a person has the ability to expand his own professional boundaries.

5) Variability: a graduate student and a teacher can build educational environment based on their own needs and according to the direction of their development, so reflexive environment is not characterized by highly regulated, working methods and programs imposed from above.

Reflexive environment is created in the process of joint solutions of professional tasks. This process can be viewed in two dimensions: the first – the interaction space of intelligent efforts of participants of the interaction (of a graduate student and a teacher), the second – their interaction as partners who directly communicate with each other in the situation of solving the task.

Thus, the basic condition for the existence of reflexive environment in the process of preparing of graduate students – future leaders of educational institutions is a joint solution of professional tasks together with teachers in a situation of constant communication.

The main factors of creation and development of reflexive environment are: the situation of developing co-creation, when all the participants, regardless of the initial level of professional competence are subjects of mutual creation of innovative and open communication not only with each other but also with a variety of socio-cultural communities;

Subjective parity that is not achieved due to equalization of educational interaction between participants but due to the recognition of the unique and creative self-worth of each of the participants;

Poly-logicality of self-consciousness provides realized self-actualization, and self-realization of each graduate student, taking into account not only his own zone of proximal development, but also the development of another person, as well as on the basis of the prospects of development of partners in the reflexive process;

polyphony and paradoxicalness of multi-dimensional perception and holistic transformation of a graduate student of himself and the surrounding world, allowing to see the current systemic problems and possible ways of personal and professional development in more complex way and systematically analyze it.

The situation of co-creative search, uncertainty of the result of a reflexive process, unplanned ways to achieve it, lead to the activation of all sides of a graduate student, encourages self-transformation in him and in a teacher.

Thus, creation of reflexive environment in the process of preparing a future head of an institution is possible in the following conditions.

Firstly, the correlation with real professional practice, comprising culturing of organized reflection of professional work in a special way and which let carrying out most effectively the obtained reflexive experience into the professional field.

Secondly, leveling of status barriers that allows going beyond the formal presentation of lecture material and provides the ability to generate new and innovative ideas without fear of criticism or punishment for the error.

Thirdly, mutual complement and developing of interests and capabilities of both graduate students and teachers, provides an in-depth awareness of each other's ideas, developing the ability to accumulate not only one's own experience, but also the

achievement of the group as a whole, creating a space for self-development both in personal, and in professional plans.

Fourthly, integrity and innovation of building of reflexive environment create positive climate that allows each subject to disclose his own potential and to successfully develop it.

Fifthly, the activation and development of various types and kinds of reflection. Thus, the way to develop the intellectual and personal reflection is the formation of a productive personal position in relation to himself and search for solutions of training and professional tasks in conditions of concern for graduate students when the way out of a problem situation is only possible thanks to the active reflection of the contradictions between the experience and the situation that happened. So the knowledge of a student is formed on the possibility of achieving personal position, willingness to solve professional problems is actualized. Perspective view of personal reflection is activated during the development of dialogical and polylogical standard schemes, that is, the situation of correlation of own personal experience of innovation activity, received "here and now" with scientific ideas about the specifics of creative solutions, productive group interaction, etc. A retrospective view of personal reflection is activated by self-report and analysis of the search process and decision-making, and situational view, along with the kinds of intellectual reflection is developed in the process of solving the problem – the problem situation itself. For the activation and development of intellectual and regulatory reflection knowledge about different approaches to professional activities, methods of organization are necessary, work to create a complete picture of own professional activity and matching of those requirements which are imposed by the social situation and regulatory activities is needed. Communicative kind of reflection is activated by a specially organized group of decision-making procedures and the analysis of this process.

All of this involves the introduction of special reflexive methods into the preparatory process of a future head of an institution. These include playing techniques – such as those based on the potential of reflection: innovative games, organizational and active games, organizational and mental games, organizational and educational games and trainings, the technology of which is represented in the works by I. Semenov, S. Stepanov [5], etc.

Reflexive environment exists due to the system-making factors, which are mainly catalysts of organized and systematic reflexivity, i.e. holders of reflexive culture – teachers who have the skills to create and implement various educational situations that are based on reflexive accommodation of personal and professional experience.

Based on the above, it can be concluded that in order to create a reflexive environment of master course of management it's necessary to have a teacher who is able to go beyond his own experience, to be open to new experiences, to understand

the idea of graduate students and of changes taking place in it. He needs to be able to activate reflexive processes of thinking, communicating, through activation of graduate students of their own reflexive positions. This requires creation of reflexive environment: in thinking – creation of problem situations, in the work – installation of ability to compete in today's conditions and the ability for the collective work, in communications – relationships that provide the ability to transfer their own experience to others and the ability to accept and objectively evaluate the experience of others.

Thus, the creation of reflexive environment is an essential condition for the effective training of a future head of an institution, factor of successful career and professional development. The organization of reflexive environment in the educational process has its principles, regularity, conditions, and its backbone component is a teacher capable of effective professional reflection, the introduction of various reflexive practices.

REFERENCES

1. Lipman M. Thinking in Education. Cambridge // The reflective model of educational practice. N.Y., 1991. P.7 – 25.
2. Derkach A.A. Acmeological basis for the development of professionalism / A.A. Derkach. – Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute, Voronezh: NGO "MODEK", 2004. – 752 p.
3. Vocational and pedagogical definitions. Dictionary / edit. G.M. Romantseva. Yekaterinburg. RSPU, 2005. – 456 p.
4. Reflective psychology and pedagogy of creative thinking / I.N. Semenov, S.Y. Stepanov. – Zaporizhzhya: ZSU, 1992. – 224 p.
5. Semenov I.N. The development of the concept of N.G. Alekseyev on the background of reflexive and methodological approach // Centaur, 2004. № 34. – P. 22-25.

Heiki Krips¹, Piret Luik¹, Merle Taimalu¹, Hasso Kukemelk^{1*}, Diana Saparniene², Gintaras Saparnis³, Marjaana Soininen⁴ and Tuula Merisuo-Storm⁴

¹*Institute of Education, University of Tartu, Tartu, Estonia.*

²*Public Administration Department, Siauliai University, Siauliai, Lithuania.*

³*Management Department, Siauliai University, Siauliai, Lithuania*

⁴*Department of Teacher Education, Rauma Unit, University of Turku, Rauma, Finland.*

The Value Priorities of Adolescents in Estonia, Lithuania and Finland: a Comparative Perspective

ABSTRACT

Aims: Values are listed as motivational factors that determine an individual's lifestyle. This paper presents a study, which aims to compare value priorities in Estonian, Lithuanian and Finnish students. More than 3,000 teenagers (about 1,000 per country) ranked 16 values according to priority number. The data was gathered using an electronic questionnaire. The objective of the study was to answer two questions: (1) How do the value priorities of adolescents differ in the three countries? (2) Which are the most and least important values among adolescents in the three countries?

Study Design: Casual comparative study.

Place and Duration of Study: Estonia, Lithuania and Finland over two years.

Methodology: 3,043 participants, almost 1,000 from each country in two age groups: 13–15 years old and 16–18 years old. Differences in the ranking of values in the three countries were compared using an ANOVA analysis.

Results: Despite some differences in the value priorities of adolescents in these countries, the study generally shows that the priorities were similar rather than different. Adolescents of all three countries reported having friends and honesty as the most important value (in Lithuania shared with esteem from others). The Finnish respondents ranked having a good time and the respondents in both Baltic States the esteem from others (in Estonia this was shared with knowledge) as the third most important value. The least important in all the countries were modern clothes and high position in society, in Lithuania also the ability to work, in Estonia wealth and in Finland good looks.

Keywords: Adolescence; values; value priorities; value comparison.

1. INTRODUCTION AND LITERATURE REVIEW

1.1 Definitions of Values

There are several definitions for values in the literature. Rokeach [1] defined a value as an enduring belief that a specific mode of conduct or end state of existence is personally or socially preferable to an opposite or converse mode of conduct or end state of existence, and divided the value system into two parts – one part devoted to instrumental or process- oriented values and one devoted to terminal or goal-oriented values. One of the most significant concepts in Rokeach's theory is that once a value is learned it becomes part of a value system in which each value is ordered in priority, relative to other values. Kitwood [2] used a slightly different approach: the domain of values, as a topic for empirical study in the social sciences may roughly be demarcated as that of the beliefs of human beings about what is right, good or desirable, and of their corresponding actions and attitudes. There are also other definitions, but Rokeach's definition of values was taken as the basis for this study.

1.2 Structures of Values

Early models of the structure of values (e.g. Feather [3], Rokeach [1]) laid the foundation for a comprehensive structural model put forward by Schwartz and Bilsky [4], and Schwartz [5].

Schwartz and Bilsky [4] proposed the first comprehensive model of the content and structure of human values. They argued that values represent the individual's conscious response to three types of basic human needs: physiological needs, social interaction needs and the need for societal institutions that ensure the survival and welfare of the group. Values, as they posited, are the individual's cognitive response to these basic needs, formulated as motivational goals. This assumption led Schwartz [5,6] to form a model of 10 motivational value types, which were identified and presented as a potentially universal set of motivational goals: Hedonism: pleasure and sensuous gratification for oneself; Power: social status and prestige, control or dominance over people and resources, status and prestige (social power, authority, wealth); Achievement: personal success through demonstrating competence according to social standards (success, capability, ambition, influence); Stimulation: excitement, novelty, and challenge in life (daring, a varied life, an exciting life); Self-direction: independent thought and action choosing, creating, exploring (creativity, freedom, independence, curiosity, choosing own goals); Universalism: understanding, appreciation, tolerance and protection of the welfare of all people and of nature (broadmindedness, wisdom, social justice, equality, a world at peace, a world of beauty, unity with nature, protecting the environment); Benevolence: preservation and enhancement of the

welfare of people with whom one is in frequent personal contact (helpfulness, honesty, forgiveness, loyalty, responsibility); Conformity: restraint of actions, inclinations, and impulses likely to upset or harm others and violate social expectations or norms (politeness, obedience, self-discipline, honouring); Tradition: respect, commitment and acceptance of the customs and ideas that traditional culture or religion provide for the self (humbleness, accepting my portion of life, devout, respect for tradition, mode); Security: safety, harmony and stability of society, of relationships, and of the self (family security, national security, social order, cleanness, reciprocation of favours).

Schwartz [5] mentioned that value types form a special structure on two levels. First, value types can be divided into two categories according to whether they serve individual or collective interests. Power, achievement, hedonism, stimulation and self-direction are value types that serve individual interests; and benevolence, tradition and conformity serve collective interests.

1.3 Studies across Cultures

Various researchers have provided universal frameworks to compare values across cultures (Hofer and Peetsma [7]; Hofstede [8, 9]; Inglehart [10,11,12]; Schwartz [6,13,14]; Spini [15]. Researchers have been interested in whether some cultural similarities or differences (factors related to history, climate, socio-political structure or types of institutions within various regions or neighbouring countries that are geographically close) can influence the value priorities of groups. Schwartz and Bardi [16] noted that beyond the striking differences in the value priorities of groups there is a surprisingly widespread consensus regarding the hierarchical order of values. Average value hierarchies of representative and near representative samples from 13 nations exhibit a similar pattern that is replicated among school teachers from 56 nations and college students from 54 nations. Benevolence, self-direction and universalism values are consistently the most important; power, tradition and stimulation values are the least important; and security, conformity, achievement, and hedonism are in between. Schwartz [14] updated his value theory, presenting seven cultural value orientations: West Europe, English Speaking Countries, Confucian-influenced region, Africa and the Middle East, South Asia, East Europe and Latin America. He argued that some of the cultural similarities within various regions of the globe were partially due to the shared values, norms and practices (and possibly other factors such as histories, climates, socio-political structures and institutions) in geographically close neighbouring countries. Inglehart [12] provided a mapping of cultures of different countries and found that neighbouring countries actually clustered around one another.

Recent studies have increasingly shown the dynamic and complex interrelatedness of the sociocultural context and socialization values, as socialization value systems in all cultures (despite the specific cultural ideology or developmental

model) include aspects of independence [17]. Obtaining values depends on the cultural context, and values are influenced by a state's ideology, policy and economic resources. Radical changes in Eastern Europe have caused/led to a changing of values and several values have lost their importance [18]. Countries differ in their value system as a consequence of specific political and economic history, religion and traditions. Most of the former communist countries have adopted the political and economic system of the West. These transformations may have had an impact on student value preferences [7].

1.4 Estonian, Finnish and Lithuanian Studies about the Values of Adolescents

According to the general view, the extensive development of values takes place during the adolescent years. Being aware of the value priorities of adolescents, teachers can more successfully reach a consensual approach in values education. At the same time, the values of adolescents as well as the changes in values during the adolescent years have thus far been understudied. In most studies young adults (often college students) are the youngest participants [19].

Verkasalo, Tuomivaara and Lindeman [20] studied the values of 15-year-old pupils and their teachers, and also their beliefs about the values of the ideal pupil. The sample included Finnish comprehensive school pupils and their teachers (n = 124). The results showed that the most important value types were similar for pupils and teachers; for example, both groups valued benevolence and universalism. By contrast, the image of the ideal pupil held by pupils and teachers were distinctly different. The pupils imagined the ideal pupil to be obedient, polite, capable, intelligent, ambitious, wise and respectful of parents and elders, while the teachers imagined the ideal pupil to be honest and broad-minded, valuing self-respect, family security, true friendship and meaning in life.

Aramavičiūtė and Martisauskiene [21] studied the values of Lithuanian students. In order to reveal the degree of acknowledgment of the importance of values, Rokeach's [22] terminal values methodology was adapted to identify an acknowledgment range of 18 (final, higher, values-goals), and 18 instrumental values (making it possible to identify the terminal values) were applied. By attributing a certain range to a value, the students recognized the level of its importance and expressed their own attitude to the value itself. Simultaneously, the level of change in the learners' attitudes to the above-mentioned values over an eight-year period was identified. The longitudinal research was organized in three stages (1998, 2001 and

2005). The data at the cognitive level revealed that more than half of upper secondary learners attached the highest acknowledgment to the performing function of the higher purposes of life: mature love, true friendship, internal harmony and a happy

family. The attitudes to the same values did not change much during the eight years: the most considerable positive change (9.1 per cent) was observed in the evaluation of the importance of a happy family, whereas the most negative change was for true friendship (19.1 per cent). The lowest proportion of upper secondary learners (every 7th–8th) recognized the significance of beauty, equality, escape, national security, pleasures and creation. On the other hand, in the course of time, the attitude to beauty and equality demonstrated a tendency to improve, the evaluation of creation indicated a tendency to decrease and

fluctuations have been observed in the acknowledgment of national security. The analysis revealed relatively superficial perceptions of the purport of terminal and instrumental values (only less than half of the respondents perceived them properly). This proves the tendency that at upper secondary age, orientation to values as a source of pragmatism, utilitarianism and hedonism is increasing. On the other hand, the learners were able to perceive the purport of terminal values better than instrumental values. In such a case, failure to perceive the purport of instrumental values may impede the realization of terminal values as the more supreme or terminal purports of life. Mizera and Tulviste [19] compare the value priorities of Estonian students (the age of the respondents varied from 17 to 20 years) in cohorts of 2000 and 2009 using a questionnaire based on five value types from the Schwartz Value Survey (Self-direction, Achievement, Conformity, Power, and Tradition). The study revealed a significant increase in the importance of Self-direction, Conformity and Tradition during the last decade, while Power and Achievement did not show any statistically significant differences between the cohorts. At the same time, the hierarchical structure (the respective rankings of the values) had remained the same – values related to Self-direction and Achievement were most important, and Tradition least important for the respondents. Values related to Achievement were found to be more important to boys in the gender comparison.

1.5 The Aims of the Study

The aim of the current study was to compare value priorities held by Estonian, Lithuanian and Finnish students. The fact that Estonia and Lithuania share a communist past, despite their rapid development towards a modern market economy, creates a list of questions about the similarities and differences of teenagers' values. Despite the fact that Lithuanian and Estonian teenagers have lived most of their life in a democratic market-oriented society, there is the possibility that the formation of their values has been influenced by former generations – by parents and teachers whose values were formed under a totalitarian Soviet regime and Soviet traditions. Vihalemm and Kalmus state [23], supporting Sztomka's [24] and Vogt's [25] results, that the cultural condition of post-Soviet transitional societies is characterized by the parallel

existence of symbols, values and identities brought about by "new" (Western) cultural flows and "old" (Soviet) traditions, values and identities. In addition, the members of society who faced the challenge of coping with the social, economic and political changes may refer to both the "old" and "new" cultural pool [23, p. 903].

The objective of the study was to answer two questions:

- (1) How do the value priorities of adolescents differ in the three countries?
- (2) Which are the most and least important values among adolescents in the three countries?

2. METHODS

2.1 Sample

The study involved 3,043 students (Table 1) from Finland, Estonia and Lithuania. The students studied in year eight (13–15 years old) and year eleven (16–18 years old).

Where the respondents lived was classified according to the number of inhabitants. The largest towns in all countries were classified as cities, and towns included settlements that had town rights. All the other living places were classified as country (rural area) communities. Information about where the respondents lived was missing in a few cases.

Table 1. Description of the sample of the three countries

	Estonia	Finland	Lithuania	Total
Sample size	1071	1076	896	3043
Boys	497	534	424	1455
Girls	574	542	470	1586
Year 8	509	805	617	1931
Year 11	562	271	279	1112
City	311	206	64	581
Town	228	611	595	1434
Countryside	528	259	235	1022

The Estonian sample was rather homogeneous in terms of gender and age (forms). In Finland and in Lithuania, the majority of the respondents were from year eight and mostly from towns. As all three countries cultivate an egalitarian school system then classes of the same age are similar in the countryside, towns and cities.

2.2 Instrument

Schwartz proposed [26] that four sets of values form higher-order value types: openness to change joining stimulation and self-direction values; conservation joining security, conformity, and tradition values; self-enhancement joining power and achievement values; and self-transcendence joining universalism and benevolence

values. Hedonism type values shares elements with both openness and self-enhancement.

This study uses the five value types from Schwartz [5] that describe personal interests, such as achievement, power, hedonism and self-direction, and collective interests, such as benevolence. Those values are considered to be more important in „estern individualism" and „market economy" countries compared to communist Eastern European countries [16]. Estonia and Lithuania are post-communist countries; Finland is the country of market economy and long-lasting democracy. Schwartz and Bardi [16] find that Eastern European students and teachers are likely to attribute low importance to egalitarianism, intellectual and affective autonomy. Authors stress, that life under communism has clear value implications. Close supervision, strict rules and the suppression of initiative, risk and innovation all undermine autonomy values. This applies most obviously to intellectual autonomy values like curiosity and creativity; it also applies to affective autonomy values like exciting life, pleasure and enjoying life [16].

Korpinen [27] comparing Estonian and Finnish adolescence development depending on structure of society says: „...a comparison of the two countries defines a culture with attributes of „estern individualism and Soviet collectivism. Marxist-Leninist collectivism is clearly manifest in the Soviet socialisation process. Individuals are not allowed personal goals; their behaviour is evaluated instead in terms of its relevance to the goals of the collective. A child is expected to develop a collective rather than a personal identity. ...the goal of Soviet education is to produce a Soviet citizen with certain personality characteristics and values, including obedience to official authority, loyalty to the communist homeland and a sense of social responsibility... Competition between groups, not between individuals, is the mechanism for motivating behaviour. In contrast, teaching in Finland has been more independent and offered more professional freedom. The vital point is to create values through which the child constructs new experiences and a healthy self-esteem" [27].

The Schwartz measure [4,5] is presented using a Likert scale, and the value types are computed as the mean of single values. Schwartz' methodology assumes that people could rate different values in the same way (although according to Schwartz certain values oppose each other). The current study focused on value ranking. This method is derived from Rokeach and largely used by Inglehart. Inglehart [11] conceded that rating scales are better for assessing concrete levels of support for competing values. He claimed, however, that ranking scales provide the only effective way to demonstrate and test a theory related to prioritizing values [28].

Sixteen values were selected for the instrument. They were divided into the following five types of values: Benevolence: taking into account the opinion of others, having friends, honesty; Power: wealth, high position in society; Achievement: esteem

from others, being successful, skills to master something, good marks; Hedonism: having a good time, modern clothes, athletics, having good looks; Self-direction: independence (self-made decisions), ability to work, knowledge. The choice of the number of values resulted from the research methodology – the authors proceeded from the idea that there should not be so many values that it becomes overly difficult for the students to determine the correct prioritized sequence.

The data was gathered using a large electronic questionnaire in which the values were addressed in one block of questions. Respondents ranked 16 values according to priority number. To obtain an overview of the adolescents' values, they were asked to assess 16 values and to put them in order of priority: place 1 meant the most important and place 16 the least important value.

Measurement invariance is a critical point of every comparative study. Several studies state that a questionnaire should measure identical constructs with the same structure across different groups [29, 30]. Kanengoni notes that measurement invariance is a complex issue that cannot be fully resolved [30]. Functional and to some extent structural equivalences cannot be directly tested using statistical methods. Expert judgements and qualitative methods are best to identify these forms of non-equivalence [31]. In the current study, functional and structural measurement invariance (the same understanding of the concepts originally developed in Estonian) was addressed on the basis of the translation of the questionnaire into Finnish and Lithuanian and then back into Estonian. Problematic expressions were then amended in the Finnish and Lithuanian versions of the questionnaire. Finally, the statements were discussed with those researchers whose mother tongue was Lithuanian or Finnish, so they used the same structure of the questionnaire but reformulated the questions in their mother tongue so they could understand the statements according to the original meaning.

2.3 Procedure

The study was carried out in 2007/08 in all three countries. All the participants completed the questionnaire using a computer at school. A teacher provided technical support (use of the computer or explanations of the questions) if necessary. The average time for completing the questionnaire was approximately 30 minutes.

The data was analysed using SPSS Statistics 17.0. Mean scores were calculated according to the ranked position of the value (the lowest mean score indicates the most important value and the highest mean score the least important value) as were standard deviations. The ranks for the values in the three countries were compared using the ANOVA and Tukey Post Hoc test.

3. RESULTS

The ANOVA test indicated that there were statistically significant differences between the three countries for all values. The descriptive statistics for each country and F statistics are given in Table 2. Mean scores are organized according to the five types of values explained in the method chapter.

Table 2. Descriptive statistics and comparison of the priority of values between the three countries (the smallest mean score indicates the most important value)

Value	Finland		Finland		Lithuania		F
	M	SD	M	SD	M	SD	
Taking others' opinions into account	7.20	3.86	8.94	3.96	7.87	3.98	50.56**
Having friends	2.95	2.93	4.04	3.72	4.68	3.34	58.67**
Honesty	4.02	3.55	4.55	3.68	5.36	4.25	25.39**
Wealth	10.0	4.39	11.6	4.00	9.50	4.42	58.32**
High position in society	12.0	3.47	12.2	3.89	11.29	4.44	13.73**
Esteem from others	7.31	3.76	6.11	3.77	5.67	3.80	45.27**
Being successful	9.27	3.51	7.55	3.83	6.71	3.70	108.61**
Skills to master	8.60	3.86	8.59	3.82	7.11	3.77	37.49**
Good marks	8.76	4.04	8.82	4.29	7.58	3.98	21.65**
Having a good time	5.87	3.48	9.34	3.90	9.88	3.61	324.72**
Modern clothes	12.3	4.24	12.0	3.86	11.61	4.04	6.16**
Athletics	7.77	4.51	9.04	4.22	8.96	4.46	25.43**
Good looks	11.3	3.65	10.6	4.16	10.42	4.05	14.79**
Independence (self-made decisions)	8.10	3.97	7.62	4.23	7.95	4.33	3.47*
Ability to work	10.2	3.97	8.08	4.10	11.82	4.45	172.04**
Knowledge	9.16	3.69	6.12	3.60	7.04	4.30	168.20**

* Statistically significant at the 0.05 level

** Statistically significant at the 0.01 level

When looking at benevolence values, Tukey's Post Hoc test indicated statistically significant differences between all the countries for all values in this type. The values *having friends* and *honesty* were the most important for Finnish students and the least important for Lithuanian students (all $p < .01$). The value *taking others' opinions into account* was most important for Finnish students and least important for Estonian students (all $p < .01$).

When looking at power values, Tukey's Post Hoc indicated some statistically significant differences in all the countries concerning all the values in this type. The value *wealth* was the most important for Lithuanian students and the least important for Estonian students (the difference level between Lithuania and Estonia and between Finland and Estonia was $p < .01$, between Finland and Lithuania was $p < .05$). The value *high position in society* was evaluated as more important by Lithuanian students than

by students from Estonia and Finland (both $p < .01$), but there was no statistically significant difference between the rankings of Estonian and Finnish students.

When looking at achievement values, Tukey's Post Hoc test indicated the following statistically significant differences: The value *esteem from others* was the most important for Lithuanian students and the least important for Finnish students (difference level between Lithuania and Finland and between Estonia and Finland was $p < .01$, between Estonia and Lithuania was $p < .05$). The value *being successful* was the most important for Lithuanian students and the least important for Estonian students (all $p < .01$). In addition, Lithuanian students considered the values *skill to master something* and *good marks* as more important than students from Estonia and Finland (all $p < .01$).

When looking at hedonism values, Tukey's Post Hoc test indicated statistically significant differences between the three countries. The value *having a good time* was the most important for Finnish students and the least important for Lithuanian students (all $p < .01$). Lithuanian students considered *modern clothes* more important than Finnish students ($p < .01$), but there was no statistically significant difference between the rankings of Estonian and Lithuanian students, or between Estonian and Finnish students (all $p > .05$). Finnish students regarded *athletics* more important and *good looks* less important than students from Estonia and Lithuania (all $p < .01$). There was no statistically significant difference between the rankings of Estonian and Lithuanian students.

Table 3. First six and last three values by priority for the three countries

Value	Priority order		
	Finland	Estonia	Lithuania
Taking into account others' opinions	4th – 5th		
Having friends	1st	1st	1st
Honesty	2nd	2nd	2nd – 3rd
Wealth		14th	
High position in the society	15th – 16th	15th – 16th	14th
The others' esteem	4th – 5th	3rd – 4th	2nd – 3rd
Being successful		5th – 6th	4th
Skills to master something			5th – 6th
Good marks			
Having a good time	3rd		
Modern clothes	15th – 16th	15th – 16th	15th – 16th
Athletics	6th		
Good looks	14th		
Independence (self-made decisions)		5th – 6th	
Ability to work			15th – 16th

The last value type in this study was self-direction. Tukey's Post Hoc test indicated that Estonian students considered *independence (self-made decisions)* more important than Finnish students ($p < .05$), but there was no statistically significant difference between the rankings of Estonian and Lithuanian students and

between Lithuanian and Finnish students (all $p > .05$). The value *ability to work* was the most important for Estonian students and the least important for Lithuanian students (all $p < .01$). The value *knowledge* was the most important for Estonian students and the least important for Finnish students (all $p < .01$). Likewise, the priority list of values was different in the three countries (see Table 3).

4. DISCUSSION

After analysing the priorities of values among adolescents in Finland, Estonia and Lithuania, we can draw some parallels with Schwartz and Bardi's [16] results, which indicated that average hierarchies of values for representative and near representative samples from 13 nations exhibited a similar pattern that is replicated in school teachers in 56 nations and college students in 54 nations. They indicated that benevolence and self-direction values were consistently the most important, power values the least important and achievement and hedonism values in between. The results of our study are similarly related to benevolence, power and achievement values, but self-direction values in our study were the least important (Lithuania) or between the least and most important. Hedonism values were spread over the scale – one (having a good time) was highly valued and one (good looks) considered the least important for Finnish students, and *modern clothes* was marked as the least important value for respondents of all three countries. Adolescents of all three countries reported *having friends* and *honesty* as the most important value (in Lithuania shared with esteem from others). The Finnish respondents ranked *having a good time* as the third most important value, while respondents from both Baltic States placed *esteem from others* in this position (in Estonia this was shared with *knowledge*). The least important in all the countries included *modern clothes* and *high position in society*, in Lithuania also *ability to work*, in Estonia *wealth* and in Finland *good looks*. Similar results were obtained by Verkasalo, Tuomivaara and Lindeman [20], who found that students valued the following most of all: security, honesty, inner harmony, health, responsibility, freedom and meaning in life. Of the broader value types, tradition and power were valued the least, and of the single values, social power and authority were assessed as the least important.

The comparison of the differences and similarities in the values of adolescents in different countries (at different social and economic levels of development) aroused two questions: firstly, how much can a country's social, political or economic situation influence the forming of adolescent values, and secondly, do these values influence an individual's behaviour, and if so, how much. The first research question has been discussed from several perspectives; for example, individualistic versus collective

cultures (Fijneman, Willemsen and Poortinga [32]; Inglehart, Basanez and Moreno [33]; Ryckman and Houston [34]; etc.). The second research question has been analysed less so far. Thegersen and Olander [35] state: "Although most people with an interest in the relationship between basic values and behaviour – researchers as well as people with a more practical interest in the issue – seem to take for granted that values cause behaviour, the direction of the causality has hitherto not been scientifically documented. Since there are also theoretical arguments backing the view that a person's behaviour influences his or her value priorities, and because of the practical relevance of this issue, there is a need for scientific evidence to back claims of causal predominance in either direction" [33, p. 625].

It is interesting to mention that in the priorities of values among Estonian, Finnish and Lithuanian students the value *knowledge* is in different positions. That value was listed by Estonian students in position 3–4, by Lithuanian students 5–6, and by Finnish students 7–

13. Previous studies by Hamalainen, Kraav and Bizaeva [36], Kraav [37] and Kraav, Kala, Laihiala-Kankainen and Raschetina [38] indicated that Estonian students evaluated school progress and wisdom higher than Finnish and Russian students. School progress was the second value in priority for Estonian students [37]. It will be interesting to study how such a different position for values in the priority lists of adolescents relates to the time spent on learning activities and learning results in different countries.

The analysis of similarities and differences in the priorities of values among Finnish, Estonian and Lithuanian students according to value types from Schwartz [5] indicated that all benevolence values were considered more important by Finnish youngsters than by Estonian or Lithuanian youngsters. Despite the fact that all those benevolence values had a high position in all three countries observed, the above-mentioned result itself deserves attention when planning further studies to identify the nature and scope of the effect.

Hypothetical questions can be raised about the influence of the traditions and appreciation of collective values in post-communist countries. It would be interesting to observe the position of different benevolence values in the hierarchy and compare this with earlier studies. Kraav's [37] study indicated that honesty was the most important value for Finnish students, but in the priority order for Estonian students it was in fourth place, and for Russian students in sixth place. The current study indicates that honesty has risen in the hierarchy of values for Estonian youngsters.

One expectation of the study was that hedonism values would have a higher position in the priorities of values for Finnish adolescents than for Estonian and Lithuanian adolescents because of the recent transition to a market economy in the latter two countries. In Western cultures, adolescents are often portrayed or found to be

self-absorbed, involved in hedonistic activities and seeking immediate pleasures rather than working towards "the greater good" [39,p. 143]. This proved to be the case when looking at two values: *having a good time* (Finnish students ranked it as the third value) and *athletics* (the sixth important value for Finnish students). Estonian and Lithuanian students had those values lower in their hierarchies.

5. CONCLUSION

Despite some differences between the priorities of values among adolescents in the three countries, the authors concluded that these three hierarchies are more similar than different. The result was unexpected because economic opportunities and sociocultural backgrounds differ quite broadly in the three countries. The most important result was that Finnish adolescents ranked benevolence values higher than Estonian and Lithuanian adolescents and this certainly deserves further study.

There are some limitations in the current study: measurement invariance was not checked using factor analyses, and therefore, it is possible that the measured construct is not identical in different countries. Chen [40] adds the lack of loading invariance to the lack of configural invariance, stating that where concepts have been translated they may not fully overlap across different cultures. In this instance, identical translated concepts were not used, but the researchers tried to find the concept in each culture in order to communicate the original idea. A common problem for intercultural studies is that social desirability causes a tendency to follow social norms; but that was one of the aims of current study. It is clear that such preferences for values are linked to social norms. Therefore, observed differences in student preferences (across cultural groups) could result rather than true differences across cultures.

COMPETING INTERESTS

The authors have declared that no competing interests exist.

REFERENCES

1. Rokeach M. The nature of human values. New York, NY: Free Press; 1973.
2. Kitwood T. Disclosures to a Stranger. London, Routledge; 1980.
3. Feather NT. Values in education and society. New York, NY: Free Press; 1975.
4. Schwartz SH, Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987; 53 (3):550-562.

5. Schwartz SH. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In. Zanna MP, editor. *Advances in experimental social psychology*, 25. San Diego, CA: Academic Press; 1992.
6. Schwartz SH. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*. 1994;4:19-45.
7. Hofer M, Peetsma T. Societal values and school motivation. Students' goals in different life domains. *European Journal of Psychology of Education*. 2005; 20(3):203- 208.
8. Hofstede G. *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage; 1980.
9. Hofstede G. *Culture's consequence: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage; 2001.
10. Inglehart R. *Cultural change in advanced industrial societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press; 1990.
11. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton: Princeton University Press; 1997.
12. Inglehart R. Mapping global values. *Comparative Sociology*. 2006; 5(2):115-136.
13. Schwartz S. A Theory of Cultural Values and Some Implications for Work. *Applied Psychology: An International Review*. 1999; 48(1):23-47.
14. Schwartz S. A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*. 2006;5(2-3):137-182.
15. Spini D. Measurement Equivalence Of 10 Value Types From The Schwartz Value Survey Across 21 Countries. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2003; 34:3-23.
16. Schwartz SH, Bardi A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001;32(3):268-290.
17. Tulviste T, Mizera L, Boel De Geer B. Socialization Values in Stable and Changing Societies: A Comparative Study of Estonian, Swedish, and Russian Estonian Mothers. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012;43(3):480-497.
18. Helve H, Bynner J. *Youth and social capital*. London: The Tufnell Press; 2007.
19. Mizera L, Tulviste T. A Comparison of Estonian Senior High School Students Value Priorities in 2000 and 2009. *Trames*. 2012; 16(2):145-156.
20. Verkasalo M, Tuomivaara P, Lindeman M. 15-year-old Pupils' and Their Teachers' Values, and Their Beliefs About the Values of an Ideal Pupil. *Educational Psychology*. 1996; 16(1):35-47.
21. Aramavičiūtė V, Martisauskiene E. Tendencies of Change in Youth Spirituality in the Context of Globalisation. *Social Sciences*. 2006; 53(3):41-48.

22. Rokeach M. The open and closed mind: investigations into the nature of belief systems and personality systems. New York: Basic Books; 1960.
23. Vihalemm T, Kalmus V. Mental Structures in Transition Culture: Differentiating Patterns of Identities and Values in Estonia. *East European Politics and Societies*. 2008;22:901-927.
24. Sztompka P. The Trauma of Social Change: A Case of Postcommunist Societies. In Alexander JC, Eyerman R, Giesen B, Smelser NJ, Sztompka P, editors. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, CA: University of California Press; 2004.
25. Vogt H. Between Utopia and Disillusionment: A Narrative of the Political Transformation in Eastern Europe. New York: Berghahn Books; 2004.
26. Schwartz H, Boehnke K. Evaluating the structure of human values with confirmatory factor analysis. *Journal of Research in Personality*. 2004;38(3):230-256.
27. Korpinen E. Finnish and Estonian Adolescents' Self-concept and Self-esteem at the End of Comprehensive Schooling. *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2000;44(1):27-47.
28. Giacalone RA, Jurkiewicz CL. The interaction of materialist and postmaterialist values in predicting dimensions of personal and social identity. *Human Relations*. 2004;57(11):1379-1405.
29. Van de Schoot R, Lugtig P, Hox J. A checklist for testing measurement invariance. *European Journal of Developmental Psychology*. 2012;9(4): 486-492. DOI:10.1080/17405629.2012.686740
30. Kanengoni H. The usefulness of measurement equivalence in psychological evaluation: A meta-analysis. *African Journal of Business Management*. 2011;5(24):10038–10043.
31. Milfont TL, Fischer R. Testing measurement invariance across groups: Applications in cross-cultural research. *International Journal of Psychological Research*. 2010;3(1):111–121.
32. Fijneman YA, Willemsen ME, Poortinga YH. Individualism-collectivism: An empirical study of a conceptual issue. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1995;27:381-402.
33. Inglehart R, Basanez M, Moreno A. Human values and beliefs: A cross-cultural sourcebook. Ann Arbor: University of Michigan; 1998.
34. Ryckman RM, Houston DM. Value Priorities in American and British Female and Male University Students. *Journal of Social Psychology*. 2003;143(1):127-138.
35. Thegersen J, Olander F. Human values and the emergence of a sustainable consumption pattern: A panel study. *Journal of Economic Psychology*. 2002;23: 605-630.

36. Hamalainen J, Kraav I, Bizaeva A. Kotikasvatuksen arvot Suomessa, Venajalla ja Virossa. Kuopion yliopiston selvityksia; 2002. Finnish.
37. Kraav I. Mõrsikute nagemus oma vanemaist vaartuskasvatajatena Eestis, Soomes ja Venemaal. In Lepik A, Pandis M, editors. Kasvatusteadused muutuste ajateljel. Vali Press; 2004. Estonian.
38. Kraav I, Kala U, Laihiala-Kankainen S, Raschetina S. Opilaste eesmargid ja vaartused Eestis, Soomes ja Venemaal. In Kraav I, Mikser R, editors. Rahvuslik ja rahvusvaheline Eesti hariduses. Tartu: Eesti Akadeemiline Pedagoogika Selts; 2006. Estonian.
39. Bromnick RD, Brian LS. Parties, Lads, Friends, Love and Newcastle United: a study of young people's values. Educational Studies. 2001;27(2):143-158.
40. Chen FF. What Happens If We Compare Chopsticks With Forks? The Impact of Making Inappropriate Comparisons in Cross-Cultural Research. Journal of Personality and Social Psychology. 2008;95(5):1005–1018.

Bezusova Tatyana Alekseevna,
*Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor
of mathematics and physics Solicom-Tomsk state pedagogical
Institute (branch) of Federal state budgetary educational institution of higher
professional education "Perm state national research University*

FORMING OF EDUCATIONAL JURISDICTIONS OF STUDENT AT DECISION TASKS WITH FAILINGS AND SURPLUS INFORMATION

Abstract. In article features of development of key competences at pupils at mathematics lessons are considered. As means tasks with excess and missing data (incorrect tasks) are presented. Types of such tasks are presented, features of their decision are sorted, designing receptions are developed. In article working methods with incorrect tasks for formation of key competences are allocated.

Keywords: tasks with excess and (or) missing data, superfluous this, competences.

Безусова Татьяна Алексеевна,
*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики
и физики Соликамского государственного педагогического
института (филиала) федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»*

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ С НЕДОСТАЮЩИМИ И ИЗБЫТОЧНЫМИ ДАННЫМИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процесса формирования компетенций у учащихся на уроках математики. В качестве средства представлены задачи с избыточными и недостающими данными (некорректные задачи). Представлены виды таких задач, разобраны особенности их решения,

разработаны приемы конструирования. В статье выделены приемы работы с некорректными задачами для формирования ключевых компетенций.

Ключевые слова: задачи с избыточными и (или) недостающими данными, лишнее данное, компетенции.

В Концепции модернизации Российского образования в качестве приоритетных направлений обозначен переход к новым образовательным стандартам, которые ориентированы на развитие способности учащегося самостоятельно ставить учебные цели, проектировать пути их реализации, контролировать и оценивать свои достижения, работать с разными источниками информации, оценивать их и на этой основе формулировать собственное мнение, суждение, оценку. Одним из условий решения современных задач образования является формирование ключевых образовательных компетенций учащихся. Большая роль при этом отводится математике.

Под компетенциями понимают комплекс обобщенных способов действий, обеспечивающий продуктивное выполнение деятельности, способность человека на практике реализовать свою компетентность (А.С.Белкин, Э.Ф.Зеер, И.А.Зимняя, О.Е.Лебедев, А.В.Хуторской, и др.). Компетенции широкого спектра использования, обладающие определенной универсальностью, получили название ключевых. Формирование ключевых компетенций совершается у обучаемого в процессе осознанной деятельности.

При определении состава ключевых компетенций была взята за основу классификация ключевых образовательных компетенций А.В. Хуторского [4].

Хуторским А.В. [4] выделяются следующие ключевые образовательные компетенции: **ценностно-смысловая компетенция, общекультурная компетенция, учебно-познавательная компетенция, информационная компетенция, коммуникативная компетенция, социально-трудовая компетенция, компетенция личностного самосовершенствования.** Перечисленная система компетенций образует фундамент для формирования способности и готовности к освоению знаний, их пополнению, переносу и интеграции; к сотрудничеству и коммуникации, решению лично и социально значимых проблем и воплощению решений в практику; способности к самоорганизации, саморегуляции и рефлексии.

В связи с этим становится актуальной проблема поиска способов и средств развития ключевых образовательных компетенций учащихся, приобретения мыслительных возможностей, значительно расширяющих сферу использования теоретических знаний. В качестве одного из таких средств можно рассмотреть задачи с избыточными и недостающими данными (некорректные задачи) [1].

Использование некорректных задач в образовательной практике мотивируется различными целями: демонстрацией нетрадиционных задач, борьбой с ошибочными ассоциациями (например, в задачах на движение объекты движутся навстречу друг другу и в противоположных направлениях), необдуманном использованием алгоритмов, закреплении теоретического материала, умением применять знания в измененных условиях, борьбой с необоснованными обобщениями. Однако развивающие возможности некорректных задач в первую очередь определяют их использование на уроках.

К развивающей функции некорректных задач следует отнести: на эмпирическом уровне формирование осознанности мыслительной деятельности (анализ содержания задачи с позиции полноты и непротиворечивости, рефлексия деятельности по работе с некорректной задачей, соотнесение отброшенных данных и полученного ответа и др.), на теоретическом – формирование качеств дивергентного мышления (создание упрощенной модели задачи, получение решения задачи как функции от недостающих данных, обучение выдвижению гипотез и их проверке и др.). Особое значение некорректные задачи имеют с позиции развития культуры мышления обучаемых [5].

Некорректные задачи требуют от ученика мобилизации внимания, системных теоретических знаний, умения находить данные к задаче между строк условия, строить математическую модель, логически грамотно и аргументировать выполнять действия. Часто одной специально подобранной (составленной) задачей этого типа можно проверить знания ученика по целой теме. Для решения некорректных задач новых знаний не требуется, но требуется новый подход к ним, новые мыслительные приёмы.

По соответствию числа данных и искомых можно выделить следующие типы некорректных задач. (Предложенное деление не исчерпывает все разновидности некорректных задач).

1. Задачи с недостающими данными, решение которых предполагает рассмотрение нескольких случаев. Условие таких задач определяет описываемую ситуацию неоднозначно. Необходимо выделить различные случаи, удовлетворяющие условию задачи, и работать с каждым из них в отдельности. Каждый выделенный случай представляет собой стандартную (традиционную) задачу, имеющую одно решение.

2. Задачи с недостающими данными, не имеющие однозначного решения без существенных дополнительных условий. В такой задаче отсутствуют необходимые элементы для отыскания ответа на вопрос, поэтому без существенного дополняющего условия задачу решить невозможно.

3. Задачи с избыточными данными, не противоречащими друг другу. В такой задаче содержится лишнее данное, которые необходимо выявить при анализе

условия (или на другом этапе работы) и не учитывать при поиске решения. После того, как решение будет найдено, необходимо установить, не противоречит ли оно данному, которое было исключено из рассмотрения.

4. Задачи с избыточными данными, имеющие противоречивое условие. Условие таких задач содержит в себе несовместимые части, то есть не существует никакого объекта, удовлетворяющего взаимно исключаящим друг друга частям условия. Задача такого типа не имеет решения. При решении таких задач необходимо увидеть противоречие, соотнести полученные результаты с данными, которые были упущены при решении. Иногда требуется провести ряд дополнительных преобразований, чтобы выявить противоречие. Отказ от таких задач может привести к снижению внимания на этапе рефлексии.

Конкретизируем особенности использования некорректных задач дифференцированно ключевым компетенциям.

Ценностно-смысловая компетенция. Это компетенция в сфере мировоззрения, связанная с ценностными ориентирами ученика, его способностью видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль и предназначение, уметь выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения. Данная компетенция обеспечивает механизм самоопределения ученика в ситуациях учебной и иной деятельности. От нее зависит индивидуальная образовательная траектория ученика и программа его жизнедеятельности в целом [4].

Для развития этого вида компетентности можно применять следующие приемы работы с некорректной задачей.

- Учитель предлагает ученикам самостоятельно изучить задачу и составить краткую запись по тексту, выписать части условия, установить на какие из ранее изученных свойств будет опираться ее решение. Предлагаемые задачи должны содержать задания, требующие построения модели по тексту, содержащей достаточное количество данных, по условию некорректной задачи; составления задачи по рисунку, схеме; получения различных корректных задач преобразованием любого набора данных некорректной задачи.

- Использование задач с пропущенными единицами измерения величин; задач, содержащих лишние данные.

Общекультурная компетенция. Круг вопросов, по отношению к которым ученик должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности, это – особенности национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека, их влияние на мир, компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере [4].

На уроках математики такая компетенция может формироваться через использование материала из других наук, и использование понятий и методов математики на других уроках. Очень часто ученики испытывают сложности при построении математической модели процесса, и не могут применить математический аппарат в новых обозначениях.

Приемы использования задач с избыточными (недостающими) данными:

- По уравнению, схеме к задаче составляются различные текстовые задачи, которые могут быть решены при помощи этого уравнения или схемы. Если решение требует большого количества действий, то к условию составляется минимальное количество вопросов, ответив на которые можно ее решить.

- По тексту задачи можно составить перечень вопросов начиная с вопроса задачи (Какие данные надо знать, чтобы ответить на вопрос задачи? Какие из необходимых данных известны по условию задачи? Каких данных недостает? и т.д.).

- Составление некорректных задач самими учениками.

Представим приемы конструирования и конкретные примеры полученных некорректных задач.

- *Расширение (ограничение) условия* – замена входящих в условие задачи компонентов более общими (конкретными).

Корректная задача: «В прямоугольнике точка пересечения диагоналей отстоит от меньшей стороны на 4 см дальше, чем от большей стороны. Периметр прямоугольника равен 56 см. Найдите стороны прямоугольника». Некорректная задача: «В параллелограмме точка пересечения диагоналей отстоит от меньшей стороны на 4 см дальше, чем от большей стороны. Периметр параллелограмма равен 56 см. Найдите стороны параллелограмма».

- *Фиксируется часть данных в условии, при этом некоторые характеристики оставшихся данных упускаются.*

Корректная задача: «От пристани по реке одновременно в одном направлении отправляются два катера. Один движется с собственной скоростью 17 км/ч, а второй с собственной скоростью 19 км/ч. На каком расстоянии друг от друга они будут находиться через 2 часа». Некорректная задача: «От пристани по реке одновременно отправляются два катера. Один движется с собственной скоростью 17 км/ч, а второй с собственной скоростью 19 км/ч. На каком расстоянии друг от друга они будут находиться через 2 часа».

- *Дополнение условия задачи данными, вытекающими из имеющихся или ответа.*

Корректная задача: «Четыре гири весят вместе 40 кг. Определить вес самой тяжелой гири, если известно, что каждая из них в 3 раза тяжелее другой, более легкой». Некорректная задача: «Четыре гири весят вместе 40 кг. Определить

массу самой тяжелой гири. Известно, что каждая из них в 3 раза тяжелее другой, более легкой, и что самая легкая весит в 12 раз меньше, чем весят вместе две средние».

- *Дополнение условия данными, противоречащими следствиям из имеющихся или ответу.*

Корректная задача: «Дан равнобедренный треугольник с боковой стороной 17 см, угол при вершине равен 60° . Найти основание треугольника». Некорректная задача: «Дан равнобедренный треугольник с боковой стороной 17 см, угол при вершине равен 60° и высота, опущенная на основание, равна 15 см. Найти основание треугольника».

- *Изменение требования посредством конкретизации (обобщения) объектов: выбирается объект и некоторый признак, которым данный объект не обладает. Выбранный признак должен быть правдоподобным и присущим некоторым объектам того класса, к которому принадлежит выбранный объект.*

Корректная задача: «В равнобокой трапеции высота, проведенная из вершины тупого угла, делит большее основание на отрезки 6 см и 30 см. Найдите основания трапеции». Некорректная задача: «В равнобокой трапеции высота, проведенная из вершины тупого угла, делит большее основание на отрезки 6 см и 30 см. Найдите боковую сторону трапеции».

Возможность составлять некорректные задачи позволяет применять их в процессе обучения сообразно изучаемой теме и индивидуальным способностям обучаемых. Кроме того, полезно, чтобы ученики могли не только решать такие задачи, но и уметь составлять их сами. При этом необходимо четко отследить все тонкости, которые могут повлиять на ход решения задачи и вообще на корректность её условия.

Учебно-познавательная компетенция. Это совокупность компетенций ученика в сфере самостоятельной познавательной деятельности, включающей элементы логической, методологической, общеучебной деятельности, соотнесенной с реальными познаваемыми объектами. Сюда входят знания и умения организации целеполагания, планирования, анализа, рефлексии, самооценки учебно-познавательной деятельности. По отношению к изучаемым объектам ученик овладевает креативными навыками продуктивной деятельности: добыванием знаний непосредственно из реальности, владением приемами действий в нестандартных ситуациях, эвристическими методами решения проблем [4].

Формирование данной компетенции является приоритетным с позиции возможностей некорректных задач. Опишем особенности решения таких задач. При решении задачи с недостающими данными, решение которой предус-

матрирует рассмотрение нескольких случаев, необходимо различать, когда найденные в условии варианты исчерпывают все возможности и когда они являются только примерами. Анализ условия и поиск решения задачи (общие приемы поиска описаны в работе [3]) такого типа базируется на переборе различных комбинаций и частных случаев, удовлетворяющих задаче. Выделение различных случаев, отвечающих условию задачи, подчиняется принципу полной дизъюнкции (логический компонент). Группирование найденных альтернатив условия задачи, в рамках выявленных связей и отношений между данными, и отыскание закономерностей в их решениях развивают систематизирующий компонент. Основа решения – анализ структуры созданного образа (модели), установление зависимости результата и хода решения задачи от параметров и начальных условий, от расположения объектов и количественных соотношений между ними (образный компонент). *Задача с недостающими данными, не имеющая однозначного решения без существенных дополнительных условий*, требует обширных знаний об объекте задачи, о связях его с другими объектами, которые могут оказаться полезными при получении ограниченного некими рамками ответа (систематизирующий компонент). Решение задач с недостающими данными нередко требует привлечения справочных величин, что формирует умение работать с литературой. Обучающиеся приобретут потребность поиска дополнительной информации для решения учебных задач и самостоятельной познавательной деятельности; освоят эффективные приёмы поиска. При решении таких задач ученик сам определяет, какие данные ему еще необходимы и в каком справочнике он их может найти. Кроме того, такие задачи требуют от учащихся указания отношений математических величин, необходимых для решения задачи, умение выводить логические следствия из данных задачи, видеть данные между строк (логический компонент). Решение задач с недостающими данными посредством анализа различных вариантов решения и определения диапазона возможных ответов развивает прогностические способности (абстрактный компонент). *Задача с избыточными данными, не противоречащими друг другу* требует умения анализировать условие задачи и строить модель задачи при помощи минимального числа данных. Построенная модель задачи должна содержать только те данные, которые необходимы для решения (абстрактный компонент). Решение *задачи с избыточными данными, имеющих противоречивое условие*, предполагает выдвижение гипотез (абстрактный компонент), способность генерировать идеи, ассоциативность мышления, способность видеть противоречия и проблемы в их единстве (логический компонент). Выявленное противоречие необходимо полноценно аргументировать (логический компонент). Условие некорректной задачи содержит в себе потенциальную многовариантность (в зависимости от того, какие исходные данные используются при построении

упрощенной модели условия меняется способ решения), что обеспечивает всестороннее, системное изучение содержания задачи. Возможность противоречия условий приучает учащихся к осознанной рефлексии мыслительной деятельности. Некорректные задачи могут иметь более одного ответа, а могут не иметь вообще, что способствуют абстрагированию от количественных составляющих задачи и оперированию качественными. Это способствует созданию алгоритмов решения некорректных задач основных видов. Работа с некорректными задачами развивает исследовательский интерес, активизирует способность оценивать, сравнивать, строить гипотезы, анализировать и классифицировать полученный материал.

Информационная компетенция. При помощи реальных объектов (телевизор, магнитофон, телефон, факс, компьютер, принтер, модем, копир) и информационных технологий (аудио- видеозапись, электронная почта, СМИ, Интернет), формируются умения самостоятельно искать, анализировать и отбирать необходимую информацию, организовывать, преобразовывать, сохранять и передавать ее. Данные компетенции обеспечивают навыки деятельности ученика по отношению к информации, содержащейся в учебных предметах и образовательных областях, а также в окружающем мире [4]. Для формирования указанной компетенции могут использоваться следующие приемы работы с некорректными задачами.

- Использование практико-ориентированных некорректных задач – задания с практическим содержанием, ориентирующие учащихся на математические исследования явлений реального мира, которые содержат недостающие данные. Ученикам нужно найти недостающие данные самостоятельно в математических справочниках и преобразовать их при необходимости.

- За несколько дней до урока по теме, учащиеся получают задание собрать необходимые данные (цены на отдельные товары, расстояния между населенными пунктами своего района и т.п.). на уроке эти данные используются детьми при составлении своих задач в том числе и некорректных.

Этот вид компетенции в своей сути включает процесс освоения учеником современных информационных технологий. На уроке математики учитель должен обучить ученика способам работы с информационными технологиями. От урока к уроку необходимо менять источники получения информации для подготовки ученика к адаптации в информационном пространстве современного мира.

Для развития данного вида компетентности можно предложить учащимся, например, следующие задачи.

Задача. 1 литр бензина в 2006 г. стоил 15 рублей. В 2007 г. он подорожал на 13%. Вычислите стоимость бензина в 2007 году? На сколько процентов

возросла цена бензина к 2013 по сравнению с 2006? (ответ округлите до целых) (недостающее данное - цена бензина в 2013 году).

Задача. Определить по карте расстояние, которое будет пройдено автобусом от г. Соликамск до г. Пермь. Используя свойство пропорции, рассчитать количество бензина, которое будет затрачено на дорогу туда и обратно, если известно, что на 100 км требуется 8 литров (недостающие данные: расстояние от Перми до Соликамска, модель и стоимость используемого бензина).

Коммуникативная компетенция. Включает знание необходимых языков, способов взаимодействия с окружающими и удаленными людьми и событиями, навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе. Ученик должен уметь представить себя, написать письмо, анкету, заявление, задать вопрос, вести дискуссию и др. Для освоения данных компетенций в учебном процессе фиксируется необходимое и достаточное количество реальных объектов коммуникации и способов работы с ними для ученика каждой ступени обучения в рамках каждого изучаемого предмета или образовательной области [4].

Коммуникативная компетенция в процессе решения некорректной задачи не находит своего особого уникального отражения. Можно говорить лишь о её реализации через использование различных коллективных приёмов работы (таких, как дискуссия, групповая работа, парная работа, при разборе задачи диалог с учителем или соседом по парте и др.).

Социально-трудовая компетенция означает владение знаниями и опытом в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение роли гражданина, наблюдателя, избирателя, представителя), в социально-трудовой сфере (права потребителя, покупателя, клиента, производителя), в сфере семейных отношений и обязанностей, в вопросах экономики и права, в области профессионального самоопределения. Сюда входят, например, умения анализировать ситуацию на рынке труда, действовать в соответствии с личной и общественной выгодой, владеть этикой трудовых и гражданских взаимоотношений. Ученик овладевает минимально необходимыми для жизни в современном обществе навыками социальной активности и функциональной грамотности [4].

Данная компетентность подразумевает овладение учениками теми предметными знаниями, умениями и навыками, которые они будут использовать непосредственно в своей дальнейшей жизнедеятельности. Использование некорректных задач здесь предполагает особое их содержание. Можно подобрать примеры некорректных задач по развитию социально-трудовой компетенции.

Задача. Фирма получила от двух банков ссуду на приобретение оборудования: от одного – под 5%, а от другого под 7% годовых. Всего за год фирма должна уплатить 15 500 р. процентных денег. Сколько денег взято у каждого банка? (Неизвестна сумма, на которую приобретается оборудование).

Задача. Стоимость проезда на автобусе 2008 году была 10 р. На сколько процентов в 2013 году проезд на автобусе стал дороже, чем в 2008 году? На сколько процентов в 2008 году проезд был дешевле, чем в 2013? (Стоимость проезда в 2013 году не указана).

Компетенция личного самосовершенствования. Направлена на освоение способов физического, духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональной саморегуляции и самоподдержки. Реальным объектом в сфере данных компетенций выступает сам ученик. Он овладевает способами деятельности в собственных интересах и возможностях, что выражаются в его непрерывном самопознании, развитии необходимых современному человеку личностных качеств, формировании психологической грамотности, культуры мышления и поведения [4]. Для воспитания данного вида компетенции подходят задачи на развитие навыков самоконтроля.

Одним из приемов выработки самоконтроля является проведение проверки решения математических задач. Проверка решения некорректной задачи требует настойчивости и определенных волевых усилий.

Развитие навыков критического отношения к результатам вычислений, навыков самоконтроля требует не только обучения учащихся приемам контроля, но и проведения специальных действий, структурно отличных от обычных распространенных действий. Специфика решения некорректных задач состоит в том, что они не только составляются и решаются, но и неизбежно проверяются учащимися. Здесь могут использоваться следующие приемы.

- Составить задачу, обратную данной, вводя в ее условие полученный ответ и исключая одно (или несколько из известных данных), задать требование к задаче.

- Проверить соответствие полученного ответа всем условиям задачи (в том числе исследовать задачу на противоречивость данных).

Для воспитания у учащихся чувства потребности критического анализа условий задач, учащимся можно предлагать задачи с противоречивыми данными, требования которых высказаны не в форме «найдите», а форме «существуют ли». Такие задачи составляются, если переформулировать задачи из учебника без учета естественных ограничений на заданные параметры

Задача. Существует ли прямоугольник $ABCD$, стороны которого параллельны соответственно сторонам четырехугольника $A_1B_1C_1D_1$?

Задача. Существует ли параллелограмм, две диагонали и сторона которого равны соответственно 8 см, 10 см и 10 см?

В заключение представим особенности решения некорректных задач.

Задачи с недостающими данными.

1. Выявление недостающих данных. Если недостающие данные удается доопределить (справочная литература, «между строк»), то задача решается посредством рассмотрения различных случаев, отвечающих условию задачи.
2. Принятие упрощенной модели задачи, для которой достаточно имеющихся данных, организация решения полученной задачи.
3. Решение задачи, полагая недостающие данные известными. Полученное решение будет функцией от недостающих данных.

Задачи с избыточными данными.

Берется любой набор данных, приводящий к решению (при осуществлении различных способов решения наборы отличны). Нерассмотренные данные следует использовать для проверки полученного решения. В случае противоречия можно получить несколько вариантов решения задачи – с каждым из противоречивых данных в отдельности, а затем проверить согласованность решения с практическими наблюдениями. Иногда полезно отбросить оба противоречивых условия и решать задачу с недостатком данных.

Проведение специальной работы над текстом задачи с избыточными и недостаточными данными по усвоению ее содержания (различные формы предъявления задачи: текстом, краткой записью текста, рисунком; работа над усвоением содержания задачи: изменение числовых данных задачи; изменение сюжета; изменение сюжета и числовых данных задачи) способствует использованию информации для установления причинно-следственных связей и зависимостей, объяснений и доказательств фактов в различных учебных и практических ситуациях, ситуациях моделирования и проектирования. Решая такие задачи, ученики получают возможность научиться строить умозаключения и делать выбор на основе самостоятельно полученной информации, а также освоить опыт критического отношения к получаемой информации на основе её сопоставления с информацией из других источников и с имеющимся жизненным опытом. Использование некорректных задач придает практическую направленность в обучении, влияет на мотивацию обучения решению этих задач; а их использование в математике предполагает не только их решение и конструирование, но и умение модифицировать условие некорректной задачи в корректную и наоборот.

Рассмотренные виды некорректных задач позволяют ученикам целенаправленно работать с текстами задач, преобразовывать и интерпретировать содержащуюся в них информацию. Таки задачи при правильной методической работе с ними позволяют реализовать следующие направления, отраженные в программе основной школы [2]:

- сопоставлять, систематизировать, анализировать, обобщать и интерпретировать информацию, содержащуюся в готовых информационных объектах;
- выделять главную и избыточную информацию, выполнять смысловое свёртывание выделенных фактов, мыслей; представлять информацию в сжатой словесной форме (в виде плана или тезисов) и в наглядно-символической форме (в виде таблиц, графических схем и диаграмм, карт понятий — концептуальных диаграмм, опорных конспектов);
- заполнять и дополнять таблицы, схемы, диаграммы, тексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безусова, Т.А. Некорректные задачи как средство развития культуры математического и естественнонаучного мышления школьников. Дисс. на соискание ... к.п.н. 13.00.01 [Текст] / Т.А. Безусова. – Тюмень, 2008. – 332 с.
2. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа [Текст] / Сост. Е. С. Савинов. – М.: Просвещение, 2011. – 342 с.
3. Шестакова, Л.Г. Основные пути поиска способа решения задачи в процессе обучения математике // Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2013» [Текст]. – Выпуск 1. Том 13. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. – ЦИТ: 113-0178. – С. 58-62.
4. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс] / А.В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». - 2002. - 23 апреля. <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>
5. Лебедева, И.П. Математическое моделирование в педагогическом исследовании: Монография /Акад. Акмеол. наук, Перм. гос. пед. ун-т [Текст] / И.П. Лебедева. – СПб; Пермь: 2003. –122 с.

Polyarush Albina,

*Achinsk Branch of Krasnoyarsk State Agrarian University,
Associate Professor, Candidate of Pedagogic Sciences,
Head of the Department of Civil Law and Philology*

Korneyeva Tatyana,

*Achinsk Branch of Krasnoyarsk State Agrarian University,
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,
the Department of Civil Law and Philology*

Comprehension and adaptation of resources of John Amos Comenius' pedagogical system as a necessary condition for realization of new educational standards

Abstract: The article reflects the idea of the Method of dialectical teaching based on J.A. Comenius' principle of conformity with nature as one of theoretical foundations of a reasonable educational process. It also demonstrates the efficiency of the Method in realization of new educational standards.

Key words: the Method of dialectical teaching, reasonable education.

The most serious challenge to education nowadays has been made by education itself. The clutter, having turned into a dump, of so-called educational technologies, which are not supported by any scientific foundations, deprives a teacher-practitioner of a rational guide. Thus, a declaration of an activity-based approach, not being filled with contents, has led the school to a dead-end. A facilitated positivistic view of this "brand" has provoked teachers to unrestrained "pedagogical" creativity that flowed pell-mell across the boundless field of individual ideas of pedagogical reality: "so many minds, so many opinions". This is sheer sophistry: verbiage and wiliness. For example, the very expression "an organizational and activity-based game" ignores amateurishly the foundations of Aristotelian logic, tramples on J.A. Comenius' works ("About the Benefits of Exact Naming of Things", "The Speech about Listing Things"), and undermines indiscreetly the demands of the Federal State Educational Standard of primary school for shaping the basis of logical thinking [1].

Under the mask of "activity-based approach" they have brought to school developmental teaching, which has never developed anyone, interactive training, a method of collective training, and other scholastic garbage.

The oil on the flames was poured by so-called “creatives” with their “challenges”, “responses”, “breakdowns” taken from Arnold J. Toynbee without any critical analysis, but with addition of “clusters” and “points of growth” to this picturesque jargon. Thereby, brilliant in its simplicity and contents J.A. Comenius’ law (“the contents of education involve things, mind, and language”) is completely bereaved of mind, and instead of language as a form of consciousness there is a downright verbal husk. Don’t the hearts of these apologists of activity-based training shrink from pain for the children who are floundering helplessly in verbal nets of infantile selfishness which are set by so-called interactive?

Unfortunately, new educational standards, along with reasonable demands, such as “a generated ability to establish cause-and-effect relations”, “forming of foundations of learning skills”, “forming of basic arranged notions” (for elementary school), need profound cleaning of sophistic garbage. For example, “forming of readiness for self-development and continual education”, “a generated motivation for training and cognition”, etc. The mind is unable to reconcile contraries: on the one hand, there is “education - ... the combination of acquired knowledge, abilities and skills...” [2. i.1, art.2, ch.1], on the other hand, one of common cultural competences (the Federal State Educational Standards of Higher Professional Education, training programs for a bachelor’s degree 030900.62, 080100.62, 080200.62) states, “to form a culture of thinking”. On the one hand, there is a declaration of competence approach (competence is a person’s ability to get results in non-standard situations), on the other hand, there is still this ineradicable combination of knowledge, abilities and skills. To reconcile contraries is a favourite occupation of sophists, masters of verbal tricks. Knowledge cannot be regarded as combination by definition (*Eng.* combination - *Rus.* *sovokupnost’* derived from *Rus.* “kupa” (*Eng.* clump), *Rus.* “kucha” (*Eng.* pile).) Knowledge is information which has been assimilated being turned into a system by application of principles and laws of thinking. So, being citizens as well as reasonable teachers, we form the students’ culture of thinking deliberately violating the Law of Education.

The only way of saving the school is clear: the school needs reasonable natural pedagogy. And nothing more! Only then the school will be turned from drudgery into “The House of Joy” [1]. Having introduced the principle of conformity with nature, Jan Amos Comenius took his place in a galaxy of colossi who created and led to the flowering the age of triumph of human nature. On the basis of this principle he created scientific pedagogy. J.A. Comenius performed a civic feat, an astonishing breakthrough in school education, having rebelled against medieval scholastic school. And our modern school keeps patching hard a rotten scholastic hopsack which is cynically called “modern pedagogical technologies”. And no matter what pastes in the form of interactive boards, or dazzling presentations decorate this putrid hopsack, white threads of nonsense and degradation stick out in all directions. Information technologies, the

Internet – thanks to them! – only revealed, aggravated the weak points of our “modern” school.

The demands of new standards should be realized in compliance with natural advisability. There is no need to stretch every nerve trying “to form motivation for education and cognition”, and “to form willingness for self-development”!!! J.A. Comenius states, “The seeds of education are naturally implanted in us” [1]. If our modern teachers, along with their officials and ideological mentors, made a little mental effort to reveal the nature of a Reasonable man, i.e. to touch the science, it would become clear that the ability and irrepressible thirst for knowledge are man’s natural essence that is genetically inherited. It is not man who adjusts to the habitat, like animals with their instincts, but, on the contrary, man adapts the habitat for himself. In order to do this, nature endowed man not only with a sensory stage of cognition, but also logical and rational ones where man invents technical equipment, tools, in one word, the means of effecting nature. To survive in aggressive environment, man has to display a specific form of activity called LABOUR. A natural thirst for knowledge, which enables the identification of patterns and, thus, effective evolution of Homo sapiens, is inherent in every human being.

The method of dialectical teaching is a natural (reasonable) teaching method. Instead of making a natural thirst for knowledge the basis of transforming activity, and supplying it with a clear and precise guide to formation of the Personality, our system of education unmercifully provoke children into searching for realization of their natural cognitive abilities in unwholesome social activities. And here, for all the sins, we start to blame information smog, the post-computer era, the propaganda of consumer attitude and other pleasant external irritants. Nature abhors a vacuum, doesn’t it? If a teacher has failed to satisfy a pupil’s thirst for knowledge, then a pupil will find the channels for its satisfaction. When you see pupils revealing and solving contradictions found in educational materials, setting up and disproving hypotheses while applying the laws of dialectical (reasonable) thinking, then you make sure that there is hardly a more powerful source of pleasure for a person than the process of rational thinking! The appeal of phone displays, tablet computers and other idols, which deprived school of monopoly on information, fades in comparison with the most natural form of human inquisitiveness named the process of thinking.

The essence of an educational process is not “a set of knowledge, abilities and skills”. This approach appeared because of a narrow pragmatism view on the problem of activity, and complete neglect and ignorance of the nature of the ideal. And this is the problem of the ideal that should be solved in educational process. As the basis of thinking is a specific form of activity – idealization, the problem of the ideal is of primary consideration, so that later our conscious activity wouldn’t be marked with spontaneously occurring images which are far from the ability to hold the ideal of the

reality itself. The school tries to retain these two aspects, but their unity doesn't find any form of identity in a real educational process. But this form of identity is indeed the ideal of the school; the ideal that can't be reached through neglect of laws and principles of thinking [3]. The ideal is a subjective image of objective reality, i.e., the reflection of outer world in the forms of human activity, consciousness and will.

As for transformation of the material into the ideal, it implies the manifestation of an external fact in an immediate activity of thought. Just as labour is a transforming, purposeful, mediate activity, so thinking, being the basis of labour activity, has the same specific character (declaration of a dialectical law of maintenance of the original basis). In his abstract (cogitative) activity a person operates with ideas of things, that is, the equivalents of real things [4]. Therefore, the definition of the ideal is highly individual. This is something both existent and non-existent; something that doesn't have a form of an external, sensory perceived thing and simultaneously exists as a human active ability. The ideal is a special thing for a person which he can purposefully change in accordance with the activity demands (requirements) [5].

If a man in his labour activity places some tools between himself and nature, which are the means of nature transformation, then in his thinking (ideal) activity he should also place some means of transformation of ideal things between his thinking and ideal objects. But to transform an ideal object means to transform the nature of one's thinking. Just as man with his labour activity transforms Nature while creating culture, so under the same laws a human natural given – reason – should be changed into mind as the highest level of consciousness. Reasonable thinking is already cultural (transformed) thinking. Like labour is impossible without means of labour, thinking is impossible without means of thinking. To arm a learner with thinking tools, i.e., laws of formal and dialectical logics in their inseparable unity, is the content of education. Thinking is the content of consciousness; speech is a form of thinking. Thus, J.A. Comenius' ideal of content of education "a thing, a mind, a language" gains a penetrating clarity and urgency if we really want to bring up a thinking graduate as it is required by new educational standards. There is no other reasonable, that is, natural, way.

The dependence of the results of cognition on subject's cognitive tools is an obvious fact. And these particular cognitive tools should be provided to a person by the school. This is what we call a natural way of consciousness transformation. Undoubtedly, the school's main duty is to form learners' knowledge. Knowledge is assimilated information. To assimilate information means to use it freely. The main condition for information assimilation is its comprehension. To get a clear understanding of some object, or, in other words, to feel free inside this object, one should grasp its general logics. This opportunity and necessity are implied in a dialectical method of cognition which represents inseparable unity of formal and dialectical logics. Having based the Method of dialectical teaching on reasonable thinking, two people of genius -

Anatoliy Iosifovich Goncharuk and Valentina Lasorevna Zorina – opened for teachers a new road of sensible search for reasonable forms of teaching; realization of a natural principle of competitiveness; and, at last, teachers were able to see how natural thinking inclinations of students acquired natural development showing unlimited capabilities. Why should we force an open door, pointing out a problem of motivation in teaching in the Law on Education? As soon as we understand the essence of education, an artificially made problem of motivation will turn into nonsense. The solution of all problems and tasks of education, which are stated in each new educational standard, is described in the Method of dialectical teaching to the full extent and in a natural (reasonable) way.

The potential of a lesson as an organizational form of teaching is appreciated at its true value and realized in the Method of dialectical teaching. Enrichment and updating of the content of educational programs with the means of the Method of dialectical teaching lead to the development of new teaching forms. Interactive teaching, based on approval of obstinate persisting in a learner's opinion (a set of empty phrases), gave way to a meaningful discussion, based on the knowledge of cognitive rules and methods. At the same time subject knowledge acts as a material for forming and mastering of a cognitive method. A complex cooperation significantly raises learners' intellectual working efficiency. The criterion of this phenomenon is quantity and quality of notions made by learners in class, i.e., new knowledge based on the formulation of a lesson's aim, which is again made by learners themselves. And this purposive process of making notions opens natural channels for satisfaction of the thirst of knowledge. The identification of contradictions in the object of cognition, hypotheses offered in order to solve contradictions, refutation of these hypotheses, and a natural spirit of competitiveness stimulate the formation of knowledge without any outer compulsion. To identify and solve a contradiction, one needs to mobilize the knowledge of formal and dialectical logics, and rules of specific sciences which are also derived from logics and dialectics. So, the Method of dialectical teaching introduces order to an educational process where so far there is a complete mess and triumph of sophistry (so many minds, so many opinions). A universal principle of contradiction has achieved the status of a fundamental principle in didactics.

No matter what "new" ideas on improving the teaching process penetrate into the school, be it optimization, individualization, collectivization, activity, information technologies and etc., they are blown out, as if by draught, as they are impossible to hold, there is nothing to grasp at: no basis, no scientific foundation! We do not know what kind of a protuberance will tomorrow break loose from a "creative" brain of our fighters for innovations in education. But all this variety of conditions, principles and laws of an educational process – only in its logical interrelation and clever interpretation – was long ago introduced in "The Great Didactic". Why reinvent the wheel? Especially,

detail by detail, adjusting them to one another without success. It is high time we mastered that wheel and rotated it rapidly, keeping pace with the acceleration of civilization development. The recognition of a determinant role of the whole regarding its parts, which is a point of view proceeding from the whole and coming to the understanding of the parts of *this* whole, has always been the very soil where dialectics grows. And an opposite opinion, coming from the idea of prior existence of self-contained, completely independent elements which are later united in this or that complex (a more or less accidental one in relation to their “inner nature”) but, nevertheless, do not change at all and remain as they used to be, has always been and still is the soil leading to vicious practice as no dialectics can appear here [5].

Nowadays such a spoke that is artificially, therefore absurdly, being built in the wheel of education appears to be a competence approach. If we give up different attempts to separate the notions of “competence” and “awareness”, as a matter of fact, there will remain “practical application of knowledge”. “Our obsession with practice-oriented education” can be explained only by misunderstanding of the essence of the notion of knowledge. A word combination “practical application of knowledge” is a tautology. Having a logical tool of cognition, I grasp and hold the underlying essence of a thing, and on this solid, that is, natural and objective basis I can predict different reasonable relationships with other objects in various new situations. So, knowledge is the knowledge of things. How can I apply the knowledge of things to things? A complete nonsense! If I can’t apply any “knowledge” to a thing, it means it is not knowledge but a set of phrases about the thing which has been assimilated formally, irrespective of the thing itself, or in a sham, fragile and easily torn connection with it. The naivety of ideas about the essence of Knowledge, and inability to organize the process of assimilation of knowledge as knowledge of a thing, in the strict and literal sense of the word, provoke into attempts of concealing this socially dangerous ignorance with empty pseudo-scientific newspeaks. Stop keeping thought at the stage of reason and setting artificial restrictions on the way of its natural tendency to the stage of mind! Why turn so-called educational innovations into corn?

To provide the most natural human characteristic – consciousness – with a conscious character is what J. A. Comenius, a man of genius, called for. Comenius’ thought, if not shriveled by petty pedantry, is more than ever actual for our school and requires a deep understanding in order to overcome the crisis our school is being plunged into by common efforts of zealous “innovators” of education. Imperishable is Confucius’ wisdom: “Acquire new knowledge whilst thinking over the old, and you may become a teacher of others”.

REFERENCES

1. Comenius, Jan Amos. Great Didactic (Selected chapters). Moscow, 1989. – P. 416.
2. Federal State Educational Standard of Elementary Secondary Education. Approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 6th October, 2009, # 373.
3. Polyarush A., Nurgaleev V. The formation of pupils' ecological thinking on the basis of dialectical approach. Krasnoyarsk, 2001. – P. 76.
4. Hegel G.W.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. V.1. The Science of Logics. Moscow, 1971. – P.244.
5. Il'enkov V. Philosophy and culture. Moscow, 1991. – P. 464.

Kriskovets Tatyana,
*Orenburg State Pedagogical University, DPhil, senior lecturer,
associate professor of chair «Pedagogics of high school»,*
Merculova Lyudmila,
*Orenburg State Pedagogical University phd in pedagogics,
associate professor of chair «Pedagogics of high school»*

THE IDEA OF SCIENTIFIC PROFESSIONAL COMMUNICATION IN SUBJECT-VARIATIVE CAREER EXTENSION

Abstract: The article discusses the specifics of the subject-variative extension of teacher's professional career as a holistic multi-purpose complex of educational features in its formal, non-formal and informal ways, contributing to the implementation of teacher's career aspirations. The author proves the potential of scientific communication to provide the variety of high-grade, high-quality selection of specific options for a professional career development.

Keywords: subject-variative extension; scientific communication, educational trajectory, life-long education; professional career, variety, career development

The formation of life-long professional pedagogical education is a complex, multifactorial and controversial process. Practice shows that there is no single strategy of the professional career. Each person is unique, and the process of developing career strategy in each case is unique.

The development of the professional career as a way to self-realization can be achieved only through the choice. "To be a person, - writes Galperin P., - is to be the conscious, socially responsible subjects"[2]. It is the person, who regulates his activity on the basis of consciousness, that constitutes indicative part of his actions. KolesnikovV., Leshkevich T. focus on creative, active potential of the personality who uses in the process of the self-consciousness full potential of science and culture [4;5].

The problem of modern human existence is that he has to adapt constantly to the unstable, ever-changing world. On the other hand, the spiritual expression of human inevitably appears as a combination of rationality and faith in man.

Thanks to this unity of faith and rational the comprehension of reality is performed. This feature of human existence is called virtual reality, which becomes characteristic for

education. It is becoming more and more updated today as a qualitative characteristic of modern education. [4]

The process and the need for the development of the person as a whole does not depend on the specifics of a particular professional career. However, its specified focus can be ontological determinant of achievements.

According to Gorshkova V.'s research "social time pressure, ruthlessness and cruelty of continuing reformatations and innovations make a person be under stress. On the other hand, the complication of living requires the revision of the prevailing conservative views and attitudes, overcoming of one's former self-conscience, enhanced reflection one's existing valuable experience, bringing the benefits and success of daily life philosophy [3] .

The idea of activity chosen by a man "directs the course of life" (Frankl V.), becoming the mode of existence of the subject, defining his social position, a creative orientation of professional work and its ontological content.

Personal development of the professional, success of the career phased implementation involves some dynamics of its properties and qualities that are represented as "increments" of the personality.

The teacher's career development is specific compared with the professional development of other categories of workers. Mentality of the teacher is interdependent with his spiritual and practical activities focused upon the preservation and transmission of spiritual and moral values to new generations. Personality of the teacher is his main professional tool.

Moreover, the development of teacher personality can be viewed upon in two aspects: as the goal of the professional activity and as a target for professional development. Consequently, the achievement of these two forms of target layers should be similar, in particular - forms of collective and group activities as the most effective for the development of personality [4]. This approach is particularly productive in the process of teacher's professional development.

Unlike most professions, for the teacher, these forms are not only important as a means of self-development, but also as a professional tool. Teacher himself uses forms of collective and group activities, managing the development of the students, that is he performs his professional role. The specificity of the teaching profession is that it creates favorable conditions for the realization of the concept of lifelong learning included in the professional activity [6]. Thus, the development of a professional career becomes the value necessary for teachers as the subject of activity.

The idea of a balanced interaction between the processes of the internal development of the teacher and his external social movements in the development of career space helps to resolve the main problem of the formation of XXI century human. It's the identification of regularities, individual and personal ways of becoming human in

the general educational practice, professional career development, revival of his spirituality and genuine intelligence and the sustainable progressive development of our civilization, overcoming the negative effects of informatization of education, which may be the predominant in the conditions of market relations [4].

Focusing on life-long continuity of the professional career development [7], we emphasize the complementary-character and diversity of forms of life-long education - formal, non-formal and informal. The scheme of interaction of the processes of teacher's formal, non-formal, informal education and the development of his career is represented in the illustration.

The interaction of formal, non-formal and informal spheres of life-long education determines the range of distribution of the three-dimensional subject-variative extension and the overall trajectory of teacher's personal career development.

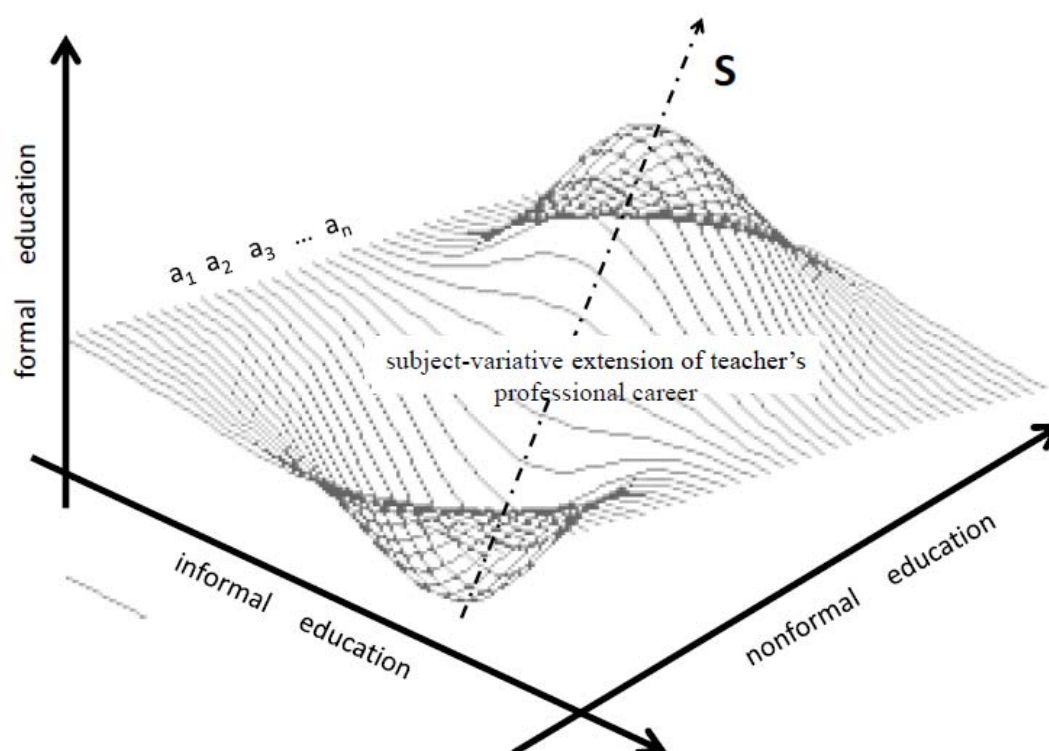

Fig1. Interaction of the processes of formal, non-formal, informal education and development of teacher's professional career

Legend:

S - The axis of the subject-variative extension;

$a_1, a_2, a_3, \dots a_n$ - The functional line of teacher's professional career development;

The subject-variative extension of teacher's professional career is holistic multi-purpose complex of educational features in its formal, non-formal and informal ways,

contributing to the implementation of teacher's career aspirations, who is defining the limits of free choice of the strategy of subject and professional updating, as well as responsibility for its consequences.

This complex provides a teacher a full-fledged diversity of quality-specific variants of meaningful career choice.

The subject-variative extension of teacher's professional career is based on two-dimensional professional areas that reflect the ratio of a certain level of professional careers teacher at any given point of time.

The nature of the subject-variative extension of teacher's professional career is unified, but it consistently demonstrates personal movement. The variety and diversity of forms of teacher's career determines its development. The multivariance of professional career development is its main defining characteristic.

The functional line of teacher's professional career development reflects infinitesimal points $a_1, a_2, a_3, \dots a_n$, each of which we consider to be the cause, and the following one as a consequence.

The dynamics of teacher's professional career in space and time is represented in the form of a continuous chain of small causes and effects, the number of options of which is endless. Any starting point results in a chain of cause-and-effect relationships a_1, a_2, a_n . The axis of the subject-variative extension S is represented as a system of personal abilities, knowledge, skills, and beliefs. That determines the development of professional career, eventually urging the teacher to professional self-realization and self-development.

Each of the components (formal, nonformal and informal) contributes to the development of a professional career. When the parameters of the key component change, there is a transition to the next phase of professional career development. It is internally necessary movement, "self-movement" from the existing career potential to the highest levels of professional career. The external (society, lifelong learning) always acts through internal (personal abilities, knowledge, skills, beliefs, needs). The nature of the subject-variative extension is unified, but consistently demonstrates different guises. There is the only undoubted fact that unites and reconciles all fields of knowledge - the variety and diversity of forms of professional career development.

Professional career is built on the acceptance of plurality and diversity of life, the inevitability of coexistence of differences, based on the extension of the teacher's own experience by initiation him to the views of other cultures, the environment itself [8,9,10]. All this leads to the expansion of its the subject-variative extension.

There is a continuous, consistent, content-structured accumulation of knowledge and skills, the conglomeration of teacher professional achievements in the concentrated form at each transition to the next phase of development of a professional career, and each of the results is an integral part of the general fund. It isn't neglected by the

subsequent success of a professional career, but only reinterpreted and updated. The transformed results of each of the previous phase are included in the subsequent career phase.

The efficiency of each new stage of career development depends on the productivity and achieved results of the previous stage, the intensity of the feedback, the validity of corrective actions, the use of appropriate technologies, as well as the quality of the organizational and pedagogical support of career development. Thus, there is the deployment of the subject-variative extension, some required movement, "self-movement" from existing career potentials to the highest levels of professional career.

In the development of a professional career the mechanisms of self-realization of the teacher as a professional are laid. They become, necessary for the formation of a distinctive personal image and dignity of human life, for the dialogic and safe interaction with people, nature, culture, and civilization.

Particularly important is the incorporation of the modern teacher in the process of science communication. Communication in the scientific community is specially ordered system of social interactions in search for the accumulation and dissemination of scientific knowledge of reality, implemented through various channels, means, forms and institutions of the communication.

The analysis of the communicative aspects of scientific activity shows that the informal structure of the teaching staff may be regarded as an open system of communicative interactions, integrating the specific team in research and teaching community of higher level, as well as differentiating members within the team according to the density of communication links and the availability of specific roles under the division of labor in the collective.

Scientific communication is a universal object correlated with many aspects of professional career. Revitalization of the form and content of scientific communications enhances subject-variative career extension in its formal, non-formal and informal ways. There is an exchange of information within the informal communication of teachers. Expansion in the professional environment of pedagogically informal communication has a positive effect on the productivity of the teacher as a professional, his contribution to the development of pedagogics.

Disclosure of the nature and content of professional communication in science leads to the conclusion of the special role of the array of publications as the most informative source of information about the specifics of modern pedagogical activity, the main directions of collective action.

In Russian pedagogic community there are problems associated with maintaining the external scientific communication and, as a consequence, with the integration with the world scientific and educational community.

The period of globalization has prospects for further development of teacher

community. This is due to the emergence of new forms of professional scientific communication with significant specificity: chat rooms, forums, blogs, and social networks.

Teacher in the process of creating his own the subject-variative career extension is free to determine the vector of career development, the choice of forms and methods of implementation of the process and at the same time is responsible for his actions to himself, to the subjects of the educational process, the future of the nation. This sense of responsibility to themselves, society, and the state is often a synonym of patriotism and justice, personal freedom for everyone. The development the subject-variative career extension is determined by the interaction of different factors, the unity of formal, non-formal and informal education, social needs, as well as the overall strategy of the professional career development.

They are closely linked, and changes in each of these forms lead to changes in all the components, which in its turn causes the qualitative transformation in the process of orientation in teaching profession in teaching activities, as well as in the implementation of continuous variable programs.

The idea of the teacher's subject-variative career extension allows establishing the process of career development providing its progressive direction, intensity, fundamental incompleteness, variability of career development in the system of inner management, to determine the direction of changes in the organization of the system of long-life education.

REFERENCES

1. Батурин, В. К. Человеческая деятельность как единство познания и управления / В. К. Батурин // Философия образования. – 2005. – № 1 (12). – С. 64–76.
2. Гальперин, П. Я. Введение в психологию / П. Я. Гальперин. – М.: КД «Университет», 1999.
3. Горшкова, В. В. Образование взрослых: формат опережения / В. В. Горшкова // Педагогика. – 2007. – № 10.
4. Колесников, В. А. Образование как способ личностной самореализации человека: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / В. А. Колесников. – Иркутск, 2006.
5. Лешкевич, Т. Г. Философия науки. Традиции и новации / Т. Г. Лешкевич. – М.: ПРИОР, 2001. – 428 с.
6. Федорова, Е. В. Профессиональное самосовершенствование и личностное развитие педагога / Е. В. Федорова // Сибирский учитель. – 2002. – № 2 (19).

7. Хэрриот, П. Карьера [Электронный ресурс] / П. Хэриот // Управление человеческими ресурсами / П. Хэриот; под ред. М. Пула, М. Уорнера. – СПб.: СПб. Питер, 2002. – С. 658–675. – Режим доступа: http://dps.smrllc.ru/Disc/Herriot_Kariera.htm.
8. Day, R. E. Social capital, value and measure: Antonio Negri's challenge to capitalism / R. E. Day // Journal of the American Society for Information Science and Technology. – 2002. – Vol. 53. – № 12. – P. 1074–1082.
9. Horowitz, I. The Decomposition of Sociology / I. Horowitz. – Oxford University Press, 1993. p. 282.
10. Mayo, E. The Social Problems of an Industrial Civilization / E. Mayo. – Cambridge, Mass.: Harvard University, 1945.

Lutaieva Tetiana,
*assistant professor, the department of Pedagogy
and Psychology National University of Farmathy*

PRIVATE INITIATIVE IN EDUCATION OF MEDICAL SCIENTISTS IN KHARKIV PROVINCE (the second half of the 19th – early 20th cent.)

Abstract: The article highlights private initiative in education of medical-pharmaceutical's scientists in Kharkiv province during the second half of the nineteenth – early twentieth centuries.

Keywords: private initiative in education, university, scientist, scientific society, charity, Kharkiv province.

Лутаева Т.В.,
*канд. пед.н., доцент кафедры педагогики и психологии
Национального фармацевтического университета*

ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА В ОБРАЗОВАНИИ УЧЕНЫХ-МЕДИКОВ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Аннотация: В статье освещается частная инициатива в образовании ученых медико-фармацевтической отрасли в Харьковской губернии во второй половине XIX – в начале XX вв.

Ключевые слова: частная инициатива в образовании, благотворительность, университет, ученый, научное общество, Харьковская губерния.

В период современности на постсоветском пространстве возникает ряд проблем, созвучных реалиям общественной жизни Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. В недавнем историческом прошлом к решению насущных проблем в сфере образования и культуры привлекалась передовая общественность, деятельность которой может быть примером для изучения и осмысления.

Проблема становления и развития благотворительной деятельности в Российской империи нашла отражение в работах современных историков: Г. Н. Ульяновой [1], Е. Г. Лозовской, Л. В. Харининой [2] и др. Частная инициатива представителей высшей школы Харьковской губернии была частично представлена в историко-педагогических исследованиях О. М. Другановой [3]. Предметом исследования современных украинских ученых (И. Ю. Робак [4], З. П. Петровой [5] и др.) является история медицины и фармации, в том числе благотворительная деятельность представителей Харьковского медицинского общества.

Однако, следует констатировать, что на сегодняшний день не существует обобщающего научного труда, посвященного исследованию частной инициативы ученых-медиков (фармацевтов), способствующих развитию образования во второй половине XIX – в начале XX вв.

Цель статьи – на основе анализа историко-педагогических источников и литературы охарактеризовать особенности частной инициативы в области образования ученых медико-фармацевтической отрасли Харьковской губернии во второй половине XIX – в начале XX вв.

Украинская исследовательница Е. Н. Друганова в своих научных работах отмечает, что «под частной инициативой в образовании следует понимать организационную, материальную, деятельность отдельных лиц и ассоциаций разных типов и уровней» [3].

Наряду с понятием «частная инициатива» в исследуемый период употреблялись понятия «общественная инициатива», «благотворительность», «помощь бедным», «призрение» в зависимости от контекста расширяющие или сужающие область описания. В образовательной сфере чаще всего использовалось понятие «благотворительность». Термин «благотворительность» применим к области общественной активности, связанной с передачей физическими и юридическими лицами (но только не субъектами государства) денежных и материальных ресурсов в помощь нуждающимся [1, с. 626].

Становление частной инициативы имеет давние традиции, но широкого развития на территории Российской империи в образовании приобретает во второй половине XIX – в начале XX вв. Харьковская губерния заняла заметное место в этом движении. Центром Харьковской губернии был город Харьков, а центральным учреждением – Харьковский университет, открытый в 1805 г. в результате частной инициативы В. Н. Каразина при содействии общественности. Профессиональной деятельности многих преподавателей медицинского и физико-математического факультетов Харьковского университета была характерна частная инициатива в области образования.

Лучшие представители профессуры осознавали свою научную деятельность не как мертвую чиновничью службу, а как важное общественное дело,

направленное на развитие отчизны. Однако, нельзя сводить их культурно-просветительскую деятельность только к голому энтузиазму. Возможности передовых ученых исследуемого периода, в том числе в Харьковском университете, к осуществлению актов благотворительности, зачастую зависели от их финансового состояния.

Материальное состояние научно-педагогических кадров Харьковского университета было, согласно статистическим данным, удовлетворительным. Согласно данным А. Шипилова, заработная плата профессора во второй половине XIX – в начале XX ст. была всегда большей, чем у рабочего: 1863 г. – 15, 1890 г. – 18, 1912 г. – 17 раз [6, с. 35].

Частная инициатива в Российской империи пореформенного периода имела законодательную основу. Все без исключения благотворительные учреждения в Российской империи находились в ведении государства. Ведомства, курирующие их, разделялись на преследовавшие исключительно или преимущественно благотворительные цели (Ведомство учреждений императрицы Марии, Российское Общество Красного креста и др.) и на не имеющие специального благотворительного назначения (Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения и т.д.) [2, с. 136].

Положения нормативных документов о благотворительности в Российской империи исследуемого периода исключали бесконтрольность в хранении и расходовании средств, фактически устанавливали ответственность получающей стороны за распоряжение материальными ресурсами в соответствии с волей жертвователя.

Юридическую определенность в организации просветительской и благотворительной деятельности научных обществ при университетах имперского периода создавали Университетские уставы. Деятельность ученых обществ регламентировалась отдельным уставом, который не мог быть принят без утверждения Министра народного просвещения.

Все научные общества Харьковского университета исследуемого периода уделяли внимание популяризации исследований, предоставляли возможность своим членам заниматься благотворительной деятельностью. Деятельности медицинских обществ и организаций, которые не подчинялись университетской администрации, также характерны многочисленные примеры частной инициативы. В сущности, сами они были общественными структурами и существовали на членские взносы и частные пожертвования. Созданное в 1861 г. Харьковское медицинское общество (ХМО) внесло неоценимый вклад в развитие науки и просвещения Харьковской губернии, а создателями и двигателями его деятельности были представители профессуры Харьковской высшей медицинской школы. По инициативе ХМО в Харькове было организовано частное высшее

учебное заведение – Женский медицинский институт, занятия в котором начались 1 ноября 1910 г. [5].

В 1869 г. харьковские профессора стали инициаторами создания Харьковского общества распространения в народе грамотности с Н. Н. Бекетовым во главе. С деятельностью общества связано возникновение в Харькове четырех бесплатных народных читален-библиотек. Инициатором их открытия был ученый-физиолог В. Я. Данилевский, принимавший также в 1887-1888 годах активное участие в создании Харьковской общественной библиотеки. При содействии В. Я. Данилевского при обществе был основан Санитарный Комитет, целью деятельности которого было воспитание и оздоровление ослабленных детей, обучающихся в школах общества. При каждой школе общества вводились уроки по гигиене и физиологии [7].

При посредничестве харьковского ученого-офтальмолога Л. Л. Гиршмана 7 мая 1887 г. было основано училище для слепых детей. Леонард Леопольдович также входил в состав Совета Харьковского отделения Попечительства императрицы Марии о слепых (открыто 18 мая 1886 г.). Члены попечительства вносили определенные взносы (от 200 руб. в год). Членские взносы были одним из источников финансирования строительства здания училища для слепых, возводившемся при непосредственном участии Л. Л. Гиршмана. В периодических изданиях конца XIX в. сообщалось, что в связи с признанием государством заслуг Л. Л. Гиршмана в деле благотворительности, ему предоставлялось право ношения золотого знака попечительства пожизненно [8].

Представители профессорско-преподавательского состава медицинского и физико-математического факультетов Харьковского университета, сознавая свою готовность к решению социально-значимых педагогических проблем, направляли свою деятельность на усовершенствование материальной базы университета, оказывали содействие распространению информации о частной инициативе своих коллег.

Профессор М. А. Попов оставил воспоминания о преподавательской деятельности профессора И. Н. Оболенского во второй половине XIX – в начале XX вв. В статье, напечатанной на страницах газеты «Южный край», он писал, что в начале службы Ивана Николаевича на кафедре общей патологии, студенты не обнаруживали заинтересованности к закрепленным за кафедрой курсам. Кафедра не имела необходимого для преподавания оборудования, лабораторий. Ситуация изменилась благодаря энергии И. Н. Оболенского: на мизерные средства он обустроил при университете лабораторию, привлек к ней молодежь, дал студентам для пользования собственные инструменты и аппараты, начал проводить исследования [9].

Профессор Н. П. Тринклер, приступив к преподавательской деятельности на кафедре хирургической патологии Харьковского университета, широко использовал в учебном процессе собственный музей, созданный в его частной лечебнице [10, с. 471].

Благодаря пожертвованиям при Харьковском университете были созданы и пополнялись новыми поступлениями музеи и библиотеки, шло строительство учебных и учебно-вспомогательных помещений.

В исследуемый период русский ботаник-систематик, профессор ботаники в Харьковском университете Николай Степанович Турчанинов передал в дар Харьковскому университету свою коллекцию растений. Одновременно с гербарием университет получил личную ботаническую библиотеку учёного, насчитывавшую 197 названий [11, с. 127].

Приват-доцент Харьковского университета Павел Дмитриевич Хрущев израсходовал десятки тысяч рублей на устройство в собственном имении (с. Карасевка Харьковского уезда) богатейшей физико-химической лаборатории, из которой «вышел ряд работ, частью исполненных им, частью одним, частью его сотрудниками» [10, с. 588]. В ней были собраны все новейшие инструменты, препараты и необходимые для исследований материалы. На страницах газеты «Южный край» сообщалось: «Ученый, принявшийся за научные исследования по химии в деревенской глуши, чувствует себя в тех же условиях, как и в самом большом научном центре» [12]. П. Д. Хрущев также построил и поддерживал школу в своей деревне, вел просветительскую работу в Харькове.

Апполинарий Григорьевич Подрез, по праву считающийся одним из основателей отечественной клинической урологии, завещал все свое имущество, в том числе дом и дворовое место по ул. Пушкинской в г. Харькове, в наследство Харьковскому университету с единственным условием, что в этом доме должна быть открыта специальная клиника мочеполовых органов [7].

В начале XX в. в Харьковском университете действовал профессиональный союз студентов-медиков, материальную помощь которому оказывали представители научно-педагогического состава Харьковского университета [13].

Результатом частной инициативы преподавателей Женского медицинского института была организация в 1910 году помощи нуждающимся слушательницам. В газете «Южный край» сообщалось, что состоялось учредительное собрание попечительного комитета о нуждающихся слушательницах, на котором был обсужден и принят его устав. Председателем был избран профессор П. И. Шатилов [5].

В начале XX в. (1909 г.) в Харькове было создано «Общество пособия больным недостаточным учащимся в высших учебных заведениях г. Харькова». С призывом к ученым, членам ХМО, помочь обществу выступил Е. П. Браунштейн.

На заседании ХМО он обратился к собравшимся с такими словами: «Цели Общества в высшей степени симпатичны... Правда, реально Общество себя еще ничем не проявило, но это еще сильнее подчеркивает необходимость обратить внимание лиц, сочувствующих целям Общества, на необходимость придти энергичнее на помощь инициаторам и организаторам» [13].

С благотворительной целью преподавателями Харьковского университета часто читались публичные лекции в пользу студентов, учебно-вспомогательных помещений Харьковского университета, Народного дома, сельских библиотек и т.д. Об этом регулярно сообщали периодические издания Харьковской губернии. В газете «Южный край» сообщалось, что сбор средств от лекций профессора В. Я. Данилевского («О физиологических свойствах нервной системы и ее значении для жизни»), которые сопровождались демонстрацией опытов, предназначались в пользу комитета бесплатных сельских библиотек Харьковского общества грамотности [12].

Одной из наиболее распространенных форм соответствующей помощи стали премии благотворителей за определенные научные достижения. Проведенный научный поиск позволил установить ряд именных стипендий для будущих медиков и фармацевтов. Среди них: за лучшую научную работу в области хирургии имени В. Грубе [14], за лучшую работу по бактериологии и вообще естественным наукам имени Л. Ценьковского, за лучшую работу по естественным наукам им. А. Павловского, В. Черняева [15, с. 25]. Премия им. заслуженного профессора А. Павловского была учреждена согласно завещанию покойного в 1889 г. его сыном на капитал 2500 руб. Она выдавалась ежегодно за лучшее сочинение на тему, заданную физико-математическим факультетом, в том числе в области химии (значимость науки особенно велика в процессе становления будущего ученого в области медицины и фармации). Премия им. заслуженного профессора В. Черняева была учреждена в 1893 г. на капитал в 3000 руб. его вдовой согласно пожеланию покойного для выдачи студентам за сочинения на темы, связанные с изучением природы юга России (флору региона изучали будущие фармацевты) [10, с. 124]. Харьковское общество физико-химических наук в конце XIX в. учредило премию им. Н. Бекетова [12], а в начале XX в. – им. П. Хрущева [8].

Наиболее распространенной формой помощи студентам высших учебных заведений было учреждение стипендий. Как правило, вопрос о стипендиях решалось без студенческих представителей. Согласно существующей во второй половине XIX века практике, благодетель для учреждения стипендии должен был передать учебному заведению капитал, на проценты из которого и выдавалась стипендия, которая, как правило, носила имя благодетеля. Именные стипендии учреждались также в результате частной инициативы общественности. В таком случае для образования необходимого капитала открывалась подписка. Так, на

проходившем в январе 1900 г. Фармацевтическом съезде было решено учредить стипендию им. А. Чирикова в Харьковском или Московском университетах, по желанию правительства. Для образования необходимого капитала была открыта подписка [7].

На заседании ХМО было принято постановление о создании двух стипендий, имени Л. Н. Толстого и Н. И. Пирогова, для неимущих слушательниц Женского медицинского института. Реализовано оно было в марте 1911 года. В 1912 г. ХМО учредило еще две именные стипендии (по 200 рублей), тем самым увековечив память недавно скончавшихся преподавателей: Н. Д. Алексеенко и активного участника создания института А. Д. Чирикова. Позднее появились новые стипендии – имени профессора Ф. Опенховского и доктора Поддубного [5].

Таким образом, анализ научных исследований, затрагивающих проблему частной инициативы в образовании, позволяет свидетельствовать, что под этим понятием следует понимать организационную, материальную, деятельность в области образования отдельных лиц и ассоциаций разных типов и уровней. Благотворительная деятельность в образовании была практическим аспектом этого явления и может быть охарактеризована как добровольная, бескорыстная, социально-значимая деятельность, направленная на сознательные пожертвования в поддержку и развитие образовательной сферы.

В процессе научного поиска установлено, что в период второй половины XIX – в начале XX вв. помощь государству в усовершенствовании материальной базы высших учебных заведений и проведение в них научных исследований, а также поддержке неимущих студентов и попавших в затруднительную ситуацию преподавателей оказывалась в результате частной инициативы отдельных частных лиц, общественных организаций, учреждений, должностных лиц.

Осознание того, что именно в высших учебных заведениях возвращаются кадры отечественных ученых, определило приоритет деятельности благодетелей – поддержку научных исследований преподавателей и студентов высших учебных заведений. К тому же, частная инициатива ученых-медиков (фармацевтов) – носителей передовой педагогической мысли в Харьковской губернии – содействовала тому, чтобы государство в лице своего правительства признало внешкольную сферу образования, а также частное высшее женское образование важными для общественного прогресса.

Среди факторов, обуславливающих частную инициативу в области образования ученых Харьковской губернии исследуемого периода, была их активная гражданская позиция. К тому же, избранный вид деятельности открывал многим из них путь к достойной зарплате, правительственным наградам и пристойным пенсиям, что также позволяло заниматься благотворительностью.

Своей активной жизненной позицией ученые медико-фармацевтической отрасли в Харьковской губернии конца XIX – начала XX вв. обеспечили себе одно из ведущих мест среди передовых представителей общества в деле содействия развитию образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ульянова Г. Н. Здравоохранение и медицина // Россия в начале XX века. Москва, 2002. – С. 624-651.
2. Лозовская Е. Г., Харинина Л. В. Благотворительная деятельность ведомства учреждений императрицы Марии // Вестник ВолГУ. – 2007. – Серия 7. – Вып. № 6. – С. 136-139.
3. Друганова О. М. Розвиток приватної ініціативи в освіті України (кінець XVIII – початок XX століття) : автореф. дис... д-ра пед. наук: 13.00.01. Харьков, 2009. – 42 с.
4. Робак І. Ю. Організація охорони здоров'я в Харкові за імперської доби (початок XVIII ст. – 1916 р.). Харьков, 2007. – 346 с.
5. Петрова З. П. Женский медицинский институт Харьковского медицинского общества (1910-1920 гг.) // Международный медицинский журнал. – 2006. – № 4. – С. 139-146.
6. Шипилов А. В. Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем // ALMA MATER. Вестник высшей школы. – 2003. – № 4. – С. 33–42.
7. Южный край. – 1900. – 21 октября, 13 ноября, 8 января.
8. Южный край. – 1896. – 14 февраля, 27 января.
9. Попов М. А. К 30-летию учено-педагогической деятельности профессора И. Н. Оболенского. – Южный край. – 1898. – 28 апреля.
10. Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905) / Под ред. И. П. Осипова, Д. И. Багалея. Харьков, 1908. – 625 с.
11. Камелин Р. В., Сытин А. К. Николай Степанович Турчанинов (к 200-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. – 1997. – Т. 82. – № 9. – С. 123-137.
12. Южный край. – 1896. – 10 февраля, 18 февраля, 3 марта, 4 марта.
13. Южный край. – 1909. – 28 ноября, 1 декабря.
14. Южный край. – 1899. – 11 апреля.
15. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1907 г. // Записки Императорского Харьковского университета. – 1908. – Кн. 1. – С. 1-40.

Miftachutdinova T.V.,
Russian University, lecturer, faculty of biotechnology

FEATURES OF REALIZATION OF DIDACTIC SOFTWARE THE FORMATION OF PROFESSIONAL INTERCULTURAL COMPETENCE IN THE PROCESS OF STUDYING HUMANITIES DISCIPLINES

Abstract: This article is devoted to a problem of formation of professional intercultural competence of the student. The publication provides the author's definition of "professional intercultural competence", determined by the particular implementation of the didactic form of professional intercultural competence of students.

Keywords: intercultural competence, professional intercultural competence, didactic support.

Мифтахутдинова Т.В.,
Российский университет, преподаватель, факультет биотехнологии

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДИДАКТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме формирования профессиональной межкультурной компетентности студента. В публикации дается авторское определение понятия «профессиональная межкультурная компетенция», определяются особенности реализации дидактического обеспечения формирования профессиональной межкультурной компетенции студентов.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, профессиональная межкультурная компетенция, дидактическое обеспечение

Новые стратегические ориентиры в развитии общества кардинально изменили требования к образованию. В условиях глобализации и усиления интеграционных процессов развитие системы высшего образования приобретает новую направленность. Одной из задач современного образования в такой ситуации становится создание условий для приобретения обучающимися опыта межкультурного общения, обучение навыкам и умениям общения с представителями иных культур, в процессе которых происходит формирование межкультурной компетенции. В связи с этим проблема развития у специалистов способности к взаимодействию, к установлению контактов с партнёрами, являющимися представителями различных культур, становится крайне актуальной для современного общества.

Прежде чем приступить к описанию особенностей формирования профессиональной межкультурной компетенции уточним основные понятия исследования.

Вслед за Н.Н. Васильевой [1], В.Г. Апальковым [2] мы под профессиональной межкультурной компетенцией понимаем основанную на знаниях, умениях и опыте межкультурного общения способность человека, позволяющая решать профессиональные задачи и осуществлять профессиональную деятельность, связанную с межкультурной коммуникацией.

Формирование профессиональной межкультурной компетенции определяется дидактическим обеспечением, которое является базой для профессионального развития. Под дидактическим обеспечением мы понимаем совокупность педагогических мер, включающие в себя содержание формирования профессиональной межкультурной компетенции в процессе изучения общегуманитарных дисциплин, технологию его реализации, способы взаимодействия педагога и студента.

Многие исследователи считают, что процесс формирования каких-либо умений, действий должен носить поэтапный характер. Например,

– исследуя поэтапное формирование качеств у студентов, С.Д. Смирнов подчёркивал, что полноценное формирование действия требует последовательного прохождения шести этапов, два из которых являются предварительными и четыре – основными. Предварительные этапы призваны создать необходимые условия для выполнения действия (мотивационный и ориентировочный), а основные этапы описывают ход выполнения самого действия. Он выделяет следующие этапы: мотивационный, ориентировочный, материальный или материализованный, беззвучной устной речи (речь про себя), умственного или внутриречевого действия [3].

– О.В. Темняткина проектируя технологию формирования ключевых компетенций, ориентируется на следующие этапы: 1) эмоционально-

мотивационный; 2) этап целеполагания (организационно-деятельностный); 3) этап эмпирического моделирования; 4) этап теоретического моделирования; 5) творческий этап; 6) этап совершенствования модели (контроля и оценки) [4].

Таким образом, анализ литературы показал, что авторы выделяют и обосновывают разные этапы, но практически все из них указывают на то, что первый этап должен быть подготовительный, на котором вырабатывается и систематизируется общее представление студентов о межкультурной коммуникации. На следующем этапе студенты активизируют приобретённые умения и совершенствуют их. На заключительном этапе студенты интегрируют ранее полученные знания, осваивают творческие виды деятельности.

Исходя из вышесказанного, мы определяем следующие этапы формирования профессиональной межкультурной компетенции у студентов в процессе изучения общегуманитарных дисциплин:

1. Мотивационно–диагностический этап. Цель данного этапа состояла в приобретении студентами базовых знаний в области межкультурной коммуникации, в диагностике и самодиагностике межкультурной деятельности студентов, в развитии у них мотивации профессиональной межкультурной деятельности, а также в формировании представлений о своих способностях и возможностях в рассматриваемой области.

2. Когнитивный этап. На данном этапе происходит формирование отдельных компонентов и операций, необходимых для профессиональной межкультурной компетенции. Когнитивный этап связан с освоением студентами теоретических основ межкультурной компетенции.

3. Творческий этап. На данном этапе происходит интеграция элементов межкультурной деятельности в процессе решения нестандартных межкультурных ситуаций, приближенных к реальной профессиональной деятельности, оценки результатов своей деятельности. Для творческого этапа характерна самостоятельность и активность, креативный характер выполняемых заданий и их практическая направленность, рефлексивность деятельности, ориентированной на межкультурное взаимодействие. Главными отличительными признаками данного этапа являются то, что происходит интеграция элементов профессиональной межкультурной деятельности. Материал был связан с теми проблемами, которые составляют суть деятельности будущих специалистов.

Отбор материала для каждого из этапов, осуществляется на основе принципов: профессиональной направленности, диалогичности, рефлексии. Однако на каждом из этапов имелись свои особенности.

Принцип профессиональной направленности на первом этапе позволил подобрать материал, раскрывающий важность межпрофессионального взаимодействия в конкретной профессиональной деятельности. Например, в

рамках дисциплины «Политология», преподаваемого на 1 курсе для специальности «111801 - Ветеринария» нами были включены следующие темы, показывающие важность профессионального межкультурного взаимодействия современных специалистов в области ветеринарии («Межкультурные профессиональные контакты специалистов-ветеринаров», «Профессиональное международное сотрудничество ветеринарных врачей» и др.), а также зарождение и развитие межкультурного профессионального взаимодействия («История возникновения международных ветеринарных ассоциаций» и др.).

Принцип диалогичности предопределил использование материала, обеспечивающего организацию диалогического метода обучения. Как показывает практика, студенты, не владеющие техникой диалога, реализовывали диалогический метод затруднительно. В связи с этим студентам предлагался материал, предполагающий организацию лекций с элементами беседы, обучающий тест (предусмотрено свободное использование любых доступных источников информации), практикум по решению познавательных задач, в завершение – семинар, деловая игра или дебаты.

Принцип рефлексии ориентирует на развитие у студентов способность анализировать, подвергать критическому осмыслению действия и поступки при осуществлении профессиональной межкультурной деятельности. Для развития рефлексии применялся материал, который на начальном этапе обучения содержал различные задания, определённые вопросы, позволяющие вывести студентов в рефлексивную позицию. Например, в таких темах как, «Особенности делового общения с иностранными партнёрами», «Особенности правил и норм поведения в Азиатских странах», «Особенности межкультурного общения», студенты должны были ответить на следующие вопросы: 1) насколько система правил и норм профессионального общения в Зарубежных странах, соотносится с вашими правилами и нормами поведения? 2) чем вызвана разница между поведением людей в Азиатских странах и в России? Решение данных вопросов помогало студентам оценить уровень понятийного материала, соотнести знания с личностными ценностями. При этом подчеркивалась мысль, что творческий процесс в профессиональной деятельности современного специалиста является неотъемлемой её составляющей, а его многогранность предопределяет возможность использования всего спектра способностей человека. Недостаточное развитие одних способностей может быть компенсировано за счет развития других способностей.

Все это позволило подготовить мотивационную основу для последующего формирования профессиональной межкультурной компетенции.

Второй этап – когнитивный, начинается на втором курсе, длится полтора года. Основой данного этапа является разработанный нами спецкурс

«Межкультурная деятельность в профессиональной сфере». В рамках спецкурса студенты получают знания об отдельных компонентах профессиональной межкультурной деятельности, о принципах и содержании межкультурной деятельности, применительно к своей профессиональной деятельности. Получают навыки анализа профессиональных ситуаций с точки зрения влияния межкультурных факторов.

Принцип профессиональной направленности позволил нам рассматривать межкультурную деятельность в контексте будущей профессиональной деятельности. Подбирался такой материал, который был направлен на анализ особенностей межпрофессионального взаимодействия в конкретной профессиональной деятельности, осуществлялась «наработка» отдельных операций, связанных с межкультурным взаимодействием. Например, в рамках спецкурса «Межкультурная деятельность в профессиональной сфере», преподаваемого для специальности «111801-Ветеринария» нами были включены следующие темы: «Способы предупреждения, диагностики, профилактики межличностных конфликтов в работе ветеринарного врача», «Этический кодекс ветеринарного врача» (деонтология), «Культура общения ветеринарного врача: формы ведения делового разговора», «Толерантность ветеринарного врача как условие его профессионального успеха».

Принцип диалогичности предопределил использование многовариантного, проблемного материала, содержащего в различные точки зрения. Например, при изучении темы «Коммуникативные барьеры в межкультурной коммуникации» мы выделили следующие вопросы для обсуждения: каковы причины возникновения межкультурных конфликтов? Какие факторы могут снизить риск коммуникативных неудач в профессиональном межкультурном общении? Предположите, какие трудности могут возникнуть у иностранных граждан при взаимодействии с деловыми партнёрами различных государств? Каким образом культура может повлиять на профессиональные решения специалиста?

Принцип рефлексии позволил подобрать материал, позволяющий вывести студентов в рефлексивную позицию, так как на данном этапе рефлексивность студентов была развита недостаточно высоко. Для этого использовался специальный материал, который содержал определённые вопросы. Например, при изучении темы «Межкультурная коммуникация в профессиональной сфере» подбирался материал, позволяющий организовать дискуссию по следующим вопросам: атмосфера коллектива, профессиональные взаимодействия в коллективе, деловые отношения с представителями иностранных компаний, профилактика межкультурных конфликтов в сфере профессиональной деятельности, др.

В результате изучения данного этапа будущий специалист должен иметь представления об отдельных компонентах и операциях, необходимых для профессиональной межкультурной деятельности.

Более практическую направленность имеет материал творческого этапа, который реализуется на старших курсах академии и ориентирован на интеграции элементов межкультурного взаимодействия в процессе решения нестандартных межкультурных ситуаций, приближенных к реальной профессиональной деятельности.

Принцип профессиональной направленности на данном этапе реализовался нами в рамках деловых игр, при помощи которых студенты погружались в атмосферу производственной деятельности, связанной с межкультурным взаимодействием. Содержание материала данного этапа отличалось интеграцией знаний, полученных на предыдущих этапах. Например, в содержание курса «Технология межкультурного общения в профессиональной деятельности», преподаваемого на четвёртом курсе вуза, включены следующие темы: «Факторы международной среды, влияющие на организационное поведение и организационную культуру товароведческих компаний», «Нормы, формы и способы поведения в ветеринарных клиниках европейских стран» и др.

Принцип диалогичности предопределил использование материала, обеспечивающего развёртывание диалога. Материал был связан с теми межкультурными задачами, вопросами, которые имели креативное решение. Например, в рамках специально разработанного факультатива «Основы профессиональной межкультурной коммуникации» задания строились на основе разыгрывания ситуаций, связанных с профессиональной межкультурной деятельностью. Это можно было осуществить в рамках проектных заданий, ролевых игр. Приведём некоторые темы проектов: «Межкультурная коммуникация», «Особенности делового общения в сфере межкультурной коммуникации», «Социально-психологические аспекты межкультурной коммуникации», «Коммуникативные стратегии и тактики». Такой подбор материала нацелен на то, чтобы студенты умели строить диалог с представителями различных культур в своей профессиональной деятельности.

Принцип рефлексии ориентирует материал на интеграцию отдельных знаний, умений, операций межкультурной деятельности. На данном этапе предусматривался материал, позволяющий организовать тренинг, направленный на использовании так называемых «культурных ассимиляторов», которые состоят из описания ситуаций, в которых взаимодействуют персонажи из двух культур. Примеры ситуаций разнообразны: «Обычаи хозяев», «Реклама товара в России и Англии», «Гостеприимство в России и в странах Европы» и др.

Эффективность предложенного дидактического обеспечения было проверено в ходе эксперимента, проводимого с 2009 по 2013 гг. в Уральской государственной академии ветеринарной медицины. Анализ данных, полученных в ходе эксперимента, показал, что по всем критериям (мотивационный, когнитивный, операционный) в экспериментальных группах наблюдались значимые приращения по сравнению с контрольной 21-32%. Наибольшие отличия были отмечены в экспериментальных группах по мотивационному и когнитивному критериям 29-32%. Исходя из этого, можно сделать вывод о правильности выдвинутых теоретических положений при разработке содержания дидактического обеспечения формирования профессиональной межкультурной компетенции у студентов и эффективности их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Н.Н. Межкультурная компетенция. Стратегии и техники её достижения // <http://rspu.edu.ru/journals/lexicography/conference/vasilieva%20N.htm> (Дата обращения 1.10.2014)
2. Апальков В. Г. Методика формирования межкультурной компетенции посредством электронно-почтовой группы. Монография. М.: МЭСИ, 2011. – С. 58
3. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. – С. 40-41
4. Темняткина О.В. Проектирование личности развивающих образовательных технологий в компетентностном формате // Фундаментальные исследования. М.: Академия естествознания, № 8. – 2014. – С. 486

Tyulpa Tetyana,
*Oleksandr Dovzhenko Hlukhiv National Pedagogical University,
Candidate of Pedagogical Sciences, Docent,
the Faculty of Pedagogic and Psychology*

THE STUDENTS' SOCIAL UP-BRINGING AS A SOCIAL AND EDUCATIONAL PROBLEM

Abstract: This article is devoted to the features of students' social forming in Ukraine. The opinions of Ukrainian researchers on the specifics of students' social up-bringing as a controlled process of socialization are analyzed.

Keywords: student youth, social up-bringing, socialization.

Тюльпа Тетяна,
*Глухівський національний педагогічний університет імені Олександра
Довженка, кандидат педагогічних наук, доцент,
факультет педагогіки і психології*

СОЦІАЛЬНЕ ВИХОВАННЯ СТУДЕНТСЬКОЇ МОЛОДІ ЯК СОЦІАЛЬНО-ПЕДАГОГІЧНА ПРОБЛЕМА

Анотація: У статті проаналізовано особливості соціального становлення студентської молоді в Україні, погляди вітчизняних дослідників на специфіку соціального виховання студентів як регульованого процесу їх соціалізації.

Ключові слова: студентська молодь, соціальне виховання, соціалізація особистості.

Молодіжні проблеми в Україні мають свою специфіку, що зумовлено сучасним етапом швидких та непередбачуваних перетворень у суспільстві в цілому, культурною неоднорідністю українського суспільства, політичним плюралізмом. Особливість становища молодих людей полягає в тому, що, з одного боку, вони входять у той соціальний простір, який було організовано незалежно від них попередніми поколіннями; з іншого боку, молодь може поламати, змінити, перебудувати створені структури. Тому дослідження процесу соціального включення молодого покоління у всі сфери суспільного життя набуває особливого значення.

Сучасний стан українського суспільства створює об'єктивну необхідність розглядати студентську молодь як невід'ємну частину соціальної системи, яка виконує особливу роль у процесі розвитку людства. Молодь як органічна частина суспільства на кожному етапі його розвитку виконує інтегративні функції, об'єднуючи і розвиваючи досвід попередніх поколінь, сприяючи соціальному прогресу. При цьому важливою функцією цієї категорії молоді є трансформація із минулого в майбутнє культурного й історичного спадку всього людства в умовах природного розвитку соціальної системи. Отже, молодь є рушійною силою процесу розвитку суспільства, що потребує участі усіх елементів соціальної системи у її формуванні і спрямуванні процесу розвитку шляхом досконалого самоаналізу, досконалого оволодіння системою соціальних цінностей, які становлять соціальну спрямованість. Аналізуючи проблему динаміки ціннісної свідомості студентської молоді, є сенс розглядати її як резерв формування інтелектуальної еліти, а вищу школу - як головний осередок цього формування і, отже, як суб'єкт соціокультурної трансформації. Студентство – це молода соціально-демографічна група, що найбільш відкрита до суспільних новацій, знаходиться у постійному внутрішньому пошуку, в процесі якого формується світогляд, визначаються духовні, політичні та ін. переконання, цілі, інтереси, мотивації, життєві пріоритети.

Проблема соціалізації особистості є однією з основних у сучасних наукових дослідженнях, що вивчають встановлені і діючі в суспільстві механізми передачі соціального досвіду від покоління до покоління, співвідношення процесів і інститутів соціалізації. Переважна більшість фахівців дотримується думки, що соціальна педагогіка має справу в основному з керованим, регульованими процесами соціалізації, а отже з соціальним вихованням. Дана проблема в тій чи іншій мірі були об'єктом дослідження різних наук в різні історичні епохи. Як свідчить аналіз філософської та соціально-педагогічної літератури, існують наступні напрямки дослідження соціального виховання: соціальна обумовленість виховання (праці І.Бочарової, К.Вентцеля, Дж.Локка, Ж-Ж.Руссо, А.Макаренка, Т.Мора, П.Наторпа, І.Песталоцці, І.Пирогова, В.Сухомлинського, К.Ушинського, та ін.); соціалізації (праці Ф.Гідденса, Дж. Дьюї, Т. Парсонса, Е.Еріксона, І.Конта, А.Мудрика та ін.); поняття соціального виховання, його категоріального статусу (дослідження І.Андреєвої, В. Бочарової, Л. Мардахасєвої, А. Мудрика, Л. Нікітіна, Р. Овчарової, М. Шакурової та ін.); зміст історичних форм соціального виховання (публікації А. Гуревича, В. Данилова, С. Девятова, І. Кона, В.Купцова та ін.); особливості соціального виховання в освітніх закладах та установах (теоретико-практичні напрацювання К.Колтакова, М.Сакурової, В.Філіпова та ін.).

Дослідження наукової літератури засвідчило, що не існує єдиного визначення змісту дефініції „соціальне виховання”, тому виникає необхідність щодо його уточнення. Термін „соціальний” („соціальне”) (від лат. *socialis* – суспільний)

означає суспільний, пов'язаний з життям і відносинами людини в суспільстві. За своєю суттю соціальне виховання – це цілеспрямована виховна діяльність (цілеспрямоване виховання), пов'язана з життєдіяльністю людей у суспільстві [1, с.111.]. А.Мудрик та О.Безпалько розглядають соціальне виховання як процес створення умов з метою формування, розвитку у людини (підростаючого покоління) духовно-ціннісних орієнтацій (А.В. Мудрик) або позитивно-ціннісних орієнтацій (О.В. Безпалько). Але, на наш погляд, визначення А.Мудриком поняття «соціального виховання» з позицій провідного значення суспільства і держави, представляючи його як систему державного виховання як «третього виховного простору» між родиною й релігією, обмежує розмаїття виховних впливів соціуму на людину.

О.Кузьменко трактує соціальне виховання як створення умов і заходів, спрямованих на оволодіння і засвоєння підростаючим поколінням загальнолюдських і спеціальних знань [2, с. 5]. А. Рижанова зазначає, що соціальне виховання у своїй меті, об'єктах, змісті, засобах, своєму механізмі, структурі, виховних закладах віддзеркалює зміни духовних цінностей культури, рівень та етапи їх розвитку, принципи функціонування в тому чи іншому суспільстві, за тих чи інших часів [3]. О.Безпалько відносить соціальне виховання до основних соціально-педагогічних утворень і розуміє його «як створення умов та заходів, спрямованих на оволодіння і засвоєння підростаючим поколінням загальнолюдських і спеціальних знань, соціального досвіду з метою формування у нього соціально позитивних ціннісних орієнтацій». Схема процесу соціального виховання науковець представляє як включення людини в систему життєдіяльності різноманітних організацій, набуття та накопичення соціального досвіду, знань, умінь, їх інтерналізація, і як результат набутого досвіду - поведінка особистості [3].

У понятійно-термінологічному словнику „Соціальна робота / Соціальна педагогіка” „соціальне виховання” розглядається укладачами як „форма і метод соціальної роботи, спрямовані на оволодіння й засвоєння дітьми і молоддю соціального досвіду та вироблення якостей особистості, необхідних для подальшого життя” [4].

Дуже важливою у контексті нашого дослідження є думка групи вчених – авторів курсу лекцій під загальною редакцією М.Галагузової, що наголошують: «соціальне виховання ... є одним з аспектів виховання поряд з фізичним, естетичним, трудовим, тощо». Під соціальним вихованням вони розуміють «цілеспрямований процес формування соціально значущих якостей у людини, необхідних їй для успішної соціалізації ... де якості особистості трактуються як сталі зміцнілі ставлення людини до природи, суспільства, продуктів діяльності людини, до самої себе; певна система мотивів, форм і способів поведінки, у яких ці ставлення реалізуються». В.Нікітін підкреслює провідне значення соціального

виховання в процесі соціалізації особистості, сенс якого полягає у «допомозі людині не лише в соціальному орієнтуванні, а й набутті здатності соціального функціонування, зокрема у розвитку таких рис, як милосердя і співчуття». [5, с. 6]. Особливої уваги заслуговує розгляд науковцем категорії соціальність як «здатність людини до взаємодії з соціальним світом». На думку вченого вона виражає типологічну характеристику суспільної природи людини на індивідуальному рівні і тому вміщує у себе суб'єктивність, яка розуміється як здатність бути джерелом особистої активності, прояв індивідуального творчого ставлення до суспільного буття. [5, с. 39]. Підтримує дану думку Л.Мардахаєв, який вважає соціальність особистісною якістю, яка характеризується здатністю індивіда реалізувати свій духовно-культурний потенціал у процесі спільної з іншими людьми діяльності.

Отже, соціальне виховання можна розглядати як процес соціально контролюючої соціалізації, що здійснюється в спеціально створених виховних організаціях, які допомагають розвинути можливості людини, враховуючи її здібності, знання, зразки поведінки, цінності, відношення, які сприяють позитивному розвитку суспільства та є для нього цінними. Соціальне виховання – це розвиток людини в процесі планомірного створення умов для цілеспрямованого позитивного розвитку і духовно-ціннісної орієнтації особистості. Головна функція соціального виховання студентської молоді полягає в передачі з покоління в покоління всього того основного досвіду, який людство накопичило в усіх сферах суспільно-економічного, політичного і культурного життя, а також направлене на створення гуманних відносин в суспільстві, пошук нових педагогічно-компетентних рішень у різноманітних кризових ситуаціях.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2002. – С.111.
2. Кузьменко О. Соціальне становлення особистості в умовах відкритої соціально-педагогічної системи: Автореф. дис... канд. пед. наук. (13.00.01). – К., 1998. – 18 с.
3. Рижанова А. О. Розвиток соціальної педагогіки в соціокультурному контексті: Дис... доктора пед. наук: 13.00.05. – Харків, 2004. – 442 с.
4. Понятійно-термінологічний словник „Соціальна робота / соціальна педагогіка”. Укладачі І.В. Козубовська, І.І. Мигович, В.В. Сагарда та ін. / Заг. ред. І.В. Козубовської, І.І. Миговича. – Ужгород: УжНУ, 2001. – 152 с.
5. Социальная педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В. А. Никитина. — М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. — 272 с.

Muradova Shakhnoza,
Senior Teacher of English Tashkent financial institution
Shadmanbekova Kamol,
Senior Teacher ou English Tashkent financial institution

THE BASIC PRINCIPLES OF TRAINING IN THE PROFESSIONAL FOCUSED COMMUNICATION IN THE FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The modern professional focused approach to training in a foreign language assumes formation at students of ability of foreign-language communication in concrete professional, business, scientific spheres and situations taking into account features of professional thinking. Training of specialists at not language faculties of higher education institutions consists in formation of such communicative abilities, which would allow carrying out professional contacts in a foreign language in various spheres and situations.

Key words: the professional focused approach, critical judgment, language competence, interactive training

Мурадова Шахноза,
ст.преподаватель английского языка,
Ташкентский Финансовый институт
Шадманбекова Камола,
ст.преподаватель английского языка,
Ташкентский Финансовый институт

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ОБЩЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Современный профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку предполагает формирование у студентов

способности иноязычного общения в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления. Подготовка специалистов на неязыковых факультетах вузов заключается в формировании таких коммуникативных умений, которые позволили бы осуществлять профессиональные контакты на иностранном языке в различных сферах и ситуациях.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный подход, критическое осмысление, языковая компетенция, интерактивное обучение

Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования требует учета профессиональной специфики при изучении иностранного языка, его нацеленности на реализацию задач будущей профессиональной деятельности выпускников, поэтому курс обучения иностранному языку в неязыковом вузе носит коммуникативно-ориентированный и профессионально-направленный характер, а иностранный язык рассматривается как средство общения между специалистами разных стран.

Современный профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку предполагает формирование у студентов способности иноязычного общения в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления. Подготовка специалистов на неязыковых факультетах вузов заключается в формировании таких коммуникативных умений, которые позволили бы осуществлять профессиональные контакты на иностранном языке в различных сферах и ситуациях.

Многие основные методические инновации связаны сегодня с применением интерактивных методов обучения. Понятие «интерактив» пришло в русский язык из английского от слова «interact» («inter» - «взаимный», «act» - действовать). Умение работать в интерактивном режиме означает способность взаимодействовать или находиться в режиме беседы, диалога с чем-либо (например, компьютером) или кем-либо (человеком). Следовательно, интерактивное обучение — это, прежде всего, диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и студента.

На практических занятиях по иностранному языку интерактивное обучение имеет ряд преимуществ перед традиционной формой их проведения. Среди этих преимуществ - возможность решения нескольких конкретных задач в условиях ограниченного временного периода, активное участие всей группы студентов, развитие взаимопонимания и сотрудничества между преподавателями и студентами и между самими студентами, свободная форма демонстрации и

активизации своих знаний, а также проявление различных качеств своей личности, таких, как целеустремленность, познавательный интерес, инициативность, самостоятельность, с одной стороны, и воображение, фантазия, - с другой.

Наиболее простая форма группового взаимодействия — «большой круг». Её суть состоит в том, что каждый студент индивидуально, на своем листе записывает предлагаемые меры для решения предложенной проблемы. Затем по кругу каждый участник зачитывает свои предложения, группа без обсуждения проводит голосование по каждому пункту для принятия общего решения. Прием «большого круга» оптимально применять в тех случаях, когда возможно быстро определить пути решения вопроса или составляющие этого решения. С помощью данной формы можно, например, разрабатывать законопроекты или инструкции, локальные нормативно-правовые акты при изучении темы «Law».

«Аквариум» — форма диалога, когда студентам предлагают обсудить проблему «перед лицом общественности». Малая группа выбирает того, кому она может доверить вести тот или иной диалог по проблеме. Иногда это могут быть несколько желающих. Все остальные участники выступают в роли зрителей.

В настоящее время разработано немало форм групповой работы в обучении. «Мозговой штурм» и «дебаты» эффективны в том случае, если на занятии обсуждается какая-либо проблема в целом, о которой у студентов имеются первоначальные представления, полученные ранее на занятиях или в житейском опыте. Кроме того, обсуждаемые темы не должны быть закрытыми или очень узкими. Важно, чтобы уровень обсуждаемой проблемы позволял перейти от узких вопросов к широкой постановке проблемы.

В условиях возрастания объема профессиональных знаний, необходимых будущему специалисту, важно научить его ориентироваться в потоке информации по выбранной специальности. Отсюда большое внимание уделяется подбору высокоинформативных профессиональных текстов и разработке системы упражнений к ним. Основной целью обучения иностранному языку на данном этапе является обучение чтению литературы с учетом профессиональных потребностей будущего специалиста. использование источников на иностранных языках чаще всего преследует следующие цели: знакомство с литературой, публикациями по определенной теме; выяснение основных направлений и тенденций зарубежных исследователей в определенной отрасли.

Главным требованием профессионально-ориентированного обучения иностранному языку становится необходимость приблизить содержание и методы его преподавания к практическим нуждам обучаемых. Для этого требуется тщательное изучение задач и целей, стоящих перед определенным контингентом студентов, обязательный учет интересов и мотивации. В первую очередь это

относится к отбору материала, его критическому осмыслению, учету профессиональной специфики студентов и уровню языковой компетенции.

В задачу профессионально-ориентирующей деятельности преподавателя вуза входит организация такого воздействия учебной информации на студентов, чтобы профессиональные потребности явились источником их активности и заставили их совершать действия, направленные на удовлетворение возникших потребностей.

Мы рассматриваем действия студентов на занятиях по обучению иностранного языка как целенаправленное ознакомление студентов с опытом преподавателя; выполнение ими комплекса методически-направленных заданий; а также действия студентов в естественных или специально-создаваемых учебных ситуациях при предоставлении максимально иноязычной активности.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что знание профессиональной лексики и грамматики не могут компенсировать отсутствие знаний и умений, позволяющих его осуществить, т.е. несформированность коммуникативной компетенции.

Сущность профессионально-ориентированного обучения иностранному языку заключается в его интеграции со специальными дисциплинами с целью получения дополнительных профессиональных знаний и формирования профессионально значимых качеств личности. Иностранный язык в данном случае выступает средством повышения профессиональной компетентности и личностно-профессионального развития студентов и является необходимым условием успешной профессиональной деятельности специалиста - выпускника современной высшей школы, способного осуществлять деловые контакты с иноязычными партнерами.

Профессионально-ориентированное общение на иностранном языке – такая разновидность общения, которая выступая в качестве основного условия существования международного профессионального сообщества и интеграции в него молодых поколений, направлена в первую очередь на обмен профессионально-значимой информацией, подлежащей передаче, хранению, воспроизводству, при этом в процессе обмена важную роль играет взаимопознание и взаимопонимание между партнерами по общению – представителями различных профессиональных сообществ. В механизме профессионально-ориентированного общения выделяют следующие компоненты: а) цели (ради чего специалист вступает в общение); б) содержание (информация, которая передается от одного специалиста к другому); в) средства или способы кодирования, переработки и расшифровки информации; г) каналы, по которым информация передается. Ориентация языкового обучения студентов неязыковых вузов на подготовку к реальному профессиональному общению является

методически оправданной, поскольку призвана стимулировать мотивацию обучающихся, вызывать интерес к предмету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ляховицкий М.В. О некоторых базисных категориях методики обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 1973. № 1.
2. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: Учебное пособие / Под ред. П.И. Образцова. Орел, 2005.

Ovsienko Julia,

*Poltava state agrarian academy associate professor of higher mathematics,
logic and physics department, candidate of pedagogical sciences*

Peculiarity of using computer technologies during teaching higher mathematics for students of agrarian HEE

Abstract: The main task of using informational and communicational technologies in teaching higher mathematics for students of schooling course "Agronomy" is: formation of mathematical competence for future agrarian specialists by improving efficiency of adopting theoretical material, practical skills and abilities, increasing cognitive interests to learning discipline, which isn't professionally leading. In this article we present peculiarities of using computer technologies during the process of mathematical training for students of agrarian HEE.

Keywords: informational and communicational technologies, higher mathematics, students of agrarian HEE, higher educational establishment.

Овсиенко Юлия,

*Полтавская государственная аграрная академия,
доцент кафедры высшей математики, логики и физики,
кандидат педагогических наук*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ-АГРАРИЕВ

Аннотация: Основная задача использования информационно-коммуникационных технологий при обучении высшей математике студентов направления подготовки «Агрономия»: формирование математической компетентности будущих специалистов путем улучшения эффективности усвоения теоретического материала, практических умений и навыков, повышения познавательного интереса к изучению дисциплины, которая не является профессионально-направленной. В статье представлены особенности использования компьютерных технологий в процессе математической подготовки студентов-агров.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, высшая математика, студенты-агрономы, высшее учебное заведение.

Введение. На современном этапе развития общества информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали неотъемлемой составляющей всех сфер человеческой деятельности. Это новые средства оптимизации производства, развития экономики, научных исследований. Для эффективного использования ИКТ в процессе формирования специалистов определенной отрасли преподавателю целесообразно, начиная с первого курса, демонстрировать возможности компьютерных технологий в обучении, развивать навыки решать с их помощью производственные задачи.

Основная часть. Подготовка студентов-агрономов имеет ряд особенностей, связанных с дальнейшей профессиональной деятельностью. Перед высшим учебным заведением (ВУЗом) стоит задача оптимального сочетания традиционных и инновационных педагогических технологий и средств в процессе формирования профессиональных компетенций будущего специалиста по агрономии.

Цель работы заключается в описании особенностей использования компьютерных технологий в процессе обучения высшей математике студентов направления «Агрономия»; выделении дополнительных возможностей, возникающих благодаря использованию средств ИКТ в профессиональной подготовке будущего специалиста.

Согласно отраслевым стандартам высшая математика в аграрном ВУЗе входит в перечень дисциплин цикла естественно-научной подготовки [1]. Ее изучение, согласно учебным планам, предусмотрено с первого года обучения. Традиционно, формирование математической составляющей будущего агронома осуществляется на лекционных и практических занятиях, при самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов. Анализ структурно-логической схемы подготовки бакалавров направления 6.090101 «Агрономия» свидетельствует о том, что теоретические положения и задачи практического содержания дисциплины «Высшая математика» составляют фундамент всего процесса формирования профессиональных знаний и умений будущих агрономов [1, 2]. Для направления подготовки 6.090101 «Агрономия» характерны ярко выраженные междисциплинарные связи высшей математики с такими дисциплинами, как: «Основы научных исследований в агрономии», «Физика», «Информационные технологии в агрономии» и др. Для подготовки магистров направления 8.130102 «Агрономия» математическая составляющая прослеживается в дисциплинах «Анализ и моделирование растительных производственных систем», «Биометрия и организация исследований» и др. [2].

Один из путей повышения эффективности процесса формирования математической компетентности будущих агрономов – это применение преподавателем информационно-коммуникационных технологий во время обучения в аудитории и в процессе организации самостоятельной научно-познавательной деятельности студентов.

Изучение научных достижений педагогов-исследователей, опыт преподавания дисциплин естественно-научного цикла, анализ отраслевых стандартов подготовки бакалавров и магистров [1, 2], а также ознакомление с программами дисциплин [3], позволяет сделать вывод, что наиболее популярными программными продуктами обучения математике и выше перечисленным дисциплинам есть Advanced Grapher, GRAN, MathCad, MathLab, Mathematica, STATISTICA; офисные приложения Microsoft Office: Word, Excel, Access, Power Point и др.

Определим место и функции средств ИКТ в учебно-воспитательном процессе подготовки студентов-агров.

Традиционно изучение высшей математики начинается с лекционных занятий. Средства ИКТ используются преподавателем в процессе подачи теоретического материала: основных понятий, алгоритмов, теорем и следствий, их доказательств и т.п. ведущих элементов знаний дисциплины в виде мультимедийных презентаций. Во время лекций преподавателю целесообразно демонстрировать студентам возможности работы с электронными справочными материалами, в которых представлено научную информацию. Презентация содержания и разнообразных функций электронных пособий, как составляющей научно-методического комплекса дисциплины, нацелена на формирование у студентов познавательных мотивов, интереса к самообразованию, непрерывному учебно-познавательному процессу усвоения знаний. Деятельность преподавателя высшей школы нацелена не только на повышение теоретического уровня подготовки специалистов, но и на формирование умений применять приобретенные знания, умения и навыки, в процессе решения производственных задач; на создание условий формирования у студентов исследовательских умений, привлечения их, как к учебно-познавательной, так и к научно-исследовательской деятельности.

Следующий компонент процесса математической подготовки будущих специалистов по агрономии состоит в решении типичных заданий для демонстрации приемов применения теоретических положений дисциплины «Высшая математика», а также формировании и развитии навыков исследовательской деятельности. Использование средств ИКТ на практических (лабораторно-практических) занятиях по высшей математике создает условия для вовлечения студентов в активную учебно-познавательную деятельность,

связанную с решением задач прикладного содержания; математического моделирования; создания графических объектов; проведения экспериментальных исследований, работы с разными источниками научной информации. Демонстрация возможностей ИКТ на практических занятиях нацелена на формирование у студентов потребности к оптимизации расчетно-графических видов работ не только при изучении высшей математики, но и во время написания курсовых и дипломных работ (проектов) бакалавров, магистров, в дальнейшей научной и профессиональной деятельности.

Самостоятельная работа студентов – неотъемлемая часть учебного процесса ВУЗа. Повышение ее эффективности становится возможным, помимо остального, в процессе применения средств ИКТ во время организации дифференцированного обучения, самоконтроля, при формировании исследовательских умений, индивидуально-группового процесса актуализации знаний умений и навыков по дисциплине.

Результативность учебно-познавательной деятельности будущих аграриев предопределяется некоторыми психолого-педагогическими особенностями, связанными с направлением подготовки специалистов. Выделим наиболее существенные, учет которых обязателен при планировании и организации математической подготовки: низкий уровень обученности по школьным курсам алгебры и геометрии, особенно на факультетах, где при поступлении нет необходимости в наличии сертификата внешнего независимого оценивания по математике; кратковременность изучения дисциплины «Высшая математика» (72/3 час/кредит – один семестр); низкий уровень учебно-познавательной мотивации, навыков самостоятельной работы, обучаемости по математике. Неоднородность характеристик студенческого коллектива предопределяет необходимость дифференциации процесса теоретической, практической и самостоятельно учебно-познавательной деятельности студентов.

Особенностью процесса формирования у студентов-аграриев математической составляющей будущей профессиональной деятельности является разделение его на взаимосвязанные этапы, каждому из которых отвечает определенный уровень учебных достижений. Переход на следующий этап возможен лишь в случае сформированности знаний, умений и навыков во время аудиторной и самостоятельной учебно-познавательной деятельности, отвечающих низшим уровням.

Следовательно, в зависимости от потребностей будущего специалиста, имеющих у него психолого-педагогических характеристик и предпосылок, условно выделяем три этапа формирования умений исследовательской деятельности средствами ИКТ во время изучения высшей математики.

Первый этап. Его особенность состоит в подготовке студентов во время занятий по высшей математике, под руководством преподавателя, к выбору и анализу готовых математических моделей средствами ИКТ, овладении критериями их приложения, интерпретации результатов решений задач прикладного содержания с точки зрения специалиста-агрия. Учебно-познавательная деятельность студентов хоть и имеет репродуктивный характер, но для нее необходима сформированность у студентов хотя бы базового (обязательного) уровня математических знаний, умений и навыков. Этот этап охватывает учебный процесс младших курсов ВУЗов.

Второй этап. Его особенностью является овладение студентами экспериментальной методикой, необходимой для выполнения заданий курсовых и дипломного проектов (работ). Одна из задач этого этапа состоит в выборе студентами готовых типичных заданий прикладного содержания на построение математических моделей с использованием экспериментальных данных, их исследование средствами ИКТ, анализ результатов и прогнозирование последствий при помощи известных математических методов и алгоритмов, приемов их приложения. Научно-познавательная деятельность студентов на этом этапе имеет эвристический характер, но осуществляется под руководством преподавателя в процессе решения заданий с использованием методических указаний, рекомендаций, примеров, которые требуют углубленного уровня математической подготовки.

Третий этап. Его цель состоит в создании условий для самостоятельной научно-исследовательской деятельности студентов-магистрантов (студентов-аспирантов), специалистов-агров. Задача этого этапа состоит в применении навыков решения профессиональных задач деятельности средствами высшей математики и ИКТ: сбор, обработка, обобщение, систематизация, моделирование и презентация результатов научно-исследовательской работы, в процессе участия специалистов-агров в разных формах научной и производственной деятельности. Реализация отмеченных заданий предусматривает творческий (креативный) уровень исследовательской деятельности студентов, для которой необходимо наличие углубленных математических знаний, навыков использования средств ИКТ.

Таким образом, анализ научно-методической литературы и опыт обучения студентов аграрных ВУЗов свидетельствует о повышении эффективности процесса математической подготовки специалистов-агров в результате обоснованного и взвешенного применения средств ИКТ одновременно с традиционными методами и формами обучения. Выделяем дополнительные возможности оптимизации математической подготовки студентов-агров, которые появляются благодаря внедрению в учебный процесс средств ИКТ:

1) активизация учебно-познавательного интереса студентов во время построения и изучения свойств графических объектов, проведения вычислений, исследования математических моделей, создания условий использования преподавателем, в заданиях экспериментальных данных, моделирования производственных ситуаций, применения профессиональной терминологии, демонстрации математической интерпретации прикладного содержания дисциплины в профессиональной деятельности; 2) обновление и совершенствование составляющих учебно-методического комплекса с возможностью постоянного его пополнения научными сведениями, примерами производственных задач, методическими разработками для самоконтроля, материалами для актуализации опыта, опорных знаний и способов деятельности студентов; 3) адаптация учебного процесса к психофизиологическим свойствам восприятия, осознания и использования материалов дисциплины; организация учебного процесса с одновременным привлечением визуального восприятия аналитических записей (схем, таблиц, графиков) и аудиального (названий объектов, определений, свойств, составляющих аналитических выражений) для формирования в сознании студентов образов-ассоциаций между известными понятиями и новыми способами деятельности с ними, создание в памяти выразительных и конкретных образов математических объектов, использования их в процессе учебно-познавательной деятельности при решении задач, возникающих в процессе изучения дисциплин цикла профессиональной и практической подготовки; 4) обобщение и систематизация основных положений, ведущих научных идей; возможность демонстрации и пересмотра как отдельных составляющих опорных конспектов, узловых понятий смысловых модулей, так и их целостное представление в структуре блоков модулей для выделения основных понятий, заострения внимания студентов на зависимостях между учебными элементами предыдущих и последующих модулей, междисциплинарных связях; выработка умений уместно совмещать соответствующие знания и навыки, использовать их за привычными пределами, демонстрировать прикладное содержание математики в процессе практической деятельности; 5) средство организации дифференцированного и индивидуализированного учебно-познавательного процесса изучения высшей математики.

Выводы. Основная задача использования информационно коммуникационных технологий во время обучения высшей математике студентов-агров – это формирование математической компетентности будущих специалистов по агрономии, путем улучшения эффективности усвоения теоретического материала, практических умений и навыков, повышения познавательного интереса к изучению дисциплины, которая не является профессионально-направленной.

Перспектива исследований в данном направлении заключается в адаптации, обновлении и разработке методического обеспечения дисциплин для организации лабораторно-практических занятий аудиторной и самостоятельной форм учебной деятельности студентов при изучении как высшей математики с помощью средств ИКТ, демонстрации ее прикладного содержания в процессе профессиональной подготовки, ознакомления с материалами дисциплин непосредственно связанных с будущей деятельностью студентов направления подготовки «Агрономия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Освітньо-професійна програма підготовки бакалавра за напрямом 6.090101 «Агрономія»: Галузевий стандарт вищої освіти України, чинний від 07.02.2011 р. № 100. – К.: МОН України ; Наукметодцентр, 2011. – 216 с.
2. Освітньо-кваліфікаційна характеристика. Освітньо-професійна програма підготовки магістра напряму 8.130102 «Агрономія» за спеціальністю 8.130102 «Агрономія»: Галузевий стандарт вищої освіти України. – К. : МОН України; видавнича дільниця Наукметодцентру, 2006. – 48 с.
3. Програма навчальної дисципліни «Вища математика (за фаховим спрямуванням)» для підготовки бакалаврів напряму 6.090101 «Агрономія» у вищих навчальних закладах III–IV рівнів акредитації Міністерства аграрної політики України / [уклад. В. Швець, Л. Флегантов, Ю. Овсієнко] – К.: Аграрна освіта, 2008. – 30 с.

Белоусова Алла Константиновна,
*Южный федеральный университет, профессор, доктор
психологических наук, Академия психологии и педагогики*
Тушнова Юлия Андреевна,
*Южный федеральный университет, ассистент,
Академия психологии и педагогики*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СФЕРЫ «ОБРАЗОВАНИЕ» В СИСТЕМЕ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕДМЕТНОГО СЛОЯ ОБРАЗА МИРА СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования предметного слоя образа мира студентов, представителей разных национальностей, обучающихся на Юге России. Авторами доказывается предположение о том, что предметный слой образа мира, представленный полем значений, имеет собственную специфику у представителей различных национальностей, а также, что взаимодействие в образовательном процессе студентов различных национальностей способствует образованию сходных групп значений для актуальной жизненной сферы студентов (сфера образования).

Ключевые слова: образ мира, предметный слой образа мира, значение, ассоциативный эксперимент.

Постановка проблемы

Актуальность проблемы этнопсихологических особенностей образа мира определяется присущими современному обществу интегративными процессами, в которых происходит ассимиляция значений, ценностей, смыслов и традиций. Юг России является одним из самых многонациональных и многоконфессиональных регионов. Сфера высшего образования в этом плане представляет наибольший интерес. Причем в системе высшего образования происходит взаимодействие не только представителей типичных для Юга России национальностей, но и представителей культур дальнего зарубежья, особенно стран Ближнего и Среднего Востока.

Образ мира в психологии является достаточно изученной категорией. Феноменология данного понятия раскрывается в трудах А.Н. Леонтьева (1979), В.П. Зинченко (1983), С.Л. Рубинштейна (1973), Д.В. Ухтомского (2002), А.А. Леонтьева (1966), гипотезу первовидения Е.Ю. Артемьевой (1999), модели эволюционной детерминации (Артемьева, 1999; Артемьева & Серкин, 1991;

Мудрак & Серкин, 1989; Шмелев, 2000). Структура образа мира рассматривается в работах А.Н. Леонтьева (1979), Е.Ю. Артемьевой (1999), Д.А. Леонтьева (1999), В.В. Петухова (1984), В.Ф. Петренко (1997), Е.А. Климова (1995), Ю.К. Стрелкова (1991), В.П. Серкина (2005), Г.П., Щедровицкого (1980), Н.Н. Колмогорцевой (2003). Функциональная организация образа мира отражена в исследованиях С.Д. Смирнова (1985).

Исследование культурных и этнических детерминант образа мира отражено в работах В.В. Петухова (1984), В.С. Мухиной (1999), А. Обухова (2003), Г.Д. Гачева (1995), Н.Н. Колмогорцевой (2003). С.В. Лурье (2003), В.В. Столина & А.П. Наминач (1988), С. Милграма (2000), В.Г. Панова (1992). Однако исследований содержательных характеристик образа мира отдельных групп мало, в том числе, не достаточно описаний психологических особенностей образа мира представителей различных этнических групп.

Эмпирическое исследование, излагаемое в данной статье, опирается на положения теории психологических систем, в которой образ мира определяется как субъективная компонента, способствующая обретению человеком мерностей мира, посредством присвоения психологических качеств предмета и психологической ситуации (Клочко & Галажинский, 1999; Краснорядцева, 1995; Белоусова, 2002). Развивая идеи А.Н. Леонтьева о структуре образа мира, В.Е. Клочко предлагает новые мерности мира. А.Н. Леонтьев (1979) обозначил, что человек живет в пятимерном мире, где пятое квазиизмерение, представляет предметное сознание. В.Е. Клочко (1996) вводит в многомерный мир человека шестое и седьмое измерения – смысловое и ценностное сознание. Предметное, смысловое и ценностное сознание, по В.Е. Клочко (1996), тесно связаны с соответствующими слоями образа мира, взаимодействуя в процессе построения жизненного мира человека. То есть, образ мира, включает предметный, смысловой и ценностный слой.

Предметный слой образа мира, по В.Е. Клочко (1998), состоит из значений, то есть понятий, которыми люди определенной культуры обозначают предметы. Значения как составляющая образа мира, так или иначе, рассматриваются многими исследователями, занимающимися проблемами образа мира, его культурной и этнической спецификой. Так, в исследованиях В.С. Мухиной (1999), посвященных образу мира, образно-знаковые системы являются фактором, обуславливающим реалии бытия человека в определенной культуре. Г.А. Берулава (2011) рассматривает значение как компонент формальной структуры образа мира, где содержательно оно представляет обобщенность образа мира. В психосемантических исследованиях само построение образа мира есть наполнение образа реальности значениями. Е.Ю. Артемьева (1999) в качестве подсистем деятельностиной структуры образа мира рассматривает мотивационный,

целевой и ситуационный слои системы значений. Д.А. Леонтьев (1999) созвучно Е.Ю. Артемьевой в качестве одной из подструктур образа мира в аспекте строения сознания выделяет семантический слой субъективного опыта. А.К. Белоусова (2002) включает значения в потенциально активную область образа мира, возникающую в совместной деятельности, как фиксатор смысла предметов и явлений, которые актуализируются в виде конкретных знаний партнеров о данной области мира. В контексте системы значений и смыслов, вырабатываемых в результате взаимодействия человека с миром, понятие образа мира также рассматривают А.А. Леонтьев (1966), В.В. Петухов (1984), С.Д. Смирнов (1985), Е.Ю. Артемьева (1999), В.П. Серкин (2005) и др.

Существующие исследования позволяют определить предметный слой образа мира как базисный, что определяет особую роль изучения содержательных характеристик систем значений различных групп. То есть, детальное исследование системы значений представителей определенной культуры или этноса позволит эмпирически изучить одну из основных составляющих образа мира.

Организация исследования

Целью исследования является сравнительное изучение психологических особенностей предметного слоя образа мира студентов – представителей различных национальностей. Объектом исследования являются студенты, представители различных национальностей, а именно русские, армяне и арабы, обучающиеся в ВУЗе на территории Юга России. Предмет исследования – особенности предметного слоя образа мира студентов, являющихся представителями русской, армянской и арабской национальности, обучающихся на территории Юга России.

Мы предположили, что предметный слой образа мира, представленный полем значений, имеет собственную специфику у студентов различных национальностей, обучающихся на Юге России, а также, что взаимодействие представителей различных национальностей способствует образованию сходных групп значений для актуальной жизненной сферы студентов (сфера образования).

В выборку исследования были включены студенты - представители различных национальностей, обучающиеся в высших учебных заведениях г. Ростова-на-Дону на момент исследования. А именно, экспериментальную группу составили студенты русской, армянской и арабской национальности. Всего в исследовании приняло участие 112 студентов, как мужчин, так и женщин, в возрасте от 15 до 23 лет. Выборка по каждой группе составила: 47 русских (69%; средний возраст = 20,5), 35 армян (43%; средний возраст = 20,5), 30 арабов (36%; средний возраст = 21,5). Для определения этнической идентичности мы учитывали

собственное мнение респондентов, исходя из позиций теории социального конструктивизма (Бергер, Лукман, 1995; Лурье, 1998).

Методы и методики исследования

Для изучения предметного слоя образа мира мы использовали свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). На основе теоретического анализа литературы, а так же анализа методик, целью которых является исследование ценностей и смыслов, мы выделили жизненные сферы для предъявления стимулов: сфера профессиональной жизни; сфера образования; сфера семейной жизни; сфера общественной активности; сфера увлечений (Тушнова, 2013). В рамках данной статьи будет рассмотрена сфера образования.

При участии 3-х экспертов к сфере образования были подобраны 27 слов-стимулов. Проверка степени согласованности мнений экспертов при помощи коэффициента конкордации Кендалла показала, что при малом значении самого коэффициента $W=0,219$, проверка значимости при помощи $\chi^2=54,672$ показала высокий уровень значимости $p=0,000$. Следовательно, оценки экспертов не случайны, то есть, на основании полученных экспертных оценок правомерно использование подобранных стимулов. Доверительный интервал стимулов сферы образования составил $3,08 < x_{ср} < 3,7$, следовательно стимулы со средней экспертной оценкой меньше 3,08 в исследование не включались. Таким образом, сфера образования представлена 20 словами-стимулами, которые условно можно разделить на три группы: абстрактные понятия (развитие, познание, мудрость, воля, успех, неудача, способности, город); понятия, непосредственно относящиеся к учебной деятельности (экзамен, дисциплинированность, оценка, отметка, проект); понятия, относящиеся к организации образовательного процесса (университет, профессор, студент, стипендия, каникулы, сессия, общежитие).

Респондентам в устной форме последовательно предъявлялись слова-стимулы, на которые они в специальные бланки должны были записать первые пришедшие на ум слова (реакции). Использовалась групповая форма САЭ.

Анализ данных ассоциативного эксперимента позволил нам определить поле значений сферы образования. Поле значений определялось путем подсчета повторений реакций к заданному стимулу, таким образом, были определены реакции к каждому стимулу, зафиксированные в порядке уменьшения частоты повторения. Помимо этого производился подсчет среднего количества реакций на стимулы разных категорий (общие, конкретные), выделение «нулевых» стимулов, то есть, слов, на которые в исследуемой группе не получены реакции.

Результаты исследования

Данные САЭ позволяют нам определить характер стимулов, способствующих появлению наибольшего количества реакций у студентов разных национальностей. Из табл. 1 видно, что в среднем большее количество реакций у студентов русской национальности возникает на стимулы абстрактного содержания, для студентов армянской национальности более характерно продуцирование реакций на стимулы, относящиеся к организации образовательного процесса, для арабов – на стимулы, относящиеся непосредственно к учебной деятельности.

Таблица 1. Среднее количество стимулов для разных категорий реакций

	Абстрактные понятия		Понятия, относящиеся к учебной деятельности		Понятия, относящиеся к организации образовательного процесса		N
	M	SD	M	SD	M	SD	
русские	5.01	1.52	3.67	2.71	4.90	3.57	47
N	51		40		52		
армяне	4.10	2.85	3.60	1.96	4.94	2.88	35
N	50		30		32		
арабы	4.00	3.42	4.92	3.87	3.73	4.13	30
N	17		12		15		

Необходимо отметить, что студенты арабской национальности показали «нулевые» реакции на следующие стимулы: «развитие» (n=30), «неудача» (n=30), «отметка» (n=30), «воля» (n=28). В процессе беседы было выявлено, что отсутствие стимулов на реакции развитие, воля и неудача связано с религиозными представлениями данной группы студентов, а «отметка», как понятие, просто не дифференцируется студентами-арабами от «оценки». Студенты русской национальности продемонстрировали «нулевые» реакции на стимулы «оценка» (n=5), «студент» (n=6), «общество» (n=7).

Качественный анализ поля значений сферы образования позволил выделить типичные значения по категориям, сформулированным Н.В. Уфимцевой (1996) при исследовании результатов массовых ассоциативных экспериментов, а именно, «реалии», «оценки», «качества» и «действия», нами была добавлена категория «персоналии» (Тушнова, 2013).

Так, в сфере образования предметного слоя образа мира студентов русской национальности наиболее значимыми являются **реалии**: ум (n=30), знания (n=11),

деньги ($n=25$), свобода ($n=26$), учеба ($n=19$), старость ($n=18$), ужас ($n=15$), институт ($n=13$), стресс ($n=12$), экзамен ($n=12$), наука ($n=8$); **оценки**: хороший ($n=11$), плохой ($n=8$), трудное ($n=5$), мой ($n=2$); **действия**: сдать ($n=5$), присутствовать ($n=2$); **качества**: умный ($n=30$), большой ($n=15$), пьяный ($n=10$), высокий ($n=9$), интересный ($n=3$), новый ($n=3$), сложный ($n=4$); **персоналии**: человек ($n=10$), я ($n=10$), ученик ($n=7$), преподаватель ($n=6$), ребенок ($n=4$), студент ($n=3$).

В сфере образования предметного слоя образа мира представителей армянской национальности наиболее значимыми являются **реалии**: ум ($n=23$), удача ($n=15$), университет ($n=12$), рост ($n=10$), статус ($n=9$), деньги ($n=9$), кошмар ($n=9$), книга ($n=7$); **оценки**: хороший ($n=13$), мой ($n=10$); **действия**: учить ($n=12$), поступать ($n=2$), размышлять ($n=2$); **качества**: молодой ($n=8$), высокий ($n=4$), маленькая ($n=12$), новое ($n=2$), низкая ($n=2$), большой ($n=2$), весело ($n=3$); **персоналии**: люди ($n=9$), я ($n=7$), студент ($n=2$), преподаватель ($n=2$), ребенок ($n=5$), ученик ($n=5$), дети ($n=4$), юноша ($n=4$), человек ($n=3$).

В сфере образования предметного слоя образа мира представителей арабской национальности наиболее значимыми являются **реалии**: жизнь ($n=9$), экзамен ($n=11$), профессия ($n=9$); **оценки**: хороший ($n=15$), плохой ($n=4$), интересно ($n=3$), важно ($n=2$), трудно ($n=14$), мало ($n=4$), много ($n=3$); **действия**: получить ($n=6$), работать ($n=3$), учить ($n=3$); **качества**: положительный ($n=7$), умный ($n=9$), новое ($n=5$), бедный ($n=2$), высококвалифицированный ($n=2$); **персоналии**: друг ($n=8$), человек ($n=7$), отличник ($n=2$), покупатель ($n=2$).

Мы предположили, что эмпирическое распределение значений сферы образования по категориям «реалии», «оценки», «качества», «действия», «персоналии» у студентов русской (армянской, арабской) национальности будет неравновероятным. Статистический анализ с использованием критерия χ^2 (табл. 2) показал, что данное предположение подтвердилось и распределение значений профессиональной сферы у студентов исследуемых национальностей не случайно.

Таблица 2. Показатели достоверности отличия эмпирического распределения значений по категориям от теоретического

		реалии		оценки		действия		качества		персоналии	
		$x_{ср}$	%	$x_{ср}$	%	$x_{ср}$	%	$x_{ср}$	%	$x_{ср}$	%
русские		132	47,1	27	9,6	7	2,5	74	26,4	40	14,3
	χ^2	171,376									
	df	4									
	p	0,000									

армяне	x_{cp}	94	43,9	25	11,7	21	9,8	33	15,4	41	19,2
	χ^2	82,075									
	df	4									
	p	0,000									
арабы	x_{cp}	43	27,7	45	29	23	14,8	25	16,2	19	12,3
	χ^2	18,839									
	df	4									
	p	0,001									

Качественный анализ позволяет заключить, что для студентов русской и армянской национальности более свойственно продуцирование ассоциатов в категории «реалии». То есть, репрезентация сферы образования в системе значений данных групп характеризуется в большей мере смысловыми ассоциациями. Однако специфичным для русских студентов будет являться преобладание количества реакций в категории «качества», в сравнении с другими категориями.

Спецификой репрезентации сферы образования у студентов армянской национальности будет выступать распределение ассоциатов по категориям «персоналии» и «качества». То есть, помимо установления понятийных связей и описания их характеристик в репрезентации сферы образования в системе значений армянских студентов появляются субъекты.

Для студентов арабской национальности в репрезентации сферы образования более свойственно продуцирование ассоциатов по категориям «оценки» и «реалии», что характеризует ее как понятийно-оценочную.

Выводы

Таким образом, результаты анализа репрезентации сферы образования в системе значений студентов русской, армянской и арабской национальности позволяют сделать ряд выводов.

Подсчет среднего количества отличающихся реакций для разных категорий стимулов позволяет сделать вывод, что у русских студентов сфера образования репрезентирована в абстрактных понятиях, для студентов армянской национальности более характерна направленность на процесс организации образовательного процесса, а арабы ориентированы на сам процесс учебной деятельности.

Выделение поля значений, репрезентирующих сферу образования, у студентов русской, армянской и арабской национальности позволило

содержательно описать эти репрезентации, которые представлены в п. «Результаты исследования».

Эмпирическое распределение значений сферы образования по категориям у студентов русской (армянской, арабской) национальности является неравновероятным:

– для русских студентов характерно продуцирование ассоциатов в категориях «реалии» и «качества», то есть, их репрезентацию сферы образования в системе значений можно охарактеризовать как понятийно-описательную;

– студенты армянской национальности большее количество стимулов продуцируют по категориям «реалии», «качества» и «персоналии», то есть помимо установления понятийных связей и описания их характеристик в репрезентации сферы образования в системе значений армянских студентов преобладают субъекты;

– для студентов арабской национальности в репрезентации сферы образования более свойственно продуцирование ассоциатов по категориям «оценки» и «реалии», что характеризует ее как понятийно-оценочную.

«Совпадающими» для всех исследуемых групп являются реалии – «ум», «экзамен», «деньги», «человек», «ужас» и качества «хороший», «новый». У студентов русской и армянской национальности одинаковы ассоциаты «институт», «студент», «ученик», а также качество «высокий».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М., 1999. – 350с.
2. Белоусова А.К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. – Ростов н/Д, 2002. – 360с.
3. Белоусова А.К., Мочалова Ю.А. Особенности образа мира и ценностных ориентаций у представителей различных этнических групп // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки, 2013, № 1. – С. 99-106.
4. Берулава Г.А. Образ мира как мифологический символ: учебное пособие для вузов. – М., 2011. – 46с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. – М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
6. Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. – 1998. – № 8-9. – С. 7–15.

7. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под редакцией Г.В. Залевского. – Томск: Издательство Томского университета, 1999. – 154 с.
8. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии: Учеб. пособие для вузов по спец. «Психология» / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2000. – 509 с.
9. Тушнова Ю.А. Программа исследования психологических особенностей образа мира студентов разных национальностей Юга России. // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение, 2 (28), 2013. – с. 152-159.
10. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.– 256с.

History, Philosophy and Arts

Taranova Alexandra Evgenievna,

*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs in Russia,
the candidate of sociological sciences, Associate Professor,
the Department of humanitarian and social-economic disciplines*

Antonova Elena Leonidovna,

*Belgorod state Institute of arts and culture
the candidate of philosophical sciences, Associate Professor,
the Department of theory and history of culture*

The anthropological dimension of Russian statehood as a self-sufficient world-system (conceptual reconstruction of the basic nature of anthropological constants)

Abstract: As the statement of the problem the authors refer to semantically problem: should be retained in the reformed Russian state those traditional features and principles of the organization (as a basic anthropological constants), which was developed and approved during the historical dynamics of Russian culture. In this regard, special attention is paid to the analysis of the «format» of the Russian statehood in the context of political globalization through the prism of the fundamental nature of anthropological constants, reflecting the essence and specifics of Russian statehood in different historical stages of development. Special attention is paid to the world-system analysis problems.

Keywords: state, statehood, constants statehood, anthropological dimension, the Russian statehood, the European statehood, transformation, modernization project, world-system analysis.

Таранова Александра Евгеньевна,

*Белгородский юридический институт МВД России, кандидат
социологических наук, доцент, кафедра гуманитарных и социально-
экономических дисциплин*

Антонова Елена Леонидовна,

*Белгородский государственный институт искусств и культуры,
кандидат философских наук, доцент, кафедры теории и истории культуры*

Антропологическое измерение Российской государственности как самодостаточной Мировой системы (концептуальная реконструкция базисных природно-антропологических констант)

Аннотация: В качестве постановки проблемы авторы обращаются к смыслобразной проблеме: должны ли сохраняться у реформируемого российского государства те традиционные черты и принципы организации (как базисные антропологические константы), которые складывались и утверждались в ходе исторической динамики русской культуры. В этой связи особое внимание уделяется анализу «формата» российской государственности в условиях политической глобализации сквозь призму фундаментальных природно-антропологических констант, отражавших сущность и специфику российской государственности на разных исторических этапах развития последней. Особое внимание уделяется мировой системному анализу проблемы.

Ключевые слова: государство, государственность, константы государственности, антропологическое измерение, российская государственность, европейская государственность, трансформация, модернизационный проект, мировой системный анализ.

При проведении мировой системного анализа «города» и «деревни» как онтологически разных мировых систем со свойственными только им способами экзистенции, интерес вызывает антропологическое измерение Российской государственности как синтетической («город»-«деревня») Мировой системы. Этот факт тем более важен, что, как и в XIX в., модернизирующаяся Россия вновь находится в ситуации выбора между культурным консерватизмом (как национальной идеей) и либерализмом, напрямую связанным с копированием западного способа экзистенции. Только вникнув в историю проблемы, возникшей в XIX в. с введением в научный оборот концептуальной пары «народ-нация», собственно, положившей начало дискуссии консерваторов (славянофилов) и либералов (западников), становится очевидным, что речь идет, по сути, о выборе культурно-исторического опыта, выработанного на почве антропологически и цивилизационно разных мировых систем России (как условно европейской «глубинки» – «деревни») и Запада (как «центра мира» и потенциального «города»). Здесь на первый план выходит рассмотрение базисных антропологических констант Российской государственности, альтернативных дефинитивно не определяемым «общечеловеческим» ценностям, лежащим в основании мировой экономической системы современной западной цивилизации, ориентированной на перманентное самоутверждение через экспансию незападного мира.

В означенном контексте исключительную значимость приобретает проблема антропологического формата новой Российской государственности,

которая, ориентируясь на несколько моделей одновременно[1], так пока и не сложилась, да и не может сложиться в принципе. В этой связи, на первый план выходят следующие проблемы:

– должны ли сохраняться у современного российского государства те традиционные черты и принципы организации (как **базисные антропологические константы**), которые складывались и утверждались в ходе исторической динамики культуры, отражая сущность этнонациональной специфики Мировой системы России на протяжении всей социально-культурной истории ее существования;

– должны ли учитываться **базисные антропологические константы** при заимствовании опыта европейских стран и предлагаемых ими модернизационных проектов и возможностей приведения российской действительности в «разумное» соответствие с «чужими» для нее концептуально-практическими реалиями?

Как подчеркивает в этой связи В.Н. Шевченко, речь, в конечном счете, идет о **смене** или **сохранении** не просто конкретных форм государственного устройства, правления, политической системы, а о смене или сохранении исторически, ценностно, антропологически, социально и культурно сложившегося типа Российской государственности [2] как самодостаточной Мировой системы. При ближайшем рассмотрении, речь, на самом деле, идет о том, сможет ли государство, являясь динамически развивающейся «мировой системой» трансформировать гипотетически несоответствующие вектору и целям дальнейшего воспроизводства государственности форму государственного устройства, функции, институциональную структуру, сохраняя при этом исторически сложившиеся базисные антропологические параметры и сущностные принципы функционирования государства.

На первый взгляд, обеспечение динамично-устойчивого развития России как самодостаточной Мировой системы в новой геополитической ситуации при смене вектора глобализации объективно требуют трансформации как содержания, так и функций современного государства. Но насколько при этом остаются жизнеспособными базисные антропологические константы российской государственности, доминировавшие в ходе ее культурно-исторической и социокультурной динамики, и насколько жизнеспособно само государство, основанное на них, в новых геополитических условиях все еще остается без ответа. Чтобы устранить возникающий в этом случае «когнитивный диссонанс», необходимо обратить внимание на «совпадение» базисных антропологических констант российской государственности со смысло-жизненными («витальными») ценностями, выработавшей их русской культуры. И если большинство исследователей сходится во мнении, что ценность «есть продукт коллективной деятельности людей – социальных групп, масс, общества» [3], а базисные антропологические константы российской государственности на уровне общественного сознания выступают как смысло-жизненные ценности, то на

уровне культуры нации они представлены в форме общественных идеалов. Не удивительно поэтому, что антропологические константы российской государственности по отношению к личности должны выступать как «императив или норма» [4], а в отношении социума – как «общественный идеал»¹ и «модель должного» [5]. Но поскольку общественные идеалы, принято относить к категории «социальных представлений», которые укоренены в объективном укладе общественного бытия и отражают практический опыт, выработанный в процессе жизнедеятельности социума, то именно последние выступают **онтологическим основанием базисных антропологических констант государственности** как **смысложизненных ценностей нации**.

В этом контексте проблема сохранения базисных антропологических констант государственности и модусов их существования в различных культурно-исторических условиях становится актуальной не только применительно к современной российской действительности, но и при анализе тенденций развития западных государств в условиях новой геополитической реальности. Тем более что сегодня, на этапе преодоления последствий переходного периода конца XX – начала XIX вв., сохраняется тенденция к сближению российских и западных подходов в определении перспектив развития сильного государства.

Однако вместо обращения к проблеме ценностного измерения базисных антропологических констант российской государственности как главной причины расхождения функций государства в культурах разного цивилизационного типа, исследователи обращаются к операционализации понятий «константа», «государственность», «государство» и т.д. С этой точки зрения, помещение в поле научного дискурса понятия «константы государственности» требует расширения диапазона интерпретации последнего. В целом «константа» является термином заимствованным из латинского языка и в переводе означает – постоянный, постоянная величина. В словаре русского языка С.И. Ожегова константа интерпретируется как постоянная величина в ряду изменяемых. В философском словаре приводится схожая трактовка понятия «константа» как остающейся неизменной при изменениях и расчетах. Применительно к рассматриваемой проблеме имеет смысл учитывать специфику государственно-правовых образований, обладающих соответствующими константами. **Отсутствие** или **утрата общественных идеалов-ценностей** как общих для социума ценностных ориентаций приводит к ценностному вакууму – **социальной аномии** (Э. Дюркгейм), следствием которой становится разрушение общества, социальных структур [6] и всего того, что принято называть культурой, что следует учитывать при «реформировании» российской государственности как Мировой системы в

¹Идеальное (как «индивидуально-социальное») – это образы, представления, понятия, которые существуют у каждой отдельно взятой нации как специфической мир-системы. Оно существует объективно, но исключительно как субъективное.

условиях глобализации. В этих условиях, базовые константы российской государственности обретают сущностное – **ценностно-антропологическое** – измерение.

Между тем, в начале XXI столетия отечественные юристы и политологи активно обсуждают проблему соотношения государства и государственности. Отметим, что понятие «государственность» до настоящего времени не получило однозначного определения в научной литературе. Исследователи-правоведы, рассматривающие проблемы и перспективы развития современного российского государства (И.Л. Бачило, Ю.А. Веденеев, И.Л. Честнов, В.А. Четвертин, В.Е. Чиркин), отмечают, что государственность представляет собой относительно новую для российской юридической науки и политической практики категорию, которая зачастую употребляется в научных публикациях как синоним понятия «государство». В.И. Левакин предлагает интерпретировать категорию «государственность» в ее узком и широком значениях. Так, в узком значении государственность можно рассматривать как синоним государства вообще, государства конкретного исторического типа, как структуру власти и властных отношений в государстве. В широком смысле – природа государственности проявляется через взаимосвязь ее элементов (институтов) и общественных отношений как антропологического основания мир-системной конструкции, функций, политической идеологии права, экономики, культуры, оказывающих существенное воздействие на формирование общих черт или признаков государства [7].

Анализируя сущность государственности И.Л. Честнов, например, рассматривает ее как широкое понятие, охватывающее государства, предгосударственные образования, и иные автономные образования политического характера [8]. А.Б. Венгеров понимает под государственностью «государственно-правовые отношения, происходящие в течении длительного периода жизнедеятельности этноса» [9], что затрагивает антропологический «подтекст» государства как системы.

Однако государственность не только характеризует государственную структуру и политическую систему, – «генетический уровень государственности нельзя проследить только по власти, сосредоточенной в государственных органах. Государственность формируется под воздействием совокупности социальных отношений, позволяющих сначала складываться ее элементам, а затем и собственно государству» [10]. Поэтому государственность представляет собой не просто особый признак или даже систему признаков, которые характерны для исторического развития этносов и народов, сумевших создать собственное государство или восстановить утраченное в силу разных причин, а качественное состояние государственно организованного общества, отражающее самобытность социально-экономических, политических, социокультурных условий жизнедеятельности конкретного народа на определенном этапе развития общества. Именно уникальные, доминирующие

особенности указанных выше условий есть базисные антропологические константы государственности, формирующиеся в процессе антропосоциогенеза и определяющие матрицу формирования государственности и развития общества. Они, в частности, выражены через правовой и «государственный» менталитет народа, тип общества, государственности и государства, которые, собственно, определяют специфику формальных и сущностных признаков государства как самодостаточной Мировой-системы, отвечая на вопрос, почему применительно к каждому обществу, его историческому этапу и типу оно является именно таким.

Возрастание научного интереса к набирающей популярность категории государственности, во многом обусловлено объективной потребностью науки и практики в возвращении «поля духовного» в теоретическое осмысления государства как антропологического измерения Мировой-системы последнего. В государствоведческих, политологических, управленческих дисциплинах сущность государства рассматривается преимущественно через призму его формализованных (политических, правовых, территориальных) характеристик, лишенных антропологического измерения. В социально-философской, философско-правовой мысли доминирует либеральная традиция дискурса относительно «степени присутствия» государства в жизни общества, что в значительной степени выхолащивает его качественную социальную и духовную – как собирательно антропологическую – составляющую и соответствует его институциональной трактовке. Тем не менее, отношение к государству, которое позволяет его рассматривать только как носителя атрибутов учреждения, пусть и высшего порядка, сегодня является недостаточным. Необходим выход за пределы либеральной интенции «минимизации государства» и более полный учет этической (как антропологически отмеченной) традиции в интерпретации государства и «идеи государства», что обеспечит его понимание как выражения образа национальной идентичности, проекта развития общества на основаниях солидарности и консолидации [11]. Разработка понятия государственности, по сути дела, и раскрывает сущность государства не только как «идеи», но и как социального проекта. Государственность «помещает» государство в контекст социальных, ментальных факторов, этнокультурной и природно-ландшафтной обусловленности его генезиса, трансформации, становления властной структуры и политической системы, развития патерналистской или либеральной модели, позволяет применить антропологические принципы и концепты духовности и «общего блага»² к пониманию государственно-правовых проблем в современной науке.

² Идеи социальной солидарности как антропологического основания государственности утверждаются уже в античной науке, в частности в ставшем квинтэссенцией воззрений античности политическом учении Аристотеля, в котором необходимость сформулировать и реализовать «поле общего» и «общее благо» составляет философско-политическую основу государства.

Базисные антропологические константы Российской государственности должны занимать особое место среди других констант государственности, поскольку одни они являются неизменными и фундаментальными постоянными человека, общества, культуры, входящими в законы становления государственности определенного типа, а в дальнейшем – определяют верхние и нижние экстремы. Именно в их рамках становятся возможными положительные или отрицательные эффекты от внедряемых модернизационных проектов, что позволяет отбрасывать либо корректировать неорганичные социокоду конкретного общества и историческому этапу развития государства цели модернизации и технологии их достижения.

Будучи определенными «мегаценностями», базисные антропологические константы государственности выступают теми основаниями, без которых государство как самодостаточная Мировая-система не может существовать, эволюционировать и устойчиво-динамично развиваться. При этом они способствуют сохранению целостности и «нормальной» жизнедеятельности общества, являясь органичными и всеобщими разделяемыми, удерживающими доминантные позиции если не на всем протяжении истории существования государства, то на длительных исторических этапах точно. Антропологические константы как базисные не вполне сходны по своей сути с ценностями и традициями, некоторые из которых могут в какой-то период культурно-исторического развития государства как самодостаточной Мировой-системы «окаменевать» и, перестав соответствовать вектору и логике качественных преобразований, становиться камнем преткновения или «уходить» в архаику. Определяя тип государства еще на догосударственной и протогосударственной стадиях, базисные антропологические константы, по сути, оставаясь неизменными, продолжают определять «ментальные» особенности государственности даже в условиях глобализации. Базисные антропологические константы, за редким исключением, адаптивны к изменчивым, динамичным условиям социальной, политической, культурной реальности и способны трансформироваться адекватно вызовам времени одновременно с самим государством, **меняя** в определенные моменты **форму своего существования**, но неизменно сохраняя базисные сущностные особенности, определяющие своеобразие и «антропологическую» уникальность народов, наций.

С этих позиций можно вполне определенно утверждать, что базисные антропологические константы Российской государственности как самодостаточной Мировой-системы определяют модели взаимодействия триады личность-общество-государство, элементы которой являются основополагающими и неотчуждаемыми ценностями. В свою очередь, сами они могут трансформироваться, модернизироваться, совершенствоваться, переживать кризисные моменты, быть в упадке, но не быть их не может [12].

В современной отечественной и зарубежной литературе имеются лишь первые попытки антропологического измерения государства как самодостаточной Мировой системы. С большей или меньшей степенью успешности они осуществляются сегодня в публикациях социальных философов, социологов, а также государствоведов и правоведов. В частности, в юридической науке все более интенсивно развивается направление юридической антропологии, подчеркивающей необходимость разработки проблем правового менталитета и «менталитета» государственности. Отметим, что ни четкого, ни более или менее последовательного и разделяемого понимания сущности и содержания антропологических констант государственности не сложилось. Рассуждая об антропологических базисных принципах государственности, одни авторы черпают их из природы самого человека как деятельностного субъекта, создающего ту или иную социальную реальность, другие отдают приоритет контексту, в котором изначально формировался человек как представитель определенного родоплеменного образования в архаическом периоде, в догосударственной, протогосударственной, раннегосударственной и зрелой стадии государственности в ходе культурно-исторической динамики. Кроме того исследователи вводят в поле анализа категории территориальной обусловленности, природно-климатического фактора, культурной эволюции. Эти условия действительно способствуют определению формата личности (например, «человек традиции» или «человек-рацио»), которая создает определенный тип государства, с присущей ему моделью взаимоотношений с человеком и обществом.

Здесь важно учитывать, что антропологическое исследование какого-либо объекта предполагает обязательное внимание к трем аспектам: телу, психике и сознанию, в полной мере учитывая описание их динамики и своеобразие. Качественные трансформации государственного «тела» определяются прежде всего территорией, восприятием и отношением к ней человека. Уже первые попытки понять судьбу России в сопряжении с судьбой личности сформулировали неоспоримость географического фактора в интерпретации истории страны и народа [13]. Зависимость типа государственности, его властной силы от особенностей географического положения, специфики приграничных территорий, количества «соседей» отмечал еще Ш. Монтескье. В дальнейшем К. Шмитт указывает на различия в укладе морских и континентальных миров-систем и на их противостояние, которое подготовило почву для становления глобального общества, постепенно размывая базисные антропологические категории, на которых «стоят» цивилизации Суши – это понятия «дома» и «укорененности» [14].

Говоря о базисных антропологических константах, уже на ранних этапах определявших генезис государственности и направленность культурной эволюции, необходимо учитывать их зависимость от внешних – природно-климатических – условий. В любых природных условиях включается

адекватный им «социальный инстинкт» выживания, определяющий как вектор и тип государственной организации, так и антропологически отмеченный культурно-цивилизационный тип Мировой системы.

Об этом, в присущем его времени контексте, говорит в своей теории формирования разных типов культуры Н.Я. Данилевский. Так, в работе «Россия и Европа» он обосновывает реальность существования разных культурно-исторических типов, выводит законы их формирования и отмечает, что даже периодизация развития западной культуры (Античный период, Средневековье, Возрождение, Реформация, Просвещение) свойственна только ей. Россия же имеет свои переходные периоды, связанные с принятием христианства, петровскими реформами, реформами середины XIX в. (отмена крепостного права и переход к капитализму), революция 17-го года, реформы конца XX столетия). Дополненный О. Шпенглером и А. Тойнби, типологический подход позволил говорить о существовании разных культурно-цивилизационных типов (Западная Европа и Россия формировались на значительно различающихся внутренних и внешних предпосылках сложения человеческой истории).

В этом контексте природа начинает определяться как самостоятельный фактор исторического развития, отчего государственность как самодостаточная Мировая система, по умолчанию, получает социоприродное измерение. Собственно становление этносов, формирование каждой конкретной культуры также изначально получает природно-ландшафтную детерминацию. Однако именно влияние «способов природопользования» является исходной антропологической «точкой» измерения при анализе различий процессов воспроизводства государств традиционного и либерального типов. Действительно, территория, ее характеристики, природно-климатические условия определяют особенности «формирования властных отношений в обществе и такие их частные аспекты как принятую в обществе «парадигму послушания», дисциплину, гражданскую активность» как [15] «конкретно-антропологическую» слагаемую. Основная характеристика российского пространства – это его «огромность», которая задает тон формированию государственно-державных властных отношений и в то же время образует своеобразный тип личности [16]. Организация масштабного российского пространства требует достаточно жесткого типа правления (сильной власти). Реализация объединительных, солидарных проектов, формирующих поле «единого социального взаимодействия» в таком пространстве требует от властных структур определенных качеств. Это – прежде всего высокая моральная ответственность, доктрина сильного интегрирующего государства, самоконтроль, напряженная активность. Именно эти черты подразумевались в категории «служения», которую личность в российском государственном пространстве исторически соотносила с «культурой власти» [17]. Как показывает западноевропейская и российская история, именно в рамках определенного географического и культурного ландшафта формируются

особые психологические и ментальные особенности государственной антропологии. В частности, различия в восприятии базовых ценностей европейской демократии (собственность, свобода личности, неприкосновенность и автономность частной жизни, законность, гражданственность), лежащих в основании российского модернизационного проекта и безусловно имеющих высочайшую социальную значимость, определяются различиями в путях их культурно-исторического развития и укоренения в российской и европейской цивилизации. Вполне правомерно современная Российская государственность характеризуется рядом исследователей как неотрадиционная. Поэтому выстраивание ее в соответствии с западным пониманием доминирующих демократических ценностей, рационализировавшихся начиная с позднего периода Средневековья и получивших либеральную интерпретацию начиная с трудов Т. Гоббса и Дж. Локка, форсированный переход российского человека от человека традиции к человеку идеологии, а сегодня – к человеку рациональному, являются причинами «антропологического кризиса» в России, оставляющего пока без решения проблему взаимоотношений человека и государства.

Таким образом, эффективная реализация программ новейшей модернизации российского общества, требует точной формулировки проблем и задач становления российской государственности и учета специфики ее базисных антропологических констант, которые необходимо осмыслить с учетом реалий современности. Реформирование России как самодостаточной Мировой системы требует системного подхода, позволяющего не только собрать воедино ретроспективные и актуальные «переплетения» внешних и внутренних факторов, определивших антропологические параметры российской государственности, но и выстраивать приоритеты ее дальнейшего развития в русле вновь наметившегося антропологического вектора модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М., 2009. – С.5.
2. Шевченко В.Н. Глобализация и судьба российской государственности // Личность. Культура. Общество. 2004. Вып. 4(24). – С.213.
3. Крюков В.В., Данилкова М.П. Основные концепции теории ценностей. – Новосибирск, 2003. – С.55.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Левакин В.И. Современная российская государственность: проблемы переходного периода // Государство и право. 2003. – С.5.

8. Честнов И.Л. Природа и этапы развития государственности // Известия высших учебных заведений. 1998. №3.
9. Венгеров А.Б. Теория государства и права. 3-е изд. – М., 2000. – С.175.
10. Левакин В.И. Современная российская государственность: проблемы переходного периода // Государство и право. 2003. – С.6.
11. Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М., 2008.
12. Затонский В.А. Государство и личность в системе государственности (к вопросу о содержании базовых категорий теории государства и права) // Государство и право. 2007. №10. – С.6.
13. Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М., 2009. – С.30.
14. Современное государство, социум, человек: российская специфика / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М., 2010. – С.24.
15. Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М., 2009. – С.19.
16. Там же. – С.20.
17. Там же. – С.21.

Antonov Alexey,
*Perm National Research Polytechnic University,
Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences,
the Faculty of Humanitarian Science*

How much does a talent cost?!

Abstract. The article gives proof of the thesis that a talented labour does not produce a surplus value but it generates a surplus appreciation. However the economic science considers a talented labour as a skilled labour which is finally reduced to a simple labour generating value. In this consequence the results of a talented labour are not taken into account and that is why they are not paid.

Keywords: social philosophy, economics philosophy, economic theory, talented labour.

Антонов Алексей,
*Пермский национальный исследовательский политехнический
университет, доцент, кандидат философских наук,
гуманитарный факультет*

Сколько стоит талант?!

Аннотация. В статье доказывается, что талантливый труд производит не прибавочную стоимость, а прибавочную ценность. Однако в экономике талантливый труд рассматривается лишь в качестве сложного труда, который, в конечном итоге, редуцируется к простому труду, порождающему стоимость. Как следствие, результаты талантливого труда не учитываются, а потому и не оплачиваются.

Ключевые слова: социальная философия, философия экономики, экономическая теория, талантливый труд.

Слово «талант» в лексиконе экономистов встречается редко. В тех же случаях, когда это, все-таки, происходит, его используют в роли заменителя понятия «сложный труд». А в классической трудовой теории стоимости «Сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого» (выделено К. Марксом - А.А.) [1]

Словом, талантливый труд сводится к сложному, тот – к простому. В результате от таланта не остается ровным счетом ничего. Но неужели сложный труд всегда удастся свести к простому? Чтобы выяснить это, рассмотрим следующий случай.

У старушки сломался телевизор. Пришел мастер, вскрыл заднюю панель, похмыкал, почесал в затылке, затем ткнул куда-то отверткой – телевизор ожил. Старушка довольна, мастер выписывает счет: 501 рубль. Старушка живет на одну пенсию, а потому спрашивает: «Сынок, да за что же пятьсот-то рублей платить? Ты же только отверткой ткнул!» - «Правильно, - отвечает мастер, - за то, что ткнул, - один рубль, а пятьсот рублей - за то, что знал, где ткнуть!..»

Спрашивается, какова же реальная цена такой операции как «тыкание отверткой», и почему наши герои отразили ее столь непохожим образом?! В конце концов, для того чтобы ответить на этот вопрос нам придется припомнить, что любой товар представляет собой неразрывное единство стоимости и потребительной стоимости.

Если потреблять телевизор как стоимость или товар, то и манипуляцию с отверткой мы должны будем рассматривать в форме стоимости. А поскольку стоимость сборки телевизора, помимо стоимости материалов, определяется суммой стоимостей последовательно совершаемых операций, в ряду которых «тыкание отверткой» одна из самых незначительных, постольку последняя, в нашем примере, и окажется равной 1 рублю.

Другое дело, если потреблять телевизор как потребительную стоимость или вещь. Целью ремонта является восстановление функциональности вещи, нарушить которую могла неисправность, устраняемая простым прикосновением отвертки. Это значит, что «тыкание отверткой», на самом деле, представляет собой сложный труд в той же степени, как и тот, в процессе которого потребовалось бы перебрать телевизор целиком. Отсюда и возросшая стоимость такой, казалось бы, незначительной операции...

Как видим, на практике сложный и сложенный труд – это совсем не одно и то же. И этот факт вынужден был признать даже Ф. Энгельс (1820-1895), который в «Анти-Дюринге» пишет, что «... Стоимость, созданная часом труда двух работников, хотя бы одной и той же отрасли производства, всегда окажется различной, смотря по интенсивности труда и искусству работника...» [2]

Однако как же это может быть?! Ведь с точки зрения теории стоимости искусство работника влияет лишь на производительную силу труда. А поскольку «... производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы. Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила». [3]

Это следует из трудовой теории стоимости, но, как соглашается и Ф. Энгельс, совсем иное следует из практики. Так почему же там, где теория стоимости предписывает существование уравнений, практика обнаруживает неравенства?! Может быть, мы ошибаемся, и никаких расхождений между теорией стоимости и практикой не существует?!..

Посмотрим, однако, к чему приводит теория, пытающаяся не замечать и не учитывать эти расхождения. В главе «Простой и сложный труд» в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс пишет следующее: «Как же в целом разрешается важный вопрос о более высокой оплате сложного труда? В обществе частных производителей расходы по обучению работника покрываются частными лицами или их семьями; поэтому частным лицам и достается в первую очередь более высокая цена обученной рабочей силы: искусный раб продается по более высокой цене, искусный наемный рабочий получает более высокую заработную плату. В обществе, организованном социалистически, эти расходы несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, т. е. большие стоимости, созданные сложным трудом. Сам работник не вправе претендовать на дополнительную оплату». [4]

Так пишет Ф. Энгельс. Но так ли это? Разве своей способностью к сложному труду работник обязан исключительно обучившему его обществу? Разве не обязан он этим также и собственной природе, своему таланту? В противном случае равное обучение всегда бы давало в итоге и равный по сложности труд. Однако на практике не происходит ничего подобного...

Непризнание расхождений между теорией стоимости и практикой стало в СССР причиной недооценки сложного, талантливого труда инженеров, ученых, врачей, учителей и т. д. Да и сегодня их зарплата находится на удручающе низком уровне. Но спрашивается, почему же труд именно этой категории работников, а не сталеваров и не лесорубов, подвергался в Советском Союзе стоимостной дискриминации? Не потому ли, что с точки зрения трудовой теории стоимости все они принадлежат к так называемой непроизводительной сфере?!

Однако значит ли это, что их труд вообще не создает никакого общественно полезного эффекта? Разумеется, нет. Просто эффект, создаваемый усилиями врачей, инженеров, учителей и т. д., их талантливым сложным трудом порождается не создающим стоимость абстрактным трудом, а образующим вещи трудом конкретным. Фиксируя это различие, К. Маркс не случайно пользуется двумя терминами: «производительность труда» (*Produktivtat*) и «производительная сила труда» (*Produktivkraft der Arbeit*).

Вот только как же измеряется эффект производительной силы труда, по К. Марксу?! С одной стороны: «Чем выше производительная сила труда, тем больше продукта изготавливается в данное рабочее время...» [5] С другой стороны: «... чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия...» [6]

Как видим, эффект производительной силы труда определяется Марксом отнюдь не в сфере потребления: здесь господствует все тот же стоимостно-временной подход. Однако в числе факторов, влияющих на производительную силу труда, находится также искусность рабочего. Неужто и она сводится лишь к умению производить какие-то вещи быстрее других?!

Тем не менее, в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс представляет дело именно таким образом: «Неискусный кузнец может сделать только пять подков в то время, в которое искусный сделает десять. Но общество не превращает в стоимость случайную неискусность отдельной личности; общечеловеческим трудом оно признаёт только труд, обладающий нормальной для данного времени средней степенью искусности. Одна из пяти подков первого кузнеца представляет поэтому в обмене не большую стоимость, чем одна из произведенных за то же рабочее время десяти подков второго». [7]

Ф. Энгельс здесь, по умолчанию, предполагает, что оба кузнеца равны по своим «кузнечным» талантам. А что, если в роли «неискусного» кузнеца выступит самый настоящий талант?! Сможем ли мы тогда утверждать, что в обмене любая из его подков будет представлять собой не большую стоимость, чем у его ординарного коллеги?!

У Ф. Энгельса же получается, что если кузнецы за одно и то же время делают одинаковое количество подков, - то они и одинаково искусны?! Но в таком случае равны по таланту и Рафаэль Санти (1483-1520) со школьником, копирующим его «Мадонну», если им случится завершить свою работу за одно и то же время... Однако никому вообще не приходит в голову, за сколько – неделю, месяц или за один присест - написал свою «Мадонну» Рафаэль. И так происходит всегда, когда в потреблении мы определяем полезный эффект талантливого труда.

Теоретики постиндустриального общества уверяют нас в том, что это современная эпоха выдвинула на первое место вопрос о несоизмеримости простого труда и талантливого, физического труда и творчества. Однако вопрос о том, что стоимостная оценка является прокрустовым ложем для таланта, был сформулирован давно. Он занимал значительное место в философских спорах еще середины XIX века. Достаточно вспомнить, что работа Пьера Жозефа Прудона (1809-1865) «Литературные майораты» появилась в качестве отклика на международный конгресс ученых, специально собиравшихся для обсуждения этого вопроса. Об эквивалентной оплате талантливого труда немало было написано последователями А. де Сен-Симона (1760-1825) и Шарля Фурье (1772-1837). Не обошел вниманием эту проблему и К. Маркс. В работе «Святое семейство» он писал по этому поводу следующее:

«У *фурьеристов* и *сенсимонистов* талант, продолжая стоять обеими ногами на политико-экономической почве, предъявляет непомерные *требования на гонорар* и свои фантазии насчёт собственной бесконечной ценности прилагает в качестве мерила для определения *меново́й стоимости* (выделено

курсивом К. Марксом - А. А.) своих произведений. На эти домогательства таланта Прудон отвечает тем же, чем политическая экономия отвечает на всякую претензию цены подняться значительно выше уровня так называемой естественной цены, т. е. издержек производства предлагаемого продукта: он отвечает указанием на свободу сделки». [8]

Разумеется, К. Маркс и П.-Ж. Прудон правы в том, что в эпоху стоимости, то есть «стоя на политико-экономической почве», талант оценивается эквивалентно произведенной им стоимости. Однако, несомненно, правы и «фурьеристы» и «сенсимонисты»: талант, производящий ценность, а не стоимость, должен был бы и оплачиваться эквивалентно ценности, а не стоимости производимых им вещей...

Теория стоимости полагает, что невозможно приравнять, например, труд по уходу за детьми и труд, производящий табуретки, что общим здесь может быть лишь количество рабочего времени. А между тем, у этих, как и у остальных видов труда есть и другое общее свойство, - то, что все они, без исключения, обладают какой-то степенью качества.

Наряду со швейными фабриками, например, в обществе существуют и ателье индивидуального пошива, и салоны «высокой моды» от кутюр. Причем, стоимость пошива одних и тех же моделей костюма у всех этих производителей будет разная. Предположим для наглядности, что стоимость материала и время производства костюмов в нашем примере во всех случаях будут одинаковыми. Тогда нам неизбежно придется делать вывод о том, что разница в стоимости костюмов будет всецело определяться разницей в степени качества некоего абстрактного «швейно-качественного» труда...

Могут возразить, что это аномалия, поскольку сравнение качества труда здесь осуществляется всего лишь в рамках отдельной отрасли. Однако обратим внимание на то, что выражение «топорная работа» мы применяем к вещам, которые вовсе не обязательно сделаны при помощи топора. Это значит, что на практике для сравнения разнокачественных вещей мы пользуемся тем самым абстрактно-качественным трудом, наличие которого в принципе не допускается трудовой теорией стоимости...

Напрашивается вывод, что как до «Капитала» К. Маркса производители прекрасно знали о существовании прибавочной стоимости, так и сейчас для них не составляет секрета существование прибавочного труда также и в форме прибавочной ценности, обнаруживающей себя в сравнении разных степеней качества труда. Это доказывается хотя бы насаждением кружков качества, доплатой за квалификацию, независимо от степени ее использования. В конце концов, это доказывается, так называемой, «утечкой умов»...

Однако, несмотря на всю очевидность этого положения, многие теоретики не спешат признавать весомую роль таланта и скрывающейся за ним прибавочной ценности в современной экономике, по-прежнему, по-стоимостному полагая рожденное талантом качество некоей акциденцией, бытующей далеко

за пределами производства, тогда как в изменившихся экономических условиях оно составляет самую суть его...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн.: I: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. – С.53.
2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом, СС. 1-338. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. – С.206-207.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн.: I: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. – С.55.
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом, СС. 1-338. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. – С.207.
5. Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль, СС. 101-155. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 16. – С.127.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн.: I: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. – С.49.
7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом, СС. 1-338. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. – С.318.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании, СС. 3-230. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 2. – С.55.

Vertel Anton,
Sumy State Pedagogical University named after A. S. Makarenko,
lecturer of practical psychology department

The concepts of consciousness in psychoanalytic tradition: philosophical analysis

Abstract: the article is devoted to the actual and low-studied problem. The role of a psychoanalytic paradigm in interpretation of consciousness is studied in retrospective and perspective aspects in the research. The development of the research methodology of the problem of consciousness in the context of psychoanalysis is caused by the fact that traditional scientific and philosophical approaches are not effective enough and are unable to explain consciousness phenomenon adequately.

Key words: philosophy, unconscious, consciousness, science.

Вертель Антон Викторович,
Сумской государственный педагогический
университет имени А. С. Макаренко,
преподаватель кафедры практической психологии

Концепции сознания в психоаналитической традиции: философский анализ

Аннотация: статья посвящена актуальной и малоизученной теме. В работе исследована роль психоаналитической парадигмы в осмыслении сознания в ретроспективном и перспективном плане. Разработка методологии исследования проблемы сознания в контексте психоанализа вызвана тем, что традиционные научные и философские подходы, демонстрируют сегодня недостаточную эффективность, так как не в состоянии адекватно объяснить феномен сознания.

Ключевые слова: философия, бессознательное, сознание, наука.

Концепт «философия сознания» существует уже долгое время и без сомнения, получил всеобщее признание. Несмотря на накопленный опыт, многие методологические и теоретические аспекты проблемы сознания

остаются дискуссионными, а ее исследование в современных условиях является одной из самых актуальных тем философии.

Философия в комплексе с общественными, гуманитарными и естественными науками, вынуждена обращаться к этой проблеме под разными углами зрения. Многочисленные исследования в этой сфере, как и прежде не могут ответить на этот «вечный вопрос». О сознании нельзя построить теорию в виде предельного философского понятия, приближаясь к нему, оно ускользает от исследователя. В философии остается один способ рассуждения о сознании, о нем можно говорить только используя опосредованный язык описания (М. Мамардашвили) [5, 3]. Как результат – до настоящего времени отсутствует целостная теория сознания. Исследования в этой области имеют в основном аналитический характер, поскольку наука и ведущие направления современной философии – феноменология, аналитическая философия (Д. Деннет, Т. Нагель, Дж. Серл, Д. Чалмерс), изучают только отдельные его аспекты. Современная наука хотя и располагает достаточным фактическим материалом и обширными аналитическими возможностями в самых разнообразных аспектах (достижения нейрофизиологии, когнитивистики и др.), которые позволяют осуществить синтетический подход в изучении сознания как целостного феномена, не может обойтись без метапсихологических представлений о природе, структуре и функциях сознания.

Исследование сознания требует междисциплинарного подхода, привлечения методологий практически всех известных наук о человеке и, в частности, психологии. Для решения фундаментальных проблем философии сознания помимо разработок Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра и др., в общую картину представлений о сознании необходимо интегрировать работы биологов, этнологов и психоаналитиков (М. Мерло-Понти).

В психоанализе как науке объект постоянно открывается заново: он не дан однажды и окончательно. Объект принимает новый облик благодаря толкованию психоаналитиком осознанных содержаний бессознательного («в одну и ту же реку нельзя войти дважды» – Гераклит). Психоанализ, таким образом, эксплицирует относительность объекта к средствам и операциям деятельности, четко вписываясь в сферу неклассической рациональности. Психоанализ – философское учение, научная теория, технология лечения. В XX-м веке найдется немного подобных феноменов знания, которые сочетали бы в себе одновременно три аспекта взаимодействия с миром. Его в этом смысле можно сравнить с квантово-релятивистской физикой. Предмет психоанализа – не завершенное знание, а открытая, саморазвивающаяся, динамическая система. Кроме того, это человекообразная система. Поскольку объектом психоанализа являются содержания бессознательного, которые должны быть осознанными, то здесь идеал ценностно-нейтрального исследования трансформируется. Очевидно, что З. Фрейд одним из первых

еще на рубеже XIX-XX вв. авансировал в науку нашего времени один из образцов постнеклассической рациональности.

Психоанализ как воплощение «неклассической психологии», возникает в условиях эпистемологического кризиса, в атмосфере общетеоретических споров о природе психического и на почве научного детерминизма. Пройдя развитие от чисто биологической концепции (З. Фрейд), психоанализ трансформируется в культурологическую (К. Г. Юнг) и собственно философскую версию (Ж. Лакан). Эволюция психоанализа, а, следовательно, широкий спектр понятий и толкований феномена сознания позволяет говорить о психоанализе как о теории сознания. Психоанализ, базируясь на идее бессознательного, предоставляет основу для междисциплинарных исследований сознания. Если аналитическая философия рассматривает сознание «от третьего лица», а феноменология – «от первого», то психоанализ предлагает синтез обоих подходов, который реализуется в попытке объединить объективное и субъективное, рациональное и иррациональное.

Современная философия науки требует внимательного и детального исследования возможностей психоаналитических теорий относительно сознания. Современная философия пытается проанализировать наследие психоанализа, но до сих пор остается актуальным вопрос глубокой философской рефлексии над проблемой сознания в контексте психоаналитических представлений о сознании и его бессознательных детерминантах. Важность критического философского исследования проблемы сознания в психоаналитической традиции, необходимость адекватного включения психоаналитических идей в общую картину философских и научных представлений о человеческой природе требует нового философского осмысления.

Взаимоотношения между психоанализом и философией весьма устойчивы и многогранны. Во-первых, философские идеи мыслителей прошлого оказали существенное влияние на становление и формирование психоаналитического учения З. Фрейда о человеке, его сознании и культуре. Во-вторых, фрейдовские представления о психической реальности и бытии человека в мире выступают в органическом единстве, образуя сложившуюся к нашему времени психоаналитическую философию. Вопреки мнению самого З. Фрейда, основные идеи психоаналитической философии не являются новыми в историческом контексте. На становление психоаналитических концепций бессознательного и сознания повлияли идеи представителей европейской философии XIX века. В своей концепции З. Фрейд сделал попытку обнаружить предпосылки появления сознания как части психики (через Эдипов комплекс) [1, 60–61].

Вначале З. Фрейд говорит то о расщепленном сознании, то о сознании расширенном и суженном. Сознание в этом случае тождественно психике. В дальнейшем такого тождества в работах З. Фрейда уже не будет. Следующая модель представлена идеей о психическом аппарате. Так появляются три

термина: сознательное, предсознательное (позже нивелированное) и бессознательное.

Предложенная им новая структура психики представляет собой взаимодействия трех уровней, находящихся во взаимозависящих соотношениях. *Оно* (*Id*), – глубинный уровень бессознательных влечений. *Я* (*Ego*) как сознательное начало, действующее с учетом принципа реальности и выполняющее функции посредника между иррациональными стремлениями и желаниями *Оно* и требованиями социума. *Я* как сфера сознательного, соизмеряет требования бессознательного *Оно* с конкретной реальностью, целесообразностью и необходимостью. *Сверх-Я* (*Super-Ego*) – это внутри-личностная совесть, т. е. инстанция, олицетворяющая собой ценности и установки общества [6, 843].

Сознание по З. Фрейду – это не сознание чего-то, это не самосознание, а скорее – некий щит, предохраняющий психический аппарат от внешних и внутренних перегрузок. Этот щит выполняет двойную функцию: он и защищает от раздражений, и пропускает их. В структурной лингвистике постулат о тождестве языкового оформления сознания с самим сознанием стал общим местом уже в начале второй половины XX века. Современная философия говорит о неадекватности человека собственному сознанию. Наиболее доступным способом постижения сознания другого человека является информация, которую носитель исследуемого сознания передал при помощи языка.

Фундаментальным этапом в развитии концепции языкового сознания было его отождествление не с устной речью, а с письменным текстом как единственным возможным средством его фиксации. Рассматривая мир лишь через призму сознания, как феномена письменной культуры, постструктурализм уподобляет самосознание личности некой сумме текстов. По Ж. Деррида, сознание никогда не может быть свободным от «следов» бессознательного опыта. Познать себя и мир человек может только при помощи сознания и «зеркала языка». Сознание и язык – это то, на чем зиждется знание и то, что его создает.

Структурализм характеризуется определенным методическим сдвигом: сознание, опосредованное языком становится одновременно и элементом значения в определенной символической структуре и средством верификации изучаемой реальности.

1. Структурализм представляет собой определенную оптику, в которой разрозненные факты предстают как различные стороны некоего целого феномена, который можно описывать и изучать как таковой. Структурализм характеризуется определенным методическим сдвигом: сознание, опосредованное языком становится одновременно и элементом значения в определенной символической структуре и средством верификации изучаемой реальности. Здесь отчетливо видно прорастание философской проблематики сквозь специально-научную.

2. Структурализм выработал новый подход к проблеме взаимодействия субъекта и объекта в познании. Классический подход состоял в противопоставлении объекта субъекту, то здесь субъективность исследователя (и субъект вообще) теряет свои индивидуальные черты. Он оказывается частью общей «структуры», т. е. того метаязыка, на котором единственно и возможно описание подобных феноменов. Это своего рода очищение объективности от субъекта, через опору на «внеиндивидуальную природу языка», которая обеспечивает переход от одного *Я* к другому и от одной культуры к другой.

3. Структурализм, заменяет исследование отдельных предметов исследованием того структурного поля, в котором они существуют, что позволяет, выйти за пределы мышления в категориях. Язык, который в структуралистской парадигме описывает все и всех, это уже не классический язык, являющий субъект в качестве того, что обладает предикатом. Язык как место анонимной игры означающих и означаемых, как сверхструктура становится лишь посредником в познании, он теряет свою прежнюю онтологическую значимость. Из места явления вещи сознанию язык превращается в метод доступа к *de facto* определяющим до-предикативным реальностям. В данном случае это бессознательное у Ж. Лакана [8, 159].

В отличие от метапсихологии З. Фрейда, который выделяет *Оно* (*Id*), *Я* (*Ego*) и *Сверх-Я* (*Super-Ego*), деление структуры субъекта у Ж. Лакана представлено триадой *Реальное* – *Воображаемое* – *Символическое*. Если в классическом психоанализе З. Фрейда *Оно* отождествляется с бессознательным, то в структурном психоанализе Ж. Лакана эта область соответствует символическому уровню. Таким образом, *Я* и *Сверх-Я* «меняются местами», *Символическое* отождествляется с социальным и культурным контекстом. *Реальное* выступает как нечто чуждое и враждебное субъекту (*Оно* у З. Фрейда), но не обладающее символическими функциями. *Воображаемое* можно представить как фрейдовское *Я* [4, 336].

Воображаемое – это регистр психики, который образуется в «стадии зеркала». Впервые термин был озвучен Ж. Лаканом на XIV Международном психоаналитическом конгрессе в Мариенбаде который состоялся 3 августа 1936 г. Это был его первый аналитический доклад, текст которого к сожалению не сохранился. Разработка и введение в психоаналитический язык этой стадии развития позволили Ж. Лакану пересмотреть и существенно дополнить представления классического психоанализа о сознании и бессознательном.

В возрасте от полугода до полутора лет у ребенка возникает первая самоидентификация; именно в это время он начинает узнавать свое отражение в зеркале. Ж. Лакан пишет: «Важно [...] понять происходящее на стадии зеркала как идентификацию во всей полноте того смысла, который несет этот термин в психоанализе, т. е. как трансформацию, происходящую с субъектом при ассимиляции им своего образа» [3, 509]. На «стадии зеркала», по Ж. Лакану, ребенок устанавливает связи между своим организмом и

реальностью через усвоение образа своего тела. Этот процесс становится началом отчуждения субъекта от себя самого, т. е. субъект познает себя не изнутри, а через внешний образ. Произнеся «Это Я» ребенок показывает не на себя, а обращается в сторону зеркального двойника. В данном случае этот двойник является другим (со строчной буквы).

Структура субъективности по Ж. Лакану не может быть сведена к единому Я. Сознание в понимании Ж. Лакана – это чистой воды иллюзия, потому что субъективность не имеет фиксированных характеристик. По мнению Ж. Лакана, человек никогда не тождественен ни одному из своих атрибутов. Исходя из этого, его Я, в конечном счете, никогда не будет идентифицировано, потому-то оно всегда находится в поисках самого себя.

К. Г. Юнг указывает на то, что структура и физиология мозга вовсе не объясняет психический процесс. В сознании К. Г. Юнг выделил эктопсихические и эндопсихические функции ориентации. К эктопсихическим функциям относится система ориентаций, имеющая дело с внешними факторами, получаемыми посредством органов чувств (ощущения, мышление, чувства, интуиция). К эндопсихическим – система связей между содержанием сознания и процессами в бессознательном.

Эндопсихическая сфера включает память, субъективные компоненты сознательных функций, аффекты, инвазии (вторжения). Центром сознания в концепции К. Г. Юнга выступает Я (Эго). Он понимает Я как центр личностного сознания, которое собирает разрозненные данные личностного опыта в единое целое, формируя из них целостное и осознанное восприятие собственной личности [7, 516; 525; 533; 540].

Паттерны, заполняющие коллективное бессознательное, были названы К. Г. Юнгом архетипами. Архетипы связаны друг с другом, и их стадияльная последовательность определяет развитие сознания. Личностное сознание в ходе онтогенеза должно пройти те же архетипические стадии, которые определяют развитие сознания всего человечества в целом.

Научно-философская деятельность К. Г. Юнга напрямую связана с исследованиями наследия Востока и комментариями различного рода философских текстов.

Эндопсихическая сфера, выступающая как бессознательный аспект содержания сознания, через которую реализуется заложенный в психике потенциал человека, в определенном смысле может быть сопоставлен с четвертой скандхой буддизма, которая обусловлена кармическими факторами психического опыта и определяет судьбу человека. Буддийские двенадцать источников сознания (шесть познавательных способностей с шестью соответствующими объектами) и восемнадцать классов элементов (шесть способностей, шесть видов их объективных элементов и шесть видов сознания – видимого, слышимого, осязаемого и т. д.) также находят параллели в структуре сознания К. Г. Юнга. В его концепции восприятие включает в себя

познавательные способности и соответствующие объекты (видимого, слышимого и т. д.). В классификации К. Г. Юнга отсутствует элемент «чистого сознания» (пята скандха), потому что присутствует в системе *a priori*, т. е. если сознание лишит его содержаний и функций, оно будет пустым. При этом можно говорить о сходстве эмпирических форм сознания, но не концептуальных оснований [2, 160].

Общей целью для буддизма и психоанализа является осознание бессознательного с помощью специальной тренировки со стороны сознания.

Выводы. Психоаналитический метод, предложенный З. Фрейдом, а также последующие психоаналитические концепции сознания, основываются на определенных теоретических понятиях, которые могут быть поняты в терминах друг друга. Такая тесная взаимозависимость понятий об общем переплетении основной теории не является новшеством в истории науки. Психоаналитические концепции во всех их фундаментальных проявлениях являются метаэмпирическими теориями сознания, объединяющими воедино как метафизические, так и сугубо научные представления о сознании. Дальнейшее исследование данной проблематики послужит расширением понятия сознания в философии и науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Егорова И. В. Философская антропология Эриха Фромма: [монография] / И. В. Егорова. – М.: Институт философии РАН, 2002. – 164 с.
2. Ефимова И. Я. Карл Густав Юнг и древнеиндийская философия сознания: Компаративистский анализ / И. Я. Ефимова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
3. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я в том виде, в котором она предстает нам в психоаналитическом опыте / Жак Лакан // «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. – М.: Издательство «Гносис», Издательство «Логос». – С. 508–516.
5. Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия / В. М. Лейбин. – М.: Политиздат, 1990. – 397 с.
6. Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 3–18.
7. Фрейд З. Я и Оно / Зигмунд Фрейд // Я и Оно: сочинения. – М.: Эксмо, 2009. – С. 839–860.
8. Юнг К. Г. Психологические типы / Карл Густав Юнг; [пер. с нем. С. Лорие]. – М.: АСТ: МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 761, [1] с. – (Philosophy).
9. Ямпольская А. В. Современная французская мысль и переосмысление структурализма. Размышление над книгой Н. С. Автономовой «Познание и перевод. Опыты философии языка» / А. В. Ямпольская // Вопросы философии. – 2009. – № 3. – С. 158–164.

Sukhovskaya Daria,

Pyatigorsk State Linguistic University,

Post-graduate student, assistant lecturer of the department of historical and socio - philosophical disciplines, oriental studies and theology

Interdependence and mutual influence of the individual, society and creative spaces as places of human beings' creative potential realization in the environment of modern urban settlements

Abstract: The author considers the question of the nature and origin of creativity and creative potential of individuals in terms of social and philosophical science. The author identifies and classifies the major trends and tendencies of urbanization transformations of modern settlements affecting the implementation of creative potential of individuals. The main goal of this article is to identify the trends that form and affect development and implementation of human creativity in the social environment of modern urban settlements.

Keywords: Urbanization, creativity, creative class, creative space settlements, creative thinking.

Сухова́ская Да́рья,

*Пятигорский государственный лингвистический университет,
аспирант, ассистент кафедры исторических и социально-философских
дисциплин, востоковедения и теологии*

Взаимозависимость и взаимное влияние личности, общества и креативных пространств как мест реализации творческого потенциала человека в условиях урбанизированной среды современных поселений

Аннотация: В статье автор рассматривает вопрос о природе возникновения креативности и творчества с точки зрения социально-философской мысли. Автор выделяет и классифицирует основные тенденции и тренды развития урбанизационных трансформаций современного поселения,

оказывающих влияние на реализацию творческого (креативного) потенциала личности. Основная цель статьи состоит в определении тенденций, определяющих развитие и реализацию творческого потенциала человека в социальной среде поселения.

Ключевые слова: Урбанизация, креативность, творческий потенциал, креативный класс, креативное пространство поселения, креативное мышление.

Одним из наиболее актуальных вопросов современной социальной философии является исследование природы социальных трансформаций. Философов интересует вопрос о природе возникновения креативности и творчества, об особенностях их формирования и осуществления. Креативные трансформации современного общества выступают феноменом социального пространства, имея когнитивную природу, так как инновации в социуме являются следствием креативных процессов, в которые вовлекается совокупность субъектов общества.

В России креативный класс — население в основном крупных городов, это материально обеспеченный и образованный слой общества. Средний возраст таких людей — от 20 до 45 лет.

Креативность играет важную роль в сознании общества, так как является процессом создания новых форм во всех сферах жизнедеятельности человека. Это связано с необходимостью постоянного развития общества, создания и развития новых концепций, внедрения инноваций. В настоящее время общество осознает те возможности, которые открываются в результате использования креативного мышления.

Проблема изучения современного поселения как кластера, наполненного креативными пространствами для развития и реализации творческого потенциала человека, на наш взгляд не представляется возможной без выявления и описания основных тенденций процесса урбанизации, непосредственно влияющих на процессы развития творческого потенциала личности.

Урбанизационные процессы в современном мире представлены ростом агломераций городов — функционально и пространственно взаимосвязанных групп поселений (городского типа), образующих единую систему социально-экономических и экологических связей. Городские агломерации, сформированные на территории одного региона или страны характеризуются функциональными связями, возникающими в результате существующих между территориями производственных отношений и выражающихся в формах контурбации и мегаполиса [1].

Контурбация представляет собой группу близко расположенных и экономически взаимосвязанных городов (например, Большой Лондон [2], Большая Москва [3] и т.д.). Одной из крупнейших категорий урбанизированных

поселений является мегаполис – крупнейшая городская агломерация, состоящая из комплекса поселений и характеризующаяся высокой численностью населения на территории (свыше нескольких миллионов человек) [4].

В соответствии с исследованиями, проведенными департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН в 2014 году и посвященным перспективам урбанизационных процессов в мире (World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Methodology), современные тенденции урбанизации возможно разделить на две группы: тенденции глобального масштаба (характерны для текущего этапа и масштаба формирования городских систем) и национальные тенденции (отражают специфику формирования городских пространств в России) [5].

Рассмотрев и проанализировав тенденции, описанные в отчете ООН невозможно выделить единый тренд развития глобальных процессов урбанизации в мире, наоборот, можно констатировать, что поселения испытывают на себе влияние нескольких сочетанных тенденций, характеризующих место креативного человека в глобализирующемся поселении:

1. В глобализирующемся или глобализированном поселении ценностные ориентации смещаются в сторону человеческого капитала и конкурентной борьбы за него [6]. Для привлечения человеческого капитала, без которого функционирование любого поселения невозможно, поселениям с менее привлекательными климатическими, социальными, экономическими и иными условиями, приходится компенсировать существующие недостатки иными возможными преимуществами, например в сфере обеспечения высокого уровня безопасности (города: Люксембург (Люксембург), Берн (Швейцария), Хельсинки (Финляндия), Цюрих (Швейцария) [7] соблюдения благоприятной экологической обстановки (города: Калгари (Канада), Гонолулу (США), Оттава (Канада), Веллингтон (Новая Зеландия) [8], создания продуманной социальной инфраструктуры (Мельбурн (Австралия), Вена (Австрия), Ванкувер (Канада), Сидней (Австралия) [9].

2. В соответствии с трендами урбанизационных изменений в современных поселениях возрастает мобильность населения, бизнесов различных направлений, а также производств, что впоследствии формирует негативные диспропорции населения [10].

3. Урбанизированная экономика поселений ориентирована на представителя «креативного класса», творческую личность, испытывающего потребность в самореализации, находящейся в поиске пространств для выражения собственного креативного потенциала.

4. Урбанизированные сообщества людей отличаются высокой сложностью организации и разобщенностью членов. Жизнь представителей таких поселений отличается высокой степенью индивидуализации, децентрализации и самостоятельности [11].

5. Важнейшими базовыми элементами в развитии и реализации творческого потенциала личности поселения выступают здравоохранение и образование, приобретающие все большее значение в урбанизированной среде.

6. Урбанизированные поселения отличаются высокой степенью автономии муниципальной власти в вопросах разработки и осуществления финансовой политики и долгосрочных стратегий социально-экономического развития [12].

7. Переориентация экономики урбанизированных поселений обусловлена отказом от производств и ориентацией на развитие сектора услуг и сервиса, а также инфраструктурных составляющих экономики города.

8. Для урбанизированных поселений характерно стремление к упорядочению окружающего пространства, стремление к созданию компактной и продуманной инфраструктуры с необходимыми для самореализации личности площадками (креативными пространствами) посредством реконструкции теряющих актуальность территорий поселения [13].

9. При условии отсутствия на территории урбанизированных поселений необходимых креативных пространств и невозможности их создания на его территории характерными являются процессы развития агломерации (компактного скопления населённых пунктов), реурбанизации или постсубурбанизации (опережающего роста главного центра при общем замедлении темпов роста агломерации) и формирования городов-спутников (городов или иных поселений расположенных и развивающихся в непосредственной близости (не более 30 километров) от крупного предприятия (фабрики, завода, АЭС и т.д.) или крупного города (центра) и включенных в единую с ним экономическую и демографическую систему [14].

10. Повышение экологической ответственности населения урбанизированных поселений с целью улучшения условий и качества жизни [15].

11. Рост потребности и значения обеспечения безопасности в черте поселения, как одного из ключевых факторов аттрактивности социальной среды поселения.

В соответствии с обозначенными нами выше основными тенденциями современных урбанизационных процессов, основываясь на трудах российского культуролога, социолога, политолога и философа Александра Самойловича Ахиезера, занимающегося исследованием влияния окружающей социальной среды поселения на жизнь и реализацию творческого (креативного) потенциала личности, обозначим важнейшие тенденции, определяющие на наш взгляд развитие и реализацию творческого потенциала человека в социальной среде поселения:

1. Социальная среда современного поселения отличается динамизмом, то есть ей присуща способность к ассимиляции изменений, имеющих место в самих социальных отношениях в эпоху глобализации [16]. В современной социальной среде поселения возникает стремление постоянно преобра-

зовывать, переделывать и трансформировать то, что существовало или было сделано до этого, в соответствии с веяниями, направлениями и трендами быстро изменяющегося окружающего мира и тем самым удовлетворять возрастающие потребности воспроизводства. Таким образом, специфика урбанизированной среды городского поселения заключается в трансформации и организации себя, собственных социальных отношений, а также деятельности, направленной на реорганизацию уже существующих предметов и отношений в обществе.

2. Житель урбанизированного поселения приспосабливается к окружающей социальной среде и одновременно трансформирует ее, объединяя разнонаправленные и разнородные, возможно даже противоположные элементы жизнедеятельности, формы деятельности различной природы, их креативные и инновационные формы. Таким образом, городская среда воплощает социокультурный синтез (взаимодействие и соединение разнородных элементов) [17].

3. Социальной среде современного поселения присуща способность преодоления собственных лимитов ограниченности и замкнутости, среда способна включать в себя и задействовать в своем функционировании новых людей, отвечающих требованиям урбанизированной среды и обладающих креативным потенциалом, а также среда способна распространять собственное влияние на еще не подверженные урбанизации территории. На наш взгляд, открытость является важнейшей характеристикой урбанизированной среды, так как позволяет трансформировать социальность в креативном направлении, трансформировать сложившиеся в социуме отношения, культурные нормы и ценности, формы деятельности, позволяет преодолеть ограниченность форм существующего производства.

4. Урбанизированная среда поселения является плодотворной базой для развития творческого потенциала личности, так как провоцирует переход от эмоциональной формы мышления личности к понятийно-категориальной форме, в большей степени характеризующей креативное мышление. Урбанизированная среда позволяет человеку приобщиться к более развитому, глобальному, масштабному мышлению, стимулирующему инновации и трансформации социальности путем раскрытия креативного потенциала личности, тем самым позволяя человеку преодолеть (стереотипично воспринимаемую как естественную) связь с органичным ореолом обитания и существующей в нем традиционной формой социального бытия и позволяя подняться над проблемами, присущими ограниченному сообществу.

5. Говоря о возникновении инноваций в условиях урбанизированного поселения, следует отметить их очаговый характер, что непосредственно связано с динамичным развитием мира и прорывными скачками тех или иных отраслей знания. При таком очаговом возникновении инноваций житель

поселения приобретает способность постоянно конкретизировать свои знания и представления при реализации собственного креативного потенциала.

6. Житель урбанизированного поселения сталкивается с высоким уровнем конкуренции существования в социальной среде, таким образом, деятельность креативного представителя урбанизированного поселения должна отличаться высокой эффективностью и результативностью, а он сам обладать социальной гибкостью (способностью к созданию новых социальных связей, формированию или созданию новых инновационных и подвижных организаций), способности фокусировать свой креативный потенциал в фокусных направлениях, при условии их постоянного изменения и трансформации [18].

7. Условия жизни в урбанизированном поселении отличаются постоянно возрастающим уровнем сложности, таким образом, жителя такого поселения отличает способность постоянно справляться с вызовами окружающей социальной среды, постоянно преодолевать их путем совершенствования социальных, планировочных, технических, культурных и иных аспектов жизнедеятельности поселения [19].

Ориентация развития городской среды на человеческий потенциал позволяет формировать более адекватные стратегии муниципального развития [20]. Догоняющая модернизация российских городов, которые в своем развитии отстали от своих западных мегаполисов по меньшей мере на 10–15 лет, ведет к тому, что многие из текущих городских процессов, обычно развертывающихся последовательно, в России происходят параллельно и одновременно (например, субурбанизация и джентрификация). Это значительно усложняет муниципальное управление и требует четкого выбора приоритетов и согласования программ развития.

Таким образом, одной из основных тенденций современного процесса урбанизации является рост значения человеческого капитала в развитии крупных городов. Рассмотрение среды урбанизированного поселения как пространства для реализации человеческого потенциала позволяет редуцировать растущую сложность городских процессов, что, с одной стороны, делает эти процессы более доступными для муниципального управления, с другой, дает возможность сохранить направленность на развитие человеческого потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Glaeser L.E. Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier. New York, 2011. – P. 45.
2. The Greater London Authority // The Greater London Urban Area official web-site. URL.: <https://www.london.gov.uk/>

3. Большая Москва // Официальный сайт, посвященный проекту «Большая Москва» по расширению границ города Москвы. URL.: <http://moscowbig.ru/index/0-2>
4. Трофимова Е.А. Культурное пространство современного столичного мегаполиса: горизонты оптимизации: На материалах города Москвы: Автореф. дисс. ... канд. культур. Наук: Спец.: 24.00.01. Москва, 2006. – С. 13.
5. United Nations Department of Economic and Social Affairs // Population Division World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Methodology URL.: <http://esa.un.org/unpd/wup/Methodology/WUP204-Methodology.pdf>
6. Высоковский А. Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда // Высшая школа урбанистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» URL.: <http://mosurbanforum.ru/online/>
7. Global Liveability Ranking and Report August 2014 // The Economist Group URL.: http://www.eiu.com/public/topical_repognid=Liveability2014
8. Mercer's 2014 Quality of Living Worldwide survey // Mercer global human resource and financial services consulting URL.: <http://www.imerc/quality-of-living.aspx>
9. Quality of Life survey // Monocle, 2014. – P. 54.
10. Dunarintu A. The Socio-Economic Impact of Urbanization // International Journal of Academic Research in Accounting, Finance and Management Sciences, 2012. - P. 52.
11. Vlek C. Steg L. Human Behavior and Environmental Sustainability: Problems, Driving Forces, and Research Topics // Journal of Social Issues. 2007. – PP. 19.
12. Пучков М.В. Стратегии развития урбанизированных территорий: кампусные модели как средство управления региональным развитием // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. - 2011. - №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategii-razvitiya-urbanizirovannyh-territoriy-kampusnye-modeli-kak-sredstvo-upravleniya-regionalnym-razvitiem>
13. Суховская Д.Н. Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории // Молодой ученый, 2013. – С. 653.
14. Aldred D. Urbanization: a major driver of infrastructure spending // Industry Trends: Infrastructure URL:
15. Pickett S.T.A. Cadenasso M.L. Linking ecological and built components of urban mosaics: an open cycle of ecological design // Journal of Ecology, 2008. - P. 12.

16. Ахиезер А.С. Воплощение свободы или сосредоточение зла? Методология анализа города как фокуса урбанизированного процесса // Земство. 1994. - С. 21.

17. Лукина М.П. Социокультурный синтез в конституировании образа современной науки: автореф. дис... докт. филос. наук. Томск, 2002. – С. 25.

18. Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. Москва, 1995. - С. 28.

19. Ахиезер А.С. Качество городской среды как фактор интенсификации прогресса // Проблемы качества городской среды. Москва, 1989. - С. 29.

20. Суховская Д.Н. Тезариусный подход к определению сущности креативного пространства современного города // European Social Science Journal Европейский Журнал Социальных Наук. Москва, 2013. – С. 298.

Yevgenya Levchenko,
Donetsk National University,
graduate student, Department of philosophy

Extreme sports and extreme tourism in contemporary society: socio-philosophical analysis

Abstract: This article is devoted to the nature of extreme sports and tourism. We consider the causes and consequences of the proliferation of extreme forms of recreation on the socio-philosophical perspective.

Keywords: extreme, extreme sports, extreme tourism, society, risk, adrenaline.

Левченко Євгенія,
Донецький національний Університет,
аспірант, кафедра філософії

Екстремальний спорт та екстремальний туризм в сучасному суспільстві: соціально-філософський аналіз

Анотація: Дана стаття присвячена розгляду сутності екстремального спорту та туризму. Розглядаються причини розповсюдження та наслідки екстремальних видів відпочинку з соціально-філософської точки зору.

Ключові слова: екстрим, екстремальний спорт, екстремальний туризм, соціум, ризик, адреналін.

Екстремальний спорт і екстремальний туризм – це явища, які вже встигли привернути до себе увагу величезної кількості людей і дослідників найрізноманітніших областей. З появою і все більшим поширенням екстремальних видів відпочинку та проведення часу в сучасному суспільстві виник цілий ряд протиріч і проблем, що вимагають ретельного розгляду та аналізу з наукової точки зору. Їх бурхливий розвиток, затребуваність на різних рівнях від професіоналів до аматорів і у різних соціальних і вікових групах, викликає активний дослідницький інтерес. Вагому частину складають спеціалізовані дослідження в рамках педагогіки спорту, що здійснюються на спортсменах, які професійно займаються тим чи іншим видом екстремального

спорту. Іншу частину, меншу за обсягом, займають дослідження психологів мотивації занять екстремальними видами спорту як професіоналів, так і аматорів. І в незрівнянно малому обсязі представлені філософські, соціологічні та культурологічні дослідження ролі і функцій екстремальних видів спорту і туризму в глобалізованому соціумі.

Універсального визначення, що вважати екстремальним видом спорту чи туризму, не існує. Звичайно, є види професійної діяльності або розваг, пов'язані з великим ризиком для життя і здоров'я (наприклад, польоти на різних літальних апаратах, альпінізм, глибоководні занурення). Але те, що є суперекстримом для одних, може бути всього лише роботою для інших. Один і той же маршрут може бути тяжким випробовуванням для новачка і легкою прогулянкою для підготовленого туриста і спортсмена.

Малорухливий спосіб життя сучасної, особливо міського людини, коли далеко не всі регулярно займаються спортом або відчувають фізичні навантаження і багато з нас нічого важче авторучки не піднімають, призводить до того, що у випадку зупинки міського автотранспорту більше ніж в 100 м від будинку – вже трагедія.

Як не парадоксально звучить, але все більш прискорений темп життя суспільства призводить до менш рухливого способу життя його членів. З цього приводу досить цікаві думки висловлює норвезький соціолог Г. Брейвік: «Багато в чому сучасне індустріальне суспільство одержиме безпекою та контролем. Можна сказати, що воно має бути таким, бо сучасне суспільство є величезною промисловою, технологічною та економічною структурою, яка просто не повинна впасти. Ніхто не грається з ядерним реактором» [1, с. 4]. Вчений вказує на те, що самою специфікою парадигми модерну спровокована така пасивність, тяга до безпеки і уникнення будь-якого ризику. Людині не вистачає фізичного руху і фізичних навантажень. Як виклик на таку загальносуспільну тенденцію виникають все нові види спорту та туризму, які відкривають можливість осягнення фізичних та психічних меж людського організму.

Зараз у туристичній сфері з'явилося безліч нових екзотичних термінів: «трекінг», «рафтинг», «джипінг, або джип-сафарі», «дайвінг» і т. д. Однак при найближчому розгляді це ті ж старі види пішохідного, автомобільного, підводного та іншого туризму. Звичайно, нові технології, матеріали та обладнання дозволили перейти традиційним туристичним напрямками на якісно новий рівень. До того ж у зв'язку із загальною демократизацією і прискоренням обміну інформацією в світі різко збільшилася кількість регіонів, відкритих для відвідування і вивчення. Завдяки активній дослідницькій діяльності вчених і ентузіастів в світі щорічно відкриваються сотні нових дивовижних об'єктів природи, історії та культури.

Поряд з традиційними способами активного відпочинку і розваг за кілька останніх десятиліть у сфері туризму з'явилося багато абсолютно нових, а то і екзотичних варіантів використання вільного часу. Деякі з них, наприклад

кайтинг, виникли на основі комбінування інших видів туризму і поєднують в собі водно-повітряні або повітряно-сухопутні види розваг. Інші, такі як подорожі по воді на надувних лижах або космотуризм, є принципово новими.

«Такі ярлики як «екстремальні» або «Х» всюди в ці дні. Якщо хтось хоче надати радикальні, надзвичайні, незвичайні властивості майже будь-якому продукту, діяльності, особистості, чи способу життя, застосовують цей термін. «Екстрим» пов'язаний сьогодні з безалкогольними напоями, здоровою їжею, поведінкою знаменитостей, модою і макіяжем, сексуальними техніками, спортивним взуттям, автомобілями, музикою тощо» – звертає увагу Р. Реінхарт в своєму дослідженні сутності екстремального спорту та екстремальності загалом [6, с. 2-3]. Тобто поняття екстремальності в наш час є досить широким і розмитим.

Екстремальний спорт – це часто вживане визначення для популярних видів спорту, які з'явилися зовсім недавно, і пов'язаних зі швидкістю, висотою, небезпекою та видовищністю, що приголомшує уяву. Рівні небезпеки можуть бути різними, але в цих видах спорту завжди присутній «екстрим», як знаходження на краю, на межі між життям і смертю. Так у своєму дослідженні екстремального спорту Е. Брімер відносить до екстремальних видів спорту лише ті, при яких смертельний результат має максимальну ймовірність. «Екстремальні види спорту включають бейсджампінг, серфінг на великих хвилях, екстремальне катання на лижах, спуск на байдарках по водоспадах, екстремальний альпінізм, сольне сходження на мотузках» [2, с. 198]. Тож, екстремальний спорт – це спроба людини протистояти природним стихіям і агресивним середовищам. Це спорт, пов'язаний зі смертельним ризиком і великим травматизмом. Екстремальний спорт – це граничний спорт або незвичайний по складності і ризику спорт.

Не дивлячись на доволі зрозуміле визначення екстремальних видів спорту, та критеріїв їх виділення з посеред інших видів спорту та розваг, характеристика їх сутності та значення є дуже суперечливими. «Традиційно теоретичні перспективи щодо участі в екстремальному спорті передбачають пряме відношення до ризикованості. З суспільної точки зору учасників зваблюють гламурні картини адреналіну та ризику добровільного виходу за межі контролю. З психологічної точки зору учасники є шукачами адреналіну, задовольняючи необхідність невизначеності, новизни, неоднозначності, різноманітності та непередбачуваності, або ж вони патологічно з нездоровими, нарцистичними схильностями», – характеризує традиційне бачення екстремальних занять вчений Е. Брімер [2].

Однак, як зазначають деякі сучасні вчені, таке визначення екстремального спорту та туризму є лише стереотипним. Насправді, згідно безлічі проведених опитувань та інтерв'ю безпосередніх учасників таких форм проведення часу, досвід екстремального спорту зовсім не такий, яким його зображують засоби масової інформації. «Поглиблені інтерв'ю з досвідченими спортсменами

показують, що вони зміщують акцент на свій досвід з природою та на те, яким чином діяльність змінює їх відношення зі світом природи», – зазначають в своїй спільній статті з вивчення сутності екстремального туризму Е.Брімер та Г.Дауні, – «...опитані в дослідженні... пояснили, що ярлик «екстремальний» не доречний через те, що діяльність здійснюється не заради ризику» [2]. Виявляється, що справжній досвід екстремального спорту не зовсім пов'язаний з жагою ризику, адреналіну та гострих почуттів. Для самих спортсменів – це не тільки випробовування своїх здібностей і можливостей, а й також ознака єдності із природою, її величчю та багатством.

Замість того щоб приймати стереотипне уявлення про учасників екстремального спорту як сміливців з бажанням померти, попередні дослідники інших субкультур високого ризику (Феррелл, Люптон, Таллох, Лінг та інші) запропонували ряд соціологічних пояснень, які вивчають ряд складних мотивацій для ризикованої поведінки [5, с. 2]. На разі свій досвід учасники визначають як цілий спектр різноманітних почуттів. Наприклад, Т. Алман та його співавтори в своєму дослідженні мотивації до занять екстремальним спортом доходять наступних висновків: «Основні значення [які надають екстремальному спорту бейс-джампінгу учасники]: почуття виконаного обов'язку, в якому учасники «відчувають себе успішними», зазнають «почуття розширення прав і можливостей», або отримання «впевненості у собі»; почуття належності, де респонденти відчувають себе як «частину співтовариства», «почуття ідентифікації з іншими», або розділ «розуміння» «досвіду без необхідності говорити про це» з іншим; почуття духовного, в якому респонденти відзначають «почуття з'єднання з чимось вищим, ніж вони самі», чи «прояснення» того, «що справді є важливим», «реалізація своїх можливостей», або «бачення речей з нової точки зору»; «задоволення і насолода життям». Інші приведені значення включають свободу, перенесення уроків бейс-джампінгу в повсякденне життя та відчуття себе живим»[5, с. 12-13]. Тобто екстремальний спорт для зацікавленої людини має на меті досягнення певного екзистенціального стану, та виконує при цьому деякі інші функції: соціальну – спортсмен, ідентифікуючи себе належним до певного виду спорту, відчуває належність до певної групи людей, залучається підтримкою цієї спільноти та своїх безпосередніх партнерів; екологічну – людина намагається випробувати себе, кидаючи виклик природі та її стихіям, віддаючи належне тому, що тільки завдяки цим силам природи, її спорт є можливим; гносеологічну – так чи інакше, виконуючи новий трюк, спортсмен неодмінно дізнається про нові деталі свого спорту, властивості природи та про самого себе, свої сили та реакції. Крім того, для вдалого трюку спортсмени воліють всі деталі процесу тримати під контролем, в протизагаду стереотипному баченню екстремалів як тих, хто свідомо йде на ризик можливих несподіванок.

Таким чином, досвід екстремального спорту та туризму значно перевищує його визначення як пошук гострих відчуттів, жагу до ризику та гонитвою за

адреналіном. Для самих учасників, професіональних спортсменів таких видів спорту це означає не стільки розвагу, скільки стиль життя, що супроводжується постійним самопізнанням, вивченням оточуючої природної середовища а також такого рівня ідентичності, що відкриває нові обрії спілкування між людьми.

Говорячи про наслідки гламурізації екстремальності у СМІ і констатуєчи факт розповсюдження певної моди на екстремальну поведінку, ми неодмінно повинні звертати увагу на негативний бік цього суспільного явища. Рон Вотерс пише: «Ми відвернули увагу людей від негламурної можливості того, що можна бути вбитим, концентруємо увагу тільки на веселій і безпечній стороні небезпечної межі. Це брехливий, односторонній погляд, який пронизав майже кожен кут нашого суспільства: журнали, телевізійні програми, рекламу, кіно, програми освіти, екскурсійні та туристичні поїздки. Ефект у тому, щоб перетворити досвід високого ризику в щось на зразок візиту до Діснейленду або карнавалу. Але існує велика різниця» [4, с. 259].

Окрім того, що екстремальність таких популярних сьогодні «захоплень» часто насправді є особливо небезпечною і ризикованою, існує цілий ряд інших проблем, що вимагають певної уваги та контролю.

Однією з таких проблем є зв'язок екстремального туризму і спорту з екологією. Сьогодні, коли проблема забрудненості екології постає найгострішим чином та набула глобального характеру, її просто неможливо оминути, говорячи про розвиток туризму. «Екстрим, чи то експедиції, змагання чи окремі події, впливають на природний світ. Еверест славиться не тільки тим, що є найвищою точкою на Землі, але також і кількістю сміття, що залишається тут кожен рік. Навіть «смертельна зона» забруднена викинутими балонами з киснем» [2, с. 195]. Однак, як вже було зазначено вище, для професійних учасників екстремального спорту природа має особливе значення і вимагає особливого відношення. «Річка без води означає відсутність рафтингу. Вітер, який має неправильне спрямування чи занадто велику силу означає відсутність бейс-джампінгу. Поки що людина не навчилася виробляти гігантські хвилі для серфінгістських змагань...» [3, с. 195]. Окрім того, інтерв'ю з досвідченими спортсменами показують, що вони зміщують акцент на свій досвід з природою і на те, яким чином діяльність змінює їх відносини зі світом природи.

В цьому питанні представники екопсихології наполягають на заходах на свіжому повітрі як для психотерапевтичних, так і для екологічних вигід. «...вони стверджують не тільки те, що індивідуальне здоров'я покращиться, але й що більш активна взаємодія зі світом природи допоможе подолати соціальну анемію, подавляючи реальний прогрес екологічних проблем» [2, с.196]. З цієї точки зору, світ природи невіддільний від людства. З цієї точки зору людина може пізнати себе, будучи охопленою природним світом.

Якщо людина погано інформована про даний вид спорту, не має спеціальних навичок і екіпірування, то переслідуваний екстрим не виконує свого справжнього призначення і може мати фатальні наслідки. «Горе-авантюристи,

які не мають необхідного знання, швидше за все, покалічаться або загинуть. Та насправді, на думку кількох учасників інтерв'ю, приписуваний екстремальному спорту зв'язок з ризикованістю був привабливим стимулом для багатьох з обмеженим чи неправильним знанням, що, скоріш за все призведе до смерті або серйозних травм» [3, с. 8]. Така невиправдана жага до ризику та пошуку адреналіну, що заснована на недоліку знань, може бути хворобливою та викликати залежність.

Залежність від екстремального спорту також вважають важливою проблемою сучасного суспільства. Як відомо мозок кожної людини виробляє, так звані «гормони радості», ендорфіни. Такі речовини відповідають за стан ейфорії, екстазу, задоволення, знеболювання і розслаблення, або, як позначив американський психолог Маслоу, «пікові стани свідомості» [3, с. 9].

В будь-якому разі, наскільки б не помилялись засоби масової інформації у формуванні у споглядача розуміння екстремальності в спорті як потягу до гострих відчудтів, з біологічної точки зору, як з'ясували вчені, зайняття екстремальним спортом викликають залежність в силу виклику сильних почуттів, адреналіну. Біологи, досліджуючи реакцію людини на участь в екстремальних видах спорту, вказують, що екстремальні спортсмени відчують таку ж ейфорію, як від прийняття тяжких психотропних засобів, таких як героїн, екстазі чи ЛСД.

На жаль, в нашій країні цій проблемі ніякої уваги не приділяється, та й треба визнати, проблеми в принципі в цьому ніхто і не бачить. Спорт, яким би він не був, асоціюється у нас, з явищем хорошим, позитивним, без всяких недоліків. Однак, легка атлетика і стрибки з висотних будівель – це види спорту, які не мають нічого спільного, особливо в питаннях безпеки. Тому необхідно більше уваги приділяти тому, що і як говориться про екстремальні види спорту та туризму і про пов'язану з ними небезпеку.

ЛІТЕРАТУРА

1. Breivik G. The Quest For Excitement and the Safe Society. / Philosophy, Risk and Adventure Sports / [edit by] McNamme M. J. – NY: Taylor & Francis, 2007. – 216 p. – 10-22 pp.
2. Brymer E., Downey G., Gray T. Extreme Sports as a Precursor to Environmental Sustainability. – Journal of Sport & Tourism. – Vol. 14, Issue 2-3, 2009. – 194-204 pp.
3. Brymer E. The extreme sports experience: A research report. – Melbourne: IFPRA World Journal, 2009.

4. Watters R. The Wrong Side of the Thin Edge. / *To the extreme: Alternative sports inside and out*. [edit by] Rinehart R., Sydnor S. – NY: SUNY, 2003. – 437 p. - pp. 257-266.
5. Allman T.L., Mattelstaend R. P., Martin B, Goldenberg M. Exploring the Motivations of BASE Jumpers: Extreme Sport Enthusiasts. - *Journal of Sport & Tourism*. – Vol. 14, Issue 4, 2009. – 229-247 pp.
6. *To the extreme: Alternative sports inside and out*. [edit by] Rinehart R., Sydnor S. – NY: SUNY, 2003. – 437 p. – 1-14 pp.

A NEW CLASSIFICATION OF RELIGIOUS GOTHIC BUILDINGS OF SOUTHERN FRANCE (LANGUEDOC) IN CONTEXT OF IDEOLOGICAL AND ARTISTIC PROGRAMS AS THEIR BASIS

Annotation: In rich amendments to the article the author describes social-ideological context of the period of church construction and its character. The author devoted to a cult Gothic style of Southern France (Languedoc).

Keywords: Gothic church, Occitania, Languedoc, Southern France, idea, creative concept.

The Gothic art of Languedoc, which for a long time had been considered in foreign and native medievalism as the art of “invaders from Northern France”, is the manifestation of the creative genius of local architects and customers. It was the masters from Southern France who could find their own original “Gothic style” by way of creative revising the Parisian “radiant” Gothic which was fashionable at that time in Europe and which they used as their model. This style has been known in art studies as “eglise fortifiée” (church-fortress, fortified church). The monks of the new orders (first of all Dominicans and Franciscans) played the most important role in introducing the new «Parisian style» (Gothic). As these orders had to struggle with the heresy of Cathars (widespread in the region), so they were most interested in creating a new type of cult architecture called “predicatory Church”, which would be different from the classic Gothic of Île-de-France. Further, when the struggle with heretics became repressive (with the introduction of inquisitional tribunals), it was bishops from the Dominicans who initiated the development of the concept of religious Gothic structures in the style of “indestructible fortress of faith”; they were erected in the areas (Albi, towns of the Toulouse diocese) where the struggle with the Cathars was at its peak. And vice versa, where the heresy of the Cathars was completely extirpated either by repressions (Béziers) or by resettling the population infected by heresy from captured towns (Carcassonne, Narbonne), cathedrals were built as a mere imitation of the “Parisian Gothic”, which later caused such a dismissive attitude to the Gothic of Languedoc. [3, p.227]

Another important factor which in a most prominent way influenced the formation of peculiar ideological and artistic programs of Languedoc's Gothic became the heritage of Rome's ancient tradition, the latter achieving its further development in a wealth of images in the Romanesque architectural school of Languedoc and Provence. It is to this style of South that France and Europe owe the appearance of

Gothic sculpture plastic, the beautiful images of which are exhibited nowadays in the Museum of Augustinians in Toulouse.

Besides, Lombard architectural school (partially Tuscan) influenced greatly the formation of Languedoc's peculiar Gothic, because the towns of Languedoc and Lombard were connected by both trade and political, as well as religious ties (the Cathars doctrine). The architectural schools of Anjou (through its trade, political and dynastic ties), Burgundy and Auvergne (connected with Occitania from early Christian times) also had a great impact on the formation of Languedoc's Gothic.

On the whole, speaking about the religious Gothic of Languedoc of that time, we can point out some regional features. The architecture of cathedrals and churches is not so prevailing as of the "classic" cathedrals of northern France, because the outer wall preserves its massiveness and density specially accentuated by abutments adjoining tightly the wall. The shell of the wall seems to hide the chapels, and as a rule there is no transept. Thus, the wall plane gets back its rights despite the fact that it is profiled with orbs, mashiculi or round skylights (under the influence of the Lombard school). The volumes of buildings tend to greater cliquishness, removing systematically all "extra" protrusive details; it is typical for the 14th c. religious Gothic architecture of parish churches, influenced by mendicant religious orders. Chapels occupy the space indoors between buttresses and are an integral part of the whole. Sculpture tends to occupy the inner part of the interior, moving there from the outer space of Gothic portals. "The Bible for the illiterate" – church wall painting scenes devoted to Christ, Virgin and the saints – plays an important role in the creation of the mystical mood of parishioners along with traditional Gothic stained glass windows. [4, p.165] The religious Languedoc Gothic has almost no example of the "classic" two-tower scheme of the western facade, with the exception of "imitative cathedrals" in Narbonne and Beziers. Western facades in the Languedoc Gothic style have a restrained, even austere, interpretation, and single bell towers similar to Italian campaniles directly adjoin the side of the building.

Thus, we can say that Languedoc's Gothic was not of an obviously imitative character, as it was considered earlier; its peculiarity was conditioned by various ideological and artistic programs, the intersection and combination of which created such a variety of forms of religious Gothic constructions in a small enough region. It was the religious Languedoc's Gothic that later exerted a material effect on the formation of the original Catalan Gothic of the Kingdom of Aragon and the peculiar Gothic of the Kingdom of Palma-Mallorca.

In his monographs "The religious Gothic of Languedoc" (Moscow Stroganov Academy, NPO Orius, 2010) [1] and "Anticatharistic fortresses of faith – the religious Gothic of Languedoc" (Lambert Academic Publishing, GmbH, 2012) [2] the author suggests the following classification of the researched religious Gothic structures:

1. Monastic churches of mendicant orders (first of all those orders, whose creation had fighting the Cathars' heresy as their aim or the reason of foundation). To

these orders we should first of all pertain the order of “mendicant preachers”, or the Dominican order, whose origination, organization and activities were connected with the Cathari doctrine. A wonderful model of Gothic “predicatory church” in a Dominican monastery in Toulouse is an evidence of it. The monographs contain a semantic analysis of the Gothic forms of the Jacobins church in Toulouse as an “anticatharistic” preaching in the material, through its architectural forms. [6, p.129]

Besides, the author analyses the architectural forms, composite solutions and conceptual iconographic programs of religious Gothic structures of the “predicatory” type. Apart from the church of a Dominican monastery, the author investigates the church of an Augustinian monastery (now the Augustin museum). The iconography of this church was greatly influenced by the ideological and artistic programs embodied in the Jacobins church. The Activities of the Augustinian missionary order was brought to life (even if indirectly) by the necessity to cleanse the Church through the promotion of the concept of «return to earlier simple life» of early Church, which was determined by the speeches of Albigensian preachers revealing the abuse of Catholic prelates of the South. Based on the above, the church of the Augustinian monastery can also be considered as a “Predicatory Church”.

2. Churches of urban and rural parishes located in those regions, where the spread of the Cathar heresy, and therefore the intensity of the struggle against them were especially great. We also suggest the division of parish churches into two subgroups according to the characteristics that stand out in one group or another.

- The first subgroup includes churches, whose ideological and artistic program was directly or indirectly influenced by the iconography of the churches of Toulouse “mendicant orders” and partly by the lofty Gothic of Northern France: Notre-Dame la Dalbade and Saint-Nicolaus in Toulouse, Saint-Michel in Carcassonne. That kind of churches was built in the regions where the anticatharistic preaching was carried out in word and deed (the Tribunal of the Inquisition), and, as a result, “the Dominican component” of the Jacobins church in Toulouse takes the leading place in the basis of ideological and artistic programs of these religious buildings. There are simple and strict external forms and a well thought-out semantic and iconographic scheme of the epic building in general.

- The second subgroup comprises churches, whose iconography reveals the typical features of Toulouse and Languedoc: Saint-Salvy in Albi and parish churches with west facade being of a decorative character, a kind of screen: Notre-Dame du Taur and Midi toulousain churches. The research of ideological and artistic programs of these religious buildings reveals the presence of a long-standing tradition of Romanesque Languedoc, i.e. the construction of single-nave buildings (originally without the apse at times) spanned with simple bars. Later, a special type of parish churches was formed in connection with Albigensian wars and the necessity to conduct the anticatharistic preaching and under the influence of ideological and artistic programs of Dominican “predicatory” churches. Due to the peculiarities of financing the construction of parish churches, their western facades acquire an

independent role of a front-screen, i.e. a façade that doesn't perform any constructive function (except, probably, a few bells, which, however, are mounted later).

3. Cathedral churches (churches which were built where there was an episcopal or archiepiscopal see) built in the towns where the spread of the Cathars' heresy and therefore their influence on city life and culture was so great that the Catholic church was forced to found there constant tribunals of the Holy Office for the extermination of heretics. So here the division into three sub-groups is appropriate.

- In the first sub-group there should be churches which were built "in accordance with the models of the French Kingdom", as Narbonne's canons would write, and which were built directly under the influence of the Parisian "radiant" style. Such are, first of all, the Saint-Nazaire cathedral church in Upper Carcassonne (the capital of the possessions of viscounts Trencavel). The reconstruction, while in fact the construction, of the church anew was caused by a wide spread of the Cathars' heresy in the region and, as a consequence, by complete expulsion of the citizens to Lower City (Bastida) after seizing Carcassonne. The new citizens (true Catholics) and the new regents (the king's seneschal) naturally aspired to confirm power of the King of France through ideological and artistic programs of the "radiant" Gothic, which by that time had become international. Taking into account the importance of strengthening his power in Languedoc, Saint Louis the King personally took the initiative in building the Saint-Nazaire cathedral. It is due to these reasons that the choir and the transept of the Saint-Nazaire cathedral in their Gothic part virtually reproduce the concept of the royal chapel of Sainte-Chapelle. The construction of the cathedral performed under the control of French kings Saint Luis and Phillip the Bold in 1269-1322, together with the double system of defensive walls of Carcassonne, was undoubtedly a realization of "the royal concept of the world" in Languedoc. That was why both specialists from the French kingdom and local masters were invited for the erection of a symbol of that power. Despite the fact that the building of the cathedral never finished, the ideological and artistic programs and constructive solutions which were applied during the erection of Saint-Nazaire had a big impact on the formation of the French-Occitan Gothic alliance in Languedoc architecture. In particular, the "radiant" Gothic of Carcassonne had an indubitable influence on religious Gothic constructions in the cities of Beziers (the cathedral of Saint-Nazaire) and Narbonne (the cathedral of Saint-Just-Saint-Pasteur).

- The second sub-group should include the cathedrals of the "transitional type"; during their construction the new Gothic design of space and masses was based on the rich inheritance of the Romanesque architecture of Languedoc. Among them are, first of all, "the majestic Toulouse" (the capital of the Toulouse county) with the Saint-Etienne cathedral. The features of iconography due to which this religious building can be related to the "transitional" type first of all ride on the historical and cultural features of the city itself as the heart of Quatari heresy and the main center of the Occitan culture. It was in Toulouse, which until the final stages of the Albigensian wars was loyal to its suzerains (counts de Foix), that ideological and political

resistance to Catholic clergy and French barons (and later to the king) prohibited erecting religious buildings in the classic Gothic style regarded as a symbol of the “occupying” power. That was why bishop Fulk (1206 – 1231), who initiated the reconstruction of the Saint-Etienne Cathedral, had to seek for the “architectural compromise” between the rich Toulouse’s Roman tradition and the new architectural outlook of the “French Kingdom”. Such was the original concept of the Saint-Etienne Cathedral’s erection in Toulouse (since a tense struggle with both Quataris and local clergy and patricians, partially sympathizing with them, was carried on during the construction period). Later, as this religious and political struggle was fading, the ideological and artistic scheme began to change. The materials given in Igor Orlov’s monographs clearly show that the Cathedral of a later (second) period (after 1272) was constructed according to the “classic” plan (possibly under the influence of the Narbonne Cathedral’s schemes). The bold attempt to combine the two ideological and artistic programs into one conceptual building, unfortunately, met no success. As a result, the construction of the Cathedral in Toulouse wasn’t completed till the French Revolution, that is why nowadays it demonstrates a wonderful phenomenon of mixing diverse ideological and artistic programs.

- Finally, cathedrals which most completely demonstrated the ideological and artistic programs of Languedoc’s religious Gothic and then influenced widely Gothic architecture in other regions are to be gathered into the third group. First of all, the Cathedral of Saint Cecilia in Albi should be referred to this class. In researching this type of Gothic constructions the author primarily notes the fact that the cathedrals which are considered to be classic examples of Languedoc’s Gothic were built in the cities where Catharists’ heresy was fought most heatedly and this contention lasted for a long time. Because of this opposition Dominican inquisitors are appointed local bishops. Surprisingly, it is to bishops-inquisitors that we owe the creation and the design of the ideological and artistic features of a Gothic cathedral of the “indestructible fortress of faith” type. The Cathedral of Saint Cecilia in Albi is the most typical example of Languedoc’s Gothic, which demonstrates the “sacramental hymn” in honor of victory over heretics and a formidable “indestructible fortress of faith”. If it comes to comparing this astonishing Languedoc’s Gothic construction with Carcassonne’s, Bezier’s or Narbonne’s cathedrals (which were erected according to the “classic” Gothic of Ile-de-France), it has to be noted that it has a peculiar ascetic and exalted beauty in it in contrast with the fervent dynamic of “radiant” style cathedrals. The oversimplification of configuration makes the Cathedral of Saint Cecilia look like a citadel, which produces an impression of sullen force, thus demonstrating the inevitability of judgment on heretics already here, on the Earth. [5, c. 163]

Since the period of time considered in our research is the 13th and 14th centuries, the author regarded it necessary to apply in his monographs the general scholastic scheme of designing medieval treatises of the researched period (*secundum ordinem disciplinae*), so as to move step by step from one judgment to

another, constantly informing the reader on the development of this logical process. Such methods, both simple and clear, applied to the classification of religious Gothic structures made it possible to investigate the “Occitan” Gothic knowing (or assuming) before the ideological and artistic programs which were initially stipulated by the place of an erected church in the suggested classification. As a proof to support the correctness of the suggested method, which our investigation followed, it would be appropriate to quote E. Panofsky as saying that “just as the scholastic movement prepared by the Benedictine doctrine and founded by Lanfranc and Anselm of [Bec](#) was carried on and perfected by Dominicans and Franciscans, the Gothic style prepared in Benedictine monasteries and founded by Suger in Saint-Denis climaxes in city churches. The main achievements in the Romanesque period were Benedictine abbeys, in High Gothic – cathedrals, while in Late Gothic they were parish churches” [7. C. 229]

BIBLIOGRAPHY

1. И. И. Орлов Культовая готика Лангедока. Антикатарская проповедь в камне или реквием исчезнувшей цивилизации. М.: МГХПА им. С. Г. Строганова – ПК ОРИУС, 2010. 375 с. ISBN 978-5-87627-081-8.
2. И. И. Орлов Антикатарские «крепости веры» - культовая готика Лангедока. LAMBERT Academic Publishing GmbH, 2012. ISBN 978-3-8473-2675-5.
3. Орлов И. И. Культовая архитектура Окситании «eglises fottifiees» XIII - XV вв. Монография. / И. И. Орлов. – Липецк: Издательство ЛГТУ, 2013 – 338 с. илл. ISBN 978-5-88247-587-0 (21,1 п. л.).
4. Краткий анализ зарубежной историографии готического искусства. // Вестник МГХПУ «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда». – М., 2/2008 часть 1. -С.226-230.
5. Отражение социально-философских идей зрелой схоластики в культовых готических сооружениях. // Воронеж, Вестник ВГУ серия «Философия». 1(1) – 2009. – С. 160-173.
6. Собор Сан-Сесиль в Альби (Chateau Fort) – иконография несокрушимой крепости веры. // Вестник МГХПУ «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда». – М., 2/2009 – С. 151- 163.
7. Церковь доминиканского монастыря «якобинцев» в Тулузе (Le couvent des Jacobins de Toulouse) – иконография антикатарской «проповеднической церкви». // Вестник МГХПУ «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда». – М., 4/2009 – С.128-129.
8. Panofsky E. Gothic Architecture and Scholasticism. Latrobe, Pennsylvania, 1951 (на русск.-Э. Панофский. Готическая архитектура и схоластика. – СПб.: «Азбука-классика», 2004. с. 229).

Sizova Irina,
National Research Tomsk State University,
Assistant Professor,
Candidate of historical sciences,
Institute of arts and culture

MUSEUMS OF WESTERN SIBERIA ON THE INTERNET

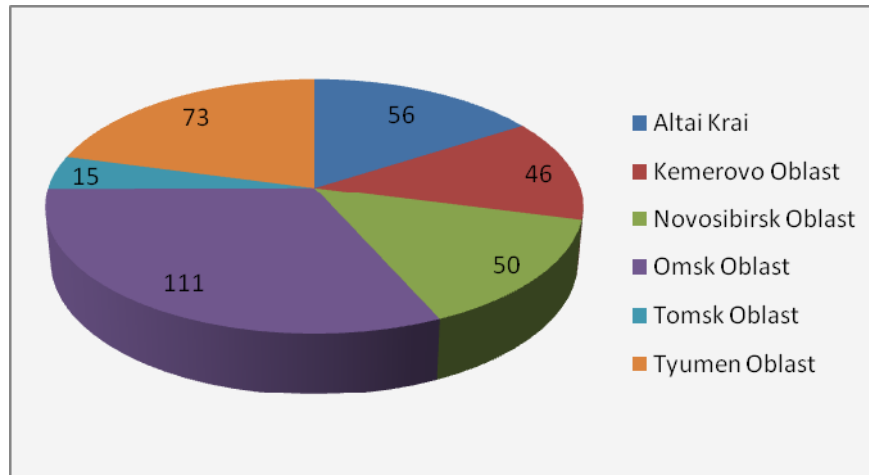
Abstract: the present article analyses the representation of museums of Western Siberia on the Internet: it shows the number of state and municipal museums having their own websites, reveals the quality principles of the building of museum websites, and evaluates the efficiency of the websites.

Keywords: museum and Web, Western Siberia, museum websites.

The virtual representation of museums on the Internet has been actively developing since the 1990s. In Siberia, this process began at the end of the 20th century and the beginning of the 21st century, following the country- and world-wide trends. In the beginning, the majority of museum websites was mainly of reference nature and could be classified as the so-called 'online business cards', only containing 1-3 pages of information. Later on, many museum websites were modified and turned into full-scale websites, which led to their becoming a valid tool of museum-promotion policy both in the area of popularisation of a museum's basic activities and in the area of providing great masses of population with access to their cultural heritage [1].

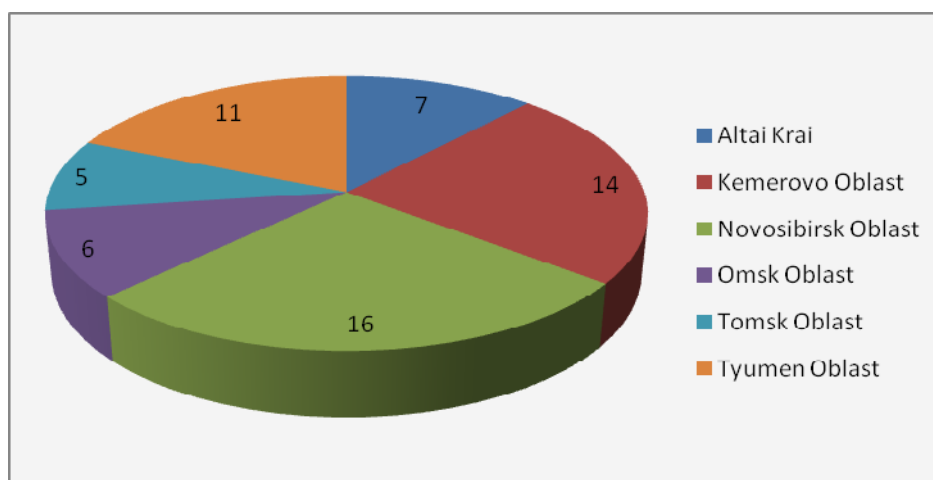
We shall look into the representation of museums of Western Siberia on the Internet and evaluate their efficiency from the point of view of quality principles of culture websites [2]. The study was concentrated on museums of 6 regions of Western Siberia: Altai Krai, Kemerovo Oblast, Novosibirsk Oblast, Omsk Oblast, Tomsk Oblast, and Tyumen Oblast (the latter is officially a part of the Ural Federal District, but, in its cultural and historical roots, it is closer to Western Siberia).

The main search engine for museum websites is the country-wide specialised portal "The Museums of Russia" [3] which includes a database for more than three thousand Russian museums of all types. Figure 1 demonstrates the total number of museums of Western Siberia which are represented in the portal.

Pic. 1 - Total number of museums of the Western Siberia Regions

Out of the 351 museums, only 59 museums of Western Siberia have their own websites. Figure 2 demonstrates the number of museums having their websites.

As it can be seen from the above, only 17% of the museum institutions in the regions under study have websites. Some time ago, such a small number of websites was criticised. However, recently a merger of websites of different institutions, including those of the sphere of culture, into thematic portals, more particularly – regional museum portals, has been more and more frequently discussed. This trend is becoming topical these days due to the formation of the image (brand) of the territory. For example, in 2003–2004, Tomsk Oblast created the portal “The Museums of Tomsk Oblast”[4]. This resource was planned to be the information centre of the museum life of the region, a way to develop and establish inter-museum connections, organise corporate museum projects, and promote tourism, using the cultural potential of the territory. Since the portal was created, the information in it has never been updated even though the criterion of novelty of information presented on an Internet website is one of the main indicators of the efficiency of work of the department responsible for the Internet website.

Pic. 2 - The number of museum websites

The study of the websites of the museums of Western Siberia has shown that practically all of them have the most common, almost standard structure:

- about the museum: the history of the formation and development, and the current state;
- expositions/exhibitions: brief information on the expositions, temporary exhibitions, etc.;
- collections/funds: brief information on the funds with the list of names and the quantity of items;
- for visitors: information on the opening hours, price of tickets, list of events, etc.;
- for professionals/colleagues: information on workshops, conferences, and publications for museum workers from other cities and regions – such information may be provided in the form of separate links as well;
- contacts;
- guestbook/feedback (with few exceptions).

Thus, the core of the websites is the information about the museum, the contents of its funds, permanent exposition and exhibitions, working hours, price of tickets, and contact information. Brief information on the contents of funds is usually included in the general description of the museum, but it is hardly ever possible to find any information about the access to the funds or to the museum library on the website.

It should be noted that information for visitors on many museum websites is not easy to find. Some museums place contact information, such as the telephone, address, or roadmap, and the price of tickets right on the homepage. And only one website puts information for visitors first – it is the Museum of People and Nature in the city of Khanty-Mansiysk [5].

One of the most recent tendencies is to complement a museum website with a virtual excursion through its halls, showing photographs and descriptions of the collections being exhibited and flash-animations of the best exhibits. In our opinion, this approach aims at increasing the popularity of the resource and attracting potential visitors to the museum. Such enthusiasm for digital tools makes the website beautiful; however, it may also lead to a mishap as not everybody's computer is capable of supporting such techniques of viewing museum wonders in their entirety.

When creating a museum website today, it is advisable to take into consideration the problem of compatibility of not only software (the possibility to open the website in all available browsers) but also devices (the possibility to access the website from various mobile devices alongside with a stationary computer). More and more often, a museum website includes hyperlink icons to social media, such as *Vkontakte*, *Odnoklassniki*, Facebook, Youtube, Twitter, etc., which indicates the broadening of the virtual representation of the museum and the influence on potential audience (mostly young people) with the view to attracting new visitors. As a result,

today social media are mostly used as a tool to make a museum popular in the region and the country, and to attract additional audience to the real museum.

The museum websites were also evaluated from the point of view of the quality principles listed in the manual [2]. Out of the 10 described principles of a high-quality website of an institute of culture, we have selected 8 (see the detailed description of each principle in the Manual.):

- clarity;
- support;
- accessibility;
- interactivity;
- multilinguality;
- compatibility;
- orientation towards the user;
- efficiency.

It should be noted that, whereas the principles of clarity, accessibility, and interactivity are applied at practically every museum website, the principle of multilinguality has been observed at only 10 websites out of the 59. Some websites have not been properly supported since the early 2000s, for example, the website of Tobolsk Open-Air Museum of History and Architecture was last updated in 2003 [6]. The orientation towards the user is not sufficient enough, with the exception of several museums. As it can be seen from the above, the efficiency of the websites of museum institutions of Western Siberia is approximately 60-80%.

We regret to conclude that museums, as scientific institutions, are poorly represented on the Internet. Some researches consider that the main indicators of the scientific nature of a museum are scientific publications and the presence of a catalogue with images and scientific descriptions of the items. Almost all museums, with rare exceptions, have information about their publications, and in some cases they provide links to full-text electronic versions of the publications. As it is known, it is quite difficult to conduct scientific description of museum collections. Only several museums present the history of the formation of their collections with pictures of some museum items. Among such museums are the Museum of History and Archaeology of the city of Nadym [7], the State Art Museum of Altai Krai [8], Tomsk Regional Art Museum [9], V.V. Bianki Museum of Regional Studies of the city of Biysk [10], the Museum of Regional Studies of Tomsk Oblast [11], the Museum of Geology, Oil, and Gas [12], and others. Detailed information of this kind can be found only at the website of the Museum of Nature and Man [13] of the city of Khanty-Mansiysk of Tyumen Oblast.

The results of the present study show that 351 museums from 6 regions of Western Siberia are represented on the Internet, and 59 of them are in the format of museum pages and separate websites. Practically all the museums, notwithstanding

the type of their Internet representation (a museum page or a website), try to give the history of the museum, its exhibitory activity, the information on its funds and collections, and so forth. It should be noted that many popular recent innovations are used in order to make the museum websites more attractive, such as virtual 3D excursions and flash-animation. Also, we need to note the expansion of museums into the space of social media which is shown by the presence of hyperlink icons of the latter on the homepages of the museum websites.

The aim of websites of museums of Western Siberia is to make the activities of the real museums more popular. They also make tentative attempts to provide great masses of the population with open access to their cultural heritage.

It is yet too early to say that additional resources, including financial ones, have been attracted, or that contemporary forms of work with the audience have been employed although the Internet has become an indispensable part of all the areas of life of the Russian society and has removed many limitations. The Internet plays a significant role in the development of integration processes in museum activities and in the establishment of closer inter-museum contacts, irrespectively of the geographical and thematic areas of the museums under study. This is why the exploration of the virtual space is nowadays the most topical direction in the activity of any museum.

REFERENCES

1. Declaration of Quebec: Basic principles of a new museology // Museum International. – 1985. – № 148. – P. 201.
2. The principles of a culture website quality. A manual. – Moscow, 2006.
3. Portal “The Museums of Russia” [Digital resource]. – Access at: <http://museum.ru>
4. Portal “The Museums of Tomsk Oblast” [Digital resource]. Access at: <http://museumstomsk.ru/>
5. The Museum of People and Nature [Digital resource]. Access at: <http://www.ugramuseum.ru>
6. The Tobolsk Open-Air Museum of History and Architecture [Digital resource]. Access at: <http://www.ikz.ru/culture/tobolsk/index.html>
7. The Museum of History and Archaeology of the city of Nadym [Digital resource]. Access at: <http://nadym-museum.ru>
8. The State Art Museum of Altai Krai [Digital resource]. Access at: <http://www.ab.ru>
9. Tomsk Regional Art Museum [Digital resource]. Access at: <http://artmuseum.tomsk.ru>

10. V.V. Bianki Museum of Regional Studies of the city of Biysk [Digital resource]. Access at: <http://www.biysk.museum.ru>

11. The Museum of Regional Studies of Tomsk Oblast [Digital resource]. Access at: <http://tomskmuseum.ru>

12. The Museum of Geology, Oil, and Gas [Digital resource]. Access at: <http://www.muzgeo.ru>

13. The Museum of Nature and Man [Digital resource]. Access at: <http://www.ugramuseum.ru>

Chursinova Marina,
*Nizhnevartovsk State University,
Post-graduate student, the Faculty of Humanities,
department of philosophy, culturology and social science*

PAROEMIC TRANSLATION PECULIARITIES OF DIFFERENT LINGUOCULTURAL COMMUNITIES CONCERNING ETHNOCULTURAL COMPONENT: THE COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract: This article is devoted to the translation proverbs and sayings that contain culturally significant components. The publication focuses on translation peculiarities of paroemic units including toponymic concepts and precedent phenomena.

Keywords: proverb, paroemia, ethnocultural component, translation, toponymic concepts, precedent phenomena.

Чурсинова Марина,
*Нижневартровский Государственный Университет,
Аспирант, гуманитарный факультет, кафедра философии,
культурологи и социальных наук*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ С УЧЕТОМ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: Данная статья посвящена переводу пословиц и поговорок, в основе которых лежит культурно-значимый компонент. В публикации рассматриваются особенности перевода паремиологических единиц, в составе которых реалия-топоним и прецедентный феномен

Ключевые слова: пословица, паремия, этнокультурный компонент, перевод, реалия-топоним, прецедентный феномен.

Пословицы играют важную роль в характеристике национальной психологии и народного менталитета. Национальные пословицы, без сомнения, являются сосредоточением фактов быта, уклада и мировосприятия той или иной этнической группы, а также имеют высокую значимость для исследования их учеными-лингвистами, культурологами и историками. Однако такие пословицы, которые заключают в себе оригинальные, культурные реалии исходного языка и не имеют эквивалента в переводимом языке, становятся настоящим испытанием для переводчика. При переводе таких пословиц обязательно должен последовать комментарий переводчика, либо описательный перевод.

В последнее время пословицы стали выступать иллюстративным материалом к различным учебным пособиям иностранного языка, страноведческим материалам. Проблема поиска эквивалентов при переводе пословичных выражений требует от переводчика знания отличительных свойств иноязычных пословиц, как в исходном языке, так и в переводимом.

Пословичные выражения одной этнической группы, отличающиеся яркими образами и ассоциативностью, будут восприниматься другой этнической группой с большим интересом, ввиду совпадения моральных принципов, устоев, жизненных понятий.

При сравнении пословиц одной лингвокультурной общности с пословичными выражениями другой, выявляется целый ряд проблем, знакомых представителям всех этносов: проблема нравственности, проблема отсутствия ниши, функционирования человека в общественной жизни. При этом важную роль в сходстве пословиц играют общие проблемы и вопросы, которых они касаются, а, отнюдь, не семантико-лексическое совпадение. В связи с этим представляется целесообразным провести анализ имеющегося корпуса пословиц с точки зрения лингвокультурологических компонентов.

Пословицы и поговорки, в состав которых входят топонимические реалии, ярко выражают национальный характер представителя другой культуры и доказывают тот факт, что данные выражения являются оригинальными и не имеют эквивалента в других языках. Обратимся к примерам пословиц, которые содержат в качестве компонента реалию-топоним. В пословицах и поговорках французского языка, реалией-топонимом может выступать «Paris»: «*Avec des si on mettrait Paris en bouteille*» («Если бы да кабы, да Париж поместился бы в бутылку»). Русский аналог – «Если бы да кабы, то во рту росли грибы, да все белые бы». В испанском языке примером подобной реалии - топонима является город «Sevilla»: «*El que se fue a Sevilla, perdió su silla*» («Тот, кто отправился в Севилью, потерял место»). Существует несколько вариантов перевода этой пословицы на русский язык: «Что с возу упало, то пропало», «свято место пусто не бывает».

Как видно, при переводе на русский язык культурно значимый компонент может сохраняться только при описательном переводе. В русских аналогах

проявляется уже другая картина мира, поэтому вариант при выборе перевода этой пословицы будет полностью зависеть от контекста.

В английском языке существует пословица со значением «возить что-либо туда, где это без надобности», т.е. «заниматься бессмысленным делом»: «Carry coals to Newcastle» («Возить уголь в Ньюкасл»). Ньюкасл - это центр английской угольной промышленности. Понятие «совершение нецелесообразных действий» в русском языке связано с пословицей «Ездить в Тулу со своим самоваром», поскольку этот русский город с древних времен известен изготовлением самоваров. В других языках также можно обнаружить пословицы с подобным значением. Так, например, во французском языке существует пословица «*D'apporter des chouettes à Minerve*» — «возить сов в Минерву», где «Minerve» означает топонимическую реалию. Виконтство Минерв – феодальное владение на юге Франции, свое название получило в честь богини войны и мудрости. Здесь, безусловно, прослеживается связь, поскольку сова является символом мудрости и спутником Минервы [Noel, 1810:194].

В испанском языке поговорка: «*Como llevar piñas a Milagro*» дословно переводится - «как везти ананасы в Милагро». Милагро – это город в стране Эквадор, где фрукты, в частности, бананы и ананасы представляют экспортируемый товар. Таким образом можно утверждать, что топонимические реалии Newcastle, Minerve, Milagro и Тула играют, своего рода, роль индикаторов для соответствующей культуры.

Русская пословица «*Москва не сразу строилась*» несет положительную коннотацию, включает в себе функцию приободрения, утешения собеседника. Реалией-топонимом здесь выступает российская столица – многомиллионный город Москва, а в аналогичных пословицах реалией-топонимом также является известный город (Рим, Париж).

Ряд пословиц в английском и французском языках могут иметь прямые соответствия в русском языке, например:

Rome was not built in one day (Рим не был построен за один день).

Paris n'a pas été bâti en un jour (Париж не сразу был построен).

Однако только пословичное выражение на испанском языке: *No se ganó Zamora en una hora* носит исторический характер, поскольку в его основу легло событие – осада города Самора кастильским королем в 1072 году. Во всех трех языках в пословицах скрыто значение того, что при любом сложном деле требуется выдержка, время и терпение.

Наряду с этим, встречаются, так называемые, лакунарные пословицы с названиями городов, неизвестных для иностранцев. Лакунарная единица – это такая лексическая единица, которая характерна для определенной языковой системы и не имеет соответствия в другой. Лакунарность многих пословичных единиц объясняется присутствием в них топонимических компонентов. Исследуя русские, испанские и французские паремии, можно с уверенностью

заявить, что подавляющее количество географических названий – неизвестны или малоизвестны представителям другой культуры.

В качестве примера можно привести следующий пословичный ряд: в русском языке существует выражение «Иваново – город невест», связанное с тем, что Иваново – это центр лёгкой промышленности, на ткацких фабриках и комбинатах которого работает много молодых девушек, поэтому его и нарекли «городом невест».

Древнейший в Испании город Теруэль провинции Арагон дал жизнь пословице «*Los amantes de*», так как влюбленная пара из Теруэля стала в Испании олицетворением несчастной и пылкой любви. Вслед за пословицей, появилось ироничное присловье: «*Los amantes de Teruel – tonta ella y tonto él*», что означает «влюбленные из Теруэля – глупа она и глуп он» [Diccionario de refranes, dichos y proverbios:1998].

Во французском языке существует немало пословиц, имеющих пренебрежительную, негативную коннотацию по отношению к жителям того или иного города. «*Evreux, petits gens et gens moqueux*» – «в Эврё живут простолюдины и насмешники».

В английском языке лакунарной половицей является: «*to send to Coventry*», что означает «бойкотировать кого-либо, прекратить общение с кем-либо». Это выражение имеет в своем составе топоним, называющий действительно существующую реалию, и используется для передачи идеи бойкотирования, игнорирования и неприязни к кому-либо. В XVII в. в городе Ковентри существовала тюрьма, куда изгоняли и ссылали роялистов, жители которого были враждебно настроены по отношению к солдатам, поэтому нести службу в Ковентри считалось крайне нежелательным.

Так, можно сказать, что лакунарные пословичные единицы с топографическими реалиями в составе не только знакомят реципиента с географическим объектом, его свойствами, но и несут в себе дополнительный национально-образный концепт.

Следующее явление, которое необходимо рассмотреть, носит название «прецедентный феномен». По мнению В.В. Красных, данное явление обуславливает национальную специфику языкового комплекса и мировосприятия представителей того или иного национального и лингвокультурного сообщества и определяет особенности национального сознания, что проявляется в коммуникации. Лингвокультурные и психологические особенности отражаются сквозь призму национальных прецедентных феноменов, стереотипов и ассоциаций, которые возникают у представителей лингвокультурных сообществ [Красных, 2002:42].

В.В. Красных утверждает, что феномены делятся на вербальные и невербальные: «к первым относятся разнообразные вербальные единицы, тексты как продукты речевой деятельности, ко вторым – произведения живописи, архитектуры, музыкальные произведения» [там же: 46].

Понятие прецедентного феномена сравнительно недавно появилось в современной лингвистике. Первым этот термин ввел Ю.Н. Караулов, который охарактеризовал прецедентные тексты, как значимые тексты в когнитивном и эмоциональном плане для той или иной личности, обладающие сверхличностным или надындивидуальным характером. Другими словами, широко известные тексты как для предшествующего поколения, так и современникам, и те тексты, которые постоянно воспроизводятся в дискурсе определенной языковой личности. [Караулов, 1987: 216].

Прецедентным феноменом, как правило, могут выступать цитаты, имена героев, ситуации, которые порождают сам прецедентный текст. Особенностью прецедентного феномена является то, что он представляет собой целостную единицу обозначения, выполняя функцию знака, который отсылает к источнику текста и представляет часть вместо целого [там же: 217].

Д.Б. Гудков относит пословицы и поговорки к прецедентным высказываниям, которые определяет как единицу дискурса, воспроизводимую в процессе коммуникации представителями той или иной лингвокультурной общности [Гудков, 2003: 107]. Фразу Чацкого из произведения «Горе от ума»: «*Чуть свет и я у ваших ног*» без труда поймёт русскоговорящий собеседник. Носителю другого языка, который не знаком с творчеством А. Грибоедова и русской литературой, зачастую просто не в состоянии понять это выражение.

Прецедентные феномены обязаны своему происхождению следующим областям: художественная литература, фольклористика, музыка, театр, кинематография, философия и спорт. Для практики перевода наибольший интерес представляют прецедентные феномены, которые вошли в состав пословиц и поговорок из них наиболее известны:

Никогда не говори "никогда".

Ложка дегтя в бочке с медом.

Сделал дело - гуляй смело.

Отметим ряд примеров пословиц и поговорок из области классической литературы:

Отговорила роща золотая. (С.Есенин)

Его пример - другим наука. (А.С. Пушкин)

Командовать парадом буду я. (И. Ильф и Е. Петров)

Краткость - сестра таланта. (А.П.Чехов)

Красота спасет мир. (Ф.М.Достоевский)

Служить бы рад - прислуживаться тошно. (А.С.Грибоедов)

Примеры из кинематографии:

Шляпу сними! (к/ф Кавказская пленница)

Студентка, комсомолка, наконец, просто красавица! (к/ф Кавказская пленница)

Он же памятник, кто его посадит? (к/ф Джентельмены удачи)

Красота - страшная сила. (к/ф Весна)

Наряду с этим песни дали жизнь многим прецедентным феноменам:

Если долго мучиться, что-нибудь получится.

Мои года - мое богатство.

Держи меня, соломинка, держи.

Проснись и пой!

Применение в речи прецедентных феноменов способствует достижению коммуникативного эффекта, однако порождает ряд трудностей, которые возникают при переводе таких выражений. Перевод, при котором бы сохранялся коммуникативный эффект и передавалось оригинальное содержание, зачастую, невозможен. Это объясняется, в первую очередь, наличием у представителей того или иного этноса различного менталитета. В ходе исторического развития разные народы по-своему воспринимали окружающую действительность, формировали свои представления и ассоциации, отражением которых стали прецедентные феномены [Карташева, 2008: 56].

Следовательно, при осуществлении перевода необходимо передать суть прецедентного феномена, неизвестного реципиенту. Осуществить перевод прецедентных феноменов можно посредством замены образа, подбором явлений, которые вызовут у реципиента схожие ассоциации. При таком переводе сохраняется коммуникативный эффект, который несет оригинальное выражение. Попытаться передать значение прецедентного феномена можно посредством переводческого комментария или описательного перевода. В этом случае, переводчик сохраняет форму прецедента, но коммуникативный эффект утрачивается.

Посредством пословичных выражений можно обратиться к традициям народной культуры. Рассмотрим такие пословицы, которые отражают реалии, связанные с бытом, устройством человека. Существует, так называемый, «паремиологический парадокс», означающий следующее: несмотря на исконность и самобытность пословиц и поговорок, зачастую, они носят универсальный характер. Таким образом, существует вероятность нахождения эквивалента в других языках, разница же может проявляться в образно-предметной сфере [Левин, 1984].

Рассмотрим следующие примеры:

Без труда не вытянешь и рыбку из пруда.

A cat in gloves catches no mice - кот не ловит мышей в перчатках.

No hay atajo sin trabajo - без труда нет и отдыха.

il faut casser le noyau pour avoir l'amande – если не расколешь скорлупу, не съешь ореха.

Некоторые пословицы, содержащие страноведческие реалии, являются маркерами, которые свойственны определенной местности, а лексика, отражает бытовые реалии с компонентом «традиционная кухня». Например, в русском языке:

Не красна изба углами, а красна пирогами

He ta хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит

Es tan sano el trabajo como es la sopa de ajo(исп.) – труд приносит столько пользы, сколько чесночный суп. Русским эквивалентом этой пословицы является «Труд кормит, а лень портит».

Le repas sans fromage c'est une rose sans parfum (фр.) - завтрак без сыра, как роза без аромата.

Своеобразие народной культуры выражается в пословицах с компонентом «одежда, обувь»

Жениться – не лапоть надеть.

Богат стал: вместо лаковых сапог надел липовые.

***The cobbler's wife is the worst shod* (англ.) – «У жены сапожника - самая плохая обувь».** Существуют аналоги этой пословицы в других языках, например, в русском: «Сапожник без сапог».

El zapato que va bien a una persona es estrecho para otra: no hay receta de la vida que vaya bien para todos (исп.) – «Сапожок, который подойдет одному, будет мал другому»: нет единственно верного сценария жизни, который бы подошел всем.

Далее рассмотрим такие пословицы и поговорки, в основе которых лежат исторические события. Исторический опыт отражен в русской пословице: *Незванный гость хуже татарина*. Из истории Древней Руси известно, что в XIII в. после нашествия монголо-татар на русские земли, эта пословица несет в себе негативный характер. Перевести данную пословицу можно посредством описательного перевода, поскольку наличие комментариев в этом случае обязательно.

Английская пословица: *Fight fire with the fire* – «бей противника его же оружием» обязана своим происхождением американским колонистам. Событие, которое послужило этому: чтобы обезопасить себя от пожаров, колонисты сами разжигали небольшой, управляемый встречный огонь. Однако встречный огонь колонистов редко приносил пользу, а, зачастую, ещё и обострял ситуацию, поскольку дома были построены из легковоспламеняющихся материалов.

Историческая аллюзия лежит в основе пословицы испанского языка «*El hacer bien a gente ruin tiene buen principio y mal fin*» - «В том, чтобы помогать неблагодарному народу, – доброе начало, но плохой конец». Это выражение означает, что очень трудно помогать тем, кто впоследствии не проявит благодарности в ответ, или вовсе не заслуживает помощи. Король Кастилии Педро I ехал верхом по ночной дороге близ Севильи и увидел одного путника, который пытался перевернуть свою опрокинувшуюся повозку. Король помог крестьянину выбраться из нее, однако, спустя некоторое время, Дон Педро пострадал в таком же происшествии, но крестьянин ему не помог. По приезде во дворец, Дон Педро приказал, чтобы путника привели к нему на аудиенцию. Закончив свой рассказ, он задал крестьянину вопрос: «Что Вы можете сказать о двух людях, которые ночью проезжали по севильской дороге?» - «Сеньор, -

ответил простолюдин, - я думаю, что Ваше величество повели себя, как подобает королю, а я - как подобает деревенщине. После этого остроумного высказывания монарх сменил гнев на милость, и путник отправился восвояси [Diccionario de refranes, dichos y proverbios, 1998].

Сравнительный анализ русских, английских, испанских и французских пословиц и поговорок позволил определить следующие культурно-значимые компоненты, требующие пристального внимания при переводе с одного языка на другой: реалии-топонимы, прецедентный феномен, исторические события. Было выявлено, что хотя в опыте разных лингвокультурных общностей много общего, с другой стороны, в них ярко проявляется самобытность каждого народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Diccionario de refranes, dichos y proverbios // Luis Sunceda. Espasa Calpe, S.A., Madrid, 1998. — 750 p.
2. Noel Francois Joseph Michel, Dictionnaire de la fable; ou, Mythologie grecque, latine, etc., Paris: Le Normant, 1810. – 560 p.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации М.: Гнозис, 2003. – с.288
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 264 с.
5. Карташева Е. И Прецедентные феномены в зарубежной мультипликации. Самара: Изд-во Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2008. – 122с.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.,Гнозис, 2002. – 283 с.
7. Левин Ю. И. Провербиальное пространство // Паремнологические исследования. Сборник статей. М.: Наука, 1984. - С. 108 – 126

Marfua Khamidova,

Uzbekistan State Institute of Art and Culture, Doctor of Arts, professor

Old Italian singing tradition in written sources

XVI - XVIII centuries

(the question of methodology solo singing)

Abstract: In this article we are talking about the Old Italian singing tradition as reflected in the works of the great Italian composers, singers, vocal teachers XVI - XVIII centuries. and initiated the establishment of opera and performing style (including bel canto), associated with the activities of the most prominent representatives of the Florence, Venice, Rome, Naples and Bologna schools.

Keywords: singing tradition, vocal art, vocal pedagogy, academic singing, opera and performing art, methodology solo singing, aria, arioso style recitative style, Florentine reform, the Roman School, Neapolitan School, Venetian school, the Bolognese school.

Марфуа Хамидова,

Государственный институт искусств и культуры Узбекистана,

доктор искусствоведения, профессор

Староитальянская певческая традиция в

письменных источниках XVI - XVIII вв.

(к вопросу о методологии сольного пения)

Аннотация: в данной статье речь идет о староитальянской певческой традиции, нашедшей отражение в трудах великих итальянских композиторов, певцов, вокальных педагогов XVI - XVIII вв. и положившей начало становлению оперно-исполнительского стиля (включая bel canto), связанного с деятельностью наиболее ярких представителей Флорентийской, Венецианской, Римской, Неаполитанской и Болонской школ.

Ключевые слова: певческая традиция, вокальное искусство, вокальная педагогика, академическое пение, оперно-исполнительское творчество, методология сольного пения, ария, ариозный стиль, речитативный стиль, Флорентийская реформа, Римская школа, Неаполитанская школа, Венецианская школа, Болонская школа.

В XVI - XVIII вв. в музыкально развитых странах Европы очевидно возрастание интереса к профессиональной академической школе пения,

которая, освободившись из-под опеки церкви и монастырей, а также преодолев рамки элитарного светского музицирования, выходит на демократическую арену. Этому процессу предшествовали специальные труды, в которых получили научное обоснование общеметодологические принципы вокального искусства. Наиболее значительные из них: «Учение о гармонии» («Istituzione harmoniche») Джозеффо Царлино, «Уроки музыки» («Pattica di musica») Людовико Цаккони, «Новая музыка» («Nuove musiche») Джулио Каччини, «Об истинном искусстве пения» («Arie de vote») Оттавио Дуранте, а также «Общее учение о музыке» («Syntagma musicum») Михаила Преториуса.

Представитель Венецианской школы Джозеффо Царлино (1517-1590) в своем трактате «Учение о гармонии» обращает внимание на психологический фактор в пении, на круг вопросов, связанных с акустикой и артикуляцией, с физическими и эстетическими особенностями голоса. Он пишет, что «производителями звука, созданными природой, являются горло, язык, небо и легкие. Приведенные в действие волею, они рожают звук, из звука рождается речь или пение. ...Гармоническая связь между телесной и духовной природой, связь рационального и иррационального есть то, что составляет «человеческую» музыку. ...Поэтому необходимо различать те звуки, которые нужны именно для пения» [10, с.15].

Людовико Цаккони (1555-1627) – регент хора в Венецианском монастыре, член Венской и Мюнхенской придворных капелл, в своем выдающемся сочинении «Уроки музыки» делит голос на грудной и головной. Певец, по его мнению, должен быть молодым, красивым, обладать гордой осанкой, гармоничной фигурой и хорошими манерами. Слова необходимо произносить ясно, петь легко и свободно. Мелизмы (accento) не должны искажать смысл слов. И важно не количество, а качество украшений. «Открытый головной голос (voce di testa) льется безо всякого напряжения. ... Открытые грудные голоса (voce di petto) кажутся льющимися из груди» – замечает автор [10, с.18]. Дыхания он советовал брать столько, сколько необходимо для конкретной фразы. Для подвижности гортани рекомендовал трели.

Михаил Преториус (1571-1621) – автор «Общего учения о музыке» говорит о влиянии высоты камертона на качество голоса.

В целом, к началу XVII столетия вокальная педагогика оперировала уже такими понятиями, как физические и акустические свойства голоса, психологический, эстетический и этический факторы пения, гармоническая связь телесного и духовного, звуки певческие и разговорные, грудные и головные, открытые и закрытые. Обращалось особое внимание на артикуляцию, дикцию, легкость и свободу звуковой эмиссии, на уместное использование колоратурных украшений.

Последующее развитие вокального искусства связано с деятельностью Флорентийского кружка – «камерата» (от итальянского «camera» – комната), представлявшего собой содружество композиторов, певцов и вокальных

педагогов в лице Каччини, Пери, Кавальери, а также поэтов Корси, Барди, Ринуччини. Поставив перед собой цель создания музыкального спектакля, основанного на речитативном стиле, свободном от контрапункта и колоратурных излишеств, будущее они видели в простоте, естественности и мелодичности музыкальной декламации [9, с.23].

В операх «Дафна» (1594) и «Эвридика» (1600) композитора Я.Пери и поэта О. Ринуччини, построенных на музыкальной речи, важнее всего было передать смысл слов и раскрыть чувства героя. В «Эвридике» сольные вокальные партии чередуются с многоголосными хорами мадригального плана, в сопровождении деревянных духовых и струнно-щипковых (лютни и теорбы) инструментов мягкого звучания, располагавшихся за сценой.

Джулио Каччини (1545-1618) – ученик знаменитого певца и лютниста Сципиона дела Пала, прославился не только как композитор и представитель ариозного стиля, но и автор сборника мадригалов «Новая музыка» (1601), где выразил свой взгляд на некоторые вопросы теории и практики пения. Убежденный в том, что слушатель «должен проникаться не только звуками, но и идеей, заложенной в тексте», он советовал использовать пассажи на длинных слогах и финальных каденциях [10, с.23]. Каччини отличается твердую и мягкую атаку звука с его уменьшением (эксclamация) и расширением, делит голоса на натуральные (грудные) и искусственные (*voce finta*) – высокие, которые требуют большой затраты дыхания, предлагает пути достижения безукоризненной интонации, дикции, ровности голосоведения, задаваясь целью «преподать науку, необходимую для изучения профессионального сольного пения» [2, с. 74].

Оттавио Дуранте (1684-1755) в книге «Об истинном искусстве пения», изданной в 1708 году, отмечает важность понимания и передачи певцом смыслового значения текста, необходимость точного интонирования и четкой дикции. Он считает, что фиоритуры не должны мешать восприятию слов, что движения артиста должны быть изящными, грациозными и соответствовать стилистике исполняемого, дыхания брать столько, сколько есть в этом потребность.

Как следует из вышеизложенного, методическая литература пополнилась такими понятиями, как твердая, мягкая атака, натуральные, искусственные голоса, ровность проведения звука, соответствие стилистике произведения. Вместе с тем, не ослабел интерес и к фигуративной технике, включая пассажи, форшлагы, динамические краски, применяемые на определенных участках мелодической линии. Можно также говорить о содержании пения благодаря вниманию к поэтическому и музыкальному материалу.

С римским опытом – с творчеством Доменико Мадздоки (1593-1646), Стефано Лонди (1590-1655), Лоретто Виттори (1604-1670) – связано возникновение речитатива *secco*, требующего четкой вокально-речевой организации с необходимыми смысловыми ударениями, драматическими

акцентами и пунктуацией, а также верным построением музыкальных фраз. Отмечается усложнение мелодического рисунка арий, усиление значения хора, использование вокальных ансамблей.

Венецианская школа Клаудио Монтеверди (1567-1643), Франческо Кавалли (1602-1676), Антонио Чести (1623-1669) развивала стиль *bel canto* – красивого пения на *legato*, в сочетании со сложнейшими вокально-техническими приемами.

Клаудио Монтеверди стремится к совершенству звукообраза, прозрачному, свободно льющемуся голосу, передающему эмоциональное состояние героев. Автор ряда опер («Орфей», «Коронация Поппеи»), он меняет и расширяет состав оркестра, индивидуализирует характеристики персонажей, использует разновидности вокальных форм – ариозо, двухчастные и трехчастные арии, арии «*lamento*» – жалобы. Тонкий знаток вокального искусства композитор опирается уже не на речитатив, а на драматическую мелодию, основанную на кантилене, широких интервалах, колоратурных украшениях и существенно обновившую технологию певческого мастерства.

С открытием в 1637 году в Венеции усилиями Монтеверди первого публичного оперного театра «Сан Касьяно», итальянская опера, уже не вмещающаяся в рамки частных театров, выходит на широкую публику. Соответственно этому расширяется круг её тем, мотивов, образов и средств музыкально-вокального выражения. Франческо Кавалли в опере «Свадьба Фетиды и Пелея» соединяет приемы ариозного и речитативного стиля. Антонио Чести обращает внимание на ровность, связанность голосоведения.

С конца XVII века ведущая роль в развитии оперно-исполнительского творчества принадлежит Неаполитанской школе, яркими представителями которой являются композиторы Франческо Провенцале (1627-1704) и Алессандро Скарлатти (1660-1725).

Алессандро Скарлатти – автор более 100 опер («Кир», «Телемак», «Гризельда» и др.), создатель классических образцов жанра «*opera-seria*», содержание которых подчинено жестким рамкам классицистской драмы, усиливает действенность музыкальной драматургии, окончательно формирует трехчастную арию *da capo*, трехчастную («итальянскую») оперную увертюру в темпах «*Allegro, Andante* или *Adagio, Allegro*». Кроме того, обогащает сольные партии оперных героев сложным мелодическим орнаментом и интервальными скачками.

«Опере-серия» на мифологические и исторические темы противостояла «опера-буффа» («*opera-buffa*»), возникшая в начале XVIII века на основе реалистической комедии и народно-бытового мелоса. Лучшие произведения этого жанра «Служанка-госпожа» Джованни Баттиста Перголези (1710-1736), «Севильский цирюльник» Джованни Паизиелло (1740-1816), «Тайный брак» Доменико Чимароза (1749-1801) способствовали не только реалистической

направленности оперного репертуара, но и его широкому распространению среди демократических масс.

Певческая школа под влиянием «opera - seria» и «opera - buffa», для которых присущи развернутость и разнохарактерность арий (lamento, буффонные), а также речитативов (secco, accompagnato), дала блестящие образцы вокально-технического мастерства, выдающихся певцов, соединивших большой диапазон голоса, крепкое певческое дыхание, широкую кантилену, беглость, подвижность, выразительность.

Bel canto достигает наивысшего расцвета к середине XVIII века в Неаполе, благодаря усилиям композиторов и педагогов Николо Порпора (1686-1766), Леонардо Лео (1694-1774), Леонардо Винчи (1696-1730), которые стремились показать не только красоту, мощь голоса и дыхания певца, но и весь диапазон его необъятных исполнительских возможностей, не уступающих инструментам симфонического оркестра. Здесь преобладает колоратурный стиль со сложнейшими пассажами, вариациями и импровизациями, демонстрирующий независимость и мастерство певца. Импровизация становится обязательной (третьей) частью трехчастной арии da capo. Соответственно этому меняются характер и форма вокальных партий, оперного репертуара в целом.

В 1700 году заявляет о себе Великая Болонская школа, связанная с именами выдающихся педагогов и певцов-виртуозов Франческо Антонио Пистокки (1659-1726), Пьетро Франческо Този (1647-1727), Антонио Бернакки (1690-1756). Выбирая изначально учеников с хорошими вокальными данными, свободными от недостатков, итальянские педагоги XVII-XVIII вв. не занимались постановкой голоса, а лишь усовершенствовали его [9, с. 33], вырабатывая технику беглости, трели, плавного, постепенного выдоха, ясного и быстрого произношения согласных. Пассажи, гаммы, хроматические ходы, свободная гортань были обязательными условиями вокального воспитания.

Важным руководством по изучению эпохи колоратурного стиля является трактат Пьетро Франческо Този (1647-1727) «Взгляды древних и современных певцов или размышления о колоратурном пении» («Opinioni de cantori antiche e moderni o sieno osservazioni il canto figurato»), где автор останавливается на вопросах чистоты и прозрачности интонирования, говорит недопустимости носовых и горловых призвуков, дрожания и шатания голоса [9, с. 35]. Выдающийся певец и педагог отличает два вида пассажей: 1) отрывистые, которые достигаются легким, равномерным движением по нотам; 2) связанные, когда все ноты после первой следуют в последовательных ступенях, изображая скольжение («scivolo»). Он советует высокие ноты брать осторожно, без крика, не подражать другим, поскольку подражание – есть «свойство ученика», а не мастера, который призван «создавать» [2, с. 107]. Как считает автор, без хорошей дикции не остается разницы между голосом певца и звуком кларнета или гобоя [2, с. 6-7].

Джиабаттиста Манчини (1716-1800) в своем трактате «Практические мысли и размышления о виртуозном пении» («Pensieri e riflessioni pratiche sopra il canto figurato») настаивает на индивидуальном подходе к каждому ученику. Певческий голос делит на два регистра: грудной и головной (или фальцет), для соединения которых нужно крайнюю ноту одного регистра брать и грудным и головным звучанием [9, с. 35], дает ценные рекомендации по технике трели, морденто («mordento»), филировки, «portamento» [2, с.118].

Беглость, как полагает автор, «особый дар природы. И если певец им не обладает, то приобрести его невозможно» [10, с. 53].

Манчини отмечает важность систематических и упорных занятий, обязательность соблюдения правил поэтапного, постепенного овладения вокально-исполнительскими навыками, подчеркивает необходимость знания литературного языка, проникновения в суть изображаемого характера, владения сценическим мастерством.

Весь этот опыт, включая такие понятия, как ариозный и речитативный стиль, кантилена, легато и филигранная техника беглости, ровность регистров, легкое дыхание и прозрачность звука, четкая артикуляция и интонационная чистота, нашел обобщенное выражение в староитальянской певческой традиции XVI – XVIII вв., которая определила основные критерии академического пения, названные классическими.

Академическое пение, достигшее благодаря Флорентийской реформе, Римской, Венецианской, Неаполитанской, Болонской школам высокого профессионального уровня, оказало существенное влияние не только на развитие итальянской оперы, но и формирование оперно-исполнительского искусства во многих странах Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд Ю. Теория постановки голоса по методике старой итальянской школы. - СПб, 1898.
2. Багадуров В.А. Очерки по истории вокальной методологии, ч.1.- М.:Музгиз, 1929.
3. Вайнштейн Л. Камилло Эверарди и его взгляды на вокальное искусство. - Киев, 1924.
4. Джиральдони Л. Аналитический метод воспитания голоса. – М.: Юргенсон, 1904.
5. Дейша - Сионицкая М. Пение в ощущениях. – М.: Музгиз, 1926.
6. Кузнецов К.А. Музыкально-исторические портреты. – М.: Музгиз, 1937.
7. Ламперти Ф. Искусство пения. – М. – Петроград, Музгиз, 1923.
8. Ливанова Т. История западно-европейской музыки до 1789 года, т.1.- М.: Музыка, 1983.
9. Львов М.Л. Из истории вокального искусства. – М.: Музыка, 1964.
10. Мазурин К.М. Методология пения, ч.1. – М., 1902.

Skljarenko Natalia,
*Lutsk national technical university,
associate professor, Candidate in Art Sciences, History and Theory of Arts,
faculty of building and design*

Self-organization phenomenon in biological design-systems of outdoor advertizing

Abstract: The publication summarizes the self-organization phenomenon in design of biological design-systems (with use of live bacteria, flies, ants, bees) in outdoor advertizing are generalized. Conclusions concerning prospects by use a synergetic mechanisms of development objects of wildlife in design in the ecological context approach are drawn.

Keywords: self-organization, synergetics, biological design-system, outdoor advertizing.

Скляренко Наталія,
*Луцький національний технічний університет, доцент,
кандидат мистецтвознавства, факультет будівництва і дизайну*

Феномен самоорганізації в біологічних дизайн-системах зовнішньої реклами

Анотація: У публікації узагальнені дані про використання феномена самоорганізації у проектуванні біологічних дизайн-систем (із застосуванням живих бактерій, мух, мурах, бджіл) у зовнішній рекламі. Зроблені висновки стосовно перспектив використання синергетичних механізмів розвитку об'єктів живої природи в дизайні у контексті екологічного підходу.

Ключові слова: самоорганізація, синергетика, біологічна дизайн-система, зовнішня реклама.

Сучасні тенденції екологізації життєдіяльності людини призвели до використання екологічного підходу у дизайні. У межах дії підходу відбувається переосмислення ставлення людини до природного середовища, переорієнтація мислення та системи цінностей. Розв'язання питань екології культури, екологізації споживання та збереження довкілля у дизайні супроводжуються зниженням негативного впливу на довкілля, економією ресурсів, а також залученням організмів живої природи у дизайн-розробки.

Реклама як матеріальне втілення культурно-естетичних поглядів сучасного суспільства виступає ефективним джерелом інформації та засобом комунікації, що базуються на інноваційних технологіях. Використання живих природних

організмів, зокрема біологічних об'єктів як середовищного компоненту у дизайні інноваційної зовнішньої реклами, може стати одним із напрямків подолання дисгармонії між природним і матеріальним світом, способом підвищення її ефективності, формування екологічної культури.

Дослідження доби постмодернізму засвідчили наявність різних підходів до осмислення проблем екології і варіантів подальшого розвитку природи та суспільства. Кардинальна зміна наукового пізнання, тісна взаємодія практичної і науково-дослідної діяльності людини, розвиток міждисциплінарних досліджень активізували вивчення природних процесів і явищ на базі принципів самоорганізації систем. Перспективним напрямком наукових пошуків у цьому руслі стала синергетика [3; 10; 11].

Поодинокі приклади реалізації екологічного підходу із застосуванням принципів самоорганізації у створенні біологічних дизайн-систем обґрунтували актуальність дослідження.

Аналіз інформаційних джерел дозволив виокремити два напрями досліджень, пов'язаних із піднятими проблемами: 1) екологічний підхід в дизайні та архітектурі; 2) феномен самоорганізації в контексті ідей синергетики у різних галузях науки.

Теоретичні дослідження в галузі екодизайну охоплюють аспекти формування екологічної проблематики з точки зору культурології (М. Панкіна [8], С. Захарова, Т. Бистрова, І. Шитікова). Екоморфна проблематика та її комплексне бачення в контексті архітектури розкрито у дисертаційному дослідженні В. Пака [7]. Аналіз екологічних прийомів формотворення об'єктів промислового дизайну та впровадження їх у середовище здійснено у працях О. Орлової [6], В. Курочкина [5]. Якщо екологічний підхід у дизайні є об'єктом постійних досліджень науковців, то питання синергетики у дизайні залишається сьогодні не висвітленим. Синергетика (греч. *synergeia* – співпраця, співдружність) як новий підхід до вивчення складних систем ґрунтується на процесах самоорганізації в природі та суспільстві [10, с.251] (Г. Хакен [9], Р. Фуллер [12], Г.Дульнев [3]).

У контексті синергетики знайшли свою інтерпретацію і рішення задач у галузі фізики, хімії, біології, економіки [11], соціології та ін. На основі положень синергетики формуються сьогодні і гуманітарні дослідження. Межі досліджень цієї науки сьогодні чітко не визначені, її механізми поширюються на усі сфери життєдіяльності людини, набуваючи характеру міждисциплінарності.

Аналіз джерел, що містять інформацію про феномен самоорганізації в системах різної природи (фізичної, хімічної, біологічної, соціальної), забезпечує виділення основних характеристик таких систем та можливостей перебігу в них процесів самоорганізації. На основі критичного огляду зразків дизайн-систем з біологічними елементами (рекламного характеру) виявлено використання процесів самоорганізації у їх проектуванні. Дослідження універсальних характеристик та моделей переходу від хаосу до впорядкованої системи може

забезпечити нове бачення підходів до дизайн-проектування в цілому. Проте питання аналізу феномену самоорганізації у створенні інноваційних рекламних дизайн-систем дослідниками не піднімалося. На сьогодні відсутнє теоретичне опрацювання піднятої теми в контексті застосування синергетичного підходу в дизайні в умовах екологізації дизайну і трансформації художньо-проектної культури.

Метою роботи є виявлення основних аспектів феномену самоорганізації у проектуванні біологічних дизайн-систем зовнішньої реклами. У зв'язку з цим виділено наступні завдання: 1) проаналізувати прояви самоорганізації у біологічних дизайн-системах; 2) окреслити напрямки використання синергетичних механізмів розвитку біологічних дизайн-систем на практиці.

Проблема інтенсивного пошуку інноваційних носіїв зовнішньої реклами постійно стоїть перед дизайнерами не лише з точки зору залучення та утримання уваги споживачів, а й з позицій екологізації культури споживання природних ресурсів. Живі природні форми, що взаємодіють одна з одною, утворюючи комплексні системи, виступають невичерпним джерелом творчості людини. Їх складні процеси взаємодії часто базуються на законах самоорганізації. Самоорганізація (за Г. Хакеном) – це процес впорядкування (просторового, тимчасового або просторово-часового) у відкритій системі, за рахунок узгодженої взаємодії безлічі елементів її складових [9].

Дизайнери з метою підвищення ефективності реклами і якості сприйняття стали залучати до проектування біологічні об'єкти, що забезпечило появу біологічних дизайн-систем в урбаністичному середовищі постмодернізму. Типологічно вони включають живі елементи – множини бактерій та комах (мух, мурах, бджіл). Самоорганізація, що є основною ознакою життєдіяльності біологічних організмів, стає основною характеристикою дизайн-системи. Поява нових нелінійних зв'язків передбачає у біологічних дизайн-системах багатозмістовність інформаційного повідомлення, що підказує механізм самореалізації Природи. Відбір біологічних об'єктів будується на асоціативному сприйнятті їх поведінкових механізмів та здатності до саморозвитку, що співставляється зі змістом інформаційного повідомлення. Таким чином, біологічні дизайн-системи інтегрують природну, соціокультурну та естетичну сутності.

Важливу роль у проектуванні біологічної дизайн-системи відіграє прогнозування дії, що забезпечує досягнення мети існування дизайн-системи. У даному випадку виникає проблема планування напрямів самоорганізації системи і обмежень її можливостей. Здатність людини визначати і корегувати межі існування біологічної дизайн-системи і характер її дії відіграє важливу роль у проекті, оскільки некерована бактеріальна чи тваринна система може стати загрозою для оточення. У цьому контексті виникає поняття відкритих і закритих біологічних дизайн-систем.

Відкрита система характеризується життєдіяльністю у природному середовищі, має розмиті межі існування та різноманітні зв'язки, а отже,

окреслює поліконтекстність. Відкриті системи – це незворотні системи, в них важливим є фактор часу, на якому ґрунтується еволюція. Однією з таких відкритих біологічних систем є множина мух, які були обрані дизайнерами в якості інформаційного носія для рекламної кампанії Франкфуртського книжкового ярмарку [13].

Мухи – це нав'язливість, набридливість, непередбачливість, швидкість перенесення інформації (для цього на них начепили рекламні плакати), на чому й акцентували увагу розробники (рис. 1). Самоорганізована дизайн-система з мухами виступає інформаційно ємкісною системою, що є необхідним для підтримання життєздатності як окремої комахи, так і рекламної кампанії в цілому. Багатоваріантність прочитання інформаційного повідомлення, альтернативність поведінки спостерігачів з одного боку, супроводжувалася, з другого боку, хаосом у поведінці мух. Хаотичний політ мух як динамічний прояв біологічної самоорганізації став свідченням емерджентного ефекту нелінійної взаємодії значного числа підсистем та чинників. Властива цьому режиму непередбачуваність принципово потрібна для підтримання життєздатності системи в цілому.

Розвиток дизайн-системи з мухами характеризується необмеженим ступенем свободи і посиленням дезорганізації в процесі взаємодії з людьми, що призводить до руйнування окремих елементів, а згодом і системи в цілому (безліч «реklamних носіїв» була знищена). У даному прикладі потрібно відзначити основну рису відкритої біологічної дизайн-системи – функцію самозахисту, що визначає подальшу можливість довгострокового підтримання життєдіяльності та розвитку.

Рис. 1. Мухи як хаотична відкрита система
(Франкфуртський книжковий ярмарок, 2009 р.) [13]

Але більшість біологічних дизайн-систем, які проектують дизайнери, є закритими (наприклад, з живими бактеріями, мурахами). Це самоорганізовані системи з обмеженими можливостями та обмеженим ступенем свободи, вони можуть функціонувати лише після отримання завдань ззовні.

Функція розвитку яскраво проявляється у дизайн-системі з використанням живих бактерій. Розвиток живих бактерій – це морфогенез у природі. Для реклами фільму Стівена Содерберга «Зараження» дизайнери разом з мікробіологами та імунологами зі всього світу створили перший у світі білборд з

живими бактеріями (рис. 2). Він представлений двома чашками Петрі з поживним середовищем, нанесеним у вигляді букв «Contagion» («Зараження»). У поживне середовище букв білбордів були висіяні штами бактерій (*Serratia marcescens* D1) і грибів [1].

Ця унікальна інсталяція у зовнішній рекламі лежить на стику науки і дизайну та засвідчує можливість використання у дизайні біологічної еволюції як процесу самоорганізації в складній системі.

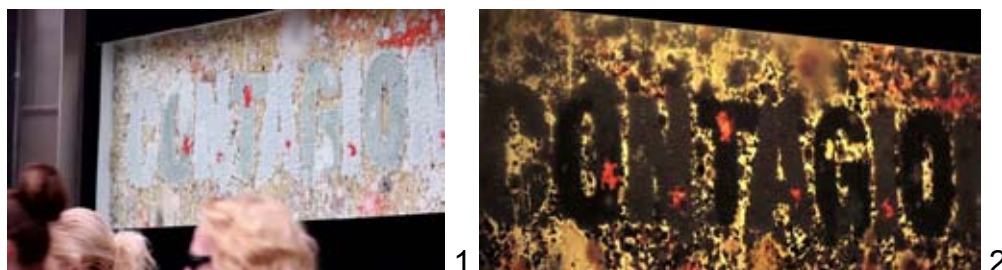

Рис. 2. Живі бактерії як самоорганізована система у зовнішній рекламі (Торонто, 2011 р.) [1]

У відкритих та закритих системах відчутна роль людини в процесах самоорганізації. Проектування біологічних дизайн-систем базується на моделі формування складної поведінки організмів системи, що потребує створення на основі наукових досліджень відповідного середовища існування системи. Функція підтримки життєдіяльності самоорганізованої дизайн-системи реалізується за рахунок введення людиною поживних (енергетичних) речовин та/або створення природних умов середовища існування.

Так, прихильність мурах до солодкого була використана індійськими дизайнерами у зовнішній рекламі цукрозамінника Sugar Free. Феномен самоорганізації живих мурах став основним візуальним елементом для створення динамічної реклами. Зображення різних предметів, «намальованих» солодким сиропом, швидко формувалися мурахами.

Рис. 3. Мурахи як самоорганізована система (Індія, 2007 р.) [4]

Функція підтримки, здійснювана на основі розуміння особливостей біологічної еволюції і процесів самоорганізації живих істот, зокрема бджіл, використана у проектуванні соціальної реклами. Перший у світі рекламний білборд, зроблений за допомогою живих бджіл, став прикладом відкритої самоорганізованої дизайн-системи. Фахівці винного заводу за допомогою трафарету обприскали поверхню феромонами маткового молочка. Запах притягнув до щита величезний рій бджіл (імовірно, близько 100 000 комах) [2]. Взаємодія комах з найближчим оточенням, обмін гормонами, і прийняття узгоджених рішень засвідчили появу ефекту емерджентності у цій біосистемі [11, с. 134-137]. Проблема постійного скорочення популяції бджіл у світі відобразилася у слові SOS (з англ. Save Our Swarm – «Врятуйте наш рій»), утвореному бджолами (рис. 4).

Рис. 4. Живі бджоли як самоорганізована система
(Великобратанія, графство Девон, 2010 р.) [2]

Потрібно наголосити на необхідності постійного підтримання функціональності біологічної дизайн-системи у напрямку до бажаного результату та обмеженість тривалої дії системи. Проте цінним є можливість використання синергетичних механізмів розвитку біологічних дизайн-систем на практиці, що забезпечить формування нових методів проектування із врахуванням екологічних вимог. Використання механізмів синергетики у проектуванні дизайн-систем забезпечує утворення цілісних синтезованих концепцій. Вони окреслюють тенденції до використання ресурсів природи без їх знищення та появи інноваційних методів розв'язання завдань захисту природного середовища, підняття соціально важливих тем засобами, які пропонує Природа.

Перспективним напрямком можуть стати процеси інтеграції науки і дизайну, що базуються на міждисциплінарному підході. Це зумовить появу інтегральних біодизайн-систем як результату пошуків на стику фізико-хімічних, хіміко-біологічних, соціально-природничих, техніко-економічних та інших наук. Такі дизайн-системи виступають потужним інформаційним ресурсом, що забезпечує розкриття сутності інформації, закладеної природою на генетичному

рівні підсистем. Синергетика окреслює можливості людини у пізнанні відкритих нелінійних систем і відпрацюванні в цьому контексті нової стратегії поведінки, що відповідає реаліям XXI ст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Билборды-мутанты оживают на улицах Торонто! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://есоехрedition.livejournal.com/12967.html>
2. Британские виноделы установили билборд из ста тысяч живых пчел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://korrespondent.net/business/mmedia_and_adv/1112291-britanskie-vinodely-ustanovili-bilbord-iz-sta-tysyach-zhivyh-pchel (20.10.2014).
3. Дульнев Г.Н. Введение в синергетику / Г.Н. Дульнев. – СПб.: Проспект, 1998. – 258 с.
4. Живопись муравьями в наружной рекламе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/zhivopis-muravyami-v-naruzhnoj-reklame-17099/> (20.10.2014).
5. Курочкин В.А. Экологические приемы формообразования в дизайне // Архитектон: известия вузов. – 2013. – № 41 / Март. – С. 206-214.
6. Орлова О. О. Екологічний фактор формоутворення в дизайні / О. О. Орлова. – Автореф. дис. ... канд. мист. за спеціальністю 05.01.03 – Технічна естетика. – ХДАДМ. – Харків, 2003.
7. Пак В.А. Экоморфный синкретизм архитектуры в культуре современного города / Виталий Алексеевич Пак. – Автореф. дис. ... докт. культуролог. за специальностью 24.00.01 – Теория культуры. – Великий Новгород, 2000.
8. Панкина М.В. Экологическая парадигма дизайна // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. – 2012. – № 2. – С. 90-92.
9. Самоорганизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (28.10.2014).
10. Синергетика // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2005. — С. 251.
11. Хиценко В.Е. Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения / В.Е.Хиценко. – М.: Урсс, 2005.
12. Synergetics / Explorations in the Geometry of Thinking by R. Buckminster Fuller in collaboration with E. J. Applewhite. – 708 Gravenstein Highway, North #188 Sebastopol, 1997. – 1838 s.
13. Sunshine [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sunshine.by/razvlecheniya/muxi-v-reklame-20091029/

Shkurko Natalja Sergeevna,
North-Eastern Federal University named after M.K.Ammosov, Russia,
associate Professor of cultural studies,
Mihailova Anna Victorovna,
North-Eastern Federal University named after M.K.Ammosov, Russia,
associate Professor of sociology and management

Using a socio-cultural approach to the formation of the investment image of Yakutia

Abstract: This article is devoted to image formation of investment attractiveness of Yakutia. The authors suggest that socio-cultural approach to the territory of Yakutia as a specific product and release criteria for the formation of the investment image.

Key words: image of the territory, investment attraction, strategic advantage, companies in Yakutia.

Шкурко Наталья Сергеевна,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, РФ,
доцент кафедры культурологии
Михайлова Анна Викторовна,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, РФ,
доцент кафедры социологии и управления

Использование социокультурного подхода при формировании инвестиционного имиджа Якутии

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам формированию имиджа инвестиционной привлекательности Якутии. Авторы предлагают социокультурный подход к территории Якутии как специфическому товару и выделяют критерии формирования инвестиционного имиджа.

Ключевые слова: имидж территории, инвестиционная привлекательность, стратегические преимущества, предприятия Якутии

Постановка научной проблемы. Формирование инвестиционного имиджа региона на современном этапе выступает как одна из самых значимых

социально-экономических проблем, перешедших из сферы PR-технологий и государственной политики в область социальных отношений. От наличия у региона профессионально сформированного аттрактивного имиджа зависит не только его успешность в конкуренции за выделяемые федеральным центром ресурсы, но также целостность и неконфликтность регионального пространства, уровень социальной коммуникации, протекающей в регионе и за его пределами. Имидж региона выполняет функцию согласования региональной Я-концепции (самосознания жителей региона) с «Лицом» (обликом, которым наделяют регион внешние коммуниканты). Неудачно сконструированный инвестиционный имидж региона способен стать основой мощных социокультурных рисков, разрушения регионального сообщества и, в конечном итоге, утрате регионом экономической и социокультурной привлекательности, размывания территориальной и социальной идентичности вообще [1].

Цель и задачи данной статьи. Цель – выявить условия формирования имиджа Якутии как политического и экономического ресурса инвестиционной привлекательности территории. Задачи: 1) уточнить дефиницию «инвестиционный имидж территории»; 2) обосновать целесообразность использования социокультурного подхода в формировании имиджа инвестиционной привлекательности Республики Саха (Якутия); 3. рассмотреть факторы имиджа территории.

Изложение основного материала. Проблемы имиджа, бренда и репутации территории наиболее основательно изучены в трудах Д.П. Гавра, А.Е. Кирюнина, А.П. Панкрухина [2,3]. Сходный по генезису феномен – образ территории – является объектом исследования культурологов (Н.Ю.Замятина, А.Е.Кирюнин). Конкурентоспособность регионов анализируется в работах таких исследователей, как В. Абрамов, В. Андреев, И. Арженовский, В. Берсенов, С. Важенин, Ю. Перский, О. Романова, А. Татаркин. Проблемы имиджа Республики Саха (Якутия) разрабатываются А.Г.Новиковым, И.И.Подойницыной, И.А.Шабалиным, Л.Н.Цой. По мнению авторов, применение социокультурного подхода позволяет выявить существующие и потенциальные преимущества региона (как например, «человеческий капитал» - регион входит в десятку самых образованных регионов РФ, с 2010 года обрел федеральный статус и возможности для качественной подготовки квалифицированных специалистов Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова), перевести стратегические преимущества территории на язык, понятный инвесторам, способствовать консолидации населения региона.

Данный подход к рассмотрению территории Республики Саха (Якутия) - как к специфическому мультиполезному товару или к мегапредприятию, оказывающему территориальные услуги потребителям и инвесторам, позволяет исследовать и формировать имидж территории по аналогии с товаром и фирмой.

И.С.Важенина характеризует имидж территории как «набор идей, ощущений, эмоционально окрашенных представлений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории» [3]. И.М. Печищев определяет имидж территории как «совокупность ярких, характерных ключевых представлений, упрощенное обобщение большого числа ассоциаций, связанных с определенной территорией. Имидж территории упрощен по сравнению с объектом, но вместе с тем он подчеркивает его специфичность и уникальность». И.Князева, Н.Беруашвили обосновывают имидж как некий мультикультурный символ, инструмент достижения стратегических целей.

В условиях рыночной экономики инвестиционный имидж территории повышает ее привлекательность для потенциальных инвесторов. Ю.И. Фирсов определяет инвестиционный имидж территории как «сформировавшийся социальный, экономический, организационный, правовой, политический, социокультурный образ территории в рамках исторических, природно-климатических, политических, социально-экономических ее особенностей, которые определяют инвестиционную привлекательность и целесообразность инвестирования в хозяйственную систему» [4].

Объективные характеристики Якутии – ее экономико-географическое положение («Якутия - ворота в Арктику», «Якутия – окно в Азию», «Якутия «главный участник торгово-экономической интеграции восточных территорий России в динамично развивающуюся экономику Азиатско-Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии»), наличие уникальных природных ресурсов (в РС(Я) выявлено более 1500 месторождений, включая 150 кимберлитовых трубок, 600 золотоносных, 44 оловянных и столько же каменноугольных, 34 нефтегазовых, 26 слюдяных и 7 железорудных. На долю республики приходится 47% разведанных запасов угля, 35% запасов природного газа, нефти Восточной Сибири и Дальнего Востока, 22% всех гидроресурсов России. Якутия обеспечивает 100% добычи в РФ сурьмы, 98% - алмазов, 40% олова, 15% золота и 24% производства бриллиантов), структура промышленности, сельского хозяйства, туризма, оборудование, промышленная инфраструктура, емкость рынка и др. – являются важнейшими показателями инвестиционной привлекательности территории.

Кроме того, специфика региональных процессов во многом определяется позицией лидера региона, его инициативностью, самостоятельностью, амбициями. На примере российского опыта последних полутора десятилетий население регионов убедилось, что одним из стимулов развития областей, краев, республик выступает как мощнейшая национальная особенность инициатива «сверху».

Региональные власти позиционируют Якутию как территорию самобытной культуры, духовности. Так, признание ЮНЕСКО в 2005 году якутского

героического эпоса Олонхо шедевром всемирного устного и нематериального наследия человечества, обеспечило солидное финансирование, в том числе 2 миллиона долларов со стороны ЮНЕСКО. «Поддержанная при обсуждении членами жюри из Грузии и Франции, несмотря на самую высокую стоимость, программа на 10 лет, обеспечит сохранность шедевра, финансирование масштабных мероприятий по пропаганде эпоса среди населения, поддержке культуры народа саха, его самобытных традиций». [5].

Рыночная стоимость бизнеса, - по утверждению экспертов, - только на 30% зависит от эффективной работы компании. Другие 70% рыночной стоимости предприятия определяется рейтингом территории. [6]. Следовательно, чем более привлекательным будет имидж Республики Саха (Якутия) на российском и международном рынках, тем выше поднимется спрос на акции и стоимость ее предприятий.

Отсутствие привлекательного инвестиционного имиджа региона неизбежно приводит социальных агентов к реализации собственных жизненных стратегий за пределами региона. Так, головной офис и руководство ювелирного дома «Sakha diamonds» в 2014 году переезжают из Якутска в Москву. В итоге в бюджет РС(Я) в новом году не поступят налоговые выплаты данного преуспевающего предприятия, а передислокация влиятельной на алмазном рынке фирмы станет для потенциальных инвесторов сигналом о наступлении неблагоприятных перемен в развитии этого вида бизнеса в республике.

Имидж региональной власти также выступает условием инвестиционной привлекательности территории, поэтому на рост собственного имиджа республиканскими властями затрачиваются значительные суммы. Так, в 2013 году на имидж органов госвласти Якутии из бюджета республики было выделено 842 млн, 732 тыс. рублей (сравним со 132, 581 млн.руб. в Амурской области, 90, 225 млн. руб. – в Магаданской области). И все-таки аттрактивный эффект невелик, т.к. траты предусмотрены только на внешнюю аудиторию и на работу со СМИ, а мероприятия по формированию внутреннего имиджа не профинансированы. Председатель комиссии Общественной палаты по имиджу и развитию туризма Андрея Хорошева (Андрея И) выступает против такого игнорирования данного направления: «Важно, чтобы человек знал, что вокруг него не Богом забытая территория, а земля с памятными историческими местами, которые интересны как лично ему, так и всему остальному миру» [7].

Несмотря на усилия официальных имиджмейкеров, существующий образ региона в настоящее время некреативен, формализован, подвержен информационным рискам (фильмы Е.Масюк, стихийный антимигрантский митинг в г. Якутске в сентябре 2013 года, атака «информационных волков», телерепортажи российских телеканалов о лишившемся аэропорта заполярном пос. Тикси, сорванном завозе продуктов на Крайний Север и др.).

Конструирование аттрактивного инвестиционного имиджа Республики Саха (Якутия) должно ориентироваться:

- на внешние инвестиции, действующие по законам высокой бизнес-системы (Любой регион, концерн, мегабрэнд для привлечения инвестиций обязан тратить на профессионально выполняемую рекламу миллионные суммы, чтобы не выглядеть бедным, - это закон).

- соответствие международным стандартам. Приведем, в качестве примера неконструктивных амбиций, попытку города Якутска обрести новый герб, так как шестичастный герб советской эпохи не соответствовал международным геральдическим стандартам. Но и созданный профессиональными экспертами качественный геральдический продукт, подвергся мощной негативной критике со стороны ревнителей этнокультурных традиций и был забракован.

Конечно, национальные традиции важны, но в данном случае – это лишь один из уровней коммуникации. Герб Якутска как города, претендующего на международное признание, должен быть создан по международным геральдическим стандартам – «своеобразной плате» за право быть «своими» среди мирового сообщества.

Имидж региона должен отражать ожидания целевых аудиторий - тогда он будет устойчивым и привлекательным. Организация систематических мониторингов общественного мнения в СМИ - важная технологическая компонента формирования имиджа региона, отсюда необходимость регулярного проведения срезов «психологического пространства» с целью выяснения симпатий/антипатий, ожиданий, предпочтений населения. Так, в проведенном И.И.Подойницыной исследовании имидж-моделирования Республики Саха (Якутия) (май 2012 г.), мнение жителей Якутии практически не отличается от транслируемого СМИ республики вовне. Символами республики являются: героический эпос-олонхо (так считают 37% опрошенных), алмазы и золото (34,3%), а также Полюс холода (27,7%). А вот при аналогичном исследовании имидж-моделирования Вьетнама, в «первую тройку» символов своей страны вьетнамцы включили красоты природы (в Якутии о национальном природном парке «Ленские столбы» упомянули 5 человек), национальные праздники и президента Хо Ши Мина.

Выводы: 1. В условиях конкуренции регионов РФ за выделяемые федеральным центром ресурсы важное значение имеет инвестиционный имидж территории - сформировавшийся социальный, экономический, организационный, правовой, политический, социо-культурный образ территории в рамках исторических, природно-климатических, политических, социально-экономических ее особенностей, определяющих как инвестиционную привлекательность, так и целесообразность вложения внешними инвесторами средств в хозяйственную систему данного региона.

2. По мнению экспертов, 70% рыночной стоимости предприятия определяется рейтингом территории. Приходящие в регион межнациональные

и федеральные концерны заинтересованы в более низкой оценке имеющихся в регионе ресурсов, которую добиваются с помощью понижения имиджа региона в ходе информационных войн.

3. По отношению к Республике Саха (Якутия), как и ко всем «окраинным» регионам, имидж дифференцируется на две условные категории – внешний, на который республиканские власти тратят значительные суммы, и внутренний, почти не финансируемый.

4. Для создания аттрактивного имиджа Республики Саха (Якутия) региональным властям и специалистам в области имиджа следует избегать узкорегиональных амбиций и следовать международным профессиональным стандартам для полноправного вхождения в мировое сообщество с узнаваемым и привлекательным инвестиционным имиджем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балынская Н.Р. Специфика участия СМИ в политическом процессе современной России. - Екатеринбург, 2009. – С.104.

2. Панкрухин А.П. Имидж Москвы: динамика и ресурсы развития // Имиджеология-2004. – Москва, 2004. Гавра Д.П. Современные теории и стратегии в сфере PR DOC. – СПб, 2006.

3. Важенина И.С. Имидж, репутация и бренд территории //Эко. – 2008. - № 8. - С.3-16.

4. Фирсов Ю.И. Характеристика инвестиционного развития регионов// Инновационное развитие экономики. - 2012. - № 4 (10). - С. 77-84.

5. Бриз Т. С кем мы встали вровень //Якутск вечерний. -2005.-№ 48. – С.5

6. Слуцкий П.А. Экономический имидж территориального государственного образования» [Электронный ресурс] от 22.11.2012 года. Режим доступа: rudocs.exdat.com/docs/index-93740.html

7. Имидж Якутии: если король голый ...»: материалы Межрегионального семинара-совещания «Роль и значение региона в формировании социально-экономического имиджа России»» [Электронный ресурс] от 15.05.2013 года. Режим доступа: <http://www.1sn.ru/14223.html>

Orekhova Oxana Evgenievna,
*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Assistant Professor at the Sub-Department of German Language,
the Department of International Relations*

Newspaper market in Germany in the 21st century: trends and perspectives

Since the mid-80ies of the last century there has been decline of newspaper issues on the market of printed media. Only reunification of Germany and new economy at the turn of centuries returned stability to this type of mass media for a short period of time. Then, publishing houses attributed the success of newspaper products to the effectiveness and own importance, which turned out to be a wrong judgment. But even now many publishing houses are in a difficult situation, because their profit on sales and advertising constantly decreases. It should be noted that the crisis on the newspaper markets of FRG continues due to the tendency for economy among the population: the citizens of Germany are subscribed to not more than one newspaper per family. The volumes of advertising in printed media have reduced by 50% since 2003¹. In 2011 this indicator accounted for almost 3,6 billion euro, which corresponds to the level of 1988². At the end of 2012 because of the same reason the largest and most popular daily newspapers «Frankfurter Rundschau» and «Financial Times Deutschland» declared bankruptcy. So, what is stored for the market of newspapers in FRG in the coming years and what are its prospects?

The given article is aimed at sorting out the reasons resulted in the crisis of newspaper industry of printed mass media and showing ways to exit from the developed crisis situation for publishing houses in the sphere of traditional printed publications.

A newspaper is a common name of a periodical printed issue. There are daily, Sunday, evening and morning as well as, depending on space criterion, local, regional and supra-regional or nationwide newspapers. Typological characteristics of German printing sector, according to a professor of the Department of journalism of Moscow State University, Director of the Free Russian-German institute of journalism, G. F. Voronenkova, are formed on the basis of frequency of newspaper issue, area of distribution, audience that the newspaper targets and affiliation of the

¹ Julia Emmrich. Medien-manager diskutieren mit Politikern ueber Zukunft des Journalismus [Электронный ресурс] // WAZ-Zeitung. 20.02.2013. URL:<http://www.derwesten.de/suche/?q=Julia+Emmrich+Medien-manager+> (date of reference 25.08.2013)

² Horst R?per. Zeitungsmarkt 2012: Konzentration erreicht H?chstwert. Heft 62012. URL: [www. media-perspektiven.de](http://www.media-perspektiven.de) (date of reference 23.04.2012)

publishing house with this or that information group or publishing group³. As of the first quarter of 2013, the newspaper market of FRG still had a big variety of newspapers (about seven thousand names) from regional to supra-regional⁴. Over the last five years regional newspapers (they are spread within one federative land) became more influential and gained wider spread compared with supra-regional or nationwide publications that are distributed across the entire territory of FRG, which do not get the essence of changes and with time, can disappear forever. An example of the latter is the bankruptcy of Frankfurt based newspaper «Frankfurter Rundschau» and the best economic newspaper of Germany «Financial Times Deutschland» in November, 2012. The former had a 67 year history and excellent reputation with the circulation of 117 thousand issues. The second newspaper existed for 12 years and was brilliant in terms of journalism with the circulation of 100 thousand issues⁵. According to a German mass media expert Horst Roper, now Germany will have to deal with three nationwide daily newspapers (excluding tabloid «Bild») — «Die Welt». Herewith, Horst Roper is sure that no new newspapers will come out⁶.

Sociological studies presented in the monograph of G. F. Voronenkova show that regional newspapers were popular even 30 years ago among eastern and western Germans, which were considered as «trustworthy» and published «reliable information»⁷. In 2014 the citizens of FRG still prefer regional newspapers and small local publications. German readers trust «their» newspapers more, which will enable the recognized newspapers dominate even more in the sphere of discourse than before, against the background of absence of visual expression, observation and transparency.

The publishers of regional newspapers call the «local chronicle of incidents» a strong side of their issues. However, with time, even local chronicle will become hyper-local and shift to the Internet. Thus, a range of competitive local newspapers has a chance to prove themselves on the market of mass media. Nowadays, to publish own local newspaper, one doesn't have to establish a publishing house or buy printing equipment. Online publications «Football Passau» by Michael Vagner and blogs of Hardy Protmann are a wonderful illustration of what the main tendency will be like in journalism in the coming years⁸. It should be accepted that in twenty

³ Galina Voronenkova. The path of 500 years: from a handwritten piece of sheet to information community. National uniqueness of mass media of Germany (historic prerequisites, peculiarities of establishment and evolution, typological characteristics, structure, condition at the turn of thousand years). 2nd edition, supplemented and corrected. M.: Published by Moocow University, 2011. P. 453-454.

⁴ Horst Roper. Brennpunkt Lokaljournalismus - alles aus einer Hand? [Electronic resource]. URL: <http://mmm.verdi.de/titel/02-2013/huetchenspiel-auf-dem-zeitungsmarkt> (date of reference 20.03.2013).

⁵ Sergey Sumlenny. Why do newspapers shutdown?//Online expert. 29.11.2012. Website - URL: <http://expert.ru/2012/11/29/pochemu-zakryivayutsya-gazetyi/> (date of reference 13.07.2013).

⁶ A new bankrupt//Online expert 19.11.2012. Website. URL: <http://expert.ru/2012/11/19/novy-bankrot/?n=87778> (date of reference 5.05.2013).

⁷ Galina Voronenkova. Ib. P. 463.

⁸ Heike Rost. Zehn Thesen zur Zukunft der Zeitung. [Electronic resource], URL: <http://www.blog-cj.de/blog/2010/10/21/zehn-thesen-zur-zukunft-der-zeitung/> (date of reference 3.08.2013).

years there will be more online publications on the FRG market compared with traditional purchased newspapers and publishing houses will have to prepare morally to the fact that the audience with preference in traditional printed media will reduce. The reason lies in the fact that young people from 14 to 19 do not open daily newspapers at all and every new generation is not considered as a generation of newspaper readers⁹. Young people have access to digital and electronic media. Now, to keep up with the current events, there is no need in starting a day with a fresh newspaper. And an excuse that reference information, analysis and comments can only be found in old good printed media is no longer current: the above mentioned has been present online for long.

To have a future, a daily newspaper should give more of analytical and less of news information. In respect of the content, they should stick to the format of a weekly newspaper. However, a range of reasons indicates that it is not possible. First-off, weekly newspapers do not have any problems in terms of finances and circulation. And, even though they do not reach record indicators of the end of 90s, the tendency is stable. Having entered this market, daily newspapers will be odd because the market is already saturated. Second-off, daily newspapers face competence problems in this segment of the market. No reader prefers «Die Zeit» to, let's say, «Rotenburger Kreiszeitung». No one wants to read analysis, comments, forecasts etc. Every day but it is necessary once a week. Moreover, analysis and comments take time. Daily newspapers cannot give this time: time there is limited with a deadline of a new issue release.

Twenty years ago, in the mid-90s, the Internet as both mass media and the source of advertising was weak and now, when all publications have their online versions and over 55% of advertising money goes to online media, newspapers bear serious financial losses¹⁰.

It should be noted that there is another important factor: there is a misunderstanding in publishing houses between a newspaper and online editorial. Usually, a German newspaper is made by a hundred editors, whereas online version of the publication is made by a small number of employees. This leads to a situation when the publication is not fully expressed online. And in newspaper publishing houses there is a cut of personnel up to 40%¹¹. A reader gets fewer newspapers at a bigger price. To survive, one has to invest and it does not happen in Germany in the conditions of a financial crisis.

Editorials of daily newspapers become older; they lack young, smart and contemporary thinking employees; although, such specialists have already emerged on the labor market. Even 40 year old employees of German editorials do not have

⁹ Julia Emmrich. Ebenda

¹⁰ Thomas Koch. Print macht schlau. Und das Internet dumm?//Wirtschaftswoche heute. 12.01.2013. URL: <http://inosmi.ru/europe/20130112/204520865.html> (date of reference 20.06.2013).

¹¹ Bernd Ziesemer. Zehn zornige Thesen zur Zukunft der Zeitung [Electronic resource] //Magazin für Journalisten. Medium Online+. Medium Magazin, № 4, 2009. URL: <http://www.mediummagazin.de/magazin-plus/zehn-zornige-thesen-zur-zukunft-der-zeitung/> (date of reference 15.07.2013).

enough understanding of digital media; desire to find orientation in their profession according to new requirements of the time. That is why many newspapers are made in the style of 80s. There are hardly any editors or editors-in-chief who think in unison with real time. And it's not only about Internet or digital media. In their content, many issues of printed publications remind of old good newspapers that came out from journalists of the previous generation.

Another novelty of modern world is tablets. Every fifth person in Germany owns one. Year after year tablets become cheaper and the quality improves. Their abilities also grow. Modern tablets will look like children's toys in a few years. But these modern devices will not save publishing houses. On the contrary, they are enemies of old good publishing structures. When it comes to a tablet, an online version of a newspaper starts competing with everyone and everything and finds itself in a completely new situation. Earlier, there was certain division of time of a consumer to different media: some percentage to watch TV, some for the radio and some percentage to read a daily newspaper. But, with appearance of a tablet, the correlation has changed completely. It can be everything: a newspaper, a TV, radio, Internet and a toy. In the foreground, there is a struggle for the attention of a user and their money¹². A newspaper often offers an outdated model. And modern reality dictates: a real plus of any media is not necessarily its speed, its constant present, but the fact that every consumer can find any information. A person interested in politics will find qualitative information in the full volume the way that even an international department of an editorial of a newspaper will not be able to provide it due to various reasons. The one, who wants to know everything about hockey, reads the respective pages. A hunter or a music lover will find the information that they like. Herewith, the argument that it's just superficial information is no longer current: online media provide information of any kind in a faster, more qualitative, current and bigger in volume than any newspaper and usually for free. Such tendency cannot be written off.

There is no single reasonable argument in favor of an old kind of newspaper. It can be read, but it's not necessary. It is not mobile enough to be current. It is limited in terms of information and it can't be really competitive in all spheres. Only those publications will survive that readers buy out of principles or habit. And such traditional newspapers are few. Chief executive director of «Axel Springer» Mathias Döpfner is quite optimistic, believing that «a newspaper will never die and the best times are yet to come». According to him, it «will transform and look like a piece of A4 sheet made of film with digital surface and it will be possible to fold it as regular paper»¹³. Obviously, newspapers will be there in paper format just like records remained with appearance of CDs and people didn't stop going to movie theaters

¹² Klaus von Brinkbäumer, Thomas Schulz. Der Philosoph des 21. Jahrhunderts//Der Spiegel, 2010, № 47. S.66-78.

¹³ Julia Emmrich. Ebenda.

with appearance of video or DVD. Nostalgia will do its part. But mass nature of newspaper consumption in paper format will disappear: it is too expensive, non-economical, outdated and without a target. In any case, in the next 10 years Germany will have to pay farewell to newspapers that manage journalism instead of being engaged in it.

The performed study allows concluding the following:

1. As the abilities of tablets grow, publishing structures and traditional newspapers will slowly outlive their usefulness.
2. There will be further increase of concentration on the German market among local printed publications of FRG at the expense bankruptcy of some local newspapers, which didn't manage to shift to subscription in digital format including lack of financial support in this issue.
3. With time local publications will shift to the Internet.
4. There will still be high demand for Sunday newspapers and weekly magazines, which will still be published in paper format. A weekly newspaper will become a new daily newspaper and vice versa.
5. Not earlier than by 2020, supra-regional newspapers «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Süddeutsche Zeitung» and «Bild» will stop publications in traditional printed format and will be released exclusively in digital format under subscription and will share the market between themselves
6. To preserve the life ability, the newspaper editorials will urgently need young specialists who grew up in the age of digital technologies.
7. Paper version of newspapers will be rare, but mass nature of newspaper consumption in paper format will disappear due to its cost, non-economical and outdated nature as well as lack of target.

Stadnyk Iryna,
Cherkassy state technological University,
associate professor, Ph.D.
Yashan Oksana,
Cherkassy state technological University,
associate professor, Ph.D.

The main Nazi propaganda's tasks on the occupied Ukraine's territory (1941–1944)

Abstract: The authors of article found that during preparing for aggression against the Soviet Union, the ruling circles of Nazi Germany paid great attention to the organization and management of subversive propaganda, as an integral part of psychological warfare, having the aim to demoralize the civilian population of the occupied Ukraine. The main tasks that were set to Nazi propaganda were determined.

Keywords: occupation, psychological warfare, propaganda, Ukraine, Nazi Germany.

Стадник Ірина,
Черкаський державний технологічний університет,
доцент, кандидат історичних наук
Яшан Оксана,
Черкаський державний технологічний університет,
доцент, кандидат історичних наук

Основні завдання нацистської пропаганди на окупованій території України (1941-1944 рр.)

Анотація: Авторками статті встановлено, що готуючись до агресії проти СРСР, правлячі кола нацистської Німеччини надавали великого значення організації і веденню підривної пропаганди, як складової частини психологічної війни, з метою деморалізації цивільного населення окупованої України. Визначені основні завдання, які ставились перед нацистською пропагандою.

Ключові слова: окупація, психологічна війна, пропаганда, Україна, нацистська Німеччина.

Головною метою психологічної війни є захоплення влади. Цю особливу війну ведуть постійно, тому що саме вона дозволяє впливати та маніпулювати свідомістю населення у власних цілях, шляхом впливу на почуття людей,

створенням панічного страху, ненависті до інших народів. Психологічна війна являла собою не лише сукупність зовнішніх по відношенню до людини дій, але і цілий ряд процесів, що відбувалися безпосередньо в людській свідомості, з-поміж яких можна виділити і ті, що формували безпосереднє сприйняття образу ворога, визначення свого особистого ставлення до подій та формували життєву позицію пересічної людини. Базовим в понятті «психологічна війна» є поняття «пропаганда» (від лат. *propaganda* – розповсюдження) – засіб маніпуляції масовою свідомістю населення [1]. Класики цього виду боротьби зазначали: «Якщо блокада означає голод і нестачу озброєння у вузькому значенні цих понять, то майстерна пропаганда загрожує підірвати всі ланки державного порядку. Можна знищити державу без великих людських жертв, використовуючи лише один голод і пропагандистські ін'єкції, які викликають сумніви» [2].

Керівництво III Рейху в період 1933-1945 рр. враховуючи вище вказане, створило унікальну у світовій історії систему державного маніпулювання масами, тому під час підготовки нападу Німеччини на СРСР було приділено особливу увагу засобам ведення психологічної війни проти Червоної армії і цивільного населення Радянського Союзу, і України зокрема. Звернення до морально-психологічного чинника давало нацистам впевненість у тому, що вони зможуть досить швидко привернути населення окупованої України на свій бік, забезпечивши собі тим самим швидко перемогу у війні.

Метою статті є визначення основних завдань, які ставили керівники нацистської Німеччини щодо деморалізації українського цивільного населення під час окупації України.

Цивільне населення будь-якої країни в силу низки причин більш сприйнятливим до пропаганди противника, тому у військовий час мета ведення психологічної війни зводиться до того, аби впровадити в свідомість населення противника ідеї, погляди та уявлення, що знижують готовність брати активну участь у війні, підривають моральний і бойовий дух, пригнічують волю до опору, тим самим спонукаючи до ухилення від участі в бойових діях та до дезертирства. Для реалізації цієї мети необхідно було виконати наступні стратегічні завдання: підірвати довіру населення до військово-політичного керівництва держави-противника, дискредитувати його внутрішню і зовнішню політику; постійно вказувати на катастрофічні наслідки війни на родинному і господарчо-побутовому рівні; сіяти сумніви серед населення противника в доцільності бойових дій; запевняти в слабкості його армії; заявляти про великі військові втрати, залякувати майбутніми втратами; дезінформувати населення противника відносно реального стану справ на фронті; розпалювати протиріччя між різними соціальними, релігійними, етнічними групами країни-противника; створювати паніку, масові психози, поразенські настрої серед цивільного населення противника.

З метою деморалізації населення України, фахівці з українського питання, що працювали в штатах ідеологічних відомств і структур нацистської Німеччини,

ретельно вивчали історію України, традиції, звичаї, культуру і менталітет її народу. На основі отриманої інформації було розроблено детальний план «заходів щодо деморалізації населення України і Прибалтики» [3]. Для реалізації поставлених завдань і враховуючи майбутній розмах військової кампанії проти СРСР, було створено надзвичайно розгалужений пропагандистський апарат, в якому особливу роль керівники Третього рейху відводили пропаганді в Україні. На окупованій території, було створено відповідні органи пропаганди, які мали завдання подавати у вигідному світлі заходи окупаційної влади, роз'яснювати об'єктам агітаційно-пропагандистського впливу їх важливість та необхідність.

Стосовно пропагандистського впливу на населення України, то ставилися наступні конкретні завдання: по-перше, необхідно було забезпечити найтісніший зв'язок між пропагандистськими органами і всіма військовими, політичними і господарськими інстанціями. Реалізуючи дане завдання пропаганду окрім східного відділу Міністерства народної освіти й пропаганди Рейху, проводили також Міністерство іноземних справ, відділ пропаганди ОКВ, відділ преси й пропаганди Міністерства східних окупованих територій, служби СС і Абверу та інші відомства, які з початком війни проти Радянського Союзу різко активізували свою діяльність. Основні завдання по підготовці й проведенню психологічної війни було розділено між трьома відомствами – А. Розенберга, Й. Геббельса і В. Кейтеля. Так вермахт вів пропаганду спрямовану на радянські війська, населення прифронтових і фронтових регіонів і особливо жителів захопленої місцевості. При міністерстві у справах східних територій, при рейхськомісаріатах і міських управах було створено спеціальні відділи, чиновники яких відповідали за планування і безпосереднє проведення пропагандистської роботи. Вони готували відповідні матеріали: інструкції, розпорядження для населення, плакати, брошури і т.п., які потім направлялися всім керівним працівникам окупаційного режиму, створеного на завойованих вермахтом радянських землях. Основними методами ведення психологічної війни були агітація й пропаганда засобами періодичних видань, радіо й кіномережі, друкованої продукції та образотворчого мистецтва.

По-друге, провідною у всій пропагандистській діяльності повинна була бути думка, що перемога німецького вермахту принесе користь населенню, оскільки гарантує йому життя, свободу і добробут. Отже, населення має повірити, що перемога Німеччини беззаперечна і повернення більшовиків неможливе. З цією метою необхідно регулярно повідомляти (населенню) про військову ситуацію і про успіхи німецької армії. Як правило, і це був один із найпоширеніших аргументів, що серйозно впливав на настрої і розум мирних жителів, у такій інформації, зазвичай, перераховувалися розгромлені і частково розбиті радянські дивізії і армії з їх точною нумерацією. Вражали і цифри щодо кількості вбитих, поранених і полонених червоноармійців, збитих радянських літаків, знищених і підбитих танків, розбитих або захоплених знарядь і мінометів,

наведені на сторінках окупаційної преси. В пояснювальній записці «Про настрої та становище населення на окупованій німцями території» від 22 грудня 1941 р. читаємо: «Для підриву морально-політичного настрою населення німці використовують різноманітні методи і форми агітації і пропаганди: шляхом розкидання листівок, розклеювання плакатів. У листівках обіцяється «солодке» життя при німцях. В одному з сіл був вивішений плакат, з портретом Гітлера, навколо якого сидять діти в українському одязі, посміхаючись, внизу напис: «ось як радісно діти зустрічають нового вождя». Розпускають чутки про перемоги: про захоплення Москви в липні, про захоплення Ленінграда і про те, що німецькі війська вже доходять до Уралу» [4].

По-третє, населення необхідно добре інформувати про дійсний стан справ у Німеччині, особливо про життя німецьких селян і робітників, при цьому необхідно підкреслювати, що німецька творча діяльність сильно стримується дією радянської системи і особливими умовами, які склалися в наслідок війни, і що поліпшення життєвих умов українського народу залежить лише від його добровільної і старанної співпраці. Окупаційна влада особливу увагу приділяла інформації про труднощі соціально-економічного становища населення, пояснюючи це реалізацією виданого ще в перші дні війни наказу Й. Сталіна знищувати при відступі всі матеріальні цінності, наказу який фактично ігнорував життєві інтереси населення, що залишилось в окупації. Тому вся провинна за труднощі із забезпеченням населення продовольством приписувалась сталінському режиму, який не враховував, що під окупацією залишались мільйони покинутих напризволяще українських громадян, які потребували хоча б елементарних умов для свого існування. Особливо активно висвітлювалась інформація щодо вибухів і підпалів хлібозаводів, м'ясокомбінатів, електростанцій, та інших, життєво важливих для мирного населення об'єктів. Тим самим підкреслювалась антинародна сутність сталінського режиму, що не лише залишив напризволяще власне населення, але через знищення вказаних об'єктів прирікав його на голод, холод і вимирання [5]. Для надання такому інформаційно-пропагандистському матеріалу більшої достовірності і з метою посилення враження від нього на місцеве населення німецька окупаційна влада наводила точні цифри нанесеного виведенням з ладу об'єктам матеріального збитку, що сильно впливало на світогляд і морально-психологічний стан населення. Особливу увагу приділяли нацистські пропагандистські служби питанням сільського господарства на окупованих територіях. Пропагандистським заходом особливого значення було розпорядження рейхсміністра окупованих східних територій А. Розенберга «Про новий земельний лад», опубліковане на початку березня 1942 р. Окупаційна преса вела активну пропаганду аграрної політики «нової влади», проводила її порівняння з аграрною політикою більшовиків, зрозуміло, не на користь останньої [6].

Наймасовішою акцією пропагандистського характеру були заходи спрямовані на вербування робочої сили до Німеччини. Перші заклики до

української молоді їхати на роботу до Німеччини пролунали вже влітку 1941 року. На всі лади розписувалося «райське життя» іноземних робітників у Німеччині. Ця інформація була доведена до всіх мешканців України [7]. Тільки в липні 1942 р. відділ пропаганди рейхскомісаріату Україна розповсюдив серед населення 350 тис. подібних агітаційних листівок [8]. Відкривались виставки, які підносили «нацистський рай», розповідали про щасливе життя робітників зі Сходу, демонстрували агітаційний фільм «Дорога до Німеччини», розповсюджували у вигляді плакатів та листівок окремі листи тих українців, які позитивно описували тамтешні умови життя і праці. В наборі українського населення на роботу до Німеччини певну роль агітатора відігравала і церква. Священники закликали парафіян добровільно їхати на роботу до Німеччини. Певна кількість людей повірила окупантам і дійсно добровільно з'являлася для від'їзду до Німеччини.

По-четверте, населення необхідно також переконувати, що життя кожного і його майно може бути в безпеці лише в тому випадку, якщо райони будуть очищені від банд (так німці називали партизан – автори). Бандити повинні поставати перед місцевими жителями як сила, що сприяє затягуванню війни і як вороги мирної праці. Жителі повинні знати, що не лише надання допомоги бандам, але навіть байдуже до них ставлення, йде на шкоду, оскільки може спричинити знищення цілих сіл, тоді як сприяння ліквідації банд дає ряд переваг. Мета такої пропаганди полягала в тому, щоб спонукати якнайбільше українців до добровільної служби в загонах місцевого формування або як агентів [9]. Коли заклики виявлялися марними, окупаційна влада переходила до погроз, залякуючи місцеве населення всіляким покаранням за підтримку партизан.

По-п'яте, пропаганда мала поширювати серед українців повну аполітичність, несприйняття самої ідеї можливості отримання державної самостійності. Метою такої пропаганди було внести розкол в українське суспільство шляхом протиставлення одних народів іншим, дезавування національної політики радянської влади і залучення населення України на свою сторону [2].

Отже, гітлерівське керівництво надавало виключного значення психологічній війні як засобу захоплення і утримання політичної влади і як одному з невід'ємних компонентів збройного протиборства. Стосовно України завдання нацистської пропаганди зводилися до необхідності зруйнувати важливий у будь-якій війні морально-психологічний фактор сили опору народу, його соціалістичну свідомість, сприяти дезорганізації радянського тилу і забезпечити покірність населення окупованих німецькою армією територій. У змісті нацистської пропаганди на окупованій у 1941-1944 рр. території України можна виділити такі основні напрями: критику сталінського режиму; апологію дій керівників Німеччини; заклик до співпраці й агітація на підтримку заходів «нового порядку»; інформування населення про становище на Східному фронті, яке завдяки роботі нацистських пропагандистів зображувалося у адаптованому,

вигідному для вермахту вигляді, відмова у створенні самостійної української держави. Головне завдання полягало в тому, щоб остаточно зруйнувати світоглядні установки українців і сформувати нові, сприятливі для гітлерівського панування стереотипи.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Осипов Г.В. Социологический энциклопедический словарь. [Електронний ресурс] – Режим доступу: // <http://politics.ellib.org.ua/encyclopedia-term-4533.html>
2. Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945: ист. очерки, док. и материалы: – т. 1.: Подготовка ко Второй мировой войне, 1933-1939. – 2005. – С. 298, 82.
3. Ивлев И., Юденков А. Оружием контрпропаганды: советская пропаганда среди населения на оккупированной территории СССР. 1941–1944 – М., 1988. – С. 116-117.
4. Центральний державний архів громадських об'єднань України. – Ф.1, оп. 22, спр. 122, арк. 95.
5. Кіровоградські вісті. – 1942 р. – 7 листопада.
6. Вінницькі вісті. – 1942 р. – 26, 29 березня.
7. Державний архів Черкаської області – Ф. р-1351, оп. 1, спр.2, арк. 1.
8. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941 – 1944) – М.: 1974. – С. 219.
9. Центральний державний архів Вищих органів влади і управління України. – Ф. КМФ-8, оп. 1, спр. 61, арк. 44-47.

Demchenko Polina Nikolaevna,
Candidate of philological Sciences, associate Professor of foreign languages
St. Petersburg State University of Cinema and Television

THE PHENOMENON OF TAMBOV CARNIVAL: ONTOLOGICAL ASPECTS

Abstract: This article is devoted to the phenomenon of holiday Tambov carnival. The publication deals with the ontology of this holiday.

Keywords: Tambov carnival, ontology, symbol, language.

Демченко Полина Николаевна,
К.ф.н., доцент кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного
университета кино и телевидения

ФЕНОМЕН ТАМБОВСКОЙ МАСЛЕНИЦЫ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: Данная статья посвящена феномену праздника тамбовской масленицы. В публикации рассматриваются вопросы онтологии этого праздника.

Ключевые слова: тамбовская масленица, онтология, символ, язык.

Актуальность темы определяется выбором предмета исследования, в качестве которого выступают феномен тамбовской масленицы и ее текст. Проблема сопоставления фактов языка с фактами бытия, культуры, мировоззрения является одной из центральных в истории философской мысли. Несмотря на тот факт, что сегодня феномен тамбовской масленицы, а также семантическое и символическое содержание данного народного праздника на первый взгляд кажутся довольно хорошо изученными, однако в философско-онтологическом аспекте они оказываются мало проясненными.

В современной диалектологии, этнолингвистике, этнологии, фольклористике все большую популярность приобретает представление о духовной культуре народа как о системе локальных традиций (Лапин, 1995; Агапкина, 2000). Чтобы выстроить эту систему, выявить общие закономерности формирования явлений духовной культуры, соотношение их диалектных вариантов с этническими границами, языковыми изоглоссами, а также

реконструировать их древнейшее состояние, необходимо четко представлять ареалы бытования этих явлений. Особое значение в этой связи имеют исследования региональных культурных традиций, основанные на комплексном изучении различных форм народной культуры и ее терминологии.

Актуальность исследования определена необходимостью исследования онтологии феномена масленицы, поскольку стремление к самопознанию обусловило внимание общества к изучению традиционной культуры и предоставило своеобразный заказ на исследование народных традиций, в частности, в празднично-обрядовой сфере, а также их текстового наполнения.

Для культуры XX-XXI столетия характерны радикальные, архетипальные повороты к языку как «Дому Бытия» и герменевтическому посреднику. В связи с этим проблема языка по-прежнему остается, несмотря на множество дискуссий и разнообразие направлений философской мысли (аналитической философии, герменевтики, имяславия, деконструкции), главной загадкой современной философии.

Именно актуальность языковой проблематики послужила отправной точкой развития лингвистической науки и появлению таких новых самостоятельных дисциплин как: семиология, грамматология, фонология, морфология, прагматика и т. п. Попытки комплексного исследования феномена масленицы представляют собой более или менее удачные классификации, энциклопедии, упорядоченный накопленный материал из различных областей знания в зависимости от индивидуальных мировоззренческих и научных предпочтений исследователя.

Интуиция М. Хайдеггера о языке как «доме истины бытия» стала причиной герменевтического прочтения феномена масленицы и ее текстового наполнения, положенного в основу диссертационного исследования. Сплетение философского, лингвистического и культурологического подходов, а также рассмотрение в качестве их онтологического основания имяславской концепцией языка, обусловило новизну подхода к исследованию данной темы.

Проблема данного исследования связана с недостаточной теоретической проработанностью онтологических оснований русской культуры, в частности традиции тамбовской масленицы, и с риском постепенной утраты ею своей самобытности. Эвристическая идея П. Флоренского о символе как нормальном строении бытия положена в основу исследования, и предпринята попытка экспликации этого подхода относительно обозначенной темы.

Экспликация осуществляется в следующих блоках:

- исследование онтологии феномена масленицы через герменевтическое прочтение ее текстов;
- исследование традиции празднования тамбовской масленицы как экспликации традиции имени, в рамках которой имя выступает ее символическим эквивалентом;

- исследование традиции праздника тамбовской масленицы как следствия ностальгии по нормальному строению бытия относительно феномена языка (языка-символа) и времени (эонического);

- исследование традиции празднования тамбовской масленицы как процесса преодоления, преображения кентаврического симулякрового структурирования бытия, символическим эквивалентом которого является язык-знак, а темпоральность проявляется в виде меонического времени, и характеризуемого квазителесностью и квазидухавностью как основными составляющими.

Таким образом, в статье с новых позиций выявляется онтологический статус феномена тамбовской масленицы и предлагается новое герменевтическое прочтение его текстов.

Выбор фундаментальных философских, культурологических, лингвистических и естественно-научных разработок, находящихся в непосредственной связи с данной проблемой, обуславливается междисциплинарным характером исследуемой проблемы.

Несмотря на значительный пласт философских, лингвистических, культурологических исследований феномена тамбовской масленицы, изучение его онтологии, как правило, не носит первостепенного значения, в большинстве случаев в исследованиях отмечается констатация и описание данного праздника. Необходимость философского прояснения онтологии феномена тамбовской масленицы обусловили выбор темы, цель и задачи исследования.

Объектом данного исследования является феномен тамбовского варианта русской масленицы, представляющий собой неотъемлемую часть календарной обрядности жителей Тамбовского региона, и его тексты.

Предметом исследования выступает экспликация идей символической концепции слова и языка, которая обозначена в русской философии имяславия А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского, В.А. Фриауфа, В.В. Канафьевой в контексте онтологической взаимообратимости феноменов языка и времени.

Целью данной работы является исследование онтологических оснований феномена тамбовского варианта русской масленицы, его философские и культурологические импликации.

Реализация этой цели достигается через решение следующих задач:

– выработан новый подход к пониманию взаимоотношения языка и времени на основе идеи русской философии имяславия П. Флоренского, А. Лосева, В.А. Фриауфа, В.В. Канафьевой;

– освещены традиционные темы и вопросы метафизики и онтологии, такие как: бытие, время, символ, знак, имя, число и т.д. с позиций эвристического потенциала идеи принципиальной несводимости друг к другу языка-знака и языка-символа;

– рассмотрена история систем мысли как борьба двух традиций: традиции имени, символическим эквивалентом которой оказывается имя, и альтер-

нативной контр-традиции – традиции числа, репрезентантом которой является число;

- рассмотрены возможности достижения утраченной онтологической нормы;

- показано проявление импликаций имени и числа в современной культуре.

Тамбовский вариант масленицы (в этнолингвистическом и диалектном планах) принадлежит в основном к южнорусскому типу, но в тамбовской масленице выделяются и севернорусские черты, а также элементы субстратной культуры.

В масленичной обрядности присутствуют элементы свадебного, похоронно-поминального комплексов и инициаций; их включение в масленичную обрядность основано на сходной семантике «перехода», наличествующей у масленицы как праздника, отмечающего «переход» в различных аспектах: онтологическом, темпоральном, социальном, возрастном [1,2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатова П.Н. Масленица - древний православный обряд / П.Н. Алпатова // Филология на рубеже тысячелетий. Материалы Международной научной конференции. Вып. 1. Человек. Действительность. Язык. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2000. С. 169-170.

2. Канафьева В.В. Язык и время: философско-онтологический анализ. / автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания по философским наукам.- Саратов, 2006. – Стр. 2.

Altukhova Svetlana,
*Tomsk State Pedagogical University,
History and Philology Department, graduate student*

Experience theoretical understanding and practical research of British Multiculturalism

Abstract: This paper examines the experience of theoretical and practical study of British multiculturalism on the example of the famous British scientist T. Modood. This figure combines research in the professional work of faculty work, labor expert social scientist, actively participating in the socio-political debate, craft-empiricist researchers studying multicultural British society, and theoretical and conceptual principles of multiculturalism developer.

Keywords: T. Modood, theory of British multiculturalism, scientific activity.

Алтухова Светлана,
*Томский Государственный Педагогический Университет, аспирант,
Историко-филологический факультет*

Опыт теоретического осмысления и практических исследований британского мультикультурализма

Аннотация: В статье рассматривается опыт теоретического и практического изучения британского мультикультурализма на примере деятельности известного британского ученого Т. Модуда. Этот научный деятель совмещает в своей профессиональной деятельности профессорско-преподавательскую работу, труд обществоведа–эксперта, активно участвующего в общественно–политическом обсуждении, ремесло исследователя–эмпирика, изучающего мультикультурное британское общество, и теоретика–разработчика концептуальных принципов мультикультурализма.

Ключевые слова: Т. Модуд, теория британского мультикультурализма, научная деятельность.

Осенью 2010 г. британское правительство официально отказалось от проведения политики мультикультурализма. Однако сложившийся многокультурный и многоэтнический характер современного британского общества невозможно отрицать, как трудно игнорировать возникающие сложности во

взаимодействии коренного британского и пришлого иммигрантского населения. В связи с чем, научное сообщество Великобритании занимается не только разработкой теоретических принципов условий гармонизации взаимодействия культурно, этнически и религиозно разнородных сообществ внутри современного британского общества, но и ищет практические механизмы урегулирования сложившихся межэтнических отношений.

Ярким представителем такой группы ученых является известный британский социальный философ пакистанского происхождения Тарик Модуд, характеристике личности, профессиональной деятельности и научных взглядов которого посвящается данная статья. Российское научное сообщество только начинает знакомиться с его работами¹, тогда как, в мировом мультикультуралистском дискурсе его имя не менее известно, чем имена международно-признанных британских теоретиков мультикультурализма: Б. Парекха, Ч. Кукатаса, Дж. Рекса. В процессе исследования были использованы материалы его научных трудов, интервью, информация с персональных страниц веб-сайтов.

На становление научной позиции Т. Модуда, по словам самого ученого, повлияло его азиатское происхождение (Asian in Britain), личный опыт интеграции в британское общество и практическая работа с британскими иммигрантами [2, р. 731]. Т. Модуд родился в 1952 г., в г. Карачи, Пакистан, позднее с семьей в возрасте восьми лет иммигрировал в Великобританию, где получил академическое образование – степень бакалавра и магистра в университете г. Дарема. После года, проведенного на родине, и изучения пакистанского культурного наследия, он по возвращении в 1976 г. получил докторскую степень в университете г. Суонси. В 1980-е гг. Т. Модуд работал в государственном комитете в районе Лондона Хиллингдон, на 40 % населенного иммигрантами не европейского происхождения и их потомками. В его функции входило следить за обеспечением расового равенства среди иммигрантского населения. В дальнейшем (1993–1997 гг.) ученый работал старшим научным сотрудником Института политических исследований в Лондоне, принимал участие в общенациональных проектах по диагностике этнокультурного разнообразия современного британского общества². В начале двухтысячных годов Т. Модуд получил официальное признание своего профессионального мастерства: в 2001 г. ему был присужден Орден Британской Империи, в 2004 г. его избрали членом Академии общественных наук Великобритании.

В настоящее время профессиональная деятельность Т. Модуда развивается в нескольких направлениях. Во-первых, он преподает курсы

¹ В частности, А. В. Веретевская в своей статье «Значение и значимость мультикультурализма» сравнивает концепцию мультикультурализма Т. Модуда с теориями У. Кимлики, Б. Парекха и др. [1].

² В 1993 г. Т. Модуд принимает участие в исследовательском проекте «Четвертый Национальный Обзор этнических меньшинств», в 1998–2000 гг. работает в Комиссии «Будущее мультиэтнической Британии».

социологии, политики и публичной политики в Школе социологии, политологии и международных исследований (SPAIS) Бристольского Университета [3]. Во-вторых, он является одним из основателей и главным редактором международного научного журнала «Этносы», в котором публикуются исследования по мультикультуралистской проблематике и межэтническим отношениям в целом. В-третьих, Т. Модуд принимает активное участие в общественно-политическом и научном обсуждении британского мультикультурализма, является постоянным автором аналитических обзоров во многих популярных британских изданиях, таких как The Guardian, BBC Radio 4.

Однако, по словам самого ученого, наиболее важным для него является четвертое направление его деятельности – научно-исследовательское [2, p. 735]. Он с 1999 г. руководит работой Центра по изучению этнической принадлежности и гражданства (Centre for the Study of Ethnicity and Citizenship) в Бристольском Университете. Ранее, в начале 1970-х гг., при университете действовал исследовательский отдел по этническим отношениям под руководством британского социолога М. Бентона. Основанный Т. Модудом Центр продолжает эту исследовательскую традицию и в настоящее время координирует и реализует множество эмпирических исследований, связанных с этничностью. Кроме практических исследований культурной неоднородности британского общества Т. Модуд занимается разработкой теоретических основ мультикультурализма. Как ученый-теоретик, он является автором и соавтором более 30 книг и 150 статей, наиболее известны: *Как непросто быть британцем* (2010 г.); *Секуляризация, религия и мультикультурное гражданство* (2009 г.); *Мультикультурализм: идея гражданства* (2007 г.).

Значительное влияние на складывание научных взглядов ученого оказали британские и американские политические философы: С. Холл, Б. Парекх, Ч. Тейлор, А. Янг. Первоначально сфера научных интересов Т. Модуда охватывала проблемы режима апартеида в Южной Африке, потом в нее вошли вопросы расового равенства и уже позднее проблематика мультикультурализма. В настоящее время Т. Модуд считается признанным апологетом мультикультурализма. С его точки зрения, мультикультурализм, основанный на идее морального релятивизма, является современным развитием идеологии политического либерализма [4, p. 7]. Ученый уверен, что кроме своего идеологического содержания, мультикультурализм включает в себя и реальную политику, которая наиболее успешно была реализована в Канаде. Тогда как, по мнению ученого, европейская политика мультикультурализма – явление «искусственное», которое проявилось с последними волнами иммиграции в конце XX в. [4, p. 2–3]. С точки зрения Т. Модуда, мультикультурализм дополняет существующие три модели национальной политики: ассимиляцию, индивидуалистическую интеграцию и разнообразие. В современном обществе существуют и взаимодействуют не только индивиды, но и сообщества людей, идентичность которых основывается на их религиозной,

культурной, этнической принадлежности к ним. Именно их официальное признание и проведение политики мультикультурализма дает возможность этим сообществам принимать участие в общественной жизни страны [5].

На становление религиозных взглядов Т. Модуда повлияло тесное знакомство с христианской культурой в период его школьного обучения. В отличие от своего отца, он не стал «набожным мусульманином» [2, p. 732] и долгое время оставался равнодушным к вопросам религии. Негативная агрессивная реакция со стороны британских мусульман на роман британского писателя индийского происхождения С. Рушди «Сатанинские Стихи», опубликованный в 1988 г., подталкивает его к изучению вопросов важности религии в современном обществе. Обладая авторитетом в среде мусульман Великобритании, он занял умеренную позицию, предложив гармонизировать отношения между христианами и мусульманами на основе концепции евроислама. Суть концепции заключается в формировании мультикультурной гражданской идентичности британцев, «multicultural Britishness», совмещающей в себе британские христианские ценности коренного населения и мусульманские ценности иммигрантов. Ученый считает, что для этого со стороны британского общества необходимо официальное признание ислама и традиционного образа жизни иммигрантов частью Великобритании и ее культуры, а со стороны иммигрантского сообщества необходимо встраивание собственной этнической, религиозной и культурной идентичности в гражданско-правовое пространство британского общества.

Таким образом, Т. Модуд является образцом успешной интеграции иммигрантов в британский социум. Он являет собой новый тип ученого, совмещающего в своей профессиональной деятельности несколько ее видов: преподавательскую деятельность профессора Бристольского университета; работу обществоведа–эксперта, активно участвующего в общественно–политическом обсуждении проблем современного британского мультикультурного общества; ремесло исследователя–эмпирика, изучающего практику межэтнических отношений внутри британского общества, и теоретика–разработчика концептуальных принципов построения гармоничного культурно–, этнически–, религиозно– неоднородного общества на основе идеологии мультикультурализма. Т. Модуд открыто признает необходимость проведения политики мультикультурализма в противовес ее повсеместной критике. По его мнению, в условиях увеличения гетерогенности современных западно-европейских государств отказ от нее подрывает их основополагающие демократические ценности. При этом ученый считает необходимым учитывать возникшие недостатки в практической реализации проводимых ранее мультикультурных мероприятий британского правительства. Т. Модуд придает большое значение роли религиозной идентичности в общественной жизни. Являясь сторонником концепции евроислама, он пропагандирует возможность

совмещения христианских ценностей англичан и мусульманских ценностей иммигрантов на основе формирования «multicultural Britishness».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веретевская А. В. Значение и значимость мультикультурализма // Политическая наука. 2010. №1. С. 29–45.
2. Martnnez D. O. Intellectual biography, empirical sociology and normative political theory: an interview with Tariq Modood. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/07256868.2013.846894> (дата обращения: 12.05.2014).
3. Modood T. The theory and politics of multiculturalism. Unit guide. URL: <http://www.bris.ac.uk/spais/current/currentpgt/1314unitguides/socim3026.pdf> (дата обращения: 28.08.2014).
4. Modood T. Multiculturalism: A civic idea. Cambridge: Polity press, 2007. 193 p.
5. Модуд Т. Мультикультурализм неизбежен. URL: <http://www.bris.ac.uk/ethnicity/documents/russian.pdf> 23.01.2014. (дата обращения: 10.04.2014).

Savchenko Svitlana,

Boris Grinchenko Kyiv University, graduate student, the department

History of Ukraine, Institute of Society

Olena Apanovych activity in the Ukrainian Association for the Protection of Historical and Cultural Monuments aimed at preservation of Khortytsia monuments in 1960 - 1970 years

Abstract: This article is devoted to Olena Apanovych activities in the Ukrainian Association for the Protection of Historical and Cultural Monuments aimed at preservation of Cossacks monuments at Khortytsya Island. Here is shown her contribution to the development of the concept and the realization of the idea of historical and cultural reserve of Zaporizhian Cossaks.

Keywords: Olena Mykhailivna Apanovych, Khortytsia, the Ukrainian Association for the Protection of Historical and Cultural Monuments, reserve, Cossacks.

One of the indications of the "thaw" in the Soviet Union was the emergence of social organizations. Although they worked under the strict ideological control of the party, the society got an opportunity to react on social challenges. So from 1960 to 1970 years this challenge was the state of historical and cultural monuments. The conscious strength in Soviet Ukraine was used to preserve the cultural heritage by officially registered social organizations. In 1966 the Ukrainian Association for the Protection of Historical and Cultural Monuments (the UAPHCM) became such an organization. A lot of reputable scientists took part in the activity of this organization. Among the most active scientists of that time as Oles Honchar, Ivan Honchar, Feodor Shevchenko, Mykhailo Braichevskyi, Olena Kompan, Hryhorii Lohvyn and others was Olena Mykhailivna Apanovych [1, 101].

Monument protective activity was researched not only by Olena Apanovych in 1950-1970. It was also studied by Ukrainian historians. Especially Yuri Mytsyk was the first who indicated that since the 1950's Olena Apanovych had paid the great attention to the description and preservation of historical monuments of Cossacks, first of all of Khortytsya monuments; she formed a scientific register of places of interest of Zaporizhian Cossaks [2, 3, 4]. Although the history of the forming and the concept of historical and cultural reserve at Khortytsya Island had already been covered in scientific publications [5], though the activity of one of the key figures in the forming and beginning of Khortytsia reserve had not been investigated. The aim of the publication is to show Olena Apanovych activity in the UAPHCM aimed at the

preservation of Khortytsya monuments in 1960 – 1970 years using the archival materials that have not been introduced in scientific investigations earlier.

On September 18, 1965 at the initiative of the public and the promotion of progressive minded party and state leadership the Council of Ministers of the USSR resolved to perpetuate memorable places connected with the history of Zaporizhian Cossaks. It was planned appropriate measures, including the establishment of the State reserve of history of Zaporizhian Cossaks at Khortytsya [6,11-13]. Thus it began one of the projects that was perceived as one of the possibilities of national revival by Ukrainian intelligentsia.

The organization that promoted the project of reserve Khortytsya established the Ukrainian Association for the Protection of Historical and Cultural Monument sat that time. On December 20, 1966 at the first Republican convention the Chairman of the UAPHCMP. T. Tronko in his report stated that the territory of Velyka Khortytsya Island was declared to be a state historical and cultural reserve and it was expected to mark all the places connected with the history of Zaporizhian Cossacks [7,122-123]. Olena Apanovych was active in the activity of Kyiv city organization the UAPHCM. The constituent conference of the city organization was held on November 17th in 1966. There Olena Apanovych was elected to be the president of the section of the historical monuments [8; 9, 3]. Among the members of the section were known scientists as Zoia Khyzhniak, Liubov Histsova, Ludmyla Protsenko, Ihor Holobutskyi, Valentyna Shevchenko (in total-23 people) [10].

From the beginning of creation the UAPHCM together with the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR was one of the major institutions in the realization of the government decree aimed at the preservation of Cossacks monuments and Khortytsya. Exactly Olena Apanovych was preparing materials for presentation about Kuzma Kindratovych Dubyna researches about Khortytsia, who was the director of the Institute of History of the USSR and the head of the UCPMHC at that time. There is her rough copy of this presentation in the archive. There Olena Apanovych noted that Zaporizhian regional organization the UAPHCM under the direction of M. Kytsenko conducted the significant work on creating historical and memorial complex. The organizations that were located at Khortytsya, reaking government regulations, built memorials, destroying fortifications and graves. The regional organization UAPHCM created a commission to study these facts, also it was held an expanded meeting of the Zaporizhian Regional Executive Committee which was attended by the first secretary of regional party committee. It was decided to stop the building and to give severe warnings to the off ender sand architects of the city and the region. The Regional Executive Committee suggested building only light temporary buildings for public recreation and some dispensaries on vacant land, but only with the permission of the scientific and monument protective body. An appropriate committee including architects, dendrologist, sculptors, painters, historians, writers meant to establish the UAPHCM as a support to Zaporizhian organisation. The commission had to assist and monitor the implementation of

government decisions. The next plenary session planned to discuss the progress sat Khortytsya Island[11].

On July 28, 1967 O.M. Apanovych was invited to the meeting of the Presidium of the Board UAPHCM as the president of the section of historical monuments of Kyiv City Organization. At the same meeting the plans for the second half of 1967 were discussed and Mykola Kytsenko reported about the creation of historical memorial preserve of Zaporizhian Cossacks [8, pp. 94, 98].

In 1968 the working plan of Public inspection aimed at protection of historical and cultural monuments during the reign of the UAPHCM (that carried out the control functions) meant to listen to the reports of O.M. Apanovych, V.Y. Dovzhenok., M.Y. Braichevskyi about the extended materials about the conservation and preservation of monuments to history and culture in the country, and about suggestions for its improvement. In September it was reviewed the progress of design work for creation of historical memorial complex at Khortytsya Island, where the reporters were H.P. Pinchuk and M.Y. Braichevskyi [8, pp. 135].

In 1968 during the five-day republican seminar of the head of meeting off ice section of regional organizations UAPHCM, among many famous scientists (about 300 participants) Olena Mykhailivna Apanovych reported with the lecture "Financial monuments of Zaporizhian Cossacks". She attracted public attention to the state of Khortytsya monuments once again. The same day the head of the Zaporizhian regional organization UAPHCMM. P. Kytsenko informed participants about the progress of building the reserve of Zaporizhian Cossack sat Khortytsya Island.[12, pp. 2, 19].

Unfortunately, because of the opposition of the local and central party state leadership special offers of the expedition wasn't implemented in 1969. The expedition worked on a behalf of the Deputy Head of the USSR Council of Ministers P. Tronko aimed at the streamline of objects related to the history of Ukrainian Cossacks. This expedition, which included O. Apanovych, O. Compan, H. Logvyn, V. Baran, S. Kilesa, and a writer O. Mykytenko, developed abroad program of perpetuating of the memory of the Cossack sin Chyhyryn, Subotiv, Kholodnyi Yar and other places [6p. 18, 20].

Further reserve Khortytsya was at the focus of Olena Apanovych and other members of the UCPMHC attention. So in February in 1970 the UCPMHC held a seminar aimed at the studying and promotion of historical and cultural monuments. In the presence of 129 members the representative of Zaporizhian regional organization UAPHCM called Khortytsya Island "the unique museum of Ukrainian history during all its periods" [13, pp. 13]. It is noteworthy that the UAPHCM was active in promotional work. At that time Khortytsya became popular among tourists and during 1969 year 1221 lectures (attended by about 37000 students) were reported, 27 meeting sat the monument (attended by 5400 visitors) were held [13, pp. 25].

The issues of the museum concept and the plan of action of the reserve on Khortytsia were reviewed at the second UAPHCM Congress on October 12-13, 1971,

where Olena Apanovych was elected to be a delegate from the Kyiv City Organization [8]. So the head of the regional department of culture, the deputy head of Zaporizhian regional organization UAPHCM Stepan Kyrychenko reported about works that had been started on the island. Besides the design work for creation of a theme park was carried out and the memorable signs were made. There would have to be 108 protective signs all along the 3 hectares of Khortytsia land. It must be noted that exactly Olena Apanovych formed this list.[14, pp. 80].The speaker stressed the public importance of Khortytsia reserve "We are called to create Cossack reserve so that it could always represent the glory of our nation all over the world." At that time next the museum building near the Khortitsya oak was finished [14, pp. 81-82].

The course of work on Khortytsia is reflected in the annual report of the Board Head of the National Congress P.T. Tronka that was held at the Second Congress on October 12, 1971[15, pp. 16]. Olena Apanovych joined the complement of the leadership of the UAPHCM that had been elected at the Second Congress and she could impact on the progress of work on Khortytsia even more noticeable [16, pp. 14].This was important because the UAPHCM made a significant contribution to the financing of construction of Khortytsia reserve. At the meeting of the presidium of the board of organization leadership on March 22,1972 the deputy head Y.P. Petrusenko reported about the allocation of funds for making dioramas "Battle at Yellow Waters," "Zaporozhian Cossack' conquering of city Kaffa", "Cossack Rada" of historical and cultural reserve on the request of the Ministry of Culture of the USSR[17, pp. 23-24].

But in early 1970 the ideological situation changed dramatically with the removal of the head of the Central Committee of the Communist Party P. Shelest. It began an ideological attack on the Ukrainian intelligentsia and other social forces that took part in the preservation of monuments, meaning that it was the revival of the historical memory of the Ukrainian people. Throughout the operational and investigative materials of KGB it was reflected the participation of O. Apanovych, M. Braichevskiy, O. Kompan and other active members of the Kiev UAPHCM. This participation was assessed as ideologically "harmful". Especially the promotion of Cossack monuments was "harmful". That is why on September 12, 1972the order of the Institute of History of the USSR in accordance with the decree of the academy senior researchers O. Compan, O. Apanovych and junior researcher Y. Dzyra were discharged. Based on this commented of the Head of the Department of Science of the Central Committee of the Communist Party F.Rudych said: "... Unfortunately, in the recent past, some writings of scientists, including Institutes of philosophy, history, archeology, literature, social studies some facts were found where the studies ignored the Leninist principles of class and party approach to the analysis of social processes and phenomena: also it was allowed to idealize antiquity, one-sidedness in the evaluation of figures of the past. There were attempts to justify the exclusivity of forming the historical path of the Ukrainian people, etc. "[6, c. 425-426]. For a long time Olena Apanovych was deprived of livelihood and opportunities to publish her works about Cossack.

On December 23, 1972 it was adopted the resolution of Zaporizhian Regional Committee of the Communist Party where another active member of the UAPHCM and ideologist of reserve Khortytsya M.P. Kytsenko was subjected to sharp ideological criticism and informed by the Central Committee of the Communist Party about his "ideological mistakes" and proposed to be discharged. The real reason was his selfless work aimed at the development of the Cossack reserve at Khortytsya and publishing books about the heroic past of Zaporizhzhia [6, p. 321,430]. On January 2, 1973 M. Kytsenko was forced to write a discharging application mentioning the false reasons of his dismissal [6, p. 325]. It must be noted that Olena Apanovych despite the attacks of the party was not afraid of writing the approving preface to the book by M. Kytsenko about Khortytsya [6, p. 339].

Although further in the documents of the UAPHCM we can see recollections about the work sat Khortytsya, the concept of historical and cultural preserve at Khortytsya as the Cossacks memorial center of the historical memory of the Ukrainian people that had been laid by Olena Apanovych and her associates was destroyed.

REFERENCES

1. Данилюк Ю.З., Бажан О.Г. Опозиція в Україні (друга половина 50-х – 80-ті рр. XX ст.). / Ю.З.Данилюк, О.Г.Бажан – К.: Рідний край, 2000, 616 с.
2. Мицик Ю. Козацька мати. // Слово просвіти, 1999, вересень-жовтень, № 9-10 (63-64).
3. Мицик Ю.А. Олена Апанович про українське козацтво // Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури, Вип.1 – Запоріжжя, 1997, С.191–195.
4. Мицик Ю.В. Апанович Олена Михайлівна // Українське козацтво: Мала енциклопедія. - К.: Генеза; Запоріжжя: Прем'єр, 2006, с. 17-18.
5. Трофімова С.О.Музей історії запорізького козацтва на о. Хортиця: передумови та концепції створення // Гуманітарний журнал, 2011, №3-4, с. 231-240.
6. Збережемо тую славу: Громадський рух за увічнення історії українського козацтва в другій половині 50-х – 80-х рр. XX ст.: Збірник документів та матеріалів / Упоряд.: О.Г. Бажан (керівник) та ін. – К.: Рідний край, 1997, с. 474.
7. ЦДАВОУ, ф. 4760, оп. 1, т. 1, од. зб. 21, 156 арк.
8. ІР НБУВ, ф. 374, оп. 1, спр. 36.
9. ДАК, Ф. Р-1563, оп. 1, спр. 3.
10. ІР НБУВ, Ф. 374, оп. 1, спр. 23.
11. ІР НБУВ, ф. 374, оп. 1, спр. 38.
12. ЦДАВОУ, ф. 4760, оп. 1, т. 2, од. зб.58, 295 арк.

13. ЦДАВОУ, ф. 4760, оп. 1, т. 1, од. зб. 121, 150 арк.
14. ЦДАВОУ, ф. 4760, оп. 1, т. 1, од. зб. 159, 127 арк.
15. ЦДАВОУ, ф. 4760, оп. 1, т. 1, од. зб. 161, 95 арк.
16. ЦДАВОУ, ф. 4760, оп. 1, т. 1, од. зб. 170, 175 арк.
17. ЦДАВОУ, ф. 4760, оп. 1, т. 1, од. зб. 173, 115 арк.

Lukina Tamara Nikolaevna,

North-Eastern Federal University named after M.K.Ammosov, Russia,

Associate Professor of Informatics and computing

Shkurko Natalja Sergeevna,

North-Eastern Federal University named after M.K.Ammosov, Russia,

associate Professor of the Department of cultural studies,

Novikov, Anatoly Georgievich,

North-Eastern Federal University named after M.K.Ammosov, Russia,

Professor and mentor of the Department of philosophy

Options for the transformation of the Asian model of development of the information society in the context of socio-philosophical approach

Abstract: Abstract: this article analyzes the ways Asian model building the information society. Having studied the experience of development of certain countries in the Asia-Pacific region, the authors identify as the fundamental constructs of the "Asian" model - an alternative socio-economic development of the region, competition with the West, the approval of their own value orientations, the relationship between cultural traditions (education, labor discipline, loyalty to the Corporation, trust, family harmony) and social transformations.

Keywords: Information society, a variant of the Asian model, corporate pyramid, economic cooperation between state and market, the focus on national cultural traditions

Лукина Тамара Николаевна,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, РФ,

доцент кафедры информатики и вычислительной техники

Шкурко Наталья Сергеевна,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, РФ,

доцент кафедры культурологии

Новиков Анатолий Георгиевич,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, РФ,

Профессор-наставник кафедры философии

Варианты трансформации азиатской модели развития информационного общества в свете социально-философского подхода

Аннотация: В данной статье анализируются варианты азиатской модели построения информационного общества. Изучив опыт развития конкретных стран Азиатско-Тихоокеанского региона, авторы выделяют в качестве основополагающих конструкторов «азиатской» модели – альтернативное социально-экономическое развитие региона, конкуренцию с Западом, утверждение собственных ценностных ориентаций, связь между культурными традициями (образование, производственная дисциплина, преданность корпорации, доверие, семейная гармония) и социальными трансформациями.

Ключевые слова: Информационное общество, вариант азиатской модели, корпоративная пирамида, сотрудничество государства и рынка, ориентация на национальные культурные традиции.

Постановка научной проблемы. В современном мире «человеческий капитал» (научное знание, информация) и современные информационно-коммуникационные технологии выступают в качестве важнейшего стратегического ресурса государства, а доступ к ним – основным фактором социально-экономического развития. В условиях глобальной конкуренции мало догнать группу государств-лидеров в мировом цивилизационном процессе, стране необходимо взять установку на поиск собственного сегмента. «Развитие национальной информационной инфраструктуры, - утверждает К.А.Панцырев, - признается большей частью международного сообщества наций наиболее важной стратегической целью государства» [1].

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) начинали с адаптации технологий, импортируемых из развитых стран Западной Европы и США, но, освоив западный опыт, наладили собственное производство нового знания, новых технологий и интеллектуальных продуктов на альтернативной основе. «Азиатское чудо» - модель развития информационного общества – объединяет различные версии социально-экономического развития стран региона на основе вариантов сотрудничества государства и предпринимателей, сохранения социологического и политического рынка.

Учитывая экономические санкции, которые страны Евросоюза и США активно применяют к государствам, ведущим самостоятельную политику, представляется перспективным исследовать азиатскую модель успешного строительства информационного общества Японии, «азиатских тигров», Индии и Китая, версии которой мало зависимы или же закрыты от санкций Запада (как китайская).

Цель и задачи. Целью данной статьи является анализ вариантов трансформации азиатской модели развития информационного общества в странах АТР.

Задачи: 1) уточнить определение «информационное общество»; 2) выявить специфику азиатской модели построения информационного общества

в конкретных странах Азиатско-Тихоокеанского региона, идеологические и философские принципы, обусловившие успех для каждого государства.

Изложение основного материала. Общество, в котором человечество проживет XXI столетие называют сетевым (М. Кастельс), постэкономическим (Г. Кан, В. Иноземцев), информационным (Й. Масуда), посткапиталистическим (П. Дракер, Р. Дарендорф), постцивилизационным (К. Боулдинг), постбуржуазным (Дж. Лихихайм), постисторичным (Р. Сейденберг), постпротестантским (С. Алстром). Терминологическое разнообразие свидетельствует как о мультипарадигмальности социальных наук, так и о сложности изучаемых процессов в сфере ИКТ-технологий.

Развивающееся в рамках двух базовых моделей - западной и азиатской, информационное общество стало политическим, идеологическим, социально-практическим феноменом нового тысячелетия. Современные теории информационного общества, дифференцированы зарубежными учеными по двум основным направлениям:

- концепция постиндустриализма (Д. Белл, Р. Дарендорф, А. Турен);
- концепция собственно информационного общества (О. Тоффлер, Й. Масуда, Дж. Нейсбит, М. Маклюен и др.).

Как показывает проведенный анализ исследовательских разработок, проблема информационного общества интенсивно разрабатывается на Западе (исследования М. Кастельса, Р. Катца, А. Лаборита, Дж. Мартина, Д. Медоуза, Ф. Уэбстера, Г. Стоуньера, Д. Шумана). Французская социальная школа (А. Минк, С. Нора, М. Постер) впервые обратилась к интерпретации проблем культуры в постиндустриальном обществе в отличие от последователей Д. Белла, акцентирующих экономические вопросы» [2]. В России проблемы информационного общества разрабатываются В.Г. Афанасьевым, Ю.А. Алексеевой, В.С. Барулиным, Е.Л. Варгановой, В.З. Коганом, И.С. Ладенко, В.Л. Иноземцевым, А.И. Ракитиным, А.Д. Урсулом.

К настоящему времени большинство зарубежных и отечественных теоретиков связывает дальнейшее становление информационного общества с качеством информации, распространяемой по компьютерным сетям, когда прогресс информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) преобразовывает общество благодаря изменению природы и свойств информации. Таким образом, концепция информационного общества видоизменяется в концепцию общества знаний («knowledge society») [3]. Анализ имеющихся подходов позволил авторам скорректировать рабочее определение информационного общества для данной статьи: «информационное общество – это принципиально новый этап развития современной цивилизации, основными ресурсами которого выступают информация и знание, а деятельность людей осуществляется с помощью информационно интеллектуальных технологий и технологий связи». Далее, развивая данную дефиницию, можно прийти к выводу, что информационное общество выступает не только как эконо-

мическое, технократическое, социологическое понятие, но - прежде всего – понятие социально-философское, на рефлексивном уровне фиксирующее развертывание информационной парадигмы в социуме.

Азиатская вариативная модель развития информационного общества имеет свою специфику, в отличие от западной модели в ней учитываются особенности экономики, политики и культуры стран Азиатско-тихоокеанского региона (Японии, Китая, Индии, Южной Кореи).

Азиатская модель информационного общества реализует идеологическую доктрину, построенную на отрицании западных норм, на утверждении собственных ценностей и моделей поведения. В основе «азиатского чуда» - сотрудничество государства и рынка, потребность при очередной социальной трансформации сохранять и развивать культурные ценности конфуцианства (рабочая дисциплина, профессионализм, акцент на образованность, бережливость, конечный результат; преданность, доверие и взаимопомощь на базе признания авторитета руководителей как глав своеобразной трудовой «семьи»). Философские принципы сосуществования и сопроцветания, разделенной всеми сотрудниками радости роста и способность правительственных структур поддержать институализацию этих принципов на уровне отдельной организации, области, страны - вот, что, по мнению исследователей из стран АТР, закладывает фундамент успеха.

В Японии термин «информационное общество» ввели в научный оборот в начале 60-х гг. XX века японские ученые Е.Масуда и Ю.Хаяша. Первая «Белая книга» по компьютеризации Министерства общих дел, почт и телекоммуникаций вышла в середине 1960-х и с этого времени Япония стала первооткрывателем в сфере развития компьютеризации и формирования теоретической базы информационного общества, но с учетом национально-культурного компонента.

Японская модель информационного общества ориентирована на совершенствование системы корпоративного управления по принципу иерархической пирамиды, в основе которой лежат принципы *он* (благодарность), *гиги* (ответственность), *ва* (гармония), с помощью которых достигается консенсус о взаимопонимании и взаимопомощи на высшем и нижестоящих уровнях структуры [4].

Экспериментальная модель «Тама ККИС» (автор Й.Масуда) строится на приоритетном развитии информационных технологий и внедрении информационных услуг во все сферы жизнедеятельности государства.

Власти Японии прилагают серьезные усилия, чтобы интеллектуальный капитал нации стал всеобщим достоянием всех японцев для чего были существенно увеличены вложения государства в фундаментальные исследования и в прикладные разработки, обеспечивающие повышение качества жизни населения. На основе принятого в 2000 году Закона о формировании передового информационного и телекоммуникационного

общества Кабинет министров Японии инициировал программу «Информационная революция». Государственная поддержка интеллектуальной деятельности была направлена на поощрение деятельности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, выявление людей – вне зависимости от пола и возраста, обладающих пионерскими, предпринимательскими качествами, не ценившейся ранее оригинальностью мышления.

Результаты реализации этой программы, включая создание информационного права как отдельной отрасли японского законодательства, позволяют Японии оставаться лидером в сфере изобретений и использования новейших телекоммуникационных технологий и успешно строить второй этап информационно-телекоммуникационного общества [5].

Представляет интерес индийский опыт построения информационного общества. Отказавшись от приватизации и даже либерализации, страна сохраняет контроль над информационно-коммуникационным сектором, включая международную и междугороднюю связь. Только на рынке местных услуг возможно иностранное партнерство (до 49%).

Особенности построения информационного общества в Индии – это осторожность, последовательность и ориентация на национальные культурные традиции. Индия не только владеет значительным научно-техническим потенциалом, но и эффективной законодательной системой в области инновационных технологий и образования, направленная на обеспечение каждому жителю доступа к информационно технологическим ресурсам. В бывшей английской колонии, где до сих пор свыше 50% населения остаются неграмотными, 1/5 экспорта составляют современные продукты программного обеспечения.

В основе формирования информационного общества Китая лежит модель экономического сотрудничества государства и рынка. Весомые инвестиции в сферу научно-технических разработок уже обеспечивают позитивные результаты, обещая в будущем превратить эту страну в один из мировых центров новых технологий. Китай готов к последнему победному рывку в сфере телекоммуникаций, так как в настоящее время уже занимает второе место в мире по размеру своих коммуникационных сетей.

Младоазиатская модель выступает как стратегия региона Восточной и Юго-Восточной Азии – «коридору индустриального и информационного развития», к которому эксперты причисляют Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Гонконг. К странам лидерам этого региона в последнее десятилетие быстрыми темпами приближаются Таиланд, Малайзия и Вьетнам.

Младоазиатская модель – трансформированная из японской, строится на основе политического и экономического сотрудничества государства и частного сектора. Успех в ее реализации является результатом поддержания стабильной макроэкономической и политической среды и эффективного сотрудничества государства с частным капиталом. На практике правительства

государств Восточной и Юго-Восточной Азии поощряют вклады частного сектора в информационную сферу, сами достаточно щедрыми инвестициями стимулируют создание материальной и социальной инфраструктуры для развития ИКТ-технологий. Государственный контроль, его формы и методы, могут быть различными, но дилемма «государство ↔ рынок» выступает как социально-политическая, а не сугубо экономическая.

Вывод: При рассмотрении основных вариантов азиатской модели развития информационного общества авторы разделяют мнение экспертов, что именно национальные и региональные особенности стран АТР обуславливают специфику его построения и развития. «Западная» модель отдает предпочтение либерализации рынка информационных технологий и универсализации обслуживания. В основе «азиатской» модели – альтернативное социально-экономическое развитие региона: конкуренция с Западом, утверждение собственных ценностных ориентаций, связь между культурными традициями (образование, производственная дисциплина, преданность корпорации, доверие, семейная гармония) и социальными трансформациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панцырев К.А. Современные модели информационного общества//Вестник Санкт-Петербургского университета.- СПб, 2011. Сер.6. – С.39
2. Путилова Елена Александровна. Интернет как фактор формирования информационного общества. Тюмень, 2004. – С.7.
3. Бутенко Е.В. Коммуникативные технологии этапов развития информационного общества в XX веке. Томск, 2003. – С.24.
4. Корнеев И.Н. Теоретический анализ результатов технических инноваций и перехода к постиндустриальной экономике. //Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – М., 2010. – С.45.
4. Павлов В.Л. Особенности информационного общества // Философия цивилизаций . – 2010. - № 4. - С.62.
5. Савинцева М.И. Развитие информационного права и информационного общества в Японии //Современное право. – 2007. - № 2. – С.112

Belozerova Tatiana,

Kursk Institute of Social Education (branch) of the Russian State Social University, Associate Professor, Ph.D., Faculty social and Humanities

Key aspects of the provincial party leadership by the media in the 1970s and early 1980s. (on the example of the Kursk region)

Abstract: The article analyzes the principle of party leadership regional media in 1970 - the beginning of the 1980s. The author reveals the main activities of the Party and government agencies to manage provincial media in the period of "developed socialism."

Keywords: press, television, radio, the propaganda department CPSU.

Белозерова Татьяна,

*Курский институт социального образования,
(филиал) Российского государственного социального университета,
доцент, кандидат исторических наук,
социально-гуманитарный факультет*

Основные аспекты партийного руководства провинциальными средствами массовой информации в 1970- начале 1980-х гг. (на примере Курской области)

Аннотация: статья посвящена анализу принципа партийного руководства региональными средствами массовой информации в 1970 – начале 1980-х гг. Автором раскрываются основные направления деятельности партийно-государственных структур по управлению провинциальными СМИ в период «развитого социализма».

Ключевые слова: печать, телевидение, радиовещание, отдел пропаганды и агитации, КПСС.

В советский период истории печать и телерадиовещание Курской области находились в системе двойного подчинения. Государственная регламентация отрасли «Культура и искусство» была определена Общесоюзным классификатором отраслей народного хозяйства. В нем в состав этой отрасли

наряду с учреждениями культуры (библиотеки, музеи, клубы и т.д.) были включены и редакции радиовещания и телевидения. По классификатору в пункт «Культура и искусство» не вошли редакции газет и журналов, издательства, типографии [1]. Помимо ведомственной структуры в Курской области в 1970-1980-е гг. деятельностью редакций газет, областного радио и телевидения руководили отделы пропаганды и агитации обкома, горкома, райкомов партии, выполнявшие функции «public relations по-советски» [2]. Они определяли основные направления культурно-политической деятельности средств массовой информации. Руководители государства стремились использовать весь имеющийся потенциал масс-медиа для укрепления и распространения ценностей советской культурной парадигмы, для которой были характерны высокая степень идеологизированности политической жизни, ориентация граждан на партию, выполнявшую функции государства, как на высший авторитет, нетерпимость к инакомыслию и инакодействию, отсутствие политической оппозиции, авторитарные методы принятия решений [3]. Пресса являлась главным инструментом партии по созданию необходимых для существования советской системы социально-экономических и культурно-политических условий. Печать, радио, телевидение, находясь под полным контролем партийных организаций всех уровней, стали своеобразным органом управления общественным мнением, направляя помыслы миллионов людей в нужное русло.

Главным принципом деятельности прессы, телевидения и радиовещания в советский период считался принцип партийного руководства средствами массовой информации, что неоднократно подчеркивалось в постановлениях ЦК КПСС и публикациях центральной и региональной прессы. В 1970-е гг. на страницах печати нередко можно было встретить следующие строки: «Пресса призвана активно содействовать повышению эффективности производства, ускорению научно-технического прогресса, развитию инициативы и активности масс. С этой целью ... следует настойчиво улучшать партийное руководство газетами как мощным инструментом идейного и организованного влияния на ход экономического развития» [4].

В партийном руководстве средствами массовой информации в этот период можно выделить ряд основных направлений. Обком, горком, райкомы КПСС на заседаниях бюро регулярно рассматривали и утверждали планы работы газет, телевидения и радиовещания, осуществляли контроль над выполнением планов, заслушивали отчетные доклады редакторов газет и областного радио и телевидения. Зачастую партийные органы определяли тематику газетных публикаций, телевизионных и радиопередач. В 1970-е годы в газете можно встретить следующее указание: «важно, чтобы газеты уделили особое внимание пропаганде положений и выводов речи товарища Брежнева Л.И. ... глубже, квалифицированнее показать разностороннюю деятельность партийных организаций по осуществлению аграрной политики КПСС» [5]. Все

эти меры не могли не сказаться на содержании газетных публикаций и повседневных передач Курского областного комитета по телевидению и радиовещанию.

В Курской области в 1970-1980-е гг. партийные организации в своей деятельности по распространению и утверждению ценностей советской политико-культурной парадигмы использовали разветвленную сеть средств массовой информации. Здесь издавалось 2 областных, 28 районных, 20 многотиражных газет. Средний разовый тираж районных газет составлял примерно 160 тыс. экземпляров. Каждая районная газета имела тираж от пяти до восьми тысяч экземпляров[6]. Районную газету выписывала каждая вторая сельская семья и она была наиболее близка местным жителям, поскольку ее содержание касалось жизни их родного района, колхоза. Жители области имели возможность смотреть I-ую и II-ую программы Центрального телевидения и передачи Курского телерадиокомитета. Местное телевидение строилось на принципе дополняемости центрального. Курский телерадиокомитет представлял собой уменьшенную копию Гостелерадио СССР как по организационной структуре, так и по видам вещания. Основным объемом собственных местных передач составляли в 1970-1980 гг. информационные выпуски «Курских новостей», общественно-политические программы и передачи по вопросам экономики, промышленности, строительства и сельского хозяйства. В апреле 1974 г. после образования объединенной редакции информации телевидения и радиовещания, информационные передачи стали составлять около половины всего объема курского телерадиовещания. Областное радио транслировало свои передачи ежедневно, телевидение – 5 раз в неделю (кроме субботы и воскресенья). Передачи местного телерадиовещания преследовали цель «рассказать о многообразной жизни области, активно воздействовать на развитие ее экономики, культуры, процесс коммунистического воспитания трудящихся» [7].

Под руководством партийных организаций усилия региональных средств массовой информации в 1970-1980-х гг. были сосредоточены на реализации идеологических установок КПСС и распространении ценностей советской культуры – коллективизм, патриотизм, честный труд, интернационализм. В период «развитого социализма» в выступлениях средств массовой информации преобладала хозяйственно-производственная и партийная тематика. С одной стороны, доминирование экономических материалов было характерно для всей советской системы средств массовой информации. С другой – наличие в области пятисот колхозов и совхозов, ферм, других производственных объединений создавало обширное поле деятельности журналистов. Кроме того, в условиях отсутствия материальных стимулов партийные организации вынуждены были искать иные формы поощрения и стимулирования труда производственных коллективов. Одной из таких форм стало социалистическое соревнование, в организации которого постановлениями ЦК КПСС основная

роль отводилась многоуровневой системе региональных средств массовой информации.

Коллективам телерадиокомитетов, редакциям газет постановлениями ЦК КПСС и Государственного комитета при Совете Министров СССР по телевидению и радиовещанию, Госкомиздата СССР предписывалось регулярно рассказывать о героях труда, передовиках и новаторах производства, поддерживать и распространять проверенные практикой новые начинания, раскрывать содержание передовых методов труда, значение социалистического соревнования, систематически организовывать переклички соревнующихся, информировать население о ходе соревнования и его результатах. Так Государственный комитет при Совете Министров СССР по радиовещанию и телевидению рекомендовал республиканским, областным краевым радиокомитетам по согласованию с местными директивными органами создать посты на важнейших стройках республики, края, области [8]. Такие посты в Курской области были созданы, например, комсомольских стройках Михайловского ГОКа и Курской АЭС. В 1976 году передано 150 сообщений с этихстроек [9]. Многотиражные газеты «Курская руда» и «Энергостроитель» сообщали о ходе проведения работ и социалистическом соревновании строительных бригад [10]. Областная газета «Курская правда» взяла под контроль пусковые объекты горно-обогатительного комбината и электростанции [11]. В 1981 г. сдавался в эксплуатацию сахарный завод в Золотухинском районе и отдел пропаганды и агитации Курского областного комитета партии обязал газеты «Курская правда» и «Молодая гвардия», Золотухинскую районную газету «Колхозная жизнь», Комитет по телевидению и радиовещания Курского облисполкома «глубоко и всесторонне освещать ход строительства завода, соревнование коллективов строителей», создать постоянно действующий корреспондентский пункт, организовать выпуск радиогazеты на стройке. На страницах областных и районной газет была введена специальная рубрика «Дневник стройки» [12].

То же самое можно сказать и о сельском хозяйстве. Ежегодно областной газете «Курская правда», районным и многотиражным газетам, журналу «Политическая агитация» обкомом партии предписывалось публиковать примерные планы соревнования колхозов и совхозов, разрабатывать мероприятия по освещению хода сельскохозяйственных работ. Выполняя подобные постановления и в целях организации социалистического соревнования тружеников села Курский телерадиокомитет ежегодно накануне выхода земледельцев в поле проводил весеннюю радиоперекличку соревнующихся районов. Секретари райкомов партии и другие работники у микрофона областного радио рассказывали о готовности колхозов к весенним полевым работам. Короткие оперативные сообщения, репортажи, кино- и фотосюжеты о ходе весеннего сева регулярно включались в радио и телевизионные выпуски «Курских новостей». По радио регулярно шли

специальные выпуски «Вести с полей», а по телевидению – «На полях области».

В практику комитета вошло и формирование совместных выездных бригад телевидения и радиовещания, областной газеты «Курская правда», областного управления сельского хозяйства, областного комитета народного контроля, областного штаба «комсомольский прожектор». Бригады бывали в более чем половине районов области. В материалах, которые срочно доставлялись в комитет и шли в эфир, рассказывалось об опыте проведения сева в передовых хозяйствах, о передовиках, особенностях агротехники, наряду с этим острой критике подвергались неорганизованность, медлительность. Так серьезные упущения в организации полевых работ, в политической работе с людьми были вскрыты рейдовой бригадой в Солнцевском районе. По этой передаче райком партии принял срочные и решительные меры.

Многотиражные и районные газеты публиковали социалистические обязательства и договоры коллективов, вводили такие рубрики, как «Задание трех лет пятилетки – к первой годовщине Конституции СССР», «Работать без отстающих», «Качеству – главное внимание», «Резервам – строгий счет», «Передовой опыт – всем» [13]. Под этими рубриками печатались обычно заметки о передовиках производства, выполнении производственных планов коллективами.

В практику ряда районных газет вошла публикация листка гласности соревнования. Обком партии не раз отмечал хорошую работу газет «Сельская новь» (Курский район), «Колхозная жизнь» (Золотухинский район), «За изобилие» (Рыльский район), многотиражных газет «Прогресс» (орган партийного комитета, профкома и комитета ВЛКСМ завода «Аккумулятор»), «Вперед» (орган партийного комитета, профкома и комитета ВЛКСМ завода РТИ).

В основном на страницах газет присутствовали материалы информационного характера. Зачастую освещение хода соревнования сводилось к общим лозунгам, призывам, перечислением цифр. Подобные недостатки областной комитет партии не раз отмечал в работе газет «Вперед к коммунизму» Касторенского района, «Путь Ильича» Фатежского района, «За честь хлебороба» Солнцевского района, «Заря Октября» Хомутовского района, многотиражных газетах «Темп» треста Курскрудстрой, «Машиностроитель» завода КЗТЗ[14]. По Дмитриевской районной газете «Ленинец», в 1974 г. обкомом было принято решение о серьезных недостатках в работе этой газеты. Публикации «Ленинца» отличались излишней сухостью, формализмом и бессистемностью, в освещении социалистического соревнования[15].

Интересно, что делая замечания газетам, работники отдела пропаганды и агитации обкома из года в год не меняли даже тексты постановлений, касающихся этих вопросов. Для примера приведем цитату из двух документов:

«Мероприятия отдела пропаганды и агитации обкома КПСС по политическому обеспечению успешного проведения весенне-полевых работ в 1978 году» [16] и то же самое за 1981 год [17]. «Газете «Курская правда» и журналу «Политическая агитация опубликовать примерные планы организаторской и массово-политической работы ряда партийных организаций колхозов и совхозов на период проведения весенне-полевых работ. Редакциям областных газет, комитету по телевидению и радиовещанию разработать мероприятия по оперативному и квалифицированному освещению хода весенне-полевых работ, организовать выпуск специальных бюллетеней, листовок соревнования». Такой подход свидетельствует о формальном отношении партийных работников к деятельности местных средств массовой информации и нежеланию менять стиль и методы руководства. В тоже время они требовали от прессы разнообразить подачу материалов, повысить действенность и информативность статей и передач.

Надо отметить, что наибольшую активность газеты проявляли в период публикации социалистических обязательств и подведения итогов соревнования. Контроль же за выполнением принятых коллективами обязательств осуществлялся не системно, от случая к случаю. Например, в 1976-1977 гг. областная газета «Курская правда» опубликовала 825 критических статей по выполнению производственными предприятиями и объединениями области решений XXV съезда КПСС и лишь 139 сообщений о предпринятых по критическим замечкам мерах. В итоге действенность, которая может быть определена как «степень массово-информационного обеспечения решения задач социально-экономического развития страны, проявляющаяся в конкретных мерах, принятых по выступлениям журналистов» [18] была невысокой.

Критические передачи курского радио и телевидения в 1970-1980 гг. можно разделить на две категории: выступления областных руководителей по ходу важнейших сельскохозяйственных дел и корреспонденции, подготовленные штатными сотрудниками телевидения и радио. Таких передач насчитывалось около 50 в год, что при небольшом объеме собственных передач было немало [19]. По всем передачам первой группы, как правило, материалы для принятия мер не посылались т.к. в каждом таком выступлении критика направлялась во многие адреса. Действенность таких передач может быть измерена лишь относительно и определялась общим положением дел. Районными комитетами партии, правлениями и парткомами колхозов и совхозов, которые подвергались критике, принимались меры, для устранения отмеченных недостатков, извлекали уроки и те, кто критике не подвергался. По второй группе критических передач телерадиокомитет получал ответы и передал сообщения «По следам наших выступлений».

Самой распространенной формой критических передач журналистов телерадиокомитета являлись рейды, проводимые совместно с областным

комитетом народного контроля. Только августе и сентябре 1975 г. было проведено 8 таких рейдов, в которых кроме корреспондентов и инспекторов областного комитета народного контроля, участвовали и представители областной газеты «Курская правда», областного совета профсоюзов и обкома комсомола. Материалы рейдов, как правило, публиковались по радио и в областных газетах.

Повышению эффективности и действенности выступлений печати, радио и телевидения партийные организации Курской области уделяли особое внимание, поскольку эта проблема поднималась на всех съездах и содержится практически во всех постановлениях ЦК КПСС, касающихся идеологической работы партии. ЦК неоднократно обращал внимание партийных организаций на необходимость прислушиваться к выступлениям газет и журналов, радио и телевидения. В постановлении ЦК КПСС «О действенности выступлений советской печати» отмечается: «Имеются факты, когда руководители некоторых организаций и учреждений любыми способами стараются опровергнуть справедливые критические выступления печати, выискивают всяческие оправдательные документы. Или на словах признают критику, а практически ничего не делают для устранения недостатков» [20]. Вопросы эффективности устной политической агитации средств массовой информации и пропаганды в Курской области изучались на семинарах секретарей партийных организаций, их заместителей, ведающих идеологической работой, на семинарах лекторов, агитаторов[21].

Оценить реальную степень действенности выступлений курских региональных средств массовой информации довольно сложно. Постоянно поднимая вопрос о поддержке замечаний средств массовой информации, зачастую региональные парторганизации ограничивали круг ее интересов перепечаткой или обсуждением публикаций печатных органов вышестоящих инстанций. По данным исследований некоторые райкомы Курской области на своих заседаниях в течение ряда лет вообще не обсуждали публикации районных газет[22]. Таким образом, руководящие органы своим примером создавали условия безответственного, необязательного отношения к критическим материалам. К тому же многие проблемы решались по принципу «телефонного права» или на уровне руководства предприятий.

Своей деятельностью средства массовой информации вносили весомый вклад в экономическое развитие страны. Будучи организатором социалистического соревнования, восторженно провозглашая его итоги, морально поощряя передовиков производства, они вызывали в советском обществе волну массового энтузиазма, направляя тем самым энергию населения на достижение конкретных результатов. Однако истинные итоги работы миллионов не становились достоянием гласности. 10 января 1981 г. в Курском обкоме на семинаре-совещании идеологических работников обсуждалась ситуация в промышленности области. В частности отмечалось,

что по многим основным показателям положение не соответствует заданиям 5-летнего плана. Тридцать два промышленных предприятия и объединения Курской области не справились с выполнением Госпланов по реализации продукции, недодав ее на 50 млн. р., ежегодно от 10 до 25 % предприятий не обеспечивали задания по производительности труда,. Ряд коллективов не выполнили план по номенклатуре изделий, нарушали договорные обязательства, лишь 14 % предприятий выпустили продукцию высшего качества, план продажи зерна государству выполнен на 70 %, сахарной свеклы - на 57%[23]. На семинаре присутствовали и представители местной печати, и председатель курского телерадиокомитета. Однако ни в микрофонном материале передач радио и телевидения, ни в газетах автору не удалось обнаружить указанные сведения.

Еще одним направлением деятельности местных средств массовой информации стало освещение работы региональных органов власти. В Курской области деятельность местных органов управления освещалась в телерадиопередачах довольно оперативно. Прежде всего, обеспечивалась систематическая информация о решениях, принимаемых Областным Советом депутатов трудящихся и его исполкомом, со всех сессий передавались отчеты звучанием до 20 минут. На следующий день после очередного заседания облисполкома передавалась подборка сообщений «Вчера в облисполкоме», в которых рассказывалось о ходе обсуждения и принятых решениях, регулярно передавались интервью, репортажи о ходе выполнения решений облсовета и облисполкома[24]. Редакция общественно-политических передач телевидения в течение многих лет (от основания комитета до 1991 года) вела рубрику «Советы – власть народная» о деятельности городских, сельских, районных, поселковых Советов, о работе депутатов. Например, в 1971 – 1972 гг. эти передачи были посвящены деятельности Советов по претворению в жизнь решений XXIV съезда КПСС. В них рассказывалось об организующей роли сельских Советов в колхозном и совхозном производстве, в организации социалистического соревнования, о руководстве местными советами, о работе постоянных комиссий. Всего проведено 10 передач[25]. А в 1975 г. под рубриками «Советы – власть народная», «Телевизионная приемная областного Совета депутатов трудящихся» прошло более 100 сообщений.

Неоднократно ЦК КПСС в своих постановлениях и обращениях призывал увеличить количество материалов об «опыте идеологической борьбы и организационной работы партийных комитетов», усилить в передачах телевидения и радио освещение «многогранной деятельности Советов народных депутатов по осуществлению решений съездов партии, Пленумов ЦК КПСС» [26].

Через средства массовой информации в практику советской политической культуры вошло всенародное обсуждение. Ни один из государственных планов развития народного хозяйства, ни один из крупных актов нашего

законодательства не принимался без всенародного обсуждения, хотя оно и было формальным и зачастую превращалось во всеобщее одобрение политики партии и правительства. Так в октябре 1977 г. была принята новая Конституция СССР, которая закрепила руководящую и направляющую роль КПСС. Введению Конституции предшествовало всенародное обсуждение ее проекта в средствах массовой информации. С 4 июля по 29 августа 1977г. в передачах Курского комитета по телевидению и радиовещанию прошло 266 материалов, посвященных обсуждению проекта нового закона государства[27]. «Все выступавшие по радио и телевидению граждане дали высокую оценку проекта конституции и выразили уверенность, что принятие новой Конституции будет способствовать достижению новых успехов в коммунистическом строительстве, росту международного авторитета нашей страны» [28].

Партийные организации так же использовали провинциальные СМИ в целях воспитания человека с твердыми марксистско-ленинскими убеждениями. На курском телевидении и радио велось несколько передач, посвященных вопросам коммунистического воспитания жителей области: «Сила дружбы», «Курская магнитная аномалия – стройка Всесоюзная», «Человек проходит как хозяин», «Дружба, рожденная в труде», «Человек и его дело», регулярно ведутся передачи под рубрикой «Передовики пятилетки», «Мы – коммунисты». Передачи призваны на конкретных примерах воспитывать чувство «пролетарского интернационализма использовали, коммунистическое отношение к труду» [29].

Среди задач региональных средств массовой информации далеко не последнее место занимала пропаганда советского образа жизни. Комитету по телерадиовещанию Курской области в 1970-1980-х гг. была поручена подготовка передач для радиостанции «Родина», ведущей вещание на соотечественников, проживающих в капиталистических странах. Передачи должны были убеждать соотечественников и жителей капиталистических стран в преимуществах социалистического образа жизни. Отсюда вытекали и основные направления пропагандистской работы: широкий и яркий показ успехов в коммунистическом строительстве, всесторонне показывать преимущества советского образа жизни, отражать в передачах обстановку патриотического подъема, с которым рабочие, колхозники, интеллигенция претворяют в жизнь решения очередного съезда КПСС, пропаганда новых норм взаимоотношений советских людей, рассказ о заботе партии о благосостоянии советского народа, о том, какую заботу проявляет советское государство о тех соотечественниках, которые вернулись на родину. Большое роль отводилась материалам контрпропаганды[30]. В 1970г. в качестве темы для пропаганды советского образа жизни предлагалось 100-летие со дня рождения В. И. Ленина.

Пропаганда советского образа жизни присутствовала и в многотиражных газетах. Например, в период противостояния СССР и США многотиражная

газета курского завода «Счетмаш» опубликовала статью под названием «В зеркале двух миров». В статье среди положительных черт советского образа жизни отмечаются право на бесплатное образование и возможность учиться без отрыва от производства, что, по мнению автора, свидетельствует о «реальной заботе государства». Подзаголовок «Там, где правит капитал» перечисляет такие черты американского образа жизни, как различие в праве на образование для людей разных классов[31]. Через месяц под рубрикой «В мире капитала» та же газета опубликовала статью о проблемах американской семьи в связи с сокращением в США государственной помощи многодетным семьям и помощи для новорожденных [32].

Начавшееся во второй половине 1980-х гг. стихийное перерождение системы изменило весь жизненный уклад советского общества: трансформировалась система ценностей, производственные отношения внутри предприятий, стремительно падала трудовая дисциплина, мотивация труда слабела вместе с верой в близкое торжество коммунизма. С провозглашением перестройки и политики гласности изменились взаимоотношения между партийными организациями и прессой.

Таким образом, информационная деятельность коммунистических средств массовой информации отвечала интересам и нуждам КПСС и задачам социалистического развития нашей страны. Взаимоотношение власти и средств массовой информации в 1970-1980 гг. как на центральном, так и на региональном уровне определялось формулой «газета – орган партийного комитета». Провинциальные СМИ рассматривались как основа и центр политической организации и в силу этого, они ни при каких обстоятельствах не должна была оставаться вне контроля партии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курочкина А.А. Система управления средствами массовой информации. – СПб., 1999 – С. 29.
2. Рева В. Е. Связи с общественностью: история, теория, практика. - М., 1997. – С. 6 – 8.
3. Забелин П.В., Дрягилев Л.А., Федцов В.Г. Политология: учебно-практическое пособие для вузов. – М., 2002. – С. 194-195.
4. Партийный комитет и газета // Курская правда. – 1974. – 7 апреля.
5. Партийный комитет и газета // Курская правда. – 1974. – 7 апреля.
6. Подсчитано автором по: ГАКО. Ф. Р – 4952, оп. 1, д. 378, л. 2.
7. ГАКО. Ф. Р. – 3705, оп. 1, д. 114, л. 4.
8. ГАКО. Ф. Р. – 3705, оп. 1, д. 98, л. 85 .
9. ГАКО. Ф. Р. – 3705, оп. 1, д. 122, л. 25-27.
10. По материалам газет «Курская руда» и «Энергостроитекь» 1975, 1976 гг.

11. ГАОПИ КО. Ф.П. – 1, оп. 87, д. 91, л. 49.
12. ГАОПИ КО. Ф.П. – 1, оп. 87, д. 247, л.18.
13. ГАОПИ КО. Ф.П. – 2878, оп. 21, д. 43, л. 32.
14. ГАОПИ КО. Ф.П. – 1, оп. 87, д. 91, л. 48.
15. ГАОПИ КО. Ф.П. – 1, оп. 87, д. 91, л. 49.
16. ГАОПИ КО. Ф.П. – 1, д. 167, л.13.
17. ГАОПИ КО. Ф.П. – 1, оп. 87, д. 288, л. 3.
18. Прохоров Е. П. Введение в журналистику, М., 1988. – С. 193.
19. Подсчитано автором по материалам фонда комитета по телевидению и радиовещанию Курской области.
20. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сб. документов и материалов, М., 1972. – С. 351.
21. ГАОПИ КО. Ф. 2878, оп. 21, д. 43, л. 31.
22. Петров В. Н. Деятельность парторганизаций Центрального Черноземья по руководству средствами массовой информации и пропаганды 1971-1980 гг.: Дис. канд. ист. наук.. – Курск, 1989 . – с. 149.
23. ГАОПИ КО . Ф.П. – 1, оп. 87, д. 291, л.19-21.
24. ГАКО. Ф. Р. – 3705, оп. 1, д. 178, л – 1.
25. ГАКО. Ф. Р. – 3705, оп. 1, д. 137, л. – 137 .
26. ГАКО. Ф. Р. – 3705, оп. 1, д. 199, л. 91.
27. ГАКО. Ф. Р. – 3705, оп. 1, д. 189, л. 20-21.
28. ГАКО. Ф. Р. – 3705, оп. 1, д. 189, л. 37.
29. ГАКО. Ф. Р. – 3705, оп. 1, д. 137, л. 64.
30. ГАКО. Ф. Р. – 3705, оп. 1, д. 98, л. 126-137.
31. В зеркале двух миров // За новую технику. – 1985. – 20 февраля.
32. «Американская семья // За новую технику. – 1985. – 6 марта.

Tatiana Zolotareva,
North Caucasian Federal University,
docent, candidate of Philosophy science,
cathedra of social philosophy and ethnology,

The features and the main stages of creative work

Abstract: The paper considers the creative work, the stages of its formation. The publication is an attempt to analyze the various aspects of creative activity, technical creativity in the works of famous scientists, produces the desire to illuminate the process of technological creativity and its role in personality formation

Keywords: creativity, creative process, technical creativity, work.

Золотарева Татьяна,
Северо-Кавказский федеральный университет,
доцент, кандидат философских наук,
кафедра социальной философии и этнологии

Особенности и основные этапы творческого труда

Аннотация: Статья посвящена осмыслению творческого труда, этапам его становления. В публикации делается попытка анализа различных аспектов творческой деятельности, технического творчества в трудах известных ученых, производится стремление осветить процесс технического творчества и его роли в формировании личности.

Ключевые слова: творчество, творческий процесс, техническое творчество, трудовая деятельность.

В современных условиях повышаются требования к различным сторонам жизнедеятельности человека, ко всей системе общественных взаимосвязей, в которые он включен. Всестороннее развитие человека и его способностей есть следствие деятельности человека в ходе исторического развития. Происходит изменение человеческой природы, формирование новых качеств личности. Под влиянием непрерывного процесса роста внедрения новой техники и технологий высвобождаются творческие силы человека, он превращается в творческую личность, становится созидателем. Специальные знания, высокая про-

фессиональная подготовка, общая культура человека превращаются в обязательные условия успешной жизнедеятельности.

Современный период развития общества характеризуется тесным взаимодействием науки, техники, производства, дальнейшим формированием единой и сложной системы этих важнейших форм человеческой. Одной из сторон социальной активности личности является техническое творчество. В данной статье делается попытка осветить процесс технического творчества и его роль в формировании личности.

Различные аспекты творческой деятельности, технического творчества рассматривали ряд российских, западных, американских ученых (П. К. Энгельмейер, П.Хилл, Г. С. Альтшуллер, Г.Я. Буш и др.), которые выполнили содержательный анализ творчества, ввели в оборот поэтапные схемы решения творческих задач.

Творческий процесс «генерирования» идей при создании новых типов изделий рассматривал видный американский специалист по теории и методам конструирования Перси Хилл. Он обращал внимание на то, что творческие идеи чаще появляются у любознательных людей и начинаются с внимания к деталям, которые обычно игнорируются.

Творческие идеи могут быть получены и в том случае, когда процесс содержит не все перечисленные этапы или протекает в другой более предпочтительной последовательности. П.Хилл выделяет следующие этапы творческого процесса, которые обеспечивают решение проблемы, создание нового устройства или появление новой идеи:

1. Беспокойство и осознание задачи.
2. Подготовка.
3. Вынашивание идеи.
4. Озарение.
5. Проверка.

На первом этапе человек сталкивается с ситуацией, которая у него вызывает беспокойство и заставляет его предпринимать некоторые шаги в поиске решения проблемы. На этапе «подготовки» подробно исследуются все возможные решения, дающие результат. П.Хилл обращает внимание, что проблема может быть решена уже на этом этапе. Третий этап «вынашивание идей» характеризуется началом мыслительного процесса. «Проблеме дают возможность созревать в течение определенного времени, когда мозг подсознательно проверяет различные «забытые» комбинации» [2, с. 46]. На этапе озарения творческая идея приходит мгновенно, когда мозг отдыхает или исследователь занят совершенно другой работой, не связанной с решением поставленной проблемы. На последнем этапе, когда уже найдена творческая идея, проводится оценка данных, имеет ли эта идея ценность, и является ли она решением поставленной задачи.

Попытку создания научно обоснованной методики технического творчества предпринял выдающийся российский психолог и философ, основоположник наиболее глубоко разработанной философско-психологической теории деятельности, российский изобретатель, автор теории решения изобретательских задач — теории развития технических систем (ТРИЗ—ТРТС), автор теории развития творческой личности (ТРТЛ) Г.С. Альтшуллер. Он указал на то, что каждое творческое решение новой технической задачи - независимо от того, к какой области техники оно относится, - включает три основных момента: постановка задачи и определение противоречия, которое мешает решению задачи обычными, уже известными технике путями; устранение причины противоречия с целью достижения нового - более высокого - технического эффекта; приведение других элементов усовершенствуемой системы в соответствие с измененным элементом. То есть процесс творческого решения новой технической задачи охватывает три ступени, которые Г.С. Альтшуллер назвал аналитической, оперативной и синтетической и представил следующую схему творческого процесса:

I. Аналитическая стадия.

1. Выбор задачи.
2. Определение основного звена задачи.
3. Выявление решающего противоречия.
4. Определение непосредственной причины противоречия.

II. Оперативная стадия.

1. Исследование типичных приемов решения (прообразов):
 - а) в природе;
 - б) в технике.
2. Поиски новых приемов решения путем изменений:
 - а) в пределах системы;
 - б) во внешней среде;
 - в) в сопредельных системах.

III. Синтетическая стадия.

1. Введение функционально обусловленных изменений в систему.
2. Введение функционально обусловленных изменений в методы использования системы.
3. Проверка применимости принципа к решению других технических задач.
4. Оценка сделанного изобретения.

На аналитической стадии происходит работа с фактами разного рода, в частности историческими, техническими, статистическими, экономическими. Это наиболее логически обусловленная часть творческого процесса. Успех творческой работы на этом этапе сильно зависит от уровня знаний в исследуемой области техники, от понимания законов ее развития, умения вести логический анализ накопленных фактов.

На оперативной стадии проводятся различные операции, как связанные так и не связанные с логикой, с помощью которых изобретатель проводит мысленные эксперименты, стараясь устранить найденные технические противоречия, идет поиск конкретных путей решения методом проб и ошибок. С помощью экспериментов определяется наилучший метод решения поставленной новой технической задачи.

Синтетическая стадия включает в себя внесение в систему различных изменений в соответствии с найденным ранее методом решения задачи, которые могут придавать системе другую форму, более соответствующую новому ее содержанию. Любая новая система порождает необходимость отыскивания новых способов ее практического применения, а также оценки соотношения между положительным эффектом от нее и затратами на ее реализацию.

Г.С. Альтшуллер обращает наше внимание на то, что приведенная схема является типичной, но не всеобъемлющей, и может быть весьма приблизительной, но развитие психологии изобретательского творчества невозможно без массового использования экспериментального метода, конечной целью которого становится практическое применение, так как выявленные закономерности должны быть учтены при разработке научной методики работы над изобретением.

Феномен изобретательства исследовал философ по образованию Генрих Язепович Буш, который много размышлял о феномене творчества и искал подходы к его пониманию, сочетая фундаментальное философское осмысления изобретательской деятельности с практической работой, что делает и сейчас его работы чрезвычайно актуальными.

В 60х – 70х годах прошлого века его программу рассматривали в качестве альтернативы программам по обучению изобретателей Г.С. Альтшуллера.

Г.Буш выделял четыре стадии творческого процесса: подготовка, замысел, поиск и реализация, и представил схему творческого процесса, в которой каждая стадия имеет непрерывную обратную связь с информацией изобретения, опорными знаниями и освоенным фондом методики изобретательства:

I. Стадия подготовки.

1. Шаг интеллектуально-творческой подготовки.
2. Шаг выявления общественных потребностей.
3. Шаг выбора темы.

II. Стадия замысла.

1. Шаг сбора и анализа информации.
2. Шаг постановки задачи.
3. Шаг выбора направления поисков.

III. Стадия поисков.

1. Шаг выбора средств решения.

2. Шаг генерирования идей решения.
3. Шаг отбора оптимального варианта решений.

IV. Стадия реализации.

1. Шаг конкретизации и оформления.
2. Шаг проверки и исполнения.
3. Шаг внедрения.

Благодаря различным взглядам на структуру творческой деятельности, исследователи наработали разнообразный материал для обобщения и лучшего понимания как структуры технического творчества, так и основных стадий формирования и развития необходимых технических знаний и интеллектуальных умений у молодежи.

Таким образом, творчество - это процесс создания нового продукта, несущего как материальную, предметную ценность, так и духовную ценность, сформулированную в нормативных отображениях о благе, добре, зле, прекрасном и безобразном, справедливом и несправедливом. Результаты творчества зависят от способностей, глубины ума и переживаний, силы воображения и воли, характера личности. Поэтому продукты творчества, включающие в конечном результате аспекты личности, не могут быть одинаковы у разных авторов [3, с. 143].

Как труд в широком смысле этого слова, так и творческий труд играют определяющую роль в развитии общества и в жизни каждого человека. Механизм трудовой деятельности можно разделить на три этапа: подготовительный, исполнительный и контрольный. Каждый трудовой акт начинается с подготовительного процесса, с определения цели, программы, с формирования в сознании идеальной картины видоизменения вещества природы. На этом этапе происходит накопление, обработка и передача информации, анализ ситуации, человек включается в творческий процесс. На следующем, исполнительном, человек непосредственно влияет на предмет труда, одновременно контролируя этот процесс, корректируя исполнение программы. Завершает процесс труда контроль произведенного продукта, когда оценивается созданная вещь, реальный предмет, механизм или приём, который позволили решить поставленную задачу. В ходе трудовой деятельности происходит преобразование труда в творческий процесс, который перерастает в устойчивую потребность.

Творчество присуще только деятельности, проводимой человеком. Одним из основных качеств, определяющих принадлежность к роду человеческому, является предметная деятельность, внутренняя основа которой есть творчество. Но творчество не присуще человеку от рождения, оно не является природным свойством, это всего лишь возможность. Способность к творчеству развивается в человеке в процессе трудовой деятельности, причем участие в преобразующей деятельности является непременным условием для развития творческих способностей.

Деятельность человека по преобразованию мира превращает человека в субъект творческого процесса, воспитывает волевые качества, дает необходимый набор знаний, умений, навыков, в конечном итоге преобразуя его во всесторонне развитую личность, которой по плечу создание качественно новых уровней материальной и духовной культуры, воспитывает из человека творца.

Одним из важнейших факторов роста научно-технического творчества является образование, которое способствует развитию творческого мышления, смелости в постановке и решении новых задач, выработке умения быстро ориентироваться и перестраиваться в постоянно меняющемся мире науки и техники, формированию чувства ответственности за результаты работы. Будущий специалист должен овладеть методом научного предвидения в развитии науки и прогнозировать ее направления. Участие студентов в научной и практической работе обеспечивает решение многих теоретических и практических задач, что позволяет сделать из студента творчески мыслящего специалиста.

По мнению С. Л. Рубинштейна, в процессе творческой деятельности у человека постепенно вырабатывается тенденция обдумывания вопроса: где и что нужно изменить, улучшить, усовершенствовать [4, с.82]. Данная тенденция заставляет человека мобилизовывать свои знания, соотносить имеющиеся наблюдения с задачами, возникающими в творческом процессе, умозрительно представлять принципиальную схему вырисовывающейся конструкции. В результате активизируются воображение и образное мышление, что выражается в воплощении решения в чертежах, моделях и т.п. В творчестве наглядно проступают те особенности, которые обусловлены самой личностью, а также создаются определенные материальные ценности.

Следовательно, творческая деятельность выступает в качестве важного социального аспекта при формировании личности, а также при ее развитии. Анализ творческой деятельности в технике может служить основой для разработки различных методик формирования деятельности будущих специалистов.

Исследование показало, что творческая личность должна уметь не только видеть проблему, выбирать достойную цель, но и обладать высокой работоспособностью, осуществлять свою деятельность планомерно, владеть хорошей техникой решения творческих задач, защищать свои идеи при любых обстоятельствах.

Следовательно, главная задача процесса становления творческой личности профессионала состоит в выявлении и совершенствовании творческих возможностей личности и превращении их в устойчивые, социально-ценностные творческие параметры.

Это должны быть специалисты новой формации – знающие, креативные, мобильные, нацеленные на успех, востребованные на рынке труда, а также –

умеющие использовать знания и добывать их на протяжении всей жизни в любой точке мира, т.е. нацеленные на реализацию требования времени – образование на протяжении всей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельмейер, П.К. Пособие начинающим изобретателям. / П.К. Энгельмейер - В. кн.: Научное творчество, М.: 1989. - 213 с.
2. Хилл, П. Наука и искусство проектирования. / П.Хилл – М.: Изд-во «Мир», 1973. – 264 с.
3. Золотарева, Т.А. Формирование творческого потенциала будущих специалистов. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Научный журнал. 2014, №1 (40). Ставрополь: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2014. -310 с. (с.140-144).
4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. / С.Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2005. – 575 с.

Neduzhko Yuriy Victorovich,
*Volyn Institute for Postgraduate Education,
Professor, Doctor of Historical Sciences*

The Views of the President of Ukrainian National Republic in Emigration Mykola Livitsky (1907-1989) on the “Eastern Policy” of the Chancellor West Germany Willy Brandt in a Context National Interests of Ukraine

Abstract. This article is dedicated to show the views of the President of Ukrainian National Republic in emigration Mykola Livitsky on the political processes in the countries of Europe, and on the problem of the revival of independent and democratic Ukraine. It analyses the position of politician towards the future rebuilding of geopolitical space in Eastern Europe. The article shows the influence of the international factors on the ukrainian freedom movement.

Keywords: Eastern and Central Europe, Ukrainian Diaspora, Democracy, Independence, Ukraine.

Недужко Юрій Вікторович,
*Професор Волинського інституту післядипломної
педагогічної освіти, доктор історичних наук*

Погляди Президента УНР в екзилі Миколи Лівицького (1907-1989) на ”східну політику” канцлера ФРН Віллі Брандта в контексті національних інтересів України

Анотація. Дана стаття присвячена висвітленню поглядів Президента УНР в екзилі Миколи Лівицького на політичні процеси в країнах Європи, а також проблему відновлення незалежної демократичної України. Проаналізована позиція політичного діяча щодо майбутньої перебудови геополітичного простору в Східній Європі. Показано вплив міжнародних факторів на український визвольний рух.

Ключові слова: Східна і Центральна Європа, українська діаспора, демократія, незалежність, Україна.

Протягом 60-х – 70-х років ХХ ст. Президентом УНР в екзилі Миколою Лівіцьким в ряді чисельних політичних, наукових і публіцистичних праць був проведений докладний аналіз політичних процесів, які мали місце в країнах Європи та могли вплинути на відновлення незалежної України та її майбутню євроатлантичну інтеграцію. В силу об'єктивних обставин, постать визначного українського політичного діяча і його творчість довгий час залишалися практично невідомими не тільки українській громадськості але й професійним науковцям. До 1991 це пояснювалося офіційним ідеологічним “табу” для істориків з боку органів державної влади СРСР на висвітлення діяльності борців за незалежність України. Адже більшість політичних діячів української діаспори рахувалися “ворогами радянської системи”, “верховодами закордонних буржуазних націоналістичних банд”, “посібниками світового імперіалізму”. До них відносили і М.Лівіцького.

Народився він в Києві в 1907 році. Його батько – Андрій Миколайович в 1919-1920 роках був спочатку міністром юстиції, а згодом міністром закордонних справ уряду УНР, в 1926 -1954 роках він – Голова Директорії УНР з титулом Президент УНР в екзилі. Очевидно, що діяльність батька і політичне оточення в якому постійно перебував М.Лівіцький вплинули вирішальним чином на його подальший життєвий шлях.

В 20-х роках ХХ ст. М. Лівіцький навчався у Варшаві, був головою української студентської громади та першим кошовим корпорації “Запоріжжя”, співредактором “Студентського голосу”. Свое навчання в галузі економіки і журналістики він завершив у Женеві, перебуваючи на посаді секретаря делегації екзильного уряду УНР при Лізі Націй, де він працював з 1933 по 1939 роки [1,414]. Під час Другої світової війни М.Лівіцький, з цілим рядом діячів екзильних органів влади УНР, перебував у Варшаві. Після закінчення війни він брав активну участь у створенні Українського національно – державного союзу (УНДС), який невдовзі очолив, та Української національної ради (УНРада). В 1949 – 1954 роках М.Лівіцький – міністр преси і інформації, а згодом міністр закордонних справ екзильного уряду УНР. В 1954 – 1957 роках він член УНРади та редактор часопису “Мета”. В 1957 – 1967 роках М. Лівіцький працював на посаді Голови екзильного уряду УНР. В 1967 році на Шостій сесії УНРади він був обраний Президентом УНР в екзилі. На цій посаді він і перебував до грудня 1989 року, коли внаслідок тяжкої хвороби серце патріота України зупинилося назавжди [1, 414].

Визначний український вчений Президент АПН України, академік НАНУ Василь Григорович Кремень, зокрема, зазначав: “ Великий інтерес для дослідників новітньої історії являють собою праці М. Лівіцького, в яких він висвітлює політичні процеси в країнах Європи та їх вплив на майбутнє України. Досліджуючи роботи Миколи Лівіцького , написані переважно в 60-70-ті роки ХХ століття, необхідно відмітити ряд ключових проблем , які на думку автора визначали як майбутнє Європи, так і України. Це, в першу чергу, тенденції до

об'єднання Європи, суспільно-політичні процеси в провідних європейських країнах – Франції, ФРН, Великобританії. Величезна увага з боку українського політика приділялася також аналізу розвитку демократичних процесів в країнах соціалістичного табору – Чехословаччині, Польщі, Югославії та Румунії, пошуку майбутніх перспектив відродження української державності. Проте, на жаль, праці провідного українського політичного діяча, до цього часу залишаються невідомими в Україні та вимагають уважного аналізу з боку вітчизняних науковців, так як вони становлять важливе джерело для вивчення політичної думки української еміграції.“ [2, 6].

Характеризуючи роботи М. Лівіцького потрібно зазначити, що переважна більшість статей політика, присвячена європейським політичним процесам була опублікована в пресі української діаспори, зокрема, в часописі “Свобода” (США) [10-15]. В 1975 році Українське інформаційне бюро в Мюнхені випустило книгу М.Лівіцького “Відносини Захід-Схід і проблеми поневолених Москвою націй”, в якій було зібрано його праці, в тому числі, і на європейську політичну тематику[5]. Серед інших його робіт потрібно відмітити “Перспективи української визвольної політики” та “Українська Народна Республіка – дороговказ на майбутнє”, опубліковані у Нью-Йорку в 1965 році [4]. Значний інтерес для дослідників викликає праця М.Лівіцького “ДЦ УНР в екзилі між 1920 і 1940 роками”, яка була опублікована Українським інформаційним бюро у 1984 році [3].

Автор даної роботи зацікавився легендарною постаттю цього полум'яного борця за незалежність України, зібрав та узагальнив його наявні праці та опублікував декілька наукових робіт, присвячених йому [6-9]. Проте поза увагою цих праць опинилися погляди визначного українського політичного діяча на процеси, які мали місце у країнах Центральної і Східної Європи в контексті національних інтересів України. Вони і пропонуються увазі дослідників у цій статті. Отже метою даного дослідження є висвітлення поглядів Президента УНР в екзилі Миколи Лівіцького на “східну політику” канцлера ФРН Віллі Брандта, а також проблему відновлення незалежної демократичної України.

Аналізуючи “східну політику” Віллі Брандта М.Лівіцький підкреслював, що приступаючи до кінцевої фази переговорів з Польщею та маючи на увазі розпочати переговори про мир з Чехословаччиною, канцлер ФРН стояв перед проблемою не тільки визнати остаточно кордони Польщі по лінії Одер-Нісса, але й погодитися з фактом примусової еміграції з колишніх східних провінцій Німеччини декількох мільйонів німців. Подібна доля чекала й судетських німців Чехословаччини. Це питання повинно було вирішуватися на переговорах з офіційною Прагою. Проте, для канцлера ФРН подібна політика ускладнювалася тим, що проти такої постановки проблеми завзято виступали мільйони депортованих німців, які проживали в Західній Німеччині. Вони домагалися права на самовизначення, дозволу або на своє повернення до Чехословаччини

та Польщі, або приєднання своїх земель до Німеччини, протестуючі проти легалізації їх вигнання і анексії територій [10].

М.Лівицький зазначав, що на скарги німців, як комуністичний уряд Польщі, так і польська політична еміграція, відповідали, що це компенсація за ті кривди, яких зазнала від Гітлера їх країна. Президент УНР в екзилі рахував цей аргумент більш переконливим, ніж історичні факти про колишню приналежність територій на схід від лінії Одер-Нісса до Польщі. Він підкреслював, що Судети належали Чехословаччині до 1938 року, коли внаслідок Мюнхенської угоди Гітлер анексував їх, тому там не могла вестися мова про будь-які територіальні претензії, а тільки про виселення німців.

Український політик підкреслював потребу мати на увазі те, що країни Заходу не бажали зміцнення Німеччини, саме тому США та Великобританія схилилися до підтримки польських вимог, щодо кордону по лінії Одер-Нісса, а Франція офіційно заявила про неї [10].

На думку Президента УНР в екзилі, найвища мета, яку ставила перед собою німецька політика - це майбутнє об'єднання обох Німеччин. Досягти цього можливо було лише за згодою потужного протектора НДР- Радянського Союзу. Проте, на перешкоді цьому об'єднанню стояли також Польща та Чехословаччина. Вони боялися можливої майбутньої агресії з боку єдиної Німеччини, метою якої могли стати її колишні східні провінції, а також Судети. Лише СРСР гарантував західні кордони Польщі та Чехословаччини, виступаючи в ролі гаранта їх цілісності від можливих територіальних зазіхань з боку ФРН [10].

М.Лівицький підкреслював, що вирішення урядом ФРН проблем кордону з Польщею по лінії Одер-Нісса та долі судетських німців Чехословаччини призвело б до замирення не тільки з комуністичними режимами, але й народами цих східноєвропейських країн. Вони б перестали боятися німецького реваншизму, від якого їх ніби міг врятувати лише союз з СРСР, а це сприяло б поширенню антирадянських тенденцій у настроях народних мас цих держав. Таким чином, зазначав Президента УНР в екзилі, подібна німецька політика неодмінно призвела б до послаблення СРСР, а це в свою чергу в майбутньому сприяло б об'єднанню Німеччини [10].

М.Лівицький підкреслював і іншу проблему яка постала в світі в зв'язку з "східною політикою" канцлера ФРН Віллі Брандта. Нею була неоднозначна реакція провідних країн Заходу на дії ФРН [11]. Зокрема, М.Лівицький вважав, що Франція традиційно була на стороні сильної і неподільної Російської імперії, в якій вбачала протипагу Німеччині. Військова небезпека з боку ФРН для Франції зникла. Проте, як зазначав український політик, якщо ФРН порозуміється з СРСР та потрапить в орбіту його впливу-роль Франції не тільки в світовому, але й європейському масштабі буде зведена нанівець. Він пояснював це складною геополітичною ситуацією в Західній Європі, зважаючи на проникнення СРСР до басейну Середземного моря та небезпечним

становищем в Італії, де значно зміцнила свої позиції комуністична партія. Президент УНР в екзилі вважав, що при подібному подальшому розвитку подій роль Європи, як сили незалежної від СРСР буде закінчена [12].

М.Лівицький підкреслював, що французка публічна думка виявляла велике занепокоєння з приводу “східної політики” Віллі Брандта та боялася “марива Раппалло у своєму модерному виданні” [12]. Подібна позиція спостерігалася в поглядах на “східну політику” В. Брандта з боку США та Великобританії [11].

На думку М.Лівицького, вихід з цього складного становища недовіри до зовнішньої політики ФРН полягав в здійсненні ідеї сильної Об’єднаної Європи в тісному союзі з США. Це планував ще попередній канцлер Західної Німеччини Конрад Аденауер, працюючи над ліквідацією історичної франко-німецької ворожості. Він рахував, що без цього створення Об’єднаної Європи було неможливим [12].

Президент УНР в екзилі зазначав, що 30 червня 1970 року в Люксембурзі відбулася перша зустріч міністрів закордонних справ шести країн-учасників Європейського економічного співтовариства (ЄЕС), а саме Франції, ФРН, Італії, Бельгії, Нідерландів, Люксембургу з головами МЗС чотирьох країн-кандидатів на вступ до ЄЕС - Данії, Великобританії, Норвегії, Ірландії. Франція була дуже зацікавлена в залученні цих країн до ЄЕС. В першу чергу це стосувалося Великобританії. М.Лівицький рахував, що спільно Франція та Великобританія мали більше шансів протистояти домінуючій ролі ФРН у майбутній Об’єднаній Європі та стримати західнонімецький уряд від подальшого недалекогоглядного зближення з СРСР [12].

Аналізуючи “східну політику” Віллі Брандта Президент УНР в екзилі підкреслював, що вона напряду торкалася національних інтересів України. Він вважав, якщо ФРН домовиться з СРСР ціною великих поступок на користь Радянського Союзу то це означатиме, що проблема відродження незалежної демократичної України може цілком зникнути з поля уваги німецьких політичних кіл та буде розглядатися як внутрішня справа СРСР [13].

М.Лівицький гостро критикував позицію органів влади ФРН по відношенню до проблеми відродження незалежної демократичної європейської України. Він підкреслював, що в післявоєнній Німеччині не з’явилося жодної книги відомих німецьких письменників про історію і культуру України. Німецькі ЗМІ цілком замовчували проблеми України, а в шкільних підручниках з історії вона трактувалася, як південна частина Росії або СРСР [14].

Президент УНР в екзилі підкреслював, що радіостанція “Німецька хвиля” мала програми російською, польською, угорською, словацькою та іншими мовами, проте, всі заходи української діаспори спрямовані на забезпечення радіотрансляції українською мовою не мали успіху [14].

Він зазначав, що після Другої світової війни в ФРН з’явилося багато публікацій, в яких засуджувалася політика Гітлера по відношенню до

європейських країн. Проте, не було жодної книги, в якій висвітлювалася б ганебна гітлерівська політика в Україні. Навіть поява книги В.Чорновола "Лихо з розуму", яку досить жваво обговорювали європейські ЗМІ не викликала в ФРН великого резонансу. На думку М.Лівицького, це наслідок відсутності серед німців об'єктивної інформації про Україну, визнання в минулому її державності Німеччиною "де факто" і "де юре" та встановлення дипломатичних відносин між обома країнами [14].

Оцінюючи фінансову підтримку з боку органів влади ФРН для задоволення культурних потреб українців, Президент УНР в екзилі вважав її мінімальною. Особливо, якщо порівняти її з рівнем допомоги, який надавав українській еміграції уряд Чехословаччини в міжвоєнний період. Чільний український політик підкреслював, що варто пригадати "яку величезну кількість всякого добра вивезли німці з України під час першої і другої світових воєн" [14]. Він зазначав, що існували документи про те, що під час перебування німців в Україні в 1918 році було вивезено товарів та сировини на мільярди золотих марок, причому більшість з них була продана в кредит.

Зважаючи на це, Президент УНР в екзилі задавав риторичне запитання: "Чим пояснити байдужість політичних кіл Західної Німеччини до української справи, зокрема "скупість" німецької підтримки для задоволення культурних потреб української еміграції?" [14].

На його переконання, твердження про те, що німці бояться торкатися "української проблеми", щоб їх не обвинувачували у відродженні політики "Drang nach Osten" та бажанні повторити фашистські плани на Сході можна було зрозуміти. Проте, продовжував він, таке пояснення не здавалося переконливим, адже допомога на культурні цілі еміграції та об'єктивне висвітлення прагнень українського народу до відродження незалежної держави не мало нічого спільного з експансіоністськими планами кайзерівської чи гітлерівської Німеччини [14].

Президент УНР в екзилі підкреслював, що в минулому Німеччина застосовувала злочинну політику щодо України. І тому від сучасної німецької політики залежало, чи буде вона продовжувати йти по хибній дорозі, протореній попередниками, списуючи проблему відродження незалежної демократичної європейської Української держави зі своїх планів на майбутнє, чи змінить своє ставлення до цього питання [14].

Президент УНР в екзилі зазначав, що українські національні інтереси вимагали уважного ставлення до проблеми врегулювання кордонів Польщі в контексті німецько-польських переговорів. Адже, хоча комуністичний уряд Польщі однозначно заявив, що він визнає нинішні кордони країни, польська політична еміграція вимагала й надалі "Львова і Вільна", тобто повернення до східних кордонів 1939 року [13]. М.Лівицький зазначав небезпеку того, що деякі німецькі кола хотіли б домовитися з польськими емігрантами, щодо майбутньої допомоги Польщі з боку ФРН для відновлення її східних кордонів 1939 року в

обмін на повернення відібраних німецьких земель. Саме тому, представники української політичної еміграції рішуче застерігали проти закулісних домовленостей, "розмінною монетою" яких повинна була виступати територія України [13].

Президент УНР в екзилі підкреслював, що українська політика буде полягати в тому, що незалежно від того, де будуть проходити західні кордони Польщі, не може бути і мови про зміну нинішніх східних кордонів цієї країни. Він рахував, що якби полякам вдалося закріпити свої сучасні західні кордони договором з ФРН, це значно полегшило їм усвідомлення реалій щодо їх східних кордонів та призвело до завершення українсько-польських суперечок і налагодження добросусідських відносин між обома народами. Якби всі поляки, продовжував він, прийшли до переконання про потребу нормалізації відносин з українцями та не виставляли б претензій на етнографічні українські землі, це пішло б на користь як українській, так і польській визвольній справі. Аналізуючи спільну історію обох народів М.Лівицький стверджував, що коли в 1919 році незалежна Польща не пішла на порозуміння з незалежною Україною, втратили обидві країни. Було б фатальним, якби в майбутньому Польща і Україна замість того, щоб в союзі зміцнювати свої незалежні держави, почали б знову ворогувати між собою [13].

Саме тому М.Лівицький закликав українських політиків змінити їх ставлення до справи німецько-польського кордону по лінії Одер-Нісса, яке полягало в тому, що це є виключна справа обох народів, до якої українці не повинні втручатися, бажаючи бути в гарних відносинах з майбутньою об'єднаною і демократичною Німеччиною та незалежною Польщею, при умові, що вони обидві не будуть загрожувати цілісності української етнографічної території в межах майбутньої незалежної Української держави. Президент УНР в екзилі рахував, якщо керівництво ФРН добровільно погодиться на кордон з Польщею по лінії Одер-Нісса, це буде на користь Україні, сприяючи нормалізації її відносин з Польщею [13].

Коментуючи реакцію частини української еміграції щодо потреби проведення аналогії між політичним становищем Німеччини і України та необхідністю наслідувати "східну політику" Віллі Брандта, Президент УНР в екзилі зазначав, що це повний примітивізм або свідоме шельмування української громадськості [15]. Він підкреслював, що логіка міркувань українських прихильників "політики реалітетів" полягала в тому, що ФРН протягом двадцяти років відкидала реальність існування НДР і не хотіла її визнавати. Проте, така політика не дала жодних результатів. Тому Віллі Брандт перекреслив твердження Конрада Аденауера про невизнання другої німецької держави та став на шлях реальної політики і поїхав до Східної Німеччини шукати з нею зближення. Він був згодний її визнати. Цим він міг добитися покращення долі всіх німців та можливого об'єднання обох Німеччин в майбутньому. Саме тому, зазначав М.Лівицький, деякі зарубіжні українці,

провівши певну аналогію зі становищем Німеччини, рахували, що потрібно перестати декларувати політику відродження незалежної і демократичної Української держави, невизнання УРСР та припинити підтримувати легальне представництво волі українського народу в формі екзильного уряду УНР, а натомість визнати Радянську Україну як українську державу і дбати про покращення в ній умов життя українського народу [15].

На думку М.Лівицького різниця між становищем НДР та України полягала в тому, що хоча Східна Німеччина й перебувала під гегемонією СРСР та на її території знаходилися радянські дивізії, вона мала власні дипломатичні відносини з іноземними державами, свою економіку та армію. Радянську Україну Президент УНР в екзилі трактував як звичайну колонію Росії [15].

Він рахував, що визнання В.Брандтом НДР не передбачало зречення суверенітету ФРН, хоча і несло в собі ризик відкрити СРСР можливості для “радянзації” всієї німецької території. Проте, можливе визнання зарубіжними українцями УРСР призвело б до ліквідації ідеї визвольної боротьби та відновлення незалежної і демократичної Української держави. Адже існувало дві Німеччини-одна демократична, інша-комуністична, проте не було двох Україн. Саме тому не могло бути повторення “східної політики” Віллі Брандта з боку української діаспори. Микола Лівицький підкреслював, якщо для уряду канцлера В.Брандта визнання реальності НДР- це тільки ризик, то для українців проведення “політики реалітетів”- це повна капітуляція та національне самогубство [15].

Підсумовуючи все вищесказане, необхідно відмітити, що Президент УНР в екзилі Микола Лівицький був одним з провідних політичних діячів української діаспори та активно боровся за відродження державної незалежності України. В своїх роботах він приділяв посилену увагу суспільно-політичним процесам, які мали місце в країнах Європи, підкреслюючи їх важливе значення в справі відновлення незалежності України. Перспективи України, як і країн Центрально-Східної Європи він вбачав в складі Об’єднаної Європи. Праці Президента УНР в екзилі М. Лівицького досить актуальні в сучасних умовах, зважаючи на пріоритети зовнішньої політики незалежної України, офіційно проголошений євроатлантичний курс нашої держави.

Серед перспективних напрямів подальших досліджень необхідно відмітити потребу висвітлення поглядів М. Лівицького на проблему міжнародних відносин в країнах Європи в контексті євроінтеграційних процесів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Державний Центр Української Народної Республіки в екзилі: статті і матеріали/ Під ред. Л. Винара і Н. Позуняк. – Філадельфія – Київ – Вашингтон: Фондація ім. С. Петлюри в США, вид-во “Веселка”, 1993 – 493с.

2. Кремень В.Г. Передмова до книги "Недужко Ю.В. Європейські політичні процеси та перспективи відродження незалежної демократичної України в працях Президента УНР в екзилі Миколи Лівіцького. – Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2004"-С.5-7.
3. Лівіцький М. ДЦ УНР в екзилі між 1920 і 1940 рр. – Мюнхен – Філадельфія: Українське інформаційне бюро, 1984. – 72 с.
4. Лівіцький Микола. Перспективи української визвольної політики. Українська Народна Республіка – дороговказ на майбутнє. – Нью-Йорк, – 1965. – 48с.
5. Лівіцький Микола. Відносини Захід – Схід і проблеми поневолених Москвою націй. – Мюнхен: Українське інформаційне бюро, 1975.- С. 382-404.
6. Недужко Ю.В. Погляди Президента УНР в екзилі Миколи Лівіцького (1967-1989) на проблему відродження незалежної демократичної України // Література та культура Полісся. Вип. 27. Регіональна історія та культура в українському та східноєвропейському контексті / Відп. ред. і упорядник Г.В.Самойленко.-Ніжин: Видавництво НДПУ ім. М.Гоголя, 2004.-С.183-187.
7. Недужко Ю.В. Європейські політичні процеси та перспективи відродження незалежної демократичної України в працях Президента УНР в екзилі Миколи Лівіцького. – Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2004. – 64с.
8. Недужко Ю.В. Президент УНР в екзилі Микола Лівіцький (1907-1989) та східноєвропейські політичні процеси // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті: Зб.наук.пр./Ред. кол.: С.І.Світленко (відп.ред.) та ін.-Д.: Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 2006.-Вип.4.-С.263-270.
9. Недужко Ю.В. Державний центр УНР в екзилі: боротьба за демократію та незалежність України // Український вимір. Міжнародний збірник інформаційних, освітніх, наукових, методичних статей і матеріалів з України та діаспори. – Ч.4.- Кн.1. – Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, 2005. – С. 129-147.
10. В.Ткач (М.Лівіцький). Два аспекти німецької східної політики //Свобода. – 1970. – листопад.
11. В.Ткач (М.Лівіцький). Успіхи Брежньєва в Бонні //Свобода. – 1973. – червень.
12. В.Ткач (М.Лівіцький). Європа поміж Америкою і СРСР // Свобода. – 1970. – липень.
13. В.Ткач (М.Лівіцький). Одра-Нісса і українські інтереси //Свобода. – 1970. – лютий.
14. В.Ткач (М.Лівіцький). Сучасна Німеччина і українська справа //Свобода. – 1968. – березень.
15. В.Ткач (М.Лівіцький). "Реалітети" в чужих і в нас // Свобода. – 1970. – квітень-травень.

Jurisprudence and Sociology

A.A. Konyukhova,
Moscow State Institute of International Relations (University),
Moscow, Russia

Features of mechanism settlement of tax disputes in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany (rather-legal analysis)

Abstract: This article is devoted to the settlement of tax disputes in Russian Federation and the Federal Republic of Germany. The features of the conflict settlement mechanism are both shown in the administrative and judicial review stage. In accordance with German law, the administrative stage of dispute resolution, carried out by the tax authority, always precedes the filing of a complaint to a court. Consequently, the taxpayer submits his first application in writing to the tax authority that issued the tax act, though in some cases to a higher tax authority. This obligatory procedure was borrowed by the Russian tax system. The trial stage of tax dispute settlement in Germany is carried out by specialized courts, forming a two-level system for legal proceedings. Thus, the tax dispute submitted to the Court is settled first by the finance lands courts and then by the higher Federal Financial Court.

However, the Federal Finance Court takes into consideration only certain categories of actions listed in the Act (the Regulations) of finance courts (Finanzgerichtordnung). In Russia, appeals of administrative review of tax conflicts, unlike in the German system, are handled by arbitration and general jurisdiction courts. The Supreme Arbitration Court of the Russian Federation is the supreme judicial body for settling economic disputes and other cases considered by arbitration courts in implementing federal procedural judicial supervision over their activities and provides explanations regarding judicial practices. Arbitration courts established at the level of the Federation to resolve disputes involving commercial entities, e.g. enterprises and entrepreneurs, resolve the bulk of tax disputes. These courts are composed of specially created panels of judges known as bars, i.e. groups of judges who specialize in reviewing taxation cases.

Keywords: a tax dispute, the tax conflict settlement mechanism, administrative and court order of settlement a tax dispute in Russian Federation and the Federal Republic of Germany.

А.А.Конюхова,
*Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России.
России, Москва*

Статья посвящена порядку разрешения налоговых споров в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии. Выявлены особенности механизма урегулирования данных конфликтов как на досудебной, так и судебной стадии рассмотрения. В соответствии с законодательством ФРГ административная стадия разрешения спора, осуществляемая налоговым органом, всегда предшествует обращению с жалобой в суд. Следовательно, налогоплательщик сначала направляет своё заявление в письменной форме в орган, издавший акт, а в некоторых случаях в вышестоящую налоговую инстанцию. Такой обязательный порядок был заимствован и Россией. Судебная стадия урегулирования налогового конфликта в Германии осуществляется специализированными судами, образующими двухуровневую систему по разрешению спора. Таким образом, налоговый спор, переданный в суд, разрешается финансовыми судами земель, а затем вышестоящим Федеральным финансовым судом. Однако Федеральный финансовый суд принимает к своему рассмотрению только определенные категории исков, перечисленные в Законе (Положении) о финансовых судах. В России обжалование рассмотренных в административном порядке налоговых конфликтов в отличие от немецкой системы, осуществляется арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по разрешению экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Основной массив налоговых споров разрешается арбитражными судами, созданными на уровне субъектов Федерации для разрешения споров с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В арбитражных судах созданы специальные налоговые коллегии или составы, т.е. группы судей, которые специализируются на рассмотрении дел о налогообложении.

Ключевые слова: налоговый спор, механизм разрешения налоговых споров, административный и судебный порядок разрешения налогового спора в России и ФРГ.

В Германии в Законе о финансовых судах содержится положение, устанавливающее, что «под налоговыми спорами понимаются все связанные с

регулированием налогов или применением финансовыми органами налогово-правовых предписаний действия, включая мероприятия федеральных финансовых органов и финансовых органов федеральной земли Берлин по запрещению и ограничению движения товаров через границу, налоговые споры приравниваются к делам по управлению финансовыми монополиями»[12].

Налоговый спор, представляющий собой как материальные, так и процессуальные правоотношения, имеет целый механизм своего разрешения, включающий в себя административный и судебный порядок. В зависимости от правовой системы данной конкретной страны административному и судебному порядку разрешения налоговых споров присущи свои особенности.

В юридической литературе существует деление на две основные организационные модели судебной власти. Первую отличает единая система общих судов, которые рассматривают основные виды гражданских и уголовных дел. При этом не исключается возможность создания специализированных судов, дополняющих систему общих судов. В ряде случаев имеет место внутренняя специализация посредством выделения внутри судебного органа судебных составов (коллегий) или судей, специализирующихся на рассмотрении дел определенной категории. Так, в США действует ряд специализированных судов, в том числе Налоговый суд (The United States Tax Court).

Главной чертой второй модели построения судебной системы, по оценке специалистов, является то, что специализированные суды действуют наряду с судами общей юрисдикции. Судебная система государства состоит из нескольких автономных подсистем, обладающих своей компетенцией. Как правило, имеются собственные высшие судебные органы для каждой подсистемы. Характерный пример – судебная система Германии, одной из главных черт которой является одновременное осуществление своей деятельности отдельных судебных систем: наряду с общей подсудностью, особой подсудностью административных судов, судов по социальным спорам и других специальных судов установлена подсудность финансовых судов, во главе которых стоит Федеральный финансовый суд.

Российскую судебную систему нельзя классифицировать в рамках вышеприведенных моделей организации судебной власти. К ведению арбитражных судов и судов общей юрисдикции отнесены полномочия по разрешению налоговых споров. Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по разрешению экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

В арбитражном споре доказательства, представленные сторонами, являются основой принимаемого судом решения. Дела с участием

государственных органов, вытекающие из публично-правовых (в том числе налоговых) правоотношений, специфичны в вопросе распределения обязанности по доказыванию между сторонами.

Арбитражное судопроизводство в России строится на основе принципа состязательности [1, Ст. 123], который заключается в обеспечении сторонам дела «паритетной» возможности доказывать свою правовую позицию всеми доступными им согласно закону способами. Этот принцип в силу его прямого закрепления в Конституции РФ носит универсальный характер и распространяется на все категории судебных споров. Неиспользование стороной возможности представить доказательства в обоснование своих требований (возражений) по делу оставляет риск возникновения для нее негативных последствий такого процессуального поведения. В арбитражном процессе суд согласно АПК РФ не играет активной роли в сборе доказательств, а лишь обеспечивает их надлежащее исследование на началах независимости, объективности и беспристрастности [2, Ст. 9].

В отдельных категориях арбитражных споров состязательность раскрывается не только путем обеспечения сторонам равных процессуальных возможностей по представлению доказательств, но и распределением между ними бремени доказывания в рамках предмета спора. Это относится, в частности, к спорам с участием государственных органов и организаций, возникающим в процессе реализации публичных функций. В таких делах частным лицам представляется крайне трудно, поскольку действия представителей государства обеспечены набором принудительных мер. Предписания АПК, компенсируя предполагаемое неравенство участников спора, возлагает на государство обязанность доказывать правомерность совершенных властно-обязывающих действий.

Состязательность в арбитражном процессе применительно к порядку доказывания раскрыта в общем положении ст. 65 АПК РФ, согласно которому «каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений».

В налоговых спорах этот принцип трансформируется. В категорию налоговых споров включаются дела об оспаривании налогоплательщиками ненормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) налоговых органов и дела по заявлениям налоговых органов о взыскании с налогоплательщика обязательных платежей и сумм санкций в бюджет.

Бремя доказывания соответствия цены по сделке при выявлении факта налоговых злоупотреблений во многих государствах ложится именно на налогоплательщика: в Германии и Австрии применяется смешанный вариант, когда налогоплательщик доказывает обоснованность понесенных им расходов по сделке, а налоговый орган – факт недополучения дохода в результате занижения цены.

Налоговый спор возникает после оценки деяний (действий или бездействия) налогоплательщика со стороны налоговых органов. Как правило, до предъявления требований в суде этот неразрешенный конфликт является предметом рассмотрения со стороны государства в лице налоговых органов и представляет собой материальное налоговое правоотношение. В этом случае налоговый спор преодолевается в административном порядке, предусмотренном законодательством о налогах и сборах [8. С. 84].

В Германии порядок досудебного разрешения налоговых споров определяется (Законом) Положением о налогах и платежах, в частности ч. 7 «Внесудебное производство». В этом разделе раскрываются процесс подачи досудебной жалобы.

Согласно этому положению досудебный порядок является обязательным и требует от налогоплательщика сначала обратиться в налоговый орган, а только затем в суд. Таким образом, налогоплательщик направляет своё заявление в письменной форме в орган, издавший акт, а в некоторых случаях в вышестоящий налоговый орган.

В российском законодательстве, основываясь на зарубежном опыте, также был введен обязательный досудебный порядок обжалования налоговых споров. В соответствии с ним возможность обращения в суд по принятым решениям налоговых органов наступает только после их обжалования в вышестоящем налоговом органе. «С 1 января 2014 г. обязательный досудебный порядок обжалования применяется ко всем налоговым спорам, в том числе в отношении обжалования иных актов налоговых органов ненормативного характера, а также действий или бездействия их должностных лиц» [17]. Жалоба, подписанная заявителем или его уполномоченным представителем, подается в налоговый орган в письменной форме.

В отношении решений о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения Налоговый кодекс РФ также предусматривает обращение в судебную инстанцию только после обжалования этого решения в вышестоящем налоговом органе. В случае обжалования такого решения в судебном порядке срок для обращения в суд исчисляется со дня, когда лицу, в отношении которого вынесено это решение, стало известно о вступлении его в силу» [4].

До 1 января 2006 г. налоговые санкции взыскивались со всех налогоплательщиков только в судебном порядке. К правонарушениям, совершенным налогоплательщиком до 1 января 2006 г., но обнаруженным налоговым органом после этой даты, применяются положения новой редакции пункта 7 ст. 114 НК РФ о бесспорном списании сумм штрафов, то есть внесудебная процедура взыскания.

Следует подчеркнуть, что недостатком немецкого досудебного урегулирования является то, что подача жалобы сама по себе не

приостанавливает исполнение обжалуемого акта. Следовательно, налогоплательщик, имеющий достаточные основания полагать, что акт налогового органа носит неправомерный характер, обязан известить путем отдельного заявления соответствующее должностное лицо о желании приостановления такого акта. Для такого заявления предусмотрены высокие требования, так как неправомерность решения должна быть более вероятна, чем его правомерность.

С учетом специфики национальных судебных систем в настоящее время наблюдается различные подходы к разграничению юрисдикции судов в области налогообложения. Как отмечает О.Р. Михайлова, по своему предмету налоговые споры специфичны, они разрешают сложные экономические ситуации, и их рассмотрение требует специального знания и применения особых процедур [7. С. 119]. Практика свидетельствует о тенденции к специализации судопроизводства по налоговым спорам, формы и степень которой в рамках каждой судебной системы индивидуальны. Процессуальный порядок судебного рассмотрения налоговых споров составляет, по определению И.И. Кучерова, налоговое судопроизводство [6. С. 37].

Налоговая система России является достаточно молодой. На современном этапе пробелы и коллизии Налогового кодекса Российской Федерации наглядно свидетельствуют о том, что отечественное налоговое законодательство, находясь в стадии формирования и не соответствует целям и задачам налогообложения.

В России налоговые споры разрешают арбитражные суды и суды общей юрисдикции. Бывший Председатель Высшего Арбитражного суда РФ А.А. Иванов до объединения его с Верховным Судом неоднократно высказывал мнение о целесообразности передачи арбитражным судам всех налоговых дел, за исключением уголовных, учитывая, что принципы их рассмотрения в отношении юридических и физических лиц одинаковы. В настоящее время для России это наиболее вероятная линия развития налоговой специализации в судебной сфере [5. С. 74, С. 132].

Основной массив налоговых споров разрешается арбитражными судами, созданными на уровне субъектов Федерации для разрешения споров с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В арбитражных судах созданы специальные налоговые коллегии или составы, т.е. группы судей, которые специализируются на рассмотрении дел о налогообложении. Это положительный момент. Положительным фактором выступают также быстрые темпы рассмотрения налоговых споров в арбитражных судах. В России арбитражные суды поставлены законом в жесткие рамки процессуальных сроков. Поэтому в большинстве случаев разрешение спора, с учетом рассмотрения апелляционной и кассационной жалоб, завершается в течение от 4 до 6 месяцев. Конечно, при стечении определенных обстоятельств сроки могут быть увеличены.

Суды общей юрисдикции рассматривают дела с участием граждан, в том числе и о налогах [3, Ст. 22.1]. Они же рассматривают дела о преступлениях в сфере налогообложения. Еще одна важная категория дел, рассматриваемых этими судами, – дела о признании подзаконных актов (например, инструкций, указаний налоговых органов о порядке исчисления и уплаты налогов) не соответствующими законодательству о налогах и сборах. Количество подобных дел, рассматриваемых в судах постоянно увеличивается.

В Конституционном Суде РФ и Конституционных (Уставных) судах субъектов федерации рассматриваются дела о несоответствии законов, постановлений Правительства Конституции Российской Федерации. За последние годы Конституционный Суд РФ принял около 20 постановлений по вопросам налогообложения, которые имели широкий резонанс и коренным образом повлияли на развитие налогового законодательства [9. С. 34].

Для обращения в немецкий Конституционный Суд требуются полномочия, на которые есть ясные и понятные указания в решении по жалобе [13]. Например, в 2006 г. Федеральный финансовый суд обратился в Федеральный конституционный суд с интерpellацией о принятии решения по поводу признания неконституционности определенной статьи Закона «О подоходном налоге» за невозможностью её выполнения из-за неясности в формулировке. По этой причине возникают противоречия из-за неправильного понимания, недопонимания и недолжного применения законных норм, причём как со стороны налогоплательщиков, так и со стороны финансовых органов [14].

Однако, безусловно, передача на рассмотрение налогового спора в Конституционный суд происходит достаточно редко, поскольку в 1950 г. в Германии была создана целая система финансовых судов, представленная теперь в каждом немецком регионе и возглавляемая Федеральным финансовым судом в Мюнхене, являющимся одним из высших органов правосудия. Любопытен тот факт, что из всего потока рассматриваемых в ФРГ возражений по налоговым требованиям (около 2млн. заявлений в год) в финансовую ветвь немецкой юстиции попадает не более 5%, то есть объём фактического делопроизводства крайне незначителен. Но с учетом того, что окончательные решения Федерального финансового суда Германии, как правило, имеют сложный прецедентный характер и зачастую служат прямыми сигналами к последующим законодательным изменениям, роль данного органа в государственном регулировании экономики весьма значительна [11. С. 60].

Система финансовых судов Германии двухуровневая: земельные финансовые суды (Finanzgericht) и Федеральный финансовый суд (Bundesfinanzhof), который возглавляет систему финансовых судов. Основным источником финансового процессуального права – Положение о судопроизводстве по финансовым делам, которое было принято в 1965 г. Как отмечает А.Г. Румянцев, административные и финансовые суды распространяют свою юрисдикцию почти на одни и те же отношения частных лиц с органами

управления государства. Разница лишь в том, что административные суды не рассматривают споры, возникающие из финансовых или налоговых отношений. Это отнесено к компетенции финансовых судов [10. С. 21].

В отличие от налогового органа, финансовый суд обычно более оперативно разрешает индивидуальные споры, стремясь при этом установить детали предмета спора [11. С. 60]. Приближаясь к наиболее квалифицированному способу разрешения налогового спора и основываясь на отдельных правилах, финансовый суд определяет обстоятельства дела, к которым судья применяет свою правовую оценку. Из этого следует, что участвующему в процессе налоговому консультанту, представляющего интересы лица, легче решать вопросы в суде, чем в финансовом органе.

Большинство жалобщиков, поверенных или адвокатов, не обучены в процессуальном праве и технике ведения процесса. При ведении финансовым судом процесса во всех формальных вопросах решения принимает председательствующий судья или докладчик (Berichterstatter). Лица, участвующие в процессе, должны понимать, что никакая критика их решений не допустима, а может лишь повлечь за собой обратную реакцию судьи.

В немецком законодательстве предусматриваются отдельные требования к исковому заявлению, которое налогоплательщик подаёт в суд: такой иск должен быть подан в письменной форме или под запись судебного секретаря, если в споре принимают участие сразу несколько сторон, то должны также прилагаться его копии. В данном иском заявлении необходимо указать истца, ответчика, предмет искового требования, административный акт, нарушающий интересы, служащие для доказательства факты и постановление налогового органа по делу. Если одно лицо сразу подаёт несколько исковых заявлений против одного ответчика и при этом они все являются взаимосвязанными, то они относятся к юрисдикции одного и того же суда и истец может их объединить.

Подавая исковое заявление в суд, налогоплательщик должен представлять, какие цели он преследует, и какие правовые последствия он ожидает от исхода дела. Заявитель должен определить категорию вида иска, к которой относится вопрос. В §§ 40–41 Закона о финансовых судах выделяются следующие иски:

- иск об оспаривании или обжаловании (Anfechtungsklage);
- иск о принуждении к исполнению обязательства (Verpflichtungsklage);
- иск о признании (Feststellungsklage);
- иск об оспаривании неправомерных действий по взиманию налогов (Sprungklage);
- иск на бездействие и попустительство административных органов (Untätigkeitsklage).

На стадии подготовки дела к устному разбирательству судья принимает меры к урегулированию спора, в частности вызывает стороны для обсуждения

предмета спора. На стадии подготовки дела к судебному разбирательству, истец может изменить иск либо отозвать его. В свою очередь, финансовый орган может отменить или изменить акт, оспариваемый налогоплательщиком.

На досудебной стадии подготовки дела возможны:

- отсрочка или приостановление производства по делу;
- отзыв искового заявления;
- урегулирование правового спора по существу;
- определение суммы иска;
- назначение судебных издержек.

Судом второй инстанции по налоговым спорам является Федеральный финансовый суд. Кассационная жалоба должна быть принята, если:

- правовой спор имеет принципиальное значение;
- принятое решение противоречит решениям Федерального финансового суда или Федерального конституционного суда;
- оспариваемое решение принято на основании доказанного процессуального нарушения.

Как видно из оснований допущения кассационной жалобы, предусмотренных в § 115 Закона о финансовых судах, служит в первую очередь интересу общественности к повышению квалификации права и соблюдения правового единства.

Подача жалобы согласно Закону о финансовых судах приостанавливает вступление в силу решения финансового суда.

Цель кассационного производства – это проверка законности вынесенных приговоров финансовых судов (Urteil). При рассмотрении кассационной жалобы нужно учитывать обстоятельства дела, как они были установлены финансовым судом. Федеральный финансовый суд занимается проверкой правильности применения финансовыми судами права по конкретному делу, а также, если не было ли решение основано на процессуальной ошибке.

Существуют виды дел, которые рассматриваются Федеральным финансовым судом без исключений рассматриваются дела, когда:

- в заседании участвует судья, отстраненный от исполнения судейских обязанностей;
- одному из участников отказано в судебном слушании;
- решение было вынесено на основании устного разбирательства, в котором положения о публичности рассмотрения дел были нарушены;
- решения не соответствуют основаниям его вынесения и другие.

Федеральный финансовый суд – высшая судебная инстанция по налоговым вопросам и связан с объективно-действительными фактами финансовых судов, только если относительно таких фактов предоставлены допустимые и обоснованные причины для пересмотра. Однако с помощью кассации можно рассмотреть приговор суда на предмет его соответствия здравому смыслу, жизненным нормам, правилам толкования или другим

общим принципам федерального права. Следует отметить, что кассационное разбирательство – лишь проверка ошибочности решений финансовых судов. Федеральный финансовый суд может руководствоваться фактами и обстоятельствами, которые уже были установлены. Если нарушаются нормы материального права, высшая судебная инстанция проверяет в полном объеме все факты, не обращаясь к обоснованиям, сделанным в кассационной жалобе. Кассационная жалоба, подданная на процессуальные ошибки или нарушенные нормы материального права, позволяет суду провести полную перепроверку.

Немецкий опыт показывает, что финансовые суды Германии при решении споров в сложных областях права эффективны, а специализация судей приводит к более качественному рассмотрению дел. Речь идет о налоговых спорах, где требуются специальные знания, связанные с усложнением налогового законодательства и правовых споров [6. С. 37].

Обязательное первичное обжалование решений налоговых органов в административном порядке несколько ущемляет права налогоплательщиков. Это объясняется отсутствием независимых юрисдикционных органов в системе налоговой администрации.

Сложность судебных разбирательств по налоговым спорам и необходимость наличия у судей особых знаний стимулируют государство на создание специализированных налоговых судов, в целях создания системы для вынесения наиболее справедливых решений по налоговым спорам на основе наиболее справедливого судебного разбирательства.

Российский законодатель может выбрать два пути правового регулирования разрешения налоговых споров. Первый путь связан с созданием специализированных судов по разрешению налоговых споров по примеру ряда высокоразвитых западных стран, например Германии.

Второй путь – создание системы административных судов и реализация конституционного положения об административном судопроизводстве. В компетенцию указанных судебных органов должно входить рассмотрение дел об административных правонарушениях и налоговые споры. В данном случае Российская Федерация может учесть опыт других стран. Так, в Австралии спор между налогоплательщиком и налоговым органом в первой инстанции рассматривает Административный трибунал, а апелляционной инстанцией является Федеральный суд.

Думается, второй путь предпочтителен, так как Конституция РФ в ст. 118 предусмотрела отдельный от уголовного, гражданского и конституционного – административный вид судопроизводства как конституционную основу создания административных судов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации 1993 г.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ. (принят ГД ФС РФ 14.06.2002)
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ. (принят ГД ФС РФ 23.10.2002)
4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998
5. Иванов М.А. Институционально-правовой механизм рассмотрения налоговых споров во Франции: Дис. ... канд. юрид. наук. 2006, С.207
6. Кучеров И.И. Налоговое судопроизводство в России и за рубежом // Бухгалтерский учет. 2007. N 4, С. 37
7. Михайлова О.Р. Налоговый суд Канады // Ваш налоговый адвокат. 2001. Вып. 1 (15) С. 119.
8. Налогообложение: проблемы науки и практики-2009: Монография/ Под.ред. проф. Ю.Б. Иванова. М.: ФЛП Либуркина Л.М., 2009, С. 84
9. Модеров С. В. По решению суда освобожден... от налогов. // Финансовый директор. – 2009. - № 7, С. 34
10. Румянцев А.Г. Система исков в финансовом процессе ФРГ // Финансовые и бухгалтерские консультации. 1995. N 2, С.21
11. Румянцев А.Г. Финансовые суды в ФРГ // Финансовые и бухгалтерские консультации. 1995. N 1, С. 60
12. Закон о финансовых судах от 6 октября 1965 г. (Finanzgerichtsordnung) § 33
13. Закон о федеральном конституционном суде от 12.03.1951 г. (Bundesverfassungsgerichtsgesetz – BverfGG)
14. Буссе Р. Решение налоговых конфликтов и споров: опыт Германии// «Капитал страны», 2011 г.
15. Kaspar F.D. Der Anwalt im Kampf ums Recht, JZ 1995, С. 746
16. Wassermeyer F. DStZ 1985, С. 159
17. <http://www.ist-profy.ru/files/dyns.pdf>

Bulygin Andrey Viktorovich,
FSBEI HPE «Yugra State University»,
candidate of Legal Sciences,
associate professor of the Department of
criminal law and criminal process

Brovina Anna Viktorovna,
FSBEI HPE «Yugra State University»,
candidate of Philological Sciences,
Head of the Department of Science

Subjects of public control in Russian legislation (anti-corruption aspect)

Abstract: The article regards analysis of separate norms of Russian legislation regulating the procedure of public control in the context of anti-corruption. The publication gives an estimate of legislative definition of subjects of social control, as well as role of a citizen in the mechanism of anti-corruption work.

Key words: anti-corruption, public control, civil society.

Federal law dated December 25, 2008 No. 273-FZ «On combating corruption» (hereinafter «The Law No. 273-FZ») defines cooperation between state and civil society institutions, international organizations and individuals as one of its basic principles, and regards development of institutions of public control over compliance with legislation of Russia Federation as one of corruption preventive measures.

Also the law prescribes that one of the main directions of state bodies' activities aimed at the enhancement of corruption counteraction efficiency is to establish a mechanism of social control over their activity.

Regulatory implementation of the relevant provisions of the Law No. 273-FZ was found in the Federal Law of July 21, 2014 № 212-FZ «On fundamentals of social control in the Russian Federation», (hereinafter «The Law No. 212-FZ») which establishes legal basis for the arrangement and performance of public control over the activity of the state and municipalities and other authorities and organizations exercising certain public powers under the federal law.

Some provisions of the Law No. 212-FZ legitimate and specify the application rules of control activity that are actually implemented in the society, and some provisions determine the forming control activities.

Taking into account that the accepted law has no direct analogues in the recent past of Russian legislation, some of its provisions require interpretation from the point

of view of capacity and efficiency of their application, achieving the goals that are set by the anti-corruption law and the law on public control.

So, the answer to the question about who and what status has the authority to exercise public control seems not obvious. According to Federal Law 212-FZ, Article 3, Point 1 citizens of Russian Federation have a right to participate in the social control both personally and as a part of public associations and other non-state non-profit organizations. Point 3 of the same Article specifies that citizens participate in the implementation of public control as a public inspectors and public experts.

However, 9th Article of Law No. 212-FZ calls as agents of social control exclusively the Public chamber of the Russian Federation, the civic chambers of the Russian Federation subjects; the public chamber (councils) of municipalities and public councils at the Federal Executive authorities, public councils with legislative (representative) and executive bodies of subjects of Russian Federation state authorities. Not calling as subjects of social control, Law No. 212-FZ indicates that public monitoring committee, public inspections, group of social control, and the other organizing structures of public control can be founded for public control in cases and order stipulated by the legislation of the Russian Federation. Thus, the citizen of the Russian Federation is able to exercise public control only indirectly, as a representative of the subject of public control, or as a person from the subject of public control, as it specified in the law. Realizing quite a wide range of rights granted to the subjects of social control in accordance with the Law № 212-FZ, excluding each and every one from the appropriate list of «authorized» seems to be justified, because otherwise it creates the threat of unwarranted interference of the subjects of social control in the activities of bodies of state power, bodies of local self-government, state and municipal organizations, other bodies and organizations engaged in certain public powers, and to exert improper influence on these bodies and organizations. In this context, of course, the achievement of the objectives of Law No. 212-FZ, is possible only in case of involving professionals from the general public.

However, passing the main scope of the powers to the Civic chamber of the Russian Federation and the civic chambers of Russian Federation subjects it is possible to conclude about the actual addition by the analyzed law of the Federal Law No. 32-FZ of 4 April 2005 «On the Civic Chamber of the Russian Federation», (hereinafter «The Law No. 32-FZ») and the relevant bylaw and local regulations. Monopolization of control functions at specific organizations does not reflect the principle of differentiation means of social control, which seems should provide an opportunity for participation in public control of all population groups. The complexity of this issue is marked by V.V. Astanin: «Search, selection or definition of civil society institutions interested in productive cooperation with the government in combating

corruption is the most difficult aspect in the context of effective anti-corruption policy» [1].

Thus, some authors have expressed reasonable concerns about the fact that today is the prevalence of subjects, formed on the principle of "from above", the civic chambers, councils and commissions. The state creates special conditions for them, while limiting independent entities. However, it must be remembered that the creation of institutions of civil society «from above» leads to formalize them and to the profanation of the essence of social activities [2]. Even if the legislator is guided by absolutely good order, partly «involuntary» disclosing the value of social control, offered options of controlled entities for the purposes of a valid social control may be ineffective, because these social organizations are under the influence of public authorities. This influence is formed during the organization creation. Thus, the President of the Russian Federation takes active and direct participation in the formation of the Public chamber of the Russian Federation, the Russian Federation President in accordance with Art. 8. Law No. 32-FZ on the results of consultation with social organizations, the other nonprofit organizations, Russian Academies of Sciences determines candidacies of forty citizens of the Russian Federation, with special merits to the state and society, and offers these citizens to be part of the Civic chamber. An example of regional legislation is the Law On the public chamber of the Khanty-Mansiysk Autonomous Area – Yugra», enacted by the Duma of the Khanty-Mansiysk Autonomous Area – Yugra on February 10, 2006 according to which the twenty-two citizens from forty-four members of the Public chamber are approved by the Governor of the Khanty - Mansiysk, they also should have merits to Autonomous district. The similar approach is used when forming the social councils at federal authorities of the executive branch, social councils at legislative (representative) and the executive branch of the government of the Russian Federation subjects. Thus, in accordance with the Order of the Ministry of Communications and Mass Media of Russia dated 22 April 2014 No. 105 "On creation of the Public Council under the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation" after approval of the list of candidates with the Civic chamber of the Russian Federation Ministry of Communications and Mass Media as the personnel of the Public Council states.

Considering the above-mentioned, however, we believe it is impossible to treat normative act as excluding an ordinary citizen from the mechanism of social control in general, because the reverse conclusion is puzzling when the priority of the rights and legal interests of a man and a citizen raised to the rank of the principles of social control. In this sense, the words of E.V. Kirichek seem to be of current interest: "Only economically and politically free citizens capable to provide an effective and independent control in the sphere of public administration. Therefore, it is reasonable

to interpret the civil (public) control through the prism of control activities of civil society institutions and individuals... civil (public) control must be considered as a process in which civil society participates in the determination of basic directions of internal and foreign policy of the state, checks and constantly controls its implementation, carries out monitoring, civil research and investigation, civil inspection, and participates in the solution of the other socially important issues at all levels in order to encourage the government to stand with the recognition of the person, his rights and freedoms of the supreme value» [3].

Such form of social control as the direction of citizens' appeals to the bodies of local self-government and state power, actually having the potential to resolve the identified problem, has existed before the adoption of the Law No. 212-FZ.

In addition, the Federal Law dated 06 October 2003 No. 131-FZ «On General principles of organization of local self-government in the Russian Federation» (hereinafter the Law № 131-FZ) involves the participation of residents of the municipality in the discussion of draft municipal legal acts on issues of local importance in the form of public hearings that may be conducted on the initiative of the representative body of the municipality, head of municipal formation, and on the initiative of the population (according to Law No. 212-FZ the initiative is again transferred to the subject of social control).

In turn, the assembly of citizens is aimed at the discussion of issues of local importance, informing the population about the activities of local government bodies and officials of local self-government and so on. The assembly of citizens can take recourse to local self-government bodies and officials of local self-government, and to elect the persons authorized to represent the assembly of citizens in their relations with local authorities and officials of local self-government. For this purpose recourses, adopted by the Assembly of citizens, are subject to mandatory review by the local government bodies and officials of local self-government, to which fall within the competence of the solution contained in the claims, issues, with a written response.

Assuming the indicated form of direct democracy, the legislator has not raised to the level of binding decisions in the public hearings or meetings of citizens, recognizing sufficient for public authorities to "take into account" relevant recommendations from the public, which, of course, excludes the "control" nature of such events. It is necessary to mention understanding the convention of the control function, reflected in the Law No. 212-FZ which doesn't have any evidence of administrative influence. We need to realize that all forms of control stated in the law lead to control over the activity of patent subjects, revelation mismatches of their activity to legislation of Russia and reporting of these mismatches to corresponding authorized bodies of state (municipal) officials. This observation, if it shall be

expressed in active or passive form is not important, is the realization of the constitutional duty of citizens to participate in the affairs of state, and in this sense, the state rests the responsibility to create the organizational and legal conditions for such participation, and not to limit it. The government should, if it is necessary, to legalize certain procedures, useful for society. First of all, these procedures are aimed at ensuring transparency in the activity of public authorities, it is the first and most important step to build an effective system of social control. Civil society might be constructed only in conditions of inner sense and understanding of every citizen of involvement in the process of governance. The variety of forms of social control can be developed in the absence of transparency, but the degree of transparency and openness doesn't change for the better.

The Law No. 212-FZ refers the activity of social inspector and social expert to forms of individual work. A social inspector is a citizen, involved on a voluntary basis to carry out social inspections and with a right to obtain the necessary information and to prepare the final document on the results of the social inspection. A social expert is a citizen with specific knowledge and (or) experience involved by the subject of social control to carry out public expertise on a voluntary basis, evaluation and assessment of acts, acts' projects, solutions, solutions' projects, documents and other materials, activity (inactivity) of public bodies, performing in accordance with Federal Law some public authority, match of such acts, acts' projects, solutions, solutions' projects, documents and other materials to legal requirements, and also due diligence of human rights and freedoms, rights and legal interests of public association and the other non-governmental non-commercial organizations. It is necessary to consider that public verification as well as public expertise is carried out in cases and order that are established by the Federal Law, and only Human Rights Ombudsman of Russia, Children's Rights Commissioner for the President of the Russian Federation, Entrepreneur defense of rights Commissioner for the President of the Russian Federation, Human Rights Commissioner, Children's Rights Commissioner, Entrepreneur defense of rights Commissioner, Indigenous Minorities' Rights Commissioner on the subjects of Russian Federation, Civic Chamber of the Russian Federation, Civic Chambers (Councils) of municipal formations and the other subjects of social control can be initiators of social control.

It seems that the mentioned task of uncertainty of the mechanism of involving citizen in the process of social control is temporal, gradual scientific experience and practice of law enforcement will provide transition from the frame standard construction to the comprehensive mechanism of legal regulation eliminating this gap. Quality of social control, willingness of citizens to demonstrate their energy and interest in corruption counteraction, participate in it are directly depended in many factors, level of legal conscience and legal literacy of population. However it is only

one of the sides. Of course, the successive decision of the mentioned issues depends on the character of statutory regulation of the relevant sphere of relationship and on the fact which volume of tools the law gives to the concrete person and on what quality and efficiency these methods will have. In such conditions a creation of new wall in sophisticated bureaucratic apparatus, separating a man from the state apparatus, seems to be more dangerous than the absence of statutory regulation at all.

REFERENCE

1. Astanin V.V. On effective mechanisms of interaction between state institutions and civil society in the sphere of anti-corruption measures // Administrative and municipal law. 2011. № 4. 5 p.
2. Zyryanov S.M. Report within the round table dedicated to the issues of social control efficiency // Cit. by Starodubova O.E. Social control: legal support // Russian Law magazine. 2013. № 2. 134 p.
3. Kirichek E.V. Civil (social) control over the activities of public government bodies in the sphere of guarantees of constitutional rights and freedoms of individual and citizen in the Russian federation // Journal "Actual problems of Russian law". 2013. № 9. C. 1096.

Khizhnyak Veronica,
*Saratov State Law Academy Professor,
Doctor of Law, the Department of Constitutional
and International Law*

Lyadascheva-Ilicheva Marina,
*Saratov State Law Academy Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of State and Law History*

The problems of study of the legal policy in Russia: history and nowadays

Abstract: The article is devoted to the problem of study of legal policy in Russian juridical science. The authors analyze the past and the modern problems in this sphere.

Keywords: legal policy, jurisprudence, history of law, modern legal theory.

Хижняк Вероника, Саратовская
государственная юридическая академия,
Профессор, доктор юридических наук,
кафедра конституционного и международного права
Лядашева-Ильичева Марина,
Саратовская Государственная юридическая академия,
Доцент, кандидат юридических наук,
кафедра истории государства и права

Проблемы изучения правовой политики российской юридической наукой: история и современность

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению проблем изучения правовой политики российской юридической наукой в исторической ретроспективе и в настоящий момент.

Ключевые слова: правовая политика, юриспруденция, история права, современная юридическая наука.

Правовая политика стала предметом изучения российской юридической науки только в конце XX в. В течении длительного времени считалось, что обсуждение правовых норм с точки зрения *de lege ferenda*, выходило за пределы задач юриспруденции. Лишь в новое время стали предприниматься попытки обрести идею права, призванную ориентировать исследователя в оценке отдельных правовых норм, а затем и правовых институтов [1]. А.Л. Байков писал, что одной из распространенных, но далеких от жизни научных традиций являлось противопоставление политики и права или «норм долженствования, построенных на этических ценностях», и правил поведения, обоснованных исходя из целесообразности. Сторонники этого подхода подчеркивали, что сфера «права» ограничена «*de lege lata*», а «*de lege ferenda*» уже составляет проблему политики. Подобная точка зрения не соответствует истории и сущности права. Вместе с тем, суждения *de lege lata* и *de lege ferenda* связаны между собой и относятся к одной категории права. Нормы политики могут быть не только предметом правовой оценки, но и основанием для нее. [2].

В условиях абсолютной монархии особое внимание юристы уделяли изучению правовых догм, который они проводили с целью познания их содержания и системы изложения. Юридическая практика требовала толкования или интерпретации законов, а из которых и рождалась новая догма права, призванная устранить противоречия и пробелы в нем. Особенностью догматической юриспруденции являлось то, что в рамках соответствующей методологии исследования принципы публичного и гражданского права, например, рассматривались в отдельности, а основные начала (идеи, принципы) лишь затрагивались.

С конца XVII в. догматическому осмыслению стали подвергаться не только гражданское право, но и государственное, административное, уголовное и т.д. Тем не менее, догматическая юриспруденция как таковая появилась в России только в XIX в. В этот период догма права начинает восприниматься как юридическая дисциплина, основанная на формально-юридическом методе. В то же время, догматическая юриспруденция ставит задачу выявления справедливости в законодательстве, но ее реализация предполагается в рамках политики права. Ведь познание цели законодателя, исторических условий и социальных причин возникновения закона способствуют познанию его смысла, а догматическая юриспруденция не способна «формулировать общие принципы права». Соответственно в XIX в. догматическое изучение права способствовало формированию целого ряда относительно самостоятельных дисциплин, не связанных общей идеей и не объединенных общей системой. Каждая дисциплина имеет общую часть и общие основные понятия. «Общая часть» гражданского права, например, давала свои логические определения, призванные удовлетворить частные потребности: определения права, субъекта и объекта права, субъективного и объективного права, юридического действия, причинной связи и т.д. [3]

В процессе систематизации российского законодательства чиновники обращаются к истории права, затем к его догме. В записках и законопроектах М.М. Сперанского лишь просматривается стремление законодателя определить направления правовой политики. Особое внимание уделялось основным началам законодательства, публичному и частному праву, а также государственным, уголовным и гражданским законам. Процесс осознания и теоретического осмысления политики права и правовой политики определялся динамикой формирования и развития, а также соотношения основных начал, формы и содержания действующего права и законодательства. Этому должно было способствовать создание Основного закона Российской империи. Под влиянием либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. и процессов, происходивших в странах Западной Европы, Ф.В. Тарановский писал, что право изучается и разрабатывается с точки зрения исторической, догматической и политической. Соответственно юриспруденция разграничивалась на три основные отрасли: историю права, догматическую юриспруденцию и политику права [4].

На развитие теоретической и формально-догматической юриспруденции в России особое влияние оказало изучение истории римского права. Так, по мнению И.А. Покровского, распространение римского права в странах Западной Европы способствовало развитию теоретического и догматического изучения гражданского права. Это изучение начинается с простого толкования источников (форм) права. Роль курса истории римского права во всех странах заключалась в теоретической подготовке для изучения национального права [5]. И.А. Покровский предлагал осуществлять в научной юридической литературе исследование правовых норм не только с точки зрения истории, и догматики, но и правовой политики, т.к. «жизнь спрашивала не о том, что было, и не о том, что есть, а о том, как должно быть с точки зрения разумного и справедливого» [6]. Аналогичное мнение мы находим и в работах Г. Ф. Шершеневича, который считал, что задачи гражданского правоведения имели три цели – познание, объяснение норм действующего законодательства и их оценку. Первая цель достигается посредством догм права, вторая – социологии и истории, третья – политики. По его мнению, гражданское правоведение, вооруженное знанием действующего права, а также всех условий, среди которых приходится действовать юридическим нормам и под влиянием которых складывается его дальнейшее развитие, обуславливают необходимость оценивать целесообразность и справедливость как отдельных норм, так и всего гражданско-правового порядка, определить их влияние на жизнь, а также наметить дальнейшее направление общественной жизни под действием права, выработать юридические меры для устранения отклонений от этого движения, если оно обнаружит вредное направление, и для содействия и ускорения его, если направление будет признано благотворным.

Кроме того, с точки зрения законодательной политики систематическое распределение норм помогает обнаруживать все недостатки положительного

права: его пробелы, противоречия и повторы. Так, в первой половине XIX в. в науке господствовала институционная система, и кодексы этого времени были созданы на ее основе, а во второй половине XIX в. преобладала пандектная система гражданского права, что также определило систему гражданских кодексов того времени. Несколько осторожнее надо относиться к заимствованию юридических принципов, выражающих собой исторические и национальные особенности права и законодательства [7].

Представления о наличии определенной правовой политики, обуславливающей содержание норм права существовали на рубеже XIX–XX вв. в отечественной историко-правовой науке. Так, с точки зрения А.Д. Градовского, в системе юридических наук историко-правовая наука была относительно самостоятельной от науки догматической. История права являлась введением в систему законодательства. Например, история римского права являлась введением в изучение его догмы. Исследованию догматической стороны права традиционно предшествовал исторический очерк. В тоже время историко-правовые науки рассматривались как науки с самостоятельным предметом, методами и системой изложения. Если история констатирует факты влияния одних понятий на другие и связь между ними, то целью историко-правовой науки было показать постепенность развития юридических понятий в народе, нашедших выражение в правовых памятниках и учреждениях. Историк права должен был, прежде всего, найти общие начала общественного развития, ту исходную точку, которая определяла бы весь характер дальнейшей правовой политики и стала основанием для историко-правовых исследований [8].

История права призвана заниматься изучением не отдельных исторических фактов, а развитием правовых идей и институтов, их возникновением, развитием и прекращением [9]. Историко-правовые исследования соответствовали общим правилам позитивной методологии. Историки права применяли юридическую терминологию, а по отдельным периодам употребляли юридические конструкции, свойственные догматической юриспруденции того времени [10]. В этот же период историки права отличали правовые догмы от правовой политики. Догматическая юриспруденция была связана с изучением действующего права, а правовая политика - с нормами права желательного, справедливого и идеального [11].

Л.И. Петражицкий отстаивал необходимость исследования правовых норм и институтов с точки зрения догмы и политики права [12]. В условиях русской революции в марте–октябре 1917 г. в науке приходит осознание того, что закон всего лишь план желательного правового строя, а история права есть история переворотов в праве [13]. При этом нельзя отрицать, что определенную правовую политику в России можно было проследить в любую эпоху. Она просматривается, прежде всего, в Соборном Уложении 1649 г., законодательных актах, закрепляющих форму государства, принципы управления, основных началах (идеи, принципы) действующего

законодательства в России XVIII – начала XX вв., Основных государственных законов ч.1 Т.1 Свода законов Российской империи (1832–март 1917 гг.) и Своде законов Российской империи (1832–октябрь 1917 гг.).

Проблемы изучения правовой политики юридической наукой в России XIX–начала XX вв. определялись особенностями и основными направлениями правопонимания: естественно-правового, исторического и позитивистского. Историко-правовое и специально-юридическое исследование правовой политики связано с особенностями и закономерностями развития российской государственности, идей конституционализма, формирования и развития системы права по отраслевому принципу, с соотношением публичного и частного интереса в сфере общественных отношений, внутригосударственного и международного права. В Западной Европе первой работой, исследовавшей правовую политику, был «Курс конституционной политики» Б. Констана [14]. Западные ученые, например, К. Бергом [15] и Г. Радбрух [16] отличали политику права от юриспруденции вообще, считая, что предметом политики права является идеальное право, его оценка и критика. Юриспруденция, в свою очередь, дает представление о праве как оно есть, а не как оно должно быть. В этом их позиции сходятся с позициями русских ученых того периода.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. правовая политика являлась не предметом изучения юриспруденции, а предметом политики права, считавшимся отдельным научным направлением. Этой точки зрения придерживались такие ученые, как И. А. Ильин [17], Г. Д. Гурвич [18] и др. Однако среди ученых того периода существовало и противоположное мнение, которое не признавало ее наличия как самостоятельной науки. К ним можно отнести Г. А. Ландау [18], И. В. Михайловского [19] и Б. Н. Чичерина [20]. Однако даже те ученые, которые признавали ее наличие, толковали ее довольно узко, и часто их разработки в этой области было невозможно реализовать в условиях Российской Империи из-за их оторванности от практики. Тем не менее, следует согласиться с А. В. Малько, что именно в этот период времени в отечественной юридической науке были заложены основы политического подхода в правоведении [21].

В советской юридической науке исследования правовой политики были немногочисленны и идеологизированы, что было обусловлено политической ситуацией. Правовая политика не выделялась как самостоятельный предмет, как это было на Западе, поэтому полноценного исследования данного правового феномена здесь так и не произошло. Отдельные его аспекты рассматривались в конце 70-х–80 гг. XX в. в трудах таких ученых, как В.Н. Кудрявцев, Н.П. Колдаева, Н.В. Федоров, Л.С. Явич и др. Часто правовая политика рассматривалась в связи с исследованием вопросов правотворчества, правоприменительной практики, развития социализма и т. д. [21]. Несмотря на отсутствие особого интереса к рассматриваемой проблеме в советской науке, можно все же привести примеры, когда правовая политика

становилась предметом крупных монографических исследований. Например, в 1985 году Н.В. Федоровым была защищена диссертация на тему «Правовая политика Советского государства», в которой он не только дал юридическое определение данного понятия, но и обозначил проблему разработки данного правового явления как актуальную задачу для советских ученых [16]. А.В. Малько справедливо отмечает, что развитие теории правовой политики в советский период носило противоречивый характер. С одной стороны, важность ее исследования признавалась, но с другой, осуществление анализа было чрезвычайно идеологизировано. Более того, сама идея существования правовой политики противоречила цели социалистического строительства – коммунизму, поскольку он предполагал общество без государства и права. Поэтому получалось, что советская правовая политика должна была создать в будущем условия как для ликвидации права, так и ее самой [15]. Сама правовая политика рассматривалась только как одно из средств управления обществом, в связи с чем не было возможности, а пожалуй, и необходимости ее полноценного исследования.

Таким образом, в советский период правовая политика не являлась самостоятельным предметом изучения в юридической науке, она рассматривалась как явление, сопутствующее иным правовым явлениям. Ее особенности, виды, формы и принципы так и остались практически не исследованными. Впрочем, в рассматриваемую эпоху не оспаривался тот факт, что она является предметом изучения юриспруденции.

В современный период, который следует прежде всего связывать с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. начали появляться работы, исследующие всю многогранность этого правового феномена. Следует особо отметить труд видного советского и российского правоведа С.С. Алексеева «Основы правовой политики России: курс лекций». По его мнению основы правовой политики – это научная и учебная дисциплина, направленная на приобретение правовой политикой России последовательного, научного, выверенного теорией и практикой характера, который должен был соответствовать направлениям развития современной цивилизации [23].

В конце 90-х годов прошлого века и начале нынешнего в российской юридической науке интерес к изучению правовой политики значительно возрос. Это было отмечено как научными исследованиями в данной сфере, так и изменением российского законодательства. В качестве примера можно привести Указ Президента РФ от 3 декабря 1994 г., которым было утверждено «Положение об обеспечении деятельности Института государства и права Российской академии наук в качестве аналитического центра по правовой политике Президента Российской Федерации» [24]. В России были учреждены специализированные структуры по изучению проблем правовой политики, в 2004 г. была разработана Концепция правовой политики Российской Федерации

[25], словосочетание «правовая политика» стало все чаще встречаться в нормативно-правовых актах.

На наш взгляд, основой правовой политики, прежде всего, является Конституция Российской Федерации [26]. Именно в ней установлены приоритеты российского государства, которые указывают на его общий курс как в области формирования норм национального права, так и в области международного сотрудничества по совершенствованию международного права. Среди таких приоритетов следует отметить права человека и их защиту, построение гражданского общества и правового государства. Современной российской правовой наукой сформулировано понятие правовой политики, согласно которому под ней следует понимать деятельность соответствующих субъектов в юридической сфере [15]. Рассмотрение правовой политики не как идеи, а как деятельности, указывает на то, что мы имеем дело уже не с изучением предмета, а с изучением отношений в области формирования и реализации правовой политики, регулируемых правом. В настоящее время российские ученые выделяют и рассматривают уголовно-правовую, гражданско-правовую, финансовую, административно-правовую, международно-правовую политику. В то же время, следует отметить, что российские ученые относят эти виды к предмету изучения соответствующих отраслей юридической науки.

Нельзя не отметить тот факт, что отношение к правовой политике как к предмету изучения юридической науки среди российских ученых остается неоднозначным. До сих пор высказываются мнения, что правовая политика явление не столько юридическое, сколько политическое, поэтому она не может рассматриваться юристами на том уровне, как ими рассматриваются более традиционные для юриспруденции вопросы. Однако эта точка зрения постепенно утрачивает своих сторонников. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что правовая политика и отношения по ее формированию и реализации является объектом изучения всех отраслей российской юридической науки. Рассмотрение истории проблемы дало нам возможность проследить переход в восприятии понятия правовой политики и необходимости ее всестороннего изучения от отношения к ней как к абстрактной идее до восприятия ее в качестве конкретной деятельности, влекущей осуществление целой системы отношений. Основная же проблема изучения правовой политики в настоящее время заключается в ее дуалистической природе, связывающей воедино политические идеи и деятельность по их воплощению в праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917. С. 48-51.

2. Байков А.Л. Правовое значение оговорки «Rebus sic stantibus» в международных отношениях. Москва, 1916. С. 41–42.
3. Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918–1919 г. Симферополь, 1918–1919. С. 5-11.
4. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Отдельный оттиск из «Ученых записок Императорского Юрьевского Университета». Юрьев, 1917. С. 327–330.
5. Покровский И.А. Роль римского права в правовой истории человечества и в современной юриспруденции. Юрьев, 1894. 30 с.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917. С. 48-50.
7. Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, Типо-литография Императорского Университета. 1898. С. 3, 6-7, 117-118.
8. Градовский А.Д. История русского права. Рукопись. Б.м. 1870. С. 1-9.
9. Брунс-Ленель К. Внешняя история римского права. Пер. с немецкого А. и В.Д. Труханович-Ходановичей. Под ред. В.А. Краснокутского. С предисловием П.Е. Соколовского. Москва, 1904. С. 9.
10. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Отдельный оттиск из «Ученых записок Императорского Юрьевского Университета». Юрьев, 1917. С. 327–330.
11. Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918–1919 г. Симферополь, 1918–1919. С. 13
12. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. Санкт-Петербург, 1897.
13. Вишняк М. Революция и народная воля // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. – 1917. № 17. 27 апреля. С. 339–340.
14. Constant B. Cours de politique constitutionnelle. Bruxelles, 1851. Т. 1.
15. Berqbm K. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. Leipzig, 1892.
16. Радбрух Г. Философия права Москва, 2004. С. 127.
17. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Теория права и государства: учебник / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. Москва, 2003. С. 154.
17. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избранные сочинения. Санкт-Петербург, 2004. С. 30 – 31.
18. Ландау Г. А. О политике права (к теории прикладных наук) // Вестник права. 1906. Кн. 1. С. 1. С. 88
19. Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914.
20. Чичерин Б. Н. Философия права // Избранные труды. Санкт-Петербург, 1998. С. 18.
21. Малько А. В. Теория правовой политики. Москва, 2012. С. 14-29.

22. Федоров Н. В. Правовая политика Советского государства (вопросы истории, теории, практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1985. С. 8.

23. Алексеев С.С. Основы правовой политики в России: курс лекций. Екатеринбург – Москва, 1995. С. 5.

24. Положение об обеспечении деятельности Института государства и права Российской академии наук в качестве аналитического центра по правовой политике Президента Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 3 декабря 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3337.

25. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / под. Ред. А. В. Малько. Москва, 2008.

26. Конституция Российской Федерации. Москва, 2000.

Ignatyev Vladimir Igorevich,
*Novosibirsk State Technical University,
Professor, Doctor of Philosophic sciences,
The Faculty of Humanitarian Education*

On what bases it possible to construct of “information” methatheory of contemporary society?

Abstract: In the article consider the possibility of using such category as information in the quality of foundation the construction of “information” methatheory of contemporary society. Researching the process of appearance virtual and actual social spaces and the break-up the society into social actuality and social reality. Had revealed the effect of information resonance.

Key words: information as substance, social reality and social actuality, virtual and actual social action, information resonance, the social space breaking.

Introduction

The transfer have been occurred to the new informational - civilizational stage was being attending by wide-ranging social transformations. For the researches, perhaps, was enough time for conceptualization the consequences of deep changes in society. It was also evident that there were and were locked in such their characteristics as growth of freedom, risks, uncertainties, unpredictability and instability. Social priorities were changing. More and more the material production as production of things lost past universal importance was giving way to the production of information, images and information services. Information and knowledge had become new symbols of authority largely.

The hierarchic social structure had transformed and was substituting for network gradually. Local identities were in deep crisis. At the same time the foundations of values of collectivism and solidarity: certainty, stability, predictability – were disappearing. All these changes in contemporary society requires from social perception resort to the question about adequacy of present theories of modernity and expose to rethinking theirs ontological and methodological foundations. For instance, the question about degree of changes in societal structure, that occurred as a result of computer-informational revolution is not enough studied. The information nature of origins deep processes of rebuilding of societal structure and its crossing to its new historic type doesn't comprehended by researches in spite of the number of significant results of analysis social consequences of informatization which

demonstrates wide foreign and domestic literature [1,2,3,4, 5, 6, 7,8,9, 10,11,12,13, 14, 15,16,17].

The picture of wide-ranging expansion of information and information technologies denoted as informatization is appeared more obvious. First of all, such branches of knowledge as information science, social informatics and informology deal with this socio-technological phenomenon. In the social theory takes place the underestimation of influence of informational processes on radical transformations occurs on the foundations of contemporary society. I can't share the scepticism of some researches that prejudice the possibility of creation special theory of information society as special historic stage of development and even doesn't recognize the fact of its existence as special type of social organism [18, 19, 20]. But need to admit that working out of "information" ontology of the present run into number of methodological, gnoseological and ontological problems. And the main question remains unanswered: has the contemporary society special being that is founded on new, information substance?

Such question is legitimate because while the unified theory of "information society" doesn't exist and all conceptions that were being created present only a aggregate of empiric and theoretic construct-hypothesis in that were "caught " not numerous sides and aspects of this new hypercomplex social organism.

Manuel Catells's theory of information way of development, which has unprecedented scale of performance and based on huge array of empirical evidence with worked and shown in the system with empiric device, perhaps, is exclusion [14].

In my opinion, the uniqueness of that theory for the social science is that M. Castells not unsuccessfully and largely repeated the experience of building the theoretical model of complicate social system (albeit, predominately embraced its economic segment, but and going out to space of social structure and culture), use the method rise from abstract to concrete, that earlier only Marx had done. But, have to assume that by this kind large-scale studies need to refer and experiences of creation of metasystem socially-historical theories by T?nnies and Sorokin [21,22].

Methodology preconditions

The attempt to adapt the definition of information to development's tasks of general sociological theory and enter it into a categorial "matrix" of social-philosophical and sociological knowledge has been undertaken by the author in recent publications, and continued in the present article [Игнатьев, 2011].

The information can be considered as important component and factor of social changes, together with, as technological, subcultural and ideological. Completeness in the acceptance of information as object of sociological analysis together with social action, interaction, behavior, norm, value, subject-material factors of social actions connected with that recognized as (obvious or implicitly) its "alien" origin as regards social theory and its complicate to join conceptual construct for both sociology and

social theory in general. In my opinion, including of “information” in the structure of sociological models of social action and social system stays perspective correlated with such definitions as foundation of action, mediators of action, goals of action, resources, social reality and social actuality, worldviews, programs of action, the designing of worldviews, virtual reality. But previously, need to interpret the category information bases on a number of such definitions as social action, actor, norms, communications, symbols, significances, meanings, had translated from information science’s language to language of social theory.

Every ontology in its origin bases on some phenomenology as statement of existence some specific class of real objects – proceedings and processes, previously had undergone the conceptual understanding. Think that “phenomenological” stage with creation of initial conceptual constructs in the formation the theory of information society has been occurred already. Resort to some most, in my opinion, significant results and state our point of view on possible way of creation of “*information methatheory*” of contemporaneity.

By the end of XX century the information has become such mass and universal mediator in all kinds of social interaction that has affected bases of social. The information type’s expansion of social interaction shows a final reorganization of substance of industrial civilization on what was paid special attention in studies of some theorists of information society. In Castell’s opinion, contemporary global information interaction acts as metatechnology, have been caused the appearance of information society and contemporary way of society’s existence is characterized by informational-technological paradigm. New social forms and processes appear as consequences of technological changes. At the same time technology doesn’t predetermine the development of society, but it is a society [23]. Has originated the informationalism, that was historically generated by reconstruction of capitalistic mode of production. In it the origin of productivity concludes in technology of knowledge generation, information processing and symbolic communication. [23]. The influence of knowledge on knowledge as main origin of productivity is specific for information method of development, concludes M. Castells [23].

For the understanding of changes deep had occurred in society as a result of “invasion” in all theirs information structures need to turn to one more study that was unnoticed by the domestic scientific public, probably, because of the absence of its Russian translation. It concerns the book of professor Scott Lash in London University - “Critique of Information” that was published in 2002 in Great Britain [1].

In Lash’s opinion the information society is characterized by increasing uncertainty but such a state of things it’s not deviation from norm, but a new form how it couldn’t be paradox. He noticed that result of production in information society becomes not so much benefits are being embodied the information, but information itself as it is. And the theory itself of information society becomes the theory of unforeseen consequences. It is variation cardinally changes contemporary society at every from the structure levels of its organization [24]. In economic sphere, the logic

of production retreats before the information logic, as consequence, “new products large are turned out “constructed”, but the less perceived as “objects” and more degree as “artifact”” [24]. “Some kind of dialectics, - Lash notices – inherent by information society...causes of development from order to disorder. Externally rational and founded on knowledge the production is realized in quasianarchic distribution streams of information” [24]. From the quasianarchy of information society born new regularities of production, distribution and exchange in that the information formally doesn’t knows the borders is being ordered by the system of intellectual property; the power doesn’t eliminated but becomes nonlinear, doesn’t submit to traditional forms of analysis, intellectual property doesn’t deny principle of property itself but transfers the accent from “property to object” to “property to prototype” to initial condition of object’s creation [24]. The cost doesn’t disappear but appears not as objective exchange value but as symbolic, sign value [24]. Thus social regularities don’t eliminate but just change and modernize. Eliminate, however, stability, predictability and temporal certainty or these regularities. Lash thinks that contemporary society becomes unprecedentedly mobile, devoided of steady relations and durable foundations. Economic and social life builds not near the accumulation but near the communication.

In information society means of production give way to tools of communications but relations of production – relations that appears in process of conversion. Images and meanings created by the people become the substance of new reality that such objective and not at least defines the people’s behavior as a previous practice. New forms of culture and distribution of information become not just reflection but continuation of reality. Now, author concludes, some unit reality not completely objective and not completely subjective appears. But practice of technologic world breaks the stable representation and replaced by comes constantly changing reality and naturally woven into it illusions [24].

And Touraine wrote that “decisive for postindustrial society is being all aggregate of economic system constitutes the object of intervention to itself. That’s why it may be named programmable society” [25]. In Touraine’s opinion, the transit to postindustrial society occurs when invest not in wealth and not in “services”, but in symbolic wealth, which can change the values, needs and submissions.

Basis of theoretical construction: phenomenon and notions

Now we will try to inform a reader about own author’s position. In the capacity of bench mark analysis offer to consider communication and information as form and substance of social interaction [26]. The information as substance exists just in interaction of subjects. With a transition to information society the individual as “substrate” of interactions itself undergoes radical changes. “Individualization” is a symbol of transformation of its substrate, was put to scientific use by Z. Bauman. In his opinion, society, enters in XXI differ from other historic forms of human being.

Individualization is a growth of individuals 's isolation provided by separate character of activity and further development of differentiation of social communication. It caused two interrelated reasons: high and increasing speed of change meanings; growth of number of meanings and information [27].

Exponential growth of information leads to information overload that generates unforeseen circumstances – the growth of information deficiency, i.e. reduction of dimension of necessary data about behavior; provokes confusion, generates inertness, accompanied by depression and stress. This event may assesses as decline of information quality. In Korytnikova opinion's, virtual interactions lead to appearance of "computer addicts". Psychosocial deprivation occurs, i.e. deformation of personal characteristics, was being accompanied by alienation, phobias and frustration. Deprivation limits possibilities for human's social development, is accompanied by desocialization and deadadaptation. Individuals relations are limited, they don't have a living talk, appears syndrome of prosecution as form of total control from the direction of means of communication [28].

J.Baudrillard offers the interpretation of information chaos that surrounded human. He paid attention on emotional experience of world's invalidity had been given to us in cultural act, its infectiousness by secondary ideological meanings. "Simulacrum" is an unit of false, unauthentic meaning. "Simulacrum" is a situation of promiscuous interaction of things and people, caused by increasing of information stream, special effect of present time [13]. In my point of view, "simulacrum" is a sign or incomplete actualization those or other phenomena of empirical reality, an evidence of total expansion of new backbone social substance – information. The phenomenon of simulative credibility as feeling of actuality immutability – the right sequence limit of individual's saturation by information.

The system of symbolic social world is caused by new social system that is a new method of organization of social order. For the theoretical representation need to fix a simple system – "cell" of building. In my opinion, that is virtual social interaction as imitation of interaction, i.e. illusion of influence subject on subject, illusion, reproducible in imagination both of subjects. How appears that special social system of action?

Stability and increasing in whole society of information generates anomia – oversupply of models for choice of role behavior. But anomia grows in the conditions of control over the resources from the direction of the other significant actors. That's why orientation to "other" as circumstance of targeting underlies the interaction and action. Information organized as resource, i.e. ready to act as individual tool of targeting let the actor ever more focuses not on other but on creating by himself normative order. Z. Bauman named that phenomenon individualized society, S. Lash fixed the replacing norms on individual values. Thereupon the theory of "individualized society" of Z. Bauman can interpret as theory of permanent and increasing anomia that appears the substance of contemporary society and this process can consider as has provoked by increasing growth of information streams

has felt in single actor. Along this lines can interpret the theory of expanding uncertainty of S. Lash that determined as replacing norms on individual values and replacing integrated society on social world of autonomic communities by him.

Information resonance

All these events are the consequence of the process which names as "information resonance" [29]. What is its idea? The growth of information dimension leads to appearance such process as self-generation of symbolic, imaginary social world – "social reality", to the self-generation of new forms which independent from social actuality. Imaginary world begins to "goes ahead" by the reflect actuality, its pictures become more difficult and don't accord to it. From the "material" of constantly produce images born and new patterns possible social practices, which provoke their competition with established forms of social actuality. Such way the actual social action contradicts and confrontation with virtual action. World-system of virtual actions breaks away from system "actual-virtual" and begins its own life. It occurs the formation of alternative, parallel social space, new - antiinstitutional - norms appear. Persistent and increasing overage of information generates the anomia – variety of competing models for choice of role behavior. Permanent and increasing anomia is provoked by the growth of information streams. As arises the effect of information resonance. Now the practice of actor much more determines not socially, but individually. Appears a new – "virtual" – social. And specific parallel social space becomes an origin of social norms and control. Virtual space becomes autonomic and stops to be a moderator inside the system of social interaction.

Information resonance is an increasing "wave", which transforms social space: differentiation and multiplication quantity of thinkable worlds of social reality pass into actual worlds; increasing anomia and polyorientation of authors: appear "zones of resonance" – strata of alternative social worlds: grow conflicts and disintegration of traditional space of social actuality. It occurs the effect of "space breaking" [30]. As information resonance generates new social space – virtual reality and virtualization forms cyber-space which changes social actuality itself and bifurcates it on actual and virtual (actual and fictitious).

A. Moles paid attention on that traditional culture replaced by contemporary mosaic [31]. In his opinion, if traditional culture regulated by institute of education but the mosaic forms affected by ongoing and constant stream of information. In contemporary society during the formation "knowledge baggage" connects random elements of culture in different epochs and nations and in consciousness of individuals they pass into "storage of messages". Knowledge forms of fragments are connected on occasion and not rationally but associative. These pieces don't form the structure but hitched in some "screen of knowledge" as foundation for new alternative and "world view" is structured artificially. That "screen" forms as a result of individual's dipping in the stream of scattered and hierarchically disordered

messages. As a result value selection and structuring of experience doesn't occur as in the process of cognition. Precision and perfection of objects technological reproduction their sign representation constructs diverse objects – “simulacra” from which consist of virtual reality wrote J. Baudrillard [32]. In this sense the virtual reality is an organized **space** of “simulacra” – special objects, “aliented signs” that as opposed to signs-copies fix not similarities but differences from reference reality. In contrast to actuality is expressing the wholeness, stability and completeness, the virtual reality is the origin of difference and multiplicity. Information resonance stimulates limitless development of informational technologies that in turn lead to communicative-cognitive resonance. The creation of intellectual technologies as artefacts of new type is the starting point of appearance this resonance [33]. Their main idea is a production, transformation, ultrafast broadcast and realization of information in the public practice with characteristics near to properties of human brain. New individual characteristics begin to turn into social and generated a number of new waves of communicative-cognitive resonance: intellectualization of informational streams; growth of accessible information; two-way exchange of information; interactivity of interaction; hypertextual structure; functional expandability.

Actors' “worldviews” live in space deeped by information create according to rizoma laws: Internet language provides instantaneous transition from one text to another along with text gains other measurement and becomes infinite. For actor it means that he has special psychological condition leading to wrong assessments and wrong decision making. D. Lewis called these events “syndrome of if fatigue information”. Constantly appears the thought that need to get more information and it leads to “analytical and managerial palsy” wrote Lewis [34]. Informational anomia occurs because of the surplus of information [35].

As a result of change each other waves of information resonance was so radical restructuring of social space that society turned into “turned it inside out” its own substance in communication, released from its form – materially-objective mode of being (natural and artefacts) and people themselves largely lost “bodily basis” of their actions. This transformation was described by Mark Poster (“incorporeity of individuals” as bodies connected to electronic database), by Z. Bauman (individuals “placelessness” in information streams) and T. Matisen (total way of living in Sinopticon global “observers”).

As Bauman notices streams on information increasingly not depends on carriers. On his opinion, “for the restructuring meanings and relations at present time lees than ever necessary displacement and transposition bodies in physical space. For some people – mobile elite ...it means in the literal sense “defunctionalization”, finding full independent [36]. Elites moves in the space faster than ever been. The power due to found “incorporeity” in its main, financial form gets true exterritoriality if the physical bodies stay “at the place”. Z. Baumen noitces that in hyberspace bodies

no matter albeit hyperspace itself is important, at that decisive for the bodies' existence. [37].

M. Poster interprets electronic database as improved hyperspace variant of Panopticon had a suggestion that our bodies connected to nets, databases, information streams and it means that all these storages of information by that bodies tied up "informatically" already hadn't presented shelter from observation. In Poster's opinion, as a result of conservation such huge quantity of data is a genesis of "super Panopticon". This variant of Panopticon has a special character: observing, allowing data for the conservation are the main factor for the conservation and main factor in the process of observation [38]. As a result appears original global society consist of some communications, got away from physical places and combining great number of individuals in one organism – global majority of observers on the minority. As T. Mathiesen's point of view this organism submits to special mechanism of global power – "Synopticon". In it minority are some celebrities from politics, sport, science, showbiz world. All of them are globalists as long as they keep under observation the global majority and express the idea of total way of living [39].

Information as substance: actual and virtual social actions

Though successful formation of basic "cell" of information society generates the transformation of whole social system. Theoretical conclusions of M. Castels' "informationalism" conception especially that concern changing of interaction character of knowledge and information can be the additional confirmation. If continue "informational prospect" of Castells it is possible to offer its next conceptual development. Because information is a knowledge that organized for transmission, knowledge determined by technology that orientated to including in practice such informationalising economics is not economic of objects and energy exchange (activity) but economy of symbolic exchange (simulation) when objects energy and activity itself replaced by symbols.

Information is a knowledge that organized for transmission. This is knowledge that determined by technology. It orientates to including in practice. Informational economic is not economic of exchange by goods and energy (activity) but economy of symbolic exchange (simulations). Goods, energy and activity itself replaced by symbols (symbolic world, "simulacra"). More and more fragments of data (facts) and knowledge about goods.

It is occurs the consumption of "information about information". Thereby information becomes the substance of society but not self-expanding value (as in industrial civilization is founded on capitalist economic system) and substrate becomes symbolic world as nonobjective (contrary to subject substrate "marketable world of goods" of industrial civilization). Self-expanding information similar as self-expanding value (capital) but not identical to it. Information society like capitalistic but not identical to it because other substance underlies the first.

The next model relevant to existing theoretical constructs of contemporaneity. Practice of actor much more not socially, but individually as orientation to his own norms. At the same time the resource – information – stays socially generates the factor of targeting and orientation on social space. But appears new – information – social, in this regard that appears new substrate of social nets. Social control and formation of social communities shift in the space of virtual, imaginary, secondary and “parallel” of social world. But information resources and conditions of information production continue defining in the practices’ sphere of social actuality. That’s why space of social life doubling – it is becomes practical and virtual. In this expresses contradictory and divergence of modified system of social interaction. Virtuality changes not only information (its goals and substance) but practical activity itself as resources is having natural and social character. In the case if action is determined by virtual mainly, the social action goes under pressure of compelled practical and virtual action.

In virtual reality the human gives senses, meanings that objects and events of social world which couldn’t explain. Though, from the on hand, virtualization of social life occurs, according to symbolic substitution of unidentified sides of actual, from another hand, according to reproduction and self-reproduction of meanings. Thereby the definition “virtual” closes in definition “ideal”. However, as far as “virtual” like as “ideal” indirected actuality (as practical human actions) virtual reality in the beginning are formed in collective consciousness than turn into real social world becoming powerful tool of controlling and regulated influence on course of human life activity. Virtual reality shows in actuality by means of symbols (ritualistic behavior, sign system etc.) and is its specific being. That’s why virtual and actual are interconnected and penetrate to each other. Virtuality “perceives” the world but actuality serves it (reproduces) or changes. Virtual consist of new values, behavior patterns and exists initially independent from actuality, lives according to its own laws. Rout of social processes take through the world of possibilities of virtual world. However social changes won’t occur till virtual world won’t be actualized with intellect of innovative thinking and acting individuals, i.e. till patterns of behavior and values won’t include in actual life and won’t be in a new fashion regulate social interactions.

“Social reality” and “social actuality”

Need to return to substantiation of offered comparison and distinguishing of two categories “reality” and “actuality”. The context of this study is required to give their interpretation rather differ from traditional. The matter is the fixation of special phenomena of “virtuality” rooted in irreducibility pictures of “realities” different levels (plans) to each other. The statement: “it is real” is a statement about existence of phenomenon that (statement) doesn’t need to prove to individual himself, this phenomenon is obvious for him (“it exists in fact – that’s why it is real”, “if I think that it is that means it is real”). Independent of human opinion that part of social world is

exists really, in fact, actual, which includes him, with which he interacts not in imagination (potential), but in practical action (actual), i.e. experiences impact certain people toward just him and he effects to them himself. All other social world had given to him not actual but potential as virtual world, i.e. it is present at his perception but doesn't include in concrete actions. As far as imaginary actions and events are potential, probably, but are not actualizing and are not being actions (albeit there is an activity as form of energy output). Virtual is a such patterns of actions and interactions that take out free by single individuals from the arsenal of "no actual" (inoperative) patterns or in the beginning are constructing on the imaginary level but not interactions and then enter into interactions of theirs own free will. That is such patterns of interactions in which one subject is real and other subject is imaginary.

Thus, actual social interaction is an interaction with actual but not imaginary actors. Virtual social interaction occurs when one of the sides is an actually existing subject and other side is an "image of other". As a result the basis of social system such type becomes a symbolic exchange (information exchange) as form of symbolic social interaction and specific system of social action – "virtual social action" forms. Eventually the virtualization as social phenomenon leads to transformation of social interaction - the most basic "cell" as initial elementary system of society [26]. Thereby social action exists both as actual and the virtual but "social" exists both as social actuality and the social reality.

From the above reasoning there is a foundation to assert that basic couple general sociological categories: social action and social interaction should be rethinking and have to give new substance. For the model-making and interpretation of contemporary society as information already nit enough reduction characteristics of it basic elements to elements of social action that was specified by M. Weber or by T. Parsons's system elements of social action (in one's time in postmodernism sociology was paid attention on it). "Orientation to other" doesn't not serve but that "other" becomes diverse in principle. Symbolic mediators from the interaction mediators turn into subjects ("other") and the actor itself becomes acting and generally existing (for itself and for other) virtually, i.e. he perceives not just a possibility but as actual, already occurred possibility (thereupon methodological function of "theorem Tomas" needs of rethinking for the model-making possible consequences of changing character of social interaction for the whole social system at the transition stage to informational society).

It leads to breakthrough beyond space of traditional forms of social control and generally social control itself. Role normative part net in society becomes plastic, interrupted, is limited and isolates oneself in virtual space of actors and groups.

It seemed that sociological model of "человека действующего" of information epoch should built not on the basis of principle of their complementarity and mutual negation of classic conceptions but on the basis of their convergence, is joining by model of society as dichotomic social reality including two sides of social: system of actual and virtual interaction.

In the capacity of foundation such convergence offers substantive method to interpretation of information foundation the social in modus of contemporaneity. The starting point of analysis – the definition of substance as unity of substratum and function. In that case information can presents as unity of meanings (substratum) and communications (functions). Finding the empirically existing and totally extended elementary item of system having its quantity qualitative specific precedes the revelation of substance as system. Such item (cell) is the system of social action as action directed at other subjects. This is just that system because is unity of two one-another determined sides: subject of action (actor) and “other”. Specifically existing subject, its multitude or some other objects accomplish the function of orientation’s object can act as “other”. Therefore the reduction of elementary item of system just to subject-subjective interaction is a fixation the one of its possible forms. Focus on “other” don’t need to takes literally as orientation to other subjects – certain, empirically presented individuals. In fact in any situation the subject focuses on scheme-image of “other” that had given to it in its own picture of reality. That’s why meanings as reflective constructions that organized by characteristics of social are the universal mediator between individuals. From this point of view elementary social system consist of subjects are joined by notional (mental) constructions that included the characteristics f social. In any case actor orientates to scheme of possible action, acceptable worldview. Denotes this picture-scheme (route) as “virtual”. Thereupon can assert that actor focuses not just on social but on virtual social. And in this already laid the precondition of splitting of action system, ambivalence of actor’s orientation: he simultaneously focuses on social (by birth and substance) and n virtual – mental substitute of social (as system of practices but not ideal “pictures” of reality). Thereby the parallelism of social space as possibility had put initially.

Need to pay attention on one more, maybe, the most essential sequence of global penetration of information streams in basic structures of social. Information becomes empirically general, “totality” during the period of its unlimited growth and simultaneously turns into commodity and is being itself the historic modus of commodity as empirically given cell of capitalism. Process of unfolding of information as unity of meanings and communications underlying this conversion. Communication as abstract and universal function of social knowledge’s being able to infinitely increases (like capital as self-expanding value) and infinitely be consumed, constantly turns into substrate – new meanings. Meanings consumes without limitation at the same time losing the property to be meanings (i.e. aiming at something or for something) and thereby turning into functions of communication. It is occurs communicate for communicate, exchange “meaningless meanings”. Simultaneously self-increasing communication its modus overbuilding the capital. As a result consumption of communication for communicate without borders becomes the main law of information society.

Information and communication: unity and contradiction

However to divide and contradict the meanings and communications is possible just in thought, in actuality this one is alter ego of other. Meanings as some benefit are the communications just because in them carried out information as operating schemes of social actions. That's why information becomes universal method of support of social relations between people is turning into commodity and capital, in particular. In its moving the information begins submit to generated by its system quality – total process of communication. As a result the society goes into condition when individuals communicate for communications, turning communications into fetish but information into tool serves as this fetish. We observe outrage and triumph of growing streams of information, however this is just appearance, by that открывается total dominancy of other process – communication for communication. In turn, information technologies and techniques of generation, processing and translation of information supply process of unlimited widening of communication space. It becomes much more obvious that “Information epoch” actually is epoch of race across new effects of growing and diverse communication. However it cannot exist without the other: communication thinks information and information thinks communication too. Meanings continue to stay connecting-link (identity) of these opposite sides of social action. Just through the communications individuals make theirs life socially sensible but through the meanings suppose and realize the necessity in targeting and purposeful-rational actions that makes them subjects and not just social actors. As long as information forms the system of information “quanta” (data) as operating schemes of actions insomuch as individuals were included in this system and having such system qualities as notional structures (social quality of first-order) and communications (social quality of second-order) acquire new class of qualities – superquality – schemes of socially generated actions. So social (as higher integrative quality) supposes itself in individuals' actions and integrates are acquired by them in individual experience meanings of actions and tools of communicate.

Conclusions

1. As starting positions for definition “information” ontology could be offered next. Social information (i.e. creating by society) in sociological methatheoretical interpretation may be defined as substance of “social”. Social information as process is a special method of support the wholeness (system) of special objects – interrelated individuals through the exchange between them of meanings and senses on the basis of passing symbols that generates special social stable bond – communications. This process reproduction and consumption of signs, meanings and senses with the goal of constant production in mind of acting individuals of integrated picture of social life in that ordered to acting models of behavior and “routes” of actions – goals and values. In that way individual is a social being because constantly

“consumes” data for the construction of his worldview and makes “routes” of his moving in social space.

2. Information underlies of social as collective people’s being, i.e. existence in the interaction and just as interaction. It is “sensible-pretersensual” people’s being as interrelated individuals. Information has outsubject – system – existence albeit and embodied in goods – carriers of data. Thereby it acts a social quality of “second-order” differ from materially-subject empirically given carriers of data which are social qualities of “first-order”. In that meaning information as social quality doesn’t materialize in single “things” (carriers) but expresses integrative qualities of society as whole.

3. Underlying of all messages as “quanta” of information the social action, i.e. human action directed to “other”, oriented to “other” and simultaneously oriented by “other”. General bond acting human with whole society (indirectly and symbolic way through individual picture of social world – virtual) occurs through this orientation but “quantum” of information presents as empirically given, certain “cell” of society has taken from the side of special system quality – social of “second-order” (ideal), of society as system of perfect characteristics.

4. Mentioned above let to specify the nature, structure and mechanism of functioning the basic system of society – social action. Social actions to form materially-subject; to content – ideal (mental) schemes of actions. These mental constructions “turn out” from operating and operated schemes of actions, transiting trough the communicate. Its production is the condition and the result and what is form the society and sociality. That’s why social actions and interactions are the information interactions. Existence the society is a process of its reproduction as information substance as way of being special – ideal – world, generated by society and generating the society.

REFERENCES

1. Lash S. Critique of Information. London, 2002.
2. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition. A Report on Knowledge. Translated by Geoff Bennington and Brian Massumi. Minneapolis, 1984.
3. Machlup F., Mansfield U. The Study of Information. New York, 1983.
4. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981.
5. Porat M., Rubin M. The Information Society: Development and Measurement. Washington, 1978.
6. Poster M. The Mode of Information: Posstructuralism and Social Context. Cambridge, 1990.
7. Reich R. The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism. New York, 1991.

8. Roszak T. The Cult of Information: The Folklore of Computers and the True Art of Thinking. Cambridge, 1986.
9. Sakaiya T. The Knowledge-Value Revolution, or A History of the Future. Tokyo-New York, 1991.
10. Schiller D. Digital Capitalism: Networking the Global Market System. Cambridge, 1991.
11. Stonier I. The Wealth of Information: A profile of the post-industrial economy. London, 1983.
12. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. Москва, 1994.
13. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва, 2001.
14. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва, 2000.
15. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. Москва, 1991.
16. Славин Б.Б. Эпоха коллективного разума: О роли информации в обществе и о коммуникационной природе человека. Москва, 2014.
17. Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. Санкт-Петербург, 2011.
18. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Санкт-Петербург, 2000. – С. 13
19. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. Москва, 2000. – С.22
20. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. Москва, 2004.
21. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. Санкт-Петербург, 2000.
22. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии: пер. с нем. Санкт-Петербург, 2002.
23. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва, 2000. – С.29,51,39
24. Lash S. Critique of Information. London, 2002. – С. 2,26,4,81-82,72-73,112
25. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии. Москва, 1998. – С.13
26. Игнатьев В.И. Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И.Игнатьев, Т.В.Владимирова, А.Н.Степанова. Новосибирск, 2011.
27. Бауман З. Индивидуализированное общество. Москва, 2002.
28. Корытникова Н.В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий // Социол. исслед. 2010. №6. – С.70-79
29. Игнатьев В.И. Информационный резонанс в социальной системе // Идеи и идеалы. 2012. №3(13). Т.1.

30. Игнатьев В.И. Информационный резонанс в социальной системе // Идеи и идеалы. 2012. №3(13). Т.1. – С.94
31. Моль А. Социодинамика культуры. Москва, 2005.
32. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. Минск, 1996.
33. Демина М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социол. исслед. 2010. №6. С.87-92
34. Lewis Dr. David. Are You Suffering From Information Fatigue Syndrome? (Электронный ресурс). Режим доступа: [http:// healing the workplace.wordpress.com/2008/07/23/are-you-suffering – information – fatigue – syndrome/](http://healingthe workplace.wordpress.com/2008/07/23/are-you-suffering-information-fatigue-syndrome/)
35. Маркин А.В. Функция отклоняющегося поведения в условиях информационной анонии. Москва, 2006.
36. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. Москва, 2004.
37. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. Москва, 2004. - С.33
38. Poster M. Database as discourse, or electronic interpellations // Detraditionalization / Ed. Paul Heels, Scott Lash and Paul Worris. Oxford, 1996. - С. 284,291
39. Mathiesen T. The viewer society: Wickel Foucult's "Panopticon" revisited // Theoretical Criminology. 1997. - С.215-234
40. Бард А. Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Санкт-Петербург, 2005.
41. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. №3.

Mayorov Vladimir Ivanovich,
Tyumen state university,
Professor, Doctor of Law Sciences,
Department of administrative and financial law

The concept of road traffic offenses and its classification

Modern traffic represents the result of managed and conscious activity of the person. It is open and dynamic system of interrelation and interaction in space and time. In case of a deviation from the parameters established by regulations and safety rules of one or several elements of this system and in case of rejection of adequate measures there can be a road accident.

There are inimical interests of people, various organizations and society in the course of transport movement. It causes the need of management of traffic as an area of the public relations with the help of precepts of law.

Keywords: road accident, real harm, emergency environment, public danger (harm), administrative offense, transport crime, criminal liability, administrative liability

Legal relations in the sphere of road traffic safety are those regulated by law and composed of mutual link between rights and legal obligations of subjects of relations between its participants. Based on the analysis of administrative and criminal cases instituted on the fact of road traffic accidents, as well as specific and legal literature, we can conclude that the social harmfulness of these accidents is directly related to causing real harm.

Damage resulting from road traffic accidents to life, health, nature, property, society, as a rule, is the result of an emergency situation caused by a loss of driver's control of the vehicle. In other words, a socially harmful (emergency) situation is created. Therefore, an emergency situation is a sign of the objective side of the offense, determining its public harm and revealing the link between the violation of the rules of the road and regulations of operation of vehicles and damage.

The official legal definition and legal regulation of administrative offenses are stipulated in article 2.1 of the Code of administrative offenses of the Russian Federation (hereinafter " the Code"). Administrative offense is an illegal and guilty action (inaction) of the physical or legal entity, for which this Code or the laws of constituent entities of the Russian Federation on administrative offenses the administrative responsibility is established [1]. This definition in administrative law is a material legal entity based on general legal characteristics (accepted anyhow by all

scholars), as a public danger (hazard) (material characteristic), wrongfulness, fault, penalty.

Road traffic accident - is a special kind of offenses, which is characterized by specific features that distinguish it from other offenses. The object of transport offenses is presented by social relations that ensure the protection of life and health of people, property, natural environment, interests, trouble-free operation of transport in general. The specific harmful effects of these offenses, which, as mentioned above, are road traffic accidents, accidents that cause serious harm to the life and health of people, material resources, society, and their severity depends the solution of the question of liability. In order to increase the effectiveness of regulations applied, that provide liability for committing the road traffic accidents, it is useful to divide all offenses into two large groups: administrative misdemeanor in the sphere of the safe operation of transport (road traffic misdemeanor and transport crime. In general, they do not differ from each other, but one of the characteristic features of significance of consequences.

In administrative law science and criminal law science distinguish common object, generic object and direct object of offense [2; 3; 4]. The general object of administrative offense in the sphere of road traffic are public relations regulated by administrative law. Therefore, a generic object of road traffic offenses is the order of the road traffic, the safety of its participants. The unity of a generic object of road traffic offenses is the basis of distinguishing it in a homogeneous, relatively independent group. Other characteristics of the structure of road traffic offenses do not perform the role of a classification criterion. It is important to note that the structure of the Special part of the Code of administrative offenses of the Russian Federation is mainly built up by taking into account such criteria as a generic object. Each Chapter contains structures that have a single object of the offense, although in some cases the legislator allows deviations from the scientific classification of offenses on a single criterion. For example, article 11.26 of the Code of administrative offenses "Illegal use of registered in other states motor vehicles for transport of goods and (or) passengers" is in Chapter 11 of the Code, where offenses on transport are grouped, and article 12.2 of the Code "Driving a motor vehicle with a breach of the rules of state registration plates setting" has appeared in Chapter 12 of the administrative code, where the administrative offenses in the sphere of road traffic are united [5].

The direct object of encroachment is safe movement of vehicles, road users, the normal functioning of pedestrian crossings, railway crossings, etc.

To the objective side of the administrative misdemeanor' structure in the sphere of road traffic wrongful act which is expressed in violation of the rules ensuring safe operation of vehicles, in some cases - expressly provided by the law in connection with this misdemeanor harmful consequences, as well as the causal link between the violation of rules of the road and the ensuing consequences are related. On the objective side signs of the road traffic offense structure can be expressed as in the

active actions (e.g., damage of vehicles, driving intoxicated, theft of vehicles), and inactive when the person does not act as it is directly prescribed. Such offenses in the sphere of road traffic safety include: failure to comply with traffic signs, roadway markings of roads, the provision of benefits in the road traffic, evading examination for intoxication, disobedience to pedestrian signals, road traffic and other.

According to D.N. Bakhrakh, "the sign of the act - is the main characteristic of the objective side, it is the pivot around which other signs are grouped (method, time, place and other). The basis of every act is a conscious gesture, often the system of elementary actions or even certain activities" [6].

The subjects of road traffic offenses can be not only employees of relevant modes of transport, but also other persons, both the official, legal, and physical; both the citizens of the Russian Federation and foreign citizens and persons without citizenship. The subject of administrative responsibility for road traffic offenses may be only responsible people who have reached the age of 16 (article 2.3 of the administrative code).

All subjects of administrative misdemeanor in the sphere of road traffic are divided by V.V. Golovko into the following groups:

- the officials and other persons of transport and other enterprises and organizations responsible for the use of vehicles;

- the officials and other persons communication, road maintenance, construction and other organizations;

- the drivers of vehicles;

- the pedestrians;

- the passengers;

- other users of the roads (cyclists, drivers and others), whose unlawful acts can threaten the safety of the road [5].

Each of these subjects of offense bear administrative responsibility only for personally committed offense. It is illegal to transfer responsibility for the direct violators of rules of the road on persons, who is under their subordination.

Wrongful actions or inactions of the above entities are the misdemeanor only if there is guilt. The guilt of the person who committed the offense is a necessary condition of liability, provided in article 2.1 of the administrative code.

Currently, it is recognized that this illegal action as a violation of the rules of the road can be both careless and willful. We emphasize that in this case we refer to the mental attitude not to uncertain action or inaction on the part of the driver, but to the violation of the rules of the road, i.e. to the wrongful act.

Negligence form of guilt occurs when a person foresaw the possibility of social and dangerous (harmful) consequences occurrence, but unthinkingly hoped for its prevention (arrogance), or did not foresee the possibility of occurrence of such consequences, even though should have been and could foresee them (negligence).

The subjective side of some road traffic offenses can be committed with the so-called mixed (both intentional and unintentional form of guilt).

It should be noted that if in the violation of rules of the road, the person relation may be expressed in the form of intent or negligence, then his mental attitude to the possible consequences of road traffic accident can only be expressed in the form of negligence. Otherwise, if the person in respect of the consequences of the committed action acted intentionally, his misdemeanor should be qualified as a crime [7]. For example, the action expressed in the violation of the rules of the road or rules of operation of the vehicle, resulting in bodily injury to the victim (article 12.24 of the administrative code) is characterized either by intent or negligence. Regarding to the consequences of this offense it is characterized by a negligence form of guilt, because an intentional infliction of harm to human health qualifies as a crime (article 115 of the criminal code).

This concept became widespread after the adoption in 1965 of the official explanations of the Supreme Court of the USSR in support of a double fault. But many scientists and employees of the judicial and investigative practice demanded an answer to the question about how to establish a single form of guilt, necessary for a fair sentence, as this form of guilt creates fertile ground for arbitrary decision-making. In 1970, the decision of the Supreme Court of the USSR "On judicial practice in cases of road traffic offenses" was established, which was totally contrary to the previous one [8]. It was proposed to recognize only one form of guilt - negligence, although it was known that road traffic offenses can be committed intentionally, and the authors of various books on criminal law continued to argue about the existence of two forms of guilt. In 1987 the fundamental work of the Institute of state and law of the Academy of Sciences of the USSR "Criminal law. Experience in theoretical modeling" appeared. There was a draft of the article "Complex guilt" as follows: "If the person negligently causes other socially dangerous consequences which the law associates increased criminal liability, then this crime in general is considered to be committed intentionally" [9]. Increased criminal liability associates with more serious consequences, therefore, an intentional crime can only be with a serious consequences. But, as rightly believes V.V. Lukyanov, such a definition is invalid because it contains a substitution of features of subjective side by features of an objective side [10].

Currently criminologists during the study of the determination of criminal behavior acknowledge as a more productive one a detailed analysis of the mechanism of the crime because it involves not only the identification of the whole complex of events, phenomena, processes, and features of the individual, but also its interaction, and the role of each factor in the crime [11]. As you know, the offense is an act of will, freely and consciously elected by the person with respect to the conditions, time, place, situation. It include vehicle itself, and information provision of the activities of road traffic users, and the road with all the arrangement [12]. This applies to the road traffic accident. There is an opinion that the administrative

offenses does not have a public hazard, there are public harmful antisocial acts. However, against this point of view V.V. Lukyanov categorically object.

On this occasion, the following should be noted. In Comments to the Russian Federation Code of administrative offenses it is said: "by the determination of the constituent elements of guilty of an administrative offense a sign of social danger existing in the crime, is replaced by the sign of "harmful consequences", again taking into account the nature of actions (inactions) and the ensuing consequences inherent to administrative offenses" [1]. However, this explanatory note raises a number of questions: who had determined that the concept of public danger is replaced by the sign of harmful consequences; how to distinguish an intent and negligence in situations connected the infliction of harm to health, and so on. Law enforcement officials in practice are forced to qualify the road traffic accident, according to their own judgment and experience, not having a clear clarification on the application of the legislation.

We deliberately elaborated on the analysis of road traffic crime and administrative offense done by V.V. Lukyanov, we support his point of view and consider his main conclusion justified that, unfortunately, "for half a century of existence of legal science it did not receive a fair presentation of the true construction of road traffic offense, did not give answers to questions about how the violation of rules of the road leads to injury, how to distinguish the forms of guilt in committed road traffic offense and so on" [10].

REFERENCES

1. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Э. Н. Ренова. – М., 2012.
2. Административное право: Общая и Особенная части / под ред. А. П. Коренева. М., 1986.
3. Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. – Пермь, 1969.
4. Козлов Ю. М. Административные правоотношения. – М., 1976.
5. Головкин В. В. Административно-юрисдикционная деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения. – Омск, 2005.
6. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР. – Свердловск, 1989.
7. О судебной практике по делам, связанным с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта или городского электротранспорта: постановление Пленума Верховного Суда СССР // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1965. – Февраль.

8. Сборник постановлений пленумов Верховного Суда СССР 1924–1977.
9. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. – М., 1987.
10. Лукьянов В. В. Состав и квалификация дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений. – М., 2003.
11. Кудрявцев В. Н. Причинность и детерминизм в криминологии // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве. – Владивосток, 1983.
12. Уголовное право России : учебник. Т. 1. Общая часть / отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М., 1998.

Karelin D.V.,

*Tomsk State University Associate Professor,
Candidate of Science (Law), the Faculty of Law*

Shesler A.V.,

*Tomsk State University, Professor,
Doctor of Juridical Science, the Faculty of Law*

Confederacy in terms of the Russian Federation criminal legislation and its application to law practice

Abstract: In this article the confederacy legal attributes are regarded, the interpretation of the confederacy legal attributes in judicial practice is analyzed. The analysis of practical application of Clauses 35 and 210 of the Criminal Code of the Russian Federation is given.

Keywords: confederacy, stable group, organization, pecuniary gain.

In the criminal legislation the confederacy is characterized as the organized group or the consolidation of organized groups operated under the common direction, the members of which joint for perpetrating one or more grave or exceptionally grave crimes for direct or indirect pecuniary or other material gain. (Part 4, Clause 35 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Therefore, confederacy (criminal organization), as can be seen from the statute, can be of two kinds: a special kind of organized group and a consolidation of organized groups. The organized group as a kind of confederacy is characterized by three additional attributes. Firstly, it is created for perpetrating one or more grave or exceptionally grave crimes; their definitions are written in Part 1 and Part 2, Clause 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. Secondly, these crimes are perpetrated for direct or indirect pecuniary or other material gain. Subject to compliance with paragraph 2 of the Plenum of Supreme Court of the Russian Federation Regulation № 15 on the Judicial Practice of Confederacy Organization and Participation Therein Cases of 10.06.2010. Direct pecuniary or other material gain is perpetrating of one or more grave or exceptionally grave crimes, as the consequence an immediate asset monetization in favor of the confederacy members is triggered. Indirect pecuniary or other material gain is perpetrating of one or more grave or exceptionally grave crimes without direct encroaching of one's property, however, confederacy members or other persons stipulate obtaining money or rights to property or other pecuniary gain in future [1]. For instance, direct pecuniary gain takes place if confederacy commits fraud directed to obtain property by false pretences. Indirect pecuniary gain takes place if confederacy commits fraud directed

to get right to property by false pretences or to perpetrate a killing for financial gain in order to eliminate competition.

Thirdly, the confederacy is the structured group, i.e. it consists of units characterized by persistence and uniformity of actions, coordination with criminal intents between confederacy members, division of authority, differentiation of possible functions while perpetrating crime or other forms of criminal activities. The confederacy structural unit is functionally or territorially detached group consisting of two or more persons which perpetrates a crime in terms of this group and in accordance with its targets. These units can perpetrate not only separate crimes but complete the other objectives directed to the functioning of confederacy [1].

The consolidation of criminal organized groups combines a criminal association when they act under the single control, have stable relations and joint planning, perpetrate one or more grave or exceptionally grave crimes complete the other objectives directed to the functioning of such association [2].

The earlier Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation carried inference that the notion of confederacy includes criminal leaders cooperation (heads for crimes or other representatives of the organized groups). The criminal cooperation of criminal leaders, heads for crimes or other representatives of the organized groups is the group directed to coordinate criminal actions of different separate organized groups, to plan common grave or exceptionally grave crimes, criminal activity assignment between criminal groups, creation of stable relations between heads for crimes or other representatives of the organized groups in accordance with paragraph 9 of the earlier Plenum of Supreme Court of the Russian Federation Regulation № 8 on the Judicial Practice of Confederacy Organization and Participation Therein Cases of 10.06.2008 [3]. In the present instance the matter point of a confederacy consists in socially-dangerous consolidation of heads for crimes and active participants of separate stable criminal organizations. In accordance with Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation as at present in force the consolidation of criminal leaders constitute a confederacy only in form of meeting of heads for crime, leaders or other representatives of the organized groups. Besides, in accordance with paragraph 13 of the Plenum of Supreme Court of the Russian Federation Regulation № 15 on the Judicial Practice of Confederacy Organization and Participation Therein Cases of 10.06.2010 on such a meeting the questions pointed in Part 1, Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation should be discussed [4].

The creation of the institute of confederacy in the penal legislation generated some hopes for practitioners to reduce an organized criminality. However, the first attempts to put Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation into practice showed that because of the uncertainty of the “confederacy” definition, it found a broad interpretation and in one instance it matched with a usual criminal organized group or even with the previous concert group, in other it matched with the criminological notion of the professional criminal environment. For example, in

October, 1997 the Novosibirsk regional court tried a criminal case against Maltsev, Koso-ogly and Karakchi-ogly under Parts 1, 2, Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 3, Clause 186 of the Criminal Code of the Russian Federation and accepted the classification of crime given by Internal Affairs Directorate investigators of Novosibirsk region. During the pretrial investigation and the court session it was found that Maltsev, Koso-ogly and Karakchi-ogly organized a criminal group for the purpose of counterfeit USD 100 bill materialization involving there five locals – the bills direct distributors. A part of the acquired bills were materialized in Novosibirsk and beyond the region boundaries and after that the activities of the criminal group were stopped. Substantiating the classification of crime in accordance with Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation perpetrated by persons mentioned above, investigative agency proceeded on the basis that responsibilities were spread between the criminal group members, the places of counterfeit bills materialization were planned, the activity of the criminal group was provided with transport and intercommunication, the heads for crime intended to increase the number of counterfeit bills distributors. Probably, this criminal group could become a confederacy in future. However, this group was considered to be the simple organized group at the moment when their actions were stopped that is why there were no grounds to define actions of its members according to the Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The criminal case tried under cassational procedure in judicial chamber for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation against Yermakova, Yeryomenko, Doronina and Sergeeva in accordance with Part 2, Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 4, Clause 228 of the Criminal Code of the Russian Federation is an example when previous concert group was considered as confederacy. By virtue of the criminal case it is stated that Yermakova acquired a strong party of opium from John Doe for purpose of materializing it. Then she proposed to materialize opium in different time under the terms that she will have 20% of Yeryomenko's and Sergeev's profit and they agreed. Yeryomenko proposed to sell under the same conditions the acquired opium to the acquaintance of her Doronina who was detained by police officers at attempt to do this. Sergeev was detained while packing opium at his home. The Altai regional court declared the emerged group the confederacy defining the actions of Yermakova under Part 1, Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation (establishing of the confederacy) and actions of Yeryomenko, Doronina and Sergeev under Part 2, Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation (participation in the confederacy). Besides, the actions of all the participants were classified under Part 4, Clause 228 of the Criminal Code of the Russian Federation with imputation of such defining articles as materialization of drugs in especially big amount by the organized group. The Supreme Court of the Russian Federation overturned a conviction in a portion of the Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and changed a conviction in the portion of Part 4, Clause 228 of the Criminal Code of the

Russian Federation concerning conviction of the guilty and excluded the attribute of the organized group and accounted the subjective relationships between the condemned persons to be previous concert. The Court motivated its decision by lack of such attributes as cohesion and organized nature of the group and gave the following explanation: "By implication of law the notion of cohesion includes members of the group having main goals, intentions which transforms the confederacy into the unified whole. Cohesion may be authenticated by stable relationships, organizational-managerial structures, financial basis, common pool of funds from the criminal activity, conspiracy, dominance hierarchy, uniform and cruel rules of relationships and sanctioned behavior for the infraction of the unwritten code of the confederacy. The attributes of organization is an exact distribution of responsibilities among criminal participants, detailed planning of the criminal activity, strict discipline etc." [6]. The miscarriage of Altai regional court is connected to a large extent with the uncertainty of the term "cohesion" which was considered as a specific attribute of the organized group that is a confederacy written in the original Part 4, Clause 35 of the Criminal Code of the Russian Federation. The sense of the term "cohesion" was not revealed in legislation. In the theory of the criminal law this attribute was considered as the display of steadiness [7] or as the separate attribute along with steadiness [8]. In the judicial practice cohesion includes members of the group having main goals, intentions which transforms the confederacy into the unified whole. Mostly, the criminological attributes of the criminal environment which did not have exact legal meaning (stable relations, organizational-managerial structures, financial basis, common pool of funds from the criminal activity, conspiracy, dominance hierarchy, uniform and cruel rules of relationships and sanctioned behavior for the infraction of the unwritten code of the confederacy etc.) were the intrinsic expression of cohesion [6].

Therefore, the exact sense of the term "cohesion" is not revealed neither in the theory of the criminal law, nor in its practical application, that is why it is impossible to be guided by it while defining the term "confederacy" as a special kind of the criminal community. It is not fortuitous that the law-makers refused to use this term in the Criminal Code of the Russian Federation as at present in force.

In the next example the confederacy was equated with the criminal environment. In January, 1997 the Directorate of Internal Affairs investigation department of Samara region pressed charges under the Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation on the fact of gang leaders meeting in the vicinity of Samara ("crime lords' creep"). The persons were seized by SOBR special police of the Samara Regional Directorate for Combating Organised Crime of the Department of Internal Affairs on the 17th of January, 1997 at 1:00 pm on the highroad Samara-Moscow 23rd kilometer while criminals were moving to the meeting venue [9]. The premature law-suit commencement led to criminal case termination. The operations officers' miscarriage consisted in matching of the criminal term "confederacy" and criminological term "criminal environment" which interact with each other because of

the similar lifestyles, psychology, value systems of criminals. Besides, this miscarriage is caused by similar doctrinal interpretation of the confederacy when the criminal term is interchanged by the criminological one. Confederacy in the criminal sense, as mentioned above, includes not just criminals' consolidation but consolidation directed to plan details and conditions for crime commitment. "Crime lords' creep" does not always have these intentions; some questions that do not directly concern criminal activity such as mutual settlements between criminal groups, personnel affairs and specification of communication strategy with workers of law enforcement agencies may be discussed. In the situation just noted gang leaders meeting was not accomplished, the questions on the agenda were not unveiled and, as the consequence, the body of evidence according to the Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation was not created.

It should be mentioned that lack of operational, investigating and judicial experience against this kind of criminal formations obstructed to a large extent the practical application of the Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation in the late 90s [10]. Moreover, the Detective constable of Tomsk region issued a decree on refusal to initiate criminal proceedings under the Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation against gang leader "Berik" who had some notes with a plan of establishing a criminal group in the city with him which were found while searching. It is obvious that the written ideas cannot be regarded as the body of evidence according to the Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, a participation of "B." in other crimes witnessed that he started to carry his plans into effect through organization of concrete crimes with help of separate organized groups. Particularly, the participation of "B." in theft offences, extortions, illegal entrepreneurship in form of security services for Tomsk feed milling plant is proved. It means that the operative and investigative forces should have been directed to create a body of evidence in order to confirm the confederacy through checking particular crimes perpetrated by "B." up. The next step in this direction should have been the approval of organized group consolidation combining the confederacy. Now it can be seen that immediate initiation of proceedings in accordance with the Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation is literally impossible because the confederacy is being formed de facto during longtime criminal activity and the body of evidence with regard to confederacy criminal case is created on the basis of the proved offences perpetrated by the confederacy participants or criminal groups which are under the influence of confederacy.

It can be seen that the judicial practice in the matter of confederacies started with the proof of separate criminal organized groups existence which formed the unified organization. For example, the Stavropol regional court determined religious-military Wahhabi community "Jamia" to be guilty, mostly judging by autonomous stable criminal groups included in it as some structural subdivisions. The other attributes were pointed out: the intention to commit grave or exceptionally grave

crimes, the perpetrating of grave or exceptionally grave crimes, large and stable membership of a community, high-scale cohesion and organization, exact distribution of responsibilities among criminal participants, strong leaders - spiritual advisers with great prestige, remarkable and stable funding [11].

REFERENCES

1. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2010. – № 8. – P.4.
2. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation // Plenum of Supreme Court of the Russian Federation Regulation №11 on the Judicial Practice of Extremist Criminal Cases, 2011. – № 8. – P.6.
3. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2008. – № 8. – P.9.
4. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2010. – № 8. – P.5.
5. Survey of the criminal investigation reports on cases under the Clause 210 of the Criminal Code of the Russian Federation prepared by Investigation Committee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
6. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2001. – № 9.
7. Kovalyov M.I. Criminal complicity. Part 2, 1962. – P. 224, 229-231.
8. Telnov P.F. Criminal complicity liability, 1974. – P. 132-133.
9. "Komsomolskaya pravda" newspaper, 1997.
10. Chuchaev A.I, Shesler A.V. The confederacy organization and participation therein, 2011. // Lex Russica. Scientific works of Kutafin Moscow State Law University. – P. 329-340.
11. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2006. – № 7. – P.31.

Tumanov Dmitriy Yuryevich,
Ph. D at law, associate professor,
head of the theory and history of state and right chair,
The branch of the Kazan federal university in Naberezhnye Chelny

The problems of securing the constitutional freedom of scientific creativity in the Soviet state and modern Russia

Abstract: This article is devoted to the main reasons of the problems of securing the constitutional freedom of scientific creativity in Russia, both during the Soviet period, and at the present moment.

Keywords: constitutional freedom, scientific creativity, the Soviet state, The Russian Federation.

Туманов Дмитрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Набережночелнинского института КФУ

Проблемы обеспечения конституционной свободы научного творчества в Советском государстве и современной России

Аннотация: В работе анализируются основные причины проблем обеспечения конституционной свободы научного творчества в России как в советский период, так и на современном этапе.

Ключевые слова: конституционная свобода, научное творчество, Советское государство, Российская Федерация.

В соответствии со ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966г.) свобода творчества признается как безусловная необходимость для научных исследований и творческой деятельности. Советский Союз подписал данный Пакт 18 марта 1968г., однако в силу он

вступил для СССР только 3 января 1976г., поэтому впервые в отечественном государстве свобода научного творчества была закреплена в Конституции СССР 1977г. в ст. 47 в следующей формулировке: «гражданам СССР в соответствии с целями коммунистического строительства гарантируется свобода научного, технического и художественного творчества».

Первое, что обращает на себя внимание, это гарантированность свободы научного творчества лишь «в соответствии с целями конституционного строительства». Это, конечно, обуславливало жесткую идеологизированность научной деятельности, накладывало на исследователей определенные ограничения, особенно в сфере гуманитарных наук, и обязывало ученых доказывать превосходство социалистического строя.

Конституция фиксировала создание достаточно развитой материальной и культурно-образовательной базы, создающей возможности для реализации свободы творчества. Так, ст. 26 Конституции СССР закрепляла положение о том, что «государство обеспечивает планомерное развитие науки и подготовку научных кадров, организует внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство и другие сферы жизни».

Не в пример современной России, Советское государство не жалело средств на науку, на развитие которой выделялось в среднем 5 % национального дохода. Для сравнения – у развитых стран Запада (США, Великобритания, ФРГ, Франция, а также Япония) средства выделялись в пределах 2-3 %[1].

В геометрической прогрессии росла численность научных работников СССР: в научных центрах, многочисленных университетах и институтах работало большое число ученых и преподавателей вузов, ведущих научную работу: в 1940г. их было 98,3 тыс., в 1950 – 162,5 тыс. человек, в 1970 – 927,7 тыс., в 1981 – 1405,8 тыс. человек, или одна четвертая часть всех научных работников мира[2], больше, чем в любой другой стране. На первый взгляд, статистические данные действительно впечатляют.

Значительное внимание обеспечению научной деятельности уделялось и текущим советским законодательством. Так, Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6.04.1978г. за № 271 «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» предписывалось предусматривать в планах экономического и социального развития СССР капитальные вложения для строительства и оснащения лабораторных корпусов, а также ассигнования, в том числе в иностранной валюте, на приобретение приборов и оборудования, необходимых для развития научно-исследовательской работы в вузах.

Оказывалась значительная государственная поддержка, в т.ч. и материальная, творческим союзам, а также добровольным обществам, среди которых насчитывалось около сотни только общесоюзных, в т.ч. 20 научных обществ при Академии наук СССР, 35 научно-медицинских и 24 научно-

технических общества, Всесоюзное общество «Знание», ДОСААФ СССР, Всесоюзное добровольное общество любителей книги, спортивные и др.[3]

Но от мыслительного труда интеллигенцию упорно отвлекала вся социально-экономическая система страны: физический труд на полях, интриги карьерной войны, почти безнадежная борьба за внедрение своих достижений, не вписывающихся в устаревшие производственные отношения. Профессия инженера, как и других слоев интеллигенции, теряла свой престиж. Это приводило к двум важным последствиям – недовольству и этого социального слоя, а также замедлению научно-технического прогресса. Внедрение новых технологий требовало иной организации труда, иных общественных отношений, иного положения научных работников[4].

В решении Комиссий по науке и технике и Комиссий по агро-промышленному комплексу Совета Союза и Совета Национальностей от 29.06.1985г. «Об организационной работе Советов народных депутатов по разработке и внедрению научно-технических достижений» было отмечено, что плановые задания по развитию науки и техники не выполняются, а сами планы внедрения научно-технических новшеств зачастую не были сбалансированы с материально-техническими ресурсами [5]. В результате в мировом экспорте машиностроения доля СССР за 1965-1985гг. сократилась с 3,7 % до 2,3 % при относительной стабильности этого показателя США в 17%. В 1987г. по количеству зарегистрированных промышленных образцов СССР уступал всем развитым странам: ФРГ – в 40 раз, Японии – в 20, США – в 2,8 раза[6]. Не менее красноречив индекс цитирования отечественных публикаций. По общему числу ссылок на статьи, опубликованные за 1981-1992гг., Советский Союз занимал 12-е место между Италией и Израилем (на отечественные статьи за эти годы ссылались свыше 597 тыс. раз), а по отношению ссылок к числу опубликованных статей (в среднем 1,43 ссылки на статью) – 81-е место, между Египтом и Нигерией[7].

В 1987 г. в народном хозяйстве СССР было подано 4,9 млн. рационализаторских предложений, при этом численность работников составляла 131,3 млн. человек. Получается, что на одного занятого в народном хозяйстве приходилось 0,037 рационализаторского предложения, в то время как в Японии за тот же период на одного занятого в среднем приходилось 20 рационализаторских предложений (разница – в 540 раз)[8].

Количество советских нобелевских лауреатов за самые «выигрышные» для СССР послевоенные годы составило всего 3 % от общего числа (в 14 раз меньше, чем в США)[9].

Приведенные данные свидетельствуют, что научная мысль, даже обеспеченная материально, но загнанная в «прокрустово ложе», не могла эффективно развиваться. Одно из главных условий творчества – это, подлинная, а не формально продекларированная свобода. Наука начинается за гранью общеизвестных и изученных явлений и постулатов, ей по своей сути

свойственно инакомыслие, что является неотъемлемой частью творческого процесса. Но, как известно, Советское государство, руководимое и направляемое в соответствии со ст. 6 Конституции СССР коммунистической партией, инакомыслия не признавало и беспощадно его выкорчевывало, такой подход распространялся и на научное творчество.

В современной России в соответствии со ст. 44 Конституции РФ каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного и других видов творчества, а также преподавания. Исправлен главный недостаток последней советской конституции – указание на цель научного творчества. Но нет в действующей Конституции и гарантий обеспечения научной и иной творческой деятельности, что было присуще Конституции СССР 1977г. Ситуация изменилась с точностью до наоборот. Главной проблемой стала материальная обеспеченность научных исследований.

Особенно сложной была ситуация в 1990-е годы. В то время почти полностью прекратилось бюджетное финансирование научно-исследовательских работ, оплата труда ученых и на сегодняшний день оставляет желать много лучшего. Это вызывает отток талантливой молодежи, что влечет за собой разрыв преемственности в науке, а это в свою очередь грозит утратой научных школ, создаваемых десятилетиями.

Каковы последствия такого отношения к науке? Отсутствие перспективы развития интеллектуального потенциала страны, финансирование научной деятельности по остаточному принципу, угнетающе влияет на всю общественную жизнь. Все более отсталыми становятся производительные силы, материально-техническая база во всех сферах устарела как физически, так и морально. Невысокий престиж научной деятельности неизбежно влечет снижение образованности. Уже выросло целое поколение молодых людей, уровень образования которого существенно ниже выпускников школ, скажем, пятнадцатилетней давности, и ситуация только ухудшается. Низкий уровень школьного образования вызывает и снижение уровня выпускников профессиональных учебных заведений. Вследствие снижения качества образования падает и уровень общей культуры в обществе. Происходит перемена всей системы ценностей. Расцветает псевдонаука, все большим спросом пользуются услуги многочисленных колдунов, магов, целителей, многие из которых занимаются откровенным шарлатанством.

Вывод напрашивается вполне очевидный – необходимо не только предоставить гражданам подлинную конституционную свободу научного и иного творчества, но и гарантировать обеспечение этой деятельности материально, причем на достойном уровне, в противном случае современная Россия рискует окончательно утратить свою конкурентоспособность и превратиться в третьеразрядную страну, находящуюся в технологической и информационной зависимости от тех государств, которые уделяют обеспечению научным исследованиям должное внимание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постигение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа: [науч. монография] / ред.-сост.: Ф. М. Бородин , Л. Я. Косалс , Р. В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989. – С. 143
2. СССР в цифрах в 1981 году: Крат. стат. сб. / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. – С. 85
3. Павлов А.С. Советская Конституция действует: Закон и социальная практика. М.: Советская Россия, 1984. – С. 89
4. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917-1985гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 160
5. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Р. – 3610. – Оп. 1. – Д. 1691. – Л. 20.
6. Социально-экономические проблемы России: Справочник / ФИПЭР. СПб.: Норма, 1999. – С. 265
7. Социально-экономические проблемы России: Справочник / ФИПЭР. СПб.: Норма, 1999. – С. 265
8. Головин А.П., Мостовая Е.Б. Почему перестройка буксует? Новосибирск, Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. – С. 10
9. Постигение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа: [науч. монография] / ред.-сост.: Ф. М. Бородин , Л. Я. Косалс , Р. В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989. – С. 141

Apanasenko Kateryna,
*Chernigiv national technological university,
Associate Professor, Candidate of Legal Sciences, Faculty of Law*

Direct methods of the state regulation of prices on food-stuffs in Ukraine: legislation and judicial practice

Abstract: Direct methods of the state regulation of prices on food-stuffs by Ukrainian legislation are systematized in the article. Also author investigates position of supreme judicial instances in problem's questions of the pricing on food-stuffs.

Keywords: Price, food-stuffs, declaring of prices, trade's addition, pricing, limit's prices, methodology, state regulation

Апанасенко Катерина,
*Чернігівський національний технологічний університет, доцент,
кандидат юридичних наук, юридичний факультет*

Прямі методи державного регулювання цін на продовольчі товари в Україні: законодавство та судова практика

Анотація: У статті систематизуються прямі методи державного регулювання цін на продовольчі товари за законодавством України. Також автор досліджує позицію вищих судових інстанцій зі спірних питань ціноутворення на продовольчі товари.

Ключові слова: Ціна, продовольчі товари, декларування цін, торговельна надбавка, ціноутворення, граничні ціни, методика, державне регулювання

Вчені-економісти відзначають активізацію в останні роки у зарубіжних країнах та в Україні ролі держави у регулюванні відносин у галузі сільського господарства, зокрема, й у сфері ціноутворення на сільськогосподарську продукцію [1; 2; 3]. Проблематика ціноутворення детально досліджена в науковій економічній літературі, водночас юридичні наукові розвідки з цих питань в Україні поодинокі. На дисертаційному рівні відносини у галузі ціноутворення в Україні аналізували вчені-правознавці Джумгельдієва Г.Д. і

Солодухін Г.Й., однак відносини у сфері державного регулювання цін на продовольчі товари ними не розглядались. Політичні та економічні трансформації, яких очікує українське суспільство в найближчі роки, загострюють актуальність теми публікації. Тому серед основних завдань дослідження — систематизація передбачених законодавством України прямих методів державного регулювання цін на продовольчі товари, визначення правової бази їх застосування, огляд відповідної судової практики.

Державне регулювання цін реалізується у двох формах: прямого (адміністративного) і непрямого (економічного) регулювання [4]. Аналіз законодавчих актів у сфері ціноутворення і тих, що регулюють аграрні відносини, дозволяє виокремити такі основні прямі способи державного регулювання цін на продовольчі товари в Україні:

1) установа граничних цін на продовольчі товари.

За Законами України “Про державне регулювання виробництва і реалізації цукру” від 17.06.1999 (ст. 6), “Про державне регулювання виробництва і обігу спирту етилового, коньячного і плодового, алкогольних напоїв та тютюнових виробів” від 19.12.1995 (ч. 10 ст. 18) Уряд України встановлює мінімальні ціни на цукрові буряки, алкогольні напої (для прикладу: постанови Кабінету Міністрів України від 02.03.2011 № 179 “Про державне регулювання виробництва цукру та цукрових буряків у період з 1 вересня 2011 р. до 1 вересня 2012 р.”, від 30.10.2008 № 957 “Про встановлення розміру мінімальних оптово-відпускних і роздрібних цін на окремі види алкогольних напоїв”).

Конституційний Суд України розглядав питання конституційності норм закону про мінімальну ціну на цукор. У рішенні від 15.04.2004 № 10-рп/2005 Суд вказав, що положення ст. 6 Закону «Про державне регулювання виробництва та реалізації цукру» щодо запровадження мінімальної ціни на цукор не передбачають неправомірного обмеження конкуренції; виробники цукру мають можливість конкурувати, встановлюючи ціну, максимально наближену до визначеної мінімальної ціни на цукор. В ухвалі від 25.10.2012 у справі за позовом Державної інспекції з контролю за цінами у Вінницькій області до ТОВ “ЕКО” про стягнення штрафних санкцій Вищий адміністративний суд України визнав, що реалізація цукру по ціні нижчій за встановлену постановою КМУ як такого, що не відповідає споживчим якостям, є неправомірною, оскільки законодавством не передбачено порядок зниження цін на продукти, ціни на які регулюються державою.

Відповідно до ст.ст. 3 — 5, п. 8.6 ст. 8, п. 15.10 ст. 15 Закону “Про державну підтримку сільського господарства України” від 24.06.2004 держава регулює гуртові ціни на окремі види сільськогосподарської продукції (пшениця; кукурудза; горох; гречка; соя; борошно житнє; м'ясо та субпродукти забійних тварин та птиці; олія соняшникова, ін.), встановлюючи мінімальні та максимальні інтервенційні ціни. Відповідно до ринкової кон'юнктури КМУ запроваджує державне цінове регулювання окремих із цих об'єктів (наприклад,

постановою Уряду України від 20.08.2014 № 361 визначено Перелік об'єктів державного цінового регулювання з визначенням періодів такого регулювання у 2014-2015 роках). Мінімальні та максимальні інтервенційні ціни розраховуються за Методикою, затвердженою постановою Уряду України від 11.02.2010 № 159. Крім того, Кабінет Міністрів України установлює мінімально допустимий рівень цін на продукцію тваринництва. Наприклад, постановою КМУ від 22.08.2012 № 807 затверджувався мінімально допустимий рівень цін на молоко на 2012 рік;

2) установлення граничних рівнів торговельної надбавки (націнки), постачальницько-збутової надбавки.

Так, за Законом “Про державну підтримку сільського господарства України” (п. 3.3 ст. 3, п. 8.6 ст. 8) для об'єктів державного цінового регулювання встановлюється гранична торговельна надбавка (націнка) на рівні не вище 20% оптово-відпускної ціни виробника (митної вартості) до кінцевого споживача. За постановою КМУ “Про встановлення повноважень органів виконавчої влади та виконавчих органів міських рад щодо регулювання цін (тарифів)” від 25.12.1996 № 1548 Рада міністрів Автономної Республіки Крим, обласні, Київська та Севастопольська міські державні адміністрації встановлюють торговельні надбавки на дитяче харчування, продукцію громадського харчування, що реалізується у навчальних закладах, граничні торговельні (постачальницько-збутові) надбавки до оптової ціни виробника на борошно, хліб, макаронні вироби, крупи, цукор, яловичину, свинину і м'ясо птиці, ковбасні вироби варені, молоко, сир, яйця курячі тощо не вище 15% без урахування витрат з їх транспортування у міжміському сполученні.

З питань застосування цитованих норм маємо такі показові судові рішення. У справі за позовом ТОВ «Немирівський комбінат громадського харчування» до Державної інспекції з контролю за цінами у Вінницькій області про визнання недійсним рішення (ухвала від 29.09.2011) ВАСУ визначив: оскільки позивач самостійно готував і реалізував плодово-ягідний напій зі смородини в установах громадського харчування навчальних закладів, обмеження рівня торговельної надбавки в такому випадку не повинні застосовуватись. В ухвалі від 02.10.2014 у справі за позовом ТОВ “ЕКО” до Державної інспекції з контролю за цінами в Луганській області про визнання нечинним та скасування рішення суд встановив, що за нормами ДСТУ 3143-95 “М'ясо птиці...” печінка та шлунок не відносяться до м'яса птиці, а тому відносно них не може встановлюватись граничний розмір надбавки до ціни виробника;

3) установлення граничних рівнів рентабельності.

Уряд України може встановлювати граничні рівні рентабельності до витрат: переробників товару, якщо внаслідок такої переробки виробляється об'єкт державного цінового регулювання; осіб, які надають послуги із зберігання (схову) об'єктів державного цінового регулювання, в разі запровадження режиму тимчасового адміністративного регулювання цін (п.8.6 ст. 8 Закону “Про державну підтримку сільського господарства України”). За постановою Уряду

України від 25.12.1996 № 1548 Рада міністрів Автономної Республіки Крим, обласні, Київська та Севастопольська міські державні адміністрації встановлюють граничні рівні рентабельності на дитяче харчування, граничні рівні рентабельності виробництва борошна, хліба і хлібобулочних виробів для діабетиків;

4) декларування зміни цін.

Постановою КМУ від 17.10.2007 № 1222 визначається механізм декларування суб'єктами господарювання зміни оптово-відпускних цін на деякі види продовольчої продукції (борошно, крупи гречані, м'ясо птиці, ковбасні вироби варені, масло вершкове з вмістом жиру до 72,5%, яєць курячих тощо), якщо такі ціни збільшуються протягом місяця більш як на 1%. Повноваження органів державної влади у цій сфері закріплені у п. 12 постанови КМУ від 25.12.1996 №1548. Наказом Мінекономрозвитку і торгівлі України від 14.08.2013 № 967 визначено Порядок надання висновків щодо розрахунків економічно обґрунтованих планованих витрат під час формування оптово-відпускних цін на продовольчі товари, зміни цін на які підлягають декларуванню.

Досить обширною є судова практика у сфері декларування зміни цін. На даний час маємо дві правові позиції Верховного Суду України з цих питань:

- "...Порядок декларування зміни оптово-відпускних цін на продовольчі товари не пов'язує обов'язок суб'єкта господарювання декларувати зміни ... цін на перелічені у пункті 1 Порядку продовольчі товари із метою подальшого використання такого товару покупцем, зокрема, як сировини для переробки чи як готової продукції" (постанова ВСУ від 07.02.2011 у справі за позовом ТОВ "ТБ "Богодухівська птахофабрика" до Державної інспекції з контролю за цінами в Харківській області про визнання протиправним та скасування рішення);

- у постанові від 21.05.2013 у справі за позовом Державної інспекції з контролю за цінами у Вінницькій області до ПрАТ «Літинський молочний завод» про стягнення економічних санкцій ВСУ роз'яснив: "Використання приєднаної конструкції «з вмістом жиру до 72,5%» можна тлумачити як «жирність, менша за 72,5%»".

Вищий адміністративний суд України у справі за позовом ТОВ "Виробничо-комерційна фірма "APIC ЛТД" до Державної інспекції України з контролю за цінами про визнання нечинним та скасування рішення (ухвала від 19.06.2014) розтлумачив поняття ціни, яка регулюється: "оптова-відпускна ціна - це не ціна конкретної накладної, договорів поставки, а ціна, встановлена підприємством...". У судовій практиці розглядалися і такі спірні питання декларування зміни цін:

- а) як правильно розуміти поняття "місяць", протягом якого має збільшитись ціна на товар, щоби він підлягав декларуванню. У справі за позовом Приватного підприємства «Три Богатиря» до Державної інспекції з контролю за цінами в Херсонській області про визнання протиправним та скасування рішення (ухвала від 22.07.2014) ВАСУ пояснив, що мова йде не про

календарний місяць (від першого до першого числа місяця), а про період часу тривалістю в місяць;

б) яких саме продуктів стосується процедура декларування. Це питання вирішується судами із застосуванням положень національних стандартів. Таким чином до числа цих продуктів зараховувались, наприклад, сосиски, сардельки, паштет печінковий, зельц, ковбаса ліверна (ухвала ВАСУ від 01.11.2012 у справі за позовом ЗАТ "Чернігівський м'ясокомбінат" до Державної інспекції з контролю за цінами в Чернігівській області про визнання протиправним та скасування рішення). Водночас ВАСУ визнавав, що при реалізації м'яса вимушеного забою положення щодо декларування зміни цін застосуванню не підлягають (постанова від 30.10.2013 у справі за позовом ВАТ «Агрокомбінат «Калита» до Державної інспекції з контролю за цінами в Київській області про скасування рішення);

в) який саме суб'єкт є відповідальним за проведення процедури декларування. В ухвалі ВАСУ від 30.11.2011 у справі за позовом ТОВ «Інтер-Філд» до Державної інспекції з контролю за цінами в Київській області про визнання нечинним рішення вказано: у випадку реалізації товару, що є об'єктом цінового регулювання, на підставі договору комісії саме суб'єкт господарювання у галузі оптової торгівлі (комітент, а не комісіонер) має виконувати вимоги законодавства про декларування зміни ціни;

5) визначення методик (порядків) формування цін на деякі види продукції. Постановою Уряду України від 17.04.2008 № 373 затверджено Порядок формування цін на продовольчі товари, щодо яких запроваджено державне регулювання;

6) узгодження цін між великим платником (платниками) податків та центральним органом виконавчої влади, що забезпечує формування та реалізує державну податкову і митну політику, у контрольованих операціях (так зване **трансфертне ціноутворення**) (п. 39.6 ст. 39 Податкового кодексу України). Порядок узгодження цін у контрольованих зовнішньоекономічних операціях затверджено постановою КМУ від 17.10.2013 № 764.

Український дослідник відносин у сфері ціноутворення Шкварчук Л.О. [4], вчена-юрист Добровольська В.В. [5] відносять до прямих методів державного регулювання **надання бюджетної дотації** товаровиробникам (п.8.9 ст. 8 Закону "Про державну підтримку сільського господарства України").

Отже, за чинним законодавством України держава може використовувати як мінімум шість методів прямого адміністративного впливу на ціноутворення на велику кількість соціально значимих продовольчих товарів. Правові засади застосування цих методів визначаються переважно в законах і постановах Уряду України. Судова практика у галузі ціноутворення на продовольчі товари перебуває у стадії формування; поки що відсутні узагальнюючі роз'яснення Вищого адміністративного суду України зі спірних питань ціноутворення на

продовольчі товари, водночас Верховний Суд України почав формувати перші судові прецеденти з цих питань.

З огляду на обсяг публікації проблематика викладена тезисно. У подальшому доцільно детально проаналізувати правові механізми застосування прямих методів державного регулювання цін і розробити правові шляхи вдосконалення цих механізмів.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Шевченко С.В. Цінова політика сільськогосподарських підприємств в умовах ринку. Автореф. дис... канд. екон. наук. (08.00.04). — Полтава, 2011. - 19 с. - С. 15.
2. Притула Н.М. Особливості ціноутворення на сільськогосподарську продукцію в економічно розвинутих країнах // Держава та регіони. Серія: Економіка та підприємництво. - 2012. - № 4. - С. 185.
3. Щекович О.С. Використання зарубіжного досвіду державного регулювання економіки АПК в Україні // Економіка АПК. - 2009. - № 1. - С.141.
4. Шкварчук Л.О. Ціноутворення: Підручник. - К.: Кондор, 2006. - 460с. - С. 83.
5. Добровольська В.В. Правові засади державного регулювання підприємницької діяльності в Україні. Дис... канд. юрид. наук (12.00.04). – Одеса: Одеська національна юридична академія, 2007. – 225 с. - С. 153.

Spygina Ekaterina Aleksandrovna,
*lecturer, Russian Academy of national economy and state service
under the RF President Balakovo branch, Russia*

Ethical problems

Abstract: Modern Russia is experiencing a period of development, when aggravated the moral and ethical issues associated with suicide, euthanasia, abortion, attitudes toward the terminally ill, the dying, the disabled, the physically and mentally challenged, the elderly and lonely.

In the formation of new social relations in Russia requires a new stage of scientific understanding of the ethical issues associated with the implementation of current legislation. Problems of this field is determined by the need of theoretical ethical and legal understanding of moral values in the process of enforcement activities.

Keywords: Morality, ethics, public relations, euthanasia, abortion, murder.

Спрыгина Екатерина Александровна,
*преподаватель, Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Балаковский филиал, Россия*

Морально-этические проблемы современности

Современная Россия переживает период развития, когда обостряются морально-этические проблемы, связанные с самоубийство, эвтаназией, аборт, отношение к безнадежно больным людям, к умирающим, инвалидам, физически и умственно отсталым, старикам и одиноким.

В условиях формирования новых общественных отношений в России необходим новый этап научного осмысления морально-этических проблем, связанных с реализацией современного законодательства. Проблематика данной темы определяется потребностью теоретического этико-правового осмысления моральных ценностей в процессе правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: Мораль, нравственность, этика, общественные отношения, эвтаназия, аборт, убийство.

Вопрос о сущности морали как регуляторе общественных отношений традиционно вызывал интерес у исследователей, однако единой точки зрения по данному вопросу до сих пор не выработано.

Обычно мораль определяют как систему исторически определенных взглядов, норм, принципов, оценок, убеждений, выражающихся в поступках и действиях людей, регулирующих их отношения друг к другу, к обществу, определенному классу, государству и поддерживаемых личным убеждением, традицией, воспитанием, силой общественного мнения всего общества, определенного класса либо социальной группы [2, С. 147, 148]. Сам термин «мораль» происходит от латинского слова «mos», которое имеет смысл, одинаковый с русским слов нрав (нравственность) [4, С. 3]. В научной литературе и в практическом обиходе мораль и нравственность употребляются как синонимы [3, С. 292].

В словаре русского языка мораль определяется как «правила нравственности и сама нравственность», а нравственность в свою очередь как «правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение» [5, С. 291, 339].

В советской юридической литературе мораль трактовалась как механизм, предназначенный для обслуживания определенной идеологии и социальной практики.

В современной философской литературе под моралью понимается нравственность, особая форма общественного сознания и вид общественных отношений; один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм.

Мораль, выступая одной из форм общественного и группового сознания, является еще и формой индивидуального сознания. Как верно отмечается в литературе, каждому человеку присущи свои особенности духовного склада, свои, только ему принадлежащие представления, чувства, переживания. Все это превращает мораль и в форму индивидуального сознания, определяющего особый характер восприятия каждым отдельным человеком нравственных требований, особое к ним отношение.

Мораль выполняет множество различных функций: регулирует взаимоотношения между людьми, между людьми и обществом, оказывает известное воздействие на экономику, право, политику, политическую жизнь, формирует личность и т.д.

При этом эффективность морального регулирования определяется тем насколько личность усвоила моральные требования и насколько эти требования соблюдаются ею сознательно, самостоятельно.

Следует отметить, что выделение определенных функций морали (как и отдельный анализ каждой из них) является достаточно условным, поскольку в реальности они всегда тесно слиты друг с другом. Именно в целостности

функционирования проявляется своеобразие ее воздействия на бытие человека. А также для успешного функционирования и развития морали важно свободное, не ущемленное проявление всех ее функций, их гармоническая целостность, единство.

Особое развитие в последнее время получила на Западе биоэтика, институты и организации которой занимаются широким кругом вопросов - от отношения к природе, животным и растениям до проблем голода и обеспечения питанием населения Земли, борьбы за безъядерный мир. Центральное место занимают в ней проблемы, которые условно можно отнести к сфере этических проблем медицины, или, если воспользоваться традиционным названием, к медицинской этике. Значительно расширился сам круг этих проблем. Наряду с привычными для медицинской этики проблемами о взаимоотношении врача и больного, моральном кодексе поведения врача как представителя самой гуманной профессии, сохранении врачебной тайны сегодня широко обсуждаются новые проблемы. Более того, только на основе общемировоззренческих и общеметодологических решений, которые призваны и способны предложить лишь философия и этика, смогут решать эти проблемы конкретные науки (медицина, юриспруденция, психология и т. п.), а также сталкивающиеся с ними на практике заинтересованные лица, так или иначе причастные к ним люди.

Вот эти проблемы: эвтаназия, самоубийство, аборт, отношение к безнадежно больным людям, к умирающим, инвалидам, физически и умственно отсталым, старикам и одиноким. Один их перечень заставляет вспомнить о трагедиях и несчастьях нашей жизни, о наших ранах и долгах, о болезнях и страданиях, а значит, и задуматься над самой главной философской проблемой - проблемой жизни и смерти. Ответить на этот сложнейший, «крайний» вопрос нельзя, не задумавшись над тем, что такое человек? когда он начинается и когда кончается как личность? что определяет ценность человека, и почему человека надо считать высшей ценностью? что ему эту ценность придает, и всегда ли он ею обладает?

Вопросы эти в высшей степени трудны. И решить их можно только на основе тех знаний, которые тысячелетиями копила этика. С другой стороны, именно на решении таких сложнейших проблем, этика только и может доказать свою незаменимость и теоретическую силу, свои возможности, свой эвристический потенциал. Она должна ответить на этот вызов времени. Оставшись в стороне, она просто подпишет себе смертный приговор. И этика сегодня отдалась решению этих проблем чуть ли не целиком.

Возьмем для примера только одну из названных проблем - эвтаназию. Греческое происхождение слова *euthanasia* служит подтверждением, что и проблема эта обсуждалась издавна в этике. В буквальном переводе эвтаназия означает «легкая и быстрая смерть». Но проблема намного шире простого перевода слова, заключая в себе вопрос, что лучше: быстрая, но легкая

безболезненная смерть или мучительное, но долгое умирание. Вопрос заостряется, когда он касается безнадежно больных людей, мучительно страдающих от болей. Что предпочтительнее для них: продолжать жить, испытывая невыносимые страдания, или перестать жить и страдать? И как должен поступить врач, когда он уже не может облегчить страдания больного? А если сам больной умоляет освободить его от мук с помощью смертельного укола? Трудно решить такой вопрос даже относительно себя самого, а если нужно решать его за другого? А если за самого близкого и любимого человека? Здесь и должна прийти на помощь этика, наука о морали, о том, как правильно поступать, как жить.

И не случайно проблеме эвтаназии посвящается сегодня много научных публикаций, идут дискуссии, детально обсуждаются всевозможные варианты решений, сталкиваются различные точки зрения.

Различие позиций имеет не только теоретическую подоплеку. Оно отражает противоречия и различия в самой медицинской и юридической практике, когда в одних странах принята и юридически закреплена одна точка зрения, в других - другая. В Голландии, например, после длительной дискуссии в юридическое законодательство официально внесено разрешение эвтаназии, конечно, с необходимыми оговорками, предусматривающими исключение всякого рода злоупотреблений. В Англии, наоборот, после столь же длительной дискуссии принято решение о безусловном запрещении эвтаназии в медицинской практике. Философы и юристы множат аргументы вокруг и той, и другой позиции, выявляющие недостатки в обеих из них. Сложилась парадоксальная ситуация: не решенная теоретически, продолжающая быть предметом дискуссии как проблема эвтаназия уже внедряется в жизнь, в медицинскую практику, в юридические законы... Практика подгоняет теорию, опережает ее, не оставляет времени для долгого, всестороннего, тщательного обсуждения, она опровергает теорию, корректирует ее, торопится апробировать все ее результаты, нетерпеливо требует решений.

В современной западной этике предлагается сегодня по меньшей мере несколько десятков различных решений, многие из них весьма изощренные, с массой продуманных деталей, тонких логических ходов, одинаково заразительно убедительных в доказательстве прямо противоположных мнений.

В статье Л.В. Коноваловой, чтобы наглядно проиллюстрировать состояние этой проблемы в западной этике, рассматривается небольшая работа Дж. Рейчелса «Активная и пассивная эвтаназия». Написанная достаточно известным в США специалистом по этике, эта статья в некотором роде стала хрестоматийной: она включена во многие книги и сборники статей, представляющие новейшую англо-американскую этику. Но еще важнее другое. Статья характерна для понимания содержания, логики и даже стиля ведущихся по данной проблеме дискуссий. Весьма знаменательно и то, к каким выводам приходит автор.

Начиная свое рассуждение с полемики против принятого в США постановления Американской медицинской ассоциации, запрещающего эвтаназию, автор приводит убедительные доказательства того, что понятие эвтаназии в практике лечащих врачей понимается слишком буквально, односторонне: законом запрещается летальная инъекция пациенту, за что врач может быть привлечен к уголовной ответственности и строго наказан. Но, как отмечает Дж. Рейчелс, закон не запрещает и не наказывает за не менее тяжелое действие врача, именуемое «пассивной эвтаназией» -- прекращение лечения безнадежно больного или неизлечимо дефективного новорожденного. В этом случае пациентам просто «дают умереть». Главная идея Рейчелса состоит в том, что в целом ряде случаев гораздо гуманнее применять эвтаназию активную, которую закон и постановление АМА запрещают, нежели пассивную, которую закон разрешает, а лечащие врачи практикуют, но которая гораздо более мучительна и, следовательно, бесчеловечна. Рейчелс высказывается в данной статье за то, чтобы не считать активную эвтаназию убийством, чтобы легализовать ее. Он искренне считает ее более гуманной, не давая повода читателям усомниться, что руководствуется в своих выводах самыми глубокими чувствами милосердия и сострадания к безнадежно больным людям.

И все-таки статья оставляет неоднозначное впечатление. Все время кажется, что автор вращается в каком-то порочном кругу: он загипнотизировал себя неизбежностью смерти во всех рассматриваемых случаях и, исходя из этого, добивается только того, чтобы эта смерть не была уж слишком мучительной, а мучения слишком долгими. Если следовать такой логике, нельзя не признать, что он прав - быстрая смерть лучше долгой. Но есть и другая логика, логика морали, которая исходит из признания самоценности человеческой жизни, побуждает бороться за нее вопреки доводам рассудка и очевидной бессмысленности такой борьбы в безнадежных ситуациях. Ну а если больной ясно, недвусмысленно выразил свою волю - желание умереть, предоставив врачу ее осуществление, поскольку сам не в состоянии это сделать? Как быть в таком случае - ведь этика стоит на позиции моральной автономии личности.

Ниже приведен список других морально-этических проблем, которые актуальны сейчас (и были, впрочем, актуальны во все времена.) Изучая историю, можно обнаружить, что в разных государствах, в разных общественных, религиозных системах мораль диктовала разные варианты решения таких дилемм: отношение к гомосексуализму (сравните Древнюю Грецию или Японию до середины 19 века с исламским Ираном, например); отношение к животным (сравните отношение к собаке в исламских странах или Корее с Европой или царской Россией); отношение к старшему поколению (сравните конфуцианский Китай с традицией народов Севера оставлять стариков на морозе); отношение к детям (убийство ребёнка стало считаться в

Европе преступлением только во времена Византии); отношение к абортам и предохранению; отношение к убийству человека и частной собственности; отношение к каннибализму; время начала половой жизни.

Анализ результатов исследований, проводимых в рамках социологии морали, показал, что в число запрещенных действий для представителей старшего поколения входят: гомосексуализм, публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, обогащение за счет других [1, С. 119]. Более половины молодежи и людей старшего возраста считают недопустимыми хамство, грубость и использование нецензурной лексики, пьянство и алкоголизм, деловую необязательность и проституцию. Около половины опрошенных в обеих группах не приемлют и супружескую измену.

Лояльность россияне продемонстрировали к сопротивлению полиции, присвоению найденных вещей и денег, уклонению от службы в армии, безбилетному проезду в общественном транспорте – все эти поступки вызывают понимание и оправдываются большинством россиян.

Таким образом, можно констатировать, что критическая масса людей, не придающих большого значения этим «шалостям и проступкам», уже достигнута, и эти действия перешли в разряд общественно приемлемых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Kirilina, T.U. Theoretical-methodological foundations of the sociology of morality: monograph / Yaroslavl-Queens MA: Izd-vo "Chancellor" - 2009.
2. Matusow NI Law in the system of social norms // Jurisprudence. 1996. No. 2. - S. 147-148.
3. Matusow NI, Malko A.V. Theory of state and law. The course of lectures. - 2nd ed., Rev. and supplementary): lawyer, 2001.
4. Naumova NF, Rogovin the old Testament Social development and social mores. M., 1984.
5. The S.I. Ozhegov Dictionary of the Russian language. - M., 1987.

Shulzhenko Irina,
*PhD, associate Professor the Department of civil law and process
North-Caucasian Federal University*

Belanova Galina,
*candidate of legal Sciences, associate Professor the Department
of civil law and process North-Caucasian Federal University*

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF PROTECTION OF INTERESTS OF RUSSIAN CHILDREN

Abstract: the article discusses the possibility of implementing the provisions of the Convention on the civil aspects of international child abduction. Removal of minor children in a foreign country and the difficulties associated with the return of children in the Russian Federation today have a sufficiently large value.

Key words: children, foreign state, the removal of the child, the Convention.

Шульженко Ирина,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
Северо-кавказского федерального университета*

Беланова Галина,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
Северо-кавказского федерального университета*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ

Аннотация: В статье рассматривается возможность реализации положений Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Вывоз несовершеннолетних детей в иностранные государства и трудности связанные с возвращением детей в Российскую Федерацию сегодня имеют достаточно большое значение.

Ключевые слова: несовершеннолетние дети, иностранное государство, вывоз ребенка, Конвенция.

В современных условиях число смешанных браков существенно возросло. Рождение детей в таких браках приводит к проблемам, связанным с их воспитанием, определением гражданства, религиозной принадлежности, местом жительства, обучения и т.п. А в случае расторжения брака эти проблемы становятся еще острее, поскольку взаимное раздражение супругов часто мешает им полюбовно решить эти сложные и важные для жизни ребенка проблемы. В связи с этим возникает ситуация, когда один из родителей «похищает» ребенка и увозит его на постоянное место жительства в другую страну, не дает возможности общаться с ребенком отдельно проживающему родителю и его родственникам.

Во многих странах, суды, опираясь на политику государства, стремятся оставить постоянно проживать в стране ввезенных таким образом (иногда и незаконно) детей.

Для цивилизованного решения проблем возвращения детей в страну постоянного места жительства в Гааге была разработана и принята 25 октября 1980 г. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (далее - Конвенция).⁽¹⁾ Данная Конвенция вступила в силу 1 декабря 1983 г. Число стран, присоединившихся к Конвенции, растет с каждым годом и в настоящее время насчитывает 90 государств.

Российская Федерация присоединилась к Конвенции, руководствуясь правилами ст. 38 данной Конвенции, в связи с чем, был принят Федеральный закон от 31 мая 2011 г. N 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей», ⁽²⁾ с оговоркой о том, что Российская Федерация не будет нести расходы, связанные с оплатой услуг адвокатов или советников, либо судебные издержки, кроме тех, которые могут быть возмещены ее системой юридической помощи.

Хотелось бы отметить, что в самом тексте Конвенции термин «похищение» не раскрывается и не используется. В данном акте используются термины «перемещение» и «удержание», что юридически является правильным применительно к опекунам (родителям), которые с точки зрения законодательства многих стран не могут похитить своего ребенка исходя из уголовно-правовой сути данного понятия.

Целью заключения Конвенции является быстрое возвращение детей незаконно перемещенных из одного государства в другое и незаконно там удерживаемых.

В связи с этим в Конвенции закреплено:

- что считать незаконным перемещением и удержанием ребенка;
- определяются понятия «право опеки», «право доступа»;
- устанавливается, что ребенком является лицо, не достигшее 16 лет;

- государство, присоединившееся к Конвенции, назначает Центральный орган для выполнения положений Конвенции;
- в общих чертах регламентируется процедура возвращения детей и обеспечение права доступа.

Одним из доводов в пользу присоединения Российской Федерации к Конвенции является защита интересов российских детей, незаконно вывезенных и удерживаемых на территории государств, с которыми у нас нет двусторонних соглашений в области семейного права. В то же время, необходимо учитывать, что для применения положений Конвенции необходимо, чтобы эти страны признали присоединение Российской Федерации к Конвенции. В настоящее время таких стран насчитывается 30. Однако, среди них нет тех стран, с которыми у граждан России часто возникают конфликты, связанные с перемещением детей, например Норвегия, Дания.

Несмотря на присоединение России к Конвенции, говорить о полноценной защите несовершеннолетних, вывезенных из Российской Федерации, проблематично.

В случаях, когда ребенок имеет двойное гражданство, вернуть его на территорию Российской Федерации еще представляется возможным. А в том случае, когда ребенок является гражданином иностранного государства (при условии, что один из его родителей гражданин Российской Федерации и постоянно проживает на территории Российской Федерации) вернуть ребенка в страну практически невозможно.

И в этой связи совершенно обосновано критикуются положения ст. 13 Конвенции о возможности не возвращать ребенка в страну пребывания. Это возможно в случаях, если опекун не выразил своих возражений против перемещения ребенка, либо если возвращение ребенка «создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия». В Общем замечании к Конвенции о правах ребенка,⁽³⁾ Комитет ООН по правам ребенка признаёт телесным наказанием «любое наказание с применением физической силы и намерением причинить наказуемому физическую боль любой степени или же неудобство, даже если оно незначительно». Любое заявление о том, что в России ребенок живёт в семье, где не соблюдаются его права, лишит его возможности вернуться домой.

Еще больше споров возникает с теми странами, с которыми у России нет соглашений о правовой помощи по семейным делам либо они не присоединились к Конвенции.

На практике судебные процессы, связанные с возвращением ребенка на территорию Российской Федерации для постоянного проживания могут продлиться достаточно долго, поскольку требуют выяснения целого ряда фактических обстоятельств (несмотря на то, что Конвенция требует сокращенных сроков рассмотрения таких дел). В зависимости от

законодательства иностранного государства, где проходит рассмотрение дела, ребенок в этот период может находиться: у родителя, который его вывез, либо в приемной семье, либо в специализированном учреждении. А это напрямую связано с негативными последствиями для неокрепшей психики несовершеннолетнего ребенка.

В связи с присоединением к Конвенции в целый ряд нормативных актов Российской Федерации были внесены изменения.⁽⁴⁾ В Гражданский процессуальный кодекс РФ введена новая глава 22.2 «Производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации».

Поскольку основная часть положений этой главы носит общий характер, то вызывает сомнение вообще необходимость ее введения. В последнее время законодатель все чаще дополняет процессуальный кодекс новыми главами, не затрудняя себя внесением только отдельных конкретных изменений. (Например, гл.22.1, 26.1, 26.2 ГПК РФ) Увеличение количества правовых норм не влияет, по нашему мнению, на качество рассмотрения гражданских дел. Создается впечатление, что кодекс существует не для специалистов, которые умеют применять общие нормы к конкретным ситуациям, а для дилетантов, которым необходима инструкция по каждому конкретному делу.

Что касается главы 22.1 ГПК РФ, то полагаем, что нет необходимости специально указывать, что с заявлением в суд могут обращаться заинтересованные лица (ч.1 ст. 244.11 ГПК РФ), поскольку это общее правило; что заявление рассматривается по общим правилам искового производства (ст.244.12 ГПК РФ), и рассмотрение таких дел осуществляется с участием прокурора и органа опеки и попечительства (ч.1 ст.244.15 ГПК РФ) - это общая практика по делам о защите интересов детей.

В юридической печати при обсуждении новых процессуальных норм как положительный момент указывается на специальные обеспечительные меры по таким искам – запрещение ответчику изменять место пребывания ребенка и временный запрет на выезд из Российской Федерации. Однако, это не более, чем конкретизация общего положения п.2 ч.1 ст.140 ГПК РФ о запрещении ответчику совершать определенные действия.

Также на наш взгляд являются общими и не требуют отдельного закрепления в специальных нормах положения о вынесении решения суда (ст.244.16 ГПК РФ), его обжалование (ст.244.17 ГПК РФ), высылка копий судебных решений всем заинтересованным лицам (ст.244.19 ГПК РФ).

Что действительно является особенным при рассмотрении этой категории дел, так это исключительная территориальная подсудность. В ч.2 ст.244.11 ГПК РФ указано 8 судов, в которые в зависимости от места пребывания ребенка подается заявление. Однако данное положение можно было закрепить в ст. 30

ГПК РФ «Исключительная подсудность», в которой содержится перечень категорий дел, к которым не применяются общие правила о подсудности.

Еще одна особенность рассмотрения дел о возвращении ребенка, это сокращенные сроки их рассмотрения – 42 дня (ч.2 ст.244.15 ГПК РФ), при общем сроке рассмотрения дел в районных и городских судах – до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд, что предусмотрено ч.1 ст.154 ГПК РФ, а также сокращенные сроки подачи апелляционной жалобы на решение суда – 10 дней (ч.1 244.17 ГПК РФ).

В Гражданском процессуальном кодексе РФ уже имеет место аналогичная юридическая техника, когда общее положение о сроке подачи апелляционной жалобы установлено в ч.2 ст.321 ГПК РФ, а исключения содержатся в правовых нормах, регламентирующих рассмотрение конкретных дел. Например, 10 дней на подачу апелляционной жалобы на решение суда об удовлетворении заявления об усыновлении (ч.2.1 ст.274 ГПК РФ). Целесообразность данной практики вызывает сомнения.

Следовательно, на 19 статей главы 22.2 ГПК РФ приходится всего три существенных особенности, отличающих рассмотрение данных дел от обычных дел искового производства.

Таким образом, несмотря на то, что Российская Федерация присоединилась к Конвенции, практическая реализация ее положений является весьма затруднительной, и вернуть ребенка в страну не всегда возможно. Представляется, что такая ситуация может быть связана с тем, что Российская Федерация является участницей данной Конвенции сравнительно недавно. В связи с чем, законодательство нашего государства не до конца еще приведено в соответствие с Конвенцией. Кроме того, практика рассмотрения дел связанных с вывозом ребенка в другую страну, в судах на сегодняшний день пока тоже не сложилась. Поэтому давать положительную или отрицательную оценку присоединению России к данной Конвенции, на наш взгляд, еще рано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллетень международных договоров. - 2013.- № 1.
2. Собрание законодательства РФ.- 2011. - № 23. - Ст.3242.
3. Сборник международных договоров СССР. выпуск XLVI, 1993
4. Федеральный закон от 5.05.2014 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства РФ. -2014. - № 19. – Ст. 2331.

Soldatchenko Maria,

*Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
associate professor of the Department of administrative and financial law*

SOME OF THE ISSUES OF THE PRIVATE SECTOR HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Abstract: This article focuses on some of the issues of private sector of higher education in Russia

Keywords: higher education, private education organizations, student government, community, and educational services

Солдатченко Мария Владимировна,

*Белгородский университет кооперации, экономики и права,
доцент кафедры административного и финансового права*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация: Настоящая статья посвящена некоторым проблемам негосударственного сектора высшего образования в России.

Ключевые слова: высшее образование, частные образовательные организации, студент, государство, общество, образовательные услуги

Возникновение и развитие негосударственного высшего образования в России явилось вполне логичной и объяснимой закономерностью как части закономерности преобразования общественно-политической системы, модернизации страны.

Для понимания самого факта возникновения и существования негосударственных вузов важно то, что они создавались не по «указке сверху», а по инициативе общества. И важно заметить, что частное высшее образование прошло в своем развитии трудный путь, сопровождаемый не только победами, но порой и поражениями, а на каком-то этапе даже разочарованиями. Но главная его цель, состоящая в том, чтобы высшее образование приобрело черты, свойственные новому времени, а, следовательно, стало действительно

весомым фактором осуществляемых в стране инновационных преобразований, вполне оправдала те огромные усилия, которые были на все это направлены.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что нет никаких оснований считать негосударственное образование временным явлением. Ведь очевидно, каким бы «богатым» ни было государство, оно не сможет взять на себя все расходы на высшее образование. Такой вывод также можно сделать исходя из организации системы образования в развитых странах мира. Так, негосударственных вузов в России в 5 раз меньше, чем в Японии, и в 10 раз меньше, чем в США.

Кроме того, бюджет России предполагает реальное сокращение доли расходов на образование в консолидированном бюджете примерно с 4,3% до 4,1% [1]. Для сравнения: в большинстве развитых стран – порядка 5,5 – 6 процентов. В тех странах, которые собираются модернизироваться, как мы, доля значительно выше. Например, Бразильцы приняли решение увеличить до 2020 года долю расходов на образование с 5,5% до 10% от ВВП [1].

На сегодняшний день негосударственный сектор образования составляет практически третью часть от всех образовательных организаций, в частном вузе обучается практически каждый пятый российский студент. А это без малого полтора миллиона человек, заинтересованных в том, чтобы академия, институт или университет, которому они отдали предпочтение, не просто оставались «на плаву», но и развивались, гарантируя выпускникам ценность выдаваемого диплома у работодателей. Среди наших образовательных организаций есть крупные учебные заведения со своей историей, а есть небольшие институты, есть столичные и региональные вузы.

Важно заметить, что основной задачей государства является устранение препятствий к получению знаний, информации и навыков, которые необходимы гражданину для повседневной жизни. Реализация этих ориентиров в полном объеме возможна только с помощью продуманной и согласованной со всеми государственной образовательной политики. Именно она способна претворить в жизнь демократические идеалы и максимально приблизить каждого гражданина к участию в государственных делах и дать ему возможность общественного и личностного просвещения[2].

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает обязанность образовательной организации осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательством об образовании, в том числе обеспечивать реализацию в полном объеме образовательных программ, соответствие качества подготовки обучающихся установленным требованиям, соответствие применяемых форм, средств, методов обучения и воспитания возрастным, психофизическим особенностям, склонностям, способностям, интересам и потребностям обучающихся [3] .

Государственное регулирование образовательной деятельности осуществляется на основе установленных процедур лицензирования,

государственной аккредитации учебных заведений, контрольно-надзорных механизмов.

Министерство образования и науки РФ и Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки проводят достаточно жесткую, но верную политику в отношении повышения качества образования в высших учебных заведениях независимо от формы собственности, обращая внимание на инфраструктуру, методическое и кадровое обеспечение образовательной, научной и воспитательной работы образовательных организаций. Результатом их совместной работы является сокращение числа вузов и филиалов, которые не могут обеспечить качественного образования.

Действительно, не секрет, что существуют организации, торгующие образованием и не соответствующие предъявляемым государством и обществом требованиям. Именно такие организации своей недобросовестностью ставят под сомнение имя солидных частных учебных заведений.

В то же время, существует достаточное количество серьезных частных вузов, с многолетней историей, отвечающих требованиям государственных органов и составляющих конкуренцию большинству государственных учреждений. Например, к ним можно отнести Российский новый университет (г. Москва), Институт управления, бизнеса и права (г. Ростов-на-Дону), Белгородский университет кооперации, экономики и права (г. Белгород) и многие другие. Они осуществляют свою деятельность наряду с государственными вузами и заслуживают доверие со стороны абитуриентов. Такие вузы за годы своей деятельности сумели добиться просто отличных результатов, обрели свою специфику и узкую направленность. И это при том, что условия становления в сравнении с государственными образовательными организациями были неравными. Вместе с тем, в последнее время в средствах массовой информации в сторону негосударственного сектора публикуется практически одни негативные сведения, что существенным образом подрывает имидж наших вузов и влияет на их дальнейшее развитие.

В свою очередь негосударственные вузы, должны объединить свои усилия, обозначить наиболее важные проблемы в нашей отрасли, найти и предложить для них оптимальные решения. Негосударственные вузы по своей природе должны обеспечивать максимально высокое качество образование за счет новаторских, нетрадиционных методов работы, творческого поиска и внедрения инновационных форм и методов обучения. Нам необходимо стремиться к элитарному, суперсовременному образованию, обеспечивающему конкурентоспособность выпускников в быстро изменяющемся мире. Полагаем, высшая оценка вузу, когда студент говорит, что все получаемые знания и изучаемые предметы ему нужны для практической работы и общественной жизни. И тогда ни у государства, ни у общества не будут возникать сомнения в том, что негосударственный образовательный сектор является неотъемлемой

частью отечественной системы образования и расширяет возможности реализации гражданами права на образование, способствует росту уровня образованности населения, обеспечивает повышение интеллектуального потенциала страны и более системное включение России в международное образовательное пространство. От того, насколько образованным будет население России, зависит инновационная экономика, будем ли мы великой державой, будет ли у нас достойная оборона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <http://newsland.com/news/detail/id/1400013/>
2. Кочерга С.А. Государственная политика в сфере образования // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 6. С. 12 - 18.
3. П. 6 ст. 28 Федерального закона от 29.12.2012г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // <http://www.pravo.gov.ru>.

Bumazhnikova Olga Viktorovna,
candidate of jurisprudence, lawyer
Chamber of Advocates of the Tver region,
Russian Federation, Tver region, city of Tver, associate professor
civil disciplines of NOU VPO «Upper Volga Institute»

ENCUMBRANCE AS WAY OF PROTECTION IT IS RIGHT ALSO THE INTERESTS OF THE OWNER PROTECTED BY THE LAW

Summary: Disputes on the legal nature of encumbrance, in particular encumbrances of real estate objects in science of civil law proceed still. Modern approach to development of the market relations demands inclusion of institute of encumbrance in system of private law. In work the problem of observance of the rights and the interests of the owner protected by the law with use of institute of encumbrance is considered.

Keywords: encumbrance, encumbrance of property, protection, encumbrance role, legal regulation of the public relations.

Бумажникова Ольга Викторовна,
кандидат юридических наук,
адвокат Адвокатской палаты Тверской области,
Российская Федерация, Тверская область, город Тверь,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
НОУ ВПО «Институт «Верхневолжье»

ОБРЕМЕНЕНИЕ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСОВ СОБСТВЕННИКА

Аннотация: Споры о правовой природе обременения, в частности обременения объектов недвижимости в науке гражданского права продолжают до сих пор. Современный подход к развитию рыночных отношений требует включения института обременения в систему частного права. В работе рассматривается проблема соблюдения прав и охраняемых законом интересов собственника с использованием института обременения.

Ключевые слова: обременение, обременение имущества, защита, роль обременения, правовое регулирование общественных отношений.

Нормальный гражданский оборот предполагает не только признание за субъектом определённых гражданских прав, но и обеспечение их надёжной правовой охраны. В соответствии со сложившейся в науке традицией, понятием «охрана гражданских прав» охватывается вся совокупность мер, обеспечивающих нормальный ход реализации прав. В него включаются меры не только правового, но и экономического, политического, организационного и иного характера, направленные на создание необходимых условий для осуществления субъективных прав. Что касается собственно правовых мер охраны, то к ним относятся все меры, с помощью которых обеспечивается как развитие гражданских правоотношений в их нормальном, ненарушенном состоянии, например закрепление гражданской право-дееспособности субъектов, установление обязанностей и подобное, так и восстановление нарушенных или оспоренных прав и интересов [1].

Реальная защита прав участников правоотношений должна обеспечивать возможность пользования каждым из субъектов своими законными полномочиями [2]. Вопрос о юридических гарантиях, средствах и механизмах защиты индивида и его имущества от противоправных и незаконных действий третьих лиц является ключевым и наиболее острым в многоаспектной проблеме прав человека [3].

Одной из мер защиты имущества, представляющего экономическую ценность, является его обременение, при котором устанавливается контроль над таким объектом.

Обременяя имущество, собственник объекта тем самым усложняет процедуру присвоения (захвата) данного объекта иными лицами, получая тем самым преимущества в защите.

Например, обременение можно рассматривать как способ защиты имущества от рейдерских захватов. Если обратиться к толковому словарю Даля, то в нем дается следующее определение обременению как - обременить кого чем, наложить бремя, тяготить, отягощать, гнести; беспокоить, затруднить, стеснять и мешать [4]. В законодательстве данная категория также используется для обозначения таких правовых явлений, которые сообщают обладателю обремененного имущества об умалении его права. Из содержания статей 460 и 740 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктов 2 и 4 статьи 22 Жилищного кодекса Российской Федерации, пункта 5 статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации вытекает, что обременения – это субъективные гражданские права, которые устанавливаются дополнительно к основному праву (более сильному) и определенным образом стесняют его [5]. В нормах статей 209, 275, 353, 568, 700, 1137 Гражданского кодекса Российской

Федерации законодатель не только прямо именует обременениями права залогодержателя, сервитуария, получателя ренты, передавшего под выплату ренты недвижимое имущество, ссудополучателя, пользователя имущества по завещательному отказу, но и поясняет, в чем заключается обременяющее действие этих прав – они прикрепляются к объекту имущества и следуют за ним при смене субъекта основного права. В судебной практике даже при отсутствии прямого указания закона в качестве обременений квалифицируются право постоянного (бессрочного) пользования, право оперативного управления, право хозяйственного ведения, право аренды, право проживания в чужом жилом помещении. В этих случаях суды также имеют в виду, что все упомянутые права наделены свойством прикрепления к объекту, являются неуязвимыми при смене основного обладателя обремененного имущества.

Однако то обстоятельство, что в результате обременения устойчивое ущемление правовых возможностей обладателя обремененного имущества происходит вследствие одновременного возникновения или увеличения соответствующих по содержанию возможностей обременителя, позволило некоторым юристам сделать вывод о целесообразности использования обременений на благо правообладателя – в качестве правового средства противодействия попыткам неправомерного присвоения принадлежащего правообладателю имущества [6].

Смысл такого способа защиты от рейдерских нападений состоит в том, чтобы по инициативе собственника, перераспределив часть юридических возможностей в пользу подконтрольного или доверенного лица, в результате чего: 1) существенно снижается или полностью устраняется интерес рейдера в завладении имуществом, которое при обременении становится в восприятии рейдера экономически ущербным, то есть обременение снижает ликвидность имущества, тем самым, сводя к минимуму риск ее поглощения; 2) значительно возрастает юридико-техническая сложность осуществления неправомерного завладения обремененным имуществом, в особенности когда обременяемые и обременяющие права либо лежащие в основе их возникновения сделки подлежат государственной регистрации. В данном случае наличие обременения усложняет для агрессора сам процесс захвата, вынуждает предпринимать больше тактических действий, что вынуждает его вкладывать больше ресурсов в захват и дает преимущества собственнику в защите; 3) за правообладателем при любом стечении обстоятельств, даже при неправомерном захвате имущества, сохраняется преимущественная часть экономической ценности обремененного имущества.

Как отмечается в литературе, в качестве такого обременения могут выступать сервитут, ипотека, доверительное управление, аренда, арест имущества и другие.

Однако, частично совпадающие по содержанию с основными дополнительные субъективные права при отсутствии указанного механизма

обеспечения реального осуществления интереса обременителя на случай смены главного правообладателя, обременениями в гражданско-правовом смысле не являются, даже если и поименованы законом или договором в качестве таковых, и уже в силу этого не могут быть достаточно эффективно использованы в борьбе с рейдерами.

В частности, вопреки встречающемуся в юридической литературе и практике некоторых судов мнению о том, что характер вещного обременения носит право доверительного управления имуществом [7], невзирая на то, что оно формально причислено к разряду обременений прав на недвижимое имущество в статье 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. №122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», таковое, в силу общего правила пункта 3 статьи 308 Гражданского кодекса Российской Федерации при умолчании закона об ином в случае смены основного обладателя переданного в управление имущества в отношении нового обладателя не сохраняется, а значит, при проверке под обозначенным углом зрения оказывается весьма слабым способом противодействия рейдерам. Так, суды отказывают доверительным управляющим в оспаривании отчуждения собственником управляемого имущества (постановление ФАС Московского округа от 16 апреля 2010 г. №КГ-А40/1946-10). Судьи разъясняют, что, если право на отчуждение имущества, переданного в доверительное управление, предоставлено собственником доверительному управляющему, отчуждение этого имущества собственником до прекращения договора доверительного управления, в том числе до истечения трех месяцев после отказа от договора доверительного управления, может лишь явиться основанием для применения доверительным управляющим в отношении учредителя управления мер ответственности, предусмотренных законом или договором доверительного управления (пункт 7.1 рекомендаций Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа №1/2007 (по итогам заседания, состоявшегося 23-24 мая 2007 г. в г.Ижевске)).

Попытки защитить имущество, «обременив» его предварительным обязательством по отчуждению в будущем подконтрольному или дружественному лицу, которое в случае рейдерского отъема смогло бы совершить обратный перехват, также не имеют юридических оснований, в связи с отсутствием свойства прикрепления к имуществу. Так, суды отказывают достигнувшем предварительной договоренности потенциальным приобретателям в удовлетворении требований о признании недействительными сделок по отчуждению проданного имущества, совершенных вразрез с условиями предварительного договора. Судебная практика основывается на том, что лица, заключившие предварительный договор, имеют единственную обязанность заключить в будущем основной договор и право требовать от другой стороны заключения основного договора; возникновение же непосредственно из

предварительного договора каких-либо имущественных прав на вещь, которая должна быть предметом основного договора, противоречит правовой природе предварительного договора. Поэтому возможность применения к правоотношениям, вытекающим из предварительного договора, норм Гражданского кодекса Российской Федерации, регламентирующих обязанность продавца передать товар свободным от прав третьих лиц, судами исключается (постановление ФАС Волго-Вятского округа от 20 сентября 2006 г. №А79-7410/2004-СК2-6836).

Необходимо обратить внимание, что, даже если стороны договора доверительного управления имуществом или предварительного договора с намерением обременить имущество специально предусмотрели правило о сохранении договора при отчуждении обозначенного в соответствующем договоре имущества третьему лицу, такое правило следует рассматривать как ничтожное[8].

Таким образом, обременение правами третьих лиц – это один из способов распоряжения имуществом с целью исключить «недружественный» захват имущества. При этом необходимо наличие свойства следования при обременении имущества.

Кроме того, вне зависимости от вида обременения, используемого в целях минимизации рейдерских рисков, необходимо понимать, что всякое обременение влечет для правообладателя и отрицательные последствия. Появляется риск недобросовестного поведения дружественного правообладателю обременителя. Не исключается возникновение риска перехвата рейдером контроля за лицом, в пользу которого установлено защитное обременение. Антирейдерская эффективность любого из используемых обременений тем ниже, чем больше оснований для признания соответствующих защитных действий ничтожными, поэтому правообладатель должен прилагать организационные и финансовые усилия по заблаговременному созданию базы для доказывания своей добросовестности.

Следует всякий раз учитывать защитную эффективность каждого конкретного обременения и соотносить возможные вредные последствия и риски со степенью опасности подвергнуться рейдерскому нападению[9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. - С.72-79.
2. Копейчиков В.В. Реализация субъективных прав // Советское государство и право. 1984. №3. - С.15; Крусс В.И. Реализация и защита прав предпринимателей как участников конституционных правоотношений / Сборник

научных статей «Проблемы защиты прав и охраняемых законом интересов». Тверь: АООТ «Тверской полиграфический комбинат», 1997. - С.28.

3. Кресс В.И. Реализация и защита прав предпринимателей как участников конституционных правоотношений / Сборник научных статей «Проблемы защиты прав и охраняемых законом интересов». Тверь: АООТ «Тверской полиграфический комбинат», 1997. - С.31.

4. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4т. Т.2 М.: Рус.яз., 1998. - С.615.

5. Микрюков В.А. Обременение как способ защиты имущества // СПС Гарант.

6. Фирсова М. Обременение как способ защиты недвижимости // СПС Гарант; Микрюков В.А. Обременение как способ защиты имущества // СПС Гарант.

7. Курбатов А. Вещные права в правоотношениях доверительного управления имуществом // Хозяйство и право. 2008. №9. - С43-44; Практика применения Гражданского кодекса РФ, частей второй и третьей / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2010. - С.1118-1129.

8. Микрюков В.А. Обременение как способ защиты имущества // СПС Гарант.

9. Микрюков В.А. Обременение как способ защиты имущества // СПС Гарант.

Simson Olga,

*Yaroslav the Wise National Law University,
PhD, Associate Professor of Civil Law Chair*

Public-Private Partnership (PPP) as a key mechanism of the EU countries' innovation policy

Abstract: This article is devoted to the study of the PPP for innovation as well as the specific mechanisms of the PPP applied in EU countries for intensification of the innovation policy and activation of the relationships in the innovation sphere.

Keywords: Public-private partnership, innovation policy in EU countries, national innovation system, strategic partnership, partnership for research, partnership for the financing, regional partnerships, innovation clusters.

The Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) has conducted a study on the efficiency of the public-private partnership (PPP) in the innovation sphere as an alternative to the traditional mechanisms of the state innovation policy: the public procurement system; implementation of R & D (research and development) in the public sector; targeted subsidization of the business R & D through direct and indirect methods of financing; infrastructure assistance to the business R & D. It was noted that this traditional model has led to the formation of a "gap" between the sphere of the knowledge generation and the sphere of its application that means in fact between the science and innovations. The science, funded from the budget, no longer focuses on the real needs of the industry and business, and the latter have lost the motivational levers to innovations, because of the fact that their interests have not actually been considered. In addition, a software technique of resources' concentration mainly on the technological advances has led to the loss of potential in the non-technical fields of the science.

The OECD has identified the PPP as *any formal (official - note of the author) relationships or arrangements for a fixed / unlimited period of time between the public and private participants in which both parties interact in the decision-making process and co-invest limited resources such as money, staff, equipment and information to achieve specific goals in a particular sphere of the science, technology and innovation* [1]. The public-private cooperation is present in the research policies of all the member countries of the European Research Area ERA. Among them one should distinguish the EU member countries that have used the PPP model as a key one in the innovation policy over the past 10 years. Those are such countries as France, Austria, Belgium, Denmark, Finland and Sweden. Other countries also adopted a

number of documents aimed at strengthening of the cooperation between the public and private sectors.

France

The experience of France, a country with an active state policy in relation to the sphere of research and innovation, in comparison with the US experience is of particular interest. The history of the PPP in France starts from the end of 1990s with the deployment of the active cooperation between public research institutions and companies during the reform in 1997. The experience of France in 90s at the beginning of the setting up the innovation processes demonstrates the use of the PPP as a key mechanism of commercialization and technology transfer (including spin-off companies) from the public sector. In 1999 there was adopted the **Law on innovation and research № 99-587 dated 12 July 1999** [2], aimed at the establishing of the economic application of research results, due to industrial use and the creation of the efficient partner relations between the public research institutions and companies. Four main objectives of this Law were associated with the PPP: 1) to introduce the mobility of studies from the public to the private sector; 2) to improve the partnership between public research centers and companies; 3) to lay the financial foundations for such partnership; 4) to develop the legal basis of the partnership. The law, in particular, provided the establishment of special institutions, *incubators - a launching pad for new technological companies (businesses); special services of industrial and commercial activities (SAICs)* to assist in the application of the research results; establishment of the share funds of joint investments *Fonds Communs de Placement dans l'Innovation*; introduction of the simplified form of the joint stock company (*Societe par Actions Simplifiee*) for innovation companies.

In 2003 the new French government continued the reforms in the sphere of innovations by taking the **Innovation plan** - the official government document, which was developed by the Ministry of Research and the Ministry of Industry. The innovation plan has put the problem of improvement of the public administration system of researches and simplification of the administrative organization for the effective coordination of different types of institutions, high schools and government research laboratories, as well as for the strengthening of the relationships between public research organizations and companies through strategic and lasting union.

In 2005 there was adopted the **Pact on researches**, which stipulated the key objectives of the research system and the government's actions in the sphere of scientific researches. This Pact was prepared by the Ministry of Education, Higher Education and Scientific Researches to promote the transfer of knowledge from research to innovations, strengthening of the public researches and the competence intensification in this area. The development of the PPP forms became the political priority of this Pact.

The next step towards the reforming of the French research system was the **Law on the program of research in 2006** [3], according to which there were identified the strategic directions of the researches up to 2010, while with the focus

on their implementation there was created the *Higher Council for Science and Technology (NCST)* and strengthened the authority of the National Agency for Research (NAR). The Law provided the new instruments to support cooperation between high schools and research institutions, including the creation of *Research Centers* in the sphere of education and scientific research, involving research organizations and institutions, universities both public and private, including medical institutions, academic centers and cultural institutions. The centers are created in the form of the non-profit legal entity of the private law.

In 2007, there occurred another reform of the higher education system focused on the autonomy of universities. According to the ***Law on the reform of universities dated 10.08.2007*** [4] 60% of universities have gained the autonomous status. The PPP begins to play a significant role in establishing of the cooperation and the joint platforms of the universities with industrial companies. In 2008, the French government announced a ***"Plan Campus"***, which aimed at the development of ten university campuses. The project should meet the following requirements: to include co-operation between the public and the private sector on the basis of the PPP as an instrument to attract investments; to provide the renewal and modernization of the real estate; to be associated with the education and research expectations; to develop campus; to meet the local needs.

In September 2008 the French Government promulgated the ***National Strategy for Research and Innovation (SNRI)*** [5] for the period of 2009 - 2012. It identified three priorities of the development: health care, social security, food products and biotechnologies; environmental security and ecological technologies; information, communications and nanotechnologies, in which the major role should be played by the PPP and adjustment of the interdisciplinary researches. To implement the strategy of representatives of the public and private research areas there was established the *Coordinating Committee*. Thus, the PPP became a strategic mechanism for implementing of the priorities of the technological development.

The French experience could serve as a basis for the application of the PPP financial mechanism for the active involvement of the private sector to invest in innovations. This is confirmed by the existence of OSEO - the central agency for providing the assistance and financial support for innovation activities on the stage of the life cycle of the innovation in the form of the PPP. *The Agency for innovations OSEO* was created in 2005 on the base of the National Agency for innovation attractiveness of researches (ANVAR). In the beginning OSEO was founded as a state institution with a public status, but in accordance with the Law on the banking and financial regulation of 2010 it has turned into a joint stock company of the private law, which consists of the holding and subsidiary companies, 50% of the capital is owned by the state. OSEO is a typical example of the PPP, which operates in three directions: 1) *OSEO for innovations*, within which it is carried out the support of innovations, the financing of the technology transfer and innovative projects with real

market perspectives; 2) *OSEO for funding* for the financing involving banks and institutional investors; 3) *OSEO for guarantee* to ensure (guarantee) financing.

The use of the PPP mechanism of within regional (cluster) policy is worth of the special attention. **The Law on budget for 2005** [6] defined *clusters* as "groups in the same branch formed out of the representatives of the business, high school and research organizations, public or private, intended to work jointly on projects of the economic development on innovations". Using government subsidies and special regulations on tax issues, they need to make the economy more competitive, to prevent the migration of residents caused by the jobs creation, to develop the researches in those branches, in which there is a need in these particular areas (policies). The basic one is a model of Japanese technopolises. To implement the policy in the sphere of competitive clusters there was created the Interdepartmental committee on organization and development of territories that carries out the assessment and selection of projects. The number of clusters in France in May 2010 amounted to 71. The total amount envisaged for the funding of the second phase of the Program on competitiveness of the cluster policy for the period of 2009 - 2011, was set at the level 1.5 bn. EUR for 3 years.

Austria

In the 1990s, the lack of communication between the science and industry was identified as a major problem of the Austrian innovation system. The issues of public-private partnership were repeatedly included into the strategic government documents and political programs. The most influential and notable ones from the point of view of the budget financing became the programs on the creation of so-called Competence Centers that contributed to the long-term strategic partnership in the sphere of R & D between companies and research institutes. Among them one should highlight the **programs K-plus** and **K-ind / K-net**. *The K-Plus Program* provided the creation and promotion of the competence centers to improve cooperation between business communities and the research area for the transfer of the business experience of the competition at the international level. *The K-ind / K-net Program* was aimed at creating of the industrial competence centers and the network of the institutions for the research and technology transfer under the control of industrial companies and consortia. *K-ind* supported the establishment of joint centers based on enterprises and research institutions. *K-net* supported the creation of industrial clusters, i.e. the geographical centers of research on common subjects. In 2007 the baton of precursor programs was taken by **the COMET program (Competence Centers on advanced technologies)**, which became the most influential one in the history of the Austrian PPP. The program provides the creation of the PPP in the form of large (K2), small and medium-sized (K1) joint ventures as well as those without any institutionalization (K), which are partly funded by the public partner (K2 - 60% of financing for the period of 10 years, K1 - 55% for 7 years, K - 50% for the period of 3-5 years). As an example of the PPP one should cite **the program of the Association for Research of Christian Doppler (CD)**, which

supports the creation of temporary CD laboratories in universities working on the industry focus, on the applicability of the basic research. Similarly to this there works the mechanism of the PPP of **Ludwig Boltzmann Society**, which funds scientific researches in the medicine, in the social, cultural and human sciences sphere, joining together researchers and practice partners. The company operates as a registered association, which performs essentially two functions: 1) coordination of the strategy, budgets and joint management; 2) creation of organizations, operating on the basis of the separate institutions as limited liability companies.

Belgium

According to the survey data of innovation of the Community in 2006 for the period of 2004 - 2006 35% of all Belgian enterprises engaged into innovation activities are one or another form of the partnership in the innovation activities (which is more than the EU average - 25.5%). Basically these are partnerships with the participation of the private sector as well as public research institutions, less frequently - of universities and high schools. In all three regions of Belgium, there is a set of diverse PPP means. It includes the transfer of funding in high schools, the funding of incubators, research centers with universities' participation and the business communities; poles of competence and various support programs in the network. Thus, the **Decree on R & D and innovation activities of Wallonia in 2008** [7] contributes to the creation of the partner relations between research participants and enterprises undertaken in the interaction (competitive pole) and offers in this case a possibility of the choice between the subsidy or reimbursement of the activities' outgoings aimed at obtaining of the research development. A typical example of the PPP implementation is the **START program**, which was launched in 2008 in Wallonia, financed for one-third from the funds available to universities, one-third from the private sector (enterprises, individuals, foundations), one-third from the regional budget of Wallonia.

Denmark

In 2003 the Danish Government published the **Plan of actions "New ways of interaction between the science and industry - the turnabout of the science to the business"** [8], which incorporated 20 initiatives of such cooperation. It provided four outlines of this interaction: 1) *cooperation in the knowledge network* that involves organizing through joint efforts of the networks between enterprises and knowledge generation sector (institutions) at the regional, national and international levels; 2) *cooperation in the sphere of innovations* - specific projects lasting from 1 to 4 years, where the parties join to the activities aimed at the innovations in the form of innovation consortia and joint projects; 3) *cooperation in researches* - joint efforts on the fixed-term basis lasting from 4 to 10 years for research implementation and development of the new knowledge that are of interest for the business and industry; 4) *cooperation in the development of competence* (training of PhD and doctors of science, training of scholars in the sphere of the business and industry, educational

programs). The plan also provided the support for *the technological service system (GTS), science parks and incubators*.

Finland

Since the early 90s the attracting of the industry into cooperation was a major factor of the changes in the policy of the financing in the sphere of research and innovations. A significant role in this process was played by *the Finnish Agency for technology and innovations' funding Tekes*, the programs of which provided the grant funding on a competitive basis of the projects implemented in the partnership of research institutions and private companies. Recent initiatives aimed at expansion of the PPP provide the establishment of *the Strategic centers for science and technology (SHOK)*. The centers established jointly with universities, research institutes and companies should agree on a plan of practical implementation of research results within 5 - 10 years' period and be financed jointly by public and private funds. Now such centers act with the purpose of the innovations' introduction into the branches of energy and environmental protection, metal production and machinery, bio-industry, construction, health care and wellness, media and telecommunications.

Sweden

In *the White Paper 2004 "Innovative Sweden. The strategy of growth through renewal"* [9] it was raised the issue of the rapprochement between the science and industry as a guarantee of the innovation system's efficiency. *The Law "Research for a better life" in 2005* [10] provided a number of initiatives aimed at improving of the knowledge transfer between research institutions and industry. There were proposed the instruments of the establishment of holding companies in universities, joint R & D programs and financing of the sectoral institutions are developed in the new *Law "Support for research and innovations" 2008* [11]. In addition, the law provides funding for infrastructure of the developments' commercialization and creation of the "Offices of Innovations" similarly to the centers of competence. *The Program VINN Excellence of competence centers' creation* was introduced in 2005 by *the Swedish government Agency on innovation systems (VINNOVA)* as a cooperation support program between the private and public sectors, universities, research institutes and other organizations involved in researches.

The experience of the developed European countries shows that the introduction of various PPP mechanisms allows to resolve the **global policy objectives in the sphere of research and innovations in the following directions:**

1) **strategic cooperation** in the spheres of crucial importance to the state (strategic partnership);

2) **strengthening of the connections between the science and business (industry)** with the purpose of commercialization of the research results (partnership for research);

3) **reasonable support of the private investments and the alternative mechanism of the innovation sphere's funding** (partnership for the financing);

4) **cluster oriented policy and innovation clusters** (regional partnerships and the partnership in the particular field of technology).

REFERENCES

1. PPP in innovation // OECD Science, Technology and Industry Outlook, 2004. – Paris, 2004. – 234 p.;
2. Loi № 99-587 du 12 juillet 1999 sur l'innovation et la recherche // http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=C615C5167F7ADC3C04F94D8901BBA9F5.tpdjo12v_2?cidTexte=JORFTEXT000000759583&categorieLien=id;
3. Loi № 2006-450 du 18 avril 2006 de programme pour la recherche // <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000426953>;
4. Loi № 2007-1199 du 10 août 2007 relative aux libertés et responsabilités des universités // <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000824315>;
5. Stratégie nationale de recherche et d'innovation, 2009 // http://media.enseignementsup-recherche.gouv.fr/file/SNRI/69/8/Rapport_general_de_la_SNRI_-_version_finale_65698.pdf;
6. Loi № 2004-1484 du 30 décembre 2004 de finances pour 2005 // <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000789373>;
7. Arrêté du Gouvernement wallon relatif au soutien de la recherche, du développement et de l'innovation en Wallonie: <http://www.uwe.be/uwe/recherche/Arretes%20decret%20R-D.pdf>;
8. New ways of interaction between research and industry - turning science into business // <http://ufm.dk/en/publications/2003/new-ways-of-interaction-between-research-and-industry-2013-turning-science-into-business>;
9. Innovative Sweden. A strategy for growth through renewal // <http://www.vinnova.se/upload/EPiStorePDF/InnovativeSweden.pdf>;
10. Research for a better life – A summary of the Government Bill 2004/05:80 // <http://www.regeringen.se/sb/d/6950/a/67435>;
11. A Boost to Research and Innovation - A summary of Government Bill 2008/09:50 // <http://www.government.se/sb/d/574/a/130764>.

Sazonova P. V.,
*senior lecturer, National Research
Tomsk State University, Tomsk, Russia*

METHODOLOGICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF TRANSFORMATION OF RUSSIAN CONTEMPORARY SOCIETY IN ITS GENDER DIMENSION

Abstract: This article is an attempt to analyze the social transformations taking place in contemporary Russian society. The focus of the author's interest is in gender dimension of these transformations in the frame to a postindustrial society transition. In terms of methodology the author proves the fruitfulness of the biographical methods of sociological research, focused on the changes of social phenomena and norms.

The keywords: the transformation, postindustrial society, gender, biographical research methods.

Сазонова П.В.,
*старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, г.Томск, Россия*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: Данная статья представляет собой попытку анализа социальных трансформаций, протекающих в современном российском обществе. В фокусе авторского интереса – гендерные аспекты трансформаций, осмысляемые в контексте перехода к постиндустриальному обществу. В методологическом плане обосновывается плодотворность применения биографических методов социологических исследований, которые ориентированы на фиксацию изменения социальных феноменов и норм.

Ключевые слова: трансформации, постиндустриальное общество, гендер, биографические методы исследования

Состояние современного российского общества является объектом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей. Прежде всего, происходящие в России с конца 1980х годов процессы обладают отчетливыми признаками цивилизационного кризиса, поскольку Россия как большая часть посткоммунистического мира выступала ключевым актором в конкуренции социалистической и коммунистической систем и тем самым оказывала влияние на ход истории во второй половине XX века [6, с.3].

Принципиально согласимся с трактовкой социальных трансформаций как сложного, многоуровневого и при этом стихийного и непредсказуемого процесса. При этом имеет смысл говорить именно о трансформациях российского общества во множественном числе, которые затрагивают все уровни общественной вертикали (общенациональный, региональный, локальный, макро- и микросоциальный) и вызывают коренные изменения институтов и социальных практик: институциональной и классовой структуры общества, идеологии, гендерных отношений, семьи [см.: 1].

В западной и отечественной социальной мысли утвердилось мнение, согласно которому проблемы социально-экономических и культурных трансформаций в современном мире могут быть поняты в русле теории постиндустриального общества, а также его информационной и «знаниевой» стадиях. Их интерпретация и взаимность переходов - плодотворная тема мирового научного дискурса и потому требует осмысления в рамках отдельного исследования.

Можем ли мы обнаружить признаки постиндустриального общества в России? Сразу заметим, что некоторые отечественные исследователи отказывают России в постиндустриальности, ссылаясь на отсутствие относительно однородных обществ среднего класса и усматривая в современных трансформационных процессах новый виток индустриализации [см: 8].

Тем не менее, опираясь на исследования первых десятилетий XXI века, попытаемся обнаружить в современной российской действительности *признаки постиндустриальности*, взяв в качестве объекта гендерные отношения, складывающиеся в современном российском обществе. Их важность, по нашему мнению, может быть объяснена в рамках концепции социальной идентичности, предложенной немецким философом и социологом Ю.Хабермасом. Будучи составной частью Я-идентичности личности, социальная идентичность «интегрирует различные требования ролевых систем, которым принадлежит человек» [10, с.157]. Гендер, по нашему мнению, суть такая ролевая система.

Трансформация семьи, жизненных стратегий и социальных ролей мужчин и женщин, а также актуализация укорененных в общественном сознании представлений, определяющих индивидуальные возможности полов в

публичной и приватной сфере - одна из важнейших составляющих трансформационного процесса в России.

В современной социальной науке данные процессы могут быть проанализированы в рамках *гендерного подхода*¹. По замечанию О.Здравомысловой, данный исследовательский вектор плодотворен с точки зрения выявления и оценки результатов социальных трансформаций для мужчин и женщин и прогнозирования их последствий для семьи и гендерных отношений в обществе [6, с.4].

Вслед за большинством западных и отечественных исследователей мы придерживаемся мнения, что методологически целесообразно изучать гендерные отношения в терминологии теорий *гендерной системы (гендерного порядка)* и *социальной конструкции гендера*. Сочетание этих подходов позволяет анализировать взаимодействие мужчин и женщин на макро- и микроуровне.

Термин поло-гендерная система введен в научный оборот в 1970х годах американским антропологом Гейл Рубин, чья статья «Обмен женщинами» стала одним из первых классических феминистских текстов, доступных в переводе отечественным гендеристам. В указанной работе поло-гендерная система трактуется как "набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности" [11, с. 91].

Гендерная система – это часть социальной системы. Она охватывает соответствующие структуры гендерных отношений и отношения между социетальными институтами государства благоденствия (*welfare state*), рынка труда и семьи [см.: 20].

Сегодня, однако, большинство исследователей отдают предпочтение более гибким категориям *гендерного порядка*, или *гендерной композиции* [например, 13] . Последняя артикулирована в трудах классика структурного гендерного анализа Р.Коннелла, согласно которому гендерная композиция охватывает три основные сферы – экономическую (социальное разделение труда между полами в сфере публичной экономики и домохозяйства), политическую (отношения власти) и *катексис* - сферу эмоциональных и сексуальных отношений [17].

Гендерный порядок общества представляет собой совокупность *гендерных контрактов*, которые могут быть интерпретированы как образцы поло-ролевых практик, складывающихся в относительно автономных сферах жизни: в публичной (работа, карьера, общественно-политическая активность), приватной (семья, домохозяйство, уход), сфере интимности-сексуальности. В рамках конкретной общественной системы существует доминирующий

¹ *Гендер (gender)*, или *социальный пол* – это универсальная для социально-гуманитарного дискурса категория, используемая для индикации социально-ролевых различий между мужчинами и женщинами, не сводимых к биологически детерминированной дихотомии.

гендерный контракт, который претендует на гегемонию и, как правило, соответствует ценностям государственной идеологии.

По замечанию Е.Здравомысловой и А.Темкиной, в постиндустриальном обществе, вместе с ценностями культуры, меняется и гендерная система. Так, изменения гендерных отношений во второй половине XX века в странах Западной Европы описываются исследователями как переход от ранее доминировавших контрактов *домашней хозяйки (the housewife)* и *мужчины-кормильца (the male-breadwinner)* к контракту *равного статуса (equal status)*, то есть приходит выравнивание прав и возможностей мужчин и женщин в публичной (политика, образование, другие профессии, культурная жизнь), и в приватной сфере (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, сексуальность и пр.) [см.:3].

Гендерную систему советского общества принято назвать *этакратической*, подчеркивая тем самым регулирующую роль государства в конструировании жизненных стратегий советских людей в публичной и приватной сферах. Ее ядром являлся претендующий на тотальную гегемонию женский контракт *работающей матери*, в соответствии с которым советской женщине предписывалось сочетание традиционных женских ролей (материнство, уход, ведение домохозяйства) с участием в наемном оплачиваемом труде [9, 12].

В результате рыночных реформ конца XX века и распада государственной системы жизнеобеспечения происходит разрушение (точнее, диверсификация) базового гендерного контракта и появление новых сравнительно распространенных контрактов: *работающей матери, женщины, ориентированной на карьеру, домохозяйки и сексуализированной идентичности (спонсорский контракт)*.

Оставив за рамками данного исследования описание новых гендерных контрактов, тем не менее, обратим внимание на многовариантность постсоветских гендерных практик, в основе чего лежит противоречивость эгалитарных и патриархатных тенденций [например, 4, 19, 21]. С одной стороны, следствием коллапса советской системы производства и жизнеобеспечения стало возрастание роли домашней экономики и социальных сетей, что, в свою очередь, привело к укреплению положения женщины в обществе. Сегодня мы наблюдаем рост роли в женщин в общественной и политической структурах, а профессиональная занятость и карьера становится одной из важнейших составляющих самореализации в конструировании женской идентичности [15].

С традиционалистских позиций такой «маскулинизированной» женской стратегии противопоставляется постфеминистская² идентичность домашней хозяйки, женщины-матери и менеджера домашнего быта, чей образ статусно

² Тема постфеминизма сегодня активно разрабатывается в западноевропейском гендерном дискурсе [смотри например, 18].

связан с представлениями о лучших жизненных шансах, характерных для западного старого среднего класса и высших слоев российского общества и становится моделью желаемого будущего для вынужденно работающих матерей [5, с.148].

Микросоциальное измерение гендерных отношений представлено в социогуманитарном дискурсе в виде теории социального конструирования гендера. Ее последователи рассматривают гендер как динамический конструкт, непосредственно связанный с процессами гендерной социализации и гендерной идентификации, детерминированными конкретной культурно-исторической средой [14, с.149]. Таким образом, на смену предзаданной ролевой модели приходит концепция гендерного производства (т.н. *doing gender*), а гендер предстает не как макросоциальный фрейм, а конструируется самими индивидами в повседневном взаимодействии на уровне сознания и действия.

В рамках анализа гендерных отношений на микросоциальном уровне нам, вслед за С.Ильиных, представляется методологически плодотворным использование категории *гендерных стереотипов*, которые выполняют роль своеобразных ограничителей субъектности личности в индивидуальном и социальном планах. В процессе социализации личность с раннего возраста усваивает нормы гендерной культуры, в которой закреплена определенная система представлений о соотношении (как правило, иерархии) женского и мужского. Результатом становится усвоение личностью образцов, правил поведения, которые очерчивают зону социально одобряемых действий для мужчин и женщин. Обратим внимание на устойчивость гендерных стереотипов, которые выступают своеобразным информационным фильтром: все вписывающееся в гендерную картину мира нерелексивно усваивается индивидом, в то время как противоречащая стереотипам информация будет встречать внутреннее сопротивление - например, подчеркнуто внимательное и критическое восприятие женщины-руководителя или политика [см.: 7].

Отметим также ценность замечания Е.Здравомысловой и А.Темкиной о значимости понятия ресоциализации в рамках конструктивистской теории гендера. Механизмы ресоциализации активируются в связи с попаданием индивида в критическую либо нерелевантную нормам и ценностям ситуацию, которая в том числе вероятна в период социальных трансформаций [12]. На наш взгляд, важно ответить на вопрос, какие социальные институты являются ключевыми акторами гендерной ресоциализации в современной России? Насколько контролируема (либо стихийна) природа этих процессов? Какова в них роль государства, идеологии (либо ее отсутствия), национальной культуры, религии, СМИ? Поиску ответов на эти вопросы посвящено диссертационное исследование, работа над которым в настоящий момент ведется автором данной статьи.

Закономерно возникает вопрос выбора методологии изучения современных социальных процессов. Какие исследовательские приемы позволят увидеть и изучить индивида в его целостности? Мы придерживаемся позиции, что наиболее плодотворным методом анализа современных социальных, в том числе гендерных процессов является биографический метод социологических исследований, плодотворно используемый ведущими социологическими школами Западной Европы (например, центр женских и гендерных исследований им.Корнелии Гёте, г.Франкфурт-на-Майне, Германия) и Центральной России (ВШЭ, г.Москва, Европейский университет, г.Санкт-Петербург).

Солидаризуемся с точкой зрения Е.Рождественской, что биография в современном мире становится результатом индивидуальных решений и выборов, не скованных жесткими структурными рамками, идеологией, традиционными и моральными нормами [2, с.202].

Одним из жанров биографической работы является биографическое (нарративное) интервью, в процессе которого в распоряжении исследователя оказывается уникальный текст – авторский рассказ о собственной жизни, содержащий три темпоральных измерения: рефлексии о прошлом опыте, описание настоящего и проекции ожидаемого и желаемого будущего. Совершая биографическую работу, индивид не просто упорядочивает, но придает смысл своей жизни перед лицом вызовов жизненного многообразия и тем самым обретает идентичность. Исследовательский анализ, таким образом, становится интерпретацией второго порядка [см.: 2, 10, 16].

В отличие от методов количественной социологии, ориентированной на поиск «среднего человека», интересного для социального анализа благодаря своей типичности и частотности присутствия в обществе, задачей биографических методов является своеобразное «нащупывание» границ социальных явлений, а также фиксация изменений социальных норм. Именно такая функция социологии, по нашему мнению, наиболее востребована трансформирующимся российским обществом³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заславская Т. Современное российское общество: проблемы и перспективы / Т.И.Заславская // Общественные науки и современность. - 2004. - № 5. - С.5-15.

³ Анализ теоретических проблем, представленный в данной работе, является начальным этапом исследовательской программы, цель которого - анализ трансформации гендерных паттернов в публичной и приватной сфере у представительниц среднего класса в современном российском обществе с применением методов качественной социологии.

2. Здравомыслова Е., Темкина А. Анализ биографического нарративного интервью в исследовании идентичности / Е.А.Здравомыслова, А.А.Темкина // Социальная идентичность. – 2004. – С. 200-222.
3. Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс // Хрестоматия феминистских текстов. – СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – сс.5-28.
4. Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этатератический гендерный порядок / Е.А.Здравомыслова, А.А.Темкина // Социальная история - 2002. Специальный выпуск, посвященный гендерной истории - М.: РОССПЭН, 2002.
5. Здравомыслова Е., Темкина А. Трансформация гендерного гражданства в современной России. – Электронн.данн. - 2003. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/041/693/1219/014.ZDRAVOMYSLOVA.pdf>.
6. Здравомыслова О. Гендерные аспекты современных российских трансформаций: проблемы методологии исследования // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – М., 2008. – 48 с.
7. Ильиных С. Влияние гендера на картину мира: опыт социологического исследования / С.А.Ильиных // Социология: 4М. – 2009. - № 28. – С.66-86.
8. Иноземцев В. Потерянное десятилетие. М.: Московская школа политических исследований. – 2013. – 595 с.
9. Нартова Н. Гендерный контракт современного российского общества и неконвенциональные гендерные идентичности / Н.А.Нартова // Женщина в российском обществе. – 2008. - №3. – С.56-64.
10. Рождественская Е. Биография как социальный феномен и объект социологического анализа // Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. – М., 2012. – 555 с.
11. Рубин Г. Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. – СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – сс.89-139.
12. Словарь гендерных терминов. Статья: гендерная система. – Электр.данн. – URL: <http://www.owl.ru/gender/206.htm>.
13. Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России / А.А.Темкина, А.Роткирх// Гендер. Культура. Общество. – 2003. – С.58-97.
14. Шишлова Е. Гендер как инновационный научный и философский дискурс. – Электронн.данн. – URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/filosofiya/gender-kak-innovacionnyy-nauchnyy-i-filosofskiy-diskurs>.
15. Ярошенко С. Женская занятость в условиях гендерного социального исключения / С.С.Ярошенко // Социологический журнал. – 2003. - №3. – С.137-150.
16. Apitzsch U. Biographie als Selbstkonstruktion des Menschen: Antonio Gramscis Briefwechsel mit Giulia und Tanja Schucht. In: Herzberg/Kammler (Hg.)

Biographie und Gesellschaft. Überlegungen zu einer Theorie des modernen Selbst. Campus-Verlag, Frankfurt, S. 159-190.

17. Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics / R. Connell. - Cambridge: Polity Press, 1987.

18. Genz S. "I'm not a housewife, but...": Postfeminism and the Revival of Domesticity // Feminism, Domesticity and Popular Culture / Ed.by Stacy Gillis, Joanne Hollows. – Routledge. 2009. – P.49-62.

19. Holmgren, B. Bug Inspectors and Beauty Queens: The Problems of Translating Feminism into Russian // Postcommunism and the Body Politics / Ed.by Berry E. NY & L.: NY University Press. 1995. – P.15-31.

20. Pfau-Effinger B. Gender cultures and the gender arrangement - a theoretical framework for cross-national comparisons on gender // Innovation: the European Journal of Social Sciences. The Spatiality of Gender, ed. By S. Duncan, 1998, № 2. Pp. 147-166.

21. Rotkirch, A. The Man Question. Loves and Lives in the Late 20th Century Russia. University of Helsinki, Department of Social Policy. Research report 1/2000. – 316 p.

Rimar Svetlana Victorovna,
Head of the department of social and humanities
Murom Institute (branch) Vladimir State University,
Candidate of Philology, docent

Social well-being of today's youth in the context of the social responsibility of the media

Abstract: This article analyzes the social welfare of the youth of today in the context of the social responsibility of the media. The necessary elements for successful implementation of the system of mass media.

Keywords: social well-being, today's young people, social responsibility, media

Рымарь Светлана Викторовна,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Муромского института (филиала)
Владимирского государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент

Социальное благополучие современной молодежи в контексте социальной ответственности масс-медиа

Аннотация: В статье анализируется социальное благополучие современной молодёжи в контексте социальной ответственности масс-медиа. Определены необходимые составляющие успешной реализации системы масс-медиа.

Ключевые слова: социальное благополучие, современная молодёжь, социальная ответственность, масс-медиа

Современный мир – век информации и информационных технологий. Ежедневно мы сталкиваемся с огромным потоком информации. Мы можем получать одну и ту же новость, но из разных источников и с различными

деталюми, поэтому понять, где правдивая информация, становится все сложнее. Особенно это касается молодежи. Интернет, социальные сети, тематические форумы, блоги, новостные ленты – вот ежедневные составляющие времяпровождения современных молодых людей. Естественно, такой широкий выбор источников и доступность информации и такой незначительный процент общения с людьми «вживую», в реальном мире сказывается на образе жизни и благополучии молодежи в целом.

Единого определения понятия «социальное благополучие» нет. Существует множество точек зрения и все они имеют место быть. Социальное благополучие в зарубежных исследованиях оценивается успешностью физического, психического, социального и экономического функционирования в социуме. В западной психологии понятие благополучие определяется в самом широком смысле – wellbeing, как многофакторный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов. В используемой ВОЗ дефиниции здоровья («состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов») понятие «благополучие» включает элементы, которые обеспечивают индивиду способность жить полноценной для него жизнью [1]. Однако степень функционирования в физическом, экономическом, духовном, социальном плане определяется в каждой стране проводимой государством социальной политикой и субъективными возможностями человека. Поэтому рамки социального благополучия конкретный человек определяет для себя сам, т. е. играет роль субъективный компонент, удовлетворенность личности своей жизнью и своим статусом в ней.

Исходя из точки зрения субъективности понимания социального благополучия, можно сделать вывод, что молодые люди вполне удовлетворены текущим положением, а значит и благополучны, имея технические средства общения, погружаясь в виртуальный мир, заводя виртуальных друзей, проводя все свое свободное время за телевизором и в Интернете, без критики оценивая полученную информацию. Однако со стороны это выглядит как отсутствие полноценного развития, следование чужим интересам и чужим мнениям. В этом случае социальная ответственность масс-медиа играет огромную роль. Как механизм он призван действовать в интересах всего общества, для его развития и благополучия.

Социальная ответственность СМИ – это ответственность социальных институтов (пресса, книжные издательства, агентства печати, радио, телевидение, официальные Интернет-ресурсы и т. д.) перед конкретным человеком, обществом и государством в целом (т. е. аудиторией) за сбор, обработку и распространение информации в массовом масштабе; ответственность за качество, необходимость, правдивость той или иной информации.

За молодежью будущее страны, а значит, каким оно будет, зависит от нынешнего положения молодежи, его настроения, ценностных ориентаций и благополучия в целом. Современные масс-медиа влияют на сознание и поведение общества, особенно это касается детей и молодежи в силу их неокрепшей психики, высокой мобильности, гибкости, подверженности современным технологиям. Следовательно, для их благополучия средства массовой информации должны помнить о том, как, какую информацию и в каком количестве представлять обществу. Потребителям информации, в свою очередь, необходимо научиться фильтровать информацию в онлайн-среде и критично к ней относиться. Согласно многим исследованиям, СМИ, в частности телевидение и интернет, сильно влияют на социальное настроение общества, формируют мировоззрение и ценностные ориентации. Например, демонстрация насилия в телевизионных программах и его воздействие на поведение людей исследовалась социологами и психологами достаточно подробно, но единой объясняющей модели не предложено. Выделяют три основных гипотезы, объясняющих механизм влияния телевизионных сцен насилия на агрессивное поведение людей.

Первая – «гипотеза модели», согласно которой агрессивное поведение оказывается результатом наблюдения и подражания агрессивным действиям других людей и телевизионных персонажей, разработана А. Бандурой. В ходе экспериментальных работ, осуществленных под его руководством в первой половине 60-х годов, детской аудитории показывали, к примеру, снятого на киноплёнку взрослого, бьющего палкой большую куклу. После этого дети играли в комнате, а экспериментатор скрыто наблюдал за ними. Как правило, оказывалось, что в экспериментальной группе при общении детей агрессивные проявления обозначались намного ярче, чем в контрольной группе, не смотревшей указанную ленту. Агрессия на телеэкране служит своего рода примером для моделирования реального поведения.

Вторая гипотеза – «гипотеза катализатора». Д. Берковитц предполагает, что сцены насилия служат своеобразными стимуляторами возбуждения и импульсивного поведения у зрителей (по принципу катализатора, ускоряющего ход химической реакции). Такие сцены выступают стимуляторами, запускающими определенные когнитивные процессы (вызывают агрессивные воспоминания, идеи), что уже, в свою очередь, приводит к агрессивному поведению.

Третья гипотеза – «гипотеза катарсиса», наоборот, указывает на то, что демонстрация сцен насилия приводит к ослаблению агрессивности. Происходит своего рода сброс эмоционального напряжения (катарсис).

Так или иначе, результаты большинства проведенных исследований подтверждают «гипотезу модели» [2]. В связи с вышеизложенным, негативное влияние СМИ на психику и поведение молодежи заставляет серьезно ставить вопрос о введении социальной ответственности масс-медиа, которая будет, по

сути, мерой для поддержания благополучия молодежи в данном контексте. Необходимо разрабатывать такие механизмы регулирования СМИ, которые могли бы не только управлять их деятельностью, но и направлять ее по пути достижения культурных, патриотических и идеологических ценностей. Разумное сочетание саморегулирования СМИ и регулирования их обществом – идеальный фундамент для формирования социальной ответственности масс-медиа, что, несомненно, скажется на благополучии молодежи и общества в целом. Коммерческие цели не должны главенствовать. Масс-медиа призваны нести обществу информацию, направленную на его развитие, идентификацию, а это требует нового уровня профессионализма, к которому необходимо стремиться [3].

В рамках социальной ответственности масс-медиа можно регулировать и направлять их деятельность таким образом (с помощью нового разработанного законодательства в области социальной ответственности СМИ, общественного телерадиовещания, этических кодексов журналиста, советов по прессе), чтобы у молодежи формировались положительные качества и достойное поведение. Например, с помощью СМИ можно:

1. Формировать направленность на здоровый образ жизни: пропаганда в СМИ здорового питания, отсутствие рекламы фаст-фудов, запрет рекламы алкогольной и табачной продукции, положительное отношение к спорту.
2. Повысить уровень патриотического настроения среди молодежи, уважения истории своей страны.
3. Ориентировать молодежь на помощь другим: волонтерство, благотворительность, взаимопомощь.
4. Призывать больше общаться в реальной жизни, чем в виртуальной.
5. Направлять на духовное просвещение: формирование мотивации и интереса посещать театры, кино, музеи, библиотеки, оперу, балет и т. д.

Но это будет работать при условии сформированной социальной ответственности СМИ, чего в России мы пока не наблюдаем, несмотря на то, что попытки внедрить механизм социальной ответственности масс-медиа делаются. Однако, к сожалению, пока все строится на механизмах конкуренции и свободе предпринимательства: чем зрелищнее, доступнее, актуальнее, тем больше прибыль и неважно, правдива эта информация или нет, и как она повлияет на сознание человека. И понятно, что в этом случае речь о благополучии не только молодежи, но и всего общества не идет.

Таким образом выглядит социальное благополучие молодежи в контексте социальной ответственности СМИ. В современном мире масс-медиа имеют больше негативное влияние на сознание и поведение молодежи, поэтому необходимо принимать меры для поддержания их благополучия, а именно

развивать механизм социальной ответственности масс-медиа. Правильно направлять СМИ, регулировать их не государством, а самим обществом, делая акцент не на факте зрелища, а на правдивости, достоверности, ответственности – необходимые составляющие успешной реализации данного механизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психология общения: энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. – М.: Изд-во Когито-Центр, 2011. – 600 с.
2. Дроздов, А.Ю. «Агрессивное» телевидение: социально-психологический анализ феномена / А.Ю. Дроздов // Социс, 2001 (<http://ecsocman.hse.ru/data/568/841/1231/009Drozdov.pdf>).
3. Полосин, П.Н. Социальная ответственность СМИ в контексте информационно-аксиологической (ценностной) поддержки стратегии развития России // Власть. – № 8. – 2010. – С. 46.

Rimar Svetlana Victorovna,

Head of the department of social and humanities

Murom Institute (branch) Vladimir State University,

Candidate of Philology, docent

IMAGE OF SOCIAL WORK ABROAD AND IN RUSSIA: KEY CHALLENGES

Abstract: The article deals with the problem of social work's image abroad and in Russia. Designated approaches to study the image of social work at the micro and macro levels of social interaction.

Keywords: social work, image, social worker

Рымарь Светлана Викторовна,

заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин

Муромского института (филиала) Владимирского

государственного университета,

кандидат филологических наук, доцент

ИМИДЖ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: Статья посвящена проблеме имиджа социальной работы за рубежом и в России. Обозначены подходы к изучению имиджа социальной работы на микро- и макроуровнях социального взаимодействия.

Ключевые слова: социальная работа, имидж, социальный работник

Проблема престижности социальной работы как профессии, ее имидж в глазах широкой общественности является объектом исследования ученых в США, Великобритании, Канаде, Германии, Словакии и др. Безусловно, это связано с реализацией эффективной социальной политики, основные направления которой непосредственно имеют отношение к деятельности специалистов по социальной работе. Работа членов данного профессионального сообщества практически в разных странах земного шара зачастую остается незамеченной большей частью населения, так как

непосредственно затрагивает интересы социально депривированных социальных групп. Но нельзя и приуменьшать всю сложность и значимость этой профессии в целом для социального спокойствия, что актуализирует эмпирические исследования в данном направлении.

Имидж социальной работы изучается на микро- и макроуровнях социального взаимодействия.

Часто результаты исследований социологов используются в деятельности государственных служб. Например, в 2001 г. Министерство здравоохранения Великобритании начало активную информационную работу с целью поддержать рекрутинговую компанию по набору персонала в сферу социальной работы. В большей мере это было необходимо в связи с заключениями социологов, которые в процессе исследовательской практики установили, что широкая общественность достаточно негативно воспринимает деятельность в сфере социальной работы. Было проведено исследование с помощью методики контент-анализ, которое позволило проанализировать прессу Великобритании – с точки зрения репрезентации социальной работы и формируемого образа социального работника как специалиста. В Великобритании социальная работа в массовом сознании населения воспринимается как плохо оплачиваемая профессиональная деятельность, связанная с проблемными семьями и трудными подростками. Кроме того, основной акцент в представлениях населения при построении негативного образа данной профессии делался на ошибках специалистов, которые имеют место быть в реальной практике. В качестве доказательства правомерности своих утверждений жители Великобритании указывали на информацию из телевизионных новостей и прессы. Безусловно, случаи изъятия детей из семей с вмешательством социальных работников зафиксированы в новой истории Великобритании, но в большей мере эти единичные случаи помнит большинство населения из-за повышенного внимания к ним со стороны масс-медиа. Поскольку практика социальной работы в Англии уже сформирована, то и в средствах массовой информации сформировались определенные медиа-шаблоны или кадры, например, все те же случаи несправедливого изъятия специалистами социальной работы детей из родных семей. Фиксируются именно те ситуации, которые вызвали в свое время общественный резонанс и по заключению английских социологов повсеместно эксплуатируются журналистами. Сложившаяся ситуация приводит к тому, что формируются негативные стереотипы восприятия профессии социальная работа. Вследствие чего современная молодежь не видит перспективного карьерного развития в этой профессиональной сфере деятельности.

В 2003 г. в Великобритании проводилось исследование образа профессии «социальная работа», который формируется в популярных художественных фильмах и телесериалах туманного Альбиона. Всего были проанализированы четыре мыльные оперы и два детективных сериала. В общей сложности было

выявлено 249 сюжетов, связанных с формированием образа специалиста по социальной работе. Это одно из первых в мировой практике исследований, которое обращено к анализу не реалистичного материала, а образа профессионала, вымышленного и повсеместно ретранслируемого.

В европейских странах массовое искусство теленовелл рассматривается не только как средство проведения досуга среднего класса, но и как социальный инструмент, способный изменять отношение людей к острым социальным проблемам таким, как ВИЧ, гендерные и расовые проблемы. Исследователи доказывают, что мыльные оперы, где основной сюжет, как правило, связан с проблемами семьи и с повседневными практиками социального взаимодействия, могут на фоне эмоциональной достоверности создаваемых картинок жизни формировать отношение к сфере оказания социальных услуг, к деятельности социальных работников.

Так, телевизионный образ социального работника позволял представлять профессионала как достаточно модно одетого человека, что существенно противопоставлялось образу клиента, нуждающемуся в помощи. Кроме того, согласно выделенной специфике деятельности основные художественные сюжеты посвящены решению проблем детей и подростков. Эта тенденция соответствует доминированию данной тематики и в традиционных новостных масс-медиа, что в комплексе существенно влияет на искажение профессионального поля деятельности профессионалов, сужая многоплановость направлений социальной работы.

В США сфера социальной работы изучается через анализ художественных и документальных кинолент разного периода. Например, исследователи рассматривали образы социальных работников, которые создавались в кинофильмах еще до Второй мировой войны. В стратегии качественного анализа хорошо просматривались архетипы (отрицательный и положительный) женщин социальных работников. Характер и содержание создаваемых образов зависели от политической идеологии, от отношения к женщине в культурно-исторический период, нежели от реальных знаний о профессии. В частности, исследователи установили, что согласно репрезентации СМИ социальные работники в Америке были представлены как европейцы со средним уровнем дохода. Они работают, как правило, в сфере защиты интересов детей и часто проявляют свою некомпетентность. В большей мере ученых интересовал анализ вымышленных ситуаций, которые далеки от реальной профессиональной практики сферы социальной работы, но могут существенно влиять на формирование в обществе представлений о профессиональном сообществе, о целях профессиональной деятельности и ее результативности. Выше описанные исследования репрезентации профессии в средствах массовой информации возможно и целесообразно проводить в социально-культурных условиях, когда профессия уже имеет определенные традиции, существует в обществе достаточно продолжительное время и институционально закреплена.

Проблема доверия населения социальной работе как социальному институту во многом пересекается с проблемой доверия граждан социальным работникам как профессионалам, способным оказывать помощь своим клиентам на высоком профессиональном уровне.

Если обратиться к России, то результаты практически такие же. Большая часть населения недостаточно информирована о профессиональной деятельности социальных работников. Население получает информацию о социальной работе, в основном, от других людей и в меньшей степени – от социальной рекламы и средств массовой информации. При освещении какой-либо социальной проблемы в средствах массовой информации зачастую дается субъективная интерпретация событий, причем, людьми, некомпетентными в данных вопросах, и, как результат, происходит формирование негативного образа социального работника, часто упускаются положительные практики их работы.

Не исключением в присвоении имиджу социального работника негативных оценок и стереотипов восприятия являются материалы СМИ. Если обратить внимание на передачи новостей, телепередачи, художественные фильмы, где используется образ социального работника, то здесь утвердились и неизменно эксплуатируются следующие стереотипы. Начнем с того, что это непривлекательные бесчувственные люди, механически выполняющие свои функции по строго предписанным законам, например, социальный работник забирает детей у девиантных родителей и передает их в детский дом. Его внешность, действия существенно противопоставляются образу клиента, нуждающегося в помощи и, как правило, непрофессиональны и достойны общественного порицания. Социальная работа представляется скучной, рутинной, бессистемной, связанной с неприятными ситуациями, такими как: тяжелое заболевание, потеря близких людей, развод.

В результате, в представлении населения остается лишь образец функционера, упускаются характеристики методов работы, процесса решения трудных жизненных ситуаций, внутренних переживаний социальных работников, связанных с эмоциональными и психологическими последствиями работы. Ведь не секрет, что именно представители этой профессии более других подвержены синдрому профессионального выгорания. Подобная демонстрация образа социального работника приводит к своеобразной изоляции профессии в средствах массовой информации, существенно влияет на искажение профессионального поля деятельности, сужая ее многоплановость. К сожалению, многие положительные факты остаются вне информационного поля, не демонстрируются усилия, предпринимаемые к достижению положительных результатов, которые достигаются специалистами как индивидуально, так и в тандеме с представителями других профессий: медицинскими работниками, юристами, учителями.

Итак, сфера социальной работы сегодня является предметом исследования социологов различных стран. Исследователи рассматривают разные аспекты имиджа профессии, используя целый ряд отличных методик, дают характеристику социальным процессам, которые оказывают существенное влияние на развитие данной сферы деятельности. Это реально свидетельствует о заинтересованности широкой общественности, научного и профессионального сообществ в позитивных тенденциях профессионализации социальной работы, ее развитии, совершенствовании содержания деятельности, соответствия быстро изменяющимся социальным, политическим и экономическим условиям. В рамках кросскультурного анализа видно, как – по аналогии с рядом классических профессий – в разных странах примерно в одном направлении со схожими проблемами и трудностями идет не только закрепление профессии, ее развитие, но и формирование идентичности профессионального сообщества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема у нас и в западных странах одна и та же: уровень престижности социальной работы находится на низком уровне, необходимо предпринять меры для улучшения положения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Henderson L., Franklin B.* Sad not to bad. Images of social care professionals in popular UK television drama // *Journal of Social work*. London: Sage. 2007. № 7. P. 133-142.
2. *Hiersteiner C.* Saints or Sinners? The Image of Social Workers From American Stage and Cinema Before World War II // *Affilia*, Vol. 13, No. 3, 312-325 (1998).
3. *Kitzinger, J.* Media Templates. Patterns of Association and the (Re) Construction of Meaning over Time // *Media, Culture and Society* 22(1). P. 61-84.

Rimar Svetlana Victorovna,
*Head of the department of social and humanities
Murom Institute (branch) Vladimir State University,
Candidate of Philology, docent*

THE PROTECTION OF WORKERS AS THE CURRENT DIRECTION OF SOCIAL POLICY

Abstract: This paper is devoted to the issue of protection of workers as the current direction of social policy. The author defines the social, economic and legal essence of labor protection.

Keywords: labor protection, social policy, the state

Рымарь Светлана Викторовна,
*заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Муромского института (филиала) Владимирского
государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент*

ОХРАНА ТРУДА РАБОТНИКОВ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вопроса охраны труда работников как актуального направления социальной политики государства. Автор определяет социальную, экономическую и правовую сущности охраны труда.

Ключевые слова: охрана труда, социальная политика, государство

Любое общество состоит из экономически сильных и слабых индивидуумов. Инструментом, позволяющим поддерживать слабых, создавать условия для самореализации всех без исключения граждан страны, сохранять ее культурные и исторические ценности, является социальная политика.

Социальная политика представляет собой часть общей политики государства, которая затрагивает отношения между социальными группами, между обществом в целом и его членами; направлена на изменения в социальной структуре, рост благосостояния граждан, улучшение их жизни, удовлетворение их материальных и духовных потребностей, совершенствование образа жизни. Она ориентирована на самые различные слои, группы населения и включает в себя:

- борьбу с безработицей;
- государственное регулирование минимального размера оплаты труда;
- общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе, бесплатность высшего образования;
- бесплатную медицинскую помощь в учреждениях здравоохранения;
- бесплатное пользование библиотечными фондами и сравнительно низкую плату за посещение музеев, картинных галерей, театров, концертных залов и других учреждений культуры и т.п.

Конституцией определено, что Российская Федерация – социальное государство, высшей ценностью в котором является человек со своими правами и свободами. Под социальным государством понимается его обязанность оказывать всестороннюю поддержку своим гражданам, создавать равные условия для реализации своих прав. Но она не предполагает безусловной опеки над гражданами, а ориентирована на создание благоприятных правовых и организационных возможностей для того, чтобы граждане собственными усилиями достигали материального достатка для себя и своей семьи.

Определяемые ч. 2 ст. 7 Конституции основные направления государственной деятельности в социальной сфере – это, по существу, конституционные обязанности государства по социальной защите граждан. Они имеют не разовый, а постоянный характер, предполагают не спонтанную, а адресную помощь и требуют высокой степени активности государства в обеспечении материального производства и распределения, государственного программирования развития экономики. Поэтому социальная политика государства реализуется через государственные программы, через бюджетное планирование денежных средств.

Значимость социальной политики для государства выражается в затратах, направляемых государством на реализацию мероприятий в данной области. Так, согласно Федеральному закону от 03.12.2012 N 216-ФЗ (ред. от 07.06.2013) «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» на социальную политику предполагается направить в 2013 году – 34,2 %, в 2014 году – 32,9 %, в 2015 году – 32,0 %, в 2016 году – 31,9 % от общего

расхода денег. Тогда как на национальную оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность в 2013 году – 8,4 % и 8,6 %, в 2014 году – 9,6 % и 8,3 %, в 2015 году – 10,7 % и 8,0 %, в 2016 году – 10,8 % и 7,2 % от общего расхода денег соответственно. Как видно из приведенной статистики социальные нужды являются одной из главных статей федерального бюджета, однако настораживает тенденция хоть и незначительного, но сокращения расходов на социальную политику в последующие периоды.

Одним из приоритетных направлений социальной политики государства являются вопросы охраны труда работающего населения. Охраной труда называется социально значимая деятельность по обеспечению безопасности труда и сохранению здоровья наемных работников во время их профессиональной деятельности. Охрана здоровья и труда работников – первостепенная задача, как государства, так и работодателя, что является общечеловеческим принципом, отвечающим Всеобщей декларации прав и свобод человека, конвенциям и декларациям Международной организации труда, а также соответствует международным обязательствам Российской Федерации, её Конституции.

Основная цель охраны труда – сохранение жизни и здоровья работников в процессе их трудовой деятельности – сформулирована и закреплена законом в Трудовом кодексе РФ.

Приоритетность данного направления деятельности государства также подтверждается и в Конституции Российской Федерации. Так, в статье 37 Конституции обозначено, что право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены – одно из основных прав человека и гражданина. А охрана труда и здоровья людей провозглашена в части 2 статьи 7 Конституции Российской Федерации как одно из основных направлений социальной политики Российской Федерации.

Вопросы охраны и безопасности условий труда как никогда актуальны в современном обществе. Ведь производственный травматизм называют «болезнью XX века». По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), смертность от несчастных случаев в наше время занимает 3-е место после сердечнососудистых и онкологических заболеваний.

Результаты статистических исследований говорят сами за себя. По данным МОТ ежегодно по причинам, связанным с трудовой деятельностью, погибает около двух миллионов человек. Еще около 160 миллионов человек по всему миру страдают от заболеваний, связанных с трудовой деятельностью. В каждом третьем случае болезнь приводит к потере трудоспособности на 4 и более рабочих дня. Общее количество несчастных случаев на производстве по всему миру (как приведших к смертельному исходу, так и без него) оценивается в 270 миллионов в год.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ численность пострадавших от несчастных случаев на производстве составила в 2011 году 43,6 тыс. человек, из них 30,7 тыс. составили мужчины и 12,9 тыс. женщины. Всего со смертельным исходом на тот же период приходится 1,80 тысяч случаев.

Недопущение гибели экономически активного населения на местах работы важно для страны, как с экономической, так и с демографической точки зрения. Уменьшение смертей на рабочих местах должно достигаться через мероприятия охраны труда. Важное и необходимое свойство охраны труда – её комплексность и наличие юридических, экономических и социальных аспектов, а не только технических, санитарно-гигиенических и медицинских мероприятий.

Социальной сущностью охраны труда является поддержание здоровья и трудоспособности экономически активного населения на максимально возможном уровне, а также социальная защита пострадавших на производстве и членов их семей.

Экономической сущностью охраны труда является минимизация потерь общества при ведении им производственной деятельности путем предотвращения случаев производственного травматизма и профессиональной заболеваемости.

Правовая сущность охраны труда состоит в правовом регулировании работы по способностям с учетом тяжести условий труда, физиологических особенностей женского организма, организма подростков и трудоспособности инвалидов.

Таким образом, на наш взгляд, в целях сокращения смертности на производстве, обеспечения благоприятных условий труда работникам необходимо исполнение следующих мероприятий:

1. Соблюдение требований охраны труда, предусмотренных нормативно-правовыми актами, всеми участниками трудовых отношений: государственными органами, надзорными органами, предприятиями, работодателями, работниками.

2. Реализация мероприятий охраны труда через государственные программы.

3. Применение методов экономического стимулирования за соблюдение норм охраны труда в отношении всех участников трудового процесса. Для работодателей такими стимулами могут служить налоговые льготы, для работников выплаты премий с учетом анализа соблюдения ими мер охраны труда на рабочих местах.

4. Требование от организаций соблюдения норм и реализации мероприятий в области охраны труда с учетом специфики отрасли, в которой она работает.

5. Ответственность всех уровней за создание и обеспечение благоприятных условий труда для трудящихся.

6. Уменьшение и автоматизация тяжелого труда и труда в опасных и вредных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад МОТ «Охрана труда в цифрах и фактах», 2004 (http://www.comsert.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=28:2011-07-29-14-43-53&catid=7:2011-07-29-13-24-58&Itemid=10)

2. Охрана труда: учебное пособие для специалистов и руководителей служб охраны труда организаций: в 4 ч. Ч. 1. Основы охраны труда / коллектив авторов. – 3-е издание, перераб. и дополненное. – М.: Золотой теленок, 2007 – 352 с.

3. Практическая психология: учебник / под ред. М.К. Тугушкиной. – 4-е изд., перераб., доп. – СПб.: Изд-во «Дидактика Плюс», 2001. – 368 с.

4. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2010. – 64 с.

5. *Смирнов, С.Н.* Социальная политика: учебное пособие / С.Н. Смирнов. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – 432 с.

6. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» от 03.12.2012 N 216-ФЗ (ред. от 07.06.2013) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Проверено 13.10.2013.

7. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/)

Rimar Svetlana Victorovna,
Head of the department of social and humanities
Murom Institute (branch) Vladimir State University,
Candidate of Philology, docent

PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF STAFF AS A WAY OF ORGANIZING

Abstract: This paper examines the professional development of staff as a way of development of the organization. Approaches to addressing the professional development of staff.

Keywords: professional development, staff, organization

Рымарь Светлана Викторовна,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Муромского института (филиала) Владимирского
государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПЕРСОНАЛА КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: В работе рассматривается вопрос профессионального развития персонала как способ развития организации. Определены подходы к решению проблемы профессионального развития персонала.

Ключевые слова: профессиональное развитие, персонал, организация

В условиях высокой конкурентной борьбы, руководители организаций, делая акцент на улучшении производства, зачастую забывают о таких методах влияния на персонал, как его обучение и развитие.

Между тем, развитие персонала является одним из важнейших направлений деятельности по управлению персоналом и фактором, влияющим на успех деятельности производства. Под развитием персонала понимается совокупность мероприятий, направленных на повышение квалификации и совершенствование психологических характеристик работников. Многие

организации разрабатывают специальные методы управления профессиональным развитием, и систематизируют их для подготовки резерва руководителей и развития их карьеры. В крупных предприятиях существуют, как правило, специальные отделы профессионального развития, возглавляемые специалистами в этой области, имеющими большой опыт развития человеческих ресурсов. О важности этого процесса говорит и то, что цели в области профессионального развития включаются в личные планы высших руководителей, вице-президентов и руководителей национальных компаний.

Выбор методов обучения персонала зависит от следующих факторов:

1. целей и задач, которые руководители ставят перед обучением;
2. прямой и косвенной стоимости обучения;
3. времени, отпущенного на обучение;
4. состава участников (их квалификации, мотивации, предыдущей подготовки);
5. компетентности и квалификации преподавателей;
6. сложившейся структуры компании и ее размера.

Разовые мероприятия не дают результатов в решении проблем обучения персонала. Необходима целая система, направленная на профессиональное развитие и карьерный рост специалистов компании. Это очень важный стимул для успешной работы сотрудников. [1, С. 111-112].

Профессиональное развитие и профессиональное обучение - это система взаимосвязанных мероприятий, направленных на совершенствование профессиональных компетенций работников и их мотивации с целью выполнения обязанностей и новых функций для решения актуальных и перспективных задач.

Повышая квалификацию и приобретая новые навыки и знания, сотрудники становятся более конкурентоспособными на рынке труда, при этом получают дополнительные возможности для профессионального роста как внутри своей организации, так и за ее пределами. Это особенно важно в современных условиях быстрого устаревания профессиональных знаний. [1, С. 113].

Важным моментом в управлении профессиональным развитием является определение потребностей организации в этой области. То есть выявление несоответствия между профессиональными знаниями и навыками, которыми должен обладать персонал организации для реализации ее целей (сегодня и в будущем), и теми знаниями и навыками, которыми он обладает в действительности. Определение потребностей в профессиональном развитии отдельного сотрудника требует совместных усилий отдела профессионального развития, самого сотрудника и его руководителя. Каждая из сторон привносит свое видение в решение данного вопроса. [2, С. 137-140].

На основании анализа выявленных потребностей нужно сформулировать цели каждой программы обучения. Ими могут быть: адаптация, внедрение нововведений, повышение профессиональной квалификации и др. При

определении целей необходимо помнить о принципиальном различии между профессиональным обучением и образованием: первое формирует конкретные навыки и умения, необходимые данной организации, второе направлено на общее развитие обучающегося в определенной сфере знаний [3, С. 211]. Традиционными методами определения и регистрации потребностей в профессиональном развитии являются аттестация и подготовка индивидуального плана развития.

Аттестация (в переводе с латинского – свидетельство, подтверждение) – определение квалификации, уровня знаний и умений кого-либо, а также соответствия требованиям; отзыв, характеристика.

При обучении и подготовке кадров под аттестацией понимается установление уровня знаний, умений и навыков, обучаемых по отношению к объему и содержанию учебных дисциплин, представленных и утвержденных в учебных планах и учебных программах [5].

В ходе аттестации сотрудник обсуждает с руководителем перспективы своего профессионального развития. Результатом этого обсуждения становится план индивидуального развития, который передается в кадровую службу. Сведенные воедино планы развития сотрудников становятся программой профессионального развития персонала организации. Эта программа определяет цели профессионального развития, средства их достижения и бюджет.

Еще один источник информации о потребностях в профессиональном обучении - индивидуальные планы развития, подготавливаемые сотрудниками в момент аттестации, а также заявки и пожелания самих сотрудников, направляемые непосредственно в отдел профессиональной подготовки. [2, С. 140]

Как правило, индивидуальный план содержит пункт о долгосрочном профессиональном развитии сотрудника, т. е. развитии его карьеры. Следовательно, сотрудник имеющий представление о возможностях карьерного роста в организации, будет развиваться и тем самым двигать организацию вперед.

Профессиональное обучение связано со значительными материальными издержками, поэтому контроль над формированием и распределением бюджета является важнейшим элементом управления профессиональным обучением. На величину бюджета влияют два фактора - потребности компании в обучении и финансовые возможности организации. Высшее руководство определяет, сколько может быть потрачено на профессиональное обучение в течение следующего года, и, сопоставляя размер бюджета с выявленными потребностями, устанавливает приоритеты в профессиональном обучении.

Наличие полной информации о связанных с профессиональным обучением издержках дает возможность принять оптимальное решение о методе проведения обучения.

Оценка эффективности программ обучения является центральным моментом управления профессиональным обучением в современной компании. Все чаще затраты на профессиональное обучение рассматриваются как капиталовложения в развитие персонала организации. Эти капиталовложения должны принести отдачу в виде повышения эффективности деятельности организации. Так, многие экономические организации ожидают от профессионального обучения дополнительной прибыли.

Оценить эффективность профессионального обучения достаточно сложно, поскольку далеко не всегда удастся определить ее влияние на конечные результаты деятельности всей организации. В таком случае эффективность может оцениваться по степени достижения стоявших целей перед началом обучения сотрудников. Можно также использовать косвенные методы оценки эффективности:

- тесты, проводимые до и после обучения, и показывающие насколько увеличились знания сотрудников;
- наблюдение за поведением прошедших обучение сотрудников на рабочем месте;
- оценку эффективности программы самими обучающимися с помощью анкетирования или в ходе открытого обсуждения.

В любом случае критерии оценки должны быть установлены до обучения и доведены до сведения обучающихся, обучающихся и управляющих процессом профессионального обучения в организации. [4].

Как показывают исследования, успех программы профессионального обучения на 80% зависит от ее подготовки и только на 20% от желания и способности обучающихся. Специалисты в области обучения давно поняли, что не существует ни одного универсального метода обучения – каждый имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому большинство современных программ профессионального обучения представляют собой сочетание различных приемов подачи материала – лекций, видеофильмов, деловых игр, моделирования и т.д.

Программы могут быть разработаны и реализованы самой организацией или же она может прибегнуть к помощи внешних консультантов. Сегодня многие крупные корпорации обладают мощными образовательными структурами, однако, они же являются важнейшими потребителями услуг по профессиональному обучению.

Получать новые знания сегодня можно где угодно. К услугам предприятий – вузы и бизнес-школы, тренинговые компании, консультанты и внутренние тренеры. Многие компании уже берут на вооружение принцип перекрестного обучения, когда в роли преподавателя выступает непрофессиональный лектор – коллега или руководитель.

Так, менеджеры BBD Group периодически ездят на обучение в университет BBD в Испанию, а затем обмениваются опытом с коллегами. Это

достаточно эффективно, ведь гарантированный способ усвоить материал – попытаться научить других. [4].

Таким образом, решение проблемы профессионального развития персонала предусматривает:

- определение степени потребностей организации в профессиональном обучении (необходимое количество подготовленных сотрудников, количество существующих работников, нуждающихся в обучении или переобучении и т.д.);
- составление и реализация программы профессионального обучения;
- проведение аттестации сотрудников;
- разработка индивидуального плана развития;
- проведение оценки эффективности программ профессионального обучения (мониторинг) для сравнения полученных результатов с целями, стоявшими перед началом обучения сотрудников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Захаров, Н.Л.* Управление социальным развитием организации. / Н.Л. Захаров, А.Л. Кузнецов. – М.: Инфра-М, 2009. – 263 с.
2. *Кузнецов, А.Л.* Социальные стратегии предприятия / А.Л. Кузнецов. – Ижевск: ИжГТУ, 2009. – 228 с.
3. *Кураков, В.Л.* Стратегия планирования развития социальной сферы: методология и концепция повышения результативности ее структурных составляющих / В.Л. Кураков. – СПб.: Нев. диалект, 2002. – 272 с.
4. *Лапыгин, Ю.Р.* Методы оценки успешности развития организации. / Ю.Р. Лапыгин // Бизнес@RB7.ru, 2007 (<http://rb7.ru/statya/metody-otsenki-uspeshnosti-razvitiya-organizatsii>)
5. Яндекс. Словарь. Охрана труда, 2007 (<http://slovari.yandex.ru/>)

Rimar Svetlana Victorovna,
Head of the department of social and humanities
Murom Institute (branch) Vladimir State University,
Candidate of Philology, docent

The main directions of a positive image of social work

Abstract: The article describes the main activities in the field of enhancing the prestige of social work and the creation of a positive image.

Keywords: image, social work, social security system

Рымарь Светлана Викторовна,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Муромского института (филиала) Владимирского
государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент

Основные направления формирования позитивного имиджа социальной работы

Аннотация: В статье рассмотрены основные направления деятельности в области повышения престижности социальной работы и создания положительного имиджа.

Ключевые слова: имидж, социальная работа, система социальной защиты населения

Социальная работа – деятельность, которая требует не только управленческого профессионализма, педагогических, юридических и психологических знаний, изучения социальной философии и этики, но самое главное, чем должен обладать социальный работник, – это высокие морально-нравственные устои, которые не позволят ему поддаваться соблазну манипулировать людьми в корыстных целях.

Социальная работа ни в одной стране не приносит больших капиталов, она очень трудна, так как заключается в постоянном общении с людьми, у которых горе, которые страдают.

Несмотря на сложность профессии и такую необходимость в нашем современном обществе уровень ее престижности в России не велик. Обусловлено это, в основном, низкой заработной платой и сложившимся в обществе стереотипом, что кроме самого себя человеку никто не может помочь и уж тем более кто-то со стороны. В связи с этим кадров в социальных учреждениях не хватает и поэтому следует повысить престижность социальной работы, чтобы привлечь молодежь.

Все это обуславливает актуальность рассмотрения основных направлений деятельности в области повышения престижности социальной работы и создания положительного имиджа.

Имидж – это то впечатление, которое создается у окружения; зависит от того, как согласованы все детали образа объекта. Понятие «имидж» также включает в себя то впечатление, которое производят действия, результаты коммуникации объекта со средой. Под имиджем понимают устойчивую, социально производимую и воспроизводимую модель восприятия и оценки объектов и явлений. Поэтому важно рассмотреть характеристики имиджа профессии с позиции ее практической конструируемости и управляемости. Выстроенный имидж сводит множество до конкретного набора свойств и качеств – целостной модели, позволяющей идентифицировать объект. Имидж изначально социален. Его структура задается свойствами, которые маркируются обществом как важные, значимые. Имидж является продуктом общественного сознания, хотя может принадлежать и отдельному человеку.

Так, важными имиджевыми характеристиками, формирующими личностный портрет специалиста по социальной работе, являются готовность помочь, компетентность в сфере соблюдения социальных прав, выдержка и неравнодушие к своим клиентам.

Одним из значимых направлений формирования позитивного имиджа социальной работы является популяризация корпоративного стандарта этики социального работника, регламентирующего все аспекты его социального взаимодействия с населением, СМИ и коллегами. Следует скорректировать единый фирменный стиль, ввести в практику непосредственной деятельности учреждений на территориях культуру использования единообразно маркированных бумажных и электронных бланков, конвертов. Это возможно осуществить благодаря единому графическому решению и определенной цветовой гамме. Необходимо отразить социальную направленность, так как по заключению специалистов (дизайнеров, психологов) сегодня геральдическая закрытость символики вызывает отторжение восприятия. Модернизация государственных коммуникаций на основе современного фирменного стиля вызвана практической необходимостью поддержания социального доверия, целесообразна для осуществления полноценной социальной и экономической коммуникации. Стиль выполняет функцию социального интерфейса государственных учреждений и власти в целом, положительное восприятие

которой в комплексе с другими факторами зависит от привлекательности ее внешних маркеров. Кроме того, рекомендуется использовать в деятельности календари, социальные плакаты, баннеры, растяжки. Стоимость такого рода рекламных носителей сегодня достаточно велика, но основную часть составляет креативная разработка и смысловое наполнение. Данная проблема может быть решена благодаря привлечению молодых специалистов-дизайнеров (студентов вузов и художественных училищ) на условиях участия в творческом конкурсе, что, с одной стороны, позволит частично решить вопросы разработки макетов, с другой стороны, сам конкурс будет выступать как коммуникационный канал с молодежью и информировать данную целевую аудиторию о деятельности учреждений, входящих в систему органов социальной защиты населения. Данная технология достаточно перспективна, так как в среде профессионалов рекламного рынка социальная реклама считается наивысшей формой реализации профессионализма творческой личности.

Одним из наиболее перспективных направлений информационной работы с целью коррекции имиджа социальной работы, совершенствования практики оказания государственных услуг нуждающимся категориям граждан, а также инструментом, позволяющим активизировать ресурс благотворительности и волонтерства среди населения, является сайт как ключевая информационная площадка органов социальной защиты населения. Рекомендуется скорректировать работу в Интернет-пространстве с учетом потребностей и возможностей целевых аудиторий (клиентов, журналистов, потенциальных спонсоров, волонтеров и т.д.), на которые будет рассчитана информация различного содержания.

Создание позитивного имиджа профессии во многом связано с тем образом, который сегодня формируется в информационном пространстве. Однако нельзя недооценивать важность работы, направленной на решение вопросов по организации деятельности, на развитие профессионального сообщества, его профессионализацию «изнутри». Требуется решения проблема взаимодействия образовательных учреждений и органов социальной защиты населения как «потенциальных работодателей». Высшие учебные заведения региона, ведущие подготовку в сфере социальной работы, могут и должны рассматриваться как исследовательские центры и лаборатории, тогда как социальные учреждения вполне могут выступать экспериментальными площадками. Идеология профессионального сообщества должна формироваться со студенческой скамьи. Требуется четкая ориентация кадровой политики органов социальной защиты населения на привлечение молодых квалифицированных кадров.

Информационная работа органа власти в контексте взаимодействия со средствами массовой информации как посредника между исполнительной властью и населением включает в себя три формы коммуникации - собственно

информационную, имиджевую и экстренную. Это деление было произведено по трем наиболее актуальным целям информационной политики органа власти: цели обеспечения доступности информации о деятельности органа власти для повышения качества оказываемых государственных услуг (текущая информационная работа); цели повышения доверия к органу власти со стороны населения (имиджевая работа); цели противодействия негативной информации, которая попадает в информационную повестку дня с определенной долей периодичности (экстренная работа). Безусловно, все три формы в конечном счете работают на имидж социальной работы и органов социальной защиты населения области, но по каждой форме отличительная специфика особенно проявляется в технологическом цикле ее реализации в реальной практике.

Применительно к системе органов социальной защиты населения эти три формы трактуются следующим образом. Собственно информационная работа – это текущая деятельность, доведение до общественности сведений о мерах социальной поддержки, социальных услугах, изменениях в социальном законодательстве, деятельности по социальной защите на территории в целом в рамках реализации прав граждан на получение информации о деятельности органов государственной власти и государственных учреждений. Имиджевая – это доведение до общественности специфических сведений, о тех или иных формах и видах деятельности по социальной защите населения на территории в рамках целенаправленной работы по укреплению имиджа органов социальной защиты и профессионального сообщества специалистов этой сферы. Экстренная работа – это доведение до общественности реальных, объективных, точных сведений о каком-либо аспекте, проблеме, касающейся деятельности в сфере социальной защиты, в рамках реализации права граждан на получение сведений о деятельности органов государственной власти и государственных учреждений.

В целом момент упущенного имиджевого потенциала при информационной работе органов социальной защиты населения можно описать одной фразой – нужная информация не доводится до общественности в нужное время и в нужном виде. В этом контексте не случайно используется слово «нужная», поскольку качество информации и методы её подачи заслуживают отдельного разговора. Информационный процесс, играющий на пользу имиджа того или иного органа власти, состоится лишь в том случае, если информация, которая в рамках него продуцируется во внешнюю среду, будет востребована всеми участниками процесса – и органом власти, и СМИ, и общественностью.

Формируемый уровень доверия населения к органам государственной исполнительной власти, в частности органам социальной защиты населения при активизации информационной работы, может стать одним из направлений повышения социальной активности населения в целом, способствовать

привлечению граждан к решению социальных проблем нуждающихся категорий, взаимопомощи, благотворительности, волонтерству или добровольчеству. За последнее десятилетие происходит развитие технологий социальной работы, качественные изменения в организации работы системы социальной защиты населения, в этих условиях именно система социальной защиты населения может взять на себя роль инициатора развития гражданских инициатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Морган Г.* Имиджи организации: Восемь моделей организационного развития. – М.: Вершина, 2006. – 234 с.
2. *Родкин П.В.* Дизайнер лучший друг чиновника // Архитектоника. – М., 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://architektonika.ru/2007/12/10>.
3. *Черняева Т.И.* Бренд как предельный когнитивно-ценностный стандарт: к технологиям территориального брендинга // Материалы Межд. симпозиума «Имидж государства». – СПб.: СПГУ, 2009. URL: <http://www.statebrand.ru/part15/>.

Kuznetsov S.P.,
Candidate of Legal Sciences, Docent

On the nature of local (municipal) authorities

Abstract: In the present article the authors analyze the local (municipal) authority and the state power, their mutual correlation, common traits, position of local authorities in the system of state power. The authors have emphasized three groups of Russian scientists, each having a different point of view in relation to local authorities. The authors define local and state authorities as two currents, enabling the people to exercise its power. The article offers a brief summary of municipal authorities in Japan, the USA and France. Based on the results of a brief survey the authors propose their definition of local authority.

Key words: state authority, local authority, public authority, central authority, source of authority, local government, civil society, municipal entities, governmental activity.

Article 12 of Constitution of the Russian Federation claims that local government is self-dependant within the scope of its power. At the same time, self-governing authorities do not belong to the system of government bodies of Russia. Many authors examined the problem of correlation between state authorities and local authorities in their studies: M. V. Baglai, A. I. Kovalenko, E. S. Shugrina, A. A. Bezuglov, S. A. Soldatov and others. Nevertheless, as of the moment there exists no shared vision of legal theorists in regard of correlation between state and municipal authority.

In accordance with the current legislation, state authority ends up at the level of constituent entity of the Federation, further on vertically downgrade comes municipal power. In their edition « Constitutional law of Russia» published in 2001, A. A. Bezuglov and S. A. Soldatov determine that « municipal authority is a state authority, and the bodies which exercise it , are the bodies of state power»?. This assertion contradicts with the Constitution of Russian Federation; in connection therewith the authors intend to introduce amendment in constitutional law of the state.

In opinion of M.V. Baglai, « the local government, though is not included in state governmental bodies, by its nature represents part of it» ?.

Following to European charter treaty on local government, the local governmental bodies govern the major part of public affairs in the interest of local population?, i. e. partly state affairs.

Virtually all investigators of local government pose themselves a question: what type of power is executed at the local level?

One suggests combining these authors in three groups:

1). those univocally asserting that municipal power does not represent a part of state power (for instance, professor V. E. Chirkin)-4;

2). those who believe that municipal power is a type of state power (G. N. Chebotarev) – 5;

3). a group of scientists, who share intermediate view, i.e., in their opinion, local authorities conjoin two origins: public and governmental (E.S. Shugrina) – 6.

Undoubtedly, municipal authority possesses a range of characteristic traits, peculiar to state power. Among such are:

- Clearly expressed institutionalized character, i.e. local government is not introduced upon initiative of population , but by force of law , and is universally binding;

- Presence of specific self-standing administration which execute this power;
- Continuity in time;
- Versatility, commonality;
- Taking origin in laws and other regulatory acts;
- Execution of power within specific territory in regard of every person located.
- Possibility of utilization of means of legislative-institutional enforcement
- Stipulation of taxes and fees
- Independent budgeting

E. S. Shugrina adduces other reasons:

- * The territory of local community is a territory of state; local inhabitants are citizens of state.

- * The status of local government is defined and protected by the state

- *Local affairs, though settled independently, always keep in line with state policy.

- *decisions of local governmental bodies are compulsory for all persons intended, and further -7.

Nonetheless, the most essential and important points of internal unity between state governmental bodies and local governmental bodies are:

Unity of the source or power – the people;

Unity of the system of administration of state service and municipal service;

Unity of the ways of governing – through laws and regulatory acts (in the first case), through regulatory acts (in the second case) and administrative resources, bearing compulsory nature (both cases).

Nevertheless, there exist peculiarities due to uniformed nature of public authority, inexplicitly articulated in legislation. Local government by its nature is not just public authority, but more complicated phenomenon by its internal structure. The value of local government lies in its necessity for public society, and at the same time it is a mean of development and perfection of civil society itself, because local government is an institute of democracy. Evidently, local governmental bodies are an instrument of power in local government – in full conformity with article 3 of the Constitution of Russian Federation.

Governmental activity in the system of local government is also executed by the population of municipal entity – directly through local referendum, municipal elections, meetings of citizens, popular law – making initiative, local public self-government, meetings and conferences of citizens. Therefore, there arise such forms of direct expression of public authority within the system of local government, which are absent within the system of state authority. In our opinion, in the case of adoption of local government as a state authority, the public- governmental forms of activity of population and local democracy, appropriate to local government and essentially important for the development of civil initiative and self-dependence, shall be left aside. State authority and local authority are two directions, enabling the people to exercise its power.

However, it is utterly appropriate to mention the unified system of public authority in Russian Federation, represented by state governmental bodies and local governmental bodies. Only natural haste by adoption of Constitution in the year 1993 hampered to insert this provision in the Ruling Law.

One of examples of a firm vertical system of relations between the central authority and the local level is Japan. Professor of Princeton University R. J. Samuels notes that the system of vertical relations between central and local authorities in Japan is far from being simple and monosemantic. In his point of view, there exist multidirectional formal and non-formal, horizontal and vertical connections (such as national associations of principals of local authority, created for strengthening of horizontal links, which simultaneously became conductors of state policy. At the same time the state preserved the right of control and intervening into local affairs)-8. These traits created political and legal prerequisites for shaping of «highly centralized» model of relations between centre and the province in Japan.

In contradiction from Japan, local government in the USA is characterized by wide decentralization, definite independence of municipal entities from central government and even states, absence of immediate subordination of local government bodies to central power. -9

French Republic may be referred to states with relatively decentralized local government, consisting of merely 37 thousands communes, which are the oldest territorial entities, within which frame the principle of democratic self-government is implemented, however the mayor of such commune is at the same time a representative of state. In particular, he is entrusted with such state authority as registration of instruments of civil status; he is executive person of court police-10.

Public – governmental activity of local governing bodies in Russian Federation is executed on the basis of Constitution, federal laws, local laws and directly by statutory and regulatory instruments of municipal entities. Regulation of public and governmental activities in accordance with article 72 of Constitution of Russian Federation is under joint competence of Russian Federation and its constituent entities. Federal laws regulate essential interactions of local governing bodies in the course of execution of their public and governmental activities both of appropriate

and functional nature, whereas the laws of constituent entities of Federation specify and substantiate this regulation, embracing as far as feasible every interaction of local governing bodies in the course of execution of their public and governmental activities. This refers among others to purchases and manufacture of goods and services for municipal needs, when local governing bodies and their authorized companies act as customers (municipal order), as well as to procedure of possession, use and disposal of municipal property.

Following the results of brief research of nature and essence of local authority we suggest our version of definition «local authority». Local authority is public authority, which represents the interests of population of specific municipal entity and does not constitute a part of state governmental bodies of Russian Federation, possesses required attributes of power, endowed by Constitution and federal laws, local laws of Russian Federation with an authority of settling the local issues, as well as state authorities, delegated by federal bodies or local governmental bodies.

REFERENCES

1. Bezuglov A.A., Soldatov C.A., Constitutional law in Russia. – Moscow, 2001. – page 348.
2. Baglai M.V. Constitutional law in Russian Federation. – Moscow, 1999. – page 136.
3. Ref.: part 1, article 3 of European Charter for local government // <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/treaties/html/122.htm>
4. Chirkin V.E. Political science. – Moscow, 1999. – page 375.
5. Chebotarev G.N. Development of constitutional basis of local government – Tyumen, 1995. – page 85.
6. Shugrina E.S. Municipal law. – M., 2000. – page 18.
7. Shugrina E.S. Municipal law – M.: Дело, 2000. – С 16 - 17.
8. Senatorov A.J. Japanese model of self-governance // Get acquainted: Japan. – 1996. – № 11.
9. Prudnikov, A.S. Local government (regulation) in foreign countries: textbook for students, studying «Law» / A.S. Prudnikov, L.A. Larina, M.V. Maksyutin; edited by A.S. Prudnikov. – Moscow: Unity - Dana: Law and right, 2007. – page 30.
10. Same – page 151-152.

Rozenko Stanislav,

*Yugra state University, associate professor,
candidate of legal sciences, institute of law*

Criminal liability for violations of the rights of freedom of conscience and religion in Russian and German criminal law: a comparative perspective

Abstract: This article is dedicated to the comparative characteristic of assigning the responsibility for offences against the law on freedom of conscience and religion in the criminal legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany.

Keywords: criminal responsibility, freedom of conscience, freedom of religion.

Розенко Станислав,

*Югорский государственный университет,
доцент, кандидат юридических наук, юридический институт*

Уголовная ответственность за посягательства на права свободы совести и вероисповеданий в российском и немецком уголовном законодательстве: сравнительная характеристика

Аннотация: Данная статья посвящена сравнительной характеристике закрепления ответственности за преступления против права на свободу совести и вероисповеданий в уголовном законодательстве Российской Федерации и Федеративной республике Германия.

Ключевые слова: уголовная ответственность, свобода совести, свобода вероисповедания.

Преобразования в Российской Федерации, обусловленные модернизацией всех сторон общественной жизни: экономическими, социальными, политическими информационными и иными процессами, требуют, в свою очередь,

проведения правовой реформы, одним из элементов которой выступает охрана конституционных прав и свобод человека и гражданина. Актуальность уголовно-правовой охраны права на свободу совести и вероисповеданий, обусловлена их необходимостью и значимостью, как для каждого отдельного физического лица, так и сообществ людей, социальных слоев, народностей и наций. Права на свободу совести и вероисповедания являются важным элементом религиозной сферы общественных отношений, что предопределяет обязанность государства перед каждой личностью и обществом в целом закрепить правовой механизм, целью которого выступает охрана указанных прав. В частности, в России и Федеративной республике Германия уголовно-правовая охрана данной области базируется на том постулате, что данные права имеют конституционное закрепление, т.е. непосредственно определены в основных законах этих государств, которые, в свою очередь, базируются на положениях целого ряда международных нормативных правовых актов.

Необходимо отметить тот факт, что особенность правового регулирования религиозных отношений связана с тем, что религиозные отношения являются, как правило, общественными, но не все из них и не всегда подпадают под данное регулирование. Последнее, базирующееся на конституционных положениях государства, которое должно характеризоваться высоким качеством юридической техники и конструкций, и политической деликатностью вмешательства в сферу религиозной свободы личности и общества, не заменяет такого регулятора общественных отношений как мораль. Уголовно-правовая охрана права на свободы совести и вероисповеданий, таким образом, осуществляется лишь в отношении той части религиозной свободы, которую регламентирует государство (Россия и Германия) в своем федеральном законодательстве.

Под действие данной охраны подпадает значительное количество субъектов: чрезвычайно многообразное число конфессий самых различных толков и направлений: традиционные религиозные объединения верующих, обладающие исторически сложившимся значимым социальным статусом (православные, протестанты, католики, мусульмане и др.). Исключение из этого правила непосредственно закреплено в законодательстве государств.

В частности, в ст. 28 Конституции РФ определено, что: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

В Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (п. 1 ст. 3 Федерального закона «О свободе

совести и религиозных объединениях») [1]. Права человека и гражданина на указанные свободы могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, насколько это необходимо в определенных исчерпывающих целях: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В данном случае ограничение вызвано необходимостью сохранения одного блага по отношению к другому, более ценному и важному, что, в свою очередь, не означает ничтожности первого.

Согласно абзацам 1 и 2 ст. 4 раздела I «Основные права» Конституции Федеративной республики Германия 1949 г. свобода вероисповедания, совести и свобода религиозных убеждений и мировоззрения ненарушимы; беспрепятственное отправление религиозных обрядов гарантируется. В целом, по нашему мнению, имеется сочетание четыре основных прав на: свободу веры; свободу вероисповедания; свободу реализации религиозного культа; свободу совести. Дополнением выступает предусмотренное в абзаце 3 ст. 4 бланкетное положение о том, что никто не может быть принуждаем против своей совести к военной службе с оружием. Подробное регулирование осуществляется федеральным законом. В целом, Конституция Германии 1949 г. закрепляет достаточно широкие пределы религиозной толерантности в обществе и государстве. С одной стороны, запрещена деятельность государственной церкви, с другой - ограничена какая-либо дискриминация по признаку конфессии (принадлежности к какому-либо вероучению), со стороны органов государства в таких областях как экономическая деятельность или пределы гражданского общества. Правовое регулирование деятельности каждой религиозной организации или любое отправление религиозного обряда (культа) ограничены общим правовым установлением. При этом, немецкое государство, как и российское, поддерживает ценностно-нравственные постулаты преобладающих традиционных христианских церквей в Германии, например, в социальной сфере. Российский и германский законодатель исходит из общего правила криминализации и наказуемости деяний, направленных против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Следует согласиться с выводом А.В. Серебренниковой, что это проявляется, прежде всего, во-первых, в наличии общего основания криминализации общественно опасных деяний данной группы, которым является существование общественно опасного поведения, требующего уголовно-правового запрета. Во-вторых, в наличии общих принципов криминализации... применительно к Германии принцип достаточной общественной опасности криминализируемых деяний

терминологически более верным следует называть принципом достаточной вредоносности криминализируемых деяний. В-третьих, в наличии общих критериев криминализации, т.е. условиями, при которых нарушения этих прав и свобод являются преступными [2].

Свобода совести и вероисповеданий как объект уголовно-правовой охраны в Уголовном кодексе Российской Федерации непосредственно закреплена в одном случае - ст. 148 Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (глава 19 Особенной части УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»). Тогда как в § 166 Уголовного уложения (Уголовного кодекса) Федеративной республики Германия установлена ответственность за оскорбление вероисповеданий, религиозных обществ и мировоззренческих объединений, а в §167 – за препятствование отправлению религиозного обряда. Данные статьи находятся в разделе 11 Особенной части УК ФРГ «Наказуемые деяния, затрагивающие религию и мировоззрение» [3]. И, таким образом, в немецком уголовном праве охрана религиозных отношений системно взаимосвязана с защитой мнений и взглядов на общество в форме мировоззренческих убеждений. А.В. Серебrenникова отмечает особенность объекта уголовно-правовой охраны, предусмотренного разделом 11, состоит в том, что охраняемым данными нормами правовым благом является не право или свобода конкретного человека, а общественное спокойствие в целом, предполагающее возложение обязанности уважать религиозные и мировоззренческие чувства другого человека, а также социально-этическую обязанность уважения памяти умершего [4]. В качестве объекта уголовно-правовой охраны, закреплённого главой 19 российского уголовного кодекса, выступают конституционные права и свободы человека и гражданина, т. е. имеющие индивидуальный характер для каждого физического лица.

Статья 148 УК РФ в результате принятия Федерального закона от 29.06.2013 г. № 136-ФЗ получила новую редакцию [5]: в ч. 1 указанной статьи закреплена уголовная ответственность за совершение публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Особенности объективной стороны данного состава преступления являются: публичность как способ преступления - активное осознанное поведение виновного, открытое для третьих лиц, которое осуществляется в устной, письменной или электронной форме посредством сети интернет либо непосредственно в присутствии этих лиц либо путем распространения наглядной агитации и др.; оценочный признак – явное неуважение к обществу. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» закреплено, что явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним [6]; специальная цель - оскорбление религиозных чувств верующих, т.е. умаление их чести и достоинства, исходя из принадлежности к определенному вероучению. В соответствии с ч. 3 ст. 148 УК

РФ, уголовно наказуемо незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. В отличие от УК ФРГ, в российском уголовном кодексе обширно используется система квалифицированных составов преступлений: (ч. 2 ст. 148 УК РФ) - совершение действий, предусмотренных ч. 1, в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний (бланкетная диспозиция); (п. «а» ч. 4) – совершение деяний, предусмотренных ч. 3) лицом с использованием своего служебного положения; п. «б» ч. 4 - с применением насилия или с угрозой его применения.

В § 166 УК ФРГ установлена уголовная ответственность за действие, состоящее: в публичном либо в распространении письменных материалов, которое наносит оскорбление сути религиозного или мировоззренческого исповедания других лиц, способом, нарушающим общественное спокойствие (абз. 1); публичном или посредством распространения письменных, которое наносит оскорбление действующей на территории Германии церкви или другому религиозному обществу или мировоззренческому объединению, их организации. Согласно § 11, абз. 3, к письменным материалам приравниваются носители звукозаписи, записи изображений, информации, фотографии и другие творения в тех положениях уголовного законодательства, которые отсылают к данному абзацу.

«Криминообразующими признаками данного состава является характер самого деяния, выражающегося в нарушении безусловных правовых запретов, а также способ - оскорбление чувств верующих осуществляется публично или путем распространения письменных материалов (§ 11, абз. 3), или способ, который может вызвать нарушение общественного порядка» [7].

В § 167 УК ФРГ закреплена ответственность за воспрепятствование отправлению религиозного обряда: преднамеренное и в грубой форме вмешательство в богослужение или богослужebное действие действующей на территории Германии церкви или другого религиозного общества или совершение оскорбительного бесчинства в месте, предназначенном для отправления богослужения такого религиозного общества. Обязательными признаками данного состава преступления являются: характер самого действия, который выражен в нарушении установленного правового запрета, а также его способ – совершение в грубой форме как характеристика особой тяжести содеянного. К такому богослужению приравниваются соответствующие обряды действующего мировоззренческого объединения на территории Германии. Необходимо отметить, что диспозиции указанных статей УК РФ и УК ФРГ являются бланкетными, так как требуют обязательного обращения к изданным и принятым компетентными религиозными или мировоззренческими органами, имеющими решающее значение распорядки и формы внутренней и внешней организации общества или объединения, а также формы исповедания

соответствующей веры или мировоззрения. Субъективная сторона ст. 148 УК РФ характеризуется только прямым умыслом, а § 166 УК ФРГ – прямым умыслом в форме осознанности (*dolus directus* 2-й степени) [*sicheres Wissen*], а § 167 УК ФРГ – прямым умыслом в форме преднамеренности (*dolus directus* 1-й степени) [*Absicht*], несмотря на отсутствие легального определения умысла в Уголовном уложении.

Больше различий имеется при определении наказуемости указанных деяний. В частности, действия, установленные в ч. 1 ст. 148 УК РФ, - наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок. Деяния, предусмотренные ч. 1 этой статьи, совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, - наказываются штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок с ограничением свободы на срок до одного года или без такового. Незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний - наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев. Деяния, предусмотренные ч. 3 ст. 148 УК РФ, совершенные: а) лицом с использованием своего служебного положения; б) с применением насилия или с угрозой его применения, - наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет.

Согласно § 166 и 167 УК ФРГ деяния наказываются двумя видами наказаний: лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом. Таким образом, в УК РФ определено большее количество условий для индивидуализации и дифференциации наказания виновных.

В целом, следует вывод о том, что имеются общие подходы законодателей РФ и ФРГ по криминализации общественно опасного поведения, посягающего на свободу совести и вероисповеданий, так как только наиболее

тяжкие посягательства на указанные блага влекут за собой уголовную ответственность, а различия проявляются в используемых юридических конструкциях, и назначаемых видах наказаний и их размерах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «О свободе совести и религиозных объединениях»: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (с изменениями от 26 марта 2000 г., 21 марта, 25 июля 2002 г., 8 декабря 2003 г., 29 июня 2004 г., 6 июля 2006 г., 28 февраля, 23 июля 2008 г., 30 ноября 2010 г., 1 июля 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; 2002. № 12. Ст. 1093; 2003. № 50. Ст. 4855; 2004. № 27. Ст. 2711; 2008. № 30. Ст. 3616; 2010. № 49. Ст. 6424; 2011. № 27. Ст. 3880; 2012. № 51. Ст. 7324; 2013. № 23. Ст. 2877; № 27. Ст. 3472; Ст. 3477.
2. Серебренникова А.В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2008. С. 18.
3. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германия: текст и научно-практический комментарий. Москва, 2010. С. 140.
4. Серебренникова А.В. Указ. Соч. С. 26.
5. Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3209.
6. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.
7. Серебренникова А.В. Указ. Соч. С. 27.

Drakokhrust Tatyana,
Ternopil National Economic University, PhD,
Department of Public Administration

Legal basis of public administration in Ukraine

Abstract: This article is devoted to review of legislation on the organization of public administration in Ukraine. The paper analyzes the main legal acts regulating the sphere of public administration in Ukraine.

Keywords: public administration, administrative reform, civil service, law, administrative services, public administration.

Дракохруст Татьяна,
Тернопольської національний економічний університет,
Доктор філософії, факультет державного управління

Правовые основы организации государственного управления в Украине

Аннотация: Данная статья посвящена обзору законодательства в сфере организации государственного управления в Украине. В статье проанализированы основные нормативно-правовые акты, регулирующие сферу государственного управления в Украине.

Ключевые слова: государственное управление, административная реформа, государственная служба, законодательство, административные услуги, публичная администрация.

Государственное управление современной Украины характеризуется постоянными изменениями в сфере властно-управленческой деятельности. Происходит переход к устойчивому развитию государства. Период становления государственно-правовых механизмов осуществления публичной власти на принципах демократизма, гуманизма и верховенства права прошел.

Регламентация организации государственного управления должна учитывать особенности функций и задач, для выполнения и осуществления

которых она должна быть приспособлена. В связи с этим трудно представить единый нормативно-правовой акт, которым в полном объеме было бы урегулированы все вопросы управления в экономике, социально-культурной сфере и административно-политической деятельности. Проблемы подготовки такого единого закона (кодекса, основ законодательства и т.д.) неоднократно обсуждались в специальной литературе, на научно-практических конференциях, различных семинарах. Но очевидно, что принятие такого акта нереально, что, однако, не означает отказа от кодификации и систематизации законодательства в области государственного управления.

Соответственно, законодательство в сфере организации государственного управления должно регулировать отношения, имеющие общий, отраслевой, межотраслевой характер, территориальный аспект и т.д. [1].

Необходимо отметить, что единой доктрины государственного управления в Украине нет. Концепция административной реформы 1998 года предусматривала создание более эффективного аппарата государственного управления, закладывала основы реформирования государственной службы и административно-территориального устройства Украины. Государственная комиссия по проведению в Украине административной реформы готовила необходимые законодательные инициативы, работала над разработкой стратегии необходимых преобразований. На законодательном уровне это воплотилось в принятии ряда законодательных актов. Несмотря на наличие и научных разработок и практических действий по приведению в жизнь административной реформы, до сих пор остается множество вопросов, которые нужно решить в целях построения эффективной системы государственного управления в Украине. Существующие позиции ученых по вопросам административной реформы настолько разрознены, имеют такую амплитуду предложений, настолько разными по помещенным в них научно-конструктивным (или, наоборот, деструктивным) потенциалом, настолько отличаются по научно-теоретической базой и философско-мировоззренческими и методологическими представлениями, назрела необходимость в систематизации соответствующих позиций. К этапам административной реформы относятся:

- разработка и официальное одобрение Концепции административной реформы и Программы осуществления административной реформы. На этом этапе должны быть решены первоочередные вопросы, связанные с текущим усовершенствованием элементов существующей системы государственного управления;

- внедрение организационно-правовых основ реформирования ключевых элементов системы государственного управления;

- углубление трансформационных процессов, формирование новых институтов, организационных структур и инструментов государственного управления.

Главным объектом административной реформы выступает государственное управление. Учитывая положения Концепции административной реформы, можно говорить о таких целях и задачи государственного управления как [2]:

1. Создание, поддержка и обеспечение благосостояния граждан, их прав и свобод, удовлетворения социальных потребностей и интересов. В данном случае речь идет о так называемом обеспечительное управления. Государство осуществляет управление организациями, играют в жизни общества важную социально-культурную роль, выполняют общественно-полезные функции; деятельность этих организаций и учреждений направлена на воспитание и обучение людей, удовлетворения их интересов, повышение благосостояния. Эта задача в основном осуществляется специальными органами управления в сфере социально-культурной жизни и хозяйственного строительства.

2. Забезпечення Общественного порядка и безопасности. Решение этой задачи направлено на защиту правопорядка, самого государства и граждан от угрожающей опасности. Для решения этой задачи создают специальные органы государственного управления, наделяются соответствующими полномочиями.

3. Государственное регулирование процессов, происходящих в сфере социальной, экономической и культурной жизни, государственная поддержка некоторых предприятий, учреждений, организаций. В этом случае речь идет об особой государственной поддержке отраслей экономики, отдельных производств, развития предпринимательства. Типичными инструментами такого вида государственного управления является план, субсидия, дотация.

4. Создание и обеспечение эффективной работы механизма налогообложения. Это задача государственного управления выделяется особо, так как от качественного функционирования механизма сбора налогов зависит благосостояние всего общества. Решение этой задачи направлено на укрепление финансовой основы государства, поэтому органы государственного управления в данном случае могут применять не только регулятивные механизмы, но и принуждения.

5. Создание кадрового потенциала управления (государственной службы). Эта задача особенно важно потому, что именно государственные служащие практически выполняют функции государственного управления, имея для этого необходимые полномочия.

Как отмечает Н.Т. Гончарук, на этапе 1997-2004 гг. Важным достижением административной реформы в Украине стала возможность определить в долгосрочной перспективе государственную политику преобразований в соответствующей сфере. Зато реализация отдельных положений Концепции административной реформы оказалась фрагментарной. Среди достижений целесообразно выделить структурно-функциональную перестройку системы органов исполнительной власти центрального уровня, существенно упорядочило ее и значительно повысило статус министерств как разработчиков

секторной политики, а также реорганизации правительственного аппарата в структуру, только обеспечивает работу Кабинета Министров Украины. Важным позитивным шагом в направлении роста политической роли министров и развития профессиональной государственной службы стало разграничение политических и административных должностей. Вместе с тем указанные нововведения не были подкреплены другими изменениями, необходимыми для полной реализации соответствующих идей концепции, значительно уменьшило эффект от ее внедрения. Время примерно две трети положений были либо вообще не реализованы или реализованы с определенными, иногда значительными, отклонениями.

Итак, приходится констатировать, что в течение 1997-2004 гг. Ожидаемого прогресса в осуществлении административной реформы достичь не удалось.

Одним из важных документов, который определяет в целом направления перспективного развития Украины как государства является Закон Украины «Об основах внутренней и внешней политики» [3], которым определены основные принципы внутренней и внешней политики Украины. Существование такого законодательного акта является очень важным, поскольку он определен методологический каркас для избрания Украины внутреннего и внешнего курса государства.

Напомним, что в 2010 году Президентом Украины был взят курс на реформирование публичной администрации в Украине путем обнародования Указа «Об оптимизации системы центральных органов исполнительной власти» [4].

Однако соответствующими мерами поставлена точка в реформировании органов исполнительной власти, поскольку на повестке дня выдвигаются новые вызовы и риски государственного управления, влечет динамику в структуре и преобразованиях органов исполнительной власти.

Стоит отметить и о необходимости реформирования местного уровня системы органов исполнительной власти, в частности местных государственных администраций. Соответствующие задачи поставлены Указом Президента Украины «О мерах по обеспечению осуществления местными государственными администрациями исполнительной власти на соответствующей территории» № 307/2013 от 24 мая 2013 [5].

Массив правовых актов, действующих в сфере государственного управления, принятых за последние годы, является значительным, но о полной и качественной регламентации управленческой деятельности говорить еще рано, поскольку многие правоотношения пока остаются за пределами правового регулирования. Решающим шагом в становлении основ осуществления государственного управления стала Конституция Украины, которая определила систему и общие полномочия органов исполнительной власти, порядок их образования и реорганизации, а также в общем виде закрепила структуру экономики, социально-культурной и административно-

политической деятельности. Однако, в течение периода существования государства Конституция Украины испытывала конкретных изменений. Это в свою очередь повлияло на уровень качественной и адекватной развитие украинской государственности и реализацию успешной модели государственного управления.

Необходимо констатировать, что на современном этапе развития государственного управления усиливаются процессы по реформированию профессиональной государственной службы, о чем свидетельствует принятие нового Закона Украины «О государственной службе» [6]. Этим Законом были изменены подходы к определению должностей государственных служащих, введена новая классификация категорий и рангов, управление государственной службой, расширены виды дисциплинарных взысканий, пересмотрены условия материально-финансового обеспечения государственных служащих.

Итак, со вступлением Закона Украины «О государственной службе» с 1 января 2014 в Украине должны начаться процессы по совершенствованию подходов к прохождению государственным служащими их государственной службы, непременно повлияет на качество государственного управления в целом.

Важным этапом изменений государственного управления является предоставление сервисного характера государственно-властной деятельности. Свидетельством этому является принятие 6 сентября 2012 Закона Украины «Об административных услугах» [7].

Сам факт введения в Украине административных услуг свидетельствует об изменении идеологии государственного управления и все же возвращение его в сторону обеспечения благосостояния граждан.

Анализируя вышесказанное, можно сказать, что с целью предоставления современному государственному управлению динамизма следует рассматривать и принимать нормативно-правовые акты в соответствии с четких критериев, а именно подготовка и внедрение пилотных проектов; анализ результатов внедрения пилотных проектов; обсуждение результатов и внесение изменений, учитывая общественное мнение; разработка и принятие закона по конкретному сегменту исполнительной власти.

Таким образом, можно утверждать, что развитие Украины как независимого и демократического государства является сложным, полифункциональным, политико-правовым и государственно-управленческим процессом. В нашем государстве активизируется процесс развития государственной и правовой систем, происходят изменения социально-экономического характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право: учебник / Ю. П. Битяк (рук. Авт. Кол.), В. М. Гаращук, В. В. Богуцкий и др. ; под общ. ред. Ю. П. Битяк, В. М. Гаращука, В. В. Зуй. - Х.: Право, 2010. - С. 624 .
2. Онысків М. М. Організаційно-правові питання адміністративної реформи в Україні: [монографія] / М. М. Онысків. - К.: Изд-во «Юридическая мысль», 2010. - С. 66-67.
3. Об основах внутренней и внешней политики: Закон Украины от 1 июля 2010 № 2411-IV // Официальный вестник Украины. - 2010. - № 55. - С. 18-40.
4. Об оптимизации системы центральных органов исполнительной власти: Указ Президента Украины от 9 декабря 2010 № 1085/2010 // Официальный вестник Украины. - 2010. - № 94. - С. 33-34.
5. О мерах по обеспечению осуществления местными государственными администрациями исполнительной власти на соответствующей территории: Указ Президента Украины от 24 мая 2013 № 307/2013 // Правительственный курьер. - 2013. - № 94.
6. О государственной службе: Закон Украины от 17 ноября 2011 № 4050-VI // Официальный вестник Украины. - 2012. - № 4. - С. 15.
7. Об административных услугах: Закон Украины от 6 сентября 2012 № 5203-VI // Официальный вестник Украины. - 2012. - № 76. - С. 30.

Jakimovich Juriy Konstantinovich,
Tomsk State University,
Professor, Doctor of Law Sciences, the Law Institute

The election of judges and the collegiality of criminal cases in the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation

Abstract: The article considers the current problems of the election of judges and the collegiality of criminal cases in the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation.

Key words: judges, jurors, Scheff, election, collegiality.

Якимович Юрий Константинович,
Томский государственный университет,
Профессор, доктор юридических наук,
Юридический институт

Выборность судей и коллегиальность рассмотрения уголовных дел в Российской империи, СССР и Российской Федерации

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы выборности судей и коллегиальность рассмотрения уголовных дел в Российской империи, СССР и Российской Федерации.

Ключевые слова: судьи, присяжные заседатели, шеффены, выборность, коллегиальность.

В соответствии с УПК Российской Федерации уголовное дело по первой инстанции может быть рассмотрено единолично профессиональным судьей, тремя профессиональными судьями и судом с участием присяжных заседателей. Причем единолично профессиональным судьей может быть рассмотрено любое уголовное дело и фактически в таком составе

рассматривается абсолютное (подчеркнуто мною – Ю.Я.) большинство уголовных дел [1].

Рассматривая проблемы соотношения коллегиальности и единоначалия в уголовном процессе, абсолютное большинство ученых всегда подчеркивали, что единоначалие (да и то не во всяких случаях) присуще предварительному производству, а в суде, напротив основополагающим должен быть принцип коллегиальности. Во всяком случае, большинство ученых резко выступало за чрезмерное расширение единоличного рассмотрения уголовных дел по существу [2].

Даже применительно к стадии назначения дела к слушанию многие авторы предлагают дифференцированный порядок судебного заседания: в одних случаях единоличный, а в других – коллегиальный [3].

Судом с участием присяжных заседателей, если не лукавить, на самом деле рассматривается не более 1 % уголовных дел. Всё зависит от того, что брать за 100 %. Если взять все уголовные дела, рассматриваемые всеми судами, начиная от мирового судьи, а не только лишь те, которым подсудны судам субъектам Федерации, то и получится менее 1 %, а не 20%, как утверждается иногда в литературе [4].

Профессиональные же судьи все в большей степени приобретают столь критикуемые даже в официальных средствах массовой информации черты заурядных чиновников и назначаются они на должность, преодолевая мыслимые и немыслимые, но часто формальные препоны чиновничьей властью, фактически без участия представителей народа. Квалификационная коллегия судей, так, в её составе всего до 1/3 представителей общественности. Да и потом, кто из этих представителей действительно представители народа: рабочих, крестьян, учителей? Нет таких. А после рекомендации квалификационной коллегией судей кандидату надо пройти чисто чиновничьи многочисленные согласования, пока проект Указа не ляжет на стол Президента.

Зависимость профессиональных судей от исполнительной власти весьма существенна. И, чтобы нейтрализовать её, необходимы существенные изменения и не столько в сознании самих судей, сколько в действующей системе судебной власти. Как представляется, следует вернуться к выборности судей, особенно мировых, а также федеральных районных судов и подотчётности их избирателям. Ничего нет страшного в том, если судья будет «зависим» в рамках закона от своих избирателей.

Идея участия народа в формировании судебной власти и его представителей в осуществлении правосудия не нова, была реализована в большинстве стран, в том числе и в России, еще в прошлом веке, и, не только не оспаривается в литературе, а, напротив, находит широкую поддержку, тем более в условиях становления и развития демократии и народовластия.

Спорным всегда являлся и является вопрос о способах этого участия. Как уже отмечалось выше, демократизации судебной системы, нейтрализации её

корпоративности [5] и укреплению независимости судей будет способствовать возврат к принципу выборности судей и подотчетности их избирателям. И ничего страшного нет в том, что этот принцип действовал в советской России. К истории следует относиться ответственно и бережно, не рассматривать отдельные периоды развития Российского государства только с негативных, либо с позитивных позиций: всё, что было в пореформенной России 19-20 веков – это хорошо, а всё, что было при коммунистах – это плохо.

Во-первых, всякие «чрезмерно» демократические реформы приводят к контрреформам.

Во-вторых, задача исследователя и заключается в том, чтобы уметь обнаружить то позитивное в истории российского законодательства и правоприменительной деятельности, что можно было бы использовать в условиях современного Российского государства.

По моему глубокому убеждению, выборность судей «низшего эшелона» (мировых и районных федеральных судов) лучше, чем назначения. Выборность приближает судей к избирателям, то есть к народу.

К замкнутости судебной системы и оторванности её от народа приводит и то, что его представители практически не принимают участия в отправлении правосудия.

В соответствии со статьями 30-31 УПК РФ:

1) Все уголовные дела без исключения мировой судья рассматривает единолично.

2) Федеральный судья единолично рассматривает все уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести.

3) По ходатайству обвиняемого, а в случаях, указанных в п.3 ч.2 статьи 30 и без его согласия, тремя профессиональными судьями (то есть также без участия представителей народа) рассматриваются дела о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Таким образом, представители народа – присяжные заседатели (с учётом последних изменений УПК) могут участвовать в отправлении правосудия, если об этом ходатайствует обвиняемый, по делам об убийстве без отягчающих обстоятельств, бандитизме, разбое, изнасиловании с отягчающими обстоятельствами и еще не более чем 20 составам преступления, что, как уже отмечалось, составляет незначительный процент от всех, рассматриваемых судами уголовных дел. Уже одно это обстоятельство, казалось бы, должно приуменьшить восторг, с которым было встречено возобновление деятельности суда присяжных в России. Впрочем, мнения ученых по этому вопросу неоднозначны и наряду с теми, кто положительно оценивает деятельность суда с участием присяжных заседателей немало и других которые оценивают его деятельность отрицательно[6].

Следует отметить, что споры вокруг того, в какой форме предпочтительнее участие представителей народа в отправлении правосудия,

что лучше: суд присяжных или суд шеффенов велись на протяжении нескольких столетий и, кстати, аргументы за и против той или иной формы, проводимые современными авторами не новы. Критикуется деятельность суда присяжных и рядом зарубежных авторов[7].

Кроме того, не могу не обратить внимание ещё на два обстоятельства.

1. Суд присяжных успешно функционирует главным образом в государствах англо-американской системы права, а суд шеффенов – в странах капиталистической Европы, то есть континентальной системы права, к которой относится и современная Россия [8].

2. Предпринятая попытка создания суда присяжных в России в конце 19 века не увенчалась успехом. Суды присяжных так и не были образованы во всех губерниях Российской Империи, а в тех, где они начинали работать, деятельность их постепенно сводилась на нет [9]. Кажется, такая же тенденция намечается и сейчас: из подсудности суда присяжных исключены 12 составов преступлений.

Попытаемся разобраться в том, действительно ли суд присяжных лучше суда шеффенов (народных заседателей) и соответствует ли идеальная модель суда присяжных, о которой пишут современные авторы, восхищаясь этой формой рассмотрения дел, той, которая предусмотрена действующим УПК РФ.

Итак, аргументы в пользу суда присяжных.

1. Суд присяжных – это «глас народа». Однако далеко не все представители народа оказываются в коллегиях присяжных заседателей. Скорее это не суд народа, а суд представителей определенных категорий: пенсионеров, женщин, домохозяек. В силу различных причин, в том числе длительности рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, наиболее активные члены общества – представители народа, отказываются участвовать в рассмотрении конкретных дел в качестве присяжных: заявляют самоотводы и они, как правило, принимаются председательствующим; либо вовсе не являются в суд. Встречаются случаи, когда с первого раза не удается укомплектовать коллессию присяжных заседателей именно по этой причине. Можно критиковать официальный подход к подбору народных заседателей в СССР, однако в числе народных заседателей были пропорционально представлены действительно все слои общества.

2. Суд присяжных представляет собой раздельное существование в нём «судей права» (юристов профессионалов) и «судей факта» (коллессии присяжных заседателей), то есть разграничение компетенции между профессиональным судьей и коллессией присяжных заседателей.

Между тем, как это обоснованно отмечается в литературе, «Современное законодательство весьма прозрачно разграничило функции судей и присяжных заседателей по началу деления вопросов на фактические и юридические. В правоприменительной практике эти вопросы разграничить еще сложнее, они вытекают друг из друга, тесно переплетаясь» [10].

Разве вопрос о доказанности виновности, на который должны ответить присяжные заседатели – это не юридический вопрос? И председательствующий судья в напутственном слове обязан разъяснить присяжным на понятном им, не юристам, языке, что означает доказанность и что означает виновность. И потом, речь идет ведь о доказанности виновности обвиняемого в совершении преступления [11]. А понятие преступления – это также юридический вопрос.

С другой стороны, председательствующий судья разрешает не только вопросы права, но и вопросы факта, например, имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый.

Разграничения компетенции между профессиональным судьей и присяжными заседателями не носит абсолютного характера.

3. Присяжные заседатели при решении отнесенных к их компетенции вопросов самостоятельны и независимы от влияния профессионального судьи.

Но так ли это на самом деле? У председательствующего имеются серьёзные «рычаги» влияния на присяжных заседателей.

1) Он решает вопросы самоотводов, мотивированных и не мотивированных отводов кандидатов в присяжные и таким путем может сформировать в необходимых случаях «нужную коллегию».

2) Председательствующий вправе распустить коллегию присяжных заседателей.

3) Решение присяжных может зависеть и от того, какие вопросы и в каких формулировках поставлены перед ними. И при достаточной квалификации, председательствующий может сформулировать их так, чтобы получить нужные ответы.

4) Напутственное слово председательствующего, в котором, в том числе производится анализ исследованных доказательств.

5) Председательствующий судья вправе и не принять вердикт присяжных «с первого раза», возвратить присяжных в совещательную комнату, для устранения неясностей или противоречий. При этом председательствующий вправе дополнить вопросный лист новыми вопросами. Разве это не прямое посягательство на независимость присяжных?

6) Статья 348 озаглавлена «обязательность вердикта», однако из содержания этой статьи следует, что обязателен только оправдательный вердикт, хотя и он может быть обжалован в суд второй инстанции. Обвинительный же вердикт не всегда обязателен для председательствующего судьи.

В соответствии с частями 4 и 5 статьи 348 УПК РФ при наличии обвинительного вердикта председательствующий судья вправе вынести оправдательный приговор, если признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления или распустить коллегию присяжных и сформировать другую, если признает, что не установлено событие преступления, либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления.

В этой связи не ясно, почему сторонам запрещается ставить под сомнение обвинительный вердикт присяжных (часть 4 статьи 347 УПК). Очевидно, что сторона защиты может продолжать отстаивать невиновность подсудимого и при обвинительном вердикте.

4. Присяжные заседатели не знакомятся с материалами дела до процесса и выносят вердикт только на основании сведений, полученных в ходе судебного следствия. Считается, что присяжным может быть лишь тот, кому вообще ничего неизвестно об уголовном деле, в рассмотрении которого он будет участвовать.

Возможно ли такое? Как правило, с участием присяжных рассматриваются «громкие дела», о которых становится широко известно из средств массовой информации сразу же после их возбуждения.

Средства массовой информации периодически сообщают о ходе расследования и его результатах; о задержании подозреваемых, называя их фамилии; об арестах и предъявлении им обвинения и т.д. и т.п.

И не знают об этих фактах, пожалуй, лишь те граждане, которые в принципе в силу закона не могут исполнять обязанности присяжных заседателей.

5. Считается также, что присяжным ничего не известно о личности подсудимого: его прежних судимостях, хроническом алкоголизме или наркомании и т.п. Так бывает не часто в силу тех же причин, что указаны в предыдущем пункте.

Вот, пожалуй, и все аргументы в пользу суда присяжных. И эти аргументы достаточно спорны.

Недостатки суда присяжных очевидны.

1. Присяжные лишь косвенно (признание или непризнание заслуживающим снисхождения) участвуют в назначении наказания. А чаще всего (поскольку абсолютное большинство подсудимых, в том числе и судимых судом с участием присяжных признаются виновными) именно при решении вопроса о наказании, его виде и размере так необходимо мнение представителей народа.

2. Суд присяжных - дорогостоящий институт. Рассматривается с участием присяжных мало дел, а затраты по таким делам весьма значительны.

3. Как уже отмечалось, суду с участием присяжных заседателей подсудно лишь небольшое количество уголовных дел и наличие этого института не обеспечивает реализацию принципа участия народных представителей в осуществлении правосудия.

4. Дела с участием присяжных заседателей рассматриваются чрезмерно долго.

Это ли не одна из причин, что присяжные бывает выносят столь нелепые вердикты?

Не стоит ли пересмотреть взгляды и вернуться к институту народных заседателей? Да, этот институт достаточно серьёзно критиковался в последние

годы существования советского строя. Как только не называли народных заседателей: из них самые безобидные – «кивалы». При этом критике подвергался главным образом институт народных заседателей в том виде, как он сформировался в последнее десятилетие существования советского строя. Мы все помним те времена, когда народные заседатели постепенно из представителей народа, всех его слоев, стали представлять лишь пенсионеров.

В те годы постепенно народные заседатели превращались в постоянных судей, участвовали в осуществлении правосудия не две недели в году, а в течении многих лет подряд без всяких перерывов. Поэтому они утрачивали те черты, которые присущи шеффенам: отсутствие служебной заинтересованности в исходе дела, знание народной жизни и т.д., у них, как и профессиональных судей происходила так называемая профессиональная деформация.

Так, вместо того, чтобы вернуться к исполнению закона, регулирующего порядок участия народных заседателей в отправлении правосудия, было решено вовсе отказаться от этого института народовластия.

Институт народных заседателей критиковали еще и за то, что, якобы, сами они ничего не решали, постоянно зависели от мнения профессионального судьи. Смею заверить, исходя из собственного опыта (а в качестве народного заседателя я участвовал в работе народного суда, и областного суда на протяжении многих лет), что это далеко не так.

Все зависело от культуры, опыта и профессионализма профессионального судьи и от настойчивости самих народных заседателей. Не припоминаю случая, чтобы профессиональный судья не посоветовался бы с народными заседателями по возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам. Конечно же, если народные заседатели доверяли профессиональному судье, не сомневались в его профессионализме как юриста, то чаще всего они и соглашались с ним, убеждаясь в его правоте. При этом опытный судья никогда «не давил» на народных заседателей, а убеждал их в своей правоте, если возникали разногласия. Я вовсе не исключаю и обратного. Всякое бывало в те времена. Но я знаю немало случаев привлечения судей к дисциплинарной и партийной ответственности за некорректное поведение в отношении народных заседателей. Вспоминаются и другое. Дважды мне лично в качестве народного заседателя областного суда пришлось приговаривать подсудимых к смертной казни. Если в одном случае мы были единодушны, то во втором получилось так, что мы, заседатели в прямом смысле «уговаривали» профессионального судью высказать первым свое мнение о наказании. Он же, ссылаясь на закон, отказывался делать это и требовал, чтобы мы первыми высказались по данному вопросу. Помнится, мы совещались не менее 8 часов, пока не был постановлен приговор. Председательствующий настоял на своем, и, только после нас, высказал свое мнение по каждому из вопросов, в том числе и по вопросу о наказании в виде смертной казни. А особые мнения народных

заседателей? Разве их не было? Сам писал и знаю другие случаи. Поэтому, тот факт, что народные заседатели и в самом деле чаще всего соглашались с профессиональным судьей, свидетельствует лишь об опыте, высокой квалификации, тактичности профессионального судьи, а вовсе не дает оснований пренебрежительно относиться к народным заседателям, называя их «кивалами».

С другой стороны забываются преимущества суда шеффенов (народных заседателей) в сравнении с судом присяжных. Об этом много писалось в советской литературе и немало в литературе зарубежных стран. Остановимся лишь на некоторых из них.

1. Участие народных заседателей (шеффенов в суде) – один из существенных элементов демократии, народовластия, одна из форм участия представителей народа в осуществлении власти, в данном случае, судебной.

2. Когда народные заседатели действительно участвуют в отправлении правосудия не более двух недель в году, у них не происходит профессиональной деформации, что свойственно профессиональным судьям. Напротив, участие народных заседателей позволяет нейтрализовать в какой-то степени профессиональную деформацию судей.

3. Постепенно происходит и нарастает отрыв профессиональных судей от народа. Они все меньше и меньше знают и понимают жизнь простых людей и причины совершения ими преступлений. Народные же заседатели сами из народа, знают жизнь простых людей, они также претерпевают те же трудности, что и другие обычные граждане, коих большинство в России.

Поэтому 4. Мнение народных заседателей столь же важно (а может быть и в большей степени важно) не только при решении вопроса о виновности, но и о наказании, его виде, размере, возможности освобождения.

5. Профессиональные судьи – чиновники. И за их деятельностью нужен контроль. Участие в суде народных заседателей как раз и есть форма народного контроля за деятельностью профессиональных судей.

6. Участие в осуществлении правосудия народных заседателей (шеффенов) повышает авторитет суда и авторитет судебной власти в целом. Ибо граждане, предстающие перед судом (будь то уголовные или гражданские дела) видят, что судят их такие же граждане, как и они сами: нередко даже знакомые им по работе или месту жительства.

Понимаю, что приведенные аргументы не новые, но они актуальные и в наше время. К этому добавлю, что институт шеффенов функционирует во многих Европейских государствах. Более того, такие заседатели участвуют в рассмотрении дел в арбитражных судах и в России.

Считаю, что необходимо пересмотреть негативное отношение к институту народных заседателей (шеффенов) и внести соответствующие изменения в законодательство.

Обобщая все изложенное, прихожу к выводам:

1. Мировые судьи, а также судьи районных федеральных судов должны не назначаться, а избираться по избирательным округам, 3, на территории которых им предстоит работать и они должны быть подотчетны избирателям.

2. Не оспаривая преимущества рассмотрения особо опасных государственных преступлений тремя профессиональными судьями, а также возможность рассмотрения уголовных дел о преступлениях небольшой тяжести, а с согласия обвиняемого – и средней тяжести единолично судьей считаю, что дела о всех других преступлениях должны рассматриваться коллегиально: с участием одного профессионального судьи и двух народных заседателей (шеффенов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шейфер С.А. Взаимоотношение обвинительной и судебной властей // Вестник Верховного Суда ССР, 1991, № 8. С. 30-31; он же: Понятие и взаимоотношение судебной, прокурорской и следственной властей // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации. Самара, 1991. С. 65, 67-69 и другие.

2. Стецковский Ю.И. Концепция судебной реформы и проблемы конституционной законности в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 1993. № 9. С. 111–112 и другие.

3. Лазарева В.А. Предварительное судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации. Учебное пособие. Самара. 2000.

4. Впрочем, и после введения в судопроизводство по уголовным делам присяжных заседателей, сторонников суда шеффенов (народных заседателей), хотя и поубавилось, но они не исчезли совсем. С., например: Ветрова Г.Н. Нужны ли правосудию народные представители? // Государство и право на рубеже веков (Материалы всероссийской конференции) М.: ИГП РАН. 2000. С. 191-197; Радутная Н.В. Формирование состава народных заседателей // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 14-16 и другие.

5. Подробнее см.: Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе. Самара, 2001.

6. См., например: Джаншиев Г. Суд над судом присяжных. – М., 1896 // Журнал Министерства юстиции; Смоленцев Е.А. О власти судебной // Известие, 1989. 22 июля; Зыков В. Суд присяжных: напрасные ожидания // Российская газета. 1992; Руднев В. Генеральный прокурор против суда присяжных // Известия. 1993; Абдрахманов Р. Не поторопились ли мы? // Российская юстиция. 1995. № 12; Мельник В. Здравый смысл – основа интеллектуального потенциала суда присяжных // Российская юстиция, 1995. № 6; Судебная реформа: проблемы анализа и освещения. Дискуссии о правовой журналистике / Отв. Ред. Л.М. Карнозова. М., 1996; Красникова В. Следствие после приговора // Огонёк. 1996. № 39; Бойков А.Д. Третья власть в России. М, 1997; Карнозова

Л.М. Суд присяжных: инерция юридического сознания и проблемы реформирования // Государство и право. 1997. № 10 Кислов А. Присяжные оправдатели // Известия. 1998. 15 октября; Селезнев М. Суд присяжных действует, но... // Законность. – 1998. - № 4; Садыков Ф. Я – за суд присяжных // Российская юстиция. – 1999. - № 11; Львова Е. Суд народа в XXI веке // Российская юстиция. – 1999. - № 12; Ветрова Г.Н. Суд присяжных и проблема уголовного судопроизводства // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1999. № 3; Суд присяжных. Пять лет спустя. Дискуссии / Под ред. Л.М. Карнозовой. М., 1999; Л.М. Карнозова. Возрождение суда присяжных. - М., 2000; Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М., 2000; Демичев А. Суд присяжных глазами российских граждан // Законность. 2000. № 5; Алексеев И.Н. Социальная ценность, духовный и правозащитный потенциал суда присяжных // Право и политика, 2000. № 7; Корнеева И.В. Равноправие сторон в состязательном уголовном процессе: проблемы и решения // Сборник статей пятой Нижегородской сессии молодых ученых. Гуманитарные науки. Нижний Новгород, 2001; Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Самара, 2001; Демичев А. А. Перспективы российского суда присяжных // Государство и право. 2002 № 11; Громов С. ФСБ не верит домохозяйкам? // Время новостей № 38, - 05 марта 2004.

7. Лерой Д. Кларк Большое жюри: использование политической властью и злоупотребление ею. – М. 1978; Уолкер Р. Английская судебная система. – М. 1980; Рональд У. Английская судебная система. - М. 1980; Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции. Становление, развитие и трансформация. – СПб. 2004 и др.

8. Об этом много писалось в литературе. См., например: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Норма, 2008. С. 127-140, 141-157, 212-238.

9. Спасович В.Д. За много лет. - СПб, 1872 г; Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России,- М.-1881; Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство. - СПб, 1891; Уставъ Уголовнаго Судопроизводства. - Под ред. Щегловитова. - СПб, 1895; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. - СПб, 1900; Розин Н.Н. О суде присяжных. – Томскъ, 1901; Викторский СИ. Русский уголовный процессъ. - М.1912; Познышев СВ. Элементарный учебник уголовного процесса. - М., 1913; Курсъ уголовного судопроизводства под ред. Фойницкого И.Я. -СПб, 1913; Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Миттермайер К. Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. – М., 1986; Афанасьев А.К. Деятельность суда присяжных в России 1866-1885 гг. 7/ Труды гос. ист. Музея - М., 1988. - Вып.67; Казанцев СМ. Суд присяжных в России. Громкие уголовные процессы 1864-1917гг. Лениздат. – 1991; Демичев А. А. Причины кризиса

российского суда присяжных в 1878-1889 гг. // История и политика: методология, историография, политика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Н.Новгород, 1997; Демичев А. А. Периодизация истории суда присяжных в России // Журнал российского права -2001.

10. Ярцева Л.С. Деятельность адвоката – защитника в Российском суде с участием присяжных заседателей: процессуальные особенности, практические проблемы осуществления и пути их разрешения. Дисс.на соискание уч. степени кандидата юрид. наук. - Томск, 2005.

11. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. - М.: Норма, 2008.

Philology and Linguistics

Zabolotskaya A.V.,

*Kherson State University, Associate professor,
Candidate of Philology the Faculty of Foreign Philology*

Imperative constructions as intertextual markers in American poetic discourse

Abstract: The article is devoted to the category of intertextuality and peculiarities of its realization in English poetic discourse. The publication focuses on the role of imperative constructions as intertextual markers in generating dialogue between the poetic text and the source text and activating of new conceptual meanings.

Keywords: imperative construction, intertextuality, intertextual markers, allusion, citation, archetype, concept.

Central category, that the reader of modernist and postmodernist poetic text faces, is intertextuality, which generates a special kind of dialogue between information text components that are localized in different spatial and temporal planes.

Modern scholars consider that literary communication doesn't end in the chain "author – text – reader". Primary communication generates metacommunication, in which text serves as an actant [1, p. 167].

Intertextuality should be understood as the result of the interpretation of a literary text according to the so-called text universe – interaction between different texts within a specific literary work [2, p. 150].

Coexistence in one text of two or more texts is based on the author's use of citations, allusions, reminiscences, which allow the reader to decode the alien codes and meanings. According to J. Kristeva, any quotation and allusion plays double role: on the one hand, entering into relationships of functional dependence with all other parts and elements of the text, which are dependent on the author's task and become an integral part of the work, on the other – appealing to the text or discourse from which the quotation or allusion were borrowed, they lead to diachronic retrospective which actualizes alien, sometimes even very old, forgotten or half-

forgotten cultural meanings. Thus, the author becomes a full member of the cultural dialogue [3, p. 25].

Text is memory the atmosphere of which absorbs each author regardless of his will, where he is surrounded by other people's discourses, that he embodies deliberately (quote) or unconsciously (citation) in his text, and therefore any text is simultaneously both a literary work, and an intertext [4, p. 419]. In its turn, due to cultural and intellectual education of the reader, intertextual markers containing information about the situation, character image or utterance from the source text can develop parallelly with the target text.

Intertextuality can be studied and described from two perspectives: the reader and the author. From the perspective of the reader, the ability to identify intertextual references is associated with more thorough reading of the text and avoiding its incomplete understanding because of lack of identification of its relations with other texts. From the perspective of the author, intertextuality is the ability to generate his own text and express his individuality by creating a complex system of relationships with texts of other authors.

Ju. M. Lotman also says about the poetic text within the problem "text in the text". He considers this text "semiotically rich" and offers not to study the text as a whole, in a broad sense ("ein Text"), but a certain text ("die Text"). This text will carry out two functions: it is an adequate transmission and generation of new meanings. Otherwise it stops to exist as a passive participant in the process of information transmission and he needs another text for active work. Appearance of the alien text within this text plays an important role, in the process it transforms and creates a new message, as Ju.M. Lotman states, a novel in a novel [5, p. 18].

So, intertextuality enables the creation of a new text and interaction of different discourses, representing textbuilding and discursive functions. The implementation of these functions is based on the textual category of retrospection and categories of discourse, namely, informativeness and intentionality. Constructing new textual reality, the author goes back to previous stories of other authors retrospectively and provides connections between the present and the past [1, p.86].

The **purpose** of the article is to determine the role of imperative constructions as intertextual markers in generating dialogue between the American poetic texts and the source texts and activating of new conceptual meanings.

Imperative constructions that contain allusive images, proper names, motifs of mythological and biblical scenes serve as the main markers of linguocognitive operations of intertextualization in poetic texts.

For instance, in the poem by E. Millay "*Prayer to Persephone*" that is about author's young friend, who died, narrative mapping enables intertextual reading of the mythological story about Persephone, the daughter of Zeus and Demeter, who was stolen by Hades as his wife to the underworld. The myth about Persephone is the archetypal story that actualizes the archetype of MOTHER [7, p. 16]. Linguistic means of expression of this archetype is the imperative construction "*take her head*

upon your knee” and address “my dear”. Verbal poetic image “*a little lonely child lost in hell*” embodies also the archetypal story about Persephone. The repetition of consonant -l-, which graphically resembles numeral 1, creates sense of loneliness of lyrical heroine.

Space deixis *here* establishes the correspondence between Persephone’s fate and the fate of a young author’s friend who are now in one and the same place – the underworld. Conceptual implication of the archetype of DEATH is realized in the text through an allusive name of Persephone, to whom lyrical heroine addresses [7, p. 19].

The generalized meaning of the poetic text allows to reconstruct the conceptual metaphor: DEATH IS LONELINESS. Nominative unit *dreadful* verbalizes concept of HORROR, in terms of which the concept of LONELINESS is interpreted: LONELINESS IS HORROR. In such a way, the other conceptual scheme is implied: DEATH IS HORROR.

Imperative construction “*be to her, Persephone, all the things I might not be*” is used in an introductive position in the poetic text and enables interpretation of the image of Persephone as a soul keeper in the underworld. Imperative construction “*take her head upon your knee*” creates lexico-semantic frame in the poetic text, performing compositional function, and contains conceptual features of the archetype of MOTHER, carrying out the intertextual function.

Intertextual reference by means of imperative construction is also used by C. Sandburg in his poetic text “Basket”:

SPEAK, sir, and be wise.

Speak choosing your words, sir, like an old woman over a bushel of apples [8].

This poetic text, which consists of only two lines, contains instructions oriented on each potential reader, as the poem is about the principle which should be followed by every reasonable person. The recipient is made explicit due to lexeme *sir* and represents not only a polite address to a male person, but to people in general. Imperative constructions “*speak, sir, and be wise*”, “*speak choosing your words*” are parallel and form the main content of the poem. Capitalization of imperative in initial position attracts reader’s attention and serves as a means of foregrounding on the graphical level.

The appeal expressed by imperative constructions “*be wise*”, is heard as an advice and consists of a link verb *be* and the adjective *wise*. Speech act of advice actualized by imperative constructions, is intensified with simile the “*choosing your words like an old woman over a bushel of apples*” which is based on the comparison of the process of choosing apples with selection of words to express one’s opinion.

Apple tree is the archetypal symbol of the cultural archetype WORLD TREE [7, p. 18]. The symbolic meaning of the fruits of this tree is rather extensive: a symbol of life, love and eternal youth, immortality, the Fall, knowledge etc. Reconstruction of the verbal poetic image *bushel of apples* is due to the background knowledge of the biblical story about Adam and Eve, who tasted the forbidden apple from the tree of

knowledge, which resulted in the Fall, expulsion from heaven and the hard way of humanity. However, the image of apple has different interpretations as it is possible to find the other source text – the mythological story about the apple of discord: Goddess of Discord Eris, having not received an invitation to the wedding of Peleus and Thetis, threw the apple with the inscription "enchanting" between Hera, Athena, Aphrodite. Mortal Paris chose Aphrodite, the goddess of love, and gave apple to her, thereby causing Hera and Athena's anger, that was actually the reason to start Trojan War.

So, the apple in the poetic text "*Basket*" by Carl Sandburg appears as a symbol of discord, mistakes and actions with tragic consequences. Intertextual references enable deeper understanding of the poetic text and decoding imperative constructions in it. The author calls to be wiser and to think, choosing what you say, because words can even lead to unexpected fatal end.

One of the forms of intertextual references, in addition to traditional allusions and citations, is the retelling of the plot of the source text. In this way dialogue of cultures in S. Plath's poem "Black Pine Tree in an Orange Light" occur:

*Tell me what you see in it:
The pine tree like a Rorschach-blot
black against the orange light :
Plant an orange pumpkin patch
which at twelve will quaintly hatch
nine black mice with ebon coach,
or walk into the orange and make
a devil's cataract of black
obscure god's eye with corkscrew fleck;
put orange mistress half in sun,
half in shade, until her skin
tattoos black leaves on tangerine.
Read black magic or holy book
or lyric of love in the orange and black
till dark is conquered by orange cock,
but more pragmatic than all this,
say how crafty the painter was
to make orange and black ambiguous [9].*

Poetic text consists of 6 compositional parts, each of which contains an imperative construction. The title expresses the theme of the poem that everything in life has two sides, and even black pine tree can be in an orange light. Pine tree is a symbol of immortality, and orange colour symbolizes joy, energy, heat and is the colour of the sun.

Imperative construction *"tell me what you see in it"* establishes direct contact with the reader, and verbal poetic image *"a Rorschach-blot"* activates background knowledge about diagnostic psychological test to study personality and disorders of her mental state through the interpretation of ten symmetric vertical spots. Thus, the meaning of the imperative constructions imitates the utterance of psychologist.

Conceptual analysis of the second stanza with the imperative construction *"plant an orange pumpkin patch / which at twelve will quaintly hatch / nine black mice with ebon coach"* allows to decode intertextual reference to the tale about Cinderella. Signals of the archetype of Cinderella are displayed in nominative units *pumpkin, at twelve, black mice, ebon coach*. Intertext is actualized not through citation, but in the form of retelling the tale plot in indirect speech. Numerals 12 and 9 are archetypal symbols of psychological archetype of SELF, which implicitly means search for something ideal and perfect [7, p. 16]. Activation of Cinderella archetype in the poem occurs due to absence of courageous male personality in the external world that leads to search for the hero and prince and ends in disappointment, collapse of illusions and hopes. Hence the main theme is the search for perfection. In addition, pine tree is a means of verbalization of the archetype ETERNAL TRAVELER [7, p. 18]. The search for an ideal is complicated by the fact that good and evil are closely intertwined with each other in the world. So, there coexist God and the Devil *"make a devil's cataract of black obscure god's eye with corkscrew fleck"*, the sun and shadow *"put orange mistress half in sun, half in shade"*. The world is represented as ambiguous one, the balance of good and evil, is expressed by a great number of synonyms to describe black (*black, Rorschach-blot, ebon, obscure, shade, tattoos*) and orange (*orange, pumpkin, corkscrew fleck, sun, tangerine, orange cock*) colours.

Imperative construction *"read black magic or holy book"* contains in its structure metonymy *holy book* and *black magic*, that is associated with God and Satan. In this way, it intensifies the conflict of moral and ethical concepts of GOOD and EVIL.

Verbal poetic image *"rooster"* singing at sunrise, *"till dark is conquered by orange cock"*, is also ambiguous. He acquires in the text double meaning due to its precategorical base. In ancient Greece a red rooster was associated with the sun and devoted to Febu, the god of the sun, and a black cock that was sacrificed to Hades, was associated with the underworld. Ambivalence of the image activates the archetypes of LIFE and DEATH. In the given poetic text rooster symbolizes awakening, sunrise, enlightenment and deprivation from demons and other devil forces [10, p. 204]. The verb *conquer* underlines the fight that forever exists between good and evil, namely the triumph of good. The last imperative construction *"say how crafty the painter was"* implies the thought that the world is the creation of the artist, and God is its creator. In this way, the author draws an analogy between the creation of the world by God out of chaos and the painting created by the artist from obscure patches of black and orange colours.

Thus, the interpretation of poetic texts and imperative constructions using allusion, citation, allegories, paraphrases of biblical and literature plots, requires the

reader's background knowledge. Imperative constructions used in them form connection between discourses and allow to reconstruct the alien codes and meanings, sending back the reader retrospectively to past events and images.

REFERENCES

1. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Одесса, 2002. – С 167, 86
2. Филатова О.М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория. Ижевск, 2006. – С. 150.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. Москва. 1993. – С. 25.
4. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. Москва. 1994. – С. 419
5. Лотман Ю.М. Двойственная природа текста (связный текст как семиотическое и коммуникативное образование). Москва, 1985. – С. 18
6. Millay E. Prayer to Persephone <http://www.poemhunter.com/poem/prayer-to-persephone/>
7. Белёхова Л. Словесный поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії). Херсон, 2002. – С.16, 19, 18
8. Sandburg C. Basket <http://www.poemhunter.com/poem/basket/>
9. Plath S. Black Pine Tree in an Orange Light http://www.occupypoetry.net/black_pine_tree_in_an_orange_light
10. Бидерман Г. Энциклопедия символов. Москва, 1996. – С. 204

Ignatkina Anastasiya,

Saratov State Law Academy Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor at the Chair of English Language,

Theoretical and Applied Linguistics

PUBLIC RELATIONS: cognitive analysis of the etymological basis of the concept nomination

Abstract: The paper presents an overview of the factors crucial for the emergence of the *public relations* concept, the etymology of the collocation *public relations* is investigated, cognitive analysis of the features comprising the semantic motivation thereof are analyzed.

Key words: concept, semantics, nomination, public, relations

Игнаткина Анастасия Львовна,

Саратовская государственная юридическая академия,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка,

теоретической и прикладной лингвистики

Концепт PUBLIC RELATIONS: когнитивный анализ мотивировки именованя

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистические и экстра-лингвистические факторы образования концепта убеждающей деятельности, исследуется этимология номинации *public relations*, представлен когнитивный анализ признаков, составляющих основу ее семантической мотивировки.

Ключевые слова: концепт, семантика, номинация, общество, отношения

Один из важнейших тезисов, осмысленных в рамках когнитивной лингвистики, состоит в том, что именно концепт определяет семантику языковых средств, используемых для его выражения. Чтобы выразить суть процесса именованя концепта - совмещения материального (знака) и идеального (концепта) Ю.С. Степанов использует выражение «синонимизация слов и вещей» [Степанов 2004: 64]. Под этим выражением понимается процесс концептуализации, при котором номинативная единица и фрагмент

окружающей действительности могут семантически совмещаться и, таким образом, выступать заместителем одно другого. Ю.С. Степанов придерживается точки зрения о предопределенности именования концепта. Признак первичного наименования кажется случайным лишь при неправильно выбранной точке зрения, - а именно когда рассматриваются разрозненные случаи вне тех семантических рядов, к которым они принадлежат. В пределах своего семантического ряда признаки наименования неслучайны [Степанов 2004: 61].

Данное утверждение согласуется с теорией языковой объективации концептов, разработанной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 2002; 2003]. Согласно данной теории в системе языка существуют потенциальные семемы - своеобразные семантические «заготовки», представляющие собой некий структурированный смысл, существование которого обусловлено имеющимися в языке лексическими и лексико-грамматическими парадигмами. Определенная парадигма формирует данный смысл в системе языка, достаточно четко формулирует его компонентный состав и подготавливает его для новой номинации, хотя самой номинации в литературном языке пока не существует [Попова, Стернин 2002: 42]. В определенный момент происходит совмещение смысла и языковой ткани, иными словами, осуществляется именование.

На начальном этапе своего развития концепт *public relations* (далее PR) включал знания о деятельности преимущественно политической, поскольку привлечение широкой общественности на свою сторону требовалось главным образом политикам. PR-деятельность того периода использовала технологии, относимые ныне к сферам политической рекламы (*party advertising*), которая сочетала в себе прагматические установки коммерческой рекламы и пропаганду. Характерно, что основоположник и теоретик PR Эдвард Л. Бернейс в годы первой мировой войны занимался именно пропагандой, прошел хорошую школу агрессивных коммуникаций, а затем стал применять полученные навыки в PR-практике.

Анализ начального этапа становления нового направления убеждающей деятельности показал, что теоретики PR осознавали, что инструментарий воздействия таких видов убеждающей деятельности, как лоббирование (*lobbying*), пропаганда (*propaganda*), реклама (*advertising*), включали средства, методы и стратегии убеждения, достигающие результата только в отдельных сферах влияния [Игнаткина 2007: 230].

Например, лоббирование – это сугубо политическая деятельность, и ее стратегии безотказно работают в сфере продвижения интересов, связанных с законопроектами. Целевая аудитория в данном случае - Законодательное собрание, Парламент, судебные органы, то есть относительно узкая аудитория. Для продвижения интересов тех же партий на уровне более широкой аудитории – общества как такового, методы и стратегии должны быть другими.

А. Ли, один из основателей новой концепции убеждения, говоря об американском обществе как потенциальной аудитории, утверждал:

"...nothing permanent can be accomplished in this country unless it is backed by sound public sentiment..." [Hargreaves 2003: 38].

Очевидно, что А. Ли придавал большое значение «общественному чувству» (*"public sentiment"*), он указывал на необходимость обращения не только к разуму, но и к чувствам аудитории, которой будет адресовано сообщение (ср. *sentiment 'a thought, opinion, or idea based on a feeling about situation, or a way of thinking about something'* [CIDE: 1294]). Таким образом, можно говорить о признаке **"public sentiment"**, сформулированном А. Ли и вложенном в структуру концепта PR.

Дж. Райт, другой разработчик PR, так формулировал главную цель PR:

"...promotion intended to create and establish good will of the public for a person or an institute" [Hargreaves 2003: 38].

Дж. Райт тоже уделяет особое внимание эмоциональной стороне общения и формулирует другой признак PR - **"creating goodwill"** (ср. *good will 'friendly and helpful feelings'* [CIDE: 612]).

В 1930-х в Калифорнии образуется фирма *Campaigns Inc.*, оказывающая профессиональные услуги в проведении предвыборной кампании. Бывшие репортеры К. Витакер и Л. Бакстер, которые возглавляли эту фирму, полагали, что главная цель – это убедить общество в том, что избрание данного кандидата будет выгодно обществу. Они так сформулировали суть своей деятельности:

"...the planned and organized effort to establish mutually beneficial relations with the public" [Hargreaves 2003: 39].

Таким образом, формулируется признак **'mutually beneficial relations'**.

Э. Бернейс, один из крупнейших специалистов по PR, который стоял у истоков современной науки массового убеждения, основанного не на разуме, а на манипуляции подсознательными чувствами и импульсами, выдвинул прогрессивную для своего времени идею о необходимости установления постоянного и долговременного диалога с обществом [Бернейс 2012: 149-159].

Именно такая модель общения, по мнению Э. Бернейса, наиболее эффективна, поскольку естественна для человека. Человек общается с внешней средой и с себе подобными, и в окружающем мире он ищет, прежде всего, ощущение сопричастности, совместного с другими бытия, поэтому в человеке всегда живет страх «отлучения», когда общество поворачивается к нему спиной, поэтому общение всегда двунаправленный процесс, оно всегда подразумевает действие и реакцию. Данный подход сформулирован в выражении **"a two-way affair"**.

Осознавал Э. Бернейс и то обстоятельство, что политические, коммерческие или административные круги, стремящиеся вызвать в обществе позитивный отношение к своей деятельности, сами по себе редко

располагают теми положительными качествами и тем человеческим теплом, которое они хотели бы себе приписать. Э. Бернейс был уверен, что доверительную среду можно создать искусственно, объясняя это тем, человеческая природа требует поклонения некому идеалу, символу, и он может быть создан умелым посредником:

“...idol-making is vital to salvation of society. Human beings need to have godhead symbols, and public relations counsels must help to create them...we can prove our effectiveness, by making the public believe that human gods are watching over them for their own benefit. These human gods...would keep order by giving their followers reason to live and goals to accomplish” [<http://www.worldmag.com/world/olasky/Prodigal/appendix.html>].

Таким образом, Э. Бернейс сформулировал целый ряд важных признаков, положенных в основу новой деятельности, а значит и концепта PR - **“salvation of society”, “a two-way affair”, “idol-making”, “for one’s benefit”, “symbols”**.

С. Фрай полагает, что смысл PR-деятельности на момент ее создания наиболее полно может быть представлен в следующем определении:

“the management of formal communication establishing mutually beneficial relations between organizations and their relevant publics, or creating and maintaining communities of interest and action that favor the organization, taking full account of the normal human variation in the systems of meaning by which groups understand and enact their everyday lives” [Fry 1991: 17-21].

Таким образом, С. Фрай выделяет признаки **‘communication’, ‘mutually beneficial relations’, ‘organizations’, ‘relevant publics’, ‘communities of interest and action’, ‘human variation’**, которые можно назвать наиболее значимыми (базовыми) признаками рассматриваемого нами концепта PR.

На основании всего изложенного выше, можно заключить, что в профессиональной среде формируется концепция новой убеждающей деятельности. Она должна быть направлена на внедрение в сознание широкой общественности ощущения личной заинтересованности каждого ее представителя в тех структурах, которые стремятся завоевать расположение публики. В атмосфере обходительного и взаимовыгодного общения, новая деятельность должна вызвать у ее участников и другое важное ощущение – чувство сопричастности каждого конкретного индивида всему тому, что является объектом PR, создать новое чувство кооперации в отношениях между людьми и продвигаемыми структурами.

Эта деятельность должна включать продвижение интересов, но в отличие от лоббирования здесь речь должна идти о продвижении интересов не только через органы государственной власти, но и через любые другие структуры: отечественные и международные общественные организации, коммерческие фирмы, политические партии, влиятельные личности, СМИ и т.д.

В отличие от рекламы, которая говорит только о положительных сторонах явления, не допускает вариативности толкования поступающей информации,

PR-сообщение должно создавать ощущение абсолютной подлинности всех характеристик объекта, а также вызывать адресата к диалогу, в процессе которого он сам придет к выводу о пользе того или иного лица или организации.

Пропаганда «навязывается с жестокостью рукоприкладства», она стремится к «промыванию мозгов», к вовлечению общества в строгую политическую, идеологическую или религиозную систему, к воспитанию массового сознания в интересах последней [Шомели 2003: 29]. В рамках PR сообщение должно быть убеждающим, но ненавязчивым, располагающим к себе адресата, должно «очаровывать и соблазнять его до такой степени, что он не просто поверит в правдивость сообщаемых сведений, но даже сам станет их пропагандистом» [Шомели 2003: 94].

Совокупность признаков *'public sentiment', 'creating goodwill', 'mutually beneficial relations', 'salvation of society', 'a two-way affair', 'idol-making', 'symbols', 'communication', 'for one's benefit', 'organizations', 'relevant publics', 'communities of interest and action', 'human variation'*, легла в основу нового концепта, который должен был получить именование. Набор этих смыслов послужил семантической «заготовкой», своеобразным стержнем для новой номинации, которая содержала бы эти семы.

«Построение» новой номинации начинается с выбора значений номинативных средств языка для называния референтной ситуации, что и приводит к нахождению подходящего названия для той совокупности смыслов, которые сформировались в сознании. Известно также, что некоторые способы номинации реализуются только в составных названиях, поскольку возможность однословных обозначений либо себя исчерпала, либо не достаточна для отражения нового понятия со всей точностью.

Чтобы ответить на вопрос, по какому пути произошло совмещение нового смысла (сущности новой деятельности) и языковой ткани (составной номинации *public relations*), необходимо выявить основное содержание компонентов, участвующих в ее образовании, и выделить те семантические векторы, которые отражают ее связь с концептом [Игнаткина 2005: 22]. Поскольку в значении имени отражается комплекс признаков предмета или явления окружающей действительности, то при сопоставлении сем, входящих в структуру значения номинации, и сем, формирующих толкование данной номинации, устанавливается определенное соответствие. Если левую и правую части словарной статьи одноязычного толкового словаря обозначить соответственно как «объясняемое» и «объясняющее», то правая часть («объясняющее») должна содержать тот же набор сем, что и «объясняемое» [Бабушкин 2001: 53].

Исходя из дефиниций слов *public* и *relations* в толковых словарях, в значениях (семемах) можно выделить семы разного уровня. В семеме *public* ядерную сему *'people in general'*, близко ядерные семы *'not private', 'not secret', 'known to all or to many'*, дифференциальные семы *'connected with the*

government and the services it provides', 'company', 'person', 'seen on television, or mentioned in newspapers' [CIDE: 1196; LDEL: 1062]. В семеме **relations** выделяются следующие семы: ядерные семы 'treat', 'think', 'feel', 'behave', 'connection', близкаядерные 'affairs together', 'between two people or groups of people' [CIDE: 1141; LDEL: 1108].

В дополнение к дефинициям, полученным из толковых словарей, следует обратиться к данным ассоциативного словаря, которые содержат информацию о ментальной реакции на стимулы 'public' и 'relation' и фиксируют наиболее частотные, предсказуемые ассоциации и дополняют языковую семантику когнитивной информацией.

Ассоциации на стимул **public**: *public, state, government, the public sector, nationalized, in public, publicly, openly, officially, publicize, announce, publish, broadcast, make smth public, promote, advertise, publicity, propaganda, well-publicized* [LLA: 1051-1052].

Ассоциации на стимул **relation**: *relationship, relations, have a good relationship, get along, be on good terms, hit it off, relate to, fit in, rapport, bond, chemistry, affinity, ties, go out with, be seeing, be dating, be going steady, have a relationship, have an affair, be involved with, affair, romance, fling* [LLA, 1100-1102].

Сопоставление признаков (сем и ментальных ассоциаций) стимулов **public** и **relations** и их комбинаторики в концепте PR приведено в Табл. 2. (значки (p) и (r) в третьем столбце обозначают совпадение признаков концепта PR с семами и ассоциациями public (p) и relations (r)) :

Таблица 2. Сопоставление ассоциаций на стимулы **public и **relations** и их комбинаторика в концепте PR**

Public	Relations	Public Relations
'people in general'	'treat'	'public sentiment' (p)
'not private'	'think'	'creating goodwill' (r)
'not secret'	'feel'	'mutually beneficial relations' (r)
'known to all or to many'	'behave'	'communication' (p) (r)
'connected with the government and the services it provides'	'connection'	'organizations' (p) (r)
'company'	'affairs together'	'relevant publics' (p)
'person'	'between two people or groups of people'	'community' (p) (r)
'seen on television, or mentioned in newspapers'	'someone in your family'	'interest and action' (r)
'owned by government'	'relationship between people, organizations, or countries'	'human variation' (r)
'done or happening in public, society'	'be connected with something'	'a two-way affair' (r)
'the public, society'	'relationship'	'idol-making' (r)
'the people listening to something or someone'	'have a good relationship'	'symbols' (r)
'the people watching something or someone'	'get along'	'salvation of society' (p) (r)
'tell the public about facts, events etc'	'be on good terms'	
'tell the public about a product or service'	'hit it off'	
'public'	'relate to'	
'state'	'fit in'	
'government'	'rapport'	
'the public sector' 'nationalized'	'bond'	

'in public' 'publicly' 'openly' 'officially' 'publicize' 'announce' 'publish' 'broadcast' 'make smth public' 'promote' 'advertise' 'publicity' 'propaganda', 'well-publicized'	'chemistry' 'affinity' 'ties' 'go out with' 'be seeing' 'be dating' 'be going steady' 'have a relationship' 'have an affair' 'be involved with affair' 'romance' 'fling'	Соответствия признаков: p-6 r-11
--	---	---

Как показано в таблице, соотношение соответствующих признаков: p-6 - r-11. На основании этого можно констатировать, что компонент *relations* является главным «семантическим вектором», мотивирующим связь номинации *public relations* с концептом PR. На ментальном уровне это выражается в том, что именно стимул *relations* вызывает ассоциации с образом искреннего человеческого общения, а семы, входящие в состав семемы *relations*, играют определяющую роль в формировании семантики нового знака и позволяют дифференцировать концепт PR в ряде других концептов убеждения (*propaganda, lobbying, advertising*).

Заметим также, что номинация *public relations* построена на своеобразном семантическом контрасте и в то же время дублировании смысла. С одной стороны здесь соединяются противоположные смыслы: в семеме *public* доминируют семы массовости, многочисленности, усредненности, что уже само по себе исключает индивидуализацию (ср. '*people in general*', '*society*', '*state*', '*not private*'). В то же время в семеме *relations* доминируют семы близости, интимности, преобладания индивидуального над общим (ср. '*treat*', '*think*', '*feel*', '*behave*', '*close connection*', '*family*', '*feeling*'). С другой стороны, обе семемы включают сему '*people*', отсюда и возникает усиление ассоциации с человеческим общением, что является определяющим, базисным концептуальным признаком номинации.

Периферийными, связанными с базовыми, являются четыре признака, которые перешли в семантическое поле концепта PR из концептов *lobbying, propaganda, advertising*: 1) '*manipulation of information to influence public opinion by means of disseminating one-sided or false information*' (*propaganda*); 2) '*to influence government or legislators*' (*lobbying*); 3) '*persuading the public to respond in a certain way*'; 4) '*the promotion of ideas, companies, goods and services through paid messages*' (*advertising*).

Таким образом, языковая семантика открыла путь из мира собственно языка в мир реальности и стала связующим звеном между этими двумя мирами. Под воздействием экстралингвистических факторов - потребности общества в организации качественно новой деятельности, более орден-

тированной на человека, в усилении эффективности межличностного общения - язык приобрел новый элемент *public relations*, который отразил качественно новое содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. - М.: Академический проект, 2004, с. 42-67.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. – 59 с.
3. Игнаткина А.Л. Социокультурные факторы образования термина Public Relations // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – Саратов: Издательство: Саратовская государственная юридическая академия (Саратов). - Выпуск 6, 2007. - С. 229-233.
4. Hargreaves I. Spinning out of control // History Today. March 2003. V. 53, iss. 3. 2003. – P. 38-40.
5. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge University press, 1995. – 1773 p.
6. Бернейс Э. Манипуляция общественным мнением: как и почему // Полис. 2012. №4. С. 149-159.
7. <http://www.worldmag.com/world/olasky/Prodigal/appendix.html> (дата обращения 09.03.14).
8. Fry S.L. How to succeed in the new Europe. // Public Relations Journal. January 1991. – P. 17-21.
9. Шомели Ж., Уисман Д. Связи с общественностью. – СПб: Издательский Дом «Нева», 2003. – 128 с.
10. Игнаткина А.Л. Специфика репрезентации концепта PublicRelations фразеологическими средствами американского и британского вариантов английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 25 с.
11. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления// Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001: – С. 52-57.
12. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group UK, 1992. –: 1528 p.
13. Longman Language Activator. – Longman Group UK Limited, 1997. – 1587 p.

Volodymyr Konkulovskyy,
Ternopil National Pedagogical University, Ukraine,

Translating strategies while transcoding movie text “The Addams Family”

Abstract: The article focuses on the analysis of the main translating strategies and tactics while transcoding comedy movie “The Addams Family” based on Ukrainian and Russian translations; it highlights the main translating methods used by professional translators while recreating the linguistic and cultural components of a verbal text.

Keywords: Film translation, adaptation, realia, adequacy.

Конкульовський Володимир,
*Тернопільський національний педагогічний університет
ім. В. Гнатюка, Україна*

Перекладацькі стратегії при транскодуванні кіно тексту “The Addams Family”

Анотація: У статті здійснено перекладознавчий аналіз стратегій та тактик при транскодуванні кінокомедії “The Addams Family” на матеріалі українських і російських перекладів; висвітлено основні способи перекладу, які використовували кіноперекладачі при відтворенні лінгвокультурної складової вербального тексту.

Ключові слова: Кінопереклад, адаптація, реалія, адекватність.

Традиційна комедія загалом і чорна комедія зокрема почасти вважаються найскладнішими піджанрами у кіномистецтві, адже розчудити глядачів зазвичай легше ніж розсмішити, підтвердженням цьому виступають численні успішні драми та обмежена кількість насправді відмінних комедійних кінотекстів. Справжнім мистецтвом вважається вміння розсмішити реципієнтів за допомогою лише однієї фрази.

Ключовим завданням для перекладача залишається адекватне відтворення гумористичного ефекту у знакових мовленнєвих актах через вербальну складову кінотексту засобами приймаючої лінгвокультури, зберігаючи при цьому характерологічні особливості персонажів, композиційну цілісність, передаючи прагматику повідомлення, стилістичну направленість та семіотичну своєрідність ВТ [1; 2].

Актуальність даної проблематики зумовлена відсутністю в Україні теоретичних і практичних розвідок комплексного характеру у галузі кіноперекладу.

Мета даної статті полягає у висвітленні перекладацьких втрат у ключових, сюжетоформувальних мовленнєвих актах у кінотексті *"The Addams Family"* на матеріалі українських перекладів. У нашому дослідженні ми виділимо основні способи перекладу, які використовували кіноперекладачі, проаналізуємо доцільність їх застосування, а також запропонуємо адекватні варіанти перекладу.

Одним із хрестоматійних кінофільмів піджанру чорної комедії вважається культова кінокартина *"The Addams Family"* (*"Сімейка Адамсів"*), яка не містить непристойного гумору, натомість постає сумішшю ексцентричних персонажів, мовлення яких характеризується іронією, самоіронією та сарказмом із неординарним сюжетом, в основі якого лежить "зворотнє" сприйняття світу в його анормативній концептуалізації, де гумористичний ефект викликають жарти над табуйованими темами. Кінотекст *"Сімейка Адамсів"* демонструє світ навиворіт, показуючи усталені традиційні моральні цінності, питання життя і смерті у комічних ситуаціях.

Уся специфіка чорного гумору в кінотексті будується на поєднанні вербального та візуального елементів, адже чорний гумор не зрозуміти як без звуку, так і без відеоряду, звідси певну проблему становить адекватне відтворення цих нероздільних компонентів, особливо зважаючи на те, що досліджуваний кінотекст має яскраво виражену домінуючу відеоряду. Чорний гумор почасти базується на стилістичному прийомі ошуканого очікування при зіткненні специфічного вислову та нетипової ситуації, де відбувається зіставлення, яке і продукує чорний гумор.

Сюжетомаркованим з точки зору інваріантних жанрово-стилістичних ознак чорної комедії вважається наступний мовленнєвий акт. Під час романтичного вечора на сімейному кладовищі Гомес та Мортішіа згадують свою першу зустріч:

MORTICIA

When we first met years ago, it was an evening much like this. Magic in the air.
A boy.

Коли ми вперше зустрілись був такий же вечір. Магія у повітрі. Хлопець.

GOMEZ

A girl — Дівчина.

MORTICIA

An open grave. It was my first funeral.

Відкрита могила. Це були мої перші похорони.

GOMEZ

You were so beautiful. Pale and mysterious. No one even looked at the corpse.

Ти була такою красивою. Блідою і загадковою, ніхто навіть не дивився на труп.

MORTICIA

Last night, you were like some desperate howling demon. You frightened me. Do it again.

Учора ти був як безутішний, виючий демон. Ти налякав мене. Зроби це ще раз.

В аналізованому мовленнєвому акті спостерігається одразу подвійний ефект ошуканого очікування, який вважається фундаментальним для створення чорного гумору через вербальну складову кінотексту. Після репліки: "*Коли ми вперше зустрілись був такий же вечір. Магія у повітрі. Хлопець, дівчина*" реципієнти апріорі очікують на певне романтичне продовження історії, натомість Мортісія промовляє типовим для її образу меланхолічним голосом: "*Відкрита могила. Це були мої перші похорони*", після чого Гомес із демонічно пристрасним виразом обличчя захоплено продовжує: "*Ти була такою красивою. Блідою і загадковою, ніхто навіть не дивився на труп*", створюючи комічність через анормативну модель світосприйняття, адже, виходячи з тексту, для соціопатних персонажів Адамсів, згідно з критеріями представників "чужого" простору, світу Зла, за зовнішніми ознаками бліда і загадкова, немов труп, Мортісія, вважається еталоном краси.

Окрім прийому ошуканого очікування, варто відзначити важливе для створення гумористичного ефекту використання в одній репліці несумісних, дистантних з точки зору стилістичного забарвлення, лексичних одиниць "*beautiful*" та "*corpse*". У продовженні аналізованого мовленнєвого акту Мортісія промовляє: "*Учора ти був як безутішний, виючий демон. Ти налякав мене*", додаючи звабливим голосом "*зроби це ще раз*", продукуючи цією реплікою сміх через ефект ошуканого очікування.

Ось ще один мовленнєвий акт, що характеризує стосунки подружньої пари, в якій, не зважаючи на власні дивацтва та спотворений, на думку більшості людей, спосіб життя, палає неземне кохання, повага, вірність, тобто ті чесноти і цінності, що вважаються фундаментальними у будь-якій сім'ї, яка живе за загальноприйнятими, унормованими правилами:

MORTICIA

Don't torture yourself, Gomez. That's my job.

Не вини себе, коханий. Це моя робота.

Окрім ефекту ошуканого очікування, який викликає фраза "*це моя робота*" після репліки "*не вини себе, коханий*", ключовим залишається відтворення

лексеми "torture" для адекватного транскодування вихідної семантики мовленнєвого акту. Запропонований варіант "не вини себе" не можна вважати адекватним, оскільки лексема "винити" передбачає моральні переживання та муки, у той час, як, з точки зору характерологічного контексту, ключовою персонажною ознакою членів сімейства постає схвальне ставлення до фізичного болю, яке закладене у семантиці ВТ, саме тому прийнятним, з огляду динамічної еквівалентності, пропонується наступний переклад — "не катуй себе, коханий", оскільки з контексту відомо, що Адамси живуть за принципом — вона його катує, а він "кайфує".

У переважній більшості ключових мовленнєвих актів творці картини намагаються не лише викликати сміх у глядача, але також ще раз вказати через вербальну складову кінотексту у поєднанні з відеорядом на приналежність членів сімейки до вторинного світу антинорми.

Шукаючи у гардеробі цінні речі для благодійного аукціону, Мортішіа дістає три великі пакунки:

MORTICIA

"Uncle Niknak's winter wardrobe." "Uncle Niknak's summer wardrobe." "Uncle Niknak."

Що у нас тут? Так... зимовий гардероб дядька Нікнака... Літній гардероб дядька Нікнака... Дядько Нікнак.

Гумор в аналізованому мовленнєвому акті викликає ефект ошуканого очікування. У перекладі не вдалось успішно транскодувати вихідну семантику, оскільки завдання транслята ускладнила конструкція оригінальних реплік, кожна з яких розпочиналась із однакового словосполучення "uncle Niknak", у той час, як у ПТ не збережено цю особливість. Завдяки специфічній синтаксичній конструкції реплік, побудованій на акцентованому повторі з використанням словосполучення "uncle Niknak" на початку кожного речення, саме останній пакунок "uncle Niknak" викликає сміх через ефект ошуканого очікування. В адаптованій версії не збережений ключовий повтор на початку кожного речення, що було неможливим з точки зору специфіки української мови, що, відповідно, призвело до втрати прагматичного значення оригіналу. Адекватним вважаємо варіант із застосуванням прагматичної адаптації — "осіннє пальто дядька Нікнака, літній комбінезон дядька Нікнака, труп дядька Нікнака".

Перед прем'єрою шкільної вистави Мортішіа зустрічається із класним керівником Уенсей, яка стурбована моторошним малюнком дівчинки, представленим на виставці:

SUSAN

Wednesday is an excellent student, but frankly, I'm concerned. This is our class bulletin board. This month our theme is "Our Heroes", people we love and admire. Susan Ringo has chosen the President. And Harmony Feld has picked Jane Pauley.

MORTICIA (concerned)

Have you spoken to her parents?

SUSAN (*not comprehending*)

But Wednesday brought in this picture — "Calpurnia Addams."

MORTICIA (*touched and very proud*)

Wednesday's Great Aunt Calpurnia. She was burnt as a witch in 1706. They say she danced naked in the town square, and enslaved a minister.

SUSAN (*shocked*)

Really?

MORTICIA

Oh, yes. But don't worry, we've told Wednesday — college first.

Автор картини намагається показати, що справжніми кумирами та героями повинні бути найближчі родичі, а не розпіарені зірки-селебріті, адже саме на зберіганні та плеканні сімейних цінностей будується головна концепція усього кінотексту. Звідси, абсолютно зрозуміло, чому вибір президента Буша та відомої телеведучої Джейн Поллі викликає подив і шокує Мортішію, яка з гордістю згадує харизматичну тітку Кальпурнію. У перекладі можливо замінити онім Джейн Поллі, який створює лакуну в сприйманні реципієнтами ПТ, оскільки ім'я американської телеведучої залишається незнайомим українській аудиторії, на зірку міжнародної величини і всесвітнього масштабу, як, наприклад, Деммі Мур чи Мадонну, що зрештою дозволить нівелювати асиметрію в асоціативних рядах і картинах світу представників вихідної та цільової лінгвокультур. Проте, у ПТ транслятор залишив незмінним локальний онім Джейн Поллі, що вважається допустимим саме через особливий семіотичний характер кінотексту, який передбачає наявність відеоряду, що почасти впливає на перекладацькі рішення. На екрані класний керівник Уенсдей, розповідаючи про кумирів, яких обирали учні, вказує на обкладинку журналу із фотографією, невідомої для більшості вітчизняних глядачів, Джейн Поллі, саме тому використання контекстуальної заміни "Мадонна" викличе дисонанс між вербальним та невербальним рівнями. З точки зору інваріантних елементів досліджуваного піджанру, транскодованих на текстовому рівні, в аналізованому мовленнєвому акті зосереджена фундаментально-хрестоматійна есенція чорного гумору, де комічність викликана ефектом ошуканого очікування, який продукується несподіваною реакцією матері на моторошний малюнок своєї доньки і хвилювання класного керівника. Мортішія не лише аномально спокійно сприймає творіння Уенсдей, але ще й із гордістю захоплено розповідає про легендарну родичку, яку спалили у далекому 1706 році за звинуваченням у відьомстві.

Усе змістове наповнення продукує чорний гумор через "зворотнє" сприйняття світу в його аномативній концептуалізації та поєднання непоєднаних опозицій, а саме уособлення сакрального "верху" в лексемі "minister" і демонічного "низу", представленого лексемою "witch", що апіорі вважаються несумісними. Відтворення лексеми "witch" потребує тезаурусного методу аналізу, зважаючи на широкий синонімічний ряд, де можливі різні

варіанти транскодування. В аналізованому мовленнєвому акті запропонований український відповідник "відьма", що характеризується яскраво вираженою негативною конотацією, вважається адекватним для досягнення прагматичної еквівалентності ПТ, оскільки з контексту відомо, що Кальпурнія постає лиходійкою. З точки зору лексичного наповнення, досліджуваний мовленнєвий акт не викликає особливих труднощів при перекладі, проте у реченні "*they say she danced naked in the town square, and enslaved a minister*" — "*казали, що вона танцювала голою на головній площі і зробила **міністра** своїм рабом*" допущено хибу, оскільки у цьому контексті для досягнення ще більшого комічного ефекту доречнішим варіантом вважається наступний — "*казали, що вона танцювала голою на головній площі і спокусила **священника***". Як відомо, серед потрактувань лексеми "*minister*" міститься не лише "*міністр*", але також "*священник*", "*пастор*".

Таким чином, у ході нашого дослідження ми здійснили перекладознавчий аналіз стратегій та тактик при транскодуванні кінокомедії "*The Addams Family*" на матеріалі українських перекладів; висвітили способи перекладу, які використовували кіноперекладачі.

Проблематика дослідження має суттєві перспективи, актуальне теоретичне та практичне значення для перекладознавства з огляду на всезростаючу популярність кіно в Україні та водночас відсутність теоретичних і практичних розвідок комплексного характеру у галузі кіноперекладу.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Горшкова В. Е. Перевод в кино Текст. / В. Е. Горшкова. — Иркутск: МИГЛУ, 2006. — 278 с.
2. Слышкин Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова // Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Водолей Publishers, 2004. — 164 с.

Bestolkova Galina Vasilievna,
*Lecturer, Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Department
of French Language for Faculties of Humanities; PhD
(specialty - 10.02.20 Comparative-historical, typological
and comparative linguistics)*

The problem of intercultural communication during the era of globalization

Abstract: In this article, we try to consider problems of intercultural communication during the era of globalization and to analyze the process of exchange of information between representatives of different cultures and languages. The thing is that today every profession is connected with intercultural communication and in this situation communication mistakes may cause serious problems.

Key words: language, modern society, sociolinguistic situation, national identity, intercultural communication, globalization.

Проблема межкультурного общения в эпоху глобализации

Аннотация: В данной статье мы рассматриваем вопросы, связанные с проблемой межкультурного общения в эпоху глобализации. Дело в том, что сегодня, благодаря глобализации, практически любая профессиональная деятельность связана со взаимодействием между культурами и ошибки, а также коммуникативные неудачи могут стать причиной более серьезных неудач.

Ключевые слова: язык, современное общество, социолингвистическая ситуация, национальная идентичность, межкультурная коммуникация, глобализация.

Еще с древнейших времен было известно, что залогом успешной межкультурной коммуникации является не только хорошее знание языка другого народа, но и, что не маловажно, знание обычаев, традиций и культуры

другого народа. Недаром народная мудрость гласит: если ты в Риме, то делай как римляне (if you are in Rome, do as Romans do; si estás en Roma, haz como los romanos hacen), в чужой монастырь со своим уставом не ходят и т.д. Знакомясь с обычаями и традициями других народов, мы, так или иначе, сравниваем свою национальную культуру с культурой другого народа, и это сравнение позволяет нам осознать уникальность и неповторимость родной культуры, ибо все познается в сравнении.

Межкультурная коммуникация – это диалог культур, который способствует взаимопониманию, а также взаимообогащению этих культур. Развитие и процветание любой культуры невозможно без взаимодействия с другими культурами. Но, процесс взаимодействия культур способствует формированию общих, интернациональных черт у данных культур, что, с одной стороны, облегчает межкультурный диалог, а, с другой стороны, может привести к потере национального колорита этих культур. И сегодня, в эпоху глобализации, перед нами стоит трудная задача - сохранить уникальность национальных культур и упрочить взаимосвязи между ними.

Однако, какими бы разными не были мировые культуры, есть то, что их объединяет и это – человек. В философии даже существует определение культуры в виде “форм духовного и политического саморазвития человека и общества.” [Краткий философский словарь, 2001, с.170] Все без исключения мировые культуры построены на социальной основе, где ключевая роль принадлежит человеку. Этой точки зрения придерживался и великий немецкий философ Людвиг Фейербах (1804 - 1872), считавший основополагающей идею ‘единства человеческой сущности’. [там же, 17-18, 408-409] М.М. Бахтин в своей книге “Человек в мире слова” утверждал, что “взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур. Основой его является человеческое, гуманистическое, нравственное в каждой культуре.” [Бахтин М.М., 1995, с. 212] Единство всего человечества и всех человеческих культур проявляется, например, в схожих системах ценностей, похожих традициях и праздниках, в практически аналогичном отношении к окружающей среде и т.п.

Бесспорно, что любые две национальные культуры никогда не совпадают полностью, даже, несмотря на то, что каждая из них состоит из национальных и интернациональных единиц. Не вызывает сомнений так же и то, что национальная культура во многом определяет характер межкультурной коммуникации, а учет ее специфики определяет успех межкультурного диалога. Само слово коммуникация произошло от латинских слов *communicatio*, *-ionis* (f) (= сообщение [Русско-латинский словарь, 2002, с. 58]) и *communīco* (= сообщать, общаться [там же, с. 58]). В современной лингвистике термин коммуникация означает сообщение или передачу при помощи языка некоторого мысленного содержания. [Ахманова О.С., Словарь лингвистических терминов, 2004, с. 200-201]

Общеизвестно, что в процессе коммуникации происходит обмен сообщениями, т.е. происходит передача информации от одного участника коммуникации к другому. Иными словами, коммуникация - это всегда двухсторонний процесс, где одна сторона – отправитель, который передает сообщение, а другая – получатель (реципиент), который принимает это сообщение. Поскольку люди не умеют общаться и передавать друг другу сообщения с помощью, например, электрических импульсов, посылаемых от одного мозга к другому, то информация сначала кодируется с помощью определенной символической (знаковой) системы, затем она передается адресату, который ее декодирует и интерпретирует. [<http://www.krugosvet.ru>]

Коммуникация всегда появляется в тех случаях, когда какое-либо поведение или его результат выступают в роли некоторых символов или знаков, несущих в себе определенное значение. Существует два основных вида коммуникации в человеческом обществе - вербальная коммуникация (языковая коммуникация) и невербальная коммуникация (неязыковая коммуникация). На примере пантомимы можно увидеть, что до определенного момента человек способен изъясняться, не прибегая к помощи языка, только с помощью мимики, жестов и других действий. Однако, отдельные действия далеко неоднозначны и могут быть поняты только лишь в определенном контексте. Так, пожатие плечами может означать, например: я не знаю, мне все равно, ничего не поделаешь и т.д. [Der kleine DUDEN, 2005, с.15] Заметим, что вербальная и невербальная коммуникации в повседневной жизни человека очень часто дополняют друг друга. К примеру, в разговоре с кем-либо, мы очень часто используем язык жестов, чтобы усилить сказанное нами или указать на что-либо; с помощью языка жестов мы можем дать понять собеседнику, что мы поняли о чем идет речь, что тема разговора нам интересна или, напротив, не интересна и т.п. Коммуникация отнюдь не ограничивается устной формой, существует и письменная форма коммуникации. Будет достаточным сказать о воздействии, которое может оказать на человека прочтение книги, журнала и т.д.

Что касается межкультурной коммуникации, то это особый вид коммуникации между людьми, который происходит в условиях значительно обусловленных культурными и национальными различиями, которые сильно усложняют задачу взаимопонимания и взаимодействия. Термин межкультурная коммуникация впервые был упомянут в книге Л.Самовара и Р. Портера *Communication Between Cultures* (Коммуникация Между Ккультурами), опубликованной в 1972 году. Главным компонентом в процессе межкультурной коммуникации является национальная культура, именно она во многом определяет характер коммуникации, а от учета ее специфики зависит успех межкультурного диалога. Любые две национальные культуры никогда не совпадают полностью, так как каждая из них состоит из национальных и интернациональных единиц, причем большую часть компонентов каждой культуры составляют национальные, специфические, уникальные единицы.

Национальная культура формирует человека и его взгляд на окружающий мир и на место самого себя в этом мире. Неслучайно многие исследователи сравнивают национальную культуру то с некой программой, заложенной в голову человека, то с экраном или фильтром, находящимся между человеческим обществом и окружающим его миром, то с призмой, сквозь которую преломляется восприятие окружающего мира, то с инструментом в руках человека и т.п.

В основе межкультурной коммуникации как научной дисциплины лежит наука антропология. Антропологизм (от греч. *anthropos* – человек и *logos* – учение, слово) – позиция, рассматривающая человека системнообразующим принципом. Антропологическая философия объясняет действительность из человека – базисной реальности. [Краткий философский словарь, 2001, с.17 - 18] Нет ни одной мировой культуры или цивилизации, которая не была бы построена на социальной основе, где ключевая роль принадлежит человеку. В силу своей актуальности и сложности межкультурная коммуникация является предметом изучения многих дисциплин, в том числе социологии, когнитивной лингвистики, типологии языков, социальной психологии и т.д.

Межкультурная коммуникация – коммуникация, участники которой для передачи информации используют специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми они пользуются при общении внутри одной и той же культуры. [<http://www.krugosvet.ru>] В процессе коммуникации, при обмене информацией между ее участниками, происходит процесс воссоздания смыслов и образов, которые могут не совпадать даже у людей, говорящих на одном и том же языке и выросших в одной и той же культуре. Таким образом, когда речь идет об участии в коммуникации представителей разных культур и языков, процесс коммуникации осложняется настолько, что о полном взаимопонимании можно говорить лишь с известной долей иронии. Например, образы и ассоциации, вызываемые одним словом у носителей разных культур, в большинстве случаев, различны, даже, если они говорят на одном языке. Так, для австралийца зима – это самое жаркое время года, характерной особенностью, которого являются длинные зимние засухи, тогда как для англичанина или канадца зима – самое холодное время года. Достаточно сказать, что для англичанина словосочетания: “зимние засухи” и “июнь – середина зимы” звучат очень странно, тогда как для австралийца в данных фразах, отражена объективная реальность, в которой он живет. И это отнюдь не единичный пример, доказывающий что носителям одного языка порой сложно понять друг друга. В большинстве подобного рода случаев причинами взаимного непонимания становится географическая распространенность языка. Иными словами, другие географические широты сильно меняют ассоциации слов. К примеру, испанцу трудно понять о чем идет речь в стихотворении уругвайской поэтессы Хуаны де Ибарбуру (Juana de Ibarbourou) под названием:

Verano:

*Para el bello morado y húmedo de la vaca
 Florece la llanura en el mes de febrero.
 El paso está inocente de su destino oscuro
 Y alza al cielo, orgulloso, cada capullo nuevo.
 Pero un día, a la hora primera centellea
 La hoz, como una luna que bajó con el alba,
 Y caen las hojas finas mezcladas de corolas
 Que mecieron el iris sobre la tierra ancha...*

[Juana de Ibarbourou (8.03.1892 -15.07.1979)]

Дело в том, что *verano* в переводе с испанского языка означает *лето*, но в стихотворении есть упоминание о месяце *феврале*, что для испанца непонятно, так как в Испании февраль – это зимний, а не летний месяц. Однако, для латиноамериканца это реалии в которых он живет, поскольку в южном полушарии лето длится с 1 декабря по 28-29 февраля. В связи с этим неудивительно, что в стихотворении упоминается цветущая в феврале долина. (*Florece la llanura en el mes de febrero.*)

Зачастую пребывание в другой стране равносильно попаданию в другой мир, “в царство загадочных знаков и неведомых символов.” [Овчинников Вс., 2007, с.19]. Говоря о коммуникации, особенно межкультурной, мы говорим о сложных категориях (системы ценностей, мотивы, установки, стереотипы, предрассудки, образы, ассоциации и т.п.), играющих ключевую роль в процессе общения или обмена информацией, без знания которых невозможно добиться успеха в коммуникации. К примеру, в Китае, для обозначения времен года используются названия живых цветов, и каждое из этих цветочных названий метафорически соответствует определенному периоду человеческой жизни, а также служит воплощением определенных образов и концепций. Так, пион, обозначающий весну, является символом любви и семейного счастья, поэтому его часто изображают на подарках для молодоженов. Лотос служит для обозначения лета, а также душевной частоты и милосердия, так как в нем, по мнению китайцев, воплощены слова Будды о том, что даже среди болотной грязи можно оставаться незапятнанно чистым. Хризантема, расцветающая вопреки инею и обозначающая осень, символизирует душевный покой и стойкость – качества, особенно ценимые на закате жизни человека. Слива, расцветающая в Новый год по лунному календарю, - это символ зимы и одной из главных черт национального китайского характера – жизнерадостности среди невзгод. [Овчинников Вс., 2007, с.19]

Таким образом, межкультурная коммуникация включает в себя следующие компоненты:

1. принципы и условия коммуникации;
2. специфика национальной культуры;

3. влияние национальной культуры на коммуникацию и человеческую деятельность в ее разнообразных сферах и видах.

Сегодня в эпоху глобализации проблема межкультурного общения актуальна как никогда. В связи с этим в настоящее время публикуется огромное количество литературы, посвященной различным аспектам межкультурной коммуникации. Появляются даже целые серии изданий, где в увлекательной и шутиливой форме рассказывается о нравах и обычаях разных народов, приведены традиции и законы различных государств, даны советы как вести себя в чужой стране и развенчиваются наши устоявшиеся предубеждения перед иностранцами.

Одна из таких серий появилась в России в 2000 году под названием: ВНИМАНИЕ: ИНОСТРАНЦЫ!. Все книги данной серии снабжены девизом путешественника: *кто больше знает, тот меньше влипает*. В рамках данной серии можно найти книги, посвященные практически всем народам и национальностям мира под заголовками: *Эти странные швейцарцы, Эти странные бельгийцы, Эти странные французы* и т.д. [Москва, Эгмонт Россия Лтд., 2000.]

Хорошим примером, демонстрирующим к чему может привести незнание культуры и языка другой страны, может служить история, рассказанная известным российским китаистом, долгое время проработавшим в Китае, Всеволодом Овчинниковым: в первый год своей работы в Китае, он в непринужденной беседе, в одной из уличных харчевен Пекина, объяснял особенности китайской национальной культуры нашему дипломату и его супруге. Они сидели под платаном, где с ветвей дерева свешивались бумажные ленты с надписями, восхвалявшими здешнюю лапшу. Супруге диплома понравились иероглифы и она, не зная их значения и воспринимая их как картинки не более того, попросила через переводчика хозяина харчевни отрезать на память два иероглифа. Несколько удивленный, владелец харчевни выполнил просьбу иностранки. Супруга дипломата взяла куски бумажной ленты с изображенными на них иероглифами и убрала их в сумочку, а затем отнесла их портному с просьбой вышить эти иероглифы золотом на вечернем, бархатном платье, в котором она и отправилась с мужем на торжественный прием по случаю национального праздника КНР. Увидев ее китайский премьер Чжоу Эньлай чуть не упал от изумления, так как на одной груди жены дипломата было написано “вкусно”, а на другой “дешево”. [Овчинников Вс., 2007, с.19] Таким образом, этот пример показывает, что незнание культуры и языка другого народа всегда приводит к взаимонепониманию и, как следствие, провалу межкультурной коммуникации.

Рассмотрим более подробно одну из книг, упомянутой ранее серии - ВНИМАНИЕ: ИНОСТРАНЦЫ! *Эти странные швейцарцы*. [П. Билтон, 2000.] Обратимся к содержанию данной книги. Первое с чего автор (Пол Билтон) начинает свой рассказ о швейцарцах – это самосознание. В рамках данной

главы автор описывает главные компоненты национального самосознания швейцарцев: какими они видят себя, какими они видят других, какими их видят другие и т.д. [П. Билтон, 2000, с. 5-14] Затем автор переходит к рассмотрению характера швейцарцев. Так, определяя характер швейцарского народа, он пишет: “Характер территории страны и ее горные ландшафты оказывают решающее влияние на мировоззрение и менталитет швейцарцев. Образ их мышления можно назвать долинным – швейцарец постоянно озабочен тем, что происходит на его отдельном от остального мира участке, в долине, где он живет, и особенно – что делается в соседней долине: уж не зеленее ли там трава на лугах?” [П. Билтон, 2000, с.15] Неудивительно, что автор начинает повествование с подробнейшего описания самосознания и характера народа Швейцарии, поскольку в понимании этих концептов лежит ключ к взаимопониманию между народами и установлению успешной межкультурной коммуникации.

Дело в том, что человек постигает мир посредством органов чувств и на этой основе он впоследствии создает систему представлений о мире. Затем, осмыслив результаты своего восприятия, пропустив их через свое сознание, человек передает их другим членам своего сообщества с помощью языка. Но путь от окружающей нас реальности к понятию и далее к слову различен у разных народов, что можно объяснить различиями истории, географии, особенностями образа жизни этих народов, различиями развития их общественного сознания и т.п. А так как сознание человека обусловлено и коллективно, т.е. обычаями, традициями, образом жизни, и индивидуально, т.е. специфическим восприятием мира, характерным данному человеку, то выходит что язык напрямую не отражает действительность. ‘Метафора с зеркалом уже не точна, как казалась вначале, потому что зеркало оказывается кривым: его перекося обусловлен культурой говорящего коллектива, его менталитетом, видением мира или мировоззрением’. [Тер – Минасова С.Г., Москва, 2004, с.39-40] Поэтому далее в этой книге подробнейшим образом описываются ценности и верования швейцарского общества, обычаи и традиции, поведение и манеры, пристрастия и предрассудки швейцарского народа, а также особое внимание уделено языковому многообразию данной страны.

Содержание данной книги еще раз показывает насколько важно для установления межкультурной коммуникации знание моделей общения, культурных стереотипов, ценностных ориентиров, образов и символов культуры другого народа. Стоит также упомянуть книгу отечественного этнографа А.Н. Кожановского “Быть испанцем...”, который много лет посвятил изучению различных аспектов жизни испанского общества. Уникальность этой книги заключается в том, что читатель знакомится с живыми и оригинальными выводами, получая страноведческую информацию из первых рук и заново в очередной раз открывает для себя испаноязычный мир. Главная тема данной книги – неповторимость и неискоренимость традиции, явно или скрыто

проявляющейся во всем и делающей Испанию и ее жителей не похожими ни на кого на свете. [А.Н. Кожановский, 2006, с.2-8]

Как мы видим, межкультурная коммуникация имеет четко выраженный прикладной аспект. Ведь это не только наука, но, и что не маловажно, определенный набор знаний и навыков, которыми можно и нужно владеть, особенно сегодня, когда, благодаря глобализации, практически любая профессиональная деятельность связана с взаимодействием между культурами, когда ошибки и коммуникативные неудачи могут стать причиной более серьезных неудач. К примеру, в настоящее время большое число людей работает в так называемых мультинациональных корпорациях, где работают люди разных национальностей и культур и где ошибки в коммуникации могут привести не только к неэффективной работе коллектива, но и социальной напряженности внутри компании, срыву международных переговоров и т.д. Осознание того, насколько важна роль языка в межкультурной коммуникации, привело к появлению лингвострановедческих словарей. В частности, в настоящее время появилось множество лингвострановедческих словарей, посвященных англоязычным странам. Это объясняется тем, что сегодня ареал распространения английского языка очень велик (Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Мальта, Гибралтар и др.) и, к тому, же английский язык в последние десятилетия стал языком международного, интернационального общения и приобрел статус так называемого глобального языка ("Global Language", "Globish"). В качестве примера, приведу лингвострановедческие словари, которые были опубликованы в 1997 году: The Dictionary of Canadian English (A Dictionary Of Canadisms On Historical Principles)[Словарь канадского варианта английского языка (Словарь канадизмов, составленный по историческому принципу)], The Dictionary of New Zealand English (A Dictionary Of New Zealandisms On Historical Principles) [Словарь новозеландского варианта английского языка (Словарь новозеландизмов, составленный по историческому принципу)], а так же словарь австралийского варианта английского языка – The Macquarie Dictionary (Словарь Макквори) (1981г.). Помимо этого, появились словари, в которых, кроме общеупотребительной лексики, были собраны и слова-реалии, отражающие национальное и культурное своеобразие отдельно взятой страны. С помощью которых можно определить ценностные ориентиры нации и увидеть как они проявляются в процессе межкультурной коммуникации. К числу таких словарей относятся: From A To Z Of British Life [Британская жизнь от А до Я] (Dictionary Of Britain, London, 1986), The Longman Dictionary Of English Language and Culture [Издательство «Лонгман», Словарь английского языка и культуры](Barcelona, 2001), Россия. Русско-английский культурологический словарь. Под общ. рук. С.Г. Тер-Минасовой (Москва, 2002.) и др. Учитывая всю сложность и многогранность данного вопроса, во многих странах создаются целые организации, целью которых является изучение национального

характера и его специфики, для обеспечения успешной межкультурной коммуникации как внутри страны, так и за ее пределами. Например, в 1977 году в Соединенных Штатах Америки была создана специальная Национальная лаборатория характера США, главной задачей которой является исследование национального американского характера.

Таким образом, современному мировому сообществу, основанному на принципе разделения труда, в эпоху глобализации для дальнейшего развития и процветания жизненно необходима успешная межкультурная коммуникация между представителями разных культур, как внутри самих стран, так и за их пределами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Издание 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004 – 576 с.
2. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Знание, 1995. – 226с.
3. Билтон Пол Эти странные швейцарцы. (Серия “Внимание: иностранцы!”) Пер. с англ. Р.Воскерчяна. – М.: Эгмонт Россия Лтд., 2000. – 72с.
4. Краткий философский словарь. Под редакцией А.П. Алексеева. Издание 2-е, переработанное и дополненное. – М.: ПБОЮЛ М.А. Захаров, 2001 - 496 с.
5. Кожановский А.Н. Быть испанцем...: Традиция. Самосознание. Историческая память. М.: АСТ: Восток - Запад, - 2006. – 318, [2] с.: ил.
6. Овчинников Всеволод Тайна прорицателя. // Российская газета. (www.rg.ru) – Россия, № 77 (4340), 13 апреля 2007. – С.19
7. Подосинов А.В., Белов А.М. Русско-латинский словарь. – 3-е изд., испр. - М.: Флинта: Наука, 2002. – 376 с.
8. Тер – Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2004. – 262 с.
9. Der kleine DUDEN, Deutsche Grammatik. Издание 2-е, исправленное и дополненное. - Санкт – Петербург, Изд-во «ТРИГОН», 2005. – 500 с.
10. [http://www.krugosvet.ru]

Panesh U.M., Sokolova G.V., Panesh S.R., Kerasheva F.N.

Actual problems of holistic study of Soviet literature

Abstract. The objective of this research work - redefining the value of the literary process of the Soviet age in the light of trends in the development of modern literary criticism. The reason for writing is in the necessity of finding bases for the construction of this version of the cultural-historical age, to present to the world civilization experience of interaction and mutual enrichment of a variety of national literatures. The study is performed by presenting the national literature in the form of the world's artistic and aesthetic process. As a result the concept of socialist realism as a new version of realism enriched the literary theory and aesthetic thinking in general. Testify to this, and the conquest of the Soviet theoretical school, proclaimed the idea of "being as acts" and necessarily relies on high moral thought. An opportunity to use the following results of scientific work is seen in the research literature of the twentieth century, aimed at defining the place of Soviet literature in the world literary process, clarification of its periodization, revealing the artistic merits in relation to the new outlook. It is possible to influence the results of this study on the nature of the socio-political processes in the country and the world, due to the revaluation of values, the need for objective, impartial, comprehensive understanding of the nature of this literature in the context of the complex processes taking place both in the domestic and world culture of the twentieth century. Range of modern literature, which research lies in the field of mutual influence and mutual enrichment of national literatures, reflecting social foundations in the formation artistic method age, will benefit from this work.

Keywords. Socialist realism, artistic method, aesthetic unity, determinism, social and historical reality, the literary process, methodology, genre, graduation, tradition.

Socio-historical changes in the late twentieth century led to the loss of traditional ideological and aesthetic landmarks of Russian society. At this time, there is an opportunity to rethink the history of Russian literature of the twentieth century and to present it in variety, complexity and contradictions. Soul-searching has identified a new concept of the existing literary-historical process. There was a question: on what basis should be built real version of the cultural-historical age? The new approach was to come free from dogmatic methodology, the traditional Marxist-Leninist graduation socio-historical reality and associated artistic and aesthetic process.

During the organization of the study, we faced with the fact that there is no possibility to stay on the application of a single all-encompassing method. It is necessary to use the complex research methods and approaches. For example, a phenomenological approach, involving the identification of mind of the author through the text, allows the management of a wide enough research tools, which are updated during intention, intentionality, consciousness criticism, reflection, and subjective criticism. However, the characteristic of this approach for the description of a work of art out of the socio-cultural, historical and other context does not allow to fully explore the Soviet Romanist, in fact - to make a phenomenological approach is the only one in this case. At the same time, there is no opportunity to see it as a dominant, because in this case there is a risk predominance of subjectivity. And yet, this approach has its own organic role in our study.

To some extent, compensate for the gap between the context in the case of dominance of the phenomenological approach is intended to cultural-historical method of literary study. Its active use, in contrast, involves the perception of art as a researcher document of the age on the one hand, and the reflection of the spirit of the people, marking this age, in different periods of its historical development. It also gives the opportunity to operate such concepts as the nature of the people, civilization, race, the environment, the time, and the literary fact. With all the self-importance of the reduced number of fully is expected the question whether it is quite sufficient for the objective of presenting the individual traits of the hero, an adequate perception of the role of personality in history? Can we expect for self-use cultural-historical method fair consideration of individual psychological component? We believe that it is mutually supplemented by the use of the above method and approach will be called the most adequate research results.

In turn, the comparative-historical method, for thoughtful application of which is characterized by historical poetics, comparison, repeatability, impact, series, psychological parallelism and a plot to withstand throughout the course of the study the principle of historicism. It is based on historical and typological comparison, allowing significantly enrich the understanding of contact "horizontal" relations of national literatures "vertical" - typological characteristics, demonstrating the development of a variety of literature from the same root, a common fundamental traditions. Substantial support for the implementation of the comparative-historical method is a perception of the text in a foreign language within a cultural context. In a surprise semantic environment more clearly appear the previously hardly noticed the artistic merits, it would seem axiomatic works of Soviet literature.

Perception of the text is an essential support for the implementation of comparative-historical method within the cultural context of foreign language. The underlying principle of generalization of the social aspects of the research process can compensate to a certain extent the cost of methods and approaches, introducing accentuation on the primacy of the individual principle. We have already mentioned methods for the consideration of the features of the hero of a literary work that

deliberately significantly enhanced by writer to meet the desired artistic effect without going to the level of hyperbole and grotesque. These characters tend to be most fully consistent with the lyrical content of the work. These characters tend to be most fully consistent with the lyrical content of the work. At the same time begins to dominate such matter as a socio-historical context (artistic environment, background), the material world, social typing, the theory of reflection, the class approach and sociological poetics.

Taking into account the changing socio-economic structure and closed nature of the period of socialist realism, we can also give some attention to methods of research, focused on the reader. Receptive Aesthetics focuses on the text of a literary work as a product of the historical process, the reader is introduced into the field of literary studies, along with the community. It allows you to add the remaining unchanged own interpretations of events in the plot of the magnitude of the mobile product of the readership's interpretation undergone significant changes from the time when socialist realism has lost its dominant value as an artistic method.

From the dominance of receptive aesthetics in the research process should refrain, in our opinion, this method facilitates the distribution of the attention of researchers between high artistic expression patterns and phenomena of mass culture. In this case, there is some danger of unwittingly unobtrusive "creep" with the analysis of highly artistic literary production to the analysis of short-term, one-day works, designed for short-term mass effect. In our view, it is fair to assume that the receptive aesthetics would provide our complex that we have chosen here to use research methods and approaches are needed substance as building a sense of horizon of expectations, communicative certainty (or uncertainty), the strategy of the text and aesthetic distance.

The palette of techniques that could be involved in the organization of research, of course, is immeasurably wider of found above. However, we understand that increasing the number of methods used leads to an increase of not only their complementarity and mutual reinforcement, as the level of duplication of a method for the following functions. Therefore, we see it appropriate to restrict the designated range of methods as an essential set of research tools.

Attempts to develop a new concept were characteristic for a number of publications.

Sense of chaos and the resulting ideological vacuum has led a number of scientists not only to differences of opinion, freedom of poetry, but also to denying the social and historical determinism, and even ignoring the sense of artistic expression. Intensified the avant-garde trends in aesthetics, offering as a base of different formalist approaches, for example, the "principle of analysis of the history of poetic forms" or "the principle of studying the history of techniques," in certain situations could be productive. This confirms the idea that it is impossible to limit the study, relying only on one methodological approach. The idea is that the traditional historical view of the world is in need of updating, as well as one-sidedly interpreted

at the time of determinism. What is happening, so it became a repetition of an arduous journey, which took place in the early twentieth century, the world of philology, which demonstrated that the formation of literature can not be interpreted as a direct reflection of the socio-historical process, and that the complex world of art is formed of including and under the influence of internal factors, subjective tendencies, and even accidental circumstances. It became clear that it is important to commensurate the comparative-historical method with the other principles of the study.

At the same time, as noted by J. Whipper, it can not be ignored that "no improvement comparative analysis", which is based on the principle of historicism, is impossible to build "a comprehensive history of art", "not to mention the complex history of the culture as a whole" it is impossible to overcome the "pernicious influence of the positivist descriptive and topicality" [1: 285].

Reassessment of values of literary age of the twentieth century as an integral phenomenon in terms of methodology is associated with the definition of its external and internal boundaries. Graduation, which is based on socio-cultural and aesthetic approaches, allows us to give a reasoned, objective and logically verified structural and typological assessment of all literary epoch, designate phase of its formation, development cycles, which determine, in turn, genre structure, styles and artistic individuality.

It should be noted that the Soviet philological science in the course of its development has accumulated some experience in the analysis and systematization of the history of art of the word. It often relied on a politicized view of culture, which sometimes leads to a simplification of the artistic and aesthetic process. It is because there was a devaluation of the value criteria, which are now in need of revision and updating. Without this it is impossible to recreate the full picture of the literary process. At the same time, one can simply go "another means", and this trend is occurring today. One can not ignore the fact that decades of experience of theoretical understanding can help to reflect the prevailing art as a holistic phenomenon, deterministic as historical, cultural, and aesthetic factors, and each national literature - as something unrepeatable and unique. It is significant, for example, that the thus formed tradition was able to present to world civilization experience of interaction and mutual enrichment of dozens of national literatures "as a condition for the development of human civilization" [2: 26-29], which again is important in terms of methodology.

According to the above, it is worthy of attention the criteria for defining the outer limits of Soviet literature and the basic principles of its domestic gradation shown in the early 70s. in the prior works of Yu. Surovtsev, A. Buchis, N. Bassel et al. [3]. In determining the internal and external borders the science tried to start from the traditional Marxist-Leninist concept of the history of society. The onset of the new age of art expression is associated not with the chronological framework of the century, but with the advent of the cultural-historical age, the formation of which begins with

the early years of revolutionary transformation. It is typical for denoting the first phase (20-30-ies.) as the formative period of the literature "historic breakthrough".

The scientific tradition qualified the beginning of the formation of the world literature of the twentieth century in connection with the global socio-political events in the world - the First World War and the socialist revolution in Russia. This approach today deserves attention, as it may become effective for the objective of periodization and structural-typological qualifications of prose, poetry and drama. It is a question that is not always the external borders of the literary age coincide with the chronological milestones century. This, for example, evidence the peculiarities of literature XIX, XX centuries and selection of art expression late XIX - early XX century as a distinct literary-historical time. It should be noted further that the statement in the last qualifying surveys painting traditions of Russian literature into account, based on solid methodological justification, but it needs refinement and development. Sufficiently complete and seems legitimate, for example, point of view, which expresses N. Leiderman [4] focused on a holistic view of the literary process. The desire to connect "reconfiguration of the literary process" with the changes in the public consciousness, the spiritual atmosphere and translation in this regard, "the aesthetic plan" forced researchers to push the boundaries of the literary age to the end of the nineteenth century and the beginning date of the literary century 1890s. Scientist describes four stages, indicating including the fourth (1980-2000-ies.) As a time of "total social crisis", the search for new "cosmographical models of the world", "Birth of Russian modernism".

Systematization presented by Yu. Borev seems to us argued in historical and theoretical terms and consistent in terms of the definition of artistic development cycles. Internal borders of literature in this case exactly correspond with the chronological framework of the century. Five periods, according to the view of the author, are a law of the artistic process, correlated with cultural-historical reality and aesthetic consciousness of society at different stages of its development [5: 480-484].

The above attempts to introduce scientific gradation art words refer to Russian literature. It is expedient to draw and use them as a methodological key in the study of other cultures. This is due to the fact that the formation of individual national literatures based on a common cultural and historical situation and largely correlated art searches, although each of them has remained a special artistic substance. It should however be borne in mind that the unique nature of Russian literature of the twentieth century, multi-ethnic in nature, determined by trends such as the interaction and the formation of typological relationships. Therefore, a holistic analysis and systematization of the results of manifestation of these trends is impossible without analyzing it as a cross-literary process. Integrating literature and the formation of a single common Soviet culture was partly caused by the policy of the emerging socialist state and submitted to his ideologically oriented doctrine. And as it is known it inflicted damage on the creative process.

At the same time, convergence and interaction literature, borrowing artistic traditions filled word of art by quality content and ensure its rapid development. As a result, a new aesthetic unity, as the domestic literature turned to be, presented the world civilization with an incomparable experience. It must therefore go on the analysis of the national identity of individual aesthetic literature and research generated by decades of artistic and aesthetic unity.

Another important issue in terms of methodology is the study of Russian literature as a part of the world's artistic and aesthetic process. Unprecedented changes in the socio-historical reality, a systemic crisis caused by a feeling of chaos, led the public world consciousness to a denial of traditional thinking, changing cultural landmarks. New perception of history, which is no longer considered "as upward movement" [6: 456], is an audit usual deterministic concept.

This leads to a significant upgrade of realism, the formation of his new options, and, on the other hand to the emergence of new types of consciousness, decadence and avant-garde, who formed a different, complex, ambiguous artistic concept. In this regard, OJ Latyshev notes that "in the Soviet period, the author of a work of art, who sought to fully display all sides of Soviet reality, often resisted restrictions imposed by the method of socialist realism, and his "hassled "functioning at the time of writing" [7: 33].

Sense of the tragedy, the decline of thought, the formation of a totalitarian regime, caused by large-scale events such as the two world wars, the destructive revolution, determined to a large extent and the mass consciousness of Russian society at the beginning of the century. Crisis and differences of opinion, the search for new concepts of the world define a variety of schools, art movements and styles. Well this is manifested in the domestic literature of the first decades of the twentieth century. It is necessary to take into account at the same time that aesthetic pluralism, typical of art of the twentieth century, was stopped by the winning ideology of the revolutionary state and formed the socio-cultural mythology which has led to a simplification of the nature of artistic creativity. And it is also defined national characteristics of the literary process. According to O. Latyshev, "party pressure as artificially created cultural and historical reality has become an indispensable element of the art system, in which is created literary work" [8].

It is also clear that the domestic literature reflected such a world-governmental culture feature, as a modification and enrichment of realism-influenced avant-garde aesthetics and philosophy of the twentieth century. This is manifested in the deepening and strengthening of determinism, harder-necks interpretation of human nature and the active use of conventional art forms. Development of realism became associated also with the formation of its special variant - socialist realism. It must be stressed that the urgency of the problem is amplified due to the revaluation of values, the need for objective, impartial, comprehensive understanding of the nature of this literature in the context of complex processes occurring both in the domestic and world culture of the twentieth century. It is not just about the creation of a number of

the greatest writers (J. Reed, A. Gide, H. Barbusse, L. Aragon, R. Rolan, E. Shtrittmatter, M. Gorky, M. Sholokhov, and others.), but a significant link of art, without which the development of the picture of the world culture is still not enough.

It should be noted also that the concept of socialist realism as a new version of realism enriched the literary theory and the whole aesthetic thinking. This is evidenced not only a "new humanism" and revolutionary realism of Brecht, but the conquest of Soviet theoretical schools, introduced the idea of "being as acts" and relying necessarily on high moral thought.

The fact is that socialist realism in our culture gets new features. This is determined by the particular paths of development of the Soviet state and the different theoretical origins of the method. It becomes a reality that for decades revolutionary literature is part of the ideology of the totalitarian state regime.

Of course, along with it existed and developed an informal art. But the discrepancy between theory and practice of a new method of artistic creativity in many ways had a devastating impact on the creative process. That is why the holistic study of this process, which is based on an objective analysis of the origins, the complex nature and stages of development, can help in the study of the literature of socialist realism and the whole native literature of the twentieth century.

REFERENCES

1. Whipper Yu. On some theoretical problems of the history of the literature / Whipper Yu. // Creative fate and history. - M., 1990 - 354p.
2. Sultanov K. National identity and values of literature. - Moscow - Russian Academy of Sciences Institute of World Literature, "Heritage", 2001 - 195 p.
3. Bassel N. Typological connection of Soviet Estonian Literature with other literatures. - Tallinn. 1980 - 392 p.
4. Leiderman N. On the periodization of Russian literature of the twentieth century [Text] / NL Leiderman // Russian literature of the twentieth century: problems, study and training materials XIII All-Russian. conf. / Ural. State. ped. Univ; Institute of Philology. "Language and literature." - Yekaterinburg: 2006.
5. Borev Yu. Socialist Realism: socially active person included in the creation of history by means of violence / Borev Yu. Literature Theory. Vol. IV. Literary process. - M.: IMLI RAS, , 2001, pp. 402-418.
6. Borev Yu. Features of the creative process and the product / Borev Yu. // Literature Theory. VOLUME IV. Literary process. - M.: RAS Institute of World Literature, Nasledie, 2001, pp.456-457.
7. Latyshev O. Typological features and international relations of Russian "village" prose of 1960s. // dissertation author's abstract on scientific degree of Candidate of Philology. - Maikop, 2000.
8. Latyshev O. Rational and emotional in Russian "village" prose of 1960s. // Categories rational and emotional in the language arts: collection of scientific articles

at the VII Intern. Scientific. Conf. "Rational and emotional in literature and folklore". Volgograd, 28-30 October. 2013 / Ed. E.F. Manaenkova. - Volgograd Univ. VSSPU "Change", 2013 - S.172-178. (Electronic version) [electronic resource]. - Mode of access: <http://predu.livejournal.com/204820.html> <http://papa888.livejournal.com/18430.html>

9. Buchis A. Baltic modern novel / Buchis A. // Unity. Collection of articles about the multinational Soviet literature. - M., 1972.

10. Evtykh A. On some problems of the theory and practice of the Adyghe literature // Adygheiskaya pravda. 1936. 16 Oct.

11. Gamzatov G.G. The twentieth century as an era of national literatures and regional literary communities // International Lomidze's readings. The study of literatures and folklore of the nations of Russia and CIS: theory. History. Problems of modern development: materials of the International scient. conf., November, 28-30. 2005. M, 2008. P. 10-20.

12. Kerashev T. The Adyghe literature. The report at the 1st congress of writers and ashugs of Adygheya // Adygheiskaya pravda. 1936. Dec. 21.

13. 8. Kerashev T.M. Selected works: in 2 v. V. 1 (in the Adyghe language). Maikop, 2002.

14. Kerashev T.M. Selected works: in 2 v. V. 2. Maikop, 2002. 440 pp.

15. Kostanov D. Some problems of formation and development of the Adyghe literature // Proceedings of ANII. V. III. Maikop, 1964. P. 5-24.

16. Latyshev O. Foreign experience in studying the native language and literature // Problems of modern education. Network of scientific and educational community (electronic version) [electronic resource]. - Mode of access: <http://predu.livejournal.com/192471.html> <http://papa888.livejournal.com/9011.html>

17. Latyshev O. International experience of using information technology in the study of literature // Zertteushi - Researcher. Astana, - 2012. - №12 / 1 (80/1). - 9-14pp.

18. Literatur forschung heute/E. Goebel, W. Klein, Hrsg. Berlin, 1999.

19. Lugovskoy V. Thoughts about poetry. M., 1960.

20. Mashbash I. Collected works: in 7 v. V. 1. Verses. Poems. Maikop: The Adyghe Repub.Publishing house, 2001. 704 pp.

21. Panesh U.M. On the evolution of a method and peculiar features of realism of the XX century // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2010. No. 3. P. 54-58.

22. Panesh U.M. Typological communications and the formation of art and aesthetic unity of the Adyghe literatures. Maikop: Adygheya, 1990. 279 pp.

23. Parasuk K.N. The image of a lonely rider in the modern Adyghe novel on the historical past // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. 2009. Issue 3. P. 38-43.

24. Shazzo K. Steps. Iskhak Mashbash: life and creativity. Maikop, 1991.

25. Shazzo K.G. The Adyghe Soviet literature at the present stage (1957-1978) // Questions of the Adyghe Soviet literature history. Book 1. Maikop, 1979. P.138-173.
26. Shazzo K.G. The literary conflict and evolution of genres in the Adyghe literatures. Tbilisi: Metsniereba, 1978. 238 pp.
27. Smolich Yu. «Nature morte» of fiction // Vaplite, 1927. IV.
28. Sokolova G.V. Typological relations of a sketch in the Adyghe literature of the «period of historic turning point» (20-30es of the XX century) // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2013. Iss. 1 (114). P. 42-45.
29. Sokurov M. Alim Keshokov's lyrics. Nalchik, 1969. 224 pp.
30. Sultanov K. National consciousness and valuable orientations of the literature. M., 2001.
31. Surovtsev V. Soviet literature // Short Literary encyclopedia. T. 6 - M., 1971 Col. 996-1025.
32. Surovtsev Yu. About style currents and "national styles" in the Soviet multinational literature // Edinstvo. M., 1972.
33. T. Kerashev's traditions and modern Adyghe novel // History of the Adyghe literature. V. II. Maikop, 2002. P. 76-104.
34. Zhazhiyeva R.S. Interrelation between a person and nature in the story of Tembot Kerashev «Abrek» (1959) // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the arts». Maikop, 2008. Iss. 1. P. 65-68.

Shagdarov Lubsan,
*The Institute of Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of SB RAS, professor, Doctor of Philology,*
Shagdarova Darima,
*Buryat State University, Assistant Professor,
Doctor of Philology, Teacher's institute*

Lexical-semantic word groups and the problem of making ideoglossaries of the Mongolian languages

Abstract: The article is written in relation to the publication of the “Modern Mongolian-Russian ideoglossary” made by D. Ulgiysekhan and L. G. Skorodumova. It is the authors’ of the article opinion that they don’t deal with the ideoglossary in the original meaning, but with the dictionary dedicated to the Mongolian modern government, its administrative division. The authors share their views about what, in their opinion, should be the real ideoglossary.

Key words: lexical-semantic word group, semantic field, thematic, synonymous, hypero-hypokiniesia paradigms.

Шагдаров Лубсан,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
профессор, доктор филологических наук,
Шагдарова Дарима,
Бурятский государственный университет, доцент,
доктор филологических наук, Педагогический институт

Лексико-семантические группы слов и проблема составления тематических словарей МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Аннотация: Статья написана в связи с изданием «Современного монгольско-русского тематического словаря» Д.Ульгийсайхана и Л.Г.Скородумовой. По мнению авторов статьи получился не тематический словарь в подлинном смысле слова, а словарь, посвященный главным образом современной структуре государственной власти в Монголии, ее административному

делению. Авторы делятся своими соображениями о том, каким, по их мнению, должен быть настоящий тематический словарь.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, семантическое поле, тематическая, синонимическая, гиперо-гипонимическая парадигмы.

Лингвистами установлено, что словарный состав языка представляет собой не случайные скопления слов, а существует в виде системных объединений слов, называемых семантическими полями, тематическими, синонимическими, антонимическими, гиперо-гипонимическими парадигмами и лексико-семантическими группами слов. Вопрос о разных объединениях слов стал привлекать внимание лингвистов еще в XIX в. (М.Покровский, Й.Трир, Г.Ипсен и др.). По их представлениям, весь словарный состав распадается на группы слов, объединенных общностью содержания и называемых «семантическими полями». Разные ученые по-разному трактуют семантические поля. Нам представляется более убедительным следующее высказывание известного русиста, одного из соавторов «Толкового словаря русского языка» под редакцией академика Н. Ю. Шведовой – Л. П. Крысина: «Тематические группы иногда называются иначе: тематические классы, лексико-семантические группы, семантические классы, семантические поля. Как мы увидим по приведенным ниже примерам, называть такие группы семантическими меньше оснований, чем называть их тематическими, т.е. объединенными определенной тематической общностью обозначаемых объектов» [1]. В бурятском и русском языках термины родства образуют достаточно однородное и замкнутое множество, элементы которого противопоставлены по таким признакам: 'мужской пол – женский пол' (ср.: *эсэгэ* – отец : *эхэ* – мать, *хүбүүн* – сын : *басаган* – дочь, *аха* – брат : *эгэшэ* – сестра), 'восходящая – нисходящая линия родства' (*хүбүүн* – сын : *эсэгэ* – отец; *хүгшэн эжы* – бабушка : *аша хүбүүн* – внук, 'прямое – не прямое родство' (*эхэ* – мать : *басаган* – дочь, *абага* – дядя : *аша* (сын брата, *зээ* – сын сестры) – племянник (сын брата или сестры).

В некоторых тематических группах таких четких противопоставлений не бывает, но благодаря наличию общего интегрального признака выделяется сама эта группа. Например, в словах *тооно* 'верхний деревянный круг юрты', *уняа* 'длинные шесты, втыкаемые острым концом в верхний круг юрты, а другим – укрепляемые на рогульках стенного каркаса', *үүдэн* 'дверь', *туурга* 'войлочное покрывало стенного каркаса юрты', *дээбэри* 'два полукруглых верхних войлочных покрытия юрты' выделяется общий признак 'часть юрты'.

Весь словарный состав состоит из таких группировок связанных между собой слов. Они могут быть весьма обширными (напр., названия животного мира) и менее объемными, представляя собой группы, ряды и пары. Буряты выделяют такие группировки при описании лексики говоров. Например, Б. В. Матхеев в работе «Очерки эхирит-булагатского говора» выделяет такие

лексико-семантические группы: 1) названия частей тела человека, 2) болезни и их лечение, 3) термины пола, родства, возраста, 4) названия, относящиеся к физиолого-психическому действию, состоянию и свойствам человека и другие, всего более 20 групп.

Ц. Б. Цыдендамбаевым была таким же образом описана лексика классического монгольского языка, которая была зарегистрирована в монгольской части словаря «Табун дзүйил-үн үсүг-ийэр хабсургсан манджу үгэн-ү толи бичиг» («Словарь маньчжурских слов, переданный на пяти различных письменах», т. I-III, Пекин, 1957). В монгольской части этого словаря была зарегистрирована лексика классического монгольского языка в начале XVIII века. Затем ей были посвящены «Монгольско-немецко-русский словарь» Я. Шмидта (1835 г.), «Монгольско-русско-французский словарь» О.М. Ковалевского (т. I, II и III, 1844 – 1849) и «Монгольско-русский словарь» К.Ф. Голстунского (т. I – III, 1893 – 1895).

Классификация словарного состава разговорного бурятского и других монгольских языков могут оказать существенную помощь при составлении тематических словарей новых литературных и старомонгольского языков. Такие словари относятся к идеографическим словарям. Слово «идеография» восходит к греческому слову *idea* 'идея, понятие и представление'. Если в толковом словаре основным является толкование смысла заголовочного слова, то идеографический словарь ставит во главу угла общий смысл слов, объединяющих группу слов.

В 1996 г. в Элисте проф. Г. Ц. Пюрбеевым был издан «Толковый словарь традиционного быта калмыков». В Предисловии было указано, что данный словарь является первым в истории калмыцкой лексикографии словарем особого типа. В нем специально отобрана и в доступной форме истолкована профессиональная лексика, отображающая различные стороны хозяйственной деятельности и традиционного быта калмыков, а также их религиозные верования, обряды и обычаи» [2].

В 2004 г. в Улан-Удэ был издан такой же словарь С. Д. Бабуева и Ц. Ц. Бальжинимаевой «Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи» («Толковый словарь традиционного быта бурят») [3]. Если словарь Г.Ц. Пюрбеева в большей степени обладал чертами толкового словаря, то бурятский словарь, как и было указано в русском переводе заглавия, является в большей степени тематическим словарем. Например, в статье «Гэр байра» («Жилище» первой помещена статья с заголовочным словом *гэр* 'жилище, жильё', в которой приводятся названия традиционного зимнего и летнего жилища бурят, а также использовавшиеся ими в специальных целях временные виды жилья. Далее в самостоятельных статьях дается общая характеристика каждого вида постоянного жилья: бревенчатого дома или избы, получившей распространение среди бурят в XIX в., зимовья, летника или летнего деревянного дома, затем подробно описывается юрта. Далее следуют

тематические группы «Части войлочной юрты», «Стенной каркас войлочной юрты», «Части верхнего круга юрты», «Стропила юрты», «Дверь войлочной юрты, виды дверей и ее части», «Способы освещения юрты», «Названия частей войлочного покрытия юрты», «Волосяные веревки юрты», «Другие названия, относящиеся к войлочной юрте».

Рассмотрение парадигматических отношений слов показывает, что лексика – это особым образом организованная система. В ней отсутствует единый показатель членения, но она состоит из больших или меньших по объему групп, каждая из которых объединяется на основе общих для нее интегральных элементов и обладает дифференциальными элементами в каждом из своих членов. Тематический словарь призван отразить эту систему.

В 2008 г. в Москве издан «Современный монгольско-русский тематический словарь» Д. Ульгийсайхана и Л. Г. Скородумовой (по-монгольски «Орчин үеийн монгол-орос сэдэвчилсэн толь») [4]. Это первый изданный в России монгольско-русский тематический словарь. В основной корпус словаря вошли 12 тематических разделов, содержащих более 10 тысяч словарных статей. Словарь снабжен двумя поисковыми системами – тематической (с. 15 – 176) и алфавитной (с. 177 – 332). К словарю имеются четыре приложения: географические названия, монгольские имена и фамилии, этнонимы, сокращения.

Основное достоинство данного словаря мы видим в том, что по сравнению с предыдущими лексикографическими изданиями словарь оснащен более полной информацией о современной структуре государственной власти в Монголии, ее административном делении. Ценным представляется то, что словарь впервые в монголоведении предлагает нормативное русское написание географических названий и официальных учреждений Монголии. При транслитерации непереводаемых монгольских слов аффрикаты, обозначаемые в монгольском кириллическом алфавите буквами *з* и *ж*, передаются в виде *дз*, *дж*, гласный *ө* передается русской буквой *у*, например: *Завхан* – Дзавхан, *Тэрэлж* – Тэрэлдж, *Мөнх* – Мунх.

Нам представляется, что данный словарь будет полезен прежде всего многочисленным туристам и деловым людям, приезжающим туда в большом количестве из монголызычных регионов и других городов России. Например, деятелям просвещения и образования будут интересны тематические группы «Төрийн их сургууль, дээд сургууль, коллежууд (Государственные университеты, институты и колледжи), например: *Авто тээвэр, автозамын сургууль* (Институт автотранспорта), *Агробологиин сургууль* (Институт агробиологии), *Анагаах ухааны их сургууль* (Государственный медицинский университет), *Анагаах ухааны коллеж* (Медицинский колледж), *Улсын багшын их сургууль* (Монгольский государственный педагогический университет), *Монгол улсын их сургууль (МУИС)* (Монгольский государственный университет) и еще более полусотни названий. В рубрике Хувийн их сургууль, дээд сургууль,

коллежүүд (Частные университеты, институты и колледжи) приводится более двадцати названий частных высших, среднеспециальных учебных заведений, в том числе такие: *Дорно дахины гүн ухаан, хүмүүнлэгийн ухааны дээд сургууль* (Институт восточной философии и гуманитарных наук), *Монгол мэдлэгийн дээд сургууль* (Институт традиционных монгольских знаний), *Монгол оросын дээд сургууль* (Монголо-российский институт), *Монгол судлалын дээд сургууль* (Институт монголоведения), *«Монгол фермер» коллеж* «Монгольский фермер, колледж», *Монгол хэл бичгийн дээд сургууль* (Институт монгольского языка), *Монголын уламжилалт мэдлэгийн их сургууль* (Университет монгольских традиционных знаний), *Монголын үндэсний бөхийн дээд сургууль* (Монгольский институт национальной борьбы), *Хэл, иргэншлийн дээд сургууль* (Институт языковедения и цивилизации), *Шашны дээд сургууль* (Институт буддизма).

Журналисты обратят внимание на названия многочисленных газет (их более пятидесяти), названы также газеты, издающиеся на иностранных языках (на русском, английском, китайском). В частности, на русском языке издаются: *«Монголия сегодня»* (Частная еженедельная газета), *«Новости Монголии»* (еженедельная газета «МОНЦАМЭ»). Названы также местные органы печати, в том числе издающиеся в аймаках, где проживают буряты.

В плане справочно-информационном словарь Ульгийсайхана и Скородумовой напоминает «Большую энциклопедию России» (М., Эксмо, 2008), в которой даются сведения из самых разных областей жизни России: политики, экономики, географии, истории, культуры, социального устройства и т.д. Так, в нем сказано, что для России в сфере формы правления характерна одна из разновидностей республиканской формы правления – президентская республика. В ней высший эшелон системы государственной власти образуют Президент РФ, Федеральное Собрание РФ (парламент РФ), правительство РФ, Конституционный Суд, Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд РФ. Как видим, в данном случае реализуется принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную (в которой две судебные разновидности недавно объединены в одно целое). Такой принцип разделения власти последовательно проводится на всех уровнях власти в России. Также и в обозреваемом словаре в тематической группе *Төрийн эрх барих дээд байгууллагууд* (Высшие органы государственной власти) перечислены: *Улсын Их Хурал* (Великий Государственный Хурал) (Парламент), *Их хурлын дарга* (Спикер (председатель) Великого государственного хурала. В этой же тематической рубрике назван хууль тогтоох эрх мэдэл (законодательная власть). Отдельными статьями идут *Монгол Улсын Ерөнхийлэгч* (Президент Монголии). В отдельную тематическую группу выделена *Шүүх эрх мэдэл* (Судебная власть). А в самой первой рубрике «Төрийн эрх мэдэл» (Государственная власть) в отдельную тематическую группу вынесен *Үндсэн хуулийн цэц* (Конституционный суд), в которой перечислены названия Председателя КС (Үндсэн хуулийн цэцийн дарга), Заседание КС в узком

составе (Үндсэн хуулийн цэсийн бага суудлын хуралдаан), Заседание КС в среднем составе (дунд суудлын хуралдаан), Заседание КС в полном составе (их суудлын хуралдаан).

Подобные сведения более уместны, по-видимому, в большой энциклопедии страны. Например, в упомянутой выше БЭР собраны самые полные сведения из различных областей жизни России: политики, экономики, географии, истории, культуры, социального устройства. Представлена подробная информация по географическому, экономическому и политическому положению каждого субъекта Российской Федерации, в том числе монголоязычных регионов – Бурятии, Калмыкии, Агинского и Усть-Ордынского бурятских округов. В энциклопедии помещены биографии великих и знаменитых людей России. Пока такой энциклопедии Монголии нет, значительная часть многих названий нашла размещение в данном тематическом словаре.

Как пишут авторы, составленный ими тематический словарь «отвечает всем требованиям лингвострановедческих словарей, с другой стороны, он выходит за рамки простого переводного словаря тезаурусного типа (стр. 11). Страноведческий подход предполагает пояснения предлагаемых слов и понятий. Однако, их в словаре очень мало. К примеру, дается очень много названий политических партий без каких-либо комментариев: *Монгол угсаатны нэгдсэн социалист нам* (Монгольская этническая единая социалистическая партия), *Монголни ардчилсан нам* (Монгольская демократическая партия), *Монголын ардчилсан сэргэн мандлын нам* (Монгольская партия демократического возрождения), *Монголын ардын хувьсгалт нам* (Монгольская Народно-Революционная партия) (МНРП), *Монголын бүгд найрамдах нам* (Монгольская республиканская партия), *Монголын ирээний зориг-Бүгд найрамдах нам* (Монгольская партия гражданской воли – Республиканская партия), *Монголын ирээний зориг нам* (Монгольская партия «Гражданская воля»), *Монголын коммунист нам* (Монгольская коммунистическая партия), *Монголын либерал ордчилсан нам* (Монгольская либерально-демократическая партия), *Монголын нэгдсэн консерватив нам* (Монгольская единая консервативная партия) и др. Человеку, не знакомому с политической жизнью Монголии, не читающему прессу, все эти названия ни о чем не говорят. Раньше, во времена тоталитарных режимов в наших государствах КПСС и МНРП считались ведущей частью общества, защищающей интересы широких народных масс и осуществляющей руководство ими.

Обозреваемый тематический словарь не дает никаких пояснений относительно того, чем многочисленные нынешние монгольские партии отличаются друг от друга. По нашему мнению, следовало вначале дать статью на слово *нам* (партия), объяснить, что из себя представляла собой партия раньше и какими они стали сегодня и в тематической группе с гиперонимом *нам* в качестве заголовочных слов (без соблюдения алфавитного порядка) дать несколько названий ведущих и массовых партий.

По нашему мнению, этот принцип должен быть реализован при составлении, в частности, тематического словаря бурятского языка. Это можно показать на примере тематической группы с опорным составным словом «буддын шажан» (Буддизм). В обозреваемом словаре эта тема рассматривается в рубрике *Шашин* (Религия). В ней имеются такие тематические подразделы: *Шашны байгууллагауд* (Религиозные организации): *Бахайн төв* (Центр бахаистов), *Баянхошууны цуглаан* (Собрание Баянхошуна) (район Улан-Батора), *Иисус Христийн хожмийн үгсийн гэгээнтнүүд* (Святые последних слов Иисуса Христа, церковь в Улан-Баторе), *Католик шашны төлөөлөгчийн газар* (Представительство Католической церкви), *ортодокс сүм* (ортодоксальная церковь), *Сион цуглаан* (Собрание Сиона) и др. Здесь не хватает общей статьи с опорным словосочетанием «Религиозные организации», в которой необходимо было дать информацию о представленных в Монголии различных религиозных конфессиях, о степени их распространенности по стране, о числе прихожан, а затем в качестве заголовочных слов представить эти названия и кратко охарактеризовать эти организации. А то непонятно, что и кто проповедует, например, ортодоксальная церковь, церковь *Шинэ амьдрал* (Новая жизнь) и т.д. Все же наиболее существенные признаки должны быть приведены, как это сделано в данном словаре лишь о *Шамбалын найгэмлэг* (общество Шамбалы), оно создано в Монголии в 2000 г., занимается изучением и популяризацией тантризма); *Монголын буддын шашны хийд* (Буддийские монастыри Монголии). В отличие от первой рубрики каждое название сопровождается краткими пояснениями: *Амарбаясгалант хийд* (монастырь Амарбаясгалант) букв. «Обитель блаженства и покоя» (Селенгинский аймак; основан Дзанабазаром (см. *Занабазар*), построен в 1727 – 1736 гг., в стиле китайской архитектуры, восстановлен в 1989 г.); *Балдан Бэрээвэн хийд* (монастырь Балдан Бэрээвэн (Хэнтэйский аймак; построен в 1777 г.); *Баруун хүрээ* (Шанхын хүрээ) (Западный монастырь) (монастырь Шанх) (Увурхангайский аймак; построен ок. 1654 г. в честь Дзанабадзара); *Богд хааны ногоон ордон* (Зеленый дворец Богдыхана) (Зимняя резиденция Восьмого Джебзундамбахутухты в Улан-Баторе; строился с 1893 по 1906 г., с 1926 г. здесь музей); *Гандан* (Гандан; центральный буддийский монастырь Монголии, полное название Гандантэгчинлэн (*тиб.*, букв. «Преисполненный радости знаний», основан в 1809 г.); *Гандан хийдийн мамба дацан* (дацан лекарей монастыря Гандан; Гандан хийдийн хамба лам (настоятель монастыря Гандан) и др.

Если этот подраздел буддийской монгольской лексики получился достаточно информативным и тематически выдержанным, то этого нельзя сказать относительно раздела «Буддийская лексика», правда, авторы дают толкование каждому термину, но этого недостаточно. Возьмем, например, первую статью *аграмба*, дается такое толкование: «*а*. – звание, которое получает лама после окончания 10 – 15-летнего курса школы чойр, руководит

службой, чтением молебна». Нам кажется, следовало более выразительно и точнее определить данный термин. В этом плане предпочтительнее толкование, данное в БАМСП-01: «агримба *ayrimba teshashin* доктор тантретских наук (*ламская ученая степень*), специалист по заклинанию, тантрист» [5]. Правда, здесь вызывает сомнение написание «тантретский», принято – тантрийский».

В этом же духе истолкован этот термин в упомянутом тематическом словаре бурятского языка (автор раздела С. Д. Бабуев: *аграмба* – ламада олгогдоһон нэрэ зэргэ (одна из ученых степеней у лам. Эрдэмэй энэ нэрэ зэргэ дасанда 17 жэлдэ байжа, тарниих аймаг номмолдо мэргэжэнэн, тарниин аймагыг гүн ухаанайд талаһаа шудалһан ламада олгогдодог» [3].

В двухтомном большом толковом словаре Г. Дамбажава, изданном под ред. акад. Д. Төмөртөгөө сказано: «аграмба *ayramba (нэр) шаш*. «тарни мээдэгч» гэсэн утгатай төвд үг –, бурны шашны тарниин ухаанд мэргэшсэн хүнд хүртээдэг эрдмийн зэргийн нэр. Буддын шашны «Жүд дацанд 10 – 15 жил сухалцсан гавж хүн аграмбын дамжаа баридаг жамтай бөгөөд тийм эрдэмтэн Монголд олон байжээ» [6]. Как видим, автором внесены ряд ценных сведений и уточнений. Примечательно и то, что И. Дамбажав, в отличие от БАМСП-01, дает написание термина со второслоговым *а* (не *и*). Такого написания придерживаются и другие авторы, и, нам кажется, его надо узаконить.

В толковом словаре монгольского языка (2008 г.) по сравнению с предыдущими словарями в статье *аграмба* сказано, что это высшее ученое звание, присваиваемое ламе, специализирующемуся по тантризму, добавлены два терминологических словосочетания с этим словом: *аграмбын мяндаг* (человек, имеющий такое звание) и *аграмбын дамжаа* (диспут, который должен выдержать лама, проучившийся от 10 до 15 лет по тантрийскому учению в дацане джуд. С. Д. Бабуев разъясняет, что сочетание джуд дуган – это название дугана, «в котором исключительно читаются молитвы, относимые к последней части буддийских молитвенников». Толковый словарь монгольского языка данное слово дает в мягкорядной огласовке, а С. Д. Бабуев – в твердорядной. Отметим, что первая огласовка является более распространенной.

Представляется, что ученые степени лам следует рассмотреть в отдельной тематической группе. Как показано, в работе Л. Б. Намжилон «Шэдитэ эрхи» (Волшебные четки, 1996) дацанские школы делились на ступени: бага (дунда, дээдэ) шатын нургуули 'школы младшей (средней, высшей) ступени'. А цанитские школы имели 13 ступеней. В каждой школе имелись свои ученые степени. В цанистских дацанах имелись степени гэмши, габжи, рабжамба, доромбо, лхарамба, в медицинских дацанах – манрамба, в тантрийских дацанах – аграмба, арабжамба. Эти ученые степени лам истолкованы в «Бурятско-русском словаре» (2006 и 2008 гг.), а также в работе Л. Б. Будажаповой «Буддийские термины в современном бурятском языке» [7].

Особой трактовки требуют ученые степени тантрийских дацанов. *Тарниин ёһон, монг. дандар* 'тантризм' представляет собой одно из главных направлений махаяны и буддизма в целом – многообразные системы йогической практики, благодаря которой состояние будды достигается не за много калп, как в обычной махаяне, а за одну жизнь. Другое ее название – ваджраяна (букв. «алмазная колесница»), по которой имеется огромное количество литературы. Раздел «Ганжура», состоящий из 24 томов по пекинскому изданию, называется «Тантра» в отличие от раздела «Сутра».

Духовный уровень тантристов сопоставляют с уровнем «небесных бодхисаттв великой колесницы», но в отличие от них махасиддхи (наиболее выдающиеся тантристы, занимались чудотворством, колдовством, демонстрацией своих сверхъестественных способностей, за что в свое время Будда Шакьямуни осуждал монахов» [8]. Тантрийские школы «отличаются чрезвычайной строгостью монашеского режима, и туда поступают исключительно окончившие цаннидский факультет и люди, преданные подвижнической жизни» [9].

Какую бы область буддийского учения мы ни взяли, во всех них слова объединяются в тематические группы. И важно здесь правильно трактовать реалии. Между тем в обозреваемом словаре иногда проскальзывают неточности. Так, бириты представлены как обитатели буддийского ада с очень узким горлом, испытывающие постоянный голод и жажду [с.153]. В буддизме преты истолковываются как жители низшего мира одного из шести обитаемых миров вселенной. Как пишет Геше Джампа Тинлей, преты живут в невидимом нам мире духов. «Тела голодных духов настолько чувствительны, что страдают они и от солнца, и от луны. По причине кармы их тело устроено таким образом, что голодным духам очень холодно, даже солнечный свет несет им не тепло, а мороз. Это за пределами нашего понимания, но все же подобная материя существует» [10]. При нынешней востребованности буддийской религии издается много литературы в этой области и на монгольском, и на русском языках. Поэтому важно постараться не допускать подобные неточности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва, 2007, С. 67.
2. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. – Москва, 1996. – 176 с.
3. Бабуев С. Д., Бальжинимаева Ц.Ц. Буряд зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи. – Улан-Удэ, 2004. – 351 с.
4. Ульгийсайхан Д., Скородумова Л.Г. Современный монгольско-русский тематический словарь / Д. Ульгийсайхан, Л.Г. Скородумова. – Москва, 2008. – 360 с.

5. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 тт.; под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба. – Т. I. А-Г; отв. ред. Г.Ц.Пюрбеев. – Москва, 2001. – 486 с. – С. 41.
6. Дамбажав С. Оюун билгийн мэлмийг нээгч аягуу сайхан монгол үгийн дээж. - 2-ое издание. – I боть. – Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл ХХК, 2010.
7. Будажапова Л.Б. Буддийские термины в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 2012. – 104 с.
8. Андросов В.Н. Индо-тибетский буддизм. Москва, 2011. – 447 с.
9. Сидоров С. Буддизм: история, каноны, культура. Москва, 2005. – 487 с.
10. Геше Джампа Тинлей. Буддизм для начинающих. Новосибирск, 2013. – 172 с.

Evgenia Zhukovskaya,
Staff member of Executive office of Moscow Patriarchate

The Church in the media sphere: information management

The Russian Orthodox Church today is an active actor in the media environment. Its participation in the information processing is diversified.

First, The Church is an initiator of media themes. For example, almost ten years ago, the Church introduced to the media the issues of individual freedom and dignity; then, three years ago, thanks to a representative of the Moscow Patriarchate, an animated debate flared up in the Russian media on the subject of dress code.

Secondly, the Church as a social institution is regularly the object of the attention of mass media. Media inform on religious holidays, on the Church's activities, on the life (events, conflicts) associated with the Church and the people involved in it.

Thirdly, the Church is increasingly seen as playing a significant role in the media environment, assessing and commenting on various social processes. The representatives of the Moscow Patriarchate are perceived by journalists as independent experts whose world view is rooted in local traditions and culture, and in moral values. Mostly, they are considered as bearers of conservative thinking. Recently the Church's active role in the social life led her into discussing the so-called "Dima Yakovlev" bill, or in commenting on the events in the Biryulovo district.

It has become routine for members of the clergy or actively involved laypersons to be quoted in the press, or to find their texts published. On the other hand, this was totally unthinkable only thirty or so years ago. In the early 1980s, before the Perestroyka, nobody wrote anything about the Church, or only slander. At the same time the Moscow Patriarchate had only one official publication – the "Journal of the Moscow Patriarchate", created in 1931 by Metropolitan Sergius (Stragorodsky), shut down by the Soviet authorities in 1935 and reopened after a meeting between three bishops and Stalin in 1943.

Here we must say that, before the revolution, there were in the Russian Empire no less than 600 religious publications¹. When the Bolsheviks seized power and promoted a state atheistic ideology, they were all closed.

¹ Cf. S.Kishkofski, "Revival of the Orthodox media in Russia», The New York Times, December 2008, op. by: <http://www.nsad.ru/articles/vozrozhdenie-pravoslavnyh-smi-v-rossii>

The return of the Church into the public life began with the preparation and the celebration of the thousandth anniversary of the Baptism of Russia. For comparison, while in 1987 the central Soviet press² published 34 releases concerning the Russian Orthodox Church and culture, in 1988 there were 137 releases. In 1987 most of the papers were an apology of atheism, while in 1988 they mostly talked of the significance of the Church and of the adoption of Christianity by the Ancient Russia.

However, the real media boom started for the Church after the collapse of the Soviet Union and with the adoption of the laws on freedom of conscience and on the media. In the early 1990s, the central organs of the press had to learn to live in a new context of competition for the reader. To proclaim concrete political views could lead to bankruptcy (as was the case, for example, for the main newspaper of the Soviet Union – Pravda). National newspapers adopted freedom of speech and started publishing papers with various opinions, often radically opposed. Perhaps this contributed to drive the journalists' attention to the religious life and, in particular, to the activities of the Moscow Patriarchate³. Of course, it is impossible to overlook the "spiritual thirst" of the people, who had practically forgotten the faith of their fathers and were fed up with atheism, and who strove to return to their national roots, to Orthodoxy, to the Church. Spirituality and the Church were in high demand - and thus media offered them.

We can judge of the media's attention to the church, for example, by taking the articles related to the election of the Patriarch of Moscow and All Russia in 1990 and 2009. From May 4 to May 17, 1990 the total number of publications of the central print media present around the Moscow Patriarchal Throne amounted to ten. From December 6, 2008 to February 9, 2009, 171 papers were devoted to the same subject⁴. After the collapse of the Soviet Union, during the Patriarchate of Alexis II, the cooperation between the Russian Orthodox Church and the media became fundamentally different: more than 500 hundred media asked for their accreditation on the occasion of different events; the Patriarch created a pool of journalists, information and news services were organized in almost all Synod departments. The Moscow Patriarchate ceased to be regarded by journalists as a thing of the past, it became quite usual to ask Church representatives to comment on topical issues.

By 2009 the Church felt necessary to create a special Information Department. So, what is the situation today in 2013, after nearly five years of existence of the Synod Information Department of the Moscow Patriarchate?

² Pravda, Izvestia, Komsomolskaya Pravda, Moskovsky Komsomolets, Sovetskaya Rossiya, Trud, Literaturnaya Gazeta, Sovetskaya Kultura.

³ E.E.Zhukovskaya, Election of the Patriarch. Coverage of the election process of the Patriarch of Moscow and All Russia in the central print media in 1990 and 2009, quoted from: <http://www.bogoslov.ru/text/911914.html>

⁴ Ibid.

Despite the interest shown by media representatives for the life of the Church, and although many hundreds media products have been created by the Church, five to seven years ago not every diocese of the Russian Orthodox Church had a spokesman or a specialist in public relations. Information rhetoric was alien to a large number of bishops and priests. With the advent of the Information Department the situation began gradually to change. Here and there, dioceses decided to follow the example of Moscow and created press offices; in other dioceses the higher hierarchy had to be more pushy, using directives voted by the Council of Bishops, Patriarch's resolutions included in the dioceses' annual activity reports, or personal communication and personal example.

Currently, information offices or media officers exist in almost all dioceses (in the beginning of November 2013 there were 269 dioceses in the Russian Church). They are absent only in the 19 dioceses where no bishop has yet been assigned. However, the appearance in the Church of staff members specializing in the information field has generated a number of issues. Most of them are caused by their low professional level: often the position of press secretary is entrusted to persons with no journalist education and no experience in working with the media. Hence the mistakes in dealing with the media, the inability to properly and accurately convey the necessary information to the press, to arrange for accreditations to an event, to organize interviews with the bishop or with diocesan representatives. This leads to misunderstandings, confusion and conflicts. As a result - information management is dramatically inefficient.

The Synod Information Department has offered its assistance to straighten up the situation. In two years the Department has organized training courses for the staff of information offices in the dioceses of Russia, Belarus, Kazakhstan, Central Asia, the Baltic States and Moldova. In 2011-2013 302 persons took part in workshops, master classes, business games.

How should the Church manage the information flow? The main purpose of the diocesan press offices is to create and consolidate in the public conscience a truthful, positive image of the Church. If the office responsible for communicating with the media community is correctly organized, the diocesan management specialists will be able to participate, via the media, in the forming of the public opinion, and to prevent adverse reactions to any event happening in the Church.

Inside a diocesan administration, the task of the Information office is to timely release reliable and accurate information on issues of value and interest to the public. To that end, press services need to monitor releases in the regional media and to analyze them. It is essential to contribute to the release in the regional information field of as many as possible publications, radio and TV programs dealing with the activities of the Church hierarchs, ministers and laypersons.

The quality of the work made by the regional mass media representatives has noticeably improved, but still remains mostly reactive: something happened, the Church representatives make a comment, give an explanation. Sometimes, we even

have to justify ourselves. However, the actual task of the Moscow Patriarchate's information work is quite different: to ensure that the moral dimension is more and more present in the public life.

Today, anyone with a phone, a smart phone, a tablet or a notebook in his hand can become a source of information, the author of news: hence readers do not require the journalistic community to be quick, but to display in-depth and analytical qualities. No matter what happened. A journalist is expected to explain why it happened, what are the connections and the possible consequences, how it will affect our life. The media environment, with few exceptions, is not interested in even the brightest homily of the best preacher, be him a bishop. It is interesting to those who are in the church or those who like to listen to (or read) homilies. Does this mean that the modern media should ignore homilies? No, it does not. On the contrary, they must be adapted to the modern reader, by finding parallels, by wondering why the Patriarch or the diocesan bishop, considering a specific evangelical conception, said just this, and not that. If the Church press learns how to handle its own church information, then the media stream from the Moscow Patriarchate will become richer with yet another theme – apologetics; sooner or later this new theme will be noticed by secular journalists and will fall into the Russian media segment.

It is advisable for public church media resources to release information on how regions comprehend the documents published by the Inter-Council Presence. It is also important to introduce to the public various specialists working in dioceses, and to make their work known. Such a thoughtful public dialogue, if conducted regularly and systematically, will in the course of time supplant the alarmist mood and streamline the information processes in the church environment⁵.

To involve the diocesan clergy in the general church debate, especially during the first stage, inevitably raises the question of finding speakers. Of course, you need to be very careful when choosing commentators. Members of the clergy and laypersons from very various spheres and with very different backgrounds are able to help the congregation correctly appreciate the documents adopted by the Church management:

- the Diocesan Bishop;
- the Secretary of the Diocese;
- the confessor/the spiritual fathers of the diocese;
- the heads of diocesan offices and agencies;
- the Rector of the theological school;
- the managers and teachers of the theological school;

⁵ Cf.: E.E. Zhukovskaja. The discussion inside the discussion // Bogoslov.ru. URL: http://www.bogoslov.ru/text/2462111.html#_ftn4

- the deans;
- the most respected members of the clergy and laypersons in the diocese.

However, the task of the Diocesan news offices is not to two diverging opinions clash, but to show that « *there must of necessity be differences of opinion among you, in order that it may be plainly seen who the men of sterling worth among you are.* » (1Cor.11: 19). Comments should not contain any assessment or judgment; it is important to obtain them, not for the sake of criticism or witticism, but in order for people to hear why the Council or the Synod has taken this or that decision and how it relates to the life of everyone. Over time, there will emerge in the diocese a specific circle of speakers on various issues that will be comprehensible to the local mass media. This will allow the church to interact more intensively with the media sphere; the diocese will learn how to manage and deal with information flows.

Pokliatska K.A.,
graduate student, Institute of Journalism
of Taras Shevchenko National University of Kyiv

Diagnosing of the problem-thematic orientation of literary-art magazines

Abstract: In the article analyzes the conceptual and thematic features of journalism presented on the pages of the leading literary publications of «Vsesvit», «Ynostrannaya literature» and «Lire», which are the interpreters of cultural and social processes that take place in different parts of our planet. To determine the main thematic focus of articles used quantitative diagnostic technique that involves the application of quantitative methods of analysis. On the basis of studies have established the prevailing theme of publications by the number of publications for 2010-2013 on issues of social, public and instructive nature of relationships, civic education, the struggle for national revival and others.

Keywords: literary and art publication, «Vsesvit», «Foreign literature», «Lire», conceptually-themed features, socio-cultural aspects.

Покляцька Катерина Анатоліївна,
аспірантка Інституту журналістики Київського національного
університету імені Тараса Шевченка

Діагностування проблемно-тематичної спрямованості літературно-художніх журналів

У статті здійснено аналіз концептуально-тематичних особливостей публіцистики, представленої на сторінках провідних літературно-художніх видань «Всесвіт», «Иностранная литература» та «Lire», що виступають інтерпретаторами культурних і суспільних процесів, які відбуваються у різних куточках нашої планети.

Для визначення основної тематичної спрямованості публікацій використано кількісну методику діагностики, що передбачає застосування кількісних методів аналізу. На основі проведених досліджень були встановлені переважачі за кількістю теми публікацій видань за 2010–2013 рр., присвячені питан-

ням соціального, суспільного та повчального характеру, людських стосунків, громадянського виховання, боротьби за національне відродження та ін.

Ключові слова: літературно-художні видання, «Всесвіт», «Иностранная литература», «Lire», концептуально-тематичні особливості, соціокультурні аспекти.

На початку XXI ст. на тлі сучасного глобального розвитку суспільства та інтенсивної міграції населення питання дослідження комунікативних процесів увійшли до найбільш актуальних проблем людства.

Перед науковцями різних галузей знань, однією із яких є міжкультурна комунікація, постає чимало питань, які потребують ґрунтовних досліджень. Дослідники виокремлюють різноманітні аспекти зазначеної теми – причини, принципи, механізми взаємодії між культурами у різних сферах людської діяльності тощо. Провідне місце у такій системі посідає література, яка виступає репрезентуючим елементом культури та відображає основні тенденції її розвитку.

Актуальність дослідження зумовлена постійним розширенням контактів, які стають дедалі інтенсивнішими між представниками різних культур, спричинених бурхливим економічним розвитком багатьох країн і науково-технічним прогресом. Зв'язок явищ культури та комунікації розглядався у працях філософів XVII–XX ст. Л. Вітгенштайна, Ю. Габермаса, Г. Гадамера, І. Канта, Ф. Ніцше, П. Сорокіна, І. Фіхте, З. Фрейда, О. Шпенглера та ін. [1]. У післявоєнний період на основі ідеологічного підґрунтя з'явився суспільний феномен – міжкультурна комунікація, яка згодом стала одним із об'єктів дослідження науковців та вивчає відношення суспільства до так званих «екзотичних» культур і мов.

Термін міжкультурна комунікація вперше з'явився в 1954 р. у надрах американської наукової школи культурантропологів, представники якої Е. Т. Хол і Г. Л. Трегер у праці «Culture as Communication» («Культура як комунікація») запропонували для широкого використання термін «міжкультурна комунікація», обґрунтували безпосередній зв'язок між культурою і комунікацією та можливість порівнювати культури різних народів світу виходячи із загальних для всіх культур [2; 3]. У середині XX ст. поняття «міжкультурна комунікація» досліджували такі західноєвропейські вчені, як К. Бергер, С. Гантінгтон, Е. Гірш, Г. Гофстаде, С. Даль, К. Клакхон, А. Кребер, Р. Портер, Л. Самовар, Д. Трагер [4].

Російські вчені (Т. Грушевицька, В. Попков, О. Садохін, С. Тер-Мінасова, У. Гудикунсг та ін.), говорячи про міжкультурну комунікацію, виходять із поєднання двох понять «культура» та «комунікація» [4; 5]. При цьому Тер-Мінасова Т.Г. наголошує, що здатність до розвитку комунікативної компетенції характерна для всіх представників *Homo sapiens*, але конкретна реалізація цієї здатності культурно обумовлена. Крім того, ця здатність зазнає впливу і самого індивідуального досвіду людини, тому часто цей досвід перешкоджає взаєморозумінню людей спільної культури і мови, не кажучи вже про

представників різних культур [6]. У зв'язку з цим виникає потреба у виділенні таких ключових тверджень міжкультурної комунікації:

- міжкультурна комунікація – це взаємодія культур, що здійснюється в певному просторі і часі, де феномен культури розглядається як родове поняття, культурні контакти набувають різних форм, які знаходять своє вираження в дотикові, взаємовідношенні, синтезі, доповнюваності й діалогові;

- міжкультурна комунікація – це взаємодія культур, за якої вони вступають у діалог, відбувається їх актуалізація, внаслідок чого виявляється загальнолюдське і специфічне кожної культури як системи;

- міжкультурна комунікація – це взаємодія культур, що отримує свою екстеріоризацію через мову і вербальний зміст, які створюють специфічну картину світу [7; 8].

В Україні наукова нива досліджень міжкультурної комунікації тільки формується, але цю тему у своїх працях висвітлюють В. Андрущенко, Н. Висоцька, О. Гриценко, І. Дзюба, А. Єрмоленко, Л. Нагорна, П. Скрипка.

Мета статті полягає у тому, щоб на прикладі літературних видань «Всесвіт», «Иностранная литература» та «Lire» на основі діагностування їх проблемно-тематичної спрямованості з'ясувати, що є об'єднуючим фактором у зазначених журналах.

Міжкультурна комунікація визначається як функціонально зумовлена комунікативна взаємодія людей як носіїв різних культурних спільнот, що орієнтована на взаємопроникнення культурно-комунікативних смислів, досягнення взаєморозуміння з урахуванням і збереженням «національної картини світу», їх взаємозбагачення в соціокультурному й духовному планах.

В інтерпретації А. Кребера і К. Клакхона поняття «культура» подається як сукупність матеріальних предметів, об'єктів, ідей, образів, створених самою людиною протягом її історії, як «друга природа», що утворює власне людський світ, на відміну від дикої природи. При цьому науковці наголошують, що «культура складається з виявлених і схованих схем мислення і поведінки, що є специфічним досягненням людських спільнот, утілених у символах, за допомогою яких вони сприймаються і передаються від людини до людини і від покоління до покоління. Сюди необхідно долучити і ті досягнення, які проявляються у створених культурним суспільством матеріальних благах. Ядром будь-якої культури є ідеї... і особливо цінності, що передаються за допомогою традицій. Культурні системи можуть розглядатися, з одного боку, як результат завершених дій, а з іншого, як підґрунтя дії в майбутньому» [9].

Згідно цього визначення цілком очевидним є сприйняття культури як складного феномена, що включає в себе як матеріальні і соціальні явища, так і різні форми індивідуальної поведінки й організованої діяльності людини, що допомагають їй зрозуміти власні дії, пояснити відмінності в поведінці, менталітеті, національному характері представників різних культур, а також людську здатність розвивати культуру через комунікацію, спілкування,

різноманітні форми взаємодії і контактів. Все, що створено людиною або має до неї відношення, є частиною культури. Комунікація і спілкування виступають важливою частиною людського життя, а тому і частиною культури. Голландський науковець Г. Хофстеде вважає, що культура – це «ментальне програмування людини», яке складається з моделей: як ми думаємо, як відчуваємо і як діємо. Джерелом цих ментальних програмувань є соціальне оточення, в якому людина зростає і набуває свого життєвого досвіду (сім'я, школа, друзі, місце роботи і т. п.) [10].

Французька дослідниця Д. Гратон на основі досліджень Е. Хола порівняла міжкультурну комунікацію з айсбергом, одна частина якого є видимою, а інша знаходиться під водою. У першій ми бачимо культурні аспекти суспільства, які включають в себе дрес-код, їжу, мову, музику, літературу тощо. Тобто те, що зазвичай виникає на думці при згадці слова «культура» [11]. Але це поняття є набагато ширшим та посилюється на «зануреній частині айсберга», яку можна назвати несвідомим – це наші цінності, бажання, переконання, проблеми, з якими зіштовхується суспільство протягом життя.

Більшість науковців займається дослідженнями видимої частин айсберга, але інша є не менш важливою. Для визначення основної тематичної спрямованості публікацій використовували кількісну методику діагностики, що передбачає застосування кількісних методів аналізу. На основі проведених досліджень були встановлені переважаючі за кількістю теми публікацій видань за 2010–2013 рр. Серед проблемно-тематичних аспектів, які найбільш широко висвітлювалися на сторінках журналів, можна виділити міжособистісні стосунки, культуру, гуманізм, релігію та екологію. Аналіз отриманих результатів показав, що 31% займають матеріали, присвячені проблемам міжособистісних стосунків, 23% – культури, 20% – гуманізму, 4% – релігії, 3% – екології. Решта 19% публікацій стосуються інших проблем, висвітлених авторами журналів.

Тематика міжособистісних стосунків займає основне місце на сторінках видань. Так, у журналі «Lire» (2012. – № 408) надруковано матеріал німецького соціолога масової культури, письменника і публіциста Зігфріда Кракауера «Мутантний соціальний клас», в якому мова йде про дослідження, проведене журналістом у 1929 р., що показує соціологічну реальність німецьких робітників у Берліні. Він описує два типи робітників: ті, які займаються питаннями держави, і буржуазний клас. Автор називає останній новим «середнім класом», до яких відносить секретарів великих підприємств, співробітників банку, страхових кампаній і т.п. Він показує як ці два класи між собою взаємодіють, які у них є спільні і відмінні риси.

У журналі «Иностранная литература» (2012. – № 2) цю тему висвітлює роман Томаса Бернхарда «Пропавший», перекладений з німецької О. Маркіним. «Пропавший» – це розповідь про піаніста, що звучить як музичний твір. У романі розповідається про трьох друзів, що вчилися виконавській майстерності у Відні в одного знаменитого викладача. Роки навчання зумовили їх подальші долі.

Один із них, Гленн Гульд, став всесвітньо відомим піаністом-віртуозом. Інший, опинившись у полі впливу обдарованого друга і конкурента, покінчив із собою. Третій розмірковує про їх спільне минуле, про творчість і сенс життя. Центральною фігурою роману став один з трьох друзів, Вертхаймер, прозваний Гульдом «пропащим». Спочатку він знищив у собі піаніста, а пізніше наклав на себе руки. Вертхаймер заплутався на своєму професійному шляху і збився зі шляху морального, не знаючи виходу, він вирішив звести рахунки з невдалим, «пропащим» життям.

Чеський письменник Мілан Матеїчик у романі «Помирати треба натще», надрукований у «Всесвіті» (2011. – № 3–4), розповідає на прикладі головного героя Матея про події, що відбувалися в Чехословаччині в 1945 р. Автор описує наслідки дій німецьких загарбників та більшовицької влади. Письменник пише про дитинство Матея, який у ранньому віці поховав маму, а через деякий час, у зв'язку з арештом батька, опинився в інтернаті. Закінчивши середню школу, хлопець нарешті зустрічається з батьком і їде разом з ним працювати на туристичній базі у Кроконошах, де заробляє копійки і живе впроголодь. Проте розрадою для нього виявилася зустріч з Ярмілою, яка невдовзі стала його дружиною і народила сина Петрика та доньку Адель. У другій половині 70-х років Матеї зі своїми колегами організовує художньо-промисловий кооператив, де займається виготовленням чеських і словацьких гербів міст. Але невдовзі через бюрократичну систему сім'я покидає рідний дім і втікає.

Таким чином, на прикладі одного роману можна побачити, що автор порушує безліч глобальних питань людства, серед яких – проблеми війни; проблеми бюрократизму, проблеми людських стосунків та ін.

Що стосується культурної тематики, то в кожному виданні представлено різноманітні подорожні нариси, предметом зображення яких є подорож чи мандрівка різними містами і країнами. Так, у журналі «Всесвіт» у нарисі «Під небом Південної Кореї» (2011. – № 9–10) ми спостерігаємо за відображенням картини дійсності одного із представників найрозвинутіших за рівнем високих технологій регіонів світу – Південної Кореї. Автор ніби проводить екскурсію для читачів містом Сеул, розташованим на річці Ханган на північному заході країни, і розповідає про історію міста та його сучасний стан. У журналі «Lire» (2012. – № 409) вміщено нарис Трістана Савіна «У серці Африки» про особливості чорного континенту. При цьому, використовуючи факти із автобіографічної повісті Ернеста Хемінгуея «Зелені пагорби Африки», автор описує життя туземців, кліматичні умови континенту, його природу тощо.

Редакція журналу «Иностранная литература» питання культури найчастіше подає в жанрі нарису про відомих діячів культури – художників чи музикантів. Таким, наприклад, є матеріал про відомого в історії Америки художника Ендрю Уайета (2013. – № 8). Він писав аквареллю і темперою трагічні портрети будинків, доріг, речей, пір року, струмків та людей. Його

роботи, віднесені мистецтвознавцями до категорії реалістичних, викликають нескінченні дебати про природу модернізму.

У журналі «Всесвіт» (2011. – № 9–10) Йосип Бродський торкнувся релігійної тематики віроповідального характеру. Основна відмінність його поеми «Гора в країні Морія» від третьої частини «Римського триптиха» полягає у тому, що письменник акцентує увагу читача на переживаннях Іссака, який йшов незвіданою дорогою, на відміну від Авраама, що мав принести в жертву рідного сина. Автор показує боротьбу Авраама з власним відчаєм і переживаннями. Кожен рядок поеми стає ніби випробуванням на стійкість, і ці відчуття передаються й читачеві.

«Иностранная литература» (2010. – № 11) подає поезію каталонського поета Жасінт Вердаге, який у вірші «Наклепникам» звертає увагу людей на те, що за їхні лихі вчинки, такі як наклеп, зрада, підступність та ін., вони будуть покарані Богом.

Журнал «Lire» публікує уривки античного роману «Метаморфози» (2012. – № 409), де поєднуються проблеми релігійного життя та міжособистісних стосунків людей. У книзі розповідається про неймовірні пригоди безпутного знатного римського юнака Луція, захопленого жінками, що володіють чаклунством. Коли герой опинився в грецькій області Фессалія, яка в античності вважалася батьківщиною магії, його перетворили на осла, який спостерігає за стосунками різних верств людей та зазнає приниження. Виснажений і доведений до відчаю Луцій просить богів про допомогу, і на його молитву відгукується богиня Ісіда. За її вказівкою Луцій з'їдає квітучі троянди і знову перетворюється на людину.

Значну увагу видання приділяють питанням гуманізму та екології, які на фоні сучасного глобального розвитку суспільства притаманні не лише якомусь конкретному регіону певної країни, а все більше стають проблемами часу, що торкаються кожного з нас.

У журналі «Lire» (2013. – № 412) надруковано роман японського письменника Харукі Муракамі «Андеграунд», який присвячений терактам, здійсненими сектантами в Токіо. Автор описує долі жертв газової атаки секти Вум у токійському метро 1995 р. Письменник брав інтерв'ю у жертв та катів, зібрав докупи їхні свідчення й зробив книгу. Він розмовляв із шістдесятьма трьома постраждалими, які того дня були там, у метро. Окрім свідчень про події того дня, Муракамі намагався якомога більше дізнатися про їхнє дитинство, перше кохання тощо. На думку автора, важливим було абсолютно все, але його в першу чергу цікавило, що це за люди та в чому полягали персональні трагедії кожного з них.

Вартий уваги і документальний роман «Тінь сонця. Переліт із Косова: історія жінки», написаний Ремзей Шерефе у співавторстві з Робертом Девідсоном, який надрукований у журналі «Всесвіт» (2012. – № 3–4). У творі зосереджено увагу на воєнних подіях колишньої Югославії та сербсько-

албанських конфліктах у Косово. Проте не менш важливе місце у романі займає боротьба за життя мусульманської сім'ї та головної героїні, яка хвора на рак. Автор порушує проблеми політичних конфліктів, міжетнічного порозуміння та інтеграції біженців в англійському суспільстві.

Сучасна іспанська письменниця Мерседес Карлон Санчес у автобіографічному романі «Розтрощений хідник» (Всесвіт. – 2012. – № 9–10) пише сповідь про сприйняття громадянської війни і довколишнього світу очима й почуттями маленької дівчинки. Президент Асоціації іспанців України О. Пронкевич так відгукується про цей роман: «Письменниця створила в цій чудовій книзі справжнє диво: хоча оповідь ведеться від імені маленької дівчинки, в ній немає ані краплі тривіальності». Автор пише про те, як вона пережила оточення і облогу її рідного міста Ов'єдо без води, світла і майже без їжі. Вона описує як проводилися безжалісний обстріл людей та бомбардування міста.

Журнал «Иностранная литература» публікує розповіді Грети Мюллер зі збірки «Низини», перекладені з німецької (2010. – № 1). У публікації представлені п'ять ранніх оповідань Грети Мюллер, яка стала у 2009 р. лауреатом Нобелівської премії. Це короткі оповідання особливої стилістики та образності. Перед читачем проходять сцени повсякденного непростого життя, де безликі люди не живуть, а страждають. Так, у «Надгробній промові» відображені візуально розмиті, але фізично відчутні біль і страждання про трагічне минуле Другої Світової війни. Відтворюється простір пам'яті як провини і болю, смутно усвідомлюваних, але фізично і раніше яскраво відчутних. Така і генетична пам'ять, збережена живою матерією. Але таке минуле і сьогодення поступово вбивають свідомість людини, приводячи його у стан несвідомих живих істот і розмиваючи фізичну оболонку буття. Ця думка в загостреній формі передається в оповіданні «Німецький проділ і німецькі вуса». Буття в ньому перетворюється на постійні сутінки: «... в селі цілий день смеркає, але жодного дня не настає, ні ночі. Немає ні ранкових сутінків, ні вечірніх. У людей сутінки на обличчях ... У всіх однакові сірі обличчя».

Висновки. Журнали «Всесвіт», «Иностранная литература» та «Lire», які публікують оригінали та переклади поезій і прозових творів письменників різних країн світу, є провідними літературно-художніми виданнями – інтерпретаторами культурних і суспільних процесів, що відбуваються у різних куточках нашої планети.

Міжкультурна комунікація у виданнях спрямована на соціальну, політичну, економічну та культурну взаємодію багатьох народів і забезпечує культурний обмін та доступ до літературної спадщини письменників, що сприяє міжкультурному діалогу. Вона визначається як функціонально зумовлена комунікативна взаємодія людей – носіїв різних культурних спільнот, що орієнтована на взаємопроникнення культурно-комунікативних смислів,

досягнення взаєморозуміння з урахуванням і збереженням «національної картини світу», їх взаємозбагачення в соціокультурному й духовному планах.

На основі проведених досліджень були встановлені переважаючі за кількістю теми публікацій журналів «Всесвіт», «Иностранная литература» та «Lire» за 2010–2013 рр. Серед проблемно-тематичних аспектів, які найбільш широко висвітлювалися на сторінках журналів, можна виділити міжособистісні стосунки, культуру, гуманізм, релігію та екологію. Аналіз отриманих результатів показав, що серед загальної кількості публікацій 31% займають матеріали, присвячені проблемам міжособистісних стосунків, 23% – питанням культури, 20% – гуманізму, 4% – релігії, 3% – екології. Решта 19% публікацій стосуються інших питань, пов'язаних з певними літературно-мистецькими подіями, ювілейними датами, конференціями, книжковими ярмарками тощо.

Аналіз літературних публікацій журналів показав, що завдяки талановитим перекладам творів зарубіжних письменників відбувається діалог світових культур і їх взаємозбагачення та виникають нові міжкультурні комунікації. Вони спрямовані на соціальну, політичну, економічну та культурну взаємодію багатьох народів і забезпечують культурний обмін та доступ до їхньої літературної спадщини. Аналіз концептуально-тематичних особливостей публіцистики, представленої на сторінках журналів, свідчить про широке висвітлення у них питань соціального, суспільного та віроповчального характеру, людських стосунків, громадянського виховання, боротьби за національне відродження та ін.

Виходячи з представлених у публікаціях літературних видань проблем суспільного розвитку, з'ясовано, що об'єднуючим фактором у зазначених журналах є питання міжособистісних стосунків, культури, гуманізму, релігії та екології. Тому ці та інші нагальні проблеми, з якими зіштовхується суспільство у сучасному світі, потребують глибинних досліджень науковців різних країн.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Рот Ю. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг / Рот Ю. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 275 с.
2. Trager G. Culture as Communication: A Model and Analysis / G.Trager, E. Hall. – New York, 1954.
3. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Почепцов Г. Г. – Москва: Смартбук, 2008. – 656 с.
4. М'язова І. Ю. Міжкультурна комунікація: зміст, сутність та особливості прояву (соціально-філософський аналіз): дис. ... канд. філософ наук: 09.00.03 / М'язова І. Ю. – К., 2008. – 184 с.
5. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам / В. П. Фурманова. – М., 1995. – 189с.

6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / Тер-Минасова С. Г. – М.: Логос, 2000. – 234 с.
7. Могилевич Б. Р. Межкультурная коммуникация в контексте социологии культуры / Б. Р. Могилевич // Известия Саратовского университета. – Серия социология. Политология. – Саратов, 2009. – Т. 9. – Вып 4. – С. 21–25.
8. Orlando L. Taylor. Cross-Cultural Communication: An Essential Dimension of Effective Education / Orlando L. Taylor. – Revised and reprinted, 1990.
9. Kroeber A. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions / Kroeber A., Kluckhohn C. – Cambridge, 1952. – с.161
10. Садохин А. П. Культурология: теория и история культуры: учеб. пособ. / А. П. Садохин – М.: Эксмо, 2007. – 624 с.
11. Violette I. A la rencontre de soi de l'autre. Guide d'adaptation interculturelle destine aux etudiantes et etudiants de l'Universite de Moncton / Violette I., Deschenes H. – Moncton, 2012. – 58 p.

Abramovskih Elena Valerjevna,
*Samara state academy of social sciences and humanities,
Professor, Doktor of Filological Science, The Faculty of Filological Science*

**"Creative reception unfinished text: violation
of tradition (based on the continuation of the outline
of Alexander Pushkin" The guests gathered
at the dacha ... "L.Shvabom)."**

Abstract: Creative reception unfinished text: violation of tradition (based on the continuation of the outline of Alexander Pushkin" The guests gathered at the dacha ... "L.Shvabom)."

In the center of the article - creative perception unfinished text Pushkin "guests gathered at the dacha" L.Shvabom. In this type of reception is enhanced producing power of creativity unfinished text. Rules of the game implies: an invitation to participate in a dialogue on equal terms, then - the imbalance, and ultimately - the liberation of the recipient of the projected authorial intentionality. Unfinished text again and again generates a sense inexhaustible potential and the phenomenon of transgression (death and birth to a new level).

Keywords: creative reception, unfinished text, appending, the creative potential of the text.

Абрамовских Елена Валерьевна,
*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия,
Профессор, доктор филологических наук, филологический факультет*

**«Креативная рецепция незаконченного текста:
нарушение традиции (на материале продолжения
наброска А.С. Пушкина «Гости съезжались на дачу...»
Л.Швабом)».**

Аннотация: В центре статьи – творческое восприятие незаконченного текста А.С.Пушкина «Гости съезжались на дачу» Л.Швабом. В рассматриваемом типе рецепции усиливается продуцирующая сила творческого потенциала незаконченного текста. Правила игры предполагают: приглашение к участию в диалоге на равных, затем — нарушение равновесия,

и, в конечном счете — освобождение реципиента от заложенной авторской интенциональности. Незаконченный текст вновь и вновь порождает в каком-то смысле неисчерпаемый потенциал и явление трансгрессии (смерть и рождение на новом уровне).

Ключевые слова: креативная рецепция, незаконченный текст, дописывание, творческий потенциал текста.

Незаконченный отрывок А.С.Пушкина «Гости съезжались на дачу» относится к группе отрывков из жизни «света» (наряду с набросками «Мы проводили вечер на даче» и «На углу маленькой площади»). По мнению ряда исследователей, эти отрывки «предшествовали созданию новеллы «Египетские ночи» [1].

В истории литературы существует множество примеров креативной рецепции незаконченных текстов, результатом которой становилось рождение нового текста. Что касается отрывка «Гости съезжались на дачу» — известен факт конгениальной рецепции этого отрывка Л.Н.Толстым. Это пример рецепции, суть которой состоит не в подчинении читателя-писателя авторской интенции, заложенной в тексте, а в создании оригинального произведения — романа «Анна Каренина».

В рамках данной статьи обратимся к реализации «творческого потенциала» пушкинского наброска в стихотворении Л.Шваба.

С этой целью рассмотрим «творческий потенциал» (термин В.И.Тюпы) пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу». По словам Н.Н.Петруниной, «“Страстный” женский характер в отрывке “Гости съезжались на дачу” оказывается явным сюжетным центром» [2]. Набросок сразу формирует и главный конфликт, который будет создавать повествовательное напряжение, — столкновение света и пренебрегающей им героини.

«— Признаюсь: я принимаю участие в судьбе этой молодой женщины. В ней много хорошего и гораздо менее дурного, нежели думают. Но страсти ее погубят.

— Страсти! какое громкое слово! что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романическая голова? Просто она дурно воспитана...» [3, 38].

Очевидно, что эпатирующее поведение Вольской необходимо Пушкину для экспериментального анализа светского общества. В связи с этим важное место занимают рассуждения о русской аристократии — «внуках пирожников и денщиков». «Светский кодекс» поведения оказывается не следованием вековым традициям, а фиктивным институтом общественной жизни. В данном отрывке акцент смещен в сторону социального. Г. М. Фридлендер отмечал, что «открытая публицистичность разговора русского с испанцем в конце отрывка заставила Пушкина бросить работу» [4].

Нарушители общего спокойствия (а это главная функция Зинаиды) оказываются изначально одобряемыми автором. Тем не менее «надрыв» героини, очевидно, поведет к трагедии, и намеки на это разбросаны в тексте: «Вероятно, если б он мог вообразить бури, его ожидающие, то отказался б от своего торжества, ибо светский человек легко жертвует своими наслаждениями и даже тщеславием лени и благоприличию» [3, 40].

Пушкинский сюжет носит почти не скрытый экспериментальный характер; отсюда включение в текст героев-типов («светского человека» и «страстной красавицы»).

Стержнем сюжета в незаконченных произведениях («Мы проводили вечер на даче» и «На углу маленькой площади»), связанных единством замысла с отрывком «Гости съезжались на дачу», также является поведение «страстных» женских натур. Непредсказуемость поступков оказывается генератором сюжетных ходов. В то же время очевидно, что настойчивое обращение Пушкина к «страстным» женским характерам обусловлено стремлением обнаружить мотивацию их поступков, за непредсказуемостью увидеть неизбежность и необходимость. Романная ситуация, создаваемая по этому типу, требует ограниченного числа персонажей, а также экспериментального сюжета, продиктованного незаурядностью героини. Действие такого романа должно разворачиваться «здесь и сейчас», без какой-либо дистанции; читатель оказывается свидетелем «на его глазах» происходящего действия. Это позволяет отнести данную романную модификацию к типу «романа-драмы» (противопоставленного, по мнению Бальзака, «роману-истории») и даже «романа-трагедии». Трагичность разворачивающегося сюжета также жестко предопределена и связана с ведущим типом конфликта такого романа – между пылкой и страстной натурой и «низкой» средой. Однако в пушкинском варианте этот конфликт осложняется внутренней нецельностью героинь, конфликтующих со своим «вторым я».

От Вольской нити тянутся к героине-инфернальнице Клеопатре из новеллы «Египетские ночи», открыто бросающей вызов светскому обществу.

Л.Шваб обращается пушкинскому отрывку в книге «Поверить в ботанику» [5]. По форме рассматриваемый вариант креативной рецепции, закрепленный в создании собственного оригинального текста, представляет собой стихотворение, написанное верлибром. Свободный стих дает автору возможность показать сложную границу перехода от прозе к стиху и наоборот и прикоснуться к специфике пушкинской ритмизованной прозы. Приведем стихотворение целиком:

Гости съезжались на дачу
под грохот скрипящего снега.
Дача стояла на склоне
Холма, внизу было озеро.

Хозяина не было дома,
Но предметы располагались таким образом,
Будто он на минуту вышел
И скоро вернется.

По комнатам расходились
Руки держа за спиной.
На коврах висело оружие,
Помутневшее от времени.

Стояла тишина, но княгиня
Сказала, молитвенно сложив ладони:
«Пожалуйста, уедем отсюда.
Здесь страшно. Я вас прошу».

Гости очнулись,
Поднялся невообразимый шум,
И через короткое время
Никого не осталось. (1987 – 1989) [5]

Первая строка полностью повторяет начало пушкинского отрывка – это завязка, выводящая из равновесия действующие силы. Событием является предполагаемая «встреча» гостей в новом пространстве. Дача как топос, настраивающий на определенное времяпрепровождение, светские развлечения, прогулки на природе [6]. Светский раут в творческом потенциале пушкинского текста призван выявить, заострить действия какого-либо героя, его позицию (в отрывке «Гости съезжались на дачу» подобным маркером явилось поведение Зинаиды Вольской).

Однако уже вторая строка текста демонстрирует совершенно противоположный вектор в развитии действия: «под грохот скрипящего снега». Происходит нарушение стереотипов восприятия, горизонта читательского ожидания, связанного со сменой времени года – «зима», знаком которой выступает «снег». Снег не только «скрипит», но и «грохочет». Оксюморон создает условность ситуации, нереальность, абсурдность происходящего. В пушкинском отрывке не дается подробное описание времени года. По отдельным деталям, разбросанным в тексте, можно воссоздать картину летнего вечера и ночи: из диалога русского с испанцем, восхищающимся «прелестью северной ночи» [3, 37], из упоминания о том, что Вольская три часа просидела на балконе, пока не взошла заря.

Следующие две строки первой строфы содержат уточнение местоположения дачи. Символом является «озеро», несущее информацию уже

не о пушкинском, а о чеховском мире – «колдовское озеро» из пьесы «Чайка». Жизнь пушкинских героев словно разворачивается в другой системе координат.

Во второй строфе появляется указание на отсутствующего героя – «Хозяина не было дома». В сюжетной ситуации пушкинского отрывка Хозяйка, наоборот, присутствует, устанавливает порядок вечера, выполняет функцию наблюдения и оценивания поведения героев: «Лишь хозяйка с явным неудовольствием стояла у стола, за которым два дипломата доигрывали последнюю игру в экарте. (...) Хозяйка простилась с нею холодно, а Минского с намерением не удостоила взгляда» [3, 38]. Сама ситуация – пребывание в доме в отсутствие Хозяина – часто встречается в русской литературе (например, «Татьяна в кабинете Онегина», «Германн в спальне графини»). Через узнавание пространства и предметов герой наделяется тайным знанием. В Доме без Хозяина в отрывке Л.Шваба возникает ощущение пустоты, заброшенности и таинственности. Осознание пустоты обретает символическое значение – разрушение дома, утрату традиций, ценностей. Возникает ощущение, верно отмеченное М.Айзенбергом: «Стихи Леонида Шваба движутся в ритме пушкинских отрывков. Но сюжет не выстраивается, а сгущается как небольшое облако; меняется как воздух после наступления комендантского часа. Только время и место, сведенные током каких-то неясных, но грозных обязательств» [7].

В третьей строфе описывается ситуация тяжелого ожидания. Она передается в неспешном передвижении гостей по комнатам с жестом обреченности: «руки держа за спиной» и в упоминании об оружии, висящем на коврах. Художественные детали – «оружие», «ковер» – актуализируют интертекстуальный диалог с русской литературой. На этом уровне выстраиваются аллюзии к «Бесприданнице» А.Н.Островского, «Драме на охоте» А.П.Чехова.

В четвертой строфе тишине парадоксальным образом противопоставлено желание уехать. Тишина рождает страх, экзистенциальную тоску. Просьба княгини: «Пожалуйста, уедем отсюда. / Здесь страшно. Я вас прошу». Если у Пушкина формула «Гости разъезжались» – знак того, что все совершилось: смотр парижских литографий, общий разговор, разговор с испанцем о нравах северной столицы, экстравагантное поведение Вольской, бросающей вызов светскому обществу, реакция общества на вызывающее поведение героини; ирония повествователя по поводу описанной ситуации. В стихотворении Л.Шваба в структуре изображенного в центре сюжета – отъезд, нереализованное событие: уход от «измены», конфликта (вызов обществу, попытка изменить свою судьбу), гибели (самоубийство, убийство), бегство героини от себя самой (страшно, что может совершить). По определению Ю.М.Лотмана, «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» [8]. Перемещение в данном случае приводит к осознанию «себя», внутренних страхов. Перед нами в редуцированном виде

представлен универсальный тип сюжетной схемы с трехчастной структурой: «среднее звено связано с пребыванием персонажа в чужом для него мире и/или прохождением через смерть (в том или ином варианте — от буквального до всего лишь иносказательного), первое и третье представляют собой либо отправку в чужой мир и возврат, либо смену состояния, предшествующего кризису, последующим возрождением» [9].

Именно в финале стихотворения появляется мотив «сна». По словам Г.Дашевского, «В стихах Леонида Шваба сновидение впервые превращается в разновидность стихотворной формы. Под действием странно-монотонного голоса любой опыт, картина, впечатление, сколь угодно реальные, приобретают характер сна тот стеклянный отзвук, который мы иногда слышим в австро-немецкой и русской прозе 1920-х годов прозе погибших империй. И мучительно непонятные фрагменты реальности вдруг делаются прозрачны и ясны - как всякий сон, пока мы его смотрим» [10]. Все описанное воспринимается как призрачная реальность, навеянная пушкинским сюжетом. В последних строках описывается «пробуждение»: «гости очнулись», «никого не осталось».

В продолжении Л.Шваба мы видим перевод «творческого потенциала» пушкинского отрывка в иную систему ценностей, определяемую посткреативистской парадигмой художественности. Л.Шваб намеренно обнажает скрепы и механизмы творческого процесса, вовлекая читателя в процесс достраивания смыслов.

Общей тенденцией для различных направлений постсимволистской эпохи является, по мнению В.И. Тютю, значимый «учет адресата и предвосхищение его ответной реакции» [11]. Так, согласно характеристике М.Л. Гаспарова, «вся поэтика модернизма оказывается рассчитана на активное соучастие читателя: искусство чтения становится не менее важным, чем искусство писания» [12]. Постмодернизм как «субпарадигмальное явление художественной культуры новейшего времени» [9, 103], не выдвигая «новой парадигмы художественности», основывается на «коллажности», «совмещении» различных коммуникативных стратегий, а также «метапозиционной игре с ними» [9, 103].

Таким образом, можно обозначить несколько интерпретационных слоев, заложенных в стихотворении Л.Шваба:

- авторская рефлексия на тему – герои в поисках сюжета (ирония по поводу универсальных сюжетных схем);
- невозможность реализовать сюжет по нарративным стратегиям, заложенным в пушкинском отрывке – преодоление традиции;
- рождение оригинального сюжета: герои через пушкинскую призму могут заглянуть вглубь себя и прийти к осознанию своего «я» в новой ипостаси.

Х.Блум подобный тип восприятия опыта предшественника называет «тессера» [13] и определяет как антитетическое дополнение, при котором поэт стремится сохранить определенные «пределы», но переосмыслить их.

Таким образом, незаконченный текст (в данном случае отрывок А.С.Пушкина «Гости съезжались на дачу») провоцирует на сотворчество креативных читателей (Л.Шваб), вовлекая их в коварную игру. Правила игры предполагают: приглашение к участию в диалоге на равных, затем — нарушение равновесия, и, в конечном счете — освобождение реципиента от заложенной авторской интенциональности. Тем самым незаконченный текст вновь и вновь порождает в каком-то смысле неисчерпаемый потенциал и явление трансгрессии (смерть и рождение на новом уровне).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладкова Е. С. Прозаические наброски Пушкина из жизни «света» [Текст] // Временник Пушкинской комиссии, Кн. 6, М. ; Л., 1941. — С. 305–322.
2. Петрунина Н. Н. Проза Пушкина: Пути эволюции. Л., 1987. — С. 62.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений [Текст]. В 16 т. Т. [17]. Справочный. М., 1959. — Т. VIII, 1.
4. Фридлиндер Г. М. Два этюда о прозе Пушкина // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1995, Т. 54, № 6. — С. 4–12. С. 7.
5. Шваб Л. Поверить в ботанику. М., 2005. — С. 15.
6. Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860 – 1914). СПб., 2013. 336 с.
7. Айзенберг М. Аннотация [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/863>, свободный. Загл. с экрана. — Данные соответствуют 9.09.2014.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста: Семиотические исследования по теории искусства. М., 1979. — С. 282.
9. Тamarченко Н.Д. Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учебных заведений. В 2 т. Т. 1 / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман; под ред. Н. Д. Тamarченко. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М., 2004. — С. 206 — 207.
10. Дашевский Г. Аннотация [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/863>, свободный. Загл. с экрана. — Данные соответствуют 9.09.2014.
11. Тюпа В. И. Постсимволические эстетики адресованности // Дискурс, 2002, № 10. — С. 6–13. — С. 7.
12. Гаспаров М.Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. М., 1993. — С. 5–40. — С 40.
13. Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания: Пер. с англ. Екатеринбург, 1998. — С. 18.

Baltabaeva Zh.k.,
*Kazakh national pedagogical universitet the name
of Abaya.professor, doctor of pedagogical sciences,*
Bakbergenova R.K.,
senior teacher

Semantics of neoformlennogo genitive case

Abstract. This article deals with the problems of the semantic features of unformed genitive case in the Kazakh language. The main functions of the semantics of unformed genitive case have determined.

Keywords: affixal and unformed case, unformed genitive case, the semantics of relationships.

Балтабаева Ж.К.,
*Казахский национальный педагогический университет
им.Абая.профессор, доктор педагогических наук,*
Бакбергенова Р.К.,
старший преподаватель

Семантика неоформленного родительного падежа

Аннотация. В данной статье рассматриваются семантические особенности неоформленного родительного падежа в казахском языке. Определены основные функции семантики неоформленного родительного падежа.

Ключевые слова: аффиксальные и неоформленные падежи, неоформленный родительный падеж, семантика отношений.

В современных тюркских языках параллельно функционируют аффиксальные и неоформленные падежи. Но частота их употребительности и семантическая дифференциация носят разный характер. Системное функционирование присуще только неоформленным родительному и винительному падежам. Неоформленный родительный падеж семантически дифференцирован от аффиксальной формы.

Неоформленный родительный падеж имеют резкое семантическое и функциональное различие, образуя совершенно разные типы словосочетаний.

В то же время безаффиксальные формы сохраняют общность своих свойств с аффиксальными вариантами. Таким образом, факты казахского языка не подтверждают наличие основного падежа с семантикой всех падежей. Однако, мы не претендуем на окончательное решение вопроса, так, как наши выводы основаны на фактах одного языка. Окончательное решение проблемы потребует тотального исследования всех тюркских языков.

Основная функция неоформленного родительного падежа в казахском языке – выражать семантику отношений. Понятие отношение – слишком общо, ибо охватывает различные отношения и связи между предметами, понятиями [3, 30]. Например: Жағалай жиі орнатылған жеміс бақшасы да бар (М.Әуезов). – Вокруг есть густо посаженный фруктовый сад. Ауылда қалғандарды тік көтере, Ахмет жол жұмысына әкеп салды (Ғ.Мұстафин). –Ахмет, подняв на ноги оставшихся в ауле, привел и подключил их к дорожным работам. Тәңірберген ат тізгінін қарыстырып ұстап алды (Ә.Нұрпейісов). –Танирберген крепко держал уздечку коня.

В примерах жеміс бақшасы «фруктовый сад», жол жұмысы «дорожные работы», ат тізгіні «уздечка коня» - изафетные словосочетания, первые компоненты которых стоят в неоформленном родительном. Показателем того, что в данном случае это именно родительный падеж является второй компонент конструкции в притяжательной форме III лица, который всегда сочетается со словом только в родительном падеже. В силу этого упомянутые две формы взаимообуславливают друг друга.

Прежде всего, ни один из компонентов приведенных выше изафетных словосочетаний не обозначает принадлежность одного предмета другому предмету. Поэтому слова в неоформленном родительном падеже выражают различные отношения между предметами.

Для выяснения конкретной семантики рассмотрим эти словосочетания по отдельности. В примере жеміс бақшасы «фруктовый сад» связь между компонентами словосочетания основана на природных связях сада и фруктов. В объективной жизни это – сад, в котором растут фрукты. Здесь неоформленный родительный падеж выражает не притяжательность, а семантику отношения фруктов и сада.

Точно как же неоформленный родительный падеж в словосочетаниях жол жұмысы, ат тізгіні выражает тесную связь между предметами: дороги и работы, коня и уздечки и, наоборот, работы и дороги, уздечки и коня.

Таким образом, в приведенных примерах имеет место не семантика притяжательности и обладателя, а абстрактное значение различных отношений между предметами.

Отношения предметов между собой в объективной жизни неисчислимы. Различные связи между предметами, предметом и его качеством, отношение предмета ко времени и т.д. – все это определяет связи и отношения предметов. Например: Біз қазір коммунизм дәуіріне аяқ бастық (Ғ.Мүсірепов). –

Мы сейчас шагнули в эпоху коммунизма. Здесь выражено отношение предмета и времен, где изафетной конструкций имеет место неоформленный родительный падеж. О мешеулігінен зиян ештеме жоқ (Ғ.Мұстафин). –Нет ничего вреднее скудости ума. В данном примере изафетное сочетание – ой мешеулігі «скудость ума». Здесь родительный падеж без аффикса выражает отношения абстрактных понятий. Между тем, во всех приведенных примерах отсутствует семантика притяжательности, принадлежности. Таким образом, все эти примеры аналогичны, т.е. показывают различные отношения между предметами, абстрактными понятиями. Поэтому выбрав наиболее характерные примеры, мы постарались дать общее понятие о семантике отношения, которую выражает неоформленный родительный падеж.

Неоформленный родительный падеж выражает следующие значения отношений:

1. Органическую связь предметов. В объективной жизни многие предметы по природе настолько тесно взаимосвязаны, что один из них принимается за признак другого. Например: лақ терісі «шкура ягненка», балық майы «рыбий жир», ат тұяғы «копыто лошади», ешкі түбіті «козий пух», марал мүйізі «рога марала» и т.д. Слова, входящие в указанные словосочетания, обозначают предметы, по природе тесно связанные между собой. Это ягненок и его шкура, рыба и ее жир и т.п. М.Б.Балакаев подобные отношения рассматривает как понятие качества предмета [1, 533].

Есть убедительные доводы, подтверждающие мнение М.Б.Балакаева. В упомянутых изафетных словосочетаниях нет отношения притяжательности. В данном случае обозначается взаимосвязанность предметов в природе. Это отношения шкуры к ягненку, жира к рыбе, копыта к лошади, пуха к козе, рогов к маралу, которые выражены неоформленным родительным падежом, ясно обозначающим причастность одного предмета к другому. Например: Таңертеңгі асты ішкен соң, жаңа жеңіл күпіні иығына жамылып, басына лақ терісінен жеңіл бөрік киіп, Абай қалың кітаптарды оқиды (М.Әуезов). –После утреннего завтрака, накинув на плечи новенький легкий чапан, надев на голову легкую шапку из кожи ягненка, Абай начал читать толстые книги. Балық майына батырған білте шам иістеніп, түтіндеп жанып, аласа жерқазбаны ала көлеңкелеуге ғана жарап тұр (Ә.Нұрпейісов). –Лампа с опущенным в рыбий жир фителем, чадя, коптя, тускло освещала низкую избу.

Органическая связь предметов представляет собой общее понятие, охватывающее разнообразные подвиды:

а) Неодушевленные имена существительные в неоформленном родительном падеже обозначают части целого. Например: Сол бұта бастарында бір топ торғай шөпірлеп отырған (Ә.Нұрпейісов). –На верхушке дерева чирикала стоя воробьев. Тау етегіне ілінісімен, екі қапталға жарыла бытыраған қойларды бір жағына өткізейін деген (М.Сқақбаев). –Когда подошли к подножию горы, он решил разбегавшихся овец перевести на другую сторону.

б) Родительный падеж выражает отношение предмета к предмету, отделившегося от этого же предмета: күн нұры «лучи солнца», найзағай оты «блеск молний», от лебі «дыхание огня», таң жарығы «свет зари», түн самалы «прохлада ночи» и т.д. Например: Дос та күн сәулесінен қымсынғандай, төмен қарап, аяқ киімдеріне көз тастады (Ә.Нұрпейісов). –Дос тоже, будто стесняясь лучей солнца, спустив глаза, посмотрел на свою обувь. Түтін шалған от ісімен дем алады (сонда). –Дышал запахом дыма от огня.

в) Одно из имен существительных, обозначающих два течно связанных предмета, употребляется в неоформленном родительном падеже: түн қараңғысы «сумерки ночи», жел өті «холод ветра», түн тыныштығы «тишина ночи» и т.д. Например: Село түн тыныштығынан оянды (С.Сарғасқиев). –Село проснулась от тишины ночи. Бір қалыпты ызғырықпен қатаң соққан түн желі өтімді суық (М.Әуезов). – Ночной ветер, дующий однообразно, холодно, пронзительно суров.

г) Неоформленный родительный падеж обозначает отношения животных и их детенышей: жылқы баласы «детеныш лошади», ешкі лағы «ягненок козы», ит күшігі «щенок собаки», қой қозысы «ягненок овцы», и т.д. Например: Жығыла-сүріне, бұлтындап-тырбандап бара жатқан үйрек балапандары анасына еркелеп, қыңқылдап барады (Ғ.Мүсірепов). –Утят, спотыкаясь, ковыляя, ласкаясь к матери, крякая, плетутся. Өздері мысық баласындай (Ә.Нұрпейісов). –Они словно котята.

2. Неоформленный родительный падеж обозначает отношения между учреждением и работником: райком секретары «секретарь райкома», колхоз председателі «председатель колхоза», бөлім бастығы «заведующий отделом», мектеп мұғалімі «школьный учитель» и т.д. Например: Бастығы райком секретары Ермағанбет болып, суға түсті (Ғ.Мұстафин). –Во главе с секретарем райкома Ермағанбетом, все искупались в воде. Поезд бастығы да тұр (сонда). – Начальник поезда тоже стоит. Бірі – малды колхоз бастығы, бірі – сот (М.Әуезов). – Один из них председатель животноводческого колхоза, другой судья.

Отношения каких-либо обществ, групп и их членов также выражаются в неоформленном родительном падеже: жас натуралистер қоғамы «общество юных натуралистов», кәсіподақ мүшесі «член профсоюза», пионер ұйымы «организация пионеров», колхоз мүшесі «член колхоза» и т.д. Например: Бүкілодақтық пионер ұйымы жас ұрпаққа коммунистік тәрбие беру жүйесінде маңызды орынға ие (Қазақстан мектебі). –Всесоюзная пионерская организация заняла важное место в коммунистическом воспитании юного поколения. Институттың комсомол комитетіне мақтау грамотасы тапсырылды (Лениншіл жас). – Комитету комсомола института вручена похвальная грамота.

3. Отношения предмета к месту и, наоборот, места к предмету выражается в неоформленном родительном падеже: студенттер жатақханасы «общежитие студентов», балықшылар аулы «аул рыбаков», артистер үйі «дом

артистов» и т.д. Например: Балықшылар аулында екі түрлі тілек бір жерге тоғысты (Ә.Нұрпейісов). –В ауле рыбаков объединились два разных желания. Олар мұнай барлаушылар жатақханасында болды («Коммунистік жол»). –Они были в общежитии нефтяников.

Безаффиксальная форма родительного падежа выступает для обозначения предмета и места его применения: Үй жиһазы «домашняя утварь», кухня заттары «кухонные вещи», үй мүлкі «домашние вещи», аптека дәрісі «аптечные лекарства» и т.д. В данном случае семантику этих изафетных конструкций можно расшифровать следующим образом: үйде қолданылатын заттар «вещи, используемые дома», кухняда қолданылатын заттар «вещи, используемые на кухне», аптекада болатын дәрілер «лекарства, имеющиеся в аптеке». А в сокращенном виде они имеют лишь значения отнесенный: жиһаздың үйге «утвари к дому», заттардың кухняға «вещей к кухне», мүліктің үйге «вещей к дому», дәрінің аптекаға «лекарства к аптеке».

Неоформленный родительный падеж со значением места продуктивно выступает в сочетаниях со служебными именами: Үй іші «внутренность дома», қала маңы «окрестности города», ауыл сырты «окраина аула», есік алды «порог дома», орман іші «внутри леса» и т.д. Например: Екі ана ортасында жаны ауырған бір бала (М.Әуезов). –Между двух матерей один страдающий ребенок. Құдық басына Кәлен келді (Ә.Нұрпейісов). –К колодцу подошел Кален. ӘН ауыл үстінде самғап тұр (М.Әуезов). –Песня витает над аулом.

В данных примерах служебное имя конкретизирует значение места, поскольку через связь имени в родительном падеже со служебным словом обозначается конкретное место. Значение неоформленного родительного падежа абстрактно, и его роль как связки между знаменательными словами и служебным словом велика. В 1554 примерах сочетаний знаменательного слова и служебных имен употреблен неоформленный родительный падеж.

Таким образом, в казахском языке ярко выражена тенденция семантической дифференциации неоформленного родительного падежа от аффиксальной формы этого падежа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакаев М.Б. К истории изучения определенности-неопределенности в тюркских языках. – Вопросы казахского языкознания. Алматы: «Арыс», 2008, с. 532-340.

Gerasimenko Irina,
*North-Eastern State University, Associate Professor,
Candidate of Philological Sciences, the Faculty of Philology*

Interpersonal deixis in American business correspondence

Abstract: This article is devoted to the interpersonal deixis in American business correspondence. The publication focuses on the changes in the usage of deictic pronouns and reasons which caused them diachronically.

Keywords: American business correspondence, deixis, deictic pronouns.

Герасименко Ирина,
*Северо-Восточный государственный университет,
доцент, кандидат филологических наук, филологический факультет*

Ролевой дейксис в деловой американской корреспонденции

Аннотация: Данная статья посвящена ролевому дейксису в деловой американской корреспонденции. В публикации рассматриваются изменения в использовании дейктических местоимений и причины вызвавшие эти изменения в диахронии.

Ключевые слова: американская деловая корреспонденция, дейксис, дейктические местоимения.

Проблематика дейксиса входит в рамки социопрагматики, так как значение дейктического элемента зависит от ситуации его употребления: во-первых, денотат дейктического элемента не может быть установлен вне контекста речевого акта – он определяется через отношение объекта к речевому акту, его участникам или пространственно-временным характеристикам; поэтому, в так называемой формальной семантике, где значение определяется через денотат, описание смысла предложения с дейктическими элементами требует отсылки к

контексту; во-вторых, значение дейктического слова тоже не может быть описано без обращения к контексту речевого акта, поскольку значение дейктического слова – это правило установления его денотата через отношение объекта к контексту речевого акта или к его участникам.

Дейктические слова и элементы пронизывают языковой текст насквозь и составляют в языке не исключение, а правило. К ним относятся также элементы в состав значения которых входит идентификация объекта-предмета, места, момента времени, свойства, ситуации и т.д. – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту.

Дейктические элементы можно разделить на следующие группы: 1) личные местоимения 1-го, 2-го, 3-го лица; 2) указательные местоимения и наречия, а также дейктический определенный артикль; 3) глагольное время; 4) дейктические компоненты в семантике наречий и глаголов.

Подробнее остановимся на группах личных и указательных местоимений как наиболее употребительных индексальных элементах речевого акта. Дейксис первого лица представлен личными местоимениями **я, мы**. Личные местоимения первого лица указывают, что исполнителем глагольного действия в активной конструкции предложения является сам говорящий в единственном числе, либо в этом качестве выступает множественное число. Личные местоимения второго лица указывают, что глагольное действие отнесено к собеседнику. Дейксис второго лица осуществляется при помощи местоимений **ты, твой**. Личные местоимения третьего лица указывают, что действие отнесено к лицу или предмету, не участвующему в данном акте речевого общения. Для выражения третьего лица служат личные местоимения или существительные, обозначающие различные предметы и явления объективной действительности.

Хотя дейктические местоимения составляют некоторое естественное семантическое единство, между личными и указательными местоимениями имеется существенное различие. Так, личные местоимения задаются основными параметрами речевого акта непосредственно, а указательные должны определяться через эти основные параметры с помощью дополнительных и пока не до конца эксплицированных понятий, таких, как общее поле зрения говорящих, степень выделенности объекта в поле зрения, нахождение в центре внимания и др. [1].

Дейктические средства являются конституирующим элементом практически любого речевого акта. Однако в репрезентативных речевых актах, более других речевых актов, диахронические изменения связаны с понятием ролевого дейксиса.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX веков репрезентативные речевые акты соотносятся с адресантом, с его желаниями, интересами, действиями. Адресату, таким образом, адресант представляется активным участником описываемого, ожидающим непосредственной реакции адресата.

Об этом свидетельствует частое употребление личных местоимений **I, me** и притяжательного местоимения **my**. Например:

(1) I have the Pleasure to advise you of my Safe arrival here the 3d Ulto and that the Goods Bought of the 20 th of February last and Ship'd per the Neptune, Bellegarde, are come to hand in good order.

(2) I have a letter of the 18 th before me.

(3) I must observe further that most of Goods are too High Charged, and some of them Extravagantly which would be too Troublesome to me to particularize at present: especially as I have Sold most of them.

(4) The foregoing is Copy of what I wrote you the 23 d Ulto. per the Europa, Wright, to which please be refer'd since which Several Ships arriv'd from London but I am not favour'd with a Line from you by any of them, which I attribute to your hurry in Business when they Sailed.

Во второй половине XIX века указание на адресанта представлено не только личными местоимениями **I, me**, но и личными местоимениями множественного числа (**we, our**). Например:

(1) Having established ourselves in business in this city with a flattering prospect of success, we would like to open an account with your house, hoping it will be to our mutual advantage.

(2) We beg to inform you in reply to the letter of the 20 th instant that the crepe de Chine has been sent by special delivery. Upon investigation we found that the delay in delivery was caused by a mistake on the part of our saleswoman in taking your address.

(3) In reply I would say that the house you inquire about is in good standing, and we should not refuse them a reasonable credit.

Во второй половине XIX века указание на адресанта постепенно заменяется указанием на адресата, что может быть объяснено изменением коммуникативных потребностей адресанта. Дело в том, что в начале XIX века предпринимательство еще не выделялось достаточно явно как определенный вид общественной деятельности людей. В связи с этим деловое письмо не было таким распространенным средством общения, каким оно стало во второй половине XIX века. Каждое письмо было событием и привлекало внимание адресата. Л. Фрейли пишет по этому поводу: "There was a time, of course, and not too far back, letters were an exciting event. It didn't matter particularly how the letter was written. It was passed around and always got attention" [3].

Если поначалу интенция адресанта заключалась в том, чтобы передать информацию, то постепенно коммуникативная потребность расширяется и включает в себя не только передачу информации, но и необходимость заинтересовать этой информацией. Поэтому в XIX веке формируется так называемое "you-attitude", ставшее впоследствии неотъемлемой принадлежностью стиля деловой корреспонденции. Информация в письме излагается с учетом интересов адресата, поэтому репрезентативные речевые

акты включают такие словосочетания, как *you will be interested to learn, you will note, as you are aware* и т.д. Указание на адресата выражается с помощью местоимения *you* и превращает адресата в непосредственного участника коммуникации. Например:

(1) The lot of goods you ordered will be shipped this afternoon and should reach you by September 9.

(2) Any order with which you may favor us will be promptly filled.

Адресант старается подчеркнуть не то, что он делает, а насколько это действие совпадает с интересами адресата.

В том случае, однако, когда речевой акт содержит нежелательную информацию для адресата, прямая апелляция к нему отсутствует. Например:

(1) Upon examination of the bill accompanying your last lot of goods, I find that I am charged with one hundred yards of ingrain carpeting which I neither ordered nor received.

(2) On August 1 last I gave an order to be shipped August 15. I have not received these goods and the season for tan shoes is so far advanced that I am now unable to use them.

В большинстве же случаев сообщения, утверждения, предположения, объяснения в репрезентативных речевых актах содержали указания на адресата. Так называемое "*you-attitude*" характерно и для деловой корреспонденции на протяжении почти всего XX века.

В конце XX века наблюдается возврат местоимения *I*. Авторы современных пособий по деловой корреспонденции утверждают, что ничто не делает сообщение таким личностным, как употребление местоимения *I*. Нет возражений и против употребления местоимения *you*, при этом отмечается, однако, что такое сообщение может иметь и несколько уничижительную стилистическую коннотацию, звучать снисходительно, свысока.

Например, предложение: *You will be pleased to learn that your application for credit has been approved* звучит надменно (Вам повезло, наша компания дала Вам кредит). Использование местоимения *I* меняет коннотацию на положительную. Ср. : *I am pleased to tell you that your application for credit has been approved*. Местоимение *I* придает всему сообщению совершенно другое значение (Мы рады дать Вам кредит).

В репрезентативах современного делового письма встречаются и местоимения *we, us, our*. В некоторых случаях предпочтение отдается этим местоимениям по той причине, что пишущий выступает от имени компании, а не от себя лично. Но в большинстве случаев выбор падает на местоимение *I*. Так, Р. Теппер отмечает, что местоимение "*мы*" – "затертое слово с довольно туманным значением. Кто это мы? Мы – сотрудники компании? Автор письма? Все вместе?" [2], рекомендуя использовать местоимение "*я*" там, где это возможно.

Указание на лица, которые не участвуют в репрезентативных речевых актах, до недавнего времени выражалось родовым местоимением *he* (generic *he*) или существительными мужского рода. Например:

(1) Upon investigation we found that the delay in delivery was caused by a mistake on the part of our salesman in taking your address.

(2) All our inspectors are men of long experience, and we pay them large salaries to prevent conditions such as you have had to meet.

За последние 25 лет мир бизнеса в США стал очень чувствительным к проблеме рода в языке, о чем свидетельствует растущее количество книг и статей в журналах на эту тему, а также гендерных исследований. Ясно, что проблема рода связана с социальными тенденциями в обществе. Когда женщина выполняла работу по дому, а мужчина – за его пределами, для обозначения обоих полов в бизнесе употреблялись родовое *he* или существительные мужского рода. Сейчас, когда женщины составляют почти половину рабочей силы (30% в 1950 г., 45% в 1990 г.), появились понятия "мужского языка" и "женского языка", а также проблема их взаимоотношений.

В связи с этим из деловой корреспонденции конца XX века исчезают ограничения в употреблении исключительно мужского рода. Такой язык помогает сделать равноправными мужчин и женщин, о чем очень заботится американское общество.

Многие американки, к тому же, считают, что употребление слова (морфемы) "*man*" для обоих полов принижает их социальный статус. Поэтому при указании на лицо, которое не участвует в речевом акте, происходит замена проблемных слов, например: *ad man* – *advertising executive*; *businessman* – *executive*; *chairman* – *chairperson*; *councilman* – *councilmember*; *Englishman*, *Frenchman* – *the English*, *the French*; *to man*, as in "*to man a unit*" – *to run*, *to operate*; *manpower* – *personnel*, *staff*, *workers*; *repairman* – *service technician*.

Указание на лица, не участвующие в речевом акте, посредством употребления слов, содержащих половую коннотацию, становится возможно лишь в том случае, если речь идет о конкретном лице.

Проблема сексистского языка (*sexist language*) включает, как уже было сказано выше, также употребление местоимений мужского рода для обозначения обоих полов.

(1) Each employee must decide for himself.

(2) A system analyst make sure that he does not over load the system.

Существует несколько вариантов изменить эти предложения, избегая местоимений мужского рода: (a) изменить число с единственного на множественное. Для этого употребляются нейтральные местоимения *they*, *them*, *their*; (b) писать во втором лице, что особенно удобно при написании инструкции; (c) опустить местоимения мужского рода. Это лучшее решение в том случае, когда нет особой необходимости в местоимении.

Таким образом, ролевой дейксис в репрезентативных речевых актах имеет существенное значение, от правильного выбора того или иного указания на участников коммуникации и третье лицо зависит успешность коммуникативного акта.

В диахронии в употреблении дейктических местоимений прослеживаются две тенденции. Первая связана с указанием на участников коммуникации. Характерная для репрезентативных речевых актов второй половины XVIII – первой половины XIX веков соотносённость с адресантом меняется во второй половине XIX века на соотносённость с адресатом. В конце XX века происходит обратный процесс: репрезентативные речевые акты начинают соотноситься с адресантом. Вторая тенденция связана с указанием на лица, которые не участвуют в речевом акте. Родовое местоимение *he* и существительные мужского рода уступают в конце XX века место местоимениям и существительным, не содержащим половую коннотацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики// Новое в зарубежной лингвистике: Сб. ст. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 17-18.
2. Теппер Р. Искусство составления писем. – Москва, 1989. - С. 35.
3. Frailey I.E. Handbook of Business Letters. – 3 ed., Printice Hall, 1989. – P.

Khomytska Iryna,
Lviv Polytechnic National University,
Assistant Lecturer, the Department of Applied Linguistics

Phonostatistical Peculiarities of Linguistic World Image in Poem Lara by G. G. Byron

Abstract: In the article we consider specificity of phonostatistical peculiarities of lexical units which verbalize concepts of beauty, joy, love, evil, sin, revenge, battle, sadness, suffering, death of conceptual sphere of linguistic world image in the poem Lara by G. G. Byron.

Keywords: concept, concept structure, nexus and periphery of a concept, frequency of consonant phonemes.

Artistic perfection of verse is achieved by different means of poetic skill among which peculiar role is played by sound complexes arrangement creating melodic effect. Topicality of the problem consists in investigation of phonemic resource which creates sounding expression of poetry of different historical periods, different literary trends and undoubtedly is a differentiating feature of different author's poetry. Studies of phonetic specificity of poetry involve investigation of sound meaning, motivation of meaning of sounds and sound complexes in the aspect of sound symbolism.

The object of our investigation is quantitative characteristics of phonemes constituting sound part of lexical units of conceptual sphere of linguistic world image in poem Lara by G. G. Byron.

The aim of the article is to determine quantitative characteristics of consonant phonemes of the English language, which constitute phonemic part of lexical units that verbalize conceptual sphere of world image in the poem under investigation. Quantitative characteristics serve as material and instrument for studies of sound symbolism.

Investigation of emotive concepts involves consideration of the lexical units with the help of which emotions are expressed. These lexical units belong to lexical-semantic field of certain concept along with relatively emotively neutral lexis which becomes functionally emotive in speech process. Human social and individual experience is reflected in lexical units. Emotive experience fixed and preserved in emotive lexemes is an integral part of cognition of material reality.

Creation of emotive units is possible only through close connection of thinking, psyche and language. Generalized emotive experience is expressed in lexical units

with an emotive component. Such lexemes provoke certain emotions in recipient. On the other hand, using individual resource of lexis with emotive shade, speaker expresses his emotive attitude to reality. Thus emotive lexemes perform binary function: expression of emotion by speaker and emotive influence on recipient [1 : 49].

It is important to note that emotive content of lexical unit is a psychological category, for emotive lexemes are not used in the state of emotive calmness.

Positive and negative attitude to reality is reflected in lexical semantic field of the concepts under study. Emotive lexemes representing positive emotions verbalize concepts of beauty, joy and love.

Negative emotions are represented by emotive lexemes verbalizing concepts of evil, sin, revenge, battle, sadness, suffering and death. The mentioned concepts are investigated by many linguists. These are scientific works by V. A. Maslova, E. S. Kubriakova, V. Z. Demiankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina [2, 3].

Expression of positive and negative emotions is considered on the phonological level in our investigation. Connection between sound and meaning lies in the basis of sound symbolism. Researches of sound symbolism determined those phonemes with which people usually associate notions of size (big–small), evaluation (pleasant, unpleasant), activity (fast–slow), warmth (warm–cold), strength (weak–strong), light (light–dark), hardness (soft–hard). Thus according to V. V. Levytskyy Ukrainian phoneme *i* is associated with the least, most pleasant, slowest, warmest, weakest, lightest, softest [4 : 42].

In the article we use the results of our previous investigation according to which the group of English forelingual consonant phonemes has the highest frequency of occurrence and highest style differentiating power (the data were obtained by methods of mathematical statistics) [5].

For thorough investigation of quantitative characteristics of the group of forelingual phonemes we continue to study the effect of factor of individual author's manner of writing having determined by methods of mathematical statistics (hypothesis test) significant differences between poem *Lara* by G. G. Byron and poetical work *Lalla Rookh* by Th. Moore. Mean frequency of occurrence of groups of consonant phonemes \bar{X}_r^α (where *r* stands for an investigated text and α – for a group of consonant phonemes) has been chosen as differentiation criterion. The texts have been differentiated by hypothesis test. The first hypothesis states that mean frequencies of occurrence of groups of consonant phonemes follow a normal (Gaussian) distribution. To verify whether the hypothesis is true or not chi-square criterion χ^2 has been used. The level of significance is equal to 0,05. For all eight groups of consonant phonemes (labial, forelingual, mediolingual, backlingual, nasal, sonorant, occlusive and constrictive) we have obtained the value χ^2 probability of appearance of which with the given number of degrees of freedom *v* (30) is equal to or greater than 0,05 ($p(\chi^2) \geq 0,05$). This means that frequencies of groups of consonant phonemes follow normal distribution. We get information about mean

frequencies of occurrence of groups of consonant phonemes according to Liapunov's theorem which states: if value of random quantity follows normal distribution, then mean value of this random quantity also follows normal distribution. This allows to use Student's t-test. In our previous work [5] the sample size (31 000 phonemes) on the basis of which one can obtain reliable information about general population (functional style) was determined. Significant differences between compared texts have been determined by the following formula:

$$t = \frac{\overline{X_1^\alpha} - \overline{X_2^\alpha}}{S} \sqrt{\frac{n_1 \cdot n_2}{n_1 + n_2}},$$

where S – constant variance estimation of frequencies of occurrence of two compared texts, n – number of portions of sample, number of degrees of freedom $\nu = n_1 + n_2 - 2 = 31 + 32 - 2 = 60$.

To differentiate two compared texts we put forward the null hypothesis H_0 : mean frequencies of occurrence of groups of consonant phonemes characterize the English language, not the functional styles. To support the H_0 hypothesis the calculated value t should be such that probability of its appearance with the given number of degrees of freedom ν is greater than 0,05. As a result of our calculations for all eight groups of consonant phonemes we have obtained the values of t less than 0,05. The hypothesis H_0 is not true. The compared texts differ significantly.

Method of mathematical statistics (hypothesis test) has been applied in the investigation. It allowed to determine the group of consonant phonemes that has the highest style differentiating capacity. This is the group of forelingual phonemes. The result has been obtained while determining significant differences between the compared texts of poem Lara by G. G. Byron and poetical work Lalla Rookh by Th. Moore.

The mean frequencies of occurrence have been proved to be differentiation criterion of texts representing poetical works by different authors.

The results of the investigation are given in the suggested linguistic model:

Labial	PB	PM	–
Forelingual	PB	PM	–
Mediolingual	PB	PM	–
Backlingual	PB	PM	+
Nasal	PB	PM	–
Sonorant	PB	PM	–
Constrictive	PB	PM	–
Occlusive	PB	PM	+

Considerable differences between PB (poetry by G. Byron) and PM (poetry by Th. Moore) are marked with + and random differences with –.

Now it is necessary to do quantitative analysis of forelingual group of phonemes. The phonemes constitute sound part of lexical units which verbalize emotive concepts of conceptual sphere of world image in poem *Lara* by G. G. Byron.

Before consideration of structure of each investigated concept and giving results of quantitative analysis, it is important to give a short account of the plot which created the given conceptual sphere.

Poem *Lara* by G. G. Byron is full of unsolved mysteries. The development of events is thrilling and tragic. The first acquaintance with the main character *Lara* makes one feel that he is an extraordinary mysterious personality. *Lara* is from a noble, well-reputed family. His presence in higher circles of society is always desirable. However, his aristocratic appearance cannot properly conceal inner alienation to the world, disappointment, loneliness and cold indifference to all what is going on around. Inner unrest, anxiety, long walking along corridors of his house at night and sudden, unexpected scream from terrible fear made his servants feel embarrassed, anxious and suspicious of tragic events of *Lara's* past.

Culmination of plot is when *Lara* meets *Ezzelin* at *Otho's* party. It seems that mystery about *Lara's* dark past is going to be solved right there at the party, but it was decided to settle square accounts the next day. *Ezzelin* disappears and everybody suspects *Lara* of removal of the only witness of his unsolved mysteries. Exchange of defiant words between *Otho* and *Lara* leads to the armed conflict in which *Lara* becomes a victor. Soon they wage war against each other. In a desperate light *Lara* is fatally wounded. His faithful page *Kaled* stays with *Lara* till his death. *Kaled* was always near *Lara* in all fights. The page was the only person whom *Lara* loved. The most exciting point of the plot is when *Kaled* turns out to be a woman. Unbearable loss of beloved *Lara* deprives *Kaled* of any desire to live and she joined *Lara* in the other world. Mutual love of *Lara* and *Kaled* sheds light on the unsolved mysteries of *Lara's* past.

Linguistic world image of the poem is represented by conceptual sphere in which concepts of beauty, joy, love, evil, sin, revenge, battle, sadness, suffering and death are closely interrelated. The main, additional, peripheral features of the mentioned concepts have been analysed.

We will consider structures of concepts of beauty, joy and love in detail. The main features of the concepts are dictionary meanings of lexemes beauty, joy and love.

Beauty: 1a: extreme physical attractiveness and loveliness: perfect combination of characteristics b: a characteristic or a combination of characteristics affording great sensory pleasure [6 : 194].

Joy: a: the emotion excited by the acquisition or expectation of good: pleasurable feeling or emotions caused by well being, success, or possessing what one loves or desires: gladness, delight [6 : 1222].

Love: 1a: the attraction, desire or affection felt for a person who arouses delight or admiration or elicits tenderness, sympathetic interest, or benevolence [6 : 1340].

Additional, peripheral features of the concepts have been determined from the given below situations:

Additional features which are on the periphery of structures of concepts of beauty, joy and love have been determined from the given below speech situations:

Lara's servants are very happy to see him again in his native country:

The Serfs are glad through Lara's wide domain

...

There be bright faces in the busy hall

Kaled abjured her parents, friends for her love to Lara:

Friends', kindreds', parents', wonted voice recall,

Now lost, abjured, for one-his friend, his all

For him earth now disclosed no other guide

Kaled's love to Lara is very strong:

Thy band may perish, or thy friends may flee,

Farewell to life, but not adieu to thee!

beauty of night impressed Lara very much:

The stars are studding, each with imaged beam

...

The immortal lights that live along the sky

...

And flowers the fairest that may feast the bee

...

The mentioned concepts have been verbalized by the lexical units which are the following parts of speech:

nouns: ambition, beauty, calmness, compassion, favour, feast, flowers, forgetfulness, friendship, gentleness, gladness, happiness, laughter, lights, love, mercy, mirth, pleasure, preference, reverence, softness, tenderness;

adjectives: abjured, bounteous, bright, cheerful, cloudless, courteous, delighted, fairy-like, faithful, friendlier, gay, glad, glory, good, immortal, kind, loveliest, purer, soft, sweet, tender, trusty;

verbs: exult, marvel, please, praise, smile, welcome, warm.

Quantitative analysis of phonemes constituting sound part of the lexemes that verbalize concepts of beauty, joy and love allows to make an assumption that consonant phonemes *r*, *l*, *t*, *s*, *n* are most frequently used for expression of positive emotions of medium and strong intensity. The given lexical units have high frequency of occurrence in verbalization of the mentioned concepts not taking into account individual peculiarities of author's style.

The main features of structures of concepts evil and sin are dictionary meanings of lexemes evil and sin:

evil : 1a : not good morally : marked by bad moral qualities : violating the rules of morality [6 : 789];

sin : 1a : transgression of religious law : an offense against God [6 : 2122].

On the periphery of the concepts there are additional features determined from the following speech situations:

pride and sarcasm were typical of Lara:

The pride, but not the fire, of early days

...

And that sarcastic levity of tongue

Lara often treated other people with contempt:

The tempest of his heart in scorn had gazed

On that the feebler elements hath raised

evil of demon was in Lara's look:

For Lara's brow upon the moment grew

Almost to blackness in its demon hue

Lara felt hatred to his enemies:

Then all was stern collectedness and art,

Now rose the unleaven'd hatred of this heart

Lara was unfriendly to other people:

The seeming friendlessness of him who strove

To win no confidence, and wake no love.

Concepts of evil and sin have been verbalized by the lexemes which are the following parts of speech:

nouns: anger, averice, aversion, blackness, carelessness, coldness, contempt, crime, criminal defiance, demon, despot, evil, fault, friendlessness, guile, hardihood, hatred, haughtiness, helplessness, imprecation, indifference, ire, levity, passion, perversity, pride, reproof, scorn, selfishness, shame, sin, sneer, suspicion, tempest, tyranny, vengeance, vice, wantonness, weakness, wile, wrath;

adjectives: abhorred, accursed, blackened, contemptuous, cunning, despairing, erring, shadowy, haughty, heedless, incensed, ghastly, mad, malcontent, merciless, obnoxious, restless, sarcastic, sluggish, stormy, sunk, supine, unheeding, unsoothed, wringing;

verbs: betray, blame, condemn, curse, defy, disdain, hate, loathe, recompense, tempt, vindicate, warp.

According to the results of quantitative analysis of phonemes constituting sound part of lexemes that verbalize concepts of evil and sin, phonemes *n*, *s*, *r* have the highest frequency of occurrence. The lexemes express negative emotions of strong intensity, and are most often used for verbalization of the given concepts. Among the lexemes that are used in the poem and are typical verbalizers of the concepts are the following ones: anger, averice, aversion, contempt, crime, criminal, defiance, demon, despot, hatred, haughtiness, imprecation, ire, perversity, pride, reproof, scorn, sin, suspicion, tyranny, vengeance, vice, wantonness, wrath; abhorred, accursed, contemptuous, cunning, ghastly, merciless, sarcastic; betray, condemn, curse, disdain, vindicate.

The main features of structures of concepts of revenge and battle are dictionary meanings of lexemes revenge and battle:

revenge: 1: the disposition or desire to seek vengeance; also: the gratification of such a desire 2: an act or instance of revenging or returning evil for evil: vindictive retaliation [6 : 2540];

battle: 1: a combat between two persons, 2: participation in armed conflict [6 : 187].

On the periphery of the concepts there are additional features determined from the following speech situations:

Otho wants to take his revenge upon Lara for the lost fight:

Days roll along, and Otho's wounds are heal'd,

But not his pride; and hate no more conceal'd

serfs support Lara and are ready to fight with their oppressors:

Such is their cry – some watchword for the fight

Must vindicate the wrong, and warp the right

Lara was made to accept challenge to fight with his enemies:

By circumstance compell'd to plunge again,

In self-defence, amidst the strife of men

Lara desperately fought with his enemies:

In voice-mien-gesture-savage nature spoke,

And from his eye the gladiator broke

the enemies could not stand Lara's looks and blows:

While yet they find the firmest of the foe

Recoil before their leader's look and blow.

Concepts of revenge and battle have been verbalized by the lexemes that are the following parts of speech:

nouns: ambushade, arrow, assault, awe, blade, blaze, blood, blow, captive, carnage, chief, combat, confusion, discord, falchion, feud, fierceness, fire, flame, foe, force, freedom, frontier, fury, gladiator, havoc, leader, menace, nerve, peril, pray, pursuer, rage, rank, reare, ruin, saber, scar, scimitar, self-defence, shriek, spear, steed, strife, struggle, success, sword, terror, threat, victim, victor, victory, weapon, wildness, wound;

adjectives: armed, battle-slain, blind, bold, brave, bravest, crumbled, deadly, fatal, fearful, firm, furious, horrible, hostile, ignoble, mad, overthrown, petulant, quivering, stern, unbent, wild;

verbs: baffle, beat, beset, charge, command, conquer, dare, faint, gash, harass, kindle, oppress, perish, press, quench, rash, rebel, repel, retreat, rive, save, slay, smite, snatch, stanch, startle, strike, submit, suffer, survive, venture, withstand, yield.

Quantitative analysis of phonemes constituting sound part of the given lexemes that verbalize concepts of revenge and battle allows to determine consonant phonemes with the highest frequency of occurrence. These are phonemes *r*, *s*, *t*, *l*. The lexemes express negative emotions of strong intensity. To the most frequently

used lexemes-verbalizers of concepts of revenge and battle from those used in the poem Lara we can refer: arrow, assault, blood, blow, captive, carnage, combat, fierceness, fire, flame, force, menace, peril, rage, strife, struggle, terror, threat; armed, fatal, furious, horrible, hostile, overthrown; beat, leset, charge, conquer, perish, repel, retreat, slay, starte, strike.

The main features of structures of concepts of sadness, suffering and death are dictionary meanings of lexemes sadness, suffering and death:

sadness: 1: the quality or state of being sad: sorrowfulness, unhappiness, gloominess 2: an instance (as a mood or appearance) of being sad: something sorrowful, gloomy or depressing [6 : 1998];

suffering: 1: the state or experience of one who suffers: the endurance of or submission to affliction, pain, loss 2: a pain endured or a distress, loss, or injury incurred [6 : 2284];

death: 1: the ending of all vital functions without possibility of recovery either in animals or plants or any parts of them: the end of life: the act, process, or fact of dying [6 : 581].

On the periphery of structure of the concepts there are additional features determined from the given below speech situations:

Sadness caused by apprehensions of death:

And grieve what may above thy senseless bier,

Nor earth nor sky will yield a single tear

Kaled's sufferings near dying Lara:

Kneels Kaled watchful o'er his welling side,

And with his scarf would stanch the tides that rush

With each convulsion in a blacher gush

dying Lara is looking at his enemies with contempt:

And he regards them with a calm disdain,

That rose to reconcile him with his fate

with love and kindness Lara is looking at Kaled before his death:

Save that when struggling nearer to his last,

Upon that page his eye was kindly cast.

Concepts have been verbalized by the lexemes that are the following parts of speech:

nouns: bitterness, complaint, coolness, desolation, famine, fever, grief, insult, melancholy, penance, remorse, sorrow, suffering, trance, trouble;

adjectives: angry, anxious, careless, dark, desperate, discontent, distempered, famished, hectic, misspent, reddening, sallow, shaken, sore, subdued, sullen, sunk, troubled, unrejoyced, weary;

verbs: endure, frown, insult, mourn, regret, shrink, shudder, suffer, wring.

The results of quantitative analysis of phonemes constituting sound part of lexemes-verbalizers of concepts of sadness and suffering made it possible to determine the most frequently used phonemes. These are phonemes *r*, *n*, *s*. The

lexemes express negative emotions of medium and strong intensity and are typical verbalizers of the given concepts.

Concept of death has been verbalized by lexemes that are the following parts of speech:

nouns: bead, bier, clod, cross, death, dread, fate, grave, loss, night, pain, paleness, pang, sepulcher, slayers, tear, wailing, worm;

adjectives: absolving, bleeding, cold, convulsive, dark, dizzy, expiring, falling, feeble, fiery, hourse, holy, mournful, pale, senseless, slain, unrepentant;

verbs: bury, die, droop, faint, gasp, reconcile.

According to the results of quantitative analysis of phonemes constituting sound part of lexemes that verbalize concept death, phonemes *l*, *r*, *n* have the highest frequency of occurrence. The lexemes express negative emotions of strong intensity and are often used for verbalization of the given concept by most authors of poetry.

For drawing general conclusions it is necessary to present results of quantitative analysis for each frequently used phoneme.

Phoneme *r* has high frequency of occurrence in the English language in general and therefore it is often used in sound part of lexemes expressing both positive and negative emotions. In this case language factor prevails and factors of style, genre and author's individuality play secondary part.

Phoneme *l* is more often used for expression of positive emotions of medium and strong intensity (concepts of beauty, joy and love) than for expression of negative emotions of strong and medium intensity (concepts of evil, sin, sadness and suffering).

Phoneme *t* is more seldom used for expression of negative emotions of strong and medium intensity (concepts of evil, sin, sadness, suffering and death) than for expression of positive emotions of medium and strong intensity (concepts of beauty, joy and love).

Phoneme *s* is more often used for expression of negative emotions of strong and medium intensity (concepts of evil, sin, revenge, battle, sadness and suffering) than for expression of positive emotions of medium and strong intensity (concepts of beauty, joy and love).

Phoneme *n* is more often used for expression of negative emotions of strong and medium intensity (concepts of evil, sin, sadness, suffering and death) than for expression of positive emotions of medium and strong intensity (concepts of beauty, joy and love).

On the basis of the results obtained with the help of methods of mathematical statistics in our previous work [5] we determined frequency of occurrence of each phoneme from the most frequently used group of forelingual phonemes. The phonemes constitute sound part of lexemes that verbalize conceptual sphere of world image in poem *Lara* by G. G. Byron. The results of quantitative analysis of phonemes constituting sound part of lexemes-verbalizers of the investigated concepts made it possible to draw a conclusion that phonemes *r*, *l*, *t* are more often

used in sound part of lexemes that express positive emotions of medium and strong intensity whereas phonemes *r*, *s*, *n* are more often used in sound part of lexemes that express negative emotions of strong and medium intensity.

The work has prospects in further quantitative analysis of sound part of lexemes-verbalizers of conceptual sphere of other works by G. G. Byron with the aim of studying specificity of affecting phoneme functioning by language, style, genre and author's style factors.

REFERENCES

1. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / Виктор Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1987. – 190 с.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 4-е изд. / Валентина Маслова. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 296 с.
3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Елены Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
4. Левицкий В. В. Семантика и фонетика / Виктор Левицкий. – Черновцы : Изд-во Черновецкого у-та, 1973. – 103 с.
5. Хомицька І. Ю. Залежність стилерозмежувальної потужності груп фонем англійської мови від позиції фонем в слові / Ірина Хомицька // Іноземна філологія. Львів, 2001. Вип. 112. – 192–196 с.
6. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. – Merriam – Webster INC. Publishers Springfield, Massachusetts, U.S.A. – 2662 p.
7. Lara by Lord Byron (1788-1824). URL: <http://classiclit.about.com/library/bl-etexts/lbyron/bl-lbyron-lara.htm>. Viewed 16 October 2014.

Levina Mariya,

*Federal State-financed Academic Institution of
Higher Education «N. P. Ogarev Mordovia State University»
Associate Professor, Candidate of Philology, Faculty of Philology,*

Grishunina Valentina,

*Federal State-financed Academic Institution of
Higher Education «N. P. Ogarev Mordovia State University»
Associate Professor, Candidate of Philology, Faculty of Philology*

On the usage of demonstrative pronouns in the dialects of Moksha language

Abstract: The author of the article studies the paradigm of demonstrative pronouns' inflection in the dialects of Moksha language. The value of such research derives from the specificity of the material and its unexplored character, as well as from the need to demonstrate the singularity and uniqueness of Moksha language.

Key words: dialects and parlances of Moksha language, pronoun, morphological characteristics, grammatical characteristics.

Левина Мария,

*ФГБОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
доцент, кандидат филологических наук, филологический факультет,*

Гришунина Валентина,

*ФГБОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
доцент, кандидат филологических наук, филологический факультет*

Об особенностях употребления указательных местоимений в диалектах мокшанского языка

Аннотация: В статье рассматривается парадигма словоизменения указательных местоимений в диалектах мокшанского языка. Важность обозначенной проблемы определяется конкретностью и малой изученностью материала исследования, необходимостью представления своеобразия и неповторимости данного языка.

Ключевые слова: диалекты и говоры мокшанского языка, местоимение, морфологические особенности, грамматические признаки.

Указательные местоимения в говорах и диалектах мокшанского языка составляют довольно обширный семантический разряд, абсолютное большинство которых восходят к финно-угорским архетипам **ty-*, **t'ÿ -*, **sÿ -*, **Jy*, **ÿ -*, **o-*, **n-* [1].

Из-за полидиалектности их основ они весьма своеобразны и выступают в различных формах: *t'ä*, *t'e*, *t'ite*, *t'ete*, *t'etä* 'этот', *t'akə* 'этот же', *t'aftamə* 'такой же (как этот)', *tona*, *kajna* / *kajtna* 'тот', *šä*, *še*, *šice*, *šécä*, *šéce* 'тот', *šakə* 'тот же', *stamə* 'такой же (как тот)', *šat* 'те, эти самые', *ňä*, *ňe*, *ňat*, *ňatne* 'эти', *ňakə*, *ňakət'ne* 'эти же' *nona*, *nonat'ne* 'те', *t'ənarə* / *tənara*, *šənarə* / *sənara* 'столько'. Отличительная их особенность заключается в многослойности, возникшая на основе контаминации древних местоименных корней, имеющих в речи носителей исследуемых говоров и диалектов, что обогатило данную систему новыми формами. Мордовские указательные местоимения, по мнению Б.А. Серебренникова, представляют собой конгломерат из указательно-местоименных основ с добавлением эмфатических частиц [2].

Указательные местоимения, как известно, служат средством выделения предмета или предметов из ряда однородных, определяют предмет, действие или состояние в отношении качества, количества, места путем указания на другой известный предмет, действие или состояние.

Функции указательных местоимений весьма многогранны и чрезвычайно важны для языка. При их помощи можно обратить внимание на то, о чем будет идти речь в дальнейшем (предваряющая функция), можно отсылать к тому, о чем говорилось ранее (анафорическая функция). Местоименные слова данной группы входят в самую употребительную часть лексики: обладая способностью заменять не только отдельные слова, но и целые предложения и даже большие отрывки текста. Они помогают экономно выражать мысли, избегать излишних повторений, т.е. делают речь разнообразной и стилистически обработанной.

В говорах и диалектах мокшанского языка выработалась трехчленная система основных указательных местоимений, выражающих две оппозиции: по дальнему и близкому расположению относительно говорящего, ср.: *t'ä* 'этот', но *šä*, *tona* 'тот'. Оппозиция по дальнему расположению представлена двумя местоименными формами – *šä* и *tona*, одна из которых выражает указание на расстояние менее четко. Исторически представителем общего (нейтрального) типа указания является местоимение *šä* [3]. Например: *šä avas šembə tefñəñ ma?cəñə / a t'ä ańćək pekənc kolga aśi/ tona i zraj af kal'd'avstə* 'Та женщина все дела умеет делать, а эта только о пище думает, та поэтому и живет неплохо'. Нужно особо подчеркнуть, что отношение говорящего к определенному предмету выявляется в языке только в двучленной оппозиции. Отсутствие в

речевой ситуации одного члена оппозиции исключает из речи понятие «близкое и далекое».

Из указательных местоимений, встречающихся в речи носителей говоров мокшанского языка, с точки зрения их становления, фонетического облика и природы присоединяемого компонента необходимо выделить следующие словообразовательные разновидности:

1) присоединение другого указательного местоимения к основному местоименному компоненту: *śńat* 'эти'. Данная местоименная форма состоит из двух указательных местоимений: *śä* 'тот' и *ńä / ńe* 'эти'. Она осложнена универсальным суффиксом множественного числа *-t*. Местоимение *śńat* возникло из аналитической конструкции *śä ńät* 'это те' и употребляется в говорах западного диалекта в номинативе, генитиве, дативе, аблативе и каузативе [4]. Идентичная форма отмечена в смешанных говорах мокшанского и эрзянского языков [5], [6];

2) повторение основного указательно-местоименного компонента: *tīte*, *t'əte*, *t'ətä* 'этот', *śice*, *śécä*, *śéce* 'тот', где второй компонент данных форм, употребляемых в западном диалекте, является не суффиксом, а только повторением первого компонента, т.е. образованы путем сложения двух одинаковых местоименных основ, о чем совершенно ясно свидетельствует форма множественного числа *ńeńe*, которая употребляется в эрзянском языке [7];

3) соединение суффиксальных частиц: *śakə* 'тот же', *t'akə* 'этот же'. В рассматриваемых местоименных формах произошло осложнение местоимений *śä* 'тот', *t'ä* 'этот' постпозитивным суффиксальным элементом *-ka*, выступающим с усилительным значением; местоимение *tona* 'тот самый' состоит из указательно-местоименной основы *to* (< ф.-у. **ty*), к которой присоединяется местоименный суффикс *-na* (< ф.-у. **ny/ n ŷ*).

Интересно отметить, что в говорах юго-западного диалекта, в отличие от мокшанского литературного языка, данные местоимения согласуются с определяемым словом в числе. Например: *ćoraś koRtaj: tītē lepoškańeś tancīdəngə tancī / koda mamań lofcəń*. 'Парень – тот говорит: эта лепешка – та вкуснее вкусного, как из материнского молока'; *mon lac morśəkšńəń / lamə morə sodań / t'ėni af sodasaź śat morəťńəń*. 'Я хорошо певала. Много песен знала. Теперь не знают тех песен – тех' [8]. Данная тенденция характерна и для многих финно-угорских языков.

Особенности становления местоименных форм и их специфика, внутреннее свойство проявляются в парадигмах словоизменения.

Указательные местоимения *t'e / t'ä* 'этот', *še / śä* 'тот' в диалектах мокшанского языка изменяются чаще по неопределённому, определённом и реже притяжательному. Местоименные образования *tīte*, *t'əte*, *t'ətä* 'этот', *śice*, *śécä*, *śéce* 'тот', употребляемые в западном диалекте, имеют форму лишь генитива и датива: *tīteń*, *t'əteń*, *t'ətāń* 'этого', *śiceń*, *śécāń*, *śéceń* 'того'; *tīteńdī*, *t'əteńdī*, *t'ətāńdī* 'этому', *śiceńdī*, *śécāńdī*, *śéceńdī* 'тому'.

Синтетические формы местоимений широко используются в аблативе, инессиве, иллативе, компаративе и абессиве: *tä /te, šä /se* – абл. *tada, tedə, šada* играют роль частиц для образования сравнительной степени прилагательных и часто воспринимаются как вспомогательные слова, теряя основную семантику: *šada čebär* 'лучше (того)', *šada mazP* 'красивее (того)'. А формы инессива – *tasa* 'здесь', элатива – *tasta* 'отсюда', иллатива – *taza* 'сюда' представляют собой застывшие формы косвенных падежей, выступают только в качестве обстоятельств, что привело их к переходу в разряд наречий.

Формы компаратива указательных местоимений образуется двояко: 1) падежный формант - **ška** агглютинирует непосредственно к местоименной основе: центр. д. *täška, tēška, taška* 'ростом как этот', *šäška, šeška, šaška* 'ростом как тот'; 2) на основе генитива: зап. д. *täñčka, teñčka* 'ростом как этот'; *šäñčka, šeñčka* 'ростом как тот', где элемент суффикса -č – результат аффрикатизации *š > č* (ср.: мокш. лит. *taška* 'ростом как этот', *šaška* 'ростом как тот').

Во многих говорах и диалектах синтетические образования компаратива субстантивируясь, могут принимать падежные и лично-притяжательные суффиксы, например: ном. *tä-ška-c, te-ška-c, ta-ška-c, šä-ška-c, šeška-c, šaška-c*; ген. *tä-ška-n-c, te-ška-n-c, ta-ška-n-c, šä-ška-n-c, še-ška-n-c, ša-ška-n-c*; дат. *tä-ška-n-c-tP, te-ška-n-c-tP, ta-ška-n-c-tP, šä-ška-n-c-tP, še-ška-n-c-tP, ša-ška-n-c-tP*.

В абессиве употребляются параллельные образования, одни из которых образованы на основе генитива указательного местоимения: зап. д. *teñftəmə* 'без этого', *šäñčftəmə* 'без того'; другие агглютинируют непосредственно к местоименной основе: *täftəmə* 'без этого', *šäftəmə* 'без того'.

Изменения местоимений *tä / te* 'этот', *šä / se* 'тот' по типу определённого склонения, который наблюдается в говорах центрального и юго-восточного диалектов. Следует выделить, что формы генитива и датива единственного числа больше характерны для темяшевского диалекта мокшанского языка [9]. Например: *täc* 'этот', *šäc* 'тот', *tät* 'этого', *šät* 'того', *täti* 'этому', *šäti* 'тому', *tätñə* 'эти', *šätñə* 'те', *tätñən* 'этих', *šätñən* 'тех', *tätñəndi* 'этим', *šätñəndi* 'тем'. Выявленные диалектные словоформы местоимений употребляются и с лично-притяжательными суффиксами: зап. д. – ном. *tac* 'этот', *šac* 'тот', ген. *tanc* 'этого', *šanc* 'того', дат. *tancP* 'этому', *šancP* 'тому' и т.д. Падежный суффикс абессива -**ftəmə** присоединяется не к корневой морфеме, как в мокшанском литературном языке, а следует за притяжательной формой генитива: абес. *ta-n-c-ftəmə, ša-n-c-ftəmə*, мокш.лит. *ta-ftəmə* 'без этого', *ša-ftəmə* 'без того'.

Падежные формы местоимения *tona* 'тот самый' почти не употребительны, за исключением номинатива, генитива, датива и каузатива. В притяжательном склонении в 3-м лице единственном числе местоимение *tona* 'тот самый' утратило притяжательное значение и стало выполнять указательную функцию. Форма *tonac* означает не 'то-его', а 'то-то' с

усилительным оттенком. Кроме того, форма 3-го лица употребляется параллельно с формой неопределённого склонения этого же местоимения. Так, русское предложение: *Ты принеси то* (например, *платье*) на мокшанский язык можно перевести двояко: 1) *ton kantk tonań* (генитив основного склонения от указательного местоимения *tona* 'тот'; 2) *ton kantk tonanc* (генитив притяжательного склонения от того же местоимения). В обоих мокшанских предложениях точно выражено одно и то же значение *Ты принеси то* [10].

В рыбкинско-мамолаевских говорах центрального диалекта и в говорах юго-восточного диалекта вместо указательных местоимений *šă* 'тот' и *ńă*, 'эти' *tona* 'тот самый' выступают образования *kajtna*, *kajna*, указывающие на дальнейшее расположение говорящего, ср. рыбк.-ммл. г. *kajtna kutthə*, мокш.лит. *šă kutthə* 'те дома'; рыбк.-ммл. г. *kajtna valmăš*, мокш.лит. *šă valmăš* 'то окно'; красн.-синдр. г. *kajna šraš*, мокш.лит. *tona šraš* 'тот стол'; красн.-синдр. г. *kajna viřš*, мокш.лит. *tona viřš* 'тот лес'.

Формы *kajtna*, *kajna* образованы при помощи усилительной частица **kaj-** и местоимения **tona** в результате ряда фонетических процессов: выпадения гласного основы – в первом варианте и местоименной основы – во втором (остаточный элемент в данном случае местоименный – суффикс **-na**). Этот процесс можно представить следующим образом: *kaj + tona > kaj-t-na*, *kaj-na*. В парадигме склонения у местоименных образований *kajtna* / *kajna* нет форм транслатива и каузатива.

Следует отдельно остановиться на качественно-указательных местоимениях *ʔaftamə* 'такой же, как этот', *stamə* 'такой же, как тот', которые играют роль определения и характеризуются неизменяемостью: *ʔaftamə lomań* 'такой человек', *ʔaftamə lomaťť* 'такие люди'. Если определяемое существительное отсутствует, то эти местоимения изменяются по всем трем склонениям: ном. *ʔaftamə* 'такой', ген. *ʔaftaməń* 'такого', дат. *ʔaftaməńdī* 'такому'; ном. *ʔaftaməš*, *staməš*, ген. *ʔaftaməť*, *staməť*, дат. *ʔaftaməťi*, *staməťi*. В подобных субстантивированных указательных местоимениях роль притяжательного склонения заключается в обозначении не только падежных отношений, но и отношений принадлежности [11]. Например: ном. *ʔaftaməže(ə)* 'мое такое, как это', *ʔaftaməce(ə)* 'твое такое, как это', *ʔaftaməc* 'его такое, как это', *staməže(ə)* 'мое такое, как то', *staməce(ə)* 'твое такое, как то', *staməc* 'его такое, как то'; ген. *ʔaftaməžəń*, *ʔaftaməcéń*, *ʔaftamənc*, *staməžəń*, *staməcéń*, *stamənc*; дат. *ʔaftaməžəńdī*, *ʔaftaməcéńdī*, *ʔaftaməncť*, *staməžəńdī*, *staməcéńdī*, *staməncť*; абл. *ʔaftamədən*, *ʔaftamədət*, *ʔaftamədəndza*, *stamədən*, *stamədət*, *stamədəndza* и т.д.

В некоторых говорах западного диалекта встречается форма указательного местоимения *ekstamə* 'такой', который имеет, по-видимому, общий источник происхождения с эрзянским местоимением *ístamo*, представляющим собой сложное образование из местоименных основ и суффиксов. Данная форма отмечена и в городищенском диалекте мокша-мордовского языка [12].

В свою очередь, количественно-указательные местоимения *t'ənarə / tənara*, *śənarə / sənara* 'столько' указывают на количество, выделяя это количество из другого количества. Исторически сложившиеся лексемы представляют собой: указательные местоимения *t'ä* 'этот', *śä* 'тот' и количественный послелог *ñar*, показывающего приблизительное количество в сравнении с каким-либо определенным количеством [13]. В западном диалекте в анлауте слов количественно-указательных местоимений употребляются непалатализованные согласные: *tənara*, *sənara* 'столько'. Данные слова могут функционировать с лично-притяжательным формантом. Например: *śnarəže(ə)* 'мое столько', *śnarəce(ə)* 'твое столько', *śnarəc* 'его столько', *śnarəñke(ə)* 'наше столько', *śnarəñte(ə)* 'ваше столько', *śnarəsna(ə)* 'их столько'.

Местоимения *śä* 'тот', *śat* 'те' имеют формы единственного и множественного числа, местоимения *ñä*, *ñat*, *nona* – только множественного числа. Местоименные слова с основой на **n-**, в мордовских языках, указывающие на множество предметов, выступают как супплетивные (образованные от другой основы) формы множественного числа. Несомненно, что корнем послужило указательное местоимение, сохранившееся лишь в некоторых языках. В мордовских языках форма множественного числа основных указательных местоимений производятся от супплетивной основы **n-**, причем нередко на нее наращивается **-t** суффикс множественного числа или **-t'ñe** суффикс определённой формы множественного числа. Усилительные частицы в данных формах сохраняются. Например: *ñat*, *ñet'ñe* 'эти', *nonat*, *nonat'ne* 'те', *ñatka*, *ñet'ñəvək* 'и эти', *nonatka*, *nonat'ñəvək* 'и те'.

Таким образом, мокшанские диалектные указательные местоимения в единственном и во множественном числах имеют разные основы, причем во множественном числе они начинаются на **n**, **ñ**: *śä śraś* 'этот стол' – *ñä śrat'ñe* 'эти столы'; *tona śraś* 'тот стол' – *nona śrat'ñe* 'те столы'. В говорах юго-восточного и западного диалектов генитив неопределённого склонения от местоимения *ñat* 'эти' образуется как и в эрзянском языке: *ñeñ*, которая является основой образования косвенных падежей, в том числе датива, компаратива, абессива и каузатива. Например: *ñeñdi* 'этим', *ñeñft'ətmə* 'без этих', *ñanksa*, *ñeñksa* 'за этих'. На большей части территории западного диалекта употребляется сложная местоименная форма множественного числа – *śñat* 'эти', которая имеет формы генитива, датива, аблатива и каузатива: *śñeñ* 'этих', *śñeñdi* 'этим', *śñada* 'от этих', *śneñksa* 'за этих'.

Также следует отметить, что на основе анализа словоизменения указательных местоимений в диалектном ареале мокшанского языка выявляется: 1) утрата или сокращение словоформы; 2) сохранение или восстановление форм прамордовского языка; 3) употребление новообразований, возникших на основе контаминации древних местоименных корней; 3) замена одних падежных форм другими без разницы в значении; 4) усиление

элементов аналитического строя за счет вытеснения синтетических форм падежей.

Сокращения

- абл. – аблатив
ген. – генитив
дат. – датив
зап. д. – западный диалект мокша-мордовского языка
красн.-синдр. г. – краснослободско-синдровский говор мокша-мордовского языка
ном. – номинатив
мокш.лит. – мокшанский литературный язык
рыбк.-ммл. г. – рыбкинско-мамолаевский говор мокшанского языка
центр. д. – центральный диалект мокша-мордовского языка
юго-вост. д. – юго-восточный диалект мокша-мордовского языка

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964. – С. 7.
2. Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967. – С. 97.
3. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969. – С. 70.
4. Деваев С.З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск, 1963. Т.2. – С. 376.
5. Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. – С.16.
6. Агафонова Н.А. Словоизменение существительного и местоимения в смешанных мордовских говорах Куйбышевской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1983. – С.17.
7. См.: Серебренников Б.А. Указ. соч. – С.100.
8. См.: Деваев С.З. Указ. соч. – С. 375–376.
9. Бабушкина Р.В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 4. – С. 130.
10. Феоктистов А.П. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск, 1963. – С. 145.
11. Там же. – С. 145–146.
12. Ломакина Т.И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка: автореф. дис ... канд. филол. наук. Тарту, 1975. – С.14.
13. Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола, 1961. – С. 137.

Glavatskikh M.M.,

*Udmurt State University, Ph.D., candidate of psychological sciences,
associate professor the departament of social psychology and conflictology*

Social representations about conflict of adolescents with different behavior types in conflict

Abstract: Social representations are the key concepts of such sciences as sociology, psychology, anthropology and, as any other social phenomena, are little-studied. In this article, the results of social representation studies about conflicts resolving the teenagers' disputes in constructive and destructive ways are presented, as well as the example of social representation structure analysis. The investigation results make a contribution to understanding of adolescents' relation development in a child subculture.

Key words: adolescents, conflict resolution, social representations, methods of investigation, social representation structure.

While analyzing the history of the concept "social representations" [2,4,6,7] studies, it is possible to say that social representations are the knowledge, shared by most of people, formed by communication within some groups and adoption of new belief system. Therefore, social representations can be used as the basis of interpretation and understanding of human behavior in a group, group relations.

Adolescence is of some interest to conflict representations research because, on the one hand, it is the age of development of representation about complex and contradictory world phenomena, and on the other hand – adolescent environment abounds with interpersonal and internal conflicts.

The study of cognitive interpretation of a conflict by younger adolescents in relation with their real behavior in conflict is of particular interest because, according to S. Moscovici's theory, social representations are the basis of the intersubjective relations, as well as the main characteristic of social and individual conscience [2].

Thus, the aim of our research was to compare social representations about conflict of younger adolescents with constructive and destructive mode of behavior in conflict.

The survey sample consisted of 100 people of 7th graders.

Methods of investigation. For conflict representation analysis the method of free associations (associations with the word "conflict") was used. The basis of

analysis results is the frequency of associational concepts to the stimulus word and the rank of this concept among others.

Beforehand, the adolescents were divided into 3 groups: “constructive”, “ambivalent” and “destructive” by using the method of expert evaluation (teachers acted as experts) based on the observation of their behavior in a conflict (the author N. Leonov) [3] .

For the further analysis we have used the results of the fringe groups: “constructive” and “destructive”.

The “constructive” group comprised of students who, according to the experts, had a tendency to save the contact, and strove to cooperate with their opponent and find out the ways of resolving the conflict equitable to the interest of both, as well as positive activity in conflict.

The “destructive” group comprised of students who demonstrated verbal and/or physical aggression to their peers, putting pressure on their opponent in order to achieve their goals.

Results and discussion. So, let us consider the conflict representations of aforementioned groups. It was found out that there were similar and different notional aspects of conflict representations.

According to the social representation theory, the elements of the representation core, that mainly set the structure of a whole representation, are determined by culture, collective memory, values and society standards, that the respondents deal with. Within our research, child subculture is a semantic space of values, mindsets, work methods and ways of communication that are performed in children society within different concrete historical social situation of development that differs from adults’ culture in its own language, interaction forms, moral behavior controls. [1] High-frequency associations and first rank associations to the stimulus word are included in the core.

In the “destructive” group the concept core comprises of mutually exclusive and contradictory statements: on the one hand, “fighting”, “fisticuffs”, “showdown”, “destruction”, and on the other hand - “people”, “friends”, “walk”.

Such inconsistency of conflict representation shows the forming stage of concept “conflict” for this age group, and representations of such complex social phenomenon as interpersonal conflict that are not well-established yet.

“Fighting”, “fisticuffs”, “showdown”, “destruction” are the most pronounced associations of adolescents from this group. As the core elements, these associations are connected with the specific to this group conflict position that is active but negative at the same time. This is actually the category of elicited behavior in conflict – physical aggression and pressure on an opponent. It is a strategy of hostility and fighting.

The core elements “people”, “friends”, “walk” are the spatiotemporal characteristic (“situation” category) that determines a conflict as a common and emotionally positive phenomenon.

So, the core of the conflict representation is formed by the concepts that can be divided into two groups:

- aggressive behavior, fighting
- emotionally positive situations

It is evident that in the “destructive” group conflict representations are rather contradictory and cognitively meagre.

If the representation core is set by the society culture, then peripheral zone is connected not with the representations set by the culture, but with personal experience. The peripheral zone enables the adaptability of new conversional reality representations [5].

The peripheral zone consists of such concepts as “quarrel”, death”, “swearing”, “foul language”, “harsh epithets”, “slammer”, and “provocation”. The peripheral zone analysis shows the potential transformation of the conflict representations in this group (still a position of minority). Namely, a new element related to another behavior type arises – it is still aggression but at the moment it is verbal not physical (“swearing”, “foul language”, “harsh epithets”). Moreover, a new representation category arises – “initiator, reasons” of a conflict (concept “provocation”). On the one hand, as representation element, provocation indicates that the responsibility is transferred to another person (involuntary behavior, “provoked”), on the other hand, appearance of the category “reason” – appearance of reflexive moment in the conflict representation structure.

Therefore, within the “destructive” group there is an extension of representation from the core to the periphery, and its transformation begins.

All this points are possible and appropriate to this age formation and development of reflexive (cause of conflict, understanding of inconsistencies) and regulatory (absence of physical aggression, admission of responsibilities for behavior) components of the conflict competence of younger adolescents with the destructive behavior in conflict.

As one can see, in the conflict representation of the “destructive” group such categories as “condition, feelings, emotional experiences” of conflict participants are not included as well as representations of cooperation as possible behavior in conflict.

Now, we turn to the conflict representation of the “constructive” group. It is evident that the representation core is the same as in the “destructive” group and consists of elements with the meaning of reactive behavior – “fighting”, “quarrel”, “dispute” but this category is not so expressed. A new category arises - “condition, feelings, emotional experiences”, namely: new elements such as “sadness”, “sorrow”, “grievance”, and “frustration” arise. They don’t have any aggressive content. And this category is more expressed in this group.

Another new core element in the “constructive” group – “problems”. It indicates that conflict representations are treated as complex, difficult reality situation that needs to be resolved.

Then, taking into account the analysis of the core elements in “constructive” and “destructive” groups, it is possible to say that the culture context sets the conflict representation, first of all, as “fighting, quarrel”, in other words, it emphasizes the negative conflict potential. It is appropriate to appeal to the conflict phobia that exists in our society as well as in a school pedagogic society - it is a fear of conflict because of the conflict representation as a destructive power. So, the essential concern of psychological follow-up of education is to emphasize the positive conflict potential, not to conceal a conflict but to control it.

Now, we analyze the peripheral zone of the conflict representation in the “destructive” group. In the peripheral zone such representation elements about conflict as “unsatisfactory mark” (“reason” category, reflexive moment) arises as well as a new category – “resolving of conflict” which are the elements of representations “revenge” and “reconciliation”. It is the first time when the positive conflict potential is marked.

And, finally, in the peripheral zone there are such elements as “bad words, abuses, harsh epithets, cries” (“verbal aggression” category), “fear, panic, horror” (“condition, feelings, emotional experience” category) and “laziness, lie” (“reason” category). As one can see, the conflict representation in the “constructive” group is richer in terms of cognitive aspect. The tendency for changing (from the core to the periphery) is related to appearance of the element of possible positive conflict resolving.

It is interesting that association with panic and fear is presented in the individual experience of respondents in the “constructive” group (peripheral zone), while associations with “sadness, sorrow, disappointment” (core) are typical for majority.

According to the results we can conclude that:

1. The society culture sets the conflict representation as “fighting” and “quarrel”, in other words, as the phenomenon with negative potential.
2. The conflict representation in the “destructive” group is rather meagre in cognitive aspect and reduces to verbal aggression.
3. In the “constructive” group, emotional component is included into the conflict representation structure – feelings and emotional experience in a conflict. This denotes consciousness and reflectivity of the representation which are more expressed compared to the “destructive” group.
4. In both groups, moving from the core to the periphery, judgments about conflict are becoming richer in terms of cognitive aspect and more reflective. This tendency can be used by teachers and psychologists in order to develop the personality of younger adolescents.

REFERENCES

1. Abramenkova V.V. Social psychology of childhood: development of child relations in a child subculture. Moscow, 2000. - P. 432.

2. Bovina I.B. Social representations about health and illness: structure, dynamics and mechanisms. Moscow, 2009. – P. 48.
3. Leonov N.I. Conflictology Moscow, 2006. - P. 232.
4. Moscovici S. Methodological and theoretical problems in psychology//Journal of psychology, 1995, volume 16, №2. - P. 3-14
5. Abric J.C. M'ethodologie de recueil des repr'esentations sociales, Pratiques sociales et repr'esentations. Paris: Presses Universitaires de France, 1994.
6. Hogg M. A. and Abrams D. Social Identifications. A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes. London: Routledge, 1998. – P. 146.
7. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. Cambridge: The MIT Press, 1991.

Главатских М. М.,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной психологии и конфликтологии
Удмуртского государственного университета

Социальные представления о конфликте подростков с различным типом поведения в конфликте

Социальные представления - ключевое понятие в таких науках как социология, психология, антропология, но, как и многие другие социальные явления, мало изучено. В статье приводятся результаты исследования социальных представлений о конфликте конструктивно и деструктивно разрешающих конфликты подростков, представлен пример анализа структуры социальных представлений. Результаты исследования вносят вклад в понимание развития отношений подростков в детской субкультуре.

Ключевые слова: подростки, разрешение конфликтов, социальные представления, методы исследования, структура социального представления.

Анализируя историю изучения понятия «социальные представления» [2,4,6,7], можно сказать, что социальные представления – это разделяемые большинством людей знания, которые образуются путем коммуникации в пределах групп и усвоения новой системы взглядов. Следовательно, социальные представления могут служить основой для интерпретации и понимания поведения людей в группе, групповых отношений.

Подростковый возраст представляет интерес для исследования представлений о конфликте, поскольку, с одной стороны, это возраст формирования представлений о сложных и противоречивых явлениях окружающего мира, а с другой - подростковая среда изобилует межличностными и внутренними конфликтами.

Особый интерес вызывает исследование когнитивной интерпретации конфликта младшими подростками в связи с их реальным поведением в конфликте, поскольку, согласно теории С.Московичи, социальные представления составляют основу межсубъектных отношений и являются ведущей характеристикой общественного и индивидуального сознания [2].

Итак, целью нашего исследования было сравнение социальных представлений о конфликте младших подростков с конструктивным и деструктивным типом поведения в конфликте.

Выборку исследования составили 100 человек, учащихся 7-х классов.

Методы исследования. Для анализа представлений о конфликте был использован метод свободных ассоциаций (ассоциации к слову «конфликт»), в основе анализа результатов лежат частота проявлений ассоциативных понятий к слову-стимулу в ответах испытуемых и ранг этого понятия относительно других.

Предварительно методом экспертной оценки (экспертами выступали педагоги), основываясь на карте налюдений за поведением в конфликте (автор Леонов Н.И.), подростки были разделены на 3 группы: группа «конструктивные», группа «амбивалентные» и группа «деструктивные» [3].

Для дальнейшего анализа мы использовали результаты крайних групп: «конструктивные» и «деструктивные».

Группу «конструктивные» составили ученики, у которых в ситуации конфликта эксперты отметили стремление к сохранению контакта и сотрудничеству, совместному с оппонентом поиску вариантов разрешения ситуации с учетом интересов сторон, позитивную активность в конфликте.

Группу «деструктивные» составили те ученики, которые в конфликтных отношениях со сверстником проявляют вербальную и/или физическую агрессию, оказывая давление на оппонента для достижения своих целей.

Результаты и их обсуждение. Итак, рассмотрим представление о конфликте каждой из названных выше групп. Было выявлено, что между группами существуют общие и различные смысловые аспекты представления о конфликте.

Согласно теории социальных представлений, элементы ядра представления, которые во многом задают структуру всего представления, заданы культурой, коллективной памятью, ценностями и нормами сообщества, в которые включены респонденты. В рамках нашего исследования детской субкультурой, понимаемой как смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития, отличающееся собственным языком, формами взаимодействия, моральными регуляторами поведения от культуры взрослых [1]. В ядро входят высокочастотные и перворанговые ассоциации к слову-стимулу.

В группе «деструктивные» в ядро понятия вошли взаимоисключающие, внутренне противоречивые утверждения: с одной стороны, «драка», «мордобой», «разборка», «разрушение», а с другой стороны – «люди», «друзья», «прогулка».

Эта противоречивость репрезентации конфликта говорит о стадии формирования понятия «конфликт» для этой возрастной группы, неустоявшихся пока представлениях о таком сложном социальном явлении как межличностный конфликт.

«Драка», «мордобой», «разборка» и «разрушение» - это первая по выраженности категория ассоциаций подростков этой группы. Эти ассоциации как элементы ядра связаны с характерной для данной группы активной, но негативной позицией в конфликте. Это, по сути, категория реактивного поведения в ситуации конфликта – физическая агрессия и давление на оппонента. Это стратегия враждебности и борьбы.

Элементы ядра «люди», «друзья», «прогулка», «знакомство» являются пространственно-временной характеристикой (категория «ситуации») и указывает на оценку конфликта как обыденного и эмоционально положительного явления.

Итак, в данной группе ядро представления о конфликте образуют понятия, относящиеся к двум категориям:

- агрессивное поведение, борьба
- эмоционально положительные ситуации.

Обращает на себя внимание не только противоречивость, но и когнитивная бедность представления о конфликте в группе «деструктивные».

Если ядро представления задается культурой сообщества, то периферическая зона имеет отношение уже не к транслируемым культурой представлениям, но связана с индивидуальным жизненным опытом. Именно периферическая зона обеспечивает адаптивность представлений новой изменяющейся реальности [5].

В периферическую зону в данной группе вошли такие ассоциации, как «ссора», «смерть», «ругань», «мат», «обзывательство», «обязьянник», «провокация». Анализ содержания периферической зоны указывает на намечающуюся трансформацию представлений о конфликте в данной группе (пока это позиция меньшинства). А именно: появляется элемент, относящийся к другому типу поведения – по-прежнему агрессия, но уже вербальная, не физическая («ругань, мат, обзывательство»). Появляется и новая категория в представлении – «инициаторы, причины» конфликта (понятие «провокация»). С одной стороны, провокация как элемент представления указывает на то, что ответственность атрибутируется другому лицу (вынужденное поведение, «спровоцировали»), с другой стороны, появление категории «причина» - это появление рефлексивного момента в структуре представления о конфликте.

Таким образом, внутри группы «деструктивных» от ядра к периферии происходит расширение представления и намечается его трансформация.

Все это указывает на возможное и уместное в данном возрасте формирование и развитие рефлексивного (причины конфликта, осознание противоречий) и регулятивного (неприменение физической агрессии, принятие ответственности за поведение) компонентов конфликтной компетентности у младших подростков с деструктивным поведением в конфликте.

Как мы видим, в представление о конфликте в группе «деструктивных» не включены ни такие категории как «состояния, переживания, чувства»

участников конфликта, ни представление о сотрудничестве как возможном поведении в конфликте.

Обратимся к представлениям о конфликте в группе «конструктивных». Обращает на себя внимание тот факт, что и здесь ядро представления так же, как в группе «деструктивных», составляют элементы, обозначающие реактивное поведение – «драка», «ссора», «спор», но эта категория вторична по выраженности. В ядре появляется новая категория – «состояния, переживания, чувства», а именно: появляются элементы «печаль», «грусть», «обида», «расстройство», «досада», которые не несут агрессивного содержания. И именно эта категория первична по выраженности у представителей данной группы.

Еще один новый элемент ядра в группе «конструктивных» – «проблемы», что указывает на представление о конфликте как сложной, трудной жизненной ситуации, требующей разрешения.

Таким образом, исходя из анализа общих элементов ядра в группах «конструктивных» и «деструктивных», можно утверждать, что культурным контекстом задается представление о конфликте, в первую очередь, как о «драке, ссоре», то есть акцентируется негативный потенциал конфликта. Уместно обратиться в этой связи к существующей в нашем обществе и, в том числе, школьном педагогическом сообществе конфликтофобии – страху перед конфликтом, что связано именно с представлением о конфликте как о разрушительной стихии. И тогда важная задача психологического сопровождения образования – акцент на позитивном потенциале конфликта, не на изгнании и замалчивании конфликта, а на управлении им.

Проанализируем периферическую зону представлений о конфликте в группе «конструктивных». В периферической зоне появляются такие элементы представления о конфликте как «двойка» (категория «причина», рефлексивный момент) и новая категория – «разрешение конфликта»: это элементы представления «мечь» и «примирение». Нам представляется важным то, что здесь впервые обозначается позитивный потенциал конфликта.

И, наконец, в периферической зоне представлены элементы «плохие слова, ругательство, обзывательство, крики» (категория «вербальная агрессия»), «страх, паника, ужас» (категория «состояния, переживания, чувства») и «лень, ложь» (категория «причина»). Как мы видим, представление о конфликте в группе «конструктивных» более когнитивно насыщено. Тенденция к изменениям (от ядра к периферии) связана с появлением элемента возможного позитивного исхода конфликта.

Интересно, что ассоциация с паникой и страхом представлена в индивидуальном опыте респондентов группы «конструктивных» (периферическая зона), в то время как для большинства характерны ассоциации с «печалью, грустью, досадой» (ядро).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Культурой сообщества задается представление о конфликте как о «драке» и «ссоре», то есть явлении с негативным потенциалом.
2. Представление о конфликте в группе «деструктивные» отличается когнитивной бедностью и сводится к синонимичности конфликта вербальной и речевой агрессии.
3. В группе «конструктивных» в структуру представления о конфликте включен эмоциональный компонент - те переживания и чувства, которые возникают в конфликте. Это указывает на большую осознанность и рефлексивность представления относительно группы «деструктивных».
4. В обеих группах от ядра к периферии отмечается трансформация суждений о конфликте в сторону большей когнитивной насыщенности и рефлексивности. Эта тенденция задает вектор деятельности педагогам и психологам в целях развития личности младшего подростка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. Москва, 2000.- 432 с.
2. Бовина И.Б. Социальные представления о здоровье и болезни: структура, динамика, механизмы Москва, 2009. – 48 стр.
3. Леонов Н.И. Конфликтология. Москва, 2006. - 232 с.
4. Московичи С. Методологические и теоретические проблемы психологии // Психологический журнал, 1995, том 16, №2. - С. 3-14
5. Abric J.C. M'ethodologie de recueil des repr'esentations sociales, Pratiques sociales et repr'esentations. Paris: Presses Universitaires de France, 1994.
6. Hogg M. A. and Abrams D. Social Identifications. A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes. London: Routledge, 1998. – P. 146.
7. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. Cambridge: The MIT Press, 1991.

Altaeva Gulnara,
associate professor, candidate of philology
Kalymbetova Nursaule,
senior lecturer, faculty of humanities
and social sciences, Taraz University

Method of parallelism in the Kazakh animalistic literature

Abstract: This article is devoted to the analysis of methods and techniques, images of animals in Kazakh animal literature. The publication discusses in detail the various techniques of parallelism used by the Kazakh writers and poets in the process of describing animals and their connection with the spiritual world of person's.

Keywords: parallelism, comparison of images, the behavior model, analogy, reverse order.

Алтаева Гульнара,
доцент, кандидат филологических наук,
Калымбетова Нурсауле,
*старший преподаватель, факультет гуманитарно-
социальных наук, Таразский университет*

Метод параллелизма в казахской анималистической литературе

Аннотация: Данная статья посвящена анализу методов и приемов изображения животных в казахской анималистической литературе. В публикации подробно рассматриваются различные приемы параллелизма, которыми пользовались казахские писатели и поэты в процессе описания животных и их связи с духовным миром человека.

Ключевые слова: параллелизм, сопоставление образов, модель поведения, аналогия, обратный порядок

В творчестве казахских прозаиков изображение животных не является самоцелью (животное ради животного), а средством: «простые модели создаются не ради описания состояния, а как своеобразные ходы, направляющие поток читательских ассоциаций на решение загадок мира, заложенных в каждом жизненном явлении, если подойти к нему с “природной” способностью животного постигать только простое» [1.с.91].

Показ мира глазами животных преследует определенную цель: познавать простые основы бытия, мораль человека в ее первородных противоречиях. Животные способны простым “неиспорченным” взглядом проверять истинность человеческой жизни, ее соответствие вечным ценностным ориентирам.

Сама специфика темы «человек и животный мир» обуславливает обилие в художественном мире произведений означенного ряда сопоставлений образов из мира живой природы и мира людей. Поэтому самым продуктивным приемом, встречающимся в творчестве казахских прозаиков, стал прием параллелизма.

Следует отметить, что прием параллелизма в своих истоках восходит к устному народному поэтическому творчеству. Так, в основе разновидности дидактической поэзии мысал – олендер лежат приемы параллелизма, иносказаний, символики. В мысал – олендер, как отмечает Турекулов Б.Е., «прием параллелизма сочетается с приемами символики. В басне лебедь – символ красоты, сокол – храбрости, голубь – символизирует мир, ласточка – дружбу, соловей выступает как искусный мастер, бык как труженник, верблюд – как корабль пустыни» [2.с.65]. К произведениям этого вида относятся песни-басни “Волк и цапля”, «Соловей и осел », «Жаба и вол» Мазходжаева Р., «Пастух и вор» Шораякова О., «Соловей и кукушка» Азербайева К., «Тополь и тень» Изтлеуова Т., «Кукушка и ворона» Амренова Т.

Мысал-олендер обычно сюжетны. Вначале дается целая художественная картина из мира животных. Завершается песня-басня какой-либо нраво-учительной сентенцией, имеющей прямое отношение к миру человеческих отношений.

На приеме параллелизма строятся произведения и других жанров фольклора: афоризмы, казахские романтические народные дастаны, песни, сопровождающие похоронные и свадебные обряды.

В казахской анималистической прозе разработаны параллелизмы различных типов: синтаксический параллелизм, психологический параллелизм, лексико-семантический, параллелизм содержания, положительный одночленный, развернутый, многочленный, абстрактный.

Само слово параллелизм подчеркивает наличие в данном приеме как минимум двух членов или частей. На диалогическую природу параллелизма в искусстве указывал в свое время Веселовский А.Н.: «Дело идет не об отождествлении человеческой жизни с природною и не о сравнении, предполагающем сознание раздельности сравниваемых предметов, а о сопоставлении по признаку действия» [3.с.41]. Таким образом, в параллелизме

подчеркивается, в отличие от тождества и полной разделенности, состояние аналогии.

Наиболее распространенным типом параллелизма, встречающимся в тексте казахских прозаиков, является положительный одночленный параллелизм, который в первой части параллели содержит только один образ из мира природы и, соответственно, во второй части один образ из человеческого мира:

1. Разве вы когда-нибудь видели, чтобы проголодавшийся лев ел траву?
2. Видели вы когда-нибудь, чтобы народ, имеющий храбрых джигитов, остался без савана, без погребения, как падшие животные.

В данном примере наблюдается тождество синтаксической конструкции: обе части параллелизма представляют собой сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным, правда, вторая часть осложнена распространенным определением и сравнительным оборотом.

Свойства указанного параллелизма можно определить следующим образом: параллелизм представляет собой двучлен, где одна его часть познается через вторую, которая выступает в отношении первой как аналог: она не тождественна ей, но и не отделена, находится в состоянии аналогии – имеет общие черты, именно те, которые выделяются для познания в первом члене. Помня, что и первый, и второй члены не идентичны, мы приравниваем их в каком-либо определенном отношении и судим о первом по свойствам и поведению второго члена параллели.

В приведенном примере устанавливается аналогия между действием проголодавшегося льва и народа, имеющего храбрых джигитов (лев не ест траву – народ не останется без савана). Благодаря общей архисеме лев и народ в этом контексте представлены как синонимы. Лев в мировой культуре – царь зверей, человек (народ в видовом своем качестве) – царь природы. Оба же они – живые существа в мироздании.

Общая архисема в данном контексте – модель поведения живого существа в момент тяжелейшего испытания; таким образом, параллелизм здесь проявляется в общности вышеназванной архисемы. Образ проголодавшегося льва в данном контексте выступает как аналог для наполнения понятия «народ, имеющий храбрых джигитов».

Проголодавшийся лев воспринимается как нечто известное – понятие «народ, имеющий храбрых джигитов» моделируется по аналогии с ним.

Подспудная аналогия – параллелизмы разного уровня в художественном мире казахских прозаиков постоянны и ведут глубокую авторскую мысль. Семантически и структурно соотносимы следующие фрагменты:

1. Пришел смертный час волу, придет и теленку. Мы словно ручьи среди огромного моря.
2. Зайца губит камыш, джигита – честь

3. Подобно тому, как грива и хвост являются признаками лошади, так и родственники своим существованием подтверждают, что не безроден тот человек, у которого они имеются.

4. Хорошая собака не хочет, чтобы ее мертвой видели.

Иной человек умрет, – по нему родня столько не горюет.

5. И зверь, и человек походят на своих предков.

6. Шел Бура, большой среди людей и маленький среди гор ... Но что говорить о верблюде, когда и человек покидает в обиде родные места?

В творчестве казахских прозаиков имеют место параллелизмы обратного порядка, когда в качестве аналога статического элемента выступает образ не из мира природы (животного мира), а наоборот, из мира людей, и образ животного моделируется по аналогии с образом человека.

1. Первый член: «Если джигит исхудает, он похож на привидение».

Второй член: «Если лошадь отощает, то она уже не лошадь, а высушенная шкура, распяленная на кольях» [4.с.97].

2. «Когда человек ждет утра как избавления... Печаль склоняется над ним.

Также тоскует любое животное существо (верблюды)» [там же, с.108].

3. «И среди людей рождаются мудрецы...или батыры, которым страх неведом» [4.с.228].

4. «У каждого выдающегося человека есть свой пир – святой дух, а у знаменитых скакунов – кие, то есть своего рода дух – покровитель» [5.с.432].

5. «Если жизнь мила человеку, разве не мила она и животному?» [5.с.501].

В казахской анималистической прозе имеет место и другой, более сложный случай параллелизма, который можно охарактеризовать как развернутый многочленный параллелизм.

«... Когда в последний раз аул готовился к откочевке под этой стенкой остался лежать больной барашек, покрытый коротенькой реденькой шерсткой. Остался лежать и больше не встал. И уже никогда не встанет. Не захрустит молодой сочной травой, не напьется из родника прозрачной воды. Там, где лежал он, теперь белеют лишь тонкие, не успевшие окрепнуть косточки...»

«Это было как молния, как удар камчи. Тайна, недостижимая прежде, открылась борзому...Человек, повелитель всего живого на земле, вдыхающий жизнь в бесчувственное железо и уподобляющий его то быстрому коню, то птице, взмывающей выше сокола; человек – всемогущий и всемилостивый – он тоже умирает! Как малый ягненок или как полевая мышь! Вот почему столько дней и ночей лежит на вершине холма хозяин» [5. с. 422-423,469].

Перед нами развернутый параллелизм, в котором первая часть параллели – мир представителей живой природы изображается в виде целой художественной картины. Из мира природы вводится не один, а несколько образов – лиса, ягненок, полевая мышь, барашек.

В механизм параллелизма включено достаточно большое количество элементов. Центральными образами оппозиции являются человеческое

существо – хозяин и животное (лиса, полевая мышь, ягненок, барашек). Образы обоих рядов представлены не в их видовых частных качествах, а в их родовых особенностях. Принадлежность их к живым существам, населяющим землю, является их общей чертой, общей архисемой.

Семантическая конструкция типа: “Всё живое на земле имеет начало и конец, подвержено всеобщему закону бытия – закону конечности, смертности земного существования” - оказывается инвариантной для их обеих частей параллели.

Реконструкция инвариантной семантической конструкции позволяет восстановить и то семантическое поле, которое требовал себе текст.

Слова каждой группы семантического поля обладают определенной семантикой и эмоциональной окраской, создающейся и сохраняющейся лишь в данном контексте.

Основное художественное назначение данного параллелизма – исследование таких вселенских и природных универсалий, как жизнь и смерть, конечность земного существования как всеобщий закон бытия, круговорот жизни в форме вечного увядания и обновления.

Интересной находкой казахских художников в разработке анималистической темы является повсеместное использование такого приема как абстрактный параллелизм.

Абстрактный параллелизм в тексте обычно проявляется в виде тезиса, разворачивающего основную мысль высказывания.

Так, в повести Бокея О. «Сказание о матери Айпаре» монолог главной героини, рожденный вследствие долгих и мучительных размышлений по поводу отправки младшего сына Жандоса за оставшимися в руках врага младенцами Бокенши и Борсаком, открывается абстрактным изображением птенца орла: «Птенец орла растет, глядя на мир с высоты утеса. А если у зоркого орленка нет утеса, с которого он может смотреть, для чего тогда ему орлиная зоркость? Ничего он не разглядит в этом сером, невзрачном мире, лиши его своего утеса или крыльев. Мир для него исказится, и гора величиной с горошинку превратится в верблюда...» [4. с. 205].

В этом параллелизме опущена вторая часть – человеческая. Дело в том, что в данном случае проводится параллель между птенцом орла и младенцами Бокенши и Борсак, сыновьями Кайдоса, которые после гибели отца остались вместе с матерью в стане врага. Поскольку второй член параллели опущен, то он воспринимается как нереализованная альтернатива. В художественном тексте все элементы соотнесены и соотнесены со своими нереализованными альтернативами, благодаря чему обе части параллели оказываются семантически нагруженными.

И, наконец, в творчестве казахских прозаиков встречаются произведения, в которых параллель между человеческим и животным миром становится ведущим композиционным приемом.

Так, в повестях Магауина М. «Гибель борзого», «Судьба скакуна», Санбаева С. «Белая аруана» - по два главных персонажа: в повести «Судьба скакуна» - это старый атбег и конь Наркызыл; в произведении «Гибель борзого» - Казы и пес Лашын, в лирической прозе Санбаева С. – Мырзагали и его белая аруана. Главная сюжетная линия во всех перечисленных произведениях - это линия, раскрывающая взаимоотношения человека и животного. Эта сюжетная линия цементирует, объединяет воедино все другие линии.

Обилие параллелизмов различного рода вовсе не делает информацию в тексте избыточной. Благодаря использованию этого приема художественная структура текстов оказывается несравненно более высоко насыщенной семантически и приспособленной к передаче таких сложных смысловых структур, которые обычным языком вообще не передаваемы. Сама специфика темы «человек и животный мир» обусловила магистральное положение приема параллелизма в произведениях казахских художников. В произведениях вышеназванных авторов все элементы художественной структуры на разных уровнях находятся между собой в состоянии параллелизма и, следовательно, несут определенную смысловую нагрузку.

Мир природы, мир животных и мир людей в творчестве казахских прозаиков, разрабатывающих анималистическую тему, объединяет система сходных эпитетов, сравнений, различных аналогий, которыми изобилуют тексты вышеназванных авторов. Это объединение происходит по принципу «очеловечивания» мира природы: растительного и животного миров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров А.Г. Бесконечность поиска. Художественные поиски современной советской прозы. – М.: Советский писатель, 1982. – 423с.
2. Турекулов Н. Современный казахский фольклор (жанрово-структурный анализ). - Алма-Ата: Мектеп, 1982. – 191 с.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Л.: Гослитиздат, 1940. – 215 с.
4. Бокеев О. Человек-олень. – М.: Известия, 1990. – 512 с.
5. Магауин М. Лирическое отступление. Повести. – Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 547 с.

Ivasiuk Oksana,

*National Pedagogical Dragomanov University, postgraduate,
Institute of Foreign philology, Department of the Russian language*

Word family with the top of polysemant

Abstract: The article deals with the issue of structuring of the derivatives of polysemantic word. The necessity of distinction between word-family of lexemes and word-family of sememes is substantiated. The possibility of separation of divergent word families is argued.

Keywords: polysemant, top of the word family, derivative, divergent word family

Ивасюк Оксана,

*Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова,
аспирант, Институт иностранной филологии, кафедра русского языка*

Словообразовательное гнездо с вершиной-полисемантом

Аннотация: В статье рассматривается проблема структурирования дериватов многозначного слова, обосновывается необходимость различения СГ лексем и СГ семем, аргументируется возможность выделения дивергентных словообразовательных гнезд.

Ключевые слова: полисемант, вершина словообразовательного гнезда, дериват, дивергентное словообразовательное гнездо.

На современном этапе развития дериватологии уже достаточно хорошо изучены и линейные, и комплексные единицы словообразования. Однако существующие словари словообразовательных гнезд описывают совокупности иерархически упорядоченных дериватов с общим словом-вершиной без учета различия деривационной активности различных лексико-семантических вариантов такого слова в случае его многозначности. Антропологический же подход к языку, выдвинутый ещё В. Гумбольдтом (концепции Э. Сепира, Б. Л. Уорфа,

неогумбольдтианство) побуждает рассматривать язык в его речевых реализациях, то есть с учетом функциональной нагрузки семем.

Объектом настоящего исследования является наиболее крупная структурная комплексная единица словообразования (КЕС) – словообразовательное гнездо (СГ), в частности, словообразовательное гнездо многозначного слова. Цель – доказать, что словообразовательные гнезда с вершиной-полисемантом должны осмысливаться как гнезда дивергентные, представляющие собой многомерную конфигурацию, сформированную СГ семем данной многозначной лексемы.

В ходе изучения лингвистами гнезд однокоренных слов учитывались всевозможные аспекты исследования и использовались различные подходы в их изучении: диахронно-тимологический (Н.Ю. Авина, М.Д.Барченкова, Н.В. Бугорская, И.С.Козырев, Е.Н.Полякова, А.Н. Тихонов и др.), формально-деривационный (Е.Л. Гинзбург, М.Ю. Зуева, Э.П. Копнина, Л.С. Лев, А.И. Моисеев, Е.М. Пантелеева, А.А. Поликарпов, Н.А.Пугиева, А.Н. Тихонов, Н.А. Ярошенко и др.), формально-семантический (Н.Ю. Авина, И.В. Альтман, Н.К. Воловик, Р.С. Гильманова, Л.К. Жаналина, Е.Е. Жуковская, А.М. Зализняк, А.Д. Зверев, О.М. Ким, Н.Ф. Клименко, Е.А. Карпиловская, З.А. Монастыренко, А.С. Пардаев, Г.Н. Плотникова, Т.И. Плужникова, П.А. Соболева, Л.И. Ширин, Ю.А. Шепель, М.Н. Янценцкая и др.).Общая для языкознания тенденция к поиску лингвистических универсалий проявилась в дериватологии, прежде всего, в сравнительно-типологическом описании СГ слов определенных лексико-семантических групп разных языковых систем (З.М. Волоцкая, А.А.Лукашанец, Л.В.Полякова, А.Н. Шиловский и др.).

Функциональный аспект изучения языковых единиц получил развитие в когнитивной лингвистике, для которой характерно методологическое изменение эвристик (познавательных установок), явившееся проявлением общего методологического сдвига, начавшегося в лингвистике с конца в 1950-х годов. Представители когнитивно-дискурсивной дериватологии ориентированы на «создание модели гнезда как целостности на основе данных естественной речемыслительной деятельности. Такая модель должна носить по отношению к языку функциональный, а по отношению к человеку – деятельностный характер, т.е. она должна быть записью принципа совместного функционирования (и кофункционирования) членов гнезда в речевой и мыслительной деятельности носителя языка» [3, с.3].

Понимание гнезда однокоренных слов (ГОС) в деятельностных категориях представлено, в частности, в исследовании И. В. Евсеевой «Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц)», где ГОС осмысливается как пространство реализации смысловых потенций деривационной вершины гнезда, представляющей ядерный концепт ГОСа [4].

Л.А. Араева, П.А. Катышев, М.Н. Образцова, М.А. Осадчий, А. Н. Шабалина разрабатывают пропозиционально-фреймовую модель взаимодействия однокоренных слов, опираясь на естественно-логические прототипические связи, актуальные для языкового сознания: фреймовое представление гнезда как целостности основано на референциальной соотнесенности однокоренных единиц.

Мотивационно-ассертивная модель гнезда однокоренных слов предложена К.А. Демиденко: «Ассертивная модель ставит вопрос об особой дискурсивной структуре гнезда. Единицей моделирования является мотивационное суждение (ассерция), идентичное по структуре естественному коммуникативному предложению. Задача ассерции – увязать два однокоренных слова в пределах простейшей коммуникативной единицы, доказав тем самым способность данных однокоренных слов взаимодействовать друг с другом в ближайшем коммуникативном контексте – высказывании. Если для фреймовой модели гнездо – это потенциальная речемыслительная деятельность в ее содержательном плане, то для ассертивного моделирования гнездо – это потенциальная речемыслительная деятельность в ее формальном плане» [3, с.4].

Очевидна необходимость разграничения понятий «словообразовательное гнездо» и «гнездо однокоренных слов», или «корневое гнездо» (КГ).

В корневые гнезда входят лексемы с общим корнем, который эксплицирует объединяющую их семантику. Вершиной такого гнезда, видимо, надо считать минимальную в структурном отношении единицу, в идеале состоящую из нераспространенного корня, например, *дом*. Все остальные слова, имеющие тот же корень (*домовой*, *домовый*, *домовитый*, *домашний*, *придомный*, *домик*, *домица*, *домоводство*, *дома* (наречие) и др.), рассматриваются лишь как комотиваты слова-вершины. При анализе КГ не имеет значения, от чего и как образованы представленные дериваты. По сути, корневые гнезда являются разновидностью лексических парадигм и обычно рассматриваются лексикологами, точнее, мотивологами. Как известно, М.М. Гинатулин предложил выделить мотивологию как отдельную лингвистическую дисциплину в разделе лексикологии, исходя из того, что задачей лексикологии является изучение связей между словами и вещами в момент их наименования, а также определение состояния и степени мотивированности слов на определенном этапе развития языка [2]. Видимо, на современном этапе развития языкознания в его когнитивном векторе такая рекомендация вполне обоснована, поскольку мотивологический подход апеллирует к языковому сознанию носителей языка, чем и отличается от деривационного подхода. Однако с учетом этого особенно важна терминологическую точность: в традиционной дериватологии должен использоваться термин *словообразовательное гнездо*, а в когнитивной дериватологии уместен термин *гнездо однокоренных слов*, или *корневое гнездо*. При этом очевидно, что СГ также является корневым гнездом, однако в

нем учитываются не только «1) мотивированность; 2) средство реализации мотивированности слова; 3) явление мотивации слов» [3, с.8], но и собственно деривационные параметры – направление мотивации и отношения производности, которые упорядочивают данную совокупность однокоренных слов в словообразовательные парадигмы и словообразовательные цепочки.

Традиционно словообразовательные гнезда квалифицировались как наиболее крупные структурные КЕС. Именно поэтому стало возможным рассматривать их как многомерную единицу, состоящую из «горизонтальных» и «вертикальных» рядов. «Горизонтальные» ряды дериватов – словообразовательные цепочки, включающие и общее исходное мотивирующее, и последовательно производные слова, вплоть до последней ступени мотивированности. «Вертикальные» же ряды – это словообразовательные парадигмы – совокупности кодериватов, имеющих общее мотивирующее и систематизируемые с учетом их категориальной тождественности [6, с.8], то есть в основе строения гнезд лежит принцип иерархии, принцип последовательного подчинения одних единиц другим [8, с.118]. Данный собственно структурный подход позволил описывать СГ с точки зрения их формальной организации. Так, А.И. Моисеев предложил объемную и структурную типологию СГ, выводя типы гнезд по количеству слов и по общему строению: 1. Потенциальные гнезда (гнездо-слово). 2. Элементарные гнезда (гнездо-словообразовательная пара). 3. Трехсловные гнезда: 1) линейные, или цепочечные; 2) веерные гнезда. 4. Содержащие более 3 слов: 1) цепочечные; 2) веерные; 3) комплексные, или комбинированные (полные): а) цепочечно-веерные; б) веерно-цепочечные [5, с.283–284]. Подобного рода систематизации СГ, видимо, мало значимы для функциональной и тем более для когнитивной лингвистики, однако (если выявить частотность и продуктивность гнезд того или иного типа) опосредованно они дают представление даже о типе мышления народа, говорящего на том или ином языке.

При понимании словообразовательного гнезда как совокупности лексических единиц, эксплицирующих семантический объем слова-вершины (как известно, любой дериват в СГ мотивационно связан со словом-вершиной) становится возможным рассматривать СГ в качестве инструмента организации фиксируемого в языке фрагмента объективной реальности, воспринимаемого и осмысливаемого человеком.

Наиболее полным лексикографическим изданием, в котором представлены словообразовательные гнезда русского языка, является «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова (СлСРЯ), в котором фиксируется 18 118 непроизводных слов, а среди них 12 542 (приблизительно 69 %) отмечены в качестве производящих [7]. Однако приведенные цифры касаются лексем без учета их моно- или полисемичности, а многозначных слов, выступающих в качестве слова-вершины, в данном словаре немало (насколько нам известно, специальные подсчеты такого рода не производились).

В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова СГ с вершинами-полисемантами содержат производные, для которых мотивирующим генеративом могут быть различные семемы одной лексемы, но это никак не отражено в структуре гнезда. В современной дериватологии вообще не принято разграничивать словообразовательные гнезда, вершинами которых являются однозначные и многозначные слова, хотя это принципиально, если учесть, что полисемант уже самим фактом наличия не одного значения предполагает более высокую деривационную активность: у многозначного слова возможно большее количество дериватов, поскольку каждый из эпидигматов может реализовать свой собственный словообразовательный потенциал. Структурирование гнезда с учетом неравнозначной словообразовательной активности семем анализируемой лексемы представляется более логичным и удобным, поскольку в этом случае четче прослеживаются деривационные связи, устраняются трудности при трактовке значений производных-полисемантов, уточняется мощность гнезда.

Например, слово *автомат* имеет три значения: «1. Самодействующее устройство (аппарат, машина, прибор), производящее работу по заданной программе без непосредственного участия человека. 2. Ручное автоматическое скорострельное оружие. 3. О человеке, действующем по выработанному шаблону, безучастно и механически совершающем что-либо» [1, с.26]. Согласно СлСРЯ, лексема *автомат* является вершиной гнезда, включающего 15 дериватов, 9 из которых находятся на первой ступени производства, то есть максимально реализуют семантическую структуру слова-вершины: *автоматчик, автоматизм, автоматика, автоматный, автоматом* (в значении наречия), *автоматичный, автоматический, автоматизировать, завод-автомат*. На второй ступени словопроизводства представлено 5 синтаксических дериватов – *автоматично, автоматически, автоматичность, автоматизация, автоматизирование* – и один модификат – *автоматизироваться*, которые в данном случае рассматриваться не будут в виду сохранения ими лексического значения мотивирующего генератива.

Личное существительное *автоматчик* мотивационно связано с ЛСВ₁ и ЛСВ₂, слова-вершины, т.к. означает «1. Тот, кто обслуживает автомат (1 зн.). 2. Боец, вооруженный автоматом (2 зн.)» [1, с.27]. Дериваты *автоматизм, автоматический, автоматичный, завод-автомат, автоматом, автоматизировать, автоматика* могут быть образованы только от ЛСВ₁ слова *автомат*, а слово *автоматный*, согласно словарному толкованию, – мотиват ЛСВ₂. Следовательно, словообразовательные гнезда семем полисеманта *автомат* различаются по количественному составу, происходит их дивергенция, а то СГ, которое представлено в вышеуказанном словаре, можно квалифицировать как дивергентное (от *дивергенция* – «(от лат. *divergium* – расхождение, растекание). Расхождение, разветвление» [1, с.258]). Итак, под **дивергентным словообразовательным гнездом** понимается совокупность СГ семем одной

многозначной лексемы, то есть в таком СГ с вершиной-полисемантом недифференцировано представлены дериваты от всех его ЛСВ, поэтому его можно считать **словообразовательным гнездом лексемы**. В том случае, если в гнезде есть дериваты, которые образуются от всех семем лексемы, они составляют конвергентную часть СГ, своего рода **типовое СГ лексемы**. В рассматриваемом СГ слова *автомат* конвергентной части дивергентного гнезда нет, поскольку третья семема пока производных не образует. Таким образом, словообразовательное гнездо лексемы может быть дивергентным и конвергентным; во втором случае оно одновременно является типовым словообразовательным гнездом лексемы.

Перспектива исследования определяется необходимостью анализа дивергентных словообразовательных гнезд слов различных лексико-семантических групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка. /Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
2. Гинатулин М.М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименования птиц): автореф. дис. ...канд. филол. наук 10.02.01 «Русский язык» / М.М. Гинатулин. – Алма-Ата, 1973. – 19 с.
3. Демиденко К.А. Мотивационно-ассертивное моделирование гнезд однокоренных слов группы 'времена года' (на материале современного русского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук 10.02.01 «Русский язык» / К.А. Демиденко. – Кемерово, 2007. – 28 с.
4. Евсеева И.В. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц): автореф. дисс. ...докт. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / И.В. Евсеева. – Кемерово, 2011. – 49 с.
5. Моисеев А.И. Типы словообразовательных гнезд // Актуальные проблемы русского языка: Тезисы V республ. научно-теоретической конференции. Ч 1 – Самарканд, 1987. – С.282–285.
6. Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения в словообразовательном гнезде: автореф. дисс. ...докт. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / А.Н. Тихонов. – М., 1974. – 35 с.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. – М.: Русский язык, 1985. т.1 –855с., т.2 –887с.
8. Тихонов А.Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология). Изд. 2-е, стереот. – М.: Цитадель-трейз, ИД Рипол Классик, 2003. – С. 114–119.

Diakonova O., Mordvinova M.,
Ulyanovsk state pedagogical university,
Department of foreign languages

Strategic choices in rendering proper names

Abstract. Translation of proper names has many challenges. The focus of this study lies within the translation of personal names, which are a subclass of proper nouns. The research was carried out on the popular fantasy book of R. R. Tolkien. The most popular translation strategies are revealed.

Key words. Personal names, proper names, translation strategies.

Introduction. The rendering of proper names which are a subclass of proper nouns is one of the most difficult problems any translator comes across while working. Actually proper names can't be translated like all other words translation of which can be easily found in various dictionaries. Because of their minimal integration to a receiving language they occupy the specific position in the particular language system and become a real challenge for translators. Translators should do their best in order to render proper names. They should pay special attention to literary texts because they may involve the use of meaningful names, specific interpretation of names with the contribution to the characterization, different allusions in proper names, and the exceptional effect they create, etc.

The main aim of this article lies within the translation of personal names. Firstly, the article gives the analyses of the existent theoretical translation strategies that are applied for the rendering of proper names from English into Russian. In the practical part of the article the analysis touches upon the translation strategies applied for rendering proper names in the analysed literary text. The research was carried out on the popular fantasy book of John Ronald Reuel Tolkien "The Hobbit, or There and Back Again" (translated from English by Matorina) [1]. The materials for the present practical quantitative analysis comprise 64 proper names translated from English into Russian. The main method that was used in the experimental study is the method of a black box. All the results are summed up and stated. 45 % of proper names are translated with the help of transliteration; cultural transplantation - 28%; phonological replacement - 17%. The usage of transposition is very rare and comprises only 10% of the proper names of the book.

Review of the literature. It is very important to begin with the relevance-theoretic analysis of rendering proper names from English into Russian.

By the meaning nouns are traditionally divided into common and proper names. Proper names refer to a specific referent and serve to distinguish a particular individual from the others, for instance, the family of Dashwood, Mr. Henry, Marianne, Elionor [2:3-4].

Merriam Webster's Dictionary says that a proper noun is "a noun that designates a particular being or thing, does not take a limiting modifier, and is usually capitalized in English—called also proper name." [3].

The Oxford Advanced Learner's Dictionary says that a proper name is "a word that is the name of a person, a place, an institution" [4].

A proper noun usually has some distinctive features: 1) it is capitalized, no matter where it occurs in a sentence; 2) it is a mono-referential name, as it refers to a particular person, thing, or place; 3) it is not preceded by a definite or indefinite article; 4) it is not used with limiting modifiers.

Nowadays living in the world of constant international interactions we have to translate a lot of information in order to support the multilingual understanding of the objective reality of the external world. Albert Peter Vermes (2003) asserts that: "The translation of proper names has often been considered as a simple automatic process of transference from one language into another, due to the view that proper names are mere labels used to identify a person or a thing. Contrary to popular views, the translation of proper names is a non-trivial issue, closely related to the problem of the meaning of the proper name." [5:89-108].

The problems in translation appear because all the languages have something unique and it means that they also have particular personal names. Some of them may be common to several cultures but some quantity which is deeply rooted in the particular culture of the specific language may pose unique difficulties in the comprehension of culture-specific and/or literary texts.

It happens so because some personal names may have some specific connotations. And if a translator omits this specific implied information it may result in some unacceptable variant of the translation.

Bachman (1990) specifically points out that the knowledge of cultural references and of the figurative use of language should be considered as a focal element in the rendering process. He insists that the readers need this type of knowledge to make sense of culture-specific names whenever such names occur [6].

In the Russian culture, Plushkin—the name of a pinch-fist in Gogol's novel "The Dead Souls"—is a symbol of greed. But a translator may be unaware of this fact. So if he hears the sentence "My neighbour is Plushkin" in some conversation of two men speaking about their neighbours' characteristics, he may assume that the speaker introduces his neighbour's surname, not his personality.

The same problems are common for some English proper names. For example, Mr. Goodwin - the name of the host of the popular TV show "The incredible Mr. Goodwin" - is a symbol of success, cunning and good luck. And the question "Have

you seen Mr. Goodwin today?" may contain some inner ironic content connected with the personality of the character, the speaker is asking about.

Actually this was only our mere presumption that should be proved. The next research is going to deal with it but still some scientists may say that it is a strong mere presumption against the truth of the news.

The problem of how to render proper names has been discussed by many translation theorists, including GmbH F. [7], Ladan Kazzazi [8], Peter Newmark [9] (translatability and equivalence), G. Toury [10] (recent trends in translation) and others. On analyzing their works a translator may fairly admit that he has to choose between two general translation strategies. The first one is *foreignization*, which aims at preserving all the cultural elements. Foreignization follows the original text very closely, ruthlessly, ignoring all potential difficulties of comprehension or barriers of reception. It is more complex [7:15]. The terms do not necessarily need to have a direct stimulus in the source text or culture to function successfully in their foreignizing task [7:16]. Foreignization aims to create an intentional rupture in the readers' affective community and alignment with the art work [7:17].

The second one is *domestication*, which brings the text closer to the reader by adapting or sometimes even leaving out many of these cultural elements. Domestication helps the reader approach the text with ease and familiarity. A domesticated or tamed translation does not unsettle or challenge the reader in any way. In that sense it is indeed reader-oriented. But fluency means more than just using home-brewed variants and deleting unfamiliar references to the source culture; it's also means not being challenging or provocative, not renewing the literary tradition [7:15-16].

This was supposed to be the general methodology for rendering the proper names for about 50 years but then there appeared one more scientific point of view. Jan Pedersen, Lawrence Venuti say that the two main strategies should be divided into several sub strategies based on the outcome.

As the question of rendering proper names is supposed to be one of the most difficult tasks for translators, a variety of translation strategies have been proposed by different translation theorists: Peter Newmark [9], Jean Darbelnet [13], Lincoln Fernandes [14] and Eirlys E. Davies [15]. These strategies coincide with the list of strategies used by translators in their fundamental researches in Russia.

1. *Transcription* is a transfer operation when a name is transcribed in the equivalent characters of the target language. In order to keep the readability of the target text, some other changes such as addition may occur. For example, Thrór-Троп.

2. *Transposition* is a change of one part of speech for another one without any changes of the meaning. In fact, this is a good strategy for translating titles that have transparent role in literature. For example, Barrel-Бочка or Luckwearer-Хозяин Удачи.

3. *Phonological Replacement* is a transfer operation when the phonological features of the original name are imitated in the target language. Actually a target language name, which has a similar sound to the source language name, replaces the original name. For example, Thror-Tpop.

4. *Transliteration* is a transfer operation when the name is shifted to conform to the phonic or graphic rules of the target language. For example, Gendalf!-Гэндальф!

5. *Cultural transplantation* is a transfer operation when the source language name is replaced by the target language name that has the same cultural connotation as the original one. For example, Sackville-Bagginses-Сумкин-Торбинсы.

This classification of transfer strategies seems to be quite relevant in the analysis of the translated proper names. These strategies have clear definitions and the optimal number of them is distinguished. Also they cover all the procedures that could be applied for rendering proper names from English into Russian. One should admit that most of the translation studies are purely theoretical but the translation strategies are the main tools used to overcome the equivalence problems by translators. So the modern research aims to investigate should be the following: which translation strategies are most acceptable when rendering proper names and will the translators be able to overcome the difficulties connected with some specific implied meaning with the help of these main translation strategies. This article deals with the first research aim stated there. Therefore, these strategies will be used for the practical part of this very article.

Methodics. Tolkien's books are very popular all over the world. The Hobbit, or There and Back Again, is a fantasy novel and children's book. It was published on 21 September 1937. It still remains popular and is recognized as a classic in children's literature. Although this book has been translated into more than 40 languages, it presents some unusual difficulties to translators. There appear a lot of proper names and most of them are quite unusual. So commenting on proper names used in these books, a translator has to pay special attention to how myths, legends, and folktales influenced the world building and what is the inner meaning of each proper name. Tolkien's allusions in proper names can't be easily perceived even by source language readers since they are hidden very creatively. Of course, after a reader reveals what is hidden in a name, this learning of a new thing brings him satisfaction; it can even intensify the Hobbit-mania all over the world. However, these hidden allusions become especially difficult to render into other target languages because the readers with different cultural and linguistic knowledge can't have the same associations. These are the features that make the book very original, emotive and intriguing.

The main point of the study is to find out which translation strategies were used for rendering proper names from English into Russian. And to state the problems for future experimental studies which would be connected with analyzing

how to translate the proper names without losing the original sound and meaning that the author clearly intended, also paying attention to the fact that the process of de-anglicizing is rather complicated because not only English-language etymology should be considered, but also that of the Russian language.

There were two books under the experimental study: the book of John Ronald Reuel Tolkien "The Hobbit, or There and Back Again" published in 1937 and "Хоббит, или Туда и Обратно" translated from English into Russian by Matorina and published in Russia in 2000.

The main hypothesis of the experimental study is as follows: different translation strategies have different frequency of occurrence within the analyzed text so both texts were carefully analyzed. And all the sentences that contain the proper names were copied out in conformity. The main method that was used in the experimental study is the method of a black box. A black box is an object whose inner workings are unknown; only the input, transfer, and output are known characteristics. The input is the English proper names. The transfer is the process of rendering. The output is the Russian proper names. The main question of the study was the following. What strategies were used by the translator? One more question: Did the translator manage to preserve the inner meaning of the proper names in the process of rendering? This question was asked in order to state the problem of the future experimental study. The resulting pairs of proper names were grouped according to the rendering strategy used in that very case. As a result there is the table containing the statistics numbers. Then the inner meaning of some proper names was explored and the semantic content analysis was carried out. All the results are summed up and stated.

Results. The main hypothesis of the experimental study is as follows: different translation strategies have different frequency of occurrence within the analyzed text so both texts were carefully analyzed. There are 64 proper names in the original English version written by John Ronald Reuel Tolkien and the same number is preserved in the translation made by Matorina. There are 29 proper names that are translated using the strategy of *transliteration*. Although most of these examples are adapted morphologically, they still seem quite strange to a Russian reader and show the foreignness of the text. Some examples of these names are put here: Radagast – Радараст, Bert and Tom – Берт и Том, the translator used the basic rules and norms of transliteration from English into Russian.

There are 18 examples of *cultural transplantation*. The names of these characters caused a lot of problems. And we can suppose that picking the right name was a process that could take days or even weeks since some of the names come from the old languages or are created by the author. The examples are the following: Sackville-Bagginses-Сумкин-Торбинсы.

There are only 11 examples of the usage of *phonological replacement*. The phonological features of the original name were carefully imitated in the target language. A target language name, which has a similar sound to the source

language name, replaces the original name, here are the examples, King Bladorthin – Король Бладортин, Roac – Рок.

The translator Matorina has rarely used the strategy of *transposition* or localisation because there are only 6 examples which experienced transformation and creation: Barrel-rider-Ездок на бочке, Smaug the Chiefest – Смор Главнейший, Smaug the Tremendous – Смор Ужасающий.

Summing up all translation strategies used by Matorina, the results can be seen in Figure 1. The figure shows that the translator has chosen transliteration (45%) as the most frequent strategy in her translation but it is really difficult to pronounce and memorize most of the proper names both for adults and children. She has also used cultural transplantation (28%) in the cases where she could find the right equivalents in the Russian language. Phonological replacement (17%) shows the notion of restricted translation with the substitution of textual material of the target language. Finally the usage of transposition is very rare and comprises only 10% of the proper names of the book.

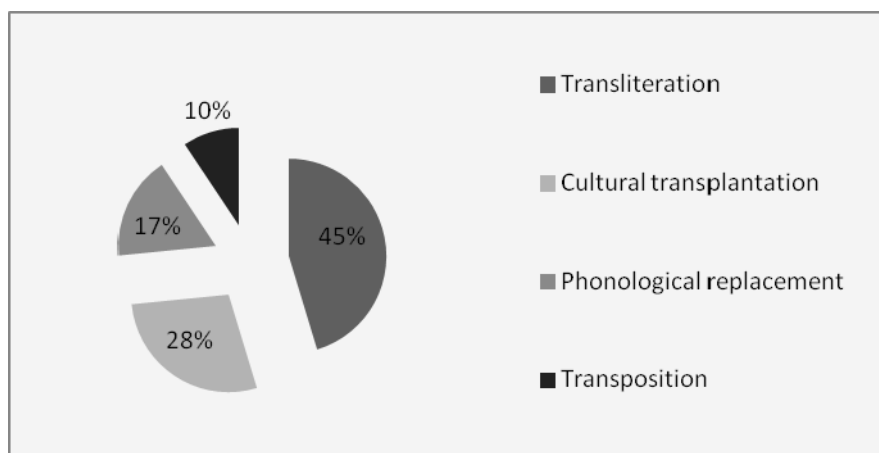

Figure 1. Translation strategies used by the translator

There are several main tendencies which have been observed during our experimental work:

1. If a proper name does not cause any problems of pronunciation and is the same in both languages, it is usually repeated.
2. If a proper name coincides with a common noun and conveys some particular straightforward description of its bearer, it usually receives a particular literal translation.
3. If a proper name includes letters that are not present in the Russian alphabet, they are adapted phonologically according to the main phonological rules of the receiving language.
4. If a proper name contains some inner meaning that is important for the description of some typical features of the character the translator should do his best

and try to preserve it as the unnecessary changes may cause the difficulties for readers.

5. The main translation strategies used in the book of John Ronald Reuel Tolkien "The Hobbit, or There and Back Again" and "Хоббит, или Туда и Обратно" translated from English into Russian by Matorina are transliteration (45%); cultural transplantation (28%); phonological replacement (17%); transposition (10%).

So these results prove the hypothesis of the experimental study. Different translation strategies have different frequency of occurrence within the analyzed text.

Conclusion. The results show us the main strategies in rendering proper names within the analyzed text. Actually it is just the first step of the long-term experimental work. As we plan to do the following: to see which of these rendering strategies may help the translator preserve the specific inner meaning of the proper names; and to see what happens to the proper names if the translator uses machinery translation in order to quicken or simplify the process of rendering.

It should be mentioned that the rendering of proper names in the popular fantasy book of John Ronald Reuel Tolkien "The Hobbit, or There and Back Again" has been a real challenge for the Russian translator Matorina because some of the proper names are created with some inner meaning which cannot be easily seen. Here are the examples of such cases:

1) The main hero of the book is Bilbo Baggins. The most interesting thing is connected with the translation of the surname of this very hobbit. In Russian, "Торбинс" is the augmentative form of "сумка", "торба" which actually means "bag" in English. А "торба" refers to a big bag or backpack and in translation it is used to convey the "bag" in Baggins. So the final version of the translated surname in Russian is "Торбинс" (Baggins). Actually, the Sackville is an English surname, which has almost the same meaning as Baggins. So the other word phonetically different from "Торбинсы" is "Сумкины".

2) The next character under the analysis is Thorin Oakenshield – Торин Дубошит in the Russian language. Speaking about the first part of the name (Thorin-Торин) it was translated with the use of phonetic transcription out of necessity, for in Russian the "th" sound doesn't typically exist. In this case it was better to omit this sound and replace it by "t".

But it is more interesting to speak about the translation of the surname. "Oakenshield" contains two roots of different words, so the best way to translate it is to find some equivalents of "oak" and "shield" and put them together. The equivalent of "oak" is "дуб" and the equivalent of "shield" is "щит, защита". That's why the final variant of the rendering is Торин Дубошит in the Russian language.

4) Here is one more example of the rendering: Smaug the Dreadful-Смор Ужасающий. The first part of the name is translated with the strategy of phonetic transcription, as the "mau" sound may seem close to the sound in the beginning of the word "маленький" which means "little" in English and it may cause the misapprehension of the meaning. The last name is of a particular interest, both

phonetic part and the meaning are to be paid attention while translating. The word “dreadful” has several different meanings in Russian “страшный, ужасный, грозный, чудовищный” according to its phonetical aspect the word “ужасающий” is the most appropriate.

5) The next masculine proper name was adopted and shows different cultural points of view: Tomnoddy-Пузан, Дуралей. In Russian “Tomnoddy” means “дурак, простак”, although they are not quite exact what the author wanted to say. As he referred “Tomnoddy” to spiders with which Bilbo had a struggle he wanted to put some features about their appearance. As they were not very quick in both thinking and acting the best translation that could be chosen in the Russian version of the translation was “пузан” and “дуралей”.

So we can say that the main aim of this article was reached. The main translation strategies are transliteration (45%); cultural transplantation (28%); phonological replacement (17%); transposition (10%). But this is just the first basic step before the big experimental study of rendering proper names.

REFERENCES

1. Tolkien, J.R.R. The Hobbit, or there and back again. – M.: Jupiter-Inter, 2009. – 300 p.
2. Austin J. Sense and sensibility.-London:Harper Press, 2010. -388p.
3. Merriam Webster's Dictionary(2014). [On-line]. Available at <http://www.merriam-webster.com/dictionary/proper+noun>.
4. The Oxford Advanced Learner's Dictionary, Oxford University Press. (2014). [On-line]. Available at <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
5. Vermes, A. P. Proper names in translation: an explanatory attempt / Across Languages and Cultures. – 2003. - №4 (1). – P. 89-108.
6. Bachman, L. F. Fundamental considerations in language testing. – Oxford:Oxford University Press, 1990. – 408 p.
7. GmbH, F. and T. Domestication and Foreignization in Translation Studies. – Berlin: Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2012. – 231 p.
8. Kazzazi, L. Domestication and Foreignization Strategies: Translation of Chekhov's Dramas from English to Persian.- LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 164 p.
9. Newmark, P. About translation. – London: British Library Cataloguing in Publication Data, 1991.-74p.
10. Toury, G. “Translation of literary texts” vs. “Literary translation”: A Distinction Reconsidered. // Recent trends in Empirical Translation research / Tikkonen-Condit S. and J. Lauffing (eds.) – Joensuu: University of Joensuu, 1993. – P. 10-24.

11. Pedersen, J. How is culture Rendered in Subtitles?
<http://euroconferences.info>>2005_Pedersen_Jan
12. Venuti, Lawrence (1995): *The translator's Invisibility: A History of Translation*. London – New York: Routledge.
13. Darbelnet, J. *A methology for translation*. – Benjamin translation library, 1995. – 359 p.
14. Fernandes, L. (2006). *Translation of names in children s fantasy literature: Bringing young reader into play*. [On-line]. Available at <http://www.iatis.org/newvoices/issues/2006/fernandes-paper-2006.pdf>.
15. Davies, E. E. *A Goblin or a Dirty Nose? The Treatment of Culture-Specific References in Translations of Harry Potter Books / The Translator*. – 2003. –№ 6. – P. 65–100.

Olga Rtishcheva,
*Candidate of Philological Sciences, Ulyanovsk State
Pedagogical University, School of Foreign Languages,
chair of the German Language Department*

THE INTERMODAL VARIATION OF CONSTRUCTIONS WITH PASSIVE ANALYTICAL VERB- NOMINAL COMBINATIONS AND THE “REGULAR” PASSIVE IN THE GERMAN LANGUAGE

Abstract: This article is devoted to the analysis of possibilities of intermodal variation of syntactic structures in the modern German language in terms of analytical verb-nominal combinations with passive semantics and the passive voice of correlation verbs. The author considers heterogeneousness of semantic accordance of these units to the correlation verbs and the possibility of identifying several stages of this accordance, which illustrates the variation relationships between passive AVNC (analytical verb-nominal combinations) and constructions with “regular” passive.

Key words: analytical verb-nominal combinations, intermodal variation, the correlation verb, aspectual meanings, the passive semantics.

Ртищева Ольга Анатольевна,
*к. филол. н., ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н.Ульянова»,
факультет иностранных языков, кафедра немецкого языка*

МЕЖМОДЕЛЬНОЕ ВАРИИРОВАНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С ПАССИВНЫМИ АНАЛИТИЧЕСКИМИ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫМИ СОЧЕТАНИЯМИ И «РЕГУЛЯРНЫМ» ПАССИВОМ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу возможностей межмодельного варьирования синтаксических структур в современном немецком языке на примере аналитических глагольно-именных сочетаний с пассивной

семантикой и пассива коррелирующих глаголов. Автор статьи рассматривает неоднородность семантического соответствия этих единиц коррелирующим глаголам и возможность выделения нескольких ступеней данного соответствия, что иллюстрирует отношения вариантности между пассивными АГИС и конструкциями с «регулярным» пассивом.

Ключевые слова: аналитические глагольно-именные сочетания, меж-модельное варьирование, коррелирующий глагол, аспектуально-видовые значения, пассивная семантика.

Отношения аналитических глагольно-именных сочетаний (АГИС) и коррелирующих глаголов характеризовались многими авторами как отношения синонимии [1, с.142], [2, с. 68]. Например, В. А. Мангольд называет глаголы и соответствующие им словосочетания коррелятивными синонимами [3].

С. Папе-Мюллер называет сочетания и коррелирующие глаголы грамматическими конверсивами [4, с.148-149]. Б. А. Абрамов характеризует отношение между конструкциями с полнзначным глаголом и аналитическими сочетаниями как варианты отношения, а именно как варьирование единиц разного морфосинтаксического статуса [5], [6]. Этот вид варьирования можно назвать межмодельным варьированием. Межмодельное варьирование понимается в данной статье вслед за И. А. Антоновой как межмодельные преобразование предложений. Это изменение предложения, которое охватывает разные синтаксические модели, описывающие одно и то же событие, пропозицию под различными ракурсами и служащее для решения различных коммуникативных задач [7, с. 85 – 87]. В данном случае это вариативное употребление активной конструкции с пассивным АГИС и конструкции с «регулярным» пассивом глагола, коррелирующего с именным компонентом АГИС. Следует отметить, что пассивные АГИС можно распределить по степени их соответствия коррелирующему глаголу на следующие группы [8, с. 56-58]:

- пассивные АГИС, соотносящиеся с пассивом коррелирующего глагола:
Anwendung finden / angewendet, angewandt werden:

„Welche anderen Materialien finden in der Kunstglaserei Anwendung? ... Auch neue Techniken werden in dem Traditionsberuf immer häufiger angewendet.“ [zeit online, 15.10.2013]

- пассивные АГИС, соотносящиеся с пассивом глагола, который является однокоренным с коррелирующим глаголом:

Antwort erhalten -beantwortet werden,
außer Zweifel stehen/nicht bezweifelt werden;

„Seit dem vergangenen Wochenende steht praktisch außer Zweifel, dass in der Schwangerschaftsvorsorge ein Paradigmenwechsel unmittelbar bevorsteht.“ [zeit online, 13.06.2013]

„Ob dieser Kampf mit einem Parteienverbot gewonnen werden kann, darf indessen bezweifelt werden.“ [zeit online, 02.12.2013]

– пассивные АГИС, коррелирующий глагол которых употребляется только в безличных пассивных предложениях – Zustimmung finden:

„Gemeinschaftsgärten finden unter den Großstadtbewohnern fast keine Zustimmung.“ [FAZ, 13.06.2013]

„Bisher musste dafür insgesamt zugestimmt werden.“ [zeit online, 30.04.2014]

– пассивные АГИС, коррелирующий глагол которых не образует пассивной формы – Anlagen finden, Wiederhall finden:

"Diese Kontroversen fanden regelmäßig in politischen Debatten ihren Wiederhall.“ [zeit online, 10.10.2013]

„Wir biegen ab, laufen durch stille Gassen, in denen unsere Schritte widerhallen.“ [zeit online, 10.04.2014]

– пассивные АГИС, не имеющие коррелирующего глагола – Niederschlag finden:

„Der Aktienkurs von Thyssen-Krupp steht unter Druck. Die schlechten Nachrichten vom Wochenende finden ihren Niederschlag.“ [FAZ, 14.05.2014]

Как известно, пассивные АГИС обладают и разнообразными аспектуально-видовыми значениями, которые возникают в результате комбинирования в их составе различных глагольных и именных компонентов. Благодаря этой семантике такие сочетания могут передавать разные нюансы, оттенки, ступени протекания действия или процесса, что и является основной семантической функцией АГИС по сравнению с коррелирующим глаголом [9, с. 92], [10, с. 392-393]. Поэтому степень соответствия значения АГИС значению глагола, лежащего в основе их именного компонента, различна. Соотносимость семантических структур глагольно-именных сочетаний и коррелирующих глаголов бывает полной и неполной, а однословная номинация и ее аналитический вариант представляют множественность средств выражения одной и той же функции [2, с. 68-69]. В случае пассивных АГИС аспектуально-видовые значения накладываются на значение пассивности, что обуславливает преимущество пассивных АГИС перед конструкциями с пассивом коррелирующих глаголов, так как эти глаголы лишены возможности передавать различные аспекты протекания того или иного действия. Таким образом, АГИС, сочетая аспектуально-видовую и пассивную семантику, предоставляют больше возможностей для языкового отражения той или иной пропозиции. Употребительность АГИС в различных текстах подтверждает, что язык активно использует это преимущество АГИС, ведь семантика, как подчёркивал В.А. Звегинцев в исследованиях структуры предложения, является конструирующим весь язык стержнем [11, с. 75]. Эта семантика АГИС чрезвычайно важна с точки зрения теории коммуникации, так как в контексте речевой интеракции семантическое наполнение ментальных предикатов определяет смыслообразующую основу внутреннего плана коммуникации [12,

с. 125], что приводит к активному использованию АГИС во внешнем плане коммуникации, то есть в речи.

Так, с глаголом «anwenden - angewandt / angewendet werden» соотносится целый ряд АГИС с разными аспектуально-видовыми значениями [10]: in der Anwendung sein (дуративное значение); zur/in die Anwendung kommen/gelangen, in die Anwendung gehen (ингрессивное значение), Anwendung finden/erfahren (результативное значение):

„Diese CCS-Technik wird jedoch unter anderem wegen der hohen Kosten bisher fast nirgendwo angewendet.“ [zeit online, 20.09.2013]

„So proklamiert er die prinzipielle militärische Einsatzbereitschaft, während Kanzlerin, Außenminister und eine übergroße Parlamentsmehrheit dafür sorgen, dass dieses Prinzip niemals zur Anwendung kommt.“ [zeit online, 01.04.2013]

„Diese Regelung soll dem neuen Gesetz zufolge bei den sogenannten Ghetto-Renten keine Anwendung finden.“ [zeit online, 8.04. 2014]

Из всех сочетаний, образованных с ИК, в основе которого лежит глагол „anerkennen“ Anerkennung finden/erhalten/verdienen/erfordern, der Anerkennung bedürfen – только значение первых двух сочетаний соответствует семантике коррелирующего глагола, а остальные АГИС имеют дополнительное модальное значение необходимости:

„Im Unternehmen findet Weber Anerkennung und Bewunderung.“ [zeit online, 15.02.2014]

„Nun erhält sie ihre späte und verdiente Anerkennung.“ [zeit online, 06.10. 2010]

„Inzwischen hat das Entwicklerstudio Firaxis eine Version für iPad und iPhone veröffentlicht, und auch diese verdient Anerkennung.“ [zeit online, 14.07. 2013].

„Das erfordert erstens eine Anerkennung des Prinzips gleicher Emissionsrechte pro Kopf, das insbesondere von Indien, aber auch von China, seit 20 Jahren eingefordert wird und in Kyoto brüsk zur Seite geschoben wurde.“ [zeit online, 30.08. 2010]

„Schließlich lebt der Mensch nicht nur vom Brot allein, sondern er bedarf auch der Anerkennung, und die ist unbezahlbar.“ [zeit online, 06.09. 2009]

Лексическое значение глагола „wählen“ не соответствует лексическому значению сочетаний in die Wahl kommen, zur Wahl stehen. Предложения с аналитическими словосочетаниями указывают лишь на вероятность выбора между двумя или более возможностями, тогда как в предложении с пассивом коррелирующего глагола „gewählt werden“ подчеркивается вероятность выбора только одного варианта [9, с. 96]. Приведённый ниже пример употребления пассивного АГИС и пассива коррелирующего глагола в одном и том же контексте иллюстрирует это различие:

„Neben den Gemeinderäten und Kreistagen in den mehr als 2.000 Kommunen standen am Sonntag 19 der 25 Oberbürgermeister in den kreisfreien Städten und 58 der 71 Landräte zur Wahl. Oberbürgermeister und Bürgermeister wurden zudem in

1.863 der 2.031 kreisangehörigen kleineren Städte und Gemeinden gewählt.“ [zeit online, 16.03.2014]

Аналогичное несоответствие наблюдается и в примере с глаголом verkaufen и пассивными АГИС zum Verkauf kommen, zum Verkauf stehen:

„Seit Kurzem steht die Depfa zum Verkauf, bis Ende 2015 muss dann ein weiterer Teil der alten HRE wieder in private Hände gegeben werden.“ [zeit online, 27.09.2013]

„Nach langen Spekulationen hat Microsoft auch endlich bekannt gegeben, dass die neue Konsole Xbox One am 22. November in den Verkauf geht, je nach Land kurz vor oder kurz nach der Playstation 4 der Konkurrenz.“ [zeit online, 05.09.2013]

Информация, заключенная в этих предложениях, не в полной мере соответствует той информации, которая заложена в предложении с пассивом коррелирующего глагола:

„Unsere Mütter, unsere Väter haben bislang 27 Millionen Menschen gesehen, der Film wurde in über 90 Länder verkauft und hat nicht nur hierzulande Debatten und Kontroversen ausgelöst. [zeit online, 22.02.2014]

Предложение с пассивными АГИС подчёркивают возможность продажи, а предложение с пассивом коррелирующего глагола - сам процесс продажи. Более адекватное соответствие предложениям с пассивными АГИС представляет в этом случае предложение с пассивом соответствующего аналитического глагольно-именного сочетания с активной семантикой zum Kauf anbieten [13, с. 96-97]:

„Maximal 30 Prozent der Unternehmensanteile sollen einem breiten Anlegerpublikum zum Kauf angeboten werden.“ [zeit online, 24.12.2013]

В определенных случаях можно говорить и о полном несоответствии между глагольно-именными сочетаниями и коррелирующими глаголами. Так, сочетание „Abnahme finden“ не соответствует пассиву глагола „abnehmen - abgenommen werden“, а соответствует, скорее, конструкции „sich verkaufen lassen“.

Х. Попадик предложила распределить все аналитические глагольно - именные сочетания по следующим группам в зависимости от их соответствия коррелирующим глаголам:

1. АГИС, или настоящие «растянутые формы» (Streckformen), которые семантически полностью соответствуют пассиву коррелирующего глагола;

2. АГИС, представляющие собой единственную возможность передать какое-либо глагольное действие, так как нет соответствующих синтетических образований, то есть однокоренных с именным компонентом глаголов, либо других глаголов с таким же значением (Beifall finden);

3. АГИС, которые имеют дополнительные семы, не свойственные коррелирующему глаголу. Например, аналитическое сочетание in Vergesseneheit geraten не полностью соответствует по значению пассивному инфинитиву vergessen werden, ведь глагольный компонент geraten имеет дополнительную

сему «без определенного намерения», которую он привносит в сочетание и которая отличает значение сочетания от значения пассива коррелирующего глагола [14, с. 5-6].

Учитывая вышеизложенное и опираясь на классификацию Х. Попадик, представляется возможным выделить следующие группы пассивных АГИС, которые обеспечивают межмодельное варьирование с коррелирующими глаголами в пассиве:

- пассивные АГИС, которые в основном соответствуют значению коррелирующих глаголов, но имеют дополнительные аспектуально-видовые значения и допускают взаимозамену в синтаксических конструкциях, например:

zur Versteigerung kommen - versteigert werden;

in der Produktion sein – produziert werden;

zum Abschluss kommen - abgeschlossen werden.

"Es ist eines der bedeutendsten Bilder des Künstlers, das jemals zur Versteigerung kam, hieß es von Christie's". [zeit online, 16.11.2012]

„In der Schweiz soll am 14. Mai der größte lupenreine blaue Diamant der Welt versteigert werden.“ [zeit online, 10.05.2014]

пассивные АГИС, семантика которых не соответствует лексическому значению коррелирующего глагола, например:

zur Wahl stehen – gewählt werden;

„Einer der Gründe für den Minderverbrauch ist, dass nun auch ein zweiter Fahrmodus namens Eco zur Wahl steht.“ [zeit online, 18.05.2014]

„Demnach wolle Merkel im Sommer 2016 – gut ein Jahr vor der nächsten regulären Bundestagswahl – als Nachfolgerin von Ban gewählt werden und das Amt zum 1. Januar 2017 antreten.“ [zeit online, 21.05.2014]

- пассивные АГИС, имеющие дополнительные модальные значения и допускающие взаимозамену в случаях введения в предложение модальных глаголов, например:

der Pflege bedürfen – muss/soll gepflegt werden;

Beachtung verdienen - muss/soll beachtet werden;

Erwähnung verdienen, der Erwähnung bedürfen - muss/soll erwähnt werden;

der Kontrolle bedürfen – muss/ soll kontrolliert werden.

„Aber weil Frances auch gegen sich selbst antritt, gegen seine Fehler als Arzt, verdient das Buch weit über Amerika hinaus Beachtung.“

[zeit online, 29.04.2013]

„Außerdem müssen die Lebenswirklichkeit bei den Minijobs beachtet werden:...“ [zeit online, 26.12.2013]

- пассивные АГИС, не допускающие замену коррелирующими глаголами без изменения смысла высказывания, например:

Abnahme finden - sich verkaufen lassen;

in Arbeit sein - hergestellt werden и другие.

„Auch sogenannte IGeL-Leistungen, die Ärzte zusätzlich abrechnen können, lassen sich in Mülheim nicht verkaufen.“ [zeit online, 04.04.2014]

Приведенная выше классификация АГИС с пассивным значением демонстрирует неоднородность семантического соответствия этих единиц коррелирующим глаголам и возможность выделения нескольких ступеней данного соответствия, а также иллюстрирует отношения вариантности между конструкциями с «регулярным» пассивом и пассивными АГИС, что обеспечивает межмодельное варьирование синтаксических конструкций в современном немецком языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коль Л. О. Особенности характеристики действия, выраженного глагольной типовой конструкцией // Проблемы аналитизма в лексике. – Минск, 1967. – Вып. 1- с. 141-153.
2. Шумейко Н. Н. Глагольно-именные сочетания как аналитические варианты двувидовых глаголов // Проблемы языкового варьирования и нормирования. – М.: МГУ, 1988. – с. 68-69.
3. Мангольд В. А. О синтаксических потенциях аналитических глагольных сочетаний современного немецкого языка (на материале устойчивых глагольно-именных сочетаний типа *zum Ausdruck kommen – zum Ausdruck bringen*): Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1979, 15 с.
4. Pape-Muller S. Textfunktionen des Passivs: Untersuchungen zur Verwendung von grammatisch-lexikalischen Passivformen. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1980. – 266 S.
5. Абрамов Б.А. Изофункциональность и вариантность в синтаксисе. // Языковые средства в функциональном аспекте. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1988 с. 10-18.
6. Абрамов Б. А. Коммуникативно-прагматический аспект вариантности в синтаксисе // Коммуникативно-прагматические функции языковых единиц. – Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1990. – с. 14-23.
7. Антонова И. А. К вопросу о синтаксической парадигме. Парадигма предложений со значением эмоционального состояния/отношения в русском языке. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001., Вып. 19, с. 78-87.
8. Знайкина О.В., Ртищева О.А. Проблематика детерминативных композитов в современном немецком языке // Молодежь и наука: слово, текст, личность Материалы Международной молодежной научно-практической конференции. отв. редактор О.А. Ртищева. Ульяновск, 2014. С. 56-60.
9. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopadie, 2005. - 654 S.

10. Озеров Г. В. Описательные пассивные конструкции со значением необходимости // Вопросы строя немецкой речи. – Владимир, 1973. – вып. 1 – с. 131-141.
11. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
12. Морозкина Т. В. Коммуникативно-прагматические условия формирования и актуализация рефлексивного дискурса (на материале художественных текстов немецкого и русского языков): дисс. канд. филол. наук / Т.В. Морозкина. – Ульяновск, 2005. – 227 с.
13. Ртищева О. А. Аналитические глагольно-именные сочетания с пассивной семантикой в современном немецком языке. Дисс. Канд. филол. наук. – М., 1995, 248.
14. Popadic H. Untersuchungen zur fragen der Nominalisierung des Verbalausdrucks im heutigen Zeitungsdeutsch. – Mannheim, 1971. – 151 S.

Bezus Svetlana,
*Piatigorsk State Linguistic University,
Associate Professor, Ph.D. in Pedagogy, Department of Hispanic Studies and
Intercultural Communication (Russia)*

Cliché formulas in medieval formal letters written in old Spanish

Abstract: This article analyzes the cliché formulas used in the texts of medieval formal letters written in the old Spanish language. The publication focuses on the standard phrases that play the etiquette / protocol function.

Keywords: official style, documents, formal letters, formal language, old Spanish language, Castilian language, Latin, standard, cliché formulas, Medieval Spain.

Безус Светлана,
*Пятигорский государственный лингвистический университет,
доцент, кандидат педагогических наук, кафедра испанистики
и межкультурной коммуникации (Россия)*

Клишированные формулы в средневековых деловых письмах на староиспанском языке

Аннотация: Данная статья анализирует клишированные формулы, функционировавшие в текстах средневековых деловых писем на староиспанском языке. В публикации рассматриваются стандартные выражения, играющие этикетную или протокольную функцию.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, документы, деловые письма, деловой язык, староиспанский язык, кастильский язык, латинский язык, стандартизация, клишированные формулы, средневековая Испания.

Текстам, принадлежащим официально-деловому стилю, присущи такие черты как стандартизованность, точность, ясность, невозможность инотолкования. На внешне-визуальном уровне (т.е. на уровне архитектоники) это

проявляется в чётком структурировании и следовании частей документа, на языковом – в использовании устойчивых языковых формул или клишированных фраз.

Чёткая регламентация и стандартизованность деловых текстов вообще, и деловых писем в частности, считается отличительной особенностью официально-делового стиля. Отличить письмо от других типов текстов («неписем») позволяют некоторые сигналы «эпистолярности», т.е. определенные структурно-композиционные признаки текста письма.

Нормы составления современного делового письма жёстко регламентируются специально выработанными и утверждёнными стандартами (в частности, стандартами ИСО – Международной организации по стандартизации – *International Organization for Standardization, ISO*), в которых оговаривается всё от материального носителя, формы, размера документа и набора определённых компонентов оформления до характера содержащейся в нём информации.

Предписаний, упорядочивающих оформление деловых писем, в средневековой Испании, на определённом этапе не существовало. Тем не менее, письма, написанные в ту эпоху, составлены с соблюдением правил эпистолярной формы и правил внутренней организации содержания делового эпистолярного текста.

Цель данной статьи – выявить стандартные повторяющиеся фразы (клишированные формулы), использовавшиеся в текстах деловых писем на староиспанском языке.

Согласно *Словарю лингвистических терминов* О.С. Ахмановой клише (штамп) – это «избитое, шаблонное, стереотипное выражение, механически воспроизводимое либо в типичных речевых и бытовых контекстах, либо в данном литературном направлении, диалекте» [1].

Т.М. Лагутина и Л.П. Щуко разграничивают понятия *штамп* и *стандарт*. «Штамп – это примелькавшееся, надоевшее выражение с определённой экспрессией, результат небрежного отношения к речи (*труженики полей*)» [2]. В отличие от штампа «стандарт (клише, стереотип) приемлем в деловом общении, поскольку обеспечивает точность и однозначность высказывания (*как заявил...; анализ показывает...*)» [2].

Устойчивые сочетания порождаются определённой эпохой, социальной средой, сферой употребления. С течением времени одни формулы исчезают, уступая место новым, другие остаются, третьи модифицируются, четвёртые изменяют своё значение. В деловой коммуникации (как в устной, так и в письменной) стереотипные формулы формируются вследствие их повторяемости в однотипных ситуациях (документах), а также тематической ограниченности деловой сферы.

Клишированные фразы в деловых письмах выполняют различные функции. Одна из них – этикетная или протокольная. В деловых письмах

средневековой Испании различаются следующие типы формул, реализующих данную функцию: во-первых, это формулы обращения и приветствия адресата; во-вторых, формулы начала письма с теологическим компонентом; в-третьих, формулы, обозначающие дату и/или место составления письма.

1) В первой группе клише различаются две подгруппы (**генерализованные** и **персонифицированные** обращения):

а) к генерализованным обращениям (ко всем, к каждому) относятся:

- *Sepan todos aquellos que verán e odrán esta carta ... / Sepan quantos esta carta vieren e oyeren ... / Sabuda cosa sea a todos los que esta carta uieren e oyeren ... / Sepan quantos esta carta vieren ...* – «Да узнают все (те), кто увидит (и услышит) это письмо ...».

- *Conoscida cosa sea a los qe son ea los qe seran ... / Sea cosa connocida a los omnes presentes e a los que seran ...* – «Да будет известно всем ныне живущим и в будущем ...».

- *Connosguda cosa sea a todos los omes que esta carta uieren ... / Connoscida cosa sea a quantos esta carta uieren ...* – «Да будет известно всем, кто это письмо увидит ...».

- *Sabbrán todos que nos García Peres, abade do moesteiro de San Martino de Fora, et Gomes Arias, prior, et o convento do dicto moesteiro ... alugamos á vos Germao Martines ... aquellas nosas casas que estan na rrua de Ual de Deus...* [3]. – Частно-деловое письмо 1350 г. – «Да узнают все, что мы Гарсия Перес, настоятель монастыря Сан Мартино де Фор, и Гомес Ариас, приор, и обитатели указанного монастыря ... арендуем Вам Герман Мартинес ... те наши дома, которые находятся на улице Валь де Дэус...».

- *Concejos é alcaldes é onbres buenos mis vasallos de la mi tierra de la Reygna, vos fago saber que ...* [3]. – Королевское письмо от 11 октября 1460 г. – «Советы и алькальды, благородные мужи, (мои) подданные моих земель Королевства, даю вам знать, что ...».

Обращение к общему адресату чаще вводится производными от глаголов со значением «знать»: *conocer* (48,8 %) или *saber* (46,4 %). Это могут быть либо формы причастия (*conoscida, sabuda*), либо формы повелительного наклонения (*sepan, sepades*), либо форма будущего времени (*sabbrán* ≈ 0,8 %), либо инфинитивная конструкция (*fazer + infinitivo* ≈ 2,4 %).

Реже (4,8%) в начальном протоколе встречается причастие от глагола *manifestar*:

- *Manifiesta cosa sea a todos los qui esta carta vieren...*

Проанализированные примеры показывают, что данные протокольные фразы характерны для разного рода деловых писем указанной эпохи, т.е. это могут быть как королевские бумаги, так и документы, составленные духовными или светскими титулованными особами, а также частными лицами.

б) персонифицированные обращения (к конкретному адресату):

В письмах, адресованных одному конкретному человеку или группе людей

(должностным лицам, национальным сообществам и т.п.), после обращения к адресату часто появляется кастильская формула приветствия "*Salut e gracia*", а в более ранний период – латинская "*Salutem et gratiam*" (Здоровья и благополучия!). Встречается также синонимичное устойчивое выражение *enbío mucho saludar* – букв. «я Вам посылаю приветствие». Например:

- *Concilio de Madrid. Salutem et gratiam*. – «Советнику Мадрида. Здоровья и благополучия» (1238 г.).

- *Al conçeio de Gibrleon, salut e gracia*. – «Советнику Гибралеона, здоровья и благополучия» (1306 г.).

- *Al deán e al cabildo de la muy noble gibdat de Seuilla. Salud e gracia*. – «Наставнику монастыря и капитулу славного города Севильи. Здоровья и благополучия» (1360 г.).

- *(Yo, el rey), enbío mucho saludar a uos, el dean e cabildo de la eglesia de Seuilla* ... – «(Я, король), горячо приветствую (посылаю горячий привет Вам) Вас, наставник монастыря и капитул церкви Севильи» (1391 г.).

2) Формулы начала письма с теологическим компонентом.

В средневековой Испании упоминать Бога в начале официального письма предписывал Закон IV короля Альфонсо X. Документ строго регламентировал: «*sello de plomo e cuerda de seda pueden poner en otras cartas que non llaman previllejos. E estas [cartas] deben ser fechas en esta manera. Primeramente deben dezir el nonbre de Dios...*» [4]. – «Свинцовая печать и шёлковый шнурок могут крепиться и на другие письма, которые не называются привилегиями. И они должны быть написаны [букв. сделаны] следующим образом. Во-первых, должно упомянуть имя Господа...».

Начальнопротокольный теокомпонент на латинском языке в деловых письмах использовался в эпистолярных памятниках на протяжении довольно длительного периода времени. Показательным является тот факт, что в качестве «вводящего» компонента он встречается и в письмах на кастильском романсе, появившихся в начале XIII в. Начальная фраза с упоминанием Бога на кастильском "*En nombre de Dios*" встречается только в письме 1237 г.; именно она постепенно вытеснила краткую и универсальную латинскую формулу *In Dei nomine*, вариации которой, тем не менее, периодически встречаются в письмах XIV и даже XVI века, несмотря на то, что тексты этих документов уже полностью написаны на кастильском романсе. Со второй половины XIII в. латинские краткие выражения часто уступают место «массивным» кастильским **теофразам** типа «*En el nombre del Padre, e del Fijo e del Espíritu Santo, que son tres personas e un Dios, e a onra e a servicio de la gloriosa Virgen Santa María, su madre, a qui nós tenemos por señora e por avogada en todos nuestros fechos*» [5]. – Письмо короля Санчо IV от 7 января 1285 г. – «Во имя отца, и сына, и святого духа, одного Бога, единого в трёх лицах, и в честь славной Девы Марии, его матери, которая нам госпожа и защитница всех наших дел».

3) Формулы, обозначающие дату и место составления письма.

В более ранних письмах, написанных на языке, представляющем собой смесь латинского и кастильского (середина правления Фернандо III) для обозначения даты составления письма употреблялись слова “*Factum*” и “*Datum*”:

- *Datum apud Burgum, Rege exprimente. Decimo tertio die Madii. Era millesima ducentesima sexagesima nona ...* – Письмо короля Кастилии Фернандо III от 13 марта 1231 г. – «Составлено в Бургосе. 13 марта в год ЭРЫ испаники 1269 (подробнее об ЭРЕ испаники см. [6]).

- *Facta carta apud Valladolid, nono die Octobris, Rege exprimente. Era millesima ducentesima septuagesima sexta* – Письмо короля Кастилии Фернандо III от 9 октября 1238 г. – «Письмо составлено в Вальядолиде, 9 октября в год ЭРЫ 1276 г.».

Позднее дата стала вводиться при помощи слов “*Fecha*” (причастие, букв.: «сделано [письмо]»; в современном испанском языке слово “*fecha*” субстантивировалось и приобрело значение «дата») или “*Dada*” (букв.: «дано») после которых следовало название города, а затем собственно хронологический компонент:

- *Fecha carta apud Toletum rege experimente XXVI die aprilis era MCCLXX sexta ...* – Письмо короля Кастилии Фернандо III от 26 апреля 1238 г. (в письме 1276 г. эры), Толедо.

- *Dada en Maydrit, viernes ocho dias de noviembre era de mill e trezientos e siete annos ...* – Письмо короля Кастилии Альфонсо X от 8 ноября 1269 г. (в письме 1307 г. эры), Мадрид.

Проанализированный нами материал показывает, что однотипные стандартные / клишированные фразы встречаются в текстах различных деловых писем на староиспанском языке: королевских, нотариальных, светских, частно-деловых. Это свидетельствует о становлении и закреплении нормы не только делового языка, но и зарождающегося в целом на территории средневековой Испании национального (отличного от латинского) языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – С. 197.
2. Лагутина Т.М., Щуко Л.П. Деловое письмо: Справочник. – СПб.: «Издательский дом Герда», 2005. – С. 266.
3. Muñoz y Rivero J. Manual de paleografía diplomática española de los siglos XII al XVII. – Madrid: LIBRERÍA DE LA SRA. VIUDA DE HERNANDO Y COMPAÑÍA, 1889. – P. 405, 434. URL: <http://ru.calameo.com/read/0001070443cb1783f23bc>
4. Galende Díaz J.C. Diplomática real medieval castellano-leonesa: cartas

abiertas. – P. 52. URL: <http://www.ucm.es/centros/cont/descargas/documento11725.pdf>

5. Corpus de documentos españoles anteriores a 1700 [CODEA]. – № 1122. URL: <http://demos.bitext.com/codea>

6. Bezus S. The peculiarities of date setting in Medieval Europe (by the example of business letters in ancient Spanish) // Tradition and Reform. Social Reconstruction of Europe. International Scientific Conference November 7-8, 2013. – Bucharest (Romania): Medimond, 2013. – P. 68. URL: <http://www.medimond.com/ebook/Q525.pdf>

Bogatyreva Svetlana N.,

*Moscow State University of Humanities and Economics, Associate Professor,
PhD of Philology, the Faculty of Foreign Languages*

Kaziakhmedova Svetlana H.,

*Moscow State University of Humanities and Economics, Associate Professor of
the Department of Romance and Germanic Languages,
PhD of Pedagogics, the Faculty of Foreign Languages*

Manipulation of mind by means of metaphor

Abstract. This paper refers to the role of metaphor in creating stereotypes of ordinary consciousness of native speakers of English. The metaphor as a manipulative means is widely used at creating an image of modern Russia and the top officials of the state on the example of foreign-language mass media.

Keywords: manipulative means, metaphor, consciousness, top officials, mass media.

Светлана Николаевна Богатырева,

*доцент, кандидат филологических наук,
факультет иностранных языков*

Светлана Ханмагомедовна Казиахмедова,

*доцент кафедры романо-германских языков,
кандидат педагогических наук*

Метафора как инструмент речевой манипуляции сознанием

Аннотация. Предметом настоящего исследования является роль метафоры в конструировании стереотипов обыденного сознания носителей английского языка. Рассматривается метафора как средство манипуляции сознанием, широко используемое при построении образа современной России и первых лиц государства в иноязычных средствах массовой информации.

Ключевые слова: средство манипуляции, метафора, сознание, первые лица государства, средства массовой информации

«Если бы повелевать умами было так же легко, как и языками, то каждый царствовал бы спокойно и не было бы никакого насильственного правления, ибо каждый жил бы, сообразуясь с нравом правящих, и только на основании их решения судил бы о том, что истинно или ложно, хорошо или дурно, справедливо или несправедливо»

Б. Спиноза

Безусловно, язык и политика тесно взаимосвязаны. Поскольку язык есть семиотический код, он навязывает определенную систему ценностей, систему представлений говорящего и, следовательно, неизбежно конструирует модель мира. По словам американского сенатора Р. Брайана, «язык является не просто средством, пользуясь которым мы говорим о внешней политике, он и есть наша внешняя политика» [1]. И если в конце XX в. эти слова требовали пояснений, то сегодня мы являемся свидетелями того, что все большее значение и актуальность приобретают скрытые формы воздействия на общественное сознание.

Прагматика современного политического дискурса требует поиска все новых средств воздействия на аудиторию. «Посягание на ум человека», воздействие на его сознание осуществляется согласно намерениям власти с целью навязывания человеку определенного представления о действительности и формирования нужного отношения к ней. Иными словами, в широком смысле речь идет о процессе манипуляции общественным сознанием, и в более узком – о речевом манипулировании.

Можно предположить, что уже с момента зарождения язык стал использоваться с целью воздействия и манипуляции на сознание человека. Традиция изучения манипулятивного воздействия на аудиторию восходит к середине прошлого века. Сегодня механизмы манипуляции общественным сознанием активно изучаются российскими и зарубежными специалистами различных областей знаний: политологами, правоведами, психологами, социологами, культурологами и журналистами. Главная идея исследователей, изучающих механизмы манипуляции общественным сознанием с точки зрения лингвистики, заключается в том, что манипуляция рассматривается сквозь призму языка.

Под речевым воздействием на индивида мы понимаем такой вид языкового воздействия, который используется для скрытого внедрения в сознание реципиента определенных целей, установок, отношений, желаний и намерений, не совпадающих с теми, которые имеются у реципиента в данный момент.

В качестве инструмента речевой манипуляции используются разнообразные *фонографические, лексические и грамматические средства, текстовые категории* и др., выбор которых обусловлен различными видами дискурсов устной и письменной речи.

Важнейшим параметром языковой категоризации в политическом и публицистическом дискурсе является метафоричность. Метафора отвечает способности человека улавливать и самому воссоздавать связи между разными классами объектов.

Лингвистические исследования последних десятилетий показали, что метафора является особой познавательной моделью, с помощью которой мир и описывается, и прогнозируется, и *создается* (см. Дж. Лакофф и М. Джонсон 1980; Watzlawick 1984; Kennedy 2000; Бурдые 2003). Особый интерес исследований к метафоре вызван, прежде всего, ее когнитивными возможностями и высоким потенциалом в качестве средства манипуляции сознанием.

В своем исследовании мы стремимся показать, что метафора является эффективным средством манипуляции сознанием при построении образа современной России и первых лиц государства в иноязычных СМИ, инструментом конструирования стереотипов обыденного сознания у современных носителей английского языка.

Метафора воплощается в анализируемых текстах с помощью полисемантической языковых средств и проявляется в том, что автор вводит в высказывание несколько смыслов, например буквальный (*эксплицитный*) и метафорический (*имплицитный*).

Метафора — языковое явление, объединяющее две понятийные сферы, одна из которых присутствует в сознании как *пресуппозиция* (понятийная сфера-источник метафоры), а другая является *новой информацией*, которая наложена на уже существующую и выражена имплицитно. При этом если в сознании человека сформировано негативное отношение к определенному понятию, его признаки, перенесенные в иную понятийную сферу, будут имплицитно формировать негативное отношение и к новому понятию [2].

Мы выделяем следующие метафоры, характерные для публицистического печатного дискурса: антропоморфные (*физиологическая, морбиальная метафора; метафора, связанная с психическими установками человека*); социальные (*криминальная, военная метафора, театральная метафора, метафора родства, игры и спорта*); метафоры природы (*зооморфная метафора*); артефактные метафоры.

Интересно проследить, как британо-американские СМИ с помощью метафоры моделируют и встраивают в языковое сознание носителей английского языка негативный образ России и первых лиц государства с 2007 г. по настоящее время, как осуществляется опосредованное видение и восприятие политического мира адресата через призму СМИ, их язык и логику.

Метафорический образ современной России в британо-американских СМИ представлен следующими метафорами:

I. «Зооморфная метафора» обладает очень сильным прагматическим потенциалом и является безусловным политическим оружием. В метафорической модели «ГОСУДАРСТВО – это ЖИВОТНОЕ», «РОССИЯ – это МЕДВЕДЬ» сфера-источник метафорической экспансии – ЖИВОТНЫЕ – удачно используется для того, чтобы подсознательно первые лица государства и само государство воспринимались как непредсказуемые создания, которые способны на животную реакцию и агрессивное поведение. Как известно, метафора-стереотип «Русский медведь» довольно давно и широко используется в культурах Запада и имеет частотные дискурсивные связи с политическими стереотипами. Этот образ подразумевает дикость, враждебную настроенность, не цивилизованность проводимой русскими политики. Нередко этот символ выносится в заголовки статей. Безусловно, тенденция активизации медвежьей метафоры в последние годы связана с возросшей экономической и политической активностью России.

«Зооморфные» метафоры:

1. ***Russian Bear Sets a Trap*** (Русский медведь расставляет ловушку) [Rahn 2006].

2. ***Taunting the Bear*** (Поддразнивать медведя – значит вызывать его рык) [NYT Feb 14, 2008].

3. ***The Sleeping Giant Stirs*** (Спящий гигант шевелится) [The Times, 2001].

4. ***Russia jumps Georgia: The Bear is awake and hungry*** (Россия напала на Грузию: Медведь проснулся и он голоден [The Plain Dealer, 2008].

5. ***The Bear Lashes Out*** (Медведь отвязался) [NYT Aug 9, 2008].

6. ***Russia, humiliated and angered*** by the shabby way it was treated in its hour of economic need, ***has the upper hand*** (Россия, униженная и обозленная тем, как ужасно к ней относились, когда ей так нужна была экономическая помощь, сама теперь на коне)[The Sun Aug 11, 2008].

7. ***Will Medvedev prove to be a more liberal president, or a front for the “Chief Bear”?*** (Станет ли Медведев более либеральным президентом, или он будет играть роль фасада 'большого мишки') [Young 2007].

Очевидно, что авторы цитируемых публикаций настроены предубежденно и в то же время иронично по отношению к России. Прагматический смысл данной зоонимичной метафорической модели – подсказать читателю то, что РОССИЯ – это СИЛА, РОССИЯ – это ХИТРОСТЬ, что с такой страной нужно вести себя осторожно и не стоит ее недооценивать.

8. ***The next American administration will have to deal with a Russia under stress. The bear will be growling*** (Следующей администрации президента Соединенных Штатов Америки придется иметь дело уже с другой, опасной Россией. Медведь будет огрызаться) [The American Spectator Sept 5, 2008].

II. Милитарная и морбиальная метафоры.

Согласно утверждениям западным СМИ, Россия – враг/агрессор/зло, она представляет опасность для европейских государств, поэтому ей нужно противостоять, объединив совместные усилия. С целью устрашения читателя появляются новые образы в метафорической модели «РОССИЯ – это ДИКИЙ ЗВЕРЬ», «РОССИЯ – это ХИЩНАЯ ПТИЦА» путем привлечения образов других хищников, собак бойцовской породы и даже диких хищных птиц.

9. *When **the Bear Cries Wolf**: Trying to Understand Vladimir Putin* (Когда медведь ревет по-волчьи: пытаюсь понять Владимира Путина) [NYT July 19, 2007].

10. *Oh yes, there are politics in the Kremlin, vicious politics. It's just that they've reverted to the form famously described by Winston Churchill as **a bulldog fight under a rug**: "An outsider only hears the growling, and when he sees the bones fly out from beneath it is obvious who won."* (Политики в Кремле предостаточно, причем злой и жестокой – они просто вернулись к старым ее формам, говоря о которых, Уинстон Черчилль и употребил выражение 'схватка бульдогов под ковром': 'сначала наблюдатель слышит только рычание, а когда из-под ковра летят кости, уже понятно, кто победил') [NYT July 19, 2007].

11. The Obama administration tried to reach out to Medvedev in the hope this would nudge Russia's foreign policy away from its **hawkish Putin vector** towards a more constructive approach. (Администрация Обамы надеялась, что Медведев сможет изменить *характерный для Путина воинственный* (букв. *Ястребиный*) *подход во внешней политике* на более конструктивный.).

Безусловно, такая метафорическая экспансия дискредитирует российских лидеров и проводимый ими политический курс, а также способствует актуализации семантики идеологического политического противостояния двух сторон оппозиции в лингвокультурологической дихотомии СВОИ – ЧУЖИЕ: «РОССИЯ – оппонент США», «РОССИЯ – оппонент ЗАПАДА».

Стереотип об агрессивности России выражается также эксплицитно на уровне лексики: *vicious politics, the growling, ...Moscow that seems to be an aggressive outlier..., an Evil Empire, etc.*

Нагнетание страха на западное сообщество посредством концептуальных метафор очевидно. Нередко в одной публикации можно встретить несколько метафорически представленных негативных образов России, ее политических лидеров и правящей элиты. Совокупность всех используемых автором в этом случае средств утверждает читателя в мысли, что Россию не следует рассматривать в качестве партнера Запада, она по-прежнему остается авторитарной и отсталой страной, в которой невозможно победить бюрократию и коррупцию.

Так, например, в 2010 году зарубежные политтехнологи и эксперты смаковали ситуацию российских выборов и особенно возвращение В.В. Путина на президентский пост в 2012 г. Пристальное внимание со стороны иностранных СМИ принесло в политический дискурс новые яркие

концептуальные метафоры, отражающие отношение к событиям, происходящим в России в период президентства Д.А. Медведева. Особый интерес был вызван определением ролей первых лиц государства, оценкой взаимоотношений в правящем тандеме.

Представим результаты когнитивного анализа на примере публикации британского корреспондента *The Guardian* Люка Гардинга **'Vladimir Putin's comeback spells gloom for Russia and the west'** (2010 г.).

В данной статье выявлено несколько метафорических моделей:

I. Метафорическая модель **«РОССИЯ – ДИКТАТОР», «ПУТИН – ДИКТАТОР»** обусловлен стереотипным представлением западного читателя о России, строящимся на уже существующих в его сознании прецедентных ситуациях: **«РОССИЯ – СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»**:

1) *Over the past four years Medvedev has done nothing to dispel the impression that he is anything other than a useful seatwarmer, his time in the Kremlin a legalistic blip in **an epoch of endless Putin rule*** – За последние четыре года Медведев не сделал ничего, чтобы развеять впечатление, что он всего лишь сохраняет кресло для Владимира Путина. Период его президентства характеризуется декларируемым курсом соблюдения верховенства закона **в бесконечной эпохе правления Путина**.

II. **«ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ отождествляется с ПУТИНЫМ»**. Более эффективным способом манипулятивного воздействия является апелляция к прецедентным феноменам **«тоталитаризм»** и **«эпоха застоя»** имплицитно выстраивающая аналогии между событиями и именами, а также связанными с понятием **«Персонализация власти в СССР в брежневский период»**:

2) *Increasingly the Putin era resembles that of the Soviet Union under Leonid Brezhnev, another **too-long authoritarian period** sustained by a commodities boom, which left ordinary citizens frustrated.* - **Стиль руководства Путина** с каждым днем напоминает **правление советского лидера Леонида Брежнева**. При **тоталитарном советском режиме** постоянно наблюдался дефицит практически всех потребительских товаров, простые граждане чувствовали неуверенность в завтрашнем дне.

3) *This week, however, the blogger and **anti-corruption campaigner** Alexey Navalny predicted that **Russia's kleptocratic system** would collapse well before that.* – Однако на этой неделе **оппозиционер** и **непримиримый борец с коррупцией** Алексей Навальный предсказал, что **клеттократическая система в России** рухнет и довольно скоро.

4) *There is no prospect now of any UK-Russian thaw, and Russia itself faces a long period of **political and economic stagnation*** – Теперь Запад ожидает новый сложный период во взаимоотношениях с Россией. Для самой России

перспективы столь же мрачные: страну ждёт длительный период **застоя в политике и экономике**.

III. Морбиальной метафорой представлена модель правления в современной России: «**ТАНДЕМ – это АНОМАЛИЯ**», «**РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ – это АНОМАЛИЯ**»:

5) Commentators, meanwhile, scrambled to make sense of *Russia's historically anomalous ruling arrangement – the «tandem»*, as it became known – Эксперты, тем временем, пытались вникнуть в суть понятия, получившего название «тандем», - исторически **аномальной форме правления** в России.

6) *I heard one expert describe Russia's ruling model not as a tandem but as “a bicycle with a child's seat in the front”* – По мнению многих западных экспертов, в России не тандем, а “**велосипед с детским сиденьем спереди**”.

IV. Взаимоотношения в тандеме: **ПУТИН-МЕДВЕДЕВ** представлены оппозицией «**СИЛЬНЫЙ – СЛАБЫЙ**», «**ОПЫТНЫЙ ПОЛИТИК – МОЛОДОЙ ПОЛИТИК**».

Примечательно, что еще в 2006 году британские СМИ стремились навесить на Россию и ее президента ярлыки, заряженные отрицательной коннотацией. В качестве характеристик правящей верхушки России, ее внутренней политики и в целом политического портрета страны используются самый широкий спектр средств на лексическом уровне от метафор, образных средств и до политических анекдотов. Наряду с посылаемым открыто сообщением автор статьи посылает читателю «закодированный» сигнал в надежде на то, что этот сигнал разбудит в его сознании те образы и произведет то эмоциональное воздействие, которые нужны создателю текста.

СИЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ Путина: Так, в английском политическом дискурсе концептуализация первого лица государства РФ В.В. Путина как:

(1) **СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО СУЩЕСТВА, СУПЕРГЕРОЯ** ассоциируется с образом Бэтмена, тогда как Д.А. Медведеву отводят второстепенную роль, роль помощника, используя метафоры с пейоративным оттенком: **Робин при Бэтмене**. По утверждению Гардинга, это прозвище Д. Медведев получил от американских политиков в ноябре 2008 г.

7) *Spare a thought for **poor Dmitry Medvedev**. It was US diplomats who back in November 2008 cruelly dubbed him **Robin, to Vladimir Putin's Batman**.*

Очень важен смысл, скрытый в этом образе и понятный для носителей англоязычной культуры. Уровень понимания данного образа представителями русскоязычного этнокультурного сообщества будет зависеть не только от уровня их образованности, возрастных отличий, принадлежности к той или иной субкультуре, но, прежде всего, от того, насколько глубоко они смогли уловить невидимые связи и скрытый смысл.

2) «ПУТИН – КОРМЧИЙ»:

В политическом англоязычном дискурсе выстроена метафорическая модель В.В. Путина как «хозяина», «самодержца», «царя», который держит всю власть в своих руках и единолично управляет государственной машиной и ведет ее избранным курсом. Даже занимая пост премьер-министра при бывшем президенте РФ Д.А. Медведеве, В.В. Путин по-прежнему не терял своей лидирующей позиции и метафорически обозначался как «кормчий», иначе «рулевой» или «правитель» в правящем тандеме. В словаре М. Webster «кормчий» *'helmsman'* определяется как *'the person at the helm' ('the person (as an employer or supervisor) who tells people and especially workers what to do')*. Обозначает человека, стоящего «у руля». Только Путин способен принимать серьезные политические решения и «разрулить любую проблему». Подтверждение этому мы находим в ироничном политическом анекдоте, который, по утверждению Гардинга, сочинили американские политики:

(8) *Medvedev sits in the driver's seat of a new car, examines the inside, the instrument panel, and the pedals. He looks around but the steering wheel is missing. He turns to Putin and asks: "Vladimir Vladimirovich, where is the steering wheel?" Putin pulls a remote control out of his pocket and says: "I'll be **the one doing the driving.**"*

Образ Путина как «рулевого» представлен довольно негативно в англоязычной печати. Стиль руководства В.В. Путина сравнивают со стилем «крестного отца», мафиозного клана/семейства, опирающегося в своей деятельности не нормы закона, а в большей степени на угрозы и насилие:

(9) *In reality, his leadership style is more like that of **the don of a mafia family**. The system is personalized, private, informal; enforcement is not by positive incentives but by threats.*

СЛАБАЯ ПОЗИЦИЯ Медведева реализуется через оппозицию ПУТИН / МЕНТОР / НАСТАВНИК – МЕДВЕДЕВ / УПРАВЛЯЕМАЯ ФИГУРА:

I. Медведев – полезный слуга/верный помощник

(10) *Over the past four years Medvedev has done nothing to dispel the impression that he is anything other than **a useful seatwarmer**, his time in the Kremlin a legalistic blip in an epoch of endless Putin rule.* - За последние четыре года Медведев ничего не сделал, чтобы развеять впечатление, будто он не просто **полезный слуга, стерегущий кресло**", - говорится в статье.

Положение Д.А. Медведева в тандеме называют **унизительным**:

(11) *Medvedev's position became **one of humiliation**.*

(12) *Spare a thought for **poor Dmitry Medvedev**. It was US diplomats who back in November 2008 cruelly dubbed him **Robin**, to Vladimir Putin's Batman.* – Подумайте, в каком **унизительном положении** оказался Дмитрий Медведев,

которого американские дипломаты в ноябре 2008 года прозвали **Робином** при Бэтмене (Владимире Путине).

(13) *Others speculated that Medvedev might **eventually escape** from **Putin's gravitational pull**, or even fire his mentor.* – Другие полагали, что Медведев мог бы, в конечном счёте, уйти от сильного влияния Владимира Путина, или даже уволить его.

II. МЕДВЕДЕВ – РЕБЕНОК: Второстепенная, номинальная роль бывшего президента Медведева в тандеме, а также на внутривнутриполитической сцене в британских СМИ, начиная с 2010 года, реализуется через наиболее яркую антропоморфную метафору **«РЕБЕНОК»**. В метафоре «ребенок» тактика «имплицитная информация» реализуется следующим образом. Цель статьи — сформировать в сознании читателя мысль о том, что поведение политического лидера, первого лица в государстве – это поведение ребенка. В качестве пресуппозиции автор выбирает понятийную сферу-источник «ребенок» (его характер или поведение) и описывает через нее действия политического лидера, отбирая в качестве языковых средств те лексемы и группы слов, которые характеризуют обычно сферу-источник.

Медведев – Ребенок / Дитя: *a bicycle with a child's seat in the front"; the driver's seat of a new car.* Очевидно, что эти сравнения формируют у читателя образ беспомощного, несамостоятельного человека, по сути – это ребенок, которому дали посидеть в кресле начальника, за рулем автомобиля, чтобы он почувствовал свою причастность к реализуемой российской политике.

Итак, с полным основанием можно констатировать, что сегодня метафоризация является ключевым средством моделирования и производства морально-политических идеологем. Приведенные в качестве примеров газетные заголовки, выдержки статей и целые тексты, посвященные внутренней и внешней политике России, политической деятельности первых лиц государства дают основание для следующих выводов:

1. Публикации англоязычных СМИ представляют собой дискурс, являющийся орудием информационной войны, и характеризуются осознанным воздействием на читателя. Скрытое воздействие чаще всего осуществляется посредством стратегии манипуляции. К числу наиболее эффективных тактик и стратегий манипуляции считаем обоснованным отнести использование прецедентных ситуаций, мифов, метафорических моделей, формирующих образ России как агрессора, тоталитарной державы.

2. В публицистическом дискурсе, являющемся орудием информационной войны, наиболее частотны метафоры, имплицитно выражающие идею о том, что Россия – бесконтрольная, разрушительная стихия (метафоры неживой природы); политические лидеры страны – игроки, актеры, криминальные авторитеты (различные метафоры, относящиеся к социальной сфере-

источнику: метафоры игры и спорта, театральные, криминальные метафоры).

Тем не менее, представляется справедливым замечание Б. Спинозы, что «не может статься, чтобы ум неограниченно находился во власти другого».

Следовательно, изучение механизма воздействия с помощью метафорических средств выражения поможет в дальнейшем представителям русской лингвокультуры предостеречь от поспешного принятия на веру всех тех фактов, которые приносят с собой иноязычные СМИ, быть готовым к выявлению признаков психолингвистической манипуляции и выработке «правильного порога раздражения» (термин К. Кара-Мурзы) против попыток манипуляции его сознанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведева Е.А. Концептуальная метафора как средство манипуляции сознанием в первичном политическом дискурсе. Москва, 2013.- С. 155
2. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.

Petrova Svetlana Andreevna,
Pushkin Leningrad State University,
Candidate of philological science, Philological Faculty

The Intermedial Analysis of V.Tsoy's Rock-album "Blood Type"

Abstract: In the article there is an analysis of rock poetry made on the example of V. Tsoy's rock-album "Blood Type". The new method of intermediality allows opening the semantic deepness of modern rock poetry.

Keywords: intermediality, Victor Tsoy, poetry, rock poetry, rock album.

Victor Tsoy is Russian rock-poet. His songs are still very popular in Russia after his death in 1990. Many of sentences from his verses are used in modern Russian literature and language. He became famous in Europe after the rock-concerts called "Red Wave" in 1986. It needs to note, that the rock-poetry is new type of literature, it is the intermedial poetry. The intermediality is the new theory for such kind of arts in which there are the different sorts of art media used – the synthesis of arts [1].

The intermedial theory has been founded in comparative science in Germany [2; 3]. The meaning demonstration of one art through the language of another has a synesthesia basis, i.e. is characterized by certain properties of consciousness of the author.

M. McLuhan allocated an intermediality perspective from isolation in spheres of arts history, developing idea of communication media as extensions of a human body and as certain sort of the message or information transfer [4]. The scientist noted that the existence of innovative function of arts synthesis, determining each of types by a communication medium different in formal signs transferring concrete esthetic information [5; 6]. About such problems there were written in works of such authors N. Luhmann [7; 8], S.D. Sauerbier [9], E.W. Hess-Luttich [10] and so on. So the rock-poetry has to be considered as the intermedial works.

The album "Blood type" (1988) in Victor Tsoy's creativity became rotary: after an exit of this cycle of songs so-called "kino mania", since that the wide popularity and new round in author's poetic and musical evolution has begun.

The part of compositions from this album was involved into Rashid Nugmanov's movie "Needle" (1988). In that film the new type of the neoromantic hero, who resist to ordinary consciousness, was presented. V. Tsoy had stared as such hero there.

According to the plot of film the hero came from anywhere and at the end of the movie removed also in anywhere, symbolizing thereby the hero of a way. The

wounded by knife hero under chords of the song opening an album “Blood type” left, but the movie on it didn’t end, developing unromantic self-irony. In the text there are motives of fatal way which is necessary though it can be avoided sound.

I can pay but I don’t want victory at any price

I don’t want to put my foot on somebody’s chest

I’d like to be with you, just stay with you

But the star high in the sky calls me: go! [11, “Blood Type”]

(Translating of all V. Tsoy’s texts is made by the author of the article)/

On the one hand, before us the hero is not only of a way, but also the hero of fight though at the same time refusal of opposition, refusal of a victory owing to a choice of certain other mission (star call) here is shown. Acting in a strong position in an album cycle on the first place, the song concentrated in itself all semantic tendencies which are developing further in other works included in album. But it is necessary to pay attention to key concept which sounds as a refrain and repeated the name of cycle and first song – “blood type”.

First, the motive of the spilled blood designates possible wounds in fight. Second, as the medical term – it means a separate individual trait on which people are divided into groups by the nature. Thus, in an album the importance of existence of the inevitable moment of people division on certain social associations on concrete signs (“my serial number”) is centralized. At further texts there is the same semantic element.

In the second song of a cycle there is a division on “we” and “they”. The hero is put before a choice of correlation of with a certain group of the subject, designated “you”.

They speak: they can’t be risked,

Because they have a house, in the house light burns.

And if you are bored suddenly by your tender light,

There will be a place for you with us; the rain will suffice on all.

Look at the clock; look at a portrait on a wall,

Listen - there, behind a window, you will hear our laugh.

[12, “Close the Door After Me, I Am Going Out”]

“They” – is those who prefers the certain closed space, convenience, comfort of life (dinner), material benefits. For them there is time, idols and other restrictive ontological elements hanging on walls. And for the hero there is the opened space, laugh as release from time and from idols. The word “rain”, in fact, with a word “dinner” creates antagonistic communication on value “food” – the rain expresses a certain spiritual food, development spiritual in opposition with material life.

At the same time, the motive of a way develops also, the hero made a choice, a refrain “Close the door after me, I am going out” tells about it, as choice delimitation.

In the following song the division persons on groups receives new property – possibility of a choice is removed: “someone has to become”, i.e. the person is inevitably defined to the set identification. All is presented on the general background

of the same inevitable division and opposition of fundamental categories of space: Earth and Sky.

Somewhere there are people for whom there is a day and there is a night.

Somewhere there are people who have a son and have a daughter.

Somewhere there are people for whom the theorem is right.

But someone becomes a wall, and someone becomes a shoulder,

Under which the wall will tremble.

The Earth.

The Sky.

Between the Earth and the Sky there is a War! [13, "War"]

This spatial opposition at the same time becomes the uniting factor for people. But we will note also that this symbolical opposition as is used, first, in a lyrics from capital letter, secondly, is used rather often and in an accent place – in a refrain – these lexemes have symbolical value. They are identical to significant ontological categories of the Good and evil, but thus they can't be replaced by them as there is no explicit and interior indication of such value. It is hard to say, on what party the Good, and on what angrily is meant. From the point of view of tradition the Good will be symbolical the Sky, but in the following song the poet refuses Sky=Good such understanding.

Roofs of houses shiver under weight of days,

The heavenly shepherd grazes clouds,

The city shoots at night in fraction of fires,

But night is stronger, its power is great [14, "Quiet Night"]

Here the Sky puts the hostile pressure upon Earth, as it is showed by the lexemes of Tsoy's poetic system. In the last song of the cycle "Legend" there is a line which is also removing a positive connotation of this element: "As the sky laughed, and then bit tongue". As a whole, the Sky and Earth is not allegorical designations of the Good and evil, but certain symbolical categories or myths in the art world created by the author. Let's note that the poet used some elements of myth in the earlier creativity (see songs "Kamchatka", "Trolleybus"), but from this album the mythological beginning becomes a fundamental tendency in Tsoy's works.

At the song "Quiet Night" also there is a division of groups:

Those who have nothing to wait go in the way (...)

And that who goes to bed... [15, "Quiet Night"]

The sleep here gets a connotation of passive submission of reality, those who are characterized sleeping are shown in opposition of the persons "who are rescued", who ceased to be silent, who started acting, who doesn't submit to the power of initially hostile night. Those who go in the way (development of a subject of the hero of a way) find also a certain rescue. The images of neighbors symbolize ordinary consciousness to which stirs various impregnations of the creative life aspiring to the new. Knock of the hoofs, preventing to fall asleep, has something in common with lines in the penultimate song of the cycle "Passerby":

I come home at night.
I start the tape recorder,
And the neighbor behind a wall groans,
He saw a bad sleep. [16, "Passerby"]

This underlined asocial hero is a protest against stagnancy of society and its conformism; it attempts to wake the world which from the point of view of this world looks as malicious violation of a law and order, the laws of this world protecting its ordinary and a depression. But this asocial image is perceived by the hero from a self-irony position. It would conduct itself (himself) differently in other world, but he should obey in a certain degree to an existing order. The dual position is brightly expressed in the song "Mother, All of Us Are Seriously Ill". Need of a choice "to float or not to float" the hero with the Hamlet's consciousness perceiving the world out of illusions represents. Relation with Shakespeare's tragedy is maintained also by inclusion of motive of poison. And again inevitable division into groups is presented:

The blow is higher than a brush tormenting a flesh,
But instead of blood in veins poison stiffened.
Slow poison.
The destroyed world.
The injured foreheads.
The bread broken in two.
And here someone cries, and someone is silent,
And someone is so glad,
Someone is so glad. [17, "Mother, All of Us Are Seriously Ill"]

All horror of a situation is emphasized with its ordinary, after an inevitable choice and fight all the same doesn't set in, and the world – and in it weight of its illness collapses. In the song besides division the general is stated also for all – this illness of need to fight. But if not to fight, it is possible to wallow in an ordinary bog which is shown in the song "Boshetunmay" following on a cycle.

We drink tea in old apartments,
We wait for summer in old apartments,
In old apartments where there is light,
Gas, phone, hot water,
Radio receiving station, floor – parquet,
Bathroom separate, house brick,
One family, two families, three families...
It is a lot of utility rooms,
The first and the last – not to offer,
Near the subway, center ... [18, "Boshetunmay"]

"Boshetunmay" is known as the name of drug. Including this element in such context, the poet develops a subject of painful illusiveness of the world. The picture of illusory comfort of life against rotting and damage of surrounding reality on the one hand, and an interior – with another is drawn. Therefore the choice is necessary, but

also fight obviously to anything won't lead. The condition of this reflexive Hamlet's experience "to be or not to be" is presented in the following song "In Our Eyes":

In our eyes it is shouts "Forward!"

In our eyes it is hails "Stop!"

In our eyes it is birth of day

And it is death of fire.

In our eyes it is starlit night,

In our eyes it is Paradise Lost,

In our eyes it is the closed door.

What is it necessary for you? Choose! [19, "In Our Eyes"]

The poet uses couples of antonyms to transfer contrast of the chosen parties. Whether to go forward or to remain – though daily expectation of approach doesn't lead tomorrow to anything. In this album the pronoun "we" is especially frequency. Such association and identification through this word of the poet with subjects perceiving his work also resulted in special popularity of this album. At the same time the picture of the world, created in the album, is rather realistic, art corresponds to real living conditions of existence of many people. And that the poet identifies himself same, as well as everything, also affected special mass recognition of the album. In the second part of a cycle the poet included such songs in which this association at the "we" level is shown:

On the street snow lost the whiteness,

In a glassiness of thawed snow we see the moon.

We go; we are strong and vigorous...

The frozen fingers break matches,

From which fires will be lit.

Try to sing together with me,

Get up near me...

[20, "Try to sing together with me"]

We want to see farther, than house windows opposite,

We want to live, we are hardy, as cats.

And here we came to declare the rights: "Yes!"

You hear a rustle of raincoats these are we...

We will act further! [21, "We will act further!"]

The cycle of songs which contrasts the quiet rhythm with all other songs comes to the end. It is close on a musical rhythm and a melodic to the song "Quiet Night". In a foreshortening of an intermediality we will note that the separate semiotics code is perceived as an information channel which, at the same time acting with another, supports and develops the set subject, influences other parties of perception – is called "semantic stereofony". Here the community of a subject and opportunity through one code are important to understand another and vice versa, it provokes need to investigate rock-poetry texts as philological objects.

The songs stated above are also connected, in particular, by motive of a dream, a way. But in the last song the choice between action and inaction in favor of the first is finally made. Let's note semantic significant rhyming in the poem:

Among sheaves in a throat the lump shout restricts,
But the time came, and here shout or don't shout.
Only then someone won't be able long to forget,
As, being unsteady, fighters about a grass wiped swords.
And as clapped wings a black tribe of crows,
As the sky laughed, and then bit tongue.[22, "Legend"]

In the song the poet draws a picture where there is nobody a battlefield on which live became already similar to the dead. Shout and swords the poet defines as "a raven language" which is better for forgetting.

Also the hand shivered at the one who remained as alive,
And suddenly the instant suddenly turned into eternity.
Also the decline burned with a funeral fire,
And as a wolves stars from clouds looked.
As, having stretched hands, left at night lay,
And as alive slept side by side, without having dreams... [23, "Legend"]

In itself life is an instant which comes to an end with leaving in "night of dreams", thereby, uselessness of all fights and battles, any opposition has won and lost remain in identical positions is emphasized. In final lines the poet says that life only "the word", and death – the word, meaning "to sleep". And the word "life" – means to wait.

And life – is only the word,
There is only Love and there is Death...
Hey! And who will sing if all would sleep?
The Death is worth it to live,
And the Love is worth it to wait... [24, "Legend"]

To wait is a certain action which needs to be done because there is something worthy expectations. And that it is worth it to expect, so – will surely be executed, differently wouldn't be worthy. The poet coded the message; the rhymed words develop in the separate text with concrete meaning.

Thus, the main idea of an album – division into groups which as a result in the last song is leveled – it is uniting all in the face of both Death and Love. The poet mythologizes time and space, connecting thus within the created art world mythical with ordinary, household elements of reality. So the music and the literature are connected in rock-poetry, so it needs to investigate it as the intermedial texts.

REFERENCES

1. Gruhn, W. *Musiksprache – Sprachmusik – Textvertonung*. Frankfurt am Main; Berlin; Munchen, 1978.

2. Hansen-Löve, A. A. Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort- Bildkunst. Am Beispiel der russischen Moderne // Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität / Hrsg. W. Schmid, W. -D. Stempel. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 11, 1983. – P. 291-360.
3. Scher, St. P. Verbal Music in German Literature. New Haven, 1968.
4. McLuhan, M. Laws of Media. The New Science. Toronto, 1988.
5. McLuhan, M. The Medium Is the Message: An Inventory of Effects. – New York, 1989.
6. McLuhan, M. Understanding media. The Extensions of Man. Cambr., Mass. London, 1987.
7. Luhmann, N. Das Medium der Kunst // Delfin, 1986. № 7.
8. Luhmann, N. Die Realität der Massenmedien. Wiesbaden, 1996.
9. Sauerbier, S.D. Gegendarstellung: Ästhetische Handlungen und Demonstrationen, Die zur Schau Gestellte Wirklichkeit in der zeitgenössischen Künsten. Keln, 1976.
10. Hess-Luttich E.W. Literature and The Other Media // Kodikas = Code. Tübingen, 1991. Vol. 14. № 1/2.
11. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.323.
12. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.324.
13. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.324.
14. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.325.
15. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.325.
16. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.328.
17. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.326.
18. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.326.
19. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.327.
20. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.327.
21. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.328-329.
22. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.329.
23. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.329.
24. Tsoy V. Verses, documents, memories. SPb, 1991. – P.329.

Doroshenko S. M.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Lysenko A. V.,

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor,

Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University, Ukraine

Stages of formation and development of Ukrainian scientific terminology

Abstract: The main stages of formation of Ukrainian scientific terminology are considered in the article. The main principles of term formation at every stage are characterized.

Keywords: terminology, term, term formation, Ukrainian scientific terminology.

None of societies can exist without a language: every nation and every separate person live in a language sphere. The level of scientific language development influences on intellectual evolution of society. It also testifies the state of language self-disclosure of the nation. The formation of the Ukrainian language in Ukraine was performed under unfavorable conditions that's why branch terminological systems did not develop naturally. The absence of the state made it difficult to create scientific and technical, natural, humane and art terminology systems.

Scientific terminology – is the highest result of human thought. It reflects achievements of science and technique at every stage of mankind's development. Panko T. I. mentions that history and culture of a folk is exactly encoded in terminology [1]. The basis of every terminological system (naturally formed) is made by national words which came into scientific usage. Ukrainian scientific language has got deep roots about which we can speak in accordance with the data which is given by "the oldest samples of document's language and juridical terminology of pre-Christian Rus of the 10th century." (I. Franko). Accordingly terminological vocabulary was being formed for centuries.

The history of Ukrainian terminology formation is a separate part of the history of the whole lexical language system's development. The first attempts to collect and arrange Ukrainian scientific terminology were made in the second half of the 19th century. The article "The item about Rusyn terminology", written by M. Levchenko in the magazine "Osnova", tells for the first time about the necessity to create scientific terminology which will be comprehensible for ordinary people. M. Levchenko offers to use Ukrainian words, ignoring foreign borrowings especially those which turned out to be difficult for folk speech, as the basis of scientific terminology. As a response the

opinion written by P. Yefymenko came out. The principles of approach towards creation of Ukrainian terms are also considered in it. The author supposes that terms have to be formed from stems of the words which are available in native language. Besides, P. Yefymenko accentuates that the endings of terms which have got foreign origin have to correspond with forms of national language. The main thought which is expressed in the article concerns the necessity of creation of Russian-Ukrainian scientific terminology dictionary.

The first attempt to realize this idea concerning such dictionary became the publication "Russian-Ukrainian Dictionary's Experience" written by M. Levchenko (Kyiv, 1894). Only a few professional terms of foreign origin were taken into this dictionary. Besides, they were translated by Ukrainian neologisms, which were not always felicitous and able to replace words of international usage. "German-Ukrainian dictionary" written by O. Patrytskyi, which came out shortly before in Lviv, had appreciable influence upon that publication. The words of foreign origin were conveyed by Ukrainian words in this dictionary. Almost all neologisms did not remain in our language but some of them remained though not with a narrow terminological meaning.

The idea of dictionary's creation, but now terminological one, was supported by I.H. Verhratskyi in Western Ukraine who published "Pochatky do ulozhenia nomenklatury i terminologiji prurudnoji» in six issues during 1864-1879. This scientist is considered to be the founder of Ukrainian scientific terminology. His works are of great interest now.

Lviv scientific society named after T. H. Shevchenko started to fulfill terminological work systematically since the 90s. Its aim was to create science with help of Ukrainian language which expected formation of national scientific terminology. The materials which concerned Ukrainian scientific terminology started to appear in notes of this society regularly. Moreover the authors of these articles were specialists in technical and natural branches as far as the society did not have philologists [2]

The next period of investigation of Ukrainian scientific terminology was connected with creation of scientific societies in Eastern Ukraine (1913 - Kyiv, 1918 - Luhansk). After 1905 operation of statutes, which concerned prohibition of the Ukrainian language, was limited in Russian empire. Societies, which had an aim to create national terminology, started to appear everywhere (in Kyiv Polytechnic Institute, society named after H. Kvitka-Osnovianenko in Kharkiv, Luhansk scientific society).

Kyiv Ukrainian scientific society was also engaged in studying terminology. It published the first book "Digest of natural-technical section" in May 1911. It included articles of Ukrainian scientists and engineers from different spheres of technology and natural science. The evidence of the fact that the authors of the digest had an aim, without regards to other tasks, to produce Ukrainian scientific, in particular

technical, terminology, was "Dictionary of technical expressions". It was put at the end of every digest.

After proclamation of Ukrainian National Republic in 1917 the Ukrainian language became the official language of legislation, administration, the army. The demand on Ukrainian textbooks, dictionaries increased abruptly. "The explosion of terms creation in Ukrainian" was noticed at that time [3]. Terminological dictionaries were being created by societies, sections and separate authors. During 1918-1919 over 20 terminological dictionaries for different branches (medicine, physics, chemistry, mathematics, geography, justice and etc.) were published in Eastern Ukraine.

The Terminological commission was created by Kyiv scientific society in August 1918. The gaining of Halychyna was its essential foundations. The commission had a goal to unite all scattered societies, commissions and separate people who were engaged in working with terminology. The Orthographical-terminological commission was also created by Academy of Sciences. The sphere of its work was not limited by compiling and publishing of dictionaries. Great work was done in different directions: compiling, arranging, elaboration of the term theory [4].

The 20s of the 20th century became a new stage of development of Ukrainian scientific terminology. Exactly these years became a fruitful period for creation of national terminology due to emergence of multidisciplinary terminological dictionaries which was the result of cooperation between eastern- and western-Ukrainian schools. Two terminological commissions by Kyiv scientific society and Academy of Sciences joined and created a joint one with the name The Institute of Ukrainian Scientific Language in 1921. It was an institution by Academy of Sciences which consisted of six departments and they consisted of 84 sections. The main aim of every section was creation of appropriate dictionary. In order to gain this goal every section collected live material among people, from old books and ancient manuscripts with help of its numerous reporters [5]. Highly skilled specialists of naturalistic and technical sciences and philologists grouped round this institution. They compiled and published over 40 terminological dictionaries in different branches of science and technology.

"Directions for compiling dictionaries in IUSL" came out in 1928. Immediately after several terminological works, which specify general instructions for every particular terminology, appeared (O. Yanata "What principles should be used for compiling Ukrainian natural terminology", Ya. Lepchenko "The rules which are observed for compiling Ukrainian natural terminology by the Institute of Ukrainian Scientific Language", T. Sekunda "About principles of compiling Ukrainian technical terminology"). These works had a great significance as far as they testified that development of Ukrainian scientific and technical terminology was made on scientific basis created by linguists. The principle of terminological system creation on national foundation taking into consideration achievements, made by European terminological thought, was maintained in particular.

Theoretical foundation of terms creation was given in "Directions for compiling dictionaries in IUSL". Special attention was paid to the necessity to use lexical material of a certain language and literary sources; necessity to create a new term of lingual stems; in case of need to produce a foreign term, borrowing should be created of terminological material of another foreign language in which, evidently, this demesne is independently and completely developed [6].

Tendencies of Ukrainian scientific and technical language creation in the 20s-30s of the 20th century were a logical continuation of researcher's groundwork of the end of the nineteenth century. The whole work of the Institute was grounded on the foundation made by investigations of Ukrainian linguists, writers, scientists who united round Scientific Society named after T. Shevchenko.

Unfortunately, after liquidation of the most authoritative scientific centre, (The Institute of Ukrainian Scientific Language), which coordinated terminological work in the whole Ukraine, development, further study and standardization of Ukrainian scientific terminology stopped in 1930. The main task and subject of further research of Ukrainian terminologists was ultimate approaching of Ukrainian and other national terminologies to Russian one. Publishing of scientific periodicals and monographs in Ukrainian was stopped. As a result our terminology abounded with language hybrids, loan translations, infelicitous borrowings; a new generation of scientists (even those for who the Ukrainian language was a mother tongue) did not have a sufficient level of knowledge of scientific Ukrainian language [7].

The Dictionary Commission was created by Academy of Sciences of USSR in 1957. It was headed by an academician I. Shtokalo. Its task was to publish 18 Russian-Ukrainian and Ukrainian-Russian dictionaries. However, the result of the Commission's work was publishing of 16 Russian-Ukrainian terminological dictionaries. None of Ukrainian-Russian ones was published.

During the 70s- 80s several conferences were held (Zhytomyr, 1976; Kyiv, 1978, 1980 and others). The problem which was discussed was scientific and technical terminology. The participants of the conferences mentioned in their speeches that the main source of development and replenishment of Ukrainian terminology was the Russian language. It was considered to be positive and the only possible way. As a result a part of Ukrainian terms was replaced by Russian ones. Those borrowings which were not represented in the Russian language were removed. Loan translations were actively supported.

Such terminological policy of the Soviet Union caused the loss of individual features of Ukrainian terminology. The latter almost turned into a copy of Russian terminology. During several decades Ukrainian scientists were in a conceptual field of the cognate Russian language. This language penetrated the consciousness of Ukrainians so strongly that sometimes only a specialist can differentiate Ukrainians and Russian forms. The Ukrainian language took those terms of the Russian language which are used with an inappropriate meaning. Loan translations built with deviation from norms of Ukrainian word formation.

New possibilities of solving terminological problems appeared since the time when Ukraine was proclaimed an independent state in 1991. New branch terminological dictionaries for translation were published. Nevertheless not all branches of science and technology have thorough Ukrainian terminology. Creation and unification of necessary terminology is a top-priority task for terminologists.

An important achievement of terminology development is organization of various terminological conferences, particularly "Ukrainian terminology and, modernity" (Kyiv, 1996, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005, 2007, 2009, 2011), "The problems of Ukrainian scientific and technical terminology" (Lviv, 1993, 1994, 1998, 2002, 2004, 2006, 2008) etc. The results of work of the conferences testified insufficient orderliness of terminology which makes it difficult to make prepared and professional communication between scientific and scientific and technical workers. It also causes mistakes in compiling technical documents. Thus the top-priority task of linguists is standardization of available terminologies.

A modern stage of terminology development, as linguists mention, is similar to a certain degree to the period of the 20th. The similarity consists in the search of the ways to unite the best achievements of terms creation of the past, which was orientated not only to foreign sources but also to the internal resources of the Ukrainian language, with a modern practice of general usage of international terms in scientific and technical language. These terms were borrowed due to mediation of the Russian language. As many terminologists consider, the way out can be seen in temporary parallel usage of both traditions with a perspective to choose the only norm after approbation of variants in a scientific circulation.

Terminological problems which concern scientific principles of Ukrainian equivalents creation for terms to denote new concepts, returning of terms which were prohibited in the 30th, keeping native ones in active functioning- are the most important points in realization of language ecology. It is wrong to think that making terminology international will make the way to economic progress easier. The presence of proper equivalents for borrowings proves the wealth and originality of scientific language. Unfortunately nowadays Ukrainians also translate Russian words and expressions in order to create a proper term in different branches of knowledge. It leads to artificiality of many terms and terminological constructions and causes certain discrepancy between separate terms and a designated concept.

Quite a few special dictionaries, reference books which facilitate settlement of term formation processes have appeared in Ukrainian terminography recently. The aim of many of such Ukrainian editions is testifying convincingly that the Ukrainian language is totally able to translate flexibly and exactly, reproduce, comprehend and process this or that borrowed concept with its own phonetic and morphological means in its own way. When authors record a real state of a modern terminology they try not to violate content of concepts, correct separate terms and term combinations, make agree with word-formative means of the Ukrainian language, avoid inappropriate Russianisms or other foreign influences. At the same time they

leave an opportunity for users, who are interested in development of Ukrainian technical thought, to experiment and improve terminology on our own language foundations, introduce new equivalents more boldly, look for intelligent dialectics between borrowed and our own.

Nowadays we are witnesses of thoughtless and mass usage of foreign (mainly English) terms even in those cases when it is not difficult at all to find simple and exact equivalents for them in a native language. It is necessary to admit that the problem, which is being discussed, worries not only the Ukrainian language. However, other states (e.g. France and Poland) protect their languages from excessive foreign impacts much more actively. If we want to preserve our unique color on a world's palette, we don't have a right to be indifferent towards a new threatening attack which is directed at our native language.

REFERENCES

1. Панько Т.І., Кочан І.М., Мацюк Г.П. Українське термінознавство. - Львів, 1994. – С. 12.
2. Дорошенко В. Огнище української науки: Наукове Товариство імені Т.Шевченка: з нагоди 75-річчя його заснування. – Нью-Йорк, 1951. – С. 57.
3. Наконечна Г. Українська науково-технічна термінологія. Історія і сьогодення. – Львів, 1999. – С. 16.
4. Панько Т.І., Кочан І.М., Мацюк Г.П. Українське термінознавство. - Львів, 1994. – С. 111.
5. Огієнко І. Інститут Української Наукової Мови в Києві // Рідна мова. – 1933. - Ч. 2. - С. 52.
6. Інструкція для укладання словників ІУНМ // Вісник ІУНМ. – 1928. – Вип. 1. – С. 66 – 72.
7. Панько Т.І., Кочан І.М., Мацюк Г.П. Українське термінознавство. - Львів, 1994. – С. 174.

Kozhelupenko Tatyana,
*Pyatigorsk State Linguistic University, Associate Professor,
PhD Linguistics, the Faculty of English Language
and Professional Communication*

Rap as the language of conflict communication

Abstract: This article is devoted to such notions of sociolinguistics as subculture and the language of conflict. These aspects are studied by the examples of the rapidly developing hip-hop subculture and rap texts as its main component.

Keywords: Sociolinguistics, subculture, conflict, cross-cultural communication, rap lyrics, conflict management.

Different conflicts which take place during the numerous social, economic, political and cultural changes provoke constant searching of resolution ways and methods. It should be also mentioned that the importance of informal communication is growing nowadays and that is why the peculiarities of cross-cultural dialogue are becoming more and more essential.

Discussing various communication processes in our rapidly changing world we apply “conflict – agreement” system and deal with two extremes: on the one hand – the language of aggression, insult and resistance, on the other hand – the language of compromise, solidarity and conciliation. Between these two points there is a great variety of different lexical systems and semantic fields which help to reveal the readiness to compromise, the degree of confidence, to estimate the severity of the conflict situation and to conjecture all possible ways of developing and ending the conflict.

First of all, one can observe the language of conflict as a way of communication in everyday intercourse. Here two semantic fields: “assessment of a person” and “one’s own – somebody else’s” take the first place. With the help of the deep complex analyses of these two fields one can investigate specific character of the language of conflict in any ethnic group or subcultural group. Besides, it can be identified what is the bearer of the conflict in each case. Most often it can be slogans, posters, lyrics, calls, interviews, etc. Semantic and semiotic features of the language of conflict are not only the markers of membership in a particular social group or subculture, but are the indicators of value orientations.

There is the question – can we consider rap music, particularly rap texts, to be the language of conflict bearer? We dare say – yes.

Here we should go back to history and mention one of the first American DJs with a sonorous name – Afrika Bambaataa. He performed at a disco in the Bronx

River Community Center. As Bob Marley expressed reggae philosophy so Bam was the one who represented hip-hop culture to the world. The name that he took – Afrika Bambaataa – belonged to the famous Zulu chief, who lived in the 19th century; it meant "Chief which loves his people» [1]. Bam took his role as leader of the hip-hop movement very seriously. In 1975 he founded (or rather, radically reformed the eponymous group of football fans), a semi-religious organization known as the «Zulu Nation», and thus started the hip-hop development. Actually, at the same time appeared the very concept of "hip-hop", combining music, dance, lifestyle and ideology.

The task of «Zulu Nation» (its affiliates are now working in many states, the number of its members has about 400,000 people) [2] was the cultivation of breakdancing, rap, graffiti and other "African" arts – with the aim of educating young people in the national pride and distract them from senseless aggression, crime, and drugs. Based on his personal experience, Bambaataa called to embody aggression in rap. Rap song became that mirror that reflected the harsh world of the streets in «African-American" neighborhoods. In hard and often extremely brutal form performers declared the most pressing social issues – racial discrimination, crime and drug addiction.

The Bambaataa declaration was: "When we created the hip-hop, we hoped that it would be the storage of peace, love, unity and ability to enjoy, as opposed to the negative, plaguing the streets (gang violence, drug trafficking, self-humiliation, violence among native African and Latin roots). And even despite the fact that these negative phenomena are seen here and there, we play a significant role in the resolution of conflicts and the promotion of positive, that is a cultural progress "[3].

What is conflict? There are a lot of definitions of this notion. In general, conflict – is the clash of opposing interests, attitudes, aspirations; strife or dispute. Some scientists see conflict as any kind of confrontation or divergent interests. The opposition "one's own – somebody else's" is, in fact, the confrontation between one's own and somebody else's lifestyle, i.e. the conflict of cultures.

Being connected with the problem of cross-cultural communication, conflict can be considered not as a clash of cultures or competition but as a violation of communication, i.e. a conflict does not necessarily mean the termination of the relationship between the communicants, there is possible further development of relations both in a positive and in a negative way. What are the causes of conflicts in intercultural communication? It can be cultural differences and social stratification, conflict of generations, etc.

The language of conflict – is a specific semiotic system with the property to mark and express the conflict potential, which can be evaluated on a scale of "conflict – agreement ".The language of conflict has its own rules that are directly related to the norms and values of the social system, in relation to which it is considered. The correlation of value orientations and speech allows measuring the linguistic characteristics of the language of conflict. To identify these characteristics

we use special content analysis in accordance with linguo-conflictology method. Conducted content analysis of a number of American and Russian rap texts has made it possible to identify the presence of the following characteristics, confirming the idea that rap can be and should be seen as a language of conflict:

1. Destructive direction of slogans and appeals, which can equally be applied to the various subject of a conflict, and periodically change their destination to the contrary.

– «Follow me and do exactly what the song says: smoke weed, take pills, drop outta school, kill people and drink and jump behind the wheel like it was still legal» [Eminem, Role model].

– «Наши люди способны взорвать трибуны, захватывают клубы, заполняют телестудии. Братская волна мощнее любого тайфуна, всегда в силах, несмотря на трудовые будни. Наши люди, поднимите руки, если вы слышите эти звуки!» [Каста, Наши люди]. – «Our people are able to blow up the platforms, grab the clubs and fill in the television studios. The wave of brotherhood is more powerful than any typhoon, always able, in spite of working life. Our people raise your hands if you hear these sounds! » (hereinafter – the translation of the author).

2. Cruelty of expressions in speeches and debate.

– «This is a cry for mercy. I promise, my success would be the death of you, low and behind, you sold ya soul, theres nothing left of you» [2Pac, The realest killas].

– «Они смотрят волком, готовы прыгнуть сворой. Каждый из них – это озлобленная сволочь. Сволочи, несмотря на свои четырнадцать. Уже видели смерть, но не видели родителей.» [Лигалайз, Сволочи]. – « They look like a wolf ready to jump. Each of them – is an embittered bastard. Bastards, despite their fourteen. Have seen death, but did not see their parents. »

3. Lots of evaluative renaming.

– «See, honey...there's a place called heaven and a place called hell. A place called prison and a place called jail. And dad's probably on his way to all of 'em except one» [Eminem, Bonnie and Clyde].

– «Меняются лица на морды и рыла, руки – на лапы с когтями, копыта и крылья. И что получишь ты, затеяв спор с природой? Будь осторожен, охотник! Держись границ угодий!» [Каста, Горячее время]. – «Faces are turning into muzzles and snouts, hands – into paws with claws, hooves and wings. And what will you get, having started an argument with nature? Be careful, hunter! Hold on the land borders! »

4. The high degree of emotional statements along with their contradictory character. Firstly, contradictions are recorded in the text structures themselves, and secondly, there are contradictory statements and actions. Such kind of text effect enhances aggressiveness and mood swings of the crowd, ready to comply with the most stringent suggestions made in its simplest form and appeals to the most important values in life.

– «Yeah, the man's back with a plan to ambush this Bush administration, mush the Senate's face in, push this generation of kids to stand and fight for the right to say something you might not like» [Eminem, Square dance].

– «Куда ты плетешься, стадо? На водопой, на бойню, куда? Миллиарды голов, разучившихся думать, в массе своей обречены лишь плестись. Бараны, мясо, фарш, туши... Не держи меня! Туши, туши!» [Многоточие, Стадо]. – «Where are you dragging, herd? To drink water, to the slaughterhouse, where? Billions of animals, forgotten how to think, for the most part only doomed to drag. Sheep, meat, minced meat, carcasses ... Do not take me! Carcasses! »

5. Uncertainty, inconsistency, incoherence – are the distinguished features of slogans, debates and everyday speech.

– «Every night I talked to God, but he don't say nothing back. I know he protecting me, but I stay still with my gat» [50cent, Many men].

– «Моя душа тоже ни гроша не стоит, брат. Я пешка, но поставил же королю мат. Без гнили в голове, так учили говорить, чтоб не обидеть, даже муху не убить. Но не забудь биту, чтобы дать по уху.» [D.O.B. Community, Так уж сложилось]. – « My soul also is not worth a dime, brother. I'm a pawn, but put a king mat. Without rot in the head, were taught to speak so as not to offend, not to kill a fly. But do not forget the bit to strike the ear. »

6. General, universal and non-addressed appeals which enhances the mood swings more and more.

– «Look...if you had...one shot or one opportunity to seize everything you ever wanted...in one moment. Would you capture it...or just let it slip? You can do anything you set your mind to... » [Eminem, Lose yourself].

– «Русский язык хочу слушать круглосуточно. Ирония зависти, которой не хватит, чтобы наша территория осталась за нами. Это мое мнение, при своем остаюсь, но проблема есть, и я ее боюсь – что на моих детях, как и на мне с вами, будет стоять штамп – «Сделано в Китае» [Crazy H, Расист]. – «I want to listen to the Russian language all the day round. The irony of envy, which is not enough to our territory left for us. This is my opinion and it remains, but the problem is, and I'm afraid of it - that on my children, like on me, will be a stamp – "Made in China". »

7. Contrasts of values and "anti-values" in the texts of the controversy, slogans and everyday speech, often associated with absurd choices in their interpretation.

– «They say I walk around like got an «S» on my chest. Now, that's a semi-auto and a vest on my chest. I'm not the type to get knocked for D.W.I. I'm the type to kill your connect when the coke price rise» [50cent, What's up, gangsta?].

– «Россия – богатая страна с нищими людьми, выжженными душами, потерянными именами. Пламенем истории объята, кем-то проклятая, Россия, Родина моя – страна противоречий, страна хлыстов, заборов, духовоборов, воров. Святая Русь с обратной стороны: Русь звериная, мне жаль, что слово патриот сейчас значит нацист...» [Многоточие, Время России]. – «Russia – is a

rich country with poor people, scorched souls lost names. My Motherland – is the country of contradictions, the country of whips, fences and thieves. Holy Russia on the reverse side: I wish that the word patriot didn't mean a Nazi now ... »

8. Calls for struggle against the enemies (taking into account the fuzziness of the "enemy" concept – energy of the masses can be turned against any opponent). Search of reasons that will justify the need for austerities and armed interference.

– «They say music can alter moods and talk to you. Well, can it load a gun up for you and cock it too? Well, if it can, c'mon! Sing with me! Sing for the year! Sing for the tear! Sing it with me, just for today, maybe tomorrow the good Lord will take you away...» [Eminem, Sing for the moment].

– «Они наступают, позади слышны крики: – стой! С головы до ног пронизывает жуткий вой. За спиной скрежет зубов волчьей пасти, в любой момент готовый разорвать нас на части. Этой погони нам не найти ни конца, ни края. Дадим отпор, хоть нас трое, а их – волчья стая!» [Mary Jane, Волки]. – «They attack, the cries are heard behind – avast! Behind the back is the gnashing of teeth, at any moment ready to tear us apart. In this pursuit we will not find any end or edge. We will survive, though there are three of us and against us – a wolf pack! »

The analysis revealed the entire spectrum of the functioning of the language of conflict in American rap lyrics.

The language of conflict as a means of expressing tolerance and hostility, trust and distrust, reconciliation and confrontation; linguistic characteristics of the conflict behavior of different social groups; features of the language of conflict as a way of intercultural communication – all these widen the structural study of conflict, effective conflict management and integration processes in modern society. It is necessary to fairly evaluate the enormous contribution of hip-hop in general and rap subculture as its component in the process of intercultural communication. Actually, with the help of rap such a large and absolutely unique social group like African-Americans managed to express their vision of the current events, their own interpretation of the urgent problems and their worldview to people from very different cultures. Nowadays one can reasonably argue that hip-hop is successfully developing and widespread subculture, responsive and reflective all of the most actual social problems and conflicts.

For example, rap music has become one of the mouthpieces of reality in the region, the Israeli-Palestinian conflict. According to the Russian TV-company "NTV": "In the Gaza Strip the Palestinian rap has sounded very loudly. In addition to traditional themes of rap lyrics such as gangsters and money, in the Arab recitative one can hear the lines about painful problems and sore points. Soloists of the group sing about war and Israel. The popularity of the band called «PR» (Palestinian Rappers) has already crossed the borders of the Palestinian enclave. As the band members say: "All over the world, the Gaza Strip is associated with refugee camps, missiles "Qassam", poverty and hunger. But we want to show that here live the same people as in other countries. We are experiencing the same feelings, the same

emotions. We sing about the blockade of Palestine and Israel, the war, in fact, about everything that excites every resident of Gaza " [4]. It should be noted that the band called «PR» is already known in the world, a documentary film was made about them, young people are invited to perform at various international festivals.

In general, it should be emphasized that it is impossible to explore rap lyrics without considering the historical, socio-political, scientific, cultural and other changes taking place in the society.

In this regard, the American rap lyrics of the last decades have been impacted by the United States war in Korea and Vietnam, the intensity of political struggle, the issue of Clinton impeachment, September 11, 2001, the United States military campaign against Iraq, race riots, drugs, the fight against AIDS, etc. In Russian rap lyrics have been reflected such issues as the war in Chechnya and the following campaign against terrorism, corruption in various structures, the terrorist attacks on the territory of Russia and the United States, China's expansion in the Far East, drug-addiction, prostitution, conflicts on ethnic and religious grounds, etc. It is also necessary to pay attention to the fact that rappers are not only record significant events in society in their works, but also give them some appraisal. Here, for example, the reflection of the tragedy of September 11:

– «All this terror, America demands action. Next thing you know, you've got Uncle Sam's ass askin to join the Army or what you'll do for their Navy. And You just a baby, gettin recruited at eighteen» [Eminem, White America].

– "Why, why the death of innocent people because of a mismatch of someone's ideas? Who? Who sent you here to pick up their lives, citizens of Allah? To take the children of fathers and mothers, brothers and sisters or just friends, pick up everything that you and me have ever had and throw alive into the flames of Manhattan ... »[NTL, At Gunpoint].

As already mentioned, rap lyrics clearly characterize the direction of social changes. Thus, rap lyrics, first of all, presenting obvious interest to linguistics, opens up a whole range of research perspectives and new opportunities in the development of techniques for social learning and linguistic conflict management.

REFERENCES

1. Hip-hop music. Wikipedia.US, 2014. – http://en.wikipedia.org/wiki/Hip_hop
2. Hager S. Hip Hop; the illustrated history of break dancing, Rap music and Graffiti. NY, New American library, 1984 – 320 p.
3. Bambaataa A. Zulu Nation Declaration. US, 2014. – <http://www.zulunation.com/afrika.html>
4. Ивлиев А. Палестинские рэпперы поют про блокаду и Израиль. Москва, HTB, 2008.

Bilous Yulia,

*Ternopil Volodymyr Hnatyuk National Pedagogical University,
Junior research worker*

Somatic phraseological units as a secondary way of knowing surrounding reality

Abstract: This article is devoted to the problem of cognitive orientation of modern German somatic phraseological units during speech communication. The article describes the types of nomination and aspects of idiomatic reinterpretation, determines the frequency formation of the word-combinations with somatisms due to primary and secondary nomination.

Keywords: somatism, cognitive factors, lexical level, phraseological level, abstract thinking, nomination, phraseological reinterpretation, word-combination.

Білоус Юлія,

*Тернопільський національний педагогічний університет імені
Володимира Гнатюка, молодший науковий співробітник*

Соматичні фразеологічні одиниці як вторинний спосіб пізнання навколишньої дійсності

Анотація: Стаття присвячена проблемі когнітивної спрямованості сучасних німецьких соматичних фразеологічних одиниць у процесі мовленнєвої комунікації. У статті охарактеризовано види номінації та типи фразеологічного переосмислення, встановлено частотність утворення словосполучень з соматизмами внаслідок первинної та вторинної номінації.

Ключові слова: соматизм, когнітивні фактори, лексичний рівень, фразеологічний рівень, абстрактне мислення, номінація, фразеологічне переосмислення, словосполучення.

Фразеологізми, як і слова, є продуктом мовної свідомості, що відображає спосіб осмислення дійсності. Цей спосіб пізнання навколишнього світу фіксується у фразеологічних одиницях (ФО) у вигляді їх внутрішнього комунікативного навантаження. Наступна стаття присвячена проблемі

когнітивної спрямованості сучасних німецьких соматизмів у процесі мовленнєвої комунікації.

Соматична фразеологія займає важливе місце у фразеології німецької мови. У ній відображається загальнолюдська практика, багатовіковий досвід людини в освоєнні і перебудові навколишнього світу. О. Назаров [12] запевняє, що соматичні лексеми мають високу ступінь вживаності у структурі ФО, що пов'язано з мовними та позамовними чинниками. Актуальність дослідження зумовлена тим, що у соматичних фразеологічних одиницях яскраво відображається розуміння та усвідомлення людиною навколишньої дійсності, віддзеркалюються когнітивні процеси свідомості. Соматизми слугують інструментами пізнавальних операцій, способами фіксації набутого досвіду та отриманих знань, засобом «розчленування» об'єктивної дійсності. Відправною точкою дослідження є припущення, що, оскільки через соматизми протікає процес пізнання довкілля [6, с. 233], то, аналізуючи соматичні фразеологічні одиниці можна простежити процес розвитку мислення та творення соматичних фразеологізмів, а також засоби відображення у свідомості людини навколишньої дійсності.

Мета статті – розкрити основні когнітивні чинники у процесі творення соматичних фразеологічних одиниць. Поставлена мета передбачає розв'язання таких завдань: виявити етапи формування соматичних фразеологізмів, визначити відмінність між одиницями лексичного та фразеологічного рівнів, обґрунтувати взаємозв'язок між мисленням та відображенням навколишньої дійсності у свідомості людини, проаналізувати типи переосмислення вільних словосполучень.

Об'єктом нашого дослідження є німецькі фразеологічні одиниці (ФО) з соматичним компонентом. *Предмет наукового пошуку* – шляхи вторинної номінації первинного значення мовної одиниці.

Матеріал дослідження – фразеологічні одиниці з соматичними компонентами «Mund», «Nase», «Lippe», «Zahn», «Zunge» в німецькій мові.

Відомо, що процес пізнання є об'єктивний та біологічно однаковий у всіх людей, незалежно від їх національності. От же, можна стверджувати, що у комунікативному наповненні фразеологічних одиниць у різних мовах є спільні риси, що характерні для всіх ФО-соматизмів. Однак суспільна діяльність людей різних національностей має специфічні відмінності, віддзеркалюючи когнітивні процеси свідомості, тому ФО з соматичним компонентом мають певні національні особливості у різних мовах. В. Маслова стверджує, що світ, який відображається крізь призму механізму вторинних відчуттів за допомогою метафор, порівнянь, символів, – це головний чинник, який визначає універсальність і специфіку будь-якої конкретної національної мовної картини світу. Звідси, на наш погляд, варто розмежовувати універсальний людський чинник і національну специфіку в різних мовних картинах світу. Попри універсальність генетичного механізму оцінки тілесних відчуттів, людська

діяльність є одночасно і універсальною, і національно-специфічною. В результаті, виникають мовні картини світу як з типологічно загальними, так і з національно специфічними особливостями. Крім того, погоджуємось з гіпотезою Сепіра-Уорфа, яка зводиться до того, що особливості тієї чи іншої мови безпосередньо відображаються у структурі психічних процесів. За словами Леонтьєва, людина, немовби «бачить» у дійсності те, що підказує їй мова (мовна картина світу). Людина діє у тій чи іншій ситуації відповідно до способу вербалізації цієї ситуації [11, с. 123].

Загальновідомо, що соматичні фразеологізми – стародавній пласт лексики. Адже людина з давніх-давен освоювала навколишній світ за допомогою свого тіла. З іншого боку, спостерігаючи за собою, вона приходила до розуміння власної тілобудови та формувала наївні поняття про свою анатомію. Таким чином, можна стверджувати, що у мисленні людини одночасно відбувався двосторонній процес. «Отримавши здатність мислити, людина у процесі спостереження над своєю тілесною субстанцією поступово приходить до розуміння того, що кожний орган – це своєрідна система, механізм та апарат життєдіяльності, що спеціалізується на виконанні дорученої йому функції» [2, с. 28]. Як бачимо, інформація та сигнали з навколишнього світу передаються за допомогою органів людини усередину організму, від одних частин тіла до інших. Поступово людина усвідомлювала функції та призначення зовнішніх та внутрішніх органів та наділяла їх матеріальними знаками - словами. Як наслідок, у її свідомості сформувалася мережа понять та уявлень про «органіку» свого тіла. Звідси, ноги у людини асоціюються перш за все з рухом («*die Beine unter die Arme nehmen*» – «*бігти зі всіх сил, щодуху*» [18, с. 103]), язик – з мовленням («*die Zunge beständig rühren*» – «*говорити, базікати без угаву*» [18, с. 891]), зуби – з ворожістю («*die Zähne zeigen*» – «*показувати зуби, давати відсіч, вороже ставитися*» [18, с. 872]), ніс – з інтуїцією («*eine gute Nase haben*» - «*мати хороший нюх, інтуїцію, володіти хорошим чуттям*» [18, с. 549]) тощо.

Власне мовна природа людського мислення в його різних формах забезпечує для людини можливість оперувати образами та поняттями, формувати судження, робити висновки, і в результаті цього, не звертаючись безпосередньо до предметів дійсності, отримувати про неї нове пізнання. Мислення починається з проблемної ситуації: людина усвідомлює ситуацію як проблемну, вона відчуває, що їй потрібно зрозуміти те, що відбувається і прийняти певне рішення. Виникнення задачі означає, що у проблемній ситуації вже виділено та розчленовано відоме та невідоме. Звичайне мислення людини використовує крім дискурсивних, понятійних, ще й наочно-образні, емоційно-афективні, моторні компоненти [11, с. 113].

О. Леонтьєв зазначає, що свідомо сприйняти предмет означає подумки його назвати [11, с. 130].

Давність та популярність використання соматичних фразеологічних одиниць пояснюється тим, що вони реалізують первинний спосіб пізнання навколишньої дійсності – фізичну перцепцію. За допомогою свого тіла людина здавна вимірювала предмети та об'єкти зовнішнього світу. Крім того тіло, його рухи та дії, за словами філософа М. Гефтера «є таким же історичним документом, що свідчить про минуле, як щоденник або грамота» [7, с. 47]. Адже вік, спосіб діяльності, життєві радощі та труднощі, почуття та емоції – знаходять відображення у невербальній поведінці людини. Ще в домовний період люди використовували жести та міміку, тобто невербальне спілкування у процесі комунікації. Американський дослідник історії походження мови Г. Хьюз у 1973 р. висунув гіпотезу про те, що спочатку з'явилась мова жестів, яка виникла спонтанно 3 млн. років до н. е. і передувала звуковій мові людей. Згодом мова жестів доповнювалася мовою 20 - 40 звуків. Згодом, за 100 тис. років до н. е. мова звуків остаточно витіснила мову жестів. Посилено розвиватися звукова мова почала лише останні 100 - 40 тис. років до н. е. [13]. Невербальні жести, як довільні, так і мимовільні, первинно в довербальний період еволюції людини були самостійним засобом комунікації (Г. Хьюз [G. Hewes, 1977]; А. Кендон [A. Kendon, 1981]; К. Хоккет [C. Hockett, 1978]), а у вербальному періоді розвитку закріпилися в якості напівсвідомих виражальних засобів, зберігаючи функції попереднього етапу: захисту (неприйняття, відторгнення), нападу (прийняття, привласнення) тощо [4]. Таким чином, можна стверджувати, що жести є символами специфічної мови образів.

За допомогою жестів та міміки, які були лише фізичними рухами та сприймалися буквально, людина демонструвала свою реакцію на оточуючу дійсність. З розвитком вербальної мови певні рухи тіла отримують вербальне найменування. Таким чином, невербальна комунікація почала кодуватися у мові, тобто жести набували мовної форми у вигляді простих словосполучень, які пізніше почали метафоризуватися та метонімізуватися у процесі розвитку абстрактного мислення. Отож, можна стверджувати, що процес утворення ФО супроводжувався переосмисленням вільних словосполучень.

Наприклад, словосполучення, що віддзеркалюють немовну поведінку людини, «*die Hände in den Schoß legen*» або «*die Hände in die Taschen stecken*» [18, с. 341] первинно були найменуванням відповідних жестів. Однак зараз ці жести розуміються вже не буквально, вони мають значення «байдикувати, нічого не робити». Так само одиниця «*große Augen machen*» [18, с. 75], маючи буквально значення «зробити великі очі», трактується як «здивуватися». Фактично, в таких соматичних ФО ми спілкуємось жестами, не використовуючи жестів фізичних, а звертаючись до внутрішнього зв'язку, який утвердився за століття розвитку когнітивного та асоціативного мислення між первинним, давнім жестом і тим, що він виражав у людській поведінці. Звідси, можна стверджувати, що ФО-соматизми реалізують у мові давній, паралінгвістичний тип комунікації. Як бачимо, словосполучення втрачали своє

первинне значення, зв'язок з буквальними жестами і ставали більш фіксованими. Вони позначали тепер не лише рух, а поведінку, ставлення почуття та емоції.

Поява нового значення зазвичай пов'язана з результатом прагматичної варіативності лексеми, що обумовлено різними зовнішніми асоціаціями, в основі яких лежать емпіричні, культурно-історичні знання. У процесі формування фразеологічного значення відбувається поєднання первинного (прямого) значення вільного словосполучення як внутрішньої форми фраземи з її новим узагальнено-цілісним значенням [1, с. 23]. Наприклад, фразеологізм «*die Nase hochtragen*» [19, с. 432] характеризує пихату, гордовиту самовпевнену людину, яка ходить з задертим носом. Значення СФО – прозоре, зрозуміле, оскільки базується на повсякденному досвіді: гордівник завжди йде з піднятим догори носом. В той час, як ФО «*die richtige Nase für etwas haben*» [21, с. 543] говорить про людину, що має хороший нюх, інтуїтивне передчуття або здібності до чогось. Значення соматичної одиниці впливає з порівняння людини з твариною, тобто є вторинним. Крім того, мова фіксує національний склад мислення у свідомості народу, наприклад, про молоду недосвідчену людину німецький народ каже – «*er ist noch nicht trocken hinter den Ohren*» [18, с. 570] (букв. «у нього ще не висохло за вухами»), використовуючи соматизм «вухо». В той час, як в українській мові вживається соматизм «губи» – ФО «в нього ще молоко на губах не обсохло».

Виникнення фразеологічних одиниць пов'язане з необхідністю існування виразних засобів для потреб комунікації – вербального вираження почуттів, емоційних оцінок, способів емоційного впливу, яскравих та влучних характеристик людини, предметів, явищ [14, с. 26]. Адже, на відміну від лексичних, «фразеологічні одиниці», – як стверджує А. Кунін, – «заміняють лакуни у лексичній системі мови, яка не може повністю забезпечити номінацію пізнаних людиною (нових) сторін дійсності і, у багатьох випадках, є єдиними позначеннями предметів, якостей, процесів, станів, ситуацій і т. д.» [8, с. 4]. Відомо, що функціонування знаків на лексичному рівні відрізняється від функціонування знаків на фразеологічному, адже «фразеологічна репрезентація світу відрізняється від лексичної більшою архаїчністю, міфологізованістю» [10]. Звідси, фразеологізми доповнюють та збагачують номінативний інвентар мови оцінно-експресивними засобами, які детально описують певний фрагмент позамовної діяльності, що не може реалізуватися у рамках лексичної номінації.

Як відомо, під фразеологізацією розуміється продуктивний спосіб творення ФО в результаті переосмислення первинного значення словосполучення: «*offene Ohren finden*» [19, с. 450] – букв. «*знайти відкриті вуха*», що переосмислено означає «викликати інтерес, увагу». Відомо, що у семантично похідного слова є «попередник» із чіткою денотацією. У фразеологічних одиницях «попередником» виступає сполучення слів, компоненти якого втрачають самотійну денотацію. Фразеологізми, як правило, «переносять» із

словосполучення прототипа декілька ознак. Звідси, значення фразеологізму завжди є більш детальним, ніж значення слова.

Спосіб утворення ФО характеризується переосмисленням окремих слів, змінних сполучень слів, стійких словосполучень нефразеологічного характеру, потенційних фразеологізмів, крилатих висловів, синтаксичної спеціалізації словосполучень і фраз, на основі іншомовного матеріалу, контексту, каламбурного обігравання омонімів тощо [3, с. 137]. Вихідна семантика таких одиниць пов'язується на основі метонімічного або метафоричного асоціативного зв'язку з новим фразеологічним значенням, що, в результаті, утворює нову форму. ФО можуть також утворюватися на основі переосмислення вже існуючого фразеологічного фонду мови, тобто на основі вже переосмисленого значення базових ФО, що часто піддаються «подальшому ускладненню» [5, с. 110].

Лексичне значення має буквальний зміст, в той час як, «своєрідність фразеологічного значення виявляється у вторинному відтворенні мовної картини світу, збагаченому досвідом інтелектуально-емоційного освоєння носіями мови відповідного «шматочка дійсності» шляхом переосмислення вже існуючих у мові знаків [1, с. 20], тобто лексичне і фразеологічне значення відрізняються різним ступенем мовної абстракції» [1, с. 117]. В основі фразеологічного значення лежать образи предметів і ситуацій, а не самі денотати. Наприклад, ФО «*den Kopf in den Sand stecken*» буквально означає «сховати голову у пісок». В основі фразеологізму лежить образ ситуації – «людина, як страус ховає у пісок голову, уникаючи таким чином неприємностей». За допомогою лексичного значення не можливо охопити всю специфіку та весь зміст висловлювання, тому на допомогу приходять фразеологізми, які можуть передати більш детальну та оцінно-експресивну інформацію.

Виникнення фразеологізму як окремої одиниці мови відбувається внаслідок лінійного сполучення одиниць нижчого рівня – лексем. Лексичні компоненти, сполучившись у межах того чи іншого фраземного знака в семантично неподільну єдність, утрачають знакову природу одиниць попереднього рівня і перероджуються в конститутивно-розрізнявальні елементи одиниць вищого рівня [1, с. 10]. Наприклад, сполучення слів «*die Hände sinken lassen*» – «опустити руки» перетворилося з одиниць лексичного рівня в елементи фразеологічного рівня і отримало значення «зневіритися, засмутитися». Таким чином, у процесі фразеологізації синтаксичних словосполучень і речень відбувається семантичне переродження лексичних компонентів, унаслідок чого встановлюються інші парадигматичні й синтагматичні зв'язки як окремих компонентів, так і фразем у цілому. У процесі дослідження встановлено, що синтагматичні комбінації одиниць нижчого рівня служать для утворення більш складних систем, які виступають елементами інших рівнів. Так виникають послідовно ускладнені системи лінійних одиниць, у

яких одиниці вищого рівня складаються з одиниць попереднього рівня, що знаходяться між собою в ієрархічних відношеннях [1, с. 12-13].

У процесі творення фразеологізмів відбувається метафоричний або метонімічний зсув у значенні компонентів, який веде до затемнення і навіть стирання їхніх вихідних значень та до зміни первинного значення висловлювання. У такий спосіб з'являються стійкі словесні комплекси різних синтаксичних типів, значення яких виникає внаслідок повної або часткової десемантизації, тобто лексеми втрачають своє лексичне значення у процесі семантичного розвитку і компоненти ФО набувають іншої семантики. Наприклад, соматизм «Gesicht» у фразеологізмі «*ein anderes Gesicht aufsetzen*» набуває значення «вираз обличчя, маска».

Варто зауважити, що фразеологічне переосмислення може відбуватися при вторинній та третинній номінації (Рис. 1).

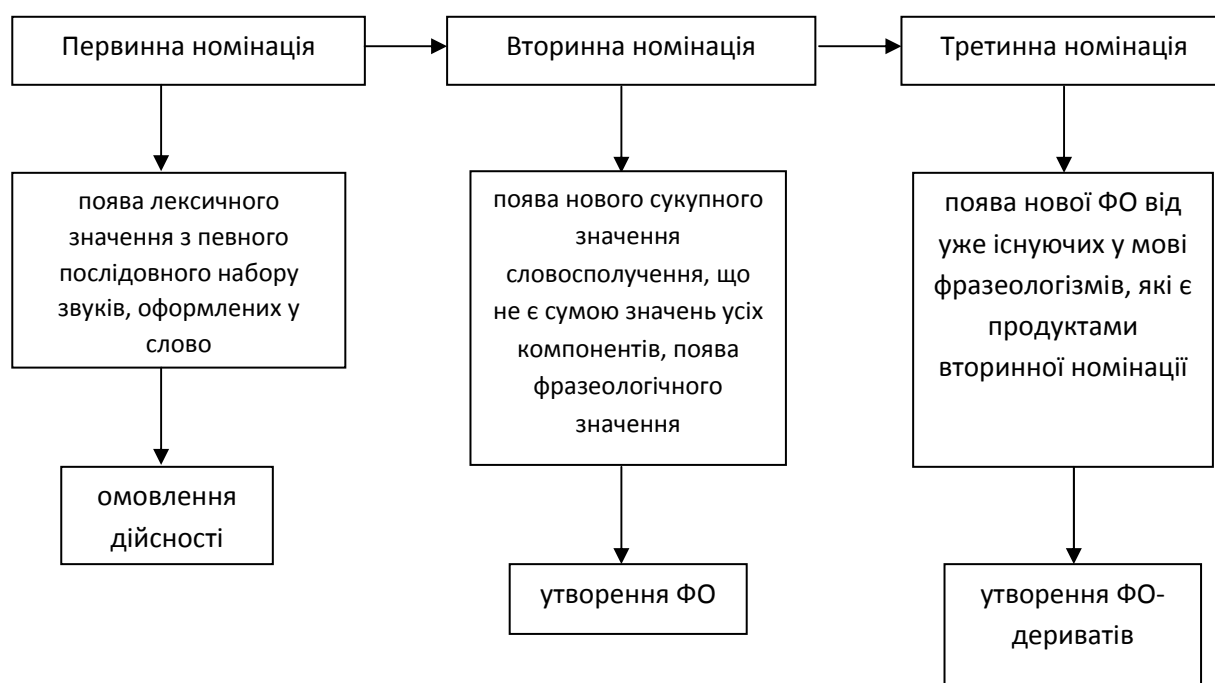

Рис. 1 Види номінацій

Первинна номінація, як відомо, полягає в тому, що певний послідовний набір звуків, оформлених у слово, набуває конкретного значення. В результаті вторинної номінації, словосполучення отримує нове сукупне значення, що не є сумою значень усіх компонентів фразеологічної одиниці. В основі фразеологічного переосмислення лежить асоціація з відповідним образом, який викликається не окремим компонентом, а всім словесним комплексом, що підлягає фразеологізації. Звідси, переосмислення охоплює всю сполуку в цілому і компоненти фраземи співвідносяться з об'єктами позамовної дійсності не самостійно, а всією сталою комбінацією лексемних компонентів [1, с. 71].

Наприклад, «*in die Hand geloben*» – «пообіцяти»; «*auf großem Fuß leben*» – «жити на широку ногу, ні в чому собі не відмовляти».

Варто констатувати, що первинна номінація пов'язана лише з омовленням дійсності, вторинна – з утворенням ФО, оскільки діяльність мовної свідомості вимагає наявності уже існуючих мовних одиниць. При цьому мовні знаки набувають вторинного значення.

В основі багатьох видів вторинної номінації лежить асоціативний характер людського мислення, оскільки не існує нічого більш фундаментального для мислення і мови, як відчуття подібності. Звідси, фразеологічні одиниці з тим чи іншим соматизмом виникають як наслідок переосмислення їх базових компонентів, на основі подібності певних частин тіла та їх функцій, які вони виконують з іншими предметами, явищами та процесами. Наприклад, голова асоціюється як певна ємність, вмістилище: *sich (D) aus dem Kopf schlagen* – викинути з голови що-небудь; *das will mir nicht aus dem Kopf* – це у мене не сходить з думки. За допомогою асоціацій формуються нові поняття і значення досліджуваних ФО.

Щодо третинної номінації, то вважаємо, що це є більш складний спосіб утворення ФО, який вимагає більш детального аналізу, адже тут має місце подвійне переосмислення, тобто відбувається подвійна ментальна операція. Третинна номінація характеризується тим, що нові ФО утворюються від уже існуючих у мові фразеологізмів, які є продуктами вторинної номінації. Внаслідок третинної номінації утворюються фразеологізми-деривати. Як відомо, під деривацією розуміють утворення нових слів за допомогою афіксів або безафіксним способом [20, с. 103].

Розглянемо словосполучення з соматичними компонентами «Mund», «Nase», «Lippe», «Zahn», «Zunge» (табл. 1).

Таблиця 1

Частотність утворення словосполучень з соматизмами внаслідок первинної та вторинної номінації

Соматизм	I. Первинна номінація (%)	Вторинна номінація		Всього (%)
		II. Часткове переосмислення (%)	III. Повне переосмислення (%)	
Mund	21,3	31,9	46,8	100
Nase	26,3	10,5	63,2	100
Lippe	28,6	14,3	57,1	100
Zahn	29,6	11,1	59,3	100
Zunge	23,1	20,5	56,4	100

Приклади до таблиці 1

(*Номер прикладу співпадає з номером колонки у таблиці 1):

I. *die Zunge halten* – тримати язик; *sich die Zunge verbrennen* – обпекти язик; *Zähne zeigen* – показувати зуби; *Mund aufreißen* – відкрити рот; *mit offenem Munde dastehen* – стояти з відкритим ротом; *vor der Nase* – перед носом; *die Nase hoch tragen* – високо тримати носа; *j-m den Mund öffnen* – відкрити комусь рот;

II. *eine gute Nase haben* – мати хороший нюх; *j-m etw. an der Nase ansehen* – бачити по виразу обличчя; *nichts für seinen Zahn finden* – нічого не знаходити на свій смак;

III. *j-m auf den Zahn fühlen* – прощупати, перевірити кого-н., вивідати що-н. у кого-н.; *die Zähne in die Wand hauen* – покласти зуби на полицю, голодувати; *der bekommt gleich lange Zähne* – у нього очі і зуби розгорілися.

Як бачимо вже з наведених прикладів, при первинній номінації лексеми зберігають своє первинне значення, тому можемо стверджувати, що такі словосполучення, утворилися внаслідок сполучення лексем, кожна з яких зберігає своє початкове значення. Хоча з розвитком мови вони мають здатність набувати певного конотативного забарвлення, однак значення словосполучення в цілому впливає із значень окремих компонентів, тому вважаємо такі сполуки слів все ж продуктами первинної номінації. Наприклад «відкрити рот» означає «почати говорити, базікати».

При вторинній номінації окремі компоненти або словосполучення в цілому втрачають своє первинне і набувають нового значення внаслідок метафоричного або метонімічного зсуву. Крім того, значення може бути як частково, так і повністю переосмислене.

Отже, вторинна номінація відіграє першочергову роль у процесі творення фразеологізмів, адже вона пов'язана з виникненням нового переосмисленого значення вільного сполучення слів (Рис. 2).

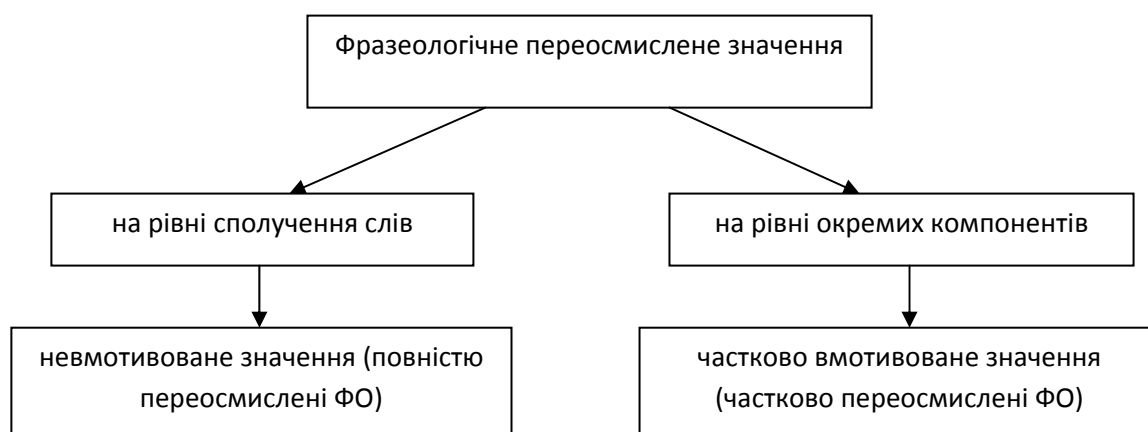

Рис. 2. Фразеологічне переосмислення

Фразеологічне переосмислення може відбуватися на рівні сполучення слів (у повністю переосмислених ФО), тобто переосмислення розповсюджується на все сполучення слів, у результаті чого воно набуває цілісного значення, що не виводиться із значень його компонентів та на рівні окремих компонентів (у частково переосмислених ФО), тобто переосмисленню підлягає лише частина або один із компонентів [17, с. 143].

ФО, сформовані на основі прямого переосмислення компонентного складу їх генетичних прототипів, часто спантеличують реципієнта своєю неочікуваною комбінацією форми та змісту [15, с. 30]: *sich (D) den Tag (die Nacht, den Winter) um die Ohren schlagen* – *провести де-небудь цілий день (цілу ніч, цілу зиму)*. Повністю переосмислений фразеологізм зазвичай є невмотивованим, тобто значення окремих слів-компонентів відповідного словосполучення не дає можливості вивести значення усієї ФО: *das hat Füße gekriegt* – *це вкрали, поцупили*; *sich (D) etwas Wind um die Ohren pfeifen lassen* – *набратися життєвого досвіду*.

При частковому переосмисленні генетичного прототипу фразеологізму хоча б один із «інгредієнтів» ФО зберігає своє первинне значення, що сприяє однозначному розумінню загального напрямку семантичного зсуву [15, с. 32]: *ein paar hinter die Ohren geben* – *дати поза вуха (прочухана)*.

Аналіз фактичного матеріалу свідчить, що більшість фразеологізмів вторинної номінації характеризуються повним переосмисленням компонентного складу, тобто їхнє значення не впливає із суми значень компонентів (Табл. 1). Зазначено однак частково переосмислені ФО, окремі лексеми яких зберігають своє первинне значення.

Як зазначає Дж. Лакофф, понятійна система людини, у межах якої вона думає та діє, за своєю суттю – метафорична, тобто метафора пронизує наше повсякденне життя, мову, мислення та діяльність [9, с. 25]. Таким чином, з когнітивної точки зору, метафора розглядається як засіб пізнання дійсності, як інструмент організації досвіду людини. За допомогою метафори ми розуміємо абстрактні або, за своєю природою, неструктуровані сутності у термінах більш конкретних або хоча б більш структурованих сутностей [9, с. 10]. Звідси, основна функція метафори – когнітивна, а власне метафора – когнітивний феномен, що впливає на мислення людини.

Отже, можна зробити висновок про те, що німецькі соматичні фразеологізми є зазвичай продуктом вторинного пізнання навколишньої дійсності. Вторинна номінація трапляється частіше у 2-3 рази, адже саме фразеологізми вторинної номінації збагачують та доповнюють лексичний інвентар мови оцінно-експресивними засобами, конотативним забарвленням. За даними дослідження, повне переосмислення відбувається частіше у 3-4 рази, ніж часткове, тобто соматичні ФО характеризуються повною втратою первинного значення і набуття нового смислу. Це дає змогу стверджувати, що

соматичні фразеологізми утворилися внаслідок розвитку абстрактного мислення та свідомості людини, соматична фразеологія відображає, зберігає досягнення людської діяльності, особливості національного світобачення та психології. Процес утворення ФО супроводжується переосмисленням і метафоризацією вільних словосполучень, які є їх прототипами.

ЛІТЕРАТУРА

1. Алефіренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології: [монографія] / М. Ф. Алефіренко. – Харків : Вища шк., 1987. – 136 с.
2. Власова Н. Л. Фразеологическое гнездо с вершиной «глаз» в общенародном языке и говорах : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Н. Л. Власова. – Орел, 1997. – 27 с.
3. Гаврись В. И. К вопросу о первичном и вторичном фразообразовательных процессах / В. И. Гаврись // Сборник научн. тр. Моск. гос. гед. ин-та иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1980. – Вып. 164: Вопросы словообразования и фразообразования в германских языках. – С. 132–140.
4. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений [Электронный ресурс] / Е. П. Ильин. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/evgeniyi_pavlovich_ilin/psihologiya_obsheniya_i_mejlichnostnyih_/read_online.html?page=5.
5. Керимзаде М. К. Номинативный аспект фразеологической деривации / М. К. Керимзаде // Сборник научн. тр. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1980. – Вып. 168: Вопросы фразеологии английского языка. – С. 106–119.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и линвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
8. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высшая школа; Дубна : Феникс, 1996. – 381 с.
9. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
10. Левченко О. Рослинна символіка у фразеологічних системах (лінгвокультурологічний аспект) [Електронний ресурс] / О. Левченко. – Режим доступа: <http://levchenko.eu/uk/2012-05-30-16-46-22/8-dorobek/32-2013-04-05-13-04-09.html>
11. Леонтьев А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Смысл, 1997. – 365 с. – (Психология для студента; вып. 4).

12. Назаров О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: дис. ... канд. филол. наук / Назаров Отуз. – Ашхабад, 1973. – 203 с.
13. Партико З. В. Теорія інформації та її концепції [Електронний ресурс]: лекція / З. В. Партико. – Режим доступу: <http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1171>.
14. Петренко В. Ф. Рефлексивные структуры обыденного сознания (на материале семантического анализа фразеологизмов) / В. Ф. Петренко, А. А. Нистратов, Н. В. Романова // Вопросы языкознания. – 1989. – №. 2. – С. 26–39.
15. Федуленкова Н. Т. Английская фразеология / Н. Т. Федуленкова. – Архангельск : Поморский гос. Ун-т, 2000. – 132 с.
16. Фрумкина Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – Академия, 2001. – 254 с.
17. Чередниченко В. О. Інноваційна фразеологічна вербалізація в англійській мові (лінгвокогнітивний та соціолінгвістичний параметри): дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Чередниченко Вікторія Олександрівна. – Запоріжжя, 2005. – 220 с.
18. Немецко-русский фразеологический словарь: 12 000 фразеолог. единиц / сост. Л. Э. Бинович; [отв. ред. Н. С. Чемоданов]. – М.: Гос. издат. иностр. и нац. словарей, 1956. – 904 с.
19. Осовецька Л. С. Фразеологічний словник німецької мови / Л. С. Осовецька, К. М. Сільвестрова. – К.: Рад. школа, 1964. – 716 с.
20. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 624 с.
21. Duden. Band 11. Redewendungen und sprichwortliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Mannheim; Wien; Zurich: Dudenverlag, 1992. – 864 s.

Prosyannikova Yana,
Kherson State University, Ukraine,
Lecturer, Faculty of Translation and Interpretation Studies

Peculiarities of biomorphic code actualization in English-Canadian poetic texts

Abstract: The article is focused on identifying of a place of the nature image in poetic texts of English-Canadian poets. The investigation made it possible to identify key concepts and word-symbols they are put into.

Keywords: biomorphic code, human being, nature, concept, symbol

Просяннікова Яна,
Херсонський державний університет, Україна,
викладач, факультет перекладознавства

Особливості актуалізації біоморфного коду в англоканадських поетичних текстах

Анотація: В статті зроблено спробу визначити місце образу природи у поетичних творах англomовних канадських поетів. Дослідження уможливило виокремлення домінуючих концептів та слів-символів, які їх експлікують.

Ключові слова: біоморфний код, людина, природа, концепт, символ

Концепти “ПРИРОДА” і “ЛЮДИНА” представляють два світи, які існують відокремлено один від одного, але беруть свій початок від одного “кореня”. Враховуючи умовну автономність світу природи і світу людини, незаперечним залишається той факт, що вони від самого початку були єдині і неподільні. І наразі, фізіологічна сутність людини незалежно від культурних нашарувань залишається константною величиною, але зв’язок природи і людини набув якісно нового характеру.

Зі стану “дитя природи” людина перейшла в статус спостерігача. Це стало можливим в результаті виділення людини з природної середи як виду здатного вийти за межі своєї тілесної сутності і виконувати необумовлену природою

діяльність. Знаходячись ще в лоні природи і взаємодіючи з нею, людина створила свій штучний світ, світ правил, законів і обов'язків, світ протилежний природному, світ культури [1].

Природа стала об'єктом пізнання людини, об'єктом її художньої, наукової або творчої діяльності. Культура поступово дистанціювала людину від природи. Світ культури став посередником між світом людини та світом природи, людина сприймає природу крізь призму культури, що зумовило ускладнення взаємодії та взаємовідносин між ними. Складним видається визначення характеру відносин, які існують між нею і природою, діапазон вірюється від ідеї нерозривного зв'язку та єдності людини з природою та позиції господаря, яка дозволяє безкарно знущатися і використовувати природні ресурси за власною потребою і бажанням [2].

З метою поліпшення умов свого земного існування, захисту від неприборканих стихійних сил, підкорення норовливої природи, людина була змушена її вивчати.

Вихід людини за межі інстинкту не розірвав одвічний зв'язок людини з природою, людина завжди відчувала вплив і сама впливала на природу, залишаючись в певній мірі її часткою. Характер людини, традиції, світогляд людини, її картина світу, формувались під впливом тої місцевості, де мешкала та чи інша спільнота людей [3]. Результати цього впливу знайшли своє відображення в мовній картині світу, провідною функцією якої є фіксація та зберігання всього комплексу знань, уявлень про світ конкретної мовної спільноти [4], а саме в художніх образах, і тих знаках-символах, які їх експлікують в поетичній тканині творів.

Образи природи є провідними в англomовній поезії Канади, про що свідчить загальна кількість вживань (568 прикладів) біоморфного коду. Під біоморфним кодом ми розуміємо мовленнєві знаки, використані англomовними канадськими поетами у своїх віршованих творах на позначення будь-яких предметів, явищ, стихій природного світу, тварин або рослин.

Канада – це країна унікальної природної краси, край незайманої чистої природи, край, який омивається трьома з п'яти океанів, трьома морями, має розгалужену гідрологічну систему фьордів, заливів, найбільших в світі озер і річок. Таке водне розмаїття навкруги не могло не вплинути на світосприйняття мешканців Канади. Підтвердженням цього твердження є провідна позиція *ВОДИ* (103 прикладів) у порівнянні з іншими природними першоелементами, а саме з *ЗЕМЛЕЮ* (45 прикладів), *ПОВІТР'ЯМ* (29 прикладів), *ВОГНЕМ* (18 вживань). Низька кількість мовленнєвих знаків на позначення стихії *ЗЕМЛЯ* має аргументоване і логічне пояснення. Країна займає четверте місце у світі за своєю площею, але три четвертих (75%) її території – це зона півночі, яка є менш придатною для проживання людей. Тому та частина суходолу, яка має сприятливі умови для густого заселення, у свідомості канадців є, у порівнянні з

безкрайніми водними просторами, невеликою, що й зумовило порівняно невисоку кількість прикладів з актуалізованою стихією *ЗЕМЛЯ*.

Концепт ВОДА є базовим концептом у свідомості жителів Канади, який встановлює координати, що допомагають сприймати й осмислювати оточуючий світ. Вода, як елемент пейзажу, доступний для безпосереднього візуального сприйняття і вода, як міфологічний Світовий океан у водах якого плаває Земля, як першоелемент, що існував до створення Богом світу, злилися у свідомості канадців воєдино. В результаті чого, концепт ВОДА набув первинного і домінуючого статусу.

За виключенням мовленнєвих знаків, які прямо номінують водні об'єкти, такі як *water* (18), *sea* (12), *ocean* (8), *river* (8), *rain*(9), *stream* (4), *tide* (3) (в дужках указані кількісні показники вживання) та ін., загальна кількість яких дорівнює 103 приклади, слід додати ще 35, які опосередковано вказують на водну стихію та активують концепт ВОДА. До цієї групи належать такі лексичні одиниці, як *steam*, *coast*, *rock*, *seaweed*, *storm*, *shell*, *eel*, *fish*, *fog*, *dew*, *foam*, *ice*, *pack* (паковий лід), *glaciers*, *snow* та інші.

Безкрайність і неприборканість водної стихії спровокували виникнення розгалуженої системи символічних конотацій, амбівалентних за своєю природою. З одного боку, вода є символом життя, життєдайною силою для виникнення і росту всього сущого на землі, з іншого, її глибокі темні води несуть загрозу і знищення, її безмежність і руйнівна сила не має аналогів. Прикладами цього розуміння символу ВОДИ можуть слугувати художні порівняння в поетичних творах М. Етвуд "Листівки" ("Postcards") "*Love comes/ in waves like the ocean*", М.С. Гарріка "Дивлячись на фото моїх дочок" ("Looking at pictures of my daughters") "*I don't / know how you feel, there, where / the waves are dark and larger than life.*" та Р. Чарача "Обговорення" ("Advisement") "*his walls of antique books / like tidal waves could crush the senior reader*".

Ця двоїстість сприйняття символічного підґрунтя концепту ВОДА спричинила виникнення діади "жива" vs "мертва" вода. Під "живою" водою, зазвичай, розуміють небесну воду, яка несе в собі божественну благодать (порів., як у фрагменті поетичного тексту Дж. Терпестра "Молитва-прохання, щоб бути у Раю разом з дітьми" ("A Prayer To Be In Paradise With The Children"): "*When I must come to you, I pray / it be at any time of any day, / and if my eyes were closed, I shall awake / now, to Paradise, having seen your grace / fall somewhat like rain upon this one child's face.*"), життєдайну вологу, напій придатний для тамування фізичної і духовної спраги, поновлення тілесних і душевних сил, рухливий водний потік або спокійне водне плесо. Так, в поетичних рядках Р.Ф. Адамса ("The Lake") чисте й прозоре, наче коштовний камінь, озеро, своєю величчю і величавістю прирівнюється до королівської особи, образ якої експлікується в поетичній тканині твору мовленнєвим знаком *gown* – *мантія*, що метонімічно вказує на монаршу особу, архаїчною формою "*thee*" особового займенника *you* та лексичними одиницями *queen*, *to enthrone* : "*And I beheld its*

perfect stateliness,/As wearing gown, pure as the frail snow-flake” - “Я дивися на його бездоганну велич, наче одягнену в мантію, на його чистоту, крихку як сніжинка”. Спробуємо ретроспективно прослідкувати хід аналогії. Загублене озеро у смарагдових пагорбах – є очима землі, завдяки своїй гладкій поверхні, яка нагадує “рідке” дзеркало, бачить те, що приховане від людського ока, воно проникає в глиб душі, в суть речей і водночас вгамовує почуття, налаштовує на врівноважене споглядання та роздуми.

Дзеркальна поверхня озера відбиває світло, що символізує солярне походження монаршої влади та водна гладь озера, що є символом жіночого начала, уможливили народження в уяві автора символічного порівняння “озеро – королева”.

Ще одну визначну рису водної маси, на яку у своїх творах звертають особливу увагу поети, є її безперервний рух, стрімкий або плавний, у вигляді бурхливого потоку або маленького струмка, наприклад: *“her soaked hair flows like a startled wadi / after rain”* (K. Shenfeld “Hammam”), *“We go unheeded as the stream / That wanders by the hill-wood side, / Till the great marshes take his hand / And lead him to the roving tide”* (B. Carman “The Vagabonds”).

Уособленням “мертвої” води є підземні ріки, солона, непридатна до споживання рідина, тихі й темні водойми з застоєм водою. За результатами вивчення англомовних канадських поетичних текстів, ми дійшли висновку, що частіше терезів з “живою” (27 випадків вживання) та “мертвою” водою (24 випадки вживання) знаходяться у рівновазі. Медіарну позицію між ними займає лексична одиниця *water/вода* (18 випадків вживання), яку видається неможливим віднести до однієї з вищезазначених груп. Цей баланс “сил”, на нашу думку, видається цілком передбачуваним і прогнозованим. Баланс вбачається у всьому, у різних сферах людського життя і життя оточуючого світу. Джерелом балансу є поміркований, розмірений і врівноважений стиль життя населення Канади [Канада]. Особливий інтерес становлять взаємовідносини людини і природи на території країни. Бережливе та шанобливе ставлення до природи стало результатом топографічного контрасту у ландшафті території. Тобто, природні комплекси, які були збережені у первісному стані до сьогодення, межують з великими сучасними мегаполісами. Людина облаштовуючи міста для свого комфортного проживання, завдає мінімальну шкоду довкіллю, тим самим знайшовши і дотримуючись “золотої середини”.

Тісний контакт з природою, який знаходить свій відбиток в англомовних поетичних творах, пояснюється безкрайньою територією Канади і порівняно невеликою кількістю населення, що уможливлює близьке і проникливе спілкування з оточуючим світом природи [5].

Природний світ представлений у 276 прикладах, що складає половину від загальної кількості знаків біоморфного коду. Світ фауни (181 приклад) займає домінуючу позицію по відношенню до світу флори (95 прикладів). Тваринний світ завжди відігравав ключову роль у житті людини. З давніх давен життя корінного

населення країни залежало від полювання та рибної ловлі, тварини були джерелом провіанту, з їх хутра виготовляли одяг, який по-перше, зберігав під час довгої зими, а по-друге, був предметом обміну, з їх кісток виготовляли зброю. І в наш час існує значна залежність людини від природного світу, хоча і в дещо трансформованій формі. Полювання і риболовля набули промислових масштабів, заготівля лісоматеріалів є однією зі статей поповнення бюджету країни. Інший характер має єднання людини з матінкою-природою, майже 90% дорослого населення Канади займається діяльністю так чи інакше пов'язаною з оточуючим тваринним і рослинним середовищем. До найпопулярніших видів “спілкування” з природою відносять спостереження за дикою природою (viewing), вивчення, фотографування та фільмування, кемпінг, пішохідний туризм, катання на лижах або сплавляння на човнах гірськими річками [6]. У той чи інший спосіб світ флори і фауни присутній в житті і серці кожного пересічного мешканця країни.

Флористичний принт присутній і у державній символіці у вигляді кленового листка, який метонімічно репрезентує образ дерева і вказує на його провідну роль у житті і становленні країни у тому форматі, в якому вона наразі представлена на світовій арені.

Канада – країна з великою територією, багатою природою та великим майбутнім, і саме *ДЕРЕВО* є символом майбутнього. Канада віддає шану своєму історичному корінню, дбайливо доглядає за своїм теперешнім “стовбуром” і “кроною” своєю устримлена до неба, до сонця, до світлого майбутнього [Коробова, 83]. Більша частина провінцій країни має своєю емблемою вічнозелене дерево (*pine/сосна, spruce/ялина, fir/ялиця, cedar/кедр, tamarack/модрина*), за виключенням Острова Принца Едуарда, знаком якого є дуб. І вічнозелені дерева, і дуб в наївній картині світу людства, є символами сили, мужності, витривалості, довголіття, таких рис, які дозволили канадцям пристосуватися і вижити в досить суворих кліматичних і географічних умовах.

В поетичних творах в переважній більшості зустрічаються ендеміки, характерні для певної території країни (*“The yellow butterflies dart and drift, not so many as to fill the air, but like the leaves of certain trees, the mountain poplar, for example, falling, whose season it is.”* (K. Maltman “The Technology of the Yellow Butterflies”); *“Its promise opens at night / like jasmine petalling the darkness, / the dark road.”* (M. Redhill “Night Drive”); *“Oak leaves spiral in the draft, cling / like wrinkled wings to her hunched shoulders”* (B. Struthers “Keeping Mum”); *“your spine straight as the pine pointing to the sky”* (S. Kaszuba “Not You, Yes You”)), а випадки вживання нетипових видів флори для подібних широт є поодинокими.

Напротивагу дереву як символу життя, листя має протилежне імплікативне значення, виступаючи символом короткого плину людського існування, тлінності всього живого на землі. Саме з таким трактуванням символічного підґрунтя мовленнєвого знака *листя*, нас знайомить К. Хейворд у своєму віршованому творі “Inkerman: The Battle Field by Moonlight”, де численні тіла загиблих і

поранених у битві порівнюються з опалим листям: “*Thickly as leaves around the path / Through copse and brush-wood dense, / Lay piles of dead and wounded men, / Slain in that fierce defense*”. Периферійним значенням символу ЛИСТЯ є привиди, тіні або душі загиблих, наприклад: “*I see them (spirits – П.Я.) bow with grief, / Or dance for joy like any aspen leaf*” (В. Carman “Behind the Arras”).

Отже, за результатами дослідження ми дійшли висновку, що образ природи займає одну з ключових позицій в творчості англоканадських поетів. Перспективу подальших досліджень вбачаємо у вивченні особливостей актуалізації антропоморфного коду та його інтеракції з біоморфним у поетичній тканині творів англоканадських авторів.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Первушина О. В. «МИР ПРИРОДЫ» И «МИР ЧЕЛОВЕКА» в дискурсе отечественной историко-культурологической мысли // Вестник АлтГТУ им. И.И. Ползунова, №1-2, 2009. - С.134
2. Смирнов И., Титов В. Философия: Учебник для студентов высших учебных заведений. - http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/smirn/05.php
3. Культура и природа. - <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/kultura-i-priroda.html> дата посещения 02.09.14
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. - М.: ЧеРо, 2003. - 349 с.
5. Коробова С.Н. Выражение национальной канадской идентичности в художественной культуре // Вест. Моск. Ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, №2, 2009. - С.80
6. Акимов Ю.Г. Семья и брак в Канаде (по материалам частичной переписи населения 1996 года) (Полностью материал опубликован в журнале "США-Канада. Экономика, политика-культура", 2001, № 8) <http://demoscope.ru/weekly/2002/069/analit06.php>

Marunevich Oksana,
*Rostov State Transport University,
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences,
the Faculty of Humanities*

Ethnic Myths in the Folklore of Eastern, Southern and Western Slavs as Ethnically Consolidating Factor of Historical Consciousness

Ethnic revival of the second half of the twentieth century, called ethnic paradox of our time, was marked with an increased interest to ethnic culture, language, customs, traditions, and way of life against the background of increasing globalization in economic, social, political and spiritual life. In this regard, issues of ethnic consciousness, ethnic identity and consolidation are some of the most important and most complex of the ones, studied by ethnology and ethno psychology at the moment. And these issues have both theoretical and practical significance, being associated with such acute political problems, as inter-ethnic relations and conflicts, ethnic passionarity, various peoples' intention to create or restore their statehood, ethnic separatism, etc. Russian sociologist T.G. Stefanenko writes about it as following: «Almost universal interest to their roots of individuals and peoples is manifested in various forms: from attempts to resuscitate ancient customs and rituals, professional culture folklorizing, searching for the "mysterious soul of the people" to a desire to create or restore their national statehood» [1].

According to Yu. Lotman, every society in the era of radical change is characterized by "a sharp increase in signedness", by searching the probable symbols of ethnic group consolidation [2]. With steady unification of ethnic cultures, reducing the number of ethno differentiating signs the role of a common historical destiny as a symbol of a nation is increasing. In turn it involves the person's appealing to the continuum of the past, joining the limits of qualitatively different - sacral, mythical - time.

The problem of "life resilience" of the past in the present is encoded with the help of such terms as "collective memory", "cultural memory", "historical memory" and becomes relevant and topical in research studies of the humanities. The famous English historian E. Hobsbawm was the first to paying attention to the phenomenon of mobility and variability of images of the past. He emphasized that the appeal to the past is not only an instrument of legitimation of the traditional society, but also a powerful instrument of changes and prognostication in a modern and purely rational society [3].

It is difficult to overestimate the role of historical memory in the formation of ethnic identity. As M. Heidegger noted, "people willy-nilly, peer into the past, or, more precisely, into a certain image of the past ... Our identity comes from the historicity ... Those who cannot remember the past, are sentenced to invent it first"[4]. And it is a mythological consciousness that helps a person "to invent" the past, "to enter the matrix of the archaic mentality". According to M. Eliade, foremost the present exists in the mythological time, but it is a peculiar present: the past repeats and the future is foreseen simultaneously in the present [5; 6]. Thus myths, legends and stories, especially related to the origin and ethnic history of certain nations or their groups have long been the interest to researchers, not only as a part of peoples' spiritual culture, but as a valuable historical source as well.

The purpose of the given article is a comprehensive analysis of ethnic myths in Slavic folklore, aimed at identifying their significance as ethnic consolidating factor in the formation of ethnic and historical identity of Slavonic peoples.

The notions of "our" nation, captured in the myths, legends and superstitions show the most universal motives. First of all, it's beliefs about the primacy of one's ethnic group, its original correctness, inhuman nature of the other ethnic groups, their bestial entity or a relationship with the underworld. In this case, an important feature of Slavic folk tales based on theme of ethnic identification is not only their stability, but also their inclusion in the context of the Old and New Testaments, as well as mythological connection with certain historical events.

In particular, just as at the beginning of the time Adam and Eve were created, God and the apostles later continued their creative work in bringing to life various nations. So, one of the Russian legends indicates that Russian were made of clay by St. Paul, and the Ukrainians - of wheat dough by St. Peter. However, due to saints' inadvertence, the running past dog ate Ukrainians. St. Peter chased it and periodically he hit it on the back. And as the result the Ukrainians fell out of the dog. The resettlement of "Litvins" (ethnic Belarusians lived in the territory of the Grand Duchy of Lithuania) is described likewise. St. Peter answered God who was much surprised with the amount of fallen out Litvins, that there was a place this nation to settle down on both banks of the Desna river [7] According to another Ukrainian legend, when God created humans, He made of clay Russian, French, Tatars and other nationalities, but He had no clay left for Poles, so they were made of the dough. As in the previous stories, the dog ate drying on the sun Poles. God caught up with the dog, grabbed its legs and began to beat it about the various items - the bridge, ground, tree stump, etc. And then the Poles with the appropriate surnames - Mostovetsky, Zemnatsky, Penkovsky began to jump out of the dog. [8]. In the XIX century in Minsk province Poles were teased "*Shlyahtich-mahtich, Kundel (dog) son!*" according to legend that the first made of cottage cheese Polish gentleman was also eaten by a dog [9].

It should be mentioned that a great number of nations consider an animal to be their forefather. For example, Kola myths tell about the origin of the Kola Saami from the wonderful turn skin reindeer Myandash, in Scandinavian myths the forefathers of Angles and Saxons tribes were called Hengest (Stallion) and Horse, various Australian tribes still believe that their ancestors were a kangaroo, emu, possum, wild dog, lizard, crow and bat. However, for the Slavic folk tradition animal forefather is, first of all, an evidence of the original sinfulness or subordinate origin of the other ethnically group. That's why, in some cases, the progenitor of "our" nation is a "positive" biblical character, in contrast to the nearest neighbor whose ancestor broke any of the Ten Commandments. Thus, according to the Polish legend the story of Cain and Abel finished with the advent of Litvins and Poles. First are the descendants of Cain-villain, and the second are the descendants of Abel-innocent victim. Notwithstanding, the well-known Polish ethnographer M. Federovsky pointed out that the story of the legend is the original basis for the explanation of social inequality and stratification: the descendants of Abel are nobles, and the descendants of Cain are the peasants, whose service to gentry expiates the forefather's sins [10]. Transcarpathian Rusyns consider Gypsies to be Cain's descendants, who because of fratricide doomed to wander all round the world until Judgment Day [11]. A similar legend exists in Bulgarian folklore, but, in its interpretation Cain gave birth to Jews [12].

In some regions of Bulgaria and Macedonia there is an opinion that the Bulgarians are the descendants of Abraham and his son Isaac, while the Turks are the descendants of Abraham's illegitimate son Ishmael who committed incest with his mother Hagar. However, the folk tradition rehabilitates Ishmael and Hagar's action, as incest was the only way of procreation in the Wilderness of Paran, where the fugitives were hiding from Sarah's wrath. Moreover, to prevent her son of thinking about incest, Hagar covered her face with a veil, and Ishmael thought that comes into contact with another woman. As a result, Hagar bore eight children, so modern Turks are called Ottomans in memory of the eight ancestors emerged as a result of incest. The Muslim religious tradition really considers Ishmael (Ismail) to be the ancestor of the Northern Arabs, who in the Old Testament are identified with Ishmaelites [13].

Another Bulgarian legend about Turks' origin said they appeared in the result of love affair between dog and princess, who gave birth to eight sons, who later cohabiting with their mother, became the ancestors of the Turks. Besides, Bulgarians strongly believe that Turks are sons of a snake and a shepherd. It is noteworthy that the motive of shepherd and snake's love is typical for the Eastern Bulgarian songwriting. For example, in the song "The Shepherd and the Snake-girl" mother learnt that every evening a snake-girl came to meet her son, but surprisingly she had quite a human appearance: *Лицом хороша змеуха, // Лицо ее светит, как солнце. // Стан у нее тонкий, // Коса у нее золотая* [14]. However, the mother managed to take the snake away from her beloved son. On the contrary in the song

"Rada and two snakes" the daughter does not want her mother to separate her with lover - the serpent and at the end the serpent took the girl with him to the underworld.

The origin of some nations in Slavic folklore is associated with the events of the New Testament. Thus, according to Ukrainian legend once Jesus Christ and the Apostle Peter were wandering around the world in the image of the poor (typical plot of many legends and fairy tales) and met the bridal procession. Drunken guests rebuked saints for vagrancy: some advised to plow the land and sow grain, others to stay at home and weave bast shoes. So Christ identified the first to be Ukrainians – grain growers, the second to be Russian, whose main occupation was weaving bast shoes [15]. Necessary to emphasize that the first mention of bast shoes was recorded in chronicles in 985: *Пошел Владимир на болгар ... И победили болгар. И сказал Владимиру Добрыня: «Осмотрел колодников – все в сапогах. Этим даны нам не давать, пойдем поищем себе лапотников* [16]. However, it means nothing to the narrator, because mythological time, referred to in the legend, implies the concept of having all in everything, and each event has a wonderful, fantastic character and is inseparable from eternity. It is also noteworthy that the Russian nickname *Lapotnik* (*bast shoe wearer*) was widely used, especially in Siberia, until the 1970s [17], in Nizhny Novgorod dialects this word means simple-minded and unsophisticated person [18].

Dialect nickname of Ukrainians was *чертовы головы* (*devil's heads*). According to legend, once the Lord and St. Peter came down from heaven to earth and heard a strange noise in the reeds: there was the devil fighting with Ukrainian. St. Peter "reconciled" them, tearing their heads off. When the Lord shamed him, he put their heads back, but he confused them, so Ukrainian got the head belonging to the devil [19]. Probably the origin of the proverb *Хохол глупее вороны, а хитрее черта* goes back to this story. Volyn legend in the same way explains the devil's "kinship" with the Jews. Having met the devil and the Jew Apostles Peter and Paul tore their heads off and threw them into the ditch. But Christ ordered saints to rectify the situation. The apostles again confused the heads, and since that time the naive consciousness has a strong believe that the Jews and the devil are brothers. It is also fixed in numerous Russian proverbs and sayings: *Бесы и жида — дети сатаны; С жидом знаться — с бесом связаться; Около жида потрешься — бесовского наберешься; Жид в хату — ангелы из хаты*.

Thus, ethnic myths and legends of the Slavs reflect a long-term tradition of folklore self-awareness in the world around and perform ethnic consolidating function in the contacts with ethnic neighbors. And it is quite natural, as among the variety of human communities only ethnic groups arise not by the will of the people, but as a result of a long historical process, in the course of which development and perceived ethnic characteristics singled out: language, culture and religion, racial traits, etc. [20]. A characteristic feature of the ethnic group is its ability to classify themselves as a separate group, which has its own culture, which it seeks to preserve. Every nation is

trying to comprehend itself and its place in the history, based on historical facts, archaeological and written sources, traditions, customs, myths and legends. And by myths, legends and fairy tales in the distant past, each ethnic group became estranged from other ones and tried to distinguish its otherness in habitual categories and terms, asserting own identity and value system.

Slavonic ethnic myths differ greatly from those of other European nations', needless to say about the myths of Africa, America, Australia and Oceania. Firstly, most of the legends are connected with the events of Scripture in its folk interpretation, and secondly, it is not typical for the Slavic myths to consider totemic animal as a nation's forefather, and finally, the Slavs inherent inclusion of their closest ethnic neighbors in the locus of the myth.

Closer appeal and following study of ethnic, cosmological and anthropogenic myths and legends of the Eastern, Southern and Western Slavs will contribute to the study of a large range of issues related to the origin, ethnic and social history of a certain nation, its historical and cultural ties.

REFERENCES

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Москва, Екатеринбург, 2000. С. 20.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург, 2000. - С. 486.
3. Hobsbawm E. The Age of Extremes: the Short Twentieth Century, 1914 – 1991. London, 2005.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. Москва, 2003. - С. 156.
5. Элиаде М. Аспекты мифа. Москва, 1995.
6. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. Санкт-Петербург, 1998.
7. Булашев Г.О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Киев, 1909. - С. 156.
8. Булашев Г.О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Киев, 1909. - С. 175-176.
9. Грынблат М.Я., Гурскі А.І. Легенды і паданні. Минск, 1983. - С. 92.
10. *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. - С. 149.
11. Бушкевич С.П. Ветхозаветные сюжеты в народной культуре Украинских Карпат // Живая старина. 2002. № 3. - С. 12.
12. Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. Москва, 2005. - С. 18.
13. Библия. Ветхий Завет. Москва, 2008. Книга Судей Израилевых. 8, 24.
14. Библиотека всемирной литературы. Т. 11. Песни южных славян. Москва, 1976. - С. 76.

15. Левкиевская Е. Мифы русского народа [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.booksite.ru
16. Повесть временных лет. Москва, 2014. - С. 144.
17. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. Москва, 2007. - С. 322.
18. Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1980. Т. 16. - С. 265.
19. Булашев Г.О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Киев, 1909. - С. 152.
20. Giddens, A. Sociology. London, 1989. - P. 244.

SPORT

Vladimir A. Aikin,

*Siberian State University of Physical Education and Sport,
Professor, Doctor of Pedagogical Science*

Michail D. Baksheev,

*Siberian State University of Physical Education and Sport,
Assistant Professor, Candidate of Pedagogical Science*

Aleksey V. Korichko,

*Nizhnevartovsk State University,
Assistant Professor, Candidate of Pedagogical Science*

Galina A. Tarasevich,

*Siberian State University of Physical Education and Sport,
Candidate of Pedagogical Science*

Developing swimming technique of sport movements with concern for age-related characteristics of motor development

Abstract. The purpose of this research is to identify age-related peculiarities of developing various motor skills in school-aged competitive swimmers. Dynamics in age-related parameters of biomechanics in the age of 7 to 17 years is characterized by *heterochrony of sensitive and non-sensitive periods in spite of the movements' identity in the aspects of velocity and power*. The results of the research can be used to improve training programs for young swimmers.

Keywords: competitive swimming, age-related parameters, motor skills, techniques

Improving certain movements is an important part of the swimmer's long-term training program as high-level techniques are the key element for the athlete's success [1], [2].

Sports kinetics is a kind of human motor skills and its forming is due to some common laws of body development. But alongside some common all-system tendencies in motor skills' development there are some specific trends concerning peculiar elements and structures [3], [4], [5], [6], [7]. It is well-known that basic techniques start forming in childhood and teenagehood. That is why it is important to study age-related peculiarities of swimming movements and stages of forming the

whole system of competitive swimming techniques in order to define sensitive (critical) periods in body development and to work out most effective age-differentiated coaching approaches. It is proved that human body's maximum performance can be revealed when the genetic program harmoniously coincides with the training program [8].

Some researchers showed [9], [10], [11], [12], [13], [14] that age-related dynamics of the swimmer's biomechanics is a “seesaw” process in school-aged children. In some age groups the speed of skills improving can spike while in others there comes an abrupt decrease or even a *complete cessation of the parameters*. *It is noteworthy that within any separate motion, either the start off the block, the turn or front crawl movements, there is heterochrony of sensitive periods in forming dynamic and temporal characteristics.*

When researching age-related dynamics of swimming techniques, including starts, turns, swimming of all main strokes and speed swimming with monofin, we found out *heterochrony of sensitive periods for forming some swimming techniques in school-aged boys* (Table 1).

Table 1.

**Heterochrony of sensitive (+) and non-sensitive (-) periods
for developing main biomechanical parameters of the swimmer's techniques**

Parameters		Age, years									
		7-8	8-9	9-10	10-11	11-12	12-13	13-14	14-15	15-16	16-17
1.	Reactivity coefficient (start off the block)	+		-		+				+	
	Strength gradient (start from water)		+						+	+	
	Strength gradient (turn)			+					-	+	+
2.	Support reaction (start off the block)	+				+		+		+	
	Support reaction (start from water)					+		+		+	
	Support reaction (turn)				+		+			+	
3.	Absolute speed (competitive swimming strokes)			+			+			+	
	Absolute speed (monofin)					+		+			
4.	Push-off time (start off the block)	+		-							
	Push-off time (start from water)				-	+	-		-	-	
5.	Time of getting maximum strength (start from water)		+	-					+		
	Time of getting maximum strength (turn)			-					-	+	
6.	Tempo (competitive swimming strokes)			+				+	-		

	Tempo (monofin)			+	-						
7.	Swim pace (strokes)			+			+		+	+	
	Swim pace (monofin)					+		+			

Comparing the start off the block, the start from water and the turn which are different in their structure and conditions but still belong to one and the same group of acyclic speed and power swimming motions, we can see there is an incomplete coincidence in the tempo of improving such identical biomechanical elements as strength gradient, support reaction, time of getting maximum strength. But in the age of 15-16 years we observe coincidence in improving dynamic characteristics of the start off the block, the start from water and the turn. Fast improving of these parameters in starting off the block and starting from water goes in the same way in the age groups of 11-12 and 13-14 years. Age-related changes in kinematic parameters of the swimmer's acyclic motions are also characterized by difference in sensitive periods. The only coincidence in non-sensitive periods is noted in the age group of 9-10 years and concerns the temporal parameters of getting maximum strength in starting off the block and starting from water.

Moving in water with any swimming style, either competitive or not, requires an ability to generate an effective base of support. An implicit indicator of the swimmer's propulsion efficiency is the swim pace, the distance covered by the athlete during the cycle of motions.

The results of our research show that in all four competitive swimming styles, which are different in their structure and coordination of motions, fast improving in swim pace goes in the same periods and does not depend on the swimming style itself [15], [16]. It can be explained by the fact that the main element of any swimming style is the swim pace – the parameter which is not dependent on the character and coordination of motions but still has a standard hydrodynamics-based mechanism of generating support reactions in water. But having mutual hydrodynamics base for support reactions in water the kinematic peculiarities of the main element in the swimmer's techniques can influence the terms of sensitive periods for forming such parameters as swim pace, tempo, swimming velocity. For instance, monofin speed swimming reveals itself in an absolutely different structure of the stroke and much greater dynamic efforts. That is the factor determining peculiarities of the structure of the main element in any swimming techniques and it seems to influence the mechanisms of motion management and the terms of sensitive periods in the end.

The age-related dynamics of absolute swimming speed and parameters of front crawl pace and monofin pace show difference in sensitive periods (Table 1.). Age-related dynamics in the tempo of swimming motions for these swimming styles is also characterized by the sequence of sensitive and non-sensitive periods. Such a sequence can be seen in different age groups, but in the age of 9 to 10 years we can see the common tendency in fast improving the ability to increase the tempo of

swimming motions which are different in forms.

The analysis of identical parameters in sports ontogenesis makes it possible to compare age-related rhythms of kinetics development in athletes and non-athletes [17], [18].

The results obtained in school-aged children who did not go actively in for competitive swimming allow studying natural age-related dynamics in biomechanics of motion techniques. This dynamics is conditioned more by genetic factors and less by social ones which depend on the peculiarities of previous training process.

The data in Table 2. make it clear that there is an incomplete coincidence in the rhythm of age-related changes in the parameters of techniques and swimming velocity in athletes and non-athletes.

Table 2.

Heterochrony of sensitive (+) and non-sensitive (-) periods for developing main biomechanical parameters of the swimmer's techniques in school-aged athletes and non-athletes

Parameters		Age, years								
		8-9	9-10	10-11	11-12	12-13	13-14	14-15	15-16	16-17
1.	Absolute velocity (competitive swimming strokes), <i>non-athletes</i>		+			+			+	
	Absolute velocity (competitive swimming strokes), <i>athletes</i>		+	+		+		+		
2.	Tempo (competitive swimming strokes), <i>non-athletes</i>		+				+	-		
	Tempo (competitive swimming strokes), <i>athletes</i>	+ breast-stroke			- backst-roke	+ front crawl	-			
3.	Pace (competitive swimming strokes), <i>non-athletes</i>		+			+		+	+	
	Pace (front crawl), <i>athletes</i>		+	+			+	+		
	Pace (breaststroke), <i>athletes</i> .		+					+		
	Pace (backstroke), <i>athletes</i>		+		+		+			
	Pace (butterfly), <i>athletes</i>		+		+			+		
4.	Index of techniques' efficiency (competitive swimming strokes), <i>non-athletes</i>		+			+			+	
	Index of techniques' efficiency (competitive swimming strokes), <i>athletes</i>		+	+	+			+		

In the age of 9 to 10 years parameters of swimming techniques in both athletes and non-athletes improve quickly which means the rhythms of body development coincide at this stage. Then active swimming training causes the growth of velocity

even at the moment when school-aged non-athletes undergo the stabilization period and school-aged athletes' ability for increasing tempo gets in its sensitive period a year earlier. In the age of 14 to 15 years such a swimming parameter as swim pace again improves quickly in both groups which illustrates only partial exogenic correction in the genetic program of body development when going in for sports. A purposeful training targeted to improving swimming techniques leads to athletes' having more sensitive periods for fast developing the abilities to generate a base for support in water and to increase swimming propulsion that are assessed by the *index of techniques' efficiency (ITE)*.

The skill to generate a base for support («sense of water») is a fundamental factor, predominantly limiting the level and the tempo of improving swimming techniques.

The observed, mainly single-direction, dynamics in the tempo, the swim pace and the swimming velocity for different competitive strokes, which vary in coordination and form of motions, prove there is a significant dependence of all techniques' parameters upon some specific senses. On the basis of precision and fineness of these abilities («senses») there appear specific abilities for differentiating, measuring, reproducing and assessing spacial, temporal and power parameters of motions, actions and activity. as a whole.

Some researches on featuring the swimmer's specific senses in the process of age-related development [19], [20] also show *heterochrony in their forming when swimming an asynchronous stroke (front crawl) and a synchronous stroke (breaststroke)* (Table 3.).

Table 3.

Heterochrony of sensitive (+) and non-sensitive (-) periods for developing the swimmer's specific senses

Parameters		Age, years				
		10-11	11-12	12-13	13-14	14-15
1.	«Sense of water», index of techniques' efficiency (ITE) (front crawl)	+				
	«Sense of water», index of techniques' efficiency (ITE) (breaststroke)		+			+
2.	«Sense of water», index of propulsion efficiency (IPE) (front crawl)				+	
	«Sense of water», index of propulsion efficiency (IPE) (breaststroke)	+			+	
3.	«Sense of water» specific dexterity	+				
4.	«Sense of time» in water (front crawl)	+				
	«Sense of time» in water (breaststroke)		+			
5.	«Sense of tempo» in water (front crawl)		+			
	«Sense of tempo» in water (breaststroke)	+				
6.	«Sense of efforts» in water (front crawl)	+	-			
	«Sense of efforts» in water (breaststroke)				+	
7.	«Sense of space» in water					+

The ability to feel hydrodynamic resistance of water and the ability to generate a base of support in water under rapidly changing conditions of the swimmer's activity ("sense of water") were assessed by three parameters: the index of techniques' efficiency (ITE), the index of propulsion efficiency (IPE) and the time of doing a complex coordination exercise in water (specific dexterity).

It has been proved that different components of «sense of water» actively develop in the age of 10 to 15 years, excluding the period of 12 to 13 years. Temporal characteristics of specific senses undergo active development in the age of 10 to 12 years, and «sense of efforts» actively develops in the age of 10 to 11 years (crawl) and in the age of 13 to 14 years (breaststroke).

Conclusions.

1. General rules for motor skills development in the age of 7 to 17 years are characterized by *heterochrony and sensitivity*.
2. Dynamics in age-related changes of biomechanics of the swimmer's turn, start off the block and start from water in school-aged children of 7 to 17 years is characterized by *heterochrony of sensitive and non-sensitive periods in spite of the movements' identity in the aspects of velocity and power*.
3. Age-related changes in the techniques' elements, concerning different swimming strokes, in the age of 7 to 17 years are of single direction in spite of difference in movements' form and coordination.
4. There is an incomplete coincidence in the rhythm of kinetics' age-related changes in athletes and non-athletes which proves partial exogenic correction of a genetic program for body development while going in for sports.
5. Age-related dynamics in the swimmer's specific senses (both synchronous and asynchronous strokes) is characterized by *heterochrony but also by mutual sensitive period for developing «sense of water» and skills to differentiate temporal parameters and mutual period of stabilization*.

REFERENCES

1. Аикин В.А. Общие закономерности дифференцированного обучения биомеханическим элементам техники плавания в возрасте 7-17 лет: дис...д-ра пед. наук. – Омск, 1997. – 260 с.
2. Макаренко Л.П. Техника спортивного плавания: пособие для тренеров / М.:ВФП, 2000. – 136с.
3. Бальсевич В.К. Онтокинезиология человека – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.
4. Аикин В.А. Общие закономерности дифференцированного обучения биомеханическим элементам техники плавания в возрасте 7-17 лет: дис...д-ра пед. наук. – Омск, 1997. – 260 с.
5. Бакшеев М.Д. Возрастные особенности формирования техники старта в плавании на спине: автореф.дис. ... канд. пед. наук. - Омск, 1990. – 20 с.

6. Бачин В.П. Возрастное дифференцирование средств повышения скоростных возможностей у пловцов 8-17 лет: дис. ... канд. пед. наук. - Омск, 1989. – 179 с.
7. Коричко А.В. Дифференцирование упражнений в процессе обучения и совершенствования техники поворота: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Омск, 1999. – 19 с.
8. Бальсевич В.К. Онтокинезиология человека – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.
9. Аикин В.А. Общие закономерности дифференцированного обучения биомеханическим элементам техники плавания в возрасте 7-17 лет: дис...д-ра пед. наук. – Омск, 1997. – 260 с.
10. Бальсевич В.К. Онтокинезиология человека – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.
11. Бакшеев М.Д. Возрастные особенности формирования техники старта в плавании на спине: автореф.дис. ... канд. пед. наук. - Омск, 1990. – 20 с.
12. Бачин В.П. Возрастное дифференцирование средств повышения скоростных возможностей у пловцов 8-17 лет: дис. ... канд. пед. наук. - Омск, 1989. – 179 с.
13. Жуков Р.С. Возрастная дифференцировка упражнений в процессе обучения плаванию школьников 9-17 лет: автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Омск, 1995. - 19 с.
14. Коричко А.В. Дифференцирование упражнений в процессе обучения и совершенствования техники поворота: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Омск, 1999. – 19 с.
15. Аикин В.А. Общие закономерности дифференцированного обучения биомеханическим элементам техники плавания в возрасте 7-17 лет: дис...д-ра пед. наук. – Омск, 1997. – 260 с.
16. Жуков Р.С. Возрастная дифференцировка упражнений в процессе обучения плаванию школьников 9-17 лет: автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Омск, 1995. - 19 с.
17. Бачин В.П. Возрастное дифференцирование средств повышения скоростных возможностей у пловцов 8-17 лет: дис. ... канд. пед. наук. - Омск, 1989. – 179 с.
18. Жуков Р.С. Возрастная дифференцировка упражнений в процессе обучения плаванию школьников 9-17 лет: автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Омск, 1995. - 19 с.
19. Казызаева А.С. Формирование специализированных восприятий у пловцов-бассистов 10-15 лет: дис. ... канд. пед. наук. - Омск, 2006. - 260 с.
20. Тарасевич Г.А. Специализированные восприятия у пловцов кролистов на этапе базовой подготовки: дис. . канд. пед. наук.- Омск, 2010. - 169 с.

Somkin Alexey,

*St. Petersburg State University of Film and Television,
Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Department of Physical Education*

Technology of preparation of female gymnasts aged 10-12 years for compulsory exercise on uneven bars

Abstract: This article is devoted of preparation of female gymnasts aged 10-12 years. The publication focuses on the technology of training compulsory exercise on uneven bars.

Keywords: artistic gymnastics, uneven bars, compulsory exercise, female gymnasts aged 10-12 years.

Сомкин Алексей,

*Санкт-Петербургский государственный университет кино и
телевидения, профессор, доктор педагогических наук,
кафедра физического воспитания*

Технология подготовки гимнасток 10-12 лет к обязательному упражнению на разновысоких брусьях

Аннотация: Данная статья посвящена подготовке гимнасток 10-12 лет. В публикации рассматривается технология обучения обязательному упражнению на разновысоких брусьях.

Ключевые слова: спортивная гимнастика, разновысокие брусья, обязательное упражнение, гимнастки 10-12 лет.

Гимнастки 10-12 лет, выступающие по программе первого взрослого разряда в Российской Федерации, обязаны выполнять, помимо произвольной программы, ещё и обязательную программу на всех видах многоборья. Упражнения данной программы, утверждённой Федерацией спортивной гимнастики России, состоят, в основном, из, так называемых, базовых профилирующих упражнений. Это целостные упражнения, которые, в силу своих структурно-параметрических свойств и технических характеристик, являются ключевыми движениями (или фундаментом) для разучивания

большинства современных гимнастических упражнений, включаемых в соревновательные программы спортсменок, в том числе, элитного уровня [1]. Вместо разновысоких брусьев гимнастки первого взрослого разряда выполняют обязательное упражнение на одной (высокой) жерди. Представляем его содержание:

Размахивания в висе – мах вперёд с поворотом на 180^0 с поочерёдным перехватом рук на уровне горизонтали («санжировка») – «санжировка» с поочерёдным перехватом рук на уровне 45^0 от горизонтали – «санжировка» с одновременным отпусканием рук в стойку на руках – оборот назад в стойку на руках – большой оборот назад с подлётом (с отпусканием рук) – большой оборот назад с поворотом на 180^0 в стойку на руках хватом снизу («келлеровский» поворот) – большой оборот вперёд – большой оборот вперёд с одновременным перехватом рук в стойку на руках хватом сверху – махом вперёд «келлеровский» поворот – большой оборот вперёд с поворотом на 180^0 в стойку на руках хватом сверху («прямой» поворот) – большой оборот назад – большим махом вперёд соскок сальто назад прямым телом.

Для освоения данной комбинации гимнастки должны на высоком техническом уровне владеть такими базовыми навыками общего назначения – двигательными действиями, которые входят в структуру большого количества разнообразных по сложности целостных гимнастических упражнений практически на всех снарядах, как: приземление, восстановление и сохранение равновесия после соскока со снаряда; вращение вокруг поперечной оси тела («по сальто назад») при соскоке с сохранением динамической осанки (прямое положение тела); стойка на руках и способы прихода в неё; бросковая (или «хлестообразная») техника маховых движений в висе [2].

Кроме этого, гимнасткам необходимо владеть и базовыми навыками специального (или видового) назначения, применительно к разновысоким брусьям: отход на соскок после большого маха вперёд; приходы в вис после элементов с промежуточной фазой полёта; изменение хватов и перехваты руками при вращательных движениях вокруг продольной оси тела (в частности, в стойке на руках) [3, 4].

Для совершенствования процесса освоения обязательного упражнения первого взрослого разряда необходимо, прежде всего, разработать его технологию, которая будет выражаться в алгоритмизации последовательных стадий и этапов обучения, направленных на наиболее эффективное достижение конечной цели [5]. На первом этапе необходимо осуществить освоение навыка принятия и сохранения динамической осанки – прямого положения тела. Максимально выпрямленное положение тела в стойке на руках должно быть продемонстрировано гимнастками в шести (из тринадцати) элементах программы: «санжировка» с одновременным отпусканием рук; оборот назад; «келлеровский» поворот (два раза); большой оборот вперёд с одновременным перехватом рук в хват сверху; «прямой» поворот. Кроме того,

требуется сохранение прямого положения тела при выполнении соскока – большим махом вперёд сальто назад.

Комплекс последовательно усложняющихся упражнений для формирования динамической осанки может состоять из её совершенствования в условиях, во-первых, статических положений, а, во-вторых, при перемещении тела гимнастки в пространстве. Первая часть комплекса включает следующие задания, время удержания которых должно быть 30-45 с.

1. Лёжа на спине, руки вверх, спина округлена, голова опущена, ноги и руки подняты от пола на высоту 8-10 см (так называемое, положение «лодочка»). Для усложнения условий выполнения задания гимнастка может держать в руках, а также между внутренними сторонами стоп, гантели весом до 0,5 кг.

2. Стойка на руках, прижавшись всей передней поверхностью тела к вертикальной опоре (например, к гимнастической стенке).

3. Вис «прогнувшись» (вниз головой), бёдра прижаты к жерди, с округлённой спиной – на нижней жерди разновысоких брусьев.

4. Лёжа на животе продольно на гимнастическом коне или козле, руки вверх с хватом за рейку гимнастической стенки с углом в тазобедренных суставах, близким к 180^0 (так называемая, «горизонтальная стойка на руках»).

5. Упор на рейке гимнастической стенки с прижатой к ней, практически, всей передней поверхности тела, носки оттянуты.

Вторая часть комплекса.

1. Исходное положение (И.П.) вис «прогнувшись» (вниз головой) на низких кольцах – опускание в горизонтальный вис сзади (с фиксацией 1-2 с) – возвращение в И.П. – опускание в горизонтальный вис спереди (с фиксацией 1-2 с) – возвращение в И.П. Повторить с помощью тренера 10-12 раз.

2. И.П. стойка на руках (хватом сверху) на напольной жерди – опускание в горизонтальный упор (с фиксацией 1-2 с) – возвращение в И.П. Повторить с помощью тренера 10-12 раз.

3. И.П. то же, что и в упражнении 2 – спад назад до горизонтального уровня на маты (до положения «лёжа на животе»), сохраняя неизменное положение тела.

4. И.П. то же, что и в упражнении 2, но хватом снизу – спад вперёд до горизонтального уровня на маты (до положения «лёжа на спине»), сохраняя неизменное положение тела.

На втором этапе осуществляется освоение основных управляющих движений для больших оборотов назад и вперёд, оборота назад в стойку на руках и других элементов, входящих в комбинацию. Они включают в себя: выполнение акцентированных бросковых («хлестообразных») маховых движений в висе; активное сгибание в тазобедренных и плечевых суставах (в начале фазы подъёма) и разгибание в них (с приходом в стойку на руках) – в большом обороте назад; акцентированное сгибательное движение в плечевых

суставах (при спаде) и разгибательное движение (при подъёме) – в обороте назад в стойку на руках; выполнение опорных поворотов на одной руке на 180^0 вокруг продольной оси тела («санжировка» с поочерёдным перехватом рук; «келлеровский» и «прямой» повороты) [6].

На данном этапе рекомендуется выполнять следующие упражнения, направленные на отработку вышеназванных управляющих движений:

1. Размахивания изгибами на верхней жерди разновысоких брусьев (или на перекладине в петлях).

2. Размахивания в висе на перекладине в петлях с увеличивающейся амплитудой как на махе вперёд, так и на махе назад до стойки на руках за счёт активных бросковых («хлестообразных») движений.

3. Серия кувырков назад на акробатической дорожке с прямыми ногами и руками с выходом в стойку на руках за счёт активного разгибания в тазобедренных и плечевых суставах (6-8 раз подряд).

4. Из стойки на руках на нижней жерди разновысоких брусьев – опускание в упор и оборот назад – отмах в стойку на руках (6-8 раз с помощью тренера).

5. Из упора на нижней жерди разновысоких брусьев – отмах и оборот назад с активным разгибанием в плечевых суставах в горизонтальное положение, либо несколько выше (до $30-45$ градусов), с его фиксацией с помощью тренера.

6. Кувырок назад на акробатической дорожке с прямыми ногами и руками с поворотом на 180^0 с выходом в стойку на руках – спад вперёд до горизонтального уровня на маты (до положения «лёжа на спине»), сохраняя неизменное положение тела.

7. В стойке на руках на напольной жерди: серия поворотов с опорой на одну руку на 180^0 – из хвата сверху в хват снизу и обратно (с помощью тренера или с опорой ногами на вертикальную стену).

8. Из упора хватом снизу на нижней жерди разновысоких брусьев – отмах в стойку на руках и «прямой» поворот в стойку на руках хватом сверху – опускание в упор – отмах в стойку на руках и поворот плечом назад в стойку на руках хватом снизу – опускание в упор (4-6 раз с помощью тренера).

На третьем этапе «технологической цепочки» должно происходить объединение ранее освоенных навыков и управляющих движений в специально составленные комплексы подводящих упражнений. Для этих целей может быть использовано тренажёрное устройство, входящее в состав дополнительного оборудования к выпускаемым промышленным способом батутным дорожкам. Специальная жердь укрепляется поперёк по отношению к рабочей поверхности дорожки на высоте примерно 10-15 см от неё. Используя упругие свойства сетки батутной дорожки и собственные мышечные усилия (при спадах со стойки на руках вперёд – на спину), гимнастки могут осваивать и совершенствовать на данном тренажёре начальные и заключительные фазы оборотов и повороты в них как с помощью тренера, так и самостоятельно [7].

Исходным положением для большинства упражнений является стойка на руках хватом сверху. Затем гимнастка производит спад вперёд на спину на поверхность батутной дорожки с одновременным сгибанием в тазобедренных суставах и выполняет (обычно, с помощью или страховкой тренера) следующие элементы и соединения: махом вперёд выход в стойку на руках (повторить до 10-ти раз) – со стойки на руках спад назад до горизонтального уровня на мат, положенный на дорожку – до положения «лёжа на животе», сохраняя неизменное положение тела; махом вперёд поворот плечом вперёд с выходом в стойку на руках хватом снизу («келлеровский» поворот) – поворот плечом вперёд («прямой» поворот) в стойку на руках хватом сверху (повторить до 10-ти раз) – спад вперёд на спину – «келлеровский» поворот – со стойки на руках спад вперёд до горизонтального уровня на мат (до положения «лёжа на спине»), сохраняя неизменное положение тела; махом вперёд «санжировка» с выходом в стойку на руках (сначала с поочерёдным перехватом, а затем с одновременным отпусканьем рук) – спад вперёд на спину (повторить до 10-ти раз). На данном тренажёрном устройстве могут также выполняться подводящие упражнения для освоения и других элементов программы с одновременным отпусканьем рук от жерди: махом вперёд подлёт (с отпусканьем рук) в стойку на руках (повторить до 4-6 раз); махом вперёд отпускание рук и приземление в стойку на руках на сетку батутной дорожки (для совершенствования отхода на соскок).

На четвёртом этапе должно происходить непосредственное освоение целевых упражнений, входящих в обязательную программу первого взрослого разряда на этом снаряде. В зависимости от индивидуальных особенностей конкретных гимнасток и уровня имеющейся у них технической и физической подготовленности, элементы программы осваиваются с использованием: нижней жерди разновысоких брусьев; высокой перекладины с петлями; высокой жерди, расположенной над поролоновой ямой. В заключение данного этапа спортсменки должны уверенно выполнять все элементы, входящие в комбинацию, в стандартных условиях – на высокой жерди. Таким образом, должна завершаться первая стадия процесса обучения гимнастками обязательной программы первого взрослого разряда на данном снаряде.

Вторая стадия обучения заключается в освоении гимнастками учебных профилирующих комбинаций, которые условно называются «базовым концентратом» [8]. Данные комбинации рекомендуется выполнять, во-первых, на высокой перекладине (в петлях) и, во-вторых, на высокой жерди (расположенной над поролоновой ямой, а затем и в стандартных условиях).

Упражнение на высокой перекладине (в петлях).

Подъём разгибом – отмах в стойку на руках – оборот назад в стойку на руках – большой оборот назад с остановкой в стойке на руках – оборот назад в стойку на руках – большой оборот вперёд с акцентированным «расхлёстом» и остановкой в стойке на руках – большой оборот назад – спад назад и большим

махом вперёд «имитация отхода» на соскок сальто назад.

Упражнения на высокой жерди.

1. Подъём разгибом – отмах в стойку на руках – оборот назад в стойку на руках – большой оборот назад – махом вперёд «келлеровский» поворот – большой оборот вперёд – большой оборот вперёд с «прямым» поворотом – большой оборот назад – большим махом вперёд соскок сальто назад прямым телом.

2. Подъём разгибом – отмах в стойку на руках – махом вперёд «санжировка» с поочерёдным перехватом рук – махом вперёд «санжировка» с одновременным отпусанием рук в стойку на руках – махом вперёд «келлеровский» поворот – махом назад одновременный перехват рук в стойку на руках хватом сверху – большой оборот назад – большим махом вперёд соскок сальто назад прямым телом.

Третья стадия будет заключительной в данном «технологическом процессе». Она состоит из двух этапов. На первом этапе гимнастки должны выполнять обязательную программу первого взрослого разряда в полном объёме, но в облегчённых условиях – над поролоновой ямой, а также с помощью или страховкой тренера при исполнении отдельных элементов. Второй, завершающий, этап – это выполнение комбинации самостоятельно и в стандартных (либо соревновательных) условиях.

Следовательно, технология процесса обучения гимнасток 10-12 лет обязательному упражнению первого взрослого разряда на разновысоких брусьях (а точнее – на одной высокой жерди) состоит из последовательного «прохождения» трёх стадий, включающих, в общей сложности, семь этапов. Её чёткое выполнение должно будет привести к эффективному достижению поставленной цели – успешному выступлению на соревнованиях и, в частности, на данном снаряде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смолевский В.М., Гавердовский Ю.К. Спортивная гимнастика: учебник. Киев: «Олимпийская панорама», 1999. – 462 с.
2. Гавердовский Ю.К. Не только по программе (о специализированной технической подготовке в гимнастике) // Гимнастика. 1978. №2. – С. 18-29.
3. Неробеева О.В. Специфика специальной технической подготовки гимнасток в упражнениях на брусьях разной высоты с учётом современных тенденций развития данного вида многоборья // Гимнастика: сборник научных трудов. Выпуск 1. / СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта. СПб., 2003. – С. 85-88.
4. Pidcoe, P., T. German, T. and D. McPherson (2010) “Twisting Basics II: Uneven Parallel Bars”, *Technique*, February, pp. 10-13.
5. Солодяников В.А. Технологии в подготовке специалистов в обучении

двигательным действиям: монография. СПб.: «Петрополис», 2001. – 87 с.

6. Гущина Е.П. Совершенствование методики обучения юных гимнасток базовым элементам на разновысоких брусьях: автореф. дис. ... канд. пед. наук; СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта. СПб., 2002. – 23 с.

7. Сомкин А.А. Материально-техническое обеспечение занятий спортивной гимнастикой: учебное пособие; НГУ им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург. СПб., 2009. – 116 с.

8. Аркаев Л.Я.. Сучилин Н.Г. Методологические основы современной системы подготовки гимнастов высшего класса // Теория и практика физической культуры. 1997. №11. – С. 17-25.

Somkin Alexey,

*St. Petersburg State University of Film and Television
Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Department of Physical Education,*

Manko Lyudmila,

*The Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health,
St. Petersburg Competitor, Department of Gymnastics*

Improving the Choreography Preparation (Questionnaire Specialists in Artistic Gymnastics)

Abstract: This article is devoted to the questionnaire of high level specialists in artistic gymnastics. The publication focuses on the importance of choreography preparation for development of flexibility and mobility separate joints for female gymnasts aged 10-12 years.

Keywords: artistic gymnastics, choreography preparation, development of flexibility and mobility separate joints, questionnaire, female gymnasts aged 10-12 years.

Сомкин Алексей,

*Санкт-Петербургский государственный университет кино и
телевидения, профессор, доктор педагогических наук,
кафедра физического воспитания;*

Манько Людмила,

*Национальный государственный университет физической культуры,
спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург
соискатель, кафедра гимнастики*

Совершенствование хореографической подготовки (опрос специалистов спортивной гимнастики)

Аннотация: Данная статья посвящена опросу высококвалифицированных специалистов в спортивной гимнастике. В публикации рассматривается важность хореографической подготовки для развития гибкости и подвижности в отдельных суставах для гимнасток 10-12 лет.

Ключевые слова: спортивная гимнастика, хореографическая подготовка, развитие гибкости и подвижности в отдельных суставах, опрос, гимнастики 10-12 лет.

В соответствии с Правилами соревнований Международной Федерации гимнастики к спортсменкам предъявляются высокие требования в вольных упражнениях и на бревне с точки зрения их исполнительского мастерства. Соревновательные комбинации на этих снарядах должны содержать (помимо акробатических элементов) ещё и танцевальные элементы: гимнастические прыжки и скачки; повороты; «волны» тела. В учебно-тренировочном процессе они разучиваются и совершенствуются гимнастками, в основном, с помощью средств хореографической подготовки. Для определения путей по повышению эффективности процесса хореографической подготовки перспективных гимнасток первого взрослого разряда (на этапе их базовой специализированной подготовки) в процессе исследования проводился опрос высококвалифицированных специалистов в области спортивной гимнастики (в форме анкетирования и интервьюирования) с целью выявления:

- значения хореографической подготовки для развития гибкости позвоночного столба и подвижности в отдельных суставах;
- содержания составных частей урока хореографии и особенностей его построения для гимнасток 10-12 лет;
- определения вклада данного вида подготовки в процесс освоения обязательных элементов первого взрослого разряда (с преимущественной демонстрацией гибкости позвоночника и подвижности в суставах) на всех видах многоборья.

Анкетирование, как метод получения необходимой исследователю информации путём получения и дальнейшей обработки письменных ответов респондентов на систему стандартизированных вопросов составленной им анкеты, имеет достаточно широкое распространение в педагогических, психологических и социальных научных исследованиях. По способу возможных контактов с выбранными нами респондентами, которые проживают не только в Санкт-Петербурге, но и в других регионах Российской Федерации и за рубежом, в нашем исследовании мы использовали два, так называемых, «способа общения»:

- личное анкетирование, предусматривающее непосредственный контакт с респондентами, заполнявшими предоставленную им анкету в присутствии исследователя;
- раздаточное анкетирование, предусматривающее личное вручение анкеты респонденту (как правило, это происходило на Всероссийских и международных соревнованиях, судейских семинарах, централизованных учебно-тренировочных сборах), заполнение им её самостоятельно и возврат исследователю (в основном, по электронной почте).

В анкетировании приняло участие двадцать специалистов, в число которых вошли тренеры-преподаватели по спортивной гимнастике (в том числе, Заслуженные тренеры России); тренеры-хореографы, непосредственно работающие с гимнастками (первой и высшей категории со стажем работы от

десяти лет и более); квалифицированные судьи по гимнастике (от первой до международной категории). Проведённое анкетирование показало, что большинство из участвовавших в нём специалистов считают, что уроки хореографии целесообразно проводить с данным контингентом гимнасток:

- три раза в неделю (80%);
- 20% респондентов указывают на необходимость двухразовых занятий в неделю;
- никто из опрошенных специалистов не посчитал нужным проводить уроки хореографии на каждом учебно-тренировочном занятии (то есть шесть раз в неделю) или же только один раз в неделю.

Далее следует отметить, что 60% респондентов считают – оптимальная продолжительность стандартных занятий хореографией на этапе базовой специализированной подготовки должна составлять 45 минут, 30% специалистов указывают на длительность урока в 60 минут, а 10% опрошенных считают достаточным 30 минут. Никто из респондентов не посчитал, что урок хореографии для данных гимнасток должен продолжаться 20 минут (Рис. 1).

Как показали результаты анкетирования, процесс целенаправленного развития гибкости позвоночного столба и подвижности в суставах в рамках хореографической подготовки перспективных гимнасток 10-12 лет нуждается в определённой коррекции. Так 60% опрошенных респондентов указали на возможную коррекцию подготовительной части урока хореографии, 10% – его заключительной части, однако 30% специалистов вообще не считают необходимым каким-либо образом корректировать данный «классический» урок. На вопрос о том, достаточно ли тех средств, которые используются на уроках хореографии для достижения оптимального уровня развития данной физической способности, обеспечивающего качественное освоение соревновательных элементов (в частности, на бревне и в вольных упражнениях) с преимущественной демонстрацией гибкости позвоночного столба и подвижности в суставах, гимнасткам на этапе их базовой специализированной подготовки, был получен следующий однозначный ответ. Все 100% респондентов ответили – «нет, не достаточно».

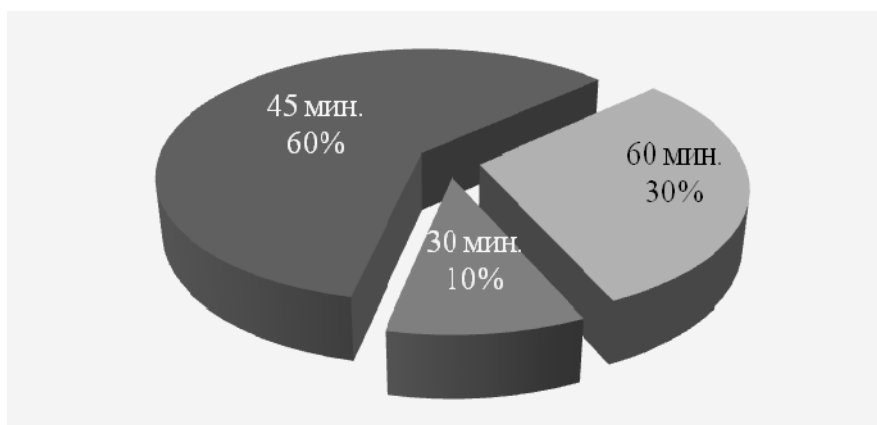

Рис. 1. Продолжительность урока хореографии для гимнасток 10-12 лет (по результатам анкетирования)

В результате анкетирования было также выявлено – 60% респондентов считают, что специальная разминка, направленная на развитие подвижности в определённых суставах, непосредственно перед уроком хореографии нужна, так как средства, используемые в самом уроке, не обеспечивают развитие необходимого и достаточного их уровня. В то же время они указывают, что в самом учебно-тренировочном процессе гимнасткам не всегда объективно хватает времени на дополнительное развитие данной физической способности. Однако 40% респондентов отметили, что «нет, не нужна», так как средства, используемые в «классическом» уроке хореографии полностью обеспечивают развитие гибкости позвоночного столба и подвижности в суставах, а в учебно-тренировочном процессе времени отводимого на её развитие вполне достаточно. На вопрос о необходимости обучения и совершенствования соревновательных элементов (на бревне и в вольных упражнениях) из обязательной программы первого взрослого разряда в уроке хореографии 50% респондентов ответили, что «да, необходимо», а другие 50% – однозначно сказали, что «нет».

Таким образом, на основе результатов, полученных после проведённого нами анкетирования, было определено, что для перспективных юных гимнасток 10-12 лет (на этапе их базовой специализированной подготовки) хореографические занятия должны проводиться три раза в неделю и продолжительностью не менее 45 минут каждое. Также большинство респондентов (70%) указало на необходимость корректировки процесса целенаправленного развития гибкости позвоночного столба и подвижности в суставах в рамках хореографической подготовки и, в частности, в подготовительной части урока хореографии (60%). Для этого необходимо (по мнению 60% респондентов) проводить специальную разминку, так как средства, используемые в самом уроке хореографии, не обеспечивают направленность на развитие необходимого и достаточного уровня развития данной физической способности, а в учебно-тренировочном процессе не всегда объективно хватает времени на её дополнительное развитие. Следовательно, можно заключить, что хореографическая подготовка нуждается в совершенствовании. Точнее, подготовительная часть урока хореографии может стать более эффективной с точки зрения целенаправленного развития гибкости позвоночника и подвижности в суставах у перспективных юных гимнасток 10-12 лет на этапе их базовой специализированной подготовки.

Целью интервьюирования было изучение, практически, тех же вопросов, что и при анкетировании, но при личном общении со специалистами. В процессе проведения нашего исследования интервьюирование предполагало такое общение с опрашиваемым, при котором исследователь сам задавал вопросы и фиксировал ответы респондента. По форме проведения оно было «прямым», индивидуальным и полужформализованным, так как порядок вопросов и их формулировки могли иногда меняться в течение разговора.

Все респонденты устно отвечали на систему вопросов, также устно задаваемых исследователем. Для большей точности, интервьюирование проводилось с помощью диктофона по заранее подготовленному протоколу-вопроснику. В данной части исследования приняли участие двадцать высококвалифицированных специалистов, среди которых были, например:

- четыре Заслуженных тренера России;
- Заслуженный тренер СССР и России;
- Заслуженный мастер спорта, серебряный призёр Олимпийских игр;
- судьи международной категории; тренеры и хореографы спортивных школ Санкт-Петербурга и России.

По результатам интервьюирования было выявлено, что для развития гибкости позвоночника и подвижности в суставах на учебно-тренировочных занятиях 70% тренеров выделяют отдельное время в начале и конце тренировки, 50% тренеров сопряжённо развивают с другими способностями (в рамках общей и специальной физической подготовки); 30% в свой тренировочный процесс включают специальную разминку на видах многоборья, и все 100% считают хорошим средством развития данной способности уроки хореографии. На вопрос, какому методу развития гибкости позвоночника и подвижности в отдельных суставах отдаётся предпочтение в работе с гимнастками на этапе их базовой специализированной подготовки – большинство (50%) респондентов отметили повторный метод; 30% – сопряжённый метод; 20 % – круговой метод (Рис. 2). Все 100% опрошенных считают, что необходимо в равной степени заниматься развитием активной и пассивной гибкости в основных суставах тела (плечевых, лучезапястных, тазобедренных, коленных, голеностопных) и в позвоночном столбе. Для этого они используют следующее дополнительное оборудование и инвентарь: повышенная опора (100%); гимнастическая стенка (100%); помощь тренера или партнёра (60%); резиновые эспандеры (20%); гимнастические палки (2%); различные отягощения (40%); стандартные гимнастические снаряды (15%).

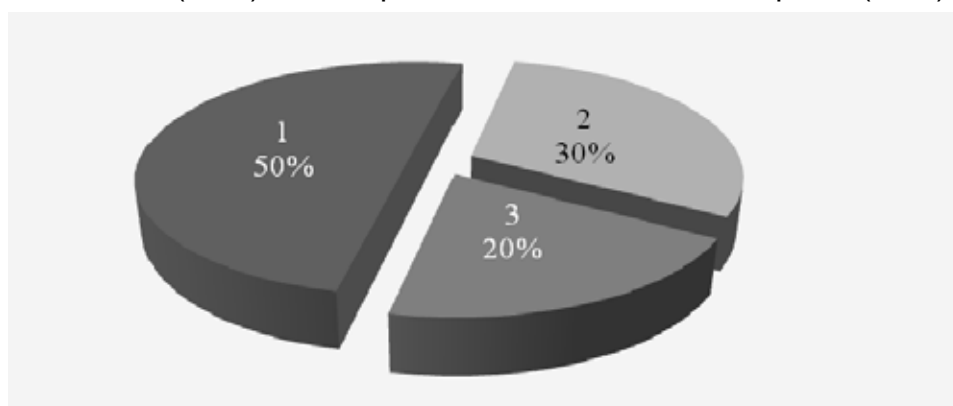

Рис. 2. Методы развития гибкости позвоночника и подвижности в суставах у гимнасток 10-12 лет (по результатам интервьюирования)

1 – повторный метод; 2 – сопряжённый метод; 3 – круговой метод

Из результатов, полученных в процессе анкетирования и интервьюирования, следует, что хореографическая подготовка нуждается в совершенствовании. Подготовительная часть урока хореографии, по мнению абсолютного большинства респондентов, может стать более эффективной, с точки зрения целенаправленного развития гибкости позвоночного столба и подвижности в основных суставах тела, у перспективных юных гимнасток 10-12 лет на этапе их базовой специализированной подготовки, тренирующихся и выступающих по программе первого взрослого разряда.

Olin V., professor,
Lychakov A., professor,
*Institute of Shipbuilding and Arctic Marine Engineering (Sevmashvtuz),
branch of Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov, Russia*

Determination of resistance to the movement of a floor ball

Abstract: The analysis of references showed that the classical problem of air flow-around of a sphere without openings is solved theoretically and experimentally. But problems of air flow-around of a hollow perforated sphere are not covered in the literature.

Keywords: floorball, ball speed, drag, dynamic nature, aerodynamic stand, added air mass, air purging of semi-sphere, "compressor effect", friction, blade stick, swirling loop.

From all ball games, perhaps, only floorball considerably differs from the others in characteristics of the main implement– a ball, which despite rather small sizes and weight, reaches flight speed in 190 km /h. It can be compared only with a tennis ball.

A floor ball (fig. 1) has a form of a hollow sphere weighing 23 grams; its external diameter is 72 mm; its cover thickness is on average 1.7 ± 0.12 mm. It has 26 openings of 10 mm diameter, and it is made of plastic materials.

Fig.1 Floor ball

At first sight it seems namely reduced air resistance to a floor ball (relating to other unperforated balls) thanks to surface reduction of a ball approximately for 10% allows floorball players to send a ball with so high speed. At the same time there are some questions. For example why despite a small weight a ball keeps high speed for so long time. Why it is quite difficult to give rotation to this light perforated ball despite its little moment of inertia. In other words,

why it's impossible in practice to give desirable rotation to a floor ball by quick throws. And why a ball can be "curled" only by the strong eccentric blows which however don't have sufficient accuracy?

The analysis of references showed that the classical problem of air flow-around of a sphere without openings is solved theoretically and experimentally. But problems of air flow-around of a hollow perforated sphere are not covered in the literature.

Therefore a comparative blowing of the perforated balls and the balls without openings of the same sizes and weight was carried out in a wind tunnel in the biomechanical laboratory of the institute. The balls were tested in the state of motionlessness and rotation. The scheme of a measuring section of the aerodynamic stand is given in the figure 2.

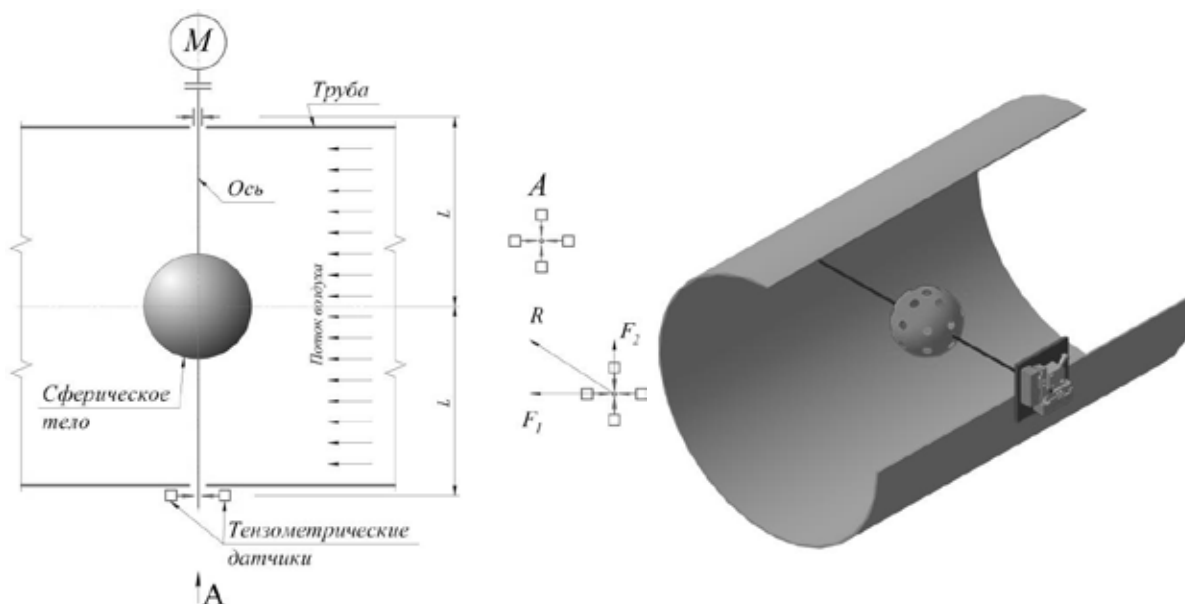

Fig. 2 Scheme of a measuring section of aerodynamic stand

The blower of the stand allowed to receive stream speeds to 50 meters per second (180 km/h).

The ball was fastened on a thin steel axis of 3 mm diameter, diameter of a pipe was of 300 mm. Bearings of support were installed in two tensoresistor sensors located at an angle of 90 degrees and allowing to determine horizontal and the vertical making forces of drag. Speed of a stream was determined with the help of a tube of Peter Prandtl.

Results of experiments are presented in the figures 3 and 4. The analysis of tests results showed that nature of drag force value and value of coefficient of resistance of a ball without openings are the same as the results received by other researchers. This fact confirms reliability of the received results.

It is clear from the diagrams that a ball with openings has drag index about 1.5 times bigger than a ball without openings has.

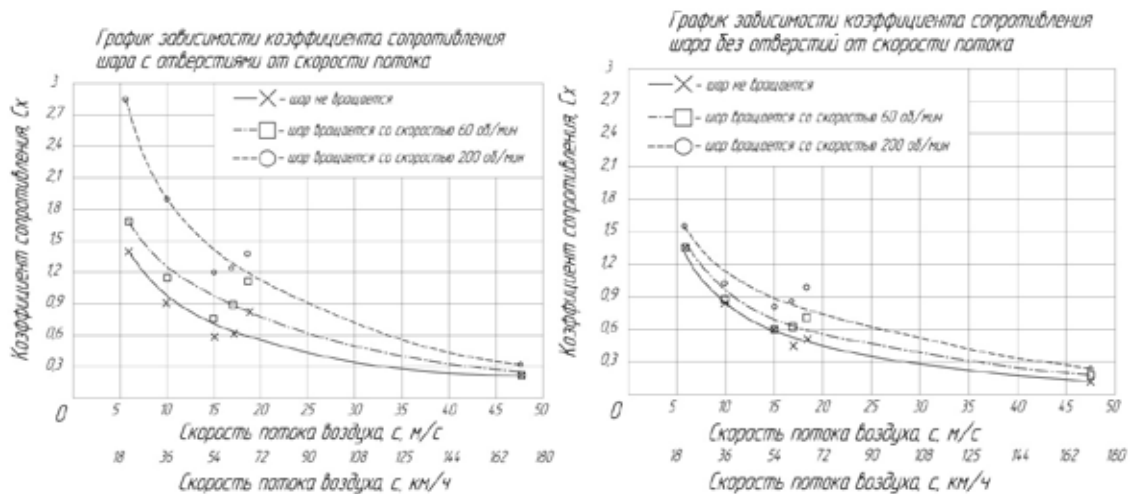

Fig. 3 Dependence of coefficient of resistance of a ball with openings (a) and without openings (b)

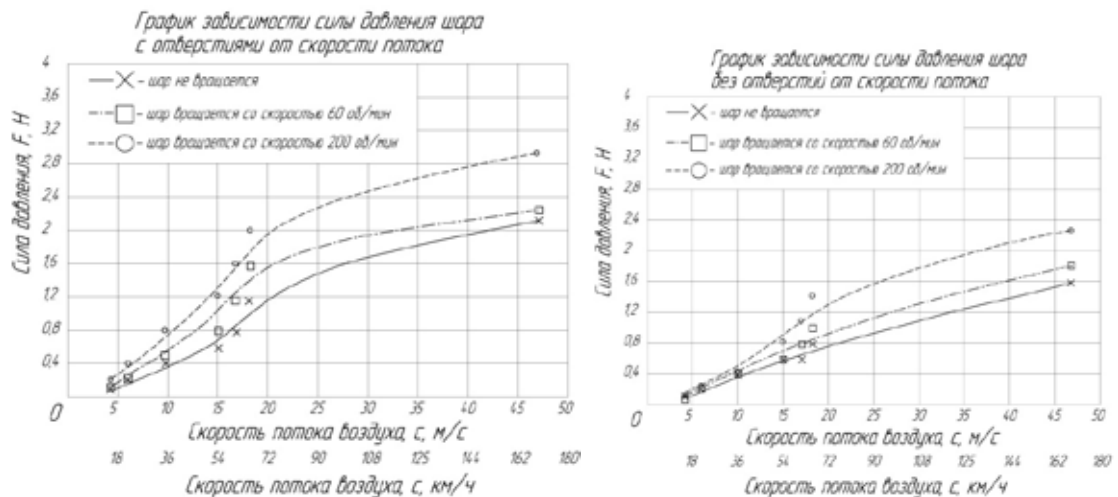

Fig. 4 Dependence of drag index of a ball with openings (a) and without openings (b)

Drag force of a nonrotating ball with openings is also about 1.5 times more than that of a ball without openings.

Also during all operating modes the rotating balls with and without openings have drag index and drag force greater than the rotating balls have.

To find out the reasons of this phenomenon the additional stand with a smoke generator for a stream visualization was designed (fig. 5). The smoke was received by chemical reaction of reagents and it was given through an opening on a rotation axis to a ball cavity. The electric motor allows to change rotation frequency in the range from 0 to 3.5 revolutions per second.

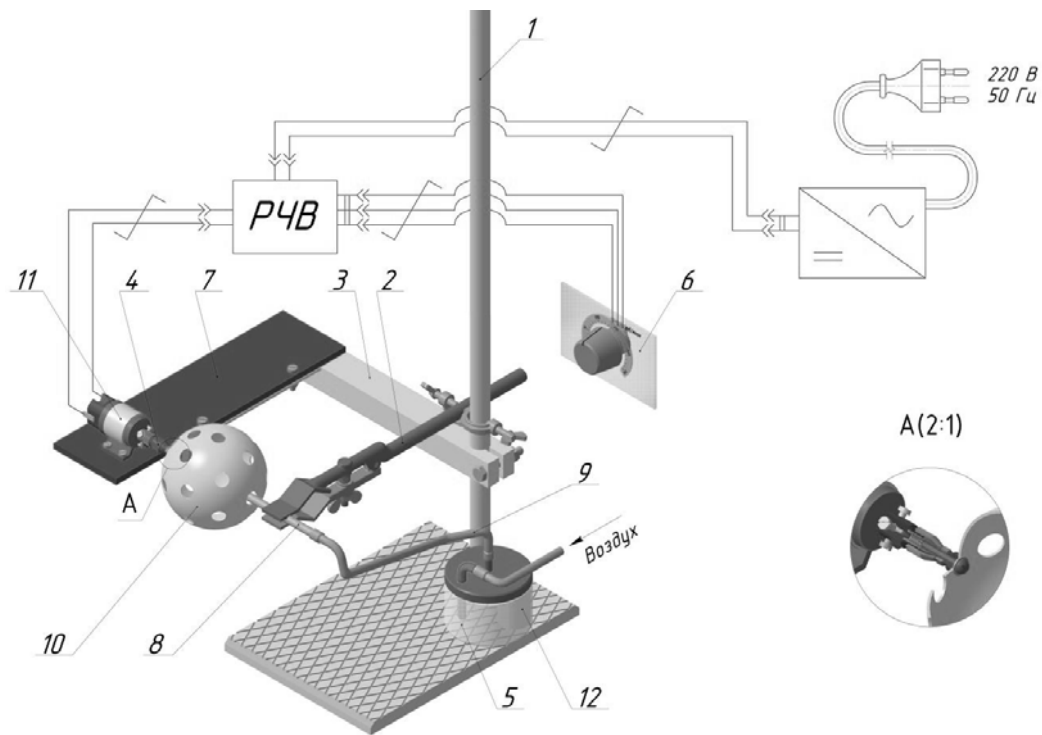

Fig. 5 Scheme of visualization stand

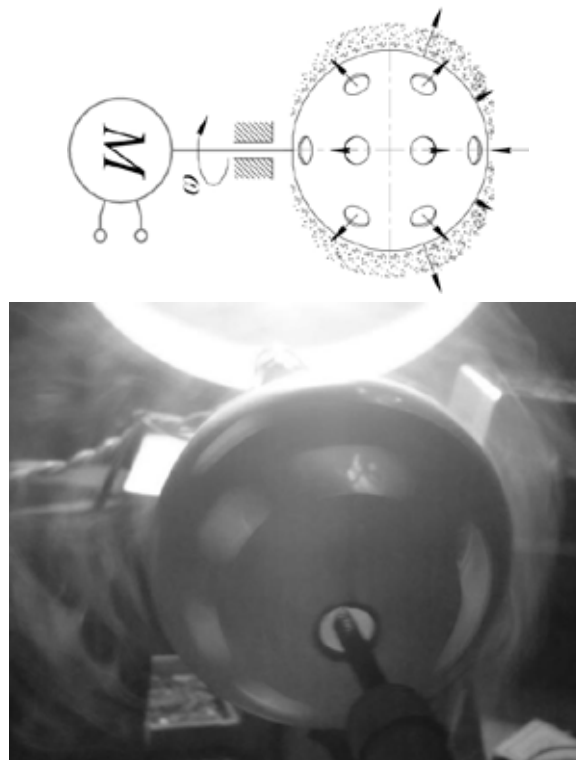

Fig. 6 Picture of whirlwinds of added air mass

It was found out that during a ball rotation the openings in a ball cover being on bigger radius work as the blades of the centrifugal compressor increasing the added air mass round a sphere (see fig. 6). It's necessary to mention while a ball flying the rotation axis can have any position relating to the direction trajectory of its flight. It depends on a ball swirling at a throw. Through the openings being close to rotation axes there is an intensive air inflow.

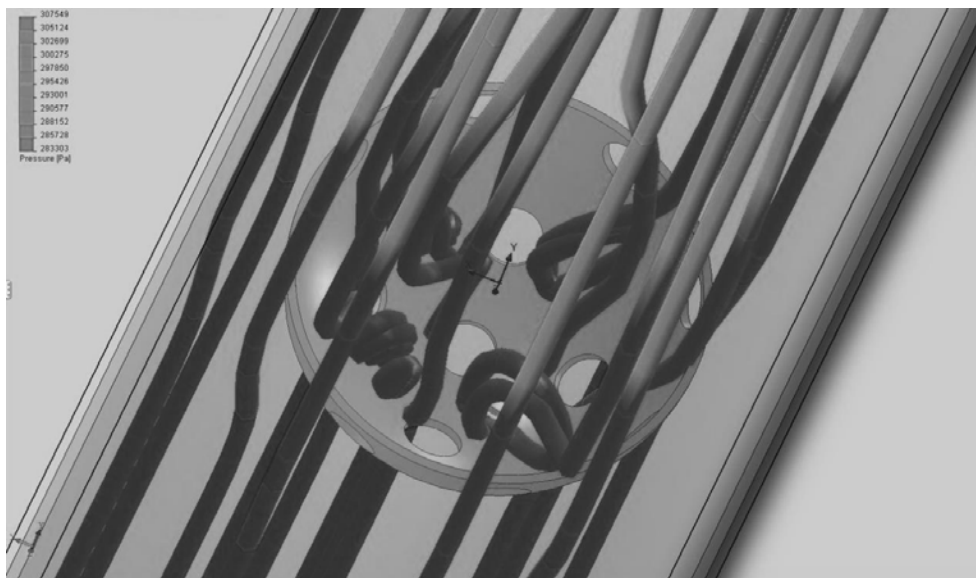

Fig. 7 Results of airpurging of semi-sphere with openings in the appendix Flo Works

For understanding a picture of an air streams current during a flow-around of a ball with openings virtual air purging of a ball were carried out in the program Solid Works in the appendix Flo Works. Results of air purging are presented in the figure 7. From the drawing it is clear, that even without rotation in a hollow ball with openings there are whirlwinds causing the increasing of added air mass and drag.

Conclusions:

1. Drag index and force of a flow-around of a ball with openings is more than ones of a ball without openings.
2. Inside a cavity of the rotating and nonrotating ball there are swirling processes causing the increasing of added air mass and creation of a swirling loop round a ball and behind it.
3. The more the rotational rate of a ball, the more a drag index and force of a flow of a ball with openings.
4. So-called "compressor" effect complicating a ball rotation round its own axis is the main reason for its stability in flight. Therefore the following methodological recommendations can be given: it shouldn't try "to spin" a ball at various floor ball throws. Above mentioned effect doesn't allow to do it because blade stick friction forces is not enough. On the contrary, to have sufficient accuracy of throws it's necessary to use great ball stability during flight.

REFERENCES

1. Алямовский А.А. SolidWorks Cosmos FloWorks. Инженерный анализ методом конечных элементов. М., ДМК- Пресс, 2004г.

2. Повх И.Л. Аэродинамический эксперимент в машиностроении Л.: Машиностроение, 1974.
3. Идельчик И.Е. Справочник по гидравлическим сопротивлениям. М., Машиностроение, 1975
4. Олин В.Н. Флорбол. Техника, тактика, методика тренировки.СПб.:изд-во СПбГУСЕ, 2007.

Gryban Grygoriy,
*Zhytomyr State University named after Ivan Franko,
Professor, Doctor of Education, the Faculty of Physical Education and Sport,
The Head of the Department of Physical Education and Recreation*

Romanchuk Sergiy,
*Lviv State University of Physical Culture, Doctor of Physical
Education and Sports, The Professor of the Department
of Physical Education Theory and Methodology*
Romanchuk Victor, Boyarchuk Oleksandr,
*Teaching and Research Unit of Zhytomyr Military Institute named after S. P.
Korolev State University of Telecommunications,
Department of Physical Education, Special Physical Training and Sport*

***Preservation and promotion of Students' health
is an important component of modern pedagogical
technologies of physical education***

Abstract: The author has determined that the preservation and promotion of students' health is an integral part of the physical education process. The paper reveals how scientific and organizational principles of formation of valeological education in physical education, which is the appropriate methodology.

Keywords: the health, a healthy lifestyle, physical education, valeological education, physical activity.

Грибан Григорій,
*Житомирський державний університет
ім. Івана Франка, професор, доктор педагогічних наук,
завідувач кафедри фізичного виховання та рекреації*
Романчук Сергій,
*Львівський державний університет фізичної культури, доктор наук з
фізичного виховання і спорту, професор
кафедри теорії і методики фізичного виховання*
Романчук Віктор, Боярчук Олександр,
*доцент, Навчально-науковий підрозділ Житомирського військового
інституту ім. С.П. Корольова Державного університету телекомунікацій,
кафедра фізичного виховання, спеціальної фізичної підготовки і спорту*

Збереження і зміцнення здоров'я студентів – важлива складова сучасних педагогічних технологій фізичного виховання

Аннотация. Установлено, что сохранение и укрепление здоровья студентов есть неотъемлемой составляющей учебного процесса в физическом воспитании. Раскрыты пути и научно-организационные аспекты формирования валеологического образования в физическом воспитании, что составляет соответствующую методологию.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, физическое воспитание, валеологическое образование.

Постановка наукової проблеми і її значення. У студентів вищих навчальних закладів України спостерігається загальна закономірність збільшення серцево-судинних захворювань, погіршення функціональних резервів організму, системне порушення постави, наявність різних вад опорно-рухового апарату, зниження рівня фізичної підготовленості тощо. Тому збереження і зміцнення здоров'я студентів сьогодні є невід'ємною складовою навчального процесу. Кожна система впровадження інноваційних педагогічних технологій в навчально-виховний процес має нести відповідальність за здоров'я студентів, рівень їх біологічної і соціальної адаптованості, забезпечувати індивідуальність та узгодженість в діяльності педагогів та медичних працівників навчального закладу.

Аналіз дослідження даної проблеми. Проблема формування здоров'я стає важливою складовою майже всіх сучасних педагогічних інноваційних технологій. Співпраця медико-педагогічного персоналу вищих навчальних закладів має сприйматися як засіб повсякденного життя, як позитивна концепція, що направлена на відновлення соціальних і особистих ресурсів, а також фізичних можливостей кожного студента [1, 2, 3]. Розробкою педагогічних технологій вирішення згаданої проблеми займалися Л.Н. Анісимова, Г.Л. Апанасенко, Т.Є. Бойченко, С.М. Бондаренко, Л.В. Волков, М.С. Гончаренко, Г.П. Грибан, Д.В. Колесов, І.В. Муравов, В.М. Оржеховська, О.І. Пилипенко, П.І. Сидоров, Е.С. Скворцова та ін.

В літературних джерелах існують різні тлумачення поняття “здоровий спосіб життя”, але суть їх полягає в одному – збереженні і зміцненні здоров'я. Т.Г. Кириченко [4] визначає здоровий спосіб життя як комплекс оздоровчих заходів, які сприяють збереженню і зміцненню здоров'я людини. У цьому визначенні здоровий спосіб життя розкривається через поняття “комплекс оздоровчих заходів”. Заходи підбираються залежно від компонентів, які входять до здорового способу життя. При цьому автором не розглядаються умови застосування “комплексів оздоровчих заходів”, виходячи з побутових умов

проживання студентів, режиму праці і навчання. Значна частина компонентів здорового способу життя розглядається поверхово і односторонньо. Комплекси оздоровчих заходів не враховують вік та морфо-функціональні можливості організму студентів.

Не можна погодитися з Ю.М. Івасиком [5, с. 254] що здоровий спосіб життя – це діяльність, спрямована на формування, збереження, зміцнення і відновлення здоров'я людей, як умова й передумова здійснення, розвитку інших сторін і аспектів способу життя. В такому твердженні не знаходять свого місця такі основні компоненти здорового способу життя як побутові умови, активний відпочинок, раціональне харчування, загартуванням сонцем, повітрям і водою, відмова від шкідливих звичок тощо.

До найважливіших елементів, які дають сучасне тлумачення здорового способу життя Є.О. Котов [6] включає: 1) раціональний індивідуальний режим життя, що сприяє здоров'ю (психічна активність, здорове харчування, належний духовний режим, особиста гігієна, відмова від куріння і зловживання алкоголем); 2) активну участь у формуванні соціальних відносин, що сприяють збереженню і розвитку особистості; 3) гігієнічну раціональну поведінку з врахуванням вимог оточуючого середовища; 4) свідому участь в організації умов праці, які сприяють збереженню здоров'я і підвищенню працездатності; 5) розумне ставлення до заходів з охорони здоров'я при захворюванні. Виконання приведених автором складових здорового способу життя для студентської молоді України має певний практичний сенс, так як не потребує додаткових матеріальних затрат та часу.

Завершуючи аналіз літературних джерел можна погодитися з В.В. Марковим, що здоровий спосіб життя – це поведінка людини, яка відображає певну життєву позицію, направлену на збереження і зміцнення здоров'я, основана на виконанні норм, правил і вимог особистої і суспільної гігієни [7]. Об'єднавши дослідження вітчизняних і зарубіжних науковців можна стверджувати, що стан здоров'я великою мірою залежить від способу життя, чинників навколишнього середовища, спадковості та медичної охорони здоров'я.

Мета та завдання дослідження спрямовані на формування педагогічної технології валеологічної освіти у системі фізичного виховання та виявлення шляхів її упровадження під час навчання студентів у вищих навчальних закладах.

Результати досліджень та їх обговорення. Одним із напрямків оптимізації фізкультурно-оздоровчої роботи зі студентами є поєднання валеологічної освіти із засобами фізичного виховання особливо під час проведення самостійних занять фізичними вправами. Програма валеологічної освіти студентів, як складова навчального предмету “фізичне виховання”, передбачає формування у студентів знань, умінь і навичок з питань здорового способу життя, дбайливого ставлення до свого здоров'я, оволодіння засобами фізкультурно-оздоровчої діяльності [8].

Перед кафедрами фізичного виховання вищих навчальних закладів постає завдання перетворити спосіб життя студентської молоді в здоровий, у такий, який би не руйнував, а зміцнював здоров'я. У зв'язку з цим необхідно більше уваги приділяти освітній роботі зі студентами як одному із засобів, що сприяє формуванню знань про здоровий спосіб життя, вибору засобів поліпшення здоров'я, профілактики захворювань, забезпечення високого рівня фізичного розвитку, зменшення негативного впливу несприятливих екологічних чинників та шкідливих звичок.

В системі освіти діє багато авторських і рекомендованих Міністерством освіти і науки України програм, спрямованих на валеологічну освіту студентської молоді. Аналіз програм і документів в тій їх частині, де йдеться про змістовну компоненту валеологічної освіти і виховання щодо збереження здоров'я, дає підстави стверджувати, що кожен компонент валеології має важливе практичне значення для системи фізичного виховання студентської молоді. Слід також зазначити, що обираючи валеолого-освітню модель необхідно з'ясувати її методологічні засади. Від того, яку методологію ми використовуємо, такий результат і отримуємо. Кожна така модель в основі може бути біомедичною, морально-етичною чи екологічною залежно від того, в межах якої парадигми здоров'я вона розглядається.

Система валеологічної освіти в фізичному вихованні повинна опиратися на те, що студент є соматичною цілісністю, яка пов'язана з власним середовищем (біологічним, соціальним, природним) і зворотними зв'язками. Тому всі біо-, фізіо-, нейро- та електроявища істотно впливають на його енергію, активність, самопочуття і в кінцевому результаті на стан здоров'я.

Важливими парадигмами здоров'я студентів є морально-етична та екологічна, які досить близькі за змістом. Згідно з цими парадигмами, здоров'я слід розглядати як особистісний і суспільний вибір моральних і духовних цінностей. Такий вибір потребує розвиненості етичних принципів, настанов, табу в усьому, що стосується сфери здоров'я та поведінки студента в навколишньому середовищі.

Морально-етичні основи здоров'я визначають загальні критерії оцінювання як позитивних так і негативних сторін. При цьому слід визнати свідомі і несвідомі дії та вчинки студента, які можуть посилювати суб'єктивне відчуття фізичної, психічної й суспільної непридатності. В цілому це є соціально-екологічна проблема, яка передбачає насамперед дотримання етичних принципів, які регламентують ставлення студентів один до одного, всіх оточуючих та до всього живого. Студенти повинні чітко усвідомити, що здоров'я неможливо зберегти, не зберігаючи навколишнє середовище в якому мешкає людина.

Аналізуючи комплексний характер проблем валеології, створити нову систему збереження здоров'я у фізичному вихованні неможливо, якщо сучасній молоді не будуть привиті навички турботи про власне здоров'я, здоров'я оточуючих та мотиваційно ціннісне ставлення до здорового способу життя. Тому

чинники, що формують здоров'я студентів можна виділити наступним чином: спосіб життя, середовище, спадковість, система охорони здоров'я.

Сучасні підходи щодо забезпечення якості життя студентської молоді ґрунтуються в основному на двох чинниках, а саме: на загальному рівні фізичної активності та соціальному благополуччі. Фізична активність включає різносторонні характеристики фізичних якостей, навиків і умінь, які забезпечують високу працездатність, ефективне проведення дозвілля, здібність долати перешкоди в екстремальних ситуаціях.

Вищесказане дає підстави стверджувати, що основним чинником здорового способу життя, перш за все, виступає рухова активність, яка вимагає від студента, для досягнення певних успіхів в її сфері, позбутися шкідливих звичок, дотримуватися раціонального харчування, загартування, контролю власної ваги тощо. Обсяг рухової активності студентської молоді і потреби їх організму в ній залежать від багатьох фізіологічних, соціально-економічних, побутових, психологічних і інших чинників: віку, статті, типу конституції, рівня фізичної підготовленості, мотивації до занять, способу життя, географічних і кліматичних умов, кількості вільного часу і характеру його використання, доступності спортивних споруд тощо.

Проведені нами дослідження показали, що систематичні оптимальні фізичні навантаження з різними емоційними компонентами позитивно впливають на психіку студентів, що в кінцевому підсумку покращує навчальну діяльність та успішність. Рухова активність аеробного спрямування, а також спортивні ігри, пов'язані з інтелектуальною діяльністю є могутнім чинником сповільнення процесу старіння мозку, збереження пам'яті, активізації мислення [1, 2].

Велике значення надається руховій активності під час проживання студентів в умовах малих доз радіоактивного забруднення навколишнього середовища. Фізична активність супроводжується більш глибоким та досконалим диханням, сприяє повноцінному постачанню тканин киснем, енергійним серцевим скороченням, кращому наповненню кровоносних судин тощо. У результаті проведених досліджень нами визначені чинники та методичні положення, реалізація яких забезпечує ефективну життєдіяльність в умовах підвищеної радіації. До них віднесені: дотримання здорового способу життя; повноцінне і радіозахисне харчування; фізичне тренування в об'ємі 4–8 годин в тиждень з переважним використанням аеробних вправ; помірні, адекватні можливостям організму фізичні навантаження; загартування організму; регулярне перебування на свіжому повітрі в цілях загартування і насичення організму киснем – 1,5–2 години в день; стійкість до радіофобії. Важливим чинником є також високий рівень фізичної підготовленості і розвиток загальної витривалості [3].

Оздоровчий ефект фізичних вправ може також реалізовуватися через вдосконалення в організмі механізмів адаптації, а саме: підвищення

функціональних можливостей організму; вдосконалення функцій центральної нервової системи; збільшення енергетичного потенціалу організму; оптимізацію і економізацію процесів обміну речовин; розширення можливостей транспорту кисню тощо.

Тому необхідно будувати навчально-виховний процес так, щоб він сприяв розвитку здатності вбачати не тимчасові, а тривалі цінності життя, переживати такі миттєвості, які сприяють відчуттю певного досягнення, повноти радощів буття, мають позитивні емоційні переживання.

Висновки. Науково-організаційні засади валеологічної освіти в фізичному вихованні становить сформована методологія, яка, з одного боку, базується на філософському науковому пізнанні, а з іншого, на вивченні студента як об'єкта впливу на нього методичної системи в якій фізкультурно-оздоровча освіта займає чільне місце.

Перспективи подальших досліджень спрямовані на розробку нових технологій валеологічної освіти у фахівців педагогічних навчальних закладів.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Грибан Г.П. Життєдіяльність та рухова активність студентів: [монографія]. – Житомир: Вид-во Рута, 2009 – 594 с.
2. Грибан Г.П., Краснов В.П., Присяжнюк С.І. Зміцнення здоров'я і фізичної підготовленості студентів в умовах малих доз радіаційного забруднення: навч. посібник. – К.: Аграрна освіта, 2005. – 114 с.
3. Грибан Г.П. Проблеми екології у фізичному вихованні: [монографія]. – Житомир: Вид-во Рута, 2008. – 184 с.
4. Кириченко Т.Г. Формування здорового способу життя студентів педагогічного вузу в процесі фізичного виховання: дис. ... канд. пед. наук. – К, 1998. – 188 с.
5. Івасик Ю.М. Школа на шляху до здорового способу життя // Формування, збереження і зміцнення здоров'я підростаючого покоління як обов'язковий компонент системи національної освіти: матер. міжнар. наук.-практ. конф. з валеології. – К.: ІЗМН, 1997. – С. 251–255.
6. Котов Є.О. Підготовка студентів вищих закладів освіти до самостійних занять фізичними вправами: дис. ... канд. наук з фіз. вих. і спорту. – Луцьк, 2003. – 178 с.
7. Марков В.В. Основы здорового образа жизни и профилактика болезней. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
8. Іванова Г.Є. Оптимізація фізкультурно-оздоровчої роботи в технічних вищих навчальних закладах шляхом валеологічної освіти студентів: автореф. дис. ... канд. наук з фіз. вих. і спорту. – Луцьк, 2000. – 21 с.

Dyomina Olena, Busol Vasyl,
Lvov state university of physical culture,
Department of fencing, boxing and national odnoborstv

Objective predictors of Fencing in Ukraine **(historical and institutional aspects)**

Abstract. The article presents the historical stages of the emergence and development of fencing as a martial art and form it as a sport in the territory of modern Ukrain.

Key words: Ukraine, riding, fencing, knives, institutional foundations, educational institutions, military regulations, competition.

Дьоміна Олена, Бусол Василь,
Львівський державний університет фізичної культури, Кафедра
фехтування, боксу та національних одноборств

Об'єктивні передумови виникнення **спортивного фехтування в Україні** **(історичні та організаційні аспекти)**

Анотація. У статті викладені історичні етапи виникнення та розвитку фехтування як бойового мистецтва та формування його як виду спорту на території сучасної України.

Ключові слова: Україна, спорт, фехтування, холодна зброя, організаційні засади, навчальні заклади, військові статuti, змагання.

Актуальність. Фехтування – олімпійський вид спорту, який відноситься до найбільш пріоритетних в Україні. Фехтувальники України впродовж багатьох років стабільно демонструють високі результати на чемпіонатах світу, Європи та Олімпійських іграх. Ще задовго до проголошення незалежності України вітчизняні фехтувальники входили до складу світової фехтувальної еліти. Так П. Заковорот з Харківщини став призером великого міжнародного турніру у Парижі 1900 року, а в складі збірної команди Радянського Союзу українські фехтувальники неодноразово ставали чемпіонами світу та Олімпійських ігор.

Одним із чинників, що обумовили виникнення та розвиток українського фехтування є давні традиції мистецтва володіння клинковою зброєю, що були поширені на території сучасної України. В історичній літературі є багато відомостей про бойову культуру воїнів, що проживали на території України у різні історичні епохи: скіфів, дружинників Княжої Русі, запорізьких козаків тощо. Деякі аспекти розвитку прикладного та спортивного фехтування в Україні висвітлювалися в публікаціях В. Бусола (1994), В. Шуберта (2011). Однак багатовіковий процес розвитку фехтування на території сучасної України ґрунтовно не досліджувався і на сьогоднішній день не має свого систематизованого викладу. Саме це обумовило вибір наряду нашого дослідження.

Мета: Узагальнити історичні дані щодо об'єктивних передумов виникнення спортивного фехтування на території сучасної України.

Завдання:

1. Визначити об'єктивні передумови виникнення фехтування як виду спорту на території сучасної України.
2. Дослідити процес формування організаційних засад розвитку фехтування як бойового мистецтва та військово-прикладної дисципліни.

Результати дослідження. Перші примітивні види холодної зброї, виготовлені з дерева, каменю, кістки з'являються на теренах сучасної України разом з найдавнішим населенням у період палеоліту, приблизно 300 тисяч років до н. е. [1]. Першим видом зброї, для ефективного застосування якої була відібрана сукупність найпростіших фехтувальних прийомів, була палиця, нерідко доповнена деталями з каменю та кістки. Первинними ланками організації навчання володінню зброєю у первісних людських колективах стають родові общини, чоловічі військові або мисливські союзи. У найдавніших землеробських цивілізаціях, що на території сучасної України представлені археологічними культурами Трипілля, Усатово, Софіївською, вже з'являються групи спеціально підготовлених воїнів, перших представників військового стану. Основними формами занять з удосконалення вмінь та навичок володіння холодною зброєю були: тренування під керівництвом наставників у сім'ї та у чоловічих військових союзах; випробування бойових вмінь під час різних ступенів ініціацій; змагання з фехтування на палицях чи булавах в ході різноманітних свят, ритуалів, відзначень значущих подій; змагання з метою демонстрації своєї військової вправності під час виборів військових вождів [1, 2, 3].

У добу ранньої бронзи, що на території України тривала приблизно з XVII до XII ст. до н. е. в археологічних пам'ятках сабатинівської культури вперше з'являються металеві обладунки та короткий бронзовий меч, пристосований для бою у зімкнутому строю [1]. Основною ланкою організованого навчання бойовому фехтуванню стає військовий загін, що складається з воїнів різних родів.

На рубежі I та II тисячоліть до н. е. на території сучасної України

розпочинається доба раннього заліза. У цей період на півдні України проживають кочові народи – кіммерійці, скіфи, сармати. Особливістю кочових воїнів було використання нового роду військ – кінноти, озброєної довгими мечами, пристосованими для кінного бою. Отримав розповсюдження і короткий меч – акінак. [4, 5]. Роль організаційних інституцій, у яких відбувалося навчання та удосконалення прийомів бою на мечах відігравали такі суспільні об'єднання: 1) рід, де з раннього дитинства передавались бойові вміння з покоління в покоління; 2) таємні союзи чоловіків знатних родин, де молодь готувалася до ініціаційних випробувань та отримувала свій перший військовий досвід; 3) спільнота відбірних кіннотників, що складала головну ударну силу в боях та виконувала функції дружини або гвардії царя.

З другої половини IX ст. до XIII ст. більша частина території України знаходилась в межах великого державного утворення під назвою Русь. Серед різних видів зброї, що мали розповсюдження у Київській Русі, особливе місце займає прямий двосічний меч [6, 7]. Однією з причин поважного відношення до меча була його висока вартість, а відтак, і престижність. Мечем могли володіти лише представники тогочасної військової еліти Київської Русі: князі, бояри, воїни княжої дружини.

У системі військово-прикладної підготовки воїнів Київської Русі виділяються дві форми організації занять: народно – побутова та професійна. Переважаючи роль у процесі навчання володінню мечем відігравали професійні форми організації занять. До них відносилися: а) навчання фехтуванню у спеціально запрошеного наставника, б) навчання у навчальних закладах в) навчання у складі княжої дружини [8].

Наприкінці X ст. серед озброєння давньоруських дружинників з'являється й інший вид довгоклинкової зброї – шабля. Шаблі були запозичені русичами від східних народів, передовсім від степових кочовиків, які проживали на території півдня сучасної України: аварів, хазарів, печенігів, торків, половців [7, 9].

У середині XIV ст. значна частина території сучасної України опинилася у складі Литовського князівства та Польського королівства. У центральній та східній частині України довгий час зберігалися давньоруські традиції ведення бойових дій, формування військових загонів, озброєння та підготовки воїнів. У Галичині, що знаходилася під владою польської корони, склалася військова система, аналогічна тій, за якою було організоване лицарське військо у Західній Європі [6]. Але уже у XV-XVI ст. важкі обладунки втрачають своє значення. В ужиток входять полегшені захисні обладунки, що складаються з кіраси та шолома. Основним видом довгоклинкової зброї стає шабля [7, 9].

На початку XVI ст. у південній степовій смузі України формується козацтво – українське народне військо, що відіграло вирішальну роль у збереженні української національної єдності і витворило образ українського лицаря, який ще і дотепер є частиною світогляду українського народу. Особливе місце у переліку козацької зброї належить шаблі. Козацька шабля часто згадується в

українському фольклорі, піснях та думках. Її називали „шаблею-сестрицею, ненькою рідненькою, панночкою молоденькою” [9].

В період Литовсько-польського панування та Козацької доби в Україні мали місце як народно-побутові, так і професійні форми організації навчання фехтуванню. До народно-побутових форм відноситься навчання в сім'ї у батьків та старших родичів. До професійних форм навчання слід віднести навчання у січових школах, у досвідчених козаків, у регулярному реєстровому війську [8].

Впродовж XVIII ст. козацькі полки на території сучасної України, були замінені на регулярні військові формування західноєвропейського зразка [11]. Із довгоклинкової зброї великого поширення набули шаблі у легкій кавалерії та кінній артилерії, палаші - у важкій кавалерії, шпаги - у офіцерів піхоти і пішої артилерії та у чиновників - як парадна та дуельна зброя [12].

Першими нормативними документами, які регламентували зміст навчання фехтуванню були військові статuti другої половини XVIII ст. першої половини XX ст., видані держаними військовими відомствами. У них наводяться прийоми бою на клинковій зброї, якими неодмінно повинен був володіти кожен солдат. Вимоги до володіння кіннотником шаблею викладені у виданому 1797 року у Росії „Уставе конного полка”, а також виданому у Польщі регламенті навчань для полків кінної гвардії [13].

Запозичення основних положень військових статутів, що діяли на території України з прусських зразків відображає тісний зв'язок мистецтва володіння холодною зброєю, що розвивалося в Україні у XVIII-XIX ст. з європейськими школами фехтування. Прийоми бою на холодній зброї, обов'язкові для вивчення у військових частинах подаються й у військових статутах, що були чинними на території України у більш пізній період.

Основною організаційною формою навчання військових володінню холодною зброєю були регулярні групові заняття, що проводилися під керівництвом офіцерів та унтер-офіцерів. Для перевірки стану підготовленості військовослужбовців проводилися регулярні військові огляди, під час яких з середини XIX ст. почали відбуватися змагання з фехтування та з техніки рубки. Змагання спеціально організовувалися, мали призначених суддів і чітко окреслені правила [14].

Високим рівнем навчання фехтуванню відрізнялися військові навчальні заклади, які готували майбутніх офіцерів. Фехтування було обов'язковою навчальною дисципліною в кадетських корпусах. Значне поширення отримало фехтування також у цивільних навчальних закладах, де отримувала освіту дворянська молодь. Фехтування як навчальна дисципліна почало вводитись в офіційні навчальні плани та програми з фізичного виховання.

Впровадження фехтування в освітній процес цивільних навчальних закладів сприяло тому, що у заняттях на перший план виступали не військово-прикладні, а оздоровчо-виховні аспекти фехтування. У другій половині XIX ст. в результаті розвитку військових технологій бойове значення холодної зброї

значно знизилося і фехтування стає важливим засобом фізичного виховання. Переважне застосування фехтування з метою оздоровлення, розвитку фізичних та морально-вольових якостей стало початком переходу від бойового до спортивного одноборства і формування фехтування як виду спорту.

Висновки

1. До основних передумов виникнення спортивного фехтування в Україні можна віднести: багатовікові традиції володіння прийомами бою на різних видах холодної зброї; ставлення до клинкової зброї як до атрибуту належності до вищих прошарків суспільства; відношення до фехтування як до мистецтва та ефективного засобу фізичного і духовного удосконалення; наявність організаційних та теоретико-методичних основ для розвитку прикладного фехтування, а в подальшому і спортивного.

2. У процесі виникнення та формування фехтування як мистецтва володіння холодною зброєю на території сучасної України використовувалися народно-побутові та професійні форми організації навчання. У прадавній період, Княжу добу, Козацьку добу велике значення мали народно-побутові форми організації навчання (у сім'ях, чоловічих союзах). У Новий час, коли відбувалося становлення фехтування як навчальної дисципліни, засобу фізичного виховання та виду спорту, переважали професійні форми організації занять. Організаційними інституціями, в яких культивувалось фехтування як прикладна дисципліна, засіб фізичного виховання та вид спорту були: військові частини, військові та цивільні навчальні заклади, школи приватних учителів фехтування.

3. Перші офіційні програмно-нормативні документи, які визначали зміст та послідовність навчання військово-прикладному фехтуванню з'явилися на території сучасної України наприкінці XVIII ст. Ними були офіційні статuti польської, російської та австро-угорської армій, в яких подавались вимоги до володіння холодною зброєю, чітко регламентувались прийоми фехтування, обов'язкові до засвоєння.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Ключко В. І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.) / В. І. Ключко. – К.: АртЕк, 2006. – 336 с.
2. Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта / Ласло Кун, пер. с венгер.; под общ. ред. В. В. Столбова. – М.: Радуга, 1982.–399 с.
3. Оликова В. Люди и игры: у истоков современного спорта / Вера Оликова; пер. с чешск. – М.: Физкультура и спорт, 1985.
4. Блаватский В. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья / Владимир Блаватский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 162 с.
5. Хазанов А. Очерки военного дела сарматов / Анатолий Хазанов. – М., Наука, 1971.

6. Крип'якевич І. Історія українського війська / І. Крип'якевич, Б. Гнаткевич. – Л. : Видання І. Тиктора, 1936. – 568 с.
7. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие / А. Н. Кирпичников. – М. ; Л.,: Наука, 1966. – Вып. 1. – 120 с.
8. Тимчак Я. В. Військово-фізична підготовка в Україні (IX–XVIII ст.): автореф. дис. ... канд. наук з фіз. культури та спорту: [спец.] 24.00.02 „Фізична культура, фізичне виховання різних груп населення” / Тимчак Я. В.; Волин. держ. ун-т імені Лесі Українки. – Луцьк, 1998. – 16 с.
9. Тоїчкін Д. Козацька шабля XVII–XVIII ст.: історико-зброєзнавче дослідження / Д Тоїчкін; Ін-тут історії України НАН України. – К.: Стилос, 2007. – 368 с., іл.
10. Czajkowski Z. Szermierka w dawnej Polsce [Elektronowy zasób] / Zbigniew Czajkowski. - Tryb dostępu: http://www.fencer.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=9&Itemid=15&lang=pl_PL (data dostępu : 13.07.2011).
11. Тинченко Я. Офіцерський корпус армії УНР (1917–1921pp.) / Ярослав Тинченко. – К. : Темпора, 2011.
12. Кулинский А. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов. Определитель [Электронный ресурс] / А. Н. Кулинский. – Режим доступа : <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kylinskiy.pdf>
13. Zablocki W. Ciecia prawdziwa sabla / Wojciech Zablocki. – Warszawa : Sport i turystyka, 1989. – 114 s.
14. Вальвиль А. Рассуждение об искусстве владеть шпагой / Александр Вальвиль. – СПб., 1817; Ритм, 2007. – 96 с.: ил.

Korelskaya Irina,
*Northern Arctic Federal university, Russia,
PhD Professor, Institute of physical culture, sports and health*
Kuznetsov A.A,
*Northern (Arctic) Federal university, Russia,
magistr, Institute of physical culture, sports and health*

Tactics competitive activity skiers

Abstract: This article focuses on the major issues modern use of tactical training training session of skiing. The publication discusses various tactical options and their application in a variety of competitive conditions.

Keywords: variants of of tactics, sports training, skiing

Корельская Ирина,
*Северный Арктический Федеральный Университет, Россия, доцент,
кандидат педагогических наук,
институт физической культуры, спорта и здоровья*
Кузнецов Андрей,
*Северный Арктический Федеральный Университет, Россия, магистр,
институт физической культуры, спорта и здоровья*

Тактика соревновательной деятельности лыжников-гонщиков

Аннотация: Данная статья посвящена основным вопросам современного использования тактической подготовки в практике лыжного спорта. В публикации рассматриваются различные тактические варианты и их применение в разнообразных соревновательных условиях.

Ключевые слова: варианты тактики, спортивная подготовка, лыжные гонки.

Современный уровень спортивных достижений в лыжных гонках требует дальнейшего совершенствования и научного обоснования всех сторон

подготовленности лыжника-гонщика. В индивидуальных дисциплинах лыжных гонок для максимальной реализации соревновательного потенциала спортсмена важно оптимальное распределение сил по дистанции. [1,2,3] Оценкой оптимальности может служить динамика средней скорости на одинаковых отрезках соревновательной дисциплины [4,5]

Тактические и технические действия, применяемые сильнейшими гонщиками на различных соревнованиях, не перестают интересовать специалистов лыжного спорта, поэтому исследование тактической подготовленности лыжников-гонщиков считается актуальным.

Цель исследования - оценить тактическую подготовленность лыжников-гонщиков в соревновательный период.

Задачи исследования :

1. Оценить тактическую подготовку в структуре тренировочного процесса лыжников-гонщиков
2. Выявить индивидуальные показатели тактики прохождения соревновательной дистанции.
3. Определить варианты тактики прохождения соревновательной дистанции.

В связи с этим предполагается, что изучение тактических вариантов используемых сильнейшими гонщиками, позволит определить основные направления ведения тактической борьбы на соревновательных дистанциях.

Основные экспериментальные исследования проводились в 4 этапа с августа 2011 года по февраль 2012 года. 1 этап–август 2011 года (город Вельск, Архангельская область); 2 этап–январь 2012 года (г. Отепя, Эстония); 3 этап–август 2012 года (город Вельск, Архангельская область); 4 этап-январь 2013 года (г. Отепя, Эстония).

В исследовании участвовали высококвалифицированные лыжники-гонщики мужчины, в количестве 24 человек. В работе использовалась классификация динамики дистанционной скорости (Келлер В.С.1987).

Для определения места и особенностей тактической подготовки в структуре тренировочного процесса был проведен устный опрос спортсменов-лыжников высокой квалификации. Опрос проводился в ходе подготовки в течение двух спортивных сезонов, перед соревнованиями по лыжероллерам. В результате опроса получены данные отражающие возраст, квалификацию спортсменов и особенности тактической подготовки лыжников. Анализ опроса спортсменов высокой квалификаций показал о значимости тактической подготовки в спортивной тренировке и обозначил направления вариантов, которые используют лыжники при передвижений по дистанций.

Оценку индивидуальных показателей тактики проводили на 15 км

дистанции, которая проходила по кругу 3,75 км. Анализ результатов 6 сильнейших лыжников-гонщиков показывает, что спортсмены очень быстро начинают гонку на 15 км. Первый круг, а всего было 4 круга по 3,75 км, является самым быстрым из всех четырех. Можно предположить, что желание с первых метров дистанции включиться в борьбу за первенство является определяющим в сравнении с равномерностью распределения сил по дистанции, которая с физиологических позиций более оправдана. Практически нет ни одного спортсмена, который начал гонку относительно медленно и занял в итоге высокое место. Можно предположить, что быстрое начало привело к существенному кислородному долгу и, несмотря на волевые качества спортсменов, произошло снижение скорости.

Анализ скорости прохождения 4 отрезка дистанции, который являлся финишным, позволяет говорить о быстром преодолении последнего круга. Анализ времени прохождения соревнований по кругам свидетельствует не только об эффективности тактики, но и о функциональном и физическом состоянии спортсмена. Так, существенное снижение скорости у победителя может характеризовать недостаточный уровень скоростно-силовой подготовленности, не позволивший достичь изначально высокой скорости передвижения.

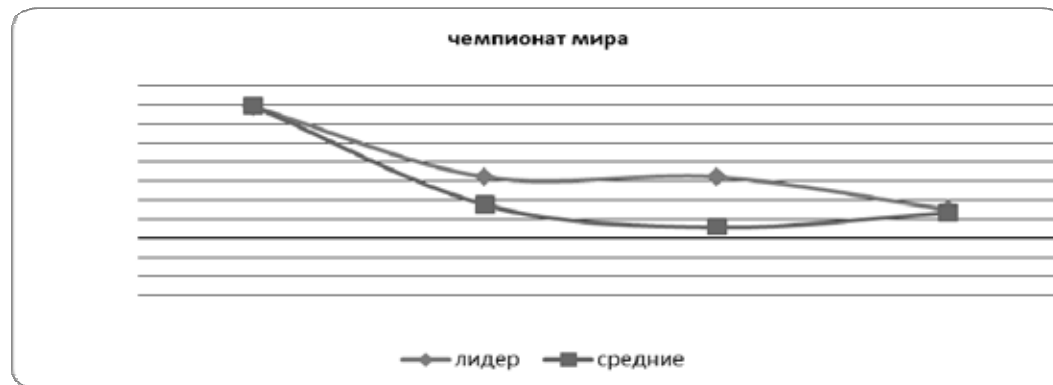
Анализируя скорость прохождения дистанции 15 км у мужчин на чемпионате мира по лыжным гонкам 2011 года, можно отметить, что у молодых сильнейших лыжников-гонщиков отмечается относительно равномерное распределение сил по дистанции с быстрым началом гонок, удержанием скорости по ходу гонок и бурным финишем, что, с тактической точки зрения будет приемлемым для менее подготовленных спортсменов.

Анализируя индивидуальные тактические действия в гонке на лыжероллерах 15 км выявил, что результаты лыжников очень плотные. Все спортсмены начинают дистанцию быстро, после чего у пятерых из шести наблюдается спад скорости. Тенденция ведет к тому, что бы показать высокий результат четыре спортсмена выбрали девятый вариант тактики: постоянная скорость в начале и в середине и повышение в конце, а два спортсмена использовали третий вариант: после стартового разгона скорость неоднократно увеличивается и снижается, лидер же гонки использовал 9 вариант тактических действий, что позволило ему выиграть гонку в конкурентной борьбе. Так же видно, что 4 спортсмен начал гонку быстрее относительно других участников он являлся лидером гонки с 1 по 7 круг после чего произошел спад скорости возможно спортсмен переоценил свои физические возможности и не довел гонку до победы, в итоге спортсмен занял 4 место (таблица 1).

Таблица 1 - Результаты скорости лыжной гонки на 15 км по кругам

№ п/п	круг 1(м/с)	круг 2(м/с)	круг 3(м/с)	круг 4(м/с)	Средняя скорость (м/с)	место
1	7,39	7,02	7,02	6,85	7,07	1
2	7,36	6,91	6,8	6,97	7,01	2
3	7,38	6,83	6,76	6,91	6,970	3
4	7,32	6,94	6,79	6,81	6,965	4
5	7,35	6,9	6,75	6,76	6,94	6
6	7,56	6,8	6,7	6,73	6,95	5
средняя дистанционная скорость $M \pm m$	$7,39 \pm 0,038$	$6,87 \pm 0,035$	$6,76 \pm 0,050$	$6,83 \pm 0,041$	$6,98 \pm 0,022$	

Оценивание скорости прохождения гонки относительно скорости лидера соревнований, было выполнено по результатам протоколов Чемпионата мира по лыжным гонкам свободным стилем на 15 км (рисунок1).

Рис. 1. Результаты скорости лыжников-гонщиков на Чемпионате мира

Исходя из данного графика можно сделать вывод, что в начале дистанции (1 круг) скорость прохождения дистанций была одинакова, на втором круге у всех спортсменов произошел спад скорости. У лидера гонки спад был менее значимым. На третьем круге у лидера гонки не наблюдается дальнейшего падения скорости в отличие от других участников. На четвертом круге у лидера наблюдается «западение» скорости, а у остальных участников скорость финишного круга увеличилась. Из этого можно сказать, что только запас скорости в начале гонки позволило лидеру одержать победу.

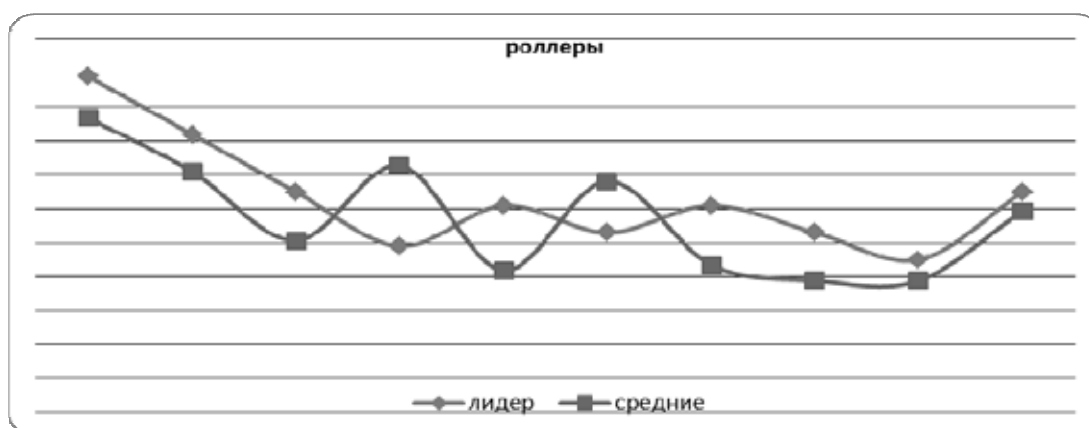

Рис. 2. Результаты распределения скорости по кругам на 15 км дистанции

Анализ результатов показывает, что в начале дистанции (1-3 круг) скорость прохождения кругов у лидера была выше, чем у остальных гонщиков на 4, 6, 8 и 9 кругах. У лидера видны явные «западения» скорости, а у остальных участников снижение скорости идет на 5, 7, 8 кругах. Увеличение скорости у лидера происходит на 5, 7 и 10 круге, у остальных лыжников скорость увеличивается на 4, 6 и 10 круге (рисунок 2).

Из этого можно сделать вывод, что тактический расклад выраженный в запасе скорости в начале гонки, а также грамотный расклад сил на всю дистанцию позволили лидеру одержать победу. Анализ времени прохождения соревнований по кругам свидетельствует не только об эффективности тактики, но и о функциональном и физическом состоянии спортсмена. Так, существенное снижение скорости у победителя может характеризовать недостаточный уровень скоростно-силовой подготовленности, не позволивший достичь изначально высокой скорости передвижения.

В результате анализа тактики прохождения дистанции на лыжах и лыжероллерах были выделены варианты тактики прохождения соревновательной дистанции.

Сравнительный анализ тактики соревновательных действий на лыжероллерах двух спортивных сезонов показывает, что тенденция ведет к тому, что все лыжники выбирают быстрое начало, после «разгона» происходит запланированный спад, далее лыжники держат свою крейсерскую скорость и в конце гонки за круг до финиша «выдают» все резервы организма.

Из перечисленных 9 вариантов динамики дистанционной скорости в нашем исследовании присутствует только 6. Из-за того, что спортсмены переоценили свои возможности и уровень соревнований не позволял начинать гонку с запасом сил, что характерно для трех вариантов с нарастанием или скачкообразны увеличением скорости к концу гонки. В процентном отношении у большей части лыжников наблюдался второй вариант. Это говорит о том, что многие переоценили свои силы и не смогли удержать взятую скорость.

Неправильное распределение сил по трассе привело к тому, что этих гонщиков нет в первой четверке. Некоторые, начиная гонку с лидерами, скатились на 6-7 места. Таким лыжникам следует уделять больше времени на тактическую подготовку, а конкретно, тренировать равномерное распределение сил по дистанции.

Наиболее выгодным вариантом распределения сил на гонке является вариант с равномерным прохождением всей трассы или большей ее части. Трое из первых четырех так проходили дистанцию. Значит тактическая схема, в которой скорость удерживается на одном постоянном уровне, является наиболее эффективной.

Варианты с уменьшением или повышением скорости на различных отрезках дистанции, в том числе и на финишном, являются эффективными при некоторых условиях. К ним относятся : умение чувствовать скорость, умение чрезмерного волевого напряжения, высокая спортивная готовность, чем у других и опыт соревновательной деятельности. Если эти компоненты отсутствуют, тактическую схему с чередованием возрастания и уменьшения по ходу гонки и финишным увеличением скорости, лучше не применять.

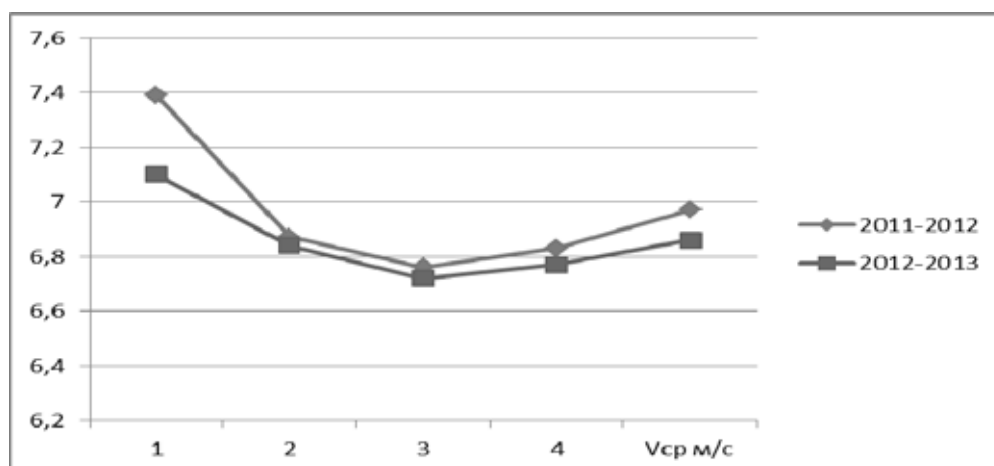

Рис. 3 Анализ соревновательной тактики лыжников высокой квалификации, лыжные гонки

Сравнительный анализ соревновательных действий в лыжных гонках двух сезонов показал, что спортсмены выбирают одинаковые тактические действия, которые обусловлены быстрым началом 1 круга а затем 2 и 3 круг проходят в средней скорости и для 4 круга характерен быстрый финишный рывок. При этом, разница скоростей между кругами незначительная, это говорит о правильно выбранных тактических вариантах.

Выводы.

1. Анализ опроса спортсменов высокой квалификаций показал о значимости теоретической и практической тактической подготовки в спортивной

тренировке и обозначил направления вариантов, которые используют лыжники при передвижении по дистанции, а именно: 1 вариант - после стартового ускорения равномерная скорость передвижения от старта до финиша; 2 вариант - постоянная скорость в начале и в середине и повышение в конце дистанции.

2. Анализируя скорость прохождения лидера дистанции 15 км у мужчин на чемпионате мира по лыжным гонкам 2011 и 2012 годов, можно отметить, что у молодых сильнейших лыжников-гонщиков отмечается относительно равномерное распределение сил по дистанции с быстрым началом гонок. Удержанием скорости по ходу гонок и активным финишем, что, с тактической точки зрения будет приемлемым для менее подготовленных спортсменов. В большинстве гонщики проигрывают в скорости, вследствие снижения скорости на втором круге дистанции.

Список литературы

1. Боген, М.М. Тактическая подготовка-основа многолетнего спортивного совершенствования /М.М. Боген // Учеб:пособие для тренеров-слушателей инст. повышения квалификации, преподавателей и студ. физкультур, учеб. заведений. — М.: Физическая культура, 2007. — 60 с.
2. Головачев А.И., Уткин В.Л. Количественная оценка тактической подготовки лыжников-гонщиков высокой квалификации //Лыжный спорт. — 1981. — Вып. 1. — С. 38-39.
3. Платонов, В.Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения / В.Н. Платонов. - М.: Советский спорт, 2005. - С. 316-326.
4. Раменская Т.И. Техническая подготовка лыжника: Учебно-практическое пособие. — М.: Физкультура и спорт, 1999. — 264 с.
5. Сыкут М.С. Лыжники о тактике гонок //Спорт за рубежом. — 1970.

Olga Khokhlova,

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Docent, Candidate of Pedagogic Sciences, Department of Physical Education,

Aleshina Natalia,

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Docent, Candidate of Pedagogic Sciences, Department of Physical Education

Factors and circumstances of the individual student in the process of teaching practical lessons for Physical Culture

Abstract: This article highlights the factors of formation of physical culture of the student in the process of teaching and practical classes in physical education. The report examines the basic conceptual position of physical education students.

Keywords: physical education, methodological and practical training, physical culture, physical culture of personality, personality-oriented approach.

Хохлова Ольга,

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, доцент, кандидат педагогических наук,
кафедра физвоспитания,*

Алешина Наталья,

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого доцент, кандидат педагогических наук,
кафедра физвоспитания*

Факторы и условия развития личности студента в процессе методико-практических занятий по физической культуре

Аннотация: Данная статья освещает факторы формирования физической культуры личности студента в процессе методико-практических занятий по физической культуре. В публикации рассматриваются основные концептуальные положения физического воспитания студентов.

Ключевые слова: физическое воспитание, методико-практические занятия, физическая культура, физическая культура личности, личностно-ориентированный подход.

Физическое воспитание ориентирует всю педагогическую систему профессионального образования на стратегически новый сегодня целевой подход – формирование физической культуры личности. Основные концептуальные положения физического воспитания определяются либерализацией процесса физического воспитания, переходом к педагогике сотрудничества, предоставляющей каждой личности возможности овладения основами физической культуры на пути свободной реализации физических способностей, гуманизацией процесса воспитания (учет индивидуальных особенностей каждого студента, развитие самостоятельности, приобщение к здоровому образу жизни, высоким эстетическим идеалам и этическим нормам поведения в обществе), непрерывностью развития физического воспитания, представляющего собой динамическое движение многовариантного педагогического процесса, построенного на использовании инновационных технологий образования (обуславливает творческий поиск и новаторство педагогов, самостоятельность и инициативность студентов); гармонизацией содержания физического воспитания, обеспечивающей единство духовного и физического развития личности.

Для того чтобы определить факторы и условия развития личности студента в процессе методико-практических занятий по физической культуре, необходимо рассмотреть некоторые научные представления о личности.

Факторы формирования физической культуры личности подразделяются на внешние (объективные) и внутренние (субъективные), основные (ведущие) и не основные (частные), прямые и косвенные, временные и постоянные, управляемые и неуправляемые, контролируемые и неконтролируемые и т. д.

Под объективными факторами воспитания физической культуры следует иметь в виду такие факторы, которые существуют независимо от воли и сознания студента. Такими факторами являются общественные отношения, материально-техническая оснащенность вуза, семья, условия жизнедеятельности студента, преподавательский состав и т. д. Объективные факторы служат своеобразным фундаментом для возникновения субъективных факторов, которые направляют, регулируют, стимулируют активность студентов и наоборот «тормозят», заглушают деятельность негативных факторов, вызывающих пассивное отношение к физкультурной деятельности.

Субъективные факторы формирования физической культуры личности рассматриваются как совокупность мотивационно-ценностных ориентаций, свойств и особенностей личности, индивидуального сознания и мировоззрения студента и т. д. К ним относятся особенности психических процессов

(ощущения, восприятие, внимание, память, мышление, воображение, речь, эмоции и чувства, воля и волевые действия и т. д.), знания, степень научности взглядов и убеждений: потребности, установки, убеждения, интересы; способности и задатки; свойства личности.

В необозримом круге свойств личности можно выделить семь больших групп, которые и определяют все видимое многообразие личностных проявлений субъективных факторов, обуславливающих формирование физической культуры личности студента в процессе методико-практических занятий по физической культуре.

Первую группу составляют природные свойства студента, которые определяют динамику психофизической деятельности. К ним относятся: скорость возникновения и устойчивость психических процессов (скорость восприятия и мышления, длительность ощущений, яркость воображения и т. д.); интенсивность психических процессов (чувств, эмоций, воли); темп и ритм психической деятельности; направленность психической деятельности (например, стремление к межличностным, социальным контактам, новым или острым впечатлениям или наоборот – отгороженность, погруженность в себя, в свои проблемы, и т. д.). В процессе физического воспитания необходимо учитывать, что все эти особенности проявляются в произвольных реакциях: в мимике, жестах, в эмоциональной окрашенности речи, разнообразных движениях и действиях [1; 2].

Вторую группу составляет наличие нравственных качеств, мировоззрение студента в форме убеждений, моральных норм и физкультурных идеалов, побуждающих его поступать определенным образом. Систематизируя и целеопределяя свое поведение, студент вносит в него свои коррективы, постепенно формируя личность, изменяя образ жизни.

Третью группу субъективных факторов, определяющих формирование физической культуры студента в процессе методико-практических по физической культуре, составляют черты личности, которые проявляются в коммуникативных межличностных отношениях (общительность, справедливость, приветливость, доброжелательность, скромность, чуткость, тактичность и т. д.). Общительность характеризует степень заинтересованности студента в коллективных видах деятельности. Она может различаться по широте: у одних широкая и поверхностная, с легко завязывающимися непрочными связями, у других – более узкая, более избирательная, более глубокая и прочная привязанность. При формировании физической культуры личности студента важно учитывать, на чем базируется общительность – только на личных склонностях и пристрастиях или на общих делах, целях и стремлениях [1; 3].

В четвертую группу свойств личности студента можно включить черты, отражающие его отношение к самому себе: требовательность, самокри-

тичность, уверенность в себе и другие черты, связанные с самосознанием, самонаблюдением, самоанализом и самооценкой.

В отношении к организаторским способностям проявляется пятая группа свойств личности студента (деловитость, ответственность, требовательность, инициативность, работоспособность, умение организовать себя).

В шестую группу свойств личности студента, определяющую успех формирования физической культуры, можно включить перцептивно-гностические качества (наблюдательность, понимание других, умение проектировать саморазвитие, творческое отношение к делу), а в седьмую – экспрессивные признаки (эмоциональная восприимчивость и отзывчивость, энтузиазм, чувство юмора, выдержка и т. д.) [2].

Организаторские, коммуникативные, перцептивно-гностические и экспрессивные качества личности относятся к психофизиологической готовности студента к физическому воспитанию. Его же полная практическая готовность к физкультурной деятельности в процессе методико-практических занятий определяется наличием для конкретного компонента уровня физической культуры личности, совокупностью всех ее составляющих свойств, компонентов и признаков их качеств.

Под прямыми факторами чаще всего понимают такие обстоятельства, которые непосредственно поддаются контролю, которые можно зарегистрировать в педагогическом процессе. Факторы, не поддающиеся прямой регистрации, влияющие на отношение к физкультурной деятельности, определяются как косвенные.

По силе своего воздействия перечисленные факторы не одинаковы: одни являются ведущими, другие оказывают менее существенное влияние. Однако каждый из них на определенном отрезке воспитания может иметь решающее значение. Поэтому недооценка, а тем более игнорирование их может отрицательно сказаться на процессе формирования физкультурной активности студента. Более того, какой бы силой воздействия ни обладал тот или иной фактор, его роль остается незначительной, если его влияние будет носить не взаимосвязанный, а изолированный характер. Вот почему столь важно использовать всю систему различных факторов с учетом их целенаправленности и согласованности для достижения положительного результата.

На основании объединения однородных признаков можно условно выделить шесть факторов, влияющих на формирование физической культуры личности в процессе методико-практических занятий: 1) социально-психологический; 2) организационно-методический; 3) психолого-педагогический; 4) личностно-духовный; 5) материально-бытовой; 6) социально-демографический [2].

В совокупности факторов, повышающих активность студентов в процессе методико-практических занятий по физической культуре на основе личностно-ориентированного подхода, определенная роль принадлежит физкультурно-

спортивным традициям, с помощью которых успешно решаются задачи по формированию у будущих специалистов активной социальной и профессиональной позиции, приобщению их к физкультурно-спортивной деятельности и формированию положительного отношения к ней, привитию любви к своей профессии, вузу.

Важным фактором успешного воспитания физической культуры личности студентов в процессе методико-практических занятий является то, как преподаватель понимает задачи воспитания. Хотя характерной особенностью процесса формирования физической культуры студента является влияние воспитателя на развитие воспитанника, наблюдается и обратное взаимодействие. Если преподаватель физической культуры не понимает или не разделяет того мнения, что воспитание представляет собой процесс взаимодействия между студентом и преподавателем и трактует воспитание как односторонний, линейный процесс, в ходе которого источником любых видов активности является он сам, причем реакция студента будет для него безразлична, то такая позиция тоже определенным образом повлияет на осуществление поставленной цели. Между тем, бесспорно влияние учащихся на преподавателя физической культуры.

Существенным фактором воспитания физической культуры студенческой молодежи является и манера, в которой преподаватель общается с учащимися, его речевое поведение. Значение языка как педагогического инструмента, управляющего процессом преподавания, нельзя недооценивать. При существовании намеченной цели следует постоянно учитывать необходимость соблюдения надлежащего тона в общении со студентами, использование надлежащих речевых средств.

Осуществлению целей преподавателя физической культуры будут способствовать его гибкость, способность улавливать изменение ситуации, пользоваться многообразием форм физического воспитания, умение быть организатором и импровизатором. Вопрос осуществления целей зависит в известной степени от того, как преподаватель относится и к реакциям студентов на его действия, как он воспринимает и интерпретирует их. Все действия преподавателя физической культуры должны быть направлены на то, чтобы стимулировать инициативу студента, побуждать его к активной деятельности, помогающей становлению личности. Ситуация будет складываться особенно благоприятно, если преподаватель является личностью в подлинном смысле этого слова, постоянно работающей над собой.

Важную роль в формировании физической культуры личности играет организационно-методический фактор. Он включает в себя все стороны и многообразие воздействий на студента. В этом факторе отражается совокупность принципов построения методов и форм организации учебной и внеучебной деятельности студентов. Структуру организационно-методического фактора составляют: определение места (функций, связей) и роли предметного

содержания физической культуры как подсистемы образовательного процесса будущего специалиста; нахождение набора компонентов содержания (исходя из поставленной цели образования); определение оптимальных вариантов учебной деятельности студентов (обоснование их с позиций психолого-педагогических и физиологических закономерностей физического воспитания и педагогических технологий); выбор наиболее действенных и интересных форм физкультурно-оздоровительной, спортивно-массовой и образовательной деятельности; подготовка инструментальной составляющей педагогической технологии; определение диагностических и функциональных действий; подготовка кадров.

Слагаемыми учебного процесса являются цели и задачи, формы и методы, влияющие на процесс передачи и усвоения знаний, умений и навыков, четко организованная работа преподавателей по использованию прогрессивных методов обучения. Совершенствование системы контроля и коррекции, оценки уровня физической культуры студентов, учет их социально-демографических характеристик, индивидуальных особенностей и интересов позволяют совершенствовать учебную деятельность, сделать ее наиболее управляемой и эффективной.

Агитационно-пропагандистская работа в вузе (стендовая печать, лекции, беседы и т. д.) также являются немаловажным фактором успешного формирования физической культуры личности студента.

Психолого-педагогический фактор охватывает содержание, качество и уровень проведения профессионально направленных методико-практических занятий по физической культуре. В структуре этого фактора выделяются профессиональная направленность, учет индивидуально-психологических и физических особенностей студентов, адекватная возможностям студентов физическая нагрузка, решение оздоровительных, образовательно-воспитательных задач, учет желаний и интересов студентов, разнообразие, новизна, эмоциональность занятий, а так же личность преподавателя (его общекультурный уровень, эрудиция, научная и методическая подготовка, ответственность, трудолюбие, убежденность, разумная требовательность, педагогическое мастерство и т. д.)

Структуру личностно-духовного фактора, являющегося основным в формировании активности студентов в процессе методико-практических занятий составляют: выбор специальности и удовлетворенность преподавателем физической культуры; осведомленность студентов о предстоящих воспитательных задачах, осознанность ценностей физической культуры и отношение студента к физической культуре; наличие знаний, умений и навыков; состояние здоровья; единство общественных и личных интересов и др.

Сформировать у студентов осознанную потребность в физкультурной деятельности – важная задача воспитания как учебного, так и внеучебного

процесса. Переключение процесса воспитания физической культуры в процесс самовоспитания, самообразования является основным фактором, смысловым и итоговым результатом воспитания физической культуры студентов в процессе методико-практических занятий по физической культуре на основе личностно-ориентированного подхода. Существенным является подход к их подготовке как к единому процессу воспитания и обучения, в ходе которого происходит разностороннее развитие и самоутверждение личности. Связь социальных, профессиональных, личностных и познавательных мотивов усиливает сознательное отношение студентов к учению, ускоряет формирование их личности. При этом в развитии личности студента в процессе методико-практических занятий большое место занимает его работа над собой. Расширяя свои знания, вырабатывая и приобретая все новые навыки, умения, студент может внутренне существенно изменяться, развивать свои способности, духовные потребности. Воспитание и обучение не дают ожидаемых результатов, если они не активизируют стремление студента к самовоспитанию и самообразованию. В сущности, студент учится постольку, поскольку учит себя сам и постольку преподаватели сумели организовать его самостоятельную работу. Самосознание студентов достаточно развито при оценке своих знаний, способностей, потребностей, интересов, своего нравственного облика, оценки своей личности.

Перечисленные объективные и субъективные факторы формирования физической культуры личности в процессе методико-практических занятий взаимосвязаны, взаимообусловлены и образуют целостную структуру. На их основе необходима разработка комплекса психолого-педагогических решений, практических действий, алгоритма педагогических технологий, обеспечивающих эффективность формирования физической культуры личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игропуло В. С. Основы образовательных технологий. Ставрополь, 1996.– С. 226
2. Соловьев Г. М. Формирование физической культуры личности студента в ракурсе современных образовательных технологий. Ставрополь, 1999.– С. 67–73
3. Лубышева Л. И. Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути его освоения обществом и личностью. Теория и практика физкультуры, 1997.– № 6.– С. 10–15

Kurilova Valentina,

*Gluhiv national pedagogical university
of the name of O. Dovzenko, professor, candidate of biological
sciences, the faculty of pedagogics and psychology*

Redko Sergey,

*Gluhiv national pedagogical university
of the name of O. Dovzenko, assistant, the faculty
of pedagogics and psychology*

Pedestrian tourism as means of all-round development of student young people

Annotation: Influence of physical activities is studied in pedestrian tourist hikes on all-round development of student young people. Positive influence of pedestrian tourism is set on many physiological indexes, indexes of physical preparedness, moral breeding.

Keywords: pedestrian tourism, moral breeding, physiological indexes, physical preparedness.

Курилова Валентина,

*Глухівський національний педагогічний університет
імені О. Довженка, професор, кандидат біологічних наук,
Факультет педагогіки та психології*

Редько Сергій,

*Глухівський національний педагогічний університет
імені О. Довженка, помічник, факультет педагогіки та психології*

Пешеходный туризм как средство всестороннего развития студенческой молодежи

Аннотация. Изучено влияние физических нагрузок в пеших туристских походах на всестороннее развитие студенческой молодежи. Установлено положительное влияние пешего туризма на многие физиологические показатели, показатели физической подготовленности, нравственной воспитанности.

Ключевые слова: пеший туризм, нравственная воспитанность, физиологические показатели, физическая подготовленность.

Проблема значимости двигательной активности для развития и формирования молодежи актуальности не утратила, так как общеизвестно, что дефицит двигательной активности в жизни молодых людей негативно сказывается на функционировании их организма, в то время, как любой вид динамической активности дает положительный эффект (1; 2). Поэтому неспроста сегодня студенческая молодежь проявляет повышенный интерес к путешествиям и, в частности, к самостоятельному туризму, как одному из видов двигательной активности. Практика инструкторов и тренеров туризма, преподавателей высших учебных заведений, сторонников активного отдыха, представив убедительные данные об оздоровительном влиянии активного туризма (3; 4; 5; 6; 7; 8), о повышении нравственной воспитанности подрастающего поколения и студенческой молодежи средствами туризма (9; 10), а также о возможностях туризма для развития способностей человека (11) еще раз подтверждает целесообразность нашей исследовательской работы по изучению влияния доступных видов активного туризма на всестороннее развитие студенческой молодежи.

В связи с этим целью наших исследований было изучение влияния активного туризма на всестороннее развитие студенческой молодежи. Наша многолетняя исследовательская работа в этом направлении дала возможность изучить динамику показателей физической подготовленности, динамику физиологических показателей, нравственных качеств не только студенческой молодежи, но и подрастающего поколения (младший, средний и старший школьный возраст). под влиянием активного туризма.

Нами разработаны режимы физических нагрузок в пеших туристских походах со школьниками и студенческой молодежью. Изучено и специфика влияния различных видов туризма (пешеходного, лыжного, велосипедного) на организм подрастающего поколения и студенческой молодежи.

В представленном сообщении мы приводим только результаты исследований о влиянии пеших туристских походов на всестороннее развитие студенческой молодежи.

Организация исследований. Под наблюдение было взято всех студентов ВУЗа, занимающихся активным туризмом. Для данного сообщения использованы результаты исследований, касающиеся только пешего туризма.

Студентов, занимающихся пешим туризмом ежегодно обследовали за неделю до начала и спустя неделю после завершения туристского пешеходного «сезона», что давало возможность судить о влиянии этого вида активного туризма на организм студенческой молодежи. Кроме этого проводили обследования до и после каждого похода, что давало возможность судить о влиянии физических нагрузок одноразового пешего похода. Точно так же

проводили обследования в каждом виде туризма (лыжном и велосипедном).

Группа студентов, занимающихся пешим туризмом в количестве 69 человек (37 девушек и 32 юноши), составила экспериментальную группу. Контролем служили сокурсники различных факультетов в количестве 96 человек (64 девушки и 31 юноша), которые не занимались ни туризмом, ни каким-либо видом спорта.

У студентов обеих групп снимали следующие показатели: глубину дыхания, жизненную емкость легких, мощность вдоха и выдоха, максимальную вентиляцию легких, силовые показатели: силу сгибателей и разгибателей мышц туловища, бедра, голени и стопы, силу правой кисти, дислокационную амплитуду колебания тонуса (ДАКТ) четырехглавой мышцы бедра и правой двуглавой мышцы. Тестировали также показатели нравственной воспитанности. Полученные данные обработаны по Стьюденту

Студенты обеих групп находились под наблюдением до окончания учебы в ВУЗе.

Анализ результатов многолетних исследований показал, что воздействие физических нагрузок в условиях пеших туристских походов способствовало улучшению многих показателей, а именно: показатель частоты дыхания девушек, занимающихся пешим туризмом, к концу исследовательской работы снизился по отношению к исходной величине на 18,6 %, у ровесниц контрольной группы – на 11,4%. У юношей снижение изученного показателя составило соответственно 21,9% и 11,6%. К концу исследовательской работы частота дыхания девушек экспериментальной группы превышала таковую девушек контрольной группы на 7,2%, юношей – на 10,3%.

Глубина дыхания девушек экспериментальной группы к концу исследовательской работы статистически достоверно отличалась от таковой девушек контрольной группы на 12,6%, юношей – на 26,3 %. Максимальная вентиляция легких девушек, занимающихся пешим туризмом, к концу исследований была выше таковой девушек контрольной группы на 21,8%, юношей – на 32,3%

Заслуживает внимания динамика показателя мощности выдоха, тренировка которого рассматривается медиками как профилактика астматических явлений для здоровых людей и как средство оздоровления больных. Если учесть, что в медицине при лечении бронхитов с астматическим компонентом и астмы используют приборы для выдыхания через трубку в воду, рекомендуют тот же выдох в воду во время плавания в водоеме или бассейне для усиления бронхиальной проходимости, о чём говорит повышение уровня мощности выдоха больных, то занятия самостоятельным пешим туризмом под присмотром специалистов представляет немалый интерес для тех, чья дыхательная система нуждается в помощи.

Как показали результаты наших исследований в пеших походах турист оказывается в условиях, способствующих развитию мощности выдоха

(фиксирующие грудную клетку лямки рюкзака затрудняют выдох, что вынуждает туриста активизировать его). А если учесть, что турист в пешем походе ежедневно имеет в общей сложности 5-6 ходовых часов, то возможность тренировки показателя мощности выдоха вне всякого сомнения. В наших исследованиях у студентов экспериментальной группы к концу их учебы в университете имело место значительное повышение показателя мощности выдоха по сравнению с ровесниками контрольной группы – у юношей на 18,3%, у девушек на 11,9 %. А вот увеличение мощности вдоха менее выражено. Так, у студенток экспериментальной группы мощность вдоха за время их обучения в университете увеличилась на 6,3%. У студенток контрольной группы увеличение показателя мощности вдоха составило 4,2%. Оказалось, что пешие туристские походы активнее развивают мощность выдоха, нежели мощность вдоха. Должное внимание уделено изучению влияния пешего туризма на силовые показатели студенчества потому, что, исходя из получаемых ранее результатов исследований, стало ясно, что именно в пеших походах имеют место наиболее значительные физические нагрузки, что и способствует более заметному улучшению силовых качеств занимающихся.

Анализ динамики силовых показателей студентов экспериментальной и контрольной групп показал, что в начале первого года занятий туризмом они не имели статистически достоверных различий. А некоторые показатели студентов контрольной группы даже превышали таковые ровесников экспериментальной группы (сила мышц-разгибателей спины, мышц-разгибателей бедра и голени у девушек а также мышц-разгибателей у юношей). Но уже через год было отмечено заметное улучшение изученных показателей у студентов экспериментальной группы по сравнению с ровесниками контрольной группы. В дальнейшем наблюдалось усиление позитивной динамики силовых показателей и на конец педагогического эксперимента (время окончания учебы в ВУЗе) показатели экспериментальной группы выгодно отличались от таковых ровесников и ровесниц контрольной группы. Так, если в конце наших исследований сила мышц-сгибателей туловища девушек экспериментальной группы увеличилась на 14,2 кг, то у ровесниц контрольной группы она увеличилась на 6,8 кг; сила мышц-разгибателей туловища у девушек экспериментальной группы увеличилась на 10,8 кг, в то время, как у ровесниц контрольной группы она увеличилась на 7,6 кг.

Обращает на себя внимание тот факт, что в пеших туристских походах активнее увеличиваются показатели силы мышц-сгибателей туловища, чем мышц-разгибателей. Очевидно, это можно объяснить тем, что мышцы-сгибатели туловища в пеших походах получают более выраженные физические нагрузки (силовое противодействие весу рюкзака за спиной), чем мышцы-разгибатели. А если учесть, что во время пеших туристских походов ходовой день его участников составляет 6-7 часов, то времени для тренировки мышц-сгибателей туловища туристу вполне достаточно.

Сила мышц-сгибателей кисти на конец исследовательской работы увеличилась на 7,6 кг у девушек экспериментальной группы и на 4,9 кг у ровесниц контрольной группы.

Сила мышц-сгибателей бедра у девушек экспериментальной группы увеличилась на 10,1 кг, у девушек контрольной группы – на 6,8 кг; мышц-разгибателей бедра – соответственно на 12,9 кг и на 6,5 кг. Следует отметить, что показатели силы мышц-разгибателей бедра девушек экспериментальной группы, за время наблюдений, увеличивались существенно по сравнению с мышцами-сгибателями, что можно объяснить более выраженными нагрузками на мышцы разгибатели во время передвижения по пересеченной местности с рюкзаками на плечах. Подтверждением этой мысли могут служить аналогичные данные, полученные в лыжных походах, где прирост изученного показателя существенно ниже.

Сила мышц-сгибателей стопы к концу исследовательской работы у девочек экспериментальной группы увеличилась на 8,7 кг, в то время, как у ровесниц контрольной группы она увеличилась на 5,1 кг. Сила мышц-сгибателей голени увеличилась соответственно на 6,9 кг и на 4,7 кг; мышц-разгибателей – соответственно на 2,6 кг и на 0,6 кг. Сила мышц-разгибателей стопы увеличилась соответственно на 8,8 кг и на 5,3 кг. Аналогичная, но более выраженная динамика изученных показателей имела место и у юношей. Так, если сила мышц-сгибателей туловища юношей экспериментальной группы к завершению наблюдений увеличилась на 22,8 кг, то у ровесников контрольной группы она увеличилась на 7,6 кг. Увеличение показателей силы мышц-разгибателей составило соответственно 18,1 кг и 13,8 кг. У юношей наблюдается такая же как и девушек, но более выраженная тенденция увеличения силы мышц - сгибателей туловища, нежели мышц-разгибателей, что можно объяснить той же причиной, что и в случае с девушками.

Сила мышц-сгибателей кисти юношей экспериментальной группы увеличилась на 9,2 кг против 7,2 кг у ровесников контрольной группы. Сила мышц-сгибателей бедра увеличилась соответственно на 9, 4 кг и на 7, 3 кг. Увеличение силы мышц - разгибателей составило соответственно 22,7 кг и 7,2 кг. Как и у девушек, у юношей имела место та же тенденция более выраженного увеличения силы мышц-разгибателей бедра по сравнению с мышцами-сгибателями.

Таким образом, анализ результатов многолетних исследований показал, что физические нагрузки в пеших туристских походах (длительностью в 100 км за 10 дней с двумя дневками) создают благоприятные условия для развития силы различных групп мышц у участников, что дает основания для использования пеших туристских походов как одного из средств развития физических качеств студенческой молодежи.

Представляло интерес изучение влияния физических нагрузок в пеших туристских походах на дислокационную амплитуду колебания тонуса (ДАКТ)

некоторых мышц конечностей студенческой молодежи (четырёхглавой мышцы бедра и двуглавой мышцы плеча). Как показал анализ результатов исследования в этом направлении, к концу обучения в университете упомянутые показатели статистически достоверно отличались от полученных до начала участия студентов в пеших туристских походах. Так, показатель ДАКТ правой двуглавой мышцы юношей к концу их обучения в университете был уже статистически достоверно большим такового ровесников контрольной группы на 15,9%. У девушек ДАКТ двуглавой мышцы увеличилась на 6,8%.

Динамика ДАКТ четырёхглавой мышцы сохраняет ту же тенденцию. Этот показатель у студентов экспериментальной группы к концу обучения в университете был лучше по сравнению с ровесниками контрольной группы – у юношей на 21,7 %, у девушек – на 9,9%.

Анализ наших результатов исследований дают возможность подтвердить результаты исследований других авторов о положительном влиянии пешего туризма на некоторые показатели физической подготовленности студенческой молодежи. Студенты экспериментальной группы улучшили свои показатели физической подготовленности более существенно по сравнению с таковыми ровесников контрольной группы. Так, показатель дальности броска набивного мяча девушек к концу учебы в университете был больше по сравнению с исходной величиной на 17,8%, в то время как увеличение упомянутого показателя ровесниц контрольной группы составил 8,6%. Улучшение изученного показателя у юношей составило соответственно 26,4% и 12,3%.

Представляло интерес изучение влияния занятий пешим туризмом на нравственную воспитанность будущих учителей.

Объединяя усилия педагогического ВУЗа с воспитанием, туризм предусматривает гармоничное единение умственного, физического и морального воспитания. Выделение моральной воспитанности в специальный объект изучения продиктовано глубокой взаимосвязью социальных, психологических и педагогических закономерностей развития личности. С педагогической точки зрения необходимость выделения моральной воспитанности обусловлена тем, что научная организация воспитательного процесса требует постоянной обратной связи. Выявление моральной воспитанности студенческой молодежи в реальном процессе туристской работы в педвузе требует решения целого ряда задач: выделение конкретных показателей нравственного развития студенческой молодежи, поиск путей наиболее объективной оценки нравственного мира личности, получения информации о личности и результаты нравственного формирования на определенном этапе развития личности, анализ эффективности проводимой, в частности, туристско-краеведческой работы.

Нравственная воспитанность студенческой молодежи в наших исследованиях оценивалась по определенному кругу качеств личности: отношение к природе, к труду, к общественной собственности, коллективизм,

социальная активность, дружба и товарищество.

Анализ динамики показателей нравственной воспитанности, осуществляемые по методике Марьенко И.С. (12), под влиянием занятий пешим туризмом подтверждает данные литературы о его позитивном влиянии (3 - 8). Результаты наших исследований показали, что у студентов экспериментальной группы произошло статистически достоверное улучшение отношения к труду на 9,8% против 3,2% у ровесников контрольной группы; отношения к природе соответственно на 21,3% и 9,8%; отношения к общественной собственности - соответственно на 20,8% и 11,8%. У студентов экспериментальной группы повысилась общественная активность на 8,2% против 4,9 % у студентов контрольной группы; окрепло чувство коллективизма на 17,8% у студентов экспериментальной группы против 9,8% у студентов контрольной группы а так же чувство дружбы и товарищества на 21,3% у студентов экспериментальной группы против 9,8% у студентов контрольной группы.

Таким образом, многолетние исследования по изучению влияния пешего туризма на всестороннее развитие студенческой молодежи продемонстрировали его эффективность. У студентов, занимавшихся пешим туризмом, наблюдалось более активное по сравнению со студентами контрольной группы улучшение изученных показателей, что дает возможность высшим учебным заведениям интенсивнее внедрять активный туризм в жизнь студенческих коллективов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апанасенко Г.Л. Туризм как вид активного отдыха: некоторые нерешенные проблемы. Медико-физиологические и организационные аспекты разработки программ активного отдыха / Г.Л. Апанасенко. Материалы 4-й Всесоюзной конференции. М., 1982, с.31-34.
2. Смирнов В.Н., Дубровский В.И. Физиология физического воспитания и спорта. / В.Н. Смирнов, В.И. Дубровский. Учебник для студентов средних и высших учебных заведений. – М.: Владос-пресс, 2002, 608 с.
3. Булатов В.Г. – Оздоровительные факторы самодеятельного туризма. Актуальные проблемы самодеятельного туризма / В.Г. Булатов. Всесоюзная научно-практическая конференция. Тез. докл. М., 1981, с.46-48.
4. Булашев А.Я. Спортивно-оздоровительный туризм / А.Я. Булашев, В.И. Нечаев, А.С. Ровний. Харьков, 2003. - 192 с.
5. Дехтяр В.Д. Основы спортивно-оздоровочного туризма: Навчальний посібник для закладів освіти / В.Д. Дехтяр. - К.: Науковий світ, 2003. - 203 с.
6. Марченко Г.Л. Оздоровительная эффективность различных вариантов туристского маршрута. / Г.Л. Марченко, В.В. Кожевников, А.Д. Попов. Материалы Всесоюзной конференции. М., 1990, с. 114-115.

7. Ткаченко Ю. Від туризму до здоров'я. / Ю. Ткаченко // Здоров'я та фізична культура - 2006. - №26. - С.5-7.
8. Никитин Л.Ф. Туризм и здоровье. / Л.Ф. Никитин, Коструб А.А. К.: «Здоров'я», 1991, 220 с.
9. Пасечный П.С. Самодеятельный туризм – важное средство физического и нравственного воспитания населения. / П.С. Пасечный. Тез. Докл. М.: 1988, с. 3-8.
10. Курілова В.И. Формування основ здорового способу життя у студентської молоді засобами туристично-краєзнавчої роботи. / В.И. Курілова, І.В. Казачковська, О.Я. Комаров, Г.М. Шилкін. Збірник наукових праць БДПУ ч.1. 2003.- 197с.
11. Никишин В.Н. Роль туризма в развитии человеческих способностей. / Никишин В.Н., А.А. Берг. Актуальные проблемы самодеятельного туризма: Сборник Всесоюзной научно-практической конференции. Тез. докл.М.1990, с.82-92.
12. Марьенко И.С. Критерии моральной воспитанности и основы методики выявления уровней ее развития / И.С. Марьенко. Тарту, 1983.- 80 с.

Sosina Valentina,

Lviv State University of Physical Culture,

An Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences,

Choreography Department,

Ruda Iryna,

Lviv State University of Physical Culture, Candidate of Physical

Education and Sport, Gymnastics Department

The problem of the rational development of flexibility in rhythmic gymnastics and ways of its solution

Abstract: In rhythmic gymnastics it is impossible to achieve high sport results without the corresponding level of flexibility development. As a result of the use of the elaborated program of rational development of active and passive flexibility, the gradual growth of mobility amplitude in joints to the possibly admissible limits was achieved, which allowed simultaneously achieving high sport results and helping the maximum preservation of the women gymnasts' health.

Key words: rhythmic, gymnastics, active, passive, flexibility, program, trauma, locomotor, apparatus.

Сосіна Валентина,

Львівський державний університет фізичної культури,

Доцент, кандидат педагогічних наук, кафедра хореографії,

Руда Ірина,

Львівський державний університет фізичної культури,

Кандидат наук з фізичного виховання і спорту, кафедра гімнастики

Проблема раціонального розвитку гнучкості у художній гімнастиці та шляхи її розв'язання

Анотація. У художній гімнастиці неможливо досягнути високих спортивних результатів без відповідного рівня розвитку гнучкості. В результаті використання розробленої програми раціонального розвитку активної та пасивної гнучкості було досягнуто поступове збільшення амплітуди рухливості у суглобах до можливо допустимих меж, що дозволило одночасно досягати високих спортивних результатів і сприяти максимальному збереженню здоров'я гімнасток.

Ключові слова: художня, гімнастика, активна, пасивна, гнучкість, програма, травми, опорно-руховий, апарат.

Постановка проблеми. Одним із важливих факторів, які зумовлюють якісне виконання вправ у спорті, без сумніву, є гнучкість, або здатність до виконання рухів з великою амплітудою. На думку ряду авторів, адекватний рівень гнучкості сприяє оптимізації процесу засвоєння вправ та реалізації якісного виконання рухів [1, 4]. Недостатня рухливість у суглобах обмежує рівень прояву сили, швидкісних і координаційних здібностей, погіршує внутрішню м'язову і міжм'язову координацію, призводить до зниження економічності роботи і часто є причиною пошкодження м'язів та зв'язок [4, 5, 6]. Раціональним вважається такий рівень розвитку гнучкості, при якому досяжна для спортсмена амплітуда рухів у різноманітних суглобах перевищує (резерв гнучкості) необхідну для ефективного виконання змагальних вправ. [1, 4, 5].

Високий рівень гнучкості – необхідний чинник для занять такими видами спорту, як художня і спортивна гімнастика, акробатика, фігурне катання, стрибки у воду, де дуже важливий сумарний розвиток рухливості у всіх суглобах. У цих видах спорту раціональний рівень гнучкості забезпечує більш якісне та ефективне виконання змагальної композиції, впливає на систему підрахунку кінцевого результату. У художній гімнастиці гнучкість необхідна не лише як біомеханічна особливість раціональної техніки змагальних вправ, але й як естетичний компонент виконавчої майстерності.

Сучасні вимоги змагань з художньої гімнастики змушують переглянути всю систему підготовки юних спортсменок. Вони стимулюють розвиток складності, передбачають виконання складних і травмонебезпечних елементів та їх поєднань з високим проявом рухливості у всіх суглобах.

Аналіз останніх досліджень по темі дослідження.

В. М. Платонов [5] вважає, що надмірна гнучкість може призвести до негативних наслідків – дестабілізувати суглоби і підвищити ризик травмування. За даними Л. В. Лебедевої (2003), максимальна амплітуда рухів у кульшових суглобах найсильніших гімнасток світу може досягати 275 град. В окремих дослідженнях [2, 3, 6] показано, що 33,4% спортсменок високої кваліфікації пов'язують передчасне завершення своєї спортивної кар'єри з появою ультра складних елементів і вимог до максимального прояву гнучкості. Виконання значних, а особливо одноманітних тренувальних навантажень, у яких реалізація рухових завдань неможлива без досягнення граничної амплітуди рухів у суглобах, призводить до хронічних захворювань і порушень ОРА, таких як деформації, «переломи внаслідок втоми», остеопороз, остеохондроз, міжхребцеві грижі [1, 2, 3, 4]. У ряді випадків порушення постави, викривлення хребта, а пізніше сколіоз виникають у процесі багаторічних занять певними

видами спорту, коли навчально-тренувальні заняття проводяться без урахування анатомо-фізіологічних особливостей організму, що росте. Особливо це стосується видів спорту з асиметричним навантаженням на ОРА [4, 6], до яких належить і художня гімнастика. Як справедливо зауважив Ф. Л. Доленко [4], травматизму можна уникнути шляхом раціональної побудови тренувального процесу. Автор пише: «Оптимальний ефект підвищення надійності можуть забезпечити лише спеціалізовано підібрані комплекси вузькоспеціалізованих вправ для конкретних груп м'язів та суглобів» [4, с. 118].

У зв'язку з цим надзвичайно важливим є розробка нових підходів до проблеми раціонального розвитку гнучкості, які би дозволили спортсменкам досягати високого рівня майстерності в обраному виді спорту й одночасно уникати травм і порушень опорно-рухового апарату.

Мета дослідження. Розробка програми раціонального розвитку гнучкості на етапі попередньої базової підготовки в художній гімнастиці.

Методи та організація досліджень. У дослідженні були використані такі методи дослідження: теоретичний аналіз і узагальнення, педагогічні спостереження, метод експертних оцінок, методики отримання емпіричних даних, педагогічний експеримент, методи математичної статистики. Дослідження проводились у період з 2009 по 2014 р. Всього у дослідженні взяло участь 234 спортсменки у віці від 9 до 23 років і 50 тренерів з художньої гімнастики.

Результати досліджень. У процесі досліджень виявлена тенденція до асиметричного виконання елементів з переважним проявом гнучкості, що призводить до збільшення одностороннього навантаження на опорно-руховий апарат (ОРА) гімнасток і може бути однією з причин виникнення травм і порушень. У процесі педагогічних спостережень було зафіксовано, що більшість гімнасток виконують нахили назад із поворотом (скручуванням) у бік невідоміючої ноги, під час якого можна зафіксувати перекося плечового пояса і таза (юні гімнастки у 40,3% елементів, кваліфіковані - у 55,0% елементів). Це свідчить про спрощений, полегшений варіант виконання, який є причиною не тільки помилки в техніці, але й може призвести до травм і порушень ОРА. Унаслідок цього м'язи однієї кінцівки або половини тіла виявляються більш розтягнутими або сильнішими від симетричної половини тіла. Намагаючись швидко оволодіти складними елементами, у яких необхідно перш за все проявити великий діапазон рухливості у суглобах, тренери практично не використовують методику симетричного навчання базових елементів, епізодично включають у тренування стрибки, повороти, нахили і рівноваги на «відстаючу» кінцівку, не приділяють достатньої уваги ліквідації дисбалансу у розвитку активної та пасивної рухливості симетричних половин тіла. Результати експертної оцінки виконання 10 профілюючих елементів у юних і кваліфікованих

гімнасток свідчать про суттєву різницю у якості їх виконання у «зручну» і «незручну» сторону ($p < 0,05 - 0,001$), що закріплюється протягом багаторічного тренування і може призвести до дисбалансу у розвитку окремих фізичних якостей, стати однією з причин порушень і травм ОРА.

У гімнасток різного віку і спортивної кваліфікації зареєстрована рухова функціональна асиметрія у розвитку активної та пасивної рухливості правої і лівої половин тіла при загальному високому рівні гнучкості. З віком і зростанням спортивної кваліфікації достовірно збільшуються діапазони активної і пасивної рухливості у кульшових суглобах ($p < 0,05 - < 0,001$) при незначному збільшенні окремих показників рухової функціональної асиметрії.

У юних гімнасток показники дефіциту активної рухливості (ДАР) у кульшових суглобах під час виконання усіх видів рухів достовірно вищі, ніж у кваліфікованих гімнасток ($p \leq 0,05 - < 0,001$). У процесі спеціального тренування величини ДАР достовірно зменшуються, що можна пояснити збільшенням показників активної рухливості у кульшових суглобах, розвитком силових якостей і віковими особливостями розвитку фізичних якостей у кваліфікованих спортсменок. Діапазони сумарної пасивної рухливості у кульшових суглобах під час виконання шпагатів правою у юних гімнасток у середньому становили $205,8 \pm 10,6$ град., лівою – $187,0 \pm 7,9$ град., коефіцієнт асиметрії (КА) – $9,0 \pm 2,7\%$; у кваліфікованих гімнасток – відповідно $218,0 \pm 8,1$ град., $196,3 \pm 7,6$ град., КА – $9,9 \pm 3,1\%$.

Показники зовнішньої сили, під дією якої досягаються граничні значення пасивної рухливості у кульшових суглобах гімнасток різної кваліфікації, свідчать про асиметричний прояв не тільки діапазонів рухливості, але й різницю у показниках сили, що прикладається для їх досягнення. Показники, які характеризують рівень розвитку активної і пасивної рухливості хребетного стовпа, знаходяться на дуже високому рівні, у той час як силова витривалість і динамічна сила м'язів тулуба – на низькому рівні. З віком ДАР у хребті під час розгинання достовірно збільшується ($p < 0,001$), що пов'язано зі значним збільшенням показників пасивної рухливості у хребті кваліфікованих гімнасток. Слабкість м'язів черевного преса і бокових м'язів тулуба при надмірній рухливості хребетного стовпа, ймовірно, може стати однією з причин виникнення порушень постави у представниць художньої гімнастики.

Анкетування тренерів з художньої гімнастики показало, що серед фахівців немає єдиного підходу до методики розвитку гнучкості. Виявлено, що на розвиток пасивної гнучкості виділяють удвічі більше часу, ніж активної, а вправи на розвиток рухливості у суглобах невідомої сторони або кінцівки виконують з більшими помилками.

Отримані дані підтверджують необхідність наукового підходу до розробки програми раціонального розвитку активної та пасивної гнучкості, яка має забезпечувати поступове збільшення амплітуди рухливості у суглобах до можливо допустимих меж, що дозволить одночасно досягати високих

спортивних результатів і сприяти максимальному збереженню здоров'я гімнасток.

Завдання програми:

1. Максимально можливе усунення факторів ризику, що призводять до травм і порушень ОРА в художній гімнастиці.
2. Зниження рухової функціональної асиметрії (КА) між показниками активної і пасивної рухливості у кульшових суглобах правої і лівої кінцівок.
3. Зменшення дисбалансу у показниках сили і гнучкості та КА їх прояву у показниках правої і лівої половин тіла.
4. Підвищення рівня активної рухливості у кульшових суглобах та зменшення її дефіциту (ДАР).
5. Зменшення больових відчуттів під час розтягування.
6. Профілактика і корекція порушень постави.
7. Розвантаження хребта та інших відділів ОРА.

Розв'язання поставлених завдань програми відбувалося на етапі попередньої базової підготовки. Відомо, що саме цей віковий період визнаний як чутливий для розвитку гнучкості, особливо активної, силових якостей та міжм'язової координації [5].

Програма ОРГ на етапі попередньої базової підготовки передбачала максимальне усунення факторів ризику, які можуть бути причиною травм і порушень ОРА, і опосередковано пов'язані з недостатнім, надмірним або нерівномірним розвитком активної і пасивної рухливості у суглобах, а також сили відповідних м'язових груп. У ході реалізації програми вирішували завдання, що зумовлені загальними та індивідуальними показниками розвитку активної і пасивної рухливості у кульшових суглобах та хребті, сили відповідних м'язових груп, станом постави та її відхиленнями, наявністю та локалізацією травм і порушень ОРА у юних гімнасток.

В авторській програмі ОРГ були використані традиційні методики, інноваційні технології та окремі методичні положення розвитку гнучкості, прийняті у системі класичного танцю і стародавніх системах, які дозволяють досягти високого рівня активної та пасивної рухливості у суглобах, наближені за характером і структурою до вправ художньої гімнастики та визнані ефективними і найменш травматичними. Особливу увагу приділяли реабілітаційно-профілактичним заходам, спрямованим на відновлення ОРА.

Програму ОРГ для профілактики травм і порушень ОРА гімнасток застосовували у підготовчій і заключній частинах навчально-тренувальних занять у п'яти блоках: «Розминка», «Хореографія», «Розтяжка», «СФП», «Корекція і релаксація». У кожному блоці використовували специфічні методи і прийоми розвитку гнучкості (динамічне і статичне розтягування, сумісний метод розвитку сили і гнучкості, ізометричні напруження попередньо розтягнутих

м'язів, розслаблення м'язів у граничній точці амплітуди та ін.). До блоку «Корекція і релаксація» були включені індивідуальні комплекси коригувальної гімнастики, вправи за методом Дж. Пілатеса, гімнастики йогів для профілактики і корекції порушень ОРА, усунення больових синдромів у хребті, зниження асиметрії і дисбалансу, розслаблення і розвантаження ОРА. У результаті використання розробленої програми у юних гімнасток відбулися такі позитивні зміни: зменшилися коефіцієнти асиметрії за показниками активної (15,8±53,5%) і пасивної рухливості (12,8±48,6%) у кульшових суглобах ($p<0,05$ – $0,001$); дефіцит активної рухливості у кульшових суглобах (18,9±41,6%) ($p<0,05$); активної і пасивної рухливості хребетного стовпа під час виконання латеральних нахилів ($p<0,01$); зросли показники активної і пасивної рухливості у кульшових суглобах до верхніх границь оптимальних діапазонів; збільшилися діапазони сумарної пасивної рухливості у кульшових суглобах під час виконання шпагатів правою (на 4,2%), лівою (на 5,4%) ($p<0,001$) і зменшилися (на 18,2%) відповідні коефіцієнти асиметрії ($p<0,05$); знизилися прояви асиметрії показників зовнішньої сили, під дією якої досягаються граничні значення пасивної рухливості у кульшових суглобах (на 21,7±34,5%) ($p<0,05$); збільшилися показники сили м'язів стегна та зменшилися (на 40,5±51,4%) відповідні коефіцієнти асиметрії ($p<0,01$); збільшилися показники активної і пасивної рухливості хребта (на 3,8±10,4%) та одночасно підвищилися показники динамічної сили (на 1,6±18,3%) і силової витривалості (на 2,5±61,3%) м'язів тулуба; покращилися показники плечового індексу – з $88,6\pm2,9$ до $89,7\pm2,4\%$ ($p\leq0,001$); зменшилися величини поперекового лордозу (на 6,3%) ($p<0,001$) та асиметрії лопаток (на 20,0%) ($p\leq0,001$); покращилися показники стану постави (на 5,9%) ($p<0,01$), а також результати виконання профілюючих елементів різних структурних груп: у «зручну» сторону – на 23,8%, у «незручну» сторону – на 81,8% ($p<0,001$).

Висновки. Використання авторської програми раціонального розвитку гнучкості з комплексним використанням традиційних методик, інноваційних технологій і реабілітаційно-профілактичних заходів у навчально-тренувальному процесі на етапі попередньої базової підготовки дозволило не тільки поліпшити показники рухливості в основних суглобах, але й уникнути факторів ризику, які ймовірно можуть призводити до травм і порушень ОРА гімнасток.

ЛІТЕРАТУРА

1. Алтер М. Дж. Наука о гибкости / Майкл Дж. Алтер. – К. : Олимпийская литература, 2001. – 423 с.
2. Бакулина Е. Д. Взаимосвязь изменения правил соревнований и исполнения элементов в композициях художественной гимнастики : автореф. дис...канд. пед. наук : 13.00.04 / Бакулина Елена Дмитриевна – М., 2006. – 22 с.

3. Венгерова Н. Н. Профилактика патологий позвоночника гимнасток-художниц на этапе углубленной подготовки / Н. Н. Венгерова, И. О. Соловьева // Ученые записки. – 2009. – № 7(53). – С. 23–28.
4. Доленко Ф.Л. Спорт и суставы / Феликс Леонтьевич Доленко. – М. : Физкультура и спорт, 2005. – 288 с.
5. Платонов В. Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте / Владимир Николаевич Платонов. – К. : Олимпийская литература, 1997. – 583 с.
6. Травмы в художественной гимнастике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http: // www.sportmedicine.ru/books_eng.php](http://www.sportmedicine.ru/books_eng.php)

French Journal of Scientific and Educational Research

No.2. (12), July-December, 2014

VOLUME II

